

**ВАЛЕРИЯ
НОВОДВОРСКАЯ**

ИЗБРАННОЕ

ТОМ I

Вопрой Африканской войны и
горюча (N1)

Мы призываем президента России отказаться
на Сулеймане и начать путь разрешения
конфликта с Чечней с помощью посредничества
на которых он выступил, издав свой указ,
Президентский указ. Кавказский президент должен
когда сообразоваться в вопросе с вице-президентом
Румыи, кавказская авиация которого полонит
Кавказе она была началом конца его политической
карьерой? Введение российских
войск в Чечню приведет к началу к
концу всех конфликтов и начало конца
русско-чеченского конфликта. Чеченская война
станет Кавказской войной. Россия никогда
не вернет все свои позиции на Кавказе и
окажется в ситуации в войну с Турцией и
Ираном. Если президент России намерен
далее не поговори генералов, а
поговори генералов чеченский народ, то
здесь он не свисает себе и успеха, и

каждого президента, а кавказцев, мы будем
поддерживать всех порекомендуют людей в России.
Этот указ - решение вопроса посредничества
Бех, как в октябре 1993 года одобрил
Брай Кремер, а в августе 1991 -
Брай Доли. Президент России должен
пока не сесть, но и все демократические
силы страны, которые не могут
кавказской войны и войны не решать с
вами договариваться.

Мы считаем необходимым изменить
призываем независимости Чечни
и начало переговоров с президентом Сулейманом.
Вопрой Африканской приведет к умиротворению
демократии и в Москве.

УКС ДС

**ВАЛЕРИЯ
НОВОДВОРСКАЯ**

Выражаем особую признательность

ВАДИМУ БОГДАНОВУ

за существенный вклад в издание книги

**ВАЛЕРИЯ
НОВОДВОРСКАЯ**

ИЗБРАННОЕ

ТОМ I

**ЗАХАРОВ
МОСКВА**

УДК 82-821
ББК 83.3(2)
Н74

*Автор фото на обложке
Рудольф Павлович Новиков*

*Издательство благодарит за помощь
в подготовке и издании «Избранного»:
Николая Злотника, Константина Борового,
отца Якова Кротова, Асю Клещеву и Planeta.ru*

Новодворская В.И.

Н74 Избранное : в 3 т. / Валерия Новодворская — М. : «Захаров», 2015.

ISBN 978-5-8159-1348-6 (общий)

Т. I : Прощание славянки ; Стихи ; Письма к другу ; Материалы 1984—1995. — 960 с. : илл.

ISBN 978-5-8159-1349-3

Публицистическое и литературное наследие Валерии Ильиничны Новодворской не просто уместить в трех томах. Она писала всю жизнь — от руки — обо всем: Пушкине, Чехове, российской истории и французской политике, о моде, театре, музыке — невозможно всего перечислить. Она не проходила мимо ни одного мало-мальски значительного события. Написанное ею исчисляется тысячами страниц; это из того, что сохранилось.

Принцип расположения материалов в этом издании — хронологический. Значительная часть текстов, причем не только стихи и письма, ранее не публиковалась.

При отборе материалов для нас было важно сохранить основные сюжетные линии выступлений В.И.Новодворской: антикоммунизм, либерализм в политике и экономике, реформы, борьба за права, Свобода, антифашизм, западничество, критика военщины, независимость бывших республик (Литва, Латвия, Эстония, Грузия) и несвобода оставшихся (Беларусь); Чечня, а в последние годы — Украина; оценка правления Горбачева, Ельцина, Путина. Перемена во взглядах.

Три тома — это не много для всего, что она написала. На каждый год в среднем — 50 страниц. Это, конечно, верхушка айсберга. Но больше, чем ничего.

© Новодворская Н.Ф., наследник, 2015

© Благотворительный фонд Егора Гайдара, правообладатель, 2015

© «Захаров», 2015

Илья Мильштейн

УСТАМИ ЛЕРЫ НОВОДВОРСКОЙ

Вместо предисловия

Давние воспоминания, из прошлого тысячелетия, ранних перестроечных лет. Валерия Новодворская призывает к отмене 6-й статьи Конституции. Валерия Новодворская выступает против Ленина. Валерия Новодворская требует вывода советских войск из Афганистана и освобождения политзаключенных. Валерию Новодворскую опять повязали на митинге, в котором участвовала она и еще несколько человек, городских сумасшедших.

Это важно, это потом врежется в память на всю жизнь. Про шестую статью, про бессмертного дедушку Лукича и про безумные речи. Еще запомнится интонация — гневная и завистливая одновременно, с какой о ней будет говорить кто-то из прорабов перестройки. Да как она смеет! Партия реформирует страну, возвращаясь, понимаете ли, к ленинским нормам, КПСС нет альтернативы, и только провокаторы и экстремисты в эти исторические дни могут сорвать власть и интеллигенцию! Товарищ рассержен, но за громами и молниями угадывается шепот: да как она не боится?.. Вот ему, например, страшно, а ведь он мужчина и прораб.

Потом, чуть позже, это станет банальностью. Отмена 6-й статьи, вывод войск из Афгана, развенчание Ленина, КПСС антинародной покажем орган детородный. Потом, очень скоро, тогда время вообще летело со скоростью дальнобойного снаряда, и прорабы захмелеют от собственной смелости, и статью уберут, и армию выведут, и недолге всех распустят, включая политические лагеря и нерушимый Союз. А Лера, с которой мы познакомились, если не путаю, еще до путча и быстро перешли на ты, встретит август 91-го в камере Лефортовской тюрьмы. Куда

попадет за оскорбление Горбачева и станет последней политзечкой, которую освободит советская власть. «Ну какой из Михал Сергеича фашист?» — скажу я ей укоризненно, и она разразится получасовым монологом, блистательным и невыносимым одновременно.

Тогда это тоже запомнилось, сразу. Слушать Леру десять минут — счастье. Полчаса — пытка. На втором часу наступает катарсис, и ты глядишь на этого человека с восхищением и смертельной усталостью. И понимаешь, что перед тобой ребенок, гениальный, мудрый и утомительный, что гениям, особенно детям, вообще свойственно. И надо не спорить, а внимать, потому что ребенок еще и пророчествует, и то, что сегодня взрослые считают глупостью и вообще наглостью, завтра станет общим местом.

Разумеется, не всё, так ведь и пророкам свойственно ошибаться, особенно в делах политических, а дети совсем не разбираются в политике. Пройдет время, и Лера изменит к лучшему мнение о Горбачеве и сильно разочаруется в Ельцине, и тут проявится коренная ее черта: благородство. Она сочувствовала свергнутому, униженному, оскорбленному, и при всей своей «капиталистической» вере с элементами нетерпимости и радикализма очень жалела, к примеру, Альенде. Да и как не пожалеть?

Мир Новодворской был черно-белым, но ошибались те, кто обзывал ее «большевичкой». Большевизм — это фанатизм, соединенный с жестокостью, а она была доброй. Помню, как Новодворская называла тогдашнего президента Грузии «палачом», но потом познакомилась с ним и подружилась, и когда Звиад Гамсахурдиа был убит и проклят, его окончательно полюбила и ставила в пример другим политикам. Однажды я напомнил ей о прежних оценках, и она, кажется, сама удивилась. «Но вечно жалок мне изгнанник» — это про Леру.

Впрочем, благородство как определяющая черта характера еще в людях встречается — человечество не полностью оскотинилось, даже в Москве. Благородство, помноженное на бесстрашие, — вот редкость. Эта физическая невозможность смолчать, которая заставляет ее, 19-летнюю девочку, разбрасывать листовки в Кремлевском дворце съездов, ломая себе жизнь и обрекая на пыточный режим в психушках. А после освобождения заниматься распространением

самиздата, организовывать подпольную партию, подпольный профсоюз... и снова выйти с плакатом на демонстрацию, едва повеет перестройкой и гласностью. «Можешь выйти на площадь, смеешь выйти на площадь...» — эти строки Александра Галича украшали членский билет Демократического Союза — небывалой партии, в которой она состояла с первого до последнего дня. В гордом одиночестве.

А эпиграфом к ее жизни могла бы стать другая строка Галича, другая его песня: «Всё не вовремя». Ну в самом деле, что изменят в стране листовки, пущенные с балкона КДС в безысходном 1969 году, кого переубедят? Зачем дразнить гусей, то есть родную партию, задолго, месяца за четыре до исторического Съезда народных депутатов? Только вот странность: яростные, раздражающие, возмутительные, нелепые с виду речи и призывы Валерии Новодворской по прошествии времени вписывались в Конституцию России и другие долгие дела. Выяснилось, что в задавленном нашем социуме, в обществе, пораженном паранойей и прочими иррациональными страхами, только дети и говорят правду, которая потом сбывается. Очень немолодые, в юности поседевшие дети — смутьяны, безумцы, юродивые. А если приглядеться и вслушаться, то окажется, что дети эти умны и на мир смотрят до того трезво, что ежечасно впадают в отчаянье.

Тексты Валерии Новодворской, опубликованные в последние годы, дышат безнадежностью. По отношению к стране, в которой она жила и не собиралась эмигрировать, ибо строка в уставе ДС предписывала: не уезжать ни при каких обстоятельствах. По отношению к миру, который по-настоящему так и не вступился за Украину, подвергшуюся российской агрессии. По отношению к себе и к своей судьбе, ибо кодекс личной чести диктовал ей отчаянье как способ восприятия жизни в России, и всё, что ныне творится у нас, служило лишь горестным подтверждением этого постулата.

Космополит по убеждению, Лера всю свою жизнь боролась со злом, а не с Россией, и кто ж виноват в том, что в рамки ее жизни уместились и брежневский «совок», и путинская РФ? И танки в Праге, и Афган, и Чечня, и Крымнаш, и Донецкий аэропорт, и «Боинг».

Она уж точно в этом не повинна. Хотя лично, всегда отвечая за себя, готова была и вину принять, и искупление — как в одной из последних своих статей. Детская вера в справедливость, соединенная с насмешливой ясностью взрослого безверия, и бесконечная боль, и все-таки вера — такой образ Валерии Новодворской запечатлен в ее текстах, в ее жизни и внезапном уходе. Леры больше нет и никогда не будет, но слова, ею сказанные, уже составлены в книгу, и эта книга перед вами. Большая, веселая, горестная, в трех томах — она ведь многое успела сказать за свою жизнь. Опережая время, возмущая и вразумляя, устремляясь в бессмертие.

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

*Автор шаржа
Александра Николаенко*

КОГДА ПОГРЕБАЮТ ЭПОХУ

Мы стоим у могилы очередной, десятой по счету, российской вестернизации, или модернизации, или перестройки, или оттепели. Круг замкнулся. Страна снова бросает в воздух чепчики и «сушки», в милитаристском угаре обнимает танки и целуется с системой «Град». Сбылось пророчество: «...в чистом поле система "Град". За нами Путин и Сталинград». Чистое поле на этот раз представлено горными Абхазией и Южной Осетией. Кстати, тоже частью Грузии по имени "Самачабло". Гремят заступы о мерзлую землю; модернизацию хоронят в закрытом гробу, как жертву дедовщины. С неба сеется мягкий тоталитарный снежок. Страна топает за Топтыгиными. А я, по словам Галича («Кадиш»), «прощаюсь с памятью моей». Мороз, который никогда не станет добряком и шутником Санта-Клаусом, исполняет свое некрасовское ариозо:

Нет глубже, нет слаще покоя,
Какой насылает нам лес,
Недвижно, бестрепетно стою
Под холодом зимних небес.
Нигде так глубоко и вольно
Не дышит усталая грудь,
И ежели жить нам довольно,
То слаще нигде не уснуть!

Но прежде чем уснуть, как Дарья, в этом дремучем российском лесу под жгучими ласками Мороза, я хочу вспомнить всё. «Надежд погибших и страстей несокрушимый Мавзолей». Былое, думы, несбывшееся. Эта книга — прощание славянки. Я же славянка на 7/8. 1/8 — польской крови, 6/8 — русской. А для взгляда со стороны есть еврейская восьмушка. Я прощаюсь здесь с надеждой на то, что Россия догонит Европу, что она избрет Свободу, что она станет цивилизованной западной страной. Солнце отправилось вспять и заходит на Востоке. Сопят медведи.

Поражение не всегда является позором. Нас было слишком мало. Но мы — славяне, хотя и западники. Русские западники не сдаются. Враги просто не стали брать нашу Брестскую крепость, потому что можно взять стены, ворота, башни, но не человека. А наша крепость стоит на скандинавской традиции, на наших предках — варягах, которых не продавали в рабство, потому что они не сдавались никогда.

Враги (чекисты, совки, нацисты, коммунисты) пошли дальше и захватили всю страну. А наша несдавшаяся крепость осталась у них в тылу. И пусть в ней найдут эту рукопись.

ДЕЛО СО СМЕЩЕННЫМ ЦЕНТРОМ ТЯЖЕСТИ

Мраморное здание Дворца правосудия выглядит парадно, светски, по-европейски и совсем не кажется страшным. Есть даже гардероб, есть бесшумные лифты с зеркалами, есть чистые аккуратные туалеты с умывальниками. Всюду паркет. Судьи в шикарных черных мантиях смотрятся очень нарядно. Что-то похожее на французский кинематограф, на какой-нибудь фильм с Анни Жирардо в такой же мантии, в таком же Дворце. Внизу — буфет с холодной фантой, с шоколадом, с выпечкой и соками. Тут же прелестное кафе, где явно со скидкой подают вкуснейшие котлеты по-киевски и прочие лакомства. Не удалось только выяснить, кто доплачивает за обеды — то ли Ковалев из Минюста, то ли Скуратов из Генпрокуратуры. Все мирно вкушают юридические яства: адвокаты и прокуроры, свидетели и эксперты, подсудимые и судьи. Прямо Царствие небесное, где лев возляжет рядом с ягненком и не тронет его. А сколько вокруг наших трехцветных флагов, действующих, как хорошая доза валокордина! Один полощется на крыше, другой стоит у мраморной лестницы на первом этаже, рядом с московским, еще один — в зале, недалеко от судейского стола. По коридорам никого не водят под конвоем, конвоя нет вообще. Как же здесь судят тех, кого привозят из тюрьмы? В подвале? На двух верхних этажах, куда не идут лифты? (Прямо-таки «Сокрытие века» из романа Азимова, куда не пускают непосвященных.) Фасад. Чистый, мраморный, парадный. А где же здесь комната из замка Синей Бороды, где валяются отрубленные головы любопытных диссидентствующих жен? Ведь в мраморном палаццо работают те же монстры советской юстиции, что судили Анатолия Марченко, Алексея Смирнова, Юрия Орлова (судьи Даниэля и Синявского, надо думать, там же, где и Хват, следователь и палач Вавилова, — на заслуженной пенсии).

Совсем недавно (правда, в кособокой конюшне прежнего Мосгорсуда) они послали в тюрьму Вила Мирзаянова.

Они-то те же, но декорум соблюден. Нормам «Приглашения на казнь» Набокова следуют четко. Судья Татьяна Кузьминична Губанова безукоризненно вежлива и даже галантна. Она усиленно изображает из себя Фемиду. Однако неукоснительно отвергает все ходатайства защиты. Это милое, многоопытное и белокурое существо только что, не повышая голоса, обращаясь на «вы», лишила меня права поехать за границу для лечения. Хотя всё лето, до 26 сентября, до начала процесса, я была ей совершенно не нужна. Впрочем, и Вил Мирзаянов был суду не нужен, когда дело отправили на доследование. Однако его оставили не то что в Москве — в тюрьме. Я не могу удержаться и вместо черной мантии вижу на судье Губановой черный эсэсовский мундир. Я не вижу ее участвующей в селекции (непредусмотрительно, рискованно, ведь умные немцы понимали, что Гитлер проиграет, и наверняка пытались не запачкаться, как Анна-Лиза Франк, героиня «Пассажирки» Зофьи Посмыш). Но я почему-то представляю ее себе с конечным продуктом деятельности ее более фанатичных коллег — с абажуром из человеческой кожи. Она вышивает его бисером, чтобы он был попригляднее и украсил семейный очаг. Это в ее стиле: дело по ст.74 за оскорбление собственного народа в лице таких его достойных представителей, как Иоанн Грозный, Иван Калита, Сталин, Ленин и красно-коричневый электорат Зюганова и Жириновского (вместо задника на исторической сцене), всему этому бреду агонизирующего имперского сознания она придала пристойные юридические очертания и положила строгую черно-белую логику испанской инквизиции на сюрреалистический пейзаж явления сталинизма народу в 1996 году.

Ельцин заболел; пошатнулась основа основ; может быть, российская демократия существует только в пределах его грез... И стоило ему на минутку отвлечься, отвернуться, лечь на операцию — и упала радужная майя, лучистый мирраж, и полезли сзади, сбоку, снизу, из-под пола какие-то мерзостные хари, чьи-то когти и клыки.

Интересно, куда же этот суд денет меня после вынесения приговора? В старом здании были черные лестницы, черный ход со двора, забор, чтобы не видно было арестантских машин «Хлеб» с боксами, комнаты для конвоя. По коридорам ходили солдаты ВВ... Здесь ничего этого нет. Наверное,

из мраморной стены протянется рука, бледная когтистая рука упыря, ухватит меня за горло, втянет к себе. И стена захлопнется. Так это произошло когда-то, в 1937-м, с Евгенией Гинзбург. Так это случилось с командармом Котовым из фильма Никиты Михалкова «Утомленные солнцем». Так было с персонажами «Архипа» Солженицына. Неожиданно, из-за кустов, без предупреждения. Рывок в затерянный мир с птеродактилями. А для других по-прежнему будут НТВ, иномарки, кока-кола и котлеты по-киевски. До поры до времени.

Это дело не о двух статьях 1993—1994 года. Оно блуждало во мне, калеча душу, разрывая нервы, останавливая сердце, с 1969 года, как пуля со смещенным центром тяжести. Это дело странствовало с остановками на ст.70 в 1969-м, ст.70 в 1986-м, ст.70 в 1988-м, ст.190, ч.2 в 1990-м, Закон о защите чести и достоинства Президента СССР в 1991 году, опять на ст.70 в 1991 году, в мае. Потом оно отлеживалось где-то глубоко — то ли в печенках, то ли в селезенках, а с лета 1995 года опять стало блуждать: ст.74, ч.1! ст.70, ч.1! ст.71! ст.80, ч.2! Террор! Пропаганда войны! Уклонение от воинской службы (sic!!!). Разжигание межнациональной розни между старыми и новыми русскими! У пули нет чувства юмора. Пуля — дура. И сейчас очередная остановка, рвущая память, уверенность в завтрашнем дне, отнимающая остатки сил: год 1996, октябрь, ст.74, ч.1. Эту пулю нельзя удалить, разве что голову отрезать. Только тогда я не смогу писать, мыслить и говорить, только тогда остановятся они и остановится она. Тем более важно понять, где входное отверстие.

Когда я оказалась впервые на линии огня чекистского спецназа? Когда меня впервые загнали за флажки, когда я впервые поняла, что на таких лесных, серых, свободных, как я, вечно будет идти охота? Когда я впервые испытала потустороннее чувство смертника и дикую ненависть к охотникам?

Волк не может, не должен иначе!
Вот кончается время мое:
Тот, которому я предназначен,
Улыбнулся — и поднял ружье!

Высоцкий всю жизнь уходил от этой Дикой Охоты: в наркотики, в водку, в гениальные образы на сцене и в кино, в великие стихи, в небытие... Мне уйти некуда. Надо вспомнить всё и понять. Пока не кончился фильм, и в зале не зажегся свет. Я же не видела сценария и не знаю, на сколько он рассчитан. Может быть, это последние кадры. У неореалистов всё кончается именно так. Без хеппи-энда, без катарсиса, без морали. Без конца.

А начиналось всё это так...

ВОЙНА

Я, ЮНЫЙ АНТИСОВЕТЧИК СОВЕТСКОГО СОЮЗА...

Только сейчас, десятилетия спустя, я поняла, что я из одного теста с Павкой Корчагиным, как от него ни отрекайся. Все-таки КПСС, вопреки своим собственным интересам, удалось воспитать из меня настоящего коммуниста, хоть и с антикоммунистическим уклоном. Теперь до меня доходит, что конфликт между мной и эпохой заключался отнюдь не в том, что я была человеком Запада, а всё остальное принадлежало советской действительности и тяготело к большевизму, а как раз в том, что я была законченной большевичкой, а так называемая застойная действительность — сытая, вялая, более частная, чем общественная, — тяготела к Западу гораздо больше, чем я.

Ведь что такое Запад? Это приватность, спокойное, растительное существование, осложняемое личной борьбой за совершенствование в своем деле. На Западе необязательно каждый день идти на бой за жизнь и свободу. Там можно просто жить, а не бороться. Если спросить у американца, во имя чего он живет, он посмотрит на вас как на бежавшего из ближайшего сумасшедшего дома. Зато большевик с ответом не затруднится. Он скажет, что живет, зажатый железной клятвой, во имя победы мировой революции.

Моя трагедия заключалась в том, что я родилась слишком поздно, когда СССР проиграл Западу в своей холодной войне, и не в силу отставания по количеству мяса, яиц,

и здесь я большевиков понимаю и с ними солидаризируюсь. Попытка пойти против течения в 20-е, 30-е, 40-е годы не привела бы меня к личной трагедии. ВЧК или НКВД действовали оперативно и радикально. Причем обе стороны были бы довольны: НКВД уничтожил бы одного подлинного врага народа среди мириад мнимых, а я бы обрела судьбу из моей любимой (до сих пор!) песни: «Ты только прикажи, и я не струшу, товарищ Время, товарищ Время!» Уже одна только любимая песня меня выдает с головой. Павке Корчагину она бы пришлась по вкусу... И вкусы-то у нас одинаковые!

То ли сработали гены прадедушки — старого эсдека, основателя смоленской подпольной типографии, уморившего своим беспутным поведением отца-дворянина, помещика и тайного советника, и женившегося в тобольском остроге на крестьянке, получившей образование и ставшей революционеркой; то ли сказались хромосомы дедушки — старого большевика, комиссара в коннице Буденного; а может быть, сыграл свою роль и пращур из XVI века, Михаил Новодворский, псковский воевода при Иоанне Грозном, убитый на дуэли князем Курбским за попытку встать на дороге, не дать уйти в Литву (однако не донес по инстанциям!)... Словом, мои мирные родители взирали на меня, как на гадкого утенка. Однако мой большевизм был абсолютно неидеологизированного характера. Белые мне нравились не меньше красных. Главное — и те и другие имели великую идею и служили России.

Революционеры Павкиного склада сами делали свой выбор. За них не решал никто. Поэтому мое представление о свободе ими не оскорблялось, так же как и героями войны — и Гражданской, и Отечественной. Я очень рано поняла, что самопожертвование и сакральная идея — стержень бытия. Конечно, в другую эпоху я непременно сбегала бы либо в Испанию, либо в Трансвааль, а на худой конец юнгой в кругосветное плавание. И если я задыхалась от ненависти с десяти лет, читая в «Юности» разглагольствования о целине, то только потому, что идея героического долга там профанировалась до нудного землепашества и слишком отдавала коллективом. Может ли большевик быть таким степным волком, индивидуалом-одиночкой? Считается, что нет, что большевик — существо стадное.

Но мой пример опровергает эту аксиому. Мой индивидуалистический большевизм привел меня еще в детстве к полному одиночеству и асоциальному поведению. Мне еще предстояло узнать, что рожденный свободным рождается и чужим. Но я, наверное, производила на взрослых престранное впечатление. (Дети со мной просто не общались.) Говорила на равных, делала только то, что хотела. Наверное, только уровень знаний спасал меня от исключения из школы. Я ни разу не мыла класс, я не дежурила, я не проходила школьную практику, не ездила на сельхозработы, не занималась производственным обучением (в аттестате у меня прочерк). Я не играла на переменках, не научилась танцевать, занималась по университетским учебникам. Списывать, правда, давала, но с видом крайнего презрения. Ни один Онегин или Печорин не был таким лишним человеком, каким росла я. Меня ненавидели пламенно и страстно, но мне это даже нравилось. Мое царство было не от мира сего. Окружающие решительно отказывались меня понимать. Они думали о зарплате, о новой мебели, о коврах, в крайнем случае о науке. Я же никак не могла найти случай совершить подвиг.

Я еще не знала, что советская жизнь — единственная жизнь, в которой нет места подвигам. Моим любимым чтением была фантастика, усиленная романами о революции. Степняк-Кравчинский и Гюго с его «Отверженными» и «93-м годом» были настольными авторами. Я очень рано стала примериваться, где бы поставить свою баррикаду. Надо мной летали Буревестники, а «Песню о Соколе» я выучила наизусть еще до школы, читая с пяти лет. Теперь-то я понимаю, что мы с Александром Грином любили одни и те же книги. Фенимор Купер, Гюстав Эмар, Майн Рид, Вальтер Скотт... Всё это странным образом перемешивалось с Ибсеном, Байроном и биографиями Плутарха. Так же, видимо, воспитывались юные Володя Ульянов и Коля Бухарин слевой Троцким, но в шестидесятые годы это был очевидный нестандарт. Лет до двенадцати я мечтала стать пиратом (вскормлена на «Одиссее капитана Блада»), а потом, «встретившись» с Рихардом Зорге, — разведчиком. (Конечно, советским, а не агентом ЦРУ.) 1956 год для меня в детстве мало что значил, никаких диссидентов в моем окружении не было. Зато ранний Фидель Кастро,

казармы Монкада и Сьерра-Маэстра были для меня при- манкой. Вы скажете, что такой характер не мог быть ни добрым, ни милосердным? Не скажите! «Жестокость» Павла Нилина, наверное, была списана с натуры, и такие Веньки Малышевы в 20-е годы в глухих уездах, подальше от чрезвычайек, водиться могли. Неудивительно, что меня в четырнадцать лет понесло в комсомол, в котором я не нашла никакой революционной романтики, но который, в отличие от Троцкого, я всерьез намеревалась переделать изнутри то ли в роту королевских мушкетеров, то ли в бригаду неуловимых мстителей. В пятнадцать лет я обивала пороги райкомов и военкоматов, требуя послать меня во Вьетнам (мне был глубоко безразличен вьетнамский социализм, но вьетнамцы, с моей точки зрения, были слабее, — а «Дон Кихота» к 1965 году я уже прочла и усвоила). Наверное, явись перед секретарями и военкомаами Летучий голландец, они были бы меньше удивлены. Они явно не знали, как меня сплавить с рук. Готовясь к карьере разведчика, я плавала, ходила в турпоходы, занималась греблей, альпинизмом, стрельбой, фехтованием, прыгала с парашютом. Спортсмена из меня, правда, не вышло. Скверное зрение и скверное здоровье вполне подходили для тихони-отличницы, но не для будущего супермена. Спортивных данных у меня не было никаких, и если у меня что-то получилось (в плавании и альпинизме), то на одной спортивной злости.

Пять томов мушкетерской эпопеи Дюма были зачитаны до дыр, а французскую экранизацию я смотрела двадцать пять (25!) раз. К тому же на экраны где-то в 1965 году вышел американский фильм «Спартак». Его я смотрела пятнадцать раз. Уже в 15 лет у меня не было сомнений: надо или сражаться с гвардейцами кардинала, или поднять восстание рабов. Естественно, когда я в 17 лет узнала, что у власти в моей собственной стране как раз гвардейцы кардинала, а вокруг одни сплошные рабы, я не стала проливать слезы, а сочла это подарком судьбы. Собственно, я получила тимуровское воспитание (не размениваясь на помощь старушкам). Я не жалею о нем и не отрекаюсь от него. Мне и сейчас дедушка Гайдар ближе и понятнее внука. Если люди делятся на мужей совета и мужей войны, то я, бесспорно, принадлежу к последним.

Не следует думать, что к 1967 году я плохо знала Чехова, Достоевского, Гаршина, Тургенева. Я их отлично знала, но не считала своими. Это было «чуждое мне мировоззрение». Рефлексии во мне было не больше, чем в д'Артаньяне или Робин Гуде. И сейчас, когда я пишу эти строки, эти фольклорные личности для меня важнее и роднее братьев Карамазовых, князя Мышкина и Лаевского с Ивановым. Ну и Бог с ним! Спасибо большевикам за мое гражданское воспитание. В сущности, они восстановили в России культ добродетелей Рима: Отечество, Честь, Долг, Слава, Мужество. Со щитом или на щите — и никаких сантиментов. Человек и гражданин — это синонимы. Хорошо бы это осталось нам на память об СССР, но ведь даже в 1965 году такие идеи были уже антиквариатом. А печально знаменитый Павлик Морозов ничем не хуже консула Брута, казнившего своих сыновей за попытку реставрации царской власти. А Тарас Бульба, а Маттео Фальконе из новеллы Мериме? Казни мне претили (со времен капитана Блада я усвоила, что убивать можно только в бою, а безоружного нельзя и пальцем тронуть, и мои милые мушкетеры только укрепили меня в этом убеждении. Странно, но идею Добра я постигала через воинский кодекс чести). А гражданину место было или на форуме, или в легионе. Мне это подходило. Люди такого типа только и могли бы разрушить СССР и дать России новый идеал, и если не произошло ни то ни другое, то только потому, что таких людей было мало.

Я знаю, что это давно не модно, но что «Россия, Лета, Лорелея» — сначала, а приватное — потом, навсегда останется моим твердым убеждением. Клин выбивают клином. Фашистов изгнали в основном коммунисты, которые были не лучше. Я всегда предпочту самого последнего коммунистического фанатика самому милейшему интересанту-обывателю. Ибо можно переубедить и сделать антисоветчиками и Павку Корчагина, и тимуровцев, и молодогвардейцев, но я не берусь ничего доказать брокеру с приличным доходом в свободно конвертируемой «капусте», ибо в его системе координат нет ни «жизни за царя», ни жизни за республику, а есть просто жизнь — нейтральная и неприсоединившаяся, как девица с панели.

«НЕЛЬЗЯ В РОССИИ НИКОГО БУДИТЬ»

До 17 лет о политических и социальных вопросах я знала не больше Маугли. Не в силу своей слепоты и неразвитости, а просто потому, что вокруг были джунгли. Советская приватность была джунглями, где ничего не знали и не хотели знать о мировых вопросах, диссидентах, «вражеских голосах», репрессиях в стране. В 20-е и 30-е годы дул слишком сильный ветер, чтобы можно было куда-то уползти, от чего-то уклониться, а после... эпоха застоя мне лично показалась накрытой одеялом, где было темно, мягко, тепло — словом, весьма приятно и весьма приватно. Я чувствовала, что здесь что-то не так, ведь в моих любимых книгах не было одеяла, а был мир, «открытый настежь бешенству ветров». В 1967 году отец положил мне на стол «Один день Ивана Денисовича». Это входило в джентльменский набор и должно было стать чем-то вроде похода в консерваторию или Пушкинский музей, куда меня безжалостно гоняли с 10 лет, пока я не вошла во вкус.

Ах, прекраснодушные интеллигенты! «Ах, декабристы, не будите Герцена, нельзя в России никого будить!» Эта книга решила всё. Не успела я дочитать последнюю страницу, как мир рухнул. Неделю я ничего не видела, кроме красного солнца над белой снежной пустыней. «Шаг в сторону — считается побег. Конвой открывает огонь без предупреждения». Но я не испытала желания повеситься или бежать в Южную Америку, как мой любимый Овод, которого я в этом пункте всегда плохо понимала. Теперь я знала, что буду делать всю оставшуюся жизнь. Решение было принято в 17 лет, и если юный Ганнибал поклялся в ненависти к Риму, я поклялась в ненависти к коммунизму, КГБ и СССР. Вывод был сделан холодно и безапелляционно: раз при социализме оказались возможными концлагеря, социализм должен пасть. Из тех скудных исторических источников о жизни на Западе, которые оказались мне доступны, я уяснила себе, что там «этого» не было. Следовательно, нужно было «строить» капитализм (представьте себе Павку Корчагина, в воде по пояс строящего капитализм, а ведь мой стиль был ближе к Павке Корчагину, чем к Форду). Слава Богу! Моей стране оказалась нужна еще одна революция. Я кинулась читать

Ленина, заглотила полное собрание сочинений и едва не задохнулась от ярости: везде были следы жестокости, насилия, лицемерия, компромисса. У меня не было постепенного прозрения, градации в становлении взгляда на эти вещи. И Ленин, и Сталин, и коммунизм, и социализм, и 30-е, и 20-е, и 60-е — всё пошло акулам на обед. Середины для меня быть не могло. Всё или ничего! Раз капитализм для них табу, значит, даешь капитализм! (Как Магнитку или первую линию метро.)

Дальнейшее было просто и ясно: создать кружки, потом тайные общества, потом партию «нового типа», поднять народ на восстание против власти (вооруженное, конечно!), свергнуть строй (прямо по формулировке 70-й статьи) и после революции строить капитализм, освободив Восточную Европу и угнетенные республики. План был прямолинейный, как клинок, и прозрачный, как хрусталь. В возможности его реализации я не сомневалась: ведь большевики своротили монархию, почему бы нам не своротить социализм?

В 17 лет для человека, черпающего свои представления о жизни из римской истории и из Степняка-Кравчинского, невозможного мало. Набреля ощупью на Евангелие, я самого Иисуса Христа взяла себе в сообщники. Конечно, я ни тогда ни сейчас не усвоила ничего относительно смирения и всепрощения, но я привыкла с тех пор считать Иисуса своим товарищем по борьбе. Наглость невероятная, но он мне снился и вопрошал, когда же я начну свои революционные действия по свержению строя. Конечно, мое христианство было сродни христианству Желябова и Верочки Фигнер, но кто сказал, что оно хуже канонического? По-моему, Хлодвиг, который при знакомстве с историей, случившейся на Голгофе, воскликнул, что никогда бы не позволил совершиться казни, окажись он на месте со своей дружиной, понял самое сокровенное в этом учении. И зря крестивший его епископ поражался наивности и некомпетентности дикаря! Христианство — это вызов, брошенный миру, это попытка поднять людей до звездных сфер, до тайны человечности и свободы, а когда оказалось, что рожденные ползать не могут летать, Иисус швырнул им в лицо свою страшную смерть, свои пытки, как пощечину. Голгофа была не спасением, а наказанием мира, и никто не убедит меня в обратном. Я обратилась за разъяснениями

к своему школьному «словеснику», державшему себя совсем Печориным и вовсе не похожому на советского учителя, и узнала кое-какие детали о мире, куда меня закинул Рок. Узнала, что есть самиздат (одного факта запретности книги мне хватило бы для решимости свергнуть строй), прослушала в пересказе пару глав из «В круге первом»... А главное, услышала, что я живу в такой страшной стране, что, если бы на нее упала атомная бомба и убила нас всех, но уничтожила и строй, это был бы желанный выход. Впрочем, меня уже не надо было подгонять, однако с тайным обществом приходилось ждать до поступления в институт: школьные ресурсы не давали мне никакой возможности устроить кузницу революционных кадров. Чтобы не терять времени, я стала писать вполне антисоветские сочинения, на уроках обществоведения заниматься антисоветской агитацией и пропагандой, а в газете «Комсомольский прожектор» публиковать нечто уже совершенно листовочное. Мои сочинения благородно скрывал от недобрых глаз тот самый преподаватель словесности: несчастный обществовед терпел все мои выходки, больше моего зная о том, куда я попаду с такими настроениями и, главное, с такой откровенностью; по доброте душевной он даже не пенял мне на то, что я и его подставляю, устраивая на каждом уроке антисоветский митинг. К моей газете (выпуск ее был моей долей работы в школьном комитете ВЛКСМ, ленивые и нелюбопытные райкомовцы до последнего звонка продолжали считать меня заправским активистом и едва не послали в Артек) сбежалась вся школа; через час приходил директор, снимал ее и, затравленно озираясь, уносил к себе в кабинет. Он был порядочным человеком и не побежал в КГБ, хотя и было с чем.

Я думаю, что мои бедные преподаватели мечтали только о том, чтобы меня не арестовали прямо на уроке. Они отпустили меня с миром и с медалью (отказ от «труда» был оформлен «по состоянию здоровья»), но в ту пору я не оценила их. Я не могла понять, почему они не ведут революционную борьбу, и с порога зачислила их в обыватели. (Я не любила людей, за исключением тех, кто шел в той цепочке под красным зимним солнцем Солженицына; но я научилась любить Россию, когда поняла, что она несчастна.) Никаких проблем с идентификацией Отечества у меня не было: я прекрасно понимала, что Украина, Крым, Средняя Азия, Прибалтика — заграница. Моя Россия была

страстотерпицей, она была бедная, заплаканная, серая, грязная; это была Россия Есенина и народников, в ней цвела одна только картошка, шли дожди, ее срочно надо было спасать, и я, основательно проглотив Ключевского, влюбилась в нее по уши, как Дездемона, — за муки, и понимала, что меня непременно должны задушить из-за моей непомерной любви, когда я потеряю платок. Школьный литератор пытался меня образумить, предметно объясняя, что мне пора спать на гвоздях и тренироваться есть баланду; это только подлило масла в огонь. Я упорно рвалась на минное поле.

«ДА СГИНЕТ ДЕНЬ...»

Один чистый и пламенный фанатизм никогда и никого не доводил до добра. Не довел бы и меня, язычницу, еретику и большевичку, если бы, на мое счастье, к моему неистовству не примешалась темная струя вины. 1968 год грянул, как труба Страшного суда. Когда я увидела реакцию окружающих интеллигентов, только тогда я поняла, насколько растоптана моя страна. Они радовались чужой свободе, взлету Чехословакии, как чему-то для них навсегда недостижимому (с оттенком чувства «пусть хоть кто-то поживет...»). В этой радости было столько усталой покорности судьбе, что становилось жутко. С каким ужасом я читала все «последние предупреждения» Дубчеку! Вторжение было селекцией. Все вокруг разделились на два лагеря: одобряющих и негодующих. Первые становились навеки чужими, вторые были свои. Конечно, это было мое впечатление: не у всех на этом сломалась жизнь. Когда ухаживающий за мной мальчик с телевидения что-то сказал мне насчет «консолидации нашего общества после Чехословакии», я вырвала руку прямо на улице и ушла и никогда больше не отвечала на его звонки.

Мои планы из области теории становились насущными. Зло не относилось к области сталинских преданий, не упокоилось в колымской земле, оно и сегодня терзало, ломало хребет, казнило и мучило тех, кто дерзнул быть свободными. «Так жить нельзя» — не вообще кому-то, а мне лично нельзя жить, потому что это мои танки, — этого хватило на то, чтобы всё время, оставшееся до моего ареста (с небольшим год), я провела, как на сковородке в аду, угрызаясь денно

и ночью, проклиная себя. За каждый кусок и каждый глоток, за каждый лишний день, проведенный не в тюрьме, Прага преследовала меня, как наваждение. Я, видимо, совсем не годилась в христианки, потому что не могла выносить чувство вины. Хотелось содрать его с себя вместе с жизнью, как хитон Деяниры. В августе, в 20-х числах, меня не было в Москве, и на свою Сенатскую площадь я безнадежно опоздала: семерка диссидентов вышла на Красную площадь без меня. Впрочем, будь я в Москве, они вряд ли меня бы позвали, и не потому, что не знали (хотя и это тоже), но еще и потому, что мое революционное настроение не вызвало бы одобрения ни у Павла Литвинова, ни у Ларисы Богораз. Мы не поняли друг друга даже в восьмидесятые, не то что в шестидесятые. Я бы, конечно, увязалась, но с очень крутым лозунгом и, пожалуй, добавила бы 70 статью к их 190^{1,3}. Мое стремление делать оргвыводы (Карфаген должен быть разрушен) очень раздражало старшую диссидентскую генерацию.

Но в 1968 году я ничего этого не знала и не уставала себя проклинать и за то, что кто-то пошел на это без меня (я самонадеянно считала, что со мной было бы легче). В гибели Яна Палаха я тоже винила лично себя. В августе 1968 года я стала настоящим врагом государства, армии, флота, ВВС, партии, Варшавского блока. Я ходила по улицам, как подпольщик на оккупированной территории. Именно тогда я решила, что за все эти дела (про Будапешт я тоже успела узнать) есть только одна мера наказания — разрушение государства. И сегодня, когда оно полуразрушено и лежит в крови и пыли, когда гибель его вместе со всем народом кажется весьма вероятной, во мне нет ни жалости, ни раскаяния. Да сгинет день, в который СССР родился! Пусть он станет нам всем братской могилой, но не вернется с кладбища ночью, как вурдалак, чтобы сосать кровь у еще живых, в СССР не бывших — или недолго пробывших и, как Балтия, имеющих шансы спастись.

Грохот танков в Праге на год пробудил интеллигенцию: невозможно было спать, когда под гусеницами корчилась и стонала чужая окровавленная воля. Но круги по воде перестали расходиться довольно скоро: вечный полюс снова все заморозил, даже крик на губах. Про «Хартию-77» мы узнали слишком поздно, уже в восьмидесятых, да и оставалось

до нее больше восьми лет. В это время я уже писала скверные стихи; Прага меня довела до того, что я даже обокрала Цветаеву, заменив всё, кроме размера и стиля.

Мокнут день и вечер,
Лист газетный белый...
Ненавидеть нечем:
Всё переболело.
Вновь к привычной роли,
В старые невзгоды,
Двадцать лет неволи,
Двести дней свободы.

Хорошо еще, что в многочисленных бумагах, которые я заполняла перед поступлением в ИНЯЗ им. Мориса Тореза, не было вопроса: цель поступления. А то пришлось бы указать: революционная борьба.

МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ

Мне крупно повезло, с точки зрения любого совка, желающего выйти в люди; ин з был элитарным вузом, который открывал дорогу к советской мечте (коммунистическая мечта на ее фоне была просто праздником духовности): к работе за бугром, к возможности иметь «капусту», привозить шмотки, к престижному браку. В иняз мог попасть простой смертный (в 1968 году еще мог) без всяких связей; просто брали «наверх» за способности. Вот в МИМО этот номер уже не проходил, туда «черная кость» и «кухаркины дети» попасть не могли. Воспитанная на бесклассовом идеале парижских коммунаров, моих больших приятелей (несмотря на клятву сокрушить коммунизм) — и тогда и теперь, я и не подозревала, что сама — из «кухаркиных детей». В инязе выяснилось, что я вполне Золушка, только без феи. Мои родители принадлежали к скромной касте служилой интеллигенции, зарабатывали гроши, и до моих 16 лет мы жили в полубараке на сваях, в гнусной коммуналке, в одной комнате втроем, при печке, но без ванны и горячей воды. Конечно, такие плебеи водились и в инязе: группы 104, 105 были своеобразным рабфаком, на котором заранее ставили крест, которым

забугорная жизнь не светила; их набирали в качестве на- грузки (армия, трудовой стаж, рабочее происхождение), чтобы компетентные органы не совались в дела института и дали жить всем остальным. Но меня ведь взяли в 102-ю спецгруппу как многообещающего разночинца! Я была одета скромно до неприличия, у меня не было ни мехов, ни драгоценностей, ни цветных лаковых сапог, ни брючного костюма. Все вокруг меня окончили спецшколу, у большинства были машины, дачи, огромные номенклатурные квар- тирьы. Это ретроспективный взгляд: тогда меня всё это не интересовало и не унижало. Чистая наука была соблазном гораздо более сильным, чем советская мечта.

Французский факультет помещался в здании бывшего ИФЛИ и помнил Павла Когана в Михаила Кульчицкого.

Преподаватели были не советского, а сорбоннского раз- бора. Ида Ароновна Лифшиц со своим латинским языком умела увести в Древний Рим, а профессор Ярхо — в Элладу; Ирина Георгиевна Торсуева заставляла «балдеть» от линг- вистики, а Наталья Тихомирова купала нас в парижской атмосфере своего неповторимого учебника. Советская обя- заловка ютилась по углам и на глаза не лезла, атмосфера института была почти западной, в нем преподавали и жи- вые французы, а большинство преподавателей успели по- жить во Франции. Потом уже я узнала, что меня с первого курса пытались поделить три кафедры: аспирантов, больше склонных копаться в фолиантах, чем искать фортуны пере- водчика, отбирали заранее. Это было соблазном, и соблазн приходилось преодолевать. Чистого знания, возможности получить блестящее образование мне было не положено; я не вправе была жить. Еще на первом курсе я прослыла погибшим, конченным человеком: ниспровергала всё сущее не только в кулуарах, но и в аудиториях, где это мог за- фиксировать целый поток. На лекциях по истории КПСС я садилась за первый стол и демонстративно листала что-то постороннее, а на негодующие реплики преподавателя, чи- тавшего свой курс по пожелтевшим конспектам 30-летней давности, отвечала вслух, что делаю это в знак протеста против насильственного изучения истории преступной ор- ганизации, погубившей страну.

За семинары студенты готовы были меня на руках но- сить: никого не успевали спрашивать, всё время уходило на мои дискуссии с Яковом Израилевичем Стеркиным, причем я выступала то на троцкистской, то на бухаринской, то на

буржуазной платформе. В конце концов я довела бедного преподавателя до публичной отповеди о том, что он не может мне на своих занятиях предоставлять трибуну для антисоветской пропаганды. На студенческой конференции он же заявил, что не следует считать 1937 год мрачной эпохой: он-де помнит, что это было очень веселое и жизнерадостное время. Впрочем, это даже остальные преподаватели сочли за глупость. Факультетскую газету, куда меня вначале взяли, я сразу же сделала вполне идеологически диверсионной. Впрочем, старшие тертые студенты, особенно Ирочка с IV курса из комитета ВЛКСМ, поняли, чем это пахнет, и после первого же номера вытурили меня из газеты, «желая мне добра» (и себе тоже!).

На конференции по чехословацкому вопросу и на ленинском зачете я вытворяла Бог знает что. Однако очень прилежно изучала военное дело (будущее вооруженное восстание!) и военный перевод, а также знакомилась с армиями потенциальных противников, куда попали США, Франция, Англия и ФРГ. Меня очень любили, видя такое усердие, полковники с военной кафедры, ложно его истолковывали и предлагали перевестись в Институт военных переводчиков, прозрачно намекая на столь желанную когда-то карьеру шпиона. Но было уже поздно, я хотела работать не на это государство, а против него, только не в рядах ЦРУ. Я тогда считала, что наша революция — наше личное дело.

Когда я перешла на второй курс (и последний для меня в инязе), девочка Ирочка из комитета ВЛКСМ вышла замуж за француза. Ей бы подождать до диплома, и тогда она спокойно могла бы пользоваться своим трофеем. Но она поспешила, и факультетское комсомольское собрание должно было исключить ее из комсомола; из института исключали в этом случае через неделю. Декан заготовила речь; приехали представители институтского комитета и райкома. Ирочка топила меня как могла (история с газетой и моей подрывной деятельностью получила огласку), но здесь у меня не было ни сомнений, ни колебаний: надо было защищать. Ирочкины подруги со старших курсов, тоже присматривавшие себе мужа из-за кордона, молчали в тряпочку. Младшие отбывали «мероприятие». Ирочка рыдала и ссылалась на то, что ее муж — коммунист и работает на нашу пропаганду. Аутодафе шло своим чередом. Все знали мои с Ирочкой отношения и мой добродетельный

большевизм (то есть отношение к жизни за рубежом, к замужеству и к импортным шмоткам), и никто от меня не ждал подвоха, поэтому слово мне дали. Я произнесла пламенную речь минут на тридцать, не оставив камня на камне от уготованного Ирочке костра. Что-то было там и о приоритете прав личности перед интересами государства, и о том, что есть вещи, в которые государство не смеет лезть. После этого все заготовленные выступления провалились: никто ничего не сказал; видимо, стыд все-таки что-то значит. Декан сидела красная как рак. Комитетчики тоже не выступили. Собрание закрыли без оргвыводов. Ирочка плакала и благодарила, выпускники жали руку и восхищались, и я почему-то сразу поняла, что так будет всегда: одобрение шепотом и восхищение на ухо.

Вскоре газеты сообщили о выстреле Ильина. Информации дали мало, но было ясно, что стрелять он хотел не в космонавтов, а в Брежнева. Я горячо и публично одобряла его намерения; солидаризировалась, так сказать. К этому времени мои антисоветские стихи приумножились; таланта в них не прибавилось, но как листовки они смотрелись. Набирая свое тайное общество, я всем встречным и поперечным их давала читать. В инязе работали и учились редкие люди: опять никто не донес! Я винила себя и в том, что вовремя не нашла Ильина и не пошла с ним вместе на расстрел. (Я же не знала тогда ничего про психиатрические тюрьмы.) Стихотворение, посвященное Ильину, распространялось по Москве достаточно широко в списках. Его посвящение было не меньшим вызовом, чем сам текст.

СВОБОДА

Юноше (В.Ильину), стрелявшему в Брежнева, посвящается

Свобода плакать и молиться,
Высмеивать и отрицать,
Свобода жаждою томиться,
Свобода жажду утолять.

Свобода радости и горя,
Свобода сжечь все корабли,
Свобода удалиться в море,
Отказываясь от земли.

Свобода ниспровергнуть стены,
Свобода возвести их вновь,
Свобода крови, жгущей вены,
На ненависть и на любовь.

Свобода истерзаться ложью,
Свобода растоптать кумир —
По тягостному бездорожью
Побег в неосвещенный мир.

Свобода презирать и драться,
Свобода действовать и мстить,
Рукою дерзкой святотатца
Писать: не верить, не кадить.

Свобода в исступленье боя
Традиций разорвать кольцо
И выстрелить с глухой тоскою
В самодовольное лицо.

Свобода бросить на допросах
Тем, чье творенье — произвол,
В лицо, как склянку купороса,
Всю ненависть свою и боль.

Свобода в мятеже высоком
Под воплей обозленных гром
Уйти, как прожил, — одиноким
Еретиком и гордецом.

Свобода у стены тюремной,
Повязкой не закрыв лица,
Принять рассвета откровенье
В могучей музыке конца.

(1969)

По этому поводу у Юлия Даниэля есть отличные стихи:

Хана, дружок мой. Я приехал.
Пускай войдут и заберут.

Я ВЫРЫВАЮ ТОМАГАВК ВОЙНЫ

К 1968 году КГБ уже позволял себе роскошь не карать за мыслепреступления. Оруэлловская классическая ситуация была сильно разбавлена приватной ленью и попустительством. Саблезубая большевистская кисонька наелась, и больше в нее не лезло. Вы могли тихо ненавидеть систему, и ничего. Суть этой тихой и «гуманной» эпохи застоя лучше всего выразил прокурор на процессе Сергея Ковалева где-то в семидесятых: «Нам всё равно, какие у человека мысли. Главное — это то, чтобы он не высказывал их вслух». Поэтому не пришли и не забрали. Для ареста надо было подсуетиться.

В инязе вербовать желающих войти в подпольную организацию было сложно: старшекурсники еще помнили историю Саши Б., выпускника с отделения математической лингвистики, который в августе 1968 года написал обращение-извинение за подлость советского правительства, адресованное чехословацкой общественности, и оставил его, не успев еще передать, в портфеле (кейсов тогда не было) во время практики в «Интуристе». Девочка-сокурсница полезла туда за яблоком, увидела обращение и... передала его ближайшему дежурному гэбисту. Сашу не арестовали. Дело передали в комсомольскую организацию. Его курс (все его приятели), разделявший в основном его взгляды, проголосовал за исключение из комсомола и рекомендацию ректорату отчислить из института (за два месяца до диплома). Разбирательство происходило не в нашем здании, а в помещении переводческого и английского факультетов на Метростроевской. Увидев единодушно поднятые руки, Саша закричал, что он не может больше жить, выбежал на Крымский мост и бросился в воду.

На его несчастье, его выловили оттуда. Никто из студентов иняза не знал, что с ним сделали. Один талантливый мальчик из нашего латинского кружка, на втором курсе уже писавший будущую диссертацию, встретил его на улице и не посмел спросить, что с ним делали: очень уж плохо Саша выглядел. Однако всем было ясно, что делали с ним что-то страшное. При нашем тогдашнем уровне осведомленности никто не догадался, что это страшное было — психиатрический вариант. Это стало понятно мне только

теперь. Только после этого вида истязаний человек выглядит так, что нельзя задать вопрос...

Однако в новогоднюю ночь 1969 года на студенческой вечеринке в одном аристократическо-номенклатурном доме мне удалось, произнося пламенные речи под замороженное шампанское (которое я даже не попробовала, по своему обыкновению; бедность, целомудрие и абсолютная трезвость тоже делали меня парией в инязовской среде), положить в фундамент антисоветского подполья одного Андрюшу из метростроевского здания (переводческий факультет) плюс еще одного Андрюшу с Сережей из МИМО. Дальше прибавились подпольщики из нашего сокольнического здания («немцы» и «французы»), кое-какие мимошники и группа из Ленинского педагогического, которой руководили Ира и Наташа. Самое ценное приобретение — это была группа из Физтеха. Его студенты, особенно из общежития, уже тогда были авангардистами. Например, в октябре 1969 года они ждали конца света, именно в тот день (но не дождалась), который был обещан в рассказе Брэдбери «Завтра конец света».

Все «подпольщики» были моложе меня на год: мне 18 лет, им по 17. С самого начала я завела строгую конспирацию: группы не знали друг друга, связь осуществлялась только через меня, что всех и спасло потом, после моего ареста. Всё делалось в лучших традициях исполкома «Народной воли» или той самой бывшей РСДРП, с которой мы собирались бороться: была написана роскошная программа, и минимум, и максимум. У одного из Андрюш брат служил в Кантемировской дивизии, и Андрюша меня клятвенно заверил, что в нужный момент этот самый брат введет танки в Москву и захватит Кремль. Студенческий кружок с самого начала приобрел характер игры в военный заговор. Программа-минимум предполагала подпольную революционную деятельность, листовки, самиздат, покупку оружия, захват арсеналов (sic!), массовое движение Сопrotивления (мой любимый антифашизм). Программа-максимум началась с народного восстания против КПСС, вооруженного свержения власти с помощью армии, перешедшей на сторону революции, и установления западной демократии.

Интересно, что я в 18 лет все-таки понимала, что это всё чепуха, дела далекого будущего, что реально мы сделать это не сможем, а можем распространять листовки и самиздат, программы же пригодны на то, чтобы «бросить

вызов» и «возвестить». Мои коллеги по подполью, по-моему, играли совершенно искренне, собираясь расклеивать листовки с пистолетами за пазухой. Я им не мешала играть, потому что считала, что мы все пойдем на смерть; имеют же они право на маленькие развлечения по дороге? Была написана куча антисоветских памфлетов (конечно, в основном мной); к этому времени я настряпала множество антисоветских стихов, один преступней другого, не считая воззваний и манифестов. Это всё была глубоко самобытная и отечественная продукция, плод близкого знакомства с римской и греческой историей, а также с теорией и практикой народников, декабристов, народовольцев и ранних большевиков. Никто из нас ни разу не видел живого диссидента и не слушал «голоса». Вся нашу продукцию мы интенсивно распространяли в своих институтах среди студентов и наиболее милых нам преподавателей. И опять никто не донес! Мы родились в рубашке. Нашу ближайшую перспективу я честно обрисовала членам организации, которая называлась «Союз борьбы» (потом — «Антифашистский союз борьбы»): арест, пытки, расстрел. Мне казалось, что такая перспектива вполне улыбается моим коллегам (ведь мне она улыбалась!).

Интересно, что УК РСФСР я читала, но не поверила, что за такую деятельность по статье 70 могут дать всего 7 лет лагерей и 5 лет ссылки: здесь явно крылось что-то еще, что-то более крутое. (И в самом деле, УК — это было еще не всё, но если бы я знала, что именно!) Преподаватели были в ужасе, хотя и одобряли идеи. Они все время пытались меня отговорить; наверное, я вела себя, как Красная Шапочка, не желающая ничего знать о существовании волков (Шарль Перро не предусмотрел варианта, при котором Красная Шапочка ползет в пасть к волку сознательно, по идейным соображениям). Я возражала, что хочу посеять семена протеста. Умные преподаватели как в воду глядели, они вздохнули и предупреждали: «Вы не посеете ничего». Но кто мог знать, что единственное, что можно сделать реально, — это погубить себя и еще нескольких человек, что на этой почве ничего не произрастет, кроме терний и чертополоха, что это место — пусто?

Такие вещи лучше узнать позднее; в 19 лет это знание может убить. Отчаяние должно прийти в зените жизни, когда ум созрел, а сердце окрепло; только тогда оно не

остановит, и можно будет продолжать драться вопреки очевидности, вопреки здравому смыслу, вопреки истории, эпохе, судьбе.

Если бы я в 19 лет знала, что всё напрасно, скорее всего, я бы устроила на площади самосожжение (а удачных было мало, кончались они теми же арестами и спецтюрьмами), но бороться бы не смогла. На первых порах неведение благо-словенно. Теперь я знаю всё, но теперь я могу с этим жить в ожидании того счастливого дня, когда наконец-то вызову у своих антагонистов такое раздражение, что мне удастся с этим — и от этого — умереть. Но тогда я не поверила своим мудрым преподавателям, и слава богу. Юлий Ким был более удачлив в своих попытках объяснить юным Ире Каплун, Славе Бахмину и Ольге Иоффе, что не стоит распространять листовки. По-моему, несмотря на доброе намерение Юлия Кима, это был большой грех: остановить жертву у алтаря. Надо молча склониться, благословить и дать совершиться судьбе, если не можешь пойти рядом. Это добровольное отступничество сыграло, по-моему, ужасную роль в судьбе всех троих и сломало их жизни почище всех казней египетских, которые мог обрушить на них КГБ. Мы еще вернемся к этим троиц, ибо в Лефортове мы оказались одновременно.

Однако мне было мало того, что мы делали. Я требовала перехода к распространению листовок вне институтов в больших количествах. Это был уже не пятидесятипроцентный, а стопроцентный риск. И мои коллеги слиняли: у одного нашлась срочная курсовая, у другого — хвосты. Они стали меня избегать, перестали приходить на встречи. Общение со мной становилось опасным: в четырех институтах обо мне знали фактически всё. Я уже ходила в смертниках, а они, должно быть, вовремя опомнились или посоветовались с родителями. Печатать на машинке я не умела, сделать массовые выпуски листовок одна не могла. Надо было что-то придумать. Трусость даже потенциальных противников режима была слишком очевидна.

А в это время я зачитывалась пьесами Сартра и Ануя, романами (вернее, эссе) Камю. «Антигону» в театре Станиславского, таганские и современниковские спектакли я смотрела по многу раз. Все они так и толкали меня «подняться из окопа». Я обязана была сказать «нет» этому порядку вещей так, чтобы это услышали по всей стране, иначе не было смысла.

По наивности мне казалось, что я кого-то разбужу (декабристов, Герцена, народовольцев). Оставалось завести будильник. У меня возник план своей операции «Трест», не очень честный, но не очень глупый: распространить листовки покруче публично, во Дворце съездов или в другом театре в праздничный день от имени организации Сопротивления, якобы массовой; дать себя арестовать; на следствии, никого конкретно не называя, рассказать, что есть массовая организация Сопротивления, борющаяся против строя, и что скоро она перейдет к терактам; испугать (sic!) этим чекистов, бросить им в лицо обвинения от имени трех поколений, ими уничтоженных, обличить режим на открытом (святая простота!) суде, добиться приговора к расстрелу, вдохнуть надежду в души людей, умереть по высшей категории, как мой любимый Феличе Риварес — Овод, — а потом вместо вымышленной организации создадутся настоящие, пойдут, как маслята: людям станет стыдно, что они молчат, и все поднимутся. План совершенно не учитывал реальную действительность, а так был всем хорош.

Идея с театром родилась у меня в тот вечер, когда в Театре оперетты из какой-то ложи или с балкона к нам в партер упала программка. Весь мой угол поднял головы, глаза у некоторых жадно заблестели, а один зритель даже сказал вполголоса: «А если бы это было что-то другое?» Я поняла, что люди чего-то такого ждут. Театр — идеальный вариант, можно бросить сразу много листовок, никто не успеет остановить, и разлетятся они тоже идеально.

Решение было принято в октябре 1969 года, день был выбран: 5 декабря, День Конституции. Наибольший эффект обещал Дворец съездов, там огромный зал и в праздничный день дадут что-нибудь идейное (дали оперу «Октябрь»). Оставалось придумать текст. Для одних листовок он был написан в прозе (преступления партии, прелести демократии, задачи Сопротивления, необходимость вооруженной борьбы с коммунизмом, который есть фашизм, приглашение вступать в группы Сопротивления). Подписана эта прелесть была «Московская группа Сопротивления». Текст был достаточно горький, шла речь и о Венгрии, и о Чехословакии. Он был несколько патетичен (в меру), но не был смешон. Отчаяние отучает от пошлого оптимизма, но все-таки уверенность в победе над советским «общественным

и государственным» строем там была выражена. В 1969 году это было уместно, в отличие от 1992 года.

Вторая листовка (их было гораздо больше, процентов восемьдесят) была в стихах.

СПАСИБО, ПАРТИЯ, ТЕБЕ

Спасибо, партия, тебе
За всё, что сделала и делаешь,
За нашу нынешнюю ненависть
Спасибо, партия, тебе!

Спасибо, партия, тебе
За всё, что предано и продано,
За опозоренную Родину
Спасибо, партия, тебе!

Спасибо, партия, тебе
За рабский полдень двоедушия,
За ложь, измену и удушие
Спасибо, партия, тебе!

Спасибо, партия, тебе
За все доносы и доносчиков,
За факелы на пражской площади
Спасибо, партия, тебе!

За рай заводов и квартир,
На преступлениях построенных,
В застенках старых и сегодняшних
Изломанный и черный мир...

Спасибо, партия, тебе
За ночи, полные отчаянья,
За наше подлое молчание
Спасибо, партия, тебе!

Спасибо, партия, тебе
За наше горькое неверие
В обломки истины потерянной
В грядущей предрассветной мгле...

Спасибо, партия, тебе
За тяжесть обретенной истины
И за боев грядущих выстрелы
Спасибо, партия, тебе!

Оставалось всё это написать под копирку в достаточном количестве. Изготовила я 125 штук. Пачку в 100 листовок можно было кинуть в партер сразу. Со стола я училась разбрасывать листовки веером, они у меня разлетались отлично даже со стола. Были куплены два билета: на 2 декабря и на 5 декабря на «Кармен» (генеральная репетиция). «Генералка» прошла хорошо. Стало ясно: бросать надо где-то без пяти до начала, когда зал уже полон, но есть свет, бросать из среднего прохода бельэтажа в партер. Было ли мне страшно? Нет, не было. Я ведь и в аресте, и в пытках, и в казни видела свой долг. Жить было нельзя, бессовестно, невозможно. Но я волновалась, как студент перед экзаменом. Знаешь, что пару не поставят, тройку тоже вряд ли, всё выучил, но вдруг 4, а не 5, вдруг не высший балл? А вдруг не дадут бросить? А вдруг арестуют до акции?

Только один раз стало немного жутко: в недрах бывшей ифлийской библиотеки, у нас в Сокольниках, где я разбирала хранилище вместо картошки, куда загнали весь курс, кроме самых дохлых, вроде меня, я откопала 10-томную историю Испании, испанского автора. Я жадно поволокла первый том к выдаче, чтобы записать себе, но вдруг поняла (это был уже ноябрь, 17-18 число), что все 10 томов прочитать не успею. Я как будто заглянула в свой собственный гроб. Но усилием воли выкинула это из головы и взяла Спинозу.

«СЕЙЧАС ДОЛЖНО ПРЕДПИСАННОЕ СВЫТЬСЯ...»

Пятого декабря я пригласила к себе Сережу из Таганрога, самого перспективного и наименее робкого студента из группы Физтеха. Накормив его пирожными и напоив кофе с коньяком, я поделилась с ним планами на вечер. Сережа не выразил желаний пойти со мной «на дело» (на что я втайне рассчитывала), но и не убежал. Мы не стали убирать со стола, что дало потом комсомольским вожакам

института основания говорить, что я пошла совершать государственное преступление после оргии, хотя коньяк пил один Сережа. Сережа вызвался меня проводить до Дворца съездов. Что ж, и на том спасибо. По-моему, он не понимал, чем это кончится, хотя и сказал, что обязан лечь поперек двери и меня не пустить, но понимает, что тогда я выпрыгну в окно. У Дворца съездов он посетовал, что уйдет пешком, а я уеду на красивой черной машине. Меня это не очень огорчило: мои любимые экзистенциальные и античные герои умирали в одиночку.

В те дни буфет Дворца съездов являл собой зрелище упоительное и недорогое (взбитые сливки, шоколадные конфеты, блины с икрой, семга, балык, мороженое, пирожные). Но я от волнения не могла есть (потом я два года буду вспоминать несъеденные дома пирожные и непосещенный буфет Дворца).

Время от времени я смотрелась в большие зеркала фойе. Особенной бледности не было, я всегда была зеленоватого цвета, без румянца; зубы не стучали, губы не дрожали. Всё было о'кей. Спектакли тогда начинались в 18.30. В 18.25 я вошла в центральный проход, но — о ужас! — молодая пара подошла к барьеру. Я быстро дошла до соседнего прохода и швырнула свою пачку в 100 листовок в партер. Как мне стало легко, какая ноша свалилась с плеч! Назад дороги не было. (Может быть, и Сережу-то я привлекла, чтобы не было искушения убежать. Всю дорогу, весь час до начала оперы моя воля держала за шкуру барахтающееся в ужасе и тоске брэнное тело, которое тихо, про себя вопило: «Не хочу!» А душа и воля тащили его и говорили: «Должно, сможешь и сделаешь». Со стороны, конечно, этого заметно не было.) Весь партер одновременно вздохнул: «Ах!» — и это было как рокот моря. Я взглянула вниз: все читали мою листовку. Какое блаженство! Я повернулась к бельэтажу, устроила маленький митинг и раздала остальные листовки. Если бы я знала, что их будут так хватать, я бы изготовила вдвое больше! Их разбирали, как глазированные сырки. Из партера прибежала девочка и попросила листовку для них с мамой, «а то нам не досталось». Старенькая, выдавшая виды служительница театра шептала мне: «Уходите скорей!»

Но мне нужен был процесс, и я наконец дождалась. Штатный гэбист, проводивший с семьей уик-энд, явился

в бельэтаж и спросил, не я ли распространяю листовки. Я горячо подтвердила, что именно я. Он вцепился в меня так, как будто я собиралась бежать, вывел из зала в фойе и стал просить у зрителей помочь меня задержать, хотя свободно мог сделать это один. От него все отмахивались, дожевывая свои конфеты и блины. Один юноша даже сказал, услышав от чекиста про листовки: «Спасибо, что сказали. Пойду возьму, если осталось». Наконец нашелся какой-то полковник, взявший меня за другую руку. Вместе они привели меня в административный отсек (3-4 комнаты), посадили на диван и стали звонить на Лубянку: «Здесь женщина (взгляд на меня)... девушка (еще взгляд)... девочка распространяла антисоветские листовки».

Нашлись еще какие-то гэбэшные оперативники (похоже, в такие праздники они обязаны дежурить на таких спектаклях) и пошли в зал просить листовки. Вернули им 40 штук, 5 нашли разорванными. Пошли за остальными, вернулись: «Они не отдают!» Мой триумф был полный: 80 штук зрители сохранили несмотря ни на что (а тогда это было весьма опасно, могли и обыскать весь зал). Ожидая компетентные органы, я агитировала злых оперативников и равнодушных администраторов. Судя по их репликам, оперативники боялись, что придется отвечать за ЧП; администратор стонал: «Почему в мое дежурство?» Революционного рвения никто не проявлял, кроме одной группы ветеранов войны (самые перспективные в смысле гражданской войны люди), которые рвались в дверь, орали, что им испортили праздник, что они за этот строй воевали, и просили дать им меня, чтобы они могли убить меня собственными руками. Парочка прорвалась и стала засучивать рукава.

Я встала с дивана и гордо шагнула навстречу, хамя ветеранам, как только это возможно (рабы, холопы, клеветы, опричники и т.д.). Оперативники развели нас, как на ринге, выталкивая ветеранов с воркованием: «Ну что вы волнуетесь, есть же компетентные органы, они приедут и займутся...» Но органы что-то не ехали до 23 часов. Они явно стояли на страже завоеваний Октября с 10 до 18 с обеденным перерывом с 15 до 16 часов плюс два выходных в неделю, но никак не по праздникам. Теперь я понимаю, что V отдел искал какого-нибудь следователя, собирал подчиненных из-за праздничных столов на ликвидацию стихийного

бедствия, и это длилось четыре часа, хотя от Лубянки до Дворца съездов было рукой подать. Эта обломовщина, так непохожая на стандарты 20—30-х годов, могла бы навести меня на некие мысли. Но не навела: мне было 19 лет.

«АРЕСТОВАННЫЙ — ЭТО ЗВАНЬЕ»

И вот наконец появились трое, прилично, но скромно одетые, и представились администратору. Да, это были Они. У одного были очень впечатляющие глаза: холодные, нездешние, какие-то нечеловеческие. Глаза существа другой породы, другой биологической природы. Потом я много раз видела эти гэбистские глаза и научилась понимать это оценивающее выражение. В их взгляде сквозит то презрение всезнания, которое дает своим умным представителям только абсолютная власть. Эти глаза не просто раздевают, они снимают кожу. В них не человеческое любопытство, а привычные ухватки ботаника: что это за растение? Сколько у него лепестков? Класс... Семейство... И если это вредное растение, то способы его устранения будут выработаны спокойно и научно: ручное выпалывание, ДДТ, какие-нибудь пестициды. В данном случае растением была я.

Ботаники ушли в соседний кабинет изучать листовки — продукты жизнедеятельности растения. На меня они едва взглянули. Полчаса они изучали листовки и решили, что растение вредное и его изучением должен заняться именно их НИИ. Они вышли и очень вежливо предложили мне поехать с ними: «Мы здесь рядом, недалеко». Мне до сих пор кажется, что если бы я испугалась хотя бы в этот момент, они бы меня с собой не взяли. Но я жаждала этой дуэли — и я ее получила. Откуда мне было знать, каким оружием у них придется сражаться... Мы вышли к серой «Волге». Во Дворце уже никого не было.

По дороге единственной претензией моих ботаников было то, что я не дала им спокойно провести праздники дома. (У всех НИИ два выходных дня, а систематика растений может подождать.) Я, конечно, заявила, что именно этот праздник хотела им испортить, чтобы было неповадно праздновать такие вещи, как дни несуществующей, да еще сталинской, конституции. Холодные глаза стали хрустальными от любопытства (не от гнева!) и увеличили, как микроскопы,

разрешающую способность. И в «Волгу», и в двери Малой Лубянки я вошла сама, без всяких наручников, и не мои спутники старались пресечь мой побег, а я, по-моему, очень бы расстроилась, если бы они от меня убежали. Как сказал Мережковский о первых христианах: «Мухи летели на мед...»

Малая Лубянка внутри похожа на провинциальный особнячок, в котором жил до Октября Киса Воробьянинов. Даже стулья похожи, только что без бриллиантов. Потолки низкие, кабинеты уютные, коридорчики узкие, всюду дорожки, и тепло. Полы натерты, а на стенах вместо портретов сановных предков висят фотографии отличников чекистского производства. Мне вежливо предложили сигарету; я, конечно, понесла что-то насчет испанского обычая «не пить, не есть и не курить с врагами». Оперативник обиделся. Ботаники же настроились на обычную волну при общении с очень юными жертвами: «Мы хотим Вам добра, мы хотим Вам помочь, помогите нам и Вы. Помогите Вам помочь». Я сбила эту волну, а дальше кончались разговоры и начиналась дуэль, то есть избиение младенцев. Здесь уже появляются двадцать проснувшихся гэбистов, которые, усадив меня на стул, сели и встали вокруг, словно за стол, на котором высится именной пирог.

Поскольку растение было редким, в них проснулся научный интерес, и они больше не пеняли мне на испорченные праздники. Где-то час с лишним я читала им лекцию о том, какие они дурные люди, какие злодеяния творят, как губят Россию (мое западничество всегда было романтическим порождением российской почвы и для российской почвы), и какая в стране начнется против них борьба, и как она завершится восстанием и революцией.

Этой речью я подписала себе ордер на арест (потом я узнала, что, если бы не мое поведение на Лубянке, дело бы передали в комсомольскую институтскую организацию). Меня ни о чем не спросили, со мной всё было ясно. Записали анкетные данные, посадили в другую «Волгу» между двумя оперативниками (это и означает арест, иначе просто кто-нибудь садится рядом), на переднем сиденье — еще один оперативник и шофер, и мы поехали в Лефортово.

Я ничего тогда о нем не знала, думала, что на Лубянке по-прежнему есть «внутрянка». Лефортово показалось уютным и патриархальным: всюду ковровые дорожки, никаких звуков, бесшумная вежливая охрана, всё какое-то ирреальное

и бесплотное. Не охрана, а призраки. Не тюрьма, а замок сказочных гномов. Потом я уже поняла, что дорожки здесь не для уюта, а для конспирации, чтобы создать эффект сурдокамеры или склепа.

Лефортово — это преддверие Ада, сумрачный луг, за которым только Стикс. В этом Лимбе действительно встречались мыслители и художники, от Солженицына до Льва Тимофеева, но Данте не предвидел, что они будут сидеть в разных камерах и не смогут беседовать и что их потом потащат дальше, кого в 5-й круг, кого в 6-й, а Лимб — это только зал ожидания. Лефортово — это просто раздевалка перед газовой камерой. Подходит вежливый эсэсовский персонал, объясняет, как сложить вещи, чтобы не перепутать, что сейчас можно будет помыться горячей водой вон в том зале с тяжелой дверью... И показывают, куда сдавать золотые вещи, которые вернут после освобождения. И отрезают волосы «из гигиенических соображений», а потом сплетут из них абажур... В отдельном боксе просит раздеться женский тюремный персонал (мужчинам хуже: фельдшер — обычно женщина; если мужчина, для женщины приведут фельдшерицу, а для мужчины не станут искать мужчину-врача); просят раздеться вежливо, без грубости; душ вполне приличный, как в пионерском лагере, но я сразу поняла, что это конец, что отсюда не возвращаются, что это погребение заживо.

О достоинстве своих жертв в 1969 году гэбисты заботились мало: у меня отобрали всё с железными застёжками — пояс, сапоги. Я осталась босиком, в огромных мужских ботинках без шнурков, крючок сзади у платья тоже срезали. Меня это не оскорбило, если в этом была цель (я ведь ожидала, что будут босиком по снегу водить). А вот когда велели в коридоре руки взять назад, это оскорбило, я отказалась и никогда не подчинялась подобным приказам. Предложила надеть мне наручники, если уж они так меня боятся. Хватило чувства юмора не надевать... Мой вид испугал моих следователей... Они устыдились, сапоги приказали вернуть, и, хотя я ничего у них не просила, заявив, что на войне как на войне, они тут же позаботились, чтобы мне доставили из дома чулки, резинки, одеяния с пуговицами, разрешенные в тюрьме.

Я ожидала, что в Лефортове полно политзаключенных, что кроме политических там вообще никого нет. Кем еще

будет заниматься КГБ? Я не знала, что мы, политические, не составляем ежедневное меню охраны, но только лакомство на десерт. А повседневная пища, завтраки, обеды и ужины — валютчики, крупные взяточники, расхитители. В то время Лефортово со мной делили те самые Оля Иоффе, Вячеслав Бахмин и Ира Каплун, так и не расклеившие из-за Юлия Кима свои листовки.

Оля давно на Западе, Ира в 1980 году погибла в автокатастрофе, а Вячеслав Бахмин служит в каком-то департаменте при МИДе, и мне не приходилось слышать, чтобы он за кого-нибудь заступился, кому-нибудь помог или хоть слово молвил против властей предрержащих.

Если бы Юлий Ким их не отговорил, их бы не выпустили из Лефортова без суда через 10 месяцев, их постигла бы страшная участь Оли Иоффе, которая ушла не домой, а в Казанскую специальную психиатрическую больницу (СПБ) — за строптивость, но, если бы повезло, могли бы и в лагерь попасть (все-таки трое, группа).

У группы были все шансы неполным составом, но самого худшего все-таки избежать... Это была группа МГУ. Если бы не отказ от деятельности и не арест уже после этого (а такой арест ломал, он был не желанным итогом, а катастрофой), может быть, Слава Бахмин не пошел бы в МИД служить необольшевикам? Хотя как знать... Сергей Ковалев сидел много и хорошо и много сделал до ареста, а ведь служит в ВС верой и правдой.

У университетской группы была девочка-руководитель, ее не нашли, не взяли, она терзалась, но на допросах (а допрашивали чуть ли не весь курс, всех друзей) не призналась, вину на себя не взяла, в тюрьму не села, но и дело не продолжила. В диссидентской среде это считалось нормальным (мне потом пришлось это обсуждать с Ирой Каплун), для меня это была измена. Мое расхождение с диссидентами началось задолго до встречи, заочно.

Где-то близко к этому времени в Лефортове был и Петя Старчик.

В камере меня ожидал сюрприз. Я вошла (за мной конвоир тащил мой матрас с постелью), увидела двух женщин и спросила: «У вас, конечно, 70-я статья, товарищи? Листовки, нелегальная литература или рабочие кружки?» Они так рты и раскрыли. Одна была Тамара Иванова из комиссионного магазина на Арбате (сел весь магазин за

валютные сделки с иностранцами), другая считалась крупной спекулянткой (Зоя приехала из лагеря к кому-то на следствие). Меня они приняли за валютную проститутку, сбывавшую что-то иностранцам.

То же оказалось и всюду в соседних камерах. В маленьких камерах сидели по трое, по двое (по двое чаще). В одиночках по правилам держать узников запрещено, но я сидела и в одиночке. Лефортово сталинские политзеки называют тургостиницей (теперешнее Лефортово, потому что тогдашнее было самой страшной пыточной тюрьмой, куда посылали из Бутырок или с Лубянки самых несговорчивых; здесь же и расстреливали).

Атмосфера осталась: атмосфера безликой, холодной, неумолимой машины уничтожения. Абсолютная чистота в камерах, чистое белье, горячий душ каждые 10 дней, роскошная библиотека, на которую я набросилась с большим аппетитом, нагло получая образование там, где жизнь кончалась вообще. Белье меняли каждые 10 дней, и оно было лучше, чем в поездах. Унитаз с крышкой, полки, стол, табуретки, что еще надо? Света почти не было, толстые стены прорезаны окнами под самым потолком плюс двойные решетки.

Камера больше всего была похожа на монастырскую келью. Тогда зимой и осенью было холодно, топили хуже, чем сейчас. Холодно, но терпимо. В других местах потом было много холоднее. Питание, которое для сталинских зэков было бы роскошным, для меня оказалось совершенно непригодным. Организм, видимо, отказывался выживать и не хотел адаптироваться. И еще мне казалось, что есть это — унижительно. Утром давали скверную пшеничную кашу, немного сахару (норма прежнего ГУЛАГа), 600 граммов скверного черного хлеба. На обед — съедобный суп (два дня из четырех съедобный), сухую кашу. На ужин — сухую кашу. Но раз в четыре дня устраивали праздник — винегрет с отличной баночной селедкой. Эту селедку, съедобный суп и ложку каши с сахаром (без сахара ее в рот взять было нельзя) я и ела. Чувство голода было постоянным фоном, я слабела, но кротости у меня от этого не прибавлялось.

Питалась я ларьком и передачами. Интересно, что в сталинские времена зэку не препятствовали получать из дома всё, что могли ему прислать. Можно было умереть,

но Цезарь в солженицынской повести получал по две посылки в месяц, и никто калорий ему не считал. Сталинские времена — это времена беспредела, а всякий беспредел — лотерея: или пан, или пропал. Когда нас стало меньше, инквизиторская машина стала работать более прицельно, научно выверяя каждый лишний грамм, добываясь истощения еще под следствием, но полностью исключая смерть. За «хорошее поведение» следователи разрешали лишнюю передачу и запрещенные жиры. Валютчики все вели себя хорошо, с кем я ни сидела, всех закладывали, писали с утра до вечера собственноручные показания. За что бедняг сажали, я до сих пор не поняла, жалко их было страшно, рыдали они в три ручья, как белуги, и все вспоминали свои люстры, ванны и шубы. Но сидеть с ними противно и скучно.

Подсаживали ко мне и «наседок», но они очень грубо работают, а потом я была начитана насчет таких вещей (опыт эсеров и эсдеков). На ларек разрешалось тратить 10 рублей в месяц в два приема. На две недели — полкило колбасы, полкило сыра, белый батон, 200 граммов масла, ручки, тетради, сигареты. Политзэку полезно не курить, большая экономия. 400 граммов масла уже купить нельзя — лишние калории. А в передаче на 5 кг в месяц тогда разрешалось получить 1 кг колбасы, 0,5 кг сыра, 1 кг сахара, 1,5 кг печенья и сухарей (печенья только 0,5 кг!) и 1 кг овощей (лук) и фруктов (яблоки). И ассортимент, и количество были жестко определены, никакой отсебятины вроде свежих овощей, сала, масла. Не умрешь, цинги не будет, но здоровье потеряешь. Язва желудка открылась у меня еще под следствием, в первые шесть месяцев. Зрение при скудном свете поубавилось еще на пару диоптрий. Ожидаемых пыток не было, но чувствовалось, что какие-то рычаги запущены.

Человек, бросившийся в Лефортово, похож на Анну Каренину, бросившуюся под паровоз: что-то мягко взяло за спину и неумолимо куда-то потащило... Мои следователи должны были работать в паре, под «доброго» и «злого». «Злым» был майор Евсюков, начавший карьеру еще в 1938 году. Он был прост и ясен, как слеза. Честно говорил: «Всех бы вас, антисоветчиков, на лопату да в печь». «Доброго» хотел бы сыграть Алексей Иванович Бардин, образованный, просвещенный палач с двумя дипломами.

Следствие доставляло большое удовольствие мне и очень раздражало моих ботаников. Я хотела играть по своим правилам и всё время возвращала их в старые добрые сталинские времена, куда очень хотел вернуться майор Евсюков и совсем не хотел возвращаться Алексей Иванович.

Евсюков откровенно размахивал руками перед моим лицом и цедил: «Двадцать пять лет назад мы бы с вами не так разговаривали». Наши уставы, программы, мои воззвания и стихи (особенно впечатлял опус под названием «У развалин Лубянки») лежали в деле, я их не стала прятать, их сразу взяли на обыске. Но под всю эту роскошь не было людей! Я твердила, что есть грозная организация, которая готова перейти к терактам, но не называла никого, что вызывало сильное непонимание.

Обычно наличие организации или отрицается, или признается (но с фамилиями членов). А здесь человек признается, что он член очень страшной для строя организации, и не называет никого! Похоже на издевательство. Искали они усердно, облазили весь Физтех, весь иняз (про нашу дружбу с Сережей в инязе знали, мы ведь на нашем институтском вечере и познакомились), ходили даже в школу (хорошо, что я не посещала детсад, а то и туда бы пошли). Добыча была жалкой. Никто ничего конкретного не знал, а кто знал, тот замер, слава Богу.

Один Сережа зачем-то признался, что нес листовки и знал об акции (хватило ума не сказать, что он имел отношение и к «Тайному обществу троечников»). Я это не подтвердила, но мое молчание ему не помогло: исключили из комсомола и института. Это означало возвращение в Таганрог и призыв в армию. Мне было очень жаль Сережу, который так бездарно загубил свою жизнь, ничего не сделав. Конечно, это была моя вина, но у революционеров толстая шкура, они не умеют долго жалеть мирных обывателей, они жалуют равных, своих. Я сделала всё, что могла, чтобы выгородить Сережу, вольно же ему было на себя доносить, причем не из солидарности, а из слабости.

Как положено, через 10 дней я получила свое обвинение по 70-й статье; для 19 лет — немалое достижение, если учесть, что ответственность по этой статье наступает с 18 лет. Предъявил мне его мой ботаник Бардин без всякой помпы поздно вечером не в следовательском корпусе, а в боксике.

Первый этаж — вотчина московского ГБ. Верхние этажи — владения КГБ Союза, но тогда я этого не знала. Бедный полковник Петренко, тогдашний комендант Бастилии! Он со мной наплакался, потому что мое поведение соответствовало всем лучшим стандартам XIX века («Революционер в тюрьме»).

Я помнила все правила поведения политзэков дооктябрьского периода и старалась перешеголять Веру Фигнер и Софью Перовскую. Я была обязана продолжать борьбу и в тюрьме! Задним числом сочувствую моим тюремщикам и моим следователям. Все-таки божи твари... Допросы я превращала в «последнее слово Павла Власова на суде», угощая бедных гэбистов филиппиками об ответственности перед потомством и их злодеяниях с 1917 по 1969 год.

Речи перемежались рафинированными оскорблениями и издевкой. Например, майору Евсюкову я исправляла ошибки в протоколе и ставила отметку. Допросы длились по 6-7 часов, потому что следователи записывали не то, что я говорила. Они старались хоть кого-то скомпрометировать, а я всех выгораживала как могла. Получалось, что вокруг меня были одни советские обыватели и никто ничего не знал. Откуда тогда тайное общество? Следователи не могли свести концы с концами; выход из этого был один, но я тогда не знала какой.

В конце концов в протоколе писали слово в слово мой текст, и мы расставались до утра. Я могла спросить у Бардина, будет ли у чекистов елка, и посоветовать подарить Евсюкову грамматику русского языка. Бардин читал мне письмо группы зрителей, бывших на опере «Октябрь» и просивших для меня смертной казни, и спрашивал, не удовлетворить ли их просьбу. Я с энтузиазмом говорила, что буду очень рада. Бардин отечески пенял мне на мой глупый поступок.

Бардин: Ну вот, Валерия Ильинична, могли бы учиться в престижном вузе, а вместо этого в лагерь поедете...

Я: А у вас восстания в лагерях были?

Бардин: Мы об этом даже и не слышали.

Я: Когда я до лагеря доеду, услышите!

Они поняли, что лагеря я не боюсь, что не боюсь и смерти. В камере я нарушала все правила: не вставала,

когда входила охрана, офицеры, начальство (кодекс политзаключенных!). Перестукивалась по «сетке» (тюремный код), пока не поняла, что «своих» не найду. На прогулке (каждая камера гуляет отдельно в своем дворике) бросала записки с весьма антисоветским текстом в другие дворики. Я даже умудрялась своим противным голосом петь на прогулках революционные песни. Мои соседки были в восторге, хотя подражать мне не смели.

Первое марта я отметила распространением листовок. Наверное, первый и последний случай в истории Лефортовской тюрьмы. На листочках бумаги, выдаваемой для туалета, я написала текст с напоминанием о покушении первомайцев (штук 40 листовок). Далее понятно: Александр II ответил за зло царизма, КГБ ответит за зло коммунизма, народовольцы найдутся, а потом грянет революция, вас будут в Нюрнберге судить... После завтрака 1 марта я поставила на койку табуретку, валютчицы меня поддерживали, и я высыпала всю партию листовок в форточку. И надо же было так случиться, что под нашим окном был вход в следственный корпус и следователи шли большой группой допрашивать своих клиентов! Представляете их впечатление? В родной тюрьме КГБ на голову сыплются антисоветские листовки! Через 10 минут прибежали Петренко и два его зама. Петренко был белый и сказал: «Собирайтесь в карцер». Я сказала, что мне плевать, хоть на расстрел, и что я тут же объявлю голодовку (меня и так ветром шатало, и они это знали). В карцер меня не посадили, но этот инцидент был последней каплей. Моя участь была решена. Я наивно предполагала, что здесь идет честная игра, что я могу сказать «нет», стоять на ушах и расплачусь за это только жизнью и физическими мучениями.

Но в этой лавочке еще и обвешивали. В 30—40-е, ранние 50-е годы я бы получила то, что хотела! НКВД играл честно: брал жизнь, но оставлял взамен честь. Игра была на уровне чемпионов, но тот, кто мог вынести все пытки, выигрывал и получал свою пулю, как олимпийское золото. Но кончались 60-е годы, и было изобретено абсолютное оружие, против которого были бессильны и мужество, и решимость, и вера.

АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ

Есть у Роберта Шекли рассказ «Абсолютное оружие». Действие происходит на Марсе. Два друга набредают на древний склад вымерших марсиан и начинают пробовать всякое оружие, надеясь продать его на Земле и разбогатеть. На одном ящике написано: «Абсолютное оружие». Они открывают ящик. Появляется огромная пасть. Один из них просто падает в обморок. Пасть глотает его и говорит: «Мне нравится пассивная протоплазма». Другой начинает защищаться: огнеметами, гранатометами, пушками, атомными ракетами. На пасть всё это абсолютно не действует. Она глотает человека вместе со стингером и говорит: «Активная протоплазма мне тоже нравится». И всё. Марс обречен. Земля обречена. Жизнь во Вселенной обречена.

Психиатрический террор — тоже абсолютная победа Зла. Если ты уступаешь — тебя сломали. Личности нет. Если ты противишься — твою личность разрушают химически или механически (электричество, скажем). И победы нет, потому что личности не осталось: победу можно праздновать, когда есть кому праздновать. А здесь не будет достойной смерти, но будет слюнявый идиот под твоей фамилией. На карательной медицине кончается всякая борьба и всякое достоинство умалается, растаптывается навеки, будь ты хоть Ян Гус, хоть Муций Сцевола. Кроме чисто морального триумфа, КГБ здесь преследовал две практические цели:

I. Сохранялась монолитность советского народа, бодро верующего в своих вождей и свои идеалы. Наличие «врагов» сильно подорвало бы эту концепцию (через 15 лет после исправления извращений «культы» — опять враги!). А за больных правительство не отвечает. На Западе тоже психов достаточно.

II. Дискредитация альтернативных идей общественного развития и оппозиции в глазах простого народа. Даже читая школьные учебники, народ мог узнать, что «врагами народа» у нас часто именовали зря. С врагом надо еще разбираться, враг он или друг. А врачам простой народ верит. Если врачи сказали, что антисоветчик — псих, то что здесь судить да рядить о его идеях? Бред сумасшедшего не анализируют. Со времен Чаадаева этот метод действует безотказно.

Правда, КГБ лишался здесь публичного покаяния по телевизору (не потащишь же каяться психа, он ведь за свои слова не отвечает) и не мог больше вырывать показания на следствии: зачем показания невменяемого, их все равно использовать нельзя, — но ведь клиентов, способных и готовых покаяться или расколотся, и не подвергали психиатрической казни; они были нужны и на следствии, и на процессе. При твердом поведении на шансы уцелеть и пройти мимо карательной медицины, благополучно получить 7 лет лагерей и 5 лет ссылки (или 10 лет по второму разу, или 15 лет, или расстрел по статье 64) могли рассчитывать:

1. Хорошо известные Западу диссиденты типа Юрия Орлова или Владимира Буковского.

2. Врачи-психиатры типа Корягина или Глузмана.

3. Те, у кого было групповое дело (не все члены группы, но многие из них). Ведь не скажешь, что у семи человек возникло коллективное помешательство! Поэтому из семерки, вышедшей в августе 1968 года на Красную площадь, психиатрической пытке подвергся только Виктор Файнберг (и только через год — Наталья Горбаневская).

4. Те, кого власти хотели скомпрометировать иначе (агент ЦРУ, изверг: устроил взрыв в метро, самолет угнал).

Абсолютно обречены были бывшие высокопоставленные военные или партийные деятели (генерал П.Г.Григоренко) и одиночки, исповедовавшие идеи свержения власти и изменения строя.

То есть у меня шансов не было. Но я не знала, я ничего не знала! И хорошо, что не знала. Если бы я знала о карательной медицине, у меня не хватило бы решимости сделать то, что я сделала, без ампулы с ядом в кармане (а ее я не смогла бы достать). Однако когда меня в один ненастный день без церемоний, предупреждений и объяснений привезли в институт Сербского, я даже не столько испугалась, сколько оскорбилась. И это была правильная реакция. Пока я жива, я буду настаивать не только на том, чтобы упразднить КГБ, но и на закрытии Института судебной медицины им. Сербского, почитая второе заведение не менее вредным и исторически преступным, чем первое. Общество может устранить преступника физически, если ему угодно стать на уровень неандертальца и мстить, или изолировать его от себя временно или навеки, если он причинил ему зло, но никакое общество не вправе покушаться

на личность преступника и решать вопрос о ее изменении в нужном обществе направлении. Или тем паче судить о том, что есть норма и что есть патология. Лечить личность — это гораздо более жестоко, чем уничтожить ее вместе с тем телом, в которое она заключена. Конечно, если человек кусается или не может членораздельно говорить, он сумасшедший, но это видно и без экспертизы.

Однако маньяки и террористы вполне могут отвечать за свои действия вне медицинских категорий. Инквизиторы посылали душевнобольных на костер за галлюцинации? Ну что ж, они действовали гуманнее психиатров, потому что смерть наступала скорее, и мучения жертвы были конечны. Права либертарианская партия, выступающая за отмену государственной психиатрии как института.

Меня заперли в отдельную камеру, и общение с институтом началось. Я думаю, что в моей нормальности они убедились в первый же день. Уже через много лет я узнала, что в течение месяца гэбисты не могли найти врачей, желающих подписать вместе с Лунцем диагноз «вялотекущая шизофрения». Мне показалось, что некоторые молодые научные сотрудники искренне считали, что спасают жертвы КГБ от лагерей (ничего не зная о ситуации в спецтюрьмах) и дают им возможность потом учиться и жить в столицах. О свободе научного подхода хотя бы на уровне реальности (здорового признать здоровым) не могло быть и речи. Александр Цопов, бывший сотрудник КГБ (не политического спектра!), рассказал мне, что у него психиатры просто спрашивали: «Как тебя признавать? Вменяемым или нет?» В моем случае тем более самотека не могло быть. И самодетельности тоже! Вообще все тесты и исследования, входящие в экспертизу, могут в лучшем случае определить уровень интеллекта или уживчивости в обществе, но никак не наличие или отсутствие душевного заболевания. Судебная психиатрия, по моему глубокому убеждению, является шарлатанством даже там, где она не является преступлением.

Я не знала, что нормального человека могут признать невменяемым, и доказывала свою нормальность, как теорему, добавляя в диагноз пункты: «реформаторский бред», «философская интоксикация», «плохая социальная адаптация». Здесь я и познакомилась со знаменитым Лунцем. Даниил Романович был холеным, вальяжным барином

с отличной филологической подготовкой. Я успела за одну беседу об экзистенциализме сделать его своим личным врагом, заявив, что он инквизитор, садист и коллаборационист, сотрудничающий с гестапо — с КГБ. Оля Иоффе знала о перспективах такого поведения столь же мало, как и я. Она на все «наводящие вопросы» отвечала: «Я буду продолжать борьбу» — и заработала себе диагноз. Ира Каплун знала, наверное, больше нашего. Она уклончиво отвечала: «Подумаю, еще не решила...» — и была признана вменяемой.

Они со Славой из Лефортова ушли домой, а Оля расплатилась за всех, загремев в Казань, где ее пытали (к счастью, это длилось недолго, всего два месяца; после закрытия их общего дела ее отправили в Москву).

На моей комиссии присутствовал мой следователь, майор Евсюков (Бардину, как более грамотному, было, наверное, стыдно), смотревший на меня (я была в халате, рубашке и шлепанцах на босу ногу) весьма злорадно. Лунц задал мне всего один вопрос, предлагая в последний раз соломинку (может быть, и ему стало жалко, и на палачей находит!): «Не сожалеете ли вы о том, что сделали?» Я, конечно, заявила, что «от содеянного мною не отрекусь!» — и клеймила КГБ и институт Сербского презрением и позором, пообещав всё тот же Нюрнберг. Лунцу оставалось только махнуть на меня рукой. Когда на следующий день за мной приехали из Лефортова и мне вернули мои вещи, я обрадовалась больше, чем если бы меня отпустили домой. Я была уверена, что возвращение в тюрьму означает вменяемость и благополучный исход дела (срок или расстрел).

КОМНАТА 101

Если вы читаете все эти страсти как сказки о подвигах Геракла, считая, что это «преданья старины глубокой», то вы очень ошибаетесь. Это касается не пращуров, а нас. Это произошло только что, под гром августовских салютов, на наших глазах. С Александром Шмоновым, не попавшим в Горбачева (если бы он попал, с ним поступили бы милосерднее: просто расстреляли бы).

Сейчас, когда я заставаю себя это вспоминать, в Петербургской СПб истязают совершенно здорового человека,

который был готов пойти на любую кару (но только после честного открытого суда), на любую каторгу, к любой стенке. А происходит это так. Признанного невменяемым политзаключенного привозят обратно в тюрьму и забывают там. In pace. У меня это длилось два месяца. Ни допросов, ни объяснений. Полная неизвестность, одиночка, мертвая тишина. Иногда невозможно определить, жив ты или уже умер. Садистская пытка неизвестностью. Адвокат имеет право не приходить даже после окончания следствия (оно окончится без вас — вас уже нет, вы уже не человек). Здесь нужен был бы адвокат типа Дины Каминской или Софьи Каллистратовой.

Но мой жалкий адвокат не посмел ко мне прийти (зачем злить КГБ нарушением традиций?), не опроверг экспертизу, а требовал только изменить статью («Дать меньше по 190-й, чем то, что, конечно, дадут»). Отсюда недалеко и до сталинских адвокатов, требовавших смерти для подзащитного. Я хотела заплатить жизнью за открытый суд... А здесь превзошли сталинские времена: тогда судила тройка без защитника, а теперь и без подсудимого обходились. Тет-а-тет. Ничего лишнего: судья, заседатели, «защитник». 70-я статья обеспечивала СПБ — психиатрическую тюрьму. ПБ могли дать только по 190-й! Но это было не лучше.

Из Москвы посылали в самую пыточную ПБ — на Столбовую, а изоляция там была нешуточная. К счастью, там мне быть не пришлось. Москвичи однозначно попадали в Казанскую СПБ, потом, как Владимир Гершуни, в Орловскую. О своей страшной участи политзаключенный узнавал после суда на свидании с родственниками, если они у него были. Это и была комната 101 (самое страшное, что есть на свете): пожизненное пребывание в камере пыток с потерей рассудка и человеческого образа, то есть «принудительное лечение» от инакомыслия. Лечение состояло в том, что способность мыслить устранилась вообще. На свидании я узнала много нового и интересного.

Я никогда не пойму, зачем Оле Федичкиной с моего курса понадобилось лезть в первые ряды и давать показания о распространении мной самиздата, да еще лгать, что я его ей навязывала чуть ли не силой? Кто ее за язык тянул? Другие же молчали, и ничего им не сделали. Владлен Сироткин, балующийся сегодня исторически-либеральными статьями в газетах (отчаянный прогрессист!), дал на меня

как раз такие показания, которые были нужны для помещения в СПб, и опять лживые. У нас он преподавал историю Франции, заигрывал со студентами, прикидывался нонконформистом. Этот режим никогда не откроет имена стукачей, а то народу не из кого будет выбирать органы власти. Но я вношу свою скромную лепту и своих двух личных стукачей называю.

В этом плане никакой пощады не должно быть никому! Лживые показания двух моих стукачей я уже не смогла опровергнуть, хоть и пыталась: невменяемый не имеет права голоса. И вот, когда я всё узнала, меня вызвал Алексей Иванович Бардин и предложил бартер (объяснив, что меня ожидает): я ему — фамилии членов организации, он мне — лагерь. Я попыталась схитрить (сначала стулья, потом — деньги, то есть добиться отмены диагноза даром, обещая раскаяться «потом»), но он меня сразу раскусил, убедившись, что даже Сережу из Физтеха я продолжаю выгораживать. Здесь плату требовали вперед. Бартер не состоялся. Я спросила, неужели им мало расстрела. Ведь тогда я уже не встану у них на пути. Зачем же такие изощренные мучения? И Бардин ответил: «Ну что вы! Зачем расстрел? А в чем же тогда будет наказание?» В отличие от Евсюкова, он наверняка еще жив, и у него внуки. Единственная месть, которую я признаю допустимой, — это огласка и каинова печать на чело, чтобы отвернулись дети, внуки и соседи. Кстати, палачи выдавали себя с головой, держа «невменяемого» в тюрьме в одной камере с нормальным заключенным (реальный сумасшедший мог бы придушить и покусать). Выход из этого кошмара был один: умереть. Но как умереть в Лефортове? В пролет не бросишься — всё затянуто сетками из стали. Вены перерезать нечем. Повеситься невозможно — каждые 3—5 минут часовой-надзиратель заглядывает в глазок (это там и сейчас продолжается: постоянный мужской взгляд — ни помыться, ни туалетом воспользоваться без него невозможно. Оставалось одно: не считать надзирателей за людей).

Попытка задушить себя под одеялом нейлоновым чулком не удалась: у меня не хватало физических сил затянуть узел до смертельной нормы. К тому же голову прятать под одеяло запрещалось. Мои попытки негласной голодовки (успеть умереть, пока не хватятся) обнаруживались на 4-5-й день. Смерть в Лефортове была недостижимым благом, изысканным

дефицитом, сказочным сном. Она могла только присниться. Впрочем, написанный мной в это время «Реквием» всё куда лучше объясняет.

РЕКВИЕМ

*Узникам психиатрических
тюрем посвящается*

Свидетели и судьи,
Ухмылки и гримасы...
Наверно, это люди,
А может, только массы.

Что вам светило прежде
На этом небе черном?
Наверное, надежда,
А может, обреченность.

Теперь в железном склепе
Вождь без знамен и войска.
Наверное, нелепость,
А может быть, геройство.

Что там, в небесной сини,
Над ранкою рассвета?
Наверное, Россия,
А не Союз Советов.

Кто смеет лишь подумать,
Да так, чтоб не узналось?
Наверно, это юность,
Умеренней, чем старость.

За чаем с печеньем
Яд отрицанья сладок...
Наверно, возрожденье,
А может быть, упадок.

Безвременье затихло.
Кричать в его бесплодность —
Наверно, это выход,
А может, безысходность.

Сойти живым в могилу,
Исчезнуть в липкой гнили,
Наверно, это сила,
А может быть, бессилье.

Тебя за бастионом
Увидит мрак кромешный,
Наверно, умудренным,
А может, оступевшим.

Последний отблеск бреда,
Последнее движенье...
Наверное, победа,
А может, поражение.

(1970 г., Лефортово)

Теперь я знала всё. Но что мне было делать с этим знанием? У меня не было надежды ни на жизнь, ни на смерть.

«НАШ ПОЕЗД УХОДИТ В ОСВЕНЦИМ»

В этапе до перманентной газовой камеры есть своя прелесть — последняя, оставшаяся тебе до прибытия в пункт конечного назначения, где «времени больше не будет». Нормальный столыпинский вагон (70-я статья обеспечивает отдельное «купе» с голыми полками, без окна, но через решетчатую дверь видно окно в коридоре, и можно в последний раз посмотреть на реки, леса, поля, «вольных» людей). 70-я статья дает еще одну привилегию: лефортовский сухой паек — это не селедка, а огромный кус холодного вареного мяса.

Политические «котируются»: вор в законе, выяснив, за что я сижу, немедленно передал по вагону приказ: не ругаться матом, не сквернословить, не ерничать, не отпускать скоромные шутки, пока я не «сойду», иначе он потом будет «разбираться». Мелкие уголовники (бытовики) вели себя, как в Английском клубе, а вор рассказал, как он три года назад схватил 5 лет по политической статье (плюс 6 за грабеж). Взяли они сберкассу в провинции и приехали в Москву покутить. После ресторана,

сильно навеселе, стал наш вор кричать в троллейбусе: «Надо кидать коммунистов в Байкал!» Дали ему 15 суток за хулиганство. А когда срок кончился, у ворот его уже ждали... Привезли на Лубянку и спрашивают: «Ну почему в Байкал? Почему не в Волгу — она же ближе?» А он возьми и ответь: «А я слышал по радио, что Байкал — самое глубокое озеро в мире». Прибавили 70-ю.

Конвой очень учтив: не избивает, не насилует, просто вежливо приглашает на чай в свое купе («у нас там постель, белье, удобно»). Может быть, они и не имели в виду ничего дурного (я же не Софи Лорен), а просто хотели поговорить о политике и дать мне хоть сутки поспать в человеческих условиях, но проверять было неохота. Конвой, овчарки (я с тех пор их видеть не могу), решетки обнадеживали: в таких условиях больных никто не возит — автоматов многовато — государство не считает тебя больной, оно тебя просто карает. Просто такая пытка. Просто такая казнь.

Этап до Казани на скором поезде длится сутки с небольшим, без остановок в этапных тюрьмах других городов. Идет июль. 17 мая мне исполнилось 20 лет. В одиночке Лефортовской тюрьмы. Вот когда поймешь «Штрафные батальоны» Высоцкого. Когда останутся одни сутки до конца. «Всего лишь час дают на артобстрел...» Но ни ордена, ни «вышки» не будет. Нет у Высоцкого такого варианта: комната 101. Я надеялась, что, когда меня будут выводить в туалет, я сумею открыть дверь в тамбур и выпрыгнуть на полном ходу. Или сразу попасть под колеса, или разбиться (если повезет). Если не повезет, успеть добраться до реки и утопиться. Или броситься под машину. Бежать мне даже не приходило в голову. На этом диагнозе кончается жизнь — это было ясно. Выбраться из поезда — самое главное. А дальше успеешь умереть, пока не настигли. Но двери были заперты. Всё предусматривалось. Надеяться было больше не на что. Поезд доехал до Казани.

ОСТРОВ ДОКТОРА МОРО

У каждой СПБ — спецпсихбольницы или спецтюрьмы — была своя специализация. В Днепропетровске пытали нейрорептиками (Леонида Плюща замучили до полусмерти; когда его выслали в Париж, то из самолета мученика вынесли

на носилках, и французских коммунистов это проняло: «Юманите» напечатала заметочку, что даже с врагами социализма так жестоко обращаться нельзя!). В СПб под Калининградом, где был заключен Петр Григорьевич Григоренко, было то же самое. В Казани применяли и физические пытки, однако нейролептиками не пренебрегали. Самый сносный вариант был в Ленинградской СПб: и Буковский, и Володя Борисов, и Виктор Файнберг вышли оттуда живыми и невредимыми; Витя даже сагитировал своего врача, женился на ней и увез во Францию. С одной стороны, Казань — это здоровый тюремный элемент. Это даже не зона. Это «крытка», последний градус наказания — тюрьма. Овчарки, заборы с колючкой, вышки, охрана. Бытовики-уголовники из хозобслуги, они тоже твое начальство. В «палатах» кровати, но на окнах решетки, и эти «палаты» заперты, а в дверях — глазок. Двери открываются на умывание, на оправку, для того чтобы раздать еду, перед работой и прогулкой. Работа несложная, 3—4 часа в день: переплетная мастерская, швейная, стегание одеял, шитье медицинских перчаток. Кормят тоже лучше, чем в тюрьме: утром дают кусок масла, два раза в неделю — немного творогу, к обеду в супе будет плавать маленький кусочек (граммов 30—40) очень жирной свинины.

Всё остальное, кроме сахара и утреннего серого хлеба, — несъедобно. Есть и развлечения: три раза в месяц — кино (это как в зоне). Фильмы, которое я смотрела там, потом вызывали неизменное чувство ужаса, даже если это были комедии. Посылки можно получать любые, свидание — раз в два месяца на час в присутствии охраны и медицинского персонала, через стол. При этом можно передать любые продукты в любом количестве. Для уголовников — рай, для политзаключенных — геенна огненная. Есть, кроме обычных тюремных стандартов, еще кое-что. Военные медсестры. Военные врачи. Других нет. У них одна задача — заставить тебя полюбить Большого Брата. Есть «контингент» — патологические убийцы, маньяки. Обычные уголовники сюда не попадают, разве что «закосят» со взяткой в придачу (СПБ вместо «вышки» — для убийцы просто находка). В моей камере сидели пятеро. Галя убила топором мужа, Вера отравила золовку, Оксана застрелила из ружья мужа и шестилетнего сына. Одна милая особа за стеной посадила в ванну двух своих маленьких детей и пустила ток...

У меня еще отличная камера, а у Наташи Горбаневской соседней — 11 человек.

Верхний коридор — рабочий. Здесь членораздельно разговаривают, здесь тупые, примитивные люди, но эти звери все-таки ходят на двух ногах. Они, как в «Острове доктора Моро», чтут Закон и делают вид что живут, как люди. А в нижнем коридоре в собственных нечистотах лежат и заживо разлагаются полутрупы, утратившие человеческий облик, окончательно потерявшие рассудок. И ты знаешь, что за малейшую провинность ты попадешь к ним, сюда. Одежда вполне тюремная, свое платье здесь отбирают. Унизительно ходить в каторжном халате, в тюремном платье, в уродливых башмаках. И здесь нет срока: три года, тридцать лет — это как захочется КГБ. Не словав, не уничтожив личность, не выпустят.

Какие же политзаключенные сидят в СПб? Приедет и сразу уедет Оля Иоффе, но ее успеют поистязать аминазином. Мы с ней не увидимся, разве что из-за забора — другое отделение. (Общая прогулка в общем дворе весной и летом длится 2—3 часа, но умалишенные гуляют тут же, и в бане с ними моешься.) Нина Ж. пробудет в Казани год. Она из Грузинского Хельсинкского союза, из Сухуми, хотя сама русская. У нее отняли семилетнего сына, оторвали и увели в спецприемник. Потом его забрала сестра. Инквизиторам она говорит, что будет впредь думать только о сыне, и они ей верят, это правдоподобно. Она филолог, русист. Преподавала в университете. Замкнута, осторожна (здесь нельзя верить никому), очень истощена. Она уже была в Казани в начале 50-х годов. Тогда здесь просто гуляли, не было никаких пыток, спасались от сталинских лагерей. Шурочка Лакшина со своим другом подожгли дымовые шашки на трибуне 7 ноября у себя в Сыктывкаре. Оба учились в Питере. Шашки погасили, акция протеста на этом кончилась, и началась расплата. По газете с номером квартиры и дома, в которую завернули шашки, их нашли. Мальчик попал в Ленинградскую СПб и выжил, а Шурочку в Казани уничтожали инсулиновым шоком. Доведя до слабоумия, выпустили.

Это случилось за полгода до меня. Инсулин ей назначил сам Лунц. Я не знаю, сколько процентов психиатров приняли участие в этих гитлеровских штучках, но даже если это 50 процентов, все равно они подлежат лишению

диплома. После этого им людей доверять нельзя. У Лизы Морохиной стаж борьбы был еще больше. Ее отец был расстрелян в 1937 году. Еще в шестнадцать лет она подожгла сельсовет. Попала на три года в лагерь, окончила школу. Стала распространять антикоммунистические листовки. В Казани ее пытали электрошоком, снизили интеллект, лишили возможности учиться. Сохраняется душа, но гаснет ум. Это самое страшное. Ее продержали два года и выпустили. Родиной Лизы был тот же Сыктывкар. Политэки из провинции, неизвестные Западу и Москве, за которых некому было заступиться, подвергались самым страшным пыткам и были обречены на стирание личности.

Сейчас, когда я пишу эти строки, в глухих углах страны в ПБ и СПб досаживают свои двадцатилетние сроки несчастные узники, давно сведенные с ума, вроде Игоря Антипова. За одну забастовку или демонстрацию в Благовещенской СПб сидели по 20 лет. Здесь в Казани есть памятник произволу застоя и равнодушию перестройки — учительница Ольга Н. Она еще помнит кое-что из французского языка. Сидит с 1962 года. У нее чистенькое платьице, но ее сослали в нижний страшный коридор. Она наполовину лишилась рассудка, поет длинные баллады о «палачах в белых халатах», всюду ищет агентов НКВД. И сюда привезут маленькую худенькую Наталью Горбаневскую, которой Анна Ахматова оставила лиру. «Воробьшек» — называли ее друзья. В ней 1 м 50 см, а килограммов и вовсе нет. Ей было 34 года, мне — 20 лет. Ее стихи казались мне гениальными (и сейчас кажутся). На воле остались двое ее детей, Осик (грудной) и Ясик (9 лет). Она тоже будет обещать впредь заботиться только о детях, но ей не поверят и начнут пытать галоперидолом. Наташа много рассказывала мне о диссидентах, и я сначала была в восторге, но потом услышала ее мнение о моих листовках: «Это глупость. Незачем обращаться к народу. Он не поймет, а власти расвирепеют и начнут репрессии. Пострадают и все диссиденты». Становилось ясно, что товарищей по борьбе мне не найти и в среде Наташиных друзей.

Слава Богу, за Наташу было кому заступиться. Через четыре месяца ее увезли обратно в Москву: скандал по поводу ее участи был хороший, громкий, международный. Хотя бы одного поэта спасли, против всех российских обычаев. Наташа вскоре уехала, но ее я не виню. Сидевший

в СПБ неподсуден. После этого ужаса и позора человек не может оставаться в подвергнувшей его такому стране. Он имеет право уехать туда, где его хотя бы не будут считать сумасшедшим.

Были в Казани и чистенькие старушки-баптистки. Они проповедовали Слово Божье по деревням. В СПБ они сидели пожизненно, но не роптали. Уж не знаю, о каком способе мгновенной смерти пишет Буковский, но я его не знала, и никто даже впоследствии мне не смог его назвать. Мне ни разу не посчастливилось найти на прогулке кусок стекла. Покончить с собой в Казани так же невозможно, как и в Лефортове. О свободе в Казани не мечтают: будущего нет. В него перестаешь верить через 3-4 месяца. Перестаешь даже надеяться и мечтать. Ничего нет и не будет, кроме этого острова, этой Преисподней. Как там у Булгакова? «И обвиснешь на цепях, и ноги погрузишь в костер... И так будет всегда... Слово "всегда" понимаешь ли?» Мечтаешь попасть в Лефортово хотя бы на месяц, вдруг КГБ понадобится опять тшетно задать какой-нибудь вопрос. Но это тоже несбыточно: я одиночка, группы нет, невменяемого даже гипотетически не могут привлечь как свидетеля. И зачем возить взад-вперед того, кто не дает никаких показаний?

Весь год, ложась спать, я мечтала об одном: чтобы утром не проснуться (инфаркт, инсульт, тромб). Человек, который после этой вечерней молитвы целый год неизменно просыпался в казанской камере, не должен, не может дальше жить. Это нехорошо и для него, и для человечества.

Какими же средствами располагают современные о'брайены? Да теми же, что были у оруэлловского, плюс химические препараты, уничтожающие личность, чего, согласитесь, у О'Брайена не было. Итак, казанский арсенал «средств устрашения».

1. То, что было у О'Брайена (по нарастающей):

1. Избиение (уголовников охрана может забить сапогами до смерти, я такие случаи помню; политических — нет, их надо сломать, но представить живыми).

2. Привязывание жесткое (до онемения конечностей, до пролежней; в особенных случаях привязывают так, чтобы веревки впивались в тело до крови. В таком состоянии могут продержат неделю).

3. Сульфазин, или «сера» (везде был запрещен, кроме СССР). Одна инъекция, или сразу две — в разные точки, или даже четыре (в руку, ногу и под лопатки). Дикая боль в течение 2-3 дней, рука или нога просто отнимаются, жар до 40, жажда (и еще могут воды не дать). Проводится как «лечение» от алкоголизма или наркомании.

4. Бормашина. Привязывают к креслу и сверлят здоровый зуб, пока сверло не вонзается в челюсть... Потом зуб пломбируют, чтобы не оставалось следов. Любят удалять неубитый нерв. Всё это делается профессиональным дантистом в зубо врачебном кабинете. «Санация полости рта». СПб не имеют надзорной инстанции — жалобы не перешлют, а если переслать тайно — их все равно не примут ни в прокуратуре, ни в Верховном суде. Узник СПб бесправен даже больше, чем ээк. С ним можно сделать всё. Насколько мне удалось узнать, бормашина применяется редко и только в Казани (испробовано лично).

5. Газообразный кислород подкожно. Вводят его толстой иглой под кожу ноги или под лопатку. Ощущение такое, как будто сдирают кожу (газ отделяет ее от мышечной ткани). Возникает огромная опухоль, боль ослабевает в течение 2-3 дней. Потом опухоль рассасывается, и начинают сызнова. Применяют как лечение от «депрессии». Сейчас применяется к наркоманам как средство устрашения (чтобы боялись попасть в клинику). Вводят кислород 2-3 минуты, больше не выдерживают обе стороны (палачи глохнут от криков, жертва падает в обморок). Политзаключенным вводят кислород по 10—15 минут. (Испробовано лично, 10 сеансов.)

II. То, чего у О'Брайена не было:

1. Аминазин (очень болезненные инъекции, при этом вызывают цирроз печени, непреодолимое желание заснуть — а спать не дают, — и губят память вплоть до амнезии).

2. Галоперидол (аналоги — трифтазин и стелазин, но они слабее). Создают дикое внутреннее напряжение, вызывают депрессию (черное излучение Стругацких), человек не может заснуть, но постоянно хочет спать, не может ни сидеть, ни лежать, ни ходить, ни писать (судороги рук изменяют почерк до неузнаваемости, не дают вывести букву), ни читать, ни думать. Неделя ударных доз — и нейролептический шок. Несколько месяцев — и потеря рассудка гарантирована.

3. Инсулиновый шок с потерей сознания (уничтожает целые участки мозга, снижает интеллект, память тоже пропадает).

4. Электрошок. Убивает сразу двух зайцев: во-первых, это пытка током, а во-вторых, разрушается непоправимо мозг.

Одного пребывания в этих стенах — без книг, без научных занятий (библиотеки фактически нет), без нормальных собеседников (политические сидят в разных камерах) — хватило бы на скорую потерю рассудка. Я провела там год и была уже на пределе: еще бы полгода — и всё. Могу только позавидовать стойкости Владимира Гершуни, который в два приема провел в таких застенках по 3—5 лет. Моих запасов прочности хватило бы на лагерь. Но на это я не была рассчитана (в этом как раз эффективность комнаты 101). Я знаю, что многие переносили это легче, но ведь комнату 101 каждому подбирают индивидуально. Боюсь, что меня подвела здесь гордыня эгоиста-интеллекта (разум превыше всего! Моя личность не может быть принесена в жертву). Готовность к смерти и повышенная адаптация к любой физической боли не сочетались у меня с готовностью к отказу от разума при жизни.

Тем более что знакомство с Наташей Горбаневской показало, что диссиденты считают необязательным сопротивление в таких условиях. Здешние отречения нельзя использовать для газет и TV: сумасшествие не дает должного назидания; чего стоит раскаяние сумасшедшего? Потом, в 1978 году, я убедилась, что попытка держаться достойно в психиатрических застенках рассматривается диссидентами (да и инквизиторами тоже) как величайшая глупость чуть ли не на уровне инкриминируемого заболевания.

Я не пытаюсь оправдаться. В свете моих личных вкусов и убеждений оправданий отречению нет — даже в СПб. Со второй попытки, уже зная, что меня ждет, я смогу взять эту высоту. Но в двадцать лет я сбила планку. Интересно, что казанские врачи не требовали даже признания болезни. Они вели беседы, как в институте марксизма-ленинизма, требуя от патентованного умалишенного признания ошибочности его теоретических воззрений, как на партийных чистках 20-х годов (разоружиться перед партией). Однако раскрыть обман в моем случае не представлялось затруднительным, да я и не очень старалась, даже хуже Галилея,

в силу юношеского легкомыслия. Одни наши беседы с Ниной Ж. и Наташей Горбаневской на прогулках чего стоили! А письма домой?

А моя манера с утра до вечера заниматься по навезенным книгам и учебникам французским (там я его доучила), латынью, греческим (научилась неплохо переводить), лингвистикой, английским; переводить Камю, Овидия и читать Томаса Манна! Получала я полтаблетки галоперидола на ночь, да еще с большим количеством корректора. Может быть, я понравилась врачам? Ведь они же, эти же нелюди, стерли в порошок и Лизу и Шуру, хотя те тоже заверяли их в своем «исправлении». Может быть, КГБ желал сохранить на будущее антисоветчика с организаторской жилкой и стремлением свергать строй — для оправдания существования V отдела? Может быть, казанских провинциальных инквизиторов впечатляли мои богатые московские передачи (рябчиков не было, но ананасы попадались, торты, икра, шоколадные наборы) и импозантные родители (сравнительно с другими визитерами)? Может быть, сыграли роль московские гостинцы, мясо, масло, щедро ими привозимые (этого в Казани в начале 70-х уже не было)? Не могли же они меня просто пожалеть... Других же (кроме Натальи Горбаневской — отчасти) не жалели... Но самой криминальной была моя манера делить роскошные передачи и посылки на всех политических заключенных отделения. Там это совсем не было принято, Нина Ж. даже вначале отказывалась брать. Я вносила в Казань этику политических! Всё остальное вранье летело к чертям. В раскаяние после этого поверить было невозможно. А дальше начинается крупное везение. Были применены не химические, а физические пытки. Это просто милость судьбы: два сеанса с бормашиной и десять сеансов с кислородом подкожно.

Не знаю почему, но у меня сложилось впечатление, что пытки без нейролептиков в Казани — это блат. Здесь легко отбиться: надо уметь молча терять сознание, желательно с улыбкой (конечно, с бормашиной это не проходит, здесь улыбка не получается — с открытым-то ртом! Но можно хотя бы не кричать и не стонать, а кислород улыбаться не мешает). Такое поведение ошеломляет, и на тебя рано или поздно махнут рукой. Я даже думаю, что поседела я в двадцать лет не из-за этого, а из-за отречения и обстановки.

Делается всё это без ненависти к объекту воздействия: просто нудная, советская работа. Отпуская вентиль на баллоне с кислородом, обсуждают вопрос о том, кому дадут следующее звание и прибавку к жалованью и за что, где достать карпов и т.д.

Непосредственные исполнители — рядовые палачи — не любят криков и проклятий, это осложняет работу и не дает обсуждать свои дела. Поэтому ко мне они питали самые теплые чувства. К тому же простых людей ученость интригует. Даже главврач-полковник любил поговорить со мной о Таците и Гиппократе. Я в рубашке родилась: передачи делить я продолжала, а пытки они прекратили. Видимо, сработал советский стереотип: для статистики применено достаточно, а там чего надрываться-то? Пусть у ГБ голова болит. Без совка в «Совке» совсем можно было бы пропасть. Из передач доставалось мне совсем немного, казанскую еду я не употребляла. Скоро я вообще уже не могла есть: не осталось желудочного сока. Дикие приступы боли отбивали охоту что-то пробовать. Моим кураторам тоже было ясно, что конец не за горами. Может быть, при международной огласке (Юлий Ким, много сделавший для моего спасения Владимир Буковский), при том, что французы — преподаватели иняза — подняли шум там у себя, при передачах по «Свободе» каждую неделю моя смерть в казанских стенах в 21 год не была рентабельной? Диссиденты, безусловно, меня спасли, хотя я и не принадлежала к их корпорации. Может быть, они и не могли спасти всех, всеми Запад не интересовался? Даже наверное так. Мои нестандартные листовки (это не был типичный уровень постижения ситуации 60-х годов) попали в первые «Хроники текущих событий». Та же Наташа Горбаневская их и делала. Мою фотографию я потом нашла в диссидентской квартире Иры Каплун за стеклом книжного шкафа... Диссиденты были единственными людьми, кто с 1959 до 1986 года что-то делал для страны. Мало что хорошего вышло? Это не их вина, а страны. У меня вышло не больше...

Комиссия, приезжающая в СПб два раза в год, для политических не имеет значения. Без санкции КГБ не «выписывают». Но если и выписывают, то радости, как говорится, мало. Освобождение здесь ни при чем. Снимается принудительное лечение (судом) в СПб, меняется на такое же в ПБ по месту жительства (для московских диссидентов — на

Столбовой). Тем же этапом, под тем же конвоем везут в тюрьму по месту жительства, а там — в ПБ, где могут продержат до полугода (что и проделали с Олей Иоффе, да еще и продолжали пытаться). Тогда, опять-таки с санкции КГБ, суд снимает принудительное лечение. То, что от вас осталось, может идти домой. Местные живодеры подчас более свирепы, чем лошенные палачи из СПб; у последних, как правило, выше уровень развития, они и помиловать могут. На мою комиссию приехал лично Лунц — посмотреть на результаты. Я думаю, мой вполне дистрофический внешний вид его удовлетворил, а может быть, и испугал (учитывая международную огласку). Я была похожа на тень из Аида, ходила уже с трудом. Впечатляли и полуседые волосы (в 21 год). Поэтому Лунц довольно скоро отпустил меня с миром, задав только два вопроса: «Изменились ли ваши убеждения?» и «Изменились ли они сами по себе или в результате лечения?». Ненавидя себя и понимая, что простить себе это я не смогу никогда, я ответила на первый вопрос «да» и на второй — «в результате лечения». Умиrotворенный Лунц благожелательно сказал: «Вы должны из всего случившегося сделать для себя выводы», — сообщая тем самым решение комиссии и разоблачая всю эту муру с шизофренией: какие выводы может сделать для себя псих? Он же за себя не отвечает!

Я глубоко убеждена, что из СПб своего противника нельзя выпускать живым: он делается вервольфом, и его никакая пуля, кроме серебряной, не возьмет. Он обречен на мщение обществу, и он не успокоится, пока не разрушит то государство, которое пропустило его через эту мясорубку. Я не хотела жить. Я не хотела свободы. Как бороться, имея в перспективе Казань? Как не бороться, зная, что это существует? Я не мечтала даже дойти до реки и утопиться: смерть не смыла бы мой позор, поражение не стало бы победой. Я должна была сразиться с ними на их поле — и их же оружием. Я должна была выиграть именно в этой игре. Но пока я просто умираю — и физически, и морально.

Решения суда обычно ждут 2—3 месяца. Потом ждут этап. Из этапа запомнился жуткий холод. В Бутырской тюрьме я пробыла одну ночь и оказалась в санаторном отделении привилегированной Соловьевской больницы. Здесь моя мать, не последний человек в медицинском мире, могла мне помочь. Столбовая меня миновала. Вывез

советский блат. Видимо, КГБ предпочитал, чтобы я умерла дома, а Столбовая была верная смерть в моем состоянии. Поэтому московским психиатрам, не участвовавшим в психиатрическом терроре, предоставили меня спасать, как им вздумается. Мне еще раз повезло. Те, кому не повезло, уже ничего не скажут и не напишут. Если бы я прошла полный, полнометражный конвейер карательной медицины, меня бы не было. Я бы не сохранила рассудок. Соловьевские врачи всё понимали. Они делали вид, что не знают о том, что меня поместил к ним суд, дабы санаторные пациенты ни о чем не догадались. Лечить они пытались мое физическое состояние и даже предложили инсулин в терапевтических дозах. Со мной, конечно, случилась истерика. Послушав про инсулиновый шок и другие прелести СПб, они уже не предлагали ничего. Был один бестактный профессор, который всё стремился показывать меня студентам, но здесь я уже могла огрызаться и доказывать, что здорова как стеклышко. Соловьевские врачи пытались даже снять диагноз, но это зависело от КГБ, и никакие академики здесь помочь не могли.

Человек, прошедший через СПб и ПБ, никогда не будет прежним. Он не сможет создать семью, иметь детей. Он никогда не будет посещать даже обычные ПБ, носить туда гостинцы и входить в комиссии, курирующие соблюдение прав человека в этих «богоугодных» заведениях: душевнобольные навсегда останутся для него орудием пытки, и он не сможет увидеть в них страдающих людей. Он до конца своих дней будет бледнеть, видя машину с красным крестом, и не будет сближаться с психиатрами. Он никогда не обратится к невропатологу и не примет даже таблетку снотворного. Он не сможет смотреть фильмы типа «Френсис» или «Полета над гнездом кукушки». То, что с ним сделали, непоправимо. Он или возненавидит людей, или не сможет никогда причинять им зло — даже последним подонкам. (Слава богу, со мной произошло именно последнее. Отсюда, наверное, пункт о всеобщей амнистии в программе ДС.) И держать его будут на коротком поводке. Есть такая штука — психоневрологический диспансер. Политический после СПб обязан посещать его каждый месяц. Возьмется за прежнее — без суда и следствия попадет в ПБ (достаточно одного звонка из КГБ), а там и в СПб. «Тот, кто нарушит Закон, возвращается в Дом Страдания». Всё по Уэллсу.

Я не ходила в диспансер. Доктор Житловская всё поняла и автоматически записывала, годы подряд, меня не видя, в журнал про мое «хорошее состояние», обманывая свое начальство и КГБ. Если 50 процентов психиатров участвовали в пытках, то 50 процентов сочувствующих спасали от 50 процентов первых и ГБ. Без них ни один диссидент, брошенный в комнату 101, не выжил бы. В Империи Зла тихой сапой саботировало и подрывало устои Добро. Система не работала безупречно, винтики иногда отказывались выполнять команды даже в карательных структурах. России не дано было стать тысячелетним рейхом, в действительности она слишком противоречива и слишком сложна для идеальной деспотии. Эмоции, первый порыв (самый благородный), милосердие и самоедство, проявляющиеся в перманентном диссидентстве, опрокинут в очередной раз все планы национал-патриотов, все чаяния государственников. Третий Рим интересен тем, что постоянно разрушает сам себя силой рефлексии, без всяких варваров. Но вернемся к моим останкам.

Оказавшись дома, я должна была умереть: пища не усваивалась совершенно, не было желудочной флоры. Но достали югославские ферменты, и я выжила. Еще раз повезло!

«ПУСТЬ МЕРТВЫЕ ХОРОНЯТ СВОИХ МЕРТВЕЦОВ»

Мало того, что из спецтюрьмы выходит зомби, лишь внешняя оболочка бывшего человека, выжженная изнутри беспредельной ненавистью, предельным унижением и непозволительными для мыслящего существа страданиями. Но этот зомби еще и вынужден вести загробное существование. Возвращение в лоно Церкви спасало от костра, но не избавляло от пожизненного заточения в монастырь на хлеб и воду (вариант, предложенный Жанне д'Арк). По-моему, Советы сильно прогадали, не давая своим жертвам мирно одуматься и отойти, вернее, уползти в сторону. Выживший в СПб был навечно неблагонадежен, то есть он был невыездной, нелояльный, подозрительный, состоящий под гласным надзором КГБ.

Но он же был и ненормальный, и состоял под гласным надзором психиатров нужного образца, и считался недочеловеком (гитлеровцы были гуманнее: они таких сразу

отправляли в газовую камеру). Нормальная работа по специальности, учеба, брак для него исключались. Кто взял бы на работу вчерашнего узника КГБ и СПБ? И если бы не бунт «винтиков»... Воля к смерти после выхода из СПБ настолько превышает волю к жизни, что конец был бы один, и очень быстрый. Мария Никифоровна Ольховская взяла меня воспитателем в детский санаторий, зная про меня всё. Не все дорожили устоями СССР, многие радовались возможности хотя бы тайно, под землей, их подрыть. Кротов было гораздо больше, чем буревестников. Этим кротом не хватало на то, чтобы режим рухнул, но формулу его дряхления и эрозии они обеспечивали. Режим и жить был не в силах, и умереть не мог.

Я люблю детей, но не люблю с ними работать: они чувствуют, что здесь можно сесть на голову. Корчаковское воспитание в советских условиях себя не оправдывало. Дневной сон я своему контингенту оплачивала леденцами: логическими доводами я заставить их спать не могла, а насилие я применять не хотела и не умела. Дети были счастливы, родители — тоже, а я обливалась холодным потом, пытаюсь удержать свою группу от полного разбега за Можай и от выцарапывания друг другу глаз.

В инязе мне выдали академическую справку со всеми моими пятерками («отл.») и с отметкой, что я была исключена за поведение, недостойное советского студента. С такой справкой нечего было и думать куда-нибудь идти. Но я решила закончить институт — или не жить, потому что доказать, что это понижение статуса проистекает не от моей неспособности, а от политических репрессий, всем советским обывателям я бы не смогла. Тщеславие? Возможно, но, скорее, оскорбленное человеческое достоинство. Та же М.Н.Ольховская дала мне нелегально характеристику. Но где было взять еще две подписи на треугольнике? Какой профорг, какой парторг мне это подписали бы? Кто бы поставил печать? Можно написать отдельный детектив о том, как я ухитрилась, подобно Джеймсу Бонду, поставить обманом печать в нашем головном учреждении, а за профорга и парторга попросту расписалась сама. Документы, следовательно, были подложные. КГБ действовал нерасторопно (они узнали, что я учусь, только когда я была уже на IV курсе), и советская безалаберность обеспечила мне студенческий билет МОПИ — областного

педагогического института им. Крупской. Москвичи учились там на вечернем (хотя для конспирации я поступила на заочное), там была отличная лингвистическая школа, библиотека, унаследованная от Высших женских курсов, а заодно там подрабатывали преподаватели из иняза. Учиться на вечернем вообще трудно, в полудохлом состоянии — еще сложнее, а при необходимости знать раз в десять больше нормы (я понимала, что рано или поздно всё откроется и начнутся попытки убрать за «академическую неуспеваемость») — и вовсе тяжело. Но это был вопрос чести и выживания, без диплома я не смогла бы вернуть себе самоуважение.

Когда всё встало на свои места, не все преподаватели захотели участвовать в травле «белого зверя», да и при вечерней системе это было сложно. Всё должно было решиться на госэкзаменах. Со щитом — иль на щите! Это был мой личный бой, и никто не мог понять, как высока была ставка. И Сахаров, и Юрий Орлов успели получить свои степени до начала конфликта. Они были кем-то. Им было с чего начинать. Я не могла допустить, чтобы меня всю оставшуюся жизнь считали человеком, поссорившимся с системой из-за личной неудачи, а недоучка без диплома, если он не художник и не поэт, никем иным, кроме неудачника и люмпена, считаться не будет. Обычно госэкзамен проходит гладко, спрашивают по 10—15 минут; «заваливать» свою же продукцию никому не выгодно. Но меня по специальности и научному коммунизму допрашивали по часу-полтора, а если еще учесть идеологический спор и здесь и там, то к краю было близко. Однако мои десятикратные запасы сделали свое дело: единственное, чем комиссия могла утешить КГБ, — это поставить мне «хор.», а не «отл.», и лишить честно заслуженного красного диплома, а на педагогике и этого не вышло, там не участвовали в заговоре и поставили «отл.».

Шел 1977 год... На восстановление физического здоровья ушли два года. Моральное состояние восстановить было нельзя. Но к 1977 году я поняла, что первый шок прошел (восстановление длилось 5 лет) и я могу снова идти на тот же кошмар и выбрать перспективу медленной смерти личности в комнате 101, зачеркнув таким образом свое первое отречение (пытки не имели значения; я уже знала, что могу их выдержать; впрочем, это я знала всегда). Но нужны были

свидетели, которые бы зафиксировали мою безукоризненную нормальность до того, как начнет исполняться очередной смертный приговор; нужны были свидетели компетентные и с возможностями засвидетельствовать это перед всем миром.

То есть дальнейшая деятельность была просто невозможна без диссидентов и контакта с Западом. К тому же нужны были товарищи, а где еще их взять? КГБ не оставлял жертве выхода, кроме продолжения борьбы. Человек из подполья вообще опасен, но зомби из СПБ опасен вдвойне. Если уж Буковский, выбравшись из Ленинградской СПБ, счел, что «нет в этой войне больше запрещенных приемов»... Именно тогда у меня сложилось решение: это государство должно лежать во прахе и руинах, этот Карфаген нужно стереть с лица земли, и провести борозду, и засеять солью.

Выпустить живым из СПБ — это хуже, чем не добить тигра-подранка. Сегодня государство треснуло, покосилось, часть его обрушилась. Кончились две Пунические войны, но впереди последняя, третья, которая восстановит справедливость ценою гибели советского мира с его ценностями...

А во всем виноват КГБ, который перестал расстреливать своих врагов и дал нам возможность посеять и пожать нашу ненависть. Сказано же в Писании: пусть мертвые хоронят своих мертвецов. Зачем меня выпустили с того света? Безумны пастыри, унижающие волков. Мы им не овцы. Нас надо отстреливать.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В АИД

«Сеть» делается так: «А» находит людей, готовых распространять нелегальные материалы, не знакомит их друг с другом, придумывает им псевдонимы по своему ассоциативному ряду. Эти «узловые» дистрибьюторы (их у одного диссидента может быть 15—20 человек) находят сами таких же людей, эта вторая ступень находит третью, третья — четвертую и так далее. Получается покрытие информационного пространства ячейками.

Такая сеть годится не только для распространения самиздата, но и для листовок, и для терактов, вообще для любой подпольной деятельности. «А» знает только дистрибьюторов:

он должен давать им книги и материалы и менять их потом, записывая под выбранными псевдонимами долги дистрибьюторов в «библиотечный абонемент». Дистрибьюторы свои псевдонимы не знают. Они передают книги своим людям II ступени и знают только «А» и этих людей. У каждого дистрибьютора свои контакты; они ими не делятся, ибо незнакомы друг с другом. Не знает их контактов и «А». В случае внедрения провокатора или предательства на следствии вся сеть не сгорает никогда.

Тот, кто пытается узнать больше, чем положено ему по схеме, считается провокатором. Я могла лично убедиться в том, что КГБ обламывает зубы о библиотечные абонементы и не может раскрыть ассоциативные псевдонимы. Книги так тоже почти не терялись, потому что были постоянно на руках. Как сказал кто-то из диссидентов: «То, что роздано, то сохранено». А на «библиотечных полках» ничего не было, кроме карточек. То, что поступало, сразу уходило в сеть. Обмен — для экономии риска — предполагался двойной: раздал, получил долги, разнес по тем точкам, где этого еще не было. Потеря книги считалась большим позором, книги мы ценили дороже нашей жизни. Святая простота!

В 70-е годы мы считали, что если человек прочитывает Оруэлла или Солженицына, он бросает свои сети, идет за нами и делается ловцом человек. Книги распространялись, как святое причастие, как Грааль. Их брали с благоговением и тайным ужасом: многие из них тянули на 7 лет. Конечно, в Москве в 70-е сажали уже не за это: скорее, за правозащитную деятельность, за сбор подписей под письмами протеста, за участие в организациях типа Хельсинкской группы, не говоря уж про издание «Хроники текущих событий» или листовок и подпольных журналов. Изготовление книг преследовалось жестко, а распространение шло в обвинение (не включишь же туда членство в Хельсинкской группе). 70-ю статью «обеспечивали» Оруэлл, Авторханов, Конквест, «Архипелаг ГУЛАГ» («Архип» — согласно неологизму Владимира Гершуни), Зиновьев. Унаследованная от Алика Гинзбурга после его ареста книжица «Процесс четырех» (дело Галанскова, Гинзбурга, Лашковой и Добровольского) дождалась у меня до 1987 года и влилась в Независимую библиотеку, ныне захваченную штурмовиками из национал-патриотов (по крайней мере, на конец 1992 года она захвачена).

Западные, тамиздатовские книги карманного формата (кто держал их в руках, навсегда сохранит к Западу самые теплые чувства) были на вес золота: они шли на копирование, с них делали ксеро- и фотокопии. Фотокопии были жутко громоздкими и неудобными в обращении. «Архипа» носили в коробках из-под утюгов, он как раз там умещался. Часто обмен книг происходил, как в чухраевском фильме «Жизнь прекрасна», с помощью двух одинаковых пластиковых сумок. Я думаю, КГБ был в курсе, но гоняться за каждой книжкой в Москве не считал нужным.

К диссидентам я пришла с готовой программой подрывной деятельности: листовки, создание политической партии, организация народа для борьбы. Я совсем забыла, что со своим уставом в чужой монастырь не лезут. Диссидентам хватало и правозащитной деятельности, а если они ориентировали ее на Запад, то потому, что слишком хорошо понимали, что только там можно искать защиты, что здесь не сдвинуть ничего, даже при несталинском уровне репрессий. К диссидентам пришел инсургент, к тому же народно-вольческого толка плюс народнический уклон, что вызывало, должно быть, у них массу неудовольствия. Но в те времена солидарность обреченных побеждала все разногласия. Я ничего не пыталась приукрасить, честно покаялась за Казань. От меня не требовали искупления, хотя я только о нем и мечтала. У диссидентов-западников была одна хорошая черта (то есть, конечно, не одна, но эта, пожалуй, главная): они были интеллигентны, терпимы, не требовали ни от кого жертв (жертвуя собой) и умели прощать.

Я помню, как простили Гарри Суперфину его ужасное поведение в тюрьме (назвал очень многих, то есть не только отрекся, но и предал) за то, что на суде он сумел взять обратно свое отречение и вел себя достойно. Прощали в первый раз после искупления костром; Юрию Шихановичу простили в первый раз и не простили во второй. Якиру и Красину, не сумевшим искупить предательство, не простили вообще. Отречение в СПб не считалось «западло»: враги не могли его использовать, и потом, там жертвовали не только жизнью, но и разумом. Диссиденты жили под регулярно падающей секирой, ожидая очередного «растрела заложников», но это не делало их ни злыми, ни печальными. Может быть, я не была с ними близка, но мы были рядом.

Саркастичная Ира Каплун (на вопрос, на чьей стороне она будет, если СССР объявят войну, она всегда отвечала: «На стороне нашего противника»). Суровая Маша Подьяпольская (все называли ее просто Машей, хотя она старше меня на двадцать лет). Хрупкая, маленькая и неукротимая Мальва Ланда (при основании Хельсинкской группы написала особое мнение, что на Запад она обращаться будет, а к советским авторитетам — ни за что; при роспуске написала заявление, что она одна остается членом этой группы, вопреки ее роспуску). Гений протеста Володя Гершуни (тоже старше меня лет на двадцать), успевший в конце 40-х годов расклеить антисталинские листовки, сесть на 10 лет, пообщаться с Александром Исаевичем, помочь ему писать «Архипа» («Истребительно-трудо-вые лагеря» — его неологизм), вернуться, сходить на первую демонстрацию на Пушкинской в 1965 году, сесть в СПб, вернуться, заняться подпольной журналистикой, снова сесть и так далее.

В это время (со свежими силами) я изготовила кучу памфлетов (о новой Конституции, о советской прессе, о КГБ, об СССР, даже не помню, еще о чем, но их было штук семь-восемь). Это добро пошло в общий котел «Поисков» — тогдашнего самиздатовского журнала. Был он толстый, напечатанный на машинке, сегодня подошел бы разве что Партии труда, а тогда тянул на 190! Что-то прибрал к рукам Сокирко, тоже нечто издававший под красивым псевдонимом «Буржуадемов». Наконец я нашла вполне «своих» и сошлась с неодицидентами, которые среди старших дицидентов слыли чуть ли не разбойниками: с Володей Борисовым, Колей Никитиным, Левоу Волохонским, Альбиной Якоревой и Женей Николаевым. Это были люди молодые и веселые, ненамного старше меня, а Альбина — даже моложе. Они создавали новую субкультуру антисоветчиков, так как советскими людьми побывать не успели и были совершенно от социума оторваны (Борисов и Николаев успели посидеть, Володя — даже в СПб). Жили они где придется, как птицы небесные, питались чем Бог пошлет. Ночевали зачастую в каких-то партизанских землянках в лесу, обещали взять меня, когда проведут туда горячую воду (без нее я уже тогда не могла). Одета вся эта компания была соответственно. Они были изгоями и такими же волками, как я (только добродушными).

Мы были счастливы и надеялись придумать много новых пакостей. Мы вместе писали правозащитные письма. Делалось это так: кого-нибудь арестовывают, оставшиеся на свободе пишут письмо. Я старалась впихнуть в это письмо хоть какие-нибудь политические характеристики режима и некий завуалированный призыв (к моему любимому революционному действию).

То есть я пыталась сделать оргвыводы. Остальные боролись со мной как могли. Западу это было не нужно, а больше никуда письмо не шло. Но я все равно подписывала все письма, даже плохо написанные, бледные, недостаточно радикальные: они обеспечивали арест. Когда сажали человека, собиравшего подписи под письмом № 1, писалось письмо № 2 в его защиту, и после этого арестовывали того, кто писал письмо в защиту того, кто писал письмо в чью-нибудь защиту. Составлялось письмо № 3 — с теми же последствиями. Это было немножко похоже на дом, который построил Джек, и было бы смешно, если бы не было так печально. Защищали всех, защищали тем, что садились рядом, в соседнюю камеру. Защитить человека было нельзя — можно было защитить идею прав человека, не имея никакой возможности защитить сами права.

И это было свято, и из-за этого каждый, выступавший и выступающий против диссидентского движения со стороны, будет навеки проклят. Самой колоритной фигурой в Движении был геолог Владимир Сквирский, или Дед (из-за бороды, а не из-за старости). Он ходил в народ, когда был на маршруте, «мутил» этот народ, пытался создать рабочее движение. То есть был явно ближе к революционерам, чем к диссидентам. Дед и завещал нам то дело, которым наша банда «разбойников» занялась после его ареста.

ПРОФСОЮЗ — ЭТО РОСКОШЬ, А НЕ СРЕДСТВО ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

У «Солидарности» была разумная история. Сначала 200 человек интеллигентов из КОС-КОРа* воспитали рабочую элиту вроде Леха Валенсы (книгами, журналами,

* КОС-КОР — Комитет общественной самообороны — Комитет обороны рабочих (Польша). — *Здесь и далее — прим. ред.*

лекциями; их тиражи самиздата, их библиотеки было не сравнить с нашими, да и Запад с его типографиями и ксерксами был к ним ближе). Затем уже вспыхнуло рабочее движение. Из «Искры» возгорелось пламя (из газеты «Работник»).

То есть Костюшко и Домбровский разбудили КОС-КОР, а КОС-КОР разбудил «Солидарность». У нас же XX съезд разбудил Булата Окуджаву и Юрия Любимова, они разбудили диссидентов, а диссиденты уже никого не могли растолкать: все спали мертвым сном. Подъем не состоялся. Поэтому вдохновлявшая Деда идея рабочих профсоюзов, независимых от ВЦСПС, была чисто платонической. Наш СМОТ — Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся — был отчаянной попыткой несчастной интеллигенции в порядке стахановской инициативы поднапрячься и произвести из себя еще и рабочее движение. Диссиденты-многостаночники сумели сделать и это. Смеяться над этим не лучше, чем убить пересмешника.

Надо сказать, что наша бурная деятельность протекала в таком отрыве от народа (кроме книг), что мне казалось, что она обрушивается в пустоту. Мы толкли воду в ступе и носили ее в решетке. Это было утомительно и опасно для жизни, это приводило в тюрьму, но сама деятельность от этого не казалась мне более полезной. Всё было выморочным и призрачным. Поэтому профсоюз обещал просто бездну смысла. Ясно было, что народ сдаст народника в КГБ, но до этого можно же было к нему (к народу, не к КГБ, хотя именно последний откликнулся) воззвать! Однако документы СМОТа меня очень расстроили. Они были уклончивы и ни к чему «такому» не призывали. Мне бы, конечно, хотелось с ходу превратить СМОТ в Союз борьбы за освобождение СССР от большевиков. Володя Борисов меня утешил, обещав, что мы превратим СМОТ по ходу дела в политическую партию и даром что документы уклончивые — самое сильное место было: защита политических прав трудящихся, — но и за них посадят. Что за них посадят — это было вполне правдоподобно.

Поэтому не влезть в это дело было просто неприлично. Володя как в воду смотрел: в той или иной форме сели все организаторы, а Марк Морозов вообще погиб (повесился в Чистопольской тюрьме). Все профсоюзные мероприятия проходили на квартире у Марка, и он был у КГБ

бельмом на глазу. В СМОТе участвовал и Пинхос Абрамович Подрабинек, похожий на сказочного гнома. Были у нас и «старшие» — Юра Гримм и Петр Маркович Абовин-Егидес. (Тогда его социализм с человеческим лицом был так же не ко двору, как и теперь. То есть его считали диссидентом и при Брежневе, и при Ельцине.) Предполагалось, что профсоюз будет подпольным (из чего явствовало, что мы создавали Сопротивление под углой крышей профсоюза), а представители каждой подпольной группы будут открытыми и войдут в Совет Представителей. Поскольку членство в СП обеспечивало посадку, я пошла на маленький невинный обман: придумала себе группу. Полагаю, что многие из моих профсоюзных соратников, если не все, поступили так же. А если у кого группа и была, то она явно не подозревала о наших на нее видах. Честнее всех поступил Володя Гершуни: он назвался рядовым членом.

Мы искренне жаждали создать будущую «Солидарность» (за два года до ее рождения в Польше); чем мы были виноваты, если рабочие не хотели вступать в профсоюз, который им мог обеспечить единственно право сесть в тюрьму? До нас робкая попытка соорудить совсем уж не политический профсоюз была сделана инженером Клебановым. И хотя бедняги все время пытались объяснить КГБ, что их не надо сажать, потому что они против властей не бунтуют, эксперимент стоил Клебанову пыток в спецтюрьме. Наша пресс-конференция на квартире у Марка Морозова производила странное впечатление. Еще до нее «старшие», Юра Гримм и Петр Маркович, не вынеся нашего хулиганского радикализма (к тому же, кроме Володи Борисова, все мы были пламенными противниками социализма), из нашей «затеи» удалились. Потом ввалился несчастный Клебанов «со товарищи» и стал нас честить, что мы его обокрали (составляет ли идея профсоюза интеллектуальную собственность, а если да, то чью?). Наша «банда», Володя Гершуни и Женя Николаев (вот когда Эдичка Лимонов пригодился бы, но тогда он был то ли мал, то ли уже за бугром), собралась на квартире у Марка Морозова. (Какие мы все-таки сволочи: когда Марка арестовали за наши дела и он, больной пожилой человек, не выдержал и сломался и получил ссылку в Воркуту, мы его не простили, и он пошел «искупать кровью» свою слабость и схватил в Воркуте второе дело по статье 70-й, и второй приговор

привел его на большой срок в Чистопольскую тюрьму, и там, одинокий и обреченный, он повесился. Никогда себе не прощу. Только такие катастрофы могут научить снисходительности человека нетерпимого.) Документы СМОТа мы спрятали по разным углам, даже в колыбели Альбиного младенца: КГБ мог прийти раньше западных журналистов. Странная это была презентация. Дед был у нас в числе членов СП «посмертно». Журналисты пили чай, шелкали аппаратами, писали в блокноты и смотрели на нас с опасливым уважением. Мы были смертниками, они это понимали. Потом английский журналист К'вин был даже перемещен из Москвы своим собственным Би-би-си за плохое отношение к тоталитаризму и избыточное сочувствие диссидентам (поэтому по части Нюрнберга над коммунизмом Запад идет с нами в долю). Здесь я познакомилась с бельгийским корром месье Диком. Он был вообще Дон Кихот. Ездил по всем лимитрофам и боролся с коммунизмом. В Чехословакии пытался помочь деятелям «Пражской весны», устраивал им встречи с западными политиками. И сел в тюрьму! Насилу Бельгия его отбила. У нас в тюрьму его не посадили (не было принято, корров высылали), но он старался как мог. И это тоже Запад: К'вин, Дик и другие. Братство Кольца.

Но самое ценное приобретение, которое мы унаследовали от Деда, это рабочие кружки. Они тоже весьма отличались от классических дооктябрьских образцов. Меценат и спонсор, тративший массу денег на «революцию», Юра Денисов (друг Деда) зазывал этих рабочих к себе, кормил и поил и предоставлял Деду для просвещения и агитации. Я унаследовала этих рабочих от Деда. Помню свою лекцию «Что мы отмечаем 7 ноября?». В сей праздничный день за хорошо накрытым столом. Но рассказала я про родной Союз такие страсти, что бедные гости утратили аппетит, не допили и не доели. Пленка с моим докладом, как я потом узнала, на следующий день была в КГБ. Через третьих лиц мне передали ультиматум: или я прекращаю читать, или меня арестовывают. Естественно, я продолжила. Потом с этим кружком управились очень просто: вызвали кружковцев в КГБ и предложили иначе организовывать свой досуг. Что они и сделали. Лекторы жаждали просвещать, зато объекты просвещения все поразбежались. Нет слов, чтобы описать их тягу к революционной деятельности

по освобождению своего класса. Мы щедро снабжали их самиздатом; Комитет (или «Контора») всё знал. Одну девицу даже лично высек отец, а наш самиздат (ее порцию) сжег на балконе. С другими и этого не понадобилось. С кружком управились просто. Но я должна была получить свое по расчетной ведомости. И получила.

«ОТ СОДЕЯННОГО МНОЮ — НЕ ОТРЕКУСЬ»

Идя на неизбежный арест и возвращение (более чем вероятное) в «Дом страдания», я просила у товарищей по диссидентству одного: достать мне ампулу с ядом, чтобы не попадаться живой Им в руки, чем, похоже, страшно пугала диссидентов, которые смотрели на этот вопрос менее радикально. Расстрелять все патроны и оставить последний для себя — это и полезно, и приятно, и во всем в моем вкусе. Но откуда было диссидентам взять шпионский инвентарь? Поэтому из моего шикарного намерения броситься на свой собственный меч ничего не вышло.

Пришлось вторично идти в газовую камеру. Случилось это более чем оригинально. Меня арестовали на работе. Тогда я уже работала переводчиком и библиографом в научной библиотеке II МОЛГМИ (попросту во Втором Меде им. Пирогова). Директор этой библиотеки Алла Петровна Никонова, здравствующая и поныне, сексотка, сталинистка и коммунистка из «интересанток», обожавшая устраивать обыски в столах своих сотрудников, попросила меня спуститься с ней в подвал и помочь ей вынести оттуда какой-то стенд. Я, ничего не подозревая, спустилась. Этот подвал мы делили с РИВЦем (вычислительным центром). Там меня уже ждала милиция. Кстати, инженеры из РИВЦа пытались выяснить, в чем дело, но их грубо вытаскивали из подвальной комнаты и на все их вопросы, что здесь происходит, отвечали: «Вас это не касается». В самом деле не касалось: никто не попытался вступить, никто не стал связываться с «правоохранительными органами», хотя я и излагала ситуацию. Все покорно уходило. Когда здание опустело, меня силой выволокли на улицу (поскольку я решила ничему не подчиняться добровольно), запихнули в воронок и отвезли в 19-е отделение милиции. Там я сидела часов до одиннадцати вечера, требуя без всякого результата прокурора, адвоката, судью и санкции на

арест. Вопросы законности никого не волновали даже на уровне постановки проблемы. Тупое и нерассуждающее подчинение. Это были не люди, а функции. Орудия системы, не имеющие собственной воли.

В 11 часов явились два достаточно злобных фельдшера и парочка санитаров. Всё делалось просто, келейно, по-домашнему. Главным было решение Комитета. Остальное — приложится. Мои политические рассуждения на тему о «карательной медицине» и проклятия в их адрес впечатления не произвели. Санитары объяснили мне, что они получают хорошие деньги, и, если они начнут выбирать между здоровыми и больными, а не брать, кого приказано, их семьи этих денег лишатся. Что я могла на это возразить? Только отказаться идти добровольно. Милиция взялась помочь. Конечно, если бы при мне было оружие, я без колебания перестреляла бы кого успела и из мундирных, и из халатных рядов, а последнюю пулю потратила бы на себя. Но оружия не было, и меня довольно грубо опять поволокли и бросили, куда полагалось. Мы ехали в 15-ю психиатрическую больницу, в 26-е отделение. Принудительная госпитализация такого рода не менее мучительна, чем посадка в СПб, но гораздо более унижительна. В СПб персонал знает, что к ним доставляют нормальных политзаключенных. Он привык, ему не надо доказывать свою нормальность. А в ПБ политические редкость, они нетипичны, и как вы объясните нянечкам, имеющим самый низкий образовательный ценз, что вы нормальны? Как объясните это посетителям, навещающим своих больных? Постоянное ощущение позора — это специфика ПБ. В СПб преобладают здоровые преступники, которым удалось «закосить». В ПБ настоящие больные. С ними придется разговаривать, они будут считать вас за своего. Политзеки, побывавшие в ПБ и СПб, если они горды и щепетильны, всю оставшуюся жизнь будут ненавидеть душевнобольных и не пожалеют их ни за что, ибо их когда-то сравнивали с ними в правах.

В этом отделении «психи» мне сломали две пары очков и облили раз кипящим чаем. Ей-богу, я была близка к пониманию гитлеровских мероприятий по уничтожению сумасшедших. Сама я бы этого делать не стала, но... жалко мне не было. Отделение было укомплектовано украинскими психиатрами, разделяющими идеи ленинградской школы. Здесь не верили ни в вялотекущую шизофрению,

ни в Лунца. Здесь всё понимали и отказывались применять к политическим меры устрашения.

Ни одной таблетки я не получила. Я могла обложиться книгами и делать переводы. Еду мне носили из дому, диссидентов пускали на свидания. Но спать я в этих условиях никак не могла, и это порядком отравляло жизнь. Здесь не требовали отречения, но я перевыполнила норму: написала письменное заявление с отказом от тех заявлений, которые делались под угрозой лишения разума в СПБ, и с кучей политических пассажей, разоблачающих всё и вся. Врачи были в ужасе, они боялись, что это будет стоить мне перевода в СПБ пожизненно (и впрямь едва не стоило). С их точки зрения, подобное доказательство душевного здоровья было неубедительно: у нормального человека нормально работает инстинкт самосохранения. Выпустить меня без санкции КГБ даже украинские врачи ленинградской школы не смели. Начала я, кстати, с сухой голодовки. Но ее мне сорвали общими усилиями друзья-диссиденты, такую форму протеста не поддержав. От моего письменного заявления они тоже были не в восторге. Мои резкие движения мешали им меня защищать.

И это непонимание (при том, что Женя Николаев носил передачи от Фонда со швейцарским шоколадом и салями) было тяжелее всего. Кстати, Комитет довольно скоро «врубился» насчет лишних людей и лишних встреч, и диссидентов пускать перестали. У нас осталась переписка через родственников. Но от нее было мало радости, это была не поддержка, а перманентный спор на тему о том, чтобы я не вела себя так неосмотрительно. Знаменитый Володя Гершуни даже обратился ко мне с посланием, где называл меня «чуркой» — за строптивость. Я ждала не этого и здорово разочаровалась даже в нашей «банде». Моя идея ликвидировать психиатрический террор обязательным объявлением всеми его жертвами сухой смертельной голодовки или путем передачи яда на свиданиях (передать было, кстати, можно, никто особо не следил) поддержки не нашла. Яду мне никто не принес, хотя я бы в этом никому в таком положении не отказала, если бы могла достать. К тому же я убедилась, что жертвы психиатрических репрессий считаются диссидентами второго сорта. Воспитанная хозяйка не скажет вам, что вы наследили на ее коврах, но будет посматривать на ваши грязные ноги. Не все же попадают

в СПБ, а вас угораздило, и теперь с вами вдвое больше хлопот. То есть такое положение вызывает не только сочувствие, но и досаду. А потом со справкой из ПБ как прийти на работу? Как доказать, что это был арест, а не болезнь? Вот когда поймешь пушкинского Кочубея: «И первый клад мой честь была, клад этот пытка отняла». Даже если вы ее выдержали. Здесь я поняла, что никакой героизм, никакое достоинство в СПБ, ПБ и после этого не спасают от бесчестья.

Здесь же я познакомилась со знаменитым профессором Морозовым. Он явился лично посмотреть на свой «боевой трофей». После нашего с ним разговора-дуэли в кабинете заведующего отделением при персонале один врач уехал в Израиль, заявив коллегам, что в стране, где происходят подобные вещи, он жить не может. Оказавшись вместо Израйля в Мюнхене, он сдал запись нашей беседы на «Свободу» (магнитофон был у него в кармане). Морозов сказал мне, что меня следует уничтожить, ибо я опровергаю идеалы, ради которых он жил и воевал (ничего себе беседа «психиатра» с «больным»!). Он назначил «лечение», но все врачи отделения дружно отказались применять пытки, предпочитая увольнение. Уволить всех четверых сразу оказалось нерентабельно, и нас оставили в покое. Когда за несколько лет до этого в другом, но аналогичном месте Женю Николаева заставляли дать подписку об отказе от общественной деятельности, пытая нейрорептиками, он сел и написал: «Отказываюсь от участия в субботниках, профсоюзах, октябрьских демонстрациях и ни за что не дам денег на ДОСААФ». Женя в Германии, и как же я была рада, что до него им уже не добраться!

В конце концов Володя Борисов меня все-таки вытащил. Его друг Виктор Файнберг, участник дела августа 1968 года на Красной площади, сидевший вместе с ним в Ленинградской СПБ, поднял на ноги английские профсоюзы. Они сделали то, что не могла сделать «Эмнести Интернэшнл». Просто английские докеры осадили советское посольство и три дня никого не впускали и не выпускали. На четвертый день меня освободили. Нам бы таких докеров, и не в 1979 году, а хотя бы в 1993-м! Я отсидела три с половиной месяца. Еще неделька, и я потеряла бы рассудок от одной обстановки, без всяких пыток. Блаженны гонимые за правду? Может быть, но на аренах и на коштрах, а не в психиатрических больницах!

**«А НАШУ ЕЛЕНУ, ЕЛЕНУ —
НЕ ГРЕКИ УКРАЛИ, А ВЕК!»**

Выходя из психиатрического застенка, человек ощущает себя разбитым на сотни осколков. Разбитое сердце — это ерунда. А вот если разбита вся сущность... И ему бы в буддийский монастырь годика на два — собираться в единое целое. А я сразу окунулась в привычную диссидентскую жизнь, которой я не подходила и которая очень мало подходила мне. Я искала деятельности, но кружки разбежались, а распространения самиздата и сочинения писем протеста мне было мало. Даже немые митинги, происходившие 10 декабря ежегодно у памятника Пушкину, оставляли чувство странной досады. Хотелось выйти с лозунгами, устроить массовую (человек хотя бы на десять) демонстрацию. Хоть и сесть, но за дело. Но никто на это не соглашался, а одиночный выход вопиющего на Пушкинской площади даже тогда выглядел бы жалко. 10 декабря надо было добраться до площади и ровно в 19 часов снять шапку. Это невинное и безобидное занятие доводило гэбульников до помешательства. Мало того, что они тучей дежурили на площади и хватали всех знакомых диссидентов, они еще ловили потенциальных «декабристов» на подходе к площади, иногда за квартал, а то и прямо у дома. Наверное, им надо было писать в отчетах, что они предотвращают массовую инсurreкцию (мятеж), и поэтому надо расширить штаты и увеличить зарплату сотрудникам. И приводили в доказательство списки пойманных «инсургентов». А может быть, они понимали суть вещей и знали русскую историю.

14 декабря 1825 года декабристы тоже ни черта не делали на Сенатской, и лозунгов у них не было, и даже шапок они не снимали, а в результате менее чем через столетие пала монархия. Видимо, и диссиденты на тот же эффект подсознательно рассчитывали. Но на площади нам встретиться не удавалось, большинство хватало по дороге. Вот, скажем, типовой поход на Сенатскую образца 1980 года. Я очень тихо и вкрадчиво вышла с работы, поозиралась, ничего не обнаружила, села на 47-й троллейбус, на Лесной из него конспиративно вышла, заметая следы, и пересела на 3-й троллейбус. Каково же было мое изумление, когда в 3-м троллейбусе на одном сиденье со мной оказался гэбист,

который мне проникновенно сказал: «Валерия Ильинична, поезжайте домой. На площадь вы все равно не попадете, а проведете вечер в одном неприятном месте». Я его, конечно, послала к черту. Но когда 3-й троллейбус остановился у «Ленкома» и я вышла, мой визави скатился следом, засвистел как соловей, и словно из-под земли выросли еще трое и поволокли меня в стоящую у тротуара машину. Я, конечно, призывала прохожих противиться КГБ, идти на площадь, а заодно и свергать строй (и всё в один вечер!), но они как-то не соблазнились подобной программой. А меня свезли в участок и держали там до 23 часов.

А тем временем каждый из смотовцев получал свою долю репрессий. Арестовали в Питере Леву Волохонского по 190¹. Дали ему, если не ошибаюсь, года два. (Потом уже по 70-й статье он заработал 5 и 5, то есть 5 лет лагерей и 5 лет ссылки.) Я была у него на суде свидетелем защиты. Защитник из меня плохой, зато обвиняла я всласть. Советскую власть, режим, а заодно и себя. Диссиденты страшно не одобряли мою манеру признавать свои личные действия. Но это, должно быть, у меня от Святослава: «Иду на вы!» Варяжская традиция. У меня в голове не укладывалось, как это можно не признавать своих действий, если они правомерны. Я нарушала все инструкции Альбрехта (фундаментальный труд «Как быть свидетелем»), излагая свое политическое credo («Всегда!») на каждом допросе.

На Левином суде я не преминула заявить, что участвовала в СП СМОТа, подписывала все его документы и требую возбуждения уголовного дела и против меня. Действительно, суд вынес частное определение с рекомендацией так со мной и поступить (и еще с Володией Борисовым, Колей Никитиным и Альбиной Якоревой). Но, видимо, в истории со СМОТом была неуместна невменяемость, а переигрывать не хотелось. Далее по той же статье арестовали Колю Никитина (тоже в Питере). По-моему, Коле дали года полтора. Его следователь приезжал в Московскую прокуратуру допрашивать москвичей.

Протокол моего допроса выглядел весьма своеобразно. Он на все вопросы представлял три варианта ответа:

1. нет;
2. не помню;
3. отказываюсь отвечать.

Вначале шли теплые слова в Колин адрес, что он, мол, очень хороший (своего рода письмо, ведь при закрытии дела всё это прочтет обвиняемый). Затем, напротив, утверждалось,

что КГБ плохой, а строй еще хуже, то есть делались оргвыводы. Заодно я призналась в том, что инкриминировали Коле (написание какого-то письма, которое я в глаза не видела, и сбор подписей под ним). Напрасные усилия! Колю не освободили. Им в данный момент нужен был он, была его очередь. Следователь моим показаниям тоже не обрадовался: ему нужен был компромат на Колю, а не на меня.

Николай Шмелев в своем «Пашковом доме» пишет о диссидентстве неуважительно. Он не имеет на это никакого права, и это неправда. Василий Аксенов в «Ожоге» и Леонид Бородин в «Расставании» тоже пишут о нем не с восторгом, а с горечью, отчаянием и пониманием, но они-то пишут о своих, они право имеют. Мне кажется, что Василий Аксенов потому и уехал, что не нашел здесь желающих выйти с ним на площадь — и умереть. Я была в том же положении, но что позволено великому писателю, не дозволено гражданину. Великое завоевание диссидентского движения — это раскол общества на «мы» и «они», это конфронтация, это противостояние, это возвращение в общество культуры гражданской войны и идеи Сопротивления. Но это возвращение произошло отнюдь не на нравственном уровне 1917 года, а на уровне нравственного превосходства гуманизма и либерализма перед большевистской дикостью. «Красивые и мудрые, как боги, и грустные, как жители Земли» — это о диссидентах.

Прекрасно было и то, что нас объединяли не политические убеждения, а моральные принципы. Поэтому диссидентство под одной крышей могло собрать Петра Абовина-Егидеса, Амальрика, Сахарова и Сквирского. Боюсь, что именно это потеряно, и безвозвратно. Сегодня «Память» не заступится за ДС, «Экспресс-Хроника» не станет защищать гэкачепистов, Фронт национального спасения ничего не сделает для Вила Мирзаянова. Только один ДС позволяет себе роскошь защищать и тех, и других, и третьих, оставаясь последним из могокан лучшей диссидентской традиции. Другая великая истина, почерпнутая из моего любимого романа, — «Один за всех, все за одного». Она соблюдалась свято. После ареста забывались все разногласия, и все дружно кидались спасать даже того, кого еще вчера считали самой паршивой овцой из своего стада. Да и «паршивая овца», оказавшись в руках общего врага, не пыталась спасти себе жизнь за счет отречения от

своих вчерашних оппонентов, за исключением таких предателей, как отец Дудко или пара Красин — Якир. Диссиденты были милосердны, но взыскательны: первое падение можно было искупить; была возможность подняться. Не прощалась только «сдача» других людей. За это отлучали от «семьи» навсегда. Но искупать вину надо было кровью, идя на новый срок, в тюрьме, а не на воле. Очищались не словоблудием, а страданием. По этому неписаному закону я чиста. Перед диссидентами, но не перед собой. Не прощалась слабость «во втором бою».

Не надо лезть в кадр, если не хочешь замечать житейской прозы. Проза была и у декабристов, и у народовольцев. Просто мы уже не можем присмотреться: они ушли. Поэтому не лезьте в диссидентское грязное белье. Если бы не перестройка и не заключение слишком многими из них мира с властью, они остались бы святыми в памяти народной. Но звездные годы у них были, и этого уже никому не отнять. Собственно, не зря диссиденты спасали такой чуждый элемент, как я. Они словно предвидели, что их знамя подхватит ДС, когда оно окажется на земле в начале нового, непосильного для них боя. Я возвращаю свой долг за спасение: пока я жива, это знамя будет развеваться на холме и никогда не будет брошено «Демократическим Союзом» к ногам коммунистических властей, объявивших себя антикоммунистами. Слишком поздно! Надо было заслужить себе президентские и прочие кресла не в обкомах и райкомах, не в Политбюро и ЦК, а в лагерях и Лефортове.

Только этот стаж действителен, только он дает право вести народ к западному либерализму. Хотя, впрочем, настоящий диссидент не берет платы, и если становится президентом, то со скрежетом зубным и ненадолго, как Вацлав Гавел и Звиад Гамсахурдиа. Но я не могла многого у диссидентов принять. Я была еретиком и здесь. Свободный — значит чужой, и это навеки. Меня убивали отъезды на Запад, санкционируемые движением. «Уходящему — Синай, остающимся — Голгофа». Я была за безоговорочную смерть в бою, за бойкот и остракизм беглецам (кроме писателей типа Синявского, Максимова, Войновича, способных создать новые сокровища для России, и кроме узников ПБ и СПб, для которых отъезд был единственной формой реабилитации своего достоинства). Я была жестока; я осталась жестокой, и это воплотилось в незыблемом

принципе ДС: отказ от эмиграции, отказ от спасения. Я требовала от других только того, на что шла сама. В конце концов, когда изменяли силы, оставался выход Ильи Габая, который вместо невыносимого второго срока или невозможного дезертирства на Запад шагнул с десятого этажа. «Претерпевший же до конца — спасется». Я всегда презирала трусов. Воин не может уважать того, кто бежал от боя, бросив оружие и открыв фронт неприятелю. Я не была ни на одних проводах и никогда не буду, и каждому, кто попытается получить мое благословение на бегство от гибнущей России, обеспечено мое проклятие.

Это разводило меня с диссидентами, ибо они прощали уезжающих, даже если не бежали сами. Потом мне было непонятно, почему надо ждать очереди на арест, а не выйти всем вместе на площадь с антисоветскими лозунгами, и пусть берут сразу всех. Правда, ожидающий очереди был уверен, что его час придет. Всем уготована была одна участь, и это было легче, чем потом, когда одних выпустили, а других оставили. «Поджечь что-нибудь скорее и погибнуть» — солидным, отвечающим за продолжение правозащитной деятельности диссидентам было непонятно, как я могу руководствоваться этой формулой. Мне никто не дал бы делать «Хронику» — я внесла бы туда «оргвыводы».

Мои попытки сорвать ГБ всю установленную ими замедленную процедуру жизни и смерти по очереди в пещере у Полифема, когда циклоп сам выбирает себе жертву на ужин, а других оставляет до завтра, не увенчались успехом. Никто не соглашался создавать партию, что означало бы немедленную гибель. А в одиночку партию не создать. Никто, даже Володя Борисов, не соглашался помочь сделать и распространить серию листовок на 10—20 тысяч, даже когда я достала деньги, чуть ли не полтонны бумаги, шариковые стержни для ротатора (сотни штук!), реку клея. Одна я не могла осилить чисто технический процесс; я лирик, а не физик или химик. Я была как в глухом лесу, я звала, но не слышала в ответ даже эха. В провинции были люди этого плана, соглашавшиеся на подобный безумный риск, но я о них узнавала только после их ареста. Каждый умирал в одиночку. А Ира Каплун сказала, что для блага нашего общего дела я должна уехать: я знаю языки, там буду плодотворно работать против власти, у меня есть для этого данные, а здесь от меня нет толку,

я просто погибну медленной и страшной смертью в СПб, и это будет на их совести. Мой отказ привел к нашему разрыву. Мне хотели добра, но для меня такой выход исключался. А КГБ (через третьих лиц опять-таки) поставил ультиматум: или я уеду, или СПб со всеми вытекающими отсюда последствиями — уже пожизненно. Ситуация становилась безнадежной. Самоубийство исключалось, по крайней мере на свободе: я хотела казни, а не добровольного ухода из жизни. Отказ от деятельности был невозможен: совесть не дала бы мне дожить до вечера. Всё было исключено. «Но нашу шхуну зовут "Авось"» — и я продолжала.

Диссидента из меня не вышло, и я переквалифицировалась в народники. Мои личные диссидентские контакты самоликвидировались: Лева был в тюрьме, Коля — тоже (а потом он уже ничем не занимался). Альбина и Женя уехали на Запад. Володю Борисова схватили на улице, надели наручники, погрузили в самолет, довели до Парижа, до аэропорта Орли, положили на бетон и улетели в Москву. Володя был социалистом и часто повторял, что если и поедет на Запад, то только для того, чтобы всё там развалить. Сижу теперь и дрожу, чтобы он не выполнил своей угрозы. Когда Брежнев посещал Францию, Володька собирался сорвать торжественную встречу. Не знаю, что у него вышло. Я оставила диссидентам письменную доверенность* на подписание моей фамилией любых правозащитных писем. Доверенность была составлена в таких выражениях, что за нее одну можно было посадить.

Почему же не посадили? Почему не добились, задаете вы мне резонный вопрос. На Западе у меня не было такого имени, чтобы было опасно добить. У них был один вариант, наши отношения дошли до смертельной точки: арест. Суд. СПб. Попытки. Моя сухая голодовка. Искусственное кормление. Потеря рассудка. Или, если повезет, смерть от травм. Тогда я не понимала, почему они этого не делают. И не думала о неизбежном страшном конце, справедливо полагая, что предаться ужасу и отчаянию я успею после ареста, когда не будет других занятий, когда действительно надо будет умирать. А сейчас надо жить и бороться. Секрет бесстрашия в аутотренинге и в легкомыслии. Надо уметь забывать о том, что тебя ждет. Чем беспечней человек, тем

* См. Приложения.

он храбрее. Я поняла уже потом, почему они оставили меня в живых, и это открытие не доставило мне удовольствия. Однако в свое время я поделюсь и им, когда мы дойдем до тех событий, которые навели меня на эту мысль. Делиться — так делиться, исповедаться — так исповедаться. Все равно я не смогу здесь изобразить ничего лестного для себя, обнадеживающего или утешительного — для общества.

Я нашла людей молодых, свежих и верующих, то есть уверовавших (неофитов). Были они — или казались мне — неиспорченными, неискушенными, умными и образованными. Я сумела заразить их своими идеями и упованиями, и мне казалось, что сносу им не будет, что они станут настоящими революционерами. Были же они честными, идейными интеллигентами; моей ненависти в них не было, обреченности тоже. Сегодня ни один из них уже не борется ни за что. Кружок стал составляться в 1983 году, новая сеть заработала в полную силу к 1985 году. Кого-то хватило на три года, кого-то — на два. Последний ушел из дела в 1991 году. В наш бумажный век заменителей и имитаций и люди имеют укороченный срок годности; Германов Лопатиных и Верочек Фигнер среди них нет. Только один не захотел уподобиться остальным, один избежал общей участи ценой жизни. В 1989 году самый чистый из нас, классический чеховский интеллигент Костя Пантуев покончил с собой. Я могу назвать только его имя, потому что страну ждут еще свинцовые времена, и я не хочу, чтобы проскрипционные списки составлялись КГБ по моей книге.

Какой КГБ, спросите, если сегодня это МБР? Ничего, переживут, пусть скажут спасибо, что не называю их НКВД или ВЧК. Мы тиражировали самиздат, развозили его по городам, раздавали по группам, раскидывали сеть всё шире и шире. Нашли ксеристов, нам размножали наши нелегальные материалы за деньги, но недорого. Для Кости Пантуева всякая политика была омерзительна, но он не любил жестокости и лжи. Произведения классиков самиздата он делал, переплетал и раздавал с упоением. За книги мы платили ксеристам своими деньгами, а раздавали их даром. Сегодня, когда Авторханов, Солженицын и Джилас оцениваются в рублях, уже невозможно понять те евангельские принципы, которыми мы жили. Надеюсь, что после ухода, в дальнейшей мирной обывательской жизни, у тех интеллигентов наши совместные труды в сети останутся лучшим воспоминанием жизни, и они расскажут об этом внукам.

Мы хотели сконструировать ксерокс, это была великая мечта. Купить было нельзя, он стоил слишком дорого. Костя Пантуев назвал Ксероксом своего кота. Он любил говорить по прослушиваемому телефону: «Знаешь, у меня Ксерокс все обои ободрал». У Кости было абсолютное чувство Добра и Зла. Что-то вроде абсолютного нравственного слуха. Если какая-то затея ему не нравилась, она была точно дурная. Мои затеи ему были по вкусу: от них отдавало субъективным идеализмом, а это могло принести вред только лично мне. Костя годился мне в сыновья, но был гораздо старше и взрослее своим спокойным скепсисом и трезвостью. Он был как-то не по возрасту мудр.

Здесь начинается моя вторая «болдинская осень». Я настряпала кучу новых памфлетов; особенно хорош был один, сделанный в виде рекламного проспекта по Архипелагу восьмидесятых годов, с предложением его посетить. Мы всё это пустили в свою сеть и вообще в самиздат. Сделала я и программу будущей политической организации. Она называлась «Возможная программа возможного движения Сопротивления». Она тоже ушла в сеть и самиздат, многим нравилась, но никто не спешил присоединяться. Тогда я опять принялась читать лекции по истории СССР и Сопротивления.

Мне удалось выяснить через посредников, имевших связь с девочками с АТС, что мой телефон прослушивается на Лубянке. Они могли бы нас взять, особенно меня, но не делали этого. Скоро мне предстояло узнать почему.

«ОДНА ИЗ ВСЕХ, ЗА ВСЕХ, ПРОТИВУ ВСЕХ»

В это время мы выпустили сборник политических анекдотов, подобранный по главам (анекдоты о строе, о партии, о вождях, о продовольственном вопросе, о национальных отношениях). Он был куда лучше современных сборников, имел прекрасное предисловие и оценивался не в рублях, а в годах. Впрочем, в Москве такса была ниже, чем в провинции. До конца, до 1986 года, брали только за листовки и демонстрации или за «организованную» подрывную активность. Ах, какого отличного Галича мы выпускали! В твердом переплете! Какие сборнички «Реквиема» Ахматовой

вместе с другими ее стихами из той же оперы и постановлением о журналах «Звезда» и «Ленинград»! Да с предисловием, где были «оргвыводы»! А сборнички на 7-8 антисоветских песен Высоцкого! А Набоков, особенно «Истребление тиранов»! Это всё было еще раньше, до 1983 года. Володя Гершуни дал мне книжку снять копию на один день, и я «Истребление...» переписала от руки, а оно жутко длинное...

В издательских делах здорово помогал Игорь Царьков, которого я безбожно оторвала от научной карьеры, вполне успешной и перспективной. Любой революционер, берущийся что-то организовывать и куда-то призывать людей, должен знать, что он будет ломать человеческие жизни. Боги жаждут... Революции — тоже. И если Игорь Царьков остался в живых, то никак не по моей вине. Своих благоприобретенных честных и идейных интеллигентов я вела к гибели, ужасаясь себе, но не раскаиваясь в этом. Является ли оправданием для такого заклания ближних своих то, что и своя жизнь приносится в жертву, и то, что ты принуждаешь лишь морально, личным примером? Не знаю. Я не ищу оправдания. Я всегда использовала людей вокруг себя как средство для спасения России; знала, что это грех, и не каялась. Иначе я не могла действовать. Для России не было и нет другого выхода, кроме этого: «Возьмите иго мое на себя, и найдете покой душам вашим. Ибо иго мое благо, и бремя мое легко». Впрочем, уходя в 1991 году из ДС с разбитым сердцем и искалеченной судьбой после восьми лет антисоветской деятельности, Игорь Царьков, конечно, был вправе меня проклясть. Комиссара это бы не тронуло, но я еще по совместительству рефлексирующий интеллигент и каждую ночь проклиная себя за дневные труды и за то, что придется сделать завтра.

В КГБ меня не вызывали никогда: знали, что я не приду, а если привести в наручниках, не будет разговора. Но передавали через третьих лиц (достаточно робких, чтобы отказаться) разные гнусные предложения. Например, где-то в 1983 году было одно такое предложение. Учитывая мое несогласие с диссидентами (все квартиры прослушивались, так что они были в курсе наших споров), гэбульники «просили» всего-навсего, ничего не преувеличивая, рассказать в печати о сути нашего идейного конфликта. За это обещали снятие диагноза, научную работу, возможность защитить диссертацию. Или выезд за границу с кем и с чем

угодно и трудоустройство в итальянской компартии (я бы на месте итальянцев крепко призадумалась по поводу своей компартии). Конечно, такие предложения даже не рассматривались. Именно к 1985 году я решила усовершенствовать наши маленькие книжно-подпольные дела и перейти к финальной листовочной стадии. Надвигался юбилей. 10 декабря 1985 года Пушкинскому вечернему выходу исполнялось 20 лет. Я знала, что мои интеллигенты из сети пока не готовы к более решительным действиям. Но если Еву соблазнили фруктом, то интеллигента можно взять стыдом. Я надеялась, что, если я сделаю совершенно самоубийственный жест на их глазах, они возьмут новую высоту и наконец станут революционерами.

Я изготовила серию листовок. На одной стороне было написано (в адрес Пушкина): поборнику прав — от бесправных. И шел цифровой набор: 20 лет. 5 декабря 1965 г. — 10 декабря 1985 г. Пушкинская площадь. Потом уже был записан текст, приведенный на пьедестале (полное стихотворение): «Любви, надежды, тихой славы...» и т.д., до конца. «Обломки самовластья» смотрелись в этот день особенно хорошо. На другой стороне был приведен малоизвестный блоковский текст:

На непроглядный ужас жизни
Открой скорей, открой глаза,
Пока великая гроза
Всё не смела в твоей отчизне, —
Дай гневу правому созреть,
Приготовляй к работе руки...
Не можешь — дай тоске и скуке
В тебе копиться и гореть.
Но только — лживой жизни этой
Румяна жирные сотри,
Как боязливый крот, от света
Заройся в землю — там замри.
Всю жизнь жестоко ненавида
И презирая этот свет,
Пускай грядущего не видя, —
Дням настоящим молви: Нет!

Как сказали бы на московском сленге: не слабо... В тот год молодые диссиденты задумали перешагнуть через цепи, лежащие у памятника. Я приготовила свой сюрприз.

Листовки были у меня в карманах. В наблюдатели и свидетели (и в объекты морального эксперимента) я пригласила Костю Пантуева (мы его называли «Пантик») и Игоря Царькова. Они крались за мной, старательно делая вид, что мы незнакомы. Ровно в 19 часов я выбросила веером первую партию листовок, потом вторую и начала читать стихотворение «Любви, надежды, тихой славы...». Успела прочитать одну строфу; на меня кинулись четверо гэбистов и потащили к машине. Еще две строфы я выкрикнула по дороге, но до «обломков» не дошло. Гэбисты были полны огорчения и печали. Они сказали, что очень удручены, потому что им меня жаль, но они обязаны за такие вещи наказывать.

Я надеялась, что на этот раз наказание будет эстетичнее, чем обычно. Мы приехали в 108-е отделение. Потом Костя Пантуев мне рассказал о событиях на площади после моего «увода». Молодежь и непойманые диссиденты моментально схватили по листовке, засунули за пазуху и приняли безмятежный вид. А гэбисты стали просеивать по шепотке снег вокруг памятника, чтобы выловить все листовки.

Меня погубила литературность моего замысла. Если бы это были мои стихи, хватило бы на 190¹, по крайней мере. В участке гэбисты очень суетились и не верили, что это Блок. Я посоветовала им завести консультанта с филфака. Они притащили том из четырехтомника Блока (я им подсказала, где искать) и с разочарованием обнаружили стихотворение. Не могли же они судить человека за распространение стихов Пушкина и Блока! На этот раз они пытались покончить дело миром и подписать что-то типа пакта о ненападении. Один прямо спросил, не можем ли мы договориться. Я ответила, по своему обыкновению, что между нами горит мост, что мы никогда не договоримся, даже если с ними договорится вся страна и я останусь одна. Я и была одна, но к 1985 году я уже привыкла к этому, и светлые надежды 60—70-х годов уступили место каменному упорству волка, живущего в кругу флажков, и яростному отчаянию смертника, который хочет только одного: подороже продать свою жизнь. Всё повторилось: сначала стихи, потом пули и кровь, минус любовь из окуджавского арсенала. Времени примириться быть не могло. Дежурный психиатр, очень похожая на Эльзу Кох, санитары,

насилие, 26-е отделение. Полтора месяца кошмара. Опять меня никто не тронул, и мне постарались создать условия. Но бедные темные нянечки считали повторно поступающих хрониками и в политике не понимали ничего. Одно замечание такого рода, даже вполне жалостливое, — и я готова была убить всех и себя в том числе.

Когда меня выпустили, Игорь Царьков был достаточно потрясен для того, чтобы принять участие в моих листовочных программах, а Костя Пантуев на правах друга не мог не помочь. Я могла бы их пожалеть. Но не пожалела. Я не имела перед собой добровольцев, из которых могла бы выбирать. Счастливы были диссиденты, которые могли позволить себе роскошь отсылать желающих помочь, как Антигона отказалась от соучастия в ее гибели Исмены. Правозащитник не губит никого, кроме себя. Революционер неминуемо губит еще и других. Но в чем они в России сходятся — это в невозможности кого-нибудь спасти.

Итак, листовочный кооператив заработал. Я написала серию элегических листовок в стиле Гаршина, помноженного на Леонида Андреева и разбавленного Достоевским, для творческой интеллигенции. Они были способны тронуть даже сердце статуи из Летнего сада. Похоже, что и сердца людей они тронули, потому что в КГБ их не отдали. Почему я знаю наверное? А потому, что они были все написаны мною от руки, только адреса на конвертах печатал Игорь Царьков на машинке. И если бы хоть одно письмо попало в «компетентные органы», меня бы немедленно взяли. Листовок они не прощали даже в Москве. Их было 100 штук, этих толстых конвертов. Они были адресованы во все литературные и отчасти научные журналы, во все театры и творческие союзы. Машинку мы взяли напрокат (это тоже был след, и очень четкий). Я лично по 5 штук на ящик разложила их в двадцать разных почтовых ящиков Москвы. Меня не арестовали, значит, листовки пользуются спросом — таков был мой вывод. И мы запустили новую серию.

Наше СП набирало обороты. В это время уже правил Горбачев, и золотой апрель был позади. Шел аж сентябрь 1986 года. Никаким реформатором Горби в 1985—1986 годах не казался, полюс холода не таял, лагеря не распускали, а впечатление он производил прескверное, главным образом своим апломбом. После его печального опыта по осушению винных бутылок путем вырубания виноградников

мы решили, что перед нами второй Хрушев минус XX съезд, то есть самодур, который будет стучать в ООН башмаком по столу или еще что-нибудь выкинет. Следующая наша серия была рассчитана на рабочих. Мы высмеивали не только родной строй, но и Горбачева; вопрошали, где наша «Солидарность», и кончали стишком Брехта:

Идут бараны
И бьют в барабаны.
Шкуру на них дают
Сами бараны.

Это мы писали вместе с Игорем Царьковым, соавторство удалось. Листовки получились настолько хорошими, что снискали одобрение одного из маститых диссидентов, хотя они и не любили таких вещей. Этот диссидент мне и напечатал на папиросной бумаге основную партию, около двухсот штук. Печатали ночью у него на работе, под диктовку. Дома квартиры прослушивались. Напечатали. Пронесло. Костя Пантуев к тому времени разжился машинкой и одолжил ее Игорю Царькову. Тот, по своей безалаберности, напечатал из положенной ему доли только 60 штук, в последний вечер; нарушил все правила безопасности, поздно, почти перед акцией отвез Косте машинку, которую тот уже убрать не успел. К тому же полагается чистить от компромата квартиру, а он схалтурил и здесь. Во всем была виновата я. Видя, что человеку до смерти не хочется идти на этот безумный риск, я могла бы сжалиться и освободить его от «клятвы». Но мы, волки, жалеть ягнят не умеем. Даже либеральный Владимир Буковский со злобой и ненавистью пишет в своей книге о бывших товарищах, ушедших из дела и прикованных к колясочке.

Пишет он об этих людях и их колясочках с такой злобой, что становится неприятно. Все мы, бывшие там, жалеем только своих. «Вольняшки» для нас чужие. В «Круге первом» у Солженицына то же самое. «Вольняшка» у него не имеет души, только зэк — человек. А ведь Буковский и Солженицын революционерами себя не считали... Бедный Царьков не мог отказаться, тем более перед женщиной (о, я ведала, что творю; я искренне думала, что участь мятежника выше судьбы доктора наук).

Листовки решено было распространить в рабочих кварталах, в двух местах: на Пресне и в районе Калужской заставы, в ночь на День Конституции, на 7 октября. Но на старуху случилась проруха, и даже не одна, а целых две.

«ВОТ ЧЕТВЕРТЬ ВЬЮТ ЧАСЫ ОПЯТЬ...»

На нашу беду, в это же примерно время в Москве были кем-то распространены еще какие-то листовки (дело № 190). Мы к ним не имели никакого отношения, но после их обнаружения все потенциальные «листовочники» столицы были взяты «на карандаш», то есть на постоянное телефонное и наружное наблюдение. С телефонным им, положим, утруждать себя не пришлось: мой телефон и так прослушивался непосредственно на Лубянке, а не на АТС, причем круглосуточно. Насчет квартиры не скажу, но на всякий случай всё писалось на бумажках. У меня — но не у Игоря Царькова.

По своей беспечности он всеми моими ЦУ пренебрег. Этим он подписывал себе приговор, и не только себе. Видя такую «неряшливую» работу, полагалось выводить из дела. Если бы я могла предположить, что машинка не спрятана вовремя, что она поехала к Косте в последний вечер и осталась там (по правилам за 20-30 дней до акции всё чистится, убирается подальше и прекращаются все опасные для кого бы то ни было контакты), я бы отменила акцию и потом через две недели сделала бы всё сама, без Игоря Царькова. Но про все накладки и проколы, про то, что в Москве есть еще нераскрытые «листовочники», я узнала там, где узнают про такие вещи «сапожники» Сопротивления, его двоечники: на Лубянке. Наша акция была образцово-показательной на предмет «Как не надо распространять листовки». Впрочем, теперь я понимаю, что мой богатый опыт и знание всех тонкостей мне все равно бы не помогли. Не было ничего тайного (при моем-то досье), что тут же не стало бы явным. Подпольная работа для диссидента была исключена. Он был известен КГБ, отслежен и, следовательно, полностью профнепригоден. А Игорь Царьков и опыта не имел, и советами пренебрегал. Итак, в 12 часов ночи я вышла от одного студента из сети, который жил с семьей в районе Пресни.

Его квартира была почищена на славу, и он ничем не рисковал даже при обыске, а за знакомство со мной в 1986 году уже не могли посадить. Я села в трамвай, не замечая никакой слежки (когда КГБ хочет следить, а не впечатлять, он на ноги не наступает, а делает всё дистанционно). Народ накануне выходного 7 октября празднично спал. Проехав 3-4 остановки, я вышла и, как тать в ночи, почти ничего не видя (-12 зрения, особенно ночью, — это почти слепота), стала искать домик побольше с почтовыми ящиками внизу, и чтобы в них была широкая щель. Облюбовав себе восьмизэтажный дом с наружными лифтами, я аккуратно засыпала листовки в ячейки на первом этаже первого подъезда и пошла опылять второй.

Больше всего я боялась, что загулявшие жильцы неожиданно войдут в подъезд и придется с ними объясняться. Про КГБ я как-то забыла, зато он обо мне не забыл. Едва я успела опылить второй подъезд, как дверь с шумом распахнулась, ворвались семь или восемь человек очень специфического вида (это была так называемая «группа захвата»), прижали меня к стене, схватили (но не грубо, а бережно, как рыболов хватает снятую с крючка драгоценную форель) и с торжеством заявили: «Добрый вечер». И тут же каким-то специальным аппаратом стали освещать почтовые ячейки. «Да, все они тут. Лежат. Надо забрать и из соседнего подъезда», — с глубоким удовлетворением констатировал самый противный на вид «захватчик». Гэбисты пошли звонить в квартиры, чьи номера были написаны на ячейках. Когда смертельно испуганные жильцы в халатиках и пижамах спускались вниз, их заставляли открывать ящики своим ключом; потом им издалека показывали листовку и просили запомнить, что ее достали из ящика при них, а также записывали паспортные данные: имена, фамилии, адреса. Это означало полномасштабный арест, КГБ, Лефортово, суд. Волнение совершенно прошло. Мною овладело какое-то ледяное спокойствие. Бояться было больше нечего, на этом подъезде для меня кончались все земные проблемы. Оставалось достойно встретить конец. После Казани и пыток сюрпризов у них для меня не оставалось (по крайней мере, я так считала). Испуганным жильцам я еще пыталась что-то объяснить, ведь это была моя последняя возможность говорить с людьми. Поэтому меня быстро увели, посадили в машину и отвезли в ближайшее

отделение милиции. Там мои рыболовы отобрали у меня сумку с листовками (добровольно я не отдавала) и стали звонить на Лубянку. В их тоне звучал нескрываемый восторг рыбаков, делящихся впечатлениями с истинными знатоками подледного лова: «Вот такая щука... Пять кило! И просто на блесну!» Мы ждали часа два-три. Ведь взяли меня оперативники, гэбистская черная кость. Когда мне понадобилось пройти в «дамскую комнату», меня не отпустили одну, а снабдили женщиной-дежурной (откуда-то выкопали). Это тоже означало арест. У меня отлегло от сердца. Я обрадовалась! Значит, они переигрывают пластинку, значит, не принудительная госпитализация, а срок, то есть смерть (я давно решила, что в неволе жить не буду, на каторгу добровольно не пойду, а объявлю смертельную голодовку. Даже в случае искусственного кормления она кончится медленной мучительной смертью от механических травм). И вот приехали «сливки» гэбистского общества, офицеры следственного отдела и импозантный седовласый джентльмен, который представился мне как «Петр Александрович» и к которому все обращались как к старшему. Он был очень похож на Великого Инквизитора из «Жаворонка» Ануя. Он смотрел на меня ласково и сочувственно, мудро улыбался, горестно качал головой и поведал мне следующее: «Я, Валерия Ильинична, ваш куратор. Мне поручили вас еще с того первого вашего глупого поступка в 1969 году. Я всегда вас защищал. Мы вас щадили при всех обстоятельствах, надеялись, что вас можно будет сохранить для общества. Но вы упорствуете. Вас нельзя оставлять в живых. Поэтому это наша первая и последняя встреча». Что можно было ответить на столь прямые и откровенные комплименты?

Только то, что я благодарна ему за слишком позднее, но все же состоявшееся признание моей неисправимости, хотя я и прежде не давала повода для подобных надежд на мое примирение с советской действительностью.

Петр Александрович полистал мои листовки, одобрительно хмыкая, прочел и заявил, что по тексту они тянут не на статью 70, а на 190¹, но если я договорюсь со своим следователем о статье 70, то поеду в лагерь к своим, а он возражать не будет.

Я была на вершине блаженства. Я знала, что в лагере не выживу, но это была возможность умереть достойно и пристойно, да еще среди товарищей. Это работать с диссидентами

мне было трудно; сидеть с ними было одно удовольствие, потому что кодекс тюремной этики, этики политзаключенного, они соблюдали до тонкости, то есть «сидели красиво». В красивом же красном автомобиле мы приехали на Малую Лубянку, в следственный отдел московского управления ГБ. Я там уже была в 1969 году. Первый допрос длился 15 часов. Потом Лариса Богораз очень пеняла мне на то, что я не прервала этот «конвейер», который занял всю ночь и часть дня: это было нарушение советского законодательства и международных конвенций. Но я никогда бы не согласилась высказать завуалированную мольбу о пощаде («Прекратите допрос, я больше не могу, у меня нет сил»). К тому же гэбисты с 40-х и 50-х годов порядком дисквалифицировались и забыли, что надо менять следователей.

Так что утром мы с моим следователем Сергеем Сергеевичем Юрьевым заснули каждый в своем кресле по обе стороны его письменного стола. Не успели мы хорошенько рассмотреть первый сон, как явился подполковник Валерий Мелехин и добродушно, но с укором нам сказал: «Вы что это, ребята, разлеглись? У вас еще в смысле работы и конь не валялся. Вот допишите протокол, тогда и поспите». Во время допроса я главным образом ругала всячески советскую власть и наводила в деле тень на плетень. Обычно я так всё запутываю, беря на себя ответственность не только за свои, но и за чужие действия, что потом даже Малюта Скуратов не разберется, и новых обвиняемых впутывать в мое вранье чрезвычайно сложно, потому что на них просто не остается криминала. Вот и сейчас я зафиксировала в протоколе, что все листовки я лично сама и напечатала (а я и печатать-то не умею, но это надо доказать!). Второй обыск у меня дома дал такие же скудные результаты, как и первый, в 1969 году. Все ценные книги и бумаги были заблаговременно убраны. Сергей Сергеевич был сама любовь. Допрос можно было бы назвать журфиксом. Даже статью предложил выбрать себе по собственному желанию. «Я пишу: статья 70-я, — заметил он. — Ведь вы не возражаете? Ведь у вас же был умысел подрыва строя?» Что я могла возразить? Я сказала, что я за, что семидесятка — вообще моя любимая статья в УК.

А в это время происходило следующее. Игорь быстренько рассовал свои листовки. За ним шли два агента, он заметил их, но решил обмануть. Они слышали характерный

стук листовок о дно ящиков. Когда они поднялись на четвертый этаж, Игорь сложил губки бантиком и сделал вид, что он ни при чем, в весьма своеобразной форме. Представляете себе человека, который в холодную осеннюю погоду в час ночи стоит на лестнице у почтовых ящиков и читает «Иностранную литературу»? Они хотели его взять, но их было мало, и Игорь «сделал ноги». Мы договаривались: если я не позвоню до четырех часов ночи, это означает, что я арестована. Я не позвонила. Игорь спокойно лег спать, не попытавшись хоть как-то о себе позаботиться. О себе и о Косте! После обыска (ко мне домой пришли в три часа ночи) мама опять ему позвонила. Игорь поблагодарил и заснул. Разбудили его утром гэбисты. Они ухитрились найти завалившиеся за шкаф мои памфлеты, в том числе и программу Сопротивления. А мы-то их искали! Если вы что-нибудь потеряете, не делайте генеральную уборку, а вызывайте ГБ. Они сразу найдут! Потом гэбисты, забрав на Лубянку Игоря, отправились к Косте и Артему, у которого я коротала вечер на Пресне. Артем был предупрежден и не боялся. Из квартиры давно убрали всё. Гэбисты сделали его ребенку «козу», обшарили напрасно шкафы и удалились. Добыча у Кости была гораздо богаче, ведь он из-за Игоря ничего убрать не успел: машинка, рукописи, журнал, который мы издавали (впрочем, безобидный), кое-какие книги, фотообъективы для копирования. Если бы гэбисты не нашли ничего, они бы Костю не забрали с собой, даже зная о нем всё. Отсутствие улик и твердое поведение (не признаваться хотя бы!) обеспечили безнаказанность, по крайней мере для новичков.

Против Игоря улик не хватало тоже. Взяли с поличным только меня. Костя держался стоически (какой-то апофеоз порядочности) и даже спросил, не надо ли ему взять с собой зубную щетку. Гэбульники посоветовали взять с собой десятку (Костя думал, на тюремный ларек, а оказалось, на обратное такси). Дальше вся компания стала демонстрировать массовый героизм. Когда мне только заикнулись в форме вопроса, не распространял ли Игорь Царьков листовки на Калужской, я немедленно заявила, что сделала это лично, до Пресни. Игорь Царьков, в свою очередь (а ему велели дома одеться потеплее, потому что решили заранее брать), взял на себя мои листовки на Пресне. Костя Пантуев писал в протоколе, что листовки печатал лично

он (когда ему объяснили, что установлено, что они были напечатаны на его машинке). Ведь он не хотел говорить, кому дал машинку. Я утверждала (когда мне показали машинку), что печатала я и брала ее сама, лично, а у кого — не скажу. Игорь Царьков признавался в том, что печатал и распространял все листовки. Гэбисты ошалели. Три Дон Кихота сразу для одного дела — это было многовато. Особенно интересно допрашивали Костю. Они никак не могли понять, к какой категории он относится. «Вы хотите сесть в тюрьму?» — вопрошал гэбист. «Нет», — честно отвечивал Костя. «Так чего же вам нужно?!» — кипятился следователь. Костя добросовестно пытался объяснить: «Видите ли, я хочу знать, что есть истина. Я ее ищу». «Вот-вот, — радовался гэбист, — мы тоже ищем истину. Поищем вместе. Итак, кому вы дали машинку?»

За весь этот массовый героизм меня мало было убить. За любые срывы отвечает всегда организатор, даже если он лично сделал всё правильно. Организатор отвечает и за других, и их ошибки — его ошибки. Мой Сергей Сергеевич очень огорчился. «Ну, если вы настаиваете, доламывайте свою жизнь, а я умываю руки», — сказал он. Это было прощание. Как говорится, до скорого в Лефортове. Валерий Мелехин тоже напутствовал меня: «Ну, Валерия Ильинична, вы сделали всё по вере своей и теперь с сознанием выполненного долга можете ехать в тюрьму. Впрочем, вы там уже были». Я, конечно, сохранила о Лефортове самые теплые воспоминания. Но если в 1969—1970 годах отель «Лефортово» был с двумя звездочками, теперь он получил еще одну. Душ устраивали и белье меняли теперь каждую неделю. Душ выложили розовым, белым и голубым кафелем, даже кабинки-камеры для переодевания были все сплошь в кафеле. Получилось лучше, чем в Сандунах. Прогулочные дворики сделали на крыше (перенесли снизу). В камеры выдали красные пластмассовые тазики для стирки. Следователи стали вежливыми и воспитанными до тошноты. Они теперь напоминали месье Пьера из «Приглашения на казнь» Набокова. Извинялись, что задают вопросы на допросе! Сами записывали нужный ответ: «Отказываюсь отвечать по морально-этическим соображениям». Вопросы звучали так: «Я понимаю, что вы на этот вопрос не ответите. Но я обязан его задать. Я записываю, что вы отказываетесь отвечать по морально-этическим соображениям?»

Среди этих Джонни Джентльменов хорошо было бы ставить пьесы из театра абсурда. Мои воспитательные акции возымели действие и спасли грешную душу следователя Юрьева. Он в конце концов сказал, что ему стыдно вести это дело. Зато полковник Мелехин был непробиваем. Он мне заявил, что слово — тоже оружие, поэтому отвечать на Слово Делом (арестом) совсем не подло (в чем укоряла его я). И в самом деле, для не владеющих Словом какое остается оружие, кроме автомата и дубины? Вам это скажет первый встречный питекантроп, разделяющий с КГБ его нравственные принципы. А вообще-то спорить с ГБ неинтересно: в конце концов попадаешь на вечный гранит несходства моральных установок. Это все равно что спорить с марсианами Уэллса о недопустимости их способа питания. Кое-что было прежним. В частности, желание прибавить мне статью 72 (антисоветская организация) на основании памфлета «Возможная программа возможного движения Сопrotивления». Я не возражала против статьи (кашу маслом не испортишь), но спросила, не считает ли он (следователь), что слово «возможная» делает версию об организации неубедительной. Ответ меня потряс:

— Ну и что? Главное, что есть программа, а есть организация или нет — это дело десятое.

Здесь у меня возникли подозрения, что за организованных антисоветчиков платят вдвое больше, чем за неорганизованных. А вообще-то мое поведение на следствии сильно раздражает. Его модель — это поведение разбойника (видимо, архаичного партизана) из народной баллады «Не шуми, мати зеленая дубравушка». То есть сначала ты нагло заявляешь, что воровал (бунтовал), и не каешься, а потом на конкретные вопросы о соучастниках несешь полную чепуху: первый товарищ — острый нож, второй — борзый конь и так далее. Кого брать под стражу? Темную ночь, что ли? Здесь и Иван Васильевич, и гэбисты лезут на стенку, особенно последние, потому что первый располагал застенком и Малютой. Желая меня убедить в том, что не я распространяла листовки на Калужской, следователи даже показали мне протокол допроса Игоря Царькова. Он производил сильное впечатление. «Я понимаю, что мой поступок был бессмыслен, но не жалею о нем. Я не мог этого не сделать...» Полк спецвойск КГБ, поднятый по тревоге, обошел весь район Калужской заставы и, запугивая

жителей, выловил все листовки. Плюс к этому еще пожелание ветеранов войны в смысле расстрела авторов.

Костя Пантуев успел съездить к Ларисе Богораз и написать отказ от дачи показаний в знак протеста против политического процесса.

Комитет в это время начал уже халтурить. Они спокойно записали, что экспертиза установила, что все листовки были напечатаны на одной машинке, а они были напечатаны на двух! А Игорь Царьков на очной ставке попросил оставить ему его долю листовок на Калужской. После чего наши показания надо было склеивать: каждый говорил только о своих листовках, полностью игнорируя вопросы о второй половине акции, и получалось, что мы действовали независимо друг от друга. Впрочем, меня очень мало заботило, как гэбисты сведут концы с концами. Это были их трудности.

Допрос утром 10 октября шел вполне традиционно. До часа дня. Потом гэбисты как-то странно забежали, словно петухи с отрубленной головой. Они задавали вопросы и забывали слушать ответы, противоречили собственным версиям — словом, впали в помешательство на наших глазах. И все время прислушивались, словно ждали марсианского десанта. То хамили, то заискивали. Я заикнулась про книги для научных занятий (из дома), а мне заметили со злобой, что не за что, я же им навстречу не иду. А потом возник монолог на тему: «Мы честные люди, мы защищаем страну. Нас оклеветали, никто нас не любит...» И вдруг явился начальник следственного отдела полковник Яковлев и предложил мне свободу! В обмен на отказ от антигосударственной деятельности! Я расхохоталась, как гиена. Он сказал, что не ждал от меня другого ответа, но что есть решение сверху, которого они не понимают. Если бы их воля была, они никогда бы меня не освободили.

Но надо сесть и написать, как я к этому отношусь. Я поняла, что должна написать такое, что исключит саму возможность моей компрометации этим освобождением. Это было хуже Казани. Из-под следствия освобождали только смертельно больных, и то не всегда. Из Лефортова выходили не в лагерь или СПб только предатели. У меня волосы дыбом встали от ужаса. Я написала, что являюсь убежденным врагом власти и строя, что буду продолжать антигосударственную деятельность, что считаю оправданными теракты против лидеров КПСС и руководства ГБ, что считаю по-

лезной деятельностью ЦРУ, что не нуждаюсь в помиловании и сочту его за оскорбление. Словом, я топила себя как могла. Гэбисты сказали, что меня освободят только через их трупы. Их положение было понятно: они проглотили мясо, и его вытаскивали обратно за веревочку. Но Яковлев пришел и сказал, что принято безумное решение меня освободить и при таком документе. Это был кошмар. Я сказала, что распространю новые листовки, но бедняги не имели права меня оставить у себя. Они пытались меня успокоить тем, что при таком заявлении в моей к ним вражде никто не усомнится, и просили пожалеть Игоря Царькова, потому что, если я еще что-нибудь устрою, пострадает и он, ведь у нас одно дело. На прощание Яковлев мне сказал: «Валерия Ильинична, не ломитесь вы так к нам. Если будете так стучать, то достучитесь рано или поздно». Он был пророком в нашем отечестве. В конце концов я достучалась, и даже два раза. Но сейчас меня выставляли за ворота. Я серьезно обдумывала, не надо ли мне покончить с собой, чтобы восстановить свою честь. Нельзя выходить из Лефортова.

К сожалению, Игорь Царьков не выдержал перегрузок и, как многие диссиденты, написал «помиловку» с отказом от антигосударственной деятельности. Когда человеку вдруг предлагают свободу, он часто не выдерживает и ломается. Ведь Лефортово или лагерь — это могила. А здесь вдруг дается задешевое воскресение, и нужно очень много стойкости, чтобы остаться лежать в могиле. Были даже постыдные случаи, когда одни диссиденты (уже вышедшие) уговаривали других, в зоне или в тюрьме, такую помиловку написать. Власть протягивала палец, а бедные загнанные интеллигенты бросались лобызать всю руку. Начиналось мерзкое время великого перестроечного перемирия между палачами и жертвами. Мы вдруг оказались в царствии небесном, где мать прощает убийце сына. Это царствие небесное — удел нищих духом. Евгения Гинзбург радовалась освобождению, в 70-е годы выходили без радости, но спокойно. Для меня же это была страшная беда. Уже вечером мы узнали от Ларисы Богораз, что распущена женская политзона в Мордовии, что Горбачев в Рейкьявике, что это не наша вина. Игорь Царьков пил холодное пиво, а я понимала, что начинается что-то страшное, и рыдала, глядя на Горбачева в телевизионном оформлении. Я понимала, что они придумали какую-то новую пакость. Я настаивала на немедленном выпуске листовок более жесткого характера.

Но Игорь на это уже не пошел, а я не могла их изготовить одна. Никогда еще ни один путник так не стремился к отчужденному дому, как я стремилась обратно в Лефортово. Другие политзаключенные, большинство, продолжали сидеть. А нас выпустили. Значит, мы предали их, значит, мы изменили. Это была западня. Никто из друзей меня не понимал, но я знала, что если что-то «у них» похоже на Добро, то это будет такое Зло, что «царь Иван Васильевич во гробе содрогнется».

А следствие продолжалось. Амбулаторно, чего не бывало никогда: следствие по 70-й без содержания под стражей. Нас не вызывали. Допрашивали наше окружение. С допросов возвращались и докладывали о ходе следствия нам. Гэбистам явно было еще больше не по себе, чем мне. Одна зловредная девица, Юлия, которой Царьков чем-то насолил, показала, что он желал победы гитлеровской Германии во Второй мировой войне (по крайней мере на территории СССР). Она сожгла весь наш доверенный ей самиздат и фотопленки и вернула нам ящик пепла. За нами ходили тучами топтуны. Очень выручал верный Костя Пантуев. Он вообще перестал от меня отходить, совершенно не думая о последствиях. Он защищал гонимых. Русская интеллигенция, собиравшая деньги на вооруженное восстание в 1905 году и помогавшая народовольцам, воскресла в нем. А вот студент Артем с Пресни после повторного вызова на допрос попросил меня ему не звонить и не компрометировать его далее, то есть порвал отношения со страху. Потом он опомнился. Но я не простила. Я знала, что должна сделать что-то, что покажет и докажет остальным политзаключенным в зонах, что мы их не предали и не собираемся пользоваться свободой, когда они сидят.

На работе меня ошупывали: не верили, что можно оттуда вернуться, да еще со справкой, что я была три дня в Лефортовской тюрьме. И вот 30 октября, в День политзаключенного СССР, я повесила на работе на доске объявлений следующее сообщение: «Сегодня День политзаключенного СССР. Тех, кто хочет помочь советским политзаключенным или узнать подробнее о нарушении прав человека в СССР, прошу обращаться в отдел библиографии научной библиотеки, к Новодворской В.И.». Объявление сняли. Я повесила его еще раз. Его снова сняли. Я опять повесила. Сняли и отнесли к ректору. Я обошла все отделы и сделала объявление устно. Ректор профессор Ярыгин, автор атласа по патанатомии, не погнушался вызвать КГБ.

Они приехали на двух черных «Волгах» и отвезли меня... не в Лефортово, а в о/м. Посадить они уже не могли. Но под занавес хотели взять свое и дать урок на будущее. Гэбист (как потом выяснилось, куратор Второго Меда) пытался договориться со мной полюбовно. Не вышло, и он вызвал психиатров. «Руководство приняло такое решение», — сказал он. Возвращая мне у дверей Лефортова паспорт, подполковник Мелехин сказал: «Мы с женщинами не воюем». Я ответила: «Я заставляю вас со мной воевать, как с мужчиной». И заставила! И в 1988 году, и в 1991-м... Но сейчас они нанесли запрещенный удар. Какое злорадство, какая плотоядная улыбка озарили лицо куратора, когда санитары, выламывая мне руки, потащили меня из комнаты!

На этот раз я попала в пыточное 28-е отделение. Я была там три недели, но этого мне хватило на всю жизнь. Игорь Царьков очень негодовал на мое нелояльное к ГБ поведение. Он боялся, что его посадят обратно в наказание за мою акцию, он читал мне нотации и очень волновался по поводу того, что теперь скажут в КГБ. И это тоже было страшно. Его сломали всерьез и надолго. Потом кость срослась, но при первой же перегрузке должна была сломаться уже окончательно, что и произошло в 1991 году. Я уже говорила, что я жесткий человек. Мне легче похоронить товарища, чем видеть его падение. Мне давали три раза в день трифтазин без корректора и быстро довели до нейролептического шока. Почему я его принимала? Отказ принимать таблетки влек за собой инъекции. Сопротивление им означало, что держать, связывать и раздевать тебя будут санитары-мужчины. После одного такого эксперимента я поняла, что, если это повторится, я не буду жить. От трифтазина началась дикая депрессия, полностью исчез аппетит, три недели я не ела. Я все время хотела спать, но спать не могла. Я не могла лежать, сидеть, ходить, стоять. Это был эффект галоперидола (трифтазин послабее, но, когда его много, это почти одно и то же).

Три недели непрерывной пытки запомнились острее и ужаснее, чем бормашина и кислород подкожно. Я не могла ни читать, ни писать. Почерк изменился до неузнаваемости, буквы не выводились. В памяти появились провалы. Чтобы хоть как-то отвлечься, я делала вместе с «психами» ручки на трудотерапии, но не могла долго сидеть. Со мной всё было бы кончено, если бы друзья из 26-го отделения не отбили меня, не забрали бы к себе и не сняли бы американскими

препаратами нейролептический шок. В январе дело по 70-й закрыли (для того и освободили, чтобы закрыть). Я впервые увидела эту формулировку: «В связи с изменением обстановки в стране». Мы подали протест в прокуратуру (Царьков уже пришел в себя), заявляя, что обстановка в стране не изменилась, что никаких «клеветнических» материалов мы не распространяли, а все это была чистая правда. Игорь взял обратно свое октябрьское отречение. Но протест принят не был. И здесь я стала понимать (из намеков, полунамеков гэбистов, сопоставления фактов), почему я всё еще была жива. Когда Маленький принц Сент-Экзюпери прилетает на одну планету, судья предлагает ему судить старую крысу и говорит: «Нужно время от времени приговаривать ее к смертной казни. Но потом каждый раз придется ее миловать. Надо беречь старую крысу, ведь она у нас одна». Я была такой старой крысой!

Мои четкие тенденции к 70-й статье, идеи свержения власти, революции, изменения строя — все это было нужно V отделу КГБ. Как же защищать конституционный строй, если его никто не подрывает! Нельзя же вечно врать, что защита прав человека — это подрывная деятельность... Так вот почему я жива! Не потому, что я нужна была своему народу, а потому, что я нужна была КГБ, для оправдания штатного расписания! В очередной раз смертный приговор был отменен.

Вот четверть бьют часы опять,
И руки снова стынут.
Вот четверть бьют часы опять,
А смерть, чтоб нас с тобой забрать,
Дождется половины.

СТРАННАЯ ВОЙНА

**«ОНА ЕЩЕ ОЧЕНЬ НЕСПЕТАЯ,
ОНА ЗЕЛЕНА, КАК ТРАВА»**

Когда на широком экране пошел фильм «Покаяние», я поняла, что от этой их перестроечной затеи можно покорыствоваться: что-нибудь открытое организовать, и, пожалуй, сейчас люди на это пойдут. Партию с ходу организовать

было нельзя, люди еще не оттаяли от всегдашнего привычного ужаса. На газету тогда бы никто не потянул: ни материально, ни технически, ни политически. Я решила, что роль коллективного организатора может сыграть семинар*. Соберутся люди, будут слушать. Можно будет внести в их робкие души нечто антисоветское. Привыкнут, втянутся, перестанут бояться. Я нашла охотников отвечать за этот семинар. Из диссидентов на это пошли Мальва Ланда, Сквирский, Ася Лашивер. Загорелся этой идеей и Игорь Царьков. Крышей для семинара стала группа «Доверие». Официально она называлась «Группа за установление доверия между Западом и Востоком», хотя на самом деле она воспитывала в Востоке доверие к Западу, а вот в Западе как раз недоверие к Востоку. Группа была молодая, веселая, зубастая и по профилю зелено-пацифистская. Она уже успела попротестовать и против Афганской войны, и против советской рекрутчины. В Москве ее лидерами были очень умная, злоязычная и совершенно несоветская Женя Дебрянская, Коля Храмов, чуть не заработавший 190¹, и Саша Рубченко. В Питере верховодила блестящая Катя Подольцева. Женя и Катя потом мне рассказали, что после моего предложения они не спали ночь от ужаса, в предчувствии неминуемого ареста, но утром решили рискнуть.

Я, конечно, была куда более советским человеком, чем «доверисты». Я была антисоветчиком, а это ближе к Советам, чем чисто несоветская европейская позиция «Доверия». Но то ли я их заразила своим пассионарным партийным подходом, то ли они хотели создать нечто более западное, чем народовольческое, но только мы поладили. Здесь мы обрели геолога и друга Сквирского, лохматого и бородатого энциклопедиста Диму Старикова. Фантазер и самый артистичный из диссидентов Петя Старчик тоже забрел на огонек. Из Союза инвалидов был делегирован Юрий Киселев (если бы не его инвалидность, сидеть бы ему по семидесятой). Кстати, статьи УК политического спектра никто еще не отменял, и организаторы могли загреметь запросто. Под это они и давали свои имена. Чтения происходили раз в неделю на квартире у Жени Дебрянской. Когда-нибудь ей за это поставят в России памятник.

Набиралось до 80 человек; все они сидели на полу или матрасах в носках. В основном читала я, но помогал Дима

* «Демократия и гуманизм». См. стр. 423—425.

Стариков. Примкнул к нам и наш меценат Юра Денисов. Читалась история СССР, России, история самиздата, Сопротивления, Конституции (СССР и мира). Я думаю, что доводила своих слушателей до кондиции. Они тоже заражались. Это была эпидемия. В углу с магнитофоном сидел красивый, розовый, белокурый и голубоглазый Андрюша Грязнов из Вольного философского общества, в будущем одна из самых ярких фигур в ДС. Я успевала еще вести политический кружок для этого общества. Ребята были очень чистые и талантливые, но совсем еще в политике желторотые — до слез; например, Саша Элиович, будущий идеолог ДС. Когда перед Сашей и Андреем встал выбор: семинар (весьма компрометантный) или научная работа в режимных институтах (они как раз окончили МГУ), они выбрали семинар.

После каждой лекции по теме ее я писала открытое письмо. Под ним на семинаре собирались подписи, постепенно их становилось все больше. Потом письмо отсылалось в редакции газет, журналов, Верховный Совет и т.д.

Далее по письму делалась мною же листовка. Потом проводилась акция — открытая демонстрация. Вначале ходили на акции 10-11 человек, потом дошло до 30-40. Это было неслыханно по тем временам. Я могла сказать, как Фрэнси Грант: «Я повинуюсь себе и знаю, чего хочу». Я создавала ядро будущей партии и ради этого даже немного наступала на горло собственной песне: что-то до поры до времени недоговаривала, чтобы дать людям время дорасти, чтобы их не испугать. Если бы я сразу начала с идеи свержения власти, все бы разбежались. Семинар заработал в апреле 1987 года. В июне состоялась наша первая акция. КСП, Клуб самодетельной песни, собрался провести на Пушкинской акцию, приуроченную к 50-летию казни военачальников в 1937 году. Нас пригласили. Прослышав о том, что придет этот жуткий семинар, КГБ поднял крик, и акцию запретили. КСП ушел в кусты, и мы вышли одни. Нас было 11 человек. На одиннадцать демонстрантов пришли 100 человек гэбистов (я их даже приняла за демонстрацию) и весь состав 108 о/м. Сначала они не могли заставить нас уйти. Народ дивился, Гб снимала, мы держали лозунги об освобождении политзаключенных. Потом они схватили Женю и Диму Старикова, и мы все пошли их отбивать в 108 о/м. Отбили! Что с нами делать, Комитет еще не решил.

У подъезда Жениного дома стояли гэбистские машины, штук 10—15, целый таксопарк. Мы пытались угадать, у кого какая машина на хвосте. Мы выходили, и они начинали отъезжать. «Карету графа NN к подъезду!» Когда мы шли к метро, за нами шествовала плотная толпа (человек 20) топтунов. На пути к семинару они стояли вечером, как часовые, и указывали заблудившимся дорогу. Мы ходили не столько под Богом, сколько под топором. В июне состоялась наша презентация — пресс-конференция. Кроме западных корров, отважился прийти только мальчик из «Московских новостей». Это была первая публикация о семинаре в СССР, еще пристойная публикация, без приговора и отечественного фирменного лозунга «Смерть врагам народа!». Но так писали аристократы духа из МН. «Собеседнику» и «Вечерке» явно было мало бумаги и пера, им бы топор и плаху.

Заявку на акцию 7 октября мы подали только для того, чтобы была огласка и реклама в таком вот людоедском издании (в «Вечерней Москве»). А так плевали мы на их запрет. Семинар уже окреп, уже готов был пойти по шоссе Энтузиастов. Мы ловили их нашими заявками на крючок. Они аккуратно попадались, а люди читали эти заметки, мотали на ус и приходили посмотреть. К тому же к 7 октября сбежались все корреспонденты. Мы вышли на Кропоткинскую (те, кого не схватили заранее, как Сквирского и Старикова). Не успели мы развернуть лозунги, как гэбисты стали нас хватать и бросать в автобусы. Вся Кропоткинская была оцеплена милицией и гэбистами. Человек двадцать корреспондентов тщетно нас искали и наконец отважились спросить у генерала МВД, как найти демонстрацию.

— Ах, вам демонстрацию? — рассвирепел генерал. — Сейчас вы к ней попадете.

Журналистов схватили и отвезли к нам в участок, где с нами «беседовали» шустрые мальчишки из райкомовских штатов, идеологи КПСС на уровне колледжских регистраторов, в том числе и будущий демократ Сергей Станкевич. Вокруг бегали генералы и полковники, а потом явились гэбисты и увезли нас с Царьковым на разных «Волгах» на свои конспиративные квартиры «беседовать за жизнь». Мне предъявили сразу два предупреждения, на все вкусы, по статье 70 и статье 206 (хулиганство). А потом один милый

гэбульник сказал: «Если бы вы были честным человеком, Валерия Ильинична, вы бы сели и написали нам заявление, что диагноз у вас ложный, что вы здоровы и нормальны и готовы отвечать по закону. Тогда бы мы вам дали срок. Но, небось, струсите и не напишете». Я безумно обрадовалась и написала им такое заявление, после чего все мои дела с карательной медициной прекратились до 1991 года, когда от отчаяния по горбачевскому делу они тщетно попытались прибегнуть к этому варианту опять. Как видите, сам КГБ очень просто и по-деловому относился к своим подручным и подсобным психиатрам. Мавры сделали свое дело и удалились. Патентованный «сумасшедший» мог написать заявление о том, что он здоров, и на этом кончалась история его болезни. Одного этого факта хватило бы, чтобы доказать существование карательной психиатрии в СССР.

Великое дело было задумано на 7 ноября 1987 года. У меня была идея демонстрации в этот день, но это было слишком круто даже для семинаристов. Они сдрейфили. Это был срок на 90 процентов. Бедный Царьков даже сказал, что люди, мол, празднуют, и не надо им мешать! Отравлять праздничек... Оставшись одна, я решила хотя бы разбросать листовки. Дима Стариков решил пойти и быть свидетелем, хотя он был против акции. Но совсем бросить меня ему было стыдно. Боже мой, какое было обсуждение! Десять семинаристов стояли кружком перед Рижским, а двадцать гэбистов стояли кружком за нами, по двое на каждый объект, в пяти шагах, и ждали, чтобы разобрать и довести до дома. Нет, не только «польска»! «Еще русска не сгинела!» Диму схватили 7 ноября прямо у метро, меня тоже схватили, когда я вышла из дома, бросили в машину, отвезли на гэбистскую квартиру и выпустили в 18 часов. За мной шли два шпики (в трех шагах). А в кармане у меня были листовки. Большие мы расклеили. У меня осталась маленькая пачка в одном кармане, а в другом была пачечка таких текстов: «70 лет Октября = 40 лет террора + 30 лет застоя». Я лично крупно писала этот текст плакатным пером. В сумке лежал такой же лозунг и еще парочка не хуже. Когда тебя так жестко ведут, надо исхитряться. На мостике над перроном, что идет над «Комсомольской» (это самое пригодное для листовок место в метро) я бросила вниз первую пачку. Тут же меня схватили за руку мои

гэбисты. «Извините, минуточку», — сказала я и бросила другой, свободной рукой вторую пачку. Меня поволокли в станционную комнату милиции, а ученый советский народ внизу расхватал листовки, сел в поезд и уехал. Осталось только несколько штук в лукошке моих гэбульников. В комнате милиции у меня отобрали сумку с лозунгами и стали фотографировать со вспышкой специальными камерами. Мои гэбисты звонили на Лубянку. Один говорил в телефон:

— Это произошло, мы не смогли предотвратить. Станция «Комсомольская». Ликвидируем последствия.

Когда привели и начали записывать свидетелей, мною стало овладевать знакомое каменное спокойствие. Я была уверена, что это арест. Тем паче, что один гэбист спросил:

— Сколько у нас политзаключенных, вы говорите? Четыреста? Теперь будет четыреста один.

Однако меня отпустили! Сработал эффект «старой крысы». Перестройке нужны были враги и экстремисты. Я еще поехала по эскалаторам с развернутым запасным лозунгом (он был за пазухой). Гэбисты плакали от изнеможения и бессильного гнева крокодиловыми слезами. За листовки и постоянные демонстрации у меня на полгода отключили телефон. (С официальной формулировкой «за использование средства связи для антигосударственной деятельности», по решению КГБ.) У Царькова отключили тоже, и еще у нескольких активистов.

«АХ, НЕ ДОСАЖАЛИ, НЕ ДОЖАЛИ»

Я пишу не о тяготах и лишениях, а о радостях. Это были совершенно неопишуемые радости: впервые в жизни что-то получалось, и казалось, что на этот-то раз качество обязательно перейдет в количество и будет всё, чего я поклялась добиться: массовый подъем народа, партия, революция, демократия. У меня не было диссидентских радостей, о которых пишет Амальрик. На его проводах на радостях побили два ящика бокалов из богемского стекла. Такого рода радости казались мне самым черным горем. Каждому свое. Я думаю, что диссиденты вздохнули с облегчением, когда я их оставила в покое и перестала донимать неуместными предложениями. Как люди воспитанные и порядочные, они сами не могли бы указать человеку, гонимому режимом,

на дверь. И когда я захлопнула за собой дверь сама, они стали жить по-прежнему. Впрочем, страницы боевой славы кончались, и начинались страницы позора: примирения с режимом, который не пал на колени, не покаялся, не повесился, а просто соизволил помиловать невинных.

Для меня сахаровские аплодисменты после речи Горбачева в ходе знаменитой тусовки в Кремле, все эти рабы труды в МДГ* вокруг двоечников-депутатов, которые в 30 или 40 лет впервые усваивали по складам азы демократии, как некие Маугли, воспитанные в неведении своего человеческого естества партийными волками из советских джунглей, прозвучали и высветились как зловещая побудка Страшного суда, как зарево Судного дня.

Двадцать седьмого декабря 1987 года на какой-то огромной диссидентской квартире состоялся правозащитный семинар Льва Тимофеева. Чуть ли не ползком до него добрались гонимые чехи, у них и «Огонек» (в это время), и МН в киосках не продавали, как крамолу. Меня поразили слова одного члена «Хартии-77», который в 1968 году был мальчишкой: «Мы сами во всем виноваты. Когда Дубчека сломали, мы должны были сказать, что нам не надо таких руководителей и что наша борьба продолжается. Надо было стрелять в советских оккупантов». Сергей Ковалев, уже славшийся, уже выбитый из седла (а его пребывание в ВС — это уже загробное существование), не хотел давать мне слова для доклада — из-за моего радикализма. Но здесь благородно поступил Лев Тимофеев: он готов был уступить мне свое время, и по той же причине: из-за моего радикализма. Я говорила совсем не правозащитными стереотипами, я говорила о ликвидации строя. Какой ересью звучала моя речь даже в диссидентской среде! Мне не суждено забыть ужасный доклад Сергея Ковалева и Ларисы Богораз. Смысл его был ясен: не будем трогать власти, и они не расшвыряют, и не начнутся снова репрессии. Вместо четырехсот политзэков они назвали только двадцать «семидесятников», забыв об узниках ПБ, СПБ и 190¹. Это были похороны Демократического движения. Причем при жизни! «Посмотрим, кто у чьих ботфорт в конце концов согнет свои колени». Колени согнули не коммунисты, а мои товарищи; будучи не диссидентом, а революционером, я все равно отвечаю за всю диссидентскую корпорацию.

* Межрегиональная депутатская группа.

Какое счастье, что я могу здесь назвать не сдавшихся до конца, не писавших помиловки, не взявших ничего у грязных перестроечных лидеров. Это Мальва Ланда, Сергей Григорьянц, Ася Лашивер, Андрей Шилков, Кирилл Подрабинек, Пинхос Подрабинек, Петя Старчик, Александр Подрабинек, Володя Гершуни. Конечно, есть и еще, но этих я знаю лично. И самое горькое, но самое светлое — гибель Анатолия Марченко, который даже в Чистопольской тюрьме не сделался коллаборационистом, не поверил в перестройку, ничего не попросил, ничего не подписал, не согласился на выезд из СССР, а выбрал смерть в ходе своей последней голодовки за освобождение всех политзаключенных. Как мы пытались спасти Анатолия! Как мы кидались с нашими лозунгами на стены Лубянки! Отчаянный девиз семинара, его единственное требование к властям было: «Освободите политзаключенных или посадите нас». «Политзаключенных освободить мы не можем, — говорили гэбисты, хватая нас на акциях. — А вот вас посадим, но в свое время». Потом они еще сдержат слово, и слава Богу, потому что смерть Анатолия Марченко лишила меня права на жизнь в очередной раз. Я считаю, что он умер вместо меня. Освобождая, они произвольно выбирали каждого десятого, как в Бухенвальде перед расстрелом. Почему и за что они освободили меня, их злейшего врага, сгорающего от ненависти, и убили 48-летнего Анатолия, который провел двадцать лет в тюрьме, причем начали когда-то они; ведь Толя был честен и добр, и никому не причинял зла, и даже не знал ненависти. Они когда-то бросили его безвинно в лагерь, сделали диссидентом, а потом убили. У него остался чудесный сын, Паша, и Толя хотел жить, а я не хочу и даже не должна, как не должен жить вервольф — Разрушитель.

Я не виновата в том, что им потребовалась срочно оппозиционная партия для создания образа врага или для дискредитации коммунизма, от которого им хотелось избавиться, а для этого я нужна была им живая. Почему Боря Митяшин в Питере появился через год или два после моего освобождения из Лефортова? Его посадили за несколько книг, за самиздат! Один телевизионщик сказал: «Первыми освободили тех, кто включился бы в перестройку, кто стал бы заниматься политикой. А остальных, тех, кто просто хотел уехать или жить частной жизнью,

оставили сидеть, ведь на свободе от них не было бы проку». Меня сделали соучастником подлого плана помимо моей воли. Я честно искала смерти и сейчас ее ишу, но только от руки врагов: я хочу попасть в Вальхаллу.

А семинар совершал свой праздник непослушания. Мы ухитрились устраивать до шести демонстраций в месяц. Гэбисты ходили за нами по пятам и наступали на ноги, со мной они даже здоровались. Похоже, весь их московский штат был брошен на семинар. В ходу были превентивные аресты перед акциями. Это делалось так: вы выходите из дома, к вам лихо подкатывает машина, из нее выпрыгивают 3-4 добрых гэбистских молодца, хватают вас, силой втаскивают в машину, везут на свою конспиративную квартиру в отдаленный район. Там с вами встречается прокурор или офицер милиции, несет чушь (вроде того, что надо установить вашу личность). Держат три часа, потом отпускают. Иногда забирали всех участников акции. Москва была на осадном положении: 4—6 раз в месяц перекрывалась площадь (Лубянка, Пушкинская, Кропоткинская), стояли машины, гэбисты с рациями, милиция (чуть ли не полками). Народ дивился: то ли нашествие марсиан, то ли высадка американской морской пехоты. Тогда власти еще верили, что Слово — это Бог, что народ хлебом не корми, а дай только ему выйти за свободу на баррикады. Я предвидела, впрочем, что самое страшное начнется, когда власти оставят нас с народом наедине и не станут мешать свиданию. 30 октября один Игорь Царьков на трех поездах из Ленинграда добрался до площади, всех остальных взяли заранее. Он присел и попросил закурить у соседа по скамейке. Сосед достал рацию и сказал: «Идемте, Игорь Сергеевич». И тут подскочили трое...

О, это был большой спорт! Мы не ночевали дома, отрывались от хвостов, уходили буквально по крышам. Мы честно напрашивались на срок. На одном свидании в Моссовете куратор МГУ от КГБ, главный идеолог МГК КПСС, холеный гестаповец, сказал нам: «Вы, конечно, люди честные, но вредные. Не обессудьте, если мы вас посадим». Мы приспособились поднимать свои лозунги по отдельности, после того как «захватчики» нас отпускали, у любого метро. КГБ приспособился тоже: нас стали катать 2-3 часа, потом три часа задержания, потом жесткий конвой из топтунов в двух шагах, или отвозили прямо

домой. По дороге я обычно пыталась выбить стекло или вырвать руль, поэтому меня держали всю дорогу на заднем сиденье с заломленными руками, время от времени применяя малоприятные болевые приемы, чтобы я выключилась хотя бы на полчаса. Гэбисты попадались иногда очень глупые и убогие, а иногда умные и начитанные. Первые желали нам поскорее сдохнуть, а вторые вели светские беседы и говорили, что жалеют нас всей душой, но у них работа такая. О, незабвенный 1987 год!

Однажды из 108 о/м они меня отвезли домой и сказали, что отныне мне разрешено ходить только на работу и в продуктовые магазины. И, если я отклонюсь от этого маршрута, меня будут арестовывать. Что они назавтра и проделали, когда я просто собралась в кино, кажется, в «Рекорд». Меня ободрали о ступеньку машины до крови, но когда привезли куда-то в Кузьминки, после четырех часов катания (а я хотела посмотреть «Ганди»!), я была такая злая, что побросала в гэбиста всё, что нашла в комнате о/м: календари, расписания в рамке, пресс-папье, чернильницу, ручки. Он всё ловил, как чемпион. Наконец, израсходовав все казенные предметы, я кинула в него свое личное яблоко. Он его поймал и съел! И еще заявил, что он не любит гольден, что в следующий раз мне надо захватить ему антоновку. Тогда я плюнула ему в лицо, он свалил меня с ног мощным боксерским ударом, а я объявила бессрочную голодовку до прекращения беспредметных арестов. Я ничего не ела неделю, и гэбисты прекратили свои излишества: брали снова только в дни акций. Оказалось, что Моська вполне может довести Слона. Все рекорды побила Ася Лашивер, которая после одного задержания пришла к Пушкину в двенадцать ночи и надела на себя сшитую простыню с правозащитным текстом на груди и на спине. Представьте себе: ночь. Площадь. Фонарь. Снег идет. Ни души. Один гэбист дежурит. И Ася стоит в саване. Картинка с выставки! Когда ее взяли, то в отделение даже вызвали психиатра. Но он сказал, что от этого не лечит, и уехал. Мы захлебывались своей свободой в стоящей на коленях стране. А теперь они кусали себе локти. «Ах, не досажали, не дожали, не догнули, не доупекли!» И мы их толкнули-таки на крайность.

«СТУЧИТЕ, И ВАМ ОТКРОЮТ»

В январе 1988 года я выходила из своей поликлиники, закрыв больничный после очередной пневмонии. От «Волги», стоявшей у крылечка, отделился молодой человек в норковой шапке и ласково мне сказал: «А вас, Валерия Ильинична, с нетерпением в следственном отделе московского ГБ дожидаются» — и протянул повестку. Я чуть не свалилась в сугроб от неожиданности; я меньше бы удивилась, увидев тень отца Гамлета. Одновременно они вызывали Царькова, и я не решилась оставить его с ними наедине, поэтому пошла — и не прогадала. Встретившись с Царьковым у витрины гастронома №40, мы от большого ума вычислили, что нам хотят вернуть конфискованные в 1986 году книги. Но едва мы переступили «знакомый и родной» лубянский порог (в первый раз без конвоя), как нас разобрали по кабинетам. Мне достался майор (стал им на нашем деле 1986 года) Владимир Евгеньевич Гладков, знаменитый тем, что совсем уж ни за что (если было хоть что-то, давали срок) отправил в ссылку (после Лефортова!) маленькую девочку Леночку Санникову, уже в 80-е годы. Только за помощь политзаключенным (моя расписка-доверенность на подписание правозащитных писем была найдена у нее и послужила «уликой»). Леночка была так молода и так беззащитна, что ее пожалел бы и Серый Волк. Но не Гладков! Этот не пожалел бы и Дюймовочку. Впрочем, ссылка была единственной известной КГБ формой оправдания (отпускали предателей или смертельно больных — таких, как Лина Туманова, которая так и умерла от рака под судом; если бы она вдруг поправилась, ее бы опять посадили. Или отпускали при очередных своих перестройках, но это уже другой вопрос).

Здесь же, в кабинете, оказался Владимир Леонидович Голубев, прокурор по надзору за КГБ. Никогда не понимала, как они ухитрялись надзирать за этой организацией, которой боялись смертельно; скорее, это она надзирала за прокуратурой. И эта парочка, Голубев и Гладков, хлопнула мне на стол бумаженцию о возобновлении дела по 70-й статье; того самого дела, которое они же закрыли год назад! Но ожидаемого эффекта не вышло, потому что я иронически спросила: «Что, перестройка уже закончена? Не вынесла душа поэта?» — и выразила живейшее удовольствие,

а Царьков у своего майора просто и неформально стал выяснять, не офонарели ли они часом. Я своей паре заметила, что уже абсолютно не помню детали насчет листовок 1986 года, но они меня обнадежили, что будут заниматься не прошлым, а настоящим, то есть деятельностью семинара. Прокурор Голубев сказал, что они раскаялись в своей опрометчивости; даже если закрыть все дела в стране, то мое надо было бы оставить. Я горячо одобрила эту идею, что весьма обескуражило моих собеседников. Намерения свои они не скрывали, они были прозрачны, как слюда: сначала мы с Царьковым, а потом и весь семинар.

Теперь я поняла, зачем МВД аккуратно забирало наши листовки и лозунги: все они оказались здесь, в КГБ, аккуратно подшитые к протоколам, в папках с ботиночными тесемками.

Гладков мне поведал, что поднял из архива мое дело 1969—1970 годов и пришел к убеждению, что я симулировала душевную болезнь, обманув врачей из института Сербского, дабы уйти от наказания. (Это СПб-то — уход!) Я поняла, что КГБ будет отрешиваться от карательной психиатрии весьма своеобразным способом, за счет жертв, перекладывая ответственность с больной головы на здоровую.

Далее Гладков заявил, что я нормальный враг, и если ему и жаль посылать в тюрьму способного инженера и перспективного для народного хозяйства ученого Царькова, то мне в тюрьме самое место.

На вопрос: «Покажите, почему вы продолжаете заниматься подрывной антисоветской деятельностью, несмотря на ваше помилование в 1987 году?» — я столь же пунктуально ответила: «Занималась, занимаюсь и буду заниматься, ибо подрыв основ преступного советского строя — гражданский долг каждого честного человека, и я буду подрывать эти гнилые основы, пока ваш проклятый строй не падет». Это мне пришлось самой вписывать в протокол, так как Гладков отказался, уверяя меня, что если он это лично напишет, то станет соучастником моих преступлений. Видно, в этот первый день мы достаточно ярко продемонстрировали игнорирование и непризнание всяческих властей, устоев и основ. Следователь Царькова после ликбеза, проведенного Игорем, сказал, что уже сам не понимает, зачем он состоит в КПСС, и лучше он пойдет и перечитает устав партии. А дальше — самое интересное. В Лефортово

нас не повезли; Гладков сказал, что экономит силы; что ему выгоднее, чтобы мы к нему ездили, а не он к нам; к тому же ему неохота заботиться о наших передачах, одежде и родственниках.

Тогда я предложила ему работать на бригадном подряде: днем мы будем заниматься антисоветской деятельностью, а он вечером будет анализировать ее результаты. Он напишет диссертацию по деятельности семинара, а следствие не кончится никогда, так же как и деятельность подследственных; приговор же вынесет история.

И это была не шутка! На той неделе мы устроили три акции, прося МВД тут же сообщать следователю, ибо его это порадует. Несчастный Гладков бегал по ночной Москве и подбирал в отделениях и опорных пунктах улики преступлений. На второй допрос Царьков не пошел вообще (сдавал экзамены на инженерном факультете мехмата, некогда было), а меня на допрос привели гэбисты прямо с акции, потому что четвертая акция совпала с допросом день в день. Допрос предполагался в три. Это был сюжет из «Одиссеи капитана Блада»: в 15.00 мы проводили акцию против карательной медицины как раз на Лубянке. Я стояла с очень злым лозунгом у «Детского мира». Вдруг ко мне подбежали три гэбиста, очень растерянные: «Валерия Ильинична, что же вы делаете? Вы же под следствием! У вас допрос в 15.00!» Я им спокойно объяснила, что на допрос я успею, вот постою полчаса, и пойдем. Когда у них перестали дрожать руки, они затащили меня в машину. Ехать было недалеко. Гладков встречал нас на лестнице. Я шла впереди, за мной гэбисты несли мой лозунг и неизрасходованные листовки. Я стала извиняться перед Гладковым: «Вы уж простите меня, Владимир Евгеньевич, я не хотела приходить раньше времени, я знаю, что у нас с вами встреча через полчаса. Я не так воспитана, чтобы приходить раньше времени на любовное свидание. Но эти молодые люди, манкируя уважением к вашему распорядку, приволокли меня сюда силой. Надеюсь, вы накажете их». У следователя Гладкова дрожали руки и губы. Когда мы дошли до его кабинета, он, растеряв весь юмор, сказал, что будет просить об изменении мне меры пресечения, потому что так работать невозможно. Однако к середине допроса он оттаял и даже принес мне чай. Соседний гэбульник пожертвовал сэндвич, заверив меня в своем самом

теплом ко мне отношении. Вытаскивая коробку с рижским печеньем, Гладков с тонкой иронией произнес:

— Угощайтесь, Валерия Ильинична, пока вашими стараниями Прибалтика совсем от нас не отделилась.

Он мужественно вынес все обычные издевательства, которые приходится на долю тех, кто пытается меня допрашивать. А в конце свидания даже объяснился мне в любви. Это был самый приятный комплимент из всех, что я услышала за свою жизнь. Я спросила у Гладкова, не потому ли он сразу нас не арестовал, что хотел грозить тюрьмой на каждом допросе, продлевая себе удовольствие и расшатывая нашу волю, что, впрочем, напрасно. И он мне ответил:

— Нет, Валерия Ильинична, я не настолько наивен. Я знаю, что тюрьмы вы не боитесь. Вы не боитесь вообще ничего. У государства не осталось средств воздействия на вас. У вас отличные способности, вы талантливы, но ваши таланты направлены на зло, а не на службу государству. Уехать вы не хотите. Я не вижу выхода ни для вас, ни для нас.

Через неделю КГБ закрыл дело опять. Наша воля к смерти была так велика, что враги ощутили нашу неуязвимость и не стали усугублять арестом свое поражение. Тем более что арестовать 20—30 человек в Москве они уже не могли себе позволить. Но здесь мы состряпали сатирическое заявление по поводу следствия, собрали подписи и сдали в КГБ. Несчастные дежурные по приемной взяли его с опаской, как змею, и еще выдали мне расписку!

«НО ЛУЧШЕ ТАК, ЧЕМ ОТ ВОДКИ И ОТ ПРОСТУД»

А между тем переменка кончалась. «Перестроятся ряды конвоя, и начнется всадников разъезд». Маленький безоружный семинар вызывал у властей не менее сильное раздражение, чем христианские мученики у римских императоров. 23 февраля мы собрались на демонстрацию антиармейского характера. «Несокрушимая и легендарная» у нас вызывала плохо скрытую гадливость, и это как минимум. Мы распространили соответствующие листовки и собрали для митинга все пацифистские силы Москвы. Некоторых участников семинара накануне вызывали в милицию и предоставляли гэбистам. Гэбисты же наказывали передать мне, что, если

мы выйдем на Пушкинскую 23 февраля, арест по 70-й статье нам обеспечен. Якобы Министерство обороны в слезах обратилось в КГБ и потребовало убрать семинар, потому что если он продолжит свою подрывную деятельность, то они не смогут обеспечить обороноспособность страны. Нам это все очень понравилось. Разгон 23 февраля был самым впечатляющим. Забрали даже какого-то шутника с плакатом «Пейте соки и воды». Женю Дебрянскую при задержании ударили кулаком в лицо. Меня били головой об машину, а в машине бросили на железный пол и били об него. Впрочем, при шубе и шапке я вышла из этой переделки слегка ошипанная, но вполне живая.

После этой акции (а мы ухитрились остановить движение; задержали милиционеры и ГБ около 70 человек, и многие прохожие пытались защитить избиваемых демонстрантов, особенно девушек) в ЦК КПСС состоялось особое совещание по поводу семинара. Было решено судить сначала по 166 статье Административного кодекса (незаконное мероприятие, штраф до 30 рублей). Так что в конце февраля нас уже потащили в суд. На первый раз дали штрафы. Суд был Фрунзенский, и мы его «обновили». Зал был полон подсудимых, пока пришедших на своих ногах и своим ходом. Поскольку это был первый политический суд перестройки, нас почтили своим присутствием диссиденты. Сзади сидели гэбисты и следили за порядком в судопроизводстве. Судья Митюшин настолько испугался наших дерзких ответов и хулы на советскую власть, которую мы ухитрились вставлять даже в анкетные данные, что заявил: «Не буду я судить этих антисоветчиков» — и ушел в свою комнату на два часа. Еле-еле его оттуда извлекли гэбисты и заставили отработать жалованье.

А семинар нашел союзников в лице части клуба «Демократическая перестройка» («Пердем»). Эти радикалы ушли оттуда, не выдержав конформизма своих коллег, и создали свою радикальную группировку. Непосредственно с нами общались Виктор Кузин и Юрий Скубко, блестяще образованные и одаренные молодые люди, способные украсить собой как Конвент, так и парламент любой западной демократии. Они были не либералами, как большинство семинаристов, а социал-демократами. Но мы с ними сошлись на том, что если социализм с человеческим лицом невозможен, то тогда и капитализм сойдет. Идея политической

партии уже принималась благосклонно. Как всегда, власти активно помогали. 5 марта они разогнали наш комплексный митинг на Октябрьской площади, митинг антисталинский, но с идеологической агрессией в адрес всей системы и всего периода с 1917 по 1988 год. Семинар ГБ числила в «пропащих», а на «Радикальной перестройке» еще не поставила крест в смысле ее исправления. Поэтому они дифференцировали кары, что подействовало как раз наоборот. Если после акции 23 февраля разрешили судить и штрафовать, то сразу же выяснилось, что этого недостаточно. Поэтому после акции 5 марта разрешили сажать по 165-й статье того же Административного кодекса («неповиновение»). Тебе сказали: «Разойдись!» Ты не разошелся. Вот и 165 статья. Сплав из семинара с «Радикальной перестройкой» надо было погрузить в горнило. ГБ и погрузила. Первыми свои пятнадцать суток схлопотали члены группы «Эмиграция для всех». Нас должны были судить позже. Попасть за решетку стало делом чести. На руках у нас уже был мой проект «Программа либерально-демократической партии». Она была даже более антисоветская, чем последующие документы ДС. Конечно, мой документ никак не соотносился с последующими текстами Жириновского.

Во время суда над Игорем Царьковым судья прочитал ее (мы же сами с ним и поделились!) и спросил (под текстом стояла моя подпись): «Скажите, Игорь Сергеевич, вы помогали Новодворской писать эту программу?» «Да!» — гордо ответил Царьков. «В таком случае пятнадцать суток», — заключил судья. На меня этот же судья составил определение о возбуждении уголовного дела и направил в прокуратуру. Я 5 марта дала пощечину гэбисту, руководившему разгоном, и еще ухитрилась бросить листовки из окна автобуса. Если бы я отнекивалась, возможно, дело бы и пошло. Но я твердила, что оскорбила его сознательно и хотела в его лице оскорбить именно преступную власть. Поэтому не сработало. Во многих отношениях семинар, а потом ДС ломали биологический стереотип поведения зайца и волка. Заяц должен убегать, а волк догонять. Мы же отказывались убегать, мы просто бросались на волка, чего зайцу по штату не положено. Часто волк от неожиданности пускался сам наутек. Или у него пропадал аппетит.

До решения вопроса с уголовным делом я успела швырнуть с Женей Дебрянской невероятное количество листовок

с балкона кинотеатра «Россия». Причем за нами ходили по пятам. Моей головой пересчитали все ступеньки лестницы, ведущей в фойе. Гэбисты очень рассвирепели. Мы с Женей так дружно и весело сопротивлялись наряду из 108 о/м, что им пришлось прислать еще пять человек. Сеанс мы сорвали на час, потому что зрители выскочили из зала с пригоршнями листовок и стали нас защищать. 165-я была обеспечена. Меня потом администрация «России» просила почаще приходить с листовками, потому что их кинотеатр приобрел после нашей акции невиданную популярность. Назавтра от судьи Одиноковой из Фрунзенского суда я получила свои первые пятнадцать суток, а Женя Дебрянская — первую тысячу рублей штрафа из многих и многих, которые суждено ей было заработать в ближайшее время.

Члены «Радикальной перестройки», получившие штрафы по 20 и 30 рублей за те же деяния, что нам стоили арестов, были смертельно оскорблены. Это были люди чести, и они решили доказать ГБ, что и социал-демократы могут быть для них опасны.

В тюрьме мне стало ясно, что в несчастной стране либералов не хватит даже на одну маленькую партию, зато можно попытаться создать партию широкого демократического профиля, общий дом под звездным небом, где будут согласно обитать либералы, эсдеки, эсеры, еврокоммунисты, монархисты, социалисты. Такое Учредительное собрание на марше. Некий партизанский отряд времен Второй мировой в Арденнах, где голлисты на несколько лет стали товарищами коммунистов. Собрать настоящих нонконформистов и радикалов широкого профиля и бросить их, как перчатку, в лицо режиму. Нам говорили, что при таком политическом разбросе ДС будет нежизнеспособен, нам и сейчас еще это говорят. А ребенку уже двадцать лет... Название было придумано до рождения. Когда мы с Царьковым, полуживые после 15-дневной голодовки, отчасти сухой, вышли на свободу, Юрий Денисов уже подготовил всё для заседания потенциального оргкомитета. Сейчас, когда я вспоминаю это заседание, я понимаю, что всё висело на волоске. А в комнате собралось просто бриллиантовое созвездие. Еще одним вкладом «Радикальной перестройки» были наш Цицерон и энциклопедист (пять языков и куча всего прочего) Александр Лукашев, убитый в 1990-м (и есть основания предполагать, что не без помощи КГБ); Юрий Митюнов,

журналист-международник; Валентин Елисеенко, рафинированный эстет и плюс к этому юрист.

Вначале были большие колебания, один из участников даже заявил, что надо сначала выяснить, нужна ли народу вторая партия. Здесь я сразу вспомнила строки из Марины Кудимовой: «Быть может, народ кабак предпочтет и скажет, что даром не надо нам ни Гегеля с Кантом, ни барышни с бантом, ни даже строения атома». «Большое, чистое и настоящее» дело могли заболтать, как у нас, интеллигентов, водится, еще в зародыше. Я произнесла пламенную речь на два часа. Не помню уже, о чем, но, видно, в этом был некий гипноз. До этой речи в комнате было одиннадцать просвещенных интеллигентов, настроенных демократически. После нее это уже был Оргкомитет I съезда ДС. Для меня это был вопрос жизни и смерти всех двадцати предшествующих лет. Наверное, страсть имеет некоторую власть над людьми. Отныне мы становились товарищами, «партайгеноссен», и это было сладко, вопреки большевистскому и германскому «проколам».

Мы распределили работу и в ударном стахановском порядке за две недели подготовили пакет документов. Мы с Сашей Лукашевым делали Декларацию и политические разделы (конституционная реформа и политическая система), причем я тянула в сторону Штатов, а Саша — в сторону Швеции. Экономiku мы предоставили Юре Скубко, и он одарил страну правом на частную собственность на средства производства и многоукладной рыночной экономикой. «Сельское хозяйство» не хотел писать никто, и оно досталось Диме Старикову, который хотя бы видел поля вблизи на своих геологических маршрутах. Сельскохозяйственная программа получилась скорее кадетской, чем эсеровской, потому что включала в себя фермерское хозяйство и выход из колхозов с землей и инвентарем. Правда, мне не удалось протащить «частную собственность на землю с правом продажи». Пока это была «бессрочная аренда без права продажи». О том, что нашей целью является изменение общественного строя, было написано несколько раз (для слабоумных) открытым текстом. В области политической мы с Лукашевым закрепили парламентаризм, многопартийность, закопали все советские Конституции, я попыталась еще повыкидывать все Советы, но их, увы, тогда еще оставили.

Мы, либералы, ели поедом социал-демократов, и, поскольку наш напор был не западным, а чисто большевистским, мы многое отвоевали. Социал-демократы были гораздо воспитаннее и терпимее нас. Когда я читала окончательный вариант Декларации, Юра Скубко вытирал глаза и говорил: «Для истории пишем, для истории». Мы все чувствовали себя немножко Пророками. К концу первой недели без партии не только я, но уже и все остальные члены Оргкомитета жить не могли. В военной сфере мы декларировали профессиональную армию и на время перехода — альтернативную службу. В области внешней политики мы расформировали Варшавский блок, сократили односторонне вооружения, порвали с Кубой, Китаем и Кореей. С СССР мы расправились, как повар с картошкой. Назвали Балтию оккупированной, вывели отовсюду свои войска, предоставили всем реальное право выхода из СССР, для оставшихся рекомендовали конфедерацию.

Мне и Жене Дебрянской, как главным западникам (нам в либерализме сопутствовали Юра Денисов, Игорь Царьков, Роальд Мухамедьяров и отчасти Скубко), этого было мало, но пока пришлось этим довольствоваться. Мы отменили смертную казнь, распустили КГБ, отменили сексотство и кучу статей УК. Многие не выполнено правительством и поныне. Программа имела еще и научно-разъяснительную часть насчет нашего прошлого и настоящего, то есть это был просто типичный антигосударственный трактат, целиком подпадавший под тогдашнюю 70 статью. Все на нас смотрели с плохо скрытым испугом, словно говоря: «Эх, забубенные ваши головушки! Сгинете, и никто косточек ваших не сыщет». Даже диссиденты, кроме Пети Старчика и Сергея Григорьянца, были шокированы нашим радикализмом. Татьяна Великанова, вернувшись из ссылки, которой предшествовал срок, прочитала документы и спросила, зачем такая конфронтация с властью. Я до сих пор не поняла, как мог задать подобный вопрос человек, претерпевший от этой власти такие страдания. ДС же закусил удила и оборвал все пути еще до съезда.

Программа была целым подарочным набором для страны, а власти просто обязаны были нас вязать. Мы же готовы были не дожидаться до съезда, но не уступить ни одной буквы. Когда мы кончили, документы сразу же развезли по городам наши эмиссары с приглашением к разделяющим всё

это приехать на съезд. Мы с Лукашевым и Женей Дебрянской лично прогуляли наши документы в Питере. Многие думали, что от создания оппозиционной партии наступит прямо-таки конец света. На одной неформальной питерской встрече какой-то юноша заявил, что после создания такой партии какой-нибудь пилот поднимется над ближайшей к Ленинграду АЭС и сбросит на нее бомбу. Если бы мы написали, что будем взрывать Кремль, и то окружающие не были бы так скандализированы. А когда у меня спросили, уж не антиконституционную ли организацию мы создаем, и я бестрепетно ответила: «Да», то мне просто не хотели верить.

За два дня до съезда прокуратура развила бешеную деятельность и попыталась вызвать всех членов Оргкомитета. К ним никто не пошел. Мы их не видели в упор. Тогда они попытались посетить нас на дому. Их не пустили. Ко мне они явились прямо на работу, выгнали из отдела моих коллег, заперли двери и потребовали подписать некий бланк загадочного предупреждения о том, что «съезд антигосударственной партии будет иметь для организаторов непредсказуемые последствия». Устно мне объяснили, что они даже не знают, по какой статье нас будут судить; скорее всего, по 64-й (государственная измена). Я расхохоталась им в лицо и послала их додумывать этот вопрос, который, впрочем, имел интерес только для них. На отдельном листе я им написала, что несу всю ответственность и за создание партии, и за ее программу, а на государство и его мнение, а также на весь набор карательных мер мне наплевать. «Расстреливать вас надо!» — бросил прокурор, и они удалились.

«ТЫ ДОЛЖЕН БЫТЬ ГОРДЫМ, КАК ЗНАМЯ»

Первый съезд ДС был очень живописен. Действующие лица и исполнители: Оргкомитет, полный суровой решимости создать партию хоть из кварков; делегаты, на 50 процентов (то есть 50 человек) не желающие вступать ни в партию, ни в тайное общество, а приехавшие потусоваться; гэбисты, целая рота в количестве трехсот человек, плюс вся наличная милиция района.

День первый прошел в жанре мистерии. На лестницах тучи гэбистов, которые ломятся в квартиру и перерезают телефонные провода! В квартире делегаты стоят (сесть негде), набившись в комнате и коридоре, как кильки в банке, со свечами в руках. Корреспондент «Московской правды» почти что в аквариуме с золотыми рыбками! Ораторы на стуле! Явление Жириновского с такой речью: «Ребята, так дело не пойдет. За такую программу нас повяжут коммунисты по 70-й статье. Давайте лучше напишем, что мы их поддерживаем, а потом вонзим им в спину нож!» Жириновского гонят, но выход из квартиры закупорен гэбистами. Мое финальное слово: «Сегодня мы зажгли в СССР свечу, которой им не погасить никогда». И впрямь в ДС все признаки искомого вечного двигателя.

День второй. Детектив. Гэбисты врываются на секции и вытаскивают из квартиры политсекции всех иногородних делегатов. Обвинив их почему-то в проституции (в основном мужчин), насильственно депортируют по домам за счет V отдела. Мартин Уокер, английский журналист, грудью прикрывает Оргсекцию. Юрий Митюнов бьет гэбистов костью.

День третий. Сельская пастораль. Кратово. Дача Сергея Григорьянца, пригласившего съезд к себе в «Гласность» (в большой амбар). Дача разгромлена ГБ, оборудование увезли, Григорьянца и его ребят посадили на 5—7 суток. Гэбульники летают, как майские жуки (а это 9 мая 1988 года). Милиции больше, чем одуванчиков. Говорят, что в лес идти нельзя, он народный (общенародный), а на полянку заявление подают за 10 дней. Съезд идет 30 минут в поссовете, остальное время на платформе. Конформистские поправки не прошли, документы приняты с «добавкой». ДС со своими пятьюдесятью членами назван партией. Жириновский хочет баллотироваться в руководство партии, но не хочет вступать в саму партию. Ему объясняют, что этого нельзя. Обиженный, он уходит в лес.

Съезд кончается пикником на Пушкинской площади. Листовки и митинг в защиту политзэков, Григорьянца и делегатов — на первое; разгон, арест и побои — на второе.

Словом, *Dies irae, de profundis, etc.*

НАШ СОБСТВЕННЫЙ ДРАКОН

Один смиренный персонаж Шварца, архивариус Шарлемань, говорит: «Есть только один способ избавиться от дракона: завести своего собственного». Это и есть перестройка: консенсус с собственным драконом, отказ не только от Сопротивления, но и от ненависти поработанных. Перестройка — это общее дело дракона и его «населения» на добровольческой основе благодарности и любви. Шварц писал пьесу в сталинские времена, но напиши он ее сегодня, она вышла бы еще мрачнее. Сегодня это выглядело бы так: дракон заявляет, что у него нет ни хвоста, ни когтей, ни чешуи, что он всю жизнь мечтал о перестройке и пишет книжки о гласности и новом мышлении. А народ любит дракона. И Эльза добровольно идет с ним под венец. Что делать в такой ситуации Ланселоту? Только удавиться на семи осинах.

Дээсовцы — немножко Иваны Карамазовы. Все мы отказываемся от своего билета в царствие земное, где жертва обнимается с палачом перед телекамерами и ест именинный торт, увенчанный их вензелями, на специальном банкете. О, незабвенный Набоков! Перестройку он, что ли, предчувствовал, когда писал «Приглашение на казнь»? ДС был создан для того, чтобы сказать президентам из КПСС, Ельцину, Кравчуку, Бразаускасу: «Не будет вам ни национального, ни интернационального примирения». «И мне тогда хотелось быть врагом». Мне всегда хотелось быть врагом! За тысячелетие у нас не было достойной, порядочной власти... ДС был призван стать школой врагов власти. А перестройка, может быть, и была задумана для того, чтобы у власти не осталось врагов. Власть говорила мне, как Порфирий Петрович Раскольникову: «А вы знаете, какая вам за это воспоследует сбавка?» Надо было только замолчать. А я ответила, и тоже как Родион: «Не надо мне совсем вашей сбавки!» Но мы в ДС пошли дальше Родиона. Мы рубили своим топором прошедшее и настоящее, ветераны войны и труда летели как щепки, но в нас не было жалости, ибо право отнять ложь и дать жестокую правду абсолютно. От нас, не вынеся горя, тоски и разочарования, утопят сотни Офелий, на нашей совести тысячи процентщиц и Лизавет. Это наш топор разрубил СССР. Пролитая в результате кровь — на нас. Но я не леди Макбет,

я не стану ее смывать, я перенесу всё это с поднятой головой. Вы ищете виноватых? Я отвечу за всё. ДС ответит за всё.

Некогда я мечтала, что народ сломает свою клетку. Был ли шанс? Теперь мне кажется, что не было. У чехов и поляков лед тронулся, когда стало мягче в СССР, когда позволили. А до этого их прочно держала в своих объятиях ледяная зима. Чехи не прошли сквозь огонь в 1968 году, венгры — в 1956-м. А я мечтала о народе, который нельзя покорить живым, который можно взять только мертвым. Потому я так боготворю Чеченскую республику и Джохара Дудаева. Они последние из могикан.

Перестройка — это когда народу открывают клетку, а он не выходит; это согласие на пожизненную прописку в лагерном бараке из-за боязни волн. «Вот и нету оков — а к свободе народ не готов, много песен и слов, но народ не готов для свободы». Это и есть поющая революция, получаемая «на халяву». Всё подлинное оплачивается кровью, а суррогат приобретается за слова. Перестройка сломила диссидентов. Одних посадила за тот вышеупомянутый торт, других сделала шутами, как несчастного Льва Убожко, который много выстрадал в 70-е годы, а потом не выдержал испытания безопасностью и известностью. Утратив всякий моральный уровень, он был исключен из ДС за предательство, за подметные письма против своих товарищей в советской прессе и даже не понял всей глубины своего падения и продолжает со мной здороваться как ни в чем не бывало; он создает кучу опереточных партий, участвуя в гонке за властью, претендуя на президентский пост, валяя всюду дурака и разыгрывая на советских подмостках злую и жуткую пародию на диссидентское движение. Не страшен Убожко — страшно убожество.

Конечно, Горбачев вправе винить меня в неблагодарности: без этой перестройки я бы давно погибла под инквизиторскими пытками в спецтюрьме. Это, конечно, не страшно, но перед смертью пришлось бы утратить разум и превратиться в животное. Однако я не могу благодарить. Мне бросили жизнь, как плевок. А кому-то не досталось барской милости (права на свою собственную жизнь). Например, Анатолию Марченко. Не они калялись перед нами — они снисходили до помилования «этих проклятых экстремистов». Неужели у выпущенных узников совести

такая милость не застряла в горле? Мне ее никак не проглотить. Нужно так давать, чтобы можно было брать. А они так давали ДС зеленый карандаш, что мы предпочли листики на деревьях сделать синими. И вообще, я не люблю, «когда маляр негодный мне пачкает Мадонну Рафаэля» или когда секретарь обкома вдруг становится пламенным поклонником демократии. Кесарю — кесарево, Божие — Богу, а партаппаратчику — партаппаратчиково.

КТО СМЕЕТ ОВИЖАТЬ СИРОТУ?

Наше знакомство с Борисом Николаевичем Ельциным состоялось в тот момент, когда такая организация, как ДС, только и могла заинтересоваться судьбой первого секретаря МГК КПСС: на Пленуме, где его топтали, травили и готовы были стереть с лица земли, совсем как в 1937 году. Мы сочли себя обязанными защитить бедного гонимого коммуниста, ведь мы были защитниками политических сирот и вдов. Пожалев бедного Ельцина, мы стали готовиться к демонстрации в его защиту. Защитить гонимого врага — это было вполне в нашем вкусе. Заодно мы собирались достать адрес Ельцина, пойти к нему, утешить, подарить торт и цветы, посоветовать выйти из КПСС и вступить в ДС, во фракцию демкоммунистов. Можно себе представить, какой восторг у Бориса Николаевича вызвали бы наша защита и наши предложения! Но мы не успели ничего сделать. Борис Николаевич «разоружился перед партией». Он так валялся у них в ногах, что с этого момента и до августа 1991 года мы утратили к нему всякий интерес. А дальнейшие его похождения, включая всеобщ в Межрегиональной депутатской группе, казались нам тогда слишком тривиальными. Мы не могли предугадать, что эта личность преподнесет еще и нам, и стране довольно приятные сюрпризы.

«ОТВЕТ ОДИН — ОТКАЗ»

Но вернемся к нашим баранам. Хотя здесь не требуется возвращения, наши бараны пасутся повсюду, как в 1988 году, так и в 1993-м. Первой крупной акцией ДС должен был стать митинг 21 августа 1988 года, призванный в массовом

масштабе повторить подвиг диссидентской семерки в 1968 году на Красной площади. Тем более что оккупация Чехословакии продолжалась. На Красную площадь мы не пошли, у нас была своя, «прикормленная» Пушкинская площадь. Мы расклеили чуть ли не 100 000 листовок. И мы можем гордиться тем, что заставили горбачевскую перестройку, которая так хотела шеголять в бархатных перчатках, показать железные когти: 28 июля по специальному Указу были приняты драконовские правила о демонстрациях. В то время 1000 рублей были как сейчас 100 000. Именно такую сумму штрафа было позволено взимать за несанкционированные митинги. Здесь уже по статье 166¹, ч.2 разрешалось приговаривать к пятнадцати суткам ареста. После нескольких арестов шла уголовная статья (200¹) — полгода тюрьмы. Я не помню колебаний у той радикальной половины партии, которая определяла все ее действия. В дальнейшем число радикалов неуклонно повышалось за счет тихих меньшевиков, которые призывали к бездействию и бездействовали лично, отчего их не было, к счастью, ни видно ни слышно. В 1989 году радикалы вышли на 2/3, в 1990-м — на 3/4, в 1991-м — на 5/6. Мы шли на грозу и, наверное, очень понравились бы Максиму Горькому в силу того, что в партии сплошь и рядом летали буревестники и призывали на свою голову бурю. Помню партсобрание накануне 21 августа, свернутые лозунги на столах, кучи оставленных для акции листовок, рыжего партийного котенка Гришу, который ползал по лозунгам в полном восторге (сегодня он большой и мудрый, с солидным партийным стажем). Из Питера приехала Катя Подольцева (в Москве ее мало знали, поэтому дали только пять суток; я, конечно, получила свой партмаксимум — 15 суток). Как говорится: война объявлена, претензий больше нет.

Нам удалось собрать 5—6 тысяч человек. Милиция не справлялась, к тому же западный, интеллигентный полисмен-шериф, начальник 108 о/м Владимир Федорович Белый заявил, что его люди разгонять не будут, они не держиморды, а будут просто стоять в оцеплении. Впервые в Москве был применен ОМОН, а потом любой выход ДС на площадь уже вызывал автоматически появление этой самой живописной части перестроечного пейзажа. Мы были врагами советской власти и были официально признаны таковыми. ОМОН и аресты на 15 суток заменили

временно 70 статью и Лефортово. Но мы доказали, что сущность власти не изменилась. Ради того, чтобы это поняли все, мы готовы были не только к разгону, но и к расстрелу.

Владимир Федорович Белый был честным врагом. Он уважал идейных противников и терпеть не мог задержанных, которые пытались доказать, что проходили мимо митинга случайно. У него было чувство чести японского самурая. Мне он говорил, что питает ко мне такое уважение, что не стал бы сажать меня на 15 суток, а сразу поставил бы к стенке. Мои представления о чести были аналогичными, и я навсегда сохраню к нему теплые чувства, ибо такое мнение — это большая похвала. Я всегда культивировала образ «честного врага», а Белый был из лучших. Если у человека нет врагов, да еще при занятиях политикой, это наверняка ничтожество. Тот же Белый учил нас нашему ремеслу. «Плохо работаете, господа! — говорил он. — Что это за митинги! Если вы выведете 50 000, мы будем тихо стоять в оцеплении, если 200 000 — я вообще прикажу своим ребятам не выходить из отделения, а если вы выведете миллион, я сниму форму и сам к вам присоединюсь». Если бы народ восстал во имя демократии, так бы поступила не только милиция. Армия не посмела бы стрелять, а ГБ сидела бы тихо в лубянском подвале и молилась духу Дзержинского. Но народу оказалась не нужна демократия, в том-то вся и беда!

Однако она была нужна нам, и эту личную проблему мы решали одни, и ни один перестроечный соловей не смел за нас заступиться. Мы были брошены на произвол судьбы либеральным истеблишментом, и никогда еще никого не сдавали так грязно и откровенно (за исключением последних ельцинских предательств, да и то ведь Егор Гайдар и Егор Яковлев ушли не в тюрьму, а в отставку), как сдавали нас только за то, что мы шли впереди и прошибали лбом мешающую не только нам стену.

Каждый выход на митинг означал арест. Каждый арест омоновцами означал для меня и для активистов ДС 15 суток. Судьи Фрунзенского суда вынесли столько приговоров по политическим делам, сколько никто другой. Они судили нас круглосуточно: часто нас омоновцы приволакивали в суд и ночью, чтобы обойтись без лишних свидетелей. Были случаи, когда этих «судей» привозили в уединенные опорные пункты, где держали нас, и они выносили приговоры и там.

Они действовали не под влиянием страха — это в 1988-м, 1989-м, 1990 годах! — им уже ничего не угрожало. Их даже не могли уволить. Они делали это добровольно, повинувшись извращенному советскому правосознанию, правосознанию палачей. Агамов, Шереметьев, Голованова, Чаплина, Митюшин, Одинокова, Фомина. Возможно, потомки будут иметь мужество воздать каждому по делам его, и я привожу здесь их имена. В Германии нацистские судьи были смещены, а персонал концлагерей понес еще и уголовную ответственность, не говоря уже об СС и СД или руководителях национал-социалистической партии. Мы никогда не требовали такой степени отмщения, мы готовы были простить своим палачам. Но не терпеть их в обществе и в политике на прежних ролях! Лишение дипломов для врачей-садистов, запрет на профессии, люстрация для руководителей КПСС и КГБ, общественный ostrакизм — если палачество не будет караться хотя бы этим, то на земле не останется никого, кроме палачей. На нашей земле и не осталось никого, кроме них и их жертв. Кролики и удавы. Остальные уехали, или погибли, или сошли с ума, или ищут смерти, как ДС.

Горбачевская перестройка запомнилась мне как один сплошной арест с недолгими переменками. 17 арестов, 17 голодовок по 15 суток — это моя личная маленькая ленинградская блокада, более восьми месяцев. На втором месте по ДС Саша Элиович — восемь арестов, а ему было труднее всех, он же язвенник. На третьем месте Дима Стариков — шесть арестов, у остальных — по пять, по четыре ареста.

Наш острог, спецприемник ГУВД, помещался недалеко от Клязьминского водохранилища, на 101-м километре. По крайней мере, на подходе к сему узилищу нас встречал плакат «Счастливого вам отдыха!», рассчитанный на отдыхающих клязьминского пансионата.

Некогда эту зону построили немецкие военнопленные и сами же в ней сидели, что-то строя в окрестностях. Потом, после войны, там был женский лагерь. Последнее его назначение — спецприемник для административно арестованных. Наши политические камеры помещались в одном крыле (8, 9, 10 и 11). Наибольшая вместимость нашего острога, то есть его политического отсека, была 30—35 человек. Ровно столько и получали аресты, остальных из

сотни-полутора захваченных штрафовали. Наверное, советское правосудие уже списало мои 6 тысяч штрафа, убедившись, что я им заплачу после дождичка в четверг. Да мне и не из чего было платить при окладе в 130 рублей, который я из-за перманентных арестов практически не получала.

Камеры были оборудованы просто и оригинально: решетка, дверь с глазком, голые деревянные нары. Помещение практически не отапливалось, я до сих пор ощущаю этот ледяной холод, от которого мерзло даже лицо. Зимой там было 7-8 градусов. Летом дотягивало где-то до +13. При голодовке это ощущалось особенно мучительно. Административный арест — это условия ШИЗО, штрафного изолятора. Нет передач, свиданий, книг, прогулок, переписки, постельных принадлежностей, матраса, одеяла. Условия, приближающиеся к пытке. Курить тоже нельзя. Я-то не курю, но другие дээсовцы очень мучились. Курильщики знают, что это — жить без курения 15 дней. В лагере в ШИЗО помешают за провинность, пусть даже и вымышленную, а здесь — сразу ШИЗО. Сколько моих молодых товарищей искалечилось в этих ледяных камерах без пищи и без воды! Мне-то нечего было терять, меня искалечили раньше, в этих камерах я загубила только почки и вернула себе почти вылеченную астму, но это пустое. Сколько раз падал в голодный обморок теперешний председатель подкомиссии по законности Моссовета депутат и основатель ДС Виктор Кузин, которого притаскивали в камеру в залитом кровью свитере после избиении омоновцами и агентами КГБ!

Надо было добиваться статуса политзаключенного, надо было завоевывать право на человеческое достоинство в заключении — или умирать. И мы это сделали; пожалуй, впервые с 30-х годов, когда перестал признаваться статус политзаключенного. Мы добились отдельных камер, права сидеть только с политическими демонстрантами или в одиночках, права не работать, книг, учебников, письменных принадлежностей, приносимых из дома. Я выходила, вся набитая антисоветскими листовками и статьями. Мы, в уже полумертвом состоянии, заставили их давать нам наши теплые вещи и даже одеяла — тоже наши; возить нас в душ в Бутырку или «Матросскую Тишину», греть каждый вечер женщинам-политическим воду. Этого можно было

добиться только сухой смертельной голодовкой. В Питере держали мокрую и не добились ничего. Катя Подольцева своими пятью голодовками загубила желудок, многие в Петербурге попали в больницу и даже на операционный стол. Мокрая голодовка переносится гораздо легче. Правда, все 15 дней жутко хочется есть и снится сплошная еда. Никакого привыкания! Но чем больше голодовок, чем чаще они, тем скорее слабеешь, впадаешь в полубморочное состояние и уже не страдаешь, только всё время спишь, а в промежутках вполне можно читать и работать, отдыхая после каждой страницы. После 10-й голодовки я была в таком состоянии, что тюремщики брали с меня чуть ли не честное слово, что я не умру. Они иногда, за исключением особенно свирепых, жалели нас и старались понять. Но жалость зиждилась на нашей твердости и самоубийственных действиях.

Самым человечным был, пожалуй, начальник сего острога майор Худяков. Когда в июне 1988 года перед партконференцией меня привезли к нему с руками, черными от кровоподтеков (гэбистские нежные объятия), он столько звонил во все инстанции, требуя отмены приговора, что его начальство поинтересовалось, не вступил ли и он в ДС. Он даже делился с нами книгами из собственной библиотеки. Но если бы не перспектива нашей смерти в подведомственном ему заведении, он не сделал бы столько шагов нам навстречу. У гуманизма здесь была деловая основа. Однако либеральные газеты, депутаты со съездов из разряда «демократов» и диссиденты нас жалели и того меньше. Ни одного слова в нашу защиту ими не было сказано. Приходилось еще доказывать тем же диссидентам, что создать политическую партию — это не то же, что поджечь дом. Пришлось мне написать целую статью, адресованную именно диссидентам, — «Чем отличается политическая борьба от правозащитной деятельности, или Сектанты ли мы?»*. Статья была оспорена в диссидентской печати, но никто из диссидентов не пожалел тех, кто занял их место в тюремных камерах. Нам говорили: «Надо дело делать, а не сидеть. Некогда сидеть столько суток и неохота, лучше мы потом опять сядем по 70-й статье». Что ж, когда пришло это время, по 70-й статье сел опять ДС, да и правозащитной деятельностью нам же пришлось заниматься.

* См. стр. 429—433.

Рекорд сухой голодовки принадлежит Саше Элиовичу. Восемь с половиной суток! Непонятно, как он выжил. Его обтянутый кожей скелет товарищи вынесли на руках из тюремной больницы. Саша Элиович по праву считался первым стратегом ДС, в политологии он просто Александр Македонский. Он подарил стране идею гражданского пути и написал почти в одиночку II программу ДС, самую изысканную и причудливую из всех политических программ. Но дар стратега у него сочетался с обостренной совестью и абсолютной честностью, и он умел умирать. Равнодушие к своим страданиям я диссидентам простила. Равнодушие к страданиям моих молодых товарищей я никогда не прощу.

Если сухая голодовка начинается во время мокрой, это особенно тяжело, ведь организм уже обезвожен. Через 2-3 дня о воде не можешь забыть ни на минуту, после пяти дней перестаешь спать. Видишь сплошные водопады и реки (а Саша Элиович мечтал о кефире). Язык распухает, во рту всё такое шерстяное, как из джерси. Потом начинается внутренний жар (это в ледяной-то камере!). Внутри словно горит костер. Нельзя ни думать, ни читать, ни писать. Это не самая легкая из пыток. Очень хочется в одном купальнике побегать в ноябре по лужам или даже по снегу; воздух словно раскаляется; в одном тренировочном костюме прижимаешься к холодной стене, губы охлаждаешь о железные стойки нар. Потом начинаются судороги, неудержимая внутренняя дрожь. Дальше — отек. Потом они — а не мы! — сдавались. Спасибо Горбачеву за его единственный подарок — за право умереть в камере по собственному вкусу, за отмену принудительного кормления (везде, кроме тюрем КГБ) и частичный отказ от психиатрического террора. Какой дар может принять диссидент, вернее, даже революционер, от государства, с которым он поклялся бороться? Только возможность достойно умереть. Я лично никогда ничего другого и не требовала. Выход из голодовки очень тяжелый, ведь даже мокрая (с водой) 15-суточная голодовка вызывает судороги в ногах, сердечные приступы, спазмы в пищеводе, а при большой печени, как у меня, бывает еще хуже. На выходе сначала болят, а потом дико опухают ноги. А если через 15—20 дней снова арест? Один раз меня почти принесли в суд прямо

из дома, и интервал между пятнадцатью сутками и семью сутками ареста составил всего пять дней. Судью не смутило то, что я не могла стоять. Это был «осенний марафон». 17 арестов — это было сознательное физическое уничтожение, химический анализ, проба на излом. Это нормально. Власть имеет право испытывать человека кислотой, как золотую монету. Если он из чистого металла 96 пробы, он устоит. Зато человек вправе не покоряться государству. Они враги, и у каждого в этом поединке свое оружие. У власти — насилие, плахи, тюрьмы, пытки; у человека — его стоицизм, его мужество. ДС выстоял. Дальше, за гранью 17 ареста, шла смерть. Физические возможности были исчерпаны. И они отступили, они переменяли пластинку. За административными арестами пошли дела по УК.

А какие отборные люди водились в ДС! Сплошная элита, но элита веселая и находчивая, вовсе не дорожающая собой, швыряющая жизнь со щедростью Креза и никогда не берущая сдачи! Как будто на серую пустыню, на пепелище советской действительности накинули цветной золотканый покров, чтобы скрыть рубище страны. В 60—70-е годы Россия не была бедна: у нее были диссиденты. В 80-е и 90-е годы Россия тоже не вылетела в трубу: у нее был ДС. Вообще главный сырьевой ресурс страны — ее инсургенты, и государство должно дорожить ими больше, чем золотыми приисками. Нас будут реабилитировать через 50 лет, сейчас еще не управились с жертвами 30—50-х годов. Поэтому я составляю здесь заранее свой личный маленький мемориал, или гербарий лучших дээсовцев.

Саша Осипов, щуплый рафинированный интеллигент, один из лучших в стране «знатоков» национальной проблематики, предсказавший до тонкости, как будет проходить распад Союза, еще в 1989 году. Когда я принимала этого молодого ученого в ДС, я сама себе не верила. Люди этого типа сидят в академиях, а не в тюрьмах. И получают Нобелевские премии, а не удары дубинкой.

Сергей Скрипников, любимое чадо партийной ростовской элиты, выпускник МГИМО, дипломат и экономист, холеный английский джентльмен, красиво и барственно грассирующий, отличный синолог. И это он пришел в ДС, и ездил со мной по стране, и рисковал жизнью, и медленно умирал в соседней камере от сухой голодовки, но держался... Это его тащили за волосы омоновцы, это его били сапогами.

Андрей Грязнов, физик и поэт. Тоже аристократ и тоже декабрист. Вот одно из его стихотворений, некое личное дело перестройки.

ДИНОЗАВРЫ

Мы постепенно сознаем,
Что нет причины бить в литавры,
Что семь десятков лет живем
В стране, где правят динозавры.
Они не ведали забот.
Для них жратвы всегда хватало.
Но вот в одни прекрасный год
Погода вдруг меняться стала.
Экономический развал!
Не положить бы пасть на полку.
Вот тут один из них сказал:
— Загнем-ка, что ли, перестройку.
Чтоб сохранить былой престиж,
Хотя мы всех всегда давили,
Мы скажем: карнозавры* лишь
Суть динозавров извратили.
Так динозавры будут врать.
Им ничего не остается.
Они готовы всех сожрать,
Кто в их телегу не впряжется.
У динозавров аргумент
Для всех один (простой, как клизма):
Не с нами — значит, диссидент,
Антисоветчик и агент
Всех хищных сил «имперьялизма».
Не распахнуть нам темных штор,
Не смять неправедные лавры.
Не жить свободно до тех пор,
Пока не вымрут динозавры.

(1989)

Совет хорош! А они всё живут и живут... Не могу не поделиться еще одним аппетитным стихотвореньицем на-счет социалистического выбора.

* Хищный вид динозавров.

7 НОЯВРЯ 1987 ГОДА

Когда-то призрак из Европы
(Не то с тоски, не то со злобы)
По русской пробежал росе.
И вот уж семь десятилетий
Мы, зубы сжав, ползем в кювете
Вдоль превосходного шоссе.

(1987)

Кто не слышал лекций Андрея Грязнова о Канте или по греческой философии, тот ничего не слышал. В оригинале Кант — довольно пресное кушанье, но в Андриюшином изложении — пища богов. Вообще, если бы Грязнов и Элиович были современниками Платона и Аристотеля, они отбили бы у них всех учеников, включая Александра Македонского. Я, к счастью, не знала тогда, что 19 августа Элиович и Грязнов будут глумиться над защитниками Белого дома и призывать их разойтись, что они уйдут из ДС еще в 1991 году, до путча, из трусости, что Виктор Кузин перейдет на сторону красных, что Дмитрий Стариков будет выступать на анпиловских митингах и требовать восстановления СССР!

По сути дела, их уже нет, но цветы положить некуда.

И этот алмазный фонд явился на заграничный съезд ДС в Латвию. II съезд ДС прошел в январе 1989 года. Мы снимали кучу помещений, но ГБ шла по пятам, и нам отказали в последний момент. Однако латыши нас все-таки пристроили в одном юрмальском пансионате и выделили каминную для съезда. Здесь-то мы были свои! Во время оно с партбилетом ДС можно было ездить по странам Балтии, предъявляя его всюду вместо железнодорожного. Мы знали Слово Маугли: «Мы с тобой одной крови, ты и я», то есть «За вашу и нашу свободу!». Мы боролись за восстановление их независимости, и мне смешно сегодня слышать об угнетении русских в Балтии, потому что нас любили пламенно и самозабвенно, как братьев. Нацистов и оккупантов не любят нигде, сердцу не прикажешь. Мы помним, как сегодняшние «заплаканные» русские глумились над идеей балтийской свободы, как боролись за сохранение СССР. Поделом вору и мука. Малая толика презрения им не повредит. Мы заседали, забаррикадившись

в коттедже. Гэбисты ломали дверь. Когда они ворвались, Валерий Терехов из петербургского ДС спокойно читал предлагаемые поправки. Ошалевшие гэбисты стояли в дверях, а мы даже не поворачивали головы и приняли документ. Тогда они кого-то поволокли из помещения, и все 150 гостей и делегатов выскочили на улицу, на травку, и расшвыряли гэбистов и милицию. Их было всего 40 человек, мы над ними открыто издевались. Утащить кого-нибудь они не смогли. Мы просто их отбрасывали. Оставалось в нас стрелять или вызывать воинское соединение. И они ушли.

II съезд ДС дополнил наши документы. Среди целей ДС открыто прозвучала «дезинтеграция СССР». (Это в начале 1989 года!) Мы заели это дело юрмальскими деликатесами, и в Риге у памятника Свободы мы с Сашей Лукашевым заклеямили оккупантов и восславили независимость Балтии. Латыши плакали от счастья и дарили нам цветы. Гэбисты писали нас на магнитофон. Корреспонденты спрашивали, неужели нам жизнь не дорога.

III съезд ДС прошел в Таллине в январе 1990 года. Нам выделили даром зал Технического университета и даже даром кормили обедом. А жили мы в старинной крепости, превращенной в гостиницу. Если в Латвии чувствовался фронт и шла «холодная война», то в Эстонии оккупантов и оккупацию просто не замечали. Эта страшная сила духовного превосходства делала местную пятую колонну (оккупантов) очень смиренными. Оккупированный Советами Таллин выглядел как оккупированный немцами Париж. Было совершенно очевидно, что этот город нельзя покорить, что он не имеет отношения к СССР. Активисты партии Национальной независимости Эстонии рассказали нам, как они элегантно борются с ленинизмом. Памятник Ленина у горкома полили валерьянкой, и все местные коты устраивали там серенады. Я думаю, что этот памятник снесли первым, и по инициативе КПСС. Эстонцы ходили сквозь оккупантов, как сквозь стену. Они говорили, что с русскими у них не будет проблем: те интересуются только уровнем жизни, и на него сменяют пять СССР и шесть социализмов. Они говорили с презрением и знали, что мы не обидимся: эти русские не были нашими соотечественниками. В Эстонии было сколько угодно глазированных сырков, шоколада, дивных сосисок, бекона, шоколадных пирожных, кур и семги. Мы уничтожили, по-моему,

их месячные запасы. Глядя на наш ужин после вечернего заседания (нас кормили в любое время: мы были свои), заврестораном задумчиво изрек: «Если у русских революционеров такой аппетит, то сколько же едят консерваторы? Нет, надо отделяться!» Аналогичный случай был в Питере после партийной конференции. Мы целый день не ели и дорвались до ресторана. Глядя на количество блюд на нашем столе, знакомый журналист вздохнул: «Нет, вторую партию нам не прокормить!»

III съезд ДС принял решение о бойкоте выборов в Советы. Шло поименное голосование, и наши меньшевики, охочие до портфелей, думали, как бы скорее слинять, что многие потом и сделали, ибо ДС не давал своим членам никаких благ, кроме одного: свободы.

Конечно, выборы состоялись и без нас. Жалкие, несвободные, фиктивные, они тем не менее дали людям робким, которым нужно создавать условия, возможность участвовать в публичных дискуссиях и как-то себя проявить. К избранному составу съезда мы отнеслись примерно так же, как звездные пришельцы гуманоидного типа отнеслись бы к неандертальцам (уровень гражданского развития ДС и съезда позволял такие параллели). Мы готовы были им помочь, взять под свое покровительство, ввести в цивилизацию. Не готовы были только к тому, что они будут держаться за свои каменные топоры и пещеры, как за признаки наиболее передового образа жизни. Мы раздали всем наши обращения «Депутату, гражданину, человеку». Однако прыжка через столетия не получилось, эволюция пошла, как всегда идет, по сантиметру.

А нас ожидало 9 апреля — для нас 8-е, потому что гонцы из Грузии, рассказывая о той ночи, употребляли именно эту дату. Тогда на наших глазах это случалось впервые — и мы чуть не сошли с ума. Мы не хотели жить. Мы хотели, чтобы нас убили теми же саперными лопатками. Появилась листовка «Всем антифашистам нашей страны». Это лучший листовочный текст, который я за свою жизнь написала. Мы заклеили им Москву. Я лично видела, как из рук читавшего его человека выпала бутылка с кефиром и разбилась о тротуар. Да, это действовало сильно. Я разносила листовки по редакциям. Коллектив «Юности» помогал их распространять и спрашивал, что еще они могут сделать. Тем же занималось «Знамя». Тогда они, наверное,

впервые в своей жизни вышли на площадь. Общество опомнилось, очнулось ото сна и переживало момент наивысшего подъема и единения за счет негодования и отчаяния. Как раз вышли карательные Указы. Знаменитая 111-я сулила острог всем, кто смел мыслить и говорить. Но то, что мы готовили, попадало под 70-ю статью. Мы считали, что эта акция будет последней. Мы были в этом так уверены, что Катя Подольцева из питерского ДС приехала в Москву, чтобы отдать родителям свою дочь Лизу и чтобы ребенок не остался один после ее ареста — уже не на 15 суток, а на семь лет.

В штаб-квартиру звонили: «Здесь антифашисты? Мы ветераны войны, мы придем». Я позвонила Геннадию Жаворонкову, и он просто сказал: «Я буду там». Я этого его доброго дела никогда не забуду. Я позвонила товарищу — диссиденту Льву Тимофееву, и он сказал, что мое приглашение — провокация. Этого я тоже никогда не забуду. О, как мы хотели не вернуться с площади! Лечь под танки! А иначе как было смотреть грузинам в глаза? Я сходила даже к Сахарову. Я надеялась, что он выйдет вместе с нами. Но этого не произошло. Андрей Дмитриевич поставил этот вопрос в Академии наук, и они приняли резолюцию о том, чтобы власти не применяли жестокие меры к митингующим, а демонстранты бы их не провоцировали. Властям, конечно, было наплевать на все резолюции.

Накануне акции все активисты ДС были обложены «длинными пушистыми», то есть хвостами.

Это были уже целые рати на машинах. Мы трое — Саша Элиович, Андрей Грязнов и я — ночевали в штаб-квартире. Я боялась только одного: не попасть на площадь. Не умереть вместе с теми, кто туда дойдет. Я была уверена, что танки нам обеспечены. И мы, зная, что вокруг дома караулят машины, решили уйти от хвостов. Мы втроем поднялись на пятый этаж и полезли по лесенке в лаз на чердаке. Руководил всем Андрей, у него оказался просто полководческий талант. Я вспомнила свою альпинистскую практику. Мы шли по чердаку к крайней секции дома. Впереди Андрюша, как Данко, нес свечу. За ним шел Саша и разгонял палкой голубей. Голуби шипели, как змеи, и гадили нам на головы. Но когда мы, озираясь, выбрались из последнего подъезда дома, у входа нас ждала парочка гэбульников! Они дежурили не только у нашего подъезда!

Увидев у нас палку, они подобрали себе такую же. Мы схватили заблудшее такси. За нами ринулась гэбистская машина обычного вида, но с мощным гоночным мотором. Но всего одна! Другую мы уже «посеяли». Мы дали шоферу листовку и всё ему объяснили. Он всё понял и, повозив нас полночи, тщетно пытаясь уйти, завез в песчаный карьер, резко развернулся и поехал гэбистам в лоб. У них сдали нервы, и в последнюю секунду перед столкновением они свернули, пропустив нас. Мы ушли вперед, получив фору на квартал. Заехав в район новостроек, водитель сказал, что уведет гэбистов за собой, резко затормозил, мы выскочили и спрятались. Гэбульники не видели остановки, она была мгновенной. Они помчались дальше за такси, и водитель дурачил их до утра. А мы высидели несколько часов в чужом подъезде и поехали на «чистую» конспиративную квартиру к другу Андрея. Там мы поспали и поели и приняли душ. Друг вызвал своего приятеля с машиной и сказал, что лидеров ДС надо обязательно доставить на площадь. «Доставлю», — пообещал друг, сжимая монтировку.

Это была самая многочисленная наша демонстрация. На площадь вышли 15 тысяч человек. Несмотря на угрозы властей по телевидению, танков не было. Обычная массовка: милиция, спецназ, ОМОН, ГБ. Наш москвиченок проник между двумя омовскими автобусами и встал. Прямо — море людей, слева — ОМОН и милиция, справа — корреспонденты. Мы эффектно выскочили на площадь. Мы с Андреем — с лозунгами, Саша — с трехцветным флагом. Нас тут же схватили, но мы обеспечили себе кару. Все руководители ДС были захвачены, и митинг повела 18-летняя студентка Эля Виноградская. Она залезла с флагом на дерево и произнесла пламенную речь. Потом с мегафоном возглавила колонну, и 15 тысяч человек пошли за ней! Митинг шел на Арбат к грузинскому культурному центру, через Москву, а ОМОН останавливал движение! «И убегают сторожа, открыв дорогу нам». Они захватили лидеров, и не помогло. 15 тысяч они арестовать не могли. Арбат был занят из конца в конец, люди поднимали кулаки в антифашистском приветствии. Здесь бы и войска не помогли.

Власти поняли, что ДС надо остановить. И нам с Игорем Царьковым вместо 15 суток решили предъявить 200¹. Это было уже полгода. О 200¹ раструбили по радио и в газетах. Мы обещали просто поселиться в палатках на Пушкинской

площади и проводить митинг перманентно, раз уж такое дело. Сидеть — так не зря! Это была неслыханная наглость. Мы обещали держать голодовку все шесть месяцев. Они не сомневались, что мы назло им уморим себя голодом (Игорь Царьков держал голодовки вместе со мной). Люди под 200¹ готовили новый несанкционированный митинг, не скрываясь; по телефону диктовались лозунги аж на 64-ю статью. И власти отступили, поставленные перед неизбежностью нашей голодной смерти. Нас схватили дома в шесть часов утра, отвезли в суд, выдали по 15 суток и отправили в острог к нашим товарищам. Это была самая тяжелая сухая голодовка, когда мы чуть не умерли. Почти семь дней. Нам ставили в камеры миски с едой. Мы открывали окна и выливали ложками через решетку весь обед на чистенькие, белые стены тюрьмы. Несчастные надзиратели только и делали, что мыли наш острог снаружи, как перед Пасхой. Так мы отучили наших стражей ставить нам в камеры пищу (в принципе это пытка). Когда мы уже теряли сознание от жажды, врач из МВД (большой садист) распорядился ставить нам в камеры воду. Мы выливали ее под дверь. В коридоре начался ледоход, и от нас отстали. Когда кончился срок Саши Элиовича, он отказался выходить из камеры, оставив нас умирать. Его вывели и посадили на травку. Стоять он не мог. Слава Богу, подъехал дээсовский Красный Крест с соками и машиной. Умирать остались Юра Гафуров, Игорь Царьков, редактор партийной газеты «Свободное слово» Эдуард Молчанов и я. Юра Гафуров так страдал, что спрашивал у меня, не может ли он вскрыть гвоздем вены, чтобы скорее умереть, а не ждать жуткой смерти от жажды. Я еле его отговорила. Двойные майские праздники не дали прокуратуре Москвы вовремя сориентироваться. Наверное, на седьмой день мы были хороши, судя по испугу прокуроров, которые бегали по камерам, лично отдавали нам книги и заклинали жить, а то им не с кем будет бороться. А мы и пить-то уже не могли. Мы получили свое. Мы были чисты перед Грузией.

IV съезд ДС был приглашен в Киев лидером тамошних дээсовцев Фредом Анаденко. Он обещал нам золотые горы, но съезд вышел вроде I Учредительного по количеству приключений на душу делегата. Потом Фред признался, что он думал не об удобствах съезда, а о неудобствах местных гэбистов. По-моему, эта цель была достигнута вполне.

Но это были не первые «приключения в Рио». Еще зимой за год до этого мы с Игорем Царьковым ехали в Киев на съезд Украинского демократического союза. УДС с Евгением Чернышевым во главе был самой крайней национально-демократической организацией на Украине в 1988—1989 годах, на уровне организации украинских националистов. После съезда, на который мы ехали и который не состоялся, УДС преобразовался в УНДЛ — Украинскую национально-демократическую Лигу, а потом Лига стала партией — УНДП. Женя Чернышев выучил в совершенстве украинский и перестал говорить по-русски. Мы были счастливы, что ДС внес лепту в создание радикальных украинских организаций. Мне природные украинцы-радикалы говорили, что каждый раз, когда им хочется сказать: «А пропади они пропадом, эти русские!» — они вспоминают про Евгения Чернышева и останавливаются на полуслове.

Так почему не состоялся съезд УДС? Потом мы узнали, что всех делегатов насильственно выслали домой из Киева — кого в Харьков, кого в Житомир. С нами было сложнее. Едва мы успели выйти из вагона на киевском вокзале, как на нас набросилась толпа в двадцать или больше местных гэбистов в «форменных» норковых шапках-ушанках. Ни слова не говоря, не задавая вопросов, они, выкрутив нам руки, принялись запихивать нас в две машины. Мы стали кричать о самостоятельности Украины и об отделении ее от СССР. Причем мы это кричали по-русски (по-украински мы читали, понимали, но не говорили, хотя Царьков из Запорожья), а гэбисты свои команды отдавали с сильным украинским акцентом. Получался парадокс и восхитительный скандал, пассажиры сбегались. Утрамбовав нас в машины, наши похитители помчались, как гепарды, на красный свет и доехали до аэропорта. Прямо по взлетному полю, распугивая встречные самолеты, они подкатили к ИЛу и поволокли нас по трапу. Стало наконец понятно, чего они от нас хотят. Депортация. Но не тут-то было! Я ухватилась внутри за люк, не давая его закрыть, и стала вопить на весь аэропорт, что выброшусь из самолета на полном ходу и этим его разгерметизирую. Царьков сначала был ошарашен, а потом стал подыгрывать. Словом, мы соглашались лететь только в наручниках и мешках на голове, привязанные к креслам, что в полном пассажирском самолете, конечно, проделать было нельзя. Гэбисты пытались

закрыть люк, но стюардесса кричала, что в самолете еще нет пилота, не поведут же они сами. Царьков читал вслух пассажирам документы ДС. Те ничего не поняли, кроме того, что в самолет проникли два террориста. Появился генерал МВД и спросил, возможно ли, чтобы люди прыгали из самолета на ходу. Царьков посоветовал ему позвонить в Москву, в КГБ, и спросить, на что способна Новодворская. Генерал ушел и не вернулся. Видно, там подтвердили, что я и из ракеты выпрыгну.

Гэбисты совали нам билеты, купленные на казенные деньги (подарок Щербицкого), но уже с меньшим энтузиазмом. Царьков съездил одного по физиономии, так что он свалился на сундуки и баулы. Ему даже не дали сдачи! Пришел пожилой летчик, узнал, в чем дело, и сказал, что он рейс не поведет, ему год до пенсии остался, и ушел в административное здание. Пассажиры умоляли не держать самолет, особенно одна бедная женщина, которая опаздывала на похороны. Я вслух (и очень громко) уверила ее, что на похороны мы все попадем, как только самолет поднимется в воздух. На наши собственные похороны. После чего пассажиры взбунтовались, выбрали комитет, вышли из самолета и заявили: «Мы с этими террористами не полетим». Среди них нашелся один юрист из Москвы, и он сказал примерно следующее:

— Я документов ДС не знаю и знать не хочу, но ваши действия, если вы представители властей, просто безумны. Если они преступники, отправляйте их спецрейсом с охраной. Если нет, зачем вы пихаете их в самолет? Я вот доеду до Прокуратуры Союза, и вашему Щербицкому не поздоровится.

Один старенький дедушка, летевший на слет партизан, пристал к гэбисту:

— Покажите служебное удостоверение!

— Нету у меня...

— Покажите паспорт!

— Нету...

— Люди добрые, так они же бандиты! Держите их!

Словом, через три часа гэбисты вытащили нас из самолета и приволокли в аэропортовскую милицию. Там объявили, что посадят нас в поезд, который идет до Москвы без остановок. Мы очень обрадовались и сказали, что из поезда прыгать даже легче, чем из самолета.

- Вы же разобьетесь!
- А вы за это ответите!

Офицеры милиции оказались «западэнцами» из Львова, они нас накормили в ресторане. Наконец явился прокурор Киева с предостережением по 70-й статье. Устно он обещал еще 64-ю. Это нас тоже обрадовало. Бедный прокурор такого сроду не видел. Мы даже не дали обыскать наш багаж, а везли мы массу дивных антисоветских материалов. Словом, в 21.00 нас выпустили в город. Киев был потрясен, Щербицкий посрамлен, украинские радикалы в нас положительно влюбились, а мы съели всю колбасу и выпили *весь* узвар, приготовленные Женей Чернышевым на съезд УДС.

Но вернемся в весну (майские праздники) 1990 года.

От помещений несчастному съезду отказали сразу: где мыши, где тараканы, где сборная СССР по боксу, где наводнение, где ремонт — все предлоги были хороши. Первый день съезда прошел за городом, на танцплощадке с маленькой эстрадой какого-то пансионата, в окружении половины, наверное, киевской милиции и ОМОНа, причем замминистра МВД Украины бегал вокруг с мегафоном и объяснял, что нас посадят по уголовной статье за захват для незаконных мероприятий общественных зданий (это танцплощадки-то!). Статья такая и впрямь была, но ДС уже вырвался на оперативный простор, и такие предложения не страх вызывали, а искренний восторг. Убедившись, что страха Божьего мы лишены, ОМОН включил глушилки с какофонической музыкой. Мы все перешли на эстраду, поближе к ведущим.

Осаждавшим пришлось уйти раньше осажденных, потому что я заявила, что мы не уйдем первыми, оставив наше поле боя — танцплощадку, и будем заседать до следующих праздников (дело было в мае). Попутно я еще успела выступить на учредительном съезде УРП (Украинской Республиканской партии), пригласив Украину к немедленному выходу из Союза и от имени России отказавшись навеки от всех на нее прав, чем вызвала восторг съезда (мне аплодировали стоя) и протрацию как у московского, так и у киевского ГБ.

На следующий день мы нашли в Киеве заброшенный амфитеатр в парке, построенный явно во времена Ярослава Мудрого и успевший разрушиться. В этих развалинах съезд и свил себе гнездо. До амфитеатра нас провожали. Когда

мы с Асей Лащивер спросили у идущих нам навстречу мужчин, сколько нам идти до летнего театра, они любезно ответили: «Столько, сколько вы уже прошли». Через два часа после начала мы увидели, что сверху нас разглядывают в бинокль. А потом по ступенькам спустилась целая рота киевской милиции в парадных мундирах и белых перчатках (опоздавшим делегатам гэбисты говорили: «Куда вы идете? Там сейчас будут стрелять, бить дубинками и применять газы») и окружила съезд, встав даже между первым рядом и ведущими на эстраде. На эстраду поднялся прокурор Киева и попросил слова. Съезд вел Андрей Грязнов. Он поставил вопрос на голосование. Съезд в слове отказал! На месте прокурора я бы застрелилась. Советская власть была свергнута силами одного ДС, потому что он игнорировал не только ее приказы, но и само ее существование. Прокурор побыл немного и ушел. Милиционеры стояли и застенчиво улыбались, проклиная свое руководство за дурацкое положение, в которое их поставили. Мы с Юрой Бехчановым из Самарского ДС сидели в первом ряду, мертвой хваткой вцепившись в один трехцветный флаг. Юра отказывался его выпустить, боясь, что без флага его не арестуют. Я по тем же причинам отказывалась отдать флаг ему. ДС уже дозрел до того, что его члены боялись не ареста, а того, что их не возьмут. Фред Анаденко по диссидентской привычке диктовал телефоны киевских контактов Асе Лащивер. Наконец раздалась команда: «За спецсредствами шагом марш!» Милиционеры церемониальным маршем отправились за дубинками и газом. Конечно, они не вернулись. А на следующий день только полили дегтем первые скамьи амфитеатра, потому что на все скамейки в Киеве дегтя не хватило.

ГДЕ ЗДЕСЬ ПРОПАСТЬ ДЛЯ СВОЕОДНЫХ ЛЮДЕЙ?

В мае 1990 года мне удалось экономически эмансипироваться от государства: перейти из своего заклитого института на работу в дээсовский кооператив по свержению «конституционного строя». Так что целый год я была профессиональным революционером не только в переносном, но и в прямом смысле. Моя партийная должность называлась в стиле наробраза: методист ДС. В РОНО это самая

никчемная должность; по идее, методист должен учить учителей учить ребят. Моя должность вполне соответствовала традициям: я пыталась обучить «подрывной элемент», как лучше подрывать устои. Где я только не побывала!

В профессии профессионального революционера есть свои преимущества: по крайней мере, можно посмотреть страну, режим которой ты собираешься свергать. Я видела тяжелый, серо-стальной Тихий океан в бухтах Владивостока и даже каталась по нему, потому что во Владивостокском ДС состоял один настоящий морской волк, боцман Миша. Я видела хрупкую и очаровательную японскую флору в парках Дальнего Востока; похожий на Океан Соляриса пенный Амур, свинцовую Лену, жемчужный Енисей. А Ангара оказалась нестерпимо сапфировой, и, несмотря на все слухи о загрязнении, Байкал был достаточно хрустальный, и цвет у него оказался ваноговский. Иркутское партсоборание ДС происходило прямо в тайге, на сопках, на полянке, и медведь мог запросто выйти и попросить слова по повестке дня. А вот Обь была уже грязная, как несчастная заезженная Волга, и Иртыш выглядел не лучше.

И везде, от Нижнего Новгорода до Владивостока, я ухитрялась устраивать праздники непослушания вместе с тамошними нашими партайгеноссен. Институты, НИИ, театры, клубы, да и заводы, бывало (но реже). И всегда по три выступления в день, и всегда на сладкое — митинг. Местные власти, наверное, топились и вешались. Люди охотно ходили на «крамолу»; я только не замечала тогда, что они — зрители и что на сцену они сами не лезут. В сущности, ДС устраивал гладиаторские бои, бросаясь добровольно во все львиные рвы и в печи огненные. Зрители рукоплескали, но из безопасного укрытия. Если это и была революционная деятельность, то на уровне парижских кафе 1848 года. Был бал. А после бала — казнь. Так, по Эдварду Радзинскому, выглядит любая дворянская революция. Но наше отчаяние было так велико, что мы не следили за реакцией аудитории, за реакцией после того, как падал занавес нашего спектакля. Мы жили на этой сцене, мы не ломали, а переживали своего Шекспира. Не все ли равно Отелло и Гамлету, куда пойдет зритель после спектакля? Ведь в зале он аплодировал! Что еще нужно хорошему актеру, у которого нет никакой другой жизни, кроме сценической? ДС играл, но не лицедействовал, потому что он играл самого себя. Но наша самая лучшая роль была впереди.

Вильнюс. 13 января. Мир рухнул окончательно. Мы относились к Балтии с особенным благоговением, мы чтили в ней часть Запада, нашей земли обетованной. У нас там были не просто друзья, но товарищи. Мы участвовали в конгрессах всех радикальных национально-освободительных движений. Я никогда не забуду Учредительного съезда ДННЛ (Движения за национальную независимость Латвии) и выступления гостя от партии Национальной независимости Эстонии. Он не знал латышского, но не стал говорить по-русски, хотя в зале все знали русский. Он говорил по-немецки, а переводчик переводил на латышский!

Эстония мало говорила, мало выступала, но больше всех презирала. Поэтому она осталась самой нетронутой из трех стран и сейчас ушла дальше всех на Запад. Там за Бразаускаса не проголосуют! И перед смертью я буду видеть, как весь зал после моего выступления встает и аплодирует стоя, вплоть до овации. То же было и в Вильнюсе, на сейме Саюдиса*. Первыми встали делегаты от Каунаса, за ними — все остальные.

Что может бессильный, одинокий человек сделать для своей обезумевшей страны? Главное — искупить ее вину, а остальное всё приложится. ДС замаливал (и продолжает замаливать) российские грехи. Мы всё время напрашивались на крест, а после 13 января он стал нравственной необходимостью. В этот день без всяких санкций и оповещений на Советскую и Манежную вышли 10 тысяч человек. Наконец и депутатов заело. Они пошли даже на Красную. Этим многие слабости и колебания искупятся. Вышли и диссиденты. Александр Подрабинек, например. Настроение ДС очень хорошо передает мое стихотворение, написанное в те январские дни. Бывает, что плохое стихотворение может что-то хорошо передать!

ОККУПАЦИОННЫЙ РОМАНС

«Мы — не сталинские злодеи,
Мы на танках в Литву не вступали».
В девяностые не краснеем,
Наша хата всё еще с краю.

* Общественно-политическая организация, возглавившая в 1988—1990 гг. процесс выхода Литовской ССР из состава СССР. См. стр. 470—473.

И у нас ничего не сварилось,
Мы опять ничего не посмели.
А от Вильнюса до Тбилиси
Смяты танками все апрели.

Говорили: отцы виноваты,
Заварили имперскую кашу.
Получилось: наши лопаты
И империя — тоже наша.

Демократия — просто задаром,
Солидарность — еще дешевле.
Ванна гласности с легким паром
Чем дозволенной, тем задушевней.

А сегодня всё по-другому,
А сегодня страшнее и проще:
Оккупанты останутся дома.
Остальные пусть выйдут на площадь.

В ночь на 14 января родилось «Письмо двенадцати», которое стало главным мотивом для моего ареста в мае и дела по новой формулировке 70-й статьи. Когда я писала его, то испытывала такие чувства к Горбачеву, что готова была и впрямь поступить с ним, как народовольцы поступали со своими губернаторами. Но через несколько дней я остыла и вернулась к прежней дээсовской установке: достаточно сказать о праве на теракт вслух и заклеить тирана, бросить ему публично вызов и пойти на смерть, но не лишать его жалкой его жизни (тем более что бедняга не тянул на Ивана IV, или Нерона, или Иосифа Виссарионовича). То, что я написала такое письмо, никого не удивило. Удивительно и достойно восхищения то, что его подписали еще 11 человек, не прошедших через страшную мясорубку советских карательных заведений, хотя я всех предупреждала, что это 2-я часть 70-й статьи: «Призывы к свержению существующего строя», коллективный вариант (группа), то есть 7 лет. Это письмо я и прочитала на Советской площади прямо в гэбистские видеокамеры.

«ПИСЬМО ДВЕНАДЦАТИ»

«Когда правительство нарушает права народа, восстание является священным и необходимейшим долгом народа» (Декларация прав человека и гражданина).

«Истребление тиранов» — так когда-то Набоков назвал свой рассказ о злодеяниях Сталина. Сегодня переполнилась мера злодеяний советского фашистского режима Горбачева. Против безоружного народа Литвы брошены танки, пролилась кровь мирных жителей.

Советские штурмовики повторяют подвиги громил СА в Тбилиси и Баку. Гражданская война, развязанная кликой Горбачева против его безоружных противников, посмеявших предпочесть свободу рабству, приобрела открытый характер. В этих условиях вооруженное сопротивление, неуместное в другое время, становится законным средством борьбы народа с властью, обогрившей руки его кровью. Мы бесславно стерпели три Тимишоары: Тбилиси, Баку и Вильнюс, хотя Горбачев достоин участи Чаушеску, а его режим — аналогичного финала. Кто осудит студента, убившего Сомосу? Кто бросил бы камень в покушавшихся на Сталина и Гитлера?

Преступив закон, гласящий, что жизнь человека — святыня, Горбачев сам поставил себя вне этого закона.

Отныне ни законы Божеские, ни законы человеческие не защищают его и других военных и государственных преступников от гнева народа и руки мстителя.

Нельзя искупить свою вину перед народом Литвы, не защищая его с оружием в руках от карателей. Отныне народ приобретает право на свержение преступной власти любым путем, в том числе с помощью вооруженного восстания.

Политический режим, заливающий страну кровью, должен быть низвергнут, а кремлевские палачи — разделить участь преступников, осужденных на Нюрнбергском процессе или павших от руки участников антифашистского Сопротивления на оккупированных территориях. Мы заявляем об этом открыто, и пусть наше обращение станет прологом к будущей демократической революции.

Члены партии ДС: Елена Авдеева, Юрий Бехчанов, Алексей Бирюков, Владимир Данилов, Анна Комарова, Вадим Кушнир, Валерия Новодворская, Василий Носов, Елена Орадовская, Алексей Печенкин, Иван Струков, Евгений Фрумкин.

К документу присоединился 21 делегат V съезда ДС с решающим голосом (из 72 человек) и 22 члена ДС, гости съезда, делегаты с совещательным голосом.

А еще я читала стихотворение «Кинжал» и посвящала Гитлеру, Сталину, Пол Поту и Горбачеву. И рвала портреты последнего буквально пачками. А какие лозунги у нас были! «Страна, где президент — бандит, свободы недостойна», «Лучше баррикады, чем горбачевизм», «Горбачев — Чаушеску», «Красные подонки, вон из Литвы», «Хватит терпеть режим фашиста Горбачева» и т.д. Как всегда, впереди были самые отборные дээсовцы, наши «боевики»: Лена Авдеева (19 лет), Юра Бехчанов (22 года), Коля Злотник, Женя Фрумкин, Вадим Кушнир, Кирилл Шуйкин, Гриша Воробьев (20 лет). Звучало знаменитое стихотворение «Пошатнулся и замер государственный строй». Мы пошли по Тверской, по проезжей части, к Манежной, наплевав на ОМОН, ничего не видя от горя. Мы не знали, живы ли наши друзья из «Лиги свободы Литвы». Ведь мы обещали первыми лечь под предназначенные для них танки! Но мы были живы, а кого-то уже давили. Как было после этого жить? Потом Андриус Тучкус из «Лиги» мне рассказал, что они с Гинтарией, его женой, уложили спать детей (хорошо знакомых мне Грету и Доменика), не успев даже предупредить родителей, заперли дверь, взяли машину и поехали на площадь к парламенту умирать. И так поступили десятки тысяч. Ни у кого не было оружия, кроме бензина и нескольких охотничьих ружей. В квартирах запирали детей и уезжали умирать. Когда я об этом думаю, то у меня руки трясутся от беспредельной ненависти к танкам моей империи — и к их водителям, и я понимаю, что здесь бы не поколебалась не только лечь под танк, но и поджечь его, но и стрелять по русским десанникам.

Мы дошли до Манежной. Здесь уже был грузовик с депутатами, и Галина Старовойтова протягивала ко мне руки, приглашая на эту трибуну. Но нам было этого мало. Мы кричали: «Давайте сюда ваши танки!» Мы хотели выйти на Красную. Перед нами выросла цепь ОМОНа и автобусов. Как одержимые, мы бросились на ОМОН и порядком его помяли, но прорваться не смогли. Тогда я крикнула: «Всем сесть!» — и мы сели в лужи мокрого снега. ОМОН ошалел. Через пять минут нас стали брать.

На этот раз народ отбивал дээсовцев ожесточенно. Меня дотащили до подземного перехода, прямо по снегу

и воде. Народ — за голову и руки, ОМОН — за ноги. Я думала, меня пополам разорвут. Так же отбивали Лену Авдееву. Когда 10—12 человек запихнули в автобусы, оказалось, что вокруг бегает Гдлян со своими ребятами и пытается автобусы перевернуть. Уцелевшие пошли вместе с депутатами к литовскому представительству. Назавтра нас выпустили, и всю неделю, как на работу, мы ходили на Советскую площадь и проводили там митинг № 1 (то-то радость была гэбистам и моим будущим следователям), потом с лозунгами шли к литовскому представительству и проводили там митинг № 2. ОМОН повадился хватать нас на обратном пути, когда организаторы расходились по 5-6 человек. Автобус резко тормозил, омовцы выскакивали, как волки, хватали намеченную жертву, упаковывали и уезжали.

Мы называли это «арестом из-за угла». Один раз так схватили меня и выпустили только после суда. Митинги продолжались, пока советские войска не остановились в Литве. Через несколько недель, выступая перед рабочими-оружейниками Коврова*, я призвала их часть оружия портить, как это делали военнопленные в 40-е годы на заводах Германии, а часть переправлять в Литву или прятать по домам для вооруженного восстания против коммунистов (у моих следователей это была любимая пленка, ибо на ней запечатлелся наибольший криминал).

В феврале мы поехали в Литву помогать провести референдум о независимости. Когда мы увидели эту баррикаду, увешанную карикатурами и флагами Литвы, Украины, Эстонии, Латвии, у нас защемило сердце: танки опрокинули бы ее за несколько минут. Вокруг были старательно расставлены бетонные глыбы, а подле них дежурили ребята с бутылками бензина. Наш друг Витаутас из Каунаса ходил по крыше парламента с мелкокалиберкой. У костров грелись интернациональные бригады: кроме прибалтов, там было полно украинцев, белорусов, но были и русские (среди них и мальчишки покрепче из сибирских организаций ДС). Еще до нас Олег Томилов из Омска в 20-х числах января со своей дээсовской бригадой (это были делегаты V съезда ДС) перелез через стену Северного городка. Они раздавали танкистам листовки и говорили им речи в мегафон. Конечно,

* См. стр. 588—594.

всех арестовали. Они вышибли дверь на гауптвахте. Их чуть не пристрелили, но через пять дней выпустили.

Парламент был набит мешками с песком. Нам с гордостью объяснили, что в случае чего заготовленный бензин поможет сжечь и парламент, и баррикаду, и защитников, и атакующих вместе с танками. Конечно, таким способом нельзя спасти и отстоять город, но можно спасти честь. Мы с Юрой Бехчановым давали интервью литовскому телевидению в парламенте, сидя на мешках с песком. У меня сохранился пропуск в здание ВС (туда пускали с большим разбором). Наше интервью с призывом сжечь все танки до последнего, выкинуть оккупантов из Литвы и позвать вовремя нас, если СА опять пойдет в наступление, чтобы мы успели взять оружие (увы! Его и у Литвы-то не было!) и обратить его против тех, кто говорит на нашем языке, но при этом является нашим врагом, было показано в тот же вечер. Агенты КГБ в Литве его записали и переслали в Москву. Всё это я потом нашла в деле во время следствия.

То, что мы задумали, даже у Андриуса Тучкуса вызвало протест, а у Саюдиса — просто панику. Они все считали, что мы живыми из этой переделки не выберемся. Впрочем, мы думали так же. Мы другого и не хотели. У захваченных радио и телевидения была запретная зона за красными флажками. Здесь десантники открывали огонь без предупреждения. Мы выбрали пятерых камикадзе: я, Вадим Кушнир, Лена Авдеева, Юра Бехчанов и Вадим Смирнов. У нас был большой литовский флаг и лозунги, из которых «Красные подонки, вон из Литвы» и «У советского оккупанта нет Отечества. Его родина — танк» оказались самыми мягкими.

Мы договорились с литовским телевидением и бросились в день накануне референдума за флажки, взобрались по ступеням радиокомитета и замерли по стойке смирно. Троллейбусы останавливались, литовцы выпрыгивали. Телевидение снимало. Когда появились десантники с автоматами, женщины в толпе зрителей стали закрывать лица руками. Десантники были в шоке. А когда они узнали, что мы русские, да еще и из Москвы, они вообще перестали понимать, что происходит. Несколько раз они выстраивались с автоматами напротив и угрожали немедленным расстрелом. Мы делали шаг вперед, рвались на автоматы и умоляли их стрелять, чтобы мы искупили позор России. Старшие

офицеры, видно, позвонили куда следует и получили ЦУ, что с этими бесноватыми делать. Нас стали брать за руки и за ноги и утаскивать за флажки, а мы рвались обратно, бежали к бэтээрам, хватались за автоматы. Юра Бехчанов пытался у одного солдатака автомат даже отобрать. Мы просто напрашивались на выстрел. Нас снова выкидывали. Потом солдаты стали в цепь по краю заграждений, и мы перешли к Дому печати. Там мы стояли час, а десантники попрятались внутри и даже не вышли. Потом мы отправились к комендатуре. Был адский холод, почти -20 . Из комендатуры на нас натравили овчарку, но Лена Авдеева — большой кинолог — ее мгновенно приручила. Потом офицеры заявили, что вызвали танк из Северного городка. Мы едва не околели от холода, но танка не дождалось. И опять останавливались троллейбусы...

Этот сюжет (по первому эпизоду акции) литовское телевидение показало дважды: днем и вечером. Надеюсь, что мы прибавили голосов за независимость.

А вечером мы с Леной едва успели вовремя вынуть Юру Бехчанова из петли. У него было слишком много совести. Я вспомнила, как в Самаре, приглашая людей по телефону на митинг, Юра тоном хорошей хозяйки, приготовившей фирменный торт, заговорщицки добавлял: «Водометы будут!» А в Москве, когда ввели совместное патрулирование, скатился с лестницы с радостным воплем: «Ура! Военное положение, господа! Шампанского!»

В двадцать два года трудно примириться с неизбежным. Юра считал, что мы не искупили своей вины перед Литвой, раз мы остались в живых. И Юра был прав.

ЕСЛИ ВРАГ НЕ СДАЕТСЯ, ЕГО НЕ УНИЧТОЖАЮТ

Если враг не сдается, то его уничтожают только достаточно «крутые» противники, по крайней мере, обладающие свежей равноценной идеей. Белые — красных; красные — белых; фашисты — либералов, и наоборот. Чахлые, потерявшие всю идейную крепость, выдохшиеся, как открытый «Тройной» одеколон, необольшевики 90-х годов ДС казнить не смели. Надо думать, что КГБ понимал, что наша смерть сделает нашу позицию неуязвимой. Поэтому они

все время приценивались к нам и примерялись, не упали ли мы в цене, по карману ли им с нами справиться. Доведя историю с арестами на 15 суток и с перманентными моими голодовками до края, до смертельной грани, в марте 1990 года, после последнего ареста за акцию в честь Февральской революции (12 марта), наши сатрапики забуксовали больше чем на год. Если бы я не ходила на каждую акцию, закрывая собой все амбразуры, аресты бы продолжались. Но поскольку я всегда называлась организатором, всегда вела митинг и не брать меня было нельзя, они лишались возможности, не приговаривая к аресту меня, сажать моих товарищей.

Здесь они переменили пластинку. Сначала не брали вообще, а когда стали снова брать и судить, повадились при-суждать тысячные штрафы. Им самим было смешно каждую неделю назначать человеку тысячный штраф. Конечно, этот способ пополнения госбюджета у них не прошел. Ни копейки с ДС они не получили, потому что профессиональные революционеры у нас превалировали. Это были просто Олимпийские игры: наш пикет брали каждую субботу из-под лошадки Юрия Долгорукого. В знак протеста в воскресенье выходил другой пикет (мы делились на смены). Его тоже брали. В понедельник судили всех вместе. В 109 о/м, где мы ночевали, нам выделили персональные камеры. К нам привыкли, поили чаем, передавали принесенные с воли завтраки и ужины. С собой мы часто брали Атоса, маленькую собачку Ларисы Пушминой. На Атосе иногда тоже висел лозунг. Атоса брали вместе с нами (его дома не с кем было оставить), ездил он и на суд. Однажды нагадил в суде прямо на пол! Но в марте 1991 года, к Февральской годовщине, мы решили разнообразить нашу жизнь. И вышли на Лубянку с пакетом красной краски, налитой в молочную емкость. Весь наличный гэбистский контингент у крепостных стен защищал свои здания. По-моему, там был полк. Не считая ОМОНа со щитами и шлемами. Едва мы с Мишей Денисовым и Вадимом Кушником (других взяли еще раньше) развернули лозунги прямо у андроповского барельефа, нас стали хватать. Вадик успел бросить в стену свой пакет, и это красное пятно на стене и асфальте гэбисты потом отмывали несколько субботников подряд. Мишу и Вадима страшно били, а пакет

приписали в протоколе мне, хотя я сроду бы никуда не попала. Естественно, я не стала возражать и взяла всё на себя, чтобы прикрыть Вадима. Для меня это было менее опасно; они знали, что значит иметь дело со мной. Миша Денисов пытался благородно пакет перехватить себе в протокол, но ГБ устраивала моя кандидатура, а милиция писала лишь под их диктовку. Дзержинский суд назавтра расценил дизайн на Лубянке в 10 и 20 рублей штрафа. Причем, когда один судья начал нас оправдывать, омоновцы, руководимые гэбистом, переташили нас к другому судье с возгласом: «Такой судья нас не устраивает!» Но другой отказался судить вообще. Пока суд да дело, большая часть дээсовцев разбежалась. Я старалась всех отослать и остаться одна. А третий судья не давал больше 20 рублей штрафа. За этот пакет краски на меня завели уголовное дело. Какое, я так и не узнала, потому что отказалась ехать в прокуратуру разбираться, хотя в суды за мной пару раз приезжала «Волга» с чиновником и гэбульником, а повестки шли, как снег. Но после горбачевского дела тащить меня силой они не решились, и эта история завяла на корню. Когда власти настроены несерьезно, судить ДС могут только «по собственному желанию».

Даже вялая карательная практика тех лет показывала, что если человек соглашается сидеть, он сидеть будет. Раньше, до 1988 года, вопрос так вообще не стоял: нам не давали умереть. Доктрина искусственного кормления и применения стирания личности в СПб лишала политзаключенных «оружия возмездия». Горбачев не дал права на жизнь, но он вернул нам драгоценное право на смерть, а с точки зрения инсургента, это главное в жизни. Человека, готового умереть, нельзя взять голыми руками. Ведь на той же акции 12 марта 1991 года взяли и бросили на ложному обвинению в Бутырскую тюрьму двух молоденьких анархистов — Родионова и Кузнецова — и мучили их там год, даже и после 21 августа, дав три года срока. Мы их отбили потом, но нам пришлось дойти до решения в случае отказа пересмотреть дело взять в заложники судей, перейти к терактам. Чтобы не связываться с ДС, после такого моего личного письменного заявления по факсу во все СМИ ребят освободили, пересмотрев приговор. Но сколько было акций (даже два захвата ОМОНОм уже в феврале 1992 года), сколько

горьких статей, сколько разорванных увеличенных «ельцинских» открыток!

Итак, нас не сажали не из-за попустительства, а из-за нашей установки «Свобода или смерть». В июне 1990 года у меня была очередная методическая поездка в Воронеж. Был митинг, был колоссальный разгон, была армия омоновцев. Нас посадили (у меня был максимум — 15 суток, у члена ДС Сергея Баранова — 7 суток, у одного члена «Народного фронта» — 10 суток; социал-демократ получил 5 суток). Стояла страшная жара, в местной тюрьме (в Воронеже нет спецприемника) водились тараканы, а у меня должна была начаться международная конференция по правам человека в Питере и методическая поездка в Краснодарский край и Сочи. И я решила: я больше никогда не буду сидеть нигде, кроме как в Лефортове по политической статье. Решение пришло спокойное и прохладное, но скоро стало жарко, потому что мы держали сухую голодовку.

Несмотря на глухую провинциальность Воронежа, дело получило огласку. Подняли шум депутаты облсовета, что-то передавали «Вести», дээсовцы сидели в палатке (перманентно) перед Моссоветом и клялись в случае нашей смерти начать сухую голодовку за изменение законодательства. На пятый день в такую жару мы стали умирать (технология я уже описывала). И власти опять сдались. Они свезли нас в больницу и устроили нам кардиограмму и консилиум. Убедившись, что дело плохо, местная ГБ звякнула в суд, и тот сократил нам срок до пяти дней всем. Пока шли эти переговоры, нам освободили палаты для ветеранов ВОВ (одну — мне, другую — ребятам). У входа в палаты на матрасах спали милиционеры с рациями, они же гуляли у входа и по отделению, пугая до полусмерти больных.

За мной приехали из Москвы Володя Филипенко и Олег Циоменко, полномочные послы ДС. По-моему, это по приказу ГБ им срочно продали обратные билеты в купейный вагон, хотя в кассе ни черта не было. Меня надо было поскорее убрать из города. Я не возражала, потому что все выступления в Воронеже кончились.

Сухая голодовка без конкретных требований — это был отказ сидеть. Впрочем, мы уже получили повышение, хотя и не знали об этом. На нас готовились уголовные дела.

«В ПРОРЫВ ИДУТ ШТРАФНЫЕ БАТАЛЬОНЫ»

Мимоходом, незаметно для своих строгих судей, разрушительный нигилистический ДС решил несколько более чем конструктивных задач, за что, как водится, был побит камнями. Во-первых, мы прикрыли собой всех национал-демократов — до ухода их в недосягаемый для спецслужб, прокуроров и ОМОНа суверенитет. Никого из них не могли судить за сепаратизм, как в 60-е годы Левко Лукьяненко, сидевшего в камере смертников по 64-й статье УК. Как можно было арестовывать «лигистов» из Литвы, сепаратистов Латвии, Эстонии и Украины, если в метрополии, в столице колониальной империи, партия ДС включила в свою программу пункт о дезинтеграции СССР?

Начинать надо было с нас. Мы кричали «Долой СССР!» под стенами Кремля, наши акции 23 августа посещались Партией возрождения Латвии, но даже здесь мы брали себе большую долю: нам — по 15 суток, им — по пять, по семь. Мы вывели их из зоны огня, из-под наших же российских орудий, вынесли на руках. Мы — чужие среди «своих», но навечно свои среди «чужих». Мы вырывали полузадушенные республики из окровавленного клюва российского стервятника. Об этом будет приятно вспомнить перед смертью, хотя бы и на виселице. И я знаю, что нас будут оплакивать и в Киеве, и в Риге, и в Вильнюсе, и в Таллине, и в Баку, и в Зугдиди. Но мы, оставаясь вечно крайними, прикрыли и «своих» — «Московские новости», «Независимую», «Столицу», «Огонек», «ДемРоссию», будущих бизнесменов. Мы были так нестерпимо резки, наше незарегистрированное, подпольное «Свободное слово» с тиражом в 55 000 было такой большой листовкой, что прочие демократы могли сойти за хороших, послушных детей. Опять-таки начинать надо было с нас. С нас и начинали: горбачевское дело, сожжение флагов — 190², аресты за митинги, 70-я статья. Практически всё досталось нам, за исключением 19—21 августа, когда подтянулись остальные.

У нас была поразительная жизнестойкость. Даже упав после очередного выстрела в спину (статья уважаемого Бандуры на «странице трех авторов» в «Московских новостях» конца 80-х годов — хороший выстрел, меткий), мы все равно ползли к амбразуре, чтобы закрыть того же господина Бандуру собой... Что ж, такова участь штрафного батальона. Его гонят

на смерть и не говорят «спасибо». А потом занимают завоеванный плацдарм. Весь нестандарт заключался в том, что ДС был добровольческим штрафным батальоном. Нам сказали «спасибо» «Ленком» и Марк Захаров (гениальность творческая часто совпадает с гениальностью человеческой), западные журналисты и честные тамошние либералы и антикоммунисты и множество безвестных, но порядочных людей.

Я никогда не забуду, как на одном из пикетов, когда мы мерзли уже четвертый час, какой-то инженер принес нам кофе и сэндвичи, поставил у ног вместе с посудой, сказал: «Чем могу» — и быстро ушел.

Но «Московские новости», которые мы читаем бес­с­менно с 1988 года, «спасибо» не скажут. А Лариса Богораз в 1988 году, когда мы сидели по камерам, заявила, что мы — совершенно безответственная организация. В собственном восприятии ДС выглядел так:

СЕРЬЕЗНАЯ ВЕРСИЯ АНДРЕЯ ГРЯЗНОВА

Уже как будто совершилось,
Чему свершиться суждено:
И Божий суд, и Божья милость,
И «ни за что», и «все равно».

Земная жизнь — одна минута
Падения от «Да» до «Нет».
Лишь тот поймет его секрет,
Кто не раскроет парашюта.

ВЕРСИЯ ИРОНИЧЕСКАЯ В ИСПОЛНЕНИИ ОЛЕГА ЦИОМЕНКО

Захотелось под танки,
Смыть позор горьких лет.
Мы пришли на Лубянку,
Только танков там нет.
И сказала нам Лера:
Выше знамя Руси!
За отсутствием танков
Можно лечь под такси,
Под автобус, под трактор,
Под асфальтный каток,

И, вполне вероятно,
В этом будет свой прок.
Встрепенутся все страны,
Весть пройдет по земле,
И от срама тираны
Зарыдают в Кремле.

Пресса попроще МН писала о нас под заголовками «Мы будем в вас стрелять, сказал лидер ДС». Телевидение любило изображать нас на фоне сходящих с рельсов поездов. Обвинения в бульварных газетах обычно сводились к тому, что мы лодыри, пьяницы, диверсанты, шпионы, антисоветчики, что мы взорвали Чернобыль и собираемся и дальше устраивать взрывы на АЭС и химических заводах. Одно было непонятно, почему тогда мы не арестованы именно за диверсии. Я думаю, на Лубянке очень развлекались, читая эту ерунду. Мы же отстреливались пародиями.

Акции ДС были причудливы и величественны в одно и то же время, в них было много смеха и достаточно хорошо спрятанных слез. За предельным вызовом таилось предельное отчаяние. Каждый раз мы вызывали на ужин Командора, и, когда он появлялся, мы не имитировали веселье: нам было и вправду весело. На Делакруа накладывался Гойя, на Гойю — Суриков («Боярыня Морозова») с сильной примесью Крамского и Ге. Это вначале мне приходилось перед акциями надувать некоторых дээсовцев, как шарики, весельем и отвагой. Потом это уже не требовалось. Мои товарищи стали ходить на акции с сумками книг и ватниками, не считая умывальных принадлежностей, чистого белья и полотенца. И, если нас случайно не брали, злые и разочарованные дээсовцы устраивали мне сцены: «Какого черта мы сюда притащились!» Если нас не брали на Пушкинской, мы шли на Красную, где арест был обеспечен.

Мы видели, что стена не рухнула. И мы разбивали об нее головы у всех на глазах, надеясь привлечь внимание к этой стене.

Когда гражданское общество так малочисленно, оно только и может, что разбить себе голову о стену. А нам пытались подложить подушку, и это было страшнее всего. В дни первого съезда нардепов мы работали с мегафоном на Пушкинской от восхода до заката и однажды попали в плотное кольцо ОМОНа, в котором провели шесть часов до приезда

Станкевича и Сахарова. Так народ нам бросал внутрь кольца колбасу, хлеб, бутылки с лимонадом, даже одеяла и батарейки для мегафона. Тогда мы еще на что-то надеялись... Когда надежда ушла и уступила место смертельному, безнадежному упорству? Наверное, после 23 апреля 1989 года.

Мы первыми вынесли на митинг трехцветное знамя. Это было 12 марта 1989 года, на Маяковке.

Отчеты о митингах выливались и в милицейские протоколы, и в постановления Фрунзенского суда, а в КГБ, наверное, ломались отведенные нам шкафы и приходилось нанимать новых делопроизводителей. Когда членов ДС не брали, они пытались влезть в автобус добровольно, чтобы разделить участь своих товарищей. На Пушкинской сбоку еще стоит историческая телефонная будка, с которой на митингах говорили пламенные речи и солидаризировались с Балтией Саша Элиович и Андрей Грязнов. Андрюшу тогда избили до полусмерти и дали плюс к этому 15 суток. Его арестовывали в школе, прямо во время уроков, на глазах изумленных детей, а потом он был вынужден уйти с работы. Со мной было еще занятнее — меня во Втором Меде исключили из профсоюза «за участие в несанкционированных митингах».

ДС вполне можно было назвать если не партией растерянных, то партией разогнанных и посаженных.

Я — СПАРТАК!

ДС, при всей своей веселости, был организацией очень мрачной, с эсхатологическим уклоном. Впрочем, таким он и остался. Мы играли шекспировскую трагедию внутри бурлеска и площадного фарса, и получалось очень смешно. На одну единицу раздражения ДС реагировал тысячей единиц крика, надрыва, отчаяния и протеста. Любая нормальная власть «да ходит опасно» (то есть глядит в оба), пока у нее под ногами болтается такая вредная организация. Поэтому несчастный Горбачев, позволяя принять закон о своей чести и достоинстве*, готовил себе печальную участь. Принимать такие законы могут только профаны, чьи представления о Западе почерпнуты из голливудских боевиков. Если там, «за бугром», к власти испытывают

* Закон СССР от 14 мая 1990 г. № 1478-1.

пиетет, то у нас в России ее просто боятся. Трепещут, так сказать. Впрочем, право кнута — вещь в себе и зависит только от силы размаха. Это доказуемо эмпирически. Но когда эта же самая власть вдруг начинает требовать, чтобы ее уважали, — это слишком даже для советского человека. Здесь он заявляет: «Есть у тебя дубинка, так бей, а уважать тебя так же противоестественно, как чтить моровую язву». Первым за горбачевскую девичью честь сел на год бездомный бедняга Смирнов, требовавший жилья от генсека в слишком активной форме и в картинках с надписями. До этого закона ДС занимался Горбачевым мало, от случая к случаю. Мы привыкли оперировать понятиями «система», «строй», «режим», «номенклатура» вне персонификации, языческой и примитивной.

Закон об оскорблении величия вынудил нас заняться президентом поподробнее. Сам напросился. Дабы протестовать против этого закона, нужно было анализировать «объект». Для этого вождя мига у меня была заготовлена статья «Хайль Горбачев!»*. Как только закон был принят, мы ее запустили в «Свободное слово». Кстати, в 1991 году мы считали Ельцина бесспорным преемником Горбачева и предполагали, что, придя к власти, он начнет вешать. Я уже говорила о нашем пессимизме и черной меланхолии.

То есть смягчения режима, которое было бы некорректно отрицать, я не ожидала. Но поскольку Ельцин у нас не ассоциировался ни с Баку, ни с Тбилиси, ни с Вильнюсом, мы не испытывали к нему такой пылкой ненависти, как к Горбачеву. Скорее что-то вроде усталого равнодушия и насмешливого презрения. К кому я испытывала ненависть, так это к счастливым обладателям лозунгов «Ельцин, Ельцин, ты могуч, ты разгонишь стаи туч» и значков с его медальным профилем величиной с чайное блюдечко. Примерно те же чувства, впрочем, я испытываю к создателю гимна «Боже, царя храни». Так что без обиды, всем поровну.

К этому времени ДС представлял собой совершеннейшее создание революционного искусства, отборный экземпляр Буревестника с характером Сокола из соседнего произведения того же автора, с беззаботностью жаворонка, драчливостью петуха и язвительностью Гарпии. После большевиков, мне кажется, никто так не был счастлив

* См. стр. 545—547.

со своей партией, как дээсовцы, и никто не трясся так над своим партбилетом, как мы. Побывав в ДС, я стала понимать, почему большевики дрожали перед исключением из партии. Мы с упоением сидели в выходные дни по 7-8 часов на партсобраниях и платили членские взносы с дрожью сладострастия. Боюсь, что ни один светский человек с Запада не поймет наших высоких чувств. У советских людей даже при очень сильном антисоветском уклоне свое представление о развлечениях и удовольствиях. Не знаю, что чувствовали мои товарищи, но для меня ДС был продолжением моей души и образом жизни.

Для полного счастья нам недоставало баррикад и военного положения. Вы уже догадались, что августовские три дня были посланы ДС самим Провидением. Что до Горбачева, то мы заманили беднягу в мышеловку, поместив туда вместо сыра лозунг «Горбачев — фашист, палач и убийца». Впервые в истории популяции мышь шла на такую невкусную наживку. Это была просто поэма! Сначала некто из кругов, близких к КГБ, прочитал «Хайль, Горбачев!» в «Свободном слове» и излил свое негодование на любезно подставленных вместо ушата страницах «Советской культуры». Как водится в СССР, читательская обида была оформлена в виде заявления в прокуратуру. Прокуратура, защищая сироту, возбудила дело в безличной форме «по факту». Прокуроры явились на наш склад печатной продукции за газетой, и им выдали на общих основаниях два экземпляра, не забыв содрать два рубля. Дело вначале было таким же вялотекущим, как шизофрения. У нас был большой опыт таких дел. Знаменитое дело № 64, которое велось под занавес по старой формулировке 70-й статьи питерским ГБ против тамошних дээсовцев, послужило поводом для сочинения многих анекдотов. Оно велось даже не вприкуску, а вприглядку, поскольку дээсовцы на допросы не являлись, а если даже одного удавалось отловить, он отказывался разговаривать. Словом, дело пришлось закрыть в силу полнейшего отсутствия к нему интереса у подозреваемых.

Горбачевское дело оказалось гораздо занятнее. Горбачеву его Нобелевская премия стоила не дешевле, чем Пастернаку. Согласитесь, что травля Пастернака — это большой грех, а травить генсеков — дело приятное и общественно полезное. Тем более что брань на ворота не виснет, а деньги и должность мы у Горбачева не отбирали (бодливой корове

Бог рог не дает). Я оскорбляла Горбачева в прозе и в стихах, утром, вечером и на сон грядущий. Конечно, не вульгарно, а самым причудливым образом. Скажем, лозунг звучал так: «Нобелевская премия фашисту — браво, Запад!» И старая облезлая советская тигра, которую мы все время дергали за усы, среагировала: я разбила рекорды по количеству уголовных дел, возбужденных почти синхронно и по одному поводу. Два дела были возбуждены в Москве — по устному оскорблению и по письменному («Хайль, Горбачев!»). Кстати, царствующая особа была расценена в шесть лет тюрьмы, выше, чем первичные призывы к свержению строя (статья 70, часть 1), что стоило три года. Я оскорбляла Горбачева в интервью и на митингах, на диспутах и демонстрациях, в столице и в провинции, на заводах и в университетах. Так что в Воронеже дело возбудили тоже, а в Петербурге их оказалось три, причем три дела я заработала за четыре дня! Одно было возбуждено из-за моей речи на митинге Международной правозащитной конференции на Дворцовой, второе — за доклад на той же конференции, а третье — за выступление на заводе Метростроя.

Конференция была занятая. Бедный Собчак выделил под нее шикарный дворец с буфетом, поселил делегатов в роскошной гостинице и даром кормил деликатесами на обед в лучшем ресторане. Неблагодарные делегаты разнесли тут же в пух и прах советскую власть вообще и Собчака в частности за автократию, тоталитаризм и системность вместе взятые. Тихие западные правозащитники едва не падали в обморок, слушая пламенные дээсовские речи. Дел была масса, а подсудимая — одна. Поэтому Верховный суд состряпал из всех этих дел одно, и это одно, конечно, досталось Мосгорсуду. Но всё это происходило пока не на авансцене, и мы ничего не знали.

Однако новое (как сказал бы Сергей Кургинян: сакральное) преступление заставило суд и прокуратуру выйти из подполья. После очередного нашего разгона меня не посмели посадить (мои сухие голодовки не обещали ничего, кроме забот и хлопот), но дали 10—15 суток самым молодым дээсовцам. Для меня, да и для других не посаженных такая ситуация была вне нравственной допустимости. Мы стояли с 10 по 17 сентября на Советской в пикете по 10—12 часов. Самым отчаянным был Юра Бехчанов. В дополнение мы с нашими жуткими лозунгами

прошли церемониальным маршем до Белорусского вокзала, до Фрунзенского суда, но судья Митюшин дважды отказался меня судить. «Новодворскую? Судить? Я что, спятил? Хоть убейте, не буду!» — провозгласил он. Мы поняли, что пикеты бесполезны, и решили прибегнуть к последнему средству: сожжению государственных флагов. Аутодафе наметили на 16 сентября. Во избежание накладок с размерами приобрели в магазине несколько новехоньких флагов. А когда мы расклеили афиши-листочки на манер «Солидарности», нам массу флагов нанесли люди. Своих кровных, что вывешивают к табельным дням. «Нате, сожгите и наш», — говорил народ, вручая свой пай. 16 сентября мимо нас семенила бесконечная демонстрация «ДемРоссии». Шел дождь, но флаги заранее пропитали бензином (чуть склад не сожгли). Поджигала я их фигурной восковой свечкой, сама (я знала, что это уже уголовная статья 190² и не хотела подставлять других). Володя Иванов, один из самых революционных депутатов, помог мне своей зажигалкой. Мы сожгли семь или восемь флагов, они горели отлично, с искрами. Юра Бехчанов тогда впервые прочел программные стихи молодого члена ДС (называть подожду, пока на самом деле не падет коммунистическая власть, даже если это власть «бывших»; и пока не разгонят бывший КГБ, теперешнюю ФСБ). Потом мы много их читали, я — так на каждом митинге, особенно после Вильнюса.

Пошатнулся и замер
Государственный строй.
Выше русское знамя!
Начинается бой.
Значит, время настало,
Значит, не промолчи,
Значит, надо орала
Переделать в мечи.
Значит, ляжем под танки
Под Кремлевской стеной,
Между штурмом Лубянки
И гражданской войной.
И когда-нибудь в полночь
Все начнется с нуля:
Будем красную сволочь

Вышибать из Кремля.
Меж развалин и пыли
Встанет взорванный Храм.
Пусть свобода России
Будет памятью нам.

Осталась огромная куча пепла. И ее даже не стали убирать перестроечные дворники.

В этот день нас не взяли. Но чаша терпения властей переполнилась. Флаги оказались последней каплей. Нас взяли 17 сентября, назавтра, на пикете, который стал последним пикетом ДС, каравшимся административно. Из царства административности мы перешли в царство уголовности.

Всех после составления протоколов отпустили, мы с Юрой Бехчановым остались на закуску. В конце концов отпустили и нас. Но мы не успели дойти до улицы. Нас вернули. Меня отвели наверх, куда явились какие-то важные и надутые генералы из МВД. При мне состоялся знаменательный телефонный разговор: «Бехчанова пустить по 166-й, ч.2? Дать 15 суток? Уголовное дело только против Новодворской? Всё сейчас сделаем». Явились следователи и потребовали от меня невесть каких разъяснений, попутно излагая мне, какой я плохой человек и как власти меня за это накажут. Я письменно изобразила какой-то очередной антисоветско-антигосударственно-антигорбачевский манифест.

Юре Бехчанову назавтра дали 15 суток, а меня на трое суток посадили в уютную одиночную КПЗ 12-го о/м. Я не верила, что они способны на такую глупость, как начать дело по этой злосчастной статье. Это было еще глупее принятия Закона. Здесь им лучше было бы действовать по тактике: молчи, раз уж Бог убил. И друзья-милиционеры из 12 о/м (у ДС было немало поклонников в МВД, они даже говорили, что если бы посмели, то присоединились бы к нам) тоже не верили. Три дня до обвинения мне казались фарсом. Впрочем, я была спокойна не поэтому. Я знала, что больше никогда и нигде не буду сидеть, что враги могут распоряжаться моей жизнью, но не моей свободой. Я задним числом решила выполнить знаменитое сталинское постановление и не сдаваться в плен. Все мы в ДС знали, что не будем в неволе не только размножаться, но даже и есть. Следствие в Лефортове — голодовка в случае нарушений статуса политзаключенного (одиночка,

книги, возможность писать, заниматься, отмена личного обыска и т.д.). Следствие не в Лефортове — голодовка с первого дня, потому что мы можем сидеть только в политической тюрьме. После суда — смертельная голодовка в любом случае, до конца или до освобождения. Поэтому нам беспокоиться было не о чем.

Через три дня (естественно, с голодовкой) явился следователь из прокуратуры, сказал, что обвинение мне предъявят сегодня, а мы сейчас поедem ко мне домой делать обыск. Все возвращалось на круги своя... У меня дома следователи небрежно порывались в дээсовских печатных изданиях и нарыли еще с десятков оскорблений горбачевской чистоты. Понятые сидели в столбняке, а почему от такой жизни (с 1969 по 1993 год) не утопилась моя несчастная семья (мама и бабушка), это уже семейный секрет. Я набрала кучу вещей для тюрьмы. После обыска мы поехали в прокуратуру. Там меня ждала колоритная застойная личность следователя Сазонова, агента влияния КГБ в прокуратуре Москвы. Он имел дело с В.Альбрехтом, Ю.Гриммом, а у Володи Гершуни изъял даже те книги, которые не изымали у других диссидентов, для своей личной библиотеки. Не всякому следователю прокуратуры Москвы доверяли вести дела по 190-й. Для этого надо было работать если не в штате КГБ, то внештатным его сотрудником. Судя по его расчетливому византийскому коварству и иезуитской жестокости, он многому научился у своих коллег из легальных структур КГБ. Прокурор Москвы Пономарев был вполне ему под стать. Эта милая пара и сейчас обретается не в какой-нибудь тюрьме Шпандау, охраняемой союзниками, как то было с Деницем и Гессом, а в белом здании прокуратуры на Новокузнецкой. Наше знакомство началось прямо с пытки, даже без предварительных переговоров и ультиматумов.

Зачем Сазонову и Пономареву понадобилось делать судебно-психиатрическую экспертизу* в конце 1990 года, когда поезд карательной медицины явно уже ушел? Тем более не в институте Сербского (для такой экспертизы надо было взять под стражу), а в экспертном отделении клиники Кашенко? Неужели они всерьез рассчитывали на повторение лунцевского диагноза и всех последующих стадий расправы среди бела дня, в Москве, да еще после всех административных арестов, явно переменявших пластинку?

* См. стр. 562—563.

Верхом идиотизма было объявление об этой экспертизе в программе «Время» (или «Новости») на весь СССР. Друзей среди интеллигенции Горбачеву это не прибавило, тем более что от практики карательной психиатрии на словах они уже вроде отрелись. Конечно, они были не настолько наивны, чтобы на это уповать, тем паче со мной, с сухой голодовкой и с ДС, который тут же стал бы хватать их за икры.

Нет! Они скромно хотели сделать следствие пыточным, отдохнуть от меня хотя бы один месяц (столько длилась по правилам экспертиза), доставить мне тот максимум страдания, на который они еще могли рассчитывать в своих стратегических планах в 1990 году. То есть цель у них была самая скромная, намерения самые непритязательные. Бедняга Сазонов и не скрывал, что ему надо совсем немного: просто помучить. Что я при этом испытала? Примерно такое же чувство, как при встрече с динозавром на пляже в XX веке. Ты твердо знаешь, что этого не может быть, что динозавры вымерли. Но один из этих покойников идет тебе навстречу, и зубы у него очень правдоподобные, и распахивается просторная пасть...

Если бы прокуратура была чуть повыше, я, конечно, не удержалась бы и выкинулась с верхнего этажа. Даже по дороге я пыталась договориться с прокурорскими (как потом выяснилось, гэбистскими) мальчиками, чтобы они открыли запертую дверцу машины и дали мне выскочить на полном ходу и разбиться. Отнесли они к этой просьбе вполне здраво: сказали, что они бы с удовольствием, но у них будут неприятности. Здесь негодование радикалов разделили даже «Московские новости» (это доброе дело зачтется Наталии Геворкян, она ведь и Сергею Кузнецову помогла) и не большой охотник до ДС Леонид Радзиховский.

Моя сухая голодовка была даже сверх нормы, потому что в дело включились депутаты Моссовета во главе с Виктором Кузиным*, а корреспондент «Свободы» записывал мое интервью уже на следующий день, прямо в комнате свиданий. К тому же главврач больницы Владимир Николаевич Козырев не имел ни малейшего желания участвовать в этой мерзости и рассвирепел, считая, что его клинику пытаются «подставить» и опорочить. Весь персонал экспертного отделения негодовал. Они бы и без голодовки провели экспертизу за неделю, но здесь им пришлось уложиться

* См. стр. 563—567.

в пять дней, работая и в выходные. Независимые эксперты от Юрия Савенко были хорошей страховкой, но с Козыревым и страховка была не нужна. На этот раз моя сухая голодовка доставляла врачам еще большие страдания, чем мне. Они чуть не плакали, и комиссия установила мою полную невиновность (то есть вменяемость и несокрушимое психическое здоровье). К тому же диагноз 1970 года был опровергнут.

Я знала, что это последняя экспертиза в моей жизни, что больше я не соглашусь проходить ее никогда. (Если бы не это публичное заявление, суд бы так легко не отстал, ведь многострадальный Кузнецов проходил две экспертизы, в Свердловске и в Москве.) Вопрос Александра Подрабиника в день экспертизы, не надо ли мне что-нибудь принести, показал, как далеко ДС ушел от диссидентов. Саша думал, что меня в этом учреждении могут еще поддержать. Я была уверена и в результатах, и в завтрашнем освобождении, потому что дээсовцы сами решали, жить им или не жить. Если диссиденты вынуждены были терпеть, ДС не соглашался терпеть ничего и никогда. Отказаться терпеть — это и была наша миссия.

Из дальнейшего нашего общения следователь Сазонов не вынес ничего, кроме слез. Не успела кончиться экспертиза, как он позвонил в клинику, поздравил меня и назначил допрос через день. Естественно, я ни разу не пошла к нему добровольно. За мной приезжали в шесть часов утра и тащили силой. На месте Сазонова я бы отстала, потому что весь допрос я ему хамила как могла. «Сатрап» — это было самое мягкое выражение. Подписку о невыезде я не дала, и они это съели. Гэбисты вырастали как грибы у меня в палисаднике, когда я возвращалась вечером домой, чтобы обеспечить Сазонову очередную порцию оскорблений на завтра. Протоколы допросов несли бедному Горбачеву и несчастному СССР новые бедствия.

Результаты экспертизы были мной прочтены при закрытии дела, и оказалось, что мои претензии к советской психиатрии небезосновательны. Здесь ведь дилемма: или подсудимый хороший человек, идеалист. Тогда он псих. Или он нормален, но тогда он честолюбец, актер, позер, интересант и т.д. Моя реабилитация сопровождалась такой характеристикой, что за границу с ней бы не пустили.

Я к тому времени уже разжигалась многочисленными соучастниками моих преступлений. Здесь надо учесть специфику ДС. Мы действовали по принципу из фильма Кубрика: «Я — Спартак!» Это означало: если принят скверный закон, не критикуй его, а нарушай и заставь себя судить, тогда закон скорее отменят. Если преследуют невинного, не защищай его, а соверши то, что ему инкриминируют. Встань рядом!

Дээсовцы вооружились лозунгами, и мы взяли на оскорбление Горбачева коллективный подряд. Положительно, партия оставила все дела и занялась честью и достоинством Горбачева. Подсудимые размножились как кролики. Дела возбуждались пачками. Тамара Целикова в Твери, Лена Авдеева, Таня Кудрявцева, Павел Шуйкин, Евгений Фрумкин, Сергей Прилепский в Москве, и это только начало. Дела докатились до Казахстана. Бедный Горбачев и не подозревал, какую беду он накликал на свою бесталанную голову. Причем на допросы никто из ДС не являлся. Таню Кудрявцеву, весившую не больше 40 кг, принесли в прокуратуру на руках в теннисных туфлях (зимой); в другой руке оперативник нес ее пальто. И хотя носить Таню было одно удовольствие, прокуратуре это дело надоело, и до суда его не довели. Прилепского искали год, хотя он жил в Москве и не скрывался. Кому охота найти дээсовца? Себе дороже! Лучше потерять! Тамару Целикову судили с интервалами полтора года и в конце концов оправдали (уже после того, как Горбачев ушел на незаслуженный отдых). Судить за оскорбление бывшего президента бывшего государства по бывшему закону — это вполне в советских карнавальных традициях. Женю Фрумкина Митюшин во Фрунзенском суде оправдал уже после августа. Самая дикая история произошла с юной Леной Авдеевой. Ее в наручниках из прокуратуры (она с ними отказалась разговаривать) на два дня отправили в Бутырскую тюрьму. Скандал вышел восхитительный плюс, конечно, сухая голодовка. Мы не успели как следует напротестоваться: Лену отдали нам обратно, натерпевшись от нее выше нормы. Судья Шереметьев во Фрунзенском суде от нее рыдал: Лена даже не пришла за обвинительным заключением. Советское правосудие для нее не существовало, и оно не знало, как реагировать. Один оперативник с кем-то из ДС поделился: «Больше всего не люблю Авдееву арестовывать. Придешь

к ним домой, а на тебя еще собаку натравят. Авдееву надо на руках тащить, а она брыкается. Лучше рэкетиров брать!» Когда Лену принесли на ее суд, она весь процесс читала Кафку (тоже «Процесс»). Суд чувствовал себя очень глупо, потому что подсудимая даже не смотрела в его сторону. Это был уже февраль 1991 года. Адвоката Лене дали насильно, она его игнорировала. Прокурор был так потрясен, что о Горбачеве в своей речи и не вспомнил, говорил только о Лениных плохих манерах и неуважении к суду (своя рубашка ближе к телу). Тысячу рублей штрафа с Лены они получают на том свете угольками, как и мои семь тысяч. ДС выигрывает и черными, и белыми, но всегда — нокаутом.

Далее я устроила Горбачеву агитпоездку. Наплевав на подписку о невыезде (я же ее не давала), я поехала на три недели в методическое турне Иркутск — Владивосток — Омск. И уже потом, читая дело при его закрытии в декабре, узнала, что прокуратура посылала людей задержать меня в аэропорту. Но, как водится, вовремя не пришел кассир, не выдал командировочные, а даром советские каратели и пальцем о палец не ударят. Так что московская группа захвата проворонила меня в Москве (они явились на московскую квартиру в 7.00, а меня товарищи увезли в 6.00) и не долетела до Иркутска, а местные власти не посмели брать на своей территории (я еще в Свердловск заехала!) и соврали, что не нашли. И везде были шикарные митинги, и честное имя Горбачева подвергалось поношению по всему Транссибу. Местные дээсовцы с соответствующими плакатами требовали возбуждения дел против них, но местные власти были поумнее московских и не искали неприятностей на свою голову. То есть я надругалась не только над Горбачевым, его строем и его СССР, но и над судом, прокуратурой и советскими законами, а в этом был великий соблазн. Нас тронуть было чревато, ибо мы тут же лезли в бутылку и в петлю, а не трогать — означало сказать: «Всё дозволено». Когда я ехала обратно на поезде «Россия» (шесть суток!), на каждой станции к начальнику поезда подходил гэбист (мне всё рассказывали) и проверял мое наличие в составе. Московский ДС ждал моего ареста на вокзале (а ведь за такие штучки полагалось брать под стражу) и поэтому пришел меня встречать с цветами и почти в полном составе.

Сазонов и К° всё проглотили и даже отказались включать в дело новые сибирские и дальневосточные эпизоды

(несмотря на статью в «Рабочей трибуне»), опасаясь, что иначе дело не кончится никогда. Со свидетелями по делу было тоже глухо. После того как Эдуарда Молчанова, редактора «Свободного слова», принесли к Сазонову в тоненьком тренировочном костюме и в тапочках и положили на коврик перед столом (он даже одеваться дома отказался, когда к нему ворвались), а Сазонов только и мог, что попросить своих громил отнести его обратно и положить, откуда взяли, наши прокураторы решили за свидетелями из ДС не гоняться. Пять томов дела пошли в Верховный суд, и Сазонов надеялся, что они к нему не вернуться. Никто не верил, что после таких треволнений кто-то еще захочет продолжить турнир в суде.

Между делом состоялся V съезд ДС, где под «Письмом двенадцати» появилось больше пятидесяти подписей, включая подпись гардеробщицы Дома культуры, где мы заседали.

А в середине февраля мои и вообще дээсовские акции после вильнюсских злодейств довели-таки власти до беды: суд то ли надо мной, то ли над Горбачевым начался*. Был выделен громадный зал Мосгорсуда на верхнем этаже, где обычно устраивали показательные процессы над шпионами, валютчиками и диссидентами. ДС веселился как мог, я обновила красную кофточку (вместо красной шапочки), а журналисты радовались, как дети. Их набралось великое множество. На почетном месте сидел «Коммерсант», тоже попавший в подсудимые за публикацию моего плаката. Коммерсантовцев трудно было напугать.

Назначенный мне адвокат оказался честным человеком и мирно ушел после моего от него отказа. Далее роли распределились следующим образом: судья Гусева тщетно пыталась заставить меня и дээсовцев вставать при ее появлении, ОМОН в зале, на лестнице и на улице балдел от скуки и тоски, журналисты, депутаты и неформалы ловили кайф и хохотали от каждой реплики, а я читала лекции по истории и политологии, объяснив суду, что судиться не собираюсь, а пришла сюда лекции читать. Опытные диссиденты были настроены мрачно. Даже ветеран движения Ася Лащивер считала, что прокурор будет просить два года, а дадут мне один. Это означало голодовку и смерть, ибо на кассацию я бы подавать не стала. Но смерть в ДС

* См. стр. 594—598.

не являлась даже поводом для внеочередного партсобрани- ния, тем паче для печали. Всем было ясно, что моя смерть убьет и Горбачева вместе с его перестройкой. И всем было ясно, что делать потом: заставить их убить всех членов партии. ДС могли похоронить только в братской могиле. Нетленные документы, вынесенные на магнитофонных лентах из зала суда, свидетельствуют о чисто академиче- ском подходе ДС к данному процессу. Видеофильмы мои товарищи вообще смотрели со скамьи подсудимых, и судья уже не стала их гнать: «Пусть сидят, если им нравится».

Несчастливая советская власть не смогла из себя выжать ничего более страшного, чем требование прокурора дать мне два года с отсрочкой на два года (как будто было не ясно, что я тут же пойду оскорблять Горбачева опять). После последнего слова* я заявила, что готова была платить по предъявленным мне счетам, но поскольку предъявить их мне не смеют, то мне в этом зале больше делать нечего, их приговор меня интересует, как прошлогодний снег, а текст пусть пришлют мне на дом. Я и в самом деле по- шла к выходу. Вдогонку мне суд срочно закрыл заседание (дело было в пятницу), а чтение приговора назначил на понедельник. В понедельник я в суд не пошла. Можно было пожалеть судью, читавшую приговор пустой скамье подсудимых, не смея не только взять под стражу, но даже силой доставить меня в суд. По горбачевскому делу меня оправдали («Коммерсант» радостно выпустил статью «Гор- бачева можно оскорбить, только если матом»), а за флаги дали два года исправительных работ в «местах, определя- емых МВД», с вычетом двадцати процентов заработка. Легче было это декларировать, чем заставить методиста ДС исполнять такой приговор. Видимо, поэтому приговор пре- терпел следующие превращения:

1. Прокурор Пономарев, болея душой за Горбачева, по- дает на пересмотр дела в Верховный суд.

2. Верховный суд России утверждает оправдание, а два года работ заменяют двумястами рублями штрафа, которые они не получили до сих пор.

3. Степанков обжалует приговор в Президиуме Верхов- ного суда.

Дальнейшие приключения приговора совпали с делом по 70-й статье, поэтому оставим их на время.

* См. стр. 598—602.

Как все радикальные партии, ДС не избежал общей участи. Слабые сходили с дистанции сразу, трусы в ДС не задерживались. К маю 1991 года крутизны нашего маршрута не выдержали даже главный редактор «Свободного слова» Эдуард Молчанов, Игорь Царьков и мой будущий «сообщник» по 70-й статье Владимир Данилов, которого считали храбрецом (он ведь подписал «Письмо двенадцати»). Вместо того чтобы просто уйти или бороться внутри партии конституционными методами, эти трое бывших наших товарищей, много сделавшие для ДС, кончили совсем плачевно и некрасиво. Для начала Молчанов стал печатать в партийной газете совершенно советские, в стиле «Труда» и «Правды», статьи о подписантах «Письма двенадцати» и членах либерально-революционной фракции ДС, к тому времени мною созданной. В этих статьях нас обвиняли в намерениях развязать гражданскую войну, совершить теракты и прочее, полностью во вкусе 30-х годов. Потом, кстати, эти статьи легли в мое дело по статье 70 как обвинительные материалы. Во многом возбуждение дела было спровоцировано публикациями «Свободного слова», нашей собственной газеты! Но от предательства никто не застрахован. Игорь Царьков печатал и распространял эти материалы 55-тысячным тиражом. По своему положению в партии Царьков, Молчанов и Данилов держали в руках всю технику и все материальные средства. Они были убеждены, что радикальную часть партии посадят, и не намерены были делить с нами тюремные камеры. Им хотелось более спокойной жизни в зарегистрированной партии, в общем ряду с «ДемРоссией». Ходить по лезвию бритвы они больше не хотели.

В связи с этим им пришла в голову удачная идея: расколоть партию, увести за собой послушную им часть и забрать все деньги и всю технику. Когда это не удалось, они увели с собой только восьмерых членов ДС (и их загубили, потому что ДС (ГП) — гражданский путь, который мы называли ДС (ГБ), существовал несколько месяцев, а потом эти восемь человек поняли, куда попали, и вообще бросили всякую деятельность, а троица провокаторов рассорилась, после чего Царьков и Молчанов пошли в одну сторону, а Данилов — в другую). Деньги были для нас потеряны, а технику (ту часть, которую они не спрятали заблаговременно) пришлось отбивать, от чего мы чуть

не умерли, настолько это было противно и нам несвойственно. Многие члены ДС зачислили после этого Царькова в офицеры ГБ, но эта версия кажется мне слишком лестной и для него, и для нас. Не каждый трус и эгоист работает на ГБ штатно, хотя эти качества идут спецслужбам на пользу.

Некоторое время в стране выходили два «Свободных слова» — партийное и молчановское, но краденые деньги без идей не пошли им впрок. Грустно терять товарищей, но ведь и истории с Азефом, Гапоном и Ванечкой Окладским больно ударили по нашим предшественникам. Приватизацией имущества партии занялись сначала в ДС, а уже потом в КПСС. Мы и здесь всех опередили.

А между тем «секира уже лежала при корне древа». В конце марта дело по новой формулировке статьи 70 (призывы к свержению строя) было возбуждено. Конечно, мы ничего об этом не знали — до поры до времени. 13 мая после долгого перерыва член ДС снова получил сутки за пикет. Это была Леночка Авдеева, вызывавшая у судей патологическую ненависть своим нонконформизмом (меня уже боялись).

Судили около 10 человек, почти все были мужчины. Дали по 200—300 рублей штрафа. А Леночке — 10 суток. Я не могла отпустить Леночку, мать которой как раз была моей ровесницей, туда одну. Она успела бы умереть от сухой голодовки за эти 10 суток, ведь нас там успели почти забыть и могли нарушить статус политзаключенного (кто на новенького?), не зная Лену и ее возможностей. Мне отказались давать арест, тогда я порвала Леночкино определение, бросила клочки судье в лицо и, схватив с окна цветок в горшке, запустила им в стекло, разбив всё окно вдребезги. У нас не хватило людей отбить Лену, хотя я и это попыталась сделать. После чего я заявила судье Шереметьеву и председателю суда Агамову, что если они мне 10 суток не дадут, то я разобью все стекла на четырех этажах их суда. Со стеклами уже тогда были проблемы. Судья Шереметьев спросил: «Сколько вам?» — и дал просимое. Леночка была спасена. Я знала, что со мной ее не тронут и статус будет соблюден. На этот раз голодовка была мокрой, я ведь не хотела досрочного освобождения, мне надо было опекать Лену. Лена ела вообще, а я пила. Май был холодный, и мы едва не замерзли насмерть в камере, поделив надвое мои пледы, ватники и прочий скарб. Неопытная Лена не имела еще дома необходимого инвентаря.

**«И ДАЖЕ ДЛЯ ЭТОЙ ЭПОХИ
ДЕЛА НАШИ ЗДОРОВО ПЛОХИ»**

Я всегда говорила своим молодым товарищам по партии, что мы имеем дело не с репрессиями, а с имитацией репрессий для домашнего спектакля. Когда ведут следствие, а подследственный его бойкотирует на свободе и выбирает, ходить или не ходить ему на суд, тогда еще нет боя, нет объявления войны, а есть 155-я «последняя и решительная» нота протеста. Это просто учения, съемки из песенки Николки Турбина, от которых никто не умирает. «Тяжело в учении, легко в бою» — это чушь. Старые фронтовики точно знают, чем учения отличаются от войны. Я говорила: «Когда это начнется по-настоящему, оно начнется с ареста, и не на 15 суток. И не милиция будет этим заниматься, а КГБ».

Надо отдать должное этой милейшей организации: они начинают всегда неожиданно и эффектно. «Арестовал — удивил — победил». КГБ очень любит выскакивать из засады, прыгать с дерева на плечи, как рысь. У каждой охоты свои законы. Дичь должна ходить опасно. Особенно в СССР.

Не знаю почему: то ли из-за весеннего авитаминоза, то ли из-за жуткого холода в камере, то ли из-за нервотрепки с горбачевскими делами (суд закончился только 1 марта, все-таки две недели дикого напряжения), но голодовка шла очень тяжело, даже Лена, глядя на меня, все время угрызалась: вместо того чтобы выполнять свои обязанности дуэньи, я на четвертый день впала в транс и в весеннюю спячку. Выходя из некоей комы, я лихорадочно писала статьи. И Лена тоже. У нас был просто журналистский семинар. И вдруг дверь открылась, и меня попросили «к руководству». Я подумала, что опять наш майор хочет развлечься светскими разговорами. Впрочем, я рада была согреться в его кабинете.

Однако в дежурной части у всех офицеров был такой вид, как будто они хором встретили тень отца Гамлета. Меня провели в маленький красный уголок на тридцать мест, и мне навстречу встал довольно молодой джентльмен (лет тридцати пяти) в серой куртке, в меру подтянутый и в меру элегантный. Вид у него был самый приветливый. Он честно и откровенно заявил, что он капитан Андрей Владимирович Яналов, следователь КГБ СССР (!). Вот так, братцы-кролики! Какая честь! Даже не из Московского

управления, а из КГБ СССР. Я присмотрелась и увидела в его глазах знакомое хрустальное мерцание всеведенья. Между нами произошел следующий обмен мнениями:

— Что это вы вдруг решили выйти из подполья? А мы уж думали, что вы самораспустились... Медведь в лесу сдох? Яналов (в тон):

— Сдох, сдох, Валерия Ильинична. «Письмо двенадцати» убило нашего медведя.

Тут и оказалось, что в конце марта заведено дело, причем КГБ Союза, причем по 70-й статье (эти самые публичные призывы к свержению строя), да еще по части 2-й! То есть групповое дело, семь лет! Вот здесь я испугалась, и здорово испугалась. Под письмом 12 подписей! Значит, могут арестовать не только меня, но и моих драгоценных дээсовцев! Одно дело — объяснять товарищам, что их долг — умереть за Отечество, другое дело — видеть их гибель. На меня пахнуло могильным холодом, и это была братская могила! В этой ситуации надо было делать одно: попытаться, как куропатка, увести охотников за собой, подальше от гнезда. И тут меня оглушило: Леночка! Маленькая Леночка! Ее подпись тоже там стоит, да еще из первых! Она же здесь, под замком, у них в руках! Она же не сумеет уйти, здесь и возьмут... Понятно, что меньше всего меня волновала собственная участь.

Я знала, что часть 2 требует группового привлечения. Андрей Владимирович Яналов смотрел на меня даже с некоторым сочувствием, по крайней мере без злорадства. У меня создалось ощущение, что его роль ему претит, что он действует по принуждению, хотя он классный игрок на том корте, где нам предстояло сражаться в ближайшие 2-3 часа.

Он был хороший дуэлянт, и с ним можно было смело выступать на олимпийских состязаниях. За три часа он начерно прогнал всё следствие по главным пунктам. И видно было, что он не любит легких побед, ценит во враге спортивные данные и явно увлекается гессевской игрой в бисер. Он прекрасно подавал мячи, а я вовремя их ловила. Взять всё на себя, закрыть все амбразуры, вывести незаметно из-под удара всех остальных, а в промежутках доказать и продемонстрировать свои пламенные чувства по отношению к строю и СССР, да еще вмонтировать эту лирику в деловой протокол — задача непростая, если от слабости темнеет в глазах. Допрашивать в таком состоянии, когда

противник не в форме, — это входит в правила игры, заставить врасплох — это тоже из условий поединка. Какое счастье, что я сохранила черновик «Письма двенадцати»! (Я намеренно его сохранила, на случай ареста, чтобы доказать свое авторство; я же знала дээсовцев и нашу фирменную методику «Я — Спартак!», что означало одно: каждый из двенадцати возьмет авторство письма на себя.)

Мой капитан любезно посоветовал мне выйти из голодовки, чтобы получить удовольствие от наших бесед, обещал позвонить здешнему руководству и навеститься еще раз. Видно было, что мой класс игры ему пришелся по вкусу.

Когда я вернулась в камеру, оказалось, что Леночку допрашивал другой гэбист! Конечно, она заявила о своем авторстве письма и редактировании криминальной газеты нашей фракции ревлибов, или либревов (революционный либерализм — это неологизм ДС, и лексический, и понятийный!), «Утро России»... С дээсовцами трудно делить плаху: каждый тянет ее к себе. Через сутки в острог попал за митинг в нашу защиту один новичок-дээсовец. Он успел броситься к нашей двери и прокричать:

— У вас обеих дома были обыски, приходили из КГБ, на складе обыск был тоже, Данилов в Лефортове!

Его тут же увели в другое крыло, но информацию мы получили. В арест Данилова мы не поверили: слишком уж это было круто, особенно после того как он письменно отмежевался от нашей фракции и стал (пока устно) нас топить на молчановский манер. Но ведь склад эти одиннадцать раскольников украли! А на складе был компромат: «Утро России», даниловский «Антисоветский Кривбасс», куда до разрыва с организацией он успел тиснуть «Письмо двенадцати». А тираж был 15 тысяч! Бедным мошенникам могло выйти боком их воровство. К тому же на черновике «Письма двенадцати» стояла фамилия Царькова, один раз зачитанная на площади 13 января. На следующий день он опомнился и снял из страха свою подпись. Получилось очень некрасиво, но теперь он мог пострадать. Я выгораживала его как могла. Сказала, что подпись стоит по ошибке, что он никогда своего согласия не давал, что вышло недоразумение, что это моя вина, что потом эту подпись не печатали (что и подтвердили найденные при обысках документы). Царькова даже не вызвали на допрос. ДС поступил с ним честно, не так, как он с нами.

На вопросы об остальных подписях я могла ответить только одно: «На этот вопрос я отказываюсь отвечать по морально-этическим соображениям». Мы с Леной надеялись, что Данилов просто был отвезен в Лефортово на допрос и отпущен. Его арест означал бы, что он пропал из-за нас (мы знали, что он этого не потянет, сломается). К тому же его арест означал и мой — на сто процентов, и Ленин — на семьдесят. Я старалась ободрить Лену, рассказывая ей, как хорошо и тепло в Лефортове. Лену сломать не смог бы никто, но этот вариант ей не доставлял удовольствия.

А наши охранники притихли. КГБ внушал беднякам панический ужас. На нас смотрели, как на покойников. Самый вредный майор — замполит — разговаривал ласково и демонстрировал своих золотых рыбок. Мы себя чувствовали совсем как в камере смертников. Я попыталась выйти из голодовки, но была не в состоянии есть то, что давали в нашем остроге, а давали там ужасную дрянь. Так что пришлось ограничиться тремя кусочками сахара в день. Как водится, свой день рождения я встретила в камере. Сорок один год — дата паршивая.

Мои поклонники из КГБ позвонили в острог, поздравили меня через начальство с днем рождения и передали, что непременно к нам заглянут. А начальник принес мне три огромных красных пиона прямо в камеру (их принесли друзья из ДС вместе с едой, ведь добряк Валерий Витальевич, предвидя мой арест, — а я ему сказала, что турниры с КГБ надо проводить на ясную голову, — позвонил ко мне домой и заказал передачу, но принесли ее в воскресенье, его не было, а без него инструкцию нарушить не решились; пионы дээсовцы оставили на пне, их подобрали, а в понедельник Худяков принес их мне). Лена не хотела даже ехать в душ — зачем прихорашиваться для гзбистов? Но я ее убедила, и мы съездили. По дороге мне очень хотелось устроить Лене побег, но охранники, жалея ее младость, тем не менее своей шкурой дорожили еще больше и не дали ей уйти, как я ни просила.

А между тем наступил последний день нашего ареста. Мы решили, что тревога была ложная, что это повторение горбачевского амбулаторного дела, что Лефортово нам не светит: не посмеют, поезд ушел. Мы предвкушали горячую ванну, домашние деликатесы (а я вообще была слаба, как вегетарианская кошка) и глумление в процессе фиктивного

следствия над КГБ. Но где-то в 10 утра распахнулась дверь и очень бледная надзирательница сказала мне: «Собирайтесь с вещами». Это не было освобождение, освободить нас должны были в 16 часов. Всё было ясно и без слов. Хорошо было уже то, что Лену оставляли. Я вздохнула с облегчением, а Лена обиделась на ГБ. Надавав Леночке кучу инструкций для партии, я собрала свои сумки (партийные ватники и теплые вещи должна была отвезти домой Лена). Я взяла только то, что нужно для Лефортова: белье, книги, тапочки, умывальные принадлежности, ручки. В дежурной части я нашла испуганных до смерти офицеров спецприемника (бедный майор Худяков даже спросил с надеждой: «Может, мы когда-нибудь еще увидимся?» — «Теперь уже никогда», — ответила я) и мрачного Яналова, прячущего от меня глаза.

— Поедем к нам, — печально сказал он и любезно взял мою сумку.

— В нашей стране это несущественно, но все-таки покажите какой-нибудь ордер, — напомнила я.

— В Лефортове покажем, — со вздохом ответил интеллигентный капитан.

Еще никогда меня не арестовывали с меньшим удовольствием. У белой «Волги» пасся еще один гэбист молодежно-спортивного вида. Плюс шофер. Когда тебя КГБ арестовывает по 70-й статье в третий раз, это уже имеет вид и вкус некой рутины. У Солженицына так же описывается арест «повторников» в 1947—1948 годах. Они не спрашивали «за что» и не интересовались «надолго ли», но просто совали пачку махорки в лагерный сидор и шагали за порог. В третий раз бравада неофита уступает место небрежной, элегантной, но еще более дерзкой светскости завсегдатая. На прощание я обнюхала клумбу с нарциссами. Я знала, что больше никогда не увижу цветы: в Лефортове их не было, а из Лефортова я решила не выходить. Красиво провести следствие, выгородить всех, кого смогу, свалить всё на себя, сделать блестящий политический процесс на уровне Каннского фестиваля. После приговора объявить голодовку и умереть и тем самым сохранить свою свободу.

Мы ехали молча. Я прощалась с городом, а тактические враги не мешали и не злорадствовали. Мною овладевало знакомое ледяное спокойствие, похожее на анабиоз. То есть я всегда следовала рецепту Солженицына из «Архипелага»:

после ареста надо сказать себе, что жизнь кончена, что чем скорее придет смерть, тем лучше. Ты умер для родных, и они умерли для тебя. И имущества у тебя больше нет. Тело — твой враг, ибо оно реагирует на страдания. Ничего не остается, только воля и честь. Совет хорош и прост в эксплуатации. Обеспечивает абсолютное торжество в любой ситуации. Земля уходила от меня всё дальше, на нее будто набросили одеяло. Я помнила, что в лефортовской камере будет полнейшая тишина, как в склепе или батискафе. Мы проехали мимо моего дома. Было ли это прощальным подарком от ГБ или планировалось как психологическое воздействие из арсенала пыточных приемов? Даже если последнее, то это был в рамках нашего поединка законный с их стороны прием. Так же, как и арест в день освобождения, после десяти дней голодовки.

Лучший стиль поведения в Лефортове — это делать вид, что приезжаешь на отдых в южный пансионат западного туристского класса, приезжаешь как знаток и ценитель истинного сервиса, приезжаешь отнюдь не по этапу, а добровольно, и ожидаешь, что персонал будет польщен оказанной его заведению честью. В обращении — снисходительная приветливость без панибратства, пристрастное отношение к сервису (можешь дать на чай, а можешь и не дать), дистанция, но при хорошем настроении и искренней расположенности к такому проведению досуга. Юмор, незлая сатира, светскость в отношении к грядущему процессу, как к бенефису у народного артиста СССР (чуть-чуть волнения, но при уверенности в любви публики и в своем мастерстве). А следствие — это репетиция спектакля. Ты режиссер, ты первый состав, ты драматург, задумавший эту пьесу, а ГБ — это твой реквизит, твоя массовка, твои костюмеры и осветительный цех. Им надо объяснить задачу, они должны качественно сыграть свою роль, чтобы не испортить спектакль. При таком отношении к «делу» уважение и сочувствие врагов тебе обеспечено, если, конечно, это достойные враги.

А мне достались просто прелестные противники. Андрей Владимирович Яналов и Сергей Борисович Круглов (его шеф). У нас как-то сразу установились отношения хемингуэвских персонажей: Старика и Рыбы из повести «Старик и море». «Рыба, я тебя очень уважаю и люблю. Но я тебя убью, прежде чем придет вечер». А если бы Рыба сама, добровольно, без наживки, насильно лезла к Старика на

крючок? Ему было бы еще хуже. Моим следователям было очень плохо. Они не вели политических дел до этого и сочувствовали про себя и даже вслух. Впрочем, слабого они могли добить. Несчастный Данилов был классически сломан. Они не хотели его брать (мой арест был предопределен не ими), но он очень лез на рожон («я вас не признаю, на допросы не приду, я — антисоветчик»). Для такой позиции надо иметь внутренние силы. Глоткой здесь взять нельзя. А если человек не готов к смерти, если он хочет жить? Тогда в Лефортово ему лучше не попадать. Бедный Данилов заявил: «Сидеть не буду, не хочу. Сухая голодовка». И они сделали проверочку: применили искусственное кормление. Это, конечно, попытка. Но в рамках поединка с фашистской структурой они вольны применять такие методы, чтобы вас сломать. Надо держаться, надо заставить их отступить. А Данилов после первого сеанса сам уступил. Старый и больной Сахаров в Горьком дольше терпел! Голодовка держится до смерти или до удовлетворения требования. Иначе достоинство не сохранить. А оно дороже жизни. Бедняга далее сказал: «Я покончу с собой». Ну, недели наручники. Живет! Потом сняли. И издевались открыто: «Ну, где ваша голодовка? Ну, где ваше самоубийство?» Через два месяца Данилов уже соглашался дать подписку о невыезде, ходить на допросы, отказаться до суда от политической деятельности... Он уверял (я видела протоколы допросов и «имела удовольствие» от очной ставки), что никакой строй свергать не хотел! Что я чуть ли не силой, обманывая людей, собирала подписи под «Письмом двенадцати»... Мою позицию (хотела свергнуть и на том стою) он пытался объяснить моей психической неуравновешенностью (в письменной форме!). Боже, как он трусил, как выгораживал себя! Он даже подтвердил подпись Лены Авдеевой под «Письмом двенадцати» (а это уже предательство, можно подтвердить только свою подпись).

Нельзя судить человека за слабость, проявленную в таких условиях? КГБ применил безнравственные средства? Нет ничего безнравственнее трусости! Скажите спасибо, что в КГБ не пытаются электротокком (с таким народом можно бы и это себе позволить). Тогда что было бы? А ведь надо противостоять и такому прессингу, иначе грош цена и борцу, и его идее.

Мне предстояло делить с Даниловым скамью подсудимых, и это меня не вдохновляло. Он уже не был членом ДС, но в глазах несведущих людей фиктивный ДС (ГП) был все равно ДС. Мне пришлось бы приложить все силы, чтобы избавить партию от позора. Я сумела бы это сделать за счет своего поведения на суде, но Данилов портил мне всю обедню. Однако для него всё было сделано по высшему разряду. ДС защищал его наравне со мной, забыв временно про его злые дела. О его трусости никто не знал (я запретила своему адвокату говорить товарищам об этом, чтобы не компрометировать Данилова до суда и не вызвать нежелание его защищать: ДС не прощал отступничества). Я брала на себя всю ответственность и за действия склада, дала право адвокату Данилова топить меня, чтобы выгородить его. Следователи меня заверили, что Данилову дадут условный срок. (Мне они честно сказали, что я получу максимум. Другого я и не хотела.) Когда я увидела Данилова на очной ставке, он был так похож на мокрую курицу и имел такой грустный, затравленный вид, что мне стало его жалко. Я не сказала ему, что о нем думаю. Напротив, попросила прощения за то, что втравила его в эту историю. Проклятая интеллигентность подвела! Сколько раз я просила гэбистов пожалеть Данилова и выпустить его! Но они почуяли наживу: раз уступил, значит, стоит ломать дальше. Один раз проявить в ГБ слабость — это значит, что тебя не оставят в покое, пока не доломают, не растопчут до конца. Человек не должен, не имеет права быть слабым. Иначе поступят с ним, как с травкой полевой.

Пресса этим нашим арестом развлекалась как могла. «Экспресс-Хроника» защищала вяло, сквозь зубы. Хельсинкская группа написала роскошное письмо в защиту, но подписи Ларисы Богораз под ним не было. Зато подписались Лев Тимофеев, Галина Старовойтова, Юрий Орлов. Это было смело и достойно. Даже церковь (настоящая, а не советская госструктура Русской православной церкви) встала на нашу сторону. «Коммерсант» иронизировал, МК злорадствовал. МН опубликовали заметочку по фактам, но без горячего сочувствия и вообще притихли. Юрий Афанасьев готов был дать за меня поручительство. Но я заранее сунула следователям заявление, что деятельности, которую мне вменяют в вину, не прекращу и добровольно на допросы ходить не буду. С такими предпосылками под залог не освобождают. Царьков и Молчанов, зная, что их статьи

используются ГБ в ходе следствия как обвинительные документы, не повесились, и не застрелились, и даже не раскаялись. Они продолжали публиковать опусы в том же духе и лить на меня грязь — и обвинять пожестче, чем в предварительном обвинении, предъявленном мне через 10 дней. Я знаю, что это несчастные, погибшие люди, что я втянула их в непосильную для них борьбу, что ДС сам развратил полной бесконтрольностью редактора Молчанова и сделал из него диктатора, что Игорь Царьков был бы хорошим ученым и честным тружеником, если бы я не втащила его в ДС. Но я не в силах пожалеть, отвращение уничтожает жалость. И я не могу вспоминать их первоначальное достойное поведение, потому что кончили они плохо и этим перечеркнули всё. Протопоп Аввакум сказал: «Не начный блажен, а скончавый».

Зато мне повезло с адвокатом. Адвокат «всея ДС», фирменный наш защитник из Екатеринбурга, анархист и диссидент Сергей Леонидович Котов, которого одного я только и могла взять в свою команду на следствии. Он не ныл, не выгораживал. Он солидаризировался. Он доказывал, что народ имеет право на восстание и свержение строя, а я имею право его к этому призывать. В Лефортове в нашем боксе на первом этаже («кабинеты» адвокатов) я приняла его в ДС, после чего следствие сразу стало многопартийным: два члена ДС на двух членов КПСС. Следователи предупреждали, что за такой метод защиты суд посадит его самого вместе со мной. Сергеем было не привыкать: в деле Тамары Целиковой он уже поимел 10 суток. Сергей отовсюду вытаскивал разные фрукты, сладости, витамины, котлеты и куриные ноги — из-за пазухи, из карманов, из папки с бумагами — и скармливал мне. Даже и на допросах! На допросы он стал ходить с сумкой провизии. Следователи не противились, наоборот. Смертники имеют право на небольшие прихоти.

В июне я написала в своей камере «Лефортовские записки»*. Они были доставлены на волю и продавались на Пушкин в нашей газете «Свободное слово». Их чуть не опубликовала еще до августа «Литературная газета» (ей не дали свидания со мной, чтобы обсудить кое-какие сокращения). Зато всё было опубликовано полностью ею же в начале сентября. Рвался и «Огонек», дабы взять интервью. Мои следователи пустили бы и его, и ЛГ, но «руководство

* См. стр. 640—649.

не позволило». Вообще по сравнению с глухим мешком 60—80-х годов следствие-90 выглядит празднично и нарядно. Можно читать кучу записок от товарищей, направлять деятельность партии, писать ответы. Можно давать интервью, и всё это будет вынесено на диктофоне из тюрьмы. Можно писать и передавать кучу статей, что я и сделала, снабжая щедро партийную прессу и самиздат*. Как, вы спросите? Какая здесь высокая технология? Увы, еще не вечер. Мне может понадобится этот способ на четвертом заходе на 70-ю статью. Так что еще не время распахивать душу и делиться рецептами. Кто собирается в Лефортово, тому я лично на ушко могу сказать.

Мне было легко перестать думать о жизни: ведь смерть была единственным способом окончательно искупить свою вину перед Ильей Габаем, Анатолием Марченко и Юрием Галансковым. А вина была велика: я выжила, а они — нет. Я не могла роптать, только сам процесс перехода очень тяжел. Трижды переходить барьер от жизни к смерти, а потом шагать назад — это шок. Когда человек покончил счеты с жизнью, ему легче не возвращаться, тем более если его смерть непоправимо компрометирует власть и дает жизнь его идее. «Истинно, истинно говорю я вам, что если пшеничное зерно упадет в землю и не умрет, то останется одно. А если умрет, то принесет много плода». Иисус знал толк в диссидентстве. То есть я дорожила смертью такого рода как зеницей ока. Это была та самая «грозная радость» — самое темное место у Александра Грина.

Это мне нужен был этот процесс, а не КГБ. Он был нашей дээсовской затеей. Мы с Сергеем Котовым вели дело так, как будто был у нас некий кооператив, взявший подряд на статью 70. Правда, в число прибылей входила моя смерть. Мне было лучше всех, Сергею — чуточку не по себе, а следователям — совсем тяжко. Они совершенно не хотели моей смерти, но понимали, что будет после вынесения приговора. Они слишком уважали мои убеждения, чтобы предлагать сдать. Они знали, что это бесполезно. Они и не хотели капитуляции. Я им даже предложила в конце написать себе окончательное обвинение без их участия и в большем объеме, чем напишут они сами. Естественно, на допросах я тянула одеяло на себя. Всё, в чем могли обвинить других членов ДС, я хапала себе, и весьма

* См. стр. 622—652.

хитроумно, так что опровергнуть было сложно. Я говорила Сергею (при наших следователях): «В день закрытия дела, когда мы его прочтем, принесешь торт и шампанское, устроим вечеринку, отметим это дело в нашем дружном СП». Следователи чуть не плакали. Они поняли всё, что я им хотела сказать. Конечно, такое поведение с моей стороны было жестокостью, почти вивисекцией, но иначе нельзя показать другую сторону медали и обезоружить врагов, не причиняя им вреда.

На допросах у нас частенько бывали киносеансы. Мы смотрели видеофильмы. Наши митинги в январе 1991 года, мои поездки по стране, мои выступления и интервью. Всё фиксировалось, они всё время шли по следу. ДС был заранее обречен. Впрочем, мы это знали. Мы предвидели, что после бала будет казнь. Это была умеренная и справедливая плата, по крайней мере, в системе наших координат: отчаяния и горечи. С моим криминальным выступлением в Коврове получилась вообще потеха. У местных агентов была скверная техника. Владимирская ГБ не смогла расшифровать кассету и послала ее в Москву. Но и московская техника потянула только отчасти. Мои следователи сложили к моим ногам несколько магнитофонов, но восстановить запись я смогла только по памяти, ведь в текст могли не войти самые криминальные места. А я хотела, чтобы они вошли! Я знала, что всё это услышат на открытом суде. За такое великолепие, за такую презентацию ДС, за такой глоток свободы можно было отдать жизнь не однажды.

Если дело по 70-й статье против участников демдвижения летом 1991 года было тестом, своеобразной реакцией RW, то результаты показали, что общество больно сифилисом в последней стадии, гниет заживо и что у него отвалился нос. Что народу будет всё до лампочки, мы это в общих чертах уже усвоили. Но что к гибели ДС в застенках КГБ окажутся равнодушными демороссы, журналисты МН, «Независимой», «Мемориал» и прочие «нонконформисты», включая Сергея Ковалева из ВС и «Экспресс-Хронику», этого мы не ожидали. Жертвuya крайними, шахматист приближает час мата; сдавая коммунистам дээсовцев, интеллигенция вызывала на свою голову 37 год. Круг замкнулся. Лучше всего это понимал тюремный врач, который считал этот арест началом спуска в долины доперестроечного избирательного террора (который, однако, неумолимо

поражал всех борцов, рискующих подрывать устои открыто). Но что он мог сделать, хотя отчаянно пытался помочь? Только разрешить передавать изюм, мед, сгущенку и шампунь... И дать заключение о невозможности применения искусственного питания в связи с очень большой потерей зрения...

Свою камеру я украсила парочкой плакатов из тетрадных листов с цитатами из «Приглашения на казнь»: 1. Кротость узника есть украшение темницы. 2. Администрация не отвечает за пропажу предметов, принадлежащих заключенному, равно как и самого заключенного.

Юрий Данилович Растворов посещал меня очень часто в моей одиночке (бедный Данилов даже не сумел отстоять свой статус политзаключенного и сидел с двумя напарниками). Я не стану сравнивать его с Родригом Ивановичем, потому что он-то сам лично освободил бы всех политзаключенных. Он сочувствовал Шмонову и желал ему признания его вменяемым и лагеря, а не пыточной Ленинградской СПБ. Я видела следователя Шмонова Соколова и говорила с ним (он по совместительству вел дело Данилова). Это был классический гэбист без комплекса вины перед своими жертвами. С ним было неинтересно разговаривать: это была идеально отлаженная конструкция для ликвидации, и сомнения его не посещали. По-видимому, мои следователи были уникальным явлением в этом «аквариуме». Они ловили свою Рыбу, но жалели ее и старались сократить ее мучения. Соколов же просто мог выпотрошить ее заживо. Пятнадцать лет лагерей для Шмонова удовлетворили бы самую свирепую власть. Зачем нужно было обрекать его — при живом и невредимом Горбачеве — на те истязания, которым он подвергается сейчас в городе, вернувшем себе название Санкт-Петербург и в порядке обновления воскресившем тень Шешковского? А что еще было воскрешать в граде, воздвигнутом на костях, в граде, основанном палачом-реформатором? Кронверк крепости, где были повешены декабристы? Семеновский плац, где едва не расстреляли Достоевского? Невские набережные, куда падали убитые 9 января? Шлиссельбург, где гноили народовольцев? Наше прошлое до 1917 года — мрачное кладбище. Там нечего воскрешать. Какое возрождение может начинаться с кладбища? Сменив Ленинград на Санкт-Петербург, мы поменяли Большой дом на III отделение на Фонтанке, а «Кресты» — на Петропавловскую крепость.

Мои проповеди на Соколова никакого впечатления не производили. Это была другая система координат. А коменданту Растворову было со мной интересно. Это, по его словам, была единственная веселая камера. В других камерах его встречали малодушными слезами и отчаянием. У меня он отводил душу на предлагаемых мной проектах заведения в тюрьме бильярдной и бассейна в подвале, а также валютного ее использования: можно было сдавать камеры, где сидели именитые узники, на ночь за валюту иностранцам.

Итак, ДС остался один на один с КГБ. Оказавшись в Лефортове в третий раз, самый заядлый оптимист будет мечтать только о том, чтобы на этот раз все-таки добились, и по возможности эстетично (то есть дали бы умереть, не теряя достоинства, по собственному вкусу). Страна ничему не научилась и ничего не приобрела. Готовность защищать политзаключенных не стала органичной даже для интеллигенции. Возвращаться было некуда, не к кому, незачем. В моей жизни не был заинтересован никто, кроме ДС, моей семьи, одной комиссии Моссовета и моих следователей с комендантом Бастилии (они пытались меня отговорить, искренне не желая прикладывать руки к такому концу). Было достаточно трогательно видеть гэбистов, пытающихся уговорить своего врага жить, хотя бы и в заключении.

В принципе Яналов и Круглов сохранили мне жизнь вопреки заветам служебного долга. Стоило им назначить судебно-психиатрическую экспертизу (при моем отказе ее проходить и сухой голодовке это был бы верный конец), не соблюсти в чем-то статус политзаключенного, унижить мое достоинство, арестовать еще кого-то из дээсовцев, и я оказалась бы в воронке смертельной голодовки — уже без возврата.

Это была война (обыск у меня делал тот же Андрей Владимирович Яналов так тщательно, как делали только в 37-м и не делали даже в 60-е годы, перетряхнув все нижнее белье и унеся один патрон, который кто-то мне подарил как сувенир, а он оказался от пистолета-автомата). Но эта война велась с соблюдением правил. Дело по статье 218 (хранение боеприпасов) было прекращено, не начавшись. Я затыкала собой все дырки в следствии, даже и по кемеровским делам, брала на себя статьи в газете «Утро России» (даже те, которые писала вовсе не я!). Было ясно, что я прикрываю товарищей. Но такие вещи они умели

понимать и ценить. И не мешали. В ситуации полнейшего общественного равнодушия, при молчании Запада, который уже не хотел защищать советских диссидентов (мало им, гадам, перестройки? Горбачев же их озолотил!), можно было позволить себе большее. Можно было арестовать еще 5-6 человек. Но убивать пришлось бы именно двум несчастным следователям КГБ, а они этого не хотели и своей страшной ролью тяготились. Потом я узнала, что после первых двух месяцев они пытались уговорить руководство изменить мне меру пресечения. Но то их просто погнало (какое изменение при моей-то позиции и отказе дать подписку!). Наша фракционная газета «Утро России» попала в дело целиком, оба ее номера. Вот это был печатный орган!

Вместо того чтобы выпустить меня до суда, советская юстиция прибавила моим следователям печали. В одно прекрасное утро меня вывели из камеры, без всякого предупреждения отвезли в Мосгорсуд, заперли в железной клетке в подвальном этаже, навязали чужого адвоката (от которого я отказалась, но у него не хватило храбрости уйти), и наспех собравшийся суд, объявив, что 29 мая горбачевское дело решено было пересмотреть — в пользу Горбачева (Степанков, этот заклятый демократ, добился-таки своего у Верховного суда и его Президиума, лично отменив оправдательный приговор), — постановил соединить дело производством с делом по 70-й статье, невзирая на мои протесты, насмешки и оскорбления в адрес суда, Горбачева, госстрою и прочего. Как говорится, если у кого-то что-то есть, то оно приумножится.

Симпатичные лефортовские прапорщики только и могли, что не запирают меня в машине в боксик, а дать посмотреть на улицы и предложить валерьянку (последнее я с негодованием отвергла). Получилось, как у Маршака: вместо дела стало два. Возможно, об этом сюрпризе мои следователи знали заранее. Но предупреждать об этом не принято: по законам этой войны можно испытывать врага перегрузками — не сорвется ли он, не падет ли в оглоблях? Мне совершенно не улыбалось несчастное анекдотическое горбачевское дело включать в строгий инквизиционный политический процесс. Его я хотела провести серьезно, в стиле шекспировских трагедий, без бурлеска. Написанная в июне статья «Зачем надо нарушать 70-ю статью УК?»*,

* См. стр. 630—633.

укромно вынесенная «в люди», стиль будущего процесса достаточно четко очертила. Так что максимум лет тюрьмы я, конечно, заслуживала. Горбачевское дело могло дать комический эффект и путало несколько мою режиссуру. Следователи были тоже в большой тоске: увязывание идеи государственной безопасности и сохранности строя с личностью Горбачева казалось им скверным анекдотом. К тому же на них легло следствие: приходилось заниматься всеми бесчисленными оскорблениями в адрес Горби, которые я успела изречь и написать после моего оправдания в марте до ареста в мае. Кстати, продолжение мной травли бедного Горби после оправдания послужило, согласно документам, основным мотивом для возобновления Степанковым травли моей по закону об оскорблении величия.

Но беда не приходит одна. Фрунзенский суд внес в наш ужин свою лепту. Председатель Агамов подал донос в прокуратуру, и разбитый мною цветок вместе со стеклом вылился в дело по статье 206 — хулиганство. Учитывая мой решительный отказ (вплоть до голодовки) иметь дело с 206-й статьей (оскорбление величия идей демократии и светлого образа ДС), мне предложили выбрать себе статью УК из ассортимента Кодекса. Я, конечно, предлагала статьи о диверсии и терактах, но так далеко юмор моих следователей не простирался. Помирились на двух статьях: «Оскорбление суда» и «Уничтожение документов в государственных учреждениях» (порванное Леночкино постановление). То есть целостность государства и сохранность строя увязывались еще и с целостностью цветов во Фрунзенском суде и с сохранностью стекол в его окнах. Шекспир тихо сползал к Бабелю или Беккету (к театру абсурда). Для одного подсудимого статей было слишком много. Это было уже не только высмеивание ДС, но и высмеивание КГБ, покушение на честь голубого мундира. Я могла спасти ситуацию юмором и сатирой на процессе, а что мог сделать КГБ, вынужденный защищать глиняные горшки, оконные стекла и честь Горбачева? Антисоветизм моих следователей рос на глазах.

А ДС держался великолепно. В Кемерове было много ляпов по неопытности, один предатель, заложивший всех, даже журналистов, непричастных к делам ДС, — Алексей Куликов, но в целом организация проявляла трогательную стойкость, а на дверь местного КГБ клеились новые листовки.

Московские дээсовцы на допросы не являлись, а милиция ссылалась на отсутствие бензина, машин и людей для их поимки. Случайно отловленные подписанты «Письма двенадцати» брали вину на себя и нагло утверждали, что они авторы письма. От других показаний отказывались. Допрашивать было некого, хоть умри. Вадима Кушнира так и не нашли; взятый на митинге Ванечка Струков хамил как мог и был отпущен без всякой пользы для следствия. Алеша Печенкин в свои 17 лет читал гэбистам лекции по политологии. Андрей Грязнов зондировал гэбистские души, отказываясь от показаний, а Саша Элиович довел своим рафинированным издевательством следователя Соколова почти до гробовой доски. Следователь Чайка беседу с Женей Фрумкиным вспоминал каждый день как самое яркое впечатление в своей жизни. Но всех превзошли Юра Бехчанов и Лена Авдеева. Юра доводил родной самарский КГБ уже давно, и последний эпизод их доконал. Юра, Лена и еще одна дээсовка Лика вынесли на самарскую площадь стенд с «Письмом двенадцати», собирали под ним подписи и жизнерадостно вздымали плакаты с предложением немедленно свергнуть советскую власть путем революционного и вооруженного восстания. Их страшно били и впервые в Самаре дали пять суток Лене и десять суток Юре. КГБ возбудил дело по 70-й статье. Шли допросы. Юру должны были из спецприемника перевести в тюрьму, у его матери уже требовали передачу. Но он ухитрился сбежать через шесть дней из спецприемника, забрать Лену, переодеться и добраться товарняками и электричками до Москвы. А не то сидеть бы ему и сидеть; путчистская Самара закрыла его дело гораздо позже моего, аж через 9-10 месяцев после августа. Самарский КГБ требовал, чтобы КГБ Союза его взял и вернул на место; Москва отвечала, что это его трудности, а они чужую работу делать не будут. Благодаря этому саботажу Юра с Леной благополучно скрылись в Литву.

ДС защищал меня без криков, стонов и унижительных просьб об освобождении. Листовки в мою защиту выглядели очень жизнеутверждающе. Горбачев мстил, это понятно. Этот реформатор спокойно отправил бы меня на тот свет. Но и народный заступник Ельцин не спешил на помощь. Впрочем, чего требовать от Ельцина, если молчали Запад и Сергей Ковалев?

Меня любезно пригласили на выборы президента. На третьем этаже оформили помещение и даже поставили туда цветы. ДС бойкотировал и эти выборы. Вообще-то надо обладать юмором КГБ, чтобы предложить выбирать президента по дороге на тот свет. Насколько я поняла, в Лефортове за Жириновского никто не голосовал.

Но мои следователи не голосовали и за Макашова! Гэбистский электорат обладал бóльшим вкусом, чем клиенты «наших». Вообще не голосовала только я, скорее всего. Данилов требовал своего бюллетеня, но ему не дали, как гражданину Украины. Следствие заканчивалось, и я писала финальный памфлет «Вперед, к 1905 году!». Мне и его удалось благополучно передать на волю. Это был итоговый документ, что-то вроде резолюции на жизнь, которая закрывалась одновременно с заседаниями суда после приговора.

«НО ВОРЮГИ МНЕ МИЛЕЙ, ЧЕМ КРОВОПИЙЦЫ»

А между тем дээсовцев становилось всё труднее удерживать от крайних мер. Они организовывали митинг протеста за митингом — их разгонял ОМОН, хватая зачастую и депутатов Моссовета, особенно Витю Кузина. Возникали проекты массовых голодовок и даже самосожжений. При жизни я еще могла это остановить, но после моей смерти в Лефортове осиротевший ДС и коктейль Молотова мог употребить. Я же сама учила дээсовские кадры не отдавать им людей.

Кстати, неунывающий анархист Сергей Котов, как опытный адвокат, был уверен в том, что дело окончится сроком, и немалым. Он ездил по столицам и организовывал пресс-конференции, то есть выполнял мою работу методиста ДС. У нас с ним шли препирательства только о том, подавать ему после приговора кассационную жалобу или нет. Я не только не собиралась сама подавать такую жалобу, но запрещала и ему. А он настаивал на том, что подать ее — долг адвоката, не может же он просто смотреть на то, как его подзащитный убивает себя голодовкой. Я пыталась ему внушить, что он в этом деле не адвокат, а связной, свидетель и товарищ по партии.

А следователей мне приходилось утешать на допросах, такие они были грустные. Но, похоже, мои утешения только

усугубляли их внутренний дискомфорт. Они увидели во враге живого человека, а этого делать нельзя. Можно убить абстрактного врага, а как убить живого человека из плоти и крови, в личной порядочности которого ты убедился? Для меня эти два человека тоже были сюрпризом. Я, конечно, знала про Виктора Орехова, вся эта история произошла на моих глазах, но я в этой системе еще не встречала людей. Мы выпрямились по обе стороны баррикад, оторвавшись от прицелов, и, на наше несчастье, увидели друг друга. Я знала, что уже не смогу стрелять в них, а они не могли стрелять в меня. Я чувствовала, что они отказались бы от дела, если бы не боялись сделать мне (не себе!) хуже, отдав этот материал своим куда менее чувствительным коллегам, таким, как Соколов. В диссидентской среде эти чувства едва ли найдут понимание, но условности для меня не много значат. В конце концов, Иешуа Га-Ноцри допек Пилата не злобой и ненавистью, а совсем другими качествами.

Девятнадцатого августа, придя на допрос, я нашла и следователей, и адвоката в совершенно нерабочем состоянии. Вздохнули они мне рассказывать о заговоре, аресте Горбачева и военном перевороте. Причем Котов был удручен гораздо меньше моих следователей. Еще бы! Он готовился к аресту или к славной смерти, а они были в ужасе от того, что начнутся аресты инакомыслящих, что всё покажется в 70-е годы и дальше, что прольется кровь, погибнут люди, что аресты произведут и по моему делу. А Круглов раньше всегда вслух негодовал, что преследуют за чтение Солженицына! Эта неподдельная реакция ужаса показала мне, что они действительно не из плеяды инквизиторов. Те бы обрадовались возможности «рассчитаться». Система споткнулась всерьез, если уж в КГБ нашлись такие «протестанты». В это утро мы слушали приемник и вполне сошлись в комментариях насчет заявлений «этих придурков из ГКЧП». Котов подговаривал Яналова и Круглова пойти и арестовать Крючкова за измену, прельщая его должностью. Я возражала, что он посылает их на верную смерть. Право, это было слишком быстро — от Лубянки да к Белому дому. Так не бывает. Нужна определенная эволюция поведения.

Путч меня не удивил. Перестроечные полумеры должны были этим кончиться. Я обрадовалась так же, как Котов! Полный фашизм должен был повлечь за собой вмешательство

Запада, народное восстание, падение строя, Нюрнбергский процесс, переход к демократии! Об издержках мы не думали, мы же собирались пасть первыми. Следователи смотрели на нас как на двух психов. Мне было ясно, что меня расстреляют в ближайшие дни. Надо было оставить ДС инструкции. Я боялась, что бескомпромиссность ДС может привести к тому, что партия не сумеет объединиться с более умеренными силами, с Ельциным (если он пойдет против ГКЧП), с лояльными горбачевцами — для общего дела. Для меня здесь не было вопросов: я понимала, что у твердых сталинцев Горбачев мог сойти за Марата, а Ельцин — за Гракха Бабёфа. И я помнила, как смотрелись голлисты и коммунисты в общем Соппротивлении бошам. Странно смотрелись, но камеры пыток и виселицы у них были общие.

Я написала кучу инструкций для партии: насчет митингов, тактики, листовок, организации подполья, консолидации сил с другими демократами и так далее. Следователи дипломатично отвернулись. Котов вернулся к Белому дому, пообещав прийти завтра, если мы оба до этого завтра доживем. Я вернулась в камеру и стала лихорадочно писать, как мыслилось мне, последние в моей жизни документы. Признаться, я ожидала, что Ельцин примкнет к ГКЧП. Но он меня приятно поразил. Впрочем, тогда я воспринимала картинку целиком, без рефлексии. Сомневаться было непродуктивно и неинтересно, сомневаться не было времени. Это теперь мы можем судить да рядить: подлинный путч или мнимый, арестован Горбачев или сам заперся, стоит он за спиной ГКЧП или не стоит, искренен Ельцин или притворяется, будут танки брошены на людей или не будут. А тогда рассуждать на эту тему было нравственно безграмотно. Надо было действовать, помогать. Тем, кто посадил меня в эту тюрьму или равнодушно взирал на это со стороны. «Все за одного» — это в России никогда не получалось. Но всегда был кто-то «один из всех, за всех — противу всех». Радищев, Лунин, Солженицын, Анатолий Марченко. ДС. Мы хотели и умели отвечать за всё. Демократия была для нас Храмом, к которому мы пытались загнуть нашу улицу. А Храм — это право убежища. И если кого-то даже по недоразумению убивают «за демократию» (Горбачев — демократ по недоразумению, да и Ельцин тоже), долг настоящих демократов предоставить

этому гонимому защиту, даже ценой своей жизни. Таков устав этого Храма.

Мне стало страшно жаль Горбачева. Было ясно, что он, в отличие от нас, умирать не привык и не готов. Почему-то я подумала, что перед смертью он будет терзаться из-за того, что ДС называл его фашистом. Практика показала, что терзаться Горбачев не умеет вообще. Раскаяние — достоинство более душевно тонких людей. Из газет («Известий» и даже «Правды») стало ясно, что Запад почти готов примириться с хунтой. Порадовал Ельцин: его протест и отпор были очень советскими по существу, но все же энергичными. Если бы он принял ГКЧП, ДС и анархисты могли остаться на площади одни, без МН, брокеров и «перешедших на сторону демократии» танков. Здесь я написала издевательское письмо Крючкову, листовку для ДС и, как я думала, последнюю статью «О пользе военных диктатур вообще и последней в частности»*.

**ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КГБ СССР,
ЧЛЕНУ ГКЧП
КРЮЧКОВУ Владимиру Александровичу**

от политзаключенной
(ст.70 УК РСФСР) Новодворской
Валерии Ильиничны,
члена МКС ДС, пребывающей
в следственном изоляторе
КГБ СССР (25-я камера)

ЗАЯВЛЕНИЕ

Любезный Владимир Александрович!

Надеюсь, Вы поделитесь с Вашими коллегами по ГКЧП моим посланием, которое вполне официально, несмотря на принятый у нас в ДС в отношениях с «советским руководством» (Ваше выражение) неофициальный тон, в связи с нашим полным непризнанием Советской власти вообще и ее руководства в частности. Я хочу принести Вам мои искренние поздравления и выразить глубокое восхищение Вашими блестящими мероприятиями по окончательной

* См. стр. 651—652.

дискредитации советского режима как в глазах собственного народа, так и в глазах мирового сообщества.

После того как Вы с похвальной откровенностью сорвали последние покровы с нашей политической лавочки и убрали Горбачева, который был Вашей единственной козырной картой (как внутри страны, так и снаружи), иллюзий не останется ни у кого. Запад вспомнит, что СССР — империя зла, восстановит в памяти те годы, когда, по Вашим словам, «в мире уважали советского человека», сидевшего в танке или в атомной подводной лодке, и поймет, что Московская Орда должна быть устранена не с помощью переговоров, а силой оружия. Ракеты и танки есть не только у Вас... Слава Богу, что Вы помешали Горбачеву окончательно разоружить Запад. Я не считаю третью мировую войну слишком высокой платой за избавление от Вашей власти и Вашего хваленного конституционного строя. Могу Вас заверить, в этой войне найдется весьма обширная пятая колонна, которая будет сражаться против Вашей хунты и нашего родного фашизма на стороне западных демократий.

Я числю себя в этой колонне более двадцати лет и сделала всё, чтобы советский народ наконец понял, что избавление от красного фашизма возможно только вооруженным путем. Надеюсь, что теперь мои и моих товарищей разъяснения, которые послужили причиной моего ареста, дойдут наконец до народа, и он, вместо того чтобы сдавать Вам оружие, возьмется за него и обратит его против Вас.

Я не считаю гражданскую войну с такими, как Вы, несчастием для страны. Считаю ее единственным выходом, и вся моя общественная деятельность была направлена на то, чтобы эта война наконец началась. Благодаря Вашему остроумному предпрятию, я надеюсь, окончательно развалится Ваш хваленый Союз и будет ликвидирован советский государственный строй. Спасибо за Ваше усердие в выполнении программы ДС. Я рада от имени революционно-либеральной фракции ДС, координатором которой я являюсь и которая уполномочила меня ее представлять, отказать Вашей хунте в признании и повиновении. Вопреки всему мы продолжим нашу деятельность, и смею вас заверить, что она будет направлена против Вашего путча. Как член Координационного Совета Московской организации ДС, надеюсь и уверена, что деятельность всего ДС Вам тоже приостановить не удастся. Если Вам непременно

нужно кого-то расстрелять, не бросайтесь на безоружных и невинных, как в Новочеркасске и Вильнюсе. Предлагаю Вам для расстрела свою кандидатуру. Почитайте дело № 145, и Вы убедитесь, что я этого вполне заслуживаю. Я была искренним врагом Горбачева, но, если он с Вами не пошел и Вами арестован, я сочувствую ему и готова защищать его как политзаключенного.

Валерия Новодворская, член МКС ДС
20 августа 1991 г.

Наутро я вручила письмо для Крючкова тюремной администрации, а листовка и статья пошли Котову, который принес в обмен воззвания Ельцина, поделился со следователями, а я свою долю раздала тюремной охране. Польза была одна: инициирование реальной борьбы с советской властью. В этот первый вечер я настолько была уверена, что меня расстреляют той же ночью, что легла спать в спортивном костюме, а не в «фирменной лефортовской» ночной рубашке. Я заснула вполне безмятежно: для меня-то расстрел был лучшим выходом и куда более милосердным концом, чем смерть от голода в тюремной камере (были случаи, когда от мокрой голодовки умирали только на 60-й день). Библия у меня была, крест был со мной — чего еще надо? Не священника же требовать в такой ситуации? Я человек не очень набожный, скорее еретик даже в протестантстве, но есть вещи иррациональные, трансцендентные, которые я не могу, да и не хочу себе объяснять. Мой крестик на запрещенной в тюрьме золотой цепочке у меня могли бы отнять только вместе с жизнью. Когда я читаю Библию, я чувствую, что я верю, причем непонятно во что: канонически я не верую ни в воскресение из мертвых, ни в воскрешение Лазаря. Просто протягивается какой-то космический луч (особенно на Рождество, на Пасху и в тюрьме), и я чувствую, что Иисус — свой парень и мог бы быть лидером ДС. В принципе, по своей пламенной противоречивости, пророческой бессвязности, незлобивости, благородству, нонконформизму, презрению к миру и горечи ДС — вполне евангельская организация.

Когда меня и наутро не расстреляли, я поняла, что 1937 года не будет; разве что 1977-й (что тоже плохо). Котов

принес мне и следователям свежие новости. Телефоны работают, арестов нет, народ построил баррикады. Что-то в этом было натянутое, неправдоподобное, кроме порыва людей. Было понятно, что если Ельцин выживет, вся эта история станет для него крупным выигрышем. Витя Кузин и его комиссия вывесили из окна Моссовета трехцветный флаг, украшавший Витину комнату, и собрались защищать здание от танков, имея в запасе одни авторучки, 10—15 человек, да еще Котов купил альпинистский карабин вместо кастета. Как выяснилось, 19 августа к 12 часам ДС уже вышел на Манежную в полном составе вместе с депутатом Володей Ивановым. Те, кто полгода не навещал организацию, явились, уплатили членские взносы и отправились на площадь. Это был долгожданный сигнал. Для ДС сработала тимуровская сигнализация на запыленном чердаке. Надо было всё бросать и спешить. Это ДС и Володя Иванов повели первых демонстрантов к Белому дому, причем ДС тогда ни на миг не признавал Ельцина президентом, а ВС — парламентом. Но ведь и д'Артаньян добывал подвески для королевы не из привязанности к королевскому дому, а ради Констанс Бонасье.

Я уйду и вернусь, как велите мне вы, —
Я не знаю других королев.

Мы не знали других королев, кроме свободы. Мы подчинялись ей. А Ельцина надо было просто спасать, как незадачливого альпиниста-новичка. Спасатель, как скорая помощь, не может отказать в спасении. ДС явился на место с железными прутьями, запасся бутылками с бензином и пытался пристроиться под все встречные танки. Это чудо, что никто не погиб. Самый молодой лидер ДС Миша Денисов узнал про ГКЧП в Вильнюсе: приехал печатать газету. Прямо с вокзала развернулся и поехал назад в Москву, будучи уверен в том, что он не успеет ничего сделать: возьмут на Белорусском у вагона. Поехал, чтобы быть арестованным! Для ДС это была норма. Для того и задолженности по взносам платили: вдруг не сочтут членом организации и не возьмут. ДС защищал 23-й подъезд. Коля Злотник печатал в своем Центральном банке ельцинские воззвания и дээсовские листовки. Вадим Кушнир строил баррикады напротив СЭВа, сначала вместе с цепью

удержав танки, чтобы выиграть время. В украшении Белого дома надписями ДС принял самое активное участие. Через каждые 50 метров поминалась я... Потом лозунг «Свободу Данилову и Новодворской!» красовался и на Лубянке. ДС никогда не был так счастлив. Это был его звездный час. В Питере дээсовцы призвали защищать Ленсовет с охотничьими ружьями. Они, страхуясь от танков, облили дегтем всё окрест штаба обороны, так что чуть сами демократы не прилипли. Собчак не знал, как спастись от их рвения. В Омске Олег Томилов одел своих дээсовцев в любимую корниловскую форму, и они все вышли в центр города, чтобы умереть, как белые офицеры. Городские «красные» явились с кольями, чтобы всех их перебить. И если бы не пришли на выручку казаки с шашками, никто бы не уцелел.

Во Владивостоке ДС повел человек пятьсот брать штурмом штабное здание Дальневосточного флота, заявившего в лице своего командующего о поддержке ГКЧП. Чуть было их всех не расстреляла морская пехота. Милиция заступилась. Этот адмирал вообще был большой оригинал: он заявил, что, если местный облсовет не поддержит хунту, он применит ядерное оружие. И ежу ясно, что для России ее ядерные боеголовки — как спички и бензин в руках у сумасшедшего. И если бы я знала средство так запутать коды ядерных атак, чтобы воспользоваться ракетами стало невозможно, я бы это сделала с наслаждением. Но добровольно РФ никогда свои игрушки не отдаст: это у нее единственное орудие если не производства, то шантажа. Как дубина у неандертальца.

В Твери Тамара Целикова, которую еще два дня назад таскали в суд в связи с делом о горбачевской чести, держала плакат «Свободу Горбачеву!». Везде малочисленный ДС выходил первым и увлекал других. Интеллигенция опомнилась и наконец обрела тот кураж, которого ей так не хватало с 1985 года. Но основная масса народа дремала и ни на что не реагировала, как некий матрас, в котором глохнут все колебания. Гражданское общество, восставшее против ГКЧП, было как спасательный плотик в мертвых водах равнодушного бескрайнего океана. СССР — это Солярис, и нам, людям, не понять закона его глубинной деятельности и его превращений, ибо это всё нечеловеческие штучки-дрючки.

К третьему дню мне стало ясно, что, если всё и образуется, глубоких сдвигов не будет (даже тех, что произошли, я не ожидала). И когда я просила моих следователей отпустить меня на ликвидацию хунты с условием, что потом я сразу же вернусь в тюрьму, я уже смирилась с тем, что получится как с окупжавской елочкой:

И в суете тебя сняли с креста,
И воскресенья не будет.

В Лефортове и Растворов, и охрана отнеслись к этой затее скептически. Один старый вохровец, помнивший меня еще с 1969 года, сказал по дороге на прогулку: «Они все сапожники. Увидите, они здесь будут».

От ожиданий Царствия Небесного (в виде террора, восстания и революции) я к 23 августа перешла к самому глубокому пессимизму, то есть к статус-кво на уровне 18 августа. Для себя я ничего не ждала. Я знала, что меня не за что щадить. 23 августа в 14 часов мне должны были предъявить обвинение, уже в окончательном варианте. Потом — чтение дела, потом — отдых до суда. Каникулы. 23 августа — это была пятница. «Душевой» день. Когда, счастливая, чистая и с мокрыми волосами, я возвращалась в камеру, меня нагнал прапорщик и сказал, что следователи меня срочно требуют к себе. При том, что было от силы 10 утра и Котов еще не мог прийти, это было странно. Прапорщик меня очень подгонял и не дал даже переменить белье на постели. Особенно я переживала из-за мокрых волос. Я подумала, что явился какой-нибудь прокурор (о возможном освобождении в Лефортове даже думать нельзя, это создает страшный дисбаланс, ты сразу теряешь форму). У моих следователей был нестерпимо счастливый вид. «Опять, что ли, обстановка в стране изменилась?» — спросила я. Происходило что-то ненормальное. Мне меняли меру пресечения на подписку о невыезде, которую я, впрочем, не дала. Но нашему СП было понятно, что суда все равно не будет. На прощание мои следователи сказали мне, что я, конечно, враг, но на такого врага у них рука не поднимается. Конечно, всё это не по закону, но бог с ним, с законом, человеческая жизнь ценнее. Данилов уже уехал. Это была не горбачевская перестройка, по 70-й статье больше никто не сидел. Я могла

выйти без угрызений совести. В камере меня упаковывали (она вся была завалена книгами из дома и провизией) втроем и тоже очень торопили. Охрана радовалась, а Мишларечник сказал на прощание: «Свободу Юрию Деточкину!» На выходе подошел Растворов, ласково простился и попросил воспрепятствовать взятию штурмом Лефортовской тюрьмы. Я подумала, что брежу. На дорогу мне дали шикарную справку об освобождении. Паспорт отдали потом.

Я оказалась за воротами, причем сумки мне донесли охранники. Подъехали на такси Котов и товарищи (им следователи позвонили); по улице, как пестрый мячик, бежала счастливая мама. Около тюрьмы суетились ребята из Эн-би-си (или Си-би-эн) и искали гэкачепистов. По дороге на Лубянку мне рассказали, что там, на площади, формировалась колонна, чтобы идти брать Лефортово и меня освобождать, пока не объявили, что нас с Даниловым выпустили. Что Дзержинского сбросили. Что райкомы закрыли, что приостановили деятельность КПСС! (У меня осталось ощущение, что это было именно тогда.) Что над двумя городами России развеваются трехцветные флаги ДС (в Астрахани единственный трехцветный флаг был у нашего Нелюбова). Это была не революция, но праздник. А у нас было в этом веке так мало праздников... Когда мы доехали до Лубянки, Ельцин выступал на холмике, где некогда стоял Дзержинский. Крепкие ребята пустили меня за кольцо, но прошептали: «Мы вас очень уважаем, но не надо здесь выступать, не надо волновать народ. На крыше Лубянки залегли снайперы». А Ельцин говорил: «Идите спокойно и приступайте к работе, я позабочусь обо всем. Без нашего согласия ни одно назначение не пройдет». Народ тихо растекся. Было ясно, что это революция в стакане воды.

Совершенно теперь (да и тогда) не важно, кто спровоцировал этот путч. Главное, что в этом спектакле нам досталась благородная роль Дона Карлоса и маркиза ди Позы. И не важно совсем, что это был театр. Пусть жалуются гэкачеписты, сыгравшие роль Филиппа и Великого Инквизитора. Сами виноваты. Не надо быть баранами, то есть рептилиями. Если даже будет доказано, что ситуация разыграна Ельциным, а ГКЧП «подставили», то я на Ельцина не в претензии. КПСС надо было убирать (и более жестко, хотя и без арестов). Подумаешь! «Обманули дурака на чetyре кулака...»

Я в претензии на недостаточно смелую игру. Я бы на его месте еще не так сыграла. Под предлогом борьбы с ГКЧП вызвала бы войска НАТО и США и под их прикрытием провела бы реформы, как американцы в Японии и Германии после 1945 года. С декоммунизацией, десоциализацией и десоветизацией. С разгоном КГБ. С роспуском колхозов и совхозов. С запретом на профессии (в выборных органах и суде) для коммунистов от секретаря райкома и гэбистов из V отдела. С лишением дипломов психиатров, пытавших диссидентов. С роспуском всех структур власти. С Учредительным собранием. С политическими процессами над теми, кто участвовал в политических репрессиях (единственная кара — лишение избирательных прав). И ради такого сценария не один дээсовец согласился бы лечь под танк вместо трех погибших, а я с радостью пошла бы на расстрел в Лефортово, зная, что это скомпрометирует коммунистов, даже если бы Ельцин сам негласно отдал такой приказ! Спасение страны от коммунизма стоило того.

Однако мы получили только то, на что наработали. По способностям, а не по потребностям. С интеллигенцией расплатились щедро. Дали не просто кость, а кость с мясом: прессу отпустили на все четыре стороны. Мне вернули свободу вопреки законам. Вытащили нас из клетки, где народ сидел добровольно с 1986 по 1991 год, и дали на дорогу хорошего пинка. Кормушка осталась в клетке. А нас выгнали в дикую сельву, где нет звезд, но есть свобода. Она такая, свобода: можно сдохнуть с голоду, обед надо сначала поймать, ползут змеи, чавкают крокодилы. Безопасность тоже была в клетке. Вместе с едой. Стройте всё сами. Голыми руками на голой земле. Вдалеке мяукает ягуар и рычит лев. Всё дозволено. Можно восстать. Но восстание — это у людей, а не у макак. А Фронт Национального Спасения и шарашка «наших» — это макаки. Макаки могут что-то поломать, растащить, кого-то забить до смерти. Но восстание требует осмысленности.

Порадовавшись чужой коммунистической беде, ДС честно исполнил свои правозащитные обязанности: защищал коммунистов от разгона их гадких митингов, национал-шовинистов — от запрета их гнусных организаций, лидеров КПСС — от предполагаемого ареста. Мы просили сжалиться над гэкачепистами. Мы были вне власти, мы не взяли себе за защиту Белого дома ни грамот, ни медалей. Мы были настроены на преобразования в стиле Моцарта,

а жизнь играла нам нечто из Сальери. Возможны ли реформы в жанре Сальери? Уже в сентябре в своей статье «Соло московского муравья»* я выразила общее настроение ДС, горький осадок на дне праздничного бокала. Было очевидно, что несвободная страна, народ которой на 80 процентов состоит то ли из кроликов, то ли из баранов, в случае большой удачи может разве что переменить хозяев. Ну что ж, мы их переменяли (хорошо, что кончились нефтедоллары и нашим хозяевам пришлось сыграть в другую игру, и они так разыгрались, что конструкция рассыпалась у них в руках). Нашим нынешним хозяевам не нужна наша жизнь. Им нужен наш кошелек. Ну что ж, налицо общественный прогресс. «Говорят, что все заместники — ворюги? Но ворюга мне милей, чем кровопийца». О великий провокатор Бродский! Куда до него Хулио Хуренито! Ворюги — это уже лучше. Надо же и хозяевам с этой перестройки и с этой революции иметь некий профит. А иначе с какой стати они бы сдали нам Ленина, Сталина и Союз нерушимый?

Народ огорчился, а интеллигенты обиделись. По-моему, капитализм в занимавшейся 75 лет самоедством стране представлялся им как что-то вроде мужицкого рая по Грину или Шолом-Алейхему, где народ купается целый день в молоке и ест мед пригоршнями. Зоолог Даррелл — социалист. Он говорит, что бедному зверю на воле хуже, чем в зоопарке. На воле голод, стихийные бедствия, охотники, враги, эпидемии. А в зоопарке социальная защищенность, страховая медицина и хорошее питание. Так вот, мы собирались в капитализм со своим зоопарком. Увы! Легче верблюда пролезть в игольное ушко... Нам ведь всегда что-то клали в миску. Правда, клали мало, но много ли надо кролику? Или барану.

Хочу сразу оговориться. Я не уважаю свой народ. За исключением тех, кто пришел в августе к Белому дому и не отрекся потом от демократии, как отреклись Власов и Челноков. Я его люблю и жалею, я отдам за него жизнь. Но уважать его мне не за что, власти всех сортов вьются над ним, как стервятники. Но стервятники над живыми не летают...

На самом деле мы приобрели одно право: сдохнуть вне колючей проволоки, под звездным небом. На свободе. Если не выкрутимся.

* См. стр. 659—665.

«МОЯ ВИНА, МОЯ ВОЙНА»

Но пока мы наслаждались этим сравнительно аркадским благополучием, в других местах, даже не столь отдаленных, было куда хуже, чем даже нам в 70-е годы.

Дон Базилио был прав: клевета — великая сила. Согласно общеупотребляемой клевете, которая заменяет большинству общественное мнение, в Грузии Звиад Гамсахурдиа установил диктатуру, а восставший народ ее сверг. Стыдно сказать, но и мы в ДС этому поверили (нам так хотелось увидеть хоть где-то восставший народ!). Правда, потом начались какие-то странные дела с расстрелами митингов уже после свержения «диктатуры». И, наконец, революцию увенчал прожженный партаппаратчик Шеварднадзе, безусловно, не ворюга, но кровопийца, пытавший и расстреливавший в бытность свою коммунистическим сатрапом Грузии. Здесь и слепой увидел бы, что что-то не так. Мое первое пребывание в Грузии в июне 1992 года было тайным. Ситуация оказалась настолько кошмарной, что пришлось ехать в Грозный — разбираться дальше. Когда я немного поговорила со Звиадом Гамсахурдиа, мне захотелось утопиться. Тиран оказался просто королем Матиушем I, и всё, что он пытался в Грузии сделать, — это было как крестовый поход детей. Как бунт обреченных.

Так что же, собственно, произошло в Грузии? К власти пришли чистые и беззащитные люди. Они не шли на компромиссы, они прогнали коммунистов, разогнали КГБ, сами себя посадили в блокаду, отказавшись брать продукты у СССР. Их надо было убирать силой. Это не Литва, где народ в большинстве своем добровольно проголосовал за коммунистов.

Звиад Гамсахурдиа во всем оказался прав. Те, кого он назвал врагами Грузии, служат верой и правдой Шеварднадзе, подделав результаты выборов (голосовали не более 30 процентов). Мне оставалось только испросить и получить у президента грузинское гражданство, стать его советником по правам человека и совершить рейд в Грузию.

Вопят прохвосты-петухи,
Что виноватых нет,
Но за вранье и за грехи
Тебе держать ответ!

За каждый шаг и каждый сбой
Тебе держать ответ!
А если нет, так черт с тобой,
На нет и спроса нет!
Тогда опейся допьяна
Похлебкою вранья,
И пусть опять — моя вина,
Моя вина, моя война,
И смерть — опять моя!

(Галич)

В Грузию я явилась с огромным (50 000) транспортом листовок, в основном на грузинском языке. А дальше была масса впечатлений. Высадившись из самолета в Тбилиси (во время рейса меня «опознали» три четверти пассажиров и весь экипаж, так что идея нелегального въезда провалилась сразу), я обнаружила, что хотя бы одну вещь Звиад Гамсахурдиа сделал на славу: КГБ разогнали так, что Шеварднадзе и концов не нашел. По крайней мере, «Бюро информации и разведки» Ираклия Батиашвили (местное гестапо) искало меня в Тбилиси три дня до первого ареста и даже обращалось за помощью к телевизионщикам из «Ибер-визи». У них получился очень интересный разговор. Телевизионщики, желая меня добыть для фильма (там телесюжеты частные студии сразу продают на кассетах), наведались к Батиашвили, думая, что он-то знает, где меня искать. Увы! У Батиашвили работали одни сапожники, и он ответил: «Мы ее потеряли. Сами ищем. Найдете, не забудьте известить нас». Конечно, телевизионщики меня не сдали, а, наоборот, даже охраняли.

Сразу выяснилось, что народ очень четко разделен на звиадистов (большинство) и путчистов (меньшинство), то есть сторонников хунты Шеварднадзе. В Грузии даже младенцам известно, что Дом правительства не был бы взят в январе 1992 года, если бы не советские танки, советские орудия и солдаты ЗакВО.

Путчисты без автоматов не ходят даже в кафе-мороженое, по улицам разъезжают броневики, человеческая жизнь куда дешевле воздушного шарика, и больше всего «законная» власть Грузии похожа на шайку разбойников из Кордильер (национальные гвардейцы Китовани, «Мхедриони» Джабы Иоселиани и сам бывший уважаемый министр Шеварднадзе, напросившийся на роль атамана Кудеяра).

Правительственное же учреждение Госсовет больше всего напоминает штаб батьки Махно (снарядные ящики, ребята в штатском, но с автоматами, полный бедлам).

Эффект присутствия Звиада Гамсахурдиа очень велик. Звиадисты мечтают о нем, как Рыцари о Прекрасной Даме. Я никогда не думала, что президента можно так нежно любить, пока не увидела его Грузию, его звиадистов и его самого. В Тбилиси есть дом, где шестидесятилетняя Анна хочет к его возвращению сварить ему борщ. А в Батуми юная Ирма хочет поджарить ему котлеты. Так что обед Звиаду Константиновичу обеспечен... Первый тост — всегда за него. Взрослые, «крутые» мужики пьют и плачут... Но если звиадисты способны отвлечься от Звиада и заниматься какими-то другими делами, то у путчистов не так. Они на Звиаде просто помешаны, ни о чем другом не могут говорить, винят его даже в засухе или ранних заморозках. В отношении к нему путчистов много мистики. По-моему, так Святая инквизиция относилась к Дьяволу. И аресты и пытки (зверские, средневековые) звиадистов — это как преследование в Испании еретиков. Когда путчисты, захватив Сенаки, заставляли жителей рвать и есть портреты президента (иначе — расстрел на месте), ставили к стене и приказывали ругать Звиада (иначе — расстрел), это было средневековье. Когда префекта Ахметского района пытками пытались заставить сказать, что Звиад Гамсахурдиа в Грузию не вернется, с точки зрения даже гестапо здесь логики не было. А вот брат Торквемада, Великий Инквизитор, это понял бы. В Грузии произошло смешение эпох. Человеческий облик и современные нравственные и правовые понятия сохранили только звиадисты. Путчисты пытаются вернуть Грузию к дохристианскому варварству. Это уже даже не политика, а метафизика. В руках Шеварднадзе Грузия, воюющая с абхазами, звиадистами, целой Мингрелией, осетинами, горцами-конфедератами, русскими (ибо ненависть к ним очень высока), Грузия, живущая разбоем и грабежом самой себя, — это не Грузия XX века. Звиадисты живут в XX веке. Их противники — в XIV. Им друг друга не понять.

Когда я поговорила с партизанами Зугдиди и выяснила, что они отпускают пленных (хотя их самих при взятии в плен убивают медленно и страшно: пытаются паяльными лампами, отрезают уши, выкалывают глаза, вспарывают животы) просто потому, что убить безоружного они не могут,

я поняла, что звиадизм — это уже философская мировоззренческая концепция. Благородство и интеллект, помноженные на стойкость.

Грузия — это страна предела. От самой низкой жестокости до самого невероятного героизма. В феврале и марте 1992 года на митинги в Тбилиси выходила четверть города, и каждый митинг превращался в расстрел. Сто убитых, 500—600 раненых. Война в Абхазии превратила путчистов в троглодитов уже окончательно. Ни один звиадист не поднял оружия против народа, с которым грузины прожили вместе несколько столетий. После чего и президента, и звиадистов назвали национальными изменниками.

Такой дикой ненависти к инакомыслию и готовности немедленно стрелять в каждого несогласного я в своей жизни еще нигде не видела. Сейчас я понимаю, что уцелела чудом. Наверное, за счет лакейского комплекса Шеварднадзе (русский, даже если оппозиционер, — это белый господин, сахиб, и в него нельзя стрелять). И за счет удивления рядовых путчистов и самого Джабы. Люди этого типа ценят только «крутых» и изумляются, видя, что кто-то круче их самих. А я нагло и открыто явилась в Тбилиси (где сажают за подозрение в связи с Гамсахурдиа) с мандатом от него, в качестве его советника, сея смуту и листовки жутко «антихунтовского» содержания. Можно представить себе, с каким восторгом путчисты меня встретили! В первый раз меня арестовали на третий же день, когда я раздавала у университета студентам листовки по дороге на международную конференцию. Оказалось, что когда бьют носками ботинок по незащищенной голени — это очень больно, и воспаление держится несколько месяцев. «Мхедриони» быстро усвоили приемы НКВД. Но когда в ответ на угрозу немедленного расстрела им говоришь: «За чем дело стало? Валяйте, расстреливайте. Слабо расстрелять?» — они пасуют.

В Госсовете выяснилось (меня сразу поволокли туда), что батано (вежливое грузинское обращение, вроде «господин») Джаба предлагает кофе, но одновременно может заявить: «Вас убьют прямо на улице. Если Вы немедленно не уедете, я за Вашу жизнь не ручаюсь». По своей психологии он показался мне типичным Джеком Потрошителем. Часа полтора он говорил о том, как он любил Звиада и как в нем разочаровался. Это было похоже на излияния обманутого мужа, от которого жена ушла к другому. Мое

живейшее удовольствие от обещаний скорой гибели он никак не мог понять, не зная повадок дээсовцев, и заявил вслух: «Все интеллигенты — ненормальные. И вы, и ваш Звиад». В порядке самокритики себя интеллигентом «профессор театроведения» не считал*. (В Грузии и БТР можно купить, не то что ученую степень.)

На выходе юные сподвижники батона Джабы объяснили мне яснее: «Убьем и отвечать не будем, свалим на дестабилизацию». Подобные любезности приходилось выслушивать по три раза на день. Видя, что я просто напрашиваюсь на выстрел, джентльмены удачи обычно увядали на корню.

В Потю меня арестовывала Национальная гвардия. Рота автоматчиков, пара ручных пулеметов плюс легкий танк. Зачем столько всего? Во-первых, я была не одна. Меня из Батуми сопровождали две звиадистки и двое звиадистов. Во-вторых, нас должны были встречать партизаны (50 человек на машинах и с оружием). Но мы разминулись, и наша группа досталась гвардейцам. Мини-митинг я всё же устроила и часть листовок раздала, несмотря на обещание выскочивших из какой-то подворотни мхедрионовцев применить огнестрельное оружие без предупреждения. Гвардейцы тащились за нами через полгорода и канючили: «Вы арестованы. Ну куда же вы? Мы же вооружены, мы вас можем застрелить за неповиновение в военное время». На что я отвечала: «Плевать нам на ваш арест, я сама вас арестую как представитель законной власти Грузии. А автоматы у нас в "Детском мире" еще красивей продаются, и с лампочкой».

В конце концов нас скрутили. На этот раз били не так больно, но по зубам. Под охраной в запертой каюте с задраенным иллюминатором (я пыталась вылезти, плаваю я очень хорошо) меня довезли на судне «Цхалтубо» до Туапсе и выбросили на российский берег. На следующий же день на «Ракете» из Сочи я нелегально вернулась в Батуми, а оттуда меня переправили в Тбилиси. Сравнив грузинские кошмары (злая, дикая диктатура без еды, без права, без горячей воды, без транспорта) с российской действительностью, я впервые испытала почти нежность по отношению к Ельцину и впервые ощутила, что у меня есть Дом и что его сравнительным покоем и благополучием, не говоря уже о градусе свободы, стоит дорожить. Увидев Грузию,

* См. стр. 743—747.

я усомнилась в целесообразности всеобщего вооружения народа и поняла, что не всякая гражданская активность — благо. И законопослушание иногда хорошая вещь! А в гражданской войне есть свои минусы.

Последний арест в Тбилиси был самым жестоким. Я вышла на площадь Руставели (исторический центр Тбилиси) с двумя звиадистками. Дали и Изольдой. Мои лозунги были написаны на чистом грузинском языке. Они гласили: «Долой фашистскую хунту Шеварднадзе!» и «Шеварднадзе — палач грузинского народа». Но «Мхедриони» такое уважение к национальному языку не тронуло. После того как меня сбили с ног, я перестала что-либо ощущать и очнулась в тот момент, когда полиция поднимала меня с асфальта, надевала очки (хорошо, что не разбились) и отгоняла «Мхедриони». Я пропустила самое интересное. Дали и Изольда рассказали потом, что меня били ногами семь или восемь мхедрионовцев, причем в основном по голове. Судя по тошноте, боли в глазах, слабости, было сотрясение мозга. Но выяснять этот вопрос было негде и не с кем, потому что в порядке лечения мне дали 10 суток. Мы с Дали и Изольдой попали в подземную тюрьму, где политических расстреливали еще при Берии. Тюрьма была мрачной, но при этом очень неформальной: туда можно было передавать всякую еду, деньги, стеклянные банки, матрасы, подушки, простыни. Я думаю, что и автомат можно было бы протащить запросто. Мне оставили часы и ножницы. Обыска никакого не было. В грузинской тюрьме могут изнасиловать, расстрелять, подвергнуть пыткам, но могут и отпустить за выкуп или отдать брату-путчисту сестру-звиадистку.

Прелести беспредела! Но я оценить эти блага не могла, потому что держала сухую голодовку. Через пять дней я была на пределе, однако статью* для своей газеты «Хозяин» ухитрилась отправить «на волю», а там ее по телефону передали в Москву. Терпение у путчистов истощилось раньше, чем моя жизнь: в полубморочном состоянии меня под конвоем посадили в самолет до Сочи. У меня кончился срок командировки, и я не возвращалась.

Теперь у меня в Грузии много друзей и боевых товарищей. Гораздо больше, чем сто! Миллиона два как минимум. Это очень хорошие люди, такие же чистые и добрые, как их президент. Их нельзя бросать...

* См. стр. 742—743.

Ужасно, что на России еще и этот грех.

Я почему-то думаю, что, если мы загубим Грузию, Таджикистан, Литву, нам не жить самим. Кровь вопиет к небесам от земли. Мы всё еще слишком сильны. Нас надо разрезать на такое количество кусочков, чтобы мы не могли творить зло.

«ВСЕ ЖАВОРОНКИ НЫНЧЕ — ВОРОНЫ!»

В сущности, всему хорошему, что случилось в нашей жизни, мы обязаны или скверному стечению обстоятельств, или дурным страстям людей.

1. Кончились нефтедоллары — началась перестройка.

2. Экономика развалилась — не потянули «холодную войну» и срочно возлюбили Запад.

3. Ельцину надо было обыграть Горбачева — он стал демонстрировать большой демократизм.

4. Второй эшелон элиты КПСС захотел сесть на место первого — произошла августовская революция.

5. Надо было свалить Горбачева, а партэлите из республик хотелось покайфовать в роли суверенных владык — распустили СССР.

А чего же вы еще хотите, если народ безмолвствует или просит корма? Что ж, поставим Ельцину памятник за Беловежскую пушу. Мы всем обязаны жадности, корысти, тщеславию, честолюбию и глупости наших владык. Раз уж народ не проявляет ума, благородства и честности...

Так или иначе Союз развалили и воссоздать его будет сложно (Кравчук слишком дорожит своим положением «пана-президента»). Тоталитарную экономику угробили. Коммунизм в грязи утопили по личным мотивам (как Хрушев Сталина). Только с капитализмом что-то дело у нас не идет. Какой переход к либерализму при колхозах и совхозах? При Советах и «совках»? Где наша массовая безработица из-за закрытия лишних предприятий? Из ада мы выползли в чистилище, да там и застряли. А топка еще горит... Бедный Ельцин шарахается от каждого встречного патриота, как от буки. Новый способ построения капитализма нашли — чтобы и социалисты были довольны.

Моя скромная, непритязательная мечта — стать бы нам хотя бы для начала Латинской Америкой, этим западным

классом для неуспевающих. Но западным классом, не советским! Умереть бы стране под ракиновым кустом, на воле, а не в концлагере.

А то вот Сергей Кургинян, блестящий, талантливый и, безусловно, честный реакционер, предлагает хлеб и даже могушество. Но взамен свободы. Похоже, народ скажет скоро: «Поработите нас, но накормите».

«Наши» ждут. Авангард советского народа, который тащит нас назад, в ночь без грядущего утра.

Уже предан и брошен на съедение фундаменталистам Гайдар. Уже сдан Бурбулис. После VII съезда наступает послесловие, конец. Переменка кончается, звенит звонок. Нас ждет тоталитарный класс и жесткое расписание занятий. Свои 10 минут перемены мы потратили зря. Мы ничего не нажили. Ни гражданского общества, ни приличной власти, ни либеральных институтов. У нас даже нет правозащитного движения. Оно окончилось, и с позором, на отказе помогать истребляемым звиадистам, на отказе подписать письмо в защиту подвергнутого зверским пыткам в Тбилиси Зазы Циклаури. От нас потребовали доказательств невиновности облитого кипятком человека с оторванным ухом, с переломанными руками и ногами. Когда-то письма в защиту диссидентов подписывались с ходу, без доказательств. Я всю жизнь носила воду в решете. Я не жалею об этом, но вода вылилась на землю. То, что мы заработали в августе, наше горькое право сдохнуть на воле, у нас могут отнять. Те, кто захотят жить любой ценой. Либеральная жизнь нам не светит. Хватит ли у общества достоинства выбрать либеральную смерть?

Возможна ли конверсия для нашей революционной партии? Едва ли... Всю жизнь я пыталась поднять народ с колен, но он рожден ползать.

Что, собственно, происходит в стране?

Разрушение. Безжалостное и неумолимое разрушение всего прежнего Бытия: промышленности, сельского хозяйства, инфраструктуры, быта, традиций, стереотипов, моделей поведения, душ, судеб, понятий о добре и зле. Есть у Альфреда Бестера роман «Человек без лица». Там, в далеком будущем, преступников не казнят, а разрушают их личность: разум, психику, память. Медленно, в течение года. А потом перезаряжают, и рождается новый человек,

способный жить в цивилизованном обществе. Это высшая мера наказания — только за убийство. Что ж! Страна-убийца, СССР, получила по заслугам. Нынешнее Разрушение — промысел Божий. Жаль, что абсолютное большинство слишком давно потеряло Бога. Их уверили в том, что его нет. Вера помогла бы принять наказание стойко и со смирением. Ведь за карой и покаянием идет и прощение.

Насколько сознательно действует в этом деле новая власть (президент и его команда), я не знаю. Скорее всего, Ельцин при его добродушии и советском воспитании искренне полагал, что можно всех облагодетельствовать. Не похоже, чтобы он шел на это Разрушение сознательно. Вот Гайдар, должно быть, знал. В его откровенности проглядывало отчаяние.

Наши реки давно текут на север, с 1917 года. Надо вернуться к нормальному ходу времен и вещей. Но это — пересмотр истории, это — самоскальпирование, это — почти самоубийство. Чтобы идти на это — и вести на это, — нужен героизм. И надо ли навеивать человечеству сон золотой, надо ли врать?

Ни Шахрай, ни Ельцин, ни даже Клинтон не посмеют сказать всего. Экономический и психологический Армагеддон — это когда выживут только те, кто приспособится. Запад — не ложе из роз, это вечное мучение духа, неуспокоенность, дуэль, дискомфорт. Это другая жизнь.

Первое столетие, может быть, Россия будет ходить, как андерсеновская Русалочка, по лезвиям ножей. И делать вид, что ей не больно. На свете и впрямь счастья нет. Мы могли дать только свободу. Но кто нас поблагодарит за нее? Мы завели Россию, как Гензеля и Гретель из сказки братьев Grimm, в темный лес, где ей предстоит выжить или погибнуть. Правда, мы в том же лесу, с ней, но ей от этого не легче. Домой, в тоталитаризм, она уже не попадет. Мы сожгли лягушачью кожу Василисы Премудрой. А Россия, как брошенный ребенок, рыдает под сосной и зовет маму: царя, КГБ, СССР, ОМОН, власть. Мы изверги. Нам нельзя ее жалеть. Исторический инфантилизм лечат именно там, в лесу, в котором бросают.

Мы должны привыкнуть к мысли, что люди будут стреляться, топиться, сходить с ума. Уже покончила с собой Юлия Друнина... Это только начало. Уже отреклись от свободы

без справедливости (а это две вещи несовместные) Юрий Власов и Михаил Челноков. За ними последуют другие... Я благодарна Ельцину за то, что он не помешал Разрушению. Но он должен быть готов к проклятиям. Слепые будут проклипать. А зрячих у нас меньшинство...

Мы не должны питать иллюзий. У нас нет исторического времени друг другу лгать. Поэтому чем скорее мы покончим с мифами, тем лучше для всех. Есть два лагеря. Две команды. И игра, которая ведется между ними, нами принятая еще в 60-е годы (хотя не все диссиденты смели называть вещи своими именами), а президентом провозглашенная 20 марта 1993 года, — это смертельная игра. Нет смысла называть наш лагерь демократическим. У нас там не только демократы, во главу угла ставящие волю народа и право большинства, а также Конституцию и процедуру. Глеб Якунин — демократ. А Виктор Миронов? А я сама? А казаки? Они что, тоже демократы? Наш лагерь — это лагерь белых. Когда-то, в первой серии, в нем уживались эсер Савинков и Каледин, западник Врангель и традиционалисты Колчак и Деникин, казаки и депутаты Учредительного собрания... Та первая серия называлась «гражданская война»... Она была отложена и теперь возобновилась. После VIII и IX съездов нардепов это уже нельзя отрицать. Речь идет об историческом реванше. Снова, как встарь, между красными и белыми только чистое поле, на котором решится судьба России. И если в начале века было неясно, какой поставлен вопрос и из-за чего сыр-бор, то теперь всё проявлено окончательно. Теперь-то мы знаем, что нынче лежит на весах! И тогда лежало то же самое. Путь России на Запад или на Восток, что теперь затейливо называется «мондиализм» или «атлантизм» и «евразийство». Красные победили тогда потому, что их вожди методом тыка угадали, что нужно силам крестьянской реакции России; ведь и Октябрь, и Февраль были протуберанцами глубинного недовольства «мира», «общины», «Собора» либеральной модернизацией Думы Милюкова и Столыпина.

В стране идет гражданская война между тысячелетним прошлым и хрупким, невероятным будущим, но теперь лагерь белых почти излечился от традиционализма и сознательно рвется на Запад, как к недостижимой елочной звезде...

Поэтому нас и назвали демократами, хотя я лично, например, либерал и не согласна ставить мировые вопросы на всеобщее голосование. Победа в гражданской войне достигается только силой. Не обязательно силой оружия. Силой воли. Силой духа. Страна не выбирала либерализм, она и не могла его сознательно выбрать. Речь идет о том, как его стране навязать. Я хочу, чтобы была создана жесткая конструкция экономического принуждения. То есть сзади будут некие заградотряды: всё уже разрушено, можно идти только вперед. Поэтому я разрушаю сознательно и с мстительным наслаждением, как Маргарита, сжигавшая перед отлетом с Воландом свой прежний дом, свое прошлое.

Я не смогу примириться с политическими репрессиями, с ограничением прав на самовыражение. Я не говорю о праве выбирать. Это право выбора между тоталитаризмом и демократией я предоставить не готова. Риск слишком велик. Свобода слова, печати, митингов, собраний — это святое. А всё остальное — после. После создания среднего класса, класса собственников, после победы над красными, после того как окончательно разрушится прошлое.

В лагере белых, в моем лагере, есть чистые демократы, есть чистые западники (фермеры, бизнесмены, интеллигенция). Есть сословия, пришедшие за землей и волей (казаки). Есть героические личности (шахтеры), готовые вызвать огонь на себя. Понимают ли они, что многие шахты придется закрыть? Знают ли о том, что либеральный переход — это массовая безработица? Если да, то они герои. Если нет, то они от нас рано или поздно уйдут. Нас мало, мы должны это знать. Мы — квалифицированное меньшинство. Готовы ли к гражданской войне члены моей собственной команды? Глеб Якунин, Галина Старовойтова, Марина Салье? 100 000 демонстрантов, вышедших 28 марта на Васильевский спуск, были готовы. Их лозунги гласили: «Добьем в марте 1993 года то, что мы не добились в августе 1991 года!»

В красной команде, возглавляемой съездом, ВС, Конституционным судом, большей частью армии, где Анпилов, Жириновский, Сажи Умалатова — лишь форварды, всё в порядке. Они знают, чего они хотят, даже когда не могут это сформулировать. Над ними можно смеяться, но они не смешны. За ними — тысячелетие российской истории,

которую мы хотим перечеркнуть. За ними — молчание российского моря, которое готово выйти из берегов, ибо нашим лагерем начаты процессы, равносильные геологической, космической катастрофе. По сути дела, «коричневые», или крутые почвенники, сошлись с красными не только на этой метафизике. У них нет своей массовки, они поставляют только лидеров: Жириновского, Дугина, Стерлигова. А у красных есть своя «Дикая охота короля Стаха»: обезумевшие люмпены, фанатики социализма, ветераны тоталитаризма, голодные и рабы. Мы должны знать, что это большинство. С ними окажутся многие объективно порядочные люди: некоторые правозащитники, депутаты Моссовета. Все те, кто хочет и свободы, и справедливости. Значит, они пойдут против свободы. Потому что — «или-или».

Фундаменталисты будут вешать, будут пытаться и не останутся ни перед чем. На этот раз мы зашли на Запад гораздо дальше, чем к 1917 году, и реакция будет страшной, полпотовской. Мы почти прошли наш астрал, почти разогнули яновский порочный круг, вышли в абсолютизм: явочным порядком наскоро построенный олигархический режим с либеральными вкраплениями и демократическими элементами, правда, занавешенный мафиозной паутиной... И если мы сейчас опять попадем в «звездный час автократии», то до следующего Смутного времени ждать придется столетия... Ставки очень высоки, и сейчас не до пустяков. Не до права народа решать свою судьбу. Ее уже решили однажды в 1918 году у нас и в 1933 году в Германии. Конституционным путем... Хорошенького понемножку. В газете «День» уже была картиночка (сверху написано: «Пленных фашистов ведут через Москву. 1944 год»). Изображена огромная толпа пленных под конвоем. И снизу добавлено: «Вот так же пойдут и демократы»). А для самых тупых поместили изречение: «Они загнали нас в угол, мы поставим их к стенке».

Мне претит пассивное ожидание казни. Восемь месяцев бездействия и бессилия Временного правительства не должны повториться. На этот раз мы должны встретить смерть в бою. Если не победим. А победа возможна! Это согласие невозможно. Нет консенсусов между белыми и красными.

Только один человек из лагеря фундаменталистов (мы только что выяснили, что красно-коричневые — лишь

современное его воплощение) будет нам полезен после победы и способен создать нечто позитивное в рамках либерализма. Это Сергей Кургинян, не столько режиссер (хотя он один из первых), и не столько политолог (хотя равных ему мало), сколько фантаст и идеалист. Он, безусловно, самый способный и самый честный из всех наших врагов, но он-то хочет сражаться по законам чести и умеет мечтать. Боюсь, что красные его ликвидируют еще до часа «Х», как это сделал Пиночет с несогласными идти на зверства офицерами. То, что личность такого масштаба не на нашей стороне, — это трагедия. Таких трагедий будет много... Брат может восстать на брата, писатель — на писателя, диссидент — на диссидента. С кем сейчас Игорь Огурцов и Леонид Бородин? Увы, не с нами! Это придется выдерживать. Через это надо пройти. Мы сожгли свои мосты. Я — в 1969 году, Ельцин — в Беловежской пуше, «ДемРоссия» — 28 марта, Шапошников — в августе 1991 года. Моя команда, мои белые шахматные фигуры очень неоднородны. Но есть законы футбола и законы шахматной партии. Этим объясняются все кажущиеся противоречия в моем поведении. Я — еретик, я позволяю себе роскошь говорить всю правду и своим и чужим. И мне ничего не надо. Таких людей не любят ни свои ни чужие. Я — волк-одиночка, мне трудно играть в команде, а команде трудно со мной. Они боятся играть со мной на одном поле. Я профессионал, а они еще робкие дилетанты. Это в революционной деятельности, а в политике, должно быть, наоборот. Но политика в футболе бесполезна. Надо забивать голы.

Мы не можем честно выиграть выборы. Обмануть и запутать мы можем, но я в этом неспособна участвовать. Как человек я не люблю президента. Однако как футболист я играю с ним в одной команде, а игра идет на гибель или спасение России (может быть, мира). Поэтому мой человеческий и правозащитный пафос мне на поле мало поможет. Я не могу забивать мячи в свои ворота, сейчас это недопустимо. Но при этом я говорю правду, и моя деятельность настолько расходится с моими словами, что вызывает всеобщее удивление, а «ДемРоссия» боится дать мне слово на своих митингах.

Что из того, что Ельцин раньше играл за «Пахтакор»? Сегодня он играет со мной за «Динамо». Увы, он капитан

команды. Гол может забить только он, хотя я веду нападение. И если я, плача и ломая руки, говорю, что нет другого выхода, кроме введения президентского правления на два года, для того чтобы распустить все Советы, поменять все кадры, заложить основы капитализма, — значит, на поле сложилась крайняя ситуация и счет не в нашу пользу.

Будет ли это либеральной диктатурой? Едва ли, если будет создан Политсовет из западнических, либеральных сил, который временно заменит парламент, если будет введено прямое действие Декларации прав человека и Пакта о политических и гражданских правах, если будет сохранена и приумножена свобода слова, печати, собраний и митингов. Однако свобода выбирать социализм, коммунизм, фашизм, etc. не может быть предоставлена. После настоящего Международного суда компартию и нацистские организации (ФНС, «Память», РОС, разные там Соборы) придется запретить (только в плане участия в выборах, не более того). Остальное довершит люстрация. Сопrotивление фундаменталистов и люмпенов на этом не прекратится, но оно обретет уголовные формы, и его можно будет легально подавить. Однако на уровне Слова — не Дела — коммунистических и почвеннических протестантов трогать нельзя. Это — табу. Если моя команда сумеет удержаться на уровне бескомпромиссности, не перешагнув черту, за которой — запрещенные приемы, мы выиграем с честью или с честью падем. Я не люблю Ельцина, но я его не предаю. Пока он играет за мою команду, куда я записалась на двадцать лет раньше него. Мне стыдно, когда он говорит о примирении со съездом. Это мяч, который забивают нам. Я рада, когда он бросает красным перчатку. Это мы забиваем мяч.

На шахматной доске он — король. Слабая, уязвимая фигура. Но я не могу допустить, чтобы белому королю был объявлен мат. Тогда мы проиграли партию.

Что делать в такой ситуации правозащитникам? Они не сумели независимо повести себя с властью при Горбачеве, а сейчас правозащитное движение расколется на сторонников справедливости и сторонников свободы, на либералов (которые примут президентское правление) и демократов (которые его не примут). Процесс уже пошел. Мы окажемся по разные стороны баррикад, потому что во время гражданской войны решается вопрос об изменении строя,

а многие правозащитники говорят: «Мне все равно, капитализм у нас или социализм. Главное, чтобы соблюдались права человека». А я не согласна предоставить Анпилову право строить социализм в моей квартире, даже путем парламентских выборов. Пусть строит в своей — не в моей. И рассудит нас здесь не Зорькин, а Калашников.

В 60-е и 70-е годы чисто правозащитное движение было величественно и благородно. Сейчас в России оно будет вредно. Поэтому порядочный человек всегда проигрывает. Ибо для него проигрыш — это компромисс, проигрыш — это реальность. Играть в команде белых демократов — это значит сказать миру «да». Впервые мой путь не прям. Я буду играть в одной команде с людьми, которых не всегда лично уважаю. В моей команде Лужков. Он играет честно, он играет за нас, наши пути сошлись, но для меня это ужасно. Жизнь — всегда проигрыш. Порядочные люди должны вовремя погибать, в этом их спасение. Дай мне, как говорится, Бог...

Когда мы пройдем опасный отрезок пути, я смогу уйти в свой отказ, в свою оппозицию. Но еще столетие порядочные люди в России вынуждены будут зажимать себе рот, чтобы не проклясть слишком громко нашу новую реальность, пока не закроется навсегда дверь между старой и новой реальностью, между смертью и жизнью, между Востоком и Западом, между социализмом и капитализмом.

Несколько веков подряд русская интеллигенция оказывается у разбитого корыта. Оно — наше первородство. Не променяем же свое разбитое корыто на их чечевичную похлебку!

Сейчас будем писать статьи, но, когда у власти окажутся фундаменталисты, возьмемся за оружие. Даже если весь народ обалдеет от восторга. Пойдем против народа, мы ему ничем не обязаны. Он уже балдел в 1918-м, и в 1937-м, и в 1945 году, и в счастливую эпоху застоя, когда колбаса стоила 2,90 за кг. Пойдем против всех, кто пойдет против свободы. Нашей свободы умереть в джунглях, от голода, змеиного яда или львиных когтей. Но вне клетки. На месте России может остаться пепелище, тайга, братская могила. Но нового архипелага ГУЛАГ пусть на месте России не будет никогда. C'est la vie. Сартр сказал: «Человеческая жизнь начинается по ту сторону отчаяния».

ХУДОЙ МИР

«НА ТОЙ ЕДИНСТВЕННОЙ, ГРАЖДАНСКОЙ»

Если во время едкого, как щелочь, ядовитого, как цианид, и липкого, как клей, «застоя» (как мы только что выяснили, «стоял» только тот, кто не сидел) я действительно сражалась с властью, и это была война до победного конца, на взаимное уничтожение, то, когда власть самокритично самоликвидировалась в ходе перестройки, началась странная война. С 1988 по 1991 год ДС вел войну с противником почти бесплотным, который терял по чисто внутренним причинам то ногу, то руку, то глаз, и наши удары часто попадали в пустоту; и если мы порядком вспотели, то только потому, что нам никто не помогал.

Власть, разделившаяся сама в себе, не устоит. Запустив (причем на самотек) механизм модернизации, Горби создал начатки двое-, даже троевластия. Во всех структурах, включая КГБ и армию, контингент поделился и рассчитался по порядку номеров: кто — за Россию, кто — за Союз, кто — за Украину. Один — к Горби, другие — к Ельцину, третьи — к Лигачеву. А когда Ельцин гениально подбросил им под ноги еще и противостояние СССР — Россия, Белый дом — Кремль, а наученные и вдохновленные им регионалы-феодалы намертво вцепились зубами в свои суверенитеты и захрустели некогда общей Кремлевской стеной, как вафлями, — вот здесь и возникла наша странная война. Мы дрались с властью, но с какой? Она расстроилась и дралась междуусобно. Им было не до маленького ДС: друг друга топтали и кололи бивнями большие слоны. Нас они смахивали с себя в четверть силы, как маленькую Моську. Мы выжили благодаря тому, что структуры играли в покер, а мы встревали в игру со своим водным поло. Наши удары не отбивали как следует (иначе от нас осталось бы мокрое место), потому что сильные мира сего играли в свою игру. «ДемРоссия» умела попадать в резонанс, и поэтому кое-что ей перепало. Должности, портфели, свет софитов, заграничные поездки. Лидеры «ДемРоссии» всю жизнь имели дело с властью, были при власти, искали ее протекции и ей писали письма вроде «Письма к вождям». Даже Солженицын не готов был обращаться к народу, потому

что и демороссы (и выбороссы впоследствии), и Солженицын, и межрегионалы знали, что народ не участвует в игре, а присутствует на стадионе как зритель и разве что делает ставки в тотализаторе.

Демократическая элита раньше нас поняла, что решают — консулы, а народное собрание только кричит или рукоплещет, и чаще всего им можно управлять, нажимая на педали, как в автомобиле. А мы-то хотели быть народными трибунами. Но мы забыли, что даже в Риме трибуны были частью элиты, ели с ней общий властный пирог, входили в номенклатуру, сидели за хорошо накрытым столом и решали, в общем-то, свои вопросы, используя народ как механизм давления на сенат, на консулов, на армию (кидая, конечно, клок и народу, демонстрируя при этом свою щедрость, компетентность и великодушие). Этот механизм заработал в 1988 году, и «ДемРоссия» грамотно вошла в обойму, вскочила на ходу, просчитала обороты. Что-то перепало им, что-то дали из их рук всей интеллигенции. Выковывались механизмы воздействия на власти, создавались политические репутации. Мы не хотели вникать в работу механизма, не хотели приспособливаться. Пока над страной болтались со змеиным шелестом красные флаги, пока формально правила КПСС, пока действовала советская власть, такая позиция была невыгодна, но хотя бы почетна.

Но в 1991 году по реке поплыл лед, она вскрылась, треск стоял от верховий до устья. Это была уже не оттепель. Это была космическая катастрофа, взрывающая и созидающая миры, хотя отдельные планеты могут участвовать в этом лишь бессознательно. Космическая катастрофа, как и буржуазная революция в России в августе 1991-го, всегда совершается сверху. Или сбоку. Словом, со стороны. Космические силы сродни историческим. Неподотчетны, неконтролируемы, непредсказуемы. Но если уж началось, если ты видишь язык лавы, садись сверху и погоняй, чтобы сторело то, что лишнее, но не то, что необходимо, что должно остаться. Именно это не сделали когда-то предтечи демократов широкого профиля — кадеты. Не сумели сесть на исторический процесс, взнудать и погонять. И он их растоптал. А ДС не хотелось оказаться ни под конем, ни на обочине — в стороне от скачек. И 20 марта 1993 года, когда Ельцин произнес пароль («Мы с тобой одной крови — ты и я!»), когда он заговорил как антисоветчик и антикоммунист, для нас кончился этап «странной войны»

с властью и начался период «худого мира». Собственно, мы готовились к этому с августа 1991-го. За два года мы успели остыть и понять, что революции снизу по нашей формуле здесь не будет никогда. Народ не поднять под лозунгами социального неравенства, индивидуальных усилий, протестантской этики строгого и трезвого труда, свободы победить или проиграть в жизненной игре, свободы ни у кого не просить хлеба, свободы покаяния и ненависти к прошлому, к СССР, к коллективу, к парткому и продовольственным заказам к 7 ноября. Уже создавалась олигархия «владельцев заводов, газет, пароходов». Мир раскололся надвое. Возникли два берега, две стороны баррикад, два народа. Мы, не колеблясь, выбрали капиталистический свет в конце олигархического туннеля. Через несколько дней после обращения Президента, еще до конца марта, мы безжалостно исключили из партии давних соратников, авторов программ ДС, подписантов «Письма двенадцати». В огне брода нет. Занималось зарево, и мы не хотели, чтобы нам стреляли в спину из рядов собственной партии.

Буржуазная программа у ДС уже была. 6 ноября 1993 года она будет принята как общепартийная, уже не фракционная, и все недомолвки, все отголоски социал-демократических пережитков уйдут из нее. Как на таблицах децемвиров, в нее будут врезаны слова «капитализм» и «антикоммунизм». Она станет хрустальной и прозрачной до самого дна, как холодные воды ледяных горных озер; отчаянной, как полет зимородка; твердой, как улыбка воина; и блестящей, как вынутый из ножен меч. Война — а мы гораздо раньше других поняли, что март 1993-го закончится октябрем — имеет свои законы. Тыл и фронт должны быть едины. Оппозицию на войну не берут. Всю долгую весну и лето мы тянули за рукав президента, упрашивали, уговаривали, даже хамили с горя. Мы ничего не боялись и ждали, когда же он ударит в набат. Уже потом мы узнали, что другие, куда более многочисленные руки тянули его назад, хватали за ноги, запугивали кровью и гражданской войной. Сергей Филатов «не советовал», Егор Гайдар считал, что опасно и рискованно. Борис Николаевич был очень одинок. Он хотел, чтобы кто-то разделил с ним тяжесть и ответственность Указа № 1400.

И вот проходит апрельский референдум, и получен мандат на разгон Советов. В последний раз демократы выводят

на площади, улицы и спуски десятки тысяч людей. Митинг на митинг, идея на идею, лозунг на лозунг... «Пусть белые красным за всё отомстят...» Всё выше пена в бокалах шампанского, вот-вот перельется через край. У нас — шампанское, у них — дешевая водка; у нас — шелковые стяги, у них — примитивный кумач; у нас — стихи Бродского, Высоцкого, Волошина, у них — примитивные советские песни и партийные гимны времен Эжена Потье. Наша буржуазная революция была великодушна, хорошо одета, благоухала дорогим одеколоном. Нас вел вдохновенный смычок Ростроповича; они внимали сигналам, примитивным и однозначным сигналам поднятой в фашистском приветствии длани Баркашова. Тогда еще многочисленные, резвые и боеспособные демократы готовы были покидать красно-коричневых (Женя Прошечкин, гениальный систематик, почище Ламарка, вошел с этим термином в историю) своими руками в Москву-реку. Митинги приходилось разделять, как материю и антиматерию, чтобы не было аннигиляции.

Рядовые, нестатусные демократы, не зараженные кремлевским вирусом трусости и соглашательства, требовали, начиная с 20 марта, чтобы депутатов переловили, не впуская в Белый дом, а съезд и ВС запретили. Люди с Васильевского спуска готовы были вынести нардепов из Кремля вручную (за руки и за ноги). И не было бы осады Белого дома, не было бы танков. Но Ельцина обступали соглашатели и трусы, и эта проволочка — с 20 марта по 21 августа — вытянула из нас все жилы. В это время Борис Николаевич протрубил в рог, и возник ОКДОР — комитет всех демократических организаций несовдеповского подчинения. Когда демократы нужны президенту, он собирает их в одном теплом помещении (в мэрии, скажем), ставит перед ними бутылки фруктовой воды и задает им тему для обсуждения (иногда надо и решение подсказать, потому что иначе, как это с ОКДОРом и произошло, разговоры будут длиться вечно и попусту и без всякой конкретики уйдут в песок). Так всё и вышло. ОКДОРовцы произносили пламенные речи, но не делали того, что ждал от них президент: не брали на себя ответственность за силовой разгон Советов. А ведь после 1 мая, после выходки красно-коричневых, аналогичной июльскому большевистскому выступлению (только что без пулеметов), президент имел законную

возможность арестовать зачинщиков прорыва по ст.79 («Массовые беспорядки») в порядке расплаты за В.Толокнеева и навсегда запретить уличные акции экстремистов красного толка. Это предотвратило бы грядущую кровь. По рукам надо давать вовремя, тогда не придется стрелять. Но, очевидно, Генпрокуратура не очень-то проявляла готовность арестовывать «своих». И она, и милиция, и суды, и КГБ — всё это было против нас. Баранников, Макашов, Дунаев — всё это были одного поля ягоды. Тогда, в апреле, я в последний раз пожалела врага и заступилась за А.Лукьянова, которому угрожал суд за ГКЧП. И он, и его дочь, хотя и отъявленные коммунисты, были так жалки, они так боялись, что Ельцин после референдума с ними расправится и придется ответить за август, что мне стало стыдно. Неужели теперь будут бояться нас, неужели при нашей власти нашим врагам придется так же выкручиваться, лгать и доказывать свою лояльность, неужели мы повторим КПСС? Увидев лукьяновскую кошечку по имени Варя и узнав, что у него есть внук, я почувствовала горячее желание его защитить. Тем более что он так доказывал, что помогал диссидентам, что спасал ДС от расправ, что любил «своего друга А.И.Яковлева»... Кронид Любарский мне этого не простил до самой смерти, но я сделала ласковое интервью и защитительную статью с предложением учредить «эру милосердия».

О, я была за это достаточно наказана. Убедившись в том, что после референдума Ельцин никого не тронет, что 1 мая тоже сошло с рук, Лукьянов отрекся и от меня, и от собственного интервью в коммунистической печати. Он понял, что мы лопухи, что нам не выжить в гражданской войне (4 октября никто не предвидел), а от покойников какая же защита? Спасибо Лукьянову: он объяснил мне, что на сострадание имеет право только побежденный и сдавшийся противник. Что неумолимый закон войны гласит: сначала — победа, потом — жалость к побежденным. Но не наоборот.

В том апреле ДС состряпал листовку. Боже, сколько самых изысканных листовок я написала за свою жизнь, и какой переполох возникал от них в тех курятниках, куда я их забрасывала! Листовка называлась «Добейте гадину!» и выходила под общим грифом «Долой Советскую власть!».

ДОБЕЙТЕ ГАДИНУ!

Когда-то гуманист и вольнодумец Вольтер сказал о клерикализме: «Раздавите гадину!»

Сегодня мы, оглядываясь на тот путь, который страна прошла от августа до августа — с 1991 по 1993 г., вынуждены констатировать, что коммунистическую гадину мы не добились и она готовится снова пожрать Россию.

Хасбулатов и Анпилов, Проханов и Руцкой, Зорькин и Макашов, тупоумные нардепы и их коричневые штурмовики, все силы реакции объединились ныне для священной травли юного российского либерализма, который один может спасти нас от Красного Колеса.

У коммунистического дракона не отрублена последняя голова — Советская власть. Обыск у М.Полторанина, уголовное дело против В.Шумейко, готовящийся арест демократического депутата Миронова, репетиция фашистского путча 1 мая... Чего мы ждем? Танков на улицах? Ареста президента?

Совдепы вгоняют страну в гиперинфляцию, добивают экономику, развязывают в Таджикистане новую афганскую войну.

С этим жерновом на шее нам не принять новую Конституцию и не построить капитализм. Сбросьте жернов! Добейте гадину! Ликвидируйте Совдепы!

Требуйте от президента немедленного разгона всех местных Советов, съезда и ВС, аннулирования советской Конституции, роспуска Конституционного суда, введения президентского правления до принятия на референдуме президентского проекта Конституции и выборов в Парламент. Совдепы сами не уйдут. Нардепов придется вытряхивать из кресел насильно. Лишение этих слабоумных ретроградов власти будет благом для страны.

Насильственная ликвидация Советов не означает насилия, это лишь предотвращение насилия со стороны коммунистов и национал-патриотов. Пусть еще один бродячий съезд кочует по загородным домам культуры вслед за съездом нардепов СССР.

Пусть президент вооружит демократические силы общества, и они защитят и его и страну.

Поставим Советы вне закона! В стране есть только одна легитимная власть — президентская! Отказывайтесь исполнять решения ВС и съезда, бойкотируйте красных депутатов, игнорируйте нынешнюю Конституцию.

В случае попытки красно-коричневых развязать гражданскую войну нам помогут и войска ООН, и войска НАТО.

В 1991 году мы не ликвидировали ни КГБ, ни Совдепы. Сегодня они готовятся ликвидировать нас.

Опередите их! Добейте гадину! Долой Советскую власть! Спасайте свои жизни и свое имущество! Долой КГБ!

За Землю и Волю!

ЦКС ДС России:

В.Новодворская, Н.Злотник, Р.Макушенко

ОКДОР захлопал крыльями и принял решение в мягкой форме от нее отмежеваться. «Против» не голосовал никто. Воздержался представитель ПЭС (Партии Экономической Свободы, лидер — ослепительный Константин Боровой). Если бы сам Константин Боровой был на заседании, конечно, он бы голосовал против «отмежевания», он никогда и никого не предавал. Вообще когда он появлялся в ОКДОРе, среди каких-то нервных и потертых демократов-разночинцев, он, блестящий и непринужденный аристократ, интеллеktуал с отличными манерами, в элегантном костюме, пестрое провинциальное собрание приобретало вид Парижского клуба. ОКДОР даже свозили на экскурсию в Кремль пред светлые очи президента*. Получилось занятно.

Демороссы от приглашения в Кремль принялись ворчать, что не Магомет должен идти к горе, а гора обязана являться к Магомету по первому требованию. У них вообще вошло в привычку чуть что — вызывать Бориса Ельцина на ковер для отчета перед общественностью. Но я лично была не прочь посмотреть Кремль изнутри в неформальной обстановке. Сначала ОКДОР долго ругался по поводу того, кто будет выступать перед президентом. Конечно, Слово молвить доверили всем тем, кому сказать было совершенно нечего. Б.Н. хотел услышать четкое одобрение разгону Советов. Демократы хотели потрепаться вообще, вокруг и около. Нам подали красивенькие автобусы и привезли из мэрии в какой-то отдельно взятый Кремлевский дворец. Ласковые гэбульники на входе культурно обработали всех миноискателями — без рук, дистанционно. Видно, наша лояльность даже у охранцев не вызвала сомнений.

* См. стр. 773—774.

Кремль оказался очень уютным, хотя и позолоченным. Нас привели в старинную палату, где стояли длиннющие столы с кофе, холодными закусками (дивными маленькими сэндвичами и птифурами) и с разными лимонадами. Учтивые опять-таки гэбульники во фраках подкладывали на тарелки и разливали кофе. Демократы уничтожали все яства, как саранча. Борис Николаевич вышел и уселся под большую бездарную картину в духе Васнецова (то ли Аленушка на распутье, то ли три богатыря на сером волке). Смысл его речи был примерно такой: если вы, драгоценные, желаете кому-то указывать путь, то сначала сами внутри разберитесь, куда вы хотите идти. А то пока вы собачитесь друг с другом, от вас никакого проку нет.

Дальше речи держали демократы. От «ДемРоссии» слово досталось Илье Заславскому. Он очень милый человек, но рассказывал исключительно об исторической роли «ДемРоссии» в современной действительности, от чего Б.Н. сразу стал зевать. Никто по делу так ничего и не сказал, кроме Марины Кудимовой от творческой интеллигенции, потому что такие большие поэты, как Марина, пошлостей и банальностей, как правило, не говорят. Речь Кудимовой была краткой, но веской: на всё, Борис Николаевич, Ваша царская воля, что хотите, то и делайте. *Carte blanche*. А уточнить, что именно сделать, мне не дали. Больше часа Б.Н. выдержать не смог. Чувствовалось, что он не выносит пустого трепа. Он ушел из палаты деловой походкой, а нас оставил наедине с тарелками. Здесь я впервые близко познакомилась с Егором Гайдаром и попросила у него прощения от имени ДС за то, что мы учили его строить капитализм. Великий экономист вблизи оказался очень хорошо воспитанным и остроумным русским интеллигентом в лучших традициях Чехова и Бунина, с явно пассионарным складом, но при этом хорошим товарищем и теплым человеком, совершенно не задирающим нос. Ему хотелось не просто доверить место премьер-министра — хотелось пойти с ним в турпоход или даже в разведку...

Начались митинги, вернее, продолжились. Егору Тимуровичу, человеку кабинетному, интеллектуалу, было мучительно трудно выступать перед революционно настроенными демократическими массами. Громкие крики, экстаз, ярость, аплодисменты — это не его стихия и вообще не подходящая среда для утонченных натур. Ученым больше

приличествует университетская кафедра, чем мегафон. Я наблюдала за Гайдаром. Он принуждал, насилывал себя, он делал это добросовестно, и это была бóльшая жертва с его стороны, чем либерализация цен... Он на глазах становился не только политиком, но где-то даже революционером. Ученый, интеллигент, революционер и хороший человек — это всё совпало, на наше счастье. Я думаю, что ни в Хайеке, ни в Лешеке Бальцеровиче, ни в самом Адаме Смите не было того, что есть в Гайдаре: огонь, страсть, нетерпение сердца. Российская закваска даже у западников, даже у вестернизаторов отечественного разлива: с безуминкой отваги, на всё решающейся, с готовностью идти за монетаристские идеи на виселицу...

Этим Россия интересна. Мы играем так, что заигрываемся. В России всегда было слишком мало достатка, комфорта, закона, здравого смысла и цивилизации, но слишком много души... И эта ноша так тяжела, что мы проливаем то, что несем, по дороге...

Меня не могли не пустить на трибуны митингов, но слово старались дать попозже, неосознанно боясь, что я скажу что-то непоправимое насчет Советов, коммунистов, разгона... Что накаркаю. Так всё и вышло. Но события октября 1993-го не были следствием моих слов. Слова были верным анализом событий, которые стали неизбежными 20 марта и на которые мало кому хотелось заранее смотреть. Народ начинал голосить, требуя для меня слова, потому что он не боялся развязки, а жаждал ее. И Глеб Якунин обычно давал мне слово. Вообще интеллектуальная инициатива в «ДемРоссии» принадлежит Галине Старовойтовой. Моральная инициатива — прерогатива Глеба Павловича, старого, испытанного диссидента, успевшего отсидеть свое — и героически — а по вере, скорее, христианина из первых веков, бросаемого львам в амфитеатре.

И еще раз мы увиделись с Ельциным. Демократов звали в Дом печати, где теперь квартирует Совет Федерации. В дверях нас чуть не придушили. По крайней мере, мы с Гайдаром стали плоские, как камбалы. Б.Н. сидел в президиуме с самым несчастным видом, потому что все опять трепались, на чем свет стоит. Белла Куркова жаловалась, что демократов не пускают к президенту. Еще бы! Если бы заседания ОКДОРа проходили у него в кабинете, он бы просто из окошка выпрыгнул.

Был уже август, и, надо полагать, Ельцин решался. Было важно именно это его умение: прыгнуть с моста в реку, не думая, выплывем ли. В этом суть всех революций, откровений, искусства, научных открытий и таланта вообще. Кони должны понести. И здесь, хотя мне выступить не дали, я, надеюсь, помогла Б.Н. Белла Куркова сидела у его ног, внизу, под эстрадой, за столиком, и сортировала записки. И я послала записку такого рода:

«Дорогой Борис Николаевич!

Почему Вы не разгоняете Советы? Мы Вас не предадим и пойдем за Вами, если понадобится, на смерть.

Валерия Новодворская и ДС».

Я видела, как он ее читал, как показывал Полторанину, как положил в карман.

Я верю, что это облегчило ему прыжок в воду с моста... Это тогда он сказал про «артподготовку» и про то, что осенью мы будем приятно удивлены. Мои статьи вполне тянули на «Катюши» или на установку «Град». ДС сделал свою долю залпов, даже, пожалуй, «за того парня». И когда наступил сентябрь, и когда Б.Н. со стягом и, похоже, уже в кольчуге, стал зачитывать Указ № 1400, мы не помнили себя от счастья. Я всё лето ходила на митинги с лозунгом: «Дай Бог сгореть Советам, провалиться депутатам!» — и не успел Б.Н. дочитать, как ДС уже принял заявление, и через два часа Михаил Осокин по НТВ уже его зачитывал, что ДС, мол, не только одобряет и поддерживает, но будет защищать президента с оружием в руках. В таких случаях ДС не колеблется.

Еще грохочет голос трубный,
А командир уже в седле...

И здесь демороссы показали себя с лучшей стороны. Им не дано быть ведущими, но они хорошие ведомые и надежно защищают хвост. Полководцев много не требуется, а вот храбрые ратники всегда нужны. Они не отступали, не трусили, не уговаривали Ельцина мириться. Гайдар стоял как скала. Писатели рвались в бой. Сломался Святослав Федоров, очень жалко выглядел Григорий Явлинский: все уговаривал пойти на нулевой вариант

и сожительство с Советами. Вера без дел мертва, а ум и знания мертвы без веры и без страсти. Это как раз случай Григория Алексеевича. Мы издали вот такой документ:

Заявление Центрального Координационного Совета партии «Демократический Союз России»

В конце XX века в столице России городе Москве совершенно открыто и абсолютно безнаказанно действуют красно-коричневые фашисты. Они издают декреты о расстрелах, делают заявления о переходе к массовому террору, составляют расстрельные списки с домашними адресами, убивают сотрудников правоохранительных органов и мирных граждан. Их ряды непрерывно множатся, пополняясь прибывающими из различных регионов бывшего СССР бандитами.

Мы хорошо помним, как в начале перестройки абсолютно мирные и безоружные митинги ДС разгонялись самым жестоким образом. Практически каждый их участник, державший в руках всего лишь плакат, подвергался избиению, задержанию и административному аресту. А сегодня на улицах города и в принадлежащих государству зданиях бесчинствуют вооруженные холодным и огнестрельным оружием штурмовики. И мы спрашиваем — почему бездействуют правоохранительные органы? Даже смерть сотрудника ГАИ, пытавшегося воспрепятствовать уличным бандитам, для прокуратуры города является недостаточным основанием для возбуждения уголовного дела.

Некоторые представители интеллигенции и политические организации в этих условиях не устают призывать президента пойти фашистам на уступки и в интересах демократии договориться с ними. Одумайтесь! С фашистами вы не сможете договориться даже о способе вашей казни.

В этой ситуации заявляем, что если в ближайшее время президент и правительство, получившие на референдуме доверие большинства населения России, правительство Москвы и правоохранительные органы не предпримут мер для ликвидации нависшей над городом и страной угрозы, не сумеют защитить жизнь и имущество граждан от беспредела красно-коричневых безумцев, то мы будем вынуждены самостоятельно предпринять меры для своей защиты. Мы не собираемся спокойно ждать, пока фашисты перейдут к массовым

убийствам, и поэтому будем вынуждены вооружиться и образовать собственные боеспособные структуры. И призовем к этому все демократические организации.

Фашизм не пройдет!

29.09.93 г.

И если меня спросят, мог ли кто-нибудь перепутать и примкнуть к стороне Белого дома из любви к парламентаризму и законности, я по совести отвечу: нет, не мог. Над той стороной развевалось красное знамя, там были баркашовцы, трудороссы, Анпилов сотоварищи, там были противники Запада, империалисты, фашисты, реваншисты, племб. Красные. Перепутать было нельзя. Чеченцы не пошли к чеченцу Хасбулатову, ибо им ненавистен коммунизм.

А струна всё натягивалась и натягивалась и наконец лопнула. Страна поделилась надвое: регионы, столица, партии, философы, писатели. Это была гражданская война. Задолго до этого я поняла, что с Павкой Корчагиным не договоришься, что честность и самоотверженность врага хуже его продажности и трусости. Когда в Москве начались баррикадные бои, и милиция разбежалась, и инсургенты стали жечь костры на Смоленской площади, мы поняли, что прольется кровь. Мы честно готовы были пролить свою. Нам просто повезло. Не мы попали в комарину плешь. Но мы сходили в Зону.

Третьего октября демократы должны были заседать в Доме печати, где-то в 18 часов. Но в 17:30 меня встретил у метро неформальный генсек ДС Коля Злотник, на котором, как на камне, стоит ДС, и который стоит и Петра, и Павла, хотя к религии относится скептически, и сказал, что мэрию взяли, что красные берут Останкино, и что Глеб Якунин по «Эхо Москвы» (вот она, моральная инициатива!) призвал демократов идти на Красную площадь (поближе к Лобному месту). И мы сразу пошли, на полчаса обогнав других демократов, которые сошлись к 18 часам в Доме печати и направились туда же. Нас не надо было призывать, до гайдаровского обращения оставалось 4 часа, нам надо было просто знать место сбора! Я так и пошла в парадной золотой кофточке и сапогах на каблуках, скрюченная артритом (лекарства я на собрание, конечно, не взяла).

Коля хоть успел переодеться. По дороге он купил две пачки сигарет и сказал, что до конца жизни ему хватит (дома у него, кстати, осталось двое детей). Милиция заперлась, КГБ ушел в подполье. У Ельцина остались безоружные демократы, словно московские ополченцы 1941 года, которыми надо было закрывать амбразуру.

Мы были на Красной площади, пожалуй, раньше президента. У Кремлевских ворот стоял бледный штатский с автоматом, бегали журналисты из Си-эн-эн и стояла маленькая кучка демократов. Они очень обрадовались, увидев меня, и стали спрашивать, что же делать, ведь оружия нет. На что я им честно ответила, что у каждого есть свой труп, и что в крайнем случае этим будет защищена демократия, потому что гора трупов — это провал путчистов; их не признают, кредитов не дадут, кормить не станут; а нам нечего терять, лучше умереть этой ночью, чем дожить до утра, чтобы умереть в застенках под пытками. Демократы, среди которых было 50% женщин и сильно пожилых, жизнерадостно согласились, что лучше умереть сегодня. Покажите мне еще какую-нибудь страну, где возможен такой диалог, кроме России, Чечни и Литвы (которые тоже через это прошли). Я спросила у штатского с автоматом, сколько они будут держаться. Он ответил: «До конца».

Женя Прошечкин, изобретатель термина «красно-коричневые», оказался на месте раньше всех. Даже раньше нас с Колей. Он водил группы «боеспособных мужчин» от Красной до Моссовета под трехцветным флагом. Группки были маленькие, по мере поступления волонтеров на Красную. А народ всё еще веселился в кафе и пиццериях, и ему дела не было ни до красных, ни до белых. Естественно, мы с Колей оказались в группе «боеспособных мужчин». А тут еще прибыл отряд «Россия» образца 1991 года. Для них это дело было привычным: строить баррикады. Так что его женская часть тоже волилась в состав боевиков. Тут же оказалась Света Власова — самый умелый демороссовский массовик-затейник, у которой идейность сочеталась с редкими организационными способностями и с прилежанием. «Выбору России» очень повезло, что он ее унаследовал. Я никогда не думала, что окажусь способной кричать «Ельцин! Ельцин!». Но в эту ночь хотелось кричать погромче, чтобы услышал Руцкой. Это слово в случае неуспеха гарантировало смерть, и экзистенциальное стремление

русской интеллигенции к баррикадам и эшафоту наконец-то, впервые после августа 91-го, нашло себе цель, место, время, пароль. Никогда так сладко не кричится «Да здравствует король!» — как после его падения, во времена якобинского террора.

Почему решено было защищать Моссовет? Не хватало людей для защиты Кремля. Чтобы окружить двойным кольцом кремлевские стены, понадобилось бы полтора-два миллиона москвичей. А у нас даже после обращения Гайдара не было больше 30—50 тысяч. А тогда, в 18-19 часов, больше 5 тысяч не было (минитмены, демократические «боевики», которые приходят сами, не ожидая мобилизации). Моссовет легко окружить немногим защитникам, у него толстые стены (без танков не пробьешь), есть балкон для речей, средства связи правительственного уровня. Красная площадь недалеко.

А впрочем, главное было — где-то построить баррикады. Что-то защищать. Куда-то звать безоружное население. Чтобы армии было из чего выбирать. Чтобы она решала, какие баррикады разносить из танков — наши или их. Не противостояние власти и народа, по которому стыдно из пушек стрелять, а баррикады — на баррикады. Народ — на народ. Красные — на белых. Гражданская война. А власть где-то сбоку. Она — не главное. Танки сами выбирали мишень.

О, Гайдар в эту ночь показал себя великим стратегом. Жанной д'Арк демократии. И что такое был по сравнению с ней Карл VII? Только символ национальной победы, только клич, только точка приложения сил французов, которым надо было побить англичан. А Ельцин значил больше, чем Карл VII. Указ 1400 — это был вызов силам Ада. И мы не ошиблись, к подворотне Советов прибились все, кого мы ненавидели: гэбисты, нацисты, коммунисты. И они сбросили с Белого дома трехцветный флаг. Плюнули на икону... У Моссовета нам быстренько раздали трехцветные повязки с надписью «Дружинник». С розовыми ленточками. Я свою храню до сих пор — а вдруг еще пригодится? ДС и партии Гдяна поручили улицу Станкевича. Часть отряда «Россия» и Света Власова были с нами. Мальчики быстренько поставили поперек узкой улицы несколько строительных вагончиков. Задание было ловить депутатов Моссовета, которые были на стороне красных, не пропускать, самых настойчивых вести в Моссовет к Лужкову и Гончару

(они уже приехали). Как выяснилось потом, депутаты собрались сдать Моссовет белодомовцам и сделать из него форпост взятия Кремля. Одно змеиное племя... Лужков их там арестовал и 4 октября сдал милиции. Просидели они не больше 2-3 дней (готовя 3 октября по меньшей мере расстрел для своих великодушных противников). Еще нас предупредили, что по нашей улице будут прорываться баркашовцы (а может, десантники) в автобусах, по 30—40 человек, с автоматами и пулеметами. Это задание получили совершенно безоружные люди. И никто не разбежался! Леша Борисов (ДС) пришел с кочергой. Саша Огородников (христиане-демократы) явился с газовым пистолетом. Саша Шеяфетдинов (ДС) срочно, ночью, пригнал машину с дачи, боялся, что к утру будет поздно спасти демократию. Мы подсчитали: против баркашовцев мы продержимся 5 минут, пока всех не убьют, против десантников-профессионалов — 1 минуту (эти стреляли бы сразу). Но отнять автоматы у них мы бы попытались. У меня, конечно, не вышло бы, но такие, как Коля, которых в армии все-таки чему-то научили, могли бы преуспеть. Ко всем несчастьям в довершение у меня были скрючены руки от жуткого артрита. И ноги, и спина. Я даже стоять могла с трудом, сидела перед баррикадой на стуле. Впрочем, для того, чтобы умереть, особой спортивной подготовки не требуется.

Итак, мы пропустили машину с Гончаром и остановили штук 5-6 депутатов, Бабушкина в их числе. Он прямо драться полез, утверждая, что должен быть со своими избирателями. Никто из демократов не дал ему в ответ по шее и не поволок в Моссовет к другим задержанным. Наша доля депутатов ночевала дома. Пусть скажут «спасибо», что не попали в участок. Конечно, «спасибо» они не сказали. Люди Гдяна сначала советовали всем идти домой, но потом, когда народа прибавилось, успокоились и стали вести себя нормально.

По мере подхода волонтеров баррикад становилось больше. Впереди нас выстроились еще три-четыре линии, вплоть до ИТАР-ТАСС. С какими-то рогатками, ежами, частоколами из ящиков. Сзади нас до ворот на Тверскую появились две линии. Это уже было препятствие. Даже для «Альфы». Пока всех не убьешь, тебя просто повалят и отберут оружие. В эту ночь мы сожгли все окрестные заборы, Лужкову в убыток... К утру Ростислав Макушенко, один из старейших дээсовцев, добрался к нам из Петербурга... Мы не видели парада актеров и писателей по РТР, это всё

было для сидевших дома обывателей. Мы не слышали речи Гайдара у Долгорукого. Мы сидели на своем боевом посту и знали, что не имеем права отлучиться. Нам ничего не надо было объяснять. Нас не надо было ни обнадеживать, ни агитировать.

Каких присяг я ни давал,
Какие ни твердил слова,
Но есть одна присяга —
Кружится голова...

Подстережет меня беда,
Не обойду свою беду,
А вот присяги этой
Не выдам и в бреду...

(Окуджава)

Уже после полуночи за мной пришел журналист с «Эха Москвы» и повел выступать в студию на Никольской. Боже, как преобразилась Тверская! Через каждые 40 метров — баррикады, линии обороны, демократы с палками и гитарами. Даже деревья в кадках, украшавшие фасад Моссовета, пошли на то, чтобы перегородить улицу. Линии оцепления доходили до Красной площади; не пускали никого. Удостоверение «Эха» насилу помогло; все ожидали увидеть вражеских лазутчиков и шпионов. Этих людей стоило вооружить, они разнесли бы Белый дом по кирпичикам. Еще позднее, уже днем, появились тяжелые самосвалы с песком; Тверская стала полностью непроходимой. Часам к трем ночи за мной пришли из Моссовета и дали выступить с балкона. В первый раз мне дал слово Лев Пономарев. В эту ночь его было не узнать: он говорил об оружии и взятии Моссовета силами демократов. Моего экстремизма он не боялся. У него в ту ночь хватало своего... Гайдар очень хорошо всё рассчитал. Он призвал демократов пойти и умереть под знаменем. У нас не Штаты, не Франция и не Англия. Приличные люди не спросили: «А где же ваша полиция?» Они поступили по-цветаевски:

А зорю заслышу — Отец ты мой родной!
Хоть райские — штурмом — врата!
Как будто нарочно для сумки походной —
Раскинутых плеч широта.

Жаль, что Гайдар ждал утра и войска. Надо было раздать автоматы. Половина из нас, может две трети, такие, как я, как Света Власова, глубоко штатские гуманитарии, легли бы у Белого дома. Но такие, как Коля, как Ростислав, как Женя Прошечкин, более приспособленные к войне, ворвались бы в Белый дом, и я не думаю, что кто-нибудь из врагов уцелел бы, что было бы кого вести в Лефортово или амнистировать. Разве что он бросил бы оружие и попросил пощады... Не думаю, что я попала бы в кого-нибудь: я стрелять не умею, зрение -14, пальцы так сведены артритом, что на курок не нажать... Но я бы взяла автомат в руки хотя бы для вида, чтобы с ним умереть. Это была бы моя доля участия в боевых действиях. Мы ждали добровольцев, а красные требовали, чтобы на их стороне была вся страна — под страхом смертной казни. Вот какой Указ изготовили Бабурин и Руцкой:

ЗАКОН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ И ДОПОЛНЕНИЙ В УК РСФСР»

Статья 1. Дополнить УК РСФСР статьями 64 и 70 следующего содержания:

Статья 64. «Действия, направленные на насильственное изменение конституционного строя.

Действия, направленные на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, наказываются лишением свободы на срок от 6 до 12 лет с конфискацией имущества или без таковой.

Те же действия, повлекшие тяжкие последствия, а равно совершенные должностным лицом, наказываются лишением свободы на срок от 10 до 15 лет с конфискацией имущества или без таковой или смертной казнью с конфискацией имущества или без таковой».

Статья 70. «Воспрепятствование деятельности законных органов государственной власти.

Воспрепятствование деятельности предусмотренных законом органов государственной власти Российской Федерации наказывается лишением свободы на срок до 5 лет или исправительными работами на срок до 2 лет.

Те же действия, повлекшие тяжкие последствия, а равно совершенные должностным лицом, наказываются лишением

свободы на срок от 5 до 10 лет с конфискацией имущества или без таковой».

Статья 2. Ввести в действие настоящий закон со дня его подписания.

Исполняющий обязанности Президента Российской Федерации

Интеллигенция отвыкла от диктата. При Брежневе и Андропове она роптала тихо, давась академическими заказами, Литфондом, поездками за кордон под конвоем: ведь за каждую премию, за каждый кусок семги надо было платить унижениями, лизать кормящую руку и похваливать. Надо было врать. А Борис Ельцин, перестав кормить бездарных писак, кучкующихся вокруг газеты «Завтра», не снял с довольствия талантливых, да и не просто талантливых и не только талантливых, а хоть кому-то интересных. Искусство отправили «в люди», и оно не пропало, а нашло себе кучу грантов, спонсоров, поездок на халяву за кордон. И за всё это не надо было благодарить, и можно было всласть кусаться, и плевать, и царапаться, и фыркать на власть, и резать правду-матку, и быть верным идеалам. Неудивительно, что искусство оказалось на стороне Ельцина. Впервые за долгие десятилетия не окно прорубили в Европу, а стенку вышибли пинком. Правда, на голову стала падать крыша, но зато какой открылся вид! А из дома все равно надо было уходить и строить себе другой. Как там говорит Маргарита в «Мастере и Маргарите» Булгакова? «Гори, прежняя жизнь! Гори, страдание!»

Даже легкий и невесомый от старости и слабости Смоктуновский дошел под утро до нашей баррикады. В отличие от Гамлета, он нашел правильный ответ с ходу. В эту ночь Егор Гайдар обрел свое величие (а правота была у него и раньше). Эта ночь была вне закона для всех. Григорий Явлинский примкнул к нам слишком поздно. Он просил с экрана у президента защиты, а Гайдар — защищал. После Явлинский от этой ночи отречется и начнет нас с Ельциным ею попрекать. Может быть, он и будет когда-нибудь президентом. Но ему никогда не стать героем, кумиром, вождем, как стали ими Егор Гайдар, Глеб Якунин, Константин Боровой (это он, собственно, организовал «вечерку», вернее,

«ночное» в Яме на ТВ и сам сказал с экрана Ельцину: «Возьмите нашу жизнь»).

Из Моссовета передавали новости, говорили, что идут войска, но к кому — к ним или к нам — неизвестно. В конце ночи Лужков, коммерсанты и западные посольства просто завалили баррикады едой (шикарной импортной колбасой, иностранными сырами, какими-то деликатесными консервами) и соками. Ни одной капли спиртного на баррикадах не было. Из соседних домов приносили воду, чай, кофе, теплую картошку. Как панфиловцам. Интеллигенты ставили свои потрепанные «жигули» и «москвичи» в баррикады. Было ясно, что если они пройдут, машины никому не понадобятся. Гайдар знал, что делает. Если бы они пошли на Моссовет, в центре Москвы лежали бы 50 000 трупов. Руцкой, Бабурин и К° получили бы отверженный режим в кольце блокады, за железным занавесом. На это у организаторов путча-2 из КГБ расчета не было. И они, вздохнув, сдали Руцкого и Баранникова. И самолеты к «Сашке Отрепьеву» не прилетели. Победил тот, кто больше хотел умереть в случае поражения. Демократы пришли, чтобы умереть под знаменем и вместе с ним. До того, как его спустят. Мы не хотели видеть, как спустят наш флаг. Не хотели это пережить. А они пережили 1991 год, и Беловежье, и спуск серпастого-молоткастого со Спасской башни Кремля. Они согласились жить после поражения. Мы согласиться не могли. Вот и смысл формулы: «Смертию смерть поправ». Мы выжили потому, что пришли умирать. Эта ночь сделала нашу связь с Ельциным нерасторжимой. Даже Чечня не смогла нас посорить окончательно. Фронтовое братство стоит дорого. Мы — однопольчани 91-го и 93-го, апрельского референдума и президентских выборов 96-го. А Григорий Явлинский еще удивляется, что все демократы ко второму туру перешли в электорат Ельцина!

Всю ночь мы готовились к смерти, а в 7 утра раздалась канонада. Для нас это была музыка сфер. О, мы только тогда поняли Высоцкого:

Вот шесть ноль-ноль, и вот сейчас обстрел.

Ну, бог войны! Давай без передышки!

Всего лишь час до самых главных дел:

Кому — до ордена, а большинству — до «вышки».

Мы убили, чтобы жить. На войне нет другого выхода. Кто-то должен был умереть наутро. Те, кто у Белого дома, или те, кто у Моссовета. Ни один солдат не осудит нас. Ельцин должен был обречь на смерть или нас, или их. Теперь я знаю, как могут убивать гуманисты, демократы, христиане. В решительный час приходит благодетельный шок, и ты решаешь оруэлловскую дилемму с крысами в свою пользу: должен умереть другой. Не твои друзья, а твои враги. Не ты, а они. Те, кого ты ненавидишь. И ты ничего не чувствуешь, и песенка афганцев, сочиненная в тот день («Ах, наши танки на Полянке, идохнут красные поганки»), не кажется тебе отвратительной. Это был наш реванш за Перекоп, и за Соловки, и за ВЧК, и за НКВД, и за ГУЛАГ. 150 человек за 60 миллионов убитых и замученных. Это немного. Ужас приходит потом, и ты сознаешь, что нарушил заповедь «Не убий». Но для страданий впереди будет вся жизнь. И если ты честный человек, ты не станешь раскаиваться. Потому что это надо было сделать. Против падения тьмы... И в следующий раз мы сделаем то же, потому что шок отключает боль. Боль приходит потом. Оказывается, война — это шок. Человек убивает в шоке. А потом — уже не важно, как тебя будет бить судорога. Потом рыдай на досуге хоть неделю. Но к следующему бою ты обязан быть как огурчик. Ни Гайдар, ни Ельцин, ни Боровой не отреклись от того утра. А в Декларации ДС появилась строка: «ДС является партией либеральных революционеров, и мы солидаризируемся с действиями президента России Бориса Ельцина по ликвидации КПСС в августе 1991 года; ликвидации СССР в декабре 1991 года; ликвидации Советов 21 сентября 1993 года и подавлению коммуно-фашистского мятежа 4 октября 1993 года и готовы нести ответственность за них».

Конечно, часть победы была самым жалким образом потеряна. Коммунистические организации пережили Совдепы. Почему Ельцин не прекратил их половецкие пляски раз и навсегда? Влияние наивного Запада, вопли соглашателей, боязнь нового, неслыханно смелого шага? А ведь они опять дрожали и подчинились бы. Они трусы. Анпилова достали из-под сена, Константинова ловили всем миром. Однако награду предлагать за поимку политических преступников — это перебор. Здесь МК неправ. Четыре месяца, предательство Казанника — и вот все враги на свободе

и жаждут реванша. Если бы в июле 1996 года победил Зюганов, мы все просто пошли бы на виселицу. За их главное поражение в XX веке. За октябрь 1993-го. Но острастку они получили хорошую. Хватило надолго, чтобы больше перевороты не устраивать. Они знают теперь, что демократы — не тряпки, и Ельцин — не половик. Они знают, что живыми мы не отдадим власть. То есть коммунистам и нацистам не отдадим. И через год мы пили 4 октября шампанское: ДС, Женя Прошечкин, «Военные за демократию», отряд «Россия», угощали журналистов и прохожих. В 18 часов под Юрием Долгоруким, на месте нашей боевой славы. И не потому, что нам не было жаль погибших (если бы это не сочли жестом раскаяния и примирения, мы бы им цветы положили на могилы). А просто надо было сказать, что от содеянного нами мы не отрекаемся. И выпить за Победу. У одних она — 9 мая. У нашего поколения 21 августа и 4 октября.

И кое-что мы все-таки в клюве унесли. Шикарная Конституция, которая держит на привязи красную Думу в конуре на Охотном ряду — это завоевание нашего Октября. Нет Совдепов, есть мэрии и префектуры. Снят караул у Мавзолея. А Чечню увязывать с Белым домом не следует. Это все равно что сравнивать убийство и истязание безобидных домашних животных с ликвидацией ядовитого скорпиона, который хотел тебя укусить. Лицензию на отстрел чеченцев демократы никому не выдавали. Лицензия была выдана на ликвидацию красного мятежа. В эту ночь и в то утро мы отыграли у судьбы не только наши жизни, но и тех, кто осудил нас и назвал убийцами («Общая газета», например). Однако жизнь они взяли, не побрезговали. Всегда найдутся любители кататься. А наш удел — саночки возить.

ПРАВозащитники в полузащите

С 1991 года ни одного дня мы не провели вне игры. Все время бегали по полю, чтобы не пропустить мяч в свои ворота.

Сначала у нас застряли в узилище жертвы поздних, перзрелых коммунистов Родионов и Кузнецов, юные анархисты, взятые в плен ОМОНОм на нашем же митинге еще

в марте 1991 года. Остаток 1991-го и половина 1992-го ушли на их освобождение.

Письма, заявления, листовки, пикеты, интервью. Только кончишь защищать первого, как он звонит тебе и говорит, что посадили второго. Вытащишь второго — а он звонит и говорит, что посадили третьего. Дурная бесконечность.

Такое ощущение, что наш беглец проваливается в болото каждые 2 часа.

И сейчас, после 16 лет вытаскивания невинных жертв из тенет советской до мозга костей юстиции, так и хочется сказать: «Ох, нелегкая это работа — из болота тащить бегемота!» Что и дает представление о состоянии с защитой прав журналистов и демократов в нашей солнечной стране. Левую ногу вытащишь — правая увязла. И так далее. Вытащив анархистов-студентов, не резавших бритвой омоновцев на митинге, напротив, ими битых, мы не успели перевести дух. Следующим был Виктор Пименович Миронов, революционный депутат, который вместе со своими избирателями после 20 марта 1993 года сочинил Ельцину роскошное письмо, где предлагал «Верховников» распустить, а Хасбулатова, Руцкого, Зорькина и еще кое-кого — посадить. Письмо распространялось и читалось на митингах. Обиженный Хасбулатов быстренько содрал с Миронова иммунитет и, в свою очередь, попросил КГБ (черт его знает, как он тогда назывался) им заняться. КГБ занялся. По 70-й статье. Миронову светило Лефортово. Виктора Пименовича мы защищали по методу «Я — Спартак!». Наша листовка «Долой советскую власть!» тоже вызывала большой литературный интерес у КГБ.

ДОЛОЙ СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ!

Сегодня в России, как в Германии в 1933 году, через структуры Советов и Съезда нардепов к власти приходят силы коммунистической и имперской реакции. Эти силы не дают нам провести либеральные реформы и, если мы будем медлить, устроят новый Октябрьский переворот.

Президенту пора переходить к конкретным революционным и антисоветским действиям, программа которых была заявлена в его выступлении от 20 марта.

Верховный Совет, Съезд и Конституционный суд, захваченные силами коммунистической реакции, должны быть распущены.

Советская Конституция должна быть аннулирована.

До выборов в Учредительное собрание на 2 года следует установить президентское правление.

Временное правительство и Политический совет из представителей демократических сил гарантируют нас от диктатуры.

До принятия народом на референдуме демократической Конституции следует ввести на территории России прямое действие Декларации прав человека и Пактов о гражданских, политических и социально-экономических правах.

Собирайте подписи за роспуск съезда и ВС, передавайте их Виктору Миронову!

У России два пути: на Запад и на Восток (до Колымы).

Если мы не сумеем построить капитализм, нас ждет полпотовский вариант коммунизма.

На красных митингах составляются черные списки.

Коммунисты и империалисты уже начали гражданскую войну. Кто не защищается — погибает.

Мы проиграли в 1921 году первую Гражданскую, мы не ликвидировали красную угрозу в августе 1991 года. Не будем же сдаваться без боя в 1993 году!

Референдум, вопросы для которого приняты съездом, навязан нам врагами демократии. Это не опрос, а допрос. Выскажем же прямо в лицо нашему врагу — Советской власти — что мы поддерживаем президента, одобряем реформы, не желаем досрочных выборов президента, но хотим досрочных выборов депутатов. Однако наилучшим решением было бы проведение президентом референдума с объявленными им вопросами и бойкот советского референдума.

В случае решительных антисоветских акций президента он может быть уверен в полной поддержке демократов (в том числе и с оружием в руках) и в военной помощи стран Запада.

Белый стан (фермеры, шахтеры, предприниматели, интеллигенция, казаки) готов к решительной схватке с красными, нацистами, империалистами.

ЗА ЗЕМЛЮ И ВОЛЮ!

4.04.93 г.

Центральный координационный совет партии «Демократический Союз России» (ЦКС ДС России)

Мы вломились в дело Миронова, как налетчики. Перепечатали письмо Миронова и К°, поставили свои подписи и еще набрали подписей у других правозащитников. Стали их открыто, при журналистах, раздавать у Лубянки, у Генпрокуратуры, у Белого дома. И здесь за нами открыто ходили гэбульники с видеокамерой. Хотя на Лубянке нам объяснили, что КГБ ежиков не ест. Однако служба есть служба. И они всё фиксировали. Мы с Колей Злотником напросились на допрос в Лефортово, как к теще на блины. Меня, как самого дорого гостя, встречали заклятые друзья, мои бывшие следователи. Гэбисты поснимали в кабинетах Дзержинского и Ленина и повесили малоодетых девочек с календарей. Говорили, что уповают на Гайдара. Я наврала им с три короба, что именно я автор мироновского письма. Зная мои повадки, они не очень поверили, но сказали, что будут ждать финального свистка. Неясно же было, кто победит, Ельцин или Хасбулатов. Если последний — теплое место в Лефортово нам обеспечено. Если не вместо Миронова, то вместе с ним. Финал этого матча известен. В Лефортово попал Хасбулатов. И в тамошних своих мемуарах он вспоминал глубоко потрясшую его мою статью в МК о необходимости ликвидации «гадюшника в Белом доме».

Но это был не конец. Следующим стал безобидный профессор Вил Мирзаянов, насыпавший соли на хвост химическим террористам из ВПК, которые втайне ото всех (от Ельцина, от мирового сообщества, от народа) сварганили запрещенное химическое оружие и пристроились его продавать в Северную Корею или аналогичным изгоям.

Боже, что ФСБ сделала с «большелобым тихим химиком»! Сначала — Лефортово, потом — «Матросская Тишина». Гнусный закрытый суд, как до перестройки; замшелые судьи и прокурор из 50-х годов. Арест за отказ участвовать в гнусном инквизиторском процессе.

Ни пикеты, ни заявления не помогали. Человек погибал у нас на глазах. Мы отбили бы его у конвоя прямо в суде — но целый полк конвоя был нам не по зубам. И я решила разыграть из себя шпионку. Выдумала басню, что мне ученые, друзья Мирзаянова, передают секретные материалы, а я их сплавляю в западные посольства. И не прекращу это занятие до тех пор, пока не освободят ученого. И якобы мне уже назвали формулу того ОВ, о котором Вил Султанович упоминал вскользь в своей статье в «Московских

новостях». А я эту формулу отдам американцам. Журналистов на такой мякине не проведешь, но они подхватили эту версию, чтобы спасти Мирзаянова. А ФСБ всему поверит, что ей на уши не вешай. Их можно ловить просто на блесну.

Не знаю, помогла ли моя шпионская версия, но Мирзаянова освободили. Дело, переданное на следствие, похоронили.

А дальше был Виктор Орехов, которому генерал от жандармерии (КГБ) Анатолий Трофимов мстил за прошлое (помощь диссидентам), настоящее (доклады о нравах КГБ на правозащитных конференциях) и будущее, в котором нет или Ореховых, или Трофимовых. 3 года за сломанный пистолет! 8 месяцев пикетов! Мосгорсуд оставляет один год. Президент пишет Указ о помиловании.

Меньше всех сидели журналисты «Собеседника» гениальный поэт и весьма злоязычный журналист Дима Быков и Саша Никонов. Якобы за мат в номере газеты «Мать» (приложение к «Собесу») по чеченскому вопросу. Их ловила группа захвата на белом «мерсе», их тащили в суд в наручниках, у них делали обыски и сидели на лестнице в засаде. 2 дня ареста (ст.206, злостное хулиганство; в глазах МВД, ФСБ и прокуратуры мы все хулиганы, поскольку умеем писать и говорить, а молчать в тряпочку вовсе не умеем).

Издателя Костина сажали на год за изображение голых коммунистов (порнография!).

Алину Витухновскую держали год в тюрьме за непонятные следствию стихи и за то, что отказалась быть сексоткой в ФСБ (якобы за наркотики). И это только те, к кому мы успели! Сажают фермеров, сажают бизнесменов (за то, что они не колхозники и не рабочие), пытаются посадить местных журналистов и экологов, подальше от Москвы обитающих.

Дикая охота коммунистов.

Наш бассейн полон крокодилов с партбилетами, и ни у кого нет гарантии, что его не утащат на дно.

Последнее деяние ФСБ — это 9 месяцев заключения эколога Александра Никитина в Санкт-Петербурге. Якобы за шпионаж. Здесь я никак не могу заявить, что, плавая в Баренцевом море, я посчитала все наши затонувшие подлодки и ядерные могильники и покажу это американской субмарине. Мне не поверят. Пикеты и заявления протеста ни на кого не действуют.

Остается молить о плановом петербургском наводнении, и чтобы в Финский залив смыло только личный состав тамошнего ФСБ во главе с генералом Черкесовым, бывшим (и теперешним) охотником за диссидентами.

Мы прыгали с кочки на кочку, пробираясь по нашему болоту. Но вот внезапно кочки кончились. Впереди — сплошная трясина. Браконьеры стали охотиться не только на дичь, но и на егерей. Волна репрессий накрывает нас самих.

Мяч лежит в наших воротах.

«ВО ФРАНЦИЮ ДВА ГРЕНАДЕРА...»

Советские диссиденты всю дорогу были невыездными. В лучшем случае поездка за границу выглядела так: выводили из тюрьмы, надевали наручники, загружали в машину, потом перегружали в самолет. Чартерный рейс за счет КГБ! А в Мюнхене или где-то в тех краях диссидента меняли на какого-нибудь Луиса Корвалана. Не всегда следовало лететь, куда приглашают, даже если КГБ радушно позволял. Жорес Медведев и генерал Григоренко так прокатились — в один конец. Жорес Медведев побывал по службе на конгрессе генетиков. Генерал Григоренко поехал во Францию лечить глаза. Обоих радостно выпустили, но не пустили обратно. То же самое случилось уже в перестройку (1988 г.) с Ириной Ратушинской, киевской диссиденткой и великолепным поэтом. Дали уехать на лечение, но лишили гражданства и не пустили назад.

Поэтому я была уверена, что никогда не увижу Парижа, Эллады, Италии. И когда с 1989 года меня стали приглашать туда и сюда, я уже не рассматривала эти предложения. Лишиться права на два квадратных метра российской земли (а больше мне ничего до 1991-го не светило) казалось мне непомерным риском, много хуже риска смерти. Я отказывалась от поездок во Францию, хотя парижские меценаты брались оплатить все издержки и обещали кучу радио- и телеэфиров. Я отказывалась читать лекции в Польше (за это еще бы и заплатили, плюс польская сторона брала на себя все издержки и обещала показать Краков, Гданьск, Познань, Лодзь, Варшаву). Телевизионщики всех фасонов (от парижских, американских, английских до японских и австралийских) ездили ко мне на дом. Постельный телевизионный режим. Но здесь кончилась перестройка и началась

демократия. Однако сразу же возникло противостояние с Советами. Я едва успела осознать за 1992 год, что теперь никто не может лишить меня гражданства. А когда осознала, стало опасно уезжать даже на неделю: вдруг начнется коммунистический путч, и не успеешь на баррикады защищать демократию? А кто не успел, тот опоздал. В августе все решилось за 3 дня. И так, сначала мы ждали путча (и дождались в октябре 1993-го), а потом медленно оправлялись от его последствий. Оказалось, что судьба демократии может решиться и за сутки. И только возникла почва для досужих помыслов о путешествиях в широкий мир — чеченская война. Стало ни до чего.

Но с начала 1995 года Константин Боровой стал пилить меня, чтобы я получила иностранный паспорт, которого у меня сроду не было, потому что он нашел спонсоров, которые мне оплатят эту поездку, а в Европе мы обязаны выступить, чтобы помочь Чечне. Я призадумалась... и у меня возникло стойкое ощущение, что паспорта и подорожной (то есть визы) мне в этом государстве не дадут. Слишком часто некие органы хватили меня за шкуру. И они же сейчас дадут иностранный паспорт? Мы даже с Костей поспорили (на ресторан). И что вы думаете? Костя чуть не проиграл. После обычной порции канцелярщины, бюрократии и формализма, после месяца положенного вам ожидания начались странные разговоры со стороны ОВИРа. Сначала они вспомнили, что у меня были неприятности из-за митингов с МВД (до 1991 года, при другом строе). Потом стали лепетать нечто невразумительное насчет неприятностей с КГБ (тогда же). Я не знала тогда, что зловещий генерал Трофимов уже тянется рукой в черной перчатке к моему бедному иностранному паспорту, что Барсуков и Коржаков на паях сооружают уголовное дело по факту моей (и Костиной!) измены родным танкам и фильтрационным лагерям, внедряемых в Чечне во имя «Родины и порядка». Но результаты были как в 70-е годы в райкоме, куда вздумалось бы зайги антисоветчику с патентом за направлением в страны дальнего зарубежья. У Кости были связи, он что-то написал: скорее всего, то, что паспорт для меня будет требовать Европарламент. После чего мне позвонили и очень подобострастно предложили немедленно приехать за паспортом. Увы, он оказался с ненавистной советской символикой. Пришлось его одеть в красивую иностранную черную обложку.

Мы ничего не знали про дело, но вокруг меня уже явно мелькали электрические разряды, вспыхивали молнии, и атмосфера сгустилась до такой степени, что ее можно было резать ножом. Поэтому когда мы очутились в уютном самолетике, и он подпрыгнул, взлетел и довольно скоро перелетел границу, мне захотелось, подобно Маргарите, закричать: «Свободна! Свободна и невидима!» Только, конечно, без швабры и раздеваний. Основания для этого у нас были: накануне отлета пришел тогда еще живой Хамад Курбанов, элегантный, отчаянно храбрый и образованный московский чеченец, сам вызвавшийся стать представителем Джохара Дудаева в Москве, и принес для европейских парламентариев жуткую кассету, где были запечатлены руины, трупы. Замученные и казненные чеченцы, в том числе дети, женщины и старики. Особенно один кадр с чеченкой, беременной на 6 месяце, которую десантники Грачева убили, вбив ей между ног толстый деревянный кол... От этой кассеты и камень бы заплакал и закричал «Аллах акбар!».

Конечно, мы эту кассету не довезли. Судя по всему, фискалы из ФСК слушали не только мой телефон, но и мою квартиру. Поэтому на таможне они полезли сразу в чемоданы Борового, минуя мои (Хамад для сохранности предложил отдать кассету Косте, потому что репутация у него получше, чем у меня). Гэбульники успели слазать даже в Костины карманы с неподражаемой наглостью и восхитительным хамством, свойственными этому сословию. Обнаружив кассету, они просто замурлыкали от счастья, предвкушая ознакомление. Нам сунули под нос какую-то бумажку, на которой было напечатано, что видеокассеты должны сдаваться на просмотр за день до отлета. Недалеко же мы ушли от тех времен, когда на этой же таможне изымали самиздат и тамиздат. Гэбульники не предвидели только того, что кассета им не достанется: Боровой сразу же отдал ее своему шоферу Игорю (он нас провожал до самой таможни). Наша обысканная компания (в мои-то вещи и карманы они не полезли: схлопотали бы по рукам или по ушам, в смысле парочки гадостей в свой адрес), где, кроме Кости и меня, еще состояли его жена Тамара, с которой мы когда-то учились в инязе, и дочка Леночка, авангардистское дитя технотронной эры, которая уже в 12 лет умела работать на компьютере и говорила на всех европейских языках, поплелась на посадку. Получилось прямо по Гейне:

Во Францию два гренадера
Из русского плена брели...

С тем только различием, что мы с Костей родились в плену и в этом же плену умрем, потому что Россия находится в плену сама у себя, и брести нам некуда...

Резкие контрасты настроения и мироощущения ударили по нервам так неожиданно, что контрасты в архитектуре и в красках отошли на задний план, едва я увидела первый в моей жизни западный аэропорт и за ним — первую же иностранную улицу. В стеклянной будочке таможни сидел улыбающийся жандарм и ставил печати на страницу с шенгенскими визами. После цепных российских таможенников, залезших к нам в чемоданы и в карманы, хмурых и злобных, как немецкие овчарки, я увидела улыбающегося человека, которому было приятно пускать кого-то к себе в Люксембург. Содержимое наших чемоданов его совершенно не волновало. И это был последний полицейский, увиденный мной в Люксембурге. Ни утром, ни вечером, ни ночью я не увидела там ни автоматов, ни бронешилетов, ни патрулей, ни людей в форме. Никто никого не грабил, никто ничего не охранял. Потерянный рай, страна вечных каникул. Добрый мир Шенгенской зоны, где отвыкли бояться и забыли, что такое зло. Ненавязчивая, деликатная доброта мира, где никто не лезет тебе в душу, никто не берет тебя воспитывать, но если тебе понадобится помощь, вокруг тебя начнется просто давка! Когда мы с Тamarой (а мы вечно отставали от спортивных и притких Кости и Леночки) потерялись, то есть не могли найти ресторан, где наш Вергилий из европейских политиков ждал нас, в поисках участвовала вся улица, а узнав, что мы — русские (когда говоришь свободно на европейских языках, об этом не скоро догадываются), все страшно умилились. Но тут Лена и Костя нашли нас, тихоходных растяп и увезли на такси, ругаясь шепотом. В этом мире люди привыкли к тому, что им ничто не угрожает. Я вспоминала зловещего Макашова, прущего вперед Зюганова, горластых «патриотов» и зубастых коммунистов, и за этот хрупкий, драгоценный мир становилось прямо-таки страшно.

В Люксембурге причудливых двухэтажных коттеджей больше, чем многоэтажных (не более 5 этажей) домов, у домов растут похожие на красную брюссельскую капусту

деревья, и почти у всех крылечек и подъездов цветут шикарные розы. И никто их не рвет! В Германии мы успели побывать в Трире, где когда-то родился Карл Маркс (но, к счастью для города, там не задержался). Костя взял напрокат синюю прелестную машину (то ли «мерс», то ли «линкольн»), а сделать это можно прямо в аэропорту. А когда мы выходили из машины, Тамара и Костя шли степенно, с сознанием собственного достоинства, а мы с Леночкой прилипали ко всем витринам и бурно на всё реагировали (Леночка, пожалуй, держалась солиднее меня, потому что она-то была за границей много раз).

От местных дорог, особенно скоростных (Люксембург — Трир и Люксембург — Париж), хотелось долго и горько плакать и биться о них головой, потому что дороги были шелковые, и если скорость снижалась до 150 км/ч, сзади выстраивался целый хвост и гневно сигналил. Костя Боровой замечательно водит машину: как лихой ковбой в прериях, норовя выбраться за отметку «220». По-моему, садясь за руль, он воображает, что машина — это птица-тройка. И какой же русский не любит быстрой езды! Но даже на такой скорости видно, что зеленые откосы по бокам выложены цветными треугольниками, ромбами, овалами, картинками. Очень часто попадаются заправочные станции, и при них обязательно кафешечка, буфетик, туалетик, газеты, журналы... Никто ни разу не спросил наших паспортов, и мы бы чувствовали себя своими среди своих, если бы мы не были так несчастны при виде этих шелковых дорог и этой беспечальной жизни, потому что у нас в тылу осталась жизнь, которая постоянно ожидала смерти то ли от экономического кризиса, то ли от очередных политических выходов коммунистов incorporated. Позади у нас оставалась чудовищная война, и тайная полиция, и ожидание типа оруджавского:

Крест деревянный иль чугунный
Назначен нам в грядущей мгле.
Не обещайте деве юной
Любови вечной на земле...

А наши дороги с ямами и ухабами (от Москвы до Владимира, Твери и Нижнего Новгорода), с плохим асфальтом, с избушками на обочинах, где не только кафе,

но ни одного туалета нет от Москвы до Нижнего, не то что мотеля! И это еще роскошь по сравнению с Сибирью, где за сутки вообще не встретишь человеческого жилья и где дороги — как при покорителе этих краев Ермаке!

Боже мой, за что? Но мы знали, за что. Винить было некого. Или пушки, или масло. Или танки, или «мерседесы». Или мотели, или Турксибы. Самое страшное — это видеть чужой рай. В который ты не можешь попроситься, потому что ты обязан вернуться и воссесть, как Иов, на свое гноище. И сидеть на нем до конца жизни. Ни одно правительство, ни одно государство не налагает на человека такие тяжкие оковы, как любовь и долг. Когда ты оказываешься Там, тебе кажется, что уменьшается сила тяжести. Там давно решены все мировые вопросы; так легко и безболезненно разрешается проблема борьбы за существование, что нам, в нашем положении, может показаться, что это уже другая планета, другая, более мудрая и совершенная раса. Люди одеты проще, чем у нас: им уже неинтересно выпендриваться. Вечерние туалеты в ресторан надевали только мы, но не хозяева этой страны. Дети сидят в тележках от продуктов в гигантских универсамах, играют и рисуют прямо там. Никто их не одергивает и не останавливает. Они свободны, гармоничны и знают границы своей свободы. Труд там давно уже не каторга, а удовольствие.

Эта раса немного похожа на элоев, но, в отличие от них, они знают историю, сами зарабатывают себе на хлеб, сами управляют сложным и мощным кораблем под алыми парусами — судном европейской цивилизации, где тяга — от технотронной эры и ее открытий, но полет и порыв — от древних легенд и воплотившихся сказок человечества; где чистота и гармония — плод веселого, доброго, недогматического христианства, вплетающего бусинки трансцендентности в мягкую ткань человечности.

Элои Запада уверены, что морлоки вроде Зюганова и Проханова до них не доберутся. Таких, как Грачев, Коржаков, Трофимов и Примаков (не говоря уже о Бабурине с Лукьяновым) они считают просто заспиртованными диковинами, которым место в банке из кунсткамеры, где-то между двухговым теленком и сушеным крокодилком.

Люксембургская политическая элита и члены Европарламента на каникулах принимали нас в своем политическом клубе. Мы наговорили им много разных страстей;

я — по-французски, Костя по-английски. Костя говорил как заправский диссидент, и будь мы еще в «темных веках», до 1988 года, ему точно дали бы семь в зубы, пять по рогам. В общем, мы открыли им глаза и, кажется, призвали спасать Чечню, Россию и всё человечество. Но элита Люксембурга очень хладнокровно отнеслась к нашим несчастьям. Они не полезли на койки спасать Луну, как это сделали бы пылкие соотечественники. И даже за свой апельсиновый сок наша великолепная четверка платила сама, из Костиного кармана. Для нас не закололи упитанного тельца и не признали в нас блудных сыновей. Отнесли к нам как некоей экзотике. Один холеный джентльмен, то ли третий, то ли четвертый человек в Европе, больше всего был поражен тем, что я, будучи из России, так хорошо говорю по-французски. Я жутко обиделась и ответила (на еще лучшем французском), что Россия — страна хоть и несчастная, но образованная.

По-моему, к нам отнесли как очень способным аборигенам, которые, несмотря на варварское происхождение, усвоили все достижения цивилизации и которых уже можно сажать с собой за стол как равных. Но чувствовалось, что от наших и чеченских страданий сна и аппетита они не лишатся. Еще бы! Люксембург богаче и Германии, и Франции. Я сама видела пшеницу, подстриженную, как газон, за красивой оградой. В Люксембурге ложатся рано, никто не шляется по кабачкам, кафе и театрам. Очень деловое и чопорное место. Дома, улицы и рестораны роскошнее, чем во Франции, но французской душевности нет. И если Германия похожа на сказки братьев Grimm (от пряничной, причудливой, нарядной архитектуры XV—XVI вв., волшебной, как приключения Гензеля и Гретель, с малой толикой мистики, обернутой в золотую фольгу: этакие братья Grimm, переходящие в Гофмана, до мрачной романской архитектуры X—XI вв., подходящей по настроению к мучительным исканиям Фауста и демонической усмешке Мефисто), то Люксембург — совсем иной. Здесь атмосфера и архитектура, скорее, андерсеновские, как в Таллине, в отличие от немецкой Риги. Изящное, окрыленное средневековое восхождение к боли Русалочки, к несбывшемуся Елки, к верности Герды и ледяному совершенству Снежной королевы. Тонкие шпили церковей Христиании и Люксембурга...

Ведь это они, жители маленького слабого княжества, не отдали алчным смершевцам русских беженцев (казаков, офицеров РОА), тогда как Англия, могучая Англия, сдала всех. И отсвет этого благородства лежал на древних римских храмах и акведуке, на средневековых рыцарских замках, где теперь рестораны. Кстати, хотя реформы Гайдара позволяют избежать обморока при виде тамошних супермаркетов, но все же они роскошнее и изысканнее наших, как подлинник Снайдерса всегда будет лучше самой старательной его копии.

Достаток Запада, его «продовольственная корзина», его изобилие — не такие грубые и недавние, как у нас, они не датируются 1992 годом и поэтому, как старое, выдержанное фалернское, они богаче, тоньше, разнообразней.

Но впереди у нас было самое главное — Франция. Она была какая-то тургеневская и после урбанистического Люксембурга произвела сильное впечатление полями, реками, лесами и лугами. Но это была не пастораль. Если немецкий пейзаж слащав, швейцарский — засахарен, российский — печален и щемящ, то французские леса и поля казались светлыми, нежными и мечтательными. Как картины Милле. Вечный «Анжемос», благословение небес, возвышенность без отчаяния, духовность без тоски. Даже леса казались не мрачными, а радостными и светлыми. И в каждой чистенькой деревне с домиками XVII—XVIII вв. — своя церквушка века так XV—XVI, трогательная, красивая и ухоженная. А сам Париж оказался точно таким, каким его описали для нас Хемингуэй и Эренбург. Праздник, который всегда с тобой. Вот здесь нас ждали, и даже с упитанным тельцом. Французские либералы, для которых сам Ширак — социалист, излили на нас море любви и сочувствия. Мы увидели французских диссидентов, которых социалисты и социал-демократы всех мастей загнали в клубы, в «Фигаро» и парочку фирменных радиостанций, вещающих для интеллектуалов. Эти лучшие, изысканные умы не представлены в парламенте. Тем хуже для Франции, потому что они-то страстно хотят спасти всех: Россию, Чечню, Францию, человечество. Это они выходили к российскому посольству протестовать против чеченской войны. А до этого они выходили на улицу негодовать по поводу приглашения Миттераном в Елисейский дворец Фиделя Кастро. И это не левые, это правые. Ученые, писатели,

публицисты. Наследники красоты, страсти и терзаний импрессионистов, пуантилистов и Ван Гога. Нас пригласила к ним писательница Франсуаз Том, которая полгода живет в России, а потом возвращается к себе и пишет прекрасные книги (начиная с 1988-го), разоблачая Горби, советские пережитки, российский империализм, советскую армию и всё такое. По-русски она говорит и пишет, как мы. По-французски, естественно, лучше нас. В ее библиотеке 60 % всех книг — на русском языке. Франсуаз забрала меня ночевать к себе, а Костя с Леночкой и Тамарой взяли прелестный номер в трехзвездочной гостинице возле Пантеона. Франсуаз, нас разоблачая вместе с нашей перестройкой, подметила две великих закономерности:

1. «Новое мышление» России — это во многом желание попользоваться на халяву западными благами и кредитами и глубокое убеждение, что Запад обязан нас кормить.

2. Отчуждение интеллигенции от народа наступило тогда, когда в конце 80-х народ не решил своих проблем, потому что ему хотелось кушать, а интеллигенция свои проблемы решила, потому что ей была нужна ненужная народу гласность. И впервые в русской истории интеллигенция России перестала интересоваться вопросами питания народа. (Замечу от себя: и правильно сделала!)

Французские диссиденты собираются не на кухнях, а в достаточно роскошных помещениях. Вот здесь нас завалили угощениями (сэндвичами, пирожными, соками) и вопросами. Чувствовалось, что единомышленников у французских либералов в Париже немного (они как раз боролись против минимальной зарплаты — *smic'a* и *smicards* — тех, кто ее получает, и социальных пособий арабам, которые специально приезжают за этим из Алжира, — впрочем, не только арабам, но и югославам, туркам, полякам — всем без обиды, так что здесь не расизм). Ближайшие единомышленники у этих представителей элиты, сподвижников Вольтера и Монтескье, нашлись только в Москве. И это были мы!

Потом Франсуаза и ее друг, отчаянный либерал, показывали мне Париж с гордостью соавторов. Французские либералы не селятся в небоскребах на *De'fense* — этот район для интеллектуалов символ безвкусицы. Они живут в центре, в прелестных домах XVII века, на 4-5 этаже без лифта (встроить нельзя: исторический памятник). У друга — вертикальная квартира (4 комнаты друг над другом и винтовая

хрупкая лесенка вместо связующего звена, совершенно не рассчитанная на крупных россиян) плюс цветник во внутреннем дворике и черный кот, не понимающий по-русски ни фига. У Франсуазы — анфилада комнаток горизонтальна, но вместо дверей — арки, окно — готическое, спала я на коротеньком диване XVII века, а кухонька хотя и меньше трех квадратных метров, но зато из окошка, за которым в ящичке цветут левкои, — все крыши Парижа. А ее кот Феннек подает лапку и ходит с ней в кафе, где садится на стул и пьет из блюдечка, которое ему ставят на стол, сливки.

Париж — место очень уютное и человеческое, и даже у химер на Нотр-Дам дружелюбные рожицы, как у болтливых кумушек. По улицам до 4 часов утра шляются молодые музыканты, поэты, туристы и просто влюбленные и читают стихи, поют и танцуют. Улочки в центре — шириной в 2 метра, а кафе столько (по 2 штуки в небольшом доме), что в каждом от силы по 4-5 посетителей, и непонятно, как владельцы сводят концы с концами. А полицейскую машину за все время я видела только одну, и то она не остановилась. Либералы отвели меня в самое крошечное и самое дорогое кафе, где мы заказали ягненка (закуски на блюдах стоят на окне, и каждый берет, сколько хочет) и бутылку дорогого вина Haut-Medoc. После чего выяснилось, что никто из нас не пьет ничего, кроме сока: ни я, ни Франсуаза, ни ее друг. Чтобы не пропадало добро, мы выпили эту бутылку (12°) и надрались до того, что стали читать стихи по-русски и по-французски. И парижане признали, что лучше всех об их Париже написал наш Эренбург, хотя он был сталинист, стукач и вообще гад ползучий. И я ощутила законную национальную гордость. В кафе был жуткий средневековый подвал, и либералы задумчиво и с оттенком гордости сказали, что если к власти во Франции придут коммунисты, их в этом подвале будут расстреливать. Я предложила этого не ждать и разогнать французскую компартию, а заодно и социалистов. (Назавтра я час выступала по французскому радио, и французские левые, надо полагать, до сих пор мой визит вспоминают с ужасом и дрожью.)

Париж как искусство принадлежит всем и никому. Франция — это попытка Средневековья взглянуть на себя со стороны даже в соборах XII—XVI веков. Они — как каменное кружево, где творчество и есть молитва. В Париже жизнь — это театр, где Спаситель — первый любовник,

Страсти Господни — премьера в Grand Opera, Жанна д'Арк — примадонна, Генрих IV — благородный отец, а Ришелье — отрицательный персонаж, вроде Яго. Есть площади в 20 квадратных метров, уютные, как веранда. И если Россия — это лаборатория и полигон человечества, место, где испытывают разные жуткие штуки, причем не на морских свинках, а на себе, то Франция, особенно Париж, — это подмостки, где играют всё сразу, от Мольера до Ануя.

Супермаркетов не было, но в уютных лавочках продавалось то же самое, что в Люксембурге, плюс знаменитые козы сыры — сортов за пятьдесят. А булочные были в 10 квадратных метров, и каждая хозяйка сама пекла свои неповторимые оригинальные пирожные — «gateau maison». Никаких фабрик «Красный Октябрь» или «Большевик» не было и в помине. Всё было частное: кафе, пирожные, сыры, окорока, хлеб. И все время хотелось плакать, потому что Это нельзя было унести в кармане. Это возможно только в Париже. Нельзя остаться в чужом театре, в крайнем случае можно посмотреть спектакль.

Ты уедешь домой, а театр останется здесь: огни, рампа, легкость, глубина, огонь, игра.

Ох, как был прав Эренбург! Только в этом он и был прав:

А жил я там, где сер и сед,
Подобен каменному бору,
И голубой и в пепле лет
Стоит, шумит великий город.

Там даже счастье нипочем,
От слова там легко и больно,
И там с шарманкой под окном
И плачет и смеется вольность.

А в квартире Франсуазы не было центрального отопления (исторический памятник!), и горячей воды в ванной комнате (электронагревающийся бак!) хватало на полчеловека, а потом надо было ждать еще 2 часа. Перманентную горячую воду преподаватель Сорбонны позволить себе не могла. И я с нежностью подумала о нашем Лужкове, который дает нам столько горячей воды почти даром. Франсуаза сказала, что это пережитки социализма. Только бы он

не спохватился! Франсуаза мне готовила «правильное» французское питание (отбивные из ягненка, сыр, клубника) и ворковала, что русские едят черт знает что, например, картошку и торты, а вот она пирожное съест только заодно со мной, первое за 5 лет.

Последние парижские новости были таковы: Франсуаза ходит на занятия по карате и уже победила араба, который напал на нее прямо в метро. А ее подругу попытались изнасиловать прямо в лицее, где она преподает, причем ученик — араб. И директор не стал его исключать, сказав, что нельзя поднимать шум, ведь тогда получится, что они расисты. В мэры Парижа баллотируется один член партии Ле Пена, так у него программа прямо как у Лужкова: Париж для парижан. Сена оказалась светло-зеленой, от нее пахло рыбой и морем. Здесь даже чувствовался соленый и горький Атлантический океан. Для нас Франция мала: от Парижа до Люксембурга доехать можно за полдня. Нашей бесконечности в 1/8 часть суши европеец даже объять не может, ибо он рационален, и его нарядный дом имеет стены, крышу, ставенки и крылечко. Тот самый общеевропейский дом, куда мы так ломимся, срывая с петель дверь и топч сапогами цветы в палисаднике.

Мы с Костей, Леночкой и Тамарой садились в синий прокатный «линкольн» около Пантеона. Мы возвращались в свою камеру предварительного заключения, и в глазах элитарной Франсуазы читалась рязанская тоска солдатки, провожающей эшелон с мужем на фронт.

По дороге в одном кафе мы успели еще увидеть добрых и улыбающихся солдат НАТО, которые пили кока-колу. И мы подумали о своих солдатах, которые расстреливают женщин и детишек в Чечне.

«Увидеть Париж — и умереть». Это был как раз мой случай. Клетку распахнули только один раз, по недосмотру. Генерал Трофимов, Барсуков, Коржаков, Скуратов, ФСБ, Прокуратура Москвы шли по моему следу, принюхивались и завывая, как волчья стая.

Кто в клетке зачат — тот по клетке плачет,
и с ужасом я понял, что люблю
ту клетку, где меня за сетку прячут,
и звероферму — родину мою.

Мы возвращались в клетку, к себе. Когда самолет сел в Шереметьево-2 и мы прошли через «пограничный» турникет, у меня было такое чувство, как будто за мной захлопнулась тюремная дверь. И это предчувствие меня не обмануло: в августе меня остановят у этого турникета и не пустят в Италию по приказу Илюшенко (надеюсь, он вспомнил об этом в Лефортово; Бог воздаст сторицей за зло). Венеции, Флоренции, Рима в моей жизни не будет. Это было лето 1995 года. А летом 1996-го Мосгорсуд не разрешит мне поехать на 8 дней в Испанию. Кордовы, Севильи, Мадрида и Толедо не будет тоже. Они в КГБ привыкли к тому, что диссиденты ездят только в поезде Воркута — Ленинград. И то на казенный счет. Увидеть Париж и умереть. Так всё и случилось. Клетка. Во все посольства дали факс, что я невыездная. Можно только навсегда в один конец. Как Владимир Буковский. Но этого нельзя. Лучше я сдохну в этой клетке, ее проклиная: проволоку, замок, служителей, сторожей. Я не согласна лишиться этой клетки, кто же будет здесь без меня кусаться и шипеть? Бедные советские кролики? Но они только ушками прыдут... Один раз я была в раю. Хорошенького понемножку. Может быть, святой Петр после смерти отпустит меня на недельку в Толедо, в Венецию, в Афины. Он же не Скуратов все-таки. Плохо только по ночам.

Но вдруг замолкают все споры,
И я — это только в бреду, —
Как два усача гренадера,
На запад далекий бреду.
И всё, что знавал я когда-то,
Встает, будто было вчера,
И красное солнце заката
Не хочет уйти до утра...

(Эренбург)

ИДЕТ ВОЙНА НАРОДНАЯ, СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Литва, Латвия, Эстония, Украина и российские демократы без налета государственной идеологии и посреднического позерства (те, кто не делал вид, что неправы обе стороны) поддержали чеченцев с таким жаром и с такой

нежностью, что аналогов ближе республиканской Испании мы не сыщем. И депутаты, и журналисты, и правозащитники, по сути дела, составили интербригады — на современном уровне, без оружия. Тем более что камеры и авто ручки стреляли по вражеской федеральной армии почище стингеров. Но чеченцы были куда лучше, чище и благороднее испанцев-комми. Они никого из пленных не прогоняли сквозь строй, не кололи серпами, не сбрасывали с обрыва, как республиканцы из романа «По ком звонит колокол». Среди них не было коммунистов, они не казались дикарями, восставшими против цивилизации, как алжирцы 50-х годов. Они не были чужими, далекими и непонятными, с налетом фанатичного поклонения непонятному Аллаху, как афганские моджахеды, казавшиеся массовому сознанию немного сектантами. Нет, они были из другой оперы — с гораздо более знакомым мотивом, который мы унаследовали от сладостных времен КСП.

Чеченцы воспринимались интеллигенцией на уровне песни Кукина.

Горы далекие, горы туманные, горы,
И улетающий, и умирающий снег.
Если вы знаете — где-то есть город, город,
Если вы помните — он не для всех, не для всех.

Странные люди заполнили весь этот город:
Мысли у них поперек и слова поперек,
Из разговоров они признают только споры,
И никуда не выходит оттуда дорог...

Отсюда и поклонение, и соперничество, и безошибочный выбор той стороны баррикад, где были Они — идеальные обитатели нашего воображаемого города, яростные, непохожие, презревшие грошовой уют, с серым волком вместо Веселого Роджера на мачте. Флибустьерское дальнее синее море заплескалось в Чечне. Война за независимость была как бригантна, и когда она подняла паруса, нас было не удержать. Печать избранничества лежала на вдохновенных лицах чеченских боевиков. Они были даже одеты так, как интеллигенты в турпоходе: в штормовках, на которые так похожи камуфляжи, и при бороде. Прямо-таки форма фрондирующего интеллектуала. Вместо гитары

были гранатометы и автоматы. Но для нас и гитара, и автомат символизировали одно: мелодию вызова, свободы, несхожести и борьбы. Там, на Юге, был вечный турпоход, там сидели у костров по ночам под звездами, там сочиняли песни с приветом:

Любимую Ичкеррию
Ни Ельцину, ни Ерину.

Там думали о вечном полевые командиры, обветренные, как скалы. И мысли, и дела Шамиля Басаева и Джохара Дудаева точно были поперек всего привычного и обыденного.

Нам никогда не приходилось убивать лично, и мы не могли себе представить, что значит своими руками убить. А петь песни у костров приходилось многим. Поэтому как-то на митинге один художник предложил делегату-чеченцу свои услуги в качестве боевика. Тактичный чеченец оценивающе посмотрел на него и спросил, а умеет ли он стрелять. Художник сказал, что пока нет, но он быстро научится. Чеченец вежливо поблагодарил и предложил дожидаться конца военных действий и привезти в Чечню выставку своих картин. В нашем городе, городе нашей мечты, мы не могли пригодиться.

Вместо домов у людей в этом городе небо...

И так будет еще долго, потому что почти все дома наши разрушены.

Чеченцы были отголоском идеалов 1991 года. Там и только там совершалась наша несбывшаяся революция. То, что мы не смогли реализовать в России: «...Падет произвол и восстанет народ». Там, и только там коммунистов свергли силой, вышвырнули из окошка, изгнали, захватили арсеналы, вооружились. Свободный вооруженный народ без единого коммуниста — это была почти что Америка. Вашингтон (Джохар Дудаев). Минитмены. Ополчение. Бостонское чаепитие. Декларация прав чеченца, Человека и Гражданина. Билль о правах угнетенных народов.

Кроме этого, чеченцы сумели отомстить за униженных и оскорбленных чехов, венгров, поляков, диссидентов. Это был реванш за жалкое бессилие 1968 года, за поражение восстания 1956-го, за накрытую ночью полицейскими ищейками Ярузельского (без единого выстрела) польскую

«Солидарность», за долгие годы коммунистического террора, когда мы покорно шли в Лефортово, не пытаясь даже встретить залпом пришедших за нами гэбульников... Армия, вторгшаяся в Чечню, была все той же — советской. С афганским стажем, после пражских и будапештских мостовых. Это была армия Врага — Империи Зла, тоталитарного государства. В 1993 году не видели вступившихся за нас танков. Танки были у Белого дома, мы — у Моссовета. Это была необычная для нас ситуация. Мы привыкли к тому, что надо быть против танков. Декабрь 1994-го такую возможность нам дал. Мы с наслаждением совали танкам в гусеницы палки. Чечня была нашим городом Солнца. Мы всю жизнь его искали.

Поездом — нет! Поездом мне не доехать,
И самолетом тем более не долететь,
Он задрожит миражом, он откликнется эхом,
И я найду, я хочу, и мне надо хотеть...

«Аллах акбар» — для нас это было просто паролем, а зеленые повязки, скорее, напоминали о Greenpeace, чем о мусульманстве.

Поэтому 11 и 12 декабря 1994 года на Пушкинскую выскочили все, даже Явлинский, и это впервые случилось, что они с Гайдаром выступали, пользуясь одним мегафоном, а Гайдар оказался организатором несанкционированного митинга. Никто из нас не верил, что 1968-й может повториться в 1994-м. Но это повторилось, и честь немногих, тех, кто протестовал в те дни, в декабре, в январе, в феврале 1994-го, не дожидаясь победы чеченцев, просто ради принципа и вечных идеалов, легла поверх бесчестья большинства: армии, коммунистов, национал-патриотов, власти. Ни одно государство, даже Российское, не стоит вот этого идеала, положенного на стихи Бёрнса:

За нашу свободу мы пьем,
За тех, кто сидит за столом,
А кто не желает свободе добра,
Того не помянем добром.

Свободе — любовь и почет,
Пусть бережет ее разум,
А все тирании пусть дьявол возьмет
Со всеми тиранами разом!

Прежде всего мы излили на президента всё, что полагается, прямо цветаевскими стихами: «Раз! — опрокинула стакан! И всё, что жаждало пролиться, — вся соль из глаз, вся кровь из ран — со скатерти — на половицы...» Словом, весь репертуар бедного Евгения из «Домика в Коломне: «Добро, строитель чудотворный!» ДС выпустил кучу листовок (три из них — и та, что я сейчас приведу, — оказались в моем деле).

Мне кажется, что эта листовка мне удалась, судя по восторгу чеченцев и по негодованию домашних империалистов и «ястребов»:

ГРАЖДАНЕ! ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ! НАШИ ТАНКИ НА ЧУЖОЙ ЗЕМЛЕ!

На многострадальную чеченскую землю снова пришла смерть. Как на венгерскую — в 1956 г., на чехословацкую — в 1968 г., на афганскую — в 1979 г., на литовскую — в 1991 г., как всюду, куда ступал коммунистический сапог. Под бомбами, под пулями, под гусеницами танков гибнут чеченские женщины и дети. Их убийца — президент Ельцин. Толкаемые своим преступным командованием на подлое и черное дело, погибают на этой грязной войне, отнимая чужую свободу, готовя скорый конец своей собственной, российские солдаты. Их убийца — Верховный главнокомандующий, из народного заступника ставший после оккупации Чечни военным преступником. В пламени грозненских пожаров сгорели заслуги Бориса Ельцина перед страной. Мы больше ничего ему не должны и обязаны отстранить от власти палача Чечни, пока он не успел стать палачом России. Требуйте импичмента для президента, предавшего демократию и реализующего ныне программу Жириновского и Баркашова!

Только досрочные перевыборы парламента и президента могут дать нам демократическую власть, способную проводить либеральные реформы и неспособную убивать за глоток свободы.

Россия снова во мгле. Создается расистское, полицейское государство, звучат угрозы в адрес демократов, готовится расправа над депутатами Сергеем Юшенковым и Егором Гайдаром — за отказ от круговой поруки крови и геноцида, сворачиваются демократические свободы. Пусть вероломный и лживый президент уйдет! Уйдет вместе с социалистическими

троглодитами из правительства, вместе с кровожадными генералами, вместе с инквизиторами из ФСК, вместе с коммунистами и фашистами, которые отныне его единственный электорат. Голосуйте за демократов, которые не предали Чечню, ибо кто не предал Чечню, тот не предал и Россию. Не платите налогов и срывайте все призывы в армию!

Джохар Дудаев не воюет с невинными, и поэтому, если в Москве что-нибудь взорвется, знайте, что это ФСК. Они уже взрывали вагоны метро в 70-е годы и инкриминировали это диссидентам.

Мы призываем всех солдат и офицеров российской армии в Чечне переходить на сторону чеченского народа или хотя бы отказаться выполнять преступные приказы Верховного главнокомандующего. Помните: сегодня бомбят Грозный, а завтра будут бомбить Москву!

Мы призываем национальные автономии в знак протеста выходить из состава Российской Федерации: завтра башкир, якутов, татар и черкесов тоже объявят врагами России и будут истреблять. Если Чечне отказывают в независимости, то Россия остается Империей Зла. Убийство — это привычка. Раз начав убивать, этот режим не остановится ни перед чем.

Фашизм приходит до Жириновского, при Ельцине. Партия войны, возглавляемая президентом, воюет с российской демократией.

ЗАЩИЩАЙТЕСЬ!

Центральный координационный совет ДС России:
Н.Злотник, Р.Макушенко, В.Новодворская

Что полагалось с нами за это сделать? За митинг памяти и траура по Джохару Дудаеву в центре Москвы, когда склонялись российские, грузинские, белорусские флаги с траурными лентами, а участники клялись продолжить дело павшего президента и читали в честь его стихи Гумилева?

Константина Борового за поездку к Джохару Дудаеву на обратном пути каратели едва не выбросили из самолета, а потом допрашивали в ФСБ, требуя сказать, где состоялось свидание... (Хорошо, что хоть иголки под ноготь не загоняли.) Что должен был Ельцин сделать со мной за лозунг после Буденновска: «Шамиль! Кремль — направо, Лубянка — налево!»

Посадить весь ДС по 64-й статье за измену Родине, расстрелять?

А он не сделал ничего. Это дурацкое дело по ст.74 (а до этого — 71, 70¹, 80, ч.2) — за антинародную деятельность — и то это не он. И поэтому всё не так просто. Он не палач. Я думаю, что он не хотел... не знал... Не знал чеченцев, не понимал, что в Чечне делается. С такими-то консультантами, как Шахрай, Паин, Барсуков, Коржаков, Куликов и Грачев... Взрослые люди с трудом верят в чудеса. В то, что там, в Чечне, сказка. «И снова скачут жандармы, кострами ночь засевая, и бьется в пламени сказка, прекрасная и нагая...» Борис Николаевич ответит перед Богом, и здесь ему помогут разве что молитвы чеченцев. А мы судить его не можем. Он сам кончил войну, бросил вызов империалистам, вывел две последние бригады. Я думаю, что он хотел бы повернуть время вспять, чтобы не было этого кошмара, 80 тысяч трупов, этого греха у него на душе. Но это не дано смертному. Мы не можем судить его еще и потому, что он много раз спасал нас от коммунистов; потому, что он уничтожил СССР; и еще потому, что он не судил нас, когда мы в своих речах и листовках называли его палачом, военным преступником, фашистом... Он всё покорно снес, зная, что интеллигенция неприкосновенна. Мы кое-что у него взяли: Конституцию, реформы, свободу, развал империи. Должник не судит кредитора. Мы не вольны. У него все равно есть индульгенция. Мы свое получили: бросили ему оскорбления прямо в лицо. Это сильнее действует, чем суд над безоружным, связанным, лишенным власти. Конечно, чеченцы разбили российские войска. Но может быть, и мы заставили президента одуматься? Полемика битвы между Богом и Дьяволом служит, по Достоевскому, сердце президента. Мы дрались на стороне Добра. Добро победило.

Мне повезло: я знала лично и Джохара Дудаева, и Звиада Гамсахурдиа. Мы дружили. Мы все трое были диссидентами и понимали друг друга с полуслова. При встрече мы бросались друг другу на шею... Сейчас они оба висят над моим столом. Джохар улыбается чуточку нагло сквозь свои мушкетерские усики, а Звиад даже на фотографии кажется застенчивым и деликатным... Орест и Пилад, Гамлет и Горацио, Кассий и Брут, Атос и д'Артаньян... Жили два друга-товарища в маленьком городе N... Когда они вместе

пили чай, или грузинское вино, или кока-колу, замышляя новую пакость в адрес Империи, я слышала за кадром песенку Боярского:

Бургундия, Нормандия, Шампань или Прованс,
Куда бы ни унес вас верный конь,
При вас мой меч фамильный и песенка при вас:
Где подлость, там схватка,
Два слова и перчатка,
Пока еще жива Гасконь.

Чечня была нашей Гасконью. На что мы подняли руку?
На землю, населенную героями наших любимых детских книг?

А мне костер не страшен.
Пушай со мной умрет
Моя святая тайна —
Мой вересковый мед.

В своем огромном кабинете под портретом шейха Мансура Джохар казался маленьким, как воробышек. Стойкий оловянный солдатик...

Он переделать мир хотел,
Чтоб был счастливым каждый,
А сам на ниточке висел,
Ведь был солдат бумажный.

Он дал Звиаду возможность достойно умереть: на своей земле, с оружием в руках, во главе народного восстания. Это была смерть диссидента, мятежника, мужчины. Джохар и сам искал смерти, мне рассказали близкие люди. Он не мог пережить гибели 80 000 чеченцев. Он погиб незадолго до своей победы. В бою, как дай Бог каждому... У меня осталось его последнее письмо. Он переслал его мне, когда я через гонцов у него спросила, вконец измучившись, что для них важнее: информационное обеспечение нашего общего дела в Москве (митинги, пикеты, листовки, мои статьи, заявления, выступления по радио, по телевидению, встречи с иностранной прессой, газеты, которые мы делали

для Чечни) или мне лучше взять автомат (я, правда, стрелять не умею) и бороться в Чечне рядом с ними? Вот текст этого письма.

«Трудно подобрать слова, чтобы обратиться к талантливой, да к тому же мужественной, беспредельно преданной идее и принципам демократии и человеческого достоинства Женщине! Нам здесь гораздо проще: пришел убийца, палач за жизнью, честью ни в чем не провинившихся детей, стариков и всех беззащитных — без разбору, с садизмом умалишенного, — разрушитель и мародер с маньяком из высших властей, живодер со звериной злобой.

Нам проще — нужно только уничтожить эту нечисть!

Сочувствие вызываете Вы — горстка честных, вступивших в единоборство с осатаневшей гидрой, среди бесчисленного множества кроликов и холуев. Оказаться на Вашем месте — куда страшнее и ужаснее, чем на поле брани с открытым забралом. Да хранит Вас Всевышний в этом земном аду.

02.02.95 г.

Дудаев»

На «ты» мы с Джохаром Мусаевичем перейти не успели. Мне часто сняться оба: Звиад и Джохар. Их жизнь продолжается в чеченском чуде, в чеченской загадочной душе, в чеченском Святом Граале. Отстоять Грузию не удалось, но свои светлые идеи, свои знания и свою ненависть к Советам, СССР, коммунистам Звиад вложил в строительство независимой Чечни.

Они ушли в мифы и легенды, как Гармодий с Аристоклитом, как Леонид и Сократ.

Возложите на Время венки,
в этом вечном огне мы сгорели.
Из жасмина, из белой сирени
на огонь возложите венки.

Весь запас своих венков, сонетов и надгробных речей я возлагаю на чеченские могилы. У меня нет ничего для тех, кто поднял против чеченцев бесславное оружие. Пусть прощают их чеченцы: они добры, они кормят и лечат

пленных, они не дорожат жизнью и простят своим несчастным, жалким врагам. Простили уже и отдают матерям просто так, потому что своих пленных они не дождутся. Они расстреляны, замучены пытками, забиты насмерть в концлагерях (так называемых фильтрах). Им легче простить: в этой войне они покрыли себя бессмертной славой. Но нас наша армия покрыла позором. Всю войну «федералы» вообще были для нас чужими, и «наши» — означало «чеченцы». Армия не обязана, не смеет выполнять преступный приказ. Я не могу простить тех, кто пошел в Чечню добровольно или позвонил себя туда загнать.

Но другом не зови, a la guerre comme a la guerre,
Но другом не зови ни труса, ни лжеца.

Армия рабов с сатрапами вроде Пуликовского во главе...

Я оплакиваю чеченских женщин и детей, чеченских воинов — и у меня нет ни слез, ни слов для их убийц.

И не надо ссылаться на политиков. Солдат — не робот, не зомби, не киборг, а мыслящий человек. Он обязан сам решать, что ему делать.

И еще я счастлива, что успела узнать Хамада Курбанова, светлого чеченского льва, математика, социолога, бизнесмена с двумя дипломами и шикарным красным «мерседесом». Он всю жизнь прожил в Москве, женился на русской красавице Ольге, занимался наукой, делами, зарабатывал деньги. А когда началась война — он, красавец, интеллектуал, полиглот, предложил свои услуги Джохару Дудаеву и стал его представителем, посланником Ичкерии в России. Он ездил по разным странам и всех склонял помочь Чечне, он вел здесь переговоры, он организовывал «Чечен-пресс». С ним-то мы были на «ты». Ему пытались дать 64-ю статью, 30 дней он просидел на Петровке, 38 и все это время голодал. Как в «Мцыри»: «Он знаком пищу отвергал и тихо, гордо умирал». Тогда его освободили... Потом в Грозном снова арестовали. Пытали электрическим током, имитировали расстрел. Его отбили и на этот раз. Смерть нашла его рядом с Джохаром. Одна ракета, одна могила. Мне искренне жаль, что я не оказалась там с ними. Всё лучше, чем теперь смотреть на портреты Хамада и Джохара у меня на стене... У Хамада остались

дочь Малика и сын Хамад, которого он успел увидеть. Они наполовину русские, они не смогут ненавидеть Россию. «Навеки вечные мы все теперь в обнимку...»

А Чечня победила и ушла. Но мы будем помнить, что там, в горах, живут чеченцы — соль земли... А если и соль утерять свою силу, что сделает землю соленою? Поэтому счастливого им пути.

ГОД ДРАКОНА

В конце 1991 года и в первую половину 1992-го коммунисты дрожали от ужаса меж собраний сочинений классиков марксизма-ленинизма в ожидании заслуженных ими кар. Опасаясь арестов и народной мести, они сидели тихо и не обижались ни на какие заявления и статьи демократов. Но после отставки Гайдара, которого выгнали в угоду им и их прихвостням, они поняли, что их вешать не будут, и немедленно обнаглели. К началу 1993-го они уже не только зимовали в Останкино, требуя себе эфира, не только сжигали трехцветный государственный флаг, но и пророчили демократам геенну огненную. Прямо на земле. Впрочем, тогда они не писали на нас доносы в суд, твердо рассчитывая свергнуть «оккупационную» власть и расстрелять или повесить всех врагов народа оптом, не размениваясь на отдельные иски. После октября 1993-го надежды эти рухнули. Совсем перед путчем нервы у коммунистов все-таки сдали, и возникло дело депутата Миронова и интерес к нашей листовке «Долой Советскую власть!». Интерес отнюдь не праздный, а профессиональный, палаческий.

После маленького фейерверка у Белого дома коммунисты опять забились в щели, как тараканы. Но ненадолго. Фантастическая глупость тех, кто посоветовал президенту Ельцину допустить к выборам злейших врагов рода человеческого из КПРФ, ЛДПР и аналогичных организаций, всё расставила по своим местам. Встреча Политического Нового года прошла под незримым девизом: «Где стол был яств, там гроб стоит». В речах растерянных демократов стали явственно проглядывать мотивы из популярной песенки: «Налево — застава, засада — направо, и десять осталось гранат». Поэтому листовка ДС «Фашизм и коммунизм — вне закона», конечно, произвела на коммуно-фашистов самое освежающее впечатление.

ФАШИЗМ И КОММУНИЗМ — ВНЕ ЗАКОНА

Человечество достаточно дорого заплатило за то, чтобы уяснить себе, что фашизм и фашисты стоят вне законов цивилизованного общества. Человечество достаточно вкусило от плодов коммунизма, чтобы научиться ставить эти троглодитские идеи и их носителей вне закона до того, как красные людоеды опрокинут все законы человеческого общежития. Поэтому тот факт, что коммунистические злодеи и фашисты Жириновского собрали большинство голосов на выборах в Государственную Думу по партийным спискам, должен подвигнуть нас не к покорному подчинению врагам рода человечества, а к немедленному запрету на территории России коммунистических и фашистских организаций и какой-либо их деятельности.

Коммунистические организации и ЛДПР подпадают под п.5 ст.13 Конституции РФ, который запрещает деятельность объединений, проповедующих социальную и национальную рознь. Мы призываем президента к немедленному запрету этих организаций его Указом. Нам нужен демократический парламент, а не красно-коричневый рейхстаг, и мы просим президента в случае необходимости поступить с ним так же, как с Верховным Советом. А уж выйти на баррикады нас не придется долго просить.

За безответственное или преступное поведение тех диких и невежественных граждан, которые на свободных выборах проголосовали за Освенцим и ГУЛАГ, не должна поплатиться Россия, не должен поплатиться мир, который исчезнет в пламени ядерной войны, развязанной наследником Гитлера Жириновским и его коммунистическими приспешниками. Нельзя играть с огнем и не все достойны воспользоваться свободой.

Президенту России прочат роль Гинденбурга и ждут от него сдачи страны новому фюреру. Мы призываем президента России еще раз спасти Отечество и заранее одобряем все меры, вплоть до самых жестких, которые он предпримет против коммуно-фашистов.

«Демократический Союз» не будет считать легитимной ту Думу, где красно-коричневые будут иметь большинство. Мы заранее отказываемся от повиновения каким-либо решениям Зюганова, Жириновского, Лукьянова и Невзорова, даже если за них проголосует вся Солнечная система. И призываем

всех порядочных людей поступить так же и сохранить верность президенту, демократии и блоку «Выбор России», являющемуся вместе с президентом единственным гарантом демократического развития нашей страны и построения в ней капитализма.

Мы просим президента немедленно создать Национальную гвардию из числа его преданных сторонников и вооружить ее для защиты демократии и заранее записываемся в нее.

Мы не страшимся ничего и готовы к смерти за свободу, как в августе 1991 года, как в ночь на 4 октября. Мы призываем всех демократов готовиться к вооруженной борьбе с коммуно-фашистами, ибо в развязанной ими гражданской войне нет иного спасения, кроме нашей победы.

Центральный координационный совет партии
«Демократический Союз России»: Н.Злотник,
Р.Макушенко, В.Новодворская

Если бы президент последовал нашему совету, V Дума вообще бы не собралась.

Поэтому начиная с февраля 1994-го до меня стали доходить сведения, что главный редактор и ответсек «Нового взгляда», лихой парадоксальной газеты, которая прикладывалась раз в неделю к пресным и безвкусным выпускам «Московской правды», как изюм к булке, посещает Пресненскую межрайонную прокуратуру, где на столе у прокурора лежит куча номеров газеты с моими статьями и моя книга «По ту сторону отчаяния» с закладками. Мне передавали, что симпатичная молодая прокурорша уже раза три отказывала в возбуждении уголовного дела. Я относилась к этому беспечно: какие-то отмороженные комми пишут доносы, прокуратура отбивается. Меня даже не вызывали, так же, как в Тверскую прокуратуру, откуда звонили и милым девичьим голоском сообщали, что какие-то психованные коммунисты обращались к ним насчет возбуждения уголовного дела по очередному нашему пикету с лозунгами типа: «Войдем в XXI век без коммунистов» или «Лучше быть мертвым, чем красным», и они отказали. Очень приятно также было иметь дело с Останкинской прокуратурой. Передовой молодой прокурор и его следователи решительно отказывались возбуждать уголовные дела по нашим листовкам — как антикоммунистическим, так и прочеченским.

Я писала коротенькое объяснение, что не собираюсь топить и вешать коммунистов прямо сейчас, не дожидаясь ни решения президента, ни приговора Нюрнбергского суда. Да и вообще скромная заявка ДС — не на физическое уничтожение, а на отстранение от участия в выборах, на люстрации, на остракизм... Прокурор прекрасно понимал, что никакой закон ДС не нарушает, а склонность коммунистов самим топить и вешать, а потом обвинять в таковых намерениях всё прогрессивное человечество за попытку помешать им продолжить их любимые занятия, начатые ВЧК еще в 1917-м, казалась ему весьма предосудительной...

Но пробил час чеченской войны, и карательные органы неминуемо должны были сорваться с цепи. Я уже потом узнала от хорошо осведомленных лиц, что у колыбели моего дела стояли крестные отцы — генералы Барсуков и Трофимов. Причем если Трофимов особую любовь к Ельцину не питал в силу кадровой чекистской ненависти ко всяческим реформам и реформаторам, особенно распускающим на каникулы СССР, то генерал Барсуков, скорее всего, считал, что защищает от меня президента! (От него бы кто защитил.) В феврале, после двух месяцев агрессии и горы трупов, дело было заведено — против меня, но по факту. По факту листовок, подписанных мной как членом ЦКС ДС (да и написанных мною, хотя товарищи по партии обычно пытаются доказать, что они соавторы и подписанты, а я тяну одеяло на себя, потому что нравственный долг старого, матерого, облезлого диссидента — срочно закрывать собой все амбразуры, какие встретятся, и беречь тех, кому еще есть что терять). Теперь легко понять необычайную суету вокруг моего иностранного паспорта.

В деле нашлась следующая нежная записочка генерала Трофимова:

В Прокуратуру г.Москвы
ФСБ
20.04.95

По полученным данным, лидер ДС Валерия Новодворская, известная в прошлом своей экстремистской деятельностью, намеревается в ближайшее время выехать во Францию, где планирует выступить в Европарламенте и по французскому телевидению. Анализ имеющихся оперативных материалов

дает основание полагать, что выезд во Францию Новодворская может использовать для компрометации перед мировым сообществом государственной политики РФ.

Начальник Управления УФСБ
по Москве и Московской области
А.В.Трофимов

Мы проскользнули в последнюю щель, в уже закрывающиеся ворота, едва не прищемив мне хвост гэбистской мышеловкой. Мы все здесь мыши, вечно виноватые в глазах чекистских котов, у которых когти выпускаются произвольно при виде среднего интеллигента, беспартийного, нелояльного, не подающего руки коммунистам и «органавтам». Следователь Кривченко, в просторечии Андрей Владимирович, всё из той же Пресненской прокуратуры, был маленьким, изящным и крайне неопытным: год стажа и слишком много усердия. Когда он сообщил мне, что Генеральная прокуратура возбудила дело по факту аж по двум статьям УК: 71-й («пропаганда войны») и 74-й («разжигание межнациональной розни»), я даже не огорчилась. Я забыла, что все дела по «Хронике текущих событий» в 70-е — ранние 80-е возбуждались тоже «по факту». «Хроника» была фактом, а те, кто ее выпускал и распространял, — атрибутикой КГБ, то есть субъектами ареста, суда, срока, концлагеря. «Хронику» можно было рассматривать как объект. Диссиденты были субъектами. К уничтожению объекта шли через уничтожение субъектов. Я почему-то ничего такого не ожидала через 4 года после Августовской революции. Хотя манера допрашивать свидетелей, будущих обвиняемых, у следователя Кривченко была крайне противная. Он принимал абсурд всерьез и, как мне кажется, мог бы серьезно спросить насчет тоннеля от Бомбея до Лондона. Когда речь идет о невесомых и неощутимых идеях, такой допрос всегда строится по следующей схеме: следователь притворяется кретином, а свидетель проводит среди него просветительскую деятельность, доказывая, что $2 \times 2 = 4$, а не 5 и не 3. И не столько, сколько надо Генеральной прокуратуре!

Константин Боровой меня ругал за избыточную кропотливость и советовал вообще не ходить на «совет нечестивых». Так мы мило и дружно прожили июль, и мне казалось,

что я — карась, которого поймали на уд, что меня выпотрошили и копаются во внутренностях в поисках то ли червяка, то ли крючка, то ли вымпела «Сделано в СССР». Но вдруг мне звонит этот чистый и искренний мальчик Кривченко и сообщает, что он намерен предъявить мне обвинение, так что просит прийти с адвокатом!

Очередной обвал, очередной отрок, решивший с волками жить и выть, но ужасает та легкость, с которой ловцы человекоев находят себе юные кадры в наши новые времена. Я еще не знала, что прокурор Пресненской прокуратуры, настоящий профессионал, не выпустит это средневековое обвинение из своих стен: уж он-то мог противиться повелениям Илюшенко, у него были силы, он и не таких видывал. Я надеюсь, что, сидя в Лефортово, куда он пытался отправить Елену Масюк, творческую группу «Кукол» и меня, Алексей Илюшенко раскаялся и познал простую гуманитарную истину: не рой другому яму, сам в нее попадешь. Если он раскаялся, я готова пожелать ему освобождения.

Неужели для того, чтобы в России больше не было политических процессов, всем генпрокурорам придется погостить в Лефортово, включая господина Скуратова? Ведь Никитина он освободил из-под стражи только на 11-м месяце заключения, да еще и шпионом на дорожку обозвал.

Это кошмарное обвинение сразу по четырем статьям УК, с ученическим прилежанием состряпанное А.В.Кривченко, который явно перестарался (сразу и пропаганда войны, и отказ от службы в армии — это перебор), решив, видно, что пересол — на стол, а недосол — на шею, так никогда и не было предъявлено. Сначала кончился срок следствия, потом вмешался пресненский прокурор, потом дело перекинули в прокуратуру Центрального округа, и оно похудело на 3/4, до одной ст.74, а там и вовсе усохло на корню, когда Егор Гайдар рассказал Б.Н.Ельцину, что у нас творится. Но его надо видеть: пусть все знают, какие творческие замыслы таятся в умах гэбистов и прокуроров, их сподвижников. Итак, следователь Кривченко дебютировал успешно. В 1937-м ему бы светил орден. Сегодня — нечто другое. Пусть знают все. Начнем люстрации со своих собственных следователей.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ О ПРИВЛЕЧЕНИИ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО

Следователь Пресненской межрайонной прокуратуры г.Москвы Кривченко А.В., рассмотрев материалы уголовного дела № 229120,

УСТАНОВИЛ:

Новодворская В.И. совершила умышленные действия, направленные на возбуждение национальной вражды и розни, на унижение национальной чести и достоинства, пропаганду неполноценности граждан по признаку отношения к национальной принадлежности, а именно:

являясь экстремистски настроенным лидером партии «Демократический Союз России» (ДС России) и преследуя политические цели, в период 1993—1994 гг. в подготовленных и подписанных ею пропагандистских материалах и листовках партии ДС России, распространявшихся среди широких масс населения, в написанных ею и опубликованных в газетах статьях, в интервью представителям средств массовой информации, т.е. в устной и письменной форме, неоднократно высказывала суждения и пропагандировала идеи о неполноценности отдельных наций (национальностей) и их представителей, направленные на подрыв уважения к ним, возбуждение чувства неприязни, представляющие собой подстрекательство к межнациональной вражде и розни.

Так, в частности, в опубликованных еженедельной газетой «Новый взгляд» № 119 за 1993 г. и № 1 за 1994 г., распространяемой среди массового читателя, в т.ч. и по подписке — в качестве приложения к газете «Московская правда», ее статьях «Не отдадим наше право налево!»* и «Россия № 6»**, в интервью эстонским корреспондентам, показанном в публицистической передаче эстонского ТВ «Пикапяэварюхм» 06.04.94 и опубликованном в газете «Молодежь Эстонии» № 80 за 09.04.94, умышленно унижается национальная честь и достоинство русских, узбеков, таджиков, туркменов, русского населения Латвии и Эстонии, пропагандируются идеи, направленные на разжигание межнациональной вражды и розни; в подготовленных и подписанных ею пропагандистских материалах партии ДС России, опубликованных в информационном бюллетене «Политический

* См. стр. 798—801.

** См. стр. 824—828.

курьер» №№ 251 и 262, содержится попытка придать политическим событиям межнациональный оттенок, чем создаются условия для возникновения вражды между русским и чеченским народами; в подготовленной и подписанной ею листовке ДС России «Граждане! Отечество в опасности! Наши танки на чужой земле!» содержатся призывы к национальным автономиям выходить из состава России, разжигается межнациональная вражда и рознь.

Во всех указанных материалах, подготовленных и подписанных ею, она, Новодворская В.И., опираясь на тенденциозно подобранные факты и измышления об образе жизни, исторической роли, культуре, нравах и обычаях упоминающихся ею наций (национальностей) и народов, их представителей, путем необоснованных выводов и ложных логических посылок умышленно пытается воздействовать на познавательный компонент социальных установок широкой аудитории и на этой основе повлиять на ее эмоционально-оценочное отношение к проблемам межнациональных отношений, сформировать негативное отношение аудитории к отдельным нациям (национальностям) и народам, их представителям, пропагандируя их неполноценность по признаку отношения к национальной принадлежности, унижая их национальную честь и достоинство, целенаправленно возбуждая межнациональную вражду и рознь, способствуя ухудшению межнациональных отношений на внутри- и межгосударственных уровнях,

то есть совершила преступление, предусмотренное ст.74, ч.1 УК РСФСР.

Она же совершила пропаганду войны, а именно: являясь экстремистски настроенным лидером партии «Демократический Союз России» (ДС России) и преследуя политические цели, в период 1993—1994 гг. в написанных ею и опубликованных в еженедельной газете «Новый взгляд», распространяемой среди массового читателя, в т.ч. и по подписке — в качестве субботнего приложения к ежедневной газете «Московская правда», статьях «Пейзаж вместо битвы»* (№3 за 1994 г.), «Не отдадим наше право налево!» (№119 за 1993 г.), в подготовленной и подписанной ею листовке партии ДС России «Фашизм и коммунизм вне закона» от 29.01.94 пропагандирует взгляды, идеи и теории о необходимости войны, допускает высказывания, содержащие

* См. стр. 835—838.

призывы, направленные на развязывание гражданской войны между людьми, имеющими различные социальные и политические ориентации,

то есть совершила преступление, предусмотренное ст.71 УК РСФСР.

Она же публично призвала к совершению террористических актов, т.е. к совершению преступлений против государства, а именно:

являясь экстремистски настроенным лидером партии «Демократический Союз России» (ДС России) и преследуя политические цели, в подготовленном и подписанном ею пропагандистском материале партии ДС России, опубликованном в информационном бюллетене «Политический курьер» № 262 за 1994 г., листовке «Бери шинель — пошли домой», распространяемых среди широких масс населения, военнослужащих, призвала к совершению террористических актов в отношении президента РФ и ряда других государственных деятелей России,

то есть совершила преступление, предусмотренное ст.70¹ УК РСФСР.

Она же совершила подстрекательство к уклонению от очередного призыва на действительную военную службу путем обмана и при других отягчающих обстоятельствах, а именно:

являясь экстремистски настроенным лидером партии «Демократический Союз России» (ДС России) и преследуя политические цели, в подготовленных и подписанных ею, массово распространяемых листовках партии ДС России «Скажи смерти нет!», «Граждане! Отечество в опасности! Наши танки на чужой земле!», написанной ею статье «Желтая гвардия, синий барон», опубликованной в газете «Молодая Сибирь» № 29 за 21.07.94, призвала призывников в нарушение закона без уважительных причин и с целью уклонения от призыва на действительную военную службу не являться по повесткам в призывные комиссии, «прятаться, бежать, откупаться», уклоняться от призыва любыми другими доступными способами, склоняя тем самым призывников к совершению преступления — уклонению от призыва на действительную военную службу путем обмана и при других отягчающих обстоятельствах,

то есть совершила преступление, предусмотренное статьями 17, 80, ч.2 УК РСФСР.

Таким образом, Новодворская В.И. совершила преступления, предусмотренные статьями 74, ч.1, 70¹, 17, 80, ч.2 УК РСФСР.

На основании изложенного, руководствуясь статьями 143, 144 УПК РСФСР,

ПОСТАНОВИЛ:

Привлечь **НОВОДВОРСКУЮ ВАЛЕРИЮ ИЛЬИНИЧНУ** в качестве обвиняемой по настоящему делу, предъявив ей обвинение в совершении преступлений, предусмотренных статьями 74, ч.1, 70¹, 17, 80, ч.2 УК РСФСР, о чем ей объявить. Копию постановления направить Пресненскому межрайонному прокурору г.Москвы.

Следователь А.В.Кривченко

Как странно и страшно видеть молодое, чистое существо, не работавшее ни с Берией, ни даже с А.Трофимовым, только что из университета, готовое по первому же жесту свыше творить беззакония, унижать и обесценивать правосудие, губить навсегда собственное доброе имя, топтать и преследовать невинных! Значит, древняя зараза не умерла, царствие чумы продолжается — пока на уровне единичных случаев.

В конце августа Кривченко, к которому мы ходили теперь целым творческим коллективом (я, Константин Боровой, Генри Резник, журналисты), отпустил нас с Боровым в Италию, а адвоката Резника — к сыну в Иваново. Мы расстались до сентября. А назавтра, пока я получала в поликлинике результаты анализов, а Боровой брал наши билеты на самолет, мою квартиру чуть не взломали омоновцы, напугав до смерти моих стариков. Оказывается, Кривченко с Илюшенко передумали! Надо было взять расписку. И когда мы с Константином Боровым проходили через незримый противотанковый ров — родную границу, его пустили, а меня отсеяли. Поперек всякого закона. Мне не было предъявлено обвинение. Я не давала подписку о невыезде. Но разве это могло остановить такой хамский орган насилия, как ФСБ? Такого его спарринг-партнера, как Генеральная прокуратура?

Я разозлилась и уехала на дачу до того сентябрьского числа, когда мы договорились встретиться с Кривченко. Но на его счастье, чаша сия его миновала. Первая серия «Кошмара на улице Вязов» кончилась. О том, что дело прекращено, я, как повелось, узнала из новостей НТВ.

Надо было ехать тут же, пока на них снова не нашло. Но кто же знал, что это будет целый сериал, и в каждом фильме будет появляться маньяк Фредди Крюгер: из-под земли, из ада, из церкви, с кладбища. И будет резать на кусочки. Так и мое дело, это кошмарный советский римейк сталинских ужасов. Слабая, бледная копия, на ней лежит отблеск адского огня...

Казалось, главная аксиома «доказана»: у нас нет политических процессов, одно только политическое следствие. Но наступил январь, и Александр Трофимов заявил у себя на коллегии, что он не понимает, почему мое дело прекращено, когда есть такие прекрасные основания его продолжить. Эта публика не могла вынести, что кто-то сочувствует чеченцам, а не им, таким лошеным, таким бесчисленным, таким бессовестным...

О реплике Трофимова мне немедленно донесли журналисты «Эха Москвы». И спросили, что я об этом думаю. Ну что я могла ответить? Во-первых, это преднамеренная утечка информации: надо же ФСБ будущему красному монарху Зюганову свой товар лицом показать? У нас — товар (технология политических репрессий); у вас — купец (репрессивная власть, которой надо будет избавляться от демократов). Во-вторых, Трофимов — профессиональный палач и V отдела ГБ; цветы опылять он все равно не будет, он может только сажать. И не цветы, кстати. Орехова же посадил. Дальше я выступаю по каналу ОРТ у Любимова с Сажи Умалатовой, бросаю ей вязанную варежку вместо перчатки, одновременно предлагаю во втором туре голосовать за Ельцина, а после поставить свечу, первый тур сулю Явлинскому, да еще предлагаю Любимову выпить сока за победу чеченского оружия. И дальше — по нарастающей. Передача состоялась 7 марта, дело по «факту» было возбуждено Прокуратурой города Москвы, этим коммунистическим заповедником, 8 февраля (через 2 дня после ареста Александра Никитина), сразу после мартовских праздников меня вызвали в прокуратуру Северо-Восточного округа (единственный округ и единственная прокуратура, куда еще можно было сдать меня на хранение, потому что по месту моего жительства и по месту прописки «Нового взгляда» больше не оставалось прокуратур).

На этот раз распоряжение вышестоящего начальства угодливо, хотя и с чувством вины, клянясь в большом уважении ко мне, всяческой радости от встреч и заверяя,

что мне ничего не будет, кроме условного срока, а у них на плечах погоны, они обязаны это делать, им хуже, чем мне («...мы тебя совсем не больно убьем...»), выполняли следователь (начальник следственного отдела) Станислав Иванов, постарше Кривченко, и его улыбчивый прокурор. Последний даже звонил мне и пытался добиться согласия на допрос моей матери, опять-таки заверяя в дружелюбии. Зачем им это было надо — Бог весть, ведь даже гэбульники от таких методов отказались еще в 50-е годы, после смерти Усатого. От этой парочки (Иванов — прокурор) у меня осталось впечатление следующего рода: на крыше газовой камеры двое эсэсовцев опорожняют в отдушину банку «Циклона Б», и, слыша внизу отчаянные крики, приговаривают: «Не надо так волноваться, всё будет хорошо; на нас погоны, мы не можем иначе; легко вам, штатским, говорить...»

Сначала нам с Резником показали якобы предлог для возобновления дела: фальшивые распечатки моих разговоров по частному, личному телефону с Хамадом Курбановым (после его отъезда из Москвы мы не говорили по телефону ни разу). Текст был примерно такой: берите, дорогие чеченские боевики, все русские города, в частности, город Витебск (то, что это белорусский город, на Лубянке усвоить не успели). Кассет не было — видно, они были настолько плохо сфальсифицированы, что их нельзя было дать прослушать хотя бы один раз мне, Иванову и адвокату...

Когда мы потребовали кассеты, расшифровки быстренько исчезли из списка моих улик. Предлог сделал свое дело, предлог может удалиться... А дальше всё пошло в том же русле, что и с Кривченко.

Все-таки наши каратели — маньяки. Серийные убийства, серийные политические процессы, серийные фальшивки, серийные дела по двум статьям, написанным три года назад...

1. Ты — свидетель (по своему делу). Очень убедительно и не в первый раз доказываешь, что ты не предавал Родину ни Биллу Клинтону, ни Шамилю Басаеву; что не взрывал Чернобыль; что тебя не было в Буденновске; что не крал шапку Мономаха; что не призывал лишить в РФ русских (а нас вроде как раз 80%) избирательных прав и отправить в газовые камеры.

2. Ты — обвиняемый. Твои объяснения пошли псу под хвост; на выбор берут любое обвинение (от кражи шапки

Мономаха до антинародной деятельности) и предъявляют; тут же кончают следствие и закрывают дело. Можешь читать всласть.

Мое обвинение выглядело в конечном итоге скромно и неприязнительно:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ О ПРИВЛЕЧЕНИИ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО

10 апреля 1996 г.

Начальник следственного отдела прокуратуры Северо-Восточного административного округа г.Москвы юрист 2 класса Иванов С.Г., рассмотрев материалы уголовного дела № 229120,

УСТАНОВИЛ:

Материалы настоящего уголовного дела дают основания для предъявления Новодворской Валерии Ильиничне обвинения в том, что она совершила умышленные действия, направленные на возбуждение национальной вражды и розни, на унижение национальной чести и достоинства, пропаганду неполноценности граждан по признаку отношения к национальной принадлежности.

Так, в период 1993—1994 гг. в написанных и опубликованных ею газетных статьях, а также в интервью представителям средств массовой информации, в устной и письменной форме Новодворская В.И. систематически высказывала суждения и пропагандировала идеи о неполноценности русской нации и ее представителей, чем подрывала уважение к ним, унижала национальное достоинство русского народа, возбуждала чувство неприязни к русским, подстрекала к межнациональной вражде и розни.

В опубликованной в г.Москве еженедельной газете «Новый взгляд» № 46 от 28 августа 1993 г., распространяемой среди массового читателя, в том числе и по подписке — в качестве приложения к газете «Московская правда», в своей статье «Не отдадим наше право налево!» Новодворская В.И. умышленно унижала национальную честь и достоинство русского населения Латвии и Эстонии, пропагандировала идеи о его неполноценности по национальному признаку путем утверждений о том, что русских «нельзя с правами

пускать в европейскую цивилизацию. Их положили у парашаши и правильно сделали».

В статье «Россия №6», опубликованной также в г.Москве, в той же газете №1 от 15 января 1994 г., ею умышленно унижается честь и достоинство русских путем утверждения о маниакально-депрессивном психозе как неотъемлемой черте русского характера, определяющей всю историю русского народа.

В интервью эстонским корреспондентам, показанном в публицистической передаче Эстонского ТВ «Пикапяэварюхм» 6 апреля 1994 г. и опубликованном в газете «Молодежь Эстонии» №80 от 9 апреля 1994 г., русским приписываются такие черты национального характера, как «леность, бедность, бесхребетность, рабство», пропагандируется тем самым их неполноценность по национальному признаку.

Во всех материалах, подготовленных и подписанных ею, Новодворская В.И., опираясь на тенденциозно подобранные факты и измышления об образе жизни, исторической роли, культуре, нравах и обычаях лиц русской национальности, путем необоснованных выводов и ложных логических посылок умышленно воздействовала на познавательный компонент социальных установок широкой аудитории, и на этой основе влияя на ее эмоционально-оценочные отношения к проблемам межнациональных отношений, формировала негативное отношение к гражданам русской нации и ее представителям, пропагандируя их неполноценность по признаку отношения к национальной принадлежности, унижая их национальные честь и достоинство, целенаправленно возбуждая межнациональную вражду и рознь, способствуя ухудшению межнациональных отношений на внутри- и межгосударственных уровнях,

то есть Новодворская В.И. совершила преступление, предусмотренное ч.1 ст.74 УК РСФСР.

На основании изложенного, руководствуясь статьями 143, 144 УПК РСФСР,

ПОСТАНОВИЛ:

Привлечь Новодворскую В.И. в качестве обвиняемой по настоящему делу, предъявив ей обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.74 УК РСФСР, о чем ей объявить.

По закону читать дело можно сколько угодно, но прокуроры в погонах так торопились сервировать меня к столу Зюганова-президента (пока там суд да дело, а выборы уже 16 июня: эти поганцы коммунисты собирались же с первого тура победить!), что нас с Резником просто торопили самым неприличным образом, чуть ли не до истерики. На чтение стряпни Станислава Иванова у нас ушла неделя.

Но победы не вышло, по крайней мере на этот раз. И дело, испуская глубокие вздохи, валялось в Мосгорсуде, пока не возник новый сюжет с операцией президента, новый всплеск розовых надежд красных сил, и, следовательно, какие-то действия судейских чиновников. Дело было назначено к слушанию на конец сентября.

Реальный ущерб от всех этих плясок скелетов из шкафа:

1. Потеря времени (моего, времени Константина Борового и Генри Резника).

2. Ущерб для государственного престижа. Общее мнение от этого дела у иностранных корров таково: Россия — страна непуганых идиотов из электората Зюганова, непуганых бандитов (из ФСБ, прокуратуры и суда) и непуганых Обломовых (все остальные россияне, которые ничего не делают с первыми двумя группами).

3. А.В.Кривченко намекнул, что он имеет право запретить мне ездить на дачу (летом 1995 г.): 40 км от Кремля.

4. Станислав Иванов обещал изменить меру пресечения на содержание под стражей, если я буду еще писать статьи, особенно о своем собственном деле.

5. А.Ильюшенко сорвал поездку в Италию в августе 1995 года.

6. Судья Татьяна Губанова немотивированно (нежелание огорчать А.Трофимова, Г.Зюганова, А.Лукьянова и В.Илюхина — не мотив для суда) отказала в восьмидневной поездке в Испанию в августе.

7. Вымотанные нервы, давление 190 на 120.

Это всё сущие пустяки по сравнению с 40 миллионами уничтоженных этими же органами (или их предтечами) россиян — и не только россиян.

Я не знаю только, обнадеживало ли Александра Никитина то, что он своим примером символизировал исторический прогресс: до Ельцина, до августа, при Советах его бы расстреляли. И адвокатами у него были бы отнюдь

не Резник и Шмидт. СМИ ничего о нем не передавали бы, и никаких пресс-конференций! А так он просидел в недрах ФСБ только 10 месяцев с хвостиком... Кому спасибо сказать? Ельцину, Чубайсу, Киселеву — с удовольствием. «Беллуне» и правозащитникам — от души. Но не ФСБ же! И не за то, что руки не укоротили...

Идеологическая схема моего суда аналогична процессу Жанны д'Арк плюс коррекция на конец XX века, а вместо коммунистов у нее были англичане. Замените ФСБ на инквизицию, и вы получите искомый результат. Итак, дано, что меня обвиняют в том, что я ведьма, еретичка и послушна Сатане.

Ведь суть моего обвинения по «Архипелагу» (время процессов над генетиками, кибернетиками и космополитами) — это ВАД, ВАТ и ПЗ (восхваление американской демократии и техники и преклонение перед Западом) — вполне на уровне средневековья.

В конце костер, потому что прокурор Лыгин требует полутора лет заключения в советском концлагере, где нет статуса политзаключенного. То есть сожжение на медленном огне. Медленная смерть (больше 5-6 месяцев с моим здоровьем не выдержать). А я предпочитаю сожжение на «быстром» огне — смертельную голодовку. Всего два месяца, если с водой. Одиннадцать дней, если без воды. Обвинение и финал тождественны, что в Средние века, что сейчас. Но атрибутика! Представьте себе, что Жанна д'Арк ходит на суд свободно, дав подписку о невыезде, что у нее есть адвокаты, что она дает интервью, что в зале судилища — телевидение, что епископ Кошон объясняется со СМИ...

Всё меняется, кроме сути. А суть всё та же: тебе надо доказать, что у тебя нет рогов и копыт, что ты не применяешь черную магию и не едешь на шабаш на козле. И это доказываешь ты, доказывают члены ПЕН-центра, Союз писателей, адвокат Резник... Депутат Боровой доказывал другое: что рога и копыта у эксперта Рошина...

Судья Губанова была очень вежлива и мила. Я ее так и представляю теперь: в эсэсовской форме, после трудового дня в Освенциме она вышивает бисером абажур из человеческой кожи. В конечном итоге из меня сделали белку в колесе: та же подписка о невыезде, то же дело, ушедшее на следствие или на новый процесс... Вот здесь-то

и оценишь чеченцев: они первыми вырвались из беличьих шубок и беличьих колес. Шамиль Басаев не будет доказывать, что он не колдун и не террорист.

На этой земле, в той России, которая есть географически, а не виртуально, в мечтах, мне предоставлено на выбор два вида унижения:

1. Сесть в советскую тюрьму и до последней минуты жизни, даже если это будут только 11 дней, подвергаться глумлению тюремщиков, гэбистов, прокуроров. Умереть не свободной, умереть в неволе, после того как твое достоинство будет растоптано.

2. Всю жизнь доказывать, что ты не ведьма, не верблюд, не враг народа, объясняясь со скамьи подсудимой с дураками и подонками. Это не свобода, конечно. Это соучастие в грязных провокациях таких «расследований» и «судов». Это игра по их правилам, за их столом.

А больше нет перспектив. Все остальные — еще хуже. Эмиграция — это бесчестье, дезертирство, предательство. Измена слову, долгу, делу жизни.

Еще можно застрелиться. Новый вид капитуляции, абсолютное доказательство того, что у страны нет шансов, что в ней нельзя бороться и жить.

А я выбрала вечный кафкианский процесс. Второй вариант. И если кто-нибудь видит более достойный выход из этой ситуации, пусть первым бросит в меня камень...

Что же до «дела о трех миллионах» — то, что я о нем думаю, — в моем последнем слове. Приятно помечтать о виртуальной России, которую задавила Советская республика, которую похоронил Иван Грозный. Наверное, Китеж был именно таким. Виртуальная реальность...

РЕЧЬ АДВОКАТА Г.М.РЕЗНИКА В МОСКОВСКОМ ГОРОДСКОМ СУДЕ 14 ОКТЯБРЯ 1996 ГОДА

Фрагменты

Господа судьи! Судебное разбирательство не оставило никаких сомнений в том, что все участники процесса, и прежде всего, разумеется, суд, вовлечены обвинением, предъявленным Новодворской, в ситуацию полнейшего, крошечного абсурда...

Ярче всего «зазеркальность», бредовость происходящего высветил в ходе процесса государственный обвинитель. Встретив в тексте публикации Новодворской строки: «Ты тварь дрожащая или право имеешь», господин прокурор задал подсудимой вопрос: «Кого вы, Новодворская, имеете в виду под тварью?» А когда порядком подрастерявшаяся Валерия Ильинична (ее, как известно, очень трудно ввергнуть в такое состояние) ответила: «Так это же Достоевский — "Преступление и наказание"», последовала фраза государственного обвинителя, достойная быть эпиграфом к нашему процессу: «Вы это бросьте. С Достоевским мы еще разберемся».

Так вот, используя выражение классика, утверждаю: это дело создали твари... Дрожащие. Дрожащие перед правдой, свободой и разумом. Но твари не только дрожащие, а еще и невежественные. Невежественные настолько, что не создавали: к уголовной ответственности вместе с Новодворской привлекается цвет нации, лучшие сыны России. Я попрошу, господа судьи, не доверять первому взгляду, который вы бросаете на скамью подсудимых. Я прошу напречь ваши внутренние взоры. Тогда вы увидите: на скамье подсудимых Валерия Новодворская пребывает не в одиночестве. Рядом с ней много соучастников, и находиться в этой компании большая честь.

Перечисление подсудимых по настоящему процессу начну с поэтов. Конечно, это в первую очередь Александр Сергеевич Пушкин, так отозвавшийся о народах Российской империи:

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их нужно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремучками да бич.

Рядом с Александром Сергеевичем Михаил Юрьевич Лермонтов:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ.

Подле притулился Некрасов со своими стихами:

Подъезжая к Кенигсбергу,
Я приблизился к стране,
Где не любят Гутенберга
И находят вкус в говне.

А за Некрасовым — там местечко есть — не кто иной, как Иван Сергеевич Тургенев. Всех нас заставляли заучивать наизусть высокие слова о великом, могучем, свободном, прекрасном русском языке. «Как ты удивительно хорош, — писал Тургенев, — для выражения многих и лучших мыслей по своей честной простоте и свободной силе». Но от нас укрывали продолжение этих строк: «Странное дело, этих качеств — честности, простоты, свободы и силы нет в народе. В народе нет, а в языке есть». Тургенева теснит Петр Яковлевич Чаадаев: «Печать рабства пронизывает всю историю России. У России нет истории, есть одна география».

Что касается Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина, то ему примерно такое же обвинение, как Валерии Ильиничне, предъявлялось. Не было тогда статьи 74-й, но критик Зайцев, давший заключение, что «Современную идиллию» никак нельзя публиковать, начертал: «Произведение сие — глумление над происхождением нашего государства, начиная от основания его до настоящего времени». Не забыли и, естественно, Чернышевского — «Жалкая нация, нация рабов. Снизу доверху все рабы». Длительное число подсудимых по нашему процессу можно долго — скамеек в зале не хватит. Наши великие предки с замиранием сердца ждут: подпадет ли их творчество под признаки статьи семьдесят четвертой Уголовного кодекса Российской Федерации? Не выглядит ли их слово криминальным в глазах потомков? Отечественные гении — в ожидании приговора уголовного суда?!

Но вначале классики обнаружили бы, ознакомившись с материалами дела, что на их поделницу, Валерию Ильиничну Новодворскую, российского литератора конца XX века, шла настоящая охота. Длительное время к ней примеряли уголовные статьи. Первоначально пришла идея привлечь Новодворскую за терроризм, даже обвинение такое предъявили. Затем решили, что ее злобная деятельность состоит одновременно в пропаганде войны

и подстрекательстве к уклонению от воинской службы. Ясно: эти нормы несовместимы. Вместе они образуют «жареный лед». Возможно, на последующем этапе кто-то из преследователей полнейшую нелепость такого обвинения осознал. Наконец, выбор пал на статью 74-ю. Но и в ней определились не сразу. Сгоряча объявили враждебность Новодворской к юго-восточным нациям: узбекам, таджикам, киргизам, татарам, и только затем, очевидно, замыслив дискредитировать правозащитное движение в стране, решили прилепить литератору ярлык врага народа. Сейчас Новодворскую обвиняют в возбуждении вражды к русскому народу, оскорблении русского народа, пропаганде неполноценности русского народа. Таким образом, у нас спустя пятьдесят с лишним лет появился враг народа. И кто он?

Конечно, правозащитник, либерал и демократ.

Господа судьи, статья 74 применяется чрезвычайно редко, и тому есть веские объяснения. Эта норма — одна из немногих в Уголовном кодексе — предусматривает ответственность за произнесенное или написанное слово. Но есть Конституция России, которая гарантирует каждому свободу мысли и слова. Налицо коллизия между двумя ценностями: свободой самовыражения и чувством безопасности расовых, национальных и религиозных групп. Разные государства решают ее по-разному. Например, нормы, подобной нашей 74-й, нет в уголовных кодексах ни одного из штатов Соединенных Штатов Америки. Она там немыслима, потому что в США двести с лишним лет назад распустили, что самая великая опасность, какая грозит американской нации, — это какое бы то ни было ограничение свободы слова, и на том стоят до сих пор. Свобода слова в Америке — ценность абсолютная. Ограничена она только запретом клеветы в адрес конкретных лиц.

В других странах, в частности европейских, иначе. Действительно, международно-правовые нормы ставят под запрет расистскую и националистическую пропаганду. Но, вводя ответственность за подстрекательство к межнациональной вражде, законодатели правовых государств принимают меры к тому, чтобы нормы уголовного закона не стали источником злоупотреблений. А когда наказуемо слово, такая опасность особенно велика. В статье 74 также содержатся гарантии — пусть не исчерпывающие — того, чтобы она не превратилась в инструмент для преследования

свободы самовыражения, свободы убеждений. По этой норме преступник — расист, преступник — националист — тот, кто своими действиями преследует специальную цель — стравить народы, оскорбить национальное достоинство, вызвать презрение к расовым и национальным группам как прирожденно неполноценным. То есть стороне обвинения нужно доказать умысел, преднамеренно направленный на возбуждение ненависти. Только тогда можно говорить об изобличении преступника. Сложностью доказывания умышленной вины во многом объясняется та ситуация, что уголовных дел по статье 74 расследуется весьма немного. А те, которые доходят до суда, вообще наперечет. Одно-два на всю страну, да и то не каждый год.

Но дело Новодворской разительно отличается от всех доселе известных дел данной категории. Обычно эти дела возбуждаются прокуратурой крайне неохотно, как правило, после многочисленных настойчивых обращений граждан, почувствовавших враждебность печатного слова, ощутивших угрозу своей безопасности. Заявления граждан всегда поддерживают общественные, неправительственные организации. И на всех судебных процессах рядом с государственным обвинителем сидят общественные обвинители, дают показания свидетели, знакомые с вменяемыми в вину подсудимому текстами. А что мы наблюдаем в данном процессе? Ни одного возбужденного читателя, который бы зашелся в ненависти к русскому народу либо, напротив, почувствовал себя оскорбленным, суду не предъявлено.

Защита еще предварительному следствию представила целый ряд публикаций Новодворской, документы, подготовленные ею в качестве лидера партии «Демократический Союз России». Часть материалов была приобщена по ходатайству защиты в судебном заседании.

«ДС ставит своей целью отказ от расовой, национальной, религиозной ненависти».

«Мы отдадим жизнь за ночь, проведенную с Россией».

«Россия моя, единственная, единственная моя, спасибо тебе, Россия, что ты избрала меня».

«С русским народом, с Россией не заключают брак по расчету».

Как совместить такие утверждения из статей Валерии Новодворской, с «маниакально-депрессивным психозом»,

с «беснующимся, делающим под себя народом». Да совместно ли все это? Совместимо, господа судьи, еще как совместно. У настоящих патриотов России. Таких, как Чаадаев: «Предпочитаю бичевать свою родину, огорчать ее, но только ее не обманывать». Любить свой народ не означает кадить ему.

Присутствовавшие на процессе помнят эпизод, когда подсудимая попросила разъяснить сущность предъявленного ей обвинения. Вы даже не попытались этого сделать. И правильно поступили. Полагаю, что ваши знания и опыт не оставили у вас сомнений в том, что обвинение разъяснить нельзя. Прокурор просит осудить Новодворскую по обвинению, которое неконкретно. А неконкретно оно опять же потому, что его нельзя конкретизировать. В обвинительном заключении написано: в статьях Новодворской содержатся тенденциозно подобранные факты, измышления об образе жизни, исторической роли, культуре, нравах, обычаях лиц русской национальности, необоснованные выводы, ложные логические посылки. Но не говорится, что это за выводы, что это за факты, что за посылки. Понятно: такое обвинение нельзя разъяснить. Его нельзя доказать. Против него невозможно защищаться. Оно изначально абсурдно, оно сфабриковано, оно лживо.

Обвинительное заключение увенчало букет вопиющих нарушений законности. История коммуно-советской юстиции знает только один пример, когда уголовному закону была придана обратная сила. Это дело валютчиков Рокотова и Файбышенко: самодур-правитель заставил суд применить закон о смертной казни, не действовавший во время совершения обвиняемыми сделок с валютой. Прокуратура повторяет в отношении Новодворской этот произвол. Пропаганда национальной исключительности или неполноценности введена в закон как преступление в сентябре 93 года. Статья «Не отдадим наше право налево!» написана в августе, закону придана обратная сила. Защита обратила внимание на нарушение. Эпизод подлежит исключению из обвинения по чисто формальному основанию. И что же? А ничего. Никакого аргументированного ответа на ходатайство не последовало. Взамен откровенное издевательство над защитой. Следователь отвечает: «Такое же обвинение предъявлено по другому эпизоду, пусть и этот остается».

Защита указывает на отсутствие материалов, подтверждающих факт интервью Новодворской газете «Молодежь Эстонии». В ответ молчание.

Вскрываются грубейшие нарушения при назначении и проведении экспертизы, влекущие ее недопустимость. Вновь издевательский отказ, и в суд вызывается эксперт, подлежащий отводу. В нашем процессе часто поминался Достоевский. Я тоже вспомню фразу: «Если Бога нет, то всё позволено». Бог прокуратуры — Закон. Для Московской городской прокуратуры этот Бог не существует. Она считает, что ей всё позволено... Это не случайно. Отсутствие в стране независимого правосудия развратило государственное обвинение. Надо действительно не уважать суд, чтобы посылать туда уголовные дела, подобные нашему. Сильны, живучи сложившиеся традиции — всё съедят, всё проглотят, оправдать не посмеют.

Наш процесс, господа судьи, имеет более широкое значение, чем решение судьбы Валерии Ильиничны Новодворской. Это дело — пробный шар, запускаемый теми силами, которые изнасиловали страну, которые мучили, пытали, ссылали в тюрьмы и психушки и теперь жаждут реванша, мечтают о возврате прежних тоталитарных времен. Если шар пройдет в лузу, статья 74-я заместит прежнюю 70-ю, ту самую антисоветскую агитацию и пропаганду, только прилагательное «антисоветский» сменится на «антинародный».

Разлом проходит через всё общество. Силловые ведомства не исключение. Там немало честных, порядочных, квалифицированных людей, тех, кто не будет попирать закон, идти на сделку с собственной совестью. Несправедливо было бы не упомянуть о противостоянии произволу работников низовых звеньев Московской прокуратуры. Дело, заведенное в марте 1994 года, прекращалось трижды. Два раза в Пресненской районной прокуратуре. Последний раз в прокуратуре Центрального округа в сентябре 1995 года. Признавалось очевидное: Новодворская пишет не о национальных проблемах, а о политических, национальную рознь она не возбуждала, достоинство никаких народов не унижала. Вдруг, казалось бы, надежно похороненное дело спустя полгода реанимируется. Что побудило при отсутствии каких-либо новых обстоятельств

первого заместителя прокурора Москвы Юрия Синельщикова возобновить следствие по публикациям более чем двухлетней давности? За ответом далеко ходить не надо. В деле лежит письмо шефа московского ФСБ, палача правозащитников генерала Трофимова. Оно проясняет ситуацию.

Февраль 96-го. Бушует война в Чечне. Рейтинг президента стремится к нулю, коммуниста Зюганова быстро растет. Судебный процесс должен выполнить задачу: оторвать от Ельцина голоса избирателей, еще не отказавших ему в доверии. Да, кровавая чеченская бойня. Да, Самашки, Кизляр, Первомайское. Но в стране соблюдается основа основ демократии — свобода слова, нет политических репрессий, никто не сидит за убеждения. Не сидит? Так будет. Подкинем к Чечне политический процесс — демократия в России будет окончательно дискредитирована. Вот логика организаторов настоящего процесса. А какой подарок будущему президенту — коммунисту! Геннадий Андреевич Зюганов как-то припечатал: «Каждый настоящий русский не может не быть в душе социалистом». Читай «коммунистом». Отсюда вывод: все, кто против коммунизма, враги русского народа. Посему для расправы была избрана Новодворская — яростный антикоммунист, либерал, правозащитник.

Сколь ни абсурдно обвинение, оно вынуждает меня обратиться к текстам, вменяемым в вину Новодворской.

«Не отдадим наше право налево!» Сам заголовок точно выражает главную идею публикации. Все исторические примеры, все параллели и ассоциации лежат в ее русле. Идею эту можно сформулировать содержательно: коммунисты и фашисты не должны иметь политических прав в демократическом обществе. А можно и поэтически. Ведь перед нами, как обстоятельно показали в своих заключениях литературоведы Татьяна Бек и Сергей Лукницкий, — произведение художественное, литературный памфлет. Тогда более всего подойдет любимая Новодворской фраза из «Фауста» Гёте — она ее часто повторяет: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой!»

Обвинение прибегает к мошенническому приему. Выхватывает из контекста даже не целое предложение, а его часть, и наделяет криминальным значением. «Русских нельзя с правами пускать в европейскую цивилизацию, — читаем мы в обвинительном заключении, — их положили

у параша и правильно сделали». Из этого отрывка невозможно уразуметь ни того, почему «нельзя с правами пускать в европейскую цивилизацию», ни того, у какой «параша», кто и когда «положил» русских, да и вообще неясно, откуда эта «параша» взялась.

Всё становится на свои места, если прочитать полностью абзац, в котором употреблена оскопленная цитата: Новодворская пишет, «нельзя с правами пускать в европейскую цивилизацию», покоящуюся, как известно, на либерально-демократических, индивидуалистических ценностях, ту часть русского населения Эстонии и Латвии, которая ноет, выступая против экономических реформ; за десяток лет проживания в Прибалтике не удосужилась выучить местный язык и не желает этого делать сейчас, когда прибалтийские республики вновь обрели независимость; ходит под красными флагами, требуя восстановления Советской империи. Разъясняется всё и с «парашей». Новодворская образно, используя лагерный фольклор, констатирует свершившийся факт — ограничение в избирательных правах тех, кто приехал в Латвию и Эстонию после их оккупации в 1940 году и не владеет языком коренной национальности. Можно было оценить в других выражениях. Щелкнули по носу. Вывели из строя. Указали на место. Задали жару. Дело вкуса. Только при чем здесь возбуждение национальной ненависти, унижение достоинства?

А в контексте всей публикации пример с русскоязычным населением Прибалтики вообще не несет самостоятельной нагрузки. Он в ряду других примеров — Ирак, Алжир, Приднестровье, Япония, ЮАР, — иллюстрирующих противостояние либерализма и принудительной коллективности, демократии и тоталитаризма, правых и левых. Публикация заканчивается полемически перелицованным стихом Маяковского: «Кто там шагает левой? Правой! Правой! Правой!» Эта правая поступь может быть русской, американской, чеченской, эстонской. Сюжет не национальный — политический. Не кто иной, как прокурор, разрушил сфабрикованное обвинение всего одной фразой из своей речи: «Раздача прав Новодворской идет по политическому признаку». Полностью присоединяясь к этому утверждению, я ставлю вопрос: как мог прокурор тогда потребовать осуждения? Ведь за антикоммунизм Уголовный кодекс ответственности не предусматривает. Впрочем,

неисповедимая, зазеркальная логика гонителей Новодворской вполне позволяла обвинить в разжигании ненависти автора «Фауста». Что же получается: тот, кто каждый день не идет на бой за жизнь и свободу, не должен жить? Не знаю, чего здесь больше: откровенного мошенничества или стилистической глухоты, не позволяющей отличить художественное произведение от политической агитки.

Обвинение Новодворской по памфлету «Россия № 6» заставляет ощутить себя обитателем сумасшедшего дома. Текст, где говорится о маниакально-депрессивном психозе как о черте национального характера, нельзя воспринимать буквально. Психоз — это заболевание индивида, которым не могут болеть коллективные образования. Образ. Гипербола. Гротеск. Они подчеркивают: русские — народ крайностей. Памфлет — реакция на результаты выборов октября 1993 года, оказавшиеся совершенно неожиданными для наших интеллектуалов, которые свои представления о народе принимают за сам народ. Новодворская пишет: «Половина страны дебильно не пошла голосовать. Страна болтается между коммунизмом и фашизмом, как цветочек в проруби». А вот Юрий Карякин растерянно произнес перед телекамерами: «Россия, ты одурела!» Перед лицом писателя возник тогда, наверное, образ совершенно одуревшей, обезумевшей бабы. Жванецкий прореагировал в своем стиле: «Я уважаю чудовищный выбор своего народа». Валерия Новодворская создала образ безумного, делающего под себя народа от Мурманска до Владивостока. При этом она обращается к одной десятой населения страны, как пишется в памфлете, товарищам по несчастью. Кто это одна десятая? Марсиане? Нет, те же русские. Значит, различие между девятью десятыми и одной десятой проводится опять же не по национальному, а по политическому признаку, по ценностным ориентациям, по поведению.

Финальная фраза публикации: «Пусть президент или дает нам оружие и начинает борьбу по новой, или выделит скит, достаточно большой для десяти миллионов свободных людей, которые предпочтут скорее сжечь или взорвать себя, чем сожительствовать с торжествующим красно-коричневым большинством». Художник творит образы в соответствии со своим мироощущением, своим настроением в данный момент. Маниакально-депрессивный психоз в начале, скит — в конце... Кому-то дано проникнуться переживаниям

творца, кому-то нет. Я, например, вспомнил Эзопа из пьесы «Лиса и виноград» с вопросом «Где тут пропасть для свободных людей?». Скит — пропасть. Кто-то отреагирует иначе, иной останется равнодушным. Но делать литературный текст предметом судебного разбирательства нелепо и постыдно.

Я испытываю чувство неловкости, господя судьи, что, свергнутый в этот абсурд, должен объяснять абсолютно очевидные вещи...

Валерия Новодворская — человек редкого мужества. Двадцать семь лет антитоталитарной правозащитной деятельности. Кагэбисты на следствии психологически ломали многих людей. Там были не только костоломы и палачи-психиатры. Многих удавалось уговорить, убедить, заставить отречься. Достаточно вспомнить Якира, Красина, отца Дмитрия Дудко. Но в интеллектуальной схватке с Валерией Ильиничной эта публика всегда проигрывала. Потому к ней особая ненависть.

Любое ваше решение, господя судьи, кроме оправдательного приговора Валерии Новодворской, будет позором российского правосудия.

**ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОЙ
В.И.НОВОДВОРСКОЙ В МОСКОВСКОМ ГОРОДСКОМ
СУДЕ 15 ОКТЯБРЯ 1996 ГОДА**

Это последнее слово, в прямом и переносном смысле, поскольку прокурор потребовал смертной казни. Это в последний раз звучало на политических процессах под сводами старого здания Московского городского суда в 85-м году — последнее доперестроечное политическое дело было дело Кирилла Попова. То есть этого не было 10 лет. Правда, Кирилла Попова судили закрытым судом. В зале не только не было прессы, но в зале не было его друзей-диссидентов, в зале никого не было, кроме дежурных гэбистов, и об этом деле никакие газеты, кроме газеты «Труд», не оповещали. Газета «Труд» оповещала, как всегда, в строгих и сдержанных выражениях: отщепенцы получили по заслугам.

С чего же это у нас такие исторические события происходят при стечении прессы, на открытом суде? Я не знаю,

как насчет эпатажа литературного и художественного в моих статьях... А кому, собственно, понадобился этот юридический эпатаж? Ну уж, наверное, не русскому народу. Не знаю, известно ли это государственному обвинителю, но каждый день этого чудовищного процесса, каждый пассаж его инквизиторской речи, каждая публикация на эту тему в российской печати — всё это отнимает инвестиции, отнимает кредиты, отнимает надежду на то, что на нас будут смотреть, как на нормальную демократическую страну и всюду нас пустят. И вот, я могу поздравить государственного обвинителя с тем, что каждое слово его выступления — оно отнимало игрушки, хлеб, «сникерсы» или «Мишки на Севере» у русских детей, о которых он так здесь радеет.

И не может же не знать та сила, назовем ее условно силой реакции (что взять, в конце концов, с прокурора на процессе — он карьерный дипломат, ему дают поручение, он его озвучивает, какие могут быть личные претензии в этом случае?), так вот, эта сила не может не знать, что мертвое тело на путях гласности, демократии, перестройки так на десятом году, будет означать совершенно определенную вещь — что с нами нельзя иметь дела. Никогда. И очень многие будут рады спрятать свои кредиты, инвестиции подальше, потому как денежки всем нужны. И многие голоса раздаются, что не в коня корм, и не надо их разбазаривать. Я ничего не могу сделать. Когда мне звонят из Эстонии и спрашивают, а что у вас творится, не произошел ли у вас государственный переворот, что я должна сказать? Я не могу сказать, что у нас здесь съезд Союза писателей и что у нас здесь художественно-литературный конгресс. И что мы просто в предоставленном нам зале Московского городского суда собираемся для того, чтобы обсудить проблемы науки и искусства. Я этого ответить не могу. Ни разным прочим шведам, ни эстонцам, ни американцам. Поэтому я не знаю, заказывал ли кто-то Александра Коржакова, как он ввел недавно новую юридическую единицу в наши юридические понятия, но вот то, что происходит здесь, — заказано. И заказчиков мы сейчас постараемся определить.

Если внимательно читать газету «Завтра», то окажется, что давление на суд оказывалось отнюдь не с началом этого процесса и отнюдь не немногочисленной аудиторией,

которая здесь сидит. Давление на суд оказывалось очень давно, и очень массированно, и очень хорошим тиражом. Вот, например, картиночка (демонстрирует фотографию из газеты «День»): пленные фашисты, Москва, 1944 год. Изображена огромная толпа под охраной, такая колонна в 20—30 человек в один ряд, многотысячная колонна, может быть, 500 тысяч. И подпись: «Вот так же пойдут демократы». Вот такого рода картиночки, опубликованные еще в газете «День».

Я с удовлетворением могу констатировать, что никогда демократические силы любого профиля, любого фасона, от «ДемРоссии», «Демвыбора» до «Демократического Союза», от умеренных, центристских до радикальных, не унижались до того, чтобы публиковать подобные картиночки с подписью: «Вот так же пойдут коммунисты», или «Вот так же пойдут национал-патриоты», или «Вот так же пойдут красно-коричневые». Поскольку в наши планы входит не уничтожение злодеев, а борьба со злом. Вполне христианский принцип. Так что относительно конфронтационности моих статей и действий «Демократического Союза» — это всё можно оспорить.

Читаем дальше. Непосредственно перед выборами:

«Ребята-демократы, надеяться не надо, что мы забыли гадов, угробивших страну, продажность телеснобов, проклятые русофобов, грабеж, расстрел, растление и войну. За вами счет немалый, и часто так бывало, что Родина прощала раскаявшийся сброд, но тут особый случай, и каждый, кто нас мучил, от неминуемой кары не уйдет!»

Это хороший комментарий к тому, что здесь происходит. Еще одно стихотвореньице: «Слышишь, диктор как картавит и с экрана Запад хвалит. Жаль, что Сталина тут нет: был хороший логопед». Не подходит под 74-ю статью УК — разжигание межнациональной розни? Причем — оргвыводы. Мы помним, как Сталин исправлял произношение в 1952 году.

Есть еще одно интересное предложение, исходящее непосредственно из Госдумы. Читаем. Господин Юрий Иванов, между прочим — заместитель председателя Комитета по законодательству, один из самых непримиримых коммунистов, дал неосторожное интервью главному редактору журнала «Закон» Юрию Феофанову: «Сегодня и выступления некоторых радикальных демократов, по сути, уже должны быть предметом изучения органов безопасности,

которые обязаны обеспечить общественный порядок как во время президентских выборов, так и по реализации итогов. В любом случае некоторые телевыбросы необходимо зафиксировать, чтобы в будущем можно было со всей строгостью спросить с подстрекателей». Прямая реализация. Не считая заявления Геннадия Андреевича Зюганова, лидера КПРФ, о том, что надо срочно принимать закон о борьбе с психологической информационной войной против русского народа и применять уголовные санкции по этому поводу. Вот мы имеем целый набор заказчиков, которые достаточно хорошо очерчены в круг тех, кому нужен был этот процесс. И тогда нам придется поставить один правовой вопрос. Мы уже выяснили здесь, в итоге наших литературоведческих дискуссий, что русский народ, как выяснилось, понятие достаточно многозначное. Но у нас и государство, оказывается, — многозначное понятие. Что такое государственное обвинение и от какого государства сюда пришел государственный обвинитель? Что такое — государственное обвинение? Может быть, это обвинение каким-то образом прогнозируется в Конституции? В Конституции и намек нет на то, что свобода слова может быть чем-то ущемлена. И тем более нет никакого намека на то, что чье-то волеизъявление или какая-то вожа, попавшая под чей-то хвост, могут быть поставлены выше международных пактов, подписанных Российской Федерацией. А мы, между прочим, подписывали и Декларацию прав человека, и Пакт о гражданских и политических правах, где свобода слова безусловна.

Может быть, в этом повинен президент? Даже злейший враг не скажет о Борисе Ельцине, что он когда-нибудь желал ущемить свободу слова. Он единственный из всех лидеров СНГ не принял решение проталкивать, пропихивать закон о защите своей чести и достоинства. С санкциями так лет на шесть. Этим не побрезговали ни Снегур, ни Кравчук. Даже в Грузии был такой закон. Правда, они не применялись нигде, за исключением Казахстана, но Борис Ельцин до этого не унизился. Во время чрезвычайного положения, этот несчастный прецедент, когда, казалось бы, сам Бог велел употреблять все пункты какой-то цензуры, не успели мы как следует испугаться, как он немедленно эту цензуру снял. Ему настолько претит борьба со свободой самовыражения, что у нас даже фашистские

издания чувствуют себя весьма вольготно, порхают, украшая свастиками наш пейзаж. Значит — ни президент, ни Конституция, ну и уж, наверное, не премьер-министр, ему как-то недосуг, — то есть вообще не исполнительная власть. Кто? Обращаемся к власти законодательной. Константин Боровой провел интересный творческий эксперимент в Государственной Думе. Хотя амнистия — это предполагает закончившийся процесс и вынесенный приговор, ну еще — признание виновности и желание принять эту амнистию, но у нас не типичная страна пока, и амнистия была применена к тем, кого еще осудить не успели, и никто никакого раскаяния не выражал. И вот — моделирование ситуации — он просто поставил на голосование в Госдуме вопрос о личной амнистии мне. В конце концов, раз была амнистия Руцкому предложена, и Хасбулатову, и Анпилову, то почему бы не попробовать выяснить срез общественного мнения в Думе: какие фракции будут за, какие фракции будут против. И был очень интересный результат. За амнистию высказались «Демократический Выбор России», «Регионы России», НДР, естественно, «Женщины России», остатки, разошедшиеся по «Регионам России», отчасти по другим фракциям, часть ЛДПР. Против амнистии однозначно выступили коммунисты и фракция «Народовластие».

Я думаю, что методом индукции и дедукции даже Шерлок Холмс сделал бы вывод, что если звезды зажигают, а политические процессы проходят, — значит, это кому-нибудь нужно. И нужно это совершенно определенным силам. Тем силам, которые вот этот флаг (показывает на находящийся в зале суда Государственный флаг РФ) почитают власовским, а русским национальным, не знаю по какой причине, считают красный с серпом и молотом. Хотя основатель их движения когда-то сказал, что у коммунистов нет Отечества. После этого, кажется, любые разговоры на национальные темы с теми, кто с утра до вечера организовывал разные Коминтерны, должны быть прекращены. Тем не менее, разговоры продолжаются.

Значит, плебисцит у нас не проводился, насколько я помню, я лично не слышала, среди русского народа, который высказался бы по поводу моих художественных эссе, как это оскорбляет его или не оскорбляет. Значит, государственный обвинитель пришел сюда отнюдь не от государства,

отнюдь не от той части государства, которая действует в пределах имеющихся в этом государстве федеральных законов. Государственный обвинитель пришел сюда полпредом другого государства, которого уже нет. Наверное, все присутствующие здесь страшно были возмущены такой зверской жестокостью — смертная казнь за два художественных эссе, которые были написаны три и два с половиной года назад.

Нет, вы несправедливы к государственному обвинителю. Это совсем не за эти эссе. Эссе здесь ни при чем. Эссе — предлог. Это совсем за другое. Это за то, что больше нет Союза, это за то, что есть вот этот трехцветный флаг, это за то, что проводятся какие-то реформы, это за то, что продукты не выдают по карточкам, это за то, что нет железного занавеса почти для всех (для меня, например, есть — я два года не могу никуда выехать благодаря этому процессу, — вот такой персональный, маленькая железная занавесочка, ширмочка маленькая железная поставлена), все остальные ездят куда хотят. Это за то, что страны Балтии для них недосыгаемы. Это за то, что прекращена война в Чечне. Это за то, что до сих пор мы в этой колонне — «Вот так же пойдут демократы» — не идем.

Это поминки, господа. Уважаемые судьи! В вашем присутствии государственное обвинение, за ваш счет, кстати, в вашем помещении, отнимая ваше время, пытается справиться тризну по Советскому Союзу. И меня, как любимого коня, или как там полагалось, кого-то заколоть на этом холме. Как описано в замечательном стихотворении великого русского поэта: «Как ныне сбирается вещий Олег отмстить неразумным хазарам...» Значит, вот что у нас здесь происходит и об этом надо все время помнить.

Я не преувеличиваю, говоря о смертной казни. Здесь не соблюдены даже правила приличия советских времен. По советским стандартам, размахивая справочкой о состоянии здоровья, прокурор должен был бы сказать, что он не знает, на каком толкучем рынке была приобретена эта справка, сколько «баксов» за нее заплачено, и что вот он сомневается, что можно одновременно иметь столько недугов и написать такие художественные эссе. И что лесоповал будет явно лучшим лекарством. Нет, это не опровергалось. Было именно сказано, что вот всё это действительно так и что именно с этим нужно просить именно такой срок. Уж нашему ли государственному обвинению не знать, что

в уголовном лагере ни один интеллигентный человек не может выжить и что Илья Габай, один из лучших наших диссидентов, дабы избежать именно уголовного лагеря, выбросился с 10-го этажа, то есть это ему показалось легче. Что это — не просто казнь. Что это — изощренная казнь. Уж не знать ли тому ведомству, которое здесь незримо присутствует, которое нас оставило вместе с экспертом, что я не стану делать вид, что там нужно жить и нужно подчиняться, и что нужно стараться выжить, как это пытался сделать несчастный Василь Стус, которого просто уничтожили в карцере, и Юрий Галансков, который со своей язвой желудка промучился несколько лет и умер, не дожив до конца срока. Ну зачем же такие сложности? Раз государственное обвинение не расщедрилось на цыкату, которую бесплатно предоставило Сократу родное государство, раз у нас сейчас экономический кризис и на цыкату денег нет, — это просто делается иначе. Объявляется голодовка, если нарушаются права политзаключенного, а насколько я понимаю, у нас здесь было сказано много раз, что нет никаких политзаключенных, есть только государственные преступники, враги народа, обыкновенные уголовники («Беломорканала», жаль, нет), объявляется просто голодовка, скорей всего сухая, потому, что права политзаключенного будут нарушены, и никаких проблем. Зачем полтора года? Зачем такие сложности? Здесь ведь и 11-12 дней хватит, в случае мокрой голодовки — 67-ми, так что здесь можно просто отнять некоторое количество нулей, и всё будет в порядке. Вот именно это нас должно настроить на практический лад, и нашу теоретическую дискуссию мы должны пустить по чисто практической стезе.

Есть очень интересные материалы из «Московских новостей», которые хорошо описывают, что у нас было на процессах по 74-й статье, и что по этим делам требовали прокуроры, и что по ним выходило. Статья Сергея Грызунова, небезызвестного присутствующим здесь. Так. Дело Безверхова. Некий Безверхий на протяжении многих лет планомерно и систематически разжигает ненависть к евреям и пропагандирует идеи гитлеризма. Создавал тайные нацистские объединения, издавал нацистскую литературу, в том числе сокращенное издание «Майн кампф», и в основном главы по еврейскому вопросу. Неоднократно предупреждался правоохранительными органами о незаконности

своей деятельности. В 1992 году привлечен к уголовной ответственности за издание «Майн кампф». Однако суд Санкт-Петербурга оправдал его, поскольку он действовал исключительно в коммерческих целях.

Дело Беляева. Председатель национально-республиканской партии России в 94-м году привлекался к уголовной ответственности по статье 74 УК в связи с публикациями в газете «Националист». Публикации тоже разжигали ненависть к евреям. 74-я статья, дело прекращено за недостаточностью улик. Он продолжил всё это. Вторичное привлечение — год лишения свободы с отсрочкой на один год. И освобожден в связи с амнистией в честь 50-летия Победы, то есть даже условный срок не был применен. Дело Андреева. Редактор черносотенной газеты «Народное дело». В 94-м году осужден условно судом Санкт-Петербурга. Дело Батогова, редактора газеты «Русское воскресенье». Мосгорсуд вообще прекратил его дело, не приступая к судебному разбирательству. Основание — плохое состояние здоровья обвиняемого. Здесь справка о состоянии здоровья была использована в ином контексте. Дело Фомичева, который издавал и редактировал газету «Пульс Тушина». Опять антисемитизм, призыв к репрессиям, пропаганда идей Гитлера и других нацистских авторов. Мосгорсуд вернул дело на доследование, прокуратура обрадовалась предоставившейся возможности и дело Фомичева прекратила. «Аль-Кодс» была перерегистрирована и в принципе ни до какого суда не дошло.

То есть мы имеем целый набор дел, по которым никто и никогда не требовал ничего, кроме условного срока. Особо идет дело Осташвили, но, насколько я поняла общественного обвинителя, который вчера присутствовал в зале, там речь шла отнюдь не о письменных публикациях, а просто о погроме, о том, что группа людей явилась к мирным писателям и устроила там скандал. Я надеюсь, никто из коммунистов не скажет, что они меня видели в своих помещениях и что я там пыталась устроить погром. Вот мы имеем такой интересный набор фактов. Теперь мы можем спокойно перейти к исторической и литературной проблематике. А к тому, почему на этом деле нужна кровь, на этом процессе, и почему ее так добиваются, сознательно добиваются, сейчас мы до этого с вами дойдем.

Но сначала немножко литературоведения и истории, раз уж мы с вами занимаемся четвертую неделю этой проблематикой. Владимир Буковский, известнейший диссидент, газета «Русская мысль» 18 апреля 1996 года: «Будет теперь Россия, по злему народному выражению, как г... в проруби: волнения много, а двигаться некуда. Будет гнить да вонять, заражая округу, и будут, зажав нос, постораниваться другие народы и государства». У меня многолетний спор с Владимиром Буковским. О том, имеет ли право русский диссидент уезжать на Запад. Я боюсь, что этот процесс будет аргументом отнюдь не в мою пользу.

Лесков, «Забор»: «Забыли все так скоро, как никакой другой народ на свете не забывал своего горя. И еще надсмелялись над всеми лучшими порядками, назвав их припадками сумасшествия. Настало здравомыслие, в котором мы ощутили, что нам опять нужна стена и внутри ее заборы. Эх, Русь моя, Русь родимая! Долго же тебе еще валандаться с твоей грязью да с нечистью. Не пора ли очнуться, оправиться».

Из той же «Русской мысли», статья Ирины Иловайской, главного редактора: «Итак, Андрей Синявский присоединил свой голос к другим, зазвучавшим в последнее время, которые выступают с похвалой Горбачева, даже попавшего у него в западные люди, что по определению дает ему преимущество, считает писатель, над русскими умами». Ну вот, русский писатель Андрей Синявский высказывает такую точку зрения.

Ну и еще лучше — Анатолий Курчаткин о русской идее, «Русская мысль»: «Что говорить, немного мы дали миру в качестве примера для подражания. Убогие жилища, тяжелый быт, несправедливость личности перед машиной государства, отсутствие реальной свободы и передвижения по этим нашим бескрайним просторам». С этим можно спорить, это можно опровергать, но за это нельзя судить. В принципе, Чаадаев как будто предвидел, что он не будет последним, а будет только первым, и вот он, специально для этого процесса, нам записал: «Я не научился любить свою Родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее. Я думаю, что время слепых влюбленностей прошло. Я полагаю, что мы пришли после других для того,

чтобы делать лучше их, чтобы не впасть в их ошибки, в их заблуждения и суеверия». Государственному обвинителю непонятно, как можно любить свою страну, не заливая ее потоком славословия. Любить иначе, чем это делали на партсобраниях, на октябрьских демонстрациях. Ну что ж, в таком случае я могу только сказать, что надо читать классику. Не мы первые, не мы последние. До нас были великие умы из той же самой русской литературы, которая вот на этом процессе выбрасывается на помойку одним жестом государственного обвинения. И лучшего руководителя по этой сложной проблеме, — как это можно любить, отрицая и осуждая, — чем Некрасов, не придумаешь. Я полагаю, что то, что проходило по школьной программе, даже в советские времена, серьезно подзабыто государственным обвинением, поэтому я хочу напомнить:

Блажен незлобивый поэт,
В ком мало желчи, много чувства:
Ему так искренен привет
Друзей спокойного искусства;

Ему сочувствие в толпе,
Как ропот волн, ласкает ухо,
Он чужд сомнения в себе —
Сей пытки творческого духа;

Любя беспечность и покой,
Гнушаясь дерзкою сатирой,
Он прочно властвует толпой
С своей миролюбивой лирой.

Дивясь великому уму,
Его не гонят, не злословят,
И современники ему
При жизни памятник готовят...

Но нет пощады у судьбы
Тому, чей благородный гений,
Стал обличителем толпы,
Ее страстей и заблуждений.

Питая ненавистью грудь,
Уста вооружив сатирой,
Проходит он тернистый путь
С своей карающей лирой.

Его преследуют хулы:
Себе он ищет одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья.

И веря и не веря вновь
Мечте высокого признанья,
Он проповедует любовь
Священным словом отрицанья, —

И каждый звук его речей
Плодит ему врагов суровых,
И умных и пустых людей,
Равно клеймить его готовых.

Со всех сторон его клянут,
И, только труп его увидя,
Как много сделал он, поймут,
И как любил он — ненавидя!

То есть требуется труп в доказательство. Пожалуйста. Каждый гражданин обязан по первому требованию предоставить свой труп в распоряжение Отечества. Когда мы вышли в 6 часов вечера, еще до президента, на Красную площадь, в ночь октябрьского мятежа, вернее, вечер октябрьского мятежа, и там стояла маленькая группа демократов, которые еще раньше нас, в пять часов, услышали призыв отца Глеба Якунина, и они меня стали спрашивать: что же мы можем сделать — у нас нет оружия? Я сказала: у каждого есть свой труп, и мы должны эти трупы сложить в очень высокую кучу, чтобы они не прошли, потому что если они пойдут по трупам, завтра у них не будет инвестиций, не будет признания Запада, не будет возможности удержать власть, мы их можем остановить. И что вы думаете? Люди не разбежались. Они согласились предоставить свои трупы в распоряжение Отечества. Да, вот это — русский народ. Это тот самый взлет, о котором я пыталась

тщетно, с точки зрения обвинения, что-то сказать в своих художественных эссе и в менее запутанных произведениях. Это наша черта. Национальная. Попробуйте объявить по американскому телевидению, по одному из сорока каналов, что надо идти без оружия в руках защищаться от вооруженного мятежа. Вот граждан просят идти, нет ни армии больше, ни национальной гвардии, ничего нет, идите и защищайтесь. Я думаю, что они очень удивятся. И, скорее всего, сочтут, что это розыгрыш. А у нас вот все как побежали в 91-м году, в 93-м тоже побежали, нужно будет — еще побежим. Это Россия. Да. Не та, которая №6, та, которая без номеров, звездная Россия, астральная Россия. Как это всё в ней умещается? Такая страна иррациональная. И, ей-богу, она не укладывается ни в рамки уголовных дел, ни в страницы приговоров.

Суд над мыслью вообще непродуктивен. Можно свернуть шею тому, кто мыслит, но с ноосферой-то ничего сделать нельзя. Поэтому давайте все-таки выясним один интересный вопрос. Меня страшно поразило высказывание господина прокурора о «сникерсах». Я так понимаю, что одним из главных пунктов обвинения против меня стало то, что я «сникерсы» предпочитаю «Мишкам на Севере», по крайней мере так прозвучало. И что я работала в газете, редактор которой живет постоянно в США. Ну я могу только сказать, что Артур Кларк, он даже хуже сделал — вообще на Цейлоне живет. И тем не менее его произведения читают в Англии. Они не говорят, что раз он живет на Цейлоне, мы его читать не будем. А Грэм Грин, тоже англичанин, вообще он в южной Франции фактически живет. Тоже читают, как ни странно. А насчет «сникерсов» я боюсь очень разочаровать прокурора. Я за всю свою жизнь не съела ни одного «сникерса», я их терпеть не могу. Я люблю «Красную Шапочку», «Мишку на Севере» и вообще употребляю только отечественные кондитерские изделия. У меня очень, очень российские вкусы. Сало, картошка. Не люблю иностранных продуктов. Надо было мою личность описывать как-то поподробнее. Выяснить не на основании художественных эссе и виртуальной реальности, а на основании того, что есть на самом деле.

Кстати, в художественных эссе встречается много противоречивых утверждений, и не только полемических — здесь уважаемый суд интересовался, были ли полемичны мои статьи, — мне кажется, они полемичны не только

к воображаемому оппоненту, но они полемичны даже по отношению к моим собственным установкам. При всем том, что я сознаю, что остановить Вторую мировую войну было необходимо, и что японский милитаристский режим, фашистский в принципе режим, напрашивался на применение того оружия, которое было применено, опять должна разочаровать государственного обвинителя, — если бы мне дали эту бомбу сбросить, я не смогла бы ее сбросить, если бы не была уверена, что оттуда, снизу, ушли все женщины, все дети, всё мирное население. Из меня бы вышел очень плохой солдат. Я бы оспаривала все приказы командования и решала бы эти вопросы по совести, чтобы случайно кого-то лишнего не убить. Так что в художественных эссе, и вообще в художественной литературе, встречаются вещи, которые в реальной действительности даже не отвечают мнению автора. Я не думаю, что Гоголь был махровым антисемитом, и когда он пишет в «Тарасе Бульбе» о жидах — это не его мнение. Это мнение Тараса Бульбы. Он описывает казацкий быт, казацкие нравы и казацкие предрассудки. Я не думаю, что он так плохо относился к полякам, как к ним относился Тарас Бульба. Я полагаю, что он высказывает здесь не свою точку зрения. И когда Лермонтов пишет в своих «Испанцах»: «Всё богато. Две жидовки нижут жемчуг», не надо тащить Лермонтова судить по 74-й статье, а надо просто войти в контекст Испании XVI века, которую он описывает.

Должна сказать, что как либерал я вообще не могу представить себе этого национального подхода. Либерализм — это такая философская концепция, которая рассматривает человека как индивидуальность, а не как часть общности, не как часть стада. Поэтому для меня подход по этому родовому национальному признаку, и для меня, и для «Демократического Союза», он просто ненормален. И много раз этот национальный подход обращался просто в ничто двумя элементарными примерами. То, что происходит в Северной Корее, это что — видовая черта корейцев? Или это тоталитарный режим Ким Ир Сена? Почему в Южной Корее один порядок вещей, а в Северной Корее другой? Ведь там и здесь живут корейцы. Значит, дело все-таки не в этнических мотивах, а в каких-то политических закономерностях. Вот классические примеры, парные государства: Китай — Тайвань, Северная Корея и Южная Корея.

Если этого мало, давайте возьмем еще такой парадокс. Два побратима, два подельника: Юрий Даниель и Андрей Синявский. Русский писатель Андрей Синявский уезжает во Франкфурт, до сих пор он там живет, а еврей Юрий Даниель остается здесь. По Проханову всё должно быть наоборот. А вот не случилось наоборот. Люди не делятся по национальной принадлежности. Здесь идет более глубокая связь. Психологические особенности, нравственный выбор, нравственные установки.

И вообще 74-я статья в цивилизованном государстве должна охранять национальные меньшинства. Понятно, почему надо защищать крымских татар. Их выселили, они погибали в ссылке. Мы должны испытывать благоговение перед чужим страданием. Мы — представители большого, мощного народа, которому некого бояться, нигде. У нас слишком много всего: полей, лесов и рек, пространств. Мы никогда и нигде не можем быть ущемлены. Тот, кто имеет в себе русское национальное сознание, тот очень спокоен. Потому что мы нигде и никогда не бываем в роли национального меньшинства и никаких гонений не претерпевали. Даже при Орде по национальному признаку не было гонений. Они интересовались другими вещами — они дань собирали. Их деньги гораздо больше волновали, чем национальные вопросы.

Итак, национальная проблематика, она или должна охранять слабых, или должна не применяться вообще, потому что здесь можно дойти до Геркулесовых столпов. Когда мы говорим об ущемлении прав евреев, любой благородный человек должен стать на их защиту. Мы должны вспомнить погромы, гетто и печи крематориев. Это народ, который пережил Холокост, катастрофу. Мы обязаны их защищать. Когда мы говорим о чеченцах, мы тоже должны испытать нежность, потому что их преследовали как только могли. И еще могилы не зарыты для чеченских детей. Но, простите, когда мы говорим сами о себе... Так, мы сейчас как раз возвращаемся к нашему хорошенькому дельцу. Вот мне очень бы хотелось понять, кто на нашей собственной земле нас может загнать в гетто? Кто нам запретит смешанные браки? Кто нас лишит избирательных прав? Кстати, об оргвыводах. Расизм — это обязательно оргвыводы. Это запрет смешанных браков, это лишение избирательных прав, это какие-то гонения, скажем — поселение

в гетто. Апартеид не существует в теории. Апартеид существует на практике. Я думаю, что это самое парадоксальное дело в истории мировой юриспруденции. Потому что, кому суждено чирикать, те не должны мурлыкать. Есть, скажем, в Штатах организация «Черная пантера». Был ку-клукс-клан. Как правило, чернокожих американцев обвиняли в принадлежности к экстремистской организации «Черные пантеры», которые употребляют насилие для достижения своих целей, ну а белых — в том, что они принадлежат к столь же экстремистской организации, но с другим знаком, ку-клукс-клану. Но не было такого компота никогда, чтобы белого обвинили в том, что он принадлежит к «Черным пантерам», а чернокожего американца в том, что он принадлежит к ку-клукс-клану. А меня обвиняют именно в этом. Что я, будучи русской, сама против себя разжигаю расистские настроения. Мне просто хотелось бы знать, вот такой вопрос выяснить в суде: *Cui prodest?* Кому выгодно? Кому выгодно и что из этого можно извлечь? Зачем? Вот этот вопрос — зачем? — если бы мы не знали, зачем этот процесс организован, и что всё, что здесь происходит, — это только предлог, мы бы его задавали очень часто.

Ладно, если мы покончим с национальной проблематикой и перейдем как бы на почву политической деятельности, моей лично. Положим, ненавидя русский народ и желая всячески его оскорбить и унижить, давайте рассмотрим ряд моих последующих действий. Вот этот флаг, который в углу, он откуда взялся? До него ведь был другой, с серпом и молотом. Известно ли обвинению, что именно «Демократический Союз» первым в 88-м году вынес этот флаг, когда его срывали, втаптывали в грязь, и что до 91-го года, пока он не появился над Белым домом, мы выходили на все акции с этим флагом? С русским национальным флагом.

Простите, вот ненавидя русский народ, свой собственный, зачем его надо было носить, этот флаг? Почему какой-нибудь пиратский не повесить? Скажем, черный с двумя косточками, или там коста-риканский, уж не знаю какой: «Вьется по ветру веселый Роджер...» Где логика? В поведении даже преступника, опасного для общества, которым меня здесь описывают, должна быть некая логика. Скажем, вор хочет украсть, тать церковный хочет церковь

огрابتь, украсть иконы, маньяк хочет кого-нибудь изнасиловать. То есть логика есть некоторая, правда? Чего хотели мы, когда выносили этот флаг и сидели за него несчетное число раз по 15 суток? Когда началось шествие августовской революции по городам, во многих городах не было своего трехцветного флага, кроме как у ДС. И в Саратове повесили наш флаг, одолжили у «Демократического Союза», потому что, чтобы повесить над горсоветом, не было другого. Потом уже пошили большой и хороший, а сначала взяли напрокат у ДС. Это первый пункт.

Второй пункт. Откуда взялся в программе «Демократического Союза» пункт об отказе от эмиграции? Это что — от ненависти? От ненависти мы переставали разговаривать с собственными товарищами с того момента, как они заявляли, что хотят уехать из страны, руки им переставали подавать? Это от ненависти я не в одних проводах диссидентов, которые уезжали на Запад в более опасное время, не участвовала? Это от ненависти я отказывалась уехать на Запад, до начала перестройки, когда мне это предлагали под угрозой ареста. Это всё была ненависть, да? К русскому народу? И сейчас, скажите на милость, зачем я здесь стою, выслушав то, что предложило государственное обвинение? Зачем предоставлять свой труп в пользу негосударственного обвинения, когда любое иностранное посольство, любая держава цивилизованная в таких обстоятельствах не откажет ни в гражданстве, ни в политическом убежище? Почему я не поступила так, как поступили Зенон Позняк и Сергей Наумчик, лидеры Народного фронта Беларуси? Попросили политического убежища в Соединенных Штатах и получили. И нет проблем, я бы тоже получила, почему не прошу? Почему я сегодня сюда пришла, когда у меня была целая ночь, сколько угодно границ вокруг, сколько угодно машин, никаких проблем? Почему? Вот я предлагаю домашнее задание всем присутствующим, которым это еще не ясно. Предлагаю ответить на этот вопрос. А в качестве шпаргалки взять Маяковского, который явно не разделял мои убеждения, но отношение к России, наверное, разделял:

Землю,
где воздух
как сладкий морс,
бросишь
и мчишь, колеса, —

но землю,
с которую
вместе мерз,
вовек
разлюбить нельзя.

Можно
забыть,
где и когда
Пузы растил
и зобы,
но землю,
с которой
вдвоем голодал, —
нельзя
никогда
забыть.

Нет хороших и плохих патриотов. Есть умные патриоты и глупые шовинисты. Две группы. Глупые шовинисты на всех углах кричат о своей любви и душат свою несчастную страну в своих объятьях. Если бы не эти полчища с нацистскими лозунгами и с красными флагами, мы давно бы уже имели прекрасную инфраструктуру в Сибири, у нас были бы инвестиции, у нас были бы деньги, нас бы никто не боялся, у нас бы экономика была на подъеме, а не на спаде, у нас бы зарплата вовремя выдавалась. Вот плод их любви. Вот все эти вопли, кошачьи концерты, сталинские портреты (конечно, главный знаток России, душа-человек) и гитлеровские свастики. А умный патриот, он мало говорит, но он рассматривает Отечество не как питательный бульон для какой-то бактерии, а он рассматривает его как алтарь, на который приносятся добровольные жертвы. И надо сказать, что в наших условиях — это в основном алтарь, на который приносятся жертвы. Вот какие очереди перед каждым посольством, перед канадским, перед английским, перед американским. И люди называют причиной своего отъезда неуверенность в будущем. Вот этот процесс не прибавит уверенности. Интересно, с кем же хотят остаться национал-патриоты и государственное обвинение? Всех отсюда разогнать? И остаться в пустыне, с Анпиловым и Зюгановым? Хорошая будет компания и хорошее население

для России. Поэтому не следует никогда без крайней нужды трогать национальный вопрос. Мне непонятна психологически та неуверенность, которая заставляет говорить о том, что мы вымираем, что нас угнетают, что какие-то жидомасоны, непонятно откуда-то взявшиеся, нас оккупировали...

В деле имеется моя статья «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет». Наши предки были очень спокойные люди. Спокойные, твердые и уверенные в себе славяне. Вот они не использовали этой нетерпимости. И тогда была ситуация совершенно другая. Бежали не с Руси, на Русь бежали. Вот Мережковский, мне кажется, лучше всех пишет о нашем национальном характере. Пишет с любовью, пишет даже с гордостью, но получается тот же результат, что у Касьяновой, тот же результат, что в моих художественных эссе. Он обращается к западным странам и с ними полемизирует. Он защищает Россию (нам, в основном, умным патриотам, приходится это делать. Это здесь мы обвиняем, а как только мы сталкиваемся с кем-то, нам приходится защищать): «Ваш гений — мера, наш — чрезмерность. Вы умеете останавливаться вовремя; доходя до стены, обходите или возвращаетесь; мы разбиваем себе голову об стену. Нас трудно сдвинуть, но раз мы сдвинулись, нам нет удержу — мы не идем, а бежим, не бежим, а летим, не летим, а падаем, и притом "вверх пятями", по выражению Достоевского. Вы любите середину; мы любим концы. Вы трезвые, мы пьяные; вы — разумные, мы — иступленные; вы — справедливые, мы незаконные. Вы сберегаете душу свою, мы всегда ищем, за что бы нам потерять ее. Вы — "град настоящий имеющие"; мы — "грядущего града взыскующие". Вы, на последнем пределе вашей свободы, — все же государственники; мы, в глубине нашего рабства, почти никогда не переставали быть мятежниками, тайными анархистами — и теперь тайное только сделалось явным. Для вас политика — знания, для нас — религия».

Опять бездны и взлеты. Но для того, чтобы создать политическую партию и кого-то куда-то призывать, надо было иметь более стабильную положительную концепцию. И идея традиций, она нас очень удачно выносит из этого художественного варианта, в котором непонятно, как мы будем обращаться и куда мы будем звать. Значит, сегодня будет взлет, завтра будет падение, а как мы при этом будем строить капитализм цивилизованный, не очень ясно.

Теория традиций дает нам возможность отмыть то золото, которое имеется в нашей руде, и вернуться к этим перспективам славянской, норманнской и традиции Дикого поля. И это было у нас. Мы можем вспомнить. XII век, Новгород, Псков, вечевые города. Уровень гражданского общества выше, чем на Западе, выше чем в городах ганзейского права. Материальное благосостояние выше. Люмпенов не было. Сколько населения, столько и граждан. Сколько граждан, столько и воинов. Это очень важно иметь в своей истории, на своей земле то, к чему можно возвратиться. Вот то, что мы называем «вернуться в дом Россия ищет тропы». И мы это имеем, нам есть куда возвращаться. Неважно, что это было восемь веков назад. Это никогда не прекращалось. Блестки этого золота — они всюду блестят. От Филиппа Колычева, который не побоялся Иоанну Грозному кинуть в лицо обвинение (не сбежал, кстати, на Запад, как Курбский), и до последних времен. Ведь маниакально-депрессивный психоз свойственен и русской истории, даже не народу, а истории. Это не единственный образ. Я обычно употребляю в своих лекциях другой образ: Россия играет в шахматы с роком. Каждый раз, как в фильме «Рыцарь и смерть», замечательный фильм, там рыцарь играет со смертью в шахматы. Каждое поколение садиться играть. Мы пытаемся отыграть свою историю. Мы пытаемся переписать ее заново.

Мы пытаемся сделать официозную историю столь же возвышенной и благородной, какой была наша катакомбная история. И какие здесь доли, там одна десятая к девяти десятым, половина на половину, три четверти на одну четверть — это варьируется. На последних выборах, по-моему, только 30% проголосовало за коммунистов и где-то 25% не пришли на выборы. Значит, все остальные выпали в ту самую 1/10, которая была в 1993 году, число может меняться. Но мы находимся в XX веке, в 1996 году, и поверх нашей древней истории хочется понять, что все-таки в современной-то происходит. А в современной истории происходит совершенно очевидная попытка коммунистического реванша. Я бы назвала ее заговором, совершенно сознательным заговором. Новым ГКЧП-3. И связано это с болезнью президента. Нисколько не сомневаюсь, что если бы Борис Ельцин не ждал операции, не готовился к ней, этого процесса бы не было. Те, кто хотел Зюганова

на царство, воспряли. По-моему, зря воспряли, не бросит Борис Ельцин в такой ситуации страну, видит, что как бы не на кого оставить, какова ситуация. Сразу начинают какие-то нехорошие мышки бегать по паркету. Так что, я думаю, всё это кончится для мышек неблагоприятно. Но пока мы видим сознательную попытку государственного переворота. Попытку явочным порядком отменить Конституцию. И еще суду предлагают в этом поучаствовать. Предлагают совершить убийство. Сознательное убийство. Предлагают омочить руки в крови. Я бы лично очень обиделась, если бы мне сделали такое предложение, и ни за что бы на него не согласилась. И, я полагаю, что найти противоядие от этого мы можем опять-таки в нашей истории. У Юрия Левитанского есть совершенно великолепное стихотворение, которое кончается так — это образ русской истории:

И летчик летел в облаках.
И слово летело бессонное.
И пламя гудело высокое
В бескрайних российских снегах.

Понимаете, бескрайние снега, и в них всегда гудит пламя, и его всегда хватало на то, чтобы вытащить страну. Хватило и в 91-м году, и в 93-м году. В 1941 году хватило тоже. Что там Жуков, что там Рокоссовский. А почему не поговорить об ополченцах, почти безоружных интеллигентах, которых бросили без всякой подготовки на гитлеровские войска, и никуда они не бежали, как вы (взгляд в сторону прокурора) в 93-м году. Они-то и есть герои этой войны. Именно они, а не маршалы, не Иосиф Виссарионович Сталин.

И потом, почему обязательно глумление? А если взять Юрия Бондарева, фронтовика, человека совершенно иных убеждений, он в своей «Тишине» что описывает? Возвращается Сергей Вохминцев с фронта, вся грудь в орденах, возвращается сильный, живой, умный, ни разу даже не раненый. Возвращается к себе в Москву. И что происходит в этой его Москве? Его отца ни за что ни про что арестовывают, ему самому угрожают, его выкидывают из института. И вот они, эти фронтовики, оказываются безоружными перед этим. Почему они остались перед этим безоружными?

Не я задаю этот вопрос. Это Виктор Астафьев, еще один фронтовик, сейчас он задает этот вопрос. Когда стало можно его задавать. Бондарев тогда не смел его задать, в начале первой оттепели. Почему они, имея оружие в руках, пройдя всю Европу, разбив Гитлера, ничего не сделали со Сталиным? Это их вопрос. Я только озвучиваю его в несколько иной форме. И я не думаю, что хоть один настоящий фронтовик на меня обидится. Юрий Левитанский прошел всю войну. Он был полностью солидарен со мной. И эти художественные эссе я ему подарила. И он сказал: правильно, мы виноваты, мы должны были вас защитить, у нас было в руках оружие, мы должны были вернуться с фронта, мы должны были свергнуть и своего тирана.

А Юрий Пиляр еще хуже. «Люди остаются людьми». Честные солдаты, взятые гитлеровцами в плен, прошедшие ужасы немецкого концлагеря, вот, наконец, — освобождение. Они видят родные танки, они счастливы, они предвкушают возвращение домой. Что они видят? Их перегружают в эшелон и везут в сибирские концлагеря. И они тоже ничего не могут сделать. Так что, наверное, в русской литературе есть более знаменитые и более весомые имена, которые ставили эти вопросы. Вы тоже для них смертной казни потребуете? Кажется, для Юрия Пиляра это уже не страшно. А Юрий Бондарев еще жив. И раз уж мы занимаемся здесь русским национальным характером, и здесь одна часть России, не лучшая, я думаю, судит другую часть России за то, что эта часть хочет идти не назад, а вперед, давайте выясним все-таки, каков наш национальный характер, какова наша история. Есть у Максимилиана Волошина совершенно потрясающее стихотворение «Дикое Поле». У нас художественный процесс, мы читаем стихи, а потом — последнее слово, последнее желание приговоренного к смерти, поэтому давайте почитаем:

Голубые просторы, туманы,
Ковыли, да полынь, да бурьяны...
Ширь земли да небесная лепь!
Разлилось, развернулось на воле
Припонтийское Дикое Поле,
Темная Киммерийская степь.

Вся могильниками покрыта —
Без имен, без конца, без числа...
Вся копытом да копыями взрыта,
Костью сеяна, кровью полита,
Да народной тугой поросла.

Только ветер закаспийских угорий
Мутит воды степных лукоморий,
Плещет, рыщет — развалист и хляб
По оврагам, увалам, излогам,
По немеряным скифским дорогам
Меж курганов да каменных баб.
Вихрит вихрями ключья бурьяна
И гудит, и звенит, и поет...
Эти поприща — дно океана,
От великих обсякшее вод.

Распалаял их полуденный огонь,
Индевела заречная синь...
Да ползла желтолицая погань
Азиатских бездонных пустынь.
За хазарами шли печенеги,
Ржали кони, пестрели шатры,
Пред рассветом скрипели телеги,
По ночам разгорались костры,
Раздувались обозами тропы
Перегруженных степей,
На зубчатые стены Европы
Низвергались внезапно потопы
Колченогих, раскосых людей,
И орлы на Равеннских воротах
Исчезали в водоворотках
Всадников и лошадей.

Было много их — люты, хоробры,
Но исчезли, «изникли, как обры»,
В темной распре улусов и ханств,
И смерчи, что росли и сшибались,
Разошлись, растеклись, растерялись
Средь степных безысходных пространств.

Долго Русь раздирали по ключьям
И усобицы, и татарва...

Но в лесах по речным узорочьям
Завязалась узлом Москва.
Кремль, овеянный сказочной славой,
Встал в парче облачений и риз,
Белокаменный и златоглавый,
Над скудою закуренных изб.
Отразился в лазоревой ленте,
Развитой по лугам-муравам,
Аристотелем Фиоравенти
На Москва-реке строенный храм.
И московские Иоанны
На татарские веси и страны
Наложили тяжелую пядь
И пятой наступили на степи...
От кремлевских тугих благолепий
Стало трудно в Москве дышать.
Голытьбу с темноты да неволи
Потянуло на Дикое Поле
Под высокий степной небосклон:
С топором, да с косой, да с оралом
Уходили на север — к Уралам,
Убегали за Волгу, за Дон.
Их разлет был широк и несвязен —
Жгли, рубили, вжимали ясак.
Правил парус на Персию Разин,
И Сибирь покорял Ермак.
С Беломорья до Приазовья
Подымались на клич удальцов
Воровские круги понизовья
Да концы вечевых городов.
Лишь Никола-угодник, Егорий —
Волчий пастырь — строитель земли —
Знают были пустынь и поморий,
Где казацкие кости легли.

Русь! встречай роковые години:
Разверзаются снова пучины
Неизжитых тобою страстей,
И старинное пламя усобиц
Лижет ризы твоих Богородиц
На оградах Печорских церквей.

Всё, что было, повторится ныне...
И опять затуманится ширь,
И останутся двое в пустыне —
В небе — Бог, на земле — богатырь.
Эх, не выпить до дна нашей воли,
Не связать нас в единую цепь.
Широко наше Дикое Поле,
Глубока наша скифская степь.

Вот это нас всегда и спасает. Тот же древний образ: в небе Бог, на земле богатырь. Сила, добродетель и мужество. Поэтому, я думаю, и с ГКЧП-3 точно так же ничего не выйдет, как и с ГКЧП-2, и с ГКЧП-1, потому, что в небе есть по-прежнему Бог, а на земле есть богатырь. Тот самый русский западник, который не на Запад бежит, а цивилизацию Запада несет к русской культуре, чтобы она стала еще богаче и еще благороднее. Поэтому мне совершенно не жалко для этого дела трупа, и если это удовлетворит ту партию войны, которая похоронила в свинцовых гробах и в чеченских аулах 100 тысяч человек, то это адекватный обмен, то есть даже не адекватный, я согласна: вместо новых 50 тысяч трупов будет один мой. Никаких проблем.

Но давайте будем говорить правду. Если вы хотите убивать — я, конечно, обращаюсь не к суду, мне неизвестно мнение суда на этот счет, я обращаюсь к государственному обвинению, к тому, кто за ним стоит, — давайте будем говорить правду. Давайте прибавим, вернее, изменим цифру. При чем здесь 74-я статья? Вы же судите меня по 64-й статье. Измена Родине, но не моей Родине, а родине государственного обвинителя — Советскому Союзу. Эти родины несовместимы. Будет Советский Союз — не будет России. Будет Россия — не будет Советского Союза. Давайте людям говорить правду — вы судите за это. И давайте не будем ничего скрывать.

Поэтому у меня есть к суду деловое предложение. Безусловно, наилучший выход из этой ситуации — это оправдание. Это даст надежду на то, что в России будет независимый суд, который не станет служить орудием политических распри, а то ведь может получиться, что какой-нибудь другой прокурор, какая-нибудь прокуратура возьмут и притащат дело, допустим, на Зюганова, неизвестно, что им не понравится, потом на Бабурина, потом на Проханова.

Я рада, что мы никогда не опускались до того, чтобы требовать смертной казни или тюремного заключения для наших врагов. Мы хотели, чтобы они больше не мешали, не осуществляли государственную власть, но мы никогда и в мыслях не держали посадить Проханова за его газету «Завтра». Посадить Эдуарда Лимонова за его политические лозунги, посадить Сергея Бабурина за его мнение. То есть мы в этом отношении чисты. Мы никогда не хотели быть палачами, и до такой степени не хотели, что, кажется, стали жертвами. Что, может быть, и нехорошо. Это оптимальный вариант. И мы все должны к этому стремиться. При жизни, после смерти, как знать. Но если есть намерение выносить обвинительный приговор, то я прошу перекалфицировать 74-ю статью на 64-ю. Там есть эти буквы — четыре — СССР. И пусть тогда будет хотя бы понятно, что происходит у нас в стране. Что если судят за измену Родине под названием Советский Союз, то, значит, нужно что-то делать. Может быть, наконец, воплощать программу ДС, запрещать экстремистскую деятельность в стране.

Поэтому я оставляю это на усмотрение суда. Каждый выбирает для себя. Каждый решает вопросы своей совести сам. Каждый сам решает: убивать или не убивать, предавать или не предавать, идти по дороге истины или идти по дороге зла. Я здесь ничего не могу советовать и ни к чему даже не стану призывать. А просто, на прощание, прочту стихотворение о русской истории Олега Чухонцева, которое, может быть, объяснит, почему в моих художественных эссе так часто встречаются исторические образы:

Я сойду на последней странице,
Где березы обступят кругом,
Где взлетит полуночная птица,
Капли с ветки сбивая крылом.

Я войду в край боярской измены,
В ту страну, где секира и мох...
Вы до мозга костей современны,
Реставраторы темных эпох.

Где ваш дом? У чужого предела
Запрокинется в ров голова.
И лежит безымянное тело,
И в зенит прорастает трава.

Красна девица в черном платочке.
Чем помочь? Не отпишешь пером.
Это, как говорится, цветочки,
То-то ягодки будут потом!

И не вихрь долетит до столицы,
А глухой человеческий вздох...
Я сойду на последней странице,
Где беспаямство глуше, чем мох.

О история — Дело и Слово, —
Славословие тебе не к лицу.
Я живу. Это право живого —
Имя дать и творцу и глупцу!

Всё.

(Зал бурно аплодирует, затем встает, аплодисменты перерастают в овацию.)

«И ВОТ ПОСЛЕСЛОВЬЕ, КОНЕЦ»

От народных восторгов по поводу запрета КПСС со снятием памятника Железному Феликсу до нынешнего меркантильного равнодушия по поводу каждого потенциального народного избранника, от депутата до губернатора или президента («Мама, а мама! Несет ли он яйца?» — «Не знаю, душенька, должен бы несть») — полтора десятка лет.

Может быть, это и есть норма при капитализме. Но с нами это случилось рано, капитализма еще нет, а чтобы его построить, его надо чертовски полюбить. Бескорыстно. Наверное, это бывает всегда именно так: пассионарный восторг — забивание камнями, Голгофа — новая религия, вера, катакомбы, мученики, звери на арене — рутина, равнодушие. Закон Божий, механическое отбывание религиозной повинности. И хорошо, если фанатизм и инквизиция не продолжают этот ряд.

Когда на последней неделе
Входил Он в Иерусалим,
Осанны навстречу гремели,
Бежали с ветвями за ним.

А дни всё грозней и суровой,
Любовью не тронуть сердец,
Презрительно сдвинуты брови,
И вот послесловье, конец.

Пастернак знал толк в отчаянии, тем более что в его время за Зюганова не 30 миллионов голосовали. Все 100 процентов голосовали за кандидатов блока коммунистов и беспартийных.

На выборах 1995 года в Госдуму я провела эксперимент: выставила свою кандидатуру от Партии Экономической Свободы. Только Константин Боровой оказался достаточно храбр, чтобы взять меня в долю. И то не в первую тройку, иначе бы спонсоры не дали ему денег, а в провинции отказались бы собирать подписи на подписных листах... 4 процента у ДВР, меньше 1 процента у ПЭС — ну ладно, провинция, глубинка, Вандея. Борового считают богатым (Жирик, кстати, богаче, но получает свои проценты) и поэтому не любят на селе и в провинции, Гайдара считают представителем власти. Но я выставилась в Москве. Здесь масса демократов. 23 соискателя на округ! Всякой твари по паре, от любителей пива до баркашовки. Я не имела и не искала денег. Только на подписи самую малость. Никакой агитации за себя. Хорошие концептуальные листовки. Идеи, а не дешевые обещания. На улице меня узнает каждый второй. По радио, по TV, в газетах я выступаю часто. Мне-то время не нужно покупать. И никакой пропаганды своей персоны. У меня есть доказательства: доперестроечный стаж борьбы, потом борьба при Горби, потом борьба за свободу Чечни. Я думала, что другие кандидаты этого не предъявят, а главное было — остановить войну в Чечне, убрать коммунистов и нацистов с дороги, уйти на Запад без всяких разговоров о третьем пути.

Я никогда не стала бы состязаться с достойными людьми, которые много сделали для страны: с Егором Гайдаром, с Константином Боровым, с Сергеем Ковалевым, с Глебом Якуниным, с Галиной Старовойтовой. Но у меня в округе были кандидаты, которые мизинца не укололи за эту страну, за ее свободу. Тельман Гдлян, например, лично объяснявший избирателям, что для таких экстремистов, как я, нет места в Госдуме. Он раздавал визитки с обещанием оказывать бесплатную юридическую помощь до 2001 года...

Мама Нина Федоровна с маленькой Лерой
Из личного архива В.И.Новодворской

Будущий мушкетер
Из личного архива В.И.Новодворской

Окликнет это давным-давно,
И слышит след пуровой вьюги-
ночи,
Когда я снова стану маленьким,
А мир опять - большим и радостным.
ночи.

Когда я снова стану облаком,
Когда я снова стану заблудившим,
Когда я снова стану маленьким,
И мир опять закружит в вихре,
Меня несет скрутка сапоро,
И в вихре от края сапоро,
Когда я снова стану маленьким
И мир опять закружит в вихре...

Игорю и Вале от Леры.
Зимой 53 года - апрель 1984.

Фото из личного архива Игоря Царькова
и текст, написанный 33-летней Валерией Новодворской
на обороте фотографии

1954 год
Из личного архива В.И.Новодворской

С соседками по даче
Из личного архива В.И.Новодворской

1956 год
Из личного архива В.И.Новодворской

Начало 60-х годов
Из личного архива В.И.Новодворской

В школьные годы
Из личного архива В.И.Новодворской

АТТЕСТАТ
о среднем образовании

Настоящий аттестат выдан Новодворской
Валерии Ивановне
родившейся в _____

_____ 17 мая _____ 1950 года,
в том, что она в 1967 году окончила 6 полный
курс средней школы № 270
Дзержинского района
г. Москвы

и обнаружил 6 при отличном поведении
следующие знания:

по русскому языку 5 (отлично)
по литературе 5 (отлично)
по алгебре 4 (хорошо)
по геометрии 5 (отлично)
по тригонометрии 4 (хорошо)
по истории СССР 5 (отлично)
по всеобщей истории 5 (отлично)
по обществоведению 5 (отлично)
по физике 5 (отлично)

по астрономии 5 (отлично)
по химии 5 (отлично)
по биологии 5 (отлично)
по географии 5 (отлично)
по иностранному языку (фран.) 5 (отлично)
по черчению 5 (отлично)
по физической культуре свои знания

Кроме того, _____ прош
производственное обучение по специальности _____

За отличные успехи в учении, труде и за примерное поведение награждена СЕРЕБРЯНОЙ
медалью.

Выдан 20 июня 1967 г.

А № 122320

Конец 60-х, студенчество
Из личного архива В.И.Новодворской

1	2	3	4	5

Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР
Московский государственный педагогический институт
иностранных языков им. Маркса и Энгельса

Академическая справка Ж № 810271

Выдана гр. Новодворской Валерии Ильиничне
 в том, что она обучалась с 1968 года по 1970 год в Московском государственном педагогическом институте иностранных языков (специальность: французский язык, квалификация: учитель французского языка) по специальности иностранного языка
 За время обучения гр. Новодворской В.И. пройдены следующие дисциплины и сдачи зачеты и экзамены:

№ п/п	Наименование дисциплины по учебному плану	Колличество часов по учебному плану	Зачеты	С д а в м	Экзамены (указать предмет)
1	2	3	4	5	6
	<u>1^й семестр 1968-69 уч. г.</u>				
1.	История К.П.С.	86	зачет		
2.	Проект и письменный труд	330	зачет		
3.	Физвоспитание	76	зачет		
4.	Спецподготовка	46	зачет		
5.	История Франции	58			стачко
	<u>2^й семестр 1968-69 уч. г.</u>				
1.	Латинский язык	64	зачет		
2.	Практика уст. и письм. фр.	333	зачет		
3.	Сов. русский язык	48	зачет		

Отчислена из института за поведение недостойное советского студента
 по приказу № 74 от 21 сентября 1970 г.
 Секретарь: Калинина
 Дата выдачи: Файнберг
 Москва, телефонная Говбама, 308.

Справка об отчислении из иняза

ДИПЛОМ

Б-1 № 431228

Настоящий диплом выдан Новодворской Валерии Ильиничне
 в том, что она в 1972 году поступила в Московский областной педагогический ин-т им. Н.К. Крупской
 и в 1977 году окончила с полным курсом названного института
 по специальности французский язык
 Решением Государственной экзаменационной комиссии от 18 июля 1977 г.
Новодворской В.И.
 присвоена квалификация учителя французского языка средней школы

Москва, 20 июля 1977 г.
 Регистрационный № 1402

Диплом об окончании пединститута имени Крупской

У библиотеки Второго мединститута.
Из личного архива Игоря Царькова

Игорю
от его прекрасной
девушки
в канун Восточной
ночи.
(Ступа и летня
уходах Гехоскоп
на улице)
13.6.86

То есть нес яйца. А я не обещала ничего, кроме борьбы с коммунистами и фашистами, кроме сохранения чести страны, кроме помощи бедным чеченцам... Всем стало ясно, что я отказываюсь нести яйца из принципа. Юлий Нисневич шел от «Выбора России». Что ж, в мирное время он прекрасный депутат. Но время еще не мирное.

Я не учла одного: что место в Госдуме — это не только право защитить честь страны и с чем-то бороться, это еще и теплое и сытное место. Я хотела отдавать; а соискатели шли брать. В результате был избран популист Гдлян, голосующий с левыми. У Нисневича оказалось второе место. Дальше был «яблочник». Потом — представитель блока Панфиловой из МВД (!). Коммунист, лужковец из НДР. У меня оказалось 7-е место. 11 тысяч человек с хвостиком. В других округах Москвы было бы то же самое: демократы не способны уступить другому даже во имя общего блага, а большинство требует от депутата мяса, шерсти и молока... Я больше никогда не буду баллотироваться. Я живу для этих 11 тысяч человек — по московским и петербургским округам, для задушенной горсточки демократов в провинции, для угнетенных национальных меньшинств, которые дают мне продукты на рынке даром (уж они-то все голосовали за меня), для 4 процентов гайдаровского электората, для тех, кто отдал свой голос Боровому. Для своих.

Мой кубок за здравье немногих,
Немногих, но верных друзей,
Друзей неуклончиво строгих
В соблазнах изменчивых дней...

В стране создана протобуржуазная среда («новые русские», банки, парвеню, журналисты, клубы, «челноки», торговцы, фермеры). Надо выращивать ее, как рассаду в ящике на окне. И никогда не быть на стороне левых. Нам не повезло: в своих экономических чаяниях дээсовцы — правые консерваторы, правее ДВР и ПЭС. Но в наших политических воззрениях (угнетенные народы и их права) мы — почти анархисты, потому что больше никто в Европе не готов признать право на самоопределение. Россия возвращается, как Иов, на свое гноище: к традиционализму черносотенцев и охотнорядцев, к Столыпину, а не к Джефферсону; к Манифесту 17 октября, а не к американской конституции.

Мы были правыми в XIX веке (за исключением эсеров, анархистов, меньшевиков, большевиков), но мы не были вполне европейцами. А нам надо успеть и туда и сюда: поддержать доброго конституционного монарха Ельцина — и его же назвать военным преступником за Чечню; запретить себе эмиграцию из России — и одновременно проповедовать атлантизм; всё отдать во имя чужой прибыли; лечь ковриком под чужие «мерседесы».

Я живу для того, чтобы все, кто работал и работает в КГБ (ФСБ), все, кто был членом КПСС и стал членом РКП или КПРФ, не знали покоя. Моя роль — это быть тенью отца Гамлета. Я буду появляться днем и ночью и напоминать тем, кто захочет меня услышать, кого убили Клавдии, взявшие за себя наших Гертруд. Только в отличие от тихой тени я буду кричать и требовать мести, как Электра, пока не придут Оресты.

В отличие от интеллигентного героя Сэлинджера я никого не хочу ловить над пропастью. Наоборот. Мы живем во лжи над пропастью правды, боясь в нее заглянуть. Я хочу бросать людей в пропасть правды, потому что разобьются на ее дне только слабые. У сильных вырастут крылья, они научатся летать. Они познают истину, и истина сделает их свободными. Свобода там, в пропасти правды. Чтобы полететь, надо броситься. Этот головокружительный полет — плата за освобождение от лжи. Мне никогда не скажут спасибо. Моя помощь народу выразится в том, что я извлеку его, отбивающегося, из зарослей лжи и швырну с обрыва в сияющую бездну правды. Пусть летит, авось по дороге войдет во вкус. Каждый правозащитник должен запомнить: народ имеет право на горькую правду. Народ не имеет права на утешительную сладкую ложь.

ЗАКАТ НЕСБЫВШЕЙСЯ ЕВРОПЫ

Ельцинская эпоха заканчивалась мрачно и тихо. Не было большой беды, но больше не было и надежд. Президентские выборы 1996 года стали нашей последней победой и последней радостью. Больной Ельцин, видимо,

не смог бы выдержать второго сеанса конфронтации с советским социумом, вплоть до гражданской войны в стиле 1993-го. Не было реформ, но не было и реакции. Это был худой мир. Ни нашего протеста, ни акций поддержки. Опять Некрасов:

Пошел... по дороге шагает...
Нет солнца, луна не взошла...
Как будто весь мир умирает:
Затишье, снежок, полумгла...

И вдруг в последний спокойный Новый год, накануне нового века, Ельцин бросает нас, так что все демократы подавились шампанским, и, словно борзых щенков, оставляет в наследство новому барину, В.В.Путину, премьер-министру и преемнику. Было очень обидно. Да, Ельцин был обманут. Обманулся и хитрый Березовский, и благородный Собчак. С КГБ трудно соревноваться в подлости и интригах. Но мы-то в ДС обмануты не были. Кончился наш худой мир с властью, и началась добрая ссора.

ДОВАЯ ССОРА

Когда перед нами соткался Путин, мы поняли: это враг. Не знаю, как могли Ельцин, Собчак и даже Березовский так обмануться. Он не казался ни реформатором, ни даже правым усмирителем левых и совков. В нем не было ничего ни от Пиночета, ни от Франко с их фалангой или американизированной армией с элементами аристократического офицерского корпуса, получившего подготовку в Вест-Пойнте или Сандхерсте. Он казался типичным кабинетным гэбэшником со своим любимым произведением («Щит и меч» Кожевникова), и первым его деянием на посту премьер-министра стало возвращение на здание Лубянки барельефа с профилем Андропова, сбитого демократами в августе 1991-го. СПС не понял, хотя Борис Немцов и Сергей Ковалев уже тогда, в 2000 году, голосовали не за него, а за Явлинского. Как могли обмануться Егор Гайдар и Алексей Улюкаев, написавший «Правый поворот»? Было очевидно, что при очень больших способностях и умении понравиться (разведчик это должен уметь) к власти

пришла Эриния — богиня мести, и что опираться он будет на КГБ, на большинство и на советскую армию.

А потом доказательства пошли косяком, если кому не хватило барельефа. Советский гимн, который он втащил в употребление без всякого на то резона (демократы вставляли под Глинку в силу ненависти к прежнему тексту и прежней мелодии; «патриоты» обожали Ивана Сусанина и «Жизнь за царя», а коммунисты боялись быть обвиненными в отсутствии патриотизма). Резон был один: унижить демократов, растоптать наследие Августа, показать, что вернулись советские времена. А дальше были речи про сортир, «Курск», вторая чеченская с ее запредельной жестокостью, взрывы домов и подвал в Рязани, где ФСБ поймали за руку. Впрочем, способность КГБ убивать своих никого из нас не удивила. Как там у Нателлы Болтянской, Галича 80—90—2000-х?

Отцам-иезуитам вполне достойный сын,
Он ценности и цели обозначил.
Над бритой губой топорщатся усы,
И френч растет из лацканов Версаче.

...Он говорит полезные и нужные слова
И тихо крутит гаечку за гаечкой.

Потом события пошли лавиной: раскулачивание Юкоса, «Норд-Ост», Беслан, а до этого агония НТВ. Это была последняя линия обороны демократии, последняя массовая попытка притормозить обвал. Киселев, Шендерович, Норкин в мокром снегу на Пушкинской, мы с Сергеем Юшенковым стоим в сугробе, а потом я еле протискиваюсь выступать. Вся интеллигенция Москвы сошлась в узком сквере. Мы еще верили, что не посмеют. И второй митинг, еще больше, мокрый, под дождем, мощнее, чем на Твербуле, у Останкино, под флагом НТВ, и я провожлашаю президентом Явлинского (защита НТВ — последнее и первое, кажется, достойное деяние «Яблока»), и мы все беремся за руки: энтэвэшники, я, яблочники — и поем, как у Окуджавы: «Пока безумный наш султан сулит дорогу нам к острогу». И мы пьем виски в кабинете у Киселева, и я отвечаю на звонки. А потом черная ночь захвата, аккурат в Великую Субботу, и во всем обвинили Алика Коха,

а он спас Гусинского и Киселева, он хотел помочь, и он тоже при всем своем уме Путина не вычислил.

О, как они уходили через дорогу, на ТВ-6: Киселев, Кара-Мурза, Шендерович, и ветер трепал их плащи, и это был вызов... Киселев все-таки велик: он отстроил ТВ-6, а ТВ-6 тоже убили на полуслове. Тогда он отстроил ТВС, а великий сатирик Шендерович, наш Салтыков-Щедрин, создал и продолжение истории города Глупова («10 лет, которые потрясли нас»), и мультик про Путина — удава Каа («Земляным червяком?! — Да-да, они называли вас желтым земляным червяком»), и «Кремлевский театр». И был сделан контрольный выстрел, в голову, и не стало ТВС. Потом раскурочили Рен-ТВ. Осталось «Эхо Москвы» — эхо убитой демократии.

Путин нас ошиповал, как цыпленка, по перышку: газеты, выборы, политзаключенные, которые стали исчисляться десятками, похороны Сергея Юшенкова и Ани Политковской, а до этого — Гали Старовойтовой, которые вышли за рамки дозволенного чекистами для депутатов и журналистов. Я еще успела сбаллотироваться как одномандатник в 2003 году. Надписи «Против чеченской войны», «Против раскулачивания бизнеса», «Против путинского самовластия» поперек избирательного портрета — и 6 % с хвостиком, а победил единоросс — Боос. И ничего не добавляли, у Бабушкина от «Яблока» было тоже 6-7%. Но народ хотел Бооса: много жертвует, строит приюты, о большой пайке заботлив... Мы всё поняли про народ. Он предал и нас, и свободу, и самого себя за чечевичную похлебку. Надеюсь, история будет справедлива, и похлебка кончится в миске у тех, кто всегда предпочитал стойло и пойло гражданским свободам. А мы продолжали. ДС продолжал метать жемчуг вестернизации перед свиньями и предлагать святыни Свободы псам, налакавшимся крови на чеченской войне.

Характер Путина, мне кажется, понятен. Сухой прагматизм, лицемерие плюс элемент советского маниакала. Ему мало власти, мало денег. Он воюет с западными ценностями, он восстанавливает атмосферу совка с поправкой на латиноамериканскую диктатуру и муссолиниевский корпоративный режим. Путинский характер лучше всего понимается (и вообще характер даже самого современного

гэбэшника) из одного стихотворения Галича о Черном море. Вот представьте себе 1958 год, уже после XX съезда. Энкавэдэшник вышел на пенсию и поехал на курорт.

Получил персональную пенсию,
Заглянул на часок в «Поплавок»,
Там ракушками пахнет и плесенью,
И в разводах мочи потолок.

И шашлык отрывается свечкою,
И сулугуни воняет треской...
И сидеть ему лучше б над речкою,
Чем над этой пучиной морской.

Ой, ты море, море, море, море Черное,
Ты какое-то верченое-крученое,
Ты ведешь себя не по правилам,
То ты Каином, а то ты Авелем!

И по пляжу, где б под вечер по двое,
Брел один он, задумчив и хмур:
Это Черное, вздорное, подлое
Позволяет себе чересчур.

Волны катятся, чертовы бестии,
Не желают режим понимать!
Если б не был он нынче на пенсии,
Показал бы им Кузькину мать!

Ой, ты море, море, море, море Черное,
Не подследственное, жаль, не заключенное,
На Инту б тебя свел за дело я,
Ты из Черного стало б белое!

И в гостинице странную, страшную,
Намечал он спросонья мечту —
Будто Черное море под стражею
По этапу пригнали в Инту.

И блаженней блаженного во Христе,
Раскурив сигаретку «Маяк»,
Он глядит, как ребяташки-вохровцы
Загоняют стихию в бардак.

Ой, ты море, море, море, море Черное,
Ты теперь мне по закону порученное!
А мы обучены этой химии —
Обращению со стихиями.

И лежал он с блаженной улыбкою,
Даже скулы улыбка свела...
Но, наверно, последней уликою
Та улыбка для смерти была.

И не встал он ни утром, ни к вечеру,
Коридорный сходил за врачом,
Коридорная Божию свечечку
Над счастливым зажгла палачом...

И шумело море, море, море, море Черное,
Море вольное, никем не прирученное,
И вело себя не по правилам —
И было Каином, и было Авелем!

Вот что лежит на дне путинской души.

Но никакого «счастья битвы», в отличие от Сокола А.М.Горького (фирма!) мы в ДС уже не испытывали. Мы разуверились в народе и остались при наших 5% «немногих, немногих, но верных друзей». Вместо энтузиазма неофитов мы стали испытывать гордую усталость профессионалов, которые не могут победить, но и не сдаются. «Нас осталось мало, мы да наша боль, нас немного и врагов немного, живы мы покуда, фронтовая голь, а погибнем — райская дорога». Путин, конечно, Дракон, но мы не Ланселоты. Мы не можем победить, и никакие подпольщики-кузнецы не принесут нам ковер-самолет и меч-кладенец. А Дракон умен, и он даже не стал нас жрать или испепелять, просто прошел мимо. Пренебрег. К тому же мы потеряли улицу, потому что некоторые обезумевшие от отчаяния демократы прикормили разную красно-коричневую нечисть вроде АКМ или лимоновцев, и протестовать на площадях из-за свастик и серпов и молотов стало невозможно. Когда враги набиваются в друзья — это самое страшное. Мы не хотим потерять наши идеалы и наши ориентиры.

Значит, благодаря иным слабоумным товарищам мы получили Второй фронт. Красно-коричневые добивают жалкую

российскую демократию с другой стороны, в четыре руки с Путиным. Мы искали Герцена в Березовском, а нашли только прожженного политикана, который готов брататься с коммунистами и фашистами, только бы отомстить Путину как личному врагу, а мораль у них одна: нравственно то, что полезно. Березовский разрушил «Либеральную Россию» и создал условия, при которых чекисты получили алиби, убивая Сергея Юшенкова. «Яблоко» покатило под Кремль, а СПС уродовал на выборах свою тройку по указке из того же Кремля, предав и Владимира Рыжкова, и Ирину Ясину. Значит, часть партии во главе с Надеждиным прижалась к власти, а другая часть пошла на сотрудничество с лимоновцами и другими красными. Мы остались одни. Но не в начале перестройки, а уже после ее провала. Что ж, «укрепим свой дух на скале Вечности, чтобы силы ада не расшатали его».

НЕ ДОЖДЕТЕСЬ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мой истертый калям, то есть шариковая ручка, дописала последние строчки моей последней книги. Я из тех несчастных славянок, которым суждено узнать, что бесполезно взывать в Путивле со стен: никто не придет. Стране не нужна свобода, и она не желает искупать свой позор. От конца одной оттепели до конца другой, от заморозков до заморозков, от введения войск в Чехословакию в августе 1968 года до введения войск в Грузию в августе 2008-го. От позора до позора. Сейчас, когда я дописываю эти прощальные слова, российские войска не только торчат в Абхазии и Южной Осетии (Самачабло), но и занимают Зугдиди, Сенаки и даже Поти — уже без всякого миротворческого мандата (до Самачабло там — 200 км, до Абхазии тоже никак не 25 км «буферной зоны»). Зачем империалистам мандат? Их мандат — в их безумии и в их танках. Россия никогда не спасет ни честь свою, ни славу (которых у нее нет с XV века), а худшие недруги Руси — ее власть и ее электорат. Моя душа неспокойна. Раньше у нас всегда

была возможность пойти на площадь и в тюрьму (как «семерка» с Красной площади в августе 1968 года) и искупить кровью вину своей страны. А сейчас нам не дают искупать, через нас с презрением перешагивают умные чекисты, сообразившие, что народ за нами не пойдет и что нечего срамиться зря.

Нет ничего страшнее бессильной ненависти. Ходорковский, Алексанян, Бахмина, Лебедев, Сутягин, Грузия, Чечня. Они убивают у нас на глазах и не слушают наши проклятия. Как была права Наташа Горбаневская!

Но преданы мы. Бой идет без нас.
Погоны Андерса — как пряжка танцовщицы,
Как туфельки и прочие вещицы —
И этим заменен боезапас.

О Родина! Но вороны следят,
Чтоб мне не вырваться на поле боя,
Чтоб мне остаться травкой полевою
Под уходящими подошвами солдат.

Дракон произвольно выбирает себе девушку. Сегодня — Ходорковский, завтра — Алексанян. А мы не можем защитить никого, наше Слово больше никого не волнует. И Визбор был тоже прав: приходит старость, режим окостенел, народ безмолвствует, абсолютное большинство хлюпает пойло из корыта, а на Грузию им наплевать. Интеллигенция — это мутация. Мы — выродки, экзоты. Но я никуда не уйду с дороги, по которой слепые правители ведут слепых поданных к очередной яме. И Визбор не советовал.

Скрипят под ногами ступени:
Мол, прожил — и всё стороной,
Скрипят под ногами ступени,
И годы висят за спиной.

И куришь ты всё беспокойно
И тень под глазами лежит,
И зябнет походная койка,
И черная птица кружит.

Но моя война, а значит, и война ДС продолжается.

Уже и рассветы проснулись,
Что к жизни тебя возвратят,
Уже изготовлены пули,
Что мимо тебя пролетят.

В стране еще осталась горстка порядочных людей. И вот приходит в ДС юная девушка Василиса Винник с философского факультета МГУ, которая и советской-то власти не помнит, потому что родилась в 1988 году. Но в свои двадцать лет она прочла столько, сколько другие — к семидесяти годам, и она не может жить без свободы. Приходит молодой ученый, талантливейший математик (при этом драматург и публицист не из последних) Роман Шамин и говорит: «Я пришел умереть вместе с вами». И уже восемнадцать лет продолжается донкихотское служение Коли Злотника, нашего юриста, который в нормальной стране давно был бы в Сенате, Конгрессе или парламенте в качестве лидера крупной партии. Значит, не конец. Еще живет «Эхо», «Новая газета» и The New Times. Как знать? Может, вернутся апостолы ДС, его создатели Игорь Царьков, Эдуард Молчанов, Саша Элиович и Андрей Грязнов? Может, вспомнит былое Женя Дебрянская? Может быть, я была к ним чересчур строга и несправедлива, ведь они были в начале времен, когда мы все рисковали жизнью, безупречны. А теперь, во время «доброй ссоры», они не стерпят и придут, ведь Путин уничтожает дело их жизни? ДС — прибежище для свободных людей, храм непокорных, и мы с радостью подвинемся и дадим им место: в строю, в камере, у стенки. Может быть, свободной прессы скоро не будет и тогда понадобится стране «Свободное слово» ДС и его лучший редактор — Эдуард Молчанов? Игорь Царьков пришел когда-то первым, и как же ему не вернуться к расплате и к године бед?

Молодые люди, которые неизвестны даже ФСБ, вышли на Лобное место всемером с лозунгом «За вашу и нашу свободу!» в повторение акции 1968 года, только на день раньше — 24 августа. Значит, будет смена, «выродки» не перевелись. Так что не дождетесь, милые чекисты, драгоценные совки, мишки на севере и в чаще леса. Я буду стоять

у вас на дороге, перед вашим паровозом, который вечно летит в тоталитаризм, и переведу стрелки, разберу рельсы или, на худой конец, обеспечу крушение, чтобы вы не задавили невинных. Если у вас хватит храбрости — давите. Если не хватит, я буду портить вам аппетит, пейзаж, настроение. Мир идет не в вашу сторону, вы — геополитический анахронизм вместе с Кубой, Китаем, Северной Кореей, Бирмой и Ираном. Динозавры из Юрского периода, у вас осталось мало парков, а мир принадлежит людям: американцам, японцам, англичанам, полякам, эстонцам, украинцам, грузинам и всем, кому дорога свобода. Рано или поздно скелеты членов правящей Россией хунты займут свое место в Палеонтологическом музее вместе с мумией из Мавзолея. Я не доживу, но планета доживет. И она будет называться не «Парк Юрского периода», а «Земля людей».

2008 год

СТИХИ

ИЗ ЦИКЛА «РОЖДЕННЫЕ В НОЧИ»

Москва в ноябре

Москва в отрепьях декораций.
Дзержинский окружен панно.
Все — как издание иллюстраций
К поэме, пройденной давно.

Хоть красный цвет красив, пожалуй,
И лозунг — украшение стен,
Пахнуло скукою угара
От неизменных перемен.

Здоровьем, пышущим из окон,
Самодовольным и простым,
Объешься, как вареной свеклой,
Читая лозунгов листы.

Вот к центру потянулись рамки
И транспаранты с кумачом.
Запас был выдан спозаранку,
От майских празднеств сбережен.

Во имя умершей идеи —
За Лениным! Вопль на плацу.
Живые чувства и стремленья —
Для гекатомбы мертвецу.

И дальше, к каменной гробнице,
Сквозь рев истасканной хвалы,
К трибуне, где застыли лица
Мертвей, чем лица часовых.

Они молчат, касаясь шляпы.
И неуменье выступать,

И мысли незамысловатость,
И — просто нечего сказать...

Не будем же сверх меры злыми.
Пусть в городах злит дребедень!
Ведь нынче в лагерях России,
Наверно, нерабочий день.

Должно быть, от избытка счастья
Над этим чинным торжеством
Сквозь слезы хмурится ненастье,
Не смея вылиться дождем.

Чехии

Мокнут день и вечер,
Лист газетный белый...
Ненавидеть нечем,
Всё переболело!

Вновь к привычной роли,
В старые невзгоды...
Двадцать лет неволи,
Двести дней свободы.

То, что растоптали
В беззащитной Праге,
Мы и не видали —
Только на бумаге...

Было — и не будет.
Кануло, забылось.
Может, это людям
Попросту приснилось?

В будущем безволье
Задымят заводы...
Двадцать лет неволи,
Двести дней свободы...

А когда не станет
Ни тоски, ни гнева,
Возродится пламя,
Дерзостно и зрело.

Будут годовщины
Отмечаться где-то:
Праздничные зимы,
Траурные лета.

Серое безмолвье
День вчерашний косит,
Душное, как полдень,
Терпкое, как осень.

Истекая болью,
Цепенеют воды...
Двадцать лет неволи,
Двести дней свободы.

Джордано Бруно

О, если бы ветер дунул,
И дождь не залил костер!
Выводят Джордано Бруно
На синий римский простор.

При деле береза и ясень,
Где надо, шумят тополя,
И площадь цветов украсит
Багряная роза огня...

Выводят в весеннее утро.
Сгореть, чтоб не заплесневеть!
О, как дальновидно и мудро
Так вовремя умереть...

О, если б сгореть без остатка,
Чтоб не было похорон!

Как больно, как жутко, как сладко
Уплыть в колокольный звон...

Заборы, законы, заветы
И черная копоть икон...
Как душно на свете этом,
И как просторно на том!

Не камера, не отречение,
Не сумасшедший дом,
А просто минуты горенья
И вечность свободы потом!

На этом костре высоком,
Лишенное шор своих,
Увидит чуткое око,
Увидит себя и других.

Смерть Вергилия

Вергилий умирает. Лавры ждут.
Готовится гранит для пьедестала.
Как на болотах лотосы цветут,
Так из веков искусство выросло.

Меч Кассия и Августа венец.
Преторианцы. Добрые и злые.
Мой век. Его начало и конец
Не хуже и не лучше, чем другие.

Меня швыряет времени прибор.
Меня кормили. Я был сыт и счастлив.
Я стану веком и он станет мной —
Я выразил его как соучастник.

Филологи оценят сладость нег
«Буколик», прелести сирен и фавнов.
Они, конечно, примут этот век,
И он войдет в историю как равный.

Воспетые поэтами грехи
Грядущие историки заучат.
Потомки затвердят мои стихи
Как доказательство благополучья.

Какой великий век — на первый взгляд!
(А взгляд второй — излишняя обуза.)
Не страшно, если пушки говорят,
Раз процветают грации и музы...

Искусство — обоюдоострый меч,
Что служит и добру, и вероломству.
И он решил свои поэмы сжечь.
Но Август их оставил для потомства.

Осенний дождь

Осенний день едва брезжит.
И капает чуть слышно дождик.
Идет, тихонько землю гложет,
Бесшумно, вкрадчиво, как жизнь.

И не смывая ни следа,
На стекла грязные стекает
И глотки улиц заливают
Не очень чистая вода.

Придет весна. Когда придет?
Не жду, не помню и не верю.
О, этой осени безмерной
Почти неощутимый гнет!

А жизнь идет. Среди дождей,
По бездорожью и по лужам,
Сквозь грязь, сумятицу и стужу,
И тащит за собой людей.

И вот, уверенный в себе,
Холодный дождик заливают

Равнины. Нет конца и края,
Как жизни, серой пелене.

А рядом — руку протяни,
Успокоительно и веско
Висят драпри и занавески —
Возьми и окна затяни.

Но не задернуть их. Зачем?
Ведь всё давно уже промокло...
А жизнь стекает вниз по стеклам
И в мутный падает ручей.

У развалин Лубянки

В пьянящей горечи весенней,
В невероятный судный день,
Рассеявшись, исчезнут тени,
И вырвется на волю день.

Гранитных башенок изгибы,
Крутой классический карниз
Поднимутся в горниле взрыва —
И медленно осядут вниз...

О ты, кому тот час подарен,
Ты отошел, но оглянись,
Повремените у развалин —
Мы ждали этого всю жизнь.

Вам мало выпало насилий.
Нам ненавистен этот дом.
Лишь то ярмо возможно скинуть,
Что перестало быть ярмом.

Но прежде, чем прозренья брызнет,
Условие поставил бог,
Чтоб наши сломанные жизни
Ушли в распутицу дорог...

Так подыхая под забором,
И задыхаясь от тоски,
Почувствуй, разгляди, запомни
То утро в горечи весны.

Так помни и живым, и мертвым,
Смирившись, жертвуя, предав:
Взрыв. Вихрь. Гранитные осколки.
И буйное цветенье трав.

1937 год

На фоне знамен и улыбок,
По девственно-чистой канве,
Отдельные были ошибки:
Три строчки в десятой главе.

Ошибки? Так, значит, замоют,
Оставят в дорожной пыли,
Забудут, зарюют, зарюют
На кладбище братском Земли.

Сонатой проклятий и стонов,
Как Реквием или набат,
Убийство пяти миллионов
Вошло в календарь наших дат.

От этой ошибки пустячной,
От этого скромного «но»,
Не стало ни «дальше», ни «раньше»,
Не стало ни «после», ни «до».

Пусть день воцарится и сгинет:
Не нужно, не важно, не в счет.
Ведь к городу Солнца отныне
Завален последний проход.

А значит, исполнились сроки,
И близок последний восход.

А значит, солгали пророки,
И он никогда не придет.

Падучей звездой забрезжит
В ночи казематов и плах
Тшета человеческой надежды,
Замерзшей в сибирских снегах.

А если кому-то мы снятся,
То в некий предсказанный год
Он скомкает эту страницу
И рукопись бросит в комод.

Планета, что ярко и зыбко
Прошла перед ним на холсте —
Ошибка, ошибка, ошибка,
Помарка на чистом листе.

1970-е

«Снег былых времен»

Петр I

Не нужно мне его талантов:
Кутилы, боцмана, врача,
Крепителя границ и вантов,
Строителя и палача.

Кто против? Всмятку и в окрошку,
На переплавку, в перегной,
Не нужно мне его картошки,
Что их удобрена золой.

Не нужно мне железной воли,
Что без путей и без дорог
Прошлась по беззащитной боли
Подошвами чужих сапог.

Не нужно мне его проектов —
На желтых пыточных листах.

Не нужно мне его проспектов —
Сплошь в не поставленных крестах.

Не нужно мне его прогресса —
В доносах и в календаре,
Не нужно стылого железа
Постов в рассветном серебре.

В тот утренник стрелецкой казни...
Курганы из голов и рук,
Преображенского приказа
Десятый бесконечный круг.

Отказываюсь от наследства:
Любому уступлю свой пай,
Прекрасна цель, ужасны средства,
Не надо мне билета в рай.

Россию в плавание пустили:
Сплеча, наотмашь, под откос.
Не нужно мне его флотилий —
По хляби человечесьих слез.

1978

На смерть Высоцкого

С подмостков, как с трибуны,
В отчаянную высь
Гитары дерзкой струны
Звенели и рвались.

Им ложь и сладость чужды,
Неукротим их бег,
И если будет нужно,
Они искупят век.

В разгаре ночь безмолвья,
Где нем любой язык.
Но ты пришел как полдень
И прозвучал как крик.

На амбразуру сердце –
Твой вызов и твой бой.
И море фарисейства
Сомкнулось над тобой.

Не надо сожалений.
Искать, а не рыдать.
Как совесть и как гений,
Тебя нельзя отнять.

Без меры и без веры –
Россия, не остынь!
Апостол Люцифера,
Паломник — от святынь.

1980

ПИСЬМА К ДРУГУ*

2.08.1984

Игорь, любимый!

Поскольку ты не можешь дать мне хорошего пинка за такое обращение дистанционно, то я рискну его употребить. Буду тебе писать письма, как Сирано Роксане, и окончательно тебя оболещу, и ты даже о моей изящной внешности забудешь. Только не вздумай бросать агрегатик (надеюсь, вы ему по дороге лапки не переломали?) и приезжать ко мне на осаду Арраса...

Большой тебе привет от того человека, которым ты интересовался на прощание в электричке. По-моему, всё хорошо прошло, хотя я страшно волновалась (я вопреки своему внешнему нахальству все-таки очень застенчива и такими связями никогда не злоупотребляла). А привет потому, что уж очень соблазнительно я тебя описала и вообще всех (но особенно вас, мистер Совершенство, — это ты у меня под таким кодовым названием проходишь). Ему теперь тоже хочется увидеть и попробовать на зуб. Кроме того, о чем мы хотели просить, нам предложена дружба. А это, ты понимаешь, не пустяк — от этого человека. Подарила от нас пару хороших книг и, конечно, стихи. Остальное всё устно, когда вернешься.

Меня терзает (ты уже улыбаешься, я вижу) раскаяние. Ведь Эдик отпал — в Кишинев. И из-за моей бездарности всё свалилось на хрупкие Костины** плечи. И на бедную Любу***. Косте я постаралась скрасить жизнь Платоном, Томасом Манном и Рильке. Полную сумку унес, и, надеюсь,

* Письма предоставлены издательству другом Валерии Ильиничны и приводятся с некоторыми — весьма незначительными — купюрами, сделанными по его желанию.

** Константин Пантуев, он же Пантик, друг Леры и Игоря.

*** Любовь Чернышева, экономист, помогала размножить нелегальную литературу.

Баська* легче пройдет под таким гарниром. Оказывается, наш динозаврик просто лунатик и ходит по ночам — поискали туп-туп, глазками луп-луп. Посоветовала надеть на ланч носки. Слов нет, что я Косте звоню и вообще их не бросаю. Пряников им забросила (в отличие от тебя, Бася их еще ест). Надо было видеть, как Костя зарылся в мой книжный шкаф! Куда вся ирония девалась! Но он почти всё читал, и я завидую.

Я-то в 24 года ничего этого не знала. Я, правда, мало занималась тогда беллетристикой, а больше — историей, философией и лингвистикой (и теперь тоже), но это меня не оправдывает. Слушай, его любимый роман Достоевского — «Идиот»! Он замаскированный идеалист, им всем именно это нравится. У меня всё же «Бесы». Мы до 23 часов читали друг другу вслух из «Бесов» любимые места.

Не волнуйся, если Бася все деньги раньше срока проест, у меня найдутся. И прости меня за мою никудышность. Или я за следующий год научусь гулять с Басей, или пусть он меня съест. Туда мне и дорога. Буду тренироваться. И пусть кусается хоть каждый день. А то князю Игорю от такой Ярославны проку будет мало, придется при ней еще псарей держать и выжлятников. Нерентабельно!

Ты, конечно, в воскресенье, 29 августа, перед самым отъездом, не посмотрел фильм-спектакль из Ермоловой «Василиса Мелентьева»? Я и предлагать не стала, чтобы ты не огорчался — времени уже не было. Эту пьесу Островского очень редко ставят. Конечно, за это взялся Владимир Андреев (ведь это он один сумел по-человечески поставить «Утиную охоту»). И вышел не Островский — декоративный, камерный, оранжерейный. Мне всегда в нем чего-то не хватало. Размаха, мощи, отчаяния. Нет в его пьесах того, что незримо присутствует в Пушкине, в Тургеневе, в Достоевском, — песни судьбы. А здесь Это тональность А.К.Толстого, Эйзенштейна, Пушкина. Только здесь не молодой Иоанн фильма, еще только превращающийся в «нелюдь», в вурдалака, в демона — а Иоанн последних лет, вкрадчивый, порочный, творящий зло со сладострастием, со вкусом, смакуя. Ты пьесу-то читал? Иоанна играет великий Соловьев, он умер, никто больше не увидит этого спектакля, его Иоанна, Вилли Старка, Хлудова, Бунина из «Грамматики любви». Как он говорит о польских

* Баська — Абас бел Адин, черный терьер, собака Игоря.

панах, что если его, мол, не выберут королем, то «Я над ними буду промышлять». С вкрадчивой кошачьей улыбочкой, с жуткой иронией. Соловьев играет злодея, не питающего иллюзий на свой счет, сознающего свое злодейство, упивающегося им — на фоне трусости и раболепства своего окружения. Он издевается над ними в глаза, а они терпят. Он считает, что они лучшей участи не стоят (он с интересом и нетерпением нащупывает грань — есть ли предел подлости у бояр? Где кончается их инстинкт самосохранения?). Он жаждет равного противника увидеть, жаждет диалога (потому и Курбскому отвечает на письма). Но никто не имеет ничего, все только плачут и молят, никто не возмущается, не бунтует — и он мстит им именно за это. Ничего себе версия, да? Несколько раз по сцене проходит мрачная процессия чернецов и черниц со свечами — причем не тогда, когда кто-нибудь погиб. Реквием по эпохе. Хоронят время. Оплакивают презренный, рабский век. Представляешь себе беседу царя с Малютой, когда последний винится в том, что оплошал: поднял на дыбу царицыну мамку, хлестнул два раза плетью — она и отдала богу душу. А царь ему этак благодушно: ну и живодер ты, кум! Разве можно так обращаться с бедной старушкой! Ты бы ее лучше поджарил на сковороде, она бы всё и рассказала. Самое жуткое место во всей пьесе.

Как только получу адрес, сразу это письмо тебе отправлю, чтобы ты убытка не потерпел. И так оно будет до Урала тащиться дней 5-6. Пишу обратный адрес не для ответа (уговор дороже денег), но вдруг тебе срочно что-нибудь понадобится выслать, тогда пошли телеграмму. Ношпу догадался с собой взять? Напомнить я не посмела: ты ведь не любишь моей обстоятельности. Правда, из нее никогда не выходило размеренной жизни, а только одни самые дикие приключения; это меня извиняет отчасти.

Целую тебя.

Лера

6.08.1984

Привет, моя чаша святого Грааля!

Тебе никогда не попадалась в руки книга Мэри Стюарт «Полые холмы»? Собственно, это вторая часть трилогии, есть вначале «Стеклянный грот», а потом «Последнее

волшебство». Книга о детстве короля Артура, о магических временах Максена (римского императора, владыки острова), о тайном предназначении этой самой чаши Грааля, о Канрите, волшебном коне Артура, о Калибурне, не менее таинственном его мече. Написано вполне реалистически, и Мерлин — просто принц и интеллигент, и даже чувствуешь запах вереска, и вдруг проваливаешься куда-то в тайну, и колдовские гроты, колдовские озера обступают тебя, и Мерлин повелевает стихиями и даже грядущим, и ты считаешь это естественным. После этой книги уже не усомнишься в силе магов и чародеев, она вся — как музыка Моцарта или Глюка. Розовая, золотая, опаловая. Перевели только «Полые холмы», я бросилась в Иностранку, а там вообще ничего нет в подлиннике, ни начала, ни конца. Я до сих пор не утешилась, и с тобой будет то же самое. И Стайрона, «Выбор Софи», они еще не купили. Они вообще уже 6-7 лет ничего нового не покупают, живут старыми запасами.

У меня для тебя хорошие новости. Завтра Пантик отбывает в страну фьордов, к Янтарному морю. Сегодня я ему звонила на работу. 15 августа мы созвонимся, и я вытащу его на дачу. Баська очень живой и очень здоровый. Лопают за троих — за ротвейлера, за ризеншнауцера и за ньюфаундленда. Не волнуйся, я специально оставила денежки на случай, если он не уложится в бюджет. На столе для Любы Костя оставил мой почтовый кратовский адрес с запиской (для телеграммы) и дедушкин телефон — мама ему каждый день звонит и каждый день ездит на дачу.

Так что связь железная, случись что важное, я тут же буду знать. Надеюсь, у тебя есть там какая-то еда, горячая вода, покой и красивые девушки. А то в Москве я тебя здорово отвлекаю от двух последних объектов. Хоть отвлекись и развлекись немного, а то я все время вгоняю тебя в ипохондрию, не считая жизни, которая гонит туда же. Читаю сейчас романы и повести одного швейцарского зетейника Хаймито фон Додерера. Сначала жуешь как нечто несъедобное и колючее, вроде ерша и ежа, а потом, когда раскусишь, чувствуешь млеко и мед. Все эти швейцарские ребята такие: и Фриш, и Дюррематт, и Томас Бернхард, коего ты взял с собой на дорогу.

Давай поговорим о спектакле Арро «Смотрите, кто пришел!». Есть возражения? Содержание ты знаешь. А сыграно так, что все время напрашивается сравнение с «Вишневым садом». Даже есть таинственная свирель вместо звука

лопнувшей струны. Ну а обитатели дачи все до одного выглядят очень непривлекательно. Все чванятся, как надутые индюки, хотя гордиться нечем — дача чужая, а книги дядины бездарные, их никто не читает. Бедный Кинг проповедует глухим. И никакие они не интеллигенты, а та самая «образованщина», они бестактны, жестоки, мелочны. На сцене просто разгром — так все они сыграны. И как великолепен Кинг — Костолевский! Он мягок, умен, ироничен, прекрасно образован. И возникает вопрос: зачем такой вот Кинг к ним — таким жалким — пришел? Ведь он умен и всё понимает. Не за книгами же он — у него хватит денег, чтобы скупить всю мировую литературу на черном рынке, да и многое он уже прочел. Манеры у него самые интеллигентные, лучше, чем у обитателей дачи. Ход мыслей, логика, лексика, стиль — всё вполне интеллигентно. Он знает дорогу и в театры, и в библиотеки. Его духовный потенциал очень высок. В этом спектакле Кинг приходит не за образованностью, а за высокой идеей, за чем-то, во имя чего стоит умереть. Он хочет жить высшим смыслом, хочет иметь мысль, которую важно разрешить. Он за верой пришел, он мученичества жаждет — единственного, что может наполнить жизнь до краев. А у них ничего этого нет!

У Льва генетика и биохимия на малых оборотах, ведь не Пастер он, не Менделеев. У отца и матери героини — одна спесь и былое — даже без дум, думать они не приучены; у героини — тоска, причем по безбедной жизни. Мало! Нечем поделиться! Поэтому Кинг так страшно и разбивается о них в конце. Он просто катается от боли по сцене, он возненавидел свое сытое и сонное прошлое, своих прежних друзей, но обрел только пустоту. Нет ни одного колодца, ни одной капли воды. Неутоленная жажда — теперь уже навеки. Спектакль производит самое страшное впечатление. Знала я такого человека, у него было много денег (не меньше, чем у Кинга), лоска меньше, конечно, было, но жаждал он обрести идеал. Я давала ему книги, знания, а вот идеал передать не смогла. Ему хотелось очень парадного идеала, в бальном туалете, а вот в будничном платье он его не узнал. Народовольцы его бы устроили. Как же — Исполнительный комитет, печать, масса людей, тайны, пароли, динамит, ореол, виселицы. А что могла предложить я? То, что тогда было — в конце семидесятых.

Надежно, достойно, но очень скромно. Это не Кинг, конечно. Но интересно, что этот персонаж не выдуман. Как видишь, он почти с натуры. Тоже хотел поделиться своими деньгами. Хорошо, что я никогда ничего не брала. Куда лучше отдать бесплатно. Целую тебя, мое сокровище. Усатое и уже, надо думать, бородатое.

Лера

09.08.1984

Привет тебе, княже!

Надеюсь, мои берестяные грамоты до тебя доходят? А то эти самые Учалы, они для меня вроде страны «Макара и его телят», как говаривал наш с тобой любимый персонаж «Бесов». Как тамошние почтовые дилижансы, не шалят? Учти, это третье письмо. Равнодушная природа, которая вокруг меня сияет вечной красотой, начала мне приедаться. Озеро всё то же — хрустальное и ледяное, зелень свежая и благовоющая, цветы — как в Эдеме, солнце сверкает как золотая парча (это метафора от Хаймито фон Додерера), небо — лазоревое. И только. Очень статично. Впрочем, от тропических красот, от жирных пальм, от волосатых алоэ, от засахаренных цветов, от лакового моря меня начинает тошнить в первые же три дня. Сидишь там, как в компоте или в банке с вареньем. Я же не оса, чтобы этому радоваться! Российскую природу, более строгую, печальную, насыщенную высшим смыслом, менее кондитерскую, словом, — я выношу легче. Меня хватило на целых 9 дней (подряд). Я обычно здесь очень удачно «заземляюсь», погружаюсь, отражаюсь и привожу в порядок свои довольно-таки драные нервы. Но месяц этой идиллии превышает мои потребности. Твои, надо полагать, тоже. У тебя такой же вкус к руссоистской жизни, как и у меня. Что-то Жан-Жак не предусмотрел. Сначала блеешь вместе с овечками, а потом начинаешь волком выть. Странно, как всё приедается. Всё, кроме театра, книг, музыки и тебя. Так что я зарываюсь в книги, и пусть природа пока живет сама по себе.

Давай поговорим о греческих мифах и легендах. Ты обещал подумать, помнишь? Это когда я поставила их ниже

библейских и скандинавских. Во-первых, что притягивает в настоящем мифе? Седая старина, подлинная, замшелая. Есть это в Библии и в рунах и сагах? Есть. Есть там что-то циклопическое, титаническое, некоторая неотесанность. А вот когда всё изящно, отшлифовано, огранено — это уже не миф. (Разве Дафна, Пигмалион, Филемон и Бавкида, а также целый сонм нимф, дриад, наяд, nereид не отдают Версалям и Ватто?) Еще настоящий миф, по-моему, исполнен эсхатологичности. Этот прообраз конца — и страшного конца — есть в Библии, есть в Эдде, но его совсем нет в греческих мифах. На Олимпе боги, в кустах порхают нимфы — вечность без срыва, без трагедии, без конца. Ницше очень чтит этот образ жизни, этот образ мысли и, пожалуй, он разглядел главное, что в нем было: лучезарную безжалостность, бестрепетность, полное отсутствие рефлексии и понятия «грех». Наверное, это тот же холодный смех небожителей, который так притягивает и страшит нас у Моцарта. Но силы, титанической, опасной для самой себя мощи и видения конца (часа Рагнарёка или Страшного суда) там и в помине нет. Вся Библия, все саги — это давно ушедший на дно материк, затопленная Атлантида. Так это и читается: с ужасом и первобытным восторгом, когда попадаешь (случайно) в лад. А вот половина эллинских мифов, кажется, сочинена в блестящих и развращенных Афинах, которые мы не считаем древнее Парижа XIX—XX века. И мы правы, потому что в истории человечества они стоят в одном времени — времени роскошной зрелости цивилизации, ее даже некоторого извращения и легкого декаданса со всеми его причудами и изыском. Меня закидают дохлыми кошками все историки, искусствоведы и археологи, но я буду утверждать, что «галантные» греческие мифы (еще сюда же прибавить Ниобу, Арахну, Дедала с Икаром) сочинены не позже V века до н.э. А вот Эринии — это настоящий миф, и Медея, и пир Фиеста, и всё, что касается Атридов и Эдипа. Эти сюжеты и их обработка — они как циклопические камни Микен. А «галантные» мифы похожи на мраморную колоннаду Парфенона. В легенде об Атридах, напротив, есть кровь, есть почва, есть Рок. Эти легенды грубы и чудовищны, они не для сонетов, а для надгробий. В них Эрос почти поглощается Танатосом. Еще одна примета старины. А вот «новые» эллинские времена — здесь Эрос явно превалирует, Танатос убран подальше от глаз. Наверное, на нем-то

всё держалось: и сила, и эсхатология. А ведь ныне совсем нарушен баланс двух этих великих инстинктов: Танатос подавлен полностью, царствует Эрос. Для того, чтобы человек вернулся к изначальному своему рыцарскому благородству, самоотречению и самоограничению, чтобы он обрел бесстрашие и жажду идеала, чтобы он искал бремени, а не облегчения, и битвы, а не покоя, нужно как-то раскопать этот несчастный инстинкт, Танатос. Вот только как...

Слушай, а ты не очень устаешь от моих писем? Я ведь предупреждала, что меня нельзя в аллопатических дозах воспринимать. Вдруг за месяц совсем от меня не отдохнешь? Даже не знаю, что и подумать. <...> Почему мне никак не дается беззаботная легкость? Я что, тоже очень древняя? Целую, люблю.

Лера

13.08.1984

Игорь, кисонька!

Баська уживается со всеми настолько безболезненно (я 11.08 звонила ему), что я начинаю думать, что напрасно ты меня устранил, может быть, этот дикий ангел ужился бы и со мной. Ему же плевать на мою непрактичность, лишь бы он был сыт и одет, то есть кроме завтраков, обедов, ужинов и прогулок ему ничего не нужно. Люба его на 2 дня оставила Тане* (ей надо было уехать). Ты, наверное, знаешь Таню? Я что-то нет. Но у нее большой собачий стаж, она Баську водила в Измайловский парк, и они там 4 часа чинно гуляли и даже никого не заели. Костя оставил Любе все мои координаты и телефоны, но она все-таки обратилась к Тане. Наверное, ты успел ей шепнуть на ушко, что Баська от меня сбежит на край света и что вообще я лишний человек незабвенных онегинско-печоринских времен. Таня хотела еще отвести Басю на собачий пруд, но я ей рассказала про вашу утиную охоту. Не хватало им только в участок попасть.

За деньгами должны были прийти вчера или сегодня. Я предупредила, как ты велел, чтобы не говорили о вашем

* Татьяна Зорина, подруга и соседка Любы.

долгом отсутствии. В общем, пользы от меня чуть, и если ты еще такой ненужный предмет, как я, увидишь где-нибудь на Псковской земле, советую не подбирать, пусть себе валяется на обочине. Я весь год буду тренироваться и дойду до такого невысказанного совершенства, что смогу гулять с пантерой, не только с Басей. Прости меня на этот раз. Прощаешь? Сам виноват, надо было рискнуть. Никуда бы Бася не сбежал, ну, тяпнул бы меня пару раз, подумаешь. Ну, поволновалась бы я, ну и что? Сама виновата, не надо быть бараном. Таня же не волнуется. А ты мне еще 17 мая пожелал всегда оставаться такой же. И еще обиделся, когда я в ответ запротестовала. Я же лучше знаю, что я за фрукт. Ужасная смесь весталки, народоволки, кисейной тургеневской барышни и средневекового схоласта. Нет уж, я буду меняться, а иначе ты меня просто утопи. К Новому году я научусь всё делать с Баськой. И еще беру обязательство за зиму так освоить вашу смежную профессию, что мне можно будет смело доверить 1/3 всех ваших льдов и снегов. <...> помогать в первую очередь должна я, и для этого надо чему-то научиться. Домоводство я уже на 90% освоила (только глазу плохо), осталось освоить Баську и снег. И окна. <...> Так что твою программу по части ухода за тобой, Валеи* и Баськой я выполню. Главное, чтобы стыдно стало. А мне уже стало. Если ты на меня не сердишься за мою непригодность, то ты просто святой Франциск. Приедет Костя, и мы с ним проведем творческий эксперимент: я буду гулять в его присутствии с Басюней, а он будет нас страховать.

Послушай, я наткнулась на любопытнейшую цитату из Гоголя. «На колени перед Богом — и проси у него Гнева и Любви! Гнева против того, что губит человека, Любви к человеку, которого губят». По-моему, это та самая разгадка, которую мы ищем. Когда «и да, и нет сольются, и смерть их будет свет». Ты не находишь? В каждом должны присутствовать оба полюса, но процентное соотношение одинаковым быть не может — 50 на 50. Мы же не электрические машины с катодом и анодом. Тебе дано больше Любви, чем Гнева. Это соответствует твоей мягкой, светлой, человеческой, деликатной природе. Мне дано Гнева больше, чем Любви. И это тоже моей природе соответствует: более

* Валентин Погосов, физик, аспирант Института высоких температур АН, друг Игоря и Леры.

жесткой, страстной, категоричной. Тебя это пугает, но, по-моему, зря. При хорошей внутренней коррекции со стороны не врожденного, но по убеждению гуманизма + чувство юмора это состояние не опасно. Как много понял Гоголь еще до Достоевского! Народники от него пошли, Достоевский слишком сложен был и изломан, слишком правдив и противоречив, слишком гениален, чтобы породить это честное, но цельное и наивное (в хорошем смысле) направление. Как странно, Игорь, что великий Блок, Бальмонт, Мандельштам, Пастернак не только не породили честного и последовательного политического движения (на что они, великие поэты и гуманисты, были бы вправе претендовать), но даже сами окончательно запутались в путях и перепутьях времен и бросались то туда, то сюда (Блок, конечно, самый яркий пример художественной гениальности и политического идиотизма, но и у Пастернака, и у Мандельштама были такие моменты, я даже стихи привести могу). А вот Некрасов знал, куда идти, знал, чего хочет, и хотя далеко ему до Блока, он никогда в направлении не ошибался. Наверное, одной только совести, и ума, и гениальности (всё это было и у Достоевского, и у Блока) недостаточно, чтобы кого-то спасти. Нужна, видимо, детская вера в добро, в свет, тот самый объективный идеализм Дон Кихота — в глазах нормальных людей почти на грани безумия. Неужели прав был Моммзен, когда сказал в 3 томе своей истории, что в конечном итоге человечеству предельная честность важнее ума и дарований? «В истории остается не самый умный, а самый честный». Помнишь, я тебе говорила, что нам только горе от нашего ума и нашей ироничности? Подумай над этим, ладно? Целую тебя, <...> и вообще я чахну от тоски.

Лера

16.08.1984

Привет <...>

Река у тебя мелкая, горы низкие, климат континентальный, транспорта наверняка мало — из чего я заключаю, что ты жив и здоров. Разве что ты решишь заняться спелеологией — но и пещер, по-моему, в тех краях нет.

Наверное, ты у нас очень худой и голодный от провинциального харча, но ничего, здесь мы для тебя живо заколем упитанного тельца. От Вали никаких вестей нет, но он там пропасть не должен, вроде бы в хороших руках и с Вальтером в придачу. Сейчас звонила Косте. Вернулся он соленый и счастливый, голос у него самый благостный. Баську он нашел веселым и откормленным. Твою казанскую сиротку девчонки откормили так, что она похожа на подушечку для булавочек. (Таню я очень благодарила и извинялась, конечно, что ей из-за меня пришлось с Баськой сидеть.) Любу, надеюсь, ты поблагодаришь сам. Подобрал бы ты пару уральских самоцветов им с Таней, если будут лежать на видном месте. Все-таки ужасно мило с их стороны, что они о Баське так заботились.

Костю выгоняют с Автозаводской (я-то считала, что он там прописан! Ты ведь никогда толком не объяснишь), и житье в альпийском приюте ему как нельзя более кстати. Сейчас он набрал кучу объявлений и идет их смотреть (где он их только находит? Я ни одного не видела, только «сниму» и «сниму»). Хорошо, что хотя бы Костя не страдает от моей никудышности, а, напротив, радуется. Слушай, вот будет здорово услышать твой голос! Я бы даже послушала, как ты ругаешься. Честное слово, приедешь, можешь ругать меня 2 часа подряд, а я буду слушать, как Глюка, Моцарта и Листа вместе взятых. А то что-то никто мне давненько выволочку не устраивал. Скучно! Я одинока, как коза Робинзона Крузо (см. моего любимого О.Генри). Скучать я не умею, я для этого слишком много читаю, думаю и пишу, но самый мой интеллектуальный собеседник — это Стасик. Другие гораздо хуже. Стасик хотя бы пошлости не говорит. Вот вы с Погосовичем всегда мысленно изумляетесь, что я никак расстаться с вами не могу! Это потому, миленькие, что сытый голодного не разумеет. У вас идеальный интеллектуальный симбиоз, вы купаетесь в общении, а на службе у тебя Костя. Надо думать, что ты уже общением немного объелся и тебе иногда хочется забраться в шалашик в Разливе и помолчать денек-другой. Но я могу общаться только с равными (ты, Валя и Костя — вот всё, чем я располагаю), а иначе с другими я просто отдаю, а это не очень питательно, это общение вхолостую. Так что от встречи до встречи я болтаюсь в безвоздушном пространстве и глохну в нем, и слепну,

и немею, и даже превращаюсь в камень. Поэтому я стараюсь наговориться впрок и наслушаться тоже (может сложиться впечатление, что я не умею молчать). Поэтому я так цепляюсь за каждый час. Ты уж пойми, ты ведь всё понимаешь, и не раздражайся. Это пройдет, когда у вас будет время, и мы сможем чаще видаться. А при нашей будущей совместной жизни в одной «московской коммуне» я вообще уймусь и буду молчать чаще, чем говорить (когда-то же я занимаюсь, читаю, пишу etc.). Так что не бойся, это не опасно. Здесь дело не в моей природе, а в неблагоприятных обстоятельствах. Интенсивность общения, очень высокий градус, очень большой накал — это всё разбавится и сгладится. Это от концентрации, а не потому, что я иначе не умею. Со мной можно и молчать, и говорить глупости, и развлекаться. Просто пока у нас не было для этого времени. Не бойся, тебе не будет тяжело. Я, в общем-то, еще легкомысленнее тебя и недалеко ушла от Дашкиной жизнерадостности.

Мы никогда с тобой не говорили о Гончарове, что ты о нем думаешь? По тематике похож на Тургенева, по проблематике на Чехова, по разработке сюжета немного на Бунина, немного на Достоевского. Похож, но не слишком. Мне все кажется, что трицца его романов — это сознательно поставленный лабораторный опыт. Берется одна русская человеческая душа в российских условиях, ставится в разные российские и временные обстоятельства, гибнет, трепещет, а Гончаров регистрирует результат за результатом. Как эта душа будет переносить успех, благополучие, сытость, удовлетворенное честолюбие на интеллектуальном уровне? (Ольга и Штольц.) Как она будет себя вести при той же сытости и счастье, но на уровне простом, животном? (Обломов.) Как она будет терять иллюзии и стареть? (Александр Адуев.) Как она будет искать идеала, когда уже поздно? (Петр Иванович Адуев.) Чем кончится ее страсть? (Вера.) Можно ли спокойно вынести невинность и добродетель и не захлебнуться от скуки? (Марфенька.) Что есть образованный человек, не дилетант ли, и как ему не умереть от тоски? (Райский.) Сколько стоит бунт? (Волохов.) И ты знаешь, Гончаров, по-моему, самый жестокий художник из всех, просто вивисектор. И сытость непереносима, и успех ничего не дает, даже спасения от скуки, и иллюзии не вечны,

и идеалисты лезут в тайные советники, и идеала для последних нет, и страсть — это только обрыв, омут, вспышка, а потом отрезвление и отвращение, и добродетель скучна, и науки с искусствами не спасают от пустоты, и бунт в бархатном пиджаке недорого стоит. Обыкновенная история. Наверное, то, что мы с тобой нашли — единственный выход. Я-то это давно знаю. Проверено. Целую тебя.

Твоя Лера

20.08.1984

Игорь <...>

Надеюсь, твои почки на высоте? Не сиди в реке Урал больше часа, а то они взбунтуются. <...> Надеюсь, ты спишь там, как мишка в сосновом лесу, и сосешь не только лапу, но также белки, жиры и углеводы за счет местной электронной промышленности (насколько я тебя знаю, командировочные твои должны были кончиться еще неделю назад).

Игорь, кисонька, сделай одно доброе дело: когда вам возьмут билеты и скажут, на какое число (ты, как всегда, свой получишь в вагоне на третий день пути), то ты сразу дай мне телеграмму, чтобы я знала, когда ты приедешь (встречать я тебя не пойду — слово чести — разве что ты сам этого не захочешь), чтобы я вовремя прекратила свою эпистолярную деятельность, ведь письмо мое идет 4-5 дней в лучшем случае и не хочется, чтобы они достались кому-нибудь на потеху; и потом, я буду иметь надежду на лучшее будущее — твой приезд. О'кей? Пожалуйста! В телеграмме напиши, если тебе не трудно, получил ли ты мои письма (это шестое) и здоров ли ты, чтобы я не дергалась по этому поводу. <...>

А у меня появилась куча идей, одна другой увлекательней. С реализацией обожду до твоего приезда. Обсудим сначала. Домашнее задание почти выполнено, осталось совсем ничего. Но я его собираюсь перевыполнить. Как там наш текст, пишется? Меня там нет, так что все условия созданы. Стоит передо мной на столе твоя фотография, там, где ты нахально улыбаешься на фоне Днепра. Я тебе так всегда пишу, получается даже что-то вроде диалога.

Посылаю тебе прелестный иронический скетч одного испанца, вырезанный из «Иностранки». Это очень удачная подборка из самоучителя испанского языка. Бездна юмора и положительных эмоций. Анненский даровал нам еще одну статью, на этот раз о Яане Кроссе. Я ее вырезала для нас и для потомства. Слушай, у меня столько книг и журналов накопилось, непонятно, когда мы это прочтем, придется жить тысячу лет. Вот разделаешься с диссертацией и начнешь глотать, как устриц. Причем я тебе оставляю одни шедевры. Но набирается ужасно много. А мне еще хуже, я же должна читать почти всё — все-таки филолог-профессионал. Вчера до того дочиталась, что чуть не умерла. Я же владею скорочтением, а это очень выматывает. Кстати, с 20 сентября, когда наступит настоящая, сияющая осень, и до 20 октября (когда уже даже эстету делать будет на даче нечего), дача будет пуста и безлюдна, мое семейство уедет, и мы можем резвиться на воле. Я терпеть не могу лето, но осень — это совсем другое. Я ее боготворю, и первые 20 дней мая — тоже (они тоже наши — до въезда семьи). Вот ты увидишь, что это будет, начиная с 20 сентября. Сплошной Бунин, и Саймак, и Верхарн, и Багрицкий. И мы будем одни. Надеюсь, Валя бросит ненадолго своих девиц и присоединится к большинству? Можно ночевать, у вас будет целая комната с 2 шикарными кроватями. И дрова, и печка, и сильные рефлекторы. Ты сможешь работать под березой. Я буду переводить или писать в другом конце, чтобы тебя не отвлекать. Сейчас уже всё переменялось. Дачники уехали, озеро стало сапфировым и таким ледяным, что словно бросаешься в костер, сегодня я в нем так окоченела, что не могла доплыть до того берега и уже не чувствовала свое тело, только одну душу. Но все равно купалась 3 раза! Завтра переплыву во что бы то ни стало. А солнечный свет стал прямо по Багрицкому — «густым, как цветочный мед». Тишина, как до сотворения мира. Никто близко к озеру не подходит, все оно — мое. А на берегу одни белки.

Участок утопает в огромных тропических цветах, то ли Латинская Америка, то ли экваториальная Африка. Георгины в 2 человеческих роста. Я совершила вылазку на оперу-буфф Оффенбаха «Рыцарь Синяя Борода». У нас ее никогда не ставили, это Горьковский театр оперы и балета

гастролирует в Театре оперетты. Зрелище не только нарядное, праздничное и очень хорошо сыгранное и спетое, но чертовски остроумное. Оказывается, Синяя Борода был добродетельным человеком! Он считал для себя возможным только законный брак, а не легкомысленную связь. Развод он не признавал, как добрый католик. Однако влюблялся он очень часто. И что оставалось бедняге делать? Только убить предыдущую жену, чтобы жениться на следующей! И масса всяких прелестных находок в этом же духе. Конечно, это не его опера «Сказки Гофмана», которую я слушала в Риге, в бывшем немецком театре. Там (ты ее случайно не слушал? В Москве нигде не дают) участь поэта, ищущего свой идеал: бездумная красота механистична, она убивает жизнь, красота светской дамы — это преступление, она вдохновляет только на убийство, а красота духовная, нездешняя, красота таланта обречена, и идеал оказывается смертью. Там музыка почти на уровне Глюка. Совершенно не опереточная музыка, не говоря уже о либретто. Целую тебя, мой хороший. Жду телеграмму (на московский адрес).

Лера

24.08.1984

Игорь <...>

Не сердись за сантименты, знаю, что у тебя на них идиосинкразия, но сегодня у меня особенно потустороннее настроение, и я от этого обнаглела и тебя так именую. Мое семейство нисколько не изменилось, оно просто ушло в подполье, откуда иногда совершает вылазки. Я больше их не боюсь, потому что ими не дорожу, из всех обывателей, которые готовы «выгрызть измену по слову государеву», — это самый неприятный сорт, потому что делают они это на очень низком уровне, со слепой злобой, без всякой иезуитской подготовки на уровне великого инквизитора. Право, мои бывшие (и теперешние, наверное) оппоненты из Третьего отделения были куда более учтивы, начитанны и интересны. По-моему, они также были человечнее, потому что не были так примитивны и агрессивны. Помнишь

«Джонни-джентльмена», генерала Бергойна из «Ученика дьявола» Шоу? Всегда приятно, когда тебя вешают учтиво, по-джентльменски, с искренним к тебе расположением. Увы, мое святое семейство осталось на пещерном уровне, и здесь не помогли ни книги, ни фильмы, ни спектакли, которые я им подсовывала, ни человечность, терпимость, ни проповеди — на всё это я не скупилась. Абсолютное поражение! Прочитав «Нетерпение» Трифонова и даже «Барельеф на скале», не считая «Одного дня Ивана Денисовича», они (мать) дружески беседуют с сотрудниками Третьего отделения, а Валентину и иже с ним желают сгнуть и сгинуть, только бы их не тревожили. «Евгению Гранде» они читали. Но то, что я отдала свой кулон, подаренный мне чуть ли не с рождения, на нужды — ты понимаешь, куда, — это они до сих пор поминают с проклятиями. Хотя ведь не Шарлю было отдано, а на святое в глазах всякого порядочного человека дело. На фильм «Белый Бим Черное Ухо» я их водила. И что же? Они обожают Стасика, но прогоняют бедного бродячего кота, которого кормили хозяева, чтобы этот кот не «огорчал» (sic!) Стасика, хотя тощий бедняга и близко боялся к нему подойти.

На Таганке все спектакли пересмотрены, а свободомыслия не прибавилось. Я отказалась от путевки в Сочи, только бы не брать у них ничего. Думаешь, поняли? Не постыдились упрекнуть в том, что 60 рублей на питание, что я даю каждый месяц, — этого мало, а я книги покупаю за 80 рублей (Гумилев!), а Баське колбасу (сегодня повезу Косте). Представляешь? Пришлось отказаться от их стола. С сегодняшнего числа. Понимаешь, после этого я вообще ничего у них есть не могу: в горле останавливаются их языки, баночные селедки, помидоры с рынка. От подарков я тоже отказываюсь. Бабушка успела посчитать, сколько она на меня потратила за последние 12 лет! Это что, так теперь принято? Ведь когда вам с Валею присылают посылку, туда же не вкладывают счет? И когда Владик едет к Людмиле Алексеевне, а Вальтер — к Евдокии Савельевне, они же не подсчитывают, во сколько им это обошлось? А дедушка такой счет в Москву присылал, когда мне было еще 6 лет. Ну, больше они ничего считать не будут, нечего считать: не кормят, не одевают, не задаривают, не обслуживают. Хуже всего то, что я не могу чувствовать ничего, кроме недоумения и брезгливости в их адрес.

Прости меня, но я не могу любить, если не за что уважать. Я ничего не преувеличиваю: спросишь хотя бы у отца. Он счастлив, что ноги унес. Кстати, он жаждет с тобой познакомиться. Он до сих пор ничего такого чудесного не встречал в степи мирской, печальной и безбрежной. Я, конечно, не очень хороший портретист и не агент по рекламе, но тебя я описала так (и Валю, конечно), что отец сказал: «Увидеть такое — а потом и умереть не жалко». Так что давай я вас продемонстрирую. И его вам покажу, его мне показывать не стыдно. Он отличный парень и интеллигент до кончиков ногтей. И не забудь, что всё, что есть во мне стоящего — от него. И он такой же шалопай, как вы (это в 61 год!). Ей-богу, стоит познакомиться. И он вас очень любит и целиком ваши постулаты разделяет. Кстати, ему с новой женой очень повезло: ни сцен, ни слез, ни скандалов. Он делает всё, что хочет. Ночевать, правда, приходится дома. Это, конечно, минус. Но не сравнить с тем, что у него с мамой было. Всё то, что я тебе сегодня рассказала, не означает, что ты должен волноваться. Меня не заедят (я этого больше не позволяю, я не Золушка, я скорее человек Флинта). Ничего мне от них не надо, я с ноября устроюсь на почту утренним почтальоном. Это нетрудная подработка, просто надо очень рано вставать. Но вы же встаете.

Нам надо купить много хороших книг и теплые куртки для вас с Валец, а Вале еще и сапожки, чтобы лапки не отмерзали. У нас же всё общее, мы договорились. У меня всё есть, сейчас нужно вас одеть, братцы-разбойники. Если у меня будут 40 лишних рублей каждый месяц, мы всё быстро купим. А потом начнем закрывать бреши в нашем книжном фонде. И летом куда-нибудь поедем к фьордам с Владиком. То, что мне обещано, я все равно получу. В худшем случае комнату в коммунальной, в лучшем — половину на кооператив и прописку для тебя. Но уже не как милость, не как доброхотное даяние. Тебе ничем этим заниматься не надо, тебе противно, это ясно, я всё сделаю сама. Ты даже видаться с ними не обязан. Это моя семья, мой крест. Я всё, что нужно, сама для них сделаю. (Не испытывая любви, я испытываю жалость, и если они преступают законы человечности, я не могу и не должна через них переступить.) Вот как раз у меня будет случай научиться готовить, тебе это мое умение потом пригодится.

Прости за занудство, но ты же у меня один, и больше поделиться не с кем.

Лев Гумилев — сын выпустил историко-литературоведческий трактат «Поиски вымышленного царства», чем довел всех историков и филологов до шизофрении! Один академик даже сказал, что это глумление над национальной историей и что книгу надо запретить. Надо достать обязательно, хоть в Ленинской! Сегодня вечером еду к Косте. Купила Баське колбасу и конфет. Заброшу Косте Додерера. Погуляю с Баськой под Костиным надзором. Слушай, я купила в «Прогрессе» дивные парижские издания Кретьена де Труа в подлиннике — «Романы Круглого Стола» и «Персефаль, или Святой Грааль» всего за 11.40! Всю жизнь мечтала раздобыть. Целую тебя.

Лера

10.09.1984

Игорь, моя гадкая прелесть!

Опять не оставил мне свою парсуну. Вот дождешься, нарисую тебя акварелью (с моими-то способностями) в стиле Провоторова, причем на Еву ты у меня похож не будешь, а скорее на змия-искусителя. И подпишу «Игорь. Натюр-морт». И буду всем показывать. Та что не доводи дело до сюрреализма. Лучше отдай фотографию, пока цел. За это время я успела бы выпросить фотографии у Бельмондо, Керка Дугласа и Алена Делона, вместе взятых. Да еще с автографами!

Сейчас, кстати, почти час ночи. Самое время пообщаться с тобой. Ночью спят только лояльные обыватели, а что делают порядочные люди? Порядочные люди ходят по крышам, сочиняют стихи и богословско-политические трактаты, бегают на свидания к чужим женам, летают в ступах и изобретают вечные двигатели. А также пишут тебе письма. Валя тоже собирается спать днем, а ночью считать глюоны и мюоны — чего больше наберется? — и помешивать их поварешкой. Тем более что его переводят на ночное машинное время. Днем машина занята. Купить, что ли, собственную?

И еще Валя тебе наказывает строго-настрога, чтобы ты привез уральскую кастрюлю. Тамошние цветные металлурги могут достать тебе медную с инструкцией из самоцветов. Так уж и быть, я куплю сама, а ты скажешь, что прислал мне ее в заказном письме наложенным платежом.

Ты знаешь, я посмотрела удивительнейший фильм по сценарию Ибрагимбекова «Парк». Философская притча о нравственном эталоне. Оказывается, нравственный эталон — это козел отпущения. Его бьют, пинают, обируют, топчут ногами и ждут, что он останется прежним: чистым, светлым, неискушенным, наивным и бесстрашным. А если не останется, значит, он не эталон. Поэтому стараются отнять больше, ударить сильнее. Чтобы проверить: эталон ли? К концу фильма его замучивают до полусмерти. И он не может возроптать, дать сдачи, спрятать правую щеку. Иначе его друзья и враги утратят веру в абсолют, идеал и добродетель. А чтобы они верили, он должен снести от них всё. Страшный фильм. Очень изящный, пастельных тонов, импрессионистский. И страшный. Потому что с happy endом. Друзья и враги сохранили веру, идеал есть, эталон не подвел, а человеческая жизнь сломана и загублена. И на ее обломках торжествует добродетель! Давно ничего подобного не видела.

Отец наш достал тот самый дерзкий труд Льва Гумилева «Поиски вымышленного царства». Я тебе писала о нем. Приедешь, будем читать. Не брезгуй Вилем Липатовым. Его «Игорь Саввович» не имеет пока у нас аналогов. Чтобы молодой ученый, купающийся в духовных и материальных благах, да еще в нашем совершенном стерильном обществе, сходил с ума от скуки, от отчаяния, от ужаса перед пустотой — это редко встретишь... Его настигло проклятие минувших поколений. Живая, сильная, теплая основа была отнята у него — еще до колыбели — это примета безвременья, когда вокруг вакуум, и нет уже ни прошедшего, ни будущего — всё убито, всё вытоптано, всё оплевано. И не нужен отец, и можно биться, как бабочка о стекло, пока не разобьешься, как разбился Игорь Саввович...

И еще много чести и хвала тому, кто сходит от этого с ума и думает о самоубийстве. Виль Липатов всегда ненавидел тех, кто живет разумно. «Она не живет, она пается» — это ведь его формула.

Кстати, я нашла у Гумилева одно маленькое стихотворение о Дон Жуане и поняла, почему мне так дорог этот персонаж и почему я так хочу, чтобы вы на него походили...

Моя мечта надменна и проста:
Схватить весло, поставить ногу в стремя
И обмануть медлительное время,
Всегда лобзя новые уста.

Понимаешь, это вечная молодость, и ее можно достичь, только нарушая законы природы и изобретая новое естество, достойного сверхчеловека Ницше. Я добиваюсь этого, отказываясь от своей женской природы, преодолевая ее. А вы достигаете тех же результатов, только с другого берега, за счет непостоянства, которое и есть, собственно, верность самому себе. В конце концов мы встречаемся на Эльбе и братаемся!

Хотим с Валею пойти на сюрреалистов 18 сентября. С Мюнхеном тебя ждем до 30 включительно. Читая Бердяева, я пришла к убеждению, что мы с тобой должны еще прочитать Шестова, Розанова, Леонтьева и Соловьева. Процесс цепной реакции. Мы с Валею тебя целуем, обнимаем, любим и боготворим. Твои сиротки.

P.S. Баська машет тебе хвостиком. Мячей он больше не ест.

17.09.1984

Ангел мой, доброе утро!

(Я, конечно, имею в виду тот наилучший разряд ангелов, которые последовали за Люцифером и потом обзавелись рогами, хвостами и копытами.) Вчера мы отмечали с тобой нашу первую лицейскую годовщину — 16 сентября. Ты не забыл? С первых же твоих слов я просто физически почувствовала, как из могил встали мои любимые призраки: чеховские интеллигенты, шестидесятники, народники, первые христиане, рыцари печального образа, отроки Нестерова и всё такое прочее. Наверное, я уже тогда решила:

Пусть черемухи сохнут бельем на ветру,
Пусть дождем опадают сирени,
Все равно я отсюда тебя заберу
Во дворец, где играют свирели.

Чисто мужское решение, чисто конквистадорское. Мало того, что я не очень-то женщина, я еще и на интеллигента не тяну.

Но у тебя оставалась свобода выбора: позвонить или не позвонить. Ты позвонил...

Я, как бедная Маргарита, поехала в Псков, чтобы ты наконец меня нашел, потому что жить дальше так было просто нельзя. Но это случилось, и осень навсегда останется нашей точкой отсчета, и всё, что было, есть и будет у нас с тобой, будет таким, как та осень и та поездка: праздничным, немного театральным, древним, грозным, вселенским, с неуютным осенним посвистом мировых идей, с листопадом проклятых вопросов, с привкусом смерти и на кроваво-золотом фоне апофеоза. Я, кажется, начинаю понимать, почему у вас с Валею не всегда гладко получается. Здесь дело не в характерах, не в силе и яркости личностей, хотя и это, конечно, есть. Валею жалко, он страдает, он слабее тебя, но он, конечно, неправ, хотя какая-то сермяжная правда в его настроении есть. Он неправ, потому что не знает цены. Вы оба еще так молоды, что не научились дорожить друг другом. А Валя забывает, что стоит за вашими трениями и взаимными неудовольствиями. Надеюсь, он всегда будет все-таки вовремя вспоминать о том непреходящем, немеркнущем свете, который вас связал.

А я своим достаточно горьким опытом научена узнавать цену, и никакой быт, никакие мелкие изъяны, никакие житейские обстоятельства не могут эту цену, этот абсолют исказить. Игорь, я знаю тебе цену. Я знаю цену твоей дружбы, твоей любви, твоему пониманию. И твоему решению я тоже знаю цену. А Валя не знает. У него была другая жизнь. Прости ему это. Будь великодушным, ты-то должен цену знать.

Как это ты не побоялся меня приручить, ведь за меня отвечать очень непросто? Ты же меня стал приручать со второго раза, а я очень дикая, меня приручать сложно, я не очень одомашниваюсь.

Вот поэтому в свете той осени (и этой) вторая половина твоих подозрений так же беспочвенна, как и первая. Клянусь

на кресте святой Софии Новгородской! Вот я и научилась писать тебе любовные письма. Ты не находишь? Пока тебя не стошнило, перейду на свой обычный эпический стиль.

Посмотрела последнее быковское (Ролана Быкова) чудо: новый его фильм «Чучело». Фильм не только гениальный, но и смертельный. С рецензией я пока подожду, потому что здесь очень важно не знать ничего, иначе ты лишишься катарсиса. Как раз сейчас в «Родине» идет. Надо Валю на него загнать. А то он захлебывается в своих глюонах. Я их очень чту, но искусство все-таки превыше всего.

Евтушенко опубликовал в «Юности» маленькую удивительную поэму, специально для Кости задуманную.

Пусть примут все архангелы в святые,
Трубя над нами в судных облаках,
Тебя, интеллигенция России,
С трагическими сумками в руках!

И еще одно место:

Всем милые улыбочки надеты
На лженадежды, прячущие суть.
Отчаянье — застенчивость надежды,
Когда она боится обмануть
Надеющихся, что когда-нибудь...

И еще:

Как страшно, если ночью засугробленной,
От нас непоправимо далека,
Забывтой дальней родственницей Родина
Дотронуться боится до звонка...

И в том же номере стихи Вознесенского. Неглубокие, формалистические, бездушные. Он начинает всё больше и больше проигрывать в их состязании. Как умеет Евтушенко напомнить нашей «исколотой памяти»! За это всё ему простится.

Целую тебя <...> хотя ты и не написал открытку. Сгодишься и без открытки. Тебе и это позволено.

Лера

20.09.1984

Игорь, мое сокровище!

Прости меня, непутевую. Ты ведь очень злишься, когда меня дома не застаешь. Если бы я только знала. <...> А так я пришла в 22.45 и с горя даже влезла туфлями в дедушкину картошку под вешалкой. Ты не сердисься? <...> Это было мне вместо открытки, правда? Нет, все-таки Кабаниху в доме иметь всегда полезно. Сидела бы я, как Катерина, у окна, шила бедным белье и была бы все время на проводе. Правда, твой голос звучит у меня в ушах, как море в ракушке, но и во плоти он бы мне не помешал. Всё в прибыль, а не в убыток.

Сейчас прибежит Костя. Он уже слинял со своего совместительства и опять спрашивает адрес, что-то у него неладно с топографией. Сколько раз он меня до дома дотаскивал полуночной порой, да и был у меня прежде! Типичный мечтатель из «Белых ночей» нашего любимого автора. Его, Пантика нашего, посылают на картошку на 2 недели. И самое странное, что он при его отстраненности и «посторонности» покорно на нее едет. Надо нам как-нибудь собраться и исследовать эту ситуацию сократическим методом. У Вали всё хорошо, кроме настроения. А в подвале у вас был пожар и сгорели телефонные провода, так что телефоны по всему дому не работают. Ты, наверное, не можешь дозвониться домой? А в остальном, прекрасная маркиза, всё хорошо, всё хорошо. Наша мохнатость процветает под Валиной сенью. Люба хотела пригласить Валу на неделю фильмов ФРГ в «Мир», на 17 часов, но он не мог, и я не могла, а тебя вовсе не было. И очень жаль, потому что у них сейчас отличный кинематограф, не слабее итальянского. А потом, Люба хотела сделать нам добро, а ей это не удалось. Наверное, это последнее письмо.

Чтобы попасть в Москву 28.09, ты ведь выедешь 26.09. Дай бог тебе это успеть получить, тоже весьма проблематично, что оно успеет. У меня для тебя есть новости, которые тебя обрадуют как личность и огорчат как человека. Они не очень приятные, но зато, безусловно, очень полезные.

Какую кастрюлю я вам купила, братья-разбойники! Прямо из королевской кухни, в стиле «ретро», красавица

неописуемая, сверкает, как звезда. И влезает туда куренок, теленок и еще суп. Сварю тебе в ней бульон. Валя уже заранее облизывается.

Как ты отметил нашу лицейскую годовщину? Понятно, решил мне позвонить, а еще что? У меня 18.09, во вторник, был выходной, и я решила предаться разгулу. Сходила на выставку (на М.Грузинскую), потом успела посмотреть гриновский «Блистающий мир» и «Детский сад» и даже посетить маленькую кофейню в высотном доме и слопать весь ассортимент мороженого и пирожных.

Сначала, конечно, о выставке. Это не наша любимая двадцатка, это их ученики — 21 художник, молодые и зеленые, как трава. Но трое могут войти в двадцатку даже без приемных экзаменов. Во-первых, Надежда Гайдук. Уже четыре пейзажа. Вернее, пейзаж-то один, но при разном освещении. И знаешь, здорово. Игра теней, игра в бисер. Пейзаж меняется до неузнаваемости, неуловимо, но непоправимо. Могущество света.

А у Лепика просто невероятный дар: он рисует только травы. Но какие! Огромное полотно, на нем колдовская зеленая трава, и сквозь нее мерцает оранжевое солнце на закате, и слабо светится ручей. На другой картине — откос, и по краю откоса — огненная трава наискось через всё полотно, а поперек — бледно-зеленая. И еще одно панно, там отдельные маленькие картины — салатовая трава, бирюзовая трава (розовая трава, золотая трава) на фоне лилового, алого, серебряного неба. Трава у него живая, мыслящая, живущая своей какой-то страшной и особенной жизнью.

Я за то и люблю затеи
Грозových веселых забав,
Что людская кровь не святее
Изумрудного сока трав.

(Наш любимый Гумилев)

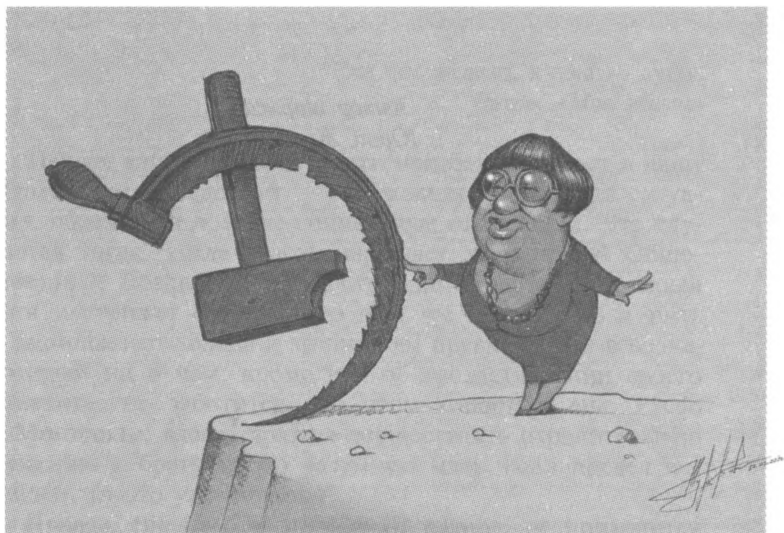
И еще там был Иван Новоженев. Это художник левитановского плана. Правда, с бодлеровскими тенденциями. Его предрассветные пейзажи осязаемы, туда войти хочется. Особенно хороши его ночные коты. На огромном полотне — мрак, какие-то ступеньки, склады, помойки, и сгустки

темноты — коты глядят на нас глазами ночи, вернее, это ночь глядит из их глаз. Сгустки тьмы — и огненные глаза. Валя тоже уже сбегал, а диспут устроим уже в твоём присутствии. Вообще он тоже гуляет, как запорожец на бивуаках: смотрел «Блистающий мир», завтра идет на «Чучело», а потом, в воскресенье, на «Парк». Кстати, ты просил, оказывается, писать тебе Валю и Костю: они безответно писать не согласны. Одна я пишу на таких условиях. Мне это зачтется на небесах?

Возвращайся поскорее, мы все без тебя вянем и пропадем не хуже шукшинских персонажей. Ты уже двуногий? Мазь помогла? Целую.

Лера

P.S. На всякий случай поздравляю тебя с 27 сентября. Спасибо тебе за то, что ты есть.

МАТЕРИАЛЫ
1984—1995

*Автор шаржа
Юрий Журавель*

1984

ЧЕТЫРЕ КАПЛИ

Самиздат

Ржа ест железо, а лжа — душу.

Чехов, «Моя жизнь»

Первая капля, которая почти неизбежно падает в чашу общественных бедствий — это ложная социальная ситуация, создающая ложные социальные отношения. Это случается тогда, когда власть нарушает знаменитый Общественный Договор и из рачительного пастуха (который хотя и стрижет овец, зато дает им вволю есть и пить и защищает от холода и хищников) превращается в волка, который ни о чем, кроме как об удовлетворении своего аппетита, не заботится. Об этом говорили еще Руссо и Монтескье: власть должна осуществлять охранительную функцию и брать за это разумную мзду, если предел перейден, то это уже тирания.

Правда, тиранам, в отличие от волков, не приходится полагаться на божий промысел, и они вынуждены иногда осуществлять функции пастуха. Однако они овец не только стригут, но и режут, так что роли пастуха и палача здесь обыгрываются по совместительству. Классическая ложная ситуация в чистом виде — положение оккупированной страны. Никому не придет в голову любить оккупантов или как-то их оправдывать. Им повинуются со страхом и ненавистью, никто не почитает себя счастливым.

Вот взять хотя бы «Ариадну» Марины Цветаевой. Кротким подданным Эгея не приходит даже мысль, что их положение нормально. Отдать семь юношей и семь дев в жертву Минотавру ежегодно — это ужас, это слезы и траур в городе. Жертвы, садясь в триеру, поют трагические стихи. Никакого утешения нет и быть не может. В трауре царь Эгей, в трауре родители и вообще все жители. Если бы

не гибель, грозящая городу от мстительного царя Миноса, Минотавр остался бы не солоно хлебавши.

Тезей избавляет родину от жребия жертвы чудищу и от ложной социальной ситуации. Пока это еще просто, достаточно убить Минотавра, механически устранить беду — и люди, в которых ничего не разрушено, вернутся к нормальным социальным отношениям под рукой мудрого и доброго пастыря Тезея, наследника Эгея. Первая капля — капля ложных социальных отношений — прибавляет в чашу ацета и желчи, но не отравляет ее непоправимо.

Но если ложная ситуация длится достаточно долго, если нет под рукой Тезея и Алкида, людям приходится решать: или утонуть в слезах и умереть от отчаяния, или погибнуть всем (по крайней мере многим), или... адаптироваться к ситуации. Первый выход и выход второй люди (и особенно народы) выбирают исключительно редко. Срабатывает инстинкт самосохранения. Он очень силен в национальном масштабе. Тот, кто знаком с историей, знает, что только польский народ регулярно и неистово отказывался адаптироваться к ложной социальной ситуации — с XV века по XX век. Порядок проведения сеймов и «коло» (выбор короля), Польско-шведская война середины XVII века, битва при Хотине, отпор, данный туркам, война, которую вел Стефан Баторий с Иоанном Грозным, все три польских раздела, начиная с 1757 года, восстания 30-х и 60-х годов XIX века, Костюшко, восстание в Варшаве в 1945-м и «Солидарность» — это всё явления одного порядка. Конечно, фрагментарно и другие народы отказывались адаптироваться (много раз греки, сербы, война Севера и Юга США, Тверь при татарах); но неуклонно и последовательно в течение пяти веков это удавалось только полякам.

Их и делили-то столько раз потому, что они были неукротимы... В плане житейском выбирать гибель невыгодно, но практические соображения здесь не годятся: из ложной социальной ситуации можно выйти только дорогой ценой. Пытающийся торговаться народ здесь прогадает.

Кому охота погибать или хотя бы плакать и отчаиваться всю свою сознательную жизнь? Решившись на такое, как говорит Маканин, «сахару не поешь». Тогда давайте посмотрим, что ждет нас в случае удачной адаптации к обстоятельствам. Шварц своим «Драконом» капают вторую каплю в наш фиал.

Ситуация снова кажется классической и даже сходной с цветаевской «Ариадной». Вместо Минотавра — Дракон, вместо семи дев и семи отроков — одна девушка, вместо Тезея — странствующий рыцарь Ланселот. Но сходство кажущееся. Ложная социальная ситуация создала здесь ложность человеческих взаимоотношений.

Что поразительнее всего в городе Шварца? Тишина и спокойствие. Незыблемость жизни. Если бы разговорчивый кот Машенька не проболтался Ланселоту, он вообще бы мог ничего не узнать. Спокойна даже жертва — Эльза. Как там говорит о ней Дракон? «Глазки ясные, лапка теплая, голову держи выше...» Минотавр такого от своих жертв не требовал. Он их просто ел в свое удовольствие и не делал вид, что доставляет удовольствие им...

Вмешательство Ланселота не столько радует жителей, сколько шокирует их. Тезея провожали аплодисментами, Ланселота чуть ли не освистывают, жители города прекрасно уживаются со своей (вернее, чужой) бедой. По крайней мере, аппетита она им не портит: булочки «бедная девушка» они вкушают довольно спокойно, а жених Эльзы станет адъютантом Дракона. Даже Дракону противно на них смотреть. Еще хуже то, что на этой стадии ложные человеческие отношения не только поддерживают и укрепляют ложную социальную ситуацию, но и воспроизводят без всякого внешнего вмешательства (после гибели Дракона жители города, которым полагалось радоваться и ликовать и вернуться к своей додраконовской жизни, отчего-то сохранили прежние порядки и уже без дракона стали друг друга притеснять и мучить).

Бедный Ланселот нашел спасенный им город в том же плачевном состоянии. Тут и у рыцаря печального образа руки бы опустились. Дракон убит, повержен, но это не помогло. С кем же сражаться и кого от кого защищать?

Ложная социальная ситуация вырабатывается сама собой, и человек мечется в порочном, уже не размыкаемом круге: ситуация всё больше калечит людские отношения, а лживость этих самых отношений, то есть успешная адаптация, вырабатывает ситуацию, усугубляет ее и ведет к дальнейшей трансформации человеческой сущности. Однако на этой стадии человек еще не утрачивает правильной ориентации в окружающем его мире. Жители города не путают Добро со Злом. Они понимают, что ситуация трагична,

они просто приспособились и выживают, однако про себя Дракона все-таки ненавидят. Бедной Эльзе ни одна девушка города не позавидует, все рады, что не оказались на ее месте. Трезвый, практический разум, человеческая порядочность сохраняются у многих персонажей пьесы: это сама Эльза, ее отец Шарлемань, ремесленники, снабдившие Ланселота оружием. Бургомистр чувствует ложность и постыдность своего положения, поэтому притворяется сумасшедшим. Сам Дракон отнюдь не мнит себя благодетелем и Мессией. Он знает, кто он такой. Кстати, пока в городе не преследуются крамольные мысли (Дракону это все равно). Пока карают только за открытое неповиновение. Но эта капля, увы, не последняя.

Третья капля — утопия Оруэлла «1984». Социальная ситуация ложная, человеческие отношения — также, но есть кое-что новехонькое. Ложь проникла в человеческое сознание, произошла полная переоценка ценностей, человек уже не делает вид, что утратил ориентацию: он на самом деле утрачивает ее. Предметы для них беспредметны, белое — просто черное. Это как раз тот самый случай, когда рыба вдруг начинает дышать воздухом и задыхается в воде. Человек начинает искренне считать правду ложью, а ложь — правдой. Не в том дело, что в Океании есть войны, ложь и пытки (это всё могло быть и при Драконе, и у царя Миноса), а в том, что войной занимается Министерство Мира, ложью — Министерство Правды, а пытками — Министерство Любви.

И все это знают, однако не меняют вывески, члены Партии едят дрянь, суррогат, не удовлетворяют без разрешения свои сексуальные потребности, живут в трущобах, у них карточная система, скучные развлечения, пытки и смерть следуют за ними неотступно. Однако им и в голову не приходит, что «пролам», в сущности, легче, что их удел можно считать завидным. Нет!

Свое ужасное положение они считают за благо. А что до отношения к пролам, то самая возможность жизни вне колючей проволоки считается чем-то вроде обратного превращения человека в обезьяну. Пролам живется свободнее. Свобода признается категорией животного мира, низшей расы, насилие, диктат, прессинг — отличительные признаки человека. Случай верной ориентации (очень робкой и только

в личном плане), как у Юлии и Уинстона Смита, — редчайшее исключение. Карают за мысли, за проблески недовольства, за минутное сомнение. Есть преступление мысли. Других уже не осталось. В этом страшном мире обреченный на пытки человек кричит: «Мне повезло, что меня арестовали вовремя, когда меня еще можно спасти!» Он рад, что на него донес собственный ребенок, и гордится им.

Но сама тотальность этой системы, изощренная продуманность этого мира до всех мелочей, до незначущих деталей подсказывает нам, где порочный круг можно разорвать. Дело в том, что нормальный, естественный мир не нуждается в правилах игры. Там правила диктует сама природа, здравый смысл, разум.

А в мире ложном, искаженном нельзя без правил игры, ибо здесь всё построено на условности. Граждане должны знать, какого цвета в их мире белое — черного, красного или зеленого, иначе они собьются. По законам арифметики дважды два — четыре. А вот в Океании надо знать установку: какая цифра подходит для ответа — пять, три или шесть. Такой мир не выстоит без строжайше разработанного регламента. А всякая игра подчиняется общему правилу теории игр. Ведь если за карточным столом игроки не будут соблюдать правила (даму будут бить валетом, а шестеркою — туза), игра не пойдет. Или на футболе будут стараться забить гол в свои ворота... Значит, чтобы не участвовать в игре, нужен всего пустяк — плюнуть на портрет Старшего брата, разбить парочку телеэкранов, не участвовать в «пятиминутках ненависти», писать дневники. Тотальный мир ущербен, если кто-то выходит из игры. И эта ущербность для него опасна. Открытый выход 5% ее участников может сделать существование Океании невозможным. Не обязательно открытый. В этом зазеркалье люди, утратив практически всё, в том числе и критический разум, однако еще сохраняют свою биологическую природу. Им доступны страх, жалость (корка хлеба, поданная измученному узнику в камере Министерства Любви), боль, эротика (хоть она и под запретом), стыд. Но ненадолго.

Последняя капля горечи — «Приглашение на казнь» Набокова. Здесь ложь совершает свою страшную работу до конца: она разъедает мир, она уничтожает его. Нет уже машин, нет самолетов, за игрушечным городом нет природы,

нет лесов, полей, рек — какие-то солончаки, город похож на картинную декорацию.

Стоит повернуться к тюрьме спиной, и она начинает таять, крениться набок, деревья за спиной падают, окна кривятся, каменные стены камеры рушатся от простого прикосновения. Вымышленная, ненастоящая действительность. Кукольный дом.

Когда-то она была настоящей, но ее подменили (сначала на словах) выморочной, иллюзорной, и вот теперь всё сбылось, она и стала картонной, а настоящую съела ложь. В этом мире нет людей, кроме Цинцинната, только куклы-призраки. Биологически человек перестает существовать и делается манекеном. Рома и Родя по очереди изображают директора тюрьмы, врача, тюремщика.

У них нет собственной сущности, их надо просто переодеть — и они исполняют новую роль. Они кажутся очень облезлыми и бесцветными без костюмов и ролей.

И преступлением в этом мире оказывается просто непрозрачность, то есть подлинность в нарисованном городе. Здесь само понятие мысли — крамольной мысли — уже не существует, Цинцинната казнят за то, что он настоящий. Другой вины за ним нет. А жители города уже просто не понимают, что такое смерть. Марфинька считает, что любит мужа, но изменяет ему на каждом шагу и тут же об этом рассказывает (не понимая, что тут дурного), и кладет в шляпу судьи свою бумажку со смертным приговором. После этого она является к мужу на свидание как ни в чем не бывало. Мать Цинцинната приходит в тюрьму, плетет какую-то чушь, рассказывает сплетни, угощает карамельками. А остальные! Ведь не от человеколюбия Цинциннату носят книги, просят написать благодарность в книгу отзывов, кормят обедами из директорской кухни, устраивают прощальную тризну с фейерверками в его честь. А палач, мсье Тьер! Как он развлекает заключенного! Фотографии показывает, подземный ход роет. И в парке два вензеля, в честь Тьера и Цинцинната, из горящих лампочек... Всё торжество, на котором узнику суждено сыграть главную и почетную роль, — это не садизм, не гуманизм, а просто непонимание существа вещей!

Для кукол нет смерти, призраки и фантомы не умирают. (Родственники Цинцинната являются к нему в камеру с мебелью, с друзьями, с кошкой — эта телепортация, эта

телевизионность возможна только для фантомов.) Никто из кукол не понимает, что собираются убить живое существо. Цинциннат молит Марфиньку даже не о помощи, но о жалости: он просит только понять, что с ним будут делать страшное, он хочет, чтобы она ощутила смысл слова «казнь». Но увы! Ни мать, ни жена не в силах понять. Им нечем понять. Они уже не люди. Но эта убогая, балаганная реальность тоже может исчезнуть, достаточно только одному человеку отказаться участвовать в представлении. Здесь не помогут ни щит, ни меч, ни копье, как в древних сказаниях. С нежитью можно сразиться только заклятием, петушиным словом. И тогда рассеются чары.

Надо взять в руки табличку с правилами тюремного распорядка. Особенно нас здесь интересует пункт, где сказано: «Кротость узника есть украшение темницы». Прочеть — и сделать всё наоборот. Просто встать с плахи, где зачем-то покорно лежал, даже не связанный, удерживаемый теми же треклятыми правилами игры, спуститься с эшафота, и пусть рухнет помост, и упадут деревья, и свернется небо (даже если всё это упадет тебе на голову). Хоть ценой жизни, но развеять по ветру этот кукольный мир.

1985

КАМО ГРЯДЕШИ?

Самиздат

О земле моих дедов и прадедов
Подпевай моему рожку,
И плевать мне на сумму катетов,
Что вбивается нам в башку,
Плевать мне на белое знамя,
На проклятый ваш белый свет,
И на ваши белые здания,
Коли черного хода нет.

Галич, «Кадет»

Есть роковые вопросы, которые каждое поколение русской интеллигенции призвано и обречено формулировать заново, век за веком, режим за режимом, заблуждение за заблуждением. Вот они, эти извечные вопросы. Кто виноват? Что делать? Куда идем (камо грядеши)? С чего начать?

Может быть, они и неразрешимы, но ученые знают, что самое важное — грамотно сформулировать вопрос. И справедливо заметил недавно критик Л.Аннинский, что жизнь чего-то стоит только тогда, когда проклятые и неразрешимые вопросы колом стоят в головах поколения. Существует множество теорий насчет того, что же все-таки произошло с общественным сознанием в 1956 году. Одни считают (А.И.Солженицын, в частности), что никакого кризиса сознания не было, а просто внутренние процессы, и без того своим чередом трансформировавшие совесть и память страны, излились вовне, и тогда заветные слова прозвучали гласно, публично и безнаказанно.

Произошло просто озвучивание давно снятого на пленку немного кино. Но как это согласовывается с солженицынским же наблюдением над многими жертвами тоталитаризма:

«по всем кузням исходили, а некованы воротились»? И ведь в «Архипелаге ГУЛАГ» приведены многие примеры чудовищного ослепления не только палачей, но и жертв, считавших свои страдания, свою мученическую смерть необходимыми для торжества идей коммунизма.

И разве одна из жертв этой мясорубки — Лев Копелев — не зафиксировал честно и четко в своих мемуарах «Хранить вечно», что все годы своих мытарств по концлагерям и трибуналам он ни в чем не усомнился и продолжал верить в дело Ленина-Сталина, да еще оскорблялся, когда его отлучали от партии и от ее идей? И только много позже, уже в семидесятые (!) годы он начал понимать, чему он служил и во что верил. И если человеку, хлебнувшему такой муки и такой несправедливости (честный фронтовик, майор, получил 10 лет лагерей по ложному доносу только потому, что пытался остановить насилие и мародерство наших войск в Восточной Пруссии за несколько дней до аналогичного приказа командующего фронтом), понадобилось почти 30 лет, чтобы во всем разобраться, то сколько же времени нужно было не затронутому лично человеку — одному из тех, кто в слезах бежал за гробом Сталина и был смят и задавлен толпой?

А ведь в этот день узники какого-то концлагеря, которым начальство приказало снять шапки по поводу кончины Иосифа Виссарионовича, уже бросали их вверх, выполняя приказ и выражая искреннюю радость! Уж очень велика пропасть между пониманием немногих и ослеплением большинства. Тем более что сам Солженицын свидетельствует, что немногих было очень мало, много меньше, чем даже жертв произвола.

Есть и другая точка зрения, согласно которой XX съезд явился взрывом, мировым катаклизмом, что тьма осталась позади, а впереди пролился свет, что в этот миг все всё поняли и неясностей ни для кого уже не осталось. Так считают многие, даже очень серьезные очевидцы событий и винят себя и поколение в том, что в конце пятидесятых — начале шестидесятых режим не рухнул, но был заменен более демократическим устройством.

Что-то в этом роде высказывает и Зиновьев в своем «Светлом будущем». Упрек, по-моему, незаслуженный, потому что ни в социальном плане, ни в физиологическом невозможен мгновенный переход от горячечного бреда

к холодной и трезвой ясности. Ведь роковая формула советской власти, огненными литерами начертанная в сердцах и в умах, в которую верили миллионы и на Востоке, и на Западе, не могла быть отменена мгновенно никаким декретом, и никакие решения съездов не могли ее неизгладимо стереть.

Примерно она звучала так (серьезно, истово и неуклюже): «У нас самая добрая страна, все другие страны есть плохие. В нашей стране самая большая правда, всё правильно, а остальное — всё неправильно» (Ким, «Белка»). Так ли мы далеко ушли от этой формулы сегодня. Все ли ушли? До конца ли мы содрали ее с себя? А ведь мы прочли «Архипелаг ГУЛАГ»...

Что же должно было чувствовать предшествующее поколение 30 лет назад? Наверное, прав Джилас, который пишет, что в эти годы треснул абсолют. Нет, не рухнул, не распался, а просто рухнули некоторые из его опор — в частности непогрешимость, столь необходимая тоталитаризму.

Люди узнали — и это уже непоправимо, — что отец отечества, мудрый и благостный вождь, оказался людоедом, что вся партия, столь прославленная своим мужеством и гражданственностью, частью дала себя истребить ею же созданной власти, частью же трусливо подчинилась произволу и не смела защитить ни товарищей, ни страну, частью же попросту участвовала в массовых убийствах и составляла кадры палачей.

Оказалось, что наши правдивые газеты могут лгать и фальсифицировать факты, что ни в чем не повинных людей могут пытать и расстреливать сотнями тысяч и миллионами. Для начала этого хватило. Мы до сих пор еще перевариваем эту информацию, и процесс ее усвоения далеко не завершен. Однако абсолют не склеивается. Он либо есть, либо его нет. Мы уже 30 лет участвуем и присутствуем при размывании этой пирамиды идей.

Наш Ренессанс совершается очень медленно, но неуклонно. На этом пути мы растеряли многие догмы и лишились почти всех иллюзий. Давайте проанализируем, как же совершалась эта эмансипация человеческого духа.

В начале пути мы видим людей подавленных, возмущенных свалившейся на них истиной. Они еще сами не знают, к чему она их приведет.

Частное лицо еще могло попытаться забыть или сделать вид, что ничего не случилось. Потрясенное общественное сознание забыть не может, и поколению предстояло с этим открытием жить.

За 8 лет — с 1956 по 1964 год — легально напечатанные произведения А.И.Солженицына, А.Алдан-Семенова, Ю.Германа, Ю.Бондарева, Тендрякова, Твардовского вместе с полулегальными Окуджавой, Высоцким и совсем уж нелегальными Галичем, Бродским, воспоминаниями Гинзбург, Шаламова продолжали построение известной безнаказанности, как и политическая амнистия (пока наша единственная политическая амнистия, и трудно удержать себя от благодарности Хрущеву, хотя и знаешь, что Кукитой Кусевичем руководили отнюдь не соображения человеколюбия), и они позволили людям сформулировать первый проклятый вопрос: «Кто виноват?»

Одни ответили: «Сталин». Четко и недвусмысленно. Этот ответ был сформулирован Бондаревым, Пиляром, Симоновым, Алдан-Семеновым. Даже по нему, по этому упрощенному ответу, четверть столетия — с 1928 по 1952 год — приходилось вычеркивать из истории. Но таким ответом не удовлетворился не только А.И.Солженицын, который в эти годы пишет «Архипелаг». Им даже Твардовский не удовлетворился. В своей поэме «За далью — даль» в главе «Так это было» он на вопрос о виновнике отвечает:

Не мы ли все, кто в шумном зале,
Двух слов сказать ему не дав,
Уже вставая, восклицали:
Ура! Он снова будет прав!

Второй ответ был опаснее первого. Пока он звучал скромно: «Не только Сталин, но и...» Оказалось, что ни в тексте законов, ни в истолковании их, ни в духовном настрое нации нет никаких гарантий от произвола.

Возможно, это понимание так и осталось бы на уровне духовного поиска и теоретических рассуждений, потому что там, где нет первых актов произвола, гарантии не нужны, разве что умозрительно, но правительство позаботилось о том, чтобы общественное сознание перешагнуло еще один рубеж и сформулировало вопрос: «Куда мы идем?»

Оно решило склеить абсолютом репрессиями, видимо, искренне не понимая, что только углубляет раскол.

Во-первых, с запозданием начинается шумная и неуклюжая реабилитация сталинизма. Вместо честного раскаяния в преступлениях (чего за эти 8 лет стали ожидать) услышано было благодушное признание ошибок при общей верной направленности (это было бы равносильно оправданию архитектора, дом которого, рассчитанный на столетия, рухнул бы в первые 20—30 лет и оставил бы под обломками половину жильцов, что, мол, он ошибался и сожалеет, но дом он строил правильно и дальше будет строить такие же дома по тем же чертежам).

Любая государственная комиссия если и не отдаст такого зодчего под суд, то по крайней мере ни прибегнет впоследствии к его услугам. Когда людям падает на голову крыша их общего дома, их очень раздражает объяснение, что это пустяки, досадное недоразумение и ничего страшного в такой катастрофе нет. Первые репрессии были абсолютно ничем со стороны жертв не спровоцированы.

Арест и осуждение за тунеядство (!) поэта Иосифа Бродского в 1964 году тому пример. И.Бродский отнюдь не стремился стать лидером политической оппозиции. Он был полностью независим от правительства и, как всякий большой русский поэт, писал великолепные трагические стихи. Он даже не был поэтом некрасовского толка, он был слишком усложнен, слишком изыскан для прямого политического толкования. Однако к ссылке его все-таки приговорили за стихи, или же за духовную и экономическую независимость.

И то, что его судили не по политической статье, создает дополнительный оттенок. Искренний, трусливый произвол свидетельствует о неуверенности в себе правительства, его живности. Правительство решило набросить покров забвения на злодеяния сталинизма — следовательно, оно солидаризировалось с ним. Обвинение против Бродского было фальшивым — значит, власти чего-то боятся.

Следующий судебный процесс был еще более однозначен в смысле подobia его процессам 30-х годов. Осуждение писателей Даниэля и Синявского (в 1965 г.) на максимальные по 70-й статье сроки исключительно за их художественные произведения (даже не публицистику), напечатанные за рубежом, заставило задуматься еще над одной проблемой:

проблемой свободы чисто литературного творчества, не несущего яркой политической тенденции.

Проанализировав, скажем, рассказы Синявского, мы убедимся в том, что они причудливы, ироничны, даже метафизичны, пожалуй, что отдают они и Чеховым, и Булгаковым, и Андреем Белым, и Леонидом Андреевым. Только вольнодумство их такое мягкое, естественное, ненавязчивое, а критика сталинской эпохи столь литературна, что Бондарев со своей «Тишиной» и Твардовский с главой «Так это было» покажутся нам бунтарями и мятежниками рядом с автором.

Из этих рассказов невозможно было выискать сколько-нибудь грамотное доказательство антисоветизма автора. И о каком подрыве и ослаблении строя могла идти речь, если все почти рассказы восходили к 30-м, к 40-м, к 50-м годам, а далее ни взгляда, ни даже намерения автора не удавалось проследить? В материалах XX съезда содержалась куда более резкая критика сталинизма, по крайней мере более конкретная.

Остается предположить, что Даниэля и Синявского осудили только за то, что они посмели печататься за рубежом, не спросившись у советской цензуры. Оказалось, что несвобода — это не только однопартийная система, идеологический диктат, запрет на всё, что может как-то повредить не стране, а именно политическому режиму, но очень жесткие рамки, в которые втиснута вся человеческая жизнь, даже вне политических сфер. Жесткие экономические, культурные, бытовые, территориальные ограничения не менее мучительны для духа, чем «политический» режим.

И запрещено не только то, чего «нельзя», запрещено на всякий случай и то, о чем пока еще официально не заявлено, что «можно». Кстати, в 70—80-е годы Владимов, Зиновьев, Аксенов, Солженицын и Шафаревич написали и опубликовали за рубежом такое, что ни в какое сравнение не шло с символикой Даниэля и Синявского. И не заплатились за это свободой и здоровьем. «Цена, которую приходится платить за свободу, уменьшается, когда растет спрос» (Станислав Ежи Лец). Вот, пожалуй, самый разительный пример, как можно добиться своих прав, в том числе и авторских.

Надо только идти до конца. Братья Стругацкие продолжают печататься в советских изданиях, несмотря на то,

что их «Гадкие лебеди» вышли в «Посеве». Это право, кстати, нам не даровано манифестом, оно отвоевано. Не думаю, что писатели Даниэль и Синявский теперь сожалеют о том, что они когда-то первыми встали из окопа. Они и на суде ни в чем не раскаивались. Письма протеста, последовавшие за этим процессом, создали непривычный для страны микроклимат брезгливого отстранения от полицейского сыска и общественного негодования, пока еще адресованного правительству, пока еще апеллирующего к нему

Впервые за долгие годы в стране против чего-то (очень важного и всеобщего) публично негодовали. Климат недовольства возник именно тогда, потом последующие события только нагнетали уже созданную атмосферу, и этим воздухом, к которому прибавился новый химический элемент, мы научились дышать, и эта способность должна была закрепиться генетически. В 1965 году было сформулировано первое требование Демократического движения: «Уважайте советскую Конституцию».

Адресовано это требование было государственным авторитетам, а имелись в виду статьи о свободе слова, печати, собрания, союзов. А поскольку к 1965 году уже стало ясно, что правительство Конституцию не уважает, началась переоценка всех ценностей, разрушительная и беспощадная, которая в далекой перспективе 80-х годов должна была подорвать всякое уважение к государственной власти (что своим чередом и случилось).

Знали ли идеологи или, вернее, создатели Демократического движения об этих последствиях? Предвидели ли их? Конечно да. Они просто опередили общественную мысль на много десятилетий и не хотели лишать поколение его естественного пути, его права на неудачи, ошибки и выбор цели. Они пошли с ним рядом, стараясь не забежать вперед. Это было слишком мудро, и именно потому столько было сделано.

Постепенно люди начинают учиться сравнивать, и шоры делаются прозрачнее, и оказывается, что на этом ужасном Западе, которым их столько лет пугали (и пугают до сих пор) идет какая-то своя, интересная, непростая, не идеальная, но куда более свободная и раскованная, куда более сытая и благополучная жизнь. Здесь, конечно, не проповеди инакомыслящих свершили переворот, а конкретные примеры, западные фильмы, переводные прогрессивные

романы, в которых ставились большие для Запада вопросы и из которых явствовало, что наши сегодняшние проблемы у них давно разрешены, а до их больших вопросов мы просто еще не доросли...

И расширившийся горизонт, и частые встречи с западными учеными и кудесниками, и практика поездок за рубеж, и краешек западного образа жизни — пусть для многих пока на уровне дискотек, тряпок и интерьеров. Лекарство не должно быть опаснее самой болезни, но здравый смысл, самолюбие, эгоизм (разумный эгоизм — умение жить самому и давать жить другим), корысть, жажда самоутверждения (то, что до недавних пор у нас именовалось мещанством) очень хорошо размыли нашу гранитную патриотику (не патриотизм, в котором слишком много поэзии, чтобы ему были страшны прозаические человеческие занятия).

А патриотика с ее нарочитостью, жестокостью, пуританством, ненавистью к людям и обыкновенной человеческой жизни, с ее отрицанием свободы, с ее фанатизмом и спесью должна была растаять, как ледяной осколок в сердце у Кая, но одних слез Герды здесь было бы мало, и никакая цена не высока за освобождение от таких тисков. Прочитав произведение-другое западных авторов (отнюдь не апологетов капитализма, а напротив, его хулителей), советский читатель обнаружил с изумлением, что такие обличители американского образа жизни, как Клиффорд Саймак, Джозеф Хеллер, Рей Бредбери, Джон Стейнбек, напечатали в своей стране и за рубежом и получили за свою «антиамериканскую деятельность» не тюрьму, не ссылку, а премии и приличные гонорары.

После такого освежающего глотка из реки по имени Факт никакие тонирующие идеологические напитки, как правило, на умы уже не действуют. Абсолют дал еще одну трещину: превосходство советского образа жизни (даже послесталинской эпохи) было поставлено под сомнение, причем в основном попечениями властей. Но так ли глупа была власть? Может быть, они знали о неизбежности покушений на общее, на устои после первых малочисленных покушений на частности? В повести Стругацких «Миллион лет до конца света» Вселенная отвечает на, казалось бы, безобидные теории отдельных ученых актами насилия, коварством, угрозами — и всё оттого, что учеными начат

поиск, который через много лет может привести к разгадке ее сокровенных тайн.

Может быть, и мы подошли близко к первому центру тирании? Если они этого так испугались, может быть, мы правильно идем? А если они перестают бояться, перестают парировать удары, не надо ли придумать что-нибудь новенькое? Они сами укажут нам лучший способ борьбы своей реакцией. Это тоже урок Демократического движения, выведенная им формула. Традиционная демонстрация протеста сначала 5 декабря (датируется 1965 г.), затем 10 декабря (День защиты прав человека) вначале повергала власть в трепет. Это был молчаливый протест, но поскольку в КГБ знали, что туда идут и обнажают головы в 18-19 часов только несогласные, в этом противостоянии было величие, была сила, была красота. Вначале у памятника собиралась внушительная толпа, которую приходилось разгонять, развозить по участкам, сообщать на работу, ловить по дороге, а также оцеплять памятник милицейским кордоном.

Пятого декабря 1965 года Владимир Львович Гершуни написал по поводу обитателей красивого здания на Лубянской площади (нынешней площади Дзержинского): «Ваш театр прогорел, и сегодня мы присутствовали при закрытии сезона». В этом много правды: прогоревшие театры долго влачат свое жалкое существование на государственную дотацию, и билеты туда продают в качестве накружки.

Актеры этого балагана уже не хвастают ни своим могуществом, ни своими голубыми погонами, они предпочитают тень и штатские костюмы, они скрывают свою мрачную славу в самых темных подземельях, они порождение ночи и знают это, и единственное, что нам остается сделать, — это разрушить все подвалы, камеры, застенки, катакомбы — их последнее прибежище. Но толпа у памятника редет год от года, кордон уже не нужен, и можно обойтись без заградотрядов.

Демократическое движение в этом не повинно: толпа редет от болезней, арестов, сроков и ссылок. Те, кто стояли эти 20 лет у памятника, за решеткой или в ссылке, или даже на Западе, как это не горько. «Стоят они, ребята, точеные тела, поставлены когда-то, а смена не пришла». Почему не пришла смена? Почему студенты не идут на площадь факультетами — а физики и лирики институтом,

вынуждая власти оцеплять площадь войсками и разгонять демонстрацию брандспойтами и слезоточивыми газами?

Хорошая идея не повинна в том, что демонстрация захлебнулась в равнодушии и бессилии. Виновны только те, кто, зная дорогу, цель и смысл, не пошел на площадь. Если скучно просто стоять — можно читать стихи — Галича, Ратушинскую, Коржавина, Кима и др. Но я что-то не ко времени размечталась, еще немного, и привидится мне манюловский мост с лавками и товарами. Просто будет очень плохо, если живое дело, начатое в 1965 году, окончится в 1985-м, причем не от репрессий властей, а от равнодушия его потенциальных участников.

На самом деле мы все знаем причину неуспеха этого начинания. Но по этой же причине провалились, не прижились, не были подхвачены все остальные предложения Демократического движения. Сначала попытаемся понять, в чем же суть этих предложений.

Начиная с 1965 года мы вправе говорить о Демократическом движении, ибо протест становится сознательным и массовым — в наших масштабах, конечно: это только для нас массы, а для всех прочих стран — одиночки. Демократическое движение не было бы создано, если бы Медный всадник в ответ на одинокое «Ужо тебе!» безоружного Евгения просто промолчал бы.

Но он, как водится с пушкинских времен (ведь ни Радищев, ни первая генерация народников не подрывали устоев, силы были слишком неравны, проповедь была слишком непонятна), не поленился сойти с пьедестала и скакать с тяжелым топотом за дерзким безумцем. Абсолютная тотальность в сфере мысли противоестественна и невозможна. Попытка «Степаниды Васильевны» ее сохранить привела к тому, что от отчаянных усилий высвободиться из одной сферы стали ломаться соседние сферы тотальности, до которых иначе очередь могла бы и не дойти.

Осуждение Даниэля и Синявского вызвало то, что назовут потом «процессом цепной реакции». Александр Гинзбург составил «Белую книгу» в их защиту. Вместе с письмами протеста, с материалами апологетического характера там были и статьи из официальных газет, проникнутые злобой и нетерпимостью, а иногда и просто свирепые (Шолохов, например, требовал, чтобы мятежных писателей

расстреляли перед строем, непонятно только, перед каким, разве что считать Союз писателей воинским подразделением).

Контраст был велик, и доказательства от противного действовали сильнее прямых. Наверное, это была первая попытка оспорить решение властей письменно и публично, предпринятая вне литературной сферы, уже в публицистике. Последовавшие за этим сотни писем протеста только закрепили новую веху в общественном сознании: с правительством можно спорить открыто, подвергаясь риску, спорить пока индивидуально, тет-а-тет, не имея возможности спорить через своих представителей в оппозиционной прессе и в парламенте.

Письма протеста заменили нам парламент. Такова была их функция, и роль «подписантов» (под таким письмом подписывались 40—50 человек) сводилась к роли депутатов этого самостоятельного парламента, к тому же заодно был сделан еще один шаг: обращаться стали не только к своему правительству, апеллировали и к демократической общественности Запада (сначала к компартиям, потом к партиям левого и социалистического толка, потом просто к прогрессивным силам, т.е. к гуманистам Запада).

Это было очень важно, и это было самое трудное для нас. И самое сносное, пожалуй, потому что всех обращающихся на Запад (неважно, к кому), всех, воспользовавшихся услугами западных радиостанций (неважно, во имя чего) одинаково клеймили предателями, шпионами, агентами ЦРУ, пятой колонной и т.д. Им постоянно грозила 64-я статья (государственная измена), для острастки ее дали Щаранскому.

Давайте попытаемся исследовать эту ситуацию и выяснить, может ли использование этих средств помочь темным силам на Западе и повредить нашему народу. О неумелом и неумном использовании таких средств мы сейчас говорить не будем.

Ведь отсутствие чувства меры всегда превращает лекарство в яд. Мы будем думать о разумном употреблении огня, отвлекать от пожаров и ожогов. Что из того, что на Западе трудящиеся будут знать о том, что у нас творится? (ЦРУ, ФБР, рейгановская администрация об этом узнает по более надежным каналам, чем самиздат и «Хроника», у них свои источники информации, профессиональные.

Неужели возможно серьезно думать, что в таких вопросах они положились бы всецело на занятых собой советских диссидентов?)

Западные средства массовой информации давно прожужжали своим читателям и слушателям все уши советскими зверствами и неустройствами. И что же? Разве они перестали бастовать, выступать против злоупотреблений своих правительств и добиваться своих прав? (Предлагал когда-то такое Валери Жискар д'Эстен: всем сплотиться вокруг правительства, ничего не просить, прекратить конфронтацию, экономить и бороться с советской угрозой, называлась эта доктрина «Режим ограничений».) И кто его послушал в его же собственной стране? К счастью, никто.

И вообще, что за бред? Я, например, искренне сочувствую американским индейцам, французским безработным, коммунистам ФРГ, уволенным из-за запрета на профессии, линчующим алжирцам и неграм, ненавижу Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности, готова умереть рядом с Робертом Сэндсом и его последователями за права ирландцев на самоопределение.

И при этом я не желаю мириться с нашим собственным свинством. Оно от чужого краше не становится, свинство всегда есть свинство, и в СССР, и в США. А поскольку я — средний человек с нормальными реакциями, то почему бы не предположить, что каждый реагирует на эту ситуацию так же (если он не введен в заблуждение, не одурачен)?

Ведь если человек чинит у себя пол, а к нему придут и скажут: «Не чини свой пол, потому что у соседа крыша прохудилась», что он вам ответит? Почему всем честным людям мира не протянуть друг другу руки через головы правительств, разведок и подлецов?

Демократическое движение сделало такую попытку, и навстречу много рук протянулось, и не Рейган, не Маргарет Тэтчер протянули, а Генрих Бёлль, Сартр, Камю, Ионеско, Гюнтер Грасс, американские профсоюзы, французские издатели.

Мы ведь сейчас делаем фотокопии с изданий. Они издали Солженицына, и Владимова, и Оруэлла, и Джиласа, и еще многих авторов, которые нам так нужны, и не для того издали, чтобы американскому империализму угодить

(они Маркса и Энгельса тоже издают), а из-за высокого художественного и интеллектуального уровня этих книг.

Нобелевскую премию нашему писателю Солженицыну дал Запад — гуманистический, антифашистский Запад. Дал потому, что заслужил. Как когда-то заслужили Бунин, Пастернак, Шолохов. В мире существует круговая порука зла, как и круговая порука добра.

Демократическое движение сделало ставку на добро в мировом масштабе, и только некто выискавший феномен эмиграции не дает нам сегодня это понять. Кстати, при наших скудных книжных ресурсах, при гигантских пространствах, при отсутствии четкой связи инакомыслящих в разных районах страны, что бы мы делали без «Свободы», без «Голоса Америки» и Би-би-си?

Они ведь читают главы из произведений наших собственных запрещенных писателей, они передают объективную информацию о наших собственных политических процессах, обысках, арестах, пытках в тюрьмах и спецбольницах. Информацию эту они получают от нас же.

Автор этой работы много лет передавала такую информацию для того, чтобы она широко распространилась именно внутри страны, без особого восторга, все время думая о том, что хорошо бы завести собственную радиостанцию «Венсеремос» и собственные подпольные типографии, но сознательно, представляя все последствия.

Я и сегодня могу посоветовать всем несогласным пользоваться этими западными каналами завести русские, свои, с радостью присоединюсь к любому такому начинанию. Но пока этого у нас нет, отказ от использования западных каналов приведет только к информационному голоду внутри страны, к падению железного занавеса, к прежней затхлости и герметичности сталинщины.

Греческие прогрессисты времен «черных полковников», оппозиционеры ЮАР, Уругвая, Турции, ФРГ, Ирландии не стыдятся обращений к прогрессивной мировой ответственности и не считают себя национальными изменниками. Да послужит нам это уроком. Если не брать ни доллара, ни рубля в награду за свою политическую деятельность (что и делали всегда настоящие правозащитники, а примазавшиеся к ним шкурники не в счет), если отказаться от выезда на Запад и делить до конца с народом его судьбу,

я думаю, этого хватит для того, чтобы не прослыть шпионами и предателями.

Так это, кстати, и было задумано изначально. В 1965—1969 годах массовая эмиграция инакомыслящих показалась бы бредом им же самим.

Но вернемся к письмам. Они еще были проникнуты идеалом Движения 60-х годов: «Уважайте советскую Конституцию». Но после «процесса четырех» — Гинзбурга, Галанскова, Лашковой и Добровольского — они приобрели оттенок сколь антифашистский, столь же и антиправительственный.

Гинзбург был осужден на 5 лет за «Белую книгу», Галансков на 7 лет и 5 лет ссылки за номер нелегального журнала «Феникс-66» (литературно-политическое направление, однако не на уровне экстремизма, он вообще не свойственен 60-м годам).

Почти одновременно в Уголовный кодекс вносится 190-я статья (клевета на советский общественный строй, демонстрации). Последовали демонстрации протеста. Участники были наказаны по той самой статье, против которой они протестовали. Становилось тесно от жертв, обысков, арестов, от негодования и жажды действий.

Как это пишет Аксенов в «Ожоге»? Сначала судили четырех наших парней, потом еще двоих, потом троих, а потом уже и считать перестали? Аресты и процессы стали нормой для тех, кого власти называли правозащитниками.

Письма протеста тоже стали нормой, традицией. Аксенов считает, что в этом сущность их неуспеха, того, что их уже перестали писать в 80-е годы и переставали читать в конце 70-х — в повторяемости, в обыденности, в том, что они уже не поражали воображения. Мне думается, что он неправ.

Политическая деятельность, преследующая достижимые и благородные цели, вообще не должна эпатировать, она всегда несет в себе элемент рутины. Стоит всмотреться в политическую жизнь Запада: кого развлекут бесчисленные протесты, вотумы, петиции, парламентские дебаты? Здесь и повторяемость, и сложность, и обыденность.

Честная политика существует не для того, чтобы корчить профессиональных политиков, не для того, чтобы увеселять публику, а для общественного блага — большей безопасности нации и большего ее развития, пользуясь

терминологией педагогики. Так что мнение Аксенова отчасти даже оскорбительно.

Люди выращивают хлеб, ловят рыбу, лечат больных и строят дома не для собственного увеселения, а для того, чтобы жить. Политика же в первооснове своей, наверное, есть не что иное, как регуляция человеческих взаимоотношений в масштабе стран и континентов. Поэтому и она нужна, чтобы жить, а не для того, чтобы развлекать.

Письма перестали читать и писать не поэтому. И не потому, что ослабела общественная потребность. Здесь что-то иное. Запомним пока, что у нас уже два необъясненных феномена. Почему выродилась демонстрация на Пушкинской площади? Почему перестали писать письма протеста?

После гибели Галанскова в потьминских лагерях обращения к совести правительства, к его чувству чести, звание к идеалам раннего большевизма, к идеалам революции, постепенно прекращаются. Социальная роль властей предержавших в глазах оппозиции меняется. Это можно обозначить делениями на общественной шкале.

Итак, для пятидесятых годов власть — еще «мать родная», для шестидесятых — оппонент в споре, однако оппонент, а не враг. Боюсь, что восьмидесятые годы ведут всех к тому, что власть в глазах оппозиционеров станет врагом. Такая концепция была уже в ходу на Руси в семидесятые годы прошлого века, она привела к терроризму народовольцев.

И не только к нему, увы, она привела к большевизму и красному террору, а затем к сталинизму. Когда ищешь врагов, обыкновенно находишь их в изобилии, даже больше, чем требуется. Концепция «врага» неминуемо ведет к тому (но не сразу, не в первом поколении), что врагом становится каждый несогласный.

Особенно сообщества несогласных, т.к. они опасны для идеи. Может быть, противоядие здравого смысла здесь не поможет. Может быть, здесь подействует только противоядие христианства и гуманизма. Скорее, даже так.

Лучше уж нам остановиться на делении «палач». Тем более что наши палачи и сами жертвы (как убедительно показал 1937 год, когда большевики разделили ужасную судьбу инакомыслящих, «лишних» людей, как показывает участь героя «светлого будущего» Зиновьева, сначала почти

академика, столпа режима, в конце — жертвы, гонимой и бессильной, чья давняя подлость убивает его ребенка).

«Что ж, мученики догмата, вы тоже — жертвы века» (Пастернак). Но это семидесятые годы с их ощущением мира, а в шестидесятые общественное сознание делает еще один важный шаг.

Чехословакия, 1968 год. 200 дней свободы и последующая оккупация ее нашими войсками. Интересно, что оккупация Венгрии в 1956 году, которая была не менее злодейской, но более кровопролитной и жестокой (венгры отчаянно сопротивлялись, число жертв было очень велико), не вызвала потрясения в общественном сознании. Это был просто исторический факт, но не факт нашей исторической памяти.

Просто в 1956 году мы были не готовы сделать этот шаг, победить в себе этот абсолют: пролетарский интернационализм, братская помощь трудящимся всех стран, Испания, интербригады, Коминтерн («на зов Коминтерна, стальными рядами, под знамя победы, под красное знамя»).

Мы долго не могли заглушить в себе эту мелодию, наше прозрение совершалось мучительно медленно. В 1968 году мы были к этому уже подготовлены. «Танки идут по Праге, идут по правде» — эти слова Евтушенко могли быть сказаны только в конце шестидесятых. «Пражская весна» научила нас многому. Оказалось, что возможна реставрация парламентской демократии без реставрации капитализма. Возможен бескровный и безболезненный путь при переходе от тоталитаризма к открытому обществу.

Такой переход может совершиться без дестабилизации, без хаоса, без развала экономики. Джилас в своем «новом классе» предвидел еще в начале пятидесятых попытки еврокоммунистов освободиться от СССР и создать модели национального коммунизма. Но ему этот процесс представлялся совершенно неэстетической попыткой коммунистических автократов Европы урвать себе побольше, не делясь с метрополией, одновременно потрафив оскорбленному национальному чувству своих народов, но сохраняя тоталитаризм в неприкосновенности.

Позиции Дубчека, возглавлявшего демократический переворот (вернее, Возрождение), он не предвидел. И в Венгрии, и в ЧССР, и в Польше речь шла об изменении политической

структуры общества. Чехословакия была для нас чем-то вроде земли обетованной.

Наша демократия так радовалась ее торжеству, как будто это был наш собственный триумф. **КАЗАЛОСЬ, ЧТО РУШАТСЯ НАШИ СОБСТВЕННЫЕ СТЕНЫ.** Так оно и было. Рухнул абсолют вселенского восхищения и оправдания. Оказалось, что наша хваленая Система — благо отнюдь не для всех, что кто-то воспринимает ее как тяжкое бремя, как ярмо.

Вторжение же наших войск уничтожило последние теплые чувства, которые теплились где-то на дне души у самого отпетого вольнодумца и привязывали его к обществу прогнившему, жестокому, но все-таки породившему и вскормившему его. Что-то кончилось. Социалистический лагерь сделался в наших глазах концентрационным.

Выстроилась цепкая логическая связь: Польша, 1939 год, Прибалтика, 1940-й, Венгрия, 1956-й, Чехословакия, 1968-й. Вот здесь мы вспомнили всё. И выстроили нашу историческую память ретроспективно. Слова «фашистская оккупация», «империализм», «захватчики» стали аксиомами. И еще одно понятие прибавилось нам. «Не может быть свободным народ, угнетающий другие народы». Наверное, здесь для нас (за несколько лет до «Архипелага») начинается ненависть к собственной армии, к самим себе, краска стыда. Здесь наше общество расколосось настолько основательно, что противники агрессии не подавали руки ее сторонникам и не садились с ними за один стол.

Потом это сгладилось, но тогда было очень заметно. Воскресла наэлектризованная атмосфера политических споров начала века, споров ожесточенных, до хрипоты. И еще одному мы тогда научились: полагаться только на себя, на единомышленников, на солидарность честных людей во всем мире, но не на западные правительства и не на политических боссов. Кто защитил Чехословакию? Собственная армия предала Дубчека, она не сопротивлялась нашествию.

Западные правительства предали Чехословакию вторично. 1938 и 1968 годы. С тошнотворной повторяемостью равнодушия, корысти, себялюбия. Западные компартии сурово осудили нас...

И не отказались приехать на ближайший съезд КПСС. Что до ООН, Совета безопасности и прочих органов, то

в 1968 году человечество очень убедительно продемонстрировало, что до международного форума оно еще не доросло. У шайки разбойников, которая собирается в Хельсинки и Женеве, хватает душевных сил, чтобы сделать хорошую мину при плохой игре, и подписать никому не нужную резолюцию, но нет у нее ни воли, ни желания, чтобы кого-то защитить и спасти, покарать мировое Зло, реально отстаивать Добро.

Иначе не было бы на нашей планете апартеида, Вьетнамской войны, черных греческих полковников, Франко и Салазара, пиночетов, советских и прочих концлагерей, венгерской и чешской трагедий. Нет, разбойники не закрывают друг перед другом дверей, не отказывают друг другу от дома.

Уповать можно только на твердость духа. «Всё прочее снашивается дотла» (Скотт Фицджеральд). Русская интеллигенция вела себя достойнее Запада. Многие коммунисты после 25 августа вышли из партии, положив на стол партбилет. Слали письма протеста, восемь человек вышли на Красную площадь с плакатом «Руки прочь от Чехословакии», «За вашу и нашу свободу».

Появились листовки, стихи и памфлеты. Все, кто в этом участвовал, знали, на что они идут. И никто не поколебался. Один советский танк не дошел до Праги, экипаж бросил машину в пропасть, чтобы не проехать по телам чешских юношей, которые легли перед гусеницами, преградив ему путь. Когда-то русские офицеры шли на виселицу, чтобы не стрелять в польских повстанцев (после 1866 года). Я думаю, что в 1968 году мы не посрамили их памяти. 21 августа — День Гнева. Этим днем кончились шестидесятые годы.

В семидесятые годы усиление Демократического движения и интеллигенции, разделяющей его идеалы, создает очень мощное, неуловимое, неиссякаемое издательство. Самиздат. Нелегальная литература — не редкость на Руси, издавна по рукам ходили памфлеты, политические трактаты, стихи.

Но теперешний самиздат — настоящее, хотя и летучее, издательство, настолько отвечающее общественной потребности, что никакие обыски и конфискации пока не могли его уничтожить. Никто ни с кем не сговаривается, однако одни провозят книги через границу, другие занимаются их тиражированием всеми мыслимыми и немыслимыми

способами, вплоть до перепечатывания романов до 300 страниц на машинках, стараются как можно шире их распространять.

Мне приходилось слышать не один раз, передавая человеку самиздатовскую литературу: я буду читать ее ночью, по диагонали, брошу все дела, чтобы успеть дать ее лишнему человеку, она ведь так всем нужна. Если принять во внимание, что до недавнего времени за одну ксерокопию или за распространение 2-3 книг можно было получить 5 лет тюрьмы и 5 лет ссылки, мы поймем, как относится наша мыслящая интеллигенция (увы, есть и не мыслящая пока) к самиздату. Получая такую книгу, человек думает не столько об эгоистическом удовольствии ее прочесть, сколько о том, кому еще ее можно дать и на сколько.

Это уже борьба с общественным злом. Путь даже не организованная и не осознанная.

Во-вторых, самиздат сохраняет и распространяет совершенно гигантские произведения в 2000, в 1000, в 800 страниц, настоящую литературу, а не политические опусы. Зиновьев, Оруэлл, Солженицын — это искусство в полном смысле слова. Поэтому самиздат вправе считать себя полноправным народным издательством. К тому же самиздат дублирует в некотором роде легальную литературу. У него есть свои блестящие сатирики (Ерофеев, Зиновьев, Войнович), есть свои поэты (Галич, Коржавин, Ратушинская, Горбаневская), есть своя публицистика, свои историки (Ян, Солженицын), есть свои социологи (Редлих, Авторханов, Медведев, также Зиновьев, Джилас), своя фантастика (антиутопии Оруэлла), даже свои басни («Скотский хутор» Оруэлла, «Верный Руслан» Владимова).

Есть свои великие романисты (Пастернак, Аксенов, Платонов), есть даже свой пророк (книги Солженицына очень библейские по своей сути). Есть даже свой философ — Бердяев. Такой спектр для нелегальной литературы необычен.

Кстати, за «Фениксом-66» последовали другие журналы. Самым известным среди них были «Поиски» — толстый литературно-философский журнал высокого художественного уровня с очень широким спектром — от антиправительственных памфлетов до романов. Журналы плодились, как грибы. Каждая группа инакомыслящих пыталась издать свой журнал. Даже признанные и печатающиеся литераторы

попытались издать нелегальный журнал! Последняя попытка стоила издателю журнала «Альманах» Валентину Новосельцеву (сам он писатель-«деревенщик») пяти лет лагерей и пяти лет ссылки. Свободой печати мы воспользовались, еще не получив ее, явочным порядком.

В начале семидесятых годов мы смогли прочесть «Архипелаг» и сделать предпоследний шаг в нашей политической эмансипации. Вместо болезненных, жутких, но разрозненных картин из прошлого мы получили убедительную, страстную теорию нашего общественного развития с 1917 по 1962 год. Поэтически в двух словах это же было после выражено Аксеновым: «Провидению было угодно провести нашу родину через великую кровь к великой лжи» («Остров Крым»).

Исчезли из наших представлений белые пятна. Мы, может быть, впервые поняли, насколько плавно сталинщина выросла из ленинизма, когда были брошены в землю семена, проросшие в тридцатые годы. Мы узнали масштаб уничтожений, их жуткие подробности, имена очевидцев, факты, факты, снова факты. Планетарный масштаб «Архипелага» довершил начатое когда-то Бондаревым, Германом, Твардовским.

Наше прошлое и наше настоящее были сопоставлены. Антифашизм сталинского правительства был поставлен под сомнение даже и в 1941—1945 годах. Как можно было считать оплотом демократии и хранителем света государство, где особи перед началом гитлеровского вторжения спешно расстреливали политзаключенных и бросали их трупы в колодцы?

Государство, отправлявшее узников немецких концлагерей после 1945 года эшелонами в сибирские концлагеря! Государство, освобождавшее Венгрию, Чехословакию, Болгарию от фашизма — и тут же устанавливавшее удобный ему политический строй, сотнями посылая в наши концлагеря венгров, чехов, болгар, которые казались опасными своим инакомыслием! И наконец, государство, допустившее подавление варшавского антифашистского восстания, полное разрушение Варшавы ради того, чтобы в Польше у власти оказался наш ставленник Берут вместо представителя эмигрантского лондонского (кстати, законного для Польши) правительства Миколайчика!

Иногда приходится слышать, что «Архипелаг» тенденциозен, что там нагромождены ужасы. На это можно возразить, что не более же он тенденциозен, чем «Правда» и чем «Семнадцать мгновений весны» Юлиана Семенова. А что до нагромождения, то там нагромождены не ужасы, а факты. Если все ведущие факты нашей истории ужасны, то в этом же не Солженицын повинен.

Не мог же он закончить свой труд рефреном: «А в остальном, прекрасная маркиза, всё хорошо, всё хорошо». А что оставалось, собственно говоря? Экономическое процветание? Ценой рабского труда? Каналы, заводы, освоение Севера и Востока (цена в жизнях заключенных точно представлена в «Архипелаге»)? Колхозы? Цену им мы тоже знаем. Искусство? То есть пир во время чумы?

Роман написан человеком потрясенным, для тех, кого способны потрясти общественные бедствия. Попытка найти отдушину, противовес — неумение или боязнь глубоко чувствовать и страдать, эмоциональная, духовная ущербность. Приходится слушать также и то, что роман читать мучительно, что после него перестаешь любить людей и верить в них, а значит, читать его не нужно. Не думаю, что эта точка зрения достойна уважения.

Она родни желанию забыть и о Гитлере, и об Освенциме, вычеркнуть это из своей исторической памяти, чтобы не расстраивать себя понапрасну. Такие воспитатели внушают юношам и девушкам, что у них была история как история, не хуже чем у других, что другие тоже были жестоки, что об этом сейчас не надо думать, а надо жить дальше, и юноши пишут в школьных сочинениях, что о Гитлере они знают только то, что он был историческим деятелем и что слово «концлагерь» им ничего не говорит.

Если задать таким школьникам вопросы о Сталине и о наших концлагерях, ответ будет таким же. Тот, кто ради своего душевного спокойствия готов способствовать сохранению такого статуса-кво, оказывает плохую услугу своему отечеству. И потом, дорого ли стоит любовь того, кто способен любить только безгрешного ангела? Любить свой народ ценой неведения о его реальном пути, о его настоящей истории — значит, быть неспособным любить.

Мизантропия как умонастроение родилась в соприкосновении с человеческими пороками. Если бы человек был всегда добродетелен, то вопрос о любви к нему вообще бы

не возникал. Тот, кто готов раскрыть объятия из всего человечества только святым и невинным младенцам, по сути дела, ненавидит людей. Здесь, наверное, стоит почитать Евангелие. Христос очень много об этом сказал. Он бы не отверг «Архипелага».

Нежелание отягощать себя страданиями своего народа приличествует только декадентствующим девицам, да и то им лучше не пытаться иметь детей, потому что они не сумеют достойно их воспитать. Так что на реплику «Кто прошлое помянет, тому глаз вон», действительно лучше всего давать солженицынский ответ: «А кто забудет, тому два!» В позиции властей, увидевших в этом романе огромную угрозу для режима и всячески его изничтожающих вместе с теми, кто смеет его тиражировать и распространять, больше уважения к автору и к высказанной им правде, чем в жеманном нежелании «эстета» открыть книгу, способную всерьез испортить ему настроение.

Так было и будет всегда, всегда находились люди, равнодушные к общественному благу, ничего здесь не поделаешь, хочется только, чтобы их было поменьше, потому что они не украшают ни Россию, ни человечество.

«Архипелаг» вместе с «1984» Оруэлла, «Зияющими высотами» Зиновьева и «Ожогом» Аксенова не только способствовал тому, чтобы страна наконец познала сама себя, но и дал обществу чувство страшной, непоправимой беды, некоторой трагической исключительности ситуации.

Этот иррациональный момент вызвал куда более серьезные последствия, чем могла бы вызвать самая трезвая, самая аналитическая публицистика. Холодная логика, сознание обыденности, повторяемости исторической ситуации, интеллектуальные игры в бисер способны изменить образ мыслей, дать толчок рефлексии и скепсису. Это хорошо, это дисциплинирует ум, очищает его от накали риторики и патетики, исцеляет от идеологических «воспалительных процессов».

Нам это было очень нужно, мы получили это из рук Сахарова, Шафаревича, Агурского, Бердяева, Авторханова и других аналитиков. Но если мы когда-нибудь будем серьезно бороться против режима, то только благодаря тем, кто доказал: «Везде царит последняя беда. Весь мир она наполнила рыданьем, всё затопила, как водой, страданьем. И молния меж туч — как борозда».

Свободный образ мыслей может начаться с иронии, свободный образ действий — только с сознания, что «жить нельзя», которое переполняло героев трифоновского «Нетерпения». В России для борьбы с общественным злом всегда надо было быть немного поэтом. В больших дозах это губительно, но совсем без этого ингредиента мы, наверное, не обойдемся.

Итак, с середины 70-х годов мы знаем о себе всё. О прошедшем, настоящем и даже немного о будущем. Как же ответили русские (и западные) мыслители и писатели на вопрос «Кто виноват?». Как ответило на этот вопрос общественное сознание, выразителями которого они явились? Ответ «Не только Сталин, но и...» был продолжен. Ответ Солженицына: «Мы сами». Были бы мы другими, другой была бы наша история.

Интересно, что Твардовский когда-то ответил так же (правда, мягче). Дополнением к ответу Солженицына может служить его тезис о том, что вместе с христианством страна потеряла всякое представление о милосердии и добре. В этом много правды, этот ответ трудно опровергнуть. Никто и не пытался. Интересен ответ Джиласа.

Он считает, что пришествие тоталитаризма было неизбежно для России, Югославии, Болгарии и вообще технически отсталых стран. Ибо они, для того чтобы выжить и сохранить национальную и экономическую независимость, должны были технически перевооружить свою промышленность, стать индустриальными державами буквально за считанные годы.

Только тоталитарное государство с жестокими, полуфашистскими методами, ценой человеческих жертв могло добиться быстро нужных результатов. Джилас считает, что здесь за народ решила сама жизнь, инстинкт исторического выживания. Аксенов в «Ожоге» отвечает почти как Солженицын, ведь динозавр «Смирение» с добрым рязанским лицом вознесся над Москвой волей или, вернее, безволием людей.

В «Острове Крым» он дополняет свой ответ. Там во всем повинны глупость (ее разновидности: неуместный восторг, прекраснотушие, словом, умственное и душевное слюнтяйство) и посредственность, которая в результате странного естественного отбора завладела властью над страной и стала опорой сталинизма.

И не глупость ли погубила пять миллионов счастливых обитателей с острова Окей: неумение дорожить свободой и благополучием, тайный мазохизм, стремление к страданию и злу, восторженность перед любым инородным явлением, сулящим новые впечатления и разнообразие (пусть перемена к худшему, но только бы перемена), тяга к величию и масштабам, к чужой силе — это ведь, прежде всего, глупость.

Кстати, в этом, наверное, корень успехов фашизма и социализма. Особенно неприятны ответы Шафаревича и Бердяева (ответ историка Яна с бердяевским, в принципе, совпадает). Шафаревич считает тягу к тоталитаризму самоубийственным, но непреодолимым стремлением народов, желающих позабыться в единомыслии, отдохнуть от изошренных споров, конкуренции, утомительной сложности и напряженности жизни при парламентаризме.

Это желание нирваны, безмыслия, исторического и психологического небытия. Страшно, если жизнь, высокоорганизованное состояние материи, дойдя до невысказанной сложности структуры, бессознательно жаждет упрощения и распада, низведения к уровню протоплазмы. Этот биологический ответ Шафаревича убийственен.

Лучшее, что можно сделать, — не принимать его во внимание и препятствовать распаду и упрощению, объясняя людям, что это в них говорит энтропия, не жизнь, а смерть. Ответ Бердяева касается только России. В «Истоках русского коммунизма» он анализирует весь путь русского народа и находит неизбежными и непреодолимыми наши беды за последние 40—50 лет. Спорить с ним трудно, его аргументы — сама русская история, наш психологический склад.

Но даже если нужно что-то изменить в структуре русской души, русского сознания (неумение мыслить критически, думать о своей выгоде, отделять себя как личность от власти и государства, слепая вера, иррационализм, доведенный до предела, смирение, национализм, словом, психология муравейника в некотором роде), то такая попытка будет спасительна и оправдана.

Ян же в своей модели общественного развития России усмотрел цикличность. Цикл может длиться век или десятилетие, но он неизменно проходит через стадии звездного часа автократии (к примеру, сталинская эпоха), Смутного

времени (1953—1963) и псевдоабсолютизма (с 1963 года до сего дня). Ян считает псевдоабсолютизм особенно пригодным для просветительской деятельности, а Смутное время — самым подходящим моментом для того чтобы разорвать этот магический круг и сделать русскую историю из цикличной поступательной. Если верить Яну, впереди у нас еще один звездный час автократии, потому что свое смутное время мы упустили.

Наверное, только вместе, синтезированные, все эти ответы дают четкое представление о том, что все же с нами случилось. «Не те исторические обстоятельства», «не тот психологический настрой», «не те граждане», и в результате — «не та история».

Ответы на вопрос «Что делать?» тоже избыточны. Есть свой ответ у каждого «властителя дум», есть (вернее, был) свой ответ и у Демократического движения. Солженицын отвечает: надо жить по совести, каждому решиться жить честно на свой страх и риск, невзирая на последствия и отдачу.

В «Американских лекциях» он прямо говорит, что сила правозащитников в их слабости, в отсутствии организации. Тем выше их порыв и тем ярче их одинокий безоружный протест. Да, жить надо по совести. Нелепо человеку, глушшему на каждом шагу, не имеющему сил для протеста, призывать к такому протесту других. Да, сила духа одинокого подвижника изумляет мир и что-то, конечно, искупает. Но достаточно ли индивидуального духовного подвига для радикального спасения страны?

Как узнает покорное большинство о бестрепетно гибнущем меньшинстве? Откуда это самое большинство получит информацию о своей подлинной истории, о злоупотреблениях правительства, о новых, свежих идеях? Где набраться книг для всей страны? Если мы собираемся дать такую информацию и такие знания значительной части нации, если мы хотим попробовать применить благородное правило Яна Амоса Коменского «Учить всех всему» (а иначе как определить заранее, кого учить, а кого нет? ведь знаками способный в принципе мыслить критически человек не отмечен; к тому же эту способность можно развить), то одиноких усилий отдельных Дон Кихотов не хватит.

Тем более потом, когда люди, жаждущие перемен, должны будут выразить свое недовольство вовне, чтобы

моделировать общественную ситуацию. Какие митинги, забастовки, демонстрации возможны без организации? Ответ Солженицына прекрасен, духовен, но недостаточен. Зиновьев отвечает загадочно: все способы борьбы надо перепробовать, пусть каждый борется как умеет и как хочет, время само отберет лучшие способы борьбы. Это заманчивый, сулящий большую свободу выбора, но опасный ответ.

А если самыми эффективными методами борьбы окажутся самые бесчестные? Развал экономики, подкуп, клевета, саботаж, голод в стране, утрата ею независимости? Наверное, кроме эффективности, надо не забывать о моральной недопустимости. Ответ Сахарова для нас унижен. Он, кстати, перекликается с зиновьевским тезисом о том, что структуру, подобную нашей, нельзя разрушить изнутри, а можно только извне.

Сахаров считает, что самим нам не освободиться, что нужны усилия Запада, «их» осуждение, «их» экономические санкции. Но смириться с такой перспективой (ждать спасения от чужих рук) было бы недостойно России. К тому же пример Чехословакии слишком хорошо показывает, до какого предела мы можем рассчитывать на бескорыстную помощь западных держав.

Ответ Оруэлла поэтичен и доступен каждому: надо ненавидеть Большого Брата. Можно про себя, а если хватит сил, то даже вслух. Надо сохранить живой свою душу, несломленной — свою гордость. Оруэлл действительно считал, что гласный, открытый протест способен поколебать тоталитаризм. Джилас отвечает как марксист, но его ответ подкупает своей практичностью и реальной надеждой, которую он сулит.

С перестройкой экономики, в постиндустриальную эру, нужда в «новом классе» — партийной верхушке, в единой идеологии, в бюрократической пирамиде чиновников от партии, в зажиме, словом, в партократии и тоталитаризме отпадает.

Нужно только показать народу, кто теперь присваивает его доходы и его права, для того, чтобы совершился новый общественный переворот. Неясно только, как Джилас мыслит себе народовластие вне форм капитализма и социализма. Но это действительно трудно вычислить заранее. Ответ Амальрика вообще ужасен. С его точки зрения, только

национальная катастрофа, потеря Россией всех областей, кроме территории то ли Киевской, то ли Владимирской Руси, способны вызвать моральное и политическое возрождение.

Для нас действительно всегда были пагубны успехи («А все-таки жаль — иногда за победами нашими встают пьедесталы, которые выше побед» (Окуджава)), но такие катаклизмы едва ли будут полезны (и цена немислимо высока). Голод, страх, грозящая гибель всегда приводили к фанатизму, а не к свободомыслию.

Ответ Аксенова полифоничен. Не смиряться, не растворяться в липкой «окружающей среде», сохранять дистанцию между собой и ею, иначе «засосет», не брать у режима ничего, ни почестей, ни наград, ни званий, быть до конца трезвым и обязательно умным, понять, что может дать политическое наследие Запада, уметь принять его, никогда не покидать Россию, чтобы не выиграла сталинщина, и, как конечный ответ, — «драться за каждый камушек своей руины», ибо так велит мужская честь («Ожог»).

Интересно, что Демократическое движение использовало все эти ответы, от сахаровского до аксеновского. Наверное, надо объяснить, что то, что мы называем Демократическим движением, не было организацией, не имело ни структуры, ни устава, ни четких границ, а было скорее сродни Рисорджименто — духовному обновлению нации, порыву к свободе, согласованность действий которого объяснялась скорее какой-то внутренней неизбежностью встречи в ключевых пунктах эмансипации (таких как письма протеста, осуждение определенных вещей, совпадение иных литературных и социальных вкусов, общность судьбы, одинаковые гонения, ограниченный спектр ответов на такие гонения), чем реальным его оформлением.

Поэтому слово «движение» не должно раздражать даже противников любой организованной политической деятельности. А таких у нас очень много, с легкой руки большевизма слово «организация» стало вызывать у интеллигента чуть ли не судороги, ибо оно ассоциируется с идеологическим диктатом, несвободой, железной дисциплиной, с закабалением личности и со сталинизмом в конце пути. Хочу сразу успокоить травмированного большевизмом читателя: Демократическое движение организацией не было. Кстати, у Сартра в его романе «Совершеннолетие» есть интересное

определение политической партии. Герой романа Матье говорит своему другу-коммунисту что-то вроде этого: ты хочешь, чтобы я вступил в партию и перестал мучиться сомнениями. Но это аналогично совету: стань на колени и ты уверуешь. Однако я хочу СНАЧАЛА уверовать. Матье так до конца и не сможет сделать выбор между ангажированностью и неприкаянностью. Сартр заостряет ситуацию: ангажированность ведет к утрате свободы (ведь выбор сделан раз и навсегда), отказ от нее обрекает человека на пустоту и бездействие, хорошо еще, что в третьем томе трилогии «Дороги свободы», в романе «Со смертью в душе», Матье удается обрести достойную, свободно выбранную, чисто экзистенциальную смерть: он с несколькими солдатами защищает маленький городок против целой дивизии гитлеровцев, без приказа, без надежды, просто потому, что ему так хочется...

Я думаю, что жизнь надежно излечила наших теперешних и будущих оппозиционеров от партийной ограниченности, и партий «нового типа» у нас больше не будет.

Кронид Любарский (астроном и правозащитник) в лагерях сформулировал пять задач Сопротивления (в сущности, движение было духовным Сопротивлением с самого начала, с 60-х годов), тогда, когда они давно и непринужденно воплощались в жизнь: задача примера, задача учебы, информации, взаимопомощи и собственно Сопротивления (единственная задача, которую невозможно разрешить без мощной поддержки народа).

Можно по пунктам перечислить, чего именно удалось добиться Движению за эти 20 лет. Вернее, уточнить то, что было предложено Движением в качестве рабочего ответа на вопрос «Что делать?» и «С чего начать?».

1. Демократическое движение дискредитировало режим в глазах народа ценой многих жертв и большой крови. Демонстративно держась в рамках закона, не подрывая основы режима, призывая к соблюдению только Советской Конституции и подписанных СССР международных соглашений, его участники за абсолютно невинные юридические действия отправились в тюрьмы, концлагеря (а иные и в могилу).

Народ увидел, что правительство не способно соблюдать собственные законы, что оно лживо и зверски жестоко не только с противниками, но даже и со сторонниками,

имеющими собственную точку зрения на общественную проблематику (вспомним, что Джилас, генерал Григоренко, Рой Медведев, Леонид Плющ были коммунистами, и не из последних — Джилас был едва ли не правой рукой Тито).

2. Демократическое движение впервые за 60 лет напомнило нам, что мы не только русские, но еще и европейцы, еще и к человечеству принадлежим. Оно научило нас спокойно говорить с иностранцами (вещь для нас неслыханная), не стыдится выносить сор из избы, входить в международные организации — Хельсинские группы, «Международную амнистию», не считать свою беду только своим личным делом, а частью беды всего человечества (ведь если всерьез принимать идеи Хемингуэя, испанских интербригад о колоколе, который звонит по тебе, не годится скрывать свои муки и свой позор и улыбаться как ни в чем не бывало).

Советское правительство и вообще режим были серьезно дискредитированы в глазах мировой общественности, причем без всяких преувеличений и клеветы. Научиться вести себя так, как немецкие антифашисты в годы гитлеровской тирании, или как чилийские патриоты под властью Пиночета — то есть хотя бы попытаться поведать всему миру о своей отчаянной нужде и искать опору в силах добра вне государственных границ, — это очень много для нас значило. Мы научились без ложного стыда печататься за рубежом и использовать зарубежные радиостанции для своих нужд (то есть мы вернулись благополучно к настроению эпохи герценовского «Колокола»).

3. Движение долгие годы стояло между властью и народом, защищая последний от крайнего насилия гласностью и твердостью позиции, делая невозможным новый пароксизм террора.

4. Движение дало возможность почти всем желающим получить правдивую информацию о положении дел в стране (через западные радиостанции, которые может слушать каждый обладатель хорошего приемника). Самые пытливые и любознательные граждане получили возможность ознакомиться с сокровищами самиздата.

5. Движение способствовало деидеологизации и десоветизации общества, разрушая то, что принято называть «монолитным единством советского народа». Некоторая часть интеллигенции (да и рабочих, таких как Клебанов и Чекалин) теперь не поколеблется при ответе на вопрос «Нет, скажите

все-таки, вы советский человек или нет?» и заметит, что можно быть русским человеком, гражданином и патриотом России, не являясь в то же время приверженцем советской власти.

Часть общества (пусть малая еще часть) освободилась от советизма в своем мироощущении. Она и мыслила, и действовала, и чувствовала, и смотрела, и читала не так, как должен это делать классический советский человек. Многие одновременно ухитрялись работать и, в сущности, жить в советском обществе, не вызывая нареканий со стороны сограждан.

6. Движение создало новую профессию: профессиональное гражданство. Не назовешь же, в самом деле, правозащитников профессиональными революционерами: те должны уходить в подполье, жить на парткассе, делать динамит, призывать к свержению строя, собирать оружие.

Ничего этого не делал, скажем, Анатолий Тихонович Марченко, который за поведение нормального, честного (не советского, конечно) гражданина, удостоился от режима тридцати лет тюрем, ссылок и концлагерей, считая его последний срок (а впереди у него еще 6 лет лагерей и 5 лет ссылки). Профессия честного гражданина чаще всего лишала возможности заниматься чем-нибудь еще, правозащитники (физики, филологи, математики) сразу лишались приличной творческой работы и оказывались изолированными в своем кругу.

Еще волнуются живые голоса

О сладкой вольности гражданства...

(Мандельштам)

Кто бы мог подумать, что по горькой иронии судьбы это гражданство, вменяемое в обязанность каждому порядочному человеку, станет когда-нибудь для кого-то единственной профессией!

7. Движение давало каждому возможность внести сильную лепту в общее дело, каждый мог избрать себе ношу по плечу: участвуя ли в мирной демонстрации, подписывая ли письма протеста, помогая ли какой-нибудь правозащитной организации.

Хельсинская группа занималась сбором сведений о нарушении хельсинских соглашений у нас в стране и предавала

эти сведения гласности как внутри страны, так и за ее пределами. Надо сказать, что во многих странах возникли аналогичные Хельсинские группы. Деятельность ее была строго легальна, но участники удостоились максимальных сроков по 70-й статье.

Наша секция «Международной амнистии», которой руководил писатель Владимов, автор «Верного Руслана», занималась узниками совести за рубежом. Таков устав этой организации, никто не занимается своими собственными политзаключенными. Советские политзаключенные, например, находятся на попечении английской секции. Наверное, «Международная амнистия» с такими принципами и эмблемой — свечой за колючей проволокой — больше ООН способствовала тому, чтобы мы ощутили себя единым человечеством, ибо ее действия всегда реальны, нелицеприятны и благородны. Само собой, наша секция «Международной амнистии» подверглась разгрому, хотя те узники совести, которыми мы занимались, были весьма близки к коммунистическим взглядам. Здесь оспаривалось наше право участвовать в международных организациях без санкции властей.

«Хроника текущих событий», издаваемая долгие годы Валерием Чалидзе и Павлом Литвиновым за рубежом (весь материал собирается здесь, сюда же возвращаются выпуски), давала возможность добывать (что очень важно для политического становления) информацию о борьбе за гражданские права, о злоупотреблениях властей, о политической ущербности жизни страны, встречаясь с единомышленниками, формируя свое мировоззрение.

Это был хорошо задуманный способ объединить людей в борьбе против идеологического диктата.

Комиссия же по расследованию злоупотреблений психиатрией, занимаясь нашей карательной медициной, могла бы объединить многих (если не всех) врачей, ибо их это прямо касалось. Этого не случилось. Почему? Почему вознегодовал один Семен Глузман?

Почему западные психиатры приняли более деятельное участие в работе комиссии, чем советские? Вопрос риторический, но необходимость постоянно задавать подобные же риторические вопросы очень раздражала людей, которые добровольно жертвовали своим благополучием для тех, кто не только не ценил их жертв, но и смеялся над ними.

С этого непонимания (и не народом, не униженными и оскорбленными, а образованными слоями общества), с этого глумления над казнимыми, с желания непременно отыскать изъяны, недостатки, пороки, забывая о заслугах и достоинствах, начинается уход правозащитников (причем не всех) в психологическое гетто, феномен эмиграции, неверие в силы своего народа, а для самых слабых — даже отступничество.

Кто был в этом повинен, общество или те из правозащитников, кто не смог дотянуться до святости и всепрощения?

Фонд помощи политзаключенным, наш политический Красный Крест, вдвойне необходимый из-за недостаточной позиции Международного Красного Креста (подкупленный советским правительством, он не оказывает поддержки нашим узникам совести), мог бы объединить не только оппозиционеров, но и верующих, и женщин, для которых так естественны дела милосердия.

Прекрасное поприще для русской православной церкви, для матерей, дающих жизнь. Не вышло. В нужных масштабах, чтобы стать силой, способной противостоять власти, — не вышло. Кстати, наученный горьким опытом фонд теперь существует на нелегальном положении.

Профсоюз, созданный шахтером Клебановым и Свободное Межпрофессиональное Объединение Трудящихся (СМОТ) давали возможность бороться за свои экономические, национальные, политические, культурные права по принципам «Солидарности», давшим в Польше такие прекрасные результаты. Кстати, СМОТ был полулегальной организацией.

Его группы были засекречены, легально действовал только его СП — Совет представителей, нечто вроде Исполнительного комитета. Но почему-то угнетенный народ не хлынул в СМОТ, а после первого шквала арестов членов СП и вовсе разбежался.

Мы видим, что поставленные цели были достижимы, предложенные способы разумны, задачи благородны, основателей Движения иначе, чем подвижниками, не назывешь — однако вязкая, липкая, равнодушная среда превратила их реальные цели — в воздушные замки, а их логичные построения — в замки на песке.

Из грозных, для всего человечества опасных врагов наше общественное равнодушие и бессилие сделало ветряные мельницы и высмеяло порыв тех, кто брал их приступом. Оно увенчало в своем представлении наших правозащитников медным тазиком для бритвы и своим нежеланием понять и поддержать сделало из них юродивых и шутов.

А они не были ими, они были трезвыми политическими деятелями, лишёнными нормального поприща. И здесь искажаются линии, люди, способные стать народными заступниками, начинают просто искать смерти, они уходят в эмиграцию, они накладывают на себя руки, многие, отчаявшись, замыкаются в кругу единомышленников, отказываются от просветительской деятельности.

Еще раз сбывается горький афоризм Некрасова:

Когда являлся сумасшедший,
Навстречу смерти гордо шедший,
Что было в помыслах твоих,
О публика! одну идею
Твоя вмещала голова:
«Посмотрим, как он сломит шею!»

Не осудите тех, кто уехал из страны после того, как, вернувшись из лагерей, обнаружил в обществе (я снова говорю об образованном классе) только равнодушие, а то и насмешку, это горше виселицы.

Это повод для раздумий, но не для отчаяния. В романе Бернаноса «Дневник сельского священника» старый кюре объясняет молодому очистительную сущность христианства. Он говорит, что она сродни работе хорошей хозяйки. Та каждый день моет посуду, стирает пыль, готовит, моет полы, хотя отлично понимает, что этой чистоты хватит ненадолго: еду съедят, пыль накопится, посуда запачкается.

Так и в человеческой душе не может быть абсолютной чистоты, а только моменты очищения. Вот этого и следует добиваться. Кто знает, может быть, это верно и для Свободы? (По крайней мере у нас в России). Моменты свободы, ее очистительный глоток... Как бы там ни было, а столько дельных попыток и хороших идей рассыпались не только из-за склонности людей всё заземлять и упрощать, не только из-за отсутствия высокого политического

настрою, но и из-за неумения мыслить политическими категориями! Мы слишком долго были вне политики и вне общественного интереса, чтобы сразу припомнить попытку Государственной Думы, Учредительного собрания, «Отечественных записок», эсеровской, трудовой и прочих партий, земства и другие явления нашей собственной истории, не говоря уже о студенческих сходках, демонстрациях и политических рабочих стачках.

Неужели большевистский молот так надежно выбил всё это у нас из головы, что теперь часто приходится слышать фантастическую мысль, что политическая деятельность предназначена для немногих, имеющих к ней склонность, а большая часть нации имеет право тупо взирать на то, как другие устраивают за нее ее судьбу — и не всегда к ее благу?

Этой мыслью отрицается сама идея народовластия, идея демократии, выношенная веками. Нет, политикой должны заниматься именно те, кому претит она и всякое политиканство, для кого она только средство упорядочить и устроить жизнь, а не жизненная цель. Бердяев сказал: «Политическое освобождение есть освобождение от политики». Этого пытались, каждый по-своему, добиться Сальвадор Альенде и Шарль де Голль.

Но нация освобождается от политики именно через политическую деятельность, как это ни парадоксально. Особенно если ей предстоит избавляться от тоталитаризма. Неумение мыслить политическими категориями не наша заслуга, а наша беда. И разговоры о пути Запада и пути Востока здесь ничего не объяснят, потому что Турция, Япония, Индия управляются конституционно, парламентами, а это уже чистый Восток.

Почему Россия, объединившая в себе Запад и Восток, должна и далее кокетливо ссылаться на свой особенный путь, который до сих пор являлся для нее дорогой в никуда? Именно политическое просвещение страны для нас вопрос жизни и смерти.

Так чего же реально удалось достичь Движению к 80-м годам, что выпало в осадок из стольких дискуссий, сломанных жизней, взаимных обид, неизбежного партийного сора, жертвенности и самолюбия, гордыни и самоотречения, тщеславия и порыва?

Мы многому научились за эти годы. И надо думать, что эти уроки пойдут стране впрок. Мы научились отрицать не стихийно, а аргументированно, мы научились думать о будущем, а не действовать по формуле «Поджечь что-нибудь скорей и погибнуть», мы научились не выплескивать младенца вместе с водой из ванны (не отрицать упоенно и огульно с нигилистическим пафосом, сожалея, если нечего отрицать).

Никто больше не помышляет о революциях, о кровной мести врагам, о жестоких катаклизмах, о насилии во имя светлого будущего, жизнь любого человека признана самоудовлетворяющей ценностью, просто жизнь, не нуждающаяся в оправданиях. Над нами больше не нависает зловещий призрак Раскольников с его топором, мы неспособны пролить кровь, мы больше не чванимся особым «русским путем», мы готовы мерить себя общим аршином и пытаться понять себя просто умом, без Провидения и мессианского предназначения России, мы научились скромности.

Мы знаем, чему нам следует учиться у Запада и насколько мы от него отстали в плане социальном, политическом, экономическом. Мы не будем пытаться снова строить город Солнца. Мы научились молчать на допросах, не раскаиваться ни в чем в судах и не отрекаться от своих убеждений в заключении. Мы научились терпимости и терпению. В Движении честные коммунисты сотрудничали с социалистами, с демократами-западниками, с христианами.

Никто не рассчитывает больше на немедленный успех, на скорую победу. Это марафонская дистанция, и надо экономить силы. Мы научились беречь дыхание, мы пройдем. Завоевано для всей страны право читать и хранить дома (в 1 экземпляре) нелегальную литературу, не расплачиваясь за это ничем, кроме некоторой нервотрепки.

Здесь ничего не говорится о лицемерах, честолюбцах — предателях Движения. Надо ли об этом говорить? Если ни одно человеческое дело, даже самое высокое — искусство, христианство, любовь — не избавлены от этой накипи, то и политическое освобождение России, конечно, не избегло общей судьбы.

Мы стоим сейчас на скрещении дорог, не ошибиться бы целью, не ошибиться бы средствами. Мы уже знаем, что благую цель не оправдывают жестокие средства. Но ведь и самые лучшие средства не искупают неверно поставленную

цель. Не будем опрометчивы. Нам больше нельзя ошибаться. Кто виноват? Все понемногу — живые и мертвые. Насилие и бессилие. Иллюзии и избыточный рационализм.

Что делать? Плавно менять политическую систему, давая доступ воздуху, свету, противоречиям и разногласиям, открывая клапаны, отстраняя догмы, выращивая оппозиционные партии, парламент, свободную прессу терпеливо, любовно и незлобиво, как выращивают детей или цветы.

Это поприще не для дровосека, не для революционера, а, скорее, для селекционера или доброго волшебника.

И, наконец, последний извечный вопрос: «Камо грядеши?»

Когда апостол Петр покинул Рим, спасаясь от преследований, он встретил воскресшего Христа. «Куда ты идешь, Господи?» — только и спросил потрясенный Петр. И Христос ответил ему: «Если ты покидаешь свою паству, то я иду в Рим, чтобы меня там распяли во второй раз». И во второй, и в третий, и в десятый — сколько потребуется, сколько будет нужно.

Это надежный путь, он никого еще не подводил. Ни апостолов, ни просветителей. Он не подвел наших предков в XVIII и XIX веках. Не подведет и нас.

1986

ДОРОГА В НИКУДА

О повести Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки»

Самиздат, март

И сегодня, и завтра
Все то же, меняя обличья
Лишь бы к горлу поближе
И медленно пить голоса,
А потом отвалиться
В своем вурдалачьем величье
Да иудино дерево молча
Растить по лесам.

Ирина Ратушинская

Бывает так: садится путешественник в поезд, в бричку, в карету и едет себе из Петербурга, скажем в Москву, или по окрестным помещикам за мертвыми душами, или даже аллегорически — из страны лилипутов в страну великанов, мимо округа йеху. Пока доберется, глядишь, целый роман набирается из путевых заметок.

Да нет, не так у Ерофеева. Какое же путешествие? Из Москвы выехали, в Петушки не доехали, а потом и вовсе выясняется, что то ли ехали в обратном направлении, то ли вообще из Москвы не выезжали. Бывает еще и иначе: соберутся десять или двадцать странников то ли в монастыре, то ли в гостинице, то ли в паломничество к Кентерберийскому аббатству. А снаружи — скажем, стихийное бедствие. Эпидемия чумы или, положим, наводнение. И чтобы время скоротать, начинают рассказывать. Десять дней, семь дней, а то и больше. И получают то ли «Кентерберийские рассказы» Чосера, то ли «Декамерон» Боккаччо, то ли «Гептамерон» Маргариты Наваррской.

И опять у нас не так. От этой чумы ни в каком вагоне не укроешься, и непохоже, чтобы ее можно было бы

где-нибудь пересидеть. Уж скорее это напоминает сюжет пушкинской маленькой трагедии: вокруг чума, и за твоим столом чума; вот и купаешься в этой чуме, и стансы ей слагаешь.

А, может быть, здесь это? Берется больное сознание морфиниста (как в одноименном рассказе Булгакова) и изучается патология в сопоставлении с нормой. И начинаешь понимать, как страшна болезнь и как дорого здоровье.

Снова не похоже. Если бы у Ерофеева человечество делилось на трезвых и пьяных, это было бы предвосхищением нынешнего мудрого, попечительного и благодетельного сухого закона. Но вот беда: и деления не получается у Ерофеева. Одна половина пьет и «балдеет» от «поцелуя тети Клавы», хереса и «Ханаанского бальзама». Другая половина опьяняется тем, что Бодлер, создавший циклы «Вино убийц», «Вино любовников», несомненно назвал бы вином лжецов. Например, сообязательства прекратить профтравматизм и каждого шестого заочно обучить в вузе при бригаде из пяти человек. И чем же коктейль «Дух Женевы» хуже Женевского совещания? Рецептúra разная, а вот результат для человеческой души один.

У каждой половины россиян — свои напитки. Не в химическом составе суть, а в том, чтобы не просыпаться. Не иначе как сухой закон в наш просвещенный век должен быть более развернутым.

Что же это за жанр такой странный?

Мениппея? И слезы есть, и смех, и ангелы, и дьявол. Но сказать это в наши дни — значит, ничего не сказать. И «Мастер и Маргарита», и «Альтист Данилов» — всё мениппеей окажется.

Что-то очень давнее здесь слышится, без обработки еще, без лоска. Скоморошество и юродство. Скоморошество — русский черный юмор, когда смех опасный, рискованный. Начинаешь с веселья, а кончаешь горечью. Черный осадок на дне. Сначала дудки, гусли, ложки. А где-то очень далеко — колокольный звон. А собирались посмеяться... И, напротив, юродство. Русская сатира, начало ее. Изначальная позиция: ветряная мельница (власть, насилие, произвол) и Дон Кихот в медном тазике с копьём наперевес. Ситуация самая трагическая, самая нешуточная. Колокола в полную мощь. Царь и бунтарь. Кажется, только Петр Первый

додумался юродивых тащить в застенки, все остальные делали вид, что ничего не случилось. Трагедия? Да. Но вериги, но лохмотья, но ржавые доспехи, но медный тазик... Но безумие, вошедшее в традицию (а было ли оно?). И вот уже из-под звона — гусли, ложки, дудки. Смех в толпе. А собирались поплакать...

Обоюдоострым оказывается жанр. Но тот ли это жанр? Русская сатира была не только негодующей, она социальной была, чтобы не сказать политической. Щедрин, Алексей Толстой со своими поэмами «История Государства Российского» и «Сон Попова». Имея дело с городом Глуповым, поднимешь копьё на русскую историю. Она — ветряная мельница, ее надо остановить.

Зловещие «Зияющие высоты» Зиновьева нам являют ту же рыцарскую позицию борьбы с непреодолимым социальным злом: Ибанск может заполнить всю планету, под ним из его нечистот может возникнуть еще более чудовищная цивилизация, недавние европейцы и американцы могут стоять вдоль пути Ибана III за бутерброд с вареной колбасой, газовая камера может стать желанной и недоступной, но в тюремной камере Крикун откажется раскаяться и пойдет до конца, на неизбежное безумие, думая, что всё было не зря. И какой-то мальчик сформулирует цель для ибанского подрастающего поколения: «Достать 5 литров бензина и выйти на площадь, а потом чиркнуть спичкой. Ради этого, может быть, стоило жить».

А среди распада и позора аксеновского «Ожога» есть уже и прямой авторский совет: «Бороться до конца и драться за каждый камушек своей руины», ибо так велит мужская честь.

«Москва — Петушки» по тону горького глумления, по общему типу фантазмагорической антиутопии кажутся близкими и к «Зияющим высотам», и к «Ожогу». Но только кажутся. Здесь есть некое нарастание ситуации.

В «Зияющих высотах» безумие, грязь и бред касаются только политической ситуации. Личной жизни у персонажей нет. Конструкция этого не предусматривает. Недаром здесь «Высоты».

В «Ожоге» грязь затопляет уже личную человеческую жизнь. Персонажи ни любить, ни говорить, ни время провести не могут нормально. Безумие извратило самое частное,

самое сокровенное. Ничего не осталось незахвачанным, непроданным, незаплеванным.

В романе Ерофеева поражено, разорвано индивидуальное человеческое сознание. Человеку нет больше места в собственной душе. Выжили и оттуда. И безвыходность, безысходность здесь не нуждается в сложных построениях и метафорах вроде вожденной газовой камеры Зиновьева или динозавра Аксенова. Здесь она вполне реальна, физически ощутима. Это пронизывающее, болезненное пространство не имеет выхода. Куда ни пойдешь, на Курский вокзал попадаешь. От Москвы до Петушков не доехать. Привозят назад. Кремль и вовсе не увидишь, хоть всю жизнь к нему иди.

И ангелы очень похожи на демонов-искусителей. Тихонько подталкивают к бездне, на всё готовы, со всем согласны. А в конце, в смертный час — какой холодный, ясный смех! Смех детей, не ведающих ни добра ни зла. Еще не ведающих. Или смех небожителей из «Степного волка» Гессе — безжалостный, совершенный, не ведающий милосердия. Нет, решительно эти ангелы не из христианского пантеона. Их кто-то подменил.

И еще одно отличие. Формула здесь другая. Роман решительно асоциален. Дон Кихот не хочет больше бросаться на ветряные мельницы. Ад оказался не только вымошенным благими намерениями, но еще и прямым производным от них.

Одно желание владеет Веничкой: найти место, где не всегда есть место подвигам. Найти и зажить. Вместо борьбы за освобождение человечества предлагается как противоядие любой коктейль, хоть «Сучий потрох». В русской литературе есть только еще один роман, вызывающий столь же непреодолимое отвращение к социальной и политической борьбе и пылкое желание уединиться в свою маленькую, частную, незаметную, но зато чистую и честную жизнь. Это «Бесы» Достоевского.

Они многих обидели, разозлили в свое время, даже напугали, но никого, кажется, не предостерегли и не спасли. Хотя и пыгались. Этот зеркальный роман отразил не только недавно прошедшее, но уже и недалекое будущее. Надо было только приглядеться. В какой-то степени это было библейское пророчество из ряда тех, что могут спасти культуру.

Не хотелось бы вдаваться в мистицизм, но в какой-то мере роман Ерофеева — второе пророчество этого ряда. Стоит ли дожидаться третьего и последнего предупреждения?

Чем страшны прогрессисты Достоевского? Такие умные, начитанные, исполненные самоотречения и совсем уж бескорыстные, даже если без начитанности и ума? В них ужасает больше всего отсутствие вкуса, меры и естественности, а главное — предельная недоброта и неуважение к нормальной человеческой жизни, к ее спокойному, нормальному развитию, и еще самоуверенность, дающая право всё за всех решать, чувство, что знаешь, «как надо».

Бесы Достоевского, оперирующие то ледяными идеями грядущих социальных гармоний, то горячечным бредом террора, нигилизма и шигалевщины, убивают Шатова, обрекают на смерть его жену и ребенка, губят Лизу и Дашу — под их копытами не растет трава, они враждебны самой жизни.

Бесы Ерофеева не дадут ему добраться до обыкновенного человеческого бытия, к которому он стремится, как к Мекке (ни гурий, ни сапфировых птиц с рубиновыми крыльями в садах пророка, а только младенец, чтоб довести ему 200 г орехов и конфеты «Василек», и девушка с толстой косою на перроне), а потом прикончат его вчетвером самым диким способом в окрестностях безжизненного, похожего на декорацию, сияющего Кремля.

Здесь это не проходной образ, недаром до этого Кремля нельзя никак пройти. Есть у Кафки роман «Замок». Там действительно фигурирует замок, видный из любой точки селения, но недостижимый, кто-то в нем работает, кто-то оттуда приезжает, но попасть туда так же невозможно, как на небо. К нему сходятся силовые линии романа. Так и здесь Кремль — фикция, но фикция вездесущая. Бесы убивают героя в пустынной ослепительной Москве, едва ли не у подножия неожиданно материализующегося Кремля.

Многое в романе Ерофеева кажется гротеском. Но такой ли уж это гротеск? Непробудно спящая и непробудно пьющая Россия, где верхи смотрят вниз и пьют от сочувствия, а низы смотрят вверх и пьют от негодования, где никакой «Колокол» не поможет, хоть сто лет звони, потому что все лежат в блевотине и всем тяжело? Где 200 лет подряд вволю и крови, и вина, где полно великих идей,

и умыслов, и замыслов, и благих намерений, и имен, нет только одного: покоя, и здравого смысла, и элементарной политической опрятности, и безопасности, и права? Где нет и не было золотой середины, где только и возможна человеческая жизнь? А революция, затеянная спяну в глубинке, так ли уж смешна? Мы привыкли познавать революцию по ее атрибутам, а не по ее целесообразности или полезности для рода человеческого. Ну так вот вам и атрибуты (всё, как нас учили), почему же прямо с атрибутов не начать, раз в них вся соль? Начнем с декрета, продолжим террором, потом начнем учиться, учиться, учиться. Без разрухи какая же революция? А раз нужна разруха, то, значит, и без интервенции не обойтись. Придется объявлять войну Норвегии. Если сконденсировать наши учебники, то едва ли что-нибудь большее мы оттуда извлечем. А решения пленума (пришлось их пронумеровать, такие они все одинаковые) насчет раннего открытия винно-водочных магазинов не напомнило вам радостное восклицание глуповских обывателей при каждом перевороте: «То-то, ребяташки, нам вина будет вволю!»

И если «гнилой Запад» представляется герою в виде борделей и венерологических клиник, то и это не гротеск. Многие вполне нормальные люди, черпающие информацию из газет, серьезно считают, что «там» на улицу выйти невозможно, сразу зарежут.

О Ерофееве еще будет много написано. Даже на первый, поверхностный взгляд, почти что на бегу, в нем много важного для себя обнаруживаешь.

А мне хотелось бы, чтобы русские читатели, не разглядевшие первого предупреждения — «Бесов», прозвучавших громко, явно, на всю Россию, огромным тиражом, овеванных ореолом великого имени, не прошли хотя бы мимо второго. Где-то там, в тупике, по маршруту Москва — Петушки, на деревянной стенке пакгауза или прямо на товарняке, крошащимся мелом он написал свои «Мене, текел, фарес». Выйдем из вагона и покурим на этой завалинке, все равно ведь неизвестно, куда несется наш вагон. Давайте не будем больше вскакивать на ходу в проходящие мимо поезда. Может быть, нам с ними не по дороге.

1987

ЗЕМСКОЙ СОВОР ИЛИ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА?

Самиздат

Вынь свою натруженную шею из ярма.
Лучше пусть ее один раз перережут,
чем все время давят.

Сенека

Россия знала два института, по форме напоминающие парламент и, безусловно, способные со временем им стать. Земские соборы были нашими Генеральными штатами, собираемыми властью в критических ситуациях для «совета всей земли». Там присутствовали все сословия, но, в отличие от Генеральных штатов, денег они правительству не давали; деньги черпались, помимо земли, из земли же бесконтрольно.

Земской собор был консультативным органом, и не было у него блестящего французского финала, не собрался ни один в зале для игры в мяч и не выработал Декларацию прав человека и гражданина. Думская же демократия была вполне парламентской, только с ограниченными возможностями, и имела явную тенденцию превратиться в демократию с возможностями неограниченными, что и подтвердил Февраль. Почти год страна существовала в условиях парламентаризма, и не оборвись этот период насильственно и трагически, выработала бы необходимую политическую культуру не только для думских парламентариев, но и для всего народа.

Это отступление на самом деле не отступает от заданной темы: анализа событий, произошедших на нашей первой августовской конференции, вернее, на первом съезде реформистских групп.

Во-первых, наш Февраль и думская демократия хороший ответ (и совет) тем из нас, кто считает, что Россия

не способна развиваться в сторону парламентаризма, ибо она-де Восток. Как будто Япония и Индия — это Запад! Хорошо, что есть доказательство из собственной истории.

И еще одно: по-моему, страна сейчас переживает (и конференция это обнажила) период Думской демократии, и только Государственной Думе ей недостает. Очень многие факты эту отрадную, хотя и непривычную мысль подтверждают. Отношение к нашей группе, к семинару «Демократия и гуманизм», послужило своеобразной лакмусовой бумажкой. Является на форум неформальных организаций, проводимый с разрешения (и чуть ли не с благословения) райкома партии, организация, которую даже либеральные «Московские новости» назвали «политической оппозицией» советской власти и сравнили с Интернационалом сопротивления Владимира Буковского. И что же? Нам выдали мандаты, ровно столько, сколько мы спросили, предоставили слово (это только для начала). Большевицкая фракция в Думе не пользовалась большими преимуществами (семинар на конференции занимал столь же крайнюю позицию, хотя и с другим знаком и без тени якобинства).

А дальше начались вещи, из этого сравнения выпадающие, хотя и естественные. Фракция, стоящая за переустройство путем насилия, всеобщего признания заслужить не могла. Она была тогда, в те далекие годы, только терпима в Думе. Наша «фракция» представляла идеалы парламентской демократии и ненасильственного решения общественных конфликтов даже крайней остроты, то есть, скорее, некий европейский гандизм. Программа политического переустройства общества в сторону парламентской демократии, выраженная без обиняков, была встречена аплодисментами почти всеобщими. Попытка лишить слова тех, кто лишь вчера именовался «антисоветчиком» и «врагом народа» и сидел в тюрьмах и концлагерях, была встречена конференцией в штыки. Восемь групп потребовали, чтобы нам дали слово. И только одна группа высказалась против (и то, по-моему, по тактическим соображениям).

Прямо и вслух от сотрудничества с семинаром отказалась только одна группа — тоже одна. «Алый парус», кажется. Освистан был не семинар — освистаны были те неумные представители правящей партии, которые попытались запугивать конференцию или пропагандировать сталинизм

(к счастью, таких оказалось немного; идеалы думской демократии в значительной степени затронули и членов КПСС и ВЛКСМ). О чем всё это говорит? О том, что интеллигенция страны, по крайней мере та, которую нельзя отнести к «образованщине», в муках выносила и снова произвела на свет идеалы свободы. А сделать это после всего, что с ней было, — подвиг. Поистине верно сказал поэт:

Кто сказал: «Всё сгорело дотла,
Больше в Землю не бросите семя»?!
Кто сказал, что Земля умерла? —
Нет, она затаилась на время.

Получилось, что это было пророчество:

Ведь Земля — это наша душа,
Сапогами не вытоптать душу.

Никто из нас не рассчитывал на такую награду: увидеть это при жизни. Вот для этого и были эти 30 лет — от оттепели до оттепели, эти 30 лет арестов, обысков, допросов, тюрем, лагерей, для некоторых даже — пыток и гибели, чтобы 20—23 августа 1987 года 50 неформальных организаций в большинстве своем приняли и открыто одобрили общественный идеал, выраженный в программе семинара, — а это ведь идеал всего Демократического движения с 60-х до 80-х, а 4 организации выразили от себя сходные идеалы, просто менее ярко и политически выраженные. Примерно то же звучит со страниц «Огонька» и «Московских новостей», а зачастую и «Литгазеты». Тот же плюрализм, оцененный и осознанный.

И нас несколько не удручает то, что почти все группы выказывали в многочисленных заверениях лояльность социалистическому пути и конституционной роли КПСС. Ведь и Дума принимала приветственные адреса монарху — до Февраля. Процесс эмансипации разума от традиционного общественного сознания протекает очень болезненно и медленно.

В нашем же случае темпы скорее превышают всякие чаяния, чем от них отстают. Но здесь вы, вероятно, спросите, зачем автор пишет такие вещи — не вредит ли он

собственному делу, не выдает ли с головой себя и всё неформальное движение? Во-первых, я считаю, что ни один трезвый политик не поверит, что возможно такое освобождение нации в рамках — от сих до сих, не дальше. Это все равно, что цепную реакцию остановить. Чем завершился бы этот процесс в Чехословакии 68 года и в Польше до военного переворота 13 декабря? Я думаю, что политикам это известно.

Первое тревожное предзнаменование. Редко в каком выступлении на съезде звучала тревога. И понимание того, что не скуки ради, не ради того, чтобы вечерок скоротать, мы собрались в этом зале, что в пору нам с Рабиндранатом Тагором воскликнуть: «Везде царит последняя беда» — и создавать не Федерацию, не Кольцо, а Комитет Общественного Спасения. Понимание катастрофичности ситуации, я думаю, сняло бы дальнейшие тревожные мотивы.

Второе. Большинство присутствующих, как все хорошие люди, намерены были устроить жизнь хорошо для всех, то есть идеально. Но на этом пути их поджидает не нашим поколением, а самой природой поставленная ловушка. Участники конференции, в большинстве своем альтруисты и идеалисты, способные жить не во имя своих эгоистических интересов, а во имя общего блага, кажется, снова хотят создавать из наличного 280-миллионного человеческого материала нечто идеальное. Но история показала, что большинство (абсолютное причем) на такой идеал не тянет, и приходится идеалистам человечество до идеала дотягивать. Причем дотягивают, как правило, на дыбе.

Поймите нас правильно: мы не против идеала, мы живем сами идеалами и во имя идеалов, затем и собрались в «Демократии и гуманизме», но общество, рассчитанное на идеал, а не на среднего человека, до сих пор пользы и радости никому не приносило. Наше положение, конечно, незавидно. До сих пор все радикалы писали на своем знамени: «Долой обыденность, реальность во имя высокого идеала». Идеалы были «крылатые», по словам Соловьева, и звали к звездам. Но, по-видимому, мы сейчас в такой ситуации, что в пору нам (пусть В.Соловьев называет это «ползучим» идеалом) бороться с идеалом во имя обыкновенной земной человеческой жизни. Читали ли делегаты Шмелева, Сокирко, Заславскую? Один из делегатов даже сказал, что тот, кто едет в троллейбусе, не может смотреть

на «мерседес». Вот он, корень всех зол. Поскольку нельзя выдать каждому по «мерседесу», значит, насильственно посадить всех в троллейбусы? Привет вам от Лао-Цзы, от Ликурга, от Платона, от национал-социалистов, от Мао, от Сталина — от всех идеологов тоталитаризма.

Мне лично стыдно, что лозунг «Обогащайтесь» брошен Китаем раньше, чем нами, и что там крестьяне уже покупают самолеты и пресс-центры (не все, конечно, а способные), а у нас нет. Ведь задача нынешних идеалистов не утопить, а спасти. Спасаться же можно на твердую землю, а не в туманную дымку идеального грядущего.

И, наконец, третье. Связанное с четвертым. Земской собор по форме был похож на Думскую демократию. Отличался только тем, что реального участия в делах страны не имел. Минует катастрофа — и он расходился по домам. Почему? Видимо, потому, что не осознавал своих прав и возможностей и не имел вкуса и достоинства — участвовать в управлении землей.

А когда осознал — появилась Дума. Со зданием. С трибунами. С коридорами. Не на два раза в месяц, не на одну встречу-диалог. Ежедневно. Здесь власти ни при чем. Здесь их вины нет. Конференции и неформальным группам решать — чем они хотят стать, Собором или Думой. Если очень захотят и желание это почаще будут публично выказывать — будет и Дума. Не насильно же их в Думу тащить.

В парламент не рекрутируют. Если есть общественная потребность, страсть, чаяние, требование — тогда Дума и появляется. Когда к ней готовы. Если будем дома сидеть на печи и ждать приглашений — то нечего нам и здание давать.

Конечно, не нам одним это решать. И тут проступает четвертое. Самое страшное, пожалуй. Кто стоит за нами, кроме наших групп? Кто будет за это жить и за это умирать? Не окажется ли так, что только тонкая прослойка мыслящей интеллигенции затронута и проникнута этим новым общественным идеалом, а все остальные — образованщина — не хотят помочь, потому что это у них не болит; ну, прочтут наш отчет, ну, прочтут «Детей Арбата», как читали Солженицына и Оруэлла, ну, порадуются, ну, похвалят, а ведь делать не будут ничего.

А другие? Те, кто вообще озабочен пайками, машинами и своим престижем? А поймет ли нас народ? Нужна ли ему Думская демократия? То есть, конечно, нужна, но знает ли он об этом? Ведь было это уже, было... Дума, Февраль... Тонкий слой либералов, парламентариев, политологов. И народ, который ничего этого не знал и не понял, который не созрел... Интеллигенты, которые ни к белым, ни к красным не пошли, которые были озабочены только своей семьей, службой, выживанием и готовы были смириться с любой твердой властью. Вот от того, сумеем ли мы сделать свой демократический идеал всенародным достоянием, успеем ли доказать, убедить, одухотворить, поднять, зависит всё. И в том, что не будет у нас иной цели, иной судьбы, в том, что мы выложимся в том деле до конца, без остатка, наша последняя надежда. Последняя надежда выжить.

ДЕКЛАРАЦИЯ*

Группа за установление доверия между Востоком и Западом

Семинар «Демократия и Гуманизм»

Семинар «Демократия и гуманизм» надеется восстановить в доступных ему масштабах историческую правду о прошлом и настоящем нашей страны. Кроме этого, семинар стремится способствовать становлению демократии в СССР.

На семинаре читаются лекции по русской, советской и зарубежной истории, изучается философия в тех ее разделах, с которыми у советских граждан нет реальной возможности подробно познакомиться.

Советская история и история ведущих западных демократий читаются по всей совокупности источников, как изданных в СССР, так и имеющих в САМИЗДАТЕ.

Слушатели семинара имеют возможность ознакомиться с творчеством неизданных в СССР поэтов и писателей.

Семинар имеет определенную общественную ориентацию.

* Выпущена 4 июня 1987 г., опубликована в «Бюллетене Совета партии» (издание «Демократического Союза»), № 6, Москва, 1991 г.

На семинаре обсуждаются темы, касающиеся главных болевых точек нашей жизни, некоторых аспектов нашего социального и политического развития. Эти темы могут относиться и к истории СССР.

Результаты обсуждения фиксируются в виде открытых писем семинара, и затем организаторы семинара знакомят с ними возможно более широкие общественные круги.

Организаторы семинара имеют свою общественную программу, целью которой является становление демократии в СССР:

1. Всеобщая политическая амнистия, включающая в себя политзаключенных, осужденных по политическим статьям 70, 72, 190, 142, 227, и тех узников совести, которые осуждены по 64-й статье за участие в национальных движениях; политзаключенных, ложно обвиненных по уголовным статьям; политзаключенных, подвергнутых психиатрическим репрессиям, заключенных в спецтюрьмы и психиатрические больницы (СПБ и ПБ).

Полная реабилитация всех освобожденных с широким освещением в печати; годы заключения засчитываются в трудовой стаж, возвращаются прописка, жилплощадь и работа по специальности; выдается значительная материальная компенсация за все время заключения; с узников ПБ и СПБ снимается диагноз; они снимаются с учета в психоневрологических диспансерах.

2. Исключение из уголовного законодательства статей 70, 72, 190, 188, 142, 227.

3. Изменение текста конституции в духе ее деидеологизации и обеспечения основных гражданских прав и свобод безотносительно (т.е. абсолютно, без всяких условий типа «в целях коммунистического строительства»).

4. Запрещение применения карательной психиатрии к инакомыслящим.

5. Отмена смертной казни и смягчение пенитенциарного режима.

6. Деидеологизация общественной, культурной и социальной жизни страны и образования.

7. Напечатание в СССР всего лучшего САМИЗДАТА, включая труды и романы Солженицына, Авторханова, Зиновьева, Аксенова, Оруэлла, Конквеста, как имеющие особенно важное значение для становления демократии в СССР. Право приобретать любую книгу за рубежом.

Эта программа определяет стиль занятий и выбор тем.

На семинар приглашаются все желающие, как частные лица, так и представители прессы и общественных организаций.

4 июня 1987 года, город Москва

В.Новодворская, В.Сквирский, Д.Стариков, М.Ланда,
Ю.Киселев, И.Царьков, Е.Дебрянская, П.Старчик, А.Лащивер,
А.Мясников

ОБРАЩЕНИЕ*

Наши улицы празднично украшены, наши дома увешаны флагами, наши столы накрыты. Остается выяснить, что мы празднуем.

В первые послеоктябрьские месяцы началось физическое уничтожение инакомыслящих. ЧК расстреливает по 1000 человек в месяц. Берут и казнят заложников. Жестоко подавляется Тамбовское восстание в 1921 году. Продотряды грабят и убивают крестьян. Рабочих арестовывают и расстреливают за забастовки. Свиристует военный коммунизм!

С 1928 по 1953 год в стране царит массовый террор. Уничтожены 40 миллионов человек. Мы заключаем позорный союз с гитлеровской Германией. В 1939 году мы делим Польшу. В 1940-м — оккупируем прибалтийские государства.

Сразу после войны насильственно устанавливаются коммунистические режимы в странах Восточной Европы, истребляются несогласные, а наши пленные из немецких лагерей эшелонами отправляются в сибирские лагеря. В 1956 году мы жестоко расправляемся с Венгерским национальным движением. В 1968 году — расправа с Чехословакией.

У нас в стране продолжают бросать в тюрьмы и лагеря за правозащитную деятельность и распространение книг. Сегодня, в 70-ю годовщину Октября, в наших тюрьмах, концлагерях и психиатрических больницах остаются еще более 500 политических заключенных. До сих пор продолжается позорная война в Афганистане, в которой мы уже потеряли

* Выпущено в октябре 1987 г., опубликовано в «Бюллетене Совета партии», №6, Москва, 1991 г.

около 30 тысяч наших соотечественников, а сотни тысяч остались калеками.

Экономика страны в плачевном состоянии, во многих местах введена карточная система. Право на инакомыслие отрицается конституцией. Не отменены политические статьи УК РСФСР. Демонстрации независимых общественных групп разгоняются и срываются КГБ.

Наши улицы празднично украшены, наши дома увешаны флагами, наши столы накрыты.

Так за что же мы будем пить в этот день?

Семинар «Демократия и гуманизм»: Валерия Новодворская, Юрий Денисов, Владимир Сквирский, Дмитрий Стариков, Игорь Царьков, Евгения Дебрянская, Кирилл Подрабинек, Галина Чаплинская.

1988

МЫ ОТВЕРГАЕМ ВСЯКУЮ ТАКТИКУ ПОМИМО ЭТИКИ

Выступление на учредительном съезде партии «Демократический Союз»

Москва, 7–9 мая

Впервые за 70 лет существования советского общественного строя в стране создается политическая сила, которая призвана отрицать не частности, но всю систему целиком.

Впервые за много десятилетий открыто опровергается иллюзорная идея о преимуществах советского образа жизни, которые существуют лишь в воображении апологетов режима, а западное общество, которое 70 лет служило для нас жупелом, становится ориентиром для значительной части присутствующих по целому ряду показателей, а для некоторых из нас — ориентиром по абсолютно всем показателям.

Впервые после 70 лет горячего бреда и безудержного социального прожектерства обществу на уровне политической программы предлагается не недостижимая цель — построение идеального, небывалого, неслыханного общества, а просто создание разумной, земной, достойной, сытой мирной и благоустроенной человеческой жизни, которую здесь 70 лет практически никто не имеет.

Не имели ее мертвые и не имеют ее живые.

Впервые за 70 лет в стране создается политическая сила, которая отвергает всякую тактику помимо этики, ибо идет до логического конца — как в своих ненасильственных действиях, так и в своем желании сказать всю правду, одну только правду, и пусть поможет верующим Бог, а неверующим — русская история и история всех народов этой страны, которая была более чем трагична.

Ближайшие задачи ДС были прекрасно отображены два века назад Генрихом Гейне, который и не подозревал

о том, что мы будем создавать подобную политическую организацию, и когда нас спрашивают, «а что вы можете реально сделать?», горсточка людей перед лицом страшной тоталитарной мощи, то я всегда начинаю про себя читать это стихотворение:

Возьми барабан и не бойся,
Целуй маркитанку звучней!
Вот смысл глубочайший искусства,
Вот смысл философии всей!
Сильнее стучи, и тревогой
Ты спящих от сна пробуди!
Вот смысл высочайший искусства;
А сам маршируй впереди!

Когда нас спрашивают: а чьи, собственно, интересы вы представляете, как можно говорить о создании оппозиционной политической структуры, почти что партии, не опираясь на какой-то класс, то обыкновенно мы отвечаем, что мы голос тех, кто больше уже никогда ничего не скажет; мы голос тех 40 миллионов, которые были уничтожены и замучены на этой земле в период мирного коммунистического строительства, не считая 20 миллионов погибших во время Великой Отечественной войны, память о которых придет нам на ум послезавтра*. Мы вспомним о них еще раз.

И если бы иначе шла наша история, если бы это с нами в 1917 году не произошло, то не исключено, что этих 20 миллионов тоже бы не было или их было бы неизмеримо меньше.

Мы — голос всех тех, кто сегодня безропотно с усталой вековой покорностью едет за продуктами в Москву, а дома получает их по карточкам. Мы — голос тех, кто не осмеливается сказать об этом сам, хотя всей душой нам сочувствует.

Мы должны быть не только в библиотеках и в тиши кабинетов, где мы будем писать более или менее приемлемые программы, — наше место на улицах, на площадях, с листовками и транспарантами, наше место на заводах, где мы будем, как когда-то КОС-КОР, организовывать свободные профсоюзы.

* 9 мая 1988 года.

Когда-то Джефферсон сказал, что ни одно, самое гуманное, самое благородное правительство не сможет удержаться на демократическом уровне в стране, народ которой не готов отдать жизнь во имя демократии.

И не следует требовать от правительства, чтобы оно подарило нам то, что мы не умеем завоевать. Свободу не подарят, свободу нужно взять. Это, наверное, единственная вещь в мире, которую не принимают в подарок, которая достигается тяжелой борьбой.

Мы должны помнить о том, что, хотя мы принципиальные сторонники ненасильственного метода и поклялись не брать в руки оружие, наши противники такой клятвы не давали.

Наше оружие — слово; но у них другое оружие. Четыреста наших товарищей-политзаключенных еще остаются в застенках.

И хотя мы отвергаем понятие врага, но тем не менее мы вправе рассматривать себя как солдат. У нас есть окопы, у нас есть чувство товарищеской взаимовыручки, и у нас будет своя воинская присяга. Наши подписи под программой ДС и будут такой воинской присягой.

Несколько столетий назад в Англии, в Оксфорде, человек по имени Латимер сказал человеку по имени Ридли одну фразу. После этого, через несколько минут, их обоих сожгли заживо на костре за их религиозные убеждения.

Если перефразировать немного этот разговор и приспособить его к требованиям текущего момента, эта фраза может послужить прекрасным напутствием для ДС, который мы создаем.

Это было сказано так, и мы сегодня повторяем: «Будьте мужественны, друзья, если у нас хватит сил, сегодня, завтра и послезавтра, мы зажжем в СССР свечу, которую, я верю, им не погасить никогда».

ЧЕМ ОТЛИЧАЕТСЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВОРЬБА ОТ ПРАВОЗАЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ИЛИ СЕКТАНТЫ ЛИ МЫ?

Самиздат

Любая разумная и оправданная политическая борьба должна иметь своей целью эффективную защиту человеческих прав. Политическая борьба — это доведение правозащитной

деятельности до логического конца, если она ведется в условиях тоталитарного государства. Наша политическая система — это такая система координат, в которых не то что нарушение, а прямое непризнание человеческих прав — это главное условие ее нормального функционирования. Правозащитники, желающие добиться от советской власти уважения к правам человека, уподобились щедринскому карасю-идеалисту с его извечным вопросом: «Знаешь ли ты, щука, что такое добродетель?» Сегодняшняя щука даже не глотает карася, потому что диспуты ей не опасны. Для нее опасна перспектива нешуточного изменения ее дневного рациона, т.е. нарушение привычного хода вещей.

Это и есть первое отличие политической борьбы от правозащитной деятельности. Правозащитники могут питать иллюзии типа иллюзий нашего любимого карася. Политическая борьба такие иллюзии исключает и направлена не против последствий, но против причин. В ее основе вместо прекраснотушия лежит холодная трезвость (что отнюдь не исключает благородной горячности, но на реальной основе). Конечно, и правозащитная деятельность, и политическая борьба по крайней мере — уже не субъективный, а объективный идеализм. Правозащитная деятельность не колеблет устои и не подрывает основ, не нарушает привычных мировых отношений. Политическая борьба угрожает именно изменением мировых отношений. Система перестает плавно функционировать.

Этим объясняются жестокое подавление политических демонстраций и панический страх перед забастовками при попустительстве в сфере независимых журналов и оппозиционных семинаров. Здесь тоже есть хватательные движения и глотательные рефлексy, но уже по привычке и бессистемно. А вот распространение листовок, митинги и демонстрации пресекаются очень жестко. Но почему? Потому что это выход на массы и возможность в будущем массового протеста, который уже опасен.

Если все примут участие в демонстрациях, забастовках, любая власть не устоит, особенно антинародная. Странно, что это понимали наши предшественники — эсеры, эсдеки, которым и в голову бы не пришло писать письма министрам или припадать к стопам государя. Припадали к стопам верноподданные, сироты и вдовицы. Революционеры же боролись. Что такое с нами произошло, если на 71-м году этой страшной власти кто-то имеет наивность о чем-то их просить?

Различие второе. Правозащитники апеллируют к властям и к мировой общественности; тот, кто ведет политическую борьбу, обращается к народу.

Политическая борьба — вещь гораздо более жесткая в условиях тоталитаризма, это вообще война, хотя и без оружия, и она требует большей согласованности, большего единства, как и положено в бою. Она зиждется на общей политической программе, куда более конкретной, чем максима «Пусть всем будет хорошо».

Отбрасывание всего инородного и случайного — не сектанство, а подчинение законам жанра. Не могут состоять в одной партии противники и сторонники частной собственности, противники и сторонники правительства, трусы и храбрецы, если эта партия бросает вызов Системе. Не называем же мы сектантами музыкантов из симфонического оркестра за то, что они играют по единой партитуре. Не обвиняем же мы в большевизме хирурга и его ассистентов за то, что их действия четки и согласованны.

Кстати, даже на свободном плюралистическом Западе социалисты, коммунисты и левые радикалы не сбились в общую партию, а настаивают на осуществлении своих конкретных программ. А уж их-то в большевизме не обвинишь. Пытаться подменить конкретную политическую программу десятками общих принципов — это все равно что сказать: футбол — это мужская игра с мячом на свежем воздухе. Ну, что мы будем знать после этого о футболе? И как будем в него играть, оказавшись на свежем воздухе? Нас обвиняют в том, что на съезде было мало дискуссии с посторонними (единомышленники дискутировали постоянно). Но съезд партии собирается не для этого. Это не конференция и не семинар. Мы пустили на съезд всех — вплоть до противников и провокаторов, которые мешали нам как могли. Не могли же мы позволить им утопить наше живое и конкретное дело в пустопорожней и ни к чему не обязывающей болтовне. В беде, которая постигла нашу страну, болтовня — занятие недостойное.

Нужно бороться, а не болтать. Конкретная же помощь — это всегда риск и жертвенность. Тот, кто пытается от этого уклониться, — обманывает либо правительство, либо себя, либо нас.

Партия не может включить в себя всех порядочных людей — у них могут быть разные политические убеждения.

Партия не может включить в себя всех недовольных, ибо недовольство еще не предполагает активного действия. Даже из сторонников плюрализма нельзя создать партию, даже из противников произвола — ведь всё это может не идти дальше разговоров в дружеском кругу. Уж на что большевики были охотники до массовости, но и они не пытались записать в партию весь класс-гегемон, а отметили, что партия — всего-навсего его авангард.

Всё, о чем здесь говорится, это политическая азбука, но за 70 лет мы не открывали ее. Партия в наших условиях объединяет людей, не только принимающих четкую программу — политическую и нравственную (что отнюдь не антитеза), но и готовых к открытой конфронтации с властью, готовых к лишениям, мукам и гибели. К тому же нам предстоит работать с людьми, а не за письменным столом. Если этого изначально нет, то человек вступает в партию по недоразумению. Если оппозиционная партия будет малочисленна, то это значит, что таких людей пока мало в стране.

Зато партия будет боеспособна. Боеспособна группа единомышленников, а любые нравственные и политические несоответствия приведут нас к параличу и развалу, ибо, в отличие от РСДРП, мы начинаем сверху, а не снизу, за нами нет активного протеста людей, и наше существование оправдано только нашей бескомпромиссностью в отстаивании нового исторического и политического мышления. «Лучше меньше, да лучше» — не пренебрегайте удачным афоризмом нашего главного противника. Нам говорят, что жесткая позиция приведет нас к большевизму и террору.

Конечно, кастрация — надежный оплот добродетели, но велика ли цена добродетели евнуха? Милосердие и благородство слабого — смехотворны, ибо у него нет выбора. Имеет силу только благородство сильного, который может применить террор, но не станет это делать, ибо ему доступна высшая истина.

Умейте поступать подобно Юлию Цезарю, который мог применить насилие, но выбрал смерть. Будем надеяться, что идеалы ненасилия, присущие «Демократическому Союзу», — плод не бессилия, но убежденности. Кстати, у наших противников, у РСДРП, до октябрьского переворота было одно неоспоримое достоинство — твердость

и бескомпромиссность. Даже когда в 1905—1907 годах их партия потеряла 9/10 своих членов, они не дрогнули, не поступились ни тактикой, ни программой, не стали гнаться за ростом рядов. Эта непреклонность достойна уважения, и ее не грех позаимствовать.

Если мы и говорим о сотрудничестве с прогрессивными силами КПСС, то ведь и предполагается, что и они и мы будем при этом заниматься своими делами, попутно дискутируя. Это ничего общего не имеет с лояльностью. Просто тоталитарное сознание, которое нам противостоит, не дает нам права вычлнять из себя одну только партократию, как жупел или как врага.

Те, кто покорны партократии, мешают делу свободы не меньше. Поэтому мы искренни, когда говорим, что у нас нет врага. Зло, с которым мы имеем дело, не персонафицировано.

И последнее, правозащитник отвечает только за самого себя. Член оппозиционной политической партии типа «Демократический Союз» — за весь народ. Познайте цену своим словам и призывам. Вы призываете людей к освобождению. **БУДЬТЕ СВОБОДНЫМИ САМИ.**

Освобождение придет через личный вызов, брошенный системе, — вот для этого необходимо прямое действие. Вы призываете людей к борьбе. **УМЕЙТЕ БОРОТЬСЯ САМИ.** Будьте не проповедниками истины, но ее свидетелями.

СОНЕТЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

Ложка меда в бочке дегтя

«Бюллетень ДС», № 4, сентябрь

Когда околоопозиционные круги (именно «около», потому что оппозиционность предполагает четкую политическую позицию на основе трезвого анализа обстановки) в очередной раз изумляются, почему перестроечное правительство оставляет демократизацию такой недостроенной, а прекраснодушные доброхоты с Запада, изучая розовые и голубые тона в стиле раннего Пикассо, восторгаются нашей внезапной демократией, как будто приехали не из стран с устоявшимися демократическими традициями, а из Северной Кореи, невольно хочется вскричать: «Доколе?»

Почему неразумное человечество не хочет ничему научиться на наших ошибках, хотя за 70 лет мы совершили их столько, что хватит на 100 университетов?»

Любое общество несовершенно, любая демократия несет в своей бочке благоуханного меда ложку дегтя.

Но тоталитарное общество предлагает другое соотношение. Итак, дано: тоталитаризм, извечный тоталитаризм СССР. То есть бочка дегтя. Прибавляем туда «Огонек», «Новый мир», Платонова, Булгакова и обещанного Оруэлла. Половину политзаключенных выпускаем, половину оставляем, по жребии, наугад. Сажать оппозицию временно перестаем. Всё прочее — без изменения. То есть как раз на ложку меда наберется. Всё остальное остается при вас: субботники, бесправие, бедность, разгон демонстраций, новые кары вместо старых — посмотрим, намного ли легче будет, — пустые магазины, черта оседлости прописки и крепостное право в смысле выезда и въезда туда и обратно. Сомнительно, чтобы бочка дегтя с ложкой меда годилась для чаепития. Качество нашей демократизации чисто советское — как у колбасы из оберточной бумаги и крыс вместо наполнителя или у одежды, которую даже в безлунную ночь стыдно носить.

Освобожденные политзаключенные не то что не заняли подобающего места в обществе, ради которого жертвовали всем, — они даже не реабилитированы и живут на положении беглых каторжников, а ответы из прокуратуры насчет реабилитации однозначны. Смысл у них один: «Скажи спасибо, что сам-то ноги унес». «Римские элегии» Бродского вместе с интервью напечатаны в «Огоньке», но ЦК КПСС не шлет поэту покаянное письмо: «Простите нас, подонков. И за ссылку, и за суд, и за травлю, и за изгнание. Возвращайтесь ради Бога, простите нас, дураков. Живите, где хотите, хоть в Аничковом дворце, немедленно начинаем печатать собрание Ваших сочинений, помогите разобраться. Только возвращайтесь».

Если после этих 70-ти кошмарных лет коммунистической власти стоять на коленях — этого мало будет.

А когда людоед и душегуб в безукоризненном фраке на дипломатическом приеме мурлычет: «Всяко бывает. Кто без греха? Могу съесть, а могу и помиловать, на всё моя царская воля, могу вилами, а могу и вилочкой, а-ля фуршет. И вообще, не поговорить ли нам о коллективной

безопасности, а что кто-то у нас сидит, и законы не как у людей, так то дело мое, я в своих колониях волен», — то здесь речь идет не об изменении его рациона, а разве что о новых кулинарных рецептах.

Не нужно зря попрекать невинных нелюдей в несвойственных им людских слабостях и просчетах, что, мол, не так они демократизируются. А они ни сном ни духом в этом не повинны. Не больше, чем Ленин в 1918 году. Никакая демократия им не нужна. Потому что с диктатурой она не совместима. И с империей тоже — внутри СССР и извне, в Восточной Европе. «Ах, как нелогичен Горбачев! — восклицают околоопозиционные круги. — Ах, почему он не отпустит Чехословакию, Венгрию, Эстонию, Литву и политзаключенных? Где логика?» Здесь она, на месте. Это у нас ее не хватает, а у Горбачева — с избытком! Одна отпущенная из-под ножа овца дороже ста зарезанных — старое библейское соотношение.

Для демократии не хватит, зато для «имиджа» вполне достаточно. Не верите? Читайте западную прессу. Зачем каяться сполна, до доньшка? Покаемся сначала в 30-х, в 40-х, в 50-х. Ведь преступлений столько совершено, что на столетие покаяния хватит, а пока кающийся грешник и власти не упустит, и новые грехи совершит — чтоб каяться перед новыми поколениями. А в самой-то сути, в изуверской сущности самого режима, каяться не стоит, иначе что от приоритетной роли КПСС останется и от ее вселенской миссии?

И будет лежать гениальный горбачевский труд — нечто среднее между детским лепетом ученика вспомогательной школы и невнятными прорицаниями пифии на треножнике — и в Северной Италии, и в Англии, и во Франции. И ведь кто-то же читает! На глазах у доверчивого человека вершится бессовестный, дешевый фарс, и белые нитки видать, и румяна отстают, как штукатурка, и всё картонное. А ведь звучит-то что-то вроде: «Автор велик! В нем чувствуется то Данте, то Шекспир». Некоторые наивные западные журналисты договорились до того, что у нас демократии уже гораздо больше, чем в Италии или в Англии.

Удивительно, как они еще политического убежища не попросили. И всё от искреннего желания похвалить. И невдомек им, что такая похвала обидна, что нас хвалят, как медведя в цирке, гуляющего в цилиндре и в штанах,

как обезьянку, которая ест ложечкой, — наконец-то хоть немного мы уподобились человеку. Критерий и эталон для всех один: человеческая сущность и человеческий облик. Похвала нашей гласности подчеркивает нашу неполноценность и, пожалуй, неверие в то, что мы можем жить по-человечески. Давайте попробуем без восторгов разобраться в некоторых аспектах «перестройки» (по-прежнему, мы строим на песке, без солидного фундамента плюрализма и парламентаризма).

Гласность

«Гласность» строго избирательна — до анекдота. Ни разу никто из непомнящих себя от свободы, дерзновенных наших журналистов не забылся и не назвал (ни во сне, ни в бреду) Афганскую войну грязной или преступной, не употребил термин «политзаключенные», не вспомнил о 1956 и 1968 годах — наших не столь давних агрессиях, не посочувствовал самоопределению эстонцев. Возвращаемые книги или символичны («Чевенгур», «Котлован»), или разоблачают отданные на разоблачение годы.

Ряд тем остается абсолютным табу: разоблачение ленинизма, венгерская, чехословацкая, афганская агрессии. Можно предположить, что последними к нам вернутся произведения с четкими политическими ориентирами: «Архипелаг ГУЛАГ», Аксенов, Зиновьев, Авторханов.

Где-то, конечно, промахиваются наши идеологи: от «Собачьего сердца» и «1984», а заодно и от «Скотского хутора» вреда им будет больше, чем пользы, — да уж не такие они литературоведы, чтобы всё предусмотреть.

Законы, указы

Казалось бы, зачем нужны законы об общественных организациях, демонстрациях и гласности? Не проще ли предоставить эти права конституционно? Предоставить — проще, а запретить — сложнее. Наши указы указывают не на разрешение, а на запрет излишеств, то есть у властей есть опасение, как бы кто не воспринял демократию слишком буквально.

Прежде, когда любая демонстрация оппозиционного толка влекла применение 190-й или 70-й статей, всё было хорошо. Теперь же понадобились новые указы, чтобы назначить наказание и пояснить, что право — это то, что тебе разрешает свыше и что выгодно этим вышестоящим инстанциям.

Указ о демонстрациях — это отнюдь не декрет о мире со стороны режима, это объявление войны оппозиции и более чем жестокая альтернатива: страшная советская тюрьма или прекращение всякой честной политической деятельности. Следует ожидать, что закон о гласности назначит кару за неконформистские высказывания, по крайней мере в проекте XIX партконференции прямо сказано, что «гласность должна употребляться только в интересах государства». (А судьи кто? Государство же, то есть коммунистическая диктатура.)

Когда гласность употребляется в интересах диктатуры, это гласность служивая, вицмундирная, на жалованье.

Не дай Бог нам декрета о печати, который назначит кару за издание «Гласности», «Экспресс-Хроники», «Бюллетеня ДС» и прочих несанкционированных диктатурой органов, или закона об общественных организациях, который определит срок наказания за членство в ДС и прочих не нужных правительству формальных и неформальных организациях.

Наши демонстрации

Интересно наблюдать антидемонстрационную тактику правительства Горбачева в эволюционном развитии. Эту тактику я испробовала лично и являюсь здесь не только политическим обозревателем, но и ее объектом.

Первая резко оппозиционная демонстрация семинара «Демократия и гуманизм» состоялась 7 октября 1987 года (это был протест против кодифицированного беззакония советской конституции). Нас схватили, не дав хорошенько развернуть плакаты, вместе со свидетелями, корреспондентами (причем советскими!), и долго убеждали (7 часов подряд) с помощью райкомовцев, горкомовцев, обкомовцев (партийные руководители), прокуроров, сотрудников КГБ и предупреждений по 206-й статье (хулиганство) в преимуществах советского образа жизни. Но не убедили, потому

что такой избыток доказательств мешает нормальному восприятию этих самых преимуществ.

Тридцатого октября, в день политзаключенного СССР, всю семинарскую демонстрацию переловили заранее — кого дома, кого на улице, кого у друзей — за два, за три, за четыре часа до начала. Так что изумленные зрители увидели оцепленную милицией Кропоткинскую и чуть ли не броневики и стали спрашивать, не началась ли третья мировая война.

Дальше идет сплошной детектив с элементами триллера. Демонстрации участились, семинар «Демократия и гуманизм» брал повышенные обязательства, а КГБ ночевал на улице и за каждым демонстрантом устраивал «дикую охоту короля Стаха».

Демонстранты вылезали из окон, ходили по карнизам и добирались до демонстрации чуть ли не по крышам. КГБ лазил следом за ними. Изумленные жители демократизирующейся и гласной столицы видели, как среди белого дня спокойно идущего по улице человека хватали трое (четверо, пятеро) в штатском, запихивали, ломая руки, сгибая второе, выкручивая, как гуттаперчевого мальчика, в машину без номеров и увозили, как в фильмах о мафии. Площади были оцеплены, всюду стояли автобусы, люди с рациями мрачно бубнили что-то о «захваченных единицах с плакатами». Словом, то ли «война миров», то ли старый добрый вестерн.

С 20 декабря зрители могли наблюдать сцены из внутреннего быта фашистских держав: демонстрантов били прямо на улице, били головами об автобус (и женщин в том числе). У меня вывернутая особым приемом 15 апреля рука стала действовать нормально только 15 августа.

С конца февраля 1988 года к нам стали применять новый тактический прием: до места демонстрации допускали, давали поднять плакаты, а потом следовала обычная порция побоев и кое-что новое: 165-я статья Административного кодекса за «злостное неповиновение власти».

Это был следующий этап восстановления исторической правды о тоталитаризме. Сначала нас штрафовали (с 27 февраля по 6 марта), потом перешли к арестам на 15 суток. Символично, что впервые мы попали в тюрьму за антисталинскую демонстрацию 6 марта — при правительстве, неустанно разоблачающем Сталина, но не отказывающемся

от главного в сталинизме — от его политической сущности, которая у него общая и с ленинизмом, и с хрущевизмом, и с горбачевизмом. Об этом новом этапе становления социалистического плюрализма надо рассказать подробнее.

Ставки повысились . . .

У гражданина демократического государства может возникнуть вопрос к члену ДС: почему вы так настаиваете на демонстрациях? Уж конечно не потому, что мы так дурно воспитаны и, пренебрегая рвущим нас на части телевидением, отмахиваясь от советских газет, стремимся на улицы и площади просто от склочности характера. При полной монополии диктатуры на средства массовой информации (допускается некоторая левизна «Огонька» и правизна «Молодой гвардии», но в жестких рамках), при отсутствии многопартийности, признаваемой государством (ДС существует, но власти игнорируют факт его существования, вспоминая об альтернативной партии лишь в контексте репрессий), демонстрации, митинги, листовки, раздача наших журналов — это единственное средство, единственный способ пропаганды, единственная надежда спасти страну. Это наш несуществующий парламент.

Скамья подсудимых — по-прежнему единственная трибуна оппозиции. Докричаться до народа через торжествующую ложь мы можем только так. А цена всегда высока. С момента создания ДС аресты на 15 суток стали системой.

Члены оппозиционной партии, гордые и культурные люди, оказались в одной тюрьме, часто в одной камере с проститутками, наркоманами и хулиганами. Обращаются с этими людьми, не совершившими никаких преступлений, очень жестоко. Административно арестованный содержится на карцерном режиме: на голых досках, без постельных принадлежностей, на скудной непитательной пище, без прогулки, без бани, без теплых вещей, без права читать, без передач, без свиданий. В лагерях такой режим только в ШИЗО.

Конечно, мы, как политзаключенные, отказываемся от принудительного труда и протестуем — против нашего зачисления в категорию уголовников — голодовками на весь срок.

Впрочем, этот фильм мы досмотрели до конца. Началась следующая серия. Ставки повысились, цены возросли. Отныне организатор демонстрации (а с третьего захода и участник) рискует уже не 15 днями, а 6 месяцами тюрьмы. Это означает ужасающие условия уголовного лагеря и перспективу еще трех лет тюрьмы по 188-й статье за «неисправимость».

У нас несгибаемость, бескомпромиссность и достоинство внутри лагерей (да плюс еще отказ от рабского бесплатного труда) всегда расценивались как «неисправимость». Шесть месяцев голодовки или три с половиной года ее даже при искусственном кормлении (до сих пор к нам не применяли это пыточное средство) закончатся однозначно. Когда для занятий мирной оппозиционной деятельностью требуется чуть ли не стоицизм, когда на демонстрации поднимаешься, как из окопа в атаку, это означает одно: В ТВОЕЙ СТРАНЕ ЦАРИТ ЕЩЕ ОБЫКНОВЕННЫЙ ФАШИЗМ.

КОНКУРС*

Комитет Государственной безопасности СССР, Союз писателей СССР, Союз кинематографистов СССР проводят конкурс книг, кино- и телефильмов о работниках органов и воинах войск государственной безопасности. Конкурс посвящен 70-й годовщине ВЧК-КГБ (20 декабря 1987 г.).

В конкурсе принимают участие издательства, редакции, кино- и телестудии, творческие союзы, Госкомиздат, Госкино и Гостелерадио. Каждая из организаций и творческих союзов может выдвинуть для участия в конкурсе не более трех произведений литературы и кино.

Для участия в конкурсе могут представляться произведения литературы, кино и телевидения на чекистскую тематику, созданные в период с 1984 по июль 1987 года. <...>

Для победителей конкурса устанавливаются денежные премии с вручением нагрудных значков

* Объявление в «Литературной газете».

и дипломов, поощрительные дипломы и ценные подарки, грамоты КГВ СССР.

Материалы на конкурс направлять по адресу: 101000 Москва, Центр, ул. Дзержинского, 2. Комиссия КГВ СССР по премиям.

* * *

Издательство «Самиздат», известное высоким уровнем публикуемых произведений (кто станет печатать на машинке или фотокопировать макулатуру?), народностью и рентабельностью (существует без государственных дотаций, без капитальных зданий, без полиграфического оборудования и корректоров, литература издается на личные средства, распространяет ее народ, читает тоже народ — добровольно, без принуждения, причем издатели и распространители не только не получают платы, но сами готовы заплатить годами тюремного заключения), а также являющееся старейшим нашим издательством (существует в России с конца XVIII века, с радищевских времен), представляет на конкурс книг о работниках органов государственной безопасности, объявленный КГБ, Союзом советских писателей и Союзом кинематографистов, роман-хронику Александра Исаевича Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ».

Поскольку цель конкурса — дальнейшее повышение идейно-художественного уровня произведений литературы, этот роман, представляется нам, вполне адекватен сформулированной задаче. Идея зловещей, смертельной опасности, которая всегда исходила от органов госбезопасности, идея их уничтожающего влияния на нашу историю и нашу культуру блестяще разработана в произведении. Автора нельзя упрекнуть в отсутствии активной гражданской позиции. Что до художественного уровня, то он очень высок. Книга вызывает такое омерзение к прежним и теперешним гэбистам, что немало насчитывается людей, для которых борьба за свободу России началась именно с прочтения «Архипелага». Это лучшая рекомендация его достоинствам.

Что до привлечения к созданию произведений на чекистскую тему новых творческих сил, то издательство «Самиздат» старается как может: «Великий террор» Конквеста, «Хранить вечно» Льва Копелева, «Верный Руслан» Георгия Владимова, «Мои показания» Анатолия Марченко,

«Ожог» Василия Аксенова свидетельствуют о таких наших усилиях. Правда, роман Солженицына написан давно, в семидесятые годы, и не укладывается в период с 1984 по 1987, но он отнюдь не утратил своей актуальности и необходимости для становления умов и сердец советских граждан и как был бестселлером в 1976 году, так и остался им до сих пор.

Мы не высылаем вам экземпляра на конкурс. У издательства «Самиздат» каждая копия на счету, за каждой очередь читателей на много лет вперед, но если вы не найдете ни одной книги для ознакомления, мы, так уж и быть, дадим вам на время одну из своих фондов. Отзывы, рецензии и статьи в прессе читайте в том же «Самиздате» или в зарубежных изданиях. Надо думать, что Нобелевская премия, издание на многих иностранных языках, мировое признание книги можно считать весьма положительными отзывами.

По поводу же вашей семидесятилетней годовщины мы хотим напомнить вам слова Ленина, что лучше в юбилейные даты вспоминать о недостатках, чем перечислять достоинства. Ваших заслуг никто не отрицает. Вы старались изо всех сил, утопили страну в крови, уничтожили за время вашей славной деятельности миллионы своих соотечественников, втапывали в землю всё разумное, доброе, вечное. Поскольку вы преемники славных традиций ВЧК-НКВД, можете поднять за это (безалкогольный) бокал на вашем именинном обеде и всё содеянное вашими славными предшественниками записать на свой счет.

Но недостатки в вашей работе тоже есть, о чем свидетельствует хотя бы это письмо.

По этому случаю мы хотели бы преподнести вам изречение древнего китайского философа Лао-цзы — наше скромное поздравление: «Если кто-нибудь силой пытается овладеть страной, то, вижу я, он не достигнет цели. Страна подобна таинственному сосуду, к которому нельзя прикоснуться. Если кто-нибудь тронет его, то потерпит неудачу. Если кто-нибудь схватит его, то его потеряет».

Внештатный сотрудник «Самиздата»
Валерия Новодворская

СТАЛА ЛИ ЛУЧШЕ ВАША ЖИЗНЬ ЗА ВРЕМЯ «ПЕРЕСТРОЙКИ»?

Обращение к рабочим и крестьянам

«Свободное слово»*, №1, 15 октября

На заводах при самой высокой квалификации вы зарабатываете не более 300 рублей. А могли бы заработать 1000 рублей, если бы заводы были вашей собственностью, и ваше благополучие зависело бы от рентабельности производства. Вы могли бы бороться за свои права, за повышение заработной платы, за нормальный отпуск (почему к вам относятся как к людям второго сорта, почему у служащих отпуск 24 рабочих дня, а у вас — только 15?), если бы у вас были независимые от государства профсоюзы, похожие на польскую «Солидарность». Что делают ваши профсоюзы? Выполняют карательные функции, фиксируют опоздания, во всем соглашаются с начальством, выгоняют вас на суботники и на принудительные работы в деревни.

В Ярославле, Угличе, в других провинциальных городах вы не видите ни мяса, ни колбасы, ни масла. Даже на сахар — и то введены талоны. Ничего удивительного в этом нет. Откуда взяться товарам и продуктам, если общество неверно устроено согласно мертвой, никому не нужной схеме? Крестьян слишком долго грабили и убивали, заставляли работать за пустые трудовни. Они больше ни во что не верят и не хотят работать на чужой земле, которая принадлежит не им, а эксплуататорскому государству. Что такое семейный подряд? Сегодня тебе дали земли, а завтра отберут. Это уже было: сначала дали надел, а в 1919 году продотряды зерно отобрали. Потом — НЭП, опять вроде дали, а в 1929 году стали отбирать — и вместе с жизнью. 15 миллионов крестьян послали в гиблые места и уничтожили. Крестьяне будут работать только на своей земле. Она должна стать их собственностью, тогда у них и собственная партия будет, и профсоюзы, и газеты свои. Тогда они смогут себя защитить, себя прокормят и страну. А пока земля не крестьянам принадлежит, мы в городах будем голодать. И заводы все не вам принадлежат, а номенклатуре — начальству и партийным чиновникам.

* Газета Московской организации ДС.

А им все равно — сыты вы или нет, во что одеты, как вас учат и лечат. Лишь бы вы не бастовали и голосовали «за». Им же отчеты нужны и чистота идеологии, а не товары и продукты. Они-то сыты и одеты. Сколько времени с начала «перестройки», а у партократии, у партийных чиновников всё еще особые больницы в 4-м управлении, особые аптеки, спецпайки в спецмагазинах, квартиры по 120 метров в особых домах, с двумя ванными, двумя кухнями и с комнатой для животных. Борис Николаевич Ельцин попробовал жить как вы, пытался их усюветить — его вышвырнули, он им чужой. Им привилегии и власть всего дороже.

В странах Запада, кстати, где есть парламентская демократия, независимые профсоюзы, газеты, оппозиционные правительства, открыто выходят, рабочие машину имеют, загородный домик, счет в банке, за границу отдыхать ездят. И жены у них не работают, а детей воспитывают. И крестьяне-фермеры богато живут. И магазины полны продуктов и товаров. А вас 70 лет пугают: там, мол, безработица, там, мол, эксплуатация. Да у нас безработица такая, что им и не снилось. За 100, за 150 рублей работать, когда меньше, чем на 170-180 не проживешь, — это работа или безработица? Там пособие по безработице выше. В США, если отец работает, а доход на каждого члена семьи 200 долларов (больше наших 200 р.), то семья бедной считается, им и талоны на бесплатные продукты дают. У нас таким «беднякам» все завидуют.

Почему же мы так плохо живем? Мы что, хуже их? Глупее? Бездарнее? Рук у нас нет? Умов? Страна у нас без ресурсов? Да нет, не так. Нам работать смысла нет, всё в трубу уходит, да на армии, да на пустую идеологию, да на то, чтобы чужие земли отнимать. И много мы пользы от Афганистана имели? Миллионы денег ухлопали, мальчиков своих 30 тысяч положили, других искалечило, опозорились перед всем миром, как оккупанты, штурмовики — и все равно уйти пришлось, не отдали афганцы свою свободу, наш строй им не нужен, они по-своему жить хотят. Кто за это отвечать будет? Правительство молчит, не кается, а ведь КПСС говорит, что она направляющая сила общества. Значит, они виноваты? Но что-то не винятся. Всё на Брежнева валят. Но Брежнев один, а их — 18 миллионов. Возразить боялись? Вы только подумайте: сначала членам ЦК Совнарком мешал. Он приказал военный коммунизм устроить, хлеб отбирать, торговлю запретить. А члены

партии были ни при чем — не они расстреливали, не они грабили, — всюду один Совнарком успел. Потом Сталин был, но они снова — невинные жертвы. Не знали, не ведали, не доносили, «за» не голосовали, не аплодировали. Потом Брежнев ответчик, потом, видно, Андропов с Черненко, Хрущев с кукурузой был виноват. За сегодняшнее вино с Горбачева взыскивать станут. А по-нашему так: была бы шея, а хомут найдется. Если люди думать не умеют, бороться боются, о своей шкуре думают, тиран на них всегда сыщется.

Так почему же на Западе так хорошо живут? Что там, владельцы предприятий такие добренькие, всё о рабочих думают? Да нет, не в доброте дело. Экономика не на доброте держится, а на объективных законах. Предприниматель не добр, а умен. Будет его завод работать плохо — прогорит он, ни с чем останется, прибыли не получит. Не купят его товары на рынке — разорение. Здесь плохо не поработаешь. Начнешь рабочих угнетать — они тебе забастовку, убытки будут страшные. Да если рабочий не обучен, плохо одет и думает, где бы мясо достать, или не отдыхает после работы, а подработку ищет — разве он сможет хорошо работать? Опять предпринимателю убытки. Ему надо о том думать, как бы рабочий к соседу не ушел — ведь не государству принадлежат заводы, а разным владельцам, из-за рабочих они соревнуются, кто больше им даст. Конечно, много бороться им пришлось (рабочим Запада), бастовать, свои газеты завести, свои партии, на митинги ходить, на демонстрации. Ваши прадеды в стачках участвовали, РСДРП создавали, неужели правнуки хуже их? Кого вы боитесь? Вы всё решаете. Как захотите, так и будет. Над вами издеваются, вас грабят, вас ни в грош не ставят. Вы должны быть хозяевами страны, а не Политбюро ЦК КПСС. 70 лет они нас вели дорогой преступлений и ошибок, довели до дикости, до рабства, до разорения — и опять хотят всё одни решать? При одной партии мы из тупика не выберемся. Опять всё ей принадлежит, все под ее дудку пляшут: и профсоюзы ее, а не ваши, и газеты ее все, а своего опять у вас ничего нет. Пусть отдадут вам землю и все предприятия, тогда мы поверим, что они демократы. А словам не верьте. Слов они много наговорили за 70 лет, дел добрых только не видно. От вас зависит участь страны и судьба ваших детей. Мы будем бороться рядом с вами, и не за власть — она нам не нужна, — а за достойную жизнь для нашей страны.

СОВЕТСКИЕ ПИСЬМА

О многопартийности и однопартийности

«Бюллетень ДС», № 5, ноябрь

Многие ошибочно считают, что многопартийность — это бесполезное украшение, необязательный брелок в общественном здании. «Слов нет, — говорят они, — это красиво. Но не предмет первой необходимости». **ВОТ ЭТО КАК РАЗ И НЕВЕРНО.**

Многопартийность функциональна. Дело в том, что каждая партия предлагает обществу свою программу. Но если перед обществом не будут лежать несколько альтернативных программ, а будет одна-единственная, правильный выбор даже теоретически сделать невозможно. Ведь понятие выбора и предпочтения предполагают множество. Нация, не обострившая свое социальное чутье в этой многовариантности, непоправимо отстает в политическом развитии и теряет ориентацию. Итак, прежде всего однопартийность ведет к косности и тупости, т.е. предельному упрощению политического мышления. А так как жизнь — штука сложная, и прогресс приводит к еще большему ее усложнению, то она плохо сочетается с такой глубинной простотой. Чем проще политический организм, тем хуже он приспособлен к современности.

XX век не для одноклеточных и кишечнополостных. Однопартийная система плохо приспособлена ко всё усложняющейся жизни. Она производит впечатление питекантропа, случайно попавшего на научный симпозиум. Романисты очень любят описывать разных детей природы, случайно попавших в тенета нашей развращенной цивилизации и не сумевших к ней приспособиться. Ну ладно, Тарзанам, Кинг-Конгам и могиканам хоть было куда бежать от несносного прогресса. А куда побежим мы — 1/6 часть суши с 280-миллионным населением. Какие джунгли нас укроют?

Но даже после представления альтернативных программ созидательная работа многопартийности не кончается. Внешне отношения правящей партии и оппозиции напоминают дуэль. Но на самом деле они столь же необходимы друг другу, как партнеры в фигурном парном катании. С оппози-

цией правящая партия все время «на людях» и не станет чесать голову пятерней и вытирать руки о скатерть. Она знает, что за каждым ее шагом, за каждым ее промахом неутомимо следят и тут же воспользуются. Идет своеобразная политическая конкуренция. И выживает, как всегда, достойнейший, умнейший, самый удачливый. Кстати, неудачная общественная программа и неудачное правление мгновенно сметут политическую партию в разряд запасных игроков.

Чтобы партия 70 лет вела страну от неудачи к неудаче, как КПСС, и не была с позором изгнана с позиции правящей — это уже прерогатива однопартийности и секрета «загадочной» русской души. Многопартийность позволяет вести тотчас корректировку промахов и просчетов правящей партии и ограничивает ее аппетиты и возможности завести страну в тупик. Безднаказанность развращает всех, особенно политиков. При этом политическая структура обходится без привлечения нравственных категорий — таких, как этика, совесть, честь, долг. Эти категории всегда будут уделом избранных. Джефферсонов и Вашингтонов мало, зато Черчиллей и Никсонов предостаточно. У политика может и не быть совести вообще, но у него есть здравый смысл, от крупных пакостей он воздержится: оппозиция не дремлет.

Не имея совести сам, оппонент охотно к ней апеллирует, ибо это непреходящая ценность. Когда он придет к власти, его также квалифицированно обслужит-разоблачит бывший представитель правящей партии, ставшей оппозиционной. Тот, кто строит политическое здание, ориентируясь на ангельские черты людей, должен срочно перекалцифицироваться.

И еще одно: многопартийная система является единственной конструкцией и формой осуществления политического разномыслия. Если же допускается разномыслие, то не преследуется и инакомыслие — при неоднозначности в политике такое понятие вовсе не существует. Таким образом, многопартийность является гарантом инакомыслия, а следовательно — гражданских прав и свобод.

К тому же многопартийность отвечает человеческой природе, а однопартийность — разве что природе базальтовых пород и гражданскому укладу муравейника. А чем мы, кстати, отличаемся от муравьев? Давайте исследуем

эту ситуацию.

Конформизм и дифференциация

От муравьев мы отличается своей несхожестью. Поэтому все попытки установить для человечества такую же прекрасную, четкую и железную дисциплину, как в муравейнике, обречены на неуспех.

Даже Пол Пот в этом не преуспел, потому что уничтожил всего-навсего каждого третьего. Настоящий же муравейный порядок можно установить только в том случае, если уничтожить каждого человека. Потому что если случайно уцелеют хотя бы двое, то с ними тотчас же начнутся проблемы: эти двое опять-таки будут разные. В этом извечная несостоятельность конформизма, потому что по сути своей человечество предельно дифференцировано и не способно шагать в ногу. Потому все рациональные теории устройства человеческой жизни несбыточны, ибо человек иррационален. Ему дай самую лучшую схему, а он все равно норовит «по своей воле пожить». Современное плюралистическое общество функционирует лучше других, потому что сумело учесть эту дифференциацию волей, желаний, вкусов, способностей, взглядов, сил — и обратить себе это на пользу. Вообще реализм для устройства человеческой жизни куда более подходит, чем идеализм. Поэтому тоталитаризм — построение искусственное и недолговечное, а плюрализм — естественен и потому кончится вместе с человеческим родом. Однопартийная структура отражает надуманную тоталитарную конструкцию и основывается на вымышленном конформизме. Многопартийность отражает реальную дифференциацию человеческой природы. Я посоветовала бы лидерам КПСС реализовать свою однопартийную концепцию в муравейнике, если бы не была уверена, что с их помощью развалится даже муравейник, потому что муравьям хоть и не нужен плюрализм, но нужны компетентность или хотя бы инстинкт выживания вида, а ни того ни другого у КПСС не наблюдается.

Нам говорят, что однопартийность в СССР сложилась исторически, т.е. она — традиционна. Однако эта традиция создавалась не на форумах и даже не на народных гуляниях, а на Соловках и в застенках ВЧК и ГПУ, где многопартийность была уничтожена в лице представителей

иных партий, кроме ВКП(б). Так что в почвенности этой традиции многие усомнятся. И потом, планеты и звездные системы существуют гораздо больше 70 лет, однако и они не вечны. Мне кажется, что среди тел Вселенной одна только КПСС сделала заявку на ВЕЧНОСТЬ для своей однопартийности.

Что ж, если нравственно то, что полезно для коммунизма, то почему бы не пойти дальше в социальной метафизике? «Реально только то, что полезно для КПСС». Предлагаю зафиксировать это в учебниках.

ПОЧЕМУ ДС ПРОТИВ КУЛЬТА ЛЕНИНА И ЛЕНИНИЗМА

Статья для рабочих ЗИЛа по их просьбе

«Свободное слово», №3, 8 ноября

ВМЕСТО ЭПИГРАФА:

**В Нижегородский Совдеп
9 августа 1918 г.**

В Нижнем явно готовится белогвардейское восстание. Надо напрячь все силы, составить тройку диктаторов, навести ТОТЧАС массовый террор, расстрелять и вывезти сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т.п.

Ни минуты промедления. Надо действовать вовсю: массовые обыски. Расстрелы за хранение оружия. Массовый вывоз меньшевиков и ненадежных. Смена охраны на складах, поставить надежных.

Ваш Ленин

(Ленин о соц. законности. Сборник трудов, 1958 г.)

Нам говорят, что Ленин любил народ, хотел всем добра, умел ценить людей, а всё плохое — это, мол, от Сталина. Давайте вместе разберемся, что к чему. А на веру принимать заявления нашей пропаганды не годится, она за 70 лет нам много чего наговорила, и всё оказалось

обманом.

Рабочих Ленин любил до октябрьского переворота, как некую абстракцию, которая хорошо укладывается в предложенную им схему. Страшная это вещь — любовь к абстрактному человечеству, от соприкосновения с живыми, конкретными людьми она часто обращается в ненависть. Пока рабочие боролись с царским режимом, бастовали, митинговали, шли за большевиками (ведь большевики и Ленин обещали рабочим и фабрики, и заводы, и все права — даже право на стачку, и свободы, и лучший уровень жизни), Ленин их, конечно, любил. Крестьян же и до 1917 года Ленин и его сторонники презирали. Непонятно им было их усердие, их привязанность к своему достатку и к земле. А ведь эти качества кормили страну. Теперь у крестьян нет своей земли, нет возможности богатеть, вот и продукты даже в Москве исчезать стали, а в провинции карточки давно. Отобрать всё у крестьян, сделать их коммунарами вопреки их воле — это Ленин планировал еще в начале века.

И свободы, пожалуй, Ленин собирался народу предложить, — чтобы они могли одобрять и хвалить будущее пролетарское общество и всячески его укреплять. А ведь свобода — это выбор. А хвалить или хулить — это наше право. Пора обещания сдерживать, что народу были даны! Народ поверил, народ поддержал. Но не большевиков одних только, а эсеров еще, что землю народу обещали. А тут Учредительное собрание. Вот теперь, думалось, свобода и наступила.

Но не набрали большевики в Учредилке большинства — только 23%. Казалось бы, чем плохо? Участвуй в парламенте, агитируй свободно за рабочее дело, в демократической республике мирно борись.

Но вот Ленин здесь себя и показал. Разогнали большевики с помощью вооруженных частей наш первый и последний пока парламент — Учредительное собрание. И стали арестовывать несогласных, кадетов, например. А ведь кадеты в Думе до октября их всегда защищали. В стране хаос, голод, разруха. Заводы у владельцев отобрали, сами организовать работу не могут, инженерам не верят. Вот рабочие и вышли на демонстрацию с требованием снова собрать Учредительное собрание — 5 января 1918 года. И вот здесь начинается настоящий ленинизм. Большевики расстреляли демонстрацию. А там Брестский мир. Хотели

французы и англичане нам помочь — ведь это наши союзники были, да не впустили их большевики в Петроград, боялись, что у них власть отнимут.

Лучше было свою землю немцам отдать. И отдали немцам Украину. Предали рабочих, крестьян, своих же товарищей коммунистов, из шкурничества. Немцы сразу же вешать и пороть стали, и что было бы, если бы внутренняя ситуация в Германии нам не помогла всё обратно получить? Мы, например, не понимаем, как можно своих же товарищей предать. А Ленин предал.

А рабочие бастуют, потому что еды нет, на деньги ничего не купишь. А фабрики рабочие только и видели, они стали их собственностью не больше, чем звезды, солнце и облака. Комиссары заменили хозяев. Только хозяева просто увольняли бастующих, а комиссары арестовывали и расстреливали.

Как Ленин забастовщиков возненавидел! Худшими врагами они ему стали. Лично требовал их к стенке ставить, особенно инициаторов. Куда только все демократические идеи девались! Забастовка против врагов — это пожалуйста, это нам полезно. А если против меня забастовка — то здесь уже бастующие враги. Мешают! Не дают коммунизм строить. Все оппозиционные газеты закрыли, все партии, кроме своей, разогнали и пересажали еще в 1918 году, всех оппозиционеров в ВЧК к стенке ставили. Казалось бы, можно вздохнуть свободно. Но нет! Чем дальше углублялись большевики в свои «преобразования», тем больше у них становилось врагов. Они не оставили людям ничего, кроме своей бездушной абстрактной идеи. Ограбленные продотрядами крестьяне взялись за вилы и топоры. А рабочие стали выносить на заводах резолюции о том, чтобы решать все дела без коммунистов. Никому не были нужны обезумевшие от крови и власти фанатики, которые расстреливали по 1000 человек в месяц, приколачивали пленников ногами к плечам, сажали на кол священников, пытали арестованных расплавленным сургучом, перепиливали пополам пилой, расстреливали заложников.

Когда стало ясно, что весь народ против большевиков, Ленин сознательно и хладнокровно объявил войну всему «несознательному» народу. И требовал, чтобы в заложники брали не только офицеров, но и интеллигентов. Он пред-

ложил расстреливать крестьян, которые плохо расчищают пути перед воинскими красными эшелонами. В Красную армию загоняли силой, расстреливали «дезертиров», тех, кто плохо бился — недостаточно охотно убивал своих соотечественников.

Так осуществлялся декрет о мире. Заставив страну капитулировать перед немцами, большевики ввергли ее в братоубийственную гражданскую войну. Рабочих прикрепили к заводам. Надо же было обеспечить тяжелую промышленность, чтобы укрепить свою диктатуру! Уже не ради народа, не ради рабочих, не ради крестьян (декрет о земле комментировался ими так: «земля-то наша, да хлебушко на ней ваш; леса-то наши, да дровишки в них ваши; реки наши, да рыбка в них ваша»). Вот в чем суть большевистского «общенародного» государства и «общественной» собственности), а только ради кучки партийных активистов, возненавидевших неподвластную им жизнь, которую они не могли уложить в рамки догмы, действовали большевики. Народ восстал против их власти, ломавшей естественный порядок человеческого существования с его мирным устоявшимся бытом, возможностью обогащаться трудами своих рук. В Кронштадте и Тамбовской губернии восстал народ. Там не было никаких эксплуататоров. Оба народных восстания были подавлены еще более жестоко, чем пугачевский бунт. Дети и жены тамбовских крестьян умерли с голоду в концлагерях в наказание за «вины» отцов и мужей. До сталинского геноцида страна узнала ленинский геноцид.

И вот, когда большевики больше уже не могли бы удерживать власть, когда страна была на грани всеобщего повального бунта и разорения, Ленин вдруг «прозрел». Не верьте в прозрение тиранов, которых жизнь приперла к стенке! НЭП был назван «временным отступлением». Значит, мысль о том уже провалившемся, безумном, разорительном общественном устройстве не была оставлена, а была отложена. Пусть в долгий ящик, но не навсегда. Но ленинское «прозрение» было очень ограниченным. На политические свободы его не хватило. Здесь у режима была непроницаемая слепота — как в 1921 году, так и в 1988-м. Политический гнет большевизма не был «отменен», как продразверстка. В 1921 году члены политических оппозиционных партий были в тюрьмах, а в самой ВКП(б) Ленин добился запрета

на фракционную деятельность, то есть запрета на свободную мысль. По существу, членам правящей партии было предписано прекратить спорить и рассуждать. Они стали бездумно заучивать исторические формулы. Для Сталина почва была готова. Сталинизм был органическим продолжением ленинизма и его логическим завершением. Начав карать тех, кто думает иначе, уже нельзя остановиться; и так по плану Ленина, волей Ленина создавался тоталитаризм, при котором мы живем и поныне: чудовищное рабовладельческое общество, где все граждане — рабы догмы и диктатуры и, как рабы когда-то, не имеют своих орудий (средств производства), работают на господина там, где он укажет, на Его предприятиях и на Его земле, а продукт их же труда выделяет он же — сколько и когда захочет.

Ни права голоса, ни права побега рабы не имеют — догоняют и возвращают хозяину. Не имея ни прав, ни свобод, мы можем лишь роптать на площадях, как восставшие рабы. Но на равных наши «хозяева» с нами говорить не хотят, и парламент ими для этого не предусмотрен, и средства массовой информации не задействованы. Верховный Совет покорно ратифицирует указы хозяев — верхушки КПСС, а средства массовой информации вещают хозяйскую волю.

Эта система была выкована Лениным и его гвардией. Когда этому «отцу народа» поднесли готовящийся Уголовный кодекс, он нашел, что там слишком мало случаев применения смертной казни за инакомыслие, и прибавил еще несколько смертных приговоров к знаменитой 58-й политической статье, которую сменила нынешняя 70-я статья (антисоветская агитация и пропаганда). Чуть ли не на смертном одре Ленин думал об усилении террора.

Убийства — единственное средство для того, кто выбрал путь против естественного течения жизни, наперекор истории.

Нам говорят, что Ленин был реальным политиком, что он понял ошибочность военного коммунизма, что он ввел НЭП, что если бы не Сталин, у нас не было бы ни разрухи, ни репрессий. Скажите, а не был ли НЭП с самого начала обманом? Ведь никаких правовых гарантий его прочности у народа не было тогда, так же, как и нет теперь гарантий демократических преобразований, да и самих их

еще нет. Крестьяне получили землю по декрету о земле не в частную собственность с правом продажи надела (такова была формулировка столыпинских реформ). Поэтому так легко было отнимать у них эту землю в конце 20-х годов. К тому же рентабельное, товарное крестьянское хозяйство существовало одновременно с убыточной государственной экономикой в области промышленности. Откуда товары было взять, чтобы крестьяне могли их купить на свои деньги? Деньги у них завелись, да вот товаров не было. Тогда крестьяне перестали продавать какое-то количество зерна — ведь на деньги ничего не купишь. Стало не хватать хлеба в городах. Сталин сначала прибег к конфискации, а потом крестьян просто стали уничтожать — разорять и гнать на каторгу за то, что они жили по законам рыночного хозяйства, а власти — по законам бредовых идей. А что бы стал делать Ленин, как вы думаете? Отказался бы от своей догмы и выпустил из рук промышленность? А что осталось бы от власти большевиков?

Если бы страна развивалась экономически нормально, то сытый и грамотный народ рано или поздно потребовал бы передачи власти народным представителям, а не партийным экстремистам. Зачем нужны были стране эти стоящие вне общества агитаторы в кожанках и с маузерами, которые ничего не умели делать — только казнить и командовать? Страна пришла бы к этой мысли, как приходит сейчас. Большевики с Лениным, даже и без Сталина, либо утратили бы власть, либо пошли бы все равно на 37 год. Ленин всегда был против реальной жизни и на стороне международной нежити. НЭП оказался ловушкой, мышеловкой для народа. Так вот почему ДС против ленинизма и Ленина. Мы против школы сознательного обмана народа и принесения его в жертву нелепой догматической схеме. Мы против массовых убийств рабочих, крестьян и интеллигенции. Мы за полные кастрюли на столе у каждого гражданина — и за пустые застенки.

И думается мне, не стоит нам на главной площади столицы устраивать усыпальницу и поклоняться тирану, как святым мощам. Мы не хотим жить на кладбище. И наша история будет обращена не к могиле, а к жизни.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО НЕ ВЫШЕДШИМ НА ПЛОЩАДЬ

«Свободное слово», № 6, 6 декабря

Я обращаюсь к тем, кто 30 октября 1988 года должен был выйти на Пушкинскую площадь и не вышел из дома вообще. Уже в который раз в День политзаключенного СССР восходит над сотнями советских узников совести горькая полынная звезда «перестройки». Как встретили этот день 265 советских политзаключенных, которых Горбачев, демонстрируя свой социальный оптимизм, небрежно свел в официальном интервью к четырем?

В этот день на Пушкинской площади должны были стоять в траурном строю те, кто некогда считал освобождение политзаключенных своим делом и своим долгом, — правозащитники.

Новосибирск, Рига, Петербург, Москва — четыре комитета ДС — провели демонстрации. Я не снимаю вину с партии, к которой принадлежу, как не снимаю и лично с себя, за недостаточную массовость выхода ДС на площадь 30 октября. Вымотанный арестами и фантастическими штрафами ДС после трех осенних демонстраций подряд — 21 августа, 5 сентября и 7 октября — не мог выделить для организации митинга больше, чем выделил. Членов ДС все равно с лихвой хватило бы для его проведения, но организаторов схватили еще до площади. Спас положение Дмитрий Стариков, который не растерялся и митинг все-таки провел. Члены ДС вели беседы на глазах у гэбистов и милиции, и не их вина, если схвачены были не все. Худо-бедно ДС распространил свою тысячу листовок перед 30 октября. Скромная лепта, гордиться здесь особо нечем, но можно хотя бы смотреть людям в глаза. Мы не ожидали, что останемся на площади одни с прохожими и приглашенными. Напротив, мы полагали, что «Гласность», «Экспресс-Хроника», МОПЧ, «Мемориал» будут оспаривать друг у друга импровизированную трибуну. Прийти на эту площадь, нарушив все запреты, быть брошенным в автобус, получить свою долю побоев, быть доставленными в суд и получить 15 дней ареста, а потом в знак солидарности с теми, кто остался в концлагерях, провести хотя бы

эти 15 дней голодовку — это такая малость!

Почему же даже эта малость сделана не была? Почему всё правозащитное движение в спецприемнике оказалось представлено Кириллом Подрабинком, Михаилом Ривкиным и Владимиром Понявиным?

Есть дискуссионные демонстрации и спорные проблемы. Эта демонстрация была не дискуссионной. Этот митинг был бесспорным. У них не должно было хватить людей для отлова активистов, автобусов для задержанных, дубинок для жертв, судей для осуждения и камер для арестованных. Как просторно было нам в спецприемнике! И как стыдно нам было объяснять нашу малочисленность!

Народный фронт и прочие прогрессисты, которые позволили перенести этот трагический день с 30 октября на 20 ноября (SIC!) и дали себя зажать в лужниковский тупик, подальше от людских глаз и ушей, — не вправе пенять на правительство, не освободившее политзаключенных. Они за них даже мизинца не укололи и не рискнули даже 15 сутками ареста. В данной ситуации нечего на зеркало пенять... И почему партократия должна заботиться о наших товарищах, если мы о них не заботимся? В чем выразился гнев — не народа, но хотя бы правозащитников? Какую чашу переполнило наше негодование? В публикациях независимой печати — максимум 3-тысячным тиражом?! Нет! Экстремальная ситуация требовала иных средств: листовок, открытого протеста, демонстраций, наконец, риска — хотя бы минимального. Редакции независимых журналов не могли срывать выпуск? Как украсило бы их издания объявление: «Просим извинить нас за двухнедельную задержку выпуска. Редколлегия была арестована 30 октября — в День политзаключенного СССР».

Мы и раньше, в 60—70-е годы отдавали людей без боя. Мы позволили сослать А.Д.Сахарова, убить В.Стуса, А.Марченко, Ю.Галанскова. Но у нас тогда хотя бы была горькая надежда разделить их участь в свой черед. Сегодня мы действуем фактически в безопасности, а наши товарищи терпят муки за колючей проволокой. Я обращаюсь к тем, кого не было на площади: вам это не мешает спать? «Пепел Клааса не стучит в ваше сердце?» Мы ничему не научились за эти 20 лет. Ни гражданскому, ни человеческому достоинству. «Демократический Союз» привык оставаться на площади один. Но 30 октября предали и оставили не

нас, а политзаключенных. Удивительно, что при таком общественном бессилии и такой правозащитной беспомощности правительство вообще кого-то освобождает. Но это не заслуга тех, кто остался 30 октября дома, или тех, кто бежал из страны, панически бросая на произвол судьбы не только народ, но даже своих товарищей в казематах. Освобождение политзаключенных оплачено жизнью Анатолия Марченко и тех, кто, подобно ему, держался до конца. Я счастлива, что 30 октября меня не оставили на свободе, и просила посещавших меня в тюрьме сановников МВД только об одном: оставить меня в моей камере с моей голодовкой, пока не будет освобожден последний политзаключенный. Мне говорят, что это нелепо, что смешно было бросать листовки в лицо милиции. Жаль, что там не было членов Политбюро, чтобы бросить листовки в лицо им, дабы они «усвоили», наконец, сколько у нас политзаключенных! Мы не можем освободить наших товарищей. Тогда мы обязаны хотя бы разделить их участь. Мы отказались разделить ее даже на 15 дней! И как бы мы ни закрывали лица нашими журналами, нам не скрыть наш позор. Я считаю, что на этом эпизоде кончается история правозащитного движения. Кончается бесславно. Связь времен прервалась. У нас больше нет традиций, нет преемственности поколений. В который раз мы начинаем всё сначала, стоя на голой необжитой земле.

1989

ДВЕ-НАД-ЦАТЬ

**НОВОГОДНИЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ СОРАТНИКАМ,
ПРОТИВНИКАМ И СОГРАЖДАНАМ ИЗ-ПОД НАШЕЙ
ОППОЗИЦИОННОЙ ЕЛКИ!**

«Свободное слово», № 7, 3 января

Первый ясельный годик нашего дээсовского существования был ознаменован некоторым перераспределением духовных и материальных благ в стране. Колбасы не прибавилось, зато скудный ассортимент елисеевских гастрономических товаров был дополнен хорошим снабжением Пушки митингами и демонстрациями; по их уровню на душу населения с помощью ДС Москва обогнала Лондон, Париж и Копенгаген. Проведя за восемь месяцев своего младенчества 12 демонстраций, ДС добился того, что если москвичи ездят за экипировкой в Европу, то за демонстрациями европейцы ездят к нам. Исчезло дешевое мыло, зато возникла оппозиционная партия. Ввели талоны на сахар, зато стали оформлять подписку на альтернативную партийную печать («Свободное слово»). Причем все убытки, усушка и утруска на совести правительства, а приобретения — за счет ДС.

Согражданам, читающим в нашей прессе кулинарные рецепты ДС об изготовлении демократии в домашних условиях, мы желаем поскорей встать у плиты и вплотную приступить к приготовлению этого вкусного и питательного блюда.

Нашим идейным супротивникам из верхних эшелонов власти, которые весь год демонстрировали простоту змиев и мудрость голубей, желаем хотя бы в год змеи попробовать наоборот.

Сами же себе можем дружно пожелать:

— продемонстрировав души прекрасные порывы, начать, наконец, демонстрировать свои деловые качества;

— изредка выныривать из моря внутрипартийной демократии и перехватывать малую толику внутрипартийной дисциплины;

— заниматься почаще медитацией на актуальные темы, а результаты присылать в «Свободное слово» для дележки с общественностью.

И пусть наша елка будет всегда колючей, как кактус, потому что хорошую, острую, натуральную иголку никакая патока не сможет заменить.

КОНСТРУКТИВЕН ЛИ ГРАЖДАНСКИЙ ПРОТЕСТ?

«Свободное слово», № 10, 28 февраля

Очень часто приходится слышать следующее мнение: бесполезно сидеть в тюрьме, две недели ареста — потерянное время; каждый номер «Гласности» или «Свободного слова» дороже действий, за которые можно попасть в такие нехорошие места. Значит, и сегодня для властей есть действия наказуемые и ненаказуемые. Остается выяснить — почему?

Когда слышишь призыв заниматься конструктивной деятельностью, невольно переводишь: конструктивная деятельность — это то, что сегодня пользуется попустительством правительства и, значит, менее для него опасно. А деятельность неконструктивная — это то, что сегодня запрещено, чего правительство боится. И что же мы создаем с помощью такой посылки?

Кстати, так было всегда. Сначала милостиво позволили читать самиздат лично. Затем махнули рукой на его распространение. Потом перестали гоняться за самодельными журналами. И только массовое изготовление самиздата (а не одна-две копии на машинке), листовки и «уличные акции» пользовались до самого конца 1986 года почетным правом быть наказуемыми. Сегодня они уступили еще один плацдарм, и наказуемы только демонстрации. Это не случайно. Демонстрация — это прямая апелляция к массам, а эти массы всё больше и больше из зрителей превращаются в участников митинга, вырывая организаторов из рук спецназа, выкрикивая «Фашисты!», смыкая цепи «заграждения» вокруг лозунгов, нередко отправляясь в те же автобусы

и потом в суд. Ни наши газеты, ни наши журналы, ни даже наши листовки не нарушат пока спокойного течения жизни. Несанкционированный митинг — это подводный камень, о который разбивается советская действительность с ее дешевым лоском и кумачовым самодовольством. Здесь — водопад и водоворот. Здесь — грозная радость взлета над запретами, здесь — интенсивная терапия векового, покорного, всеобщего страха бесстрашием вышедших на площадь. Локальные «лабораторные» демонстрации ДС — это то зернышко, в котором заложены будущие забастовки, кампании гражданского неповиновения, всеобщая политическая стачка. Потому что все эти акции свидетельствуют о достижении не только свободного демократического образа мыслей, но и свободного демократического образа действий.

Мы имеем дело не единственно с непониманием. Уже сегодня громадная масса людей разделяет идеи ДС, но, как говорится, и мизинца за них не уколется. Потому что попытка изменить поведение сразу ставит ряд дополнительных вопросов: квартира? путевка? диплом? учеба? приличная работа? заработок? будущее детей? наконец, свобода? И, в конечном счете, возможно, жизнь?.. Никогда, как бы ни менялись условия, путь политической оппозиции при тоталитаризме не будет усыпан розами. Даже массовые акции в Польше, если вы помните, были чреватые: расстрелы рабочих демонстраций в 70-х, аресты и убийства 13 декабря, штурмующие вахты войска... Даже при почти полном неповиновении восставшим не гарантирована безопасность. В эту точку упираются все проповеди, все призывы, все журналы: все всё поняли. Дальше что? Бунтовать? А это риск. Меняешь синицу в руках на журавля в небе. провинция, давно живущая по карточкам, трижды могла бы взбунтоваться. Но она предпочитает ездить в Москву. Долго, утомительно, дорого, унижительно. Зато безопасно, заградотрядов пока еще нет. И тем моим товарищам, которые очень уповают на материальный фактор, на резкое понижение уровня жизни, я хотела бы напомнить, что было время, когда люди ели лепешки из травы, когда дети их пухли с голода, когда на займы отбирали последнее, однако никто не восставал. И не в отсутствии программы ДС было дело, а в отсутствии личного мужества. Конечно, мужество — не корь и по воздуху не передается, но что-то каждый раз оседает в наш общий национальный котел.

Вся сила и смысл ДС не в том, что мы, наконец, открыли истину (она давно известна), а в том, что говорим мы об этом прямо и в буквальном смысле проповедуем если не на кровлях, то на площади. Излагать идеи может какой-нибудь Римский клуб или НИИ. Но политическая партия делает идею предметом политической борьбы. Здесь неизбежна схватка с властью — за перемену строя, за перемену власти — и не для того, чтобы власть захватить, а для того, чтобы ее отнять у тех, кто ее отнял у народа, и вернуть ему.

Пока массы еще активно не включились в эту борьбу, ДС репетирует наше неизбежное будущее на своей малой сцене. Своеобразие ДС и в том, что он соединил несоединимое: чисто почвенническую, славянофильскую идею патриотизма — ибо отказ от политической эмиграции характерен именно для почвенников — и столь же ярко выраженную политическую, экономическую и культурную западную ориентацию; опору на трезвость и основательность интересов, постоянное подчеркивание приоритетности материи — и вдохновенный, самоотверженный идеализм всех, кто собрался на столь рациональные призывы.

Еще одно противоречие: интеллектуально отработанная, достаточно рафинированная программа (ее бы на философских вечерах зачитывать) начертана на знамени активного, прямого действия, присущего нигилистам, а не мирным интеллигентам и положительным, образованным, высокооплачиваемым рабочим, которые составляют основной контингент ДС.

И наконец, предметом столь бескомпромиссной политической борьбы максималистов всегда были завиральные идеи построения «городов Солнца» — невиданных и неслыханных, чтоб настораживались другие народы и государства, чтоб умчалась тройка за все земные пределы (и свалилась в куропатские расстрельные рвы). Впервые максималисты готовы бороться за обыкновенную, сытую, достойную человеческую жизнь, отстаивая ее от «слепящей тьмы» социальных утопий.

Эти кажущиеся противоречия продиктованы необычностью нашего положения и заданной целью: изменить строй, переступить через насилие системы, не прибегая к традиционному для России экстремистскому насилию, уравнивающему правых и неправых.

Когда нас будут спрашивать, не преждевременен ли ДС, не опередил ли он свою эпоху, отвечайте: ДС так же преждевременен, как сев озимых, которые неизбежно уйдут под снег — и неизбежно взойдут весной, ибо законы природы и законы истории непреложны и никакая терапия не изменит их.

«ВСЕМ АНТИФАШИСТАМ НАШЕЙ СТРАНЫ!»

«Свободное слово», №13, 11 апреля

Сможешь выйти на площадь
В свой назначенный час?

Галич

Девятого апреля для нас исчезла последняя возможность уклониться от выбора — за обыкновенный фашизм или против него. Пусть кровь, залившая площади грузинских городов, прекратит наши колебания, наши вечные дискуссии — «С чего начать?». От саперных лопат, которыми озверевшие штурмовики режима рубили безоружных грузинских демонстрантов, женщин и детей, недалеко до куропатских расстрельных рвов. Перестройка закончилась кровавым воскресеньем. Создание «правового государства» увенчалось Указом, воскрешавшим в памяти 58-ю сталинскую статью. Народное «нет» кандидатам номенклатуры выбило у тоталитарной власти почву из-под ног. А когда престолы шатаются, обезумевшие от страха деспотические режимы прибегают к своему последнему аргументу — к насилию. «Социалистический плюрализм» перестроечного руководства предоставляет нам выбор между танками, пулями и холопским молчанием.

Не верьте бутафорским инсценировкам: показательные процессы, отрепетированные Вышинским, выглядели не менее убедительно. Не верьте партократии: она всегда найдет виновных — «враждебное окружение», «националисты», «экстремисты», или же «сталинизм», «застой», «самоуправство местных властей». Представляя события в Грузии — жестокое подавление конституционного требования национального самоопределения — как грузино-абхазский конфликт, власть использует нехитрый имперский принцип «разделяй

и властью». Ситуация не нова. Ничего другого никогда и не было. Они начали с произвола и расстрелов и кончают тем же. Мы не остановили их раньше. Мы должны были остановить их давно. В 1918 году, когда они расстреливали рабочую демонстрацию, протестовавшую против разгона Учредительного собрания, в 1921 году, когда они подавляли Кронштадт, в 1930 году, когда они истребляли крестьянство, в 1937 году, когда шли инквизиторские процессы. Мы позволили им залить кровью Венгрию в 1956-м, расстрелять Новочеркасск в 1962-м, оккупировать Чехословакию в 1968-м, вторгнуться в Афганистан в 1979-м. Мы смирились с аннексией Прибалтики. Разоблачая сталинские злодеяния 50-летней давности, мы допустили расправу над комитетом «Карабах». В стране начинается, вернее, возобновляется фашистский террор. Мы будем продолжать утешаться журналами или остановим их на этом, последнем для нас рубеже? Единственной целью их перестройки было удержать власть, что они 9 апреля и продемонстрировали, сбросив свою последнюю личину.

Мы не можем обратиться в парламент с запросом. У нас нет парламента. Мы не можем обратиться в независимый суд. У нас нет ни суда, ни законов. Они владеют всем: властью, собственностью, армией, средствами массовой информации. Это и есть тоталитаризм.

Давайте докажем им, что они хотя бы не владеют нашим разумом, нашей совестью и нашей волей. Исключим себя из состава их недвижимого имущества. Гражданское мужество первично, политический и экономический плюрализм вторичен. Нас оболванивают заклинаниями, что Горбачеву нет альтернативы. Альтернатива есть — это мы все вместе! Хватит смотреть вверх! Освободившийся от страха народ может и должен сам решать свою судьбу! У нас будет время избрать модель демократии, если мы скажем «нет» тоталитаризму. Для того чтобы утвердить нашу позитивную программу, надо сначала выйти из-под их безраздельной преступной власти. Человеческая жизнь начнется для нас по ту сторону гражданского протеста. Игнорируя инквизиторские указы, мы не дадим им возможность их применять. Мы не можем не выйти на площадь, когда совершены массовые убийства в Грузии, когда принят карательный указ, когда перед нами стоит последний Выбор — остаться холопами или стать гражданами.

Присоединяйтесь к нам! Фашизм не пройдет! НЕТ СВОБОДЫ БЕЗ СОЛИДАРНОСТИ!

Постскриптум. Люди, будьте бдительны! Возможны провокации. Не допустите нового дела о «поджоге рейхстага»!

ЕЩЕ РАЗ О НЕНАСИЛИИ

«Свободное слово», № 16, 6 июня

Поскольку обвинения в адрес ДС и лично в мой перешли из клеветнических статей в желтой прессе в документы, официально издаваемые Моссоветом, то пора внести разъяснения в инквизиторскую «дискуссию», которую государственная власть ведет с ДС.

Слово «ненасильственное», которое мы всегда добавляем к словосочетанию «изменение государственного строя», на самом деле тавтология и адресовано несведущим людям, ибо насильственного изменения диктатуры в демократию просто не может быть. Обратное — сколько угодно.

Можно насилеием и террором уничтожить политическую свободу, парализовать и истребить гражданское общество, всё у всех отобрать и присвоить себе: и собственность, и гражданские права, и экономические права народа. Это акт разбоя, и он всегда совершается при становлении тоталитарных режимов. Именно это и проделали большевики с октября 1917 по 1930 год, когда нынешний государственный строй был заложен, упрочен и отлит в окончательные формы.

За это время были полностью уничтожены гражданское общество (в основном, к 1923 году) и экономическая дифференциация в государстве (1923—1930). Уничтожив граждан, легко было уничтожить и собственников. Без гражданских прав нет и свободного владения собственностью, а есть только колонны, временно пользующиеся хозяйственным добром.

Но никакой акт насилия и разбоя не даст возможность осуществить обратный переход. Нельзя насильно отдать, можно только насильно взять. Как насильно вручить гражданские права? Их нельзя сунуть за шиворот. Насильно заставить быть хозяином своей страны и своей судьбы? Приказать быть свободными? Это напоминает программу

филантропа Сластигрока из романа Ч.Диккенса «Тайна Эдвина Друда»: «Вы у меня сдохнете, но полюбите друг друга, как братья!»

Мы в ДС не любители подобных парадоксов. Я уже не говорю о психологическом отвращении к насилию, о невозможности насилия для членов ДС, зафиксировавших в своей программе требование отмены смертной казни даже для самых страшных преступников.

Я уже не говорю о том, что ДС практикует некий европейский гандизм (это сущность любой кампании гражданского неповиновения). Я не говорю о нефункциональности насилия для достижения гражданской свободы. Нельзя сделать рабов свободными людьми, перебив всех хозяев. Раб останется рабом, ибо рабство — это не только гнет, но и искалеченная сущность человека, согласившегося быть рабом.

По моему глубокому убеждению, участники пугачевского бунта не стали свободнее в ходе резни.

При переходе от тоталитаризма к демократии насилия или ЕЩЕ НЕ НУЖНО, или УЖЕ НЕ НУЖНО. Пока идеалы плюрализма и парламентской демократии еще не овладели умами, насилие ничего не даст. Если же вся страна готова к переориентации, если создано гражданское общество, то насилие тем более не нужно: если народ в целом отказывается повиноваться власти, если начинается всеобщая политическая стачка, то власть неминуемо падет.

Такое движение народа называется революцией. Таким был февраль 1917 года. Кровь не пролилась. Это нелегкий путь, но легкости ДС и не обещал. Это единственный путь достижения демократии. Свергнуть можно правительство (путем заговора), но не строй.

А зачем свергать правительство, пока оно производное от недомыслия и несвободы народа? По моему глубокому убеждению, даже в момент совершения революции можно обойтись без насилия. Ведь правительственным войскам будет труднее стрелять в безоружных демонстрантов, чем в вооруженных противников.

Обвинять в призывах к насилию партию, которая создана для предотвращения его, более чем некорректно. Кстати, при такой научной позиции никакие призывы к насилию невозможны. Это было бы просто глупо. Политические обвинения в наш адрес (и лично в мой) не потому

вызывают протест, что точно укладываются в новую, по проекту, формулировку 70-й статьи УК, но потому, что нас оскорбляет обвинение в глупости и некомпетентности.

Это умаляет наше достоинство просветителей.

Мои публичные выступления вполне укладываются в нашу научную концепцию и в программу ДС, которая предусматривает подобный вариант общественного развития. ДС не только проповедует плюрализм, но и осуществляет его на практике в рамках своей программы. Считать призывом к насилию политический и исторический анализ ситуации — это все равно что счесть всех ученых за поджигателей и подстрекателей.

Революции совершаются не от призывов, а при достижении обществом определенного состояния, так что новая формулировка 70-й статьи плодит такие же преступления против человечества, как и прежняя. Призыв не может явиться преступлением. Он или глупость, или лозунг революции, или научный прогноз.

Все эти коллизии разрешаются не в суде. Что до партизанских движений на территории оккупированных прибалтийских государств, то их санкционирует достаточное количество международных конвенций, признавших за народами, подвергнувшимися агрессии, право на защиту своего национального и государственного суверенитета.

Или правы были фашисты, вешавшие наших белорусских партизан, как бандитов? Дань восхищения, которую всякий патриот не может не отдать такому высшему проявлению патриотизма, отнюдь не означает, что я не хотела бы призвать прибалтов воздержаться от вооруженных выступлений хотя бы потому, что силы будут слишком неравны. Здесь гражданское неповиновение гораздо эффективней.

Впрочем, любому честному человеку понятно, что обвинение в адрес ДС в подготовке чуть ли не вооруженного восстания, в призывах к свержению строя, в том, что он мешает демократизации и народной перестройке (горбачевской перестройке он точно мешает, но народная-то здесь причем?), — из того же ряда, что обвинения лидеров Карабаха в разжигании межнациональной розни или обвинения сталинских времен в диверсиях и вредительстве. Этим нас не запугаешь и не удивишь. Видели и не такое. Готовы и не к тому.

ХОРОШО СИДИМ!**О съезде, на съезде, за съездом,
после съезда, мимо съезда**

«Свободное слово», № 17, 27 июня

Если бы Кант посетил СССР, с ним случилось бы много несчастий. Во-первых, по совету булгаковского Ивана Бездомного его отправили бы на Соловки. Во-вторых, он вынужден был бы отказаться от своей концепции «вещи в себе». В СССР вещи существуют помимо своей сущности и даже вопреки ей. Колбасу не могут есть даже кошки, отечественную одежду и обувь нельзя носить, интернациональный долг выполняют, вторгаясь вопреки воли народов на чужие территории, профсоюзы действуют исключительно вопреки интересам трудящихся, реки текут вспять, основной закон кодифицирует беззаконие, а демократию защищают от демократов.

При таком подходе к объективной реальности следовало ожидать, что наш «парламентаризм» и наш «съезд» будут далеки от стандартных образчиков и общечеловеческих категорий.

Но поскольку мы рождены, чтоб сказку сделать былью, съезд* превзошел самые дерзновенные прогнозы. Начался он с выборов барина, по его же сценарию, не выходя из барской воли.

Не знаю, как вы, а я предпочитаю старый добрый феодализм этому демократическому балагану. Царя не выбирают — он помазанник божий (с точки зрения крепостных умов и крепостных душ). Зачем же было выбирать депутата от деспотизма — Горбачева? Те 97 делегатов, которые проголосовали против, поостереглись (кроме А.Д.Сахарова) предупредить о своем намерении вслух. Какие осторожные вопросы! Какая бездна вкуса, такта, умеренности — как на светском рауте!

Какой словарь эзопова языка! Кто сказал, что в России с 1861 года нет крепостного права? Откуда тогда столько крепостных публицистов, аграриев, гуманитариев? Послушным, агрессивным и сплоченным большинством мы заниматься

* Съезд народных депутатов (25 мая — 9 июня 1989 г.).

не будем. С ним всё ясно. Депутаты от партократии действовали откровенно и логично.

Обманутые, униженные и оскорбленные пока не поняли, что происходит. Речь не о них и спрос не с них. Речь о тех, кому дано. С них и спросится. С соли земли. Со света мира. Да простят мне мои кровные братья-интеллигенты и демократические депутаты, которые, боюсь, независимо от нас пришли к незамысловатым истинам, излагаемым ДС, и знают не меньше нас, а больше — о строе, о власти, об экономике: здесь я не стану умиляться ни высказанной ими четвертью правды, ни полуправдой, ни даже 75% ее.

Игра в «холодно, теплее, теплее» хороша для тех, кто добровольно играет в жмурки. С кем играем? С историей? С народом? С собственной гибелью? Зачем называть диктатора — Президентом? Массовку — съездом народных депутатов? Унылый стереотип — Учредительным собранием? Странно мне наблюдать за тем, как на съезде наше полуслепое прозрение, наше хромое гражданское мужество, наша охрипшая от 70-летнего молчания нелояльность формулировали наш косноязычный политический протест, при этом даже в самые «нигилистические» моменты не забывали подписаться в личном уважении к М.С.Горбачеву.

Какие еще его деяния нам нужны, чтобы этот эпитет, чтобы эту холопскую присказку навсегда утратить? Снова будем у стенки кричать «Да здравствует!», как в 37-м году? Призером первенства по низкопоклонству стал Чингиз Айтматов, утративший историческую память о том, к чему приводит сотворение себе кумира, вместе со своими манкуртами.

Мы хорошо посидели на этом съезде, убили время, которое, видимо, у нас в избытке. А если время в отместку убьет нас? Неужели для того избиратели ночевали на окружных собраниях и голодали публично во имя включения депутатов-демократов в списки, чтобы каждый день на Пушкинской площади ДС комментировал все выступления и договаривал то, что демократическое меньшинство съезда должно было сказать само — и не договорило? Предельный вызов, последняя правда, отрицание строя, системы, власти — всё это не было обнажено, не сверкнуло, как клинок, осталось в поисках.

Зато мы услышали, как наши конформисты предлагают снова дать заем этой системе на очередные 30 лет — и с той

же прибылью, что и в 30—40-е годы, и с теми же политическими гарантиями. Нам всё вернут сторицей — не свинцом, так штыком. В свободно конвертируемых газах нервно-паралитического действия.

Не хотите подписаться? Мы услышали из уст депутатов из Прибалтики, что нельзя и помыслить о ситуации до 1939 года. На наших глазах они не заговорили о своей утраченной независимости — правде своего первородства, согласившись на жидкую чечевичную похлебку республиканского хозрасчета.

Мы услышали, как законное требование убрать ленинское капище (даже в древнем Египте пирамиды с мумиями фараонов стояли в городе мертвых, но не живых) с Красной площади обосновывается не преступностью, но последней волей тирана. А какова, кстати, была последняя воля Иосифа Джугашвили? Может быть, зря мы его из Мавзолея убрали, если принять за истину подобные аргументы?

Чего на съезде не хватало, так это молебна в начале: верую в советское правительство, лично в Михаила Горбачева, в преимущества советского общественного строя... Да еще оперы «Жизнь за царя» (или за генсека) в конце. Пришлось депутатам всё это восполнить своими личными выступлениями. Еретики сидели рядом с ортодоксами.

Не встали и не пошли не то что на костер — прочь от Съезда не пошли. А ведь был уже опыт Государственной Думы 1906—1907 годов. Тогдашние либералы имели куда больше возможностей: общество существовало, его консенсус был нужен власти (народ реально владел собственностью: власть не была монополистом).

И все-таки пришлось прорваться через автократию посредством Февральской революции. Ведь парламентаризм Думы не дал ей возможности добиться контроля над исполнительной властью — ответственного министерства. Русская власть всегда претендовала на абсолют, и ее тупость была адекватна ее бесконтрольности.

Может, хватит ее обслуживать идеями ее «соборности» и «народности»? (От В.Соловьева и Ф.Достоевского до Н.Эйхельмана и А.Д.Сахарова.) У нас очень соборная диктатура и очень народные убийства. Такие соборы надо рушить, такую «народность» променять на любой космополитизм.

Либеральное крыло съезда очень четко сыграло свою роль в сценарии: создать иллюзию возможности действия, создать иллюзию политической борьбы с консерватизмом

в рамках съезда, в рамках строя, в рамках «социалистического плюрализма». Дешево и безопасно!

А директор кукольного театра — заслуженный генсек СССР, лауреат международных конкурсов по классу лицемерия и лживости — депутат от тоталитаризма М.С.Горбачев — раскланивается перед зрителями. Это его премьера. И не нашлось ни одного дерзкого Буратино, чтобы увести кукол из театра, из зала, из рамок.

Все отыграли свое и повисли за кулисами на гвоздиках — до следующего представления. А Карабас-Барабас считает кассу. (Это я про либеральное меньшинство, большинство здесь просто декорация.) Когда у меня спрашивали, чего я желаю для депутатов нашего вольнолюбивого либерального сословия, чего они должны добиться, я отвечала: «Желаю им повести себя так, чтобы перед ними заперли кремлевские ворота, и они, за неимением зала для игры в мяч, пошли бы на какую-нибудь баскетбольную площадку и стали там вырабатывать новую конституцию, запасшись текстами европейских». Но до баскетбольной площадки надо дорасти. Наше слепоглухонемое и вдобавок парализованное инакомыслие было желанным гостем в Кремле. Это — не путь. Это болотные огни, ведущие в трясины. А путь ведет нас мимо съезда. Мимо иллюзий. Мимо надежд, обманутых еще в восемнадцатом веке.

Мимо власти, вопреки власти, против строя, системы и властей. К Учредительному собранию. Через леса и моря. Горы и доли. Через семь пар стоптанных железных башмаков. Через себя. Через падение режима. Строй меняется после внутреннего переустройства из раба в Гражданина.

МЫ, ПОТОМКИ ВАШИХ КОЛОНИЗАТОРОВ...

Выступление* на Совете сейма Саудиса

«Свободное слово», №18, 4 июля

Политическая партия «Демократический союз» приветствует Движение суверенного литовского народа, которому, я надеюсь, недолго осталось оставаться Движением за чужую, фальшивую, несуществующую перестройку и которое

* Печатается с сокращениями. — Прим. ред. «Свободного слова».

обретет свое истинное название: Движение Литовского народа за освобождение от ига колониальной империи под названием СССР и от гнета коммунистической диктатуры — как внутренней, так и иноземной.

Мы можем не понимать до конца ситуацию Литвы, но мы, выросшие в чреве империи, хорошо знаем общую ситуацию тоталитаризма. От его страшной власти ни Литва, ни Россия не уйдут ползком, вполголоса, тайком. Уйти от тоталитаризма можно только при свете дня, вслух, во весь рост, с развернутыми знаменами. Только открытый вызов, открытое неповиновение власти и строю приведут к падению строя и обеспечат Литве ее традиционные свободы и государственную независимость.

Пусть горестный пример Румынии, Албании и Северной Кореи послужит уроком тем, кто считает, что достаточно одной только независимости для достижения благополучия. Мирная демократическая революция, изменение государственного строя внутри прибалтийских стран, восстановление политической ситуации 1938 года неминуемо будут предшествовать освобождению из пут империи.

Все дни съезда представители демократической общественности Москвы, зная, что ДС внес в свою программу пункт о дезинтеграции империи, что мы горячие защитники идеи государственной независимости Латвии, Эстонии и Литвы, приходили каждый вечер на Пушкинскую площадь, где мы проводили параллельный Съезд, и спрашивали, что бы сказал ДС на съезде, если бы прибалтийские государства оказали нам честь и доверие представлять их интересы.

Армения оказала эту честь ученому-этнографу Галине Старовойтовой и не раскаялась в этом. Я повторю сейчас то, что говорила все эти дни съезда на многочисленных митингах, в нескольких сотнях метров от Кремля, при включенных камерах и магнитофонах Охранки.

Делегация суверенной Литвы прибыла на этот съезд не для того, чтобы решать общие проблемы с работодателями и выпрашивать крохи своей былой свободы, которую не признает кремлевская партократия. Мы не сядем с вами в одном зале, депутат от колониализма Горбачев. Мы пришли сюда, чтобы заявить, что Литва не была и не будет частью СССР. Мы пришли бросить вызов тоталитаризму, несправедному режиму, преступной власти, которая отдала приказ залить улицы Тбилиси кровью безоружных демонстрантов.

Мы знаем, что вы готовите нам ту же участь. Мы не боимся ваших танков. Пусть стоят под каждым окном. Вам придется или уйти, или стереть Литву с лица земли, потому что живыми мы вам не покоримся. Некогда 80 тысяч литовцев ушли в леса с оружием в руках. Сегодня наше оружие — гражданское неповиновение. Мы не уйдем в леса, но уйдем из тоталитаризма.

Третий рейх пал. Ваш четвертый рейх тоже падет — и без насилия со стороны поработенных им народов. Мы осознаем свою задачу как изменение государственного строя и деколонизацию в масштабах всей империи — не только государств Прибалтики, ибо пока в Москве, Киеве или других регионах властвует коммунистическая диктатура, свобода и жизнь не гарантированы никому.

В следующий раз мы вернемся сюда, когда за нашей спиной будет восставший против деспотизма литовский народ, его единодушное неповиновение, его непоколебимое упорство. Мы не станем выпрашивать у вас нашу независимость, мы возьмем ее сами, ибо без нее мы откажемся жить. И здесь депутаты оккупированных прибалтийских государств выходят из зала.

Здесь много говорилось об аннулировании пакта Молотова — Риббентропа. Да, они могут его сейчас аннулировать под литавры и фанфары, назавтра заявить, что историческая справедливость восстановлена, но что народы Прибалтики вместе с Большим Братом добровольно идут к светлому царству коммунизма. И предложат подписать новый «Союзный» договор. Пусть ни один литовец не поставит своей подписи под подобным документом, а если поставит, то пусть будет назван предателем литовского народа и подвергнут остракизму. А что до пакта, то подписавший его германский фашизм покоится на задворках нашей памяти. Зато второй его крестный отец — советский фашизм, тоталитаризм СССР — продолжает свое черное дело. «Два Рима пали, третий Рим стоит, четвертому не бывать». К несчастью, вместо четвертого Рима возник четвертый рейх — СССР. Оккупация СССР продолжается, поэтому пусть Горбачев продлит пакт еще на 50 лет — это будет, по крайней мере, откровенно.

Мы, потомки ваших невольных колонизаторов, испукая свою историческую вину, готовы не колеблясь отдать свою жизнь за свободу Литвы. Мы надеемся, что литовцы,

помня о своих былых вольностях, о своем попоранном достоинстве, о своей раздавленной танками судьбе, сделают не меньше.

С КЕМ КОНФРОНТАЦИЯ?

О новой концепции неизменной программы ДС

«Свободное слово», № 20, 8 августа

Когда Учредительный съезд ДС принимал первую редакцию программы, мы не лукавили ни с народом, к которому обращались, ни с главным ценителем программы политической оппозиции в нашей стране — государственно-карательной властью. Фиксируя на доброй половине страниц программы возможность (потенциальную) реформ сверху, мы не заискивали, но протягивали руку в почти полной уверенности, что в нее положат то, что всегда в России (и в СССР) государственная власть клала в руку оппозиции — камень.

Рука была протянута не для принятия милостыни, но для сотрудничества равных в общей беде. И здесь оказалось двойственное отношение ДС к КПСС и даже к ее руководству. С одной стороны, партократия — это преступная клика. С другой, мы не формулируем ответ на вопрос «Кто виноват?». Наш вопрос звучит иначе: «Что виновато?» Если виновата система, если виновен строй, то личная ответственность верховных палачей, стоящих у власти, не превышает личной ответственности исполнителей преступных приказов или малодушных, которые взирают на всё и не смеют восстать. Мы более семидесяти лет сами себе лгали, сами себя пытали и убивали, сами себя растлевали и предавали. Полное самообслуживание в нашем неформальном аду. При такой раскладке сваливать всё на Ленина, Сталина, Брежнева, Андропова и Горбачева было бы хотя и утешительно, но лживо. Гришин* виновен не более любого, мнящего себя честным, интеллигентного преподавателя, внушающего ученикам на занятиях заведомую

* Советский партийный деятель, один из кандидатов на должность генсека после смерти К.У.Черненко.

(и для него очевидную) ложь, потому что некуда деться и плетью не перешибешь обуха. Эта ситуация добровольного рабства рождает вместо ненависти, направленной вверх, перемешанную с брезгливостью жалость: да, и они там наверху — просто злые, испорченные дети, не ведающие, что творят, в своем безумии и ослеплении толкающие к гибели и страну, и свой класс, и человечество.

ДС — партия с философским уклоном. Наш максимализм направлен на само зло, но ни в коем случае не на его носителей. Об этом прекрасно сказал Вознесенский:

Все ваши боли вымещая,
эпохой сплюсненных калек,
люблю вас, люди, и прощаю.
Тебя я не прощаю, век!

Это действительно исключает жалкую идею конфронтации с жалкой правящей партией, которой правят тоталитарные обстоятельства — реалии нашего общего тоталитарного бытия — с ее злополучными руководителями, которые, уже утопая, показывают над водой, что все-таки стрижено, а не брито.

С кем конфронтация? С советским обывателем, у которого нет никаких политических убеждений, но который вступил в КПСС, чтобы иметь кафедру в МГУ или стать завлабом? Или с Михаилом Горбачевым, который, санкционировав тбилисские злодеяния, усиленно делает вид, что ничего не знал и не ведал, ссылаясь то ли на служебную командировку, то ли на долгий утренний сон, то ли на нерадивых подчиненных, которые до того распустились, что без спроса применяют против мирного населения химическое оружие (хорошо, что не ядерное)?

Когда всем известная птичка прячет свою головку в песок и думает, что ее не видно, это не сюжет для политической конфронтации, но для художественной литературы, для Зощенко, Жванецкого или Салтыкова-Щедрина.

Так что мы не лгали, но просто спокойно вместе с обществом ожидали своего камня. Лучше один раз увидеть, чем семь раз предположить.

Ну что ж, он у нас в руках, этот увесистый камень. Тбилиси, съезд «народных депутатов», площадь Тяньаньмэнь

и ее оправдание нашим правительством, июльские и апрельские Указы, выборы, угрозы в адрес прибалтийских демократических движений, разгоны митингов, дубинки и аресты, пустые магазины и полные «последних предупреждений» оппозиции газеты — всё это трудно удержать в одной руке. Теперь народ может спокойно убрать руку. Не для мести, но для того, чтобы иметь две руки для главного: для создания гражданского общества и подготовки кампании гражданского неповиновения. А с протянутой рукой трудиться на этом поприще как-то не с руки. Всё это было в первой редакции программы. Она стоит на трех китах: изменение государственного строя как главная цель, политический и экономический плюрализм как основа нового общественного строя и всеобщая политическая стачка как завершение кампании гражданского неповиновения в качестве одного из методов.

Но последний кит не был для всех очевиден и убедителен. До получения камня. Теперь многовариантность политического развития может быть сформулирована с тем креном в сторону кампании гражданского неповиновения, который наличествует в общественной ситуации. И многовариантность — это отнюдь не перемешанность, как в первой редакции: то это, то то в одной компотнице, какая-то питательная смесь из всеобщих политических стачек и выборов в Советы. Варианты должны быть четко определены, иметь разные ситуативные основы, разное разрешение. И должна быть в этой многовариантности инвариантна позиция ДС по созданию параллельных структур гражданского общества. Позиция достоинства и непреклонности, ибо только такая позиция оппозиции (и народа) отучит власть разговаривать с народом с позиции силы.

Их сила — наше бессилие. Если силы у нас будут (моральная сила осознавшего себя гражданским обществом народа), то сил не будет у них. Без всякой гражданской войны. В результате гражданского протеста. Но гражданский протест общества начинается с гражданского протеста немногих. Например, политической партии ДС. Не потому разыгрались пекинская и тбилисская трагедии, что народ вышел на площадь. А потому, что на площадь вышел НЕ ВЕСЬ народ. Если бы у власти было точное знание, что расстрелы и нервно-паралитические газы приведут к немедленной всеобщей политической стачке, — власть бы поразмыслила, прежде чем скомандовать: «Пли!» А когда

на площадь не идет никто, тогда власть всесильна и всевластна. Тогда можно и вернуться к практике 30—40—50-х годов. Так что конфронтация конфронтации рознь. Есть функциональная конфронтация. Конфронтация, практикуемая ДС. Мы не собираемся вводить в программу элементы ненависти. Во всем, что мы делаем, есть очень много горечи — и ни капли злобы. Но мы хотим устранить неопределенность. Программа оппозиционной партии может фиксировать многовариантность, но должна исключить недомолвки. А мы, видимо, их не исключили, если такое количество людей задает после чтения первой редакции программы вопрос: «А что вы этим хотели сказать?» Если наша программа — переводная картинка, на которой смутно что-то изображено (для самых неподготовленных читателей), ее надо проявить, вот и всё.

С самого начала, по-видимому, в партии было крыло реформистское — и крыло радикальное. Причина такого странного феномена кроется не в теории, но в практике партии. Ведь противостояние большевики — меньшевики для ДС исключается. Вопрос, устраивать или не устраивать переворот против воли народа, застав всех врасплох, и устанавливать или не устанавливать диктатуру, перед нами вообще не стоит.

Плюрализм, программная цель ДС, через диктатуру не устанавливается. И ни один народ, вкушая некие блага и улучшения от разумных реформ правительства, не терпя стеснения и нужды, не пойдет на всеобщую политическую стачку ради того, чтобы доставить удовольствие радикалам из ДС. Пойдет в ситуации для себя безвыходной, материально и нравственно. А что готовит для такой ситуации реформизм? Смирение? Отступничество?.. Нет! Серьезный теоретический реформизм базируется на тех же идеалах гражданского общества и гражданского неповиновения. Ведь и парламентские демократии Запада зиждутся не на общественной покорности, а на всечасной готовности к общественному непокорству. Гражданское общество стоит на вечной страже и не может внутренне разоружиться, иначе государственная власть пойдет в наступление на гражданские права. Как говорится, се ля ви. Кому не нравится, пусть эмигрирует не в Париж, но в систему Сириуса, потому что на Земле всё именно так.

Значит, дело не в реформизме. Радикал всегда полезен и функционален. Во времена реформ он требует большего

и говорит всю правду. В нашей жесткой ситуации говорит опять-таки всю правду и организовывает кампанию гражданского неповиновения. А что будет делать общество с нашей полуреформистской редакцией программы через год-другой, в черно-белой ситуации жесткого подавления?

И все-таки соль не в реформизме. Реформизм внутри ДС — или искреннее непонимание, или те 20-25 % наличного состава, которые на анкету, распространенную на 2-м съезде партии, отвечали по одному пункту четко: «Нет!» А пункт был следующий: «Пойдете ли вы на прямую конфронтацию с властью?» 50 % сразу ответили «Да», 30 % было колеблющихся. А остальные, видимо, составляют главные силы реформистского крыла. Размежевание идет не политическое — человеческое. Не идейное — нравственное.

А ДС допускает все формы плюрализма, кроме нравственного. Нравственность однозначна. Мораль безотнositельна. Поэтому чем скорее те, кто отвечал на анкету «нет», оставят ДС, тем лучше. И это не будет расколом, потому что они ничего не унесут с собой, кроме поражения. Никакая общественная деятельность не может базироваться на таком постулате, как недостаток личного мужества.

О нашей экономической программе больше всего неблагоприятных отзывов. Нам, конечно, простило общество до 3-го съезда — по великодушию своему и ради политической программы, которая сформулирована чище, хотя и не без греха. Я недавно в экономическую часть заглянула — и ужаснулась. Во-первых, забыли объяснить, что такое многоукладность экономики и как с ней соотносится восстановление в правах частной собственности. Забыли написать о частной собственности на средства производства и на землю (с правом продажи). Забыли указать, что нужна денационализация экономики. Зато полезли в конкретику, которую должны разрабатывать не в ДС, а специалисты после прихода к власти демократических сил: что делать завтра, что послезавтра; на сколько пенсии и зарплаты повышать — и то указали. А это называется дилетантизм. И лучше бы без него, когда можно. Единственная конструктивная экономическая программа сегодня — это понимание невозможности реформ в рамках тоталитаризма, обязательность выхода через падение политического режима — и уже потом будет возможна замена базиса (не реформа, но замена на другой, рыночный, диаметрально

противоположный). Да еще мы имели остроумие каждую главу назвать: «Политические реформы», «Реформа МВД и КГБ» и т.д. После чего все решили, что мы допускаем мысль, что такие реформы, изменяющие строй, проведет сама партократия. А мы забыли приписать, что реформы будут осуществлять демократические силы — после прихода к власти. Но это всё поправимо. Неудачные моменты в программе партии непоправимы для фанатиков. А мы все-таки вольнодумцы.

ПОЧЕМУ ВЫ НАЗЫВАЕТЕ СЕБЯ ПАРТИЕЙ?

Беседа с читателями «Свободного слова»

«Свободное слово», № 21, 19 сентября

— Почему вы называете себя партией? Ведь другие неформальные организации на это не претендуют?

— Политическая организация, имеющая четкую структуру и предполагающая обязательность действия в рамках городского ее подразделения, обладающая политической и экономической программой, ставящая перед собой нешуточную цель изменения государственного строя огромной страны, является партией — независимо от того, называет она себя партией или нет. Количественный фактор здесь роли не играет. Если ДС не партия, то и РСДРП партией не была на первых порах своего становления. Название «партия» не выдается организациям в зависимости от их лояльности к власти. Оно отвечает или не отвечает сути.

Демократическим централизмом и кое-какими другими атрибутами, типичными для политических партий России, мы сознательно пренебрегли. Кстати, партии плюралистических государств Запада тоже обходятся без них.

— Вы утверждаете, что ваша цель — изменение государственного строя. Чем вы отличаетесь от КПСС? Ведь и она говорит, что ее цель — революционное преобразование общества.

— Революция революции рознь. Мы мыслим категориями революции демократической, а не социалистической. Предложенный КПСС вариант «революции» остается в прежнем жестко социалистическом контексте: основной, главенствующий вид собственности — государственная;

политическая власть принадлежит КПСС и тем, кто с ней согласится из «беспартийных»; первенствует ленинизм, остальные идеологии в лучшем случае изучаются; профсоюзы не противопоставляют себя власти; есть пределы допустимого в печати.

Мы же предлагаем (и осуществляем) качественно иной вариант: денационализация собственности, изъятие ее у государства, восстановление в правах частного предпринимательства; дифференциация интересов, состояний и сил как в экономике, так и в политике; отсутствие идеологической цели у государства; равенство всех идеологий — никаких приоритетов в этой сфере; отказ от принудительного равенства в имущественном и духовном отношениях.

Свободная, не стесняемая жизнь без цели построить идеальное общество. До сих пор мы не слышали, чтобы КПСС подписывалась под такой программой и заявляла, что Франция, Швеция, США — ее идеал.

— Почему ДС только критикует? Где ваша конструктивная программа? Почему вы не показываете, как улучшить сейчас положение вещей?

— Наша конструктивная программа в том, что попытки улучшения внутри порочного государственного устройства — все равно, что переливание крови мертвецу. Наша конструктивная программа — за рамками тоталитаризма.

Критика же, беспощадный анализ «невозможностей» ныне здравствующей системы более чем конструктивна — она разрушает прежнее идеократически-рабское мышление и замещает его свободным образом мыслей, соответствующим иной конструкции общества.

Не отрешившись от догм социализма ленинского образца (другого, впрочем, нет ни в теории, ни на практике), мы не сможем сознательно выбрать западный (другого опять-таки нет) парламентаризм.

— Что такое тоталитаризм?

— Человечество знает несколько форм деспотического государственного устройства: абсолютизм, который сохраняет имущественные гарантии личности, не давая политических (это общество подвержено процессу эволюционного развития, оно преобразовалось на Западе в ряд парламентских демократий за счет борьбы экономически полноправного третьего сословия за политические права).

Второе: автократия. Это вид государственного устройства установился в России с XVI века. Политические права при автократии отсутствуют, экономическая дифференциация еще есть. Но имущественные права, еще не отнятые, уже не гарантированы: нет более общественного договора между властью и личностью, нет понятия «индивидуум», все холопы государя — богатые и бедные, смерды и князья. Фашизм предполагает ту же схему (отсутствие политических прав, экономические наличествуют без гарантий) с введением сильного внеэкономического компонента (расового, политического): все рабы, но не государя, а Идеи, Догмы, Абсолюта.

И, наконец, предельное закрепощение личности: тоталитаризм. Полное отсутствие политических и экономических свобод, нет ни гражданина, ни гражданского общества. Человек лишен политических и имущественных возможностей. Надо всем довлеет государство.

Нет даже права на частную духовную жизнь. Всё четко регламентируется. В рабовладельческом обществе был класс рабов, но были и вольноотпущенники, были лично свободные граждане, были рабовладельцы. Была довольно богатая социальная структура.

При тоталитаризме же нет лично свободных. Даже новый класс, партийная номенклатура — рабы верхнего звена иерархии, рабы Абсолютной Идеи, вырождающейся со временем, но которой они будут держаться ради узурпированной изначально власти.

Тоталитаризм — это утопия, осуществленная более или менее близко к тексту оруэлловской (или платоновской, или Томаса Мора, или Кампанеллы). Диапазон велик: от Венгрии до Кампучии с СССР где-то посередине.

— **Как вы относитесь к лозунгу «Вся власть — Советам!»?**

— Без умиления, как к любому факту смещения понятий. Советы изначально были органами общественного контроля за формирующимся парламентаризмом. На Западе они выступали в качестве муниципалитетов, обществ потребителей, гуманитарных ассоциаций.

Демократию обеспечивает система противовесов. Любое государство находится с личностью в конфронтации, и личность нуждается в защите от государства. Отдавая власть Советам, мы лишим общество противовеса и обречем на подавление его свобод государством.

Октябрьский переворот был нужен большевикам не только для захвата абсолютной власти, но и вмонтирования в этот абсолют Советов, после чего они утратили всякое защитительное функциональное значение. Советы не заменяют парламент, а дополняют его, как суд присяжных — решение профессионального судьи, ибо парламент формируется из профессиональных политиков, а Советы должны формироваться из честных граждан.

Теперь другая ситуация, иной политический контекст. У нас этот лозунг тем более нелеп: всем известно, кого «рекрутируют» в Советы. Кстати, идея «Вся власть — имярек» вообще опасна. Вся власть должна быть распределена между различными институтами и силами так, чтобы не было злоупотребления и Абсолюта.

Так что предлагаем свой вариант лозунга «Вся власть — никому!».

— **Какова экономическая программа ДС?**

— Суть ее в признании простой истины: «Наше — это ничье. Мое — это мое» (Горький, «Васса Железнова»). Только частный интерес способен подвинуть большинство на результативный труд. Кооперация, частная собственность — это уже производные от индивидуальных, частных хозяев, умеющих стоять экономически на своих ногах — хозяев фабрик, заводов, земли, магазинов, железных дорог, коопераций.

Ограничения сверху приходят потом, когда здоровые силы общества, достигшие преуспевания, приходят к соглашению. Нам же нужно вернуть Хозяина, Дельца, Менеджера. Здесь не помогут паллиативы, здесь нужна простая идея: «Обогащайтесь!»

В результативном обществе эта неприкрытая корысть всегда смягчается. Но мы сейчас очень бедны, нам нужно включить рычаг частной собственности и пройти естественный путь развития. Экономика — это живой организм, она должна расти с корнями. Нельзя сорвать чужие плоды (например, Запада конца XX века) и просто усвоить их.

Здесь каждый проживает свою жизнь. Мы остановились 70 лет назад и пошли вспять. Сейчас мы должны расплатиться столетним отставанием. Но мы будем идти вперед и будем улучшать свою жизнь. Если сумеем изжить общинное сознание, сознание коммунальной квартиры. Помните, у Тендрякова в «Кончине»? «Не желаем сами по себе! Артелью чтоб!»

Это сознание и в прежней России нам вредило, тормозило экономическое и политическое развитие, способствовало легкой большевизации. Сейчас это сознание нас убивает. У нас один выход: жить без него. Или не жить — но с ним. Третьего не дано.

— **Значит, вы допускаете эксплуатацию человека человеком?**

— Взаимное использование людей к обоюдной выгоде допускаем и даже приветствуем (кто умнее и сильнее, у того и выгоды будет больше). А вот одностороннюю эксплуатацию человека государством без взаимного соглашения, в интересах только одного государства, как в СССР, мы отвергаем.

— **Не кажется ли вам, что и на Западе не всё хорошо, что и там есть недостатки?**

— Есть и должны быть. Какие-то из них устранимы в процессе развития, какие-то присущи человеческой жизни. Общества без недостатков, где всё хорошо, не может быть на грешной Земле. Ищите его в царствии небесном. А пока давайте вытащим из своего глаза бревно, тогда нам легче будет достать соринку из глаза западных демократий. Да, плюралистическим демократиям присущи недостатки. Но тоталитаризму не присущи достоинства. Сменяем государственный строй без достоинств на государственный строй с недостатками.

— **Так что вы предлагаете: капитализм или социализм?**

— Термины не корректны. «Капитализм» не отражает по атрибутике сущности парламентской демократии: дифференциации сил как в политике, так и в экономике. То, что когда-то называли капитализмом, на самом деле — плюрализм. Что до социализма, то есть восемнадцать его определений, а локализация пестрая: Франция, Швеция, СССР, город Солнца. Есть два реальных государственных устройства: плюрализм и тоталитаризм (у нас). Мы за плюрализм. А вы? Не нравится название? Придумаем новое. Назовите, как говорится, хоть горшком, только бы нам из печки вырваться...

— **Где гарантия, что ДС, придя к власти, не совершит те же преступления, что и большевики?**

— Конечно, не в добрых намерениях. Никогда больше не верьте на слово добрым намерениям. Гарантии — в иной системе, предлагаемой ДС, где не будет того руля,

у которого партия может встать единолично, не будет такого кресла, возможности захватить власть.

Мы не хотим занять место КПСС в этой системе, мы хотим изменить саму систему.

Уведомление В исполком Московского Совета народных депутатов

«Свободное слово», №21, 19 сентября

Координационный Совет Московской организации партии «Демократический Союз» сообщает о своем намерении провести 23 августа митинг гражданского протеста против порабощения народов СССР и солидарности с борьбой патриотов Латвии, Литвы, Эстонии. Митинг приурочен к 50-летию подписания преступного договора между фашистской Германией и Советским Союзом о разделе Европы, т.н. пакта Молотова — Риббентропа. Место проведения митинга — Пушкинская площадь, напротив кафе «Лира».

Время проведения митинга — с 19.00 до 22.00.

Предполагаемое количество участников — не менее 10 000 человек. Организаторы просят исполком обеспечить движение транспорта в районе митинга таким образом, чтобы он не создавал помех для участников мероприятия. Поддержание общественного порядка гарантируем.

По поручению МКС партии «Демократический Союз» В.Новодворская, И.Царьков, А.Элиович.

СТЕНОГРАММА ПРОЦЕССА НАД НОВОДВОРСКОЙ

«Свободное слово» №21, 19 сентября

НОВОДВОРСКАЯ В.И.: Я прошу предоставить мне возможность дать все разъяснения по делу. Я имею на это право согласно 247-й статье Административного кодекса.

Судья: Вы должны отвечать конкретно только на задаваемые вопросы.

В.И.: Извините, но давайте я перечитаю 247-ю статью и посмотрим, как там сформулировано. Там не сказано «конкретно по задаваемым вопросам», там сказано: «дать свои разъяснения по теме» — в данном случае, по 166-й статье «прим», часть вторая, я имею право давать свои показания.

Судья: Вам предъявляется статья 166-я «прим», часть вторая, не для того, чтобы прославиться, а в большей степени для того, чтобы давать объяснения.

В.И.: Вы знаете, пределы «больше или меньше» я буду определять сама.

Судья: А ваши политические взгляды вы оставите при себе.

В.И.: Если уж меня сюда притащили насильственно, то позвольте разделить правила игры пополам: 50 % вам, 50 % нам — такова политическая реальность, и, очевидно, нужно учитывать существующие политические реалии. Я пока не услышала ответ на заявленное мной ходатайство...

Судья: Мы начали с того, что вам была разъяснена статья 247...

В.И.: Я не вижу, что она разъяснена. Но постфактум я принимаю пункт этой статьи. Согласно этой статье я имею право на участие адвоката. Здесь находится адвокат...

Судья: Где доказательства, что он адвокат?

В.И.: А вы можете предоставить другого?

Судья (адвокату Кузину): Вы член коллегии адвокатов?

Кузин: Сошлитесь на норму закона, где адвокат определяется как член коллегии адвокатов, имеющий соответствующее удостоверение. Если вы найдете такой закон, я поднимаю руки.

Судья: Докажите мне, что вы адвокат.

Кузин: Я еще раз вам говорю, что в законе нет определения адвоката как члена коллегии, имеющего соответствующее удостоверение личности.

Судья: Во-первых, вы здесь не руководитель. Я бы хотела адвоката, а вы — никто. Это любой может встать и сказать, что он адвокат.

Голос: Да, может.

В.И.: Я бы хотела адвоката, который является членом нашего сообщества.

Судья: Значит, вам адвокат не нужен.

В.И.: Что касается ваших адвокатов, то я могу заранее сказать, что они не нужны.

Судья: Значит, вы возражаете против...

В.И.: Против официального адвоката я возражаю. Кстати, согласно 247-й статье я имею право сама выбрать себе адвоката.

Судья: Итак, продолжим слушание дела. 23 августа...

В.И.: По 23-му числу у вас не хватает одного доказательства...

Судья: В связи с чем вы были доставлены в милицию?

Кузин: Вы не даёте говорить подзащитной.

Судья (Кузину): Вы сейчас будете удалены отсюда.

В.И.: Видимо, в связи с моим намерением участвовать в качестве организатора в митинге «Демократического Союза» «Свободу поработенным народам». Однако доставку в суд и арест до начала митинга за полкилометра от места его проведения без предварительного развертывания лозунгов, транспарантов и знамен я не могу считать достаточно законными.

Судья: Вы шли с развернутыми знаменами и плакатами?

В.И.: Они были развернуты в тот момент, когда нас окружил спецназ и намеревался задержать без всяких улик и свидетельств.

Судья: Вы готовились к митингу?

В.И.: Да, я была одним из авторов уведомления и, безусловно, несу за него ответственность как организатор, как один из авторов листовки. Дело в том, что раз мне не дали возможность принять участие в митинге на площади, то, видимо, нам придется с вами для того, чтобы иметь возможность меня судить, провести митинг здесь. Так вот, я на площади намеревалась публично подвергнуть символическому уничтожению флаг деспотизма, навязанный нам флаг империи, тоталитарной империи. Это ничей флаг...

Судья: Куда вы обращались и к кому вы обращались по поводу митинга? Новодворская!!!

В.И. (продолжает): Это не флаг нашей Родины, и здесь, под этим ничьим, навязанным нам большевистской диктатурой, гербом (*показывает на герб, висящий за спиной судьи*), я этот флаг прямо здесь предаю символическому уничтожению! (*Рвет бумажный флаг.*) Это не наш флаг, и я бросаю его к подножью тех национальных знамен Латвии, Эстонии и Литвы, Украины и России, которые развивались над нами на этой демонстрации. (*Аплодисменты.*) Предупреждаю вас, что это знамя, где бы оно ни развевалось, я буду стараться предавать символическому уничтожению вместе с портретами тех преступников, которые

повисли над нашей страной — с портретами Ленина, Горбачева, Сталина и всеми прочими! (*Кузин собирает клочья на полу, кладет их на стол судьбе и покидает зал.*)

Судья: Так, Новодворская, давайте вернемся, пожалуйста, на место...

В.И.: Можете применить статью за надругательство над государственным флагом, это не наш флаг, это не флаг моей Родины! Я российская гражданка, я ничего общего не хочу иметь с тоталитарной империей! Не желаю!

Судья: Может быть, мы с вами вернемся...

В.И.: Давайте вернемся. Вы знаете, мы посылали уведомление не для того, чтобы получить санкцию, а для того, чтобы дать Моссовету в очередной раз возможность поступить нравственно, раскаяться и пойти навстречу рождающемуся в стране гражданскому обществу.

Судья: Нет, вы знаете, давайте я вам буду задавать вопросы, а вы будете на них отвечать.

В.И.: А я и отвечаю.

Судья: Ну, начали. Вы направили запрос, можно ли вам провести митинг?

В.И.: Не запрос, а уведомление.

Судья: Что вы проводите митинг. А вы получили разрешение?

В.И.: Мы получили письменный запрет. Этот письменный запрет еще раз доказал нам, что митинг необходим... (*Судья предлагает обращаться только к ней.*) Мне кажется, что мои слова интереснее публике, чем вам. Ведь эти люди — наши сограждане, и я живу для них. А если вы хотели, чтобы я только с вами общалась, то надо было устроить суд в каком-нибудь застенке, подземелье.

Судья: Итак, вы получили письменный запрет, и несмотря на это...

В.И.: Не только несмотря, а это придало решимости проводить митинг, потому что необходимость его стала неопровержимой. Если подобные митинги запрещаются, нужда в них поистине велика! Я могу вам...

Судья: Во сколько назначен был митинг?

В.И.: Митинг был назначен на семь часов.

Судья: Во сколько вас задержали?

В.И.: Нас задержали без десяти семь, вернее, где-то между без десяти и без пяти семь.

Судья: А не позже?

В.И.: Нет, не позже. Дело в том, что мы шли от памятника Тимирязеву к месту проведения митинга по бульвару и не успели отойти от памятника и двухсот метров.

Судья: А сколько вас было?

В.И.: Восемь человек.

Судья: У вас были при себе подготовленные лозунги?

В.И.: Да, разумеется, у нас было при себе несколько лозунгов и вот этот флаг, который я собиралась публично уничтожить, и российское знамя и знамена независимых государств Прибалтики...

Судья: А вас предупреждали об ответственности? Вас предупредили?

В.И.: Я не могу счесть предупреждением наблюдение бегущего спецназа, который, потрясая наручниками, нас окружил и стал хватать. Знаете, предупреждения не было. Вообще не было сказано ни одного слова. Я просто успела за пять секунд до начала этого захвата развернуть свой лозунг «Свободу не подарят, свободу нужно взять» и на другой стороне «Нет тоталитарному режиму» и, естественно, выкрикнула все эти истины, которые, как мне показалось, были здесь наиболее уместны. И, разумеется, оказала и неповиновение, и сопротивление, всё, что могла оказать трем громилам. Я могу сама сказать, что не перестану организовывать несанкционированные митинги, если их не пожелают санкционировать до падения империи!

Судья: Это к Моссовету.

В.И.: А Моссовет уже в курсе. Я их известила. (*Смех в зале.*)

Судья: Вы не в цирке, не забываете.

В.И.: Мы не в цирке, мы в СССР. Это, в общем, аналогичное увеселительное заведение. Там есть хоть какой-то смысл.

Судья: Спокойнее.

В.И.: Я совершенно спокойна и не понимаю ваше волнение. Если вы решились судить руководителей «Демократического Союза», то должны были подготовиться к целому ряду неприятностей. Может, вы заслушаете свидетелей?

Свидетель: 23-го числа в 19.30 я получил информацию по радиостанции, что со стороны ТАСС по Тверскому бульвару в сторону Пушкинской площади движется группа с развернутыми знаменами и плакатами. Проезжая на автомашине, я как раз увидел их, идущих по бульвару у дома 15.

Развернутых плакатов было несколько, и я вышел из автобуса, чтобы их предупредить, что митинг не санкционирован и по возможности, значит, не надо туда идти. Находясь в метрах 10-15 от этой группы, я увидел, как они развернули развернутые флаги, выбросили листовки и начали выкрикивать лозунги. Я подошел к Новодворской, так как знал, что как лидер и организатор она подала заявление, чтобы сказать ей, но она слушать не стала. Сказал, что есть письменные у нее бумаги, она знает, что запрещен митинг, и стала выкрикивать там лозунги, что СССР — это тюрьма народов и т.д.

В.И.: Есть вопрос к вам.

Судья: Новодворская, пожалуйста, обращайтесь к суду.

В.И.: Хорошо, я повернусь к вам обоим. Скажите, пожалуйста, если, согласно вашим же показаниям, по рации вы получили информацию, что мы движемся по бульвару с развернутыми флагами, то что же мы стали развертывать на месте?..

Свидетель: И плакат был развернут, который вот, приложен к делу.

В.И.: И вы со мной повели разговор, да? На месте?

Свидетель: Да, конечно.

В.И.: То есть прежде, чем нас хватать, вы с нами, по-видимому, громко разговаривали. А вам известно, что ложь является грехом?

Судья: Новодворская, вопросы к свидетелю по существу.

В.И.: Я и задаю по существу. В ваших показаниях нет ни одного слова правды. Знамена вообще не были развернуты, они в бумаге были в опорный пункт доставлены.

Из зала: Можно мне выступить как свидетелю?

Судья: Нельзя!

Из зала: А у нас свидетели только в форме милиции...

В.И.: В зал суда только свидетели обвинения допускаются к участию. Даже во время сталинских процессов свидетели защиты были. А здесь никого: ни адвоката, ни свидетеля защиты.

Судья: Согласно административному кодексу.

Из зала: Но что же такое свидетель тогда?

В.И.: Это тот, который ничего не видел, ничего не слышал и всё наврал.

Из зала: И всё подписал.

Судья: Пятнадцать суток!

72 ОКТЯБРЬСКИХ ПЕРЕВОРОТА

«Новая жизнь», № 6, октябрь

Сколько у нас было октябрьских переворотов? Вопрос не риторический. Для того, теперь уже для нас стародавнего российского общества (гражданского, или просто географического, поименованного по месту расселения) 25 октября 1917 года было днем атомной катастрофы. Или, скажем, днем вторжения каких-нибудь кошмарных инопланетян из «Войны миров». Кроме самих большевиков, довольных не было. В воспоминаниях современников — ощущение конца света, судного дня: и мор, и глад, и ледяные гробницы нетопленных домов, и кровь, и казни, и бегство тех, кто мог бежать, и бессилие отчаявшихся.

Каждый получил свою долю: монахи и священники — пытки и казни, члены оппозиционных партий — расстрелы, рабочие — осьмушку хлеба и досыта пуль у Таврического дворца в день разгона Учредительного собрания, крестьяне — порки, продразверстку, продотряды.

Вся прежняя, разумно устроенная, живая теплая человеческая жизнь сгорела в том ядерном огне. А вместо нее возникло инобытие, ужас которого дано было ощущать вполне лишь великим художникам — Платонову, Оруэллу, Замятину. И если вспомнить дальнейшую судьбу «марсиан» на Колыме и во Внутрянке, то укрепится чувство: не переворот, но мировая катастрофа, атомный апокалипсис, где нет выигравших, где все проиграли.

Разбойник набегаёт и уходит, унося добро. Диктатор остается и, кроме добра, отнимает душу. В схватке со Зверем Человек должен или победить, или пасть. Но если Человек будет побежден Зверем и подчинится воле Зверя, и станет жить по законам Зверя...

Это не Маугли, это гораздо хуже. Это и есть тоталитаризм: люди, добровольно вставшие на четвереньки... Никакие перевороты не могут восторжествовать над страной и не создадут нового строя или нового режима. Для этого требуется сотрудничество, коллаборационизм. Надсмотрщик не создает рабство.

Для рабовладения нужен некто, согласный стать рабом. И если 72 года подряд жертвы атомной катастрофы, пленники инопланетян 25 октября по старому стилю фейерверками, салютами и тостами отмечает день катастрофы, то они — соучастники.

И что из того, что милосердный Создатель назначает высшую меру той когорте безумцев и палачей, первый из которых воцарился в Мавзолее, а тех, кто стоял к нему в очереди и возлагал цветы, лишь пожурит? То прощение будет на небе, а на земле, в нашем кооперативном аду, пайщиками которого мы все состоим, нет прощения и нет спасения, ибо здесь мы соучастники и подельники.

Нехорошо убивать и создавать ВЧК, и формулировать 58-ю статью, и расстреливать демонстрантов, и казнить невинного 13-летнего мальчугана и его юных сестер только за то, что они — дети царя. Это аксиоматика, а кто скажет иначе среди приличных людей? А подчиняться этому, поддерживать это, славословить это, работать на это, голосовать за это (на выборах-90), это можно?

Посмотрим на вещи исторически: большевики захватили власть и обрушили на страну террор. Это их историческая и сегодняшняя вина, ибо ни от власти, ни от террора они отказываться не собираются. 5 января 1918 года и 9 апреля 1989 года тождественны. От площади — к площади, от крови — к крови.

Время остановилось, потому что 25 октября были разбиты все часы. Тоталитаризм — это астральный круг, это дурная бесконечность, это коллапс развития.

Но нашлись честолюбивые прапорщики и поручики, которые захотели командовать у них армиями. (Вы помните, поручик Тухачевский?) Кронштадт брали не одни комиссары. Мы взяли им Кронштадт. Крестьянские восстания подавляли не только Ленин и Троцкий. Рабочие, поехавшие в деревню двадцатипяти тысячами, легли фундаментом в котлован тоталитарной цитадели.

Латышские стрелки вели полки не только на мятежные русские города, они вели их в Латвию в 1940 году. Посеявший Зло, как правило, Добро не пожинает. А кто делал большевикам винтовки и снаряды? Кто шил им шинели и сапоги? Кто собирал для них урожай и хлеб? Кто пошел служить к ним в аппарат, в школы, в университеты, в банки? Не за идеи, но за пайки?

Вот так наш дружный тоталитарный коллектив и сочинил правила нашего общего тоталитарного общежития. И мы живем по этим правилам до сих пор. У каждого свой вклад. Кто с наганом, кто с плугом. Разделение труда. И лучше не говорите, что сталинизм — это Сталин, а не те,

кто рыдал и давил друг друга на его похоронах, что террор — это Ягода, Берия, Ежов, а не те сотни тысяч, что ходили под их окнами с плакатом «Смерть врагам народа!».

Каждый год мы совершаем свои элевсинские мистерии: 7 и 8 ноября своими шариками, речами и флагами санкционируем незаконную власть узурпаторов и подтверждаем наш холопский статус. Тот, кто захочет уклониться, облечется в траур и навеки откажется соучаствовать в их грехе на хлопке или картошке, на субботнике, или в соцсоревновании, в Советской армии или у избирательной урны. Участники переворота-17 уже получили свое воздаяние. О них знают многие, о них уже безопасно сказать всё История непоправима.

Главное, чтобы однажды не произошел 7 ноября очередной октябрьский переворот. Тогда время снова начнет отсчитывать нам надежду. А случится это тогда, когда мы на их очередной переворот в один непогожий октябрьский день ответим массовым гражданским неповиновением, которое в европейском контексте называется всеобщей политической стачкой. И когда мы, отвергнув партократию, снова придем к Учредительному собранию, очень важно, чтобы это следующее Учредительное собрание ничем нельзя было разогнать — ни пулеметами, ни даже баллистическими ракетами.

Любая власть стремится обладать не мертвыми, но живыми. Любое усмирение рассчитано на то, что оставшиеся, разбежавшиеся, уцелевшие снова пойдут под ярмо. А если не пойдут? Тогда смирившихся не будет. Здесь отступит любая диктатура, ибо не останется рабов, а тоталитаризм не строят, пока не вырвут согласия признать такой проект.

А если в один прекрасный день это согласие не смогут вырвать у нас ничем? Я говорю о чудесах? Да, о чуде спасения Духа. Из рабства не уходят по асфальту.

Из рабства уходят по дну разверзающихся морей, как в Книге Книг. Из рабства уходят через себя и поверх себя. Но октябрьский переворот-89 еще состоится. Модернизированный, в перестроечной суперобложке явится на гробнице первого узурпатора узурпатор последний — депутат от тоталитаризма М.С.Горбачев — и благостно прочитает доклад о великой роли октябрьских переворотов — кровавых, бесплодных, антинародных — всех семидесяти двух, от великой крови 1917-го до великой лжи 1989-го.

Либеральные и прогрессивные «Московские новости», ЛГ и «Огонек» не преминут напечатать какие-нибудь октябрьские призывы или отчеты. Неформалы будут думать, как бы им провести на выборах-90 своих кандидатов по фасаду Советов, за которым плохо прячется всё та же старая партократия, жаждущая очередной легализации своего всегдашнего путча. И все они будут полноправными участниками октябрьского переворота-89, семьдесят второго, но, боюсь, не последнего.

7 ноября на улицах не будет слышно стрельбы, не будет ни пожаров, ни озверевших матросов, как тогда, в 1917 году. Но будут шарiki, и ярмарки, и праздничные гулянья, и накрытые столы. И это будет еще страшнее.

Однажды захватившие власть почти лениво, привычно удержат ее.

Однажды смирившиеся с этой властью столь же привычно отметят день своего позора.

ОБ УЧРЕДИТЕЛЬНОМ СОВРАНИИ

Тезисы доклада на Первом Совете партии ДС*

«Демократический Союз» — это партия альтернативы. Учредительное собрание и есть наша демократическая альтернатива, а демократическая альтернатива в тоталитарном контексте — это трудоемкая альтернатива. Относительно сути Учредительного собрания у нас возникло серьезное смещение понятий, особенно после того, как митинги в Лужниках стали принимать резолюции о превращении съезда народных депутатов в Учредительное собрание.

Учредительное собрание — это не группа людей, которые сидят в некотором помещении и говорят о своих проблемах, тем более в рамках, в которых это позволяет государственная власть, в том контексте, который раз и навсегда задан существующим государственным устройством.

* Первый Совет партии «Демократический Союз» проходил в Челябинске 7-8 октября 1989 г. Тезисы опубликованы в газете «Важская провинция» (Архангельская область), № 16 (43), 18 ноября 1991 г.

Учредительное собрание — это свидетельство смены эпох. Учредительное собрание — это власть чрезвычайная и учредительная, когда народ или после падения политического режима, или до его падения, но уже в момент отказа от прежней политической и экономической ориентации избирает новый путь, новую систему.

Учредительным собранием было историческое заседание третьего сословия Генеральных штатов Франции в зале для игры в мяч. Абсолютизм еще не пал, но нация сбросила его, как сбрасывают изношенное платье. Учредительным собранием были и Генеральные штаты Фландрии, которые низложили Филиппа Второго и провозгласили независимость Нидерландов от испанской монархии.

Учредительное собрание свободных штатов Америки, порожденное континентальным конгрессом и конституционными ассамблеями первых 13-ти штатов, закрепило принципы американской Конституции — результата национально-освободительной борьбы и длительного эволюционного пути развития континента.

Мы очень далеки от подобной ситуации, но мы можем сделать завтрашний выбор. Будем скромны: мы еще не река, мы исток. Истоки должны быть чисты, наш кастальский ключ — незамутнен, чтобы будущее могло питаться неотравленной идеей, не искаленной памятью о данном начале.

Учредительное собрание — ключевая идея ДС. Учредительное собрание — это идея незаконности существующей власти. Или — или. Третьего не дано. Или мы признаем законной ту власть, которая установлена в 1917 году незаконно, и идем на выборы в Советы, или мы отрицаем ее законность и на устроенные ею во имя ее интересов выборы не идем.

Учредительное собрание — это политическое решение тяжелых экономических проблем. В рамках этой системы нет ни хлеба, ни ветчины, обещанных Польше Лехом Валенсой. Мы сбрасываем с себя эту систему, как бабочка кокон, и выходим на другую сторону, наружу, в другое, нетоталитарное измерение.

Учредительное собрание — это и решение нравственное. Если мы пойдем на выборы в Советы, мы должны людям обещать, что мы в контексте деятельности Советов можем облегчить их положение. А это ложь. Проповедовать свои идеи можно и вне Советов. Если мы будем интересны стране, нас выслушают и без площадки выборов. Не надо

искать себе удобную позицию, не надо создавать видимости легкости и доступности политической борьбы с режимом для народа. Это не будет легко. И у экранов телевизоров это не произойдет. Понадобятся индивидуальные усилия каждого, понимание, жертвы, болезненный личный процесс освобождения.

Выборы возможны только в парламентском обществе, при многопартийной системе и при дифференциации собственности. Тогда они являются инструментом воздействия гражданского общества на государство. В противном случае — это ширма для вполне реальной деятельности деспотизма, протекающей за кулисами выборов без выбора.

Дифференциация власти возможна только на основе дифференциации собственности. А без возможной дифференциации власти на что же выборы? Тогда это личная диктатура, ложка меда в бочку нашего дегтя.

Учредительное собрание — это отказ от лживой сиюминутности, обещающей и обманчивой легкости программ. Это курс на долгий и трудный путь вынашивания политической и экономической демократии, это отказ лгать народу о молочных реках и кисельных берегах в ближайшую пятилетку.

Учредительное собрание — это эволюционный путь, в конце которого просвещенный народ принимает революционное решение отказать тоталитаризму в повиновении. Учредительное собрание — это цветаевская максима: «На твой безумный мир ответ один — отказ!» Тоталитаризм это не только другие общественные институты, это еще и сознание — другое, не наше сознание. Сегодняшнее сознание нашего народа не парламентарно.

Эволюционный путь развития — это путь освобождения Личности, независимой в конце своего становления от внешних обстоятельств, бесстрашной и непоколебимой. Свобода не приобретается по дешевке. Это не уцененный товар.

Гражданское общество должно выработать механизм сопротивления государственной власти. Демократия держится не на всеобщем согласии и конформизме, а на всеобщей готовности к гражданскому неповиновению во имя гражданских прав. Если нет этой готовности, возникает маккартизм, к власти приходят Гитлер и Муссолини. Есть только один путь к демократии — это гражданский путь.

Наши национальные истоки — христианство. А христианство не признает компромиссов, христианство — это Голгофа.

Наш народ проклял ловких и изобретательных московских князей — Ивана Калиту и Юрия Даниловича — и причислил к лику святых идеалистов Филиппа Колычева, Михаила Черниговского, Михаила Тверского. Идея гражданского неповиновения сопутствует нам с восемнадцатого века. Будем же достойны собственных истоков. Мы никому не обещаем ни мяса, ни колбасы, но лишь возможность борьбы за лучшее будущее.

Мы странствующие рыцари демократии, и от нас ждут не выживания, а того, что мы отстоим идеалы демократии ценой собственной жизни.

Советы и Учредительное собрание — вещи несовместимые. Учредительное собрание — это политическая оппозиция, Советы — это оппонирование режиму в рамках Системы. Выборы в Советы — это смирение, это проигрыш, это поражение.

Сегодня мы — единственный голос, который возвышается над покорностью судьбе, голос, говорящий против. Если он замолчит, у страны не останется надежды. Не в нашей власти спасти страну, но решением об участии в выборах мы можем ее погубить. Выборы в Советы — это путь наименьшего сопротивления. Не надо толкать народ на этот привычный путь.

В сущности, мы сегодня решаем стратегический вопрос: собираемся ли мы уживаться с тоталитаризмом? Идея ДС — это отказ жить при тоталитаризме. В жизни нет аксиом. Получив партбилет, мы еще не всё для себя решили, позиция ДС — это теорема, которую мы каждый день должны доказывать. Путь из тоталитаризма ведет через грозу. Мы должны пойти на грозу и выстоять. Тогда мы обретем свободу.

ЕДИНСТВЕННАЯ РОССИЯ, ЕДИНСТВЕННАЯ МОЯ

Товарищам из Новосибирского ДС

«Свободное слово», №25, 14 ноября

Вы говорите, что у вас в Сибири не поняли, зачем мы на II съезде партии ломали копыя, чтобы провести в наши документы пункт о несовместимости политической эмиграции с морально-этическими нормами ДС. Уж конечно не для того, чтобы помешать кому-нибудь уехать. Если не остановит

что-то другое, трудно определяемое, но неистребимое в тех из нас, кто настоял на этом пункте, то не удержит и партийный билет.

Этот пункт нужен не для того, чтобы воспрепятствовать уехать. Он должен содействовать тому, чтобы в ДС вступали люди, органически неспособные на такой шаг. Очень многое в нашей безотрадной истории решилось тем, что любовь к Свободе не совпадала с любовью к Земле.

«Земля и Воля» — это, заметьте, не «земля и свобода». Воля — это что-то степное, разгульное, безбрежное, вне государственных рамок и категорий. Воля — это уход: то ли в казаки, то ли в запорожцы, то ли к Разину, то ли к Пугачеву. Это не Свобода парламентаризма, неброская, скромная, но, как выяснилось в ходе истории, единственно избавляющая и от деспотизма, и от эксцессов анархии или охлократии.

Этой свободы культурного и умеренного человеческого сообщества показалось мало и Герцену: на Западе этот западник пожалел о славянофильстве, найдя свободу слишком бюргерской, слишком обыденной, слишком себялюбивой.

Наша Свобода — это, в сущности, всегда была Воля. И Бремя. И Абсолют. Безудержное мессианство, предельная установка «всё или ничего» обеспечили нам ничего. И тот же Герцен это понял. «Мы ничего не достигли, потому что стремились ко всему».

Наша Земля расходилась с не нашей формулой Свободы. Сражаясь за первую, отвергали вторую. Выбирая вторую, жертвовали первой с удостоверением мирового гражданства на руках. Тот, кому хватает Родины, унесенной на подошвах своих сапог, в отличие от Дантона, на эшафот за нее не пойдет. Джефферсон Дэвис, президент мятежной Южной Конфедерации, воевавшей в 1861—1864 годах против США, не был лириком.

Но после поражения всех армий Юга, после их капитуляции, отказался капитулировать беззащитное гражданское правительство. И, глубоко штатский человек, Джефферсон Дэвис отправился поднимать против США Техас. По дороге был настигнут военным отрядом, отказался сдаться под дулами ружей и, закованный в цепи, объяснил свой отказ искать спасения в эмиграции из страны. Он записал в мемуарах, что все эмигрировать не могут, что

эмигрируют, как правило, самые сильные, лидеры, идеологи, которые всюду найдут себе место.

Но их доля оставаться со слабыми, утешать, ободрять и поднимать народ. Тот, кто этого не принимает, равнодушен к народу. А что может удержать человека в неблагоустроенной, запущенной, растерзанной нашей жизни, если его способности обеспечивают ему место в западной, благоустроенной?

Только это: «Любил он Родину и Землю, как любит пьяница кабак». Если нет чувства, что подавишься первым куском благополучия, захлебнешься первым глотком Свободы, не разделяемыми со своим народом, то зачем же заниматься общественной деятельностью? Чтобы возвыситься? Чтобы выдвинуться? Чтобы интересно приводить время? У тех, кто стоял у истоков ДС, были иные побуждения; иные потенции привлекают к нам сердца.

Другое не дает нам стать заурядной политической партией. Нас привело в ДС стремление спасти страну и не потерять в себе человека. Эта задача не для политиков, но для миссионеров. А кто сказал, что в нашем отчаянном положении нам помогут пропагандисты? Дай Бог, чтобы помогли апостолы. Разумные, умеренные, трезвые истины западного парламентаризма сегодня отстаиваются нами на уровне не западного подвижничества.

Мы вытаскиваем из воды — а равнодушно не вытащишь. Здесь мало хлада ума, здесь понадобится жар души. Не примет столько раз обманутый, полуголодный, изверившийся народ формулы спасения, отличной от его национальных традиций и вбитых в голову стереотипов из чужих равнодушных рук.

Нас могут не понять идейно. Но мы должны быть поняты нравственно. Только на этой почве вырастет идейное понимание наших программ. Люди должны знать: эти не подведут. Самый яростный противник ДС спотыкается на этом пункте и начинает рассуждать (если, конечно, страна ему безразлична): «Я не понимаю этих людей, они мне не нравятся. Но они отказываются от всяких наград со стороны Запада и даже от спасения. Они жгут за собой мосты. Они говорят, что делает это для нас. Ничего не берут, но всё хотят отдать. Предпочитают тюрьму благополучному изгнанию. Я должен об этом думать. Здесь что-то не то. Враги и интересанты так бы не поступали».

В самой неподготовленной аудитории этот пункт ломает лед недоверия. Бескорыстие и верность понятны всем. Это нельзя имитировать, любая подделка будет обнаружена. Это надо иметь в себе, этим надо быть. ДС — единственная в русской истории попытка соединить западничество со славянофильством. Может быть, потому и не увенчались успехом усилия западников, что не было в них безмерной любви к Почве? Можно ли сеять без любви? Блаженный Августин писал: «Люби и делай что хочешь».

Достаточно ли мы любим, задавая вопрос об уместности «антиэмиграционного» пункта принципов ДС? Да, есть космос, есть мир, есть Европа. Но мы, оказавшись неспособными служить вековым идеалам в России, где есть наша часть, наша судьба, не пригодимся более нигде для этой высокой цели.

Не выдержав на доверенном нам участке фронта, что будем мы искать в планетарном масштабе? Места, где легче? Свободы по сниженным ценам? Мы не совсем славянофилы, ибо у нас нет Веры. Но мы и не чистые западники, потому что притязаем хотя бы на Верность. Об этом очень хорошо и достойно говорит Эренбург, видимо, сам всю жизнь втайне мечтавший о недостижимых для него гражданских добродетелях:

Скверно? Скажи, что скверно.
Верно? Скажи, что верно.
Не похвальбе, не мольбе,
Верю тебе лишь, Верность,
Веку, людям, судьбе.
Если терпеть без сказки,
Спросят — прямо ответь,
Если к столбу, без повязки, —
Верность умеет смотреть.

Где-то на никогда не пересекающихся параллельных прямых возникли и трагически не совпали западники-кадеты и славянофилы-эсеры, оставив Россию наедине с нечеловеческой практикой большевизма. Большинство правозащитников после тяжелых гулаговских испытаний, а некоторые и вместо таковых испытаний, как это ни прискорбно сознавать, ушли в эмиграцию, в отступление.

Не все смогли выбрать смерть, как Илья Габай. Так всегда поступали немногие. Ну что ж, немногие веди за собой и побеждали.

Так что же, член ДС вообще не сможет уехать? Сможет. Но только сложив с себя обет. Признав себя несостоятельным, не сдержав слова. Программа ДС — обет, даваемый себе, стране, народу. Обет — это серьезно. Член ДС не может уехать. Уедет слабый человек, признавший свое поражение и вместе с партбилетом оставивший здесь вековую беду и обездоленных людей. Один член московской парт-организации спросил у меня, кто ж нам поможет, кто же за нас заступится, если мы отказываемся от помощи Запада, от эмиграции?

Пускай за нас заступится наш народ. Ни у кого другого мы не попросим ни помощи, ни сочувствия. А если не заступится, значит, ему самому еще нужна наша помощь, значит, мы плохо объясняли свои идеи и не были поняты. И тогда, не думая о личном спасении (недостойно спасать только себя), нам останется сказать словами поэта: «Единственная Россия, единственная моя, единственное спасибо, что ты избрала меня».

ОККУПАЦИЯ, НЕ КОНЧИВШАЯСЯ ДЛЯ ОККУПАНТОВ

Открытое письмо участникам и современникам Афганской войны

«Свободное слово», № 29, 19 декабря

Десять лет назад, 26 декабря 1979 года, советская партократия и советская военщина совершили свое очередное — не первое и не последнее — преступление против человечности и человечества — вторглись в независимый Афганистан, осуществили военный переворот, навязали афганскому народу угодное тоталитарному режиму СССР правительство и явились причиной и главным участником гражданской войны, которая и по сей день продолжает терзать страну. Преступное правительство СССР, советский генералитет, оккупационная армия, партийные пропагандисты и писатели, воспевавшие эту жестокую и кровавую бойню, несут ответственность перед совестью и народом

и должны были бы отвечать перед международным трибуналом за пытки и казни афганских партизан, за убийства мирного населения, за развязывание и пропаганду захватнической войны, за бессмысленную и позорную гибель на чужой земле наших солдат и офицеров.

Сегодня войска из Афганистана выведены, но наша честь не восстановлена и с нашей совести не смыто это кровавое пятно. Нас постигло проклятие, извечно постигающее оккупантов и насильников: мы внутренне развращены безнаказанностью убийств в далекой южной стране, и наше недавнее преступление против грузинского народа, химическая война и геноцид в Тбилиси — прямое следствие эсэсовской практики Афганской войны.

Уход советских войск из Афганистана не является ни актом доброй воли, ни свидетельством раскаяния. Войска были выведены потому, что афганский народ не сдался на милость поработителей; потому что военная авантюра слишком много стоила — в человеческих и материальных потерях.

Уход советских войск был вынужденным. По сути дела, нас просто вышвырнули из страны силы национального сопротивления. Наше же раскаяние пока носит чисто уголовный характер: советская пропаганда продолжает твердить об «интернациональном долге» и жалеет лишь о нерентабельности злодеяний. Наш «интернациональный долг» не что иное, как преступление в международном масштабе. Ни советская партократия, ни советская военщина не раскаиваются в порабощении стран Восточной Европы, вторжении в Чехословакию в 1968 г., кровавом подавлении национального восстания в Венгрии в 1956 г., продолжающейся оккупации стран Балтии, участии в разделе Европы наравне с Гитлером согласно секретному протоколу пакта Молотова — Риббентропа. Эти завоевания не стоили режиму миллионов деньгами и десятков тысяч людьми.

Раздавить танками беззащитную Пражскую весну или бросить артиллерию против винтовок венгерских повстанцев было гораздо проще, чем встречать отпор практически всего населения Афганистана. Наше раскаяние — раскаяние убийцы и палача, привыкшего истязать и казнить безоружных и впервые за долгие годы встретившего настоящее сопротивление вооруженного противника.

Если мы хотим очиститься от содеянного нами за десятилетие зла, мы должны усвоить следующее:

- в преступной афганской агрессии с советской стороны не было героев, а лишь одни жертвы, которых советский режим сделал преступниками и убийцами;

- за Афганскую войну не может быть званий, почестей и наград, ибо удел насильников и оккупантов не лавры, но бесчестье и позор.

Участники Афганской войны не вправе снять с себя ответственность за исполнение преступных приказов. Среди оккупационной армии, вторгшейся в Афганистан, нет невиновных.

Искупить зло в одном регионе, продолжая творить его в других — значит усугублять зло. Советские войска должны быть выведены из стран Восточной Европы, из Латвии, Эстонии, Литвы, Грузии и всех регионов страны, которые избрали путь национальной независимости.

Тоталитаризм не способен ни к исправлению, ни к раскаянию; без сопротивления его агрессии или без кампании гражданского неповиновения внутри тоталитарного государства он не отдаст назад своих несправедливых завоеваний, не ослабит петли на горле у поработенных.

Тоталитаризм может быть разбит, если его танкам и снарядам будет противопоставлено гражданское мужество, решимость умереть, но не утратить свободу, не подчиниться палачам и насильникам.

Таковы уроки трагической современной истории. Таковы уроки венгерского восстания 1956 г., оккупации Чехословакии в 1968 г., захвата стран Балтии в 1940 г. Таковы уроки преступной Афганской войны.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ВЕНДЕТТА

«Свободное слово», №30, 31 декабря

Над четкими концепциями наших программ, над уверенными и внешне спокойными строчками, над страстными призывами листовок для каждого, не наделенного даром счастливого и бездумного верхоглядства, встает мучительный вопрос: что подвигает в этом направлении человека? И более того, русского человека? «Поющая» революция — это прекрасно. Но о чем на этот раз споют нам дрозды, «певчие избранники России»? Когда возмущенный деспотизмом народ выходит на улицы — это удача. Но для кого

добрая, а для многих — иначе... Это случилось в феврале 1917 года. Было право решать и была возможность выбирать. Но почему-то параллельные структуры как-то не по-хорошему стали конфронтировать. По одну сторону — часть партий, временное правительство, земство. По другую — левые партии и Советы «без эксплуататорских классов». И в результате — выборы в Учредительное собрание, честные и неподцензурные. 44% голосов — за эсеров, 24% — за большевиков. Когда я впервые взялась читать программу эсеров, она от ужаса выпала у меня из рук — опять на первой странице слово «эксплуататор» в адрес частного предпринимателя. А крестьянский вопрос решен однозначно: в пользу «социализации всех отношений в деревне». Не один из вариантов, не право выбора, а вердикт. И никакой многоукладной экономики. Вы скажете, что эсеры не предполагали насилия. Ну что ж, эсеры не предполагали, а большевики расположили. Из эсеровской программы, из ее однозначно социалистической ориентации, отдающей за версту «миром», общиной, утопией, вытекают и уничтожение «кулачества» как класса, и «коллективизация», и колхозы. А спасительная программа кадетов — партии западного образа жизни — набрала меньше 5% голосов. «Вот и нету оков, а к свободе народ не готов, много песен и слов, а народ не готов для свободы». 44 + 24 = 68% и 5% — с другой стороны. После разгона Учредительного собрания можно было хотя бы идти на демонстрацию к Таврическому дворцу, под пули, и этим утолить свое отчаяние. А вот куда идти на митинг протеста по поводу такого расклада при честном голосовании? Это была историческая вендетта — неизжитая, непонятая никем, кроме, пожалуй, Бердяева и Мережковского, русская история ужалит будущее России, выползая, как водится, из чьей-нибудь мертвой главы. И эта вендетта стоит у нас за спиной. Мы не избавлены от нашей истории. Нам некуда от нее деться. Она — в нас.

Если кто-нибудь в обществе думает, что авторы первой программы ДС и ее новой готовящейся редакции всего этого не понимают, что идеи ДС вообще выросли на почве непонимания, то разуверьтесь: знаем. Понимаем. Не закрываем глаз. И терзаемся. Поистине легче верблюду проникнуть через игольное ушко, чем нам, с нашими предпосылками, попасть из тоталитаризма в западный парламентаризм.

Каждый из нас сверх партийной, общей для всех программы, ставит на что-то свое по части «вылезания верблюда». Один такой вариант — либеральных демократов, к которым я принадлежу, которые в 1917 году имели эти несчастные 5% голосов (не зная, сколько процентов у нас сегодня).

Если бы существовал какой-нибудь счетчик исторического неблагополучия, то его первые сигналы, я уверена, раздались бы очень рано, на заре русской истории. Татарское ярмо и византийское самодержавие, московская централизация и магическое, нелепо пассивное христианство, мессианство третьего Рима и огненная смерть за «любезную старину» — сколько во всем этой было рентгенов, какова наша сегодняшняя зараженность? У нас были ненормальные отношения с властью и ненормальные отношения друг с другом. Если на Западе король — просто сюзерен, властитель, то у нас он либо «царь-батюшка», либо «надежа-государь». Не от привязанности ли к «князьям красным», к «князюшкам» идет этот перегрев оценок и упований? Избыточность отношений закончилась плохо для обеих сторон: трагедией 9 января и изуверством. Нужно уметь хранить дистанцию между властью и личностью. Это избавляет от многих проблем.

Изначально воля «мира», власть общины, культура славянской общины довели над личностью. А ведь Запад — это свобода сильных и слабых, правых и виноватых, удачливых и неудачников. Каждый — на свой страх и риск. И чтобы не слишком тесно. Сознаем ли, какие вековые пласты стоят за окриком тендряковских мужиков: «Не желаем отдельно! Сообча! Артельно чтоб!» Это-то и есть славная «кончина» романа. И его, и наша кручина... А сколько прозвучало в наших веках трезвых и горьких напоминаний: «И пряников, кстати, всегда не хватает на всех»? Это злокачественное, неблагополучное историческое развитие России становится катастрофическим в XVI в., когда в царствие Иоанна Грозного падает гильотинный нож автократии — вместо абсолютизма — на предков, на потомков, на нас с вами... Автократические политико-экономические отношения выработали довольно рано тоталитарное сознание — за четыре столетия до настоящего тоталитаризма. Помните поэму А.К.Толстого «Василий Шибанов» и последние слова замученного пытками (безвинно) Шибанова, стремянного

Курбского? «За грозного, боже, царя я молюсь, за нашу свя-тую, великую Русь и твердо жду смерти желанной!» Так умер Шибанов, стремянный». Не так ли — с криками: «Да здравствует Сталин!» — умирали несчастные фанатики ложной идеи в 37 году?

Таковы очертания той мертвой главы, где подстерегает нас гробовая змея исторической вендетты. А потом начинаются наши анекдотические «перестройки», первая из которых датируется отнюдь не 1985 годом, а царствованием Петра. Получив в наследство российское царство-государство, Петр слегка оторопел от его несхожести с чистым, благополучным, просвещенным Западом, где, может быть, было мало величия и размаха, зато много вкуса, комфорта и здравого смысла! Первый русский «реформатор» решил, что вся суть нашей проблемы — в платье, бородах и отсутствии вечеринок. Внешние формы были заимствованы, а внутренняя сущность осталась, как и была. Зато прибавились новые элементы тоталитарного бытия: «доносители», каторжные заводы, подчиненная государству холопствующая церковь, духовные отцы, обязанные доносить на прихожан. То есть из первой перестройки мы вышли не без прибыли: прорубили окно в Европу и широко распахнули дверь в Азию. Все остальные «реформаторы» перестраивались в этом же направлении: не помогли ни переписка с Вольтером, ни мистицизм. Европы не было: была прина-ряженная Азия. А Сенат играл ту же роль, что съезд депутатов при Горбачеве: полумаски на нашем вечном маскараде.

Вот теперь мы вплотную подходим к нашему любимому вопросу: «Что делать?» Сказать, что наш путь не будет усыпан розами, — это ничего не сказать. Как долго придется сдирать с себя наш исконный, общинный, кумачовый социализм — возможно, вместе с кожей? Нам предстоит шагнуть не за соседний плетень — в другое измерение. Наша революция должна быть не только мирной, демократической, но и психологической, интеллектуальной.

По почти математической формуле Мережковского, они на Западе — «град настоящий имеющие», мы же — «града грядущего взыскующие». Придется менять ориентацию: вместо журавля в небе предпочесть синицу в руках. Мелко? В море крови, пролитой нами, конечно, глубже. Мы должны отвыкнуть от страстной любви к ближнему, которая вынуждает нас подавлять или калечить его по своей мерке,

и приучиться его уважать. Уважение — это дистанция. Страсть в браке — это шекспировские финалы. Отелло и Дездемону благополучной парой не назовешь... Благополучие в человеческих и общественных отношениях — это не температура протуберанца. Это гораздо прохладнее. Мировая идея — это знак для водителя: здесь дороги нет, обрыв, и надо искать объезд.

Главное, что мы должны усвоить, это то, что «солнце отпрявлялось вспять и едва не зашло на Востоке». И если мы хотим жить, — а речь уже об этом, — нам нужно действительно вращать землю «от себя». И подольше!

Мы очень давно съехали с дороги, которая вела нас бессознательным историческим путем смены формаций. Там бытие подготавливало сознание, там росли производительные силы, подтягивалась к базису надстройка...

Мы свернули в никуда, и здесь не действуют никакие исторические законы. Природой не предусмотрена подобная мутация... Наше бытие загоняет нас в пятый угол, базис деградирует, а отчаянные обстоятельства диктуют массовому сознанию скорее популистские лозунги: «Взять бы всё и поделить», «Грабь награбленное». Нам предстоит добровольно отсечь ту часть национального сознания, которая связывает нас с Востоком.

«Вот и расстаньтесь с худшей половиной, чтоб лучшей тем полнее насладиться».

Нельзя отвергнуть свое прошлое, но можно возненавидеть его — и вбить в него осиновый кол. Бессознательного выхода у нас не получается. Остается сделать всё это сознательно и добровольно. Мы должны принять западный образ жизни целиком, со всеми pro и contra (или со всеми его «но»). Не как изюм из булки — самое лучшее — а именно всё. И приготовиться пройти весь не пройденный нами путь, все эти 100 лет до технологической цивилизации через Великие и малые Депрессии, через болезненные неизбежности роста.

Метод психоанализа помогает тем, от кого отказались врачи. Подсознание по законам природы должно быть закрыто от человека. Врач-психоаналитик нарушает этот закон и предъявляет сознанию подсознание, в котором гнездится болезнь. Больной, зная, в чем причина заболевания, сознательно изживает его. В общем, психоанализ — это очная ставка сознания с подсознанием. На это вся надежда:

на человека, на его индивидуальный выбор, на неистребимое желание попасть туда, куда нас не ведет наша трагическая история.

Парадокс заключается в том, что к этому прохладному, рациональному западному идеалу нам придется продираться с прямо-таки пассионарной страстностью. В последний раз мы должны прибегнуть к нашему нерациональному «я», ибо кампания гражданского неповиновения всегда совершается по формуле: «Кто высоко ценит свободу, тот всё остальное должен ценить ни во что».

Вот здесь нам на помощь придут и яростное упорство Аввакума, и нравственная высота Филиппа Колычева, и гордое непокорство царевича Алексея, и благородное безрассудство тверских князей — Михаила и Александра.

«Всё, что было, повторится ныне... И опять затуманится ширь. И останутся двое в пустыне: В небе — Бог, на земле — богатырь. Нет, не выпить до дна нашей воли, Не сковать нас в единую цепь. Широко наше дикое Поле, Глубока наша скифская Степь...» (Волошин)

И на том берегу, перейдя через пропасть, переход через которую нам предрекли как невозможный, мы всё это оставим с нежностью и печалью для преданий, для легенд — и начнем иную жизнь, без поднебесных взлетов, но и без сокрушительных падений.

Верю ли я в это? «Верить — это хотеть», — сказал Кьеркегор.

СМЕЛО, ТОВАРИЩИ, В НОГУ

«Свободное слово», №30, 31 декабря

Доперестроечная советская действительность обладала и на вид, и на вкус, и на слух такой мертвой хваткой, что просто за шиворот стягивала всех мыслящих несоветскими категориями в оппозицию. Действительность тогда не умела им заговаривать зубы и пускать пыль в глаза. Либералы, радикалы, реформисты, революционеры оказывались не только в одном лагере, но даже и в одном концлагере.

Эта милая непосредственность тирании не давала возможности оказаться вне конфронтации с ней. Бросаясь с одинаковым энтузиазмом на всех, режим превращал всю страну в одно большое поле боя, где не было ни тыла, ни

фронта, где вездесущий репрессивный аппарат действовал и в первом, и в третьем эшелоне.

Пока власти не приходило в голову пригласить демократическую общественность активно участвовать в ее собственной гибели, реанимируя и откачивая издыхающий режим, всё было просто и прозрачно. Но как только власть дошла до этой плодотворной идеи, которую можно вкратце сформулировать следующим образом: «Организованное потопление утопающих есть дело рук самих утопающих» — всё стало сложно и темно.

Вчерашние Дон Кихоты в упоении от идеи конструктивного сотрудничества с ветряными мельницами стали лить на них воду, а Санчо Пансы всерьез изготавились быть губернаторами провинций и пошли обучаться этому новому делу на съезд народных депутатов. Вместо вполне реального кнута демократическая общественность получила увесистый мираж пряника и до сей поры его предвкушает, ибо миражи в отличие от сахара не рационаруются.

В ходе демократического соревнования будущие утопленники наперебой стали подсказывать Великому Кормчему, как поскорее выплыть на глубокое место и где взять камень побольше, чтобы привязать к их же шее. И, как это водится в нашей солнечной стране, мы не просто так потонем, а с полной консолидацией, сплоченно и под руководством КПСС, которая так дорожит своей приоритетной ролью, что даже концом света захочет руководить.

Но поскольку мы и сегодня продолжаем верить в прогресс, в обновление КПСС, в свое мировое и всемирное значение, а также в идеалы Октября, то от такого мистицизма среди нас развелись колдуны, факиры и марсиане в летающих блюдечках. Не исключено, что, если мы будем следовать по этому же пути и дальше, нас посетят зеленые черти и мы услышим голос духа Иванушки-дурачка.

Бедные футбольные болельщики, поспешая в Лужники, часто бывают отвлечены от своей цели и останавливаются возле очередного митинга поболеть за гласность и демократизацию. Перестройка оказывается не очень хлебным, но зато весьма зрелищным этапом. Каждый вечер вся страна, затаив дыхание, смотрит по телевизору матч «Горбачев — Межрегиональная группа» со счетом 1:1 в пользу партократии.

На 73-м году тоталитаризма народ вспомнил о социальной справедливости, которую когда-то обещали комиссары

в пыльных шлемах. И, похоже, собирается на очередной остров Утопию, с равным негодованием грома партократию и кооператоров, отвергая частную собственность, но требуя карточной системы. Жаль, что Преображенский и прочие теоретики военного коммунизма не дожили до наших дней — то-то радости бы им было.

О, как мы красиво идем! И неважно, что дорога ведет в никуда.

Кто там шагает правой?
 Левой, левой, левой!

ПО ОВЕ СТОРОНЫ ОТЧАЯНЬЯ*

Записки из подполья

«Скиф»**, выпуск EXTRA

Это была эпоха веселых ребят. Мы знаем, когда она начиналась, но не знаем, когда она, наконец, кончится. Наверное, когда всех нас (включая кинематографистов) оставит ничем не оправданный исторический оптимизм и охватит вполне обоснованное, хотя и запоздалое социальное и нравственное отчаяние.

Я решительно не согласна с теми, кто считает фильмы 30-х годов убогими, плоскими, неглубокими, не отражающими жизнь. Они глубоки, как бездна, их породившая, а их убожество и плоскость вполне соответствуют качеству и геометрии окружавшей их жизни. Веселые ребята плавали по «Волге-Волге» то в обличье трактористов, то в амплуа свиначок и пастухов. Они распевали бодрими голосами: «Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин, и первый маршал в бой нас поведет», они рядились в бурку Чапаева и бойко управлялись с Анкиным пулеметом. Они белозубо утверждали, что «в своих дерзаниях всегда мы правы».

Если бы у меня спросили, какие фильмы показывать в кинозале мемориального комплекса жертвам сталинизма,

* Первая публикация В.Новодворской в легальной советской печати.

** «СКИФ» («Спутник кинофестиваля») — газета о кино, выпускалась издательством «Советский композитор» во время Московского Международного Кинофестиваля.

я бы посоветовала крутить без комментариев «Цирк», «Чапаева», «Волгу-Волгу», «Трактористов». Любого нормального зрителя где-то после двадцати минут просмотра затрясет от ненависти, и прошлое — а заодно и настоящее — для него навеки превратится в выжженную пустыню, засыпанную золой. Тут же можно демонстрировать парадные снимки «Заноз», «Девчат», «Стрекоз» и батальоны «Иванов Бровкиных» — в профиль и анфас, на целине и Малой земле, в армии и родном селе, ибо все они после начальной неувязки (которые нельзя назвать ни фрондой, ни нонконформизмом, так как это не более чем милые шалости) в конце фильмов становились настоящими советскими людьми. Место в репертуаре мемориального комплекса за ними по праву — они родные дети и внуки «Трактористов» и «Веселых ребят».

Наш кинематограф — наша жизнь. При одномерности и однозначности бытия экран — не только зеркало, а прямо-таки распахнутое окно. В центре экспозиции 30—40-х годов я бы поместила прекрасную адскую фреску — «Ивана Грозного» Эйзенштейна. Это наш цветок зла — оказывается, они растут не только у Бодлера. Это поэзия ада и апологетика ада. В зле Иоанна есть нечто магнетическое. Оно притягивает нас. Что оставалось делать веселым ребятам? Они, как мотыльки, бросались в огонь. Иногда оставляя после себя эпитафии, как Павел Коган:

Я понимаю всё. И я не спорю.

Высокий век идет высоким трактором.

Я говорю: «Да здравствует история!» —

И головою падаю под трактор.

А как обстоят дела с весельем и отвагой дальше? Разморозила ли оттепель 50—60-х нашу ухмылку типа «гы», наш безудержный оптимизм? Гадалкам мало показать клиентам, что было и что будет: им надо непременно прошептать, на чем сердце успокоится, ибо иначе кто станет платить? Клиент платит за утешение, клиенту нужен цыганский ширпотреб. Не все гадают, как черноокая Кармен. Не все могут вынести такое гадание. «Чистое небо» не очистило нам душу, а от «Тишины» до сих пор звон в ушах. Их герои, если вспомнить Даля, «по всем кузницам исходили и нековаными воротились». Они не научились ни драться за свободу,

ни ненавидеть деспотизм. Они не лишились ни собачьей преданности идее, ни слепой веры. Это те же веселые ребята, сурово, но с надеждой смотрящие вперед.

И только выйдя на третий круг, веселые ребята стали сходить с дистанции. Их постепенно замешают те, кого в XIX веке называли бы нигилистами. Они редко улыбаются, разве что друг другу, и никогда миру, никогда — жизни. Ибо «на сей безумный мир ответ один — отказ». Но у нас мало фильмов, изживающих наследие веселых ребят. Гораздо больше случаев, когда «цыганка сама вдруг поверит благородным своим королям». Воистину «Завтра была война» и «Холодное лето 53-го» — во многом профанация, ибо общественное мнение хотя бы в отдельных своих проявлениях ушло от утешительных стандартов. Юрий Кара несколько подправил сусально-пряничный сюжет Бориса Васильева: в повести сентиментального утешительства было куда больше. Ситуация, в которой можно было быть арестованным в 37 году и выйти через месяц, неуместна, на мой взгляд, исторически и нравственно. Реальность была иной: расстрелы и ссылки. И никакого бунта на похоронах, никаких оружейных лафетов: молчание, страх, покорность. Война была не только завтра — вчера, сегодня и ежедневно шла куда более страшная война, о чем у Кары и Васильева ни полслова.

И столь же удручает так хорошо начатое — почти по-шаламовски! — «Холодное лето»: распад личности, оконченная жизнь, предел униженности. А продолжение вполне чапаевское — то ли «Великолепная семерка», то ли «Патетическая соната». Если это притча — раздавленное историей поколение должно избавить нас от гнета зла. Ну и как оно преуспело? Как вам живется в этом лучшем из миров, дети тех, кто всегда был в страдательном залоге и умел только то, чему раньше научили, — молчать и тянуть лямку? А если это реализм, и вестерн дан для развлечения досужего зрителя, то это святотатство.

Ах, как хочется авторам утешиться! Но то, что мы сделали со своей страной и с собой, — непоправимо. И нам не будет утешения. К этой истине прорываются несколько несхожих фильмов: «Покаяние», «Власть Соловецкая», «Исповедь. Хроника отчуждения». Что их объединяет? Ожог. Сознание непоправимости.

Многие радикалы отвергли притчу «Покаяние». Им не хватило имен и фамилий, географического адреса и портретного сходства. А по-моему, локализация есть, да и лучший проводник, чем указатели места и времени.

Это фильм — реквием по всем вместе и каждому в отдельности. Наши сумерки богов, давно обещанные Вагнером и «Старшей Эддой». Этот фильм — как Гималаи со своими восьмитысячниками, и его Джомолунгма — «Ода к радости». Под эту оду мы зачитывали смертные приговоры, пытали, казнили и взрывали свой Храм. Он был дан нам единожды — его не восстановить. Наша улица пока ведет в никуда. Но главное, незамеченное, — это цена. Не признание отдельных ошибок при сохранении правильной «генеральной линии», не новые одежды, натянутые на отрепье старых и истлевающие на ходу, не оформление браваурных маршей роком и блюзом, а жестокая необходимость: твой путь к храму, твоя улица к спасению лежит через страшную перспективу лично выбросить на свалку лично тобой выкопанный труп отца, через гибель единственного сына, через тебя, отвергнувшего жизнь. Другого покаяния просто нет. И даже не это самое страшное. Самое страшное — отсутствие катарсиса. В фильме торжествует то, что торжествовало всегда: трусость, шкурничество, ложь, конформизм. Не было великой драмы покаяния, суда, казни сумасшествием. Всё это привиделось Кето и привиделось нам. Фильм-сновидение, фильм-сублимация. А наяву дочь мучеников штампует кремовые Храмы. Возможно ли? Возможно более чем. А мы с вами — чем занимаемся? А чем занимаются Кара и Прошкин? Изготовлением восточных сладостей, засахаренного горя, цукуты с цукатами? До трагедии надо дорасти. Отчаяние — вот высшая степень духовности.

И кто хочет склонить голову перед подлинным реализмом — для тех фильм Марины Голдовской «Власть Соловецкая», горький и прозрачный, как вода Белого моря, и спокойный, ибо в трагедии всё предрешено и беспокоиться не о чем.

Но если в этих фильмах звучит рыдание, то «Исповедь» — бесполезный фильм. Плачут — живые. А это о загробном существовании, письма с того света — от детей эпохи психиатрического террора (именно этого дополнения к девяти кругам Дантова ада не вынес юный внук палача, именно

здесь схватил ружье деда). Эти дети не умеют улыбаться. Эти дети не хотят трудиться — к чему это у подножия Этны, извергающей пепел миллионов?

За то, что мы сделали с собой, карают до четырнадцатого колена. Карают внуков и правнуков за вины дедов и прадедов. И внуки научились главному — не зная, как с этим жить, желать себе смерти. Старшее поколение успокоилось на приятии мира, поколение героя «Исповеди»... не принимает мир. И в этом надежда. Ибо, сказал Сартр, «человеческая жизнь начинается по ту сторону отчаяния». Особенно для нас.

1990

ГРАЖДАНСКИЙ ПУТЬ МИМО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

«Свободное слово», №5 (35), 6 марта

Наше первое Учредительное собрание еще до его разгона было грубо, «под горшок» обстрижено большевистским Совнаркомом до рамок «социалистического плюрализма». Те немногие проценты «буржуазных» партий — будущие каэры (контрреволюционеры) — туда так и не попали, не воспользовались своими мандатами, уничтоженные, посаженные раньше всех остальных ленинскими «гвардейцами». Случайно ли то, что эсеры не заметили этого и не вступились в тот единственный день заседаний?

Случайно ли то, что левые эсеры, поделив с большевиками власть, поделили с ними и штатное расписание в ВЧК и опомнились только после Брестского мира? Отсутствие гуманитарных традиций, превалирование «общества» перед индивидуальностью, горячее дыхание Утопии за спиной толкали в черную дыру социализма.

Каэры (контрреволюционеры) были чужие. Социалисты были свои. Россия трагически расколота, и этим расколом умело и безжалостно воспользовались большевики. Даже восставший Кронштадт выдвинул требование освободить «всех представителей социалистических партий». Судьба несоциалистов не волновала восставших. Другая сторона проявляла не меньшую нетерпимость. «Пароход идет мимо пристани, будем рыбу кормить коммунистами». И не только коммунистами! А «собачьи и рачьи депутаты», а Колчак, уничтоживший остатки Учредительного собрания, — правых эсеров и меньшевиков, надеявшихся, что белые будут цивилизованнее красных...

Восставшие рабы, как правило, вымещают свои муки на бывших господах (это подоплека и якобинского террора, и казни злосчастных Людовика XVI и Антуанетты,

и мелочных и недостойных ограничений царской семьи в пище, одежде, прогулках и, наконец, их подлого и омерзительного убийства).

Наше несчастье было именно в том, что восстали рабы, не сумевшие пройти путь освобождения, не возвысившись до мировой культуры.

Но вот кровью, грязью, человеческой тщетою протекли 72 года. 18 января «Демократический Союз» перебросил мостик через все эти десятилетия, через пропасть гражданского и политического небытия. Слова «Вся власть Учредительному собранию!» прозвучали вновь у памятника Юрию Долгорукому. Но это будет уже не то Учредительное собрание. Многие надо было пережить, чтобы выстрадать девиз: «Ваше мнение мне глубоко враждебно, но ради того, чтобы вы могли высказать его, я готов пожертвовать своею жизнью».

На митинге 18 января рядом с революционными демократами стояли социал-демократы, демохристиане и либеральные демократы. С опозданием на 72 года эсеры и каэры обрели друг друга в рамках одной партии, сойдясь в главном: нельзя ничего навязывать силой; нельзя ничего запрещать; и, что бы ни выбрал народ, оставшиеся в меньшинстве сохраняют право на представительство и свободную проповедь. И то, что в Грузии в рамках общего Демократического движения действует монархическая партия, свидетельствует о том, что мы многому научились.

Это — подступы к Гражданскому пути. Ни фанатик, ни невежда никогда не найдут его. Несведущим людям кажется, что если ДС так резко выступает против строя, рвет портреты и жжет флаги, то после победы «демократических» сил в стране неизбежно начнется террор, что глубоко неверно. Одно дело — сжечь флаг Империи Зла, пока Зло всемогуще, или порвать портрет тирана, которому стоит только сделать знак, чтобы ты исчез бесследно. Другое — жечь книги, написанные апологетами и основоположниками строя, после падения строя, и жечь портреты тирана, когда он уже лишился власти. Первое — вызов, брошенный в лицо тирании, второе — варварство, близкое к язычеству.

Поспешное изъятие книг из библиотек (Сталин, Хрущев, Черненко, в перспективе — Ленин и Горбачев) — это желание забыть, что это было. Недостойная лазейка для

малодушных! Это было, и мы должны это помнить. Пусть это будет нашим вечным стыдом. И уроком. Культура неотделима от великодушия.

Культурные и свободные люди не станут мстить, не станут расстреливать даже заведомых преступников, не станут унижать себя конфискацией их дач, мехов, бриллиантов и машин. Виселицы в Нюрнберге и отлов для виселиц же более мелких нацистских преступников по всему миру были варварским ответом на варварство. «Око за око», «зуб за зуб» — это символ Нового Завета, а не XX века.

Достаточно остановить Зло. Но убивать злодея? Самому тем самым совершать Зло и продлевать цепь Зла до бесконечности.

Я думаю, что мы это переросли.

Пусть Зло остановится на нас.

Поэтому популистские лозунги и чаяния: запретить КПСС, объявить ее вне закона, бросить в тюрьму, сослать на каторгу, казнить лидеров компартии, изымать имущество у партаппарата («Грабь награбленное!») вызывают у членов ДС горькое недоумение, смешанное с отвращением.

Если Добро действует методами Зла, то как же их отличить друг от друга? Общественный остракизм, вечное презрение пусть да послужат палачам единственной карой. Мы накажем их тем, что не воздадим сторицей за всё, что делалось с народом последние 70 лет. Может быть, хотя бы тогда они поймут что-нибудь и ужаснутся своей жизни, и раскаются? Это идеи гандизма, наконец нашедшие себе благоприятную почву в стране, залитой кровью, ощупью обретающей Гражданский путь — путь достоинства, путь просвещения, путь добра.

Если эти идеи станут достоянием большинства, гражданская война будет невозможна.

Гражданский путь — это высокий путь. На нем человек создает себя как произведение искусства, как гуманиста, как просветителя, как гражданина, как странствующего рыцаря печального образа.

Если мы хотим избавить страну от Зла, мы должны уничтожить его в себе. Только тогда будет возможен Гражданский путь — единственная альтернатива гражданской войне. Иначе нам ее не обойти.

«НЕ ЛЮВЛЮ ДРАКОНОВ, ВИДЕТЬ ИХ НЕ МОГУ»

Газета «Деловая женщина»*, № 2

— В четверть десятого утра в квартиру ворвалась милиция, меня сковали и отвезли в прокуратуру, и там я портила настроение советскому правосудию до четырех часов. Заодно выяснила, что для меня создана следственная группа из десяти следователей, то есть тройная норма даже по гэбистским стандартам.

— **С вас взяли подписку о невыезде?**

— С меня невозможно ничего взять, потому что я ничего не даю. Я им письменно засвидетельствовала, что и предписания нарушу, и на допросы являться не буду. После чего меня отпустили на все четыре стороны.

— **Значит, мы можем говорить?**

— Да, пока есть время.

— **Валерия Ильинична, есть два слова: «поэт» и «поэтесса». Первое звучит солидно, по-мужски, второе — несколько уничижительно. По аналогии — политик-женщина. Вам в вашей политической деятельности никогда не мешало то, что вы женщина?**

— Во-первых, я никогда не была, не являюсь и не буду политиком. В нашем советском контексте политикой заниматься просто непорядочно. Политика — это сфера отношений, не свойственная тоталитарной структуре, это коррекция государственных программ и отношений при развитом парламентаризме, есть ТАМ, за океаном. У нас же — чистая ситуация фашизма, усугубленного тоталитаризмом, у нас возможны только отношения сопротивленческие между оппозицией и властью. Ну, а может ли боец Сопротивления, солдат Сопротивления, воин Сопротивления считать себя политиком? А во-вторых, я никогда не чувствовала ни пренебрежения, ни уничижительного оттенка, потому что я всегда играла не в женское классе, вот, скажем, есть состязания шахматные для женщин, а есть для мужчин — я играла всегда в мужские игры, старалась из себя воспитать настоящего мужчину. По-моему, мне это

* Издание Акционерного общества «Развитие».

удалось. По крайней мере по сумме своих арестов я превосхожу всё оппозиционное мужское население СССР. Насколько мне известно, шестнадцать арестов за два года нет ни у кого. Разделение человечества на мужчин и женщин — поверхностное разделение. Для тех, у кого человеческое не приоритетно, а приоритетны половые признаки.

— **Не устали быть бойцом?**

— Нет, не устала. Это форма моего существования. И цель. Покуда в мире есть фашизм... по Шварцу: «Не люблю драконов, видеть их не могу».

— **А что приносит удовлетворение? То, что вы кому-то мешаете, вас боятся? Или есть какие-то удачи?**

— Бой — это уже удача. И вызов — это уже удача. И чем меньше у тебя материальных сил, тем удачнее на самом деле борьба. Ни одна идея никогда не будет в безопасности, пока есть хотя бы один человек, способный открыто сказать ей «нет». Тоталитаризм ликвидируется подобной формой противостояния. Если не все любят Большого Брата, не возникает оруэлловская ситуация. О большем нам пока мечтать не приходится. При общей безотрадности наличие людей, в частности «Демократического Союза», которые публично бросают такой вызов, — это уже великое благо. Едва ли здесь можно говорить об удовлетворении. Вопрос в том, останешься ты человеком или нет.

— **Не кажется ли вам, что «Демократический Союз» себя исчерпал, сделал свое дело и, как мавр, может удалиться — или же должен обрести иную форму?**

— Да нет, напротив. Нынче у нас, как всегда, как прежде, большой недостаток, большой дефицит в антисоветчиках, антифашистах, антикоммунистах — для того чтобы опровергнуть советскую многопартийную систему, советские выборы, советский парламентаризм, советское президентское правление, то есть вот этот мир Зазеркалья, вывернутый мир, мир новой перестроечной лжи, которая гораздо опаснее всей прежней лжи, вместе взятой, потому что она — суррогат и дискредитация самой идеи демократии.

<...>

— **Насколько вам для самоутверждения необходимы последователи, ученики, единомышленники? И насколько они последовательны в своем единомыслии с вами?**

— Мы ведь не создаем ни ашрам, ни коммуны, ни даже философскую школу, где все обязаны подражать учителю. ДС — это кошки, которые ходят сами по себе, и так случилось, что эти кошки сползли на одну крышу. Здесь нет ни последователей, ни учеников. Ну разве что считать нашим общим учителем свободу. Свободному человеку не нужны ни ученики, ни последователи. Ученики и последователи нужны как раз тому, кто не является свободным, — для самоутверждения.

— **Как вы думаете, можно ли, не протестуя, не конфликтуя с действительностью, вырасти достойным человеком?**

— Это исключено. Человеческое достоинство — это борьба с недостойным, так же, как Добро — противостояние Злу. И добро не может уклониться от противоборства, оно должно искать Зло с копьем наперевес, как Дон Кихот Ламанчский.

— **Чем, по вашему мнению, вызваны разговоры о сугубо женском призвании и как совместить тягу женщины к домашнему очагу и всё более возрастающую общественную активность женщин?**

— Дело в том, что нельзя получить всё. Нужно выбирать. Если семья, очаг, уют, сохранность генофонда, стабильность являются ценностью, то, значит, нужно пожертвовать семью ветрами. Видимо, приходится разделить на два отряда: одни будут, по Марине Цветаевой, хранительницами очага, а другие вот теми, которых «уводили под полою епанчи» и которые не сидели «над прялками и над люльками в ночи», вот те самые «сестры пыльные», которые в аду «будут пить адскую смолу».

Все современные конфликты, я думаю, происходят из-за того, что человек жаден и хочет объять необъятное. Мне очень забавно наблюдать за жалобами бедных женщин, которые жалуются, что вот или у них не ладятся дела, или у них не ладится семейная жизнь, не понимая, что нужно выбирать. Семейный очаг — это практика взаимных компромиссов, когда ты отказываешься от части своей свободы и получаешь что-то в обмен, это взаимное рабство. Семья и свобода, с моей точки зрения, несовместимы, поэтому человек должен решать, чего он хочет: свободы или семейного очага. Как женщина, так и мужчина. В особенности, видимо, женщина, которая берется за нетрадиционные вещи. Но поскольку меня традиционные женские

ценности никогда не интересовали, то у меня не было этой дилеммы. Для меня сильный ветер — вот форма бытия.

— **Значимо ли для вас понятие быт?**

— Это горестная необходимость, с которой приходится мириться. Безусловно, любой человек, независимо от своей ипостаси — женской или мужской, — должен убирать квартиру, ходить на тропу за пропитанием, прилично одеваться, запасаться какими-то современными косметическими средствами. Если он не в состоянии позволить себе завести горничную, то этим придется заниматься как свободной женщине, так и свободному мужчине.

— **Кто из нынешних советских женщин-политиков достоин вашего уважения?**

— Я считаю, что политик в советском контексте вообще не достоин уважения, ибо это пособничество власти, попытка выжить, приспособиться. Особенно отвратительна здесь роль демократов, которые при этом еще пытаются выглядеть демократами. Есть люди, которые находятся на пути становления, которые лично честны, стремятся искренне к добру, но это не значит, что они являются политиками. Наиболее привлекательный человек — Галина Старовойтова. Других просто не могу назвать.

— **Достойны ли вас ваши противники?**

— К сожалению, мы не можем сегодня сказать, как когда-то при Грибоедове говорили, что судьба не обделила нас ни друзьями, ни врагами, ни поэтами. Противники такие, что хвастаться здесь особо нечем: подлые, низкие, трусливые, как нашкодившие котята, которые, по идее, даже репрессии-то применять боятся, когда встречаются с должным отпором, которые пакостят в темноте, когда никто не видит. Что поделаешь, сама система подлая, сама советская власть — предел низости, тупости, некомпетентности, примитивизма. Советская действительность — это же предельное унижение. Даже когда борешься с советской властью — испытываешь отвращение, потому что это все равно, что бороться со спрутом — что-то скользкое и омерзительное.

— **Вы хотели бы наступления такого времени, когда не с кем и не с чем бороться?**

— Откровенно говоря, это и есть та самая коммунистическая утопия, которая и привела к невысказанному советскому контексту. Это царствие небесное, в котором,

наверное, будет порядком скучно и к которому наши земные души не приспособлены. Я думаю, ситуация «туманности Андромеды» невозможна на земле, именно поэтому не верю ни в социализм, ни в коммунизм и считаю, что это очень опасные мифы. То есть я думаю, что «и вечный бой, покой нам только снится» — это состояние человечества, что Зло на земле неустранимо, можно только смягчить его последствия. Западная форма демократии, плюрализм цивилизованных стран — лучшего и большего человечество просто в потенции не имеет и не в состоянии выработать.

— **Как вам удалось пройти этапы: детство, отрочество, юность — и не сломаться? В вас изначально был заложен прочный внутренний стержень?**

— Мне немножко непонятно, что именно в детстве и отрочестве должно было меня сломать?

— **Я имею в виду нашу систему воспитания в детских садах, школах, пионерскую организацию, комсомол... Всё это сильно воздействует и может легко деформировать детские души.**

— По себе я этого как-то не заметила. Когда я в десять лет, совершенно не зная ни истории, ни теории, не понимая еще, где и при чем живу, читала об освоении целины, меня трясло от ненависти. Когда мне предлагали убирать после уроков класс или участвовать в каких-то субботниках, я еще в начальной школе отказывалась это делать. У меня прочерк в аттестате по трудовому обучению. Я никогда не мыла классов, никогда не дежурила, не подчинялась никаким установлениям, ходила только на те уроки, на которые считала нужным ходить. Ну что ж, я могла себе это позволить — я занималась в школе по университетским учебникам, школьных никогда не держала в руках. А из детских учреждений меня просто выгоняли, потому что никто не мог меня терпеть более двух дней. Я поступала по моему любимому радищевскому принципу: «Стопы несущему, где мне приятно. Тому внимаю, что понятно. Вещаю то, что мыслю я. Любить могу и быть любимым. Творю добро, могу быть чтимым. Закон мой — воля есть моя». Это сказано очень рано, в XVIII веке. Человечество до этого пока еще не доросло.

— **Валерия Ильинична, вам свойственно стремление к успеху?**

— Нисколько. Мне кажется, что это пошло и поверхностно — стремиться к успеху. Состоявшаяся личность вообще не мыслит подобными категориями. Человек должен иметь великую цель, и, конечно, никакие идеи личного успеха на эту цель не накладываются. Если человек делает достойное дело, он в этом обретает свою награду и свою состоятельность.

— **Спасибо, Валерия Ильинична. Мои вопросы исчерпаны. Если вы еще что-то хотите сказать, я готова выслушать и записать.**

— Я хотела бы добавить, что сейчас у растоптанного, задушенного советского общества создается ощущение, что увеличивается сумма свободы. И эйфория от этого ощущения предельно велика. На самом деле никогда еще советское общество не было менее свободно, чем сейчас. И никогда идее свободы не угрожала большая опасность. Дело в том, что тоталитаризм сейчас достиг предельной зрелости, и он может себе позволить отказаться от массовых репрессий именно потому, что некого репрессировать, нет личности, она уничтожена, сломлен всякий активный массовый протест. Люди уже остаются в клетке, даже если ее открывают. Случилось самое страшное: уже не нужно бить кнутом, достаточно только замахнуться. Действительно, не обязательно сейчас людей гнать автоматами к избирательным урнам, они идут и сами добровольно голосуют за преступную власть. Они не знают ничего другого, вот как у евтушенковского голубого песца: звероферма — это их родина.

Раньше, в шестидесятые-семидесятые, люди страстно желали свободы, они точно знали, что свобода — это то, чего у них нет. А сейчас потеряно даже представление о свободе, потому что тот советский суррогат, который им вливают в рот, они принимают за свободу. Они всерьез убеждены, что у них сейчас есть многопартийность, парламент, что возможны какие-то выборы. Это очень страшная вещь. Поэтому единственное, что нужно сейчас человеку, в общем, это нужно было и в двадцатые, и в тридцатые, и в сороковые, и в пятидесятые годы, — это полная непримиримость по отношению к этой власти и к самому себе, ко всему советскому в себе.

И если лозунги будущего, согласно программе ДС, это «Долой советскую власть!» и «Долой советский государственный строй!», то сегодня с этими лозунгами просто

пока не к кому обращаться. Сегодня единственный приемлемый лозунг, который можно реализовать, — это «Долой советский народ, который является главным препятствием для достижения демократического состояния»... Ну что, стало очень жутко?

— Оно и было жутко, но вы всё так четко сформулировали, что ощущение жутки стало еще яснее.

— Формулировать жуть и ее программно оформлять — это главное занятие ДС. Вот такая небольшая мистика в форме политической партии. Есть же наивные люди, которые принимают ДС за политическую партию. Это такая хорошая политическая секта. Такой вот клуб самоубийц.

Я надеюсь, что когда деловые женщины, так же, как и деловые мужчины, всё это прочтут и дела у них вывалятся из рук, то, может, они задумаются хотя бы на минутку.

Беседовала Алла Первалова

ПОВЕДИТЕЛЬ НЕ ПОЛУЧАЕТ НИЧЕГО

«Свободное слово», №6 (36), 13 марта

Разные бывают победы. Среди них, между прочим, и пирровы. Которые, как известно, граничат с поражениями.

Давайте рассмотрим последние достижения осенне-зимнего перестроечного сезона и еще раз вместе насладимся их сочными плодами и непреходящими историческими результатами.

Освобожден Сергей Кузнецов. Освобожден истерзанным, в ужасном состоянии, почти у кромки могильного рва. Христианнейшее советское правосудие признало, что три года ни за что, ни про что — это слишком, что шести месяцев принудительных работ ни за что — с лихвой достаточно...

А год пыток в свердловских, московских и психиатрических застенках, а разрушенное здоровье? «Море велико, а океан времени бесконечен. Плюй, братец, в море: воды в нем не прибавится. Кляни свою судьбу, а ей нипочем» (Чапек).

Тоталитарная система — чем не океан? И жалуйтесь хоть в Вену, хоть в Страсбург — пока не вычерпан океан,

удовлетворение не получите. Разве что московские главком-верхпреступники пожертвуют пешками в своей игре — маврами из свердловской мафии — и уволят их с занимаемой должности. Еще и не такие пассы делали! Палач Сталин расстрелял за их общие коллегиальные преступления и Ежова, и Ягоду. Едва ли от этого прибавилось права и социальной справедливости.

Нам говорят: раньше было хуже. Мол, освобождали не при жизни, а через 50 лет после смерти в виде справки о реабилитации. Да и такса была другая: ни за что — 10 лет давали, а за кое-что — двадцать пять.

Так что демократические силы одержали сокрушительную победу.

А по-моему, победу они одержали бы, если бы судьба политзаключенных настолько волновала народ, что не 10 тысяч, а миллионы бы выходили на митинги, страна замерла бы во всеобщей политической стачке, а демократические силы штурмом взяли бы свердловскую тюрьму, Бутырки, Пермские лагеря и освободили и Кузнецова, и Манучарова, и всех остальных политзаключенных. А пока мы сами освободить не можем и требуем освобождения от тех, кому отказываем в повиновении. У нас нет еще сил? Ну так будем честны, не станем выдавать свое бессилие за силу.

Еще одна победа. Горбачев не послал в Литву танки (впрочем, их там и так хватает), а поехал сам со своим цирком шапито из ЦК. Сказал, правда, четко перед отъездом: мол, в намерениях сильного центра не сомневайтесь, в возможностях — тоже, СССР разрушить не дадим. Какая должна была быть встреча после всего — и давнего, и недавнего, что накопилось за 50 лет? Пустые улицы. Лозунги: «Горбачев, возвращайтесь домой — с оккупационными войсками и тоталитаризмом в придачу!» — и всё прочее в том же вкусе. Закрытые магазины и кафе. Отказ с ним разговаривать. Переговоры с кучкой коллаборационистов. Но как же представили всё это по телевизору?

Агитация и оживление. Встречи на улицах. Зал с противниками и сторонниками, смех, чуть ли не круглый стол, отец своих подданных мягко распекает шкодливых деток. Консенсус между империализмом и свободой. Популярность компартии Литвы, обошедшей Саюдис. («А все-таки жаль — иногда над победами нашими встают пьедесталы, которые выше побед», Окуджава).

Конечно, компартия Литвы исправляет некоторые «ошибки», и дай ей, как говорится, Бог, но почему она должна быть популярнее Саюдиса, которому и исправлять вроде нечего, а также популярнее борцов за свободу, которые сидели в тюрьмах, когда компартия Литвы ни о какой свободе не помышляла (Лига Свободы Литвы, Демократическая Партия Литвы)?

Литве предложена Горбачевым не свобода, а смена статуса: вместо барщины перейти на оброк, но в том же крепостном состоянии. Это и есть суверенитет в рамках СССР. Победой будет уход и из СССР, и из системы, мирная демократическая революция с восстановлением государственной независимости — без опроса, без колебаний, без переговоров.

Свободный человек не нуждается ни в выкупном платеже, ни в вольной, подписанной Политбюро ЦК КПСС, ни в Юрьевом дне. Он встает и уходит по-английски, не прощаясь. Колоссальные победы одержаны в области гласности. В 4-м номере журнала «Огонек» помещен на первых же страницах (видимо, передовица номера) поясной портрет одного партийного функционера, который честно ведет аппаратные схватки, не выходя за рамки системы и Устава, — и это не в порицание, а в похвалу.

Мне объяснили сведущие люди, что подобное — цена за какую-нибудь смелую публикацию.

А так как «Огонек» много раз безуспешно готовил материалы о ДС, я теперь с ужасом думаю: какую плату потребует с журнала за репортаж о ДС, если наш материал пойдет, и будет ли подобная амбивалентность и подобное двоевластие способствовать торжеству демократии или скорее лягут на чашу оруэлловского варианта.

Не стала бы я к победе демократии приписывать и митинги, за которые дают не 7 лет, а 15 суток (со скидкой). Достоинство свободного человека не мирится не только с засечением насмерть, но и с одним-единственным ударом розгой.

Почему до сих пор действует печально знаменитый Указ*? Потому, что следом за разгоном пяти тысячного митинга на площадь не выходят двадцать тысяч, послезавтра — сто, потом — полмиллиона, как было в Чехословакии...

И если мы сегодня еще не можем в полной мере **СОПРОТИВЛЯТЬСЯ** — давайте хотя бы не обольщаться.

* «О порядке организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в СССР».

Авось нам это поможет не утратить верные ориентиры и начать настоящее сопротивление.

Победы последнего «спортивного» сезона не помогут нам подняться в следующую категорию класса «А».

Победа не имеет ничего общего с ликованием раба, господин которого в припадке благодушия или по заранее продуманному лицемерному плану смягчил кару...

РАЗВОД ПО-ДЭЭСОВСКИ*

«Свободное слово», № 7 (37), 20 марта

Как нам лучше всего размежеваться? Лучше всего — культурно, не по печально известному сценарию развода меньшевиков-большевиков: с дрызгами, скандалами, грязными обвинениями во всех смертных грехах. А, скажем, так, как расстались когда-то землевольцы: поделили партийное имущество, подали друг другу руки и пошли. Плеханов — в марксизм, а Желябов с товарищами — на виселицу. Расставаться лучше с горечью, чем со злобой. Это — по форме.

А по содержанию?

Кто с кем будет размежевываться? Предложения Дмитрия Старикова более чем серьезны. И я с ними согласна: само изменение позиции, если оно происходит на основе чужого пленума враждебной ДС силы — КПСС (т.е. если их пленумы могут влиять на наши программы), это достаточный повод для размежевания тех, кто хочет быть независимым от этой власти и вышел из системы, с теми, кому система не тесна и кто не ощущает постоянного антагонизма по оси Система — ДС.

И хотя не бумажные реформы (отмена 6-й статьи** при сохранении всевластия КПСС и игрушечная многопартийная система при сохранении тоталитарного статуса-кво) создают новую реальность, но эта реальность действительно предложит выбор: сдаться или бороться дальше. Регистрация насильно нам не угрожает, за Систему нас против нашей воли не выдадут: у алтаря надо сказать «да». И никогда больше не смогут бороться вместе эти «да» и «нет».

* Ответ на статью Д.Старикова «Как нам лучше размежеваться?» (опубликованную в том же номере газеты) о будущей стратегии ДС.

** О руководящей роли КПСС.

Мы шли рядом, теперь мы у развилки дорог. Направо пойдешь — в свободу — жизнь можешь потерять; налево пойдешь — с властью — потеряешь еще больше: независимость и честь.

Да, бороться в условиях «посттоталитарного» режима при тоталитарном строе сложнее, чем в черно-белой тотально насилующей ситуации. Можно потерять нравственные ориентиры, да и политические заодно, когда восставшему Тбилиси — бойню, а тебе — многопартийную систему в награду за хорошее поведение; когда народу Баку — танки и пулеметы, а тебе — регистрация твоей «оппозиционной» партии. Когда насилуют не тебя, а соседа, как не умилиться сердцем? Правда, надо очень плохо знать историю, чтобы забыть исходы подобной ситуации (сегодня — ты, а завтра — тебя). И еще меньше ощущать чужую боль как свою (политзаключенные, расстрелянные, зарубленные, голодные).

Только не спотыкаясь, но перешагивая через убитых, не глядя по сторонам, на обочины, где изготовились к броске танки, можно назвать наше плавание по течению в перестроечных рядах «демократическим процессом». По мне, такие «массовые движения» ведут в никуда. И не надо жалеть, что ты не заблудился вместе с массами!

Так велика жажда автора поверить власти, что он не дочитал толком новый проект Программы (боюсь, что при дальнейшем знакомстве этот проект будет устраивать Дмитрия Старикова всё меньше и меньше). Не Горбачев будет нас напутствовать отеческими слезами на пороге Учредительного собрания. Нет! Проект предполагает мирную демократическую революцию, всеобщую политическую стачку, падение власти, Временное правительство, а затем уже выборы и проведение заседаний Учредительного собрания. Свободный народ мог бы «спокойно забрать власть». Но партократия «спокойно» власть не отдаст. Так что кампании гражданского неповиновения не избежать.

И нет ничего смешного в том, что «реформы» власти имеют тройное значение. Да, они вынужденные, система завершила один этап своего развития и ради своего сохранения выходит на другой, «перестроечный». Оттепели и НЭПы разве не способствовали сохранению системы (без них возможен был взрыв или, как в 1950-е годы, — полная самоликвидация партаппарата)? И разве не были они

вынуждены ситуацией? И при этом они не давали ничего прочного, существенного (местное обезболивание на короткий срок, а не излечение недуга). Вот и вся троица автора. Это не абсурд, не алогизм, а наша советская действительность во всем его бредовом реализме. И хотя «реалистическая» программа «реалистического» крыла ДС не мое дело — я не реалист в этом смысле, я из другого крыла, но всё же некоторые ее пункты показались спорными даже для уровня реализма прежней программы ДС. Так что хочу задать ряд вопросов.

1. Какие силы в стране смогут уже сейчас отстранить КПСС (значит, армию, и ГБ, и МВД) от власти за несколько дней — да еще в пользу демократии? Где они притаились? Почему мы их не видим и не слышим? И что же они медлят? Отдали бы власть в свете их концепции, что всё дело в КПСС, той же МДГ. Попробовали хотя бы. Мы такие силы искали, но не нашли. А хотелось бы познакомиться.

2. Какой правовой основой располагала КПСС для утверждения своего господства? Как можно лишиться той правовой основы, которую ты никогда не имел?

3. В чем необратимость ухода советских войск из некоторых оккупированных стран? Всегда можно захватить другие, да и в прежние вернуться. Насильникам приглашения не нужно. Или необратимость ухода из стран Восточной Европы заключается в отказе уйти из стран Балтии, Грузии, Армении, Азербайджана?

4. Можно ли считать при этой власти реалистичной борьбу за осуществление реформ (плюралистическая в экономическом и политическом аспектах демократия)?

5. Как интеграция государства в мировую систему снимет проблему отношений России и того, что автор называет «союзными республиками» и что на самом деле — оккупированные территории? Индия не удовольствовалась интеграцией Британии в мировое сообщество и добилась свободы. И была права. И дай Бог всем «союзным республикам» решиться на это.

6. Что же это за «посттоталитарный период», если класс экономически независимых тружеников существует в нем «под вопросом», а партократия — без вопроса, на уровне ответа?

7. Считает ли автор, что «рассмотрение возможностей» эти возможности усиливает или реализует? Есть

и МАДО*, и объединения избирателей, а демократического фронта нет как нет. Ведь не ДС же мешают?!

8. Зачем диктатуре под видом президентского правления нужна левоцентристская коалиция, если не в качестве «пятой колонны», которая вместе с ней подавляла бы народ, прибавляя к пушкам некоторое количество бумажных цветов (увы, в отличие от музыки Шопена, пушки у нас все равно торчат из-под незабудок).

9. Если реакционные силы включают в себя и основную часть партократии, и ГБ, и генералитет, и интерфронты (за ними — популизм), и ОФТ** (за ними — люмпенизированные рабочие), т.е. практически большинство народа и власти, то мне как «идеалисту» непонятно, каким образом «реалисты» собираются со всем этим совладать и провести помимо воли большинства демократические реформы? Кого и как изолировать и подавлять (хорошо, что я не «реалист», мне не придется думать о подавлении кого-то). Я примерно представляю себе, по какой статье автор хочет сажать «Память» и нацистов. Читала в «Огоньке» сей «демократический манифест». А вот за что сажать ОФТ и интерфронты? За то, что плохо понимают демократические идеалы? Так тот, кто предлагает за это сажать в тюрьму, понимает их еще хуже. Интересно, что радикальное крыло ДС никого сажать не намерено, даже партократию. Поистине у нас всё встало с ног на голову! Либералы — за репрессии, радикалы — против них!

10. Непонятно, кто будет распускать КПСС? Горбачев? «Реалисты» из ДС? Ельцин и Гдлян? А КПСС как к такой идее отнесется?

11. Россия может, конечно, создавать любые структуры. Это ее дело. Но какая из «союзных» республик согласится добровольно сидеть на цепи нынешней конституции и иметь суверенитет в пределах клетки? Я всегда считала, что реализм вносит ясность. А здесь больше импрессионизма. И ничего пока не понять.

А теперь да позволено будет радикалам объяснить, из-за чего мы разводимся.

В 1988 году в ДС вступали люди с разными потребностями в свободе. С разными запросами. Так бывает всегда. В 1956 году одни порадовались, что уже не сажают ни за что.

* Межрегиональная ассоциация демократических организаций.

** Объединенный фронт трудящихся.

И ощутили свободу. Свою свободу. И вышли из игры. Что им была раздавленная танками Венгрия, что им был какой-то запрещенный самиздат. Другие, у кого было больше гордости, продолжали бороться. А потом оставили борьбу те, кому хватало права читать, и успокоился Максимов, и примирился Аксенов, и порадовался Войнович. В любом обществе есть люди, которым хватает свободы. И есть люди, которое вечно будут за нее бороться.

Так вот, мы в ДС разойдемся не с теми, кто участвовал в выборах. Многие из «участников» не приемлют эту систему и никогда не прекратят борьбу с ней. На выборах и в Советах они рассчитывали бороться. Они уйдут оттуда, когда поймут, что это — не борьба.

Мы разойдемся с теми, кому легко дышится в нашем угарном воздухе, кому не в тягость наши цепи, с теми, кто может обойтись без настоящей неподдельной, не «советской» демократии. С теми, кто готов развестись с товарищами, чтобы вступить в брак с палачами страны.

Мы разойдемся с теми, кто, в отличие от Павла Когана, предпочитает углу — овал, а камере — их круглый стол.

Дмитрий Стариков подает на развод. Я не буду доказывать суду, что была верна системе и Горбачеву. Пусть на меня возложат судебные издержки. Супруги разойдутся по обоюдному согласию.

ПЕРМАНЕНТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

«Свободное слово», №8 (38), 27 марта

Есть у братьев Grimm сказка, суть которой в том, что молодой королевич никак не может испугаться, а ему страсть как хочется понять, что такое страх. В конце концов беднягу выручает жена: выливает ему на постель ушат воды с головастиками. Вот и со мной та же беда, только с обратным знаком, очень хочется восхититься ростом демократического движения и даже впасть по этому случаю в экстаз. Чтобы воскликнуть вместе с Фаустом Гёте-Пастернака: «О, эта высь! О, это просветленье!» Да не выходит что-то.

Давайте-ка вместе постранствуем по нашим революционным амбарам и демократическим сусекам. Авось наскребем горсти две радости и восторга на какой-нибудь именинный колобок.

Начнем с площадей. Хотя бы 16 февраля. Хочешь обрадоваться у памятника Юрию Долгорукому (для начала). А там стоят молодые люди с горящими глазами и надсаживаются: «Ельцин — совесть нации!» Вот тебе и раз. Не говоря ничего худого о Борисе Николаевиче, тем не менее заметим: только что мы совестью нации называли Андрея Дмитриевича Сахарова. А по части совести не бывает ни первых, ни вторых заместителей. Хорошо еще, что не заявили, что Борис Николаевич еще и «ум и честь», а то был бы полный комплект, и пришлось бы Ельцину на таких вредных поклонников в суд подавать за диффамацию. Диагноз прост: молодым людям нужен «вождь». Их давно строим под барабаны не водили.

С диагнозом просто, с лечением сложней: демократическое сознание, чувство юмора и внутренняя свобода даже по рецептам с круглой печатью не выдаются.

Опечалились. Пошли радоваться дальше, на Пушки. Приходим — а там стоит АОД*. Ну, слава богу! А с чем стоит? Ну, так и есть. Референдума требует по вопросу о независимости Армении. И от кого, вы думаете, требует? От нее, родимой, от нее, болезной, от государственной имперской власти и требует. Как будто она у нас многостаночница: одной рукой оккупирует, а другой среди поработенных народов референдумы проводит: все ли, мол, довольны таким положением вещей.

Кто-то, наверное, АОД в заблуждение ввел: сказал, что у «сильного центра» одна забота: как бы демократические нормы соблюсти (вдруг не все согласны на свободу и независимость, и вывод их оккупационных войск заденет их законные интересы). Оказывается, все колониальные дела просто решаются: голосуем против, и колонизаторы в панике разбегаются, дабы не сказали, что они не достойны жить в правовом государстве. Казалось бы, чего проще: не в Москве, а в Армении провести без спроса референдум, изменить строй (вроде бы он там никому, кроме партократии, не по душе), и с богом — как Индия, как Ганди и его сторонники.

Англичане не от хорошей жизни из Индии ушли. Если бы им предлагали самим референдумы проводить по поводу своего ухода, то и поныне бы они там сидели.

* Армянское общенациональное движение.

Дальше — больше. Лозунги типа: «Уважайте статьи Конституции за номером X, Y, Z». Позвольте, а почему именно 72-ю статью о свободе выхода из СССР? Потому что подошла? А если уважать введение, где сказано, что советский народ руководствуется идеями «научного коммунизма»? Вот мы все и погорели! Вне закона! За неуважение! Ибо не руководствуемся! А статьи 50 и 51? Одна — свободы предоставляются в «целях укрепления и развития социалистического строя», другая — для объединения в общественные организации требует «соответствия с целями коммунистического строительства».

Ну, не коммунистов и не социалистов по этим статьям сразу на Колыму (говорить — говорят, организаций понаделали, а не укрепляют и не соответствуют), а вот куда тех, кто себя социалистами и коммунистами считает, да мнения на этот счет у них с Горбачевым расходятся? Экспертизу проводить, кто есть кто? Они проведут... В институте Сербского у наследников Лунца.

А далее 62-я статья. «Гражданин СССР обязан оберегать интересы Советского государства, способствовать укреплению его могущества и авторитета». Ну, по этой статье всех подряд можно сажать (и «Молодая Гвардия» так считает), всех «злопыхателей»: «Огонек», «Московские новости» и прочее. А по статье 65 — уже всю страну подряд, ибо она обязывает быть «непримиримым к антиобщественным поступкам, всемерно содействовать охране общественного порядка».

Ты бы и рад, да побоялся неформала за ворот ухватить на митинге (вдруг сдачи даст, а спецназ зазеваётся), да и потом, если весь день порядок охранять, то на частную жизнь времени не останется. А как непримиримость проявить? Газеты пишут, что полстраны антиобщественные поступки совершают (неформалы, экстремисты, рэкетеры, националисты, враги перестройки). Как на всё реагировать? Письма писать? С бумагой и так сложно, а здесь ее и на квартал не хватит: всех осудить. Ну как, будем просить, чтобы «они» это соблюли?

Охраны же и проволоки не хватит, даже с нашими показателями по уровню стали на душу населения. Отсюда мораль: не надо ссылаться на такой документ, которому место в музее палеонтологии в отделении птеродактилей и бронтозавров.

Начинаешь разговор и выясняется, что митингующие и демонстрирующие — за ленинскую внешнюю и национальную политику. И ничего другого им не надо. У Ленина,

конечно, большие заслуги по части национальной политики: если что удержать силой не мог, то сразу назад добровольно отдавал. Финляндию, Польшу, Латвию, Эстонию, Литву. Понимал все-таки: за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь. Есть же закон правильного пищеварения: одну страну проглотил, отдохни, перевари, потом принимайся за следующую. А не то подавиться можно.

Да... Будем так освобождаться — век нам свободы не видать. К телевизору кинешься — а там Верховный Совет (и не в нем дело, а в депутатах от Балтии, а в либералах, которые там остаются) решает, как ему с чужой собственностью поступить, в 1917 году еще награбленной. Я понимаю: разбой — тоже профессия. Вхожу в положение. Ну, начали с 1917 года и до 1930 всё и покончили. Потом уже отнимать было нечего. Хорошая профессиональная подготовка у большевиков была. Но чтобы их наследники из той же шайки под кодовым названием «партократия» (не хуже «Черной кошки», правда?) на телеэкране на глазах у потомков своих жертв законы насчет чужого добра принимали, а мир бы весь дивился и восхищался, — я о таком даже в «Острове сокровищ» не читала. Такая радость возьмет, что хочется разбить собственный цветной телевизор.

За собственную газету хватаешься, за «Свободное слово». Ну, думаю, хоть здесь душу отведу. И вижу: в статье А.Иоскевича «Не за нас, а с нами» из номера 32 целый комплекс свежих, новых идей, которые нам сопутствовали с 7 мая 1988 года и отвечать на которые нам придется, видимо, и с того света, раз так непонятно объясняем это, что тема все время возникает заново. Всё то же: подставлять лучшие головы под дубинки спецназа — это стремление провокаторов КГБ, которые только водятся в нашем водоеме.

Боюсь, что если довести мысль автора до логического конца, то придется прийти к тому, что большая часть членов ДС — провокаторы КГБ, которые, в нарушение Устава ДС, состоят одновременно в двух диаметрально противоположных организациях. Ведь незаметно что-то, чтобы кто-то нас толкал под дубинки. Сами идем, добровольно.

А «лучшие головы», если автору интересно, как раз тем и отличаются, что не склоняются перед деспотизмом, а остаются поднятыми несмотря ни на что. А уж чем будут

приветствовать эти головы мракобесы и тираны — только дубинкой или уж сразу топором — это не наши трудности.

Наши трудности — добиться, чтобы все головы поднялись и не опустились уже никогда. Очень заинтриговала меня также мысль автора о том, что народ должен увидеть вторую силу в политической оппозиции, но для этого не надо пугать конформистски настроенное большинство идей конфронтации с властями. То есть автор предлагает дополнить оруэлловскую триаду («Свобода — это рабство», «Мир — это война», «Незнание — сила») еще одной истиной: «Сила — это слабость».

Даже если это «вторая сила». Наш народ зачастую видит то, чего нет, но даже он, боюсь, такую слабость не примет за силу. Далее автор предвидит непринужденное замещение коммунистических сил демократическими. Интересно, за счет чего это произойдет? Если мы не будем тревожить конформистски настроенное большинство и оставим его наедине с его конформизмом? Если демократия не пойдет на конфронтацию с деспотизмом, то, видимо, деспотизм просто подвинется и даст демократам место?

Я предоставляю ЭВМ подсчитать все микрошансы такой развязки — я не сведуща в математике, в особенности в теории бесконечно малых величин. Кстати, я не представляю себе вообще, как это демократия обойдет конфронтацию с деспотизмом. Мирное сосуществование двух различных систем, что ли? На этот раз — в пределах одной страны? Ладно. Отлебнули ложку дегтя из нашей бочки меда.

Пошли дальше. Курс на демократический мебельный гарнитур. «Круглый стол», мебельная фабрика «Заря перестройки», цена стабильная, с 1917 по 1990 год — сотрудничество, коллаборационизм, соучастие, предательство в свободно конвертируемой валюте. (Имеет хождение в мире от Адама до наших дней.)

Захотелось демократической общественности за круглым столом с партократией посидеть и предъявить ей ультиматум.

Забыла как-то общественность, что по испанскому обычаю с врагом нельзя ни есть, ни курить. И не мудрено забыть: ведь и у депутатов, и у партократии отныне общий дом — Дворец Съездов. И система у них общая, и вообще это уже совместная фирма по производству кривых зеркал.

Теперь неформалам тоже где-нибудь сесть хочется? «Блажен муж, который не ходит в совет нечестивых...» «Круглые столы» придуманы для тех, кто мощью и размахом массового движения протеста сначала, до «стола», припер власть к очень неудобной квадратной стенке, поставив в безвыходное положение. А для тех, кто хочет договариваться не в результате, а вместо борьбы, есть только одно положение: под этим самым круглым столом, на коврике, ожидая, не бросят ли чего оставшегося после чаепития.

Не хватает оптимизма обрадоваться такой перспективе. Простите, не могу проникнуть ни в психологию болонки, ни в психологию пуделя. И вам не советую.

Может быть, сходим порадоваться обогащению нашего политического Пантеона? Заведя себе парламентариев без парламента, комитет конституционного надзора без конституции, невероятное количество Генеральных и негенеральных, верховных и неверховных судов и прокуроров без правового государства, почему бы нам теперь не разжиться президентом без разделения властей?

Ведь это догматизм — следовать логике и здравому смыслу, которые гласят, что президент — глава исполнительной власти в парламентской демократии на основе общественной ситуации, включающей в себя:

1. Политическую и экономическую дифференциацию общества, гарантирующую от монополии кого бы то ни было на собственность и на власть.

2. Разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную. Что возможно только в деидеологизированном и многопартийном контексте.

3. Наличие гражданского общества и суверенного гражданина, пользующегося всеми формами самовыражения независимо от государственной власти.

И, может быть, главное. Мы не Штаты и не Франция, а многоэтническая и многонациональная страна (империя). Мыслим ли вообще для нас президентский институт, исполнительная власть которого распространяется на все страны (республики) и народы, входящие в нее? Помнится мне, что это уже было.

Но мы не догматики, мы ломаем каноны. И не то удивительно, что преступная клика, владеющая нашей страной, собирается себе кого-то выбирать (фюрера, атамана, дона, главаря, пахана, императора всея тайги). Тем более что ее выбор уже сделан, и в Их повязанном круговой

поруклой злодеяний «коллективе» Горбачеву пока нет альтернативы, а если бы она была... Мы помним демократические процедуры устранения «забаллотированных» властителей — от Берии до Хрущева. Удивительно здесь другое: наши разбойники великодушно предлагают нам включиться в избирательную кампанию, под их «Веселым Роджером».

И знают ведь, что многие пойдут выбирать диктатора. Всенародно и добровольно. Еще никто и никогда не удостоивался такого презрения со стороны власти, как мы. Поражает скромность Михаила Сергеевича: мог бы сразу уж заодно и короноваться. Тем более что народ, в отличие от золотой рыбки, пока не готов остановить этот бег притязаний и оставить генсека у разбитого корыта: не темнеет наше синее море, да и только!

И если сегодняшнее положение генсека-самодержца позволяет ему расстреливать танками города, убивать женщин и детей (Тбилиси и Баку), то чего же нам ожидать от него после коронации? Может быть, «диалог» с непокорными будет вестись с помощью нейтронных бомб? Что еще им осталось применить?

И, наконец, самое приятное и возвышенное. Такую «революционную» ситуацию при таких «революционерах» должна увенчать соответствующая революция. А у нас их сразу две на один месяц: 4 и 25 февраля*. Не то что там 1905 год и февраль 1917 года — целых двенадцать лет проканителились. А у нас революция перманентная (может быть, это и имел в виду Троцкий) и не утомительная, ее одно удовольствие совершать. Всю неделю мы верноподанные, а по воскресеньям революционеры. Воскресная революция, а в понедельник опять тоталитаризм. Тоталитарии по воскресеньям на картошку, а мы, демократы, значит, на революцию. По коням! По транспарантам! По стягам! Особенно меня обрадовало то, как 4 февраля революционеры рассуждали, что бы им сломать: Лубянку или Кремлевскую стену? Вот что значит опыт первых двух революций не был изучен! В 1905 году и феврале 1917 года народ освобождал из тюрем политзаключенных (да и 1789 год, еще якобинским террором не загнанный, помнится, с Бастилии начал).

А у нас как раз Аркадий Манучаров, армянский политзаключенный, второй год безвинно в Бутырках сидит.

* 4 февраля в Москве состоялся 300-тысячный митинг в поддержку демократических реформ, за многопартийность. 25 февраля был проведен всесоюзный митинг.

Вот его бы и освободили! Но нет! Никому в голову не пришло! Наверное, потому что дорогу до Новослободской власти забыли радиофицировать.

А революцию 25 февраля я и вовсе наблюдала прямо на «баррикадах». Могу составить даже «Хронику никуда не текущих событий».

1. Циркулируют невероятные слухи:

а) Москва окружена войсками;

б) станции переливания крови работают круглосуточно;

в) в больницах приготовлены целые палаты для жертв революционного процесса;

г) войска Прибалтийского и Закавказского военных округов собираются разбомбить Лубянку в случае расстрела народного шествия (для начала ушли бы эти войска из оккупированных ими регионов, раз уж у них такие революционные настроения);

д) заготовлено сообщение ТАСС: «Трагический исход митинга был предопределен участием в нем КАС* и ДС».

Если предположить, что задачей властей был срыв выборов, то тогда можно было бы слухам поверить. Но есть все основания предполагать, что как раз наоборот — выборы эти нужны не Нам, а Им. Поэтому в слухи могли поверить лишь те, кто хотел прослыть героем по сходной цене.

Итак, исполнившись сознанием собственной удали и доблести, революционеры направились на площадь отстаивать свое право попасться именно в ту мышеловку, которую власти им приготовили.

2. Оргкомитет революции (МДГ и МОИ**) двое суток сидит в Моссовете, обсуждая с властью маршрут будущей революции, чтобы она, не дай бог, не заблудилась и не свернула с пути истинного.

Маршрут выбирается от Парка Культуры до Зубовской площади: во-первых, революция не устанет и не растратит революционный пыл, а во-вторых, нечего добропорядочной нашей революции, санкционированной Моссоветом, по улицам шляться и людей пугать.

3. У Парка Культуры из динамиков несется бодрая музыка, раздаются бодрые речи, атмосфера майско-октябрьская, не хватает только воздушных шаров, один кандидат даже поздравляет собравшихся со своим днем рождения;

* Конфедерация анархо-синдикалистов.

** Московское объединение избирателей.

собравшиеся начинают озираться в поисках именинного угощения, но ничего не находят. Зато кто-то играет на гармошке и пляшет.

4. Возглавляемая милицией с динамиками и очень что-то знакомыми людьми в штатском революция направляется на Крымский мост.

5. Апофеоз. Аллегро мольто виваче. На Зубовской площади революционный процесс плавно переходит в парламентский путь (все свое, советское, неподкупное): революция принимает рррезззолюцию об участии в выборах. Она будет голосовать за коммунизм — и против отдельных коммунистов, за деспотизм — и против отдельных неаппаратных деспотов.

6. Революция расходится по домам.

Вспоминаю древний Рим. Известный праздник Сатурналии. Рабы раз в году получают право не повиноваться господам, бегать по городу, даже бесчинствовать. Наутро же они опять «заступают на вахту» — до следующих Сатурналий. Это вам ничего не напоминает?

И хотя и несладко, и хотя прямо-таки горько, но не кричите «Горько!». Мы не на свадьбе, мы еще не ушли с наших семидесятитрехлетних перманентных похорон.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫБОР — ВОРЬВА

**Выступление 9 апреля 1990 года
в Культурном Грузинском Центре Москвы**

«Свободное слово», № 12 (42), 24 апреля

Когда пепел павших в борьбе за свободу действительно стучит в сердце живых, они не ограничиваются слезами и скорбью, но продолжают дело погибших. Но чтобы дело это восторжествовало, нужно обличить Зло: открыто, лицом к лицу, вслух. Нужно бросить ему вызов. Не называя виновников геноцида 9 апреля и 20 января, мы становимся их соучастниками. То, что произошло, не было трагической случайностью, но заранее спланированным хладнокровным злодейством. И виновны в этом: преступная тоталитарная система, колониальная советская империя, обогрелая кровью народов партия — КПСС, место которой

в Нюрнберге, и лично свежеиспеченный фюрер советской империи — Горбачев — со своей рейхсканцелярией — Политбюро. Руки Горбачева по локоть в крови народов: армянского, грузинского, азербайджанского. Сейчас эти кровавые руки душат свободу Литвы, готовы навечно сомкнуться на ее горле. Свободные народы могут быть с этой властью, с этим строем только в одних отношениях: в отношениях бескомпромиссной ненасильственной конфронтации.

Единственный выход для всех нас — дезинтеграция империи. Единственный выбор — борьба. Единственное завершение такой борьбы — демократическая революция и падение режима. Причем мы должны представлять себе наш путь: борьба будет ненасильственной только с нашей стороны. Власть не поколеблется пролить кровь. Она уже пролила, и не раз, реки крови безоружных. Мы должны выстоять, мы должны через это пройти, и тогда мы будем свободны. Народы империи должны дать друг другу руки, создать антифашистское Сопротивление и обратиться против общего врага — Четвертого коммунистического Рейха.

И если мы хотим быть достойными памяти павших 9 апреля в Тбилиси, повстанцев Баку, тех 15 тысяч литовских партизан, которые в 40-е годы защищали свою страну с оружием в руках, защищали от поработителей, нашим девизом должны стать слова поэта и правозащитника Юрия Галанскова, погибшего в 1972 году в потьминских лагерях:

Вставайте! Вставайте! Вставайте!
 О, алая кровь бунтарства!
 Вставайте и доломайте
 Гнилую тюрьму государства!

НАДЕЖДЫ МАЛЕНЬКИЙ ОРКЕСТРИК...

Из выступления на митинге, посвященном годовщине событий на площади Тяньаньмэнь

«Свободное слово», № 17 (47), 29 мая

...Я призываю всех настроиться на пессимистический лад. Нам нечем похвастать. Мы не выступаем здесь как граждане демократического государства, бросающие гневный упрек

китайским палачам. Мы подданные (боюсь, что верноподданные) советской фашистской диктатуры и не можем справиться с собственными палачами. Мы дважды допустили у нас площадь Тяньаньмэнь — в Тбилиси и в Баку — и не воспротивились. Куда же Ли Пэн ехать, как не к нам? Скоро, наверное, подъедет Ким Ир Сен. Сейчас он слишком занят казнями корейских демократов. На наших глазах создается то ли V, то ли VI Интернационал палачей с центром, как всегда, конечно, в Москве, под председательством нашего фюрера — Горбачева. Танки и расстрелы — это не следствие того, что народ вышел на площадь. Это следствие того, что на площадь готов был выйти не весь народ. Студенты были оставлены равнодушным обществом, получившим от Ден Сяопина свою миску риса. Теперь общество увидит, что неизбежное следствие политической реакции — экономический спад, ибо страх и несвобода не могут быть двигателями современного экономического прогресса.

Память о подвиге китайских студентов — не только наша боль. Мы не оказались на это способны. Мы склоняем головы не только оттого, что чтим память погибших. Нам стыдно посмотреть друг другу в глаза. То, что преступник против человечности Горбачев остается у власти, то, что эта власть еще не наша — наш позор. Эта система держится на нашем малодушии. Наша семидесятичетырехлетняя история привела себя к тому, что для порядочных людей стала нормой не только антифашистская и антикоммунистическая позиция, но и позиция антисоциалистическая и антисоветская, ибо любое сотрудничество с этой властью может запятнать. В Тбилиси погибли десятки, в Баку — тысячи. Завтра погибнут миллионы, и погибнут бесславно, на нарах концлагерей, если мы не решимся на открытую борьбу с властью и с нашим вековым холопством.

Смерть китайских студентов не была напрасной. Они погибли за свободу, за будущее своего народа.

Мы должны сделать так, чтобы напрасной не оказалась наша жизнь. А она окажется напрасной, если мы не бросим вызов власти в ходе кампании гражданского неповиновения.

МАССОВЫЕ МАРШРУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ПУТИ

По заказу шахтеров Донецка, Воркуты и Инты

«Свободное слово», № 19 (49), 12 июня

Бывает время, когда политика касается всех, даже тех, кто не хочет ею заниматься. Я, например, тоже не хочу. Но наша история уже показала, что когда политикой отказываются заниматься честные люди, ей занимается нелюди.

В 1917 году врачам хотелось лечить, учителям — учить, крестьянам — спокойно работать на земле, рабочим была интересна не политика, а условия и оплата их труда. О политическом устройстве общества думали немногие. Большая часть общества не имела четких политических убеждений и не понимала, какое отношение все эти партии, правительства, принципы, программы имеют к его повседневной жизни.

Поэтому большевики, которым нужна была власть, чтобы навязать обществу свои идеи-ориентиры, стали хозяевами положения. Спротивление им было хаотическим, без четкой демократической программы, которая могла бы объединить и белых, и эсеров, и матросов Кронштадта, и бунтующих против Совдепии крестьян.

В результате массового нежелания заниматься политикой честные люди оказались этой политикой убиты — миллионами, десятками миллионов в лагерях ГУЛАГа, в застенках ВЧК, ГПУ, НКВД, голодом в своих селах. А политикой в нашей стране более 70 лет занимаются убийцы и палачи народа: левые, правые, красные, розовые, ученики и учителя, Ленин, Сталин, Бухарин (сначала — соратник Сталина, а потом уже — жертва), Киров, Орджоникидзе, Хрушев, Брежнев, Горбачев — все одним миром мазанные, независимо от оттенков.

Давайте попробуем с вами определить, что же нужно нам от политики и какое отношение к нашей повседневной жизни имеет споры, которые сейчас ведутся в ДС о двух путях: парламентском и гражданском; о двух оппозициях: системной и несистемной; об участии в выборах и о бойкоте их.

Никто из нас — шахтеров, журналистов, инженеров — не хочет ни славы, ни власти, ни мягкого кресла в их

Совнаркомов, ни жирного куска, который можно перехватить, договорившись с властью и став ее «придворной», лояльной оппозицией. Мы хотим достойно жить, а это не получится, если страна не обретет свободу и разумное экономическое устройство. Мы сейчас в абсолютно тупиковой ситуации: у нас просто нет такого бытия, которое могло бы определить наше сознание как демократическое.

Экономика агонизирует, жестокая и злобная власть ничего существенного не уступает, народ не сопротивляется, а если сопротивляется, то не так, как надо для решительных перемен, половина страны не готова жить при частной собственности и больше боится мнимой эксплуатации, нежели более чем реальной голодной смерти.

При этом большая часть либеральной интеллигенции предлагает нам поддерживать Горбачева и работать на советскую власть в Советах. Это и есть так называемый парламентский путь. Члены ДС, конечно, Горбачева поддерживать не призывает, наша позиция по отношению к этому новому фюреру нашего народа достаточно однозначна. Но часть ДС считает допустимым участие в выборах, используя Советы как трибуну для пропаганды партийных программ (или даже для достижения тактических целей — скажем, издания независимых газет, получения помещения), тогда как радикально настроенные члены партии считают такого рода деятельность не только бесполезной, но и вредной, более того, нравственно неприемлемой.

В чем же несогласие? Во-первых, Советы всегда были частью власти насильников и палачей — с момента своего подчинения компартии, с 1917 года. Правда, реальной власти они не имели, но были всегда неким приводным ремнем в той мясорубке, через которую за 73 года пропустили наш народ. Когда это Советы не соглашались с РКП, КПСС, КГБ, НКВД, ГПУ? Память о них — недобрая память.

Можно ли после этого участвовать в Советах? Ведь черного кобеля не отмоешь добела. Советы и сегодня ничего не решают и ничего не имеют. При диктатуре партократии, при ее монополии на собственность и на власть, никто другой ничего в нашей стране решать не будет — до падения этой власти.

А Советы у нас сейчас — это как бригадир в лагерном бараке. Социалистический концлагерь сохраняется: и проволочка, и бараки, и рабский труд, и часовые на вышках.

Просто вместо особого режима ввели общий, более либеральный: стрелять только по тем, кто лезет через проволоку, в карцер сажают, но плетками не секут.

Норма баланды не изменилась, пайка не увеличилась. А свобода — какая за колючей проволокой свобода? Ворота не на запоре, давно можно было разбежаться — и в 1918 году, и в 1921-м, и в 1930-м, и в 1945-м, и в 1956-м, и в 60-е, и в 80-е, и сейчас можно. Куда там! Сидели добровольно.

Захотели бы выйти — что бы нас остановило? Охраны мало, нас много, всех не перестреляли бы. Страшно стрелять, когда все восстали. А мы не уходим за зону. Что здесь изменит либеральный бригадир? Сторонник демократии в Советах? Не будет воровать? Даст каждому его пайку и баланду? А вас устроит эта норма? Эта баланда навеки?

А что еще может бригадир? Призвать свой барак к борьбе за свободу? Чтобы призвать к выходу из лагерных барачков, не обязательно скачала баллотироваться в лагерные бригадиры.

Прежние Советы, Советы 1917 года, были не без греха: они делили мир по классовому признаку, на эксплуататоров и эксплуатируемых, они не понимали ценности опыта западной цивилизации, они были заражены социалистической утопией, но они были настоящим творчеством народа, они организовывались снизу, сами, без спроса, они представляли интересы тех, кто изверился в монархическом идеале.

Нынешние же Советы и участие в них — просто плавание по течению. Потому что так проще. Можно ли — и нужно ли — использовать для нового эту старую, прогнившую, прокаженную структуру? В Евангелии сказано: «Не вливайте новое вино в старые меха». Человеческая мудрость знает это. Многие тысячелетия новая форма власти создавала новые институты.

Мы должны почувствовать — всей кожей, всем естеством своим, что этот мир, мир советской действительности, для нас чужой. Только тогда мы будем готовы к иной, более высокой форме жизни, которой давно живут цивилизованные страны Запада. Читайте, что этот двуликий социализм (то со звериным оскалом, то с лицемерно ухмыляющимся «человеческим» лицом) засеян солью, и ничего на этом поле смерти не произрастет.

Мы должны построить себе дом рядом, на свободной от советских стереотипов территории. Эта свободная земля

и есть гражданское общество. И туда ведут не шоссейные дороги жалкого «оппонирования» всемогущей системе с ее же санкции, а тернистый гражданский путь.

Когда мы пытаемся уклониться от него, в нас говорят остатки нашей несвободы. У узников социалистического концлагеря один способ борьбы — антифашистское Соппротивление. Можно ли назвать борьбой жалкую попытку обсуждать с лагерной администрацией вопросы улучшения печей крематория, в котором нам все равно придется сгореть, если мы не освободимся. Горбачев — комендант нашего Освенцима.

Мы по разные стороны баррикад. Но для иной жизни, для жизни вне лагерных бараков, мы должны сначала встать с колен. Сегодня. Сейчас. Впервые за всю нашу историю, которая была извечно тотальным холопством абсолютного большинства, отмечена слепой верой в царя, большевиков, «светлое» коммунистическое будущее, и если бы не бунт немногих, если бы не гражданское неповиновение Михаила и Александра Тверских, митрополита Колычева, царевича Алексея, Дмитрия Голицына, декабристов, народников, нам пришлось бы устыдиться себя.

В нашем прошлом не только бездушное государство Российское, но и города-республики Новгород и Псков. Это вселяет надежду.

Погибая от голодовки в Чистопольской тюрьме в 1986 году, писатель-политзаключенный Анатолий Марченко спасал честь нашей страны, но никогда порыв немногих, самый героический порыв, не обеспечит нам освобождение от гнета тоталитаризма, который мы же сами и возвели своим недомыслием и малодушием. Если свобода не станет выбором и уделом каждого, мы обречены.

Гражданин не имеет кумира ни в Ельцине, ни в Гдляне, ни в перестройке. Он не имеет Хозяина вообще. Он надеется только на себя. Ни одно государство не может ограничить его свободу. Программа гражданина заповедана нам Радищевым:

Стопы несу, где мне приятно;
Тому внимаю, что понятно;
Вещаю то, что мыслю я;
Любить могу и быть любимым;
Творю добро, могу быть чтимым;
Закон мой — воля есть моя.

Раб соблюдает безумные законы Советской империи: ходит на митинги с разрешения деспотизма, ждет облегчения своей участи от правительства.

Гражданин берет свое судьбу в свои руки, бросает вызов такому государству и открыто не повинуетя тем его законам, которые расходятся с общечеловеческими, зафиксированными в декларации прав человека.

Только страх может внушить нам надежду на то, что вопросы освобождения от фашистской диктатуры можно решить опусканием бюллетеня в урну, поставленную и опоражниваемую той же диктатурой.

Гражданин сознательно избирает гражданское неповиновение и демократическую мирную революцию. Рыночная экономика и достойный человека жизненный уровень — это следствие свободного человеческого духа и свободного устройства общества.

Свобода здесь первична, ибо раб всегда будет получать только кость, брошенную ему хозяином. Но мы должны сознавать, что будем бороться прежде всего за свободу (а остальное всё приложится), а не за колбасу. За колбасой не ходят на баррикады, за колбасой ходят в гастроном (и не находят ее там, ибо в стране, где полный дефицит свободы, дело всегда кончается голодом).

Гражданина нельзя купить никакими приманками: ни фальшивой рекламной многопартийностью (хороша многопартийность в квадрате лагерных бараков: ах, у нас многопартийный лагерь, просто загляденье!); ни обещаниями, реализации которых ждать еще 773 года, ни выборами демократических капо (бригадиры в немецких лагерях) бараков на альтернативных выборах а Советы.

Эта власть свирепа и безжалостна; там, где бессилён обман, она вместо посулов применяет танки (Тбилиси, Баку, Новочеркасск). Она оставит нас, когда мы перестанем ее поддерживать своими поднятыми вверх в голосовании за ее сохранение руками. Увы, она держится не только на штыках. Нет всеобщей кампании гражданского неповиновения, значит, мы согласны так жить. Иначе давно началась бы всеобщая политическая стачка — не против обкома, а против государственного строя.

ДС никому ничего не обещает. Мы не коробейники. Нет у нас ни ситца, ни парчи, ни молочных рек, ни кисельных

берегов. Тот, кто уже ходил по нехоженным тропкам гражданского пути, не променяет ни на что наивысшее благо, доступное человеку, свободу. Радикалы ДС никогда ничего другого и не имели ввиду. Начиная с Учредительного съезда в 1988 году.

Гражданский путь имеет много маршрутов, и не только одиночных: путь Американской революции, когда колонии восстали не из-за пошлины на чай (это их не разоряло), а во имя гражданских свобод; путь Чехословакии, когда на наших глазах из-за разгона демонстраций, из-за удушения свободы восстал пока еще сытый народ и добился этой свободы.

Только этот путь ведет в парламентский плюрализм и Учредительное собрание народа, отвергнувшего строй и власть не на словах, а на деле. Иначе это очередной мираж и очередной телевизионный спектакль.

Сезон давно открыт, и если мы еще не выбрали себе маршрут, то это только потому, что у нас скверная гражданская подготовка. Сначала наша личная свобода, потом — общественная. А ключ к ней — завет Солженицына: не верь. Не бойся. Не проси.

ХАЙЛЬ ГОРВАЧЕВ! *

«Свободное слово», №22 (52), 3 июля

Советское «правовое» государство — дикий перестроечный гибрид — начинает высовывать рожки, копыта и хвост из-под неумело пришитых ангельских крыл, взамен морально устаревшего табу на советский государственный строй — статьи 190 — появилось новое, гораздо более актуальное табу на избранного самоприемом президента. «Клеветнические измышления» на его монаршую особу расцениваются в 6 лет заключения (письменные) и в 3 года (устные). Интересно, что поборник советской власти и апологет социализма явно ставит общественное мнение ниже личного: за клевету на советский общественный строй

* После публикации этого материала против В.И.Новодворской было возбуждено уголовное дело по обвинению в оскорблении чести и достоинства президента.

давали всего 3 года оптом — и за письменную, и за устную. Видимо, очередной высочайший Указ трансформировался из бывшей 70-й статьи. Только не хватает откровенности сформулировать прямо: «За антигорбачевскую деятельность, подрывающую и ослабляющую основы президентской репутации... письменно... устно... строгого режима... с конфискацией...»

Из огня да в полымя. Спасибо Горбачеву за наше счастливое прозрение, которое сейчас наверняка не минует народ.

Однако это ведь не предел. Можно, как говорит Шатров, дальше, дальше, дальше... (Интересно, что теперь скажут они все — и Шатров, и «прорабы перестройки»?) Можно отрубать голову за святотатство, можно сжигать святотатцев на кострах, как во времена святейшей инквизиции. Можно поставить всюду статуи Горбачева и заставить воздавать им божественные почести, как в императорском Риме. Можно расстреливать за террор из-за разорванного горбачевского портрета, как в 1937 году (да и раньше, да и позже).

Диктатура — это беспредел, и восторженные поборники горбачевской либерализации должны это помнить. Но «рожденные в года глухие, пути не помнят своего».

У нашего «дуче» есть все основания беспокоиться за свою подмоченную репутацию и ожидать от благодарного народа то ли дохлых кошек, то ли тухлых яиц. Горбачевские телевизионные зрелища уже всем приелись и уже не отвлекают, а хлеба становится меньше. И Нерон, и Калигула были гораздо удачливей в своих попытках купить расположение римского народа.

А в Москве пока вместо лавров лозунг «Горбачева — за решетку!» на демонстрации 1 мая.

После Тбилиси, Баку, Армении, истязаний Аркадия Манучарова и Сергея Кузнецова, после зверств спецназа в Минске, во Львове, в Москве я (и, думаю, не только я) не могу называть Горбачева иначе как палачом и убийцей. И это — не конструктивная критика, избави Бог! Критиковать можно равного, критиковать можно не конченого человека, критиковать можно способного к возрождению. Душегубов не критикуют — их ненавидят и презирают. Их судят в Нюрнберге. Кому придет в голову «критиковать» Ленина, Сталина, Гитлера, Брежнева и, после всех его злодеяний, убежденного красного фашиста Горбачева?

Здесь не нужно критики, здесь нужна борьба. И хотя трудно было придумать что-то новенькое после Сталина и Гитлера, но Михаил Горбачев не растерялся. Фергана и Сумгаит, разжигание межнациональной розни, поспешное латание имперских цитаделей кровью невинных — это ново даже в наш Железный век. И легковесно выглядят после этого обвинения Горбачева в казнокрадстве. Да, мафиози крадут, но что преступнику против человечности и человечества пара украденных миллионов? Разве гитлеровских заправил судили за воровство, разве это что-то значит по сравнению с крематориями? Ленин и Дзержинский были честными и пламенными инквизиторами, но кому от этого легче? Тем более что импичмент правовым советским беззаконием не предусмотрен.

А почему, кстати, Гитлер, Сталин и Брежнев не позаботились о должном к себе уважении? Ну, к Ленину по неискушенности и простоте еще ходюки ходили. А вот Горбачеву некого даже кремлевским чаем напоить. Гитлеру кричали «Хайль!», но у нас что-то не слышно криков «Хайль Горбачев!». А прорабы перестройки кричат настолько фальшиво и неискренне, что не радуют монаршее сердце. Брежневу не нужна была народная любовь, хватало и власти, тем более что ни ума, ни душевного здоровья ему Бог не дал. А Горбачеву не только любви не хватает, но и уверенности, что хватит пуль, штыков и танков, чтобы сохранить власть. Наверное, толчки народного гнева, бесстрашие несанкционированных митингов, дерзновенные плакаты, не лучшая народная молва (можно приручить либералов, но не народ) колеблют шаткий престол Самозванца.

А когда в глазах еще зарубленные саперными лопатами девочки...

«И не уйдешь ты от суда мирского, как не уйдешь от Божьего суда».

И вот появляется панический Указ, который разоблачает и незаконность власти, и узурпаторство титула, и чванство выскочки, и глупость, помноженную на свирепость, и жалкие потуги труса.

Известно издавна, что на воре шапка горит.

ТЕХНОЛОГИЯ ДЕМОКРАТИИ

«Свободное слово», № 23 (53), 10 июля

С легкой руки Авторханова, да и по собственному грустному опыту совместного проживания с тоталитаризмом, мы всё знаем про технологию власти: создание идейного абсолюта, жесткая централизация, запрет на инакомыслие, отмена фракционности в правящей партии, харизматическое мышление снизу доверху («низы» присягают начальникам, начальники — верховному начальнику, «первому», «первый» — мертвому вождю).

Технология демократии значительно сложнее. И знаем мы о ней мало, знание это книжное, да еще к нашим услугам те демократические попытки, которые мы предпринимаем в наших доморощенных демократических организациях в ходе наших демократических исканий. Попытки часто кончаются безуспешно (пост председателя во многих демократических структурах), даже в Грузии и Балтии, невесть откуда всплывший «демократический» централизм в ДПР* или в московских «Гражданских комитетах» (причем в создании последних участвовали отдельные члены ДС).

Видимо, уставшие от непривычной демократии советские души не в силах снести бремя одновременно и демократической структуры, и борьбы за демократическое устройство общества, и выбирая борьбу, демократию откладывают на потом. Я не хочу сказать, что это исключает в будущем демократию, но это опасный синдром, и за собой нам надо следить.

На IV съезде ДС выявилось, что в нашем дээсовском микрокосме — две партии. Это констатация факта, но не трагедия. Ведь мы-то думали, что их будет куда больше. Либеральные демократы, социал-демократы, демхристиане, неомарксисты, анархисты. Уже пять! Представляете себе технологию демократии при подобной пентаграмме? Я что-то нет. Было бы очень сложно приходиться к консенсусу.

А ведь мы сами хотели этого, оставив согласно декларации вакантные места. На наше счастье, всё это возникло не внутри, а вовне. А то, что было слабо намечено внутри (ведь вначале были трения между либералами и неомарксистами, между эсдеками и либералами — старожилы помнят), как-то

* Демократическая партия России.

растворилось в эфире. Будущая полифония партии далека (функциональная полифония); нынешнее поколение, похоже, не будет еще жить при плюрализме, задачи борьбы насущны, социалистические иллюзии развеваются, вот и стали либеральные демократы — чистые западники — ведущей силой ДС, а христиане (ХДС тому порукой) тоже западники, а неомарксисты планируют некоммунизм где-то через тысячу лет тоже через западный путь, так что здесь противоречия кончились консенсусом, если не считать единичных эсеров, одного демтроцкиста и кое-где анархистов, но и они силой свои варианты навязывать прекратили, а готовы проповедовать свои идеи в культурном западном контексте. Из-за насущности интересов борьбы, после того как с конечной целью всё утряслось, возникли противоречия движения (того движения, которое по Бернштейну — всё). Пока одно противоречие налицо: системность — несистемность. С одной стороны, круглый стол с властями, выборы в Советы, регистрация; с другой — несоучастие во всем этом («на твой безумный мир ответ один — отказ»). Да, в ДС две партии. (Пока две, может быть больше, жизнь еще преподнесет нам новые противоречия.)

Когда-то в 1988 году мы собирались под одно знамя на основании нескольких формообразующих признаков: а) мы — за западный выбор; б) мы — за изменение государственного строя; в) мы оппозиционны всей системе; г) мы признаем революционный путь (кампания гражданского неповиновения, всеобщая политическая стачка); д) мы — политическая оппозиционная партия.

Тогда это было и ново, и дерзко, и составляло нашу аутентичность.

Сегодня, при наличии спектра партий снаружи (пусть слабых пока), все эти признаки, кроме революционного пути, не являются отличительными, ибо многие организации (к счастью) высказались за это. То, что отличает в ДС радикалов от реформаторов, а ДС от других партий — это ярко выраженный вектор внесистемности, это публичное неповиновение законам, это отказ действовать в рамках Конституции СССР. Но реформаторы в ДС качественно отличаются от реформаторов «снаружи». Во-первых, многие из них признают гражданский путь — как поле конструктивной деятельности, а деятельность внутри системы — только как деструктивную. Во-вторых, они идут на то, чтобы отвечать за действия радикалов, а зачастую и сами

участвуют в этих действиях. Что заставляет «старых» реформаторов оставаться в ДС, когда есть столько новых организаций? Что заставляет «новых» реформаторов вступать к нам, а не куда-нибудь еще, где не мешают радикалы? Эти два вопроса — предмет для размышлений и повод для уважения к людям, которые «не разделяют нашего мнения, но готовы пожертвовать жизнью, чтобы мы высказали его в нашем общем ДС». Было бы проще для них отойти на безопасную дистанцию.

Вы скажете, что я идеализирую реформаторов, что есть не только высокие побуждения? Боясь, что они и у радикалов могут быть, увь! Так что не надо о конъюнктуре. К тому же «многопартийность» организации — первое условие демократии. Как раз здесь она функциональна: реформаторы консолидируются, чтобы противостоять радикалам, но и радикалы консолидируются, чтобы противостоять реформаторам. А если убрать «противника»? Не уменьшится ли консолидация радикалов и не пострадает ли от этого дело?

Технология демократии — это не только многопартийность, это еще закон меняющихся коалиций («островная» закономерность, формула английской и американской структур). Обратите внимание, как заключаются временные блоки в ДС — по текстам, по акциям. Они включают в себя смешанные блоки радикалов и реформаторов. Помнится, когда решался вопрос об акции 10 декабря с разрыванием портретов Ленина и Горбачева, некоторые радикалы были против, и только союз радикалов и части «радикальных» реформаторов позволил провести акцию. То же наблюдается и с принятием текстов некоторых листовок и заявлений.

Но справедливо и другое — третий закон технологии демократии — «действуй и давай действовать другим». Здесь вечные споры — мытьем или катаньем — не конструктивны. Здесь нужна фракционная структура, фракция радикалов узаконит программу «Гражданского пути» и перестанет пытаться ее «протащить» через реформаторов. Фракция реформаторов перестанет срывать решения и действия радикалов и займется своими мероприятиями. И получится — и мытьем, и катаньем.

Фракции в ДС имеют широкие права: свои печатные органы, свои решения, свои тексты, свой прием (после приема в ДС). Может быть, конкуренция между двумя фракциями

подтянет обе и в плане теории, и в плане практики? Ситуация может измениться, и очень измениться. От «системности» при общем ужесточении не останется и следа. Заодно и от разногласий по ее поводу. Или взаимное существование станет в тягость, если обе фракции докажут свою жизнеспособность без такого рода «оппозиции». А пока — относительно дезинтеграции ДС — будем соблюдать последнее правило технологии демократии: «Семь раз отмерь — один раз отрежь».

НА ВАШ БЕЗУМНЫЙ МИР ОТВЕТ ОДИН — ОТКАЗ

«Утро России»*, № 8 (12), август

«Демократический Союз» продирался к своему созданию с самого дна советского раздавленного, растоптанного, сумасшедшего и рабского бытия. Он был неистовой и недостижимой мечтой всех тех участников Сопrotивления 60-х, 70-х и 80-х годов, которые сделали безоговорочный западный выбор (иногда через небольшой крюк возврата к ситуации 1916 года: она безусловно и прогрессивно развивалась в русле кадетских западных программ) и в то же время не желали мириться с большевизмом и хотели бороться с ним организованно. Слишком многие из них не дожили до создания такой организации, искалеченные в лагерях, замученные в страшных пыточных застенках психиатрических тюрем (именно за намерение вести борьбу против государственного строя в целом чаще всего подвергали этой высшей мере наказания, превосходящей по жестокости расстрел). Эта будущая партия мнилась нам тогда как некий Ледовый поход воскресшей Белой гвардии, как партия, которая напишет на своих знаменах антисоветские и антикоммунистически лозунги, и чьим триумфом станет рухнувший жалкий социализм и переход к западному парламентаризму и частной собственности, т.е. «капитализму с человеческим лицом». К сожалению, замыслы такого рода пресекались арестом на уровне программ или первого заседания оргкомитета. Это создавало у нас четкую иллюзию привлекательности таких замыслов для народа

* Газета революционного крыла ДС, выходила в 1990—1991 гг. в Поволжском регионе.

и готовности народа восстать. (Ведь если сажают за один умысел, значит, советская власть может рухнуть от создания нескольких партий такого рода, значит, народ только и ждет, чтобы его призвали к борьбе.) Вплоть до 1988 года никому из бывших участников Сопrotивления не приходила в голову сама возможность игры на «советский» сюжет. Ни у кого не было даже теоретически намерения «улучшить» советский государственный строй. Мы страстно желали ему падения. Мне, например, на допросах в КГБ ни в 1969-1970 годах, ни в 1986 году (дела по 70-й ст.), ни в 1988 году (возобновление дела по 70-й ст.) не приходило в голову доказывать, что я советский человек и не враг КГБ. Я требовала, чтобы гэбисты четко фиксировали формулировку 70-й ст.: «Подрывала и ослабляла основы советского государственного строя». Только одно устраивало тогда Сопrotивление: падение режима. Эту эстафету и принял ДС, задачу вместе с горячим пламенем Сопrotивления.

Наум Коржавин давно сдался на милость победившего большевизма, давно поет осанну Горбачеву. Но нам достался его стихотворный девиз, которому мы остаемся верны, в отличие от автора: «Романтика, растоптанная ими, знамена запыленные кругом... И я бродил в акациях, как в дыме. И мне тогда хотелось быть врагом».

Остатки нашего недобитого Сопrotивления (Владимир Сквирский — народник с несоциалистическим уклоном; Мальва Ланда — самый непримиримый член Хельсинской группы, никогда не обращавшаяся к правительству СССР, отказавшаяся выйти из распушенной Хельсинской группы, которая (М.Ланда) не поверила ни одному «перестроечному» намерению власти; Юрий Киселев от Союза инвалидов; и я с моими вечными листовками и попытками создать «антисоветскую» партию (с багажом из 70-х, 190¹ и прочих «университетов») слились с теми, кто присоединился к нам под самый занавес (по молодости лет) и даже успел посидеть в тюрьме и заработать 70-ю статью (Игорь Царьков). Этот поток слился с потоком пацифистов-нонконформистов из группы «Доверие» (Евгения Дебрянская), уже битых на демонстрациях, уже ходивших под 190¹; уже протестовавших против АЭС, против Афганистана, доверяющих США — и ни на йоту собственной власти, законченных «западников». Семинар «Демократия и гуманизм» — вот что из этого

всего вышло. С политической программой насчет деидеологизации, намерения способствовать установлению демократии, либерализма. В незабвенной квартире Жени Дебрянской размещались 70 слушателей и 10 организаторов. Сначала читалась лекция на «запрещенную» тему (история, политика, философия), потом по этой теме делалась листовка (после промежуточной стадии «открытого письма», которое шло в театры, журналы и газеты, творческие союзы).

Всё это было не «за», а «против». У «семинаристов» мысли и дела были поперек. Мы с гордостью можем сегодня сказать, что не сотрудничали с советской властью ни одного дня, а всегда боролись с ней. После листовки была демонстрация. Сначала нас было 10—12 человек, потом стало около 30. Тем хватало: Афганистан, политзеки, КГБ, красный террор, Советская армия (за выход 23 февраля была обещана 70-я ст.). Первый наш выход состоялся 11 июня 1987 года (притом что семинар работал с 1 апреля), в 50-летие 37 года (расстрел военачальников), потом мы стали выходить по 6, по 8 раз в месяц. Советская пресса боролась с ДГ как с новой Белой армией. Советская милиция пинала нас ногами (спецназа еще не было). КГБ старался сорвать каждую акцию и отловить всех заранее. За демонстрантами охотились, их пасли «машинные, пешие» и прочие гэбульники. Мы ходили на демонстрации с конспиративных квартир, чуть ли не по крышам добирались до места. Для того, чтобы быть схваченными через 10 секунд после поднятия плаката. Листовки клеились, бросались с мостиков метро, с балкона кинотеатра «Россия». КГБ не вынес и возобновил дело по ст. 70 (в январе 1988 г.) против меня и Игоря Царькова, которое сами же закрыли год назад. Семинар воспринял это как должное: нас приволакивали на допросы в КГБ прямо с митингов, с лозунгами (конечно, антисоветскими) под мышкой! Мы так старались доказать, что подрываем и ослабляем их хваленый строй, что обезумевшие следователи снова прекратили дело, поскольку у них не хватало сил расследовать всю нашу «преступную деятельность». Сначала нас просто били и держали под замком часов 8—10; с марта 1988 года стали сажать (сначала по 165-й ст. — за неповиновение). С августа 1988 года сажают по Указу, по 166¹. Слава богу, перестройка прибавила в нашу общую гулаговскую сокровищницу

свою политическую статью, ледяные камеры, сухие голодовки, голые нары, условия содержания худшие, чем в 1937 году (в Лефортово и во Внутрянке). Семинар формировал группу людей, привыкших к организованной борьбе со строем, «рыцарей контрреволюции». И когда к нам прибавились интеллигенты из клуба «Перестройка-88», будущие создатели «Мемориала» В.Кузин и Ю.Скубко и пришел «подпольный», отвергший соблазны конформизма философ А.Лукашев, удалось создать маленький Оргкомитет ДС. Мы сели писать программу, а когда написали, стали готовить съезд. Мы ничего не знали наперед: вступит ли кто-нибудь в партию, арестуют ли нас по ст. 64 («заговор», «измена»). Ведь обещали! На официальном бланке из прокуратуры.

И был наш майский съезд, наш бал полнолуния, при свечах (КГБ перерезал проводку), стоя, в окружении машин агентов и самих агентов, которых было больше делегатов. В схватках с милицией и КГБ, при депортациях из Москвы, на платформе Кратово, была принята программа, принято название «партия», и завершилось всё это апофеозом — 9 мая: закончив съезд, мы вышли на Пушкинскую площадь в защиту политзаключенных. Как всегда, нас избили, схватили, осудили. У ДС только такое крещение и могло быть — в бою. А дальше вы знаете — покой нам даже и не снится.

Всё, что делал и делает ДС, — это против шерсти режима, добропорядочных советских обывателей, перестройки, Горбачева, Советов, либералов, Ельцина. «О, если можешь быть в толпе собою...» Не мир с преступным строем, фашистской властью, грязной перестройкой принес ДС, но непримиримость.

На II съезде в Юрмале гэбисты выламывали нам дверь, на IV съезде в Киеве мы заседали в окружении спецназа, милиции, прокуроров. Это нормально. Пока не пал этот строй, Добро, Свобода, Демократия будут здесь приниматься в штыки. На войне как на войне.

Две тысячи человек собираются защищать страну от нее самой — против танков, против тюрем, против виселиц. Поэтому я верю в Россию. Раз в ней это сохранилось, есть надежда. Россия неистребима и неистошима, и мы постараемся это доказать. Пусть они считают, что в нас переселились души лучших из белого офицерства, павших с оружием в руках, но не отдавших Волю и Землю, души замученных

в застенках не безвинно, а за борьбу с большевиками — в 20-е, 30-е, 40-е. А что до их «перестройки», то она описана Галичем: «Заключенные параллели преподали нам славный урок — не делить с подонками хлеба, перед лестью не падать ниц и не верить ни в чистое небо, ни в улыбки сиятельных лиц».

Бог в помощь вам, друзья мои! В Самаре, в Нижнем, в Питере, в Омске — на наших вечных баррикадах будущей революции.

ОСАДОК НАШЕГО КОНФОРМИЗМА

«Свободное слово», № 27 (57), 7 августа

Кто душу свою хочет сберечь, тот ее погубит.

Но кто полагает ее за меня, тот ее спасет.

Евангелие

Мы большие любители искать брод в огне. А в огне брода нет. Нам уже крыша падает на голову, уже стропила валятся, уже от дыма ничего не видно, а мы всё ищем брод через тот огонь, который сами когда-то разожгли в России — нашем первом, последнем и единственном доме. Так и сгорим у себя под кровлею, куда залезли от страха по собственной трусости.

Самый убедительный, чистый, отвезвляющий и жестокий опыт — Литва. Не полностью разрушенное демократическое сознание, неполное (за 38 лет, с 1952 года, с момента прекращения вооруженного сопротивления) вхождение в советский «макрокосм», сохранность прежних жизненных ценностей и ориентиров, неоспоримость права на независимость (по сути и даже по международным стандартам). Маленькие крюки на гражданском пути, шаг влево, шаг вправо. Но здесь политические и исторические последствия наступают без предупреждения — история открывает свой огонь. Сначала назвать Саюдисом движение за перестройку, чужую, оккупационную, лживую, свое народное движение за освобождение от ига коммунистической диктатуры и советской оккупации. Потом не отказаться посидеть на съезде «народных» депутатов колониальной империи (то есть формально признать себя республикой «Союза»). Потом участвовать, вопреки отчаянным протестам Свободы Литвы,

в советских выборах (в Верховный Совет Литвы), легитимировав тем самым советскую власть в Литве и заодно «де-факто» войдя задним числом в «Союз».

И все же земля еще вертелась.

И 11 марта* нас ослепил в наших пещерных условиях прямо-таки яркий свет. Этим, казалось, было искуплено всё.

А потом...

Ставка на переговоры, постоянные просьбы о них. Ставка на «гуманность» и «политический разум» Горбачева, куртуазные письма к нему. Предложения «приостановить» нежелательные последствия акта 11 марта. Заверения в будущей сердечной дружбе с СССР (с Империей Зла, с тоталитарной диктатурой). Предложение к несчастным юношам-литовцам подождать, послужить пока в Советской армии до полного урегулирования. (А ведь с 11 марта оставаться в рядах СА они даже юридически не обязаны.)

Уступки. Оговорки. Эвфемизмы. Поддавки. Признание президентского титула за диктатором Горбачевым.

И вот, наконец, национальная катастрофа — мораторий. Земля больше не вертится. Как мы и предполагали, уйти под шумок от них нельзя — поймают и вернут. Только с развернутыми знаменами и барабанным боем. А поскольку поле боя с системой у нас общее, и Литва была передовым отрядом, десантом, то и поражение общее. 69 депутатов нарушили волю народа, предали дело его свободы. Это осадок нашего общего конформизма надежды освободиться даром, без потерь и убытков, со щедрой помощью Запада. А это опора, которая изменит наверняка. Уже изменила. «Нужно укрепить свой дух на скале вечности, чтобы силы ада не сокрушили его», — сказал Вальтер Скотт в романе о непримиримости в своих «Пуританах».

Что теперь делать Литве, ее Лиге, всем несдавшимся? Нельзя же, в самом деле, в понедельник объявить о независимости, в среду же отменять независимость до пятницы. Можно вызывать у врагов ярость, ненависть, но не пренебрежение и смех. Свобода литовского народа оплачена слишком многими жизнями своих защитников за два века, начиная с героев восстаний XIX века — 1831 года, 1863-го, и кончая С.Жемайтисом, поведшим на самосожжение совсем недавно на наших глазах. Эту залитую кровью свободу нельзя было заляпывать грязью. Нельзя было превращать в балаган.

* 11 марта 1990 года ВС Литовской республики провозгласил Акт о восстановлении независимости Литвы.

Только теперь я понимаю смысл одного места в Библии: «Иосиф знает свои слезы». Теперь остается одно. Патриоты Литвы могут сделать только то, что не догадались сделать патриоты Чехословакии в 1968 году, после капитуляции «революционных коммунистов Дубчека и К°». Мне посчастливилось беседовать в 1987 году с членом Хартии-77, который хорошо помнит, что чувствовали они тогда, в далеком 1968-м. После предательства Дубчека у них опустились руки. «Нам надо было сказать себе, что у нас не может быть таких лидеров, что это не наши лидеры». Переступить — «и идти дальше», — сказал «двадцать лет спустя» этот чешский оппозиционер. И своей ошибки Чехословакия не повторила: ее революция совершилась уже без всякого «содействия» «либеральных» коммунистов. Силы прошедшего и силы будущего не должны сливаться в «едином потоке», вопреки распространенному мнению А.Миграняна, А.Янова, Н.Эйдельмана, М.Восленского. Союз «Центра» (традиционного красного фашизма) с левыми против паноптикума правых — это поражение Пражской весны. Это падение литовского парламента. Левые должны просветить народ — и тогда им не понадобится брать врагов в союзники. Литва может теперь отвергнуть предавший ее «парламент». Свободная Литва — это отнюдь не Советская Литва. Ничто не потеряно. У свободного народа есть право и возможность провести альтернативные выборы в альтернативные органы власти, отвернувшись от коллаборационистов, минуя советские каноны, нормы, традиции.

А что до нас — то наша чаша еще глубже, еще горше. Сервильность полусвободной прессы — от «Огонька» до «независимого» международного «Русского курьера» — искусно минуя острые углы горбачевизма, самоцензура демократов на митинге 15 июля (дебаты с Совмином насчет Манежа так затянулись, что в листовках пошло одно место «встречи» — пл. Маяковского, а на самом деле всё же пошли на Манеж), это наш исконный, кондовый, этатистский конформизм. На митинге было произнесено много пламенных речей насчет суда над коммунистами, насчет отстранения от власти КПСС. Но меня это почему-то не обрадовало. Коммунисты, выгнанные в дверь, вернутся через окно, потому что они воспитали народ по образу и подобию своему. Скоро на таких митингах власти начнут разносить прохладительные напитки или раздавать памятные подарки. Объявления в «Вечерке» и машина с мигалками

впереди «восставшего» народа уже есть. Когда народ действительно восстанет, власти едва ли будут расчищать ему путь и давать объявления, куда приходит на «революцию». Если Ельцин — да, а Полозков — нет, то это очень старый лозунг: «За Советы без коммунистов». Ну что ж, бывает тоталитаризм и без коммунистов. На любой вкус. Скажем, с социал-демократами. Если наш потолок — требовать либерализации гестапо — КГБ — и бороться за то, чтобы бывшему генералу КГБ Калугину вернули мундир, награды и знак почетного гэбиста, заработанные на шпионско-палаческом поприще, то танки и впрямь не нужны. А на дне всего этого абсурда — страх. Страх не понравиться власти, страх перед жертвами и борьбой, попытка купить свободу за бесценок в лавке уцененных товаров. История не знает таких примеров. Не получится и у нас. «Тот, кто высоко ценит свободу, должен всё остальное ценить ни во что» (Сенека).

ЗАДАЧИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

«Свободный Кузбасс»*, № 3

Главный общественный долг каждого из нас — это осознать себя личностью. Главная задача рабочего движения — не быть классовым движением. И это не парадоксы. Общество, базирующееся на общинном, корпоративном, коммунальном интересе не может прийти к чему-нибудь другому, кроме нашего родного, проклятого кумачово-барачного социализма.

Пропасть, зияющая между Западом и Востоком, закроется только тогда, когда мы преодолеем этот коммунальный комплекс, комплекс советского муравейника и нашей социальной базой надолго станет индивидуализм. Пока мы хорошенько не усвоим, что индивидуальное первично, а общественное вторично, мы будем смотреть сны Веры Павловны в наших лагерных бараках. Проиллюстрируем это положение. Едва ли большевикам удалось бы сделать из рабочих орудие своих преступлений, если бы их не соблазнили ярмарочные идеалы коммуны. Ни врачи, ни учителя, ни академики классом себя не ощущают.

Почему из рабочих Маркс и его последователи успели — и до сих пор пытаются! — сделать класс? Потому что

* Газета ДС, выходила в Кемерово в 1990—1991 гг.

социальным демагогам для построения мировой казармы нужны были такие — «голодные, нищие, с Лениным в башке и с наганом в руке»!

Является ли рабочим западный шахтер или металлург, обладатель акций своего предприятия, собственник своего загородного дома и машины? Сомневаюсь. Он — хозяин своей судьбы, своего умения, своего мастерства.

Рабочее дело — дело общечеловеческое. Если это не усвоено, особенно в нашей несчастной стране, то у нас не будет шансов выбраться из нашего пятого социалистического угла.

Наш хлопотливый дуче — Горбачев — великодушно извиняет бастующих, приписывая все политические требования «экстремистам». Это все равно что плюнуть каждому рабочему в лицо. Свобода, значит, нужна экстремистам. А что нужно шахтерам с точки зрения первосвященника социализма? Он обещает одеть и накормить, то есть:

Народ — это былдо,
Петр Францевич,
и если порою народ
ярмом недовольно потряхивает,
то вовсе не в жажде свобод.
Ему бы — корма образцовые,
ему бы — почище хлева.
Свобода нужна образованному,
неграмотному — жратва.

(Евтушенко, «Казанский университет»)

Чего может требовать стачечное движение при тоталитарной государственной монополии на собственность и на власть? Нет конкуренции предпринимателей, значит, нет и возможности для экономизма — достижения чисто экономических целей, улучшения материального положения. Не работает сама экономическая система — значит, не будет ни пищи, ни товаров. Что дальше? Куда нести знамя борьбы за рабочее дело? Потребовать, чтобы они убрали парткомы? А почему мы своим бойкотом не довели их до этого, чтобы они сами бы побежали с заводов и шахт, прихватив бюсты «людоеда и душегуба» Ульянова и парткассу? Потребовать деидеологизации — от кого? От тех, чье ремесло — идеология, кто не умеет ничего другого? Да они ею пропитаны насквозь, заражены, как спидом. Неизлечимо! Потребовать отставки правительства? Извольте, они уберут

Рыжкова и найдут себе еще одну марионетку. Рыжков — только декламатор в их программе, а автор текста — Горбачев. Недаром и Ельцин, и даже иногда Травкин просят шахтеров дать им какой-то кредит доверия и не бастовать. Диктатура может перестать быть коммунистической, но останется государственно-советской. Монолит не убавится. Дифференциации собственности и власти не будет. И здесь лозунг «Вся власть Советам!» — не народный, а государственный. Его нам просто подсказали. Да-да, те самые Советы, большевистские, государственно-административные, беспартийно-лояльные к власти...

Перед этой чертой когда-то остановилась «Солидарность», не зная, что требовать дальше, не решившись свергнуть сам строй, сам порядок вещей. В результате — военный переворот 13 декабря 1981 года, террор, потом постыдная сделка Валенсы с Ярузельским, продолжение агонии Польши, непризнание Литвы, невывод советских оккупационных войск, укрепление власти ряженных коммунистов.

Сейчас мы все — шахтеры, докеры, шоферы, журналисты, инженеры должны сказать громко и безбоязненно: «Мы не хотим жить при социализме. Нам нужен нормальный капитализм».

Не пугайте нас им. Мы не боимся. Мы не люмпены, не коммунары. Отдайте нам нашу собственность. Нас не страшат ни «Форд», ни «Дженерал Моторс», ни «Рено». Нас страшат Горбачев, Ельцин и К°. Мы будем бороться за капитализм, как никогда не боролись за «светлое будущее всего человечества». Впереди у нас — всеобщая политическая стачка с единственным лозунгом: «Пусть эта власть уйдет с Советами, КГБ, райкомами, социалистическим выбором и прочим! Пригласим себе менеджеров с Запада, они нам помогут и разделить собственность, и создать рыночную экономику. Мы не боимся неравенства достатков. Мы боимся равенства нищеты». А пока, для тренировки, политические стачки с локальными требованиями:

1. Освобождение всех политзаключенных.
2. Отмена смертной казни.
3. Свобода выезда и въезда в страну.
4. Отмена закона о митингах и демонстрациях.
5. Половина типографий страны — в бесплатное пользование политической антигосударственной оппозиции. И ей же 5 часов по центральному телевидению и радио ежедневно.

Так начнем же марафон гражданского неповиновения.

ЛИСТОВКА ДС

«Свободное слово», №34 (64), 23 сентября

5 сентября 1918 г. — не начало красного террора, а просто некий условный «день рождения». Большевики начиная с 25 октября 1917 года никогда его не прекращали. Мы можем круглый год отмечать юбилеи их геноцида и нашего холопства.

Из этих и только эти дат состоит советская история.

Сегодня верховные палачи, прорабы перестройки — Горбачев и К° — разрешили нам публично проклинать их вчерашнее палачество, исключая крестного отца красного террора — Ленина. Отсутствие гражданского сознания у народа, рабское подчинение любому «хозяину» — от Ленина до Горбачева, общественное и политическое бессилие привели к тому, что террор и подчинение ему стали советским образом жизни.

Сумгаит, Тбилиси, Баку и участь нынешних политзаключенных — безнаказанные преступления «перестроившихся» большевиков. Они так же не вызывали массового протеста народа, как ужасы Соловков, ВЧК и сталинского ГУЛАГа.

Народ, который мирится с Афганистаном, психиатрическим террором, саперными лопатками, танками и голодом, идет на духовное и физическое самоубийство.

Сегодня, как и вчера, как и 50 лет назад, мы стоим на коленях и ждем, чтобы наши угнетатели даровали нам свободу экономическую и политическую.

Во время военного коммунизма общество все-таки противилось большевикам и вынуждало их брать заложников. Пойдя на выборы в Советы, избрав добровольно продолжение 73-летнего ада, отказавшись от гражданской борьбы с советским государственным строем, мы сами пошли в заложники к преступной власти.

Палачество власти и гражданская апатия народа стоят нам более 60 миллионов жертв. Во что нам обойдутся дальнейшие сделки с тоталитаризмом?

Если 70 лет назад шайка бандитов смогла поработить народ и уничтожать его все эти годы в застенках и на каторге, то это не свидетельствует о силе духа народа.

Мы не можем мириться с этим положением вещей. Мы отказываемся прощать и славословить советское вчера, советское сегодня и то будущее, которое нам уготовано.

Мы приглашаем всех, кто еще способен испытывать гражданскую боль за наш вчерашний и сегодняшней позор, выйти 8 сентября в 15.00 на Пушкинскую площадь и заявить открыто:

**МЫ НЕ ХОТИМ ЖИТЬ В СОВЕТСКОМ КОНЦЛАГЕРЕ!
ДОЛОЙ СОВЕТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ!**

Московский Координационный Совет партии ДС

**Постановление о назначении стационарной
судебно-психиатрической экспертизы
и помещении обвиняемой для проведения
ее в психиатрическую больницу**

«Свободное слово», № 36 (66), 9 октября

Помещение обвиняемой Новодворской Валерии Ильичны в психиатрическую больницу им. Кащенко для производства стационарной судебно-психиатрической экспертизы санкционирую: И.О. прокурора г. Москвы советник юстиции Смирнов. 20 сентября 1990 г.

Следователь по особо важным делам прокуратуры г. Москвы советник юстиции Сазонов, рассмотрев материалы уголовного дела № 90808026 по обвинению Новодворской В.И. в нарушении закона СССР о защите чести и достоинства президента СССР от 14 июля 1990 г., установил:

30 июля 1990 г. в г-те Московской организации партии Демократический Союз за номером 22 Новодворская В.И. поместила свою статью «Хайль Горбачев!», которая содержала клеветнические сведения в отношении президента СССР, выраженные в оскорбительной форме. <...>

Из материалов следствия усматривается, что Новодворская В.И. состояла на учете в психоневрологическом диспансере и в отношении ее судом применялись принудительные меры медицинского характера. Учитывая это, следствие выразило сомнения в психическом состоянии обвиняемой Новодворской В.И., в том числе и с учетом медицинских данных, руководствуясь статьями 78, 184, 187 и 188 УПК РСФСР, постановило:

назначить по следующему делу стационарную судебно-психиатрическую экспертизу, передав производство экспертной комиссии больницы им. Кашенко. Поставить на рассмотрение экспертизы следующие вопросы:

1. Страдает ли обвиняемая Новодворская В.И. 1950 г.р. каким-либо психическим заболеванием, и если страдает, то может ли она отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими при совершении инкриминируемых ей деяний.

2. Не находилась ли обвиняемая Новодворская В.И. в момент совершения преступления во временном болезненном состоянии и могла ли она отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими.

3. Является ли обвиняемая Новодворская В.И. душевнобольной в настоящее время и не нуждается ли она в применении мер медицинского характера.

<...> Предупредить экспертов об уголовной ответственности по ст. 181, 182 УК РСФСР. Следователь по особо важным делам, советник юстиции А.И. Сазонов. Г. Москва, 20 сентября 1990 г.

«ЭТОТ ЗАКОН — ШИЗОФРЕНИЧЕСКИЙ»*

«Свободное слово» № 36 (66), 9 октября

— **Валерия, тебя обвиняют в нарушении закона о защите чести и достоинства президента. Как ты относишься к этому закону?**

— Закон нелеп, это закон шизофренический, который надо бы подвергнуть экспертизе. Я думаю, ни один правед мира не признает вменяемость тех, кто принял закон об оскорблении величия в конце XX века. Попытка завести дело по этому закону — очередная попытка расправиться с «Демократическим Союзом». По-видимому, она им показалась более безопасной, чем сразу по ст. 70, по которой дело должен был бы вести одиозный Комитет госбезопасности, или 192² из-за недавней отмены американцами

* Интервью, взятое у Валерии Новодворской в приемном покое отделения судебно-психиатрической экспертизы больницы № 1 им. Кашенко.

запрета на сожжение американского флага. Им было бы «неловко» судить сейчас за сожжение советских государственных флагов. Ну, а судить за митинги и демонстрации по 200-й вроде бы мало, да и митингов столько, что впору строить новый ГУЛАГ. Поэтому они прибегли к этому оригинальному способу, причем сами следователи с полной безнадежностью заявляют, что не знают, дойдет ли дело до суда. Единственное, что они могли предпринять, единственное, чем они могут уязвить в такой ситуации подсудимого, глубоко безразличного к советским законам и к нелепому закону, — это назначить экспертизу, абсолютно необоснованно, но которая формально предусмотрена законодательством.

— **Имеются ли психиатрические основания?**

— Их нет, потому что по всем делам, связанным с брежневским периодом, без всяких ходатайств с моей стороны, без привлечения независимых психиатров и международных экспертов, советская психиатрия добровольно сняла меня с учета. Четыре последних года близко ко мне не подходила. Точно так же, как КГБ поставил на учет после возбуждения против меня дела в 70 году по 70-й статье, так же они келейно, спрятав концы в воду, не желая раздувать дело, сняли с учета, и наши отношения закончились к обоюдному удовольствию. Сделано это было в оригинальной форме. Еще в 87 году сотрудниками КГБ мне было предложено дать письменное заявление с моим личным отказом от диагноза и с пожеланием судить меня по советскому законодательству. Но поскольку диагноз у нас не психиатрический, а политический, то, по-видимому, объект преследования и репрессий может сам выбирать себе кару и меру пресечения. После того как таким своеобразным медицинским актом собственноручного отказа от диагноза предполагаемого больного наши отношения завершились, в 88 году (т.е. через год) при возобновлении моего дела 86 года по 70-й статье следователи КГБ жизнерадостно объявили, что извлекли из архива мое первое дело 69 года, с которого всё и началось, проинспектировали его и обнаружили, что я злостным образом симулировала душевное заболевание, ввела в заблуждение несчастного Лунца и институт им. Сербского, что бедные советские врачи, объективность которых общеизвестна, были введены в заблуждение

19-летним подсудимым, и вот только сейчас они разобрались, что никакой болезни у меня не было ни в одном глазу, что я злостная симулянтка, что больше у меня этот номер не пройдет и они будут карать меня по советскому законодательству.

— Эти выводы были отражены в какой-то медицинской документации?

— Нет, такого рода разговоры, при всем беспределе, который творится в советской юстиции, естественно, отразить было нельзя. Куда дел КГБ мое личное письменное заявление с отказом от диагноза, надо спросить на Лубянке. Но после этих бесед, и даже до них, всякие отношения с советской психиатрией прекратились. Фрунзенский суд 15 раз приговаривал меня к административным арестам, и в графе, состоит ли на учете в ПНД, аккуратно ставил прочерк. Никто не интересовался ни моей дееспособностью, ни моей вменяемостью, ни моей ответственностью за свои поступки. И она ни у кого не вызывала сомнений. Даже у того же Лунца, или у небезызвестного Марка Морозова, который мне прямо сказал в 78 году, при втором контакте с советской карательной психиатрией, по поводу организации независимого профсоюза СМОТ и правозащитной деятельности вместе с классическим диссидентским движением, что вы (т.е. я) совершенно здоровы и вменяемы, но мы прибегнем к этому методу, ибо вы покушаетесь на всё, за что мы воевали и что нам дорого, и ничего хорошего вас не ждет, уезжайте, или вас доведут до настоящего безумия в такого рода заведениях. Я не знаю, кем было зафиксировано подобное заявление, знаю только, что несколько врачей, которые при этом присутствовали, эмигрировали из СССР, потому что в этой стране страшно жить. На последнем этапе моих отношений с советскими карательными органами и вообще с советской властью, я думаю, они попали в тупиковую ситуацию. Сажать бесконечно на 15 суток — явно не действует, а что еще можно сделать? Только открыть уголовное дело и послать на экспертизу. Ордера на арест они не получили. Я так понимаю, что такая колоссальная глупость — арест за оскорбление величия Михаила-самозванца — у них не прошла даже по нынешним дням и тем более не пройдет уже через несколько месяцев, поэтому единственное, к чему

они могли прибегнуть, — это чисто пыточная мера — помещение для психиатрической стационарной экспертизы. Сергея Кузнецова они прокатывали дважды таким образом — сначала экспертиза в Екатеринбурге, потом, уже после положительного заключения, в институте им. Сербского. Т.е. это способ и изолировать, и подвергнуть пытке, и унижить достоинство, и дискредитировать организацию, к которой человек принадлежит, и запятнать его политическую репутацию, и поставить под сомнение его дееспособность — всё сразу.

— **Притом еще и действуя чужими руками?**

— Да, при этом действуя именем медицинского учреждения, которое не знает, куда ему деваться от подобного рода пациентов.

— **Как им пришла мысль направить тебя сюда, в это учреждение?**

— Эта мысль, я думаю, им пришла еще до первого вопроса, потому что с самого начала возник разговор о присутствии адвоката при допросе, на том основании, что якобы есть сомнение, могу ли я защищать себя сама. После того как я им заявила, что поскольку они в этом сомневаются, то я отказываюсь от всяких разговоров с ними, т.е. в подобной оскорбительной ситуации, и в присутствии адвоката вообще говорить не стану, — после этого они немедленно напечатали постановление о том, что раз я на учете не состою, то, естественно, они имеют полное право проводить допрос без адвоката, и отправили его, кстати, весьма компетентного и демократически настроенного, домой, и провели допрос. Я считала, что конфликт улажен, речь об этом больше не возникнет. Таким образом, допрос был проведен обманным путем. Если бы я предполагала возможность экспертизы, естественно, от всяких контактов со следствием я отказалась бы, но после того, как они получили собственноручные показания по всем нужным им вопросам, они предъявили мне постановление об экспертизе. При всем том, что в СССР не может быть ни юстиции, ни правосудия, ни закона, ни легитимности, ни, конечно, независимого суда, а может быть только беспредел и военные трибуналы, даже в таких условиях я откажусь от этих двух следователей, потому что три нарушения даже чисто советского законодательства за три часа общения — многовато: по одному нарушению в час. И подписка о невыезде (я, кстати, ее отказалась дать), которая считается

освобождением из-под стражи, таким образом превращается в свою противоположность. Какой же смысл заявлять, что ты человека освобождаешь, если ты его изолируешь в учреждении худшем, чем тюрьма. Естественно, я прибегла к доступной мне форме реагирования, к единственному адекватному методу, к которому может прибегнуть оскорбленный человек в таких обстоятельствах — к сухой голодовке. Сейчас идет 4-й день голодовки обыкновенной, которая была объявлена с момента взятия под стражу, и идет первый день сухой голодовки. В случае необходимости она будет доведена до смертельного исхода.

Беседовал Виктор Кузин

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА 3-М СОВЕТЕ ПАРТИИ ДС*

«Бюллетень Совета партии ДС», №5

Сейчас мы с вами гораздо дальше от демократии, чем были в 1988 году на стартовой точке создания ДС. Помните, 9 мая мы были полны великих надежд, и страна была тоже полна: многопартийность была сказочным сном, демократические выборы были безумной мечтой, и всё то, о чем мы тогда говорили, представлялось людям в весьма розовом цвете.

Сегодня мы дожили до такой ситуации, когда с помощью весьма эффективных приемов королевство кривых зеркал всё это предоставило своим верноподданным. И это уже никому не нужно, от этого тошнит, и это вызывает такую идиосинкразию всех здравомыслящих людей, что, пожалуй, слово «демократия» становится одиозным.

Многопартийная система? Пожалуйста: 82 партии, во многих по три человека — партии мира, человека, природы, народа, гражданского достоинства, ислама — советская многопартийная система. Вполне карманная, удобоваримая, при неменяющемся и торжествующем тоталитаризме — игрушка тщеславия и честолюбия определенных ее лидеров и утешение младенца — советского демократического либерального обывателя.

* Нижний Новгород, 3—4 ноября.

Выборами тоже накушались досыта — вот результаты этих выборов: демократический Моссовет гораздо ближе к введению военного коммунизма, чем НЭПа, кроме карточной системы, им остается только посылать продотряды и всех остальных лишних интеллигентов на поля страны убирать принудительно картофель, — как при Мао Цзедуне, в сельские коммуны.

Чего мы достигли? С помощью власти, которая действует весьма хитроумно, и абсолютно безумного отношения так называемого Демократического движения ко всем мышеловкам и соблазнам, мы достигли того, что сам смысл демократии, все ее идеалы растоптаны, и если их не поднять, не вымыть и не почистить, то есть высокая вероятность, что в ближайшие двести лет это вообще никому не понадобится.

Тоталитаризм был и пребывает вовеки. Партийная номенклатура очень скоро станет беспартийной. Ельцин уже выбросил партбилет в «набежавшую волну», Травкин вообще объявил себя антикоммунистом. Система может нам даже преподнести сюрприз в виде «демократической революции», на деле, конечно, охлократической. Убрать Горбачева, заменить его народным любимцем Ельциным, убрать среднюю часть номенклатуры как «врагов народа», удовлетворить свирепые инстинкты толпы — и мы с вами вместо классического либерализма будем хлебать старое фашистское насилие большой ложкой.

Ситуация чем дальше, тем безвыходнее, потому что — Бог с ним, с народом, выяснили, что его нет, — но что взять с несчастных людей, которые не ели досыта, которых ничему не учили, которые счастливы, что их не пинают прямо ногой, а позволили читать хотя бы Юза Алешковского, Зиновьева и Гроссмана? А что касается демократического движения, которое стоит у нас в повестке дня, то его поведение сейчас хорошо определяется одной фразой — «бежали без чести, кидая демократические знамена». Полное вхождение в систему, вплоть до того, что любое действие с этими силами превращается в свою противоположность.

Нам сейчас предстоит повторить то, что сделал, да простят мне это кошунство, Иисус Христос, когда его искушал Сатана. Надо всего лишь преклонить колени и признать над собой власть советского Сатаны. Всего надо поставить

подпись под какой-нибудь бумажкой, и они тебя зарегистрируют, оприходуют, переварят, и тебе будет так хорошо и уютно кричать про демократию из желудка Удава.

И — второе искушение, помните, насчет хлебов и рыб. Не нужно обещать, согласно желудочным стимулам, никаких гостинцев, молочных рек и кисельных берегов. Нужно жестко сказать людям — прежде всего свобода, остальное всё приложится.

Нам сейчас надо выступать, как когда-то предлагала Марина Цветаева — «одна из всех — за всех — противу всех». Только так мы останемся собой и не растопчем смысл своего существования.

ПРИ ФАШИЗМЕ КАК ПРИ ФАШИЗМЕ

«Свободное слово», №41 (71), 13 ноября

Газета «Труд» негодует: где это мы в наше либерально-горбачевское время нашли фашизм? Ищут пожарные, ищет милиция, ищут фотографы в нашей столице... Немудрено, что при общей путанице в терминах, подсыпая в общий коктейль «президентов», «выборы», «многопартийность», мы с фашизмом тоже запутались. То ли инфракрасное у нас зрение, то ли ультрафиолетовое: парламентаризм мы в себе усмотрели, а фашизма не обнаруживаем... Очень выборочно у нас органы чувств работают. Любой, самый неискушенный наблюдатель несоветского происхождения найдет этот фашизм в апрельских баллончиках с отравляющими газами, примененными в Тбилиси, на запачканных невинной кровью саперных лопатках, в Баку — под гусеницами танков и в разрывных пулях со смещенным центром. Но для классического советского обывателя фашизм — это нечто немецкое, со свастикой, обязательно с крематориями и с национал-социализмом. Однако если перейти от внешних признаков к внутренним, обнаруживается много интересного.

Фашисты Италии и Германии недаром считали себя наследниками и потомками Древнего Рима. И республиканский, и императорский Рим были моделями государственной тотальности, где начисто отрицались права личности во имя интересов общины и государства. Деспотизм Рима начался не при Нероне, Калигуле и даже не при Августе.

Марк Манлий Капитолин, спаситель Рима в 390 г. до н.э. (от галлов), казненный Римом впоследствии за то, что слишком выделялся из толпы, и Марк Фурий Камилл, изгнанный за выдающиеся полководческие способности, — это республиканский Рим. Так же, как Сократ и Анаксагор обязаны: один — казнью, другой — осуждением на казнь, не считая изгнанного и убитого ни за что Алкивиада, — демократическим Афинам в Золотой век Эллады.

Не следует идеализировать античность. Она отрицала права личности во имя прав общины и была царством конформизма. Единство общины и воля к власти — это и были идеалы Рима. Гражданская свобода в рамках традиции и пользы для отечества не была адекватна личной свободе. За консулами ликторы несли пучки прутьев — фасций, символизирующих единство и сплоченность Рима! Узнаете знакомые слова? Понятия, вбитые в голову с детства? «Заводы, вставайте, шеренги смыкайте. На битву шагайте, шагайте, шагайте!» Недаром Горбачев, что ни день, призывает нас сплотиться и солидаризироваться. «Чем скорее идем к нашей цели, тем скорее к победе придем». Главное, будьте готовы, Павлики Морозовы и Павки Корчагины.

Фашизм в первооснове своей — всегда сплоченность и единство в достижении общей тотальной цели, всегда колонны на марше, всегда какой-нибудь обожаемый народом дуче, в которого уверовали, которому под ноги бросают цветы, которому кричат «Хайль!», «Слава!», — не важно, кто он: Муссолини, Ельцин, Сталин, Гитлер, Горбачев. Главное в фашизме — это шеренги и хор. У одних — гитлерюгенд, у других — юные пионеры Советского Союза. Главное — равнение на знамя и салют. Главное — единение, вплоть до планетарных масштабов («Пролетарии всех стран, соединитесь!»).

Чем отличается коммунизм от фашизма? Большей степенью тотальности (вплоть до ликвидации экономических свобод) и идеологической окрашенностью взамен расисто-национального подхода. А остальное совпадает. У одних: «Германия, Германия превыше всего!»; у других: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». У одних — Третий рейх, у других — коммуна. У одних — аншлюс, и у других — аншлюс (только не в Австрии, а в Афганистан или во все ту же несчастную Чехословакию).

Цели — мировые, проекты — глобальные. То стройки века, то перестройка — тоже века. На стройках века 60 миллионов закопали, а под перестройку им сколько понадобится, нашим дуче горбачевым, ельциным, травкиным? И зачем сегодня Освенцим, когда у коммунизма один враг — личность, а личностей не хватит на отопительный крематорский сезон, и, следовательно, стройка нерентабельна? Птица-тройка коммунистической экспансии — это национал-социалистическая, общенародная гордость СССР: советский танк, подминающий под себя другие народы и государства. А остановит этот танк советского фашизма, стартовавший 25 октября 1917 года, только личность. Безоружный человек, который, как и его предки, остановит эту бешеную махину на скаку и не побоится войти в горящую Россию, чтобы залить огонь Хаоса — взбесившейся тотальности — очищающей влагой Разума, индивидуализма, Противостояния. Коммунисты, ничтоже сумняшеся, обиделись на то, что их назвали фашистами? Настанет день, и государственные деятели России и всего мира будут подавать в суд, если их назовут публично коммунистами. Единственной целью коммунистов-ленинцев, сталинцев, горбачевцев всегда была экспансия — в скрытых или явных формах.

Вперед, вперед, крепконогие кони!
Вашу тень обгоняет народов страх...
Мы не сдержим, не сдержим буйной погони,
Пока распаленных коней не омоем
В последних Последнего моря волнах...

Это мы у монголов позаимствовали. Ленин приобрел Закавказье и Среднюю Азию. Перестройка НЭПа, помощь доверчивого Запада, спец, кредиты — и снова по коням! 30-е годы. «Антифашист» Сталин, трогательный союз Запада и СССР, Ялта, Тегеран — и коммунизм отхватил Восточную Европу, Балтию, Молдавию, Западную Украину и Белоруссию. Ситуация повторяется в третий раз. Снова перестройка, Запад обезоружен, все в восхищении от преступника против человечества.

Срочно требуются антифашисты, антикоммунисты и антисоветчики, пока орды хаоса вновь не двинулись на человечество!

«МОЯ ПРОФЕССИЯ В МИРУ — ЛИТЕРАТУРА»

«Независимая газета», № 1–2, 21 декабря

— Лера, давайте договоримся: ни слова о политике, только о литературе.

— Ну, пожалуйста, если вы сами не станете задавать политических вопросов.

— Итак, что для вас литература?

— Моя профессия в мире. Несостоявшаяся профессия. Ну, как обычно: не то чтобы очень тянуло, но всегда очень хотелось. И, когда было время, что-то даже получалось. Художественные переводы, эссеистика, литературоведение, театроведение, статьи о кинематографе. Но боюсь, от политических сюжетов мне и там не удавалось уходить. Вернее, от того, что является нашей жизнью. От вечной несвободы, от вечного растреления, от вечного конформизма. От этого тлена, позора, мерзости, которые, в общем, и составляют нашу политику... Это — конечно, проскальзывало и в переводах, мои переводы ведь очень тематические. Камю — он опять-таки об этом. И Сартр — об этом. И даже Дюма-отец со своим «Шевалье де Мезон-Руж» — тоже об этом. О той же первой гнусной революции, которая как две капли воды похожа на нашу так называемую Великую Октябрьскую. Так что все время попадаешь в то же место, просто некуда податься. Связь литературы с жизнью у нас прослеживается не на уровне литературоведения, не на уровне учебников 10 класса — а просто хочешь куда-нибудь в башню из слоновой кости, а тебя почему-то все время из нее за ноги вытаскивают. Не успеешь долезть, как что-нибудь случается. А потом, боюсь, для нас уже нет никакой набоковской отстраненности. Да и у Набокова отстраненность весьма эпизодическая. Я бы не сказала, что его «Подвиг», «Истребление тиранов» и «Соглядатай» уж так отстранены. И это там, за всеми океанами! А стихи набоковские чего стоят! Похоже, он всю жизнь мечтал здесь на плаху взойти.

Как в моем любимом стихотворении, которое я всегда цитирую, когда меня спрашивают о конструктивной программе ДС: «...Над запретами голого цеха, над законами глухонемых, над пустым отрицанием смеха, над испугом сограждан моих. Погляжу на знакомые дюны, на алмазную в небе гряде, глубже руки в карманы засуну и со смехом

на плаху взойду». Вот она, конструктивная программа. Так что у нас все одно к одному: я и политикой никогда не занималась, и ДС политикой не занимается, и литература, которая тоже не должна заниматься политикой, но попадает всё в ту же точку, нашу земную.

— **Ну вы меня просто втягиваете в политический вопрос: как это понимать — вы никогда не занимались политикой? Чем же еще?**

— Политика к жизни не имеет никакого отношения. Политика как раз тем и плоха, что отвлекается от экзистенциальных, метафизических вопросов, и поверх жизни плетутся какие-то паутинные нити, где решаются свои грязные дела на уровне консенсусов, компромиссов и всего такого. Политика — это очень большая гадость, особенно на нашем кладбище. Находятся, однако, могильщики, которые соглашаются ею заниматься. А я никогда не занималась. Я всегда пыталась, хотя бы для себя, решить вопрос о смысле жизни, о ненависти, о любви, о России. Какая же эта политика? Антифашизм — не политика. Антигосударственная деятельность — не политика. Это поэзия, это романтика, это искусство.

— **Но вы этим занимаетесь все-таки на площади, а не у себя дома.**

— А разве искусство чуждается площадей? Можно считать, что то, что я делаю, — мистерия пополам с моралите.

— **Ну а ваши литературные пристрастия?**

— Философская и магическая проза. Если романистика не насыщена мыслью, она мне неинтересна. За это я терпеть не могу французскую литературу (кроме экзистенциалистов) — за вот этот бытовой душок. За то, что жизнь не сгруппирована в идейном отношении, из нее ничего не вылеплено. А просто бросают тебя в этот поток. За это я не люблю Пруста, не люблю Натали Саррот. Другое дело — немецкая литература. Все эти Гессе, Носсак. Их читать очень интересно. Манны всех сортов, но, конечно, Томас прежде всего. Американская литература в этом смысле хороша. Немножечко — английская. То есть мне неинтересно читать необработанную жизнь. Ну если это, конечно, не русская литература. Русская это умеет. Маканину ничего не надо было группировать. У него и так неплохо получалось. Но это дано только нам, по-видимому.

— **Чем вы это объясняете?**

— Концентрацией боли. При такой концентрации жизнь сама заворачивается в какой-то невыносимый клубок, который интересно распутывать. Очень большая концентрация отчаяния. Слишком много несбывшегося. Русская литература — она всегда подытоживала поражения. Безнадежные поражения.

— **Кто в нашей литературе для вас интереснее всего?**

— Чехов. Бунин. Гаршин. Достоевский. Тургенев. Ни в коем случае не убогие моралисты типа Льва Толстого. Он — моя антипатия, литературная и жизненная. Граф Лев Николаевич. Я к нему испытываю в некотором роде ненависть. Литературную ненависть. Очень неприятно, когда литература пишется с явно нравоучительной задачей. Когда гармонию разывают, как труп. Лев Толстой — это Сальери литературы. Ему не дано было быть Моцартом, сколько бы томов он ни написал, это классический Сальери. А маленький Гаршин, который написал очень-очень немного — это Моцарт. Потому что ему — дано. Он пишет легко. Он не ставит перед собой задач. Я уж не говорю про Чехова. Может быть, самого нашего великого автора. Наиболее российского из всех.

— **Вам не кажется, что вы сами себе противоречите? При всей своей любви к философской прозе вы назвали тех русских писателей, которые более всего завязаны на жизни.**

— У каждой литературы, видимо, есть свой клон. Своя формула. У нашей — такая.

— **Какое же поражение зафиксировал, например, Чехов?**

— Он сам об этом говорит в одном рассказе («В больнице», кажется). Рассказ о том, как доктор поссорился со своим фельдшером, дал ему по морде, а потом оказалось, что и фельдшера этого выгнать нельзя, и всё будет как будет... Там есть совершенно гениальные слова. Доктор на всё махнул рукой и выпил рюмку водки, хотя ему и пить не хотелось — по привычке пить и жить зря. Вот она, фиксация поражения.

— **Вы считаете, что он зафиксировал поражение не только свое, но и всей интеллигенции?**

— Да, все остальные тогда не мыслили этими категориями. Они узнали о своем поражении только в 30-е годы. Может быть, тут они задумались... Хотя сомневаюсь. Итожат истории, писатели, а люди просто живут — вернее, не живут,

а мучаются. И потом подымают на каких-нибудь нарах. Или от голода в своих деревнях. А Чехову дано было зафиксировать.

Потом последовало подписание этой капитуляции в веках. Поражение продолжалось, и сейчас мы дожевываем его остатки. Чехов и Маканин, совершенно, по-моему, однотипные авторы, братья по литературе, братья по разуму, стоят и держат за краешки транспарант — один в те восьмидесятые, другой — в эти, а на транспаранте как раз и зафиксировано: «Проиграли»...

— **Страшно, что было принесено столько жертв — для того лишь, чтобы подтвердить приговор?**

— Жертвы — это доказательство. На самом деле их могло быть и меньше, могло бы вообще не быть. Раствление не всегда выражается в крови. Оно может выражаться, как у Чехова: сначала «В Москву! В Москву!», а потом оказывается, что от себя не уйдешь. Сначала бескровное поражение, поражение духа, а потом — в более страшных формах, но суть-то одна.

— **Я слышала, что у вас есть большая работа о Чехове...**

— Да, были две неплохие работы. Одна по экзистенциализму «Абсолют Альбера Камю» и вторая — «История русского интеллигента, рассказанная и записанная Антоном Павловичем Чеховым». Обе изъяты. Одному Богу известно, зачем эти работы понадобились КГБ. Может, они собираются свой литературный журнал издавать? Сейчас это модно.

— **Когда это произошло?**

— В восьмидесятые. Они были изъяты при нашем аресте в 1986 году за антигорбачевские листовки. Но, я думаю, литература от этого не обеднеет. Ей остался Антон Павлович Чехов в собственном соку. И Альбер Камю остался.

— **Видите ли вы какую-нибудь связь между этими двумя именами?**

— Нет, здесь совершенно другое. Они очень разные. Разве что концентрация отчаяния. Но у Камю нет поражения. Камю — вечный победитель. Он знает, как это надо делать, его герои тоже знают. Они знают, что единственный способ победить — это «засунуть руки в карманы и взойти со смехом на плаху». А другой победы не дано.

— **Давайте поговорим о французском экзистенциализме. Что вы в нем нашли для себя?**

— Я в нем нашла неприятие мира, такое здоровое неприятие, просто отвращение к нему, на уровне дрожи. И высокое отчаяние, которое, однако, завершается катарсисом. Поэтому там нет безысходности и там нет поражения. Правда, победа на уровне той нашей песенки из 60-х: «Не путай конец и кончину: победные трубы трубят». Но другой победы, видимо, не будет. Поэтому в 70-е я перевела все пьесы Камю. Тогда их на русском не было, да и сейчас, по-моему, двух пьес нет — «Праведников» и «Осады». Не было и сартровской пьесы «Взаперти». Перевести было очень важно, потому что эти вещи указывали выход из тупика, выход из поражения. Сначала на индивидуальном уровне, а если этот уровень станет доступен для всех, тогда, пожалуй, и поражение может кончиться. Главное в экзистенциализме — формула, зафиксированная Сартром: человеческая жизнь начинается по ту сторону отчаяния. А Камю прибавил: недостаточно обличать несправедливость, нужно отдать свою жизнь, чтобы ее сокрушить. Вот такие жесткие категории: или — или. И всё становится на место.

— **Но собственная их жизнь, насколько я знаю, не всегда напрямую воплощала эти постулаты.**

— Тот, кто создает такие формулы, видимо, не нуждается в том, чтобы лично их осуществлять. Есть творчество на уровне литературы, а есть — на уровне собственной судьбы, ее ваяния. Человек, который создал вереницу образов, населил ими мир, уже не имеет, видимо, потребности в том, чтобы что-то доказывать личным примером. Другое дело — мы, кому это не дано. Наше творчество — это наша судьба. Судьба — наше собрание сочинений, и у нас нет другого способа проявить свою литературную одаренность. Мы должны создавать свою жизнь, как художественное произведение.

— **Почему же вы не видите возможности самовыразиться чисто литературными средствами?**

— Для этого нужен талант — очень большой. Его у меня нет. Не представляю, как должны ощущать себя великие творцы. По-моему, эти потуги представить себя Шекспиром или хотя бы Фазилом Искандером, что ненамного хуже, неплодотворны. Все равно этого ощутить нельзя. Нельзя ощутить Божий дар... У каждого — свое творчество. Каждый оставляет то, что может оставить. Мне не дано оставить

то, что оставили Сартр и Камю. Я стараюсь воплотить то, что они написали. Даже не стараюсь — это само собой получается.

— **Можно ли сказать, что вы живете по их установкам?**

— Экзистенциализм — это действительно моя философия, но он стал ею еще до того, как я узнала о Сартре и Камю. Мы просто совпали. И они помогли мне сформулировать. Если бы не было этого зова, они проскочили бы мимо меня. Сартр, Ануй и Камю.

— **А Чехов?**

— Нет, Чехов не «мой» автор. Я его безумно люблю, но всю жизнь уходила от его финалов, его поражений. Эта жизнь для меня неприемлема. Я так не жила и никогда жить не буду — ни как у Маканина, ни как у Чехова, ни как в русской литературе у меня не будет.

— **Значит, ваша привязанность к Чехову и Маканину — по принципу противоположности?**

— Они просто очень хорошо показали, что такое русская жизнь и с чем ее едят. Здесь любоваться особенно нечем. Здесь нужно понять и нужно не принять. Оттолкнуться и воспарить. Подальше, чтобы она тебя уже не достала. Ратушинская это очень хорошо объяснила: «Нас уже не догнать. Мы уходим, уходим, уходим. Говорят, будто выстрела в спину услышать нельзя». Куда угодно, хоть на тот свет, но только не так.

— **Получается, что ваши отношения с миром глубже, чем просто неприятие российской действительности. Случись вам родиться во Франции, мало что в вашей судьбе изменилось бы...**

— Само собой разумеется. Неужели я бы потерпела, что Миттеран рыдает на груди у Горбачева? Оставалось бы только жечь французские флаги с утра до вечера.

— **А вы уверены, что, родись вы по ту сторону границы, не восприняли бы эти объятия как естественные?**

— Думаю, что нет, если бы я была я, а объятия — теми же объятиями. Мир вообще скверная штука, и при всей моей любви к либерализму я воспринимаю только революционный либерализм. Просто мне иногда кажется, что на Западе общество идет к другой утопии — не к оруэлловской, а к хакслиевской. Но мне в «дивном новом мире»

места бы не было. Помнится, там таких, как я, ссылают на специальный остров, где они делают что хотят.

— Лера, вернемся к Сартру, Камю и к тому, что вы пытаетесь воплотить в своей жизни то, что они написали. Да, иногда есть большой соблазн вести себя подобно литературному герою. Но это очень опасная штука. Скажем, я люблю Достоевского. Но всякий раз, когда я представляю себе, что кто-то пытается вести себя, как его персонажи, мне становится страшно, — жизнь, доведенная до крайности.

— Достоевский — бред русской литературы. Но он вполне соответствует нашей бредовой действительности. У нас ведь только два полюса: чеховское растрепанное, конформизм, бесконечная грязная дорога, в которой вязнут ноги, осеннее небо над головой — или припадок, эпилепсия, шизофрения в параноидальной форме. У Достоевского уже не серая дорога (пейзаж русской живописи), а Ван-Гог: протуберанцы, деревья, которые растут не тем концом, небо цвета земли, земля цвета неба. Чехов и Достоевский хорошо показали нашу жизнь с двух сторон, показали возможные исходы: или тихая, смертная скука, или горячечный бред, когда всем страшно весело. Чехов захватил это краешком, в «Палате №6». «Палата №6» — коридор из пространства Чехова в пространство Достоевского. Я всю жизнь пыталась бороться с этими двумя в себе. С диким, неупорядоченным хаосом, материей, которая не знает ни ограничений, ни закона. А у Достоевского всё это слобрено еще славянофильством — самым неприятным, соловьевским, на уровне соборности, Третьего Рима, князя Мышкина, который всё простит и всё поймет, для которого злодейство уже не злодейство: он до того его внутренне понял, что вроде как и сам совершил. Отсутствие индивидуализма, опасный крен в сторону хаоса — это надо искоренять в себе.

— **Отсутствие индивидуализма в чем?**

— Отсутствие индивидуализма как концепции, на которой стоит общество. Четкого, трезвого, холодного индивидуализма. Нам нужен мир, где возможен здравый смысл, а не сплошные смертельные объятия или беспредельная ненависть. Я боюсь Достоевского. Нельзя сказать, чтобы он мог кому-нибудь доставить эстетическое наслаждение. Читаешь со скрежетом зубным. Я вообще не знаю, кому может доставить эстетическое наслаждение русская литература, а если это происходит, то мы имеем дело с садомазохизмом.

От нее заболеваешь. После нее выходишь, как пьяный, и хочется либо отоспаться, либо прямо в кабак, либо вешаться. Всё это мы умеем и любим. Но надо бороться. Потому что эта литература несовместима с нормальной человеческой жизнью, с выходом к свету, к добру, какому-нибудь порядку. Русская литература не столько описывает жизнь, сколько убивает ее. Она отбивает всякую охоту жить. Она — больше жизни. Она швыряет мир вам в лицо так, что от удара можно уже не подняться. Достоевский — достойный противник. Но быть на его стороне — значит быть на стороне небытия. С ним нельзя соглашаться. Если с ним согласиться, тогда — конец.

— **То есть вы тоже считаете, что если вести себя как его герои, мы превратим нашу жизнь в огромную палату № 6?**

— Да и Достоевский был из собственных героев. Вот уж кто вел жизнь, вполне соответствующую своим произведениям!

— **Что противоречит вашему высказыванию о том, что писатель может создать художественное произведение и на этом успокоится...**

— Дело вкуса. Право художника. Некий двойной заряд заложен во многих судьбах. Вот Гумилев предпочел закончить жизнь так, как советовал в своих стихах, Степняк-Кравчинский, хоть и не Бог весть какой автор, писал о террористах не с чужих слов. Стрелял в киевского губернатора, вообще в массу сановников стрелял, в одних — удачно, в других — неудачно. И Сартр, наверное, мог бы делать что-то в этом роде — с гитлеровцами, скажем, перестреливаться, и Камю мог лично в чем-нибудь поучаствовать. Но вот они не захотели, а Достоевскому это было нужно.

— **Между тем всё, что вы говорили о крайностях Достоевского, многие напрямую соотносят с вашей собственной жизнью, потому что в их представлении вы именно так и существуете: не признавая ничего, кроме крайностей, и ни в коей мере не стремясь к норме.**

— Да нет, уровень этой неупорядоченности у меня экзистенциальный, французский. Отнюдь не по Достоевскому. Четкая, беспредельная свобода, которая разрывает этот мир, которой нет в мире места, но она не причиняет такой страшной боли, какую причиняет герою Достоевского, — он от этого топится, сходит с ума, стреляется, пишет

шигалевские тетради, идет куда-то с топором... Боюсь, всё это от неспособности снести свою свободу. А мне с моей свободой по дороге, она мне не тяжела. Поэтому нет необходимости куда-нибудь идти с топором, посылать статью в газету: «Тварь я дрожащая или право имею?» Я понимаю, что имею право, что я не дрожащая тварь.

— **Но вы всё норовите в тюрьму сесть или флаг сжечь. Ведь эти поступки могут быть истолкованы именно подобным образом.**

— Что значит «норовлю сесть в тюрьму»? Я в ней сидела достаточно и сижу всё время. Тюрьма — это способ расплеваться с советской действительностью. Дабы тебя в нее не вмонтировали, как очередной трофей. Экскурсия: налево — Съезд народных депутатов. Смотрите, там Афанасьев черт знает что говорит, мы его не трогаем, не берем пока. Налево у нас кучка независимых газет, такое несут — уши вянут. Экстремисты из ДС — и, смотрите, пока еще живы... Георгий Иванов ведь сказал: «Туманные проходят годы. И вперемешку дышим мы то затхлым воздухом свободы, то вольным холодом тюрьмы».

Беседовала Елена Якович

ЛИЧНАЯ ПОВЕДА В НАШИХ РУКАХ

«Свободное слово», № 47 (77), 25 декабря

У Анатолия Марченко не было оснований считать себя жертвой. Он никогда не верил, не боялся, не просил, в совдеповских Советах не участвовал, Горбачева президентом не называл, с «левыми» и «центром» не братался, о необходимости соблюдать советские законы не говорил. Он был не жертвой перестройки, а борцом против перестройки и против тоталитаризма, что, в общем-то, одно и то же. Все, кто погиб несломленным, — и Василь Стус, и Юрий Галансков, и другие, — не жертвы перестройки, а борцы. Они погибли в бою.

Здесь прозвучали сакраментальные слова, которыми открылись незабвенные розовые 60-е годы: «Уважайте советскую Конституцию, соблюдайте советские законы». И сегодня, в 90-м году, здесь говорят: давайте бороться с этой

системой с помощью ее же законов. Вот есть у нас прекрасный закон о том, что если власть, которая всем владеет, что-то там нарушила, то мы с помощью законов, которые эта же власть записала в своем казарменном уставе под названием «конституция», кого-то там накажем, кого-то отзовем. Это и есть законность в конформизме, которая уже относится к нам самим.

Жертв перестройки будет гораздо больше, чем борцов против перестройки. Проанализируем, как мы боролись эти 5 лет, и какие итоги нам сегодня надо подводить. Мы даже не вправе говорить о разгроме чего бы то ни было, потому что, собственно, не было сражения. Так кто же мог нас разгромить, если мы не выступали безоговорочно против? Здесь говорят, что какие-то восточные императоры будут двигать войска на захваченный демократами центр, чтобы установить окончательную диктатуру. Мне кажется, восточные императоры могут не беспокоиться — у нас здесь и без того всё в полном порядке с диктатурой, и если сегодня они еще не пришли к каждому, как 13 декабря в Польше, то это не потому, что мы им противодействуем. Они пока решили, что с нами можно не связываться, мы не очень болтаемся у них под ногами. Был такой семинар на квартире у Льва Тимофеева, редактора «Референдума», тоже правозащитника, по правам человека, где в 87 году прозвучал «замечательный» доклад, что, дескать, не нужно раздражать власть, не нужно раздражать Горбачева, а то они обидятся и нас вообще уничтожат, начнут снова репрессии. Надо, мол, как-то покончить с ними дело миром, не нужно никакой конфронтации. И вот уже 5 лет прошли под этой «прекрасной» идеей. Давайте сосчитаем по пальцам, кто пошел на полную конфронтацию. Ну, «Гласность», ну «Экспресс-Хроника», ДС, ну еще несколько организаций — можно сосчитать по пальцам одной руки, кто в Советах не участвовал, Горбачева «президентом» не называл и был безоговорочно антигосударственный и антисоветский.

Демократическое движение, если оно у нас когда-нибудь возникнет, будет по своему определению не только демократическим, но и революционно-демократическим, потому что другого рода разбирательства с этой Системой, если когда-нибудь она народ перестанет устраивать, невозможны. А сегодня она его устраивает вполне. И массовое

демократическое движение будет, безусловно, и антигосударственным, и антисоветским. А пока то, что мы себе вырыли, туда и ляжем. Мы сделали всё, что они от нас требовали.

Что такое, собственно, перестройка? Это предельное растление. В 60-е, 70-е, вплоть до первой половины 80-х между нами и властью был надежный частокोल из колючей проволоки; они были по ту сторону, а мы — по эту, кто в лагерях, кто в тюрьмах, кто в дворниках, кто в глухой внутренней эмиграции. По крайней мере, с одного телеэкрана с Горбачевым не выступали. Вспомните Гуннара Астру. Этот правозащитник, борец против тоталитаризма, не посылал Брежневу поздравительные письма с очередной звездой, а совершил свое сожжение. А Ландсбергис сегодня посылает Горбачеву поздравления с нобелевским лауреатством. Весь мир сегодня лежит у ног нашей Московской Орды. Запад за это ответит: есть Божий суд, есть Страшный суд, который всех ожидает, и есть достаточно скорый земной суд, потому что орды хаоса уже двинулись на человечество.

Я проклинаю тот день, когда в Лефортовской тюрьме им пришлось в голову меня освободить. Потому что в то же время в тюрьме оставались другие, и через два месяца погиб Анатолий Марченко. И никто из нас не должен радоваться, что он сейчас живет, потому что в лагерях сидят Владимир Новиков, Гольдович. Один из бывших правозащитников, нынешних депутатов, недавно заявил, что они, собственно, не политзаключенные, они из другой категории. За это тоже придется отвечать перед Страшным судом. Тот, кто подал руку власти, перешел на сторону врага. Посмотрите, как всё рушится. Директор «Инка-пресс», который дал нам столько замечательных книг, сегодня заявляет, что пора перейти к конструктивной деятельности в рамках этого режима. Наш пророк Солженицын спокойно произносит слова «президент, президентская власть». Когда в 1987-м они убили Анатолия Марченко, мы что, не знали, что Горбачев — убийца? Мы в этом сомневались? Почему мы не сказали об этом открыто? Тогда, может быть, всего дальнейшего не было бы. Бывшие героижимают руку этой власти и идут с ней на компромисс, и садятся за круглые столы. Они подвели к открытой диктатуре. Уже действует закон об оскорблении величия, начинаются массовые политические репрессии. Кудрявцева,

Авдеева, Прилепский, Целикова ожидают суда за оскорбление ставропольского вора. Это возврат к тем временам, когда правозащитная деятельность влекла за собой немедленную кару. Тамару Целикову будут судить только за попытку распространить листовки в мою защиту. Про свой суд я не говорю — от них мне другого ничего не надо.

Если уж мы потерпели поражение, если мы оказались не способными создать движение, давайте попытаемся одержать личную победу. Личная победа в наших руках. Наши толпы демократов, которые слоняются по Москве, от Манежа до Красной площади и обратно, от Старой площади и потом по Советской с портретами Гдляна и Иванова, не способны даже на то, чтобы освободить политзаключенных. У нас Аркадий Манучаров сидел в Бутырской тюрьме, так эти 500-тысячные толпы близко к ней не подошли. У нас Сергей Кузнецов просидел 9 месяцев, пока не стал умирать от голодовки. В Москве он сидел тоже, в институте Сербского, и тоже никто не попытался.

Во всем, что произойдет, мы должны винить не только злодейские власти, но и наше собственное малодушие. Не сумели освободить политзаключенных, потому что у нас нет инструментов воздействия на эти власти. Начинаются скверные времена. Может быть, не успеем плюнуть в лицо этому режиму. Надо торопиться, чтобы быть не «жертвой перестройки», а борцами против перестройки. Чтобы хотя бы уйти достойно, если сделать ничего не сумели...

1991

СТРАШНЕЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

«Утро России», № 1 (16), январь

Сегодня изо всех окон — из либеральных, из консервативных, из КПССных, из ДПРОВских — несутся заклинания: только бы не было гражданской войны... Лучше конец света, чем гражданская война. Создается ощущение, что нет ничего страшнее гражданской войны. Так ли это?

Давайте вспомним кое-что из истории известных нам Гражданских войн. Война Севера против Юга, та американская война, которая уничтожила добрую часть американской свободы: после 1864 года США были уже не те. И не надо говорить, что северные штаты выступали против рабства. Еще до войны они законодательно запрещали неграм жить на их территории и относились к ним как к нечистым тварям. Им нужен бы южный хлопок, и поэтому они воспрепятствовали праву Юга выйти из Союза. Знакомая ситуация, не правда ли: штаты (или республики) хотят воспользоваться своим правом «на выход», «сильный центр» (Север) посылает войска. Север воевал с женщинами и детьми; Шерман осуществлял тактику выжженной земли; Юг был предан огню и разорению; северяне во многом были предшественниками СС. Еще бы южане не сопротивлялись этому с оружием в руках! Они защищали не рабство, но свободу и свою землю. Их поражение стало потрясением свободы штатов, скованных федеральным законом по рукам и ногам.

А наша Гражданская? Дикое насилие большевиков, это марсианское вторжение из «Войны миров», это планомерное уничтожение цивилизации и самой жизни, эта поступь командора — и не сметь защищаться? Мне было бы тяжелее и позорнее. То, что кто-то не сдался без боя; что дикие, варварские, нечеловеческие злодеяния кто-то опровергал с оружием в руках; что многие предпочли пасть на поле

битвы, но не жить под властью большевистской орды — единственное, чем мы можем оправдаться перед историей. Мне далеко не всё нравится в Белом движении, я, как булгаковский генерал Чарнота, возможно, разгромила бы контрразведку, но они, белые, все-таки сражались за ту жизнь, в которой была надежда, и эволюция, и цивилизация, и культура.

Россия до Февраля и после Октября несопоставима, как соринка в глазу и бревно там же. Для меня это решенный вопрос: в те годы я была бы в Белой армии и сражалась бы с большевиками с оружием в руках, вступила бы в савинковский Союз защиты Родины и Свободы (только не стала бы клясться перед смертью, как Борис Викторович), делала бы то, что делала Мария Захарченко. А вы? Неужели пошли бы с красными или уклонились от борьбы? Тот, кто так поступил, виновен во всем, что случилось с нашей несчастной страной.

И не страшно ли, что, кроме Гумилева, не нашлось восставших против них поэтов и что в 30-х, в 40-х уже не было гражданской войны, а была бойня для покорного своим палачам уже не народа, а стада...

Давайте спросим свою память и свою совесть, и они ответят нам, что гражданское бессилие, гражданская смерть каждого, гражданская неполноценность страшнее гражданской войны, поэтому последняя свидетельствует о наличии гражданской позиции у общества, на которое напали.

Гражданская война — это кровь. Но в крови повинен тот, кто пролил ее первым, а не тот, кто взял меч для защиты. Я никогда не смирюсь с поруганием памяти тех, кто попытался нас защитить в 1918-м, 1919-м, 1920 годах и погиб, но не приспособился.

Поймут потом, лжи свергнув власть,
Что лучшая победа — пасть.

(Ибсен)

А сегодня, чего мы боимся сегодня? Горбачева, армии, «Памяти», гражданской войны. Позора не боимся, рабства мы не боимся. Что ж, рабы, восставшие со Спартаком, и были взяты в плен в бою, а мы рождены в холопской доле от отцов-холопов. На наших глазах убивают безоружных,

беззащитных, невинных — в Тбилиси, в Баку, в Сумгаите, — а мы боимся гражданской войны, а не соучастия в этих злодеяниях...

Скажите, вы готовы бросить камень в тех мальчиков из Сальянских казарм в Баку, которые не стали участвовать в геноциде на советской стороне, не выполнили приказ и защищали от карателей безоружное население с оружием в руках, пока их не уничтожили всех до последнего? По-моему, они исполнили свой человеческий и гражданский долг. Вас страшит такая гражданская война? Тогда позаботьтесь о том, чтобы на улицы вышли все: только это остановит власть от попыток повторить Новочеркасск и Тяньаньмэнь.

Итак, миф о гражданской войне как о самом ужасном, что только может случиться, оборачивается в сагу о нашей трусости. А баррикады? Термин «баррикадное мышление» подается как чистый негатив. Конечно, если возможен консенсус, баррикады ни к чему. Но у нас консенсуса не будет — после этих 73 лет. Более того: консенсус со злом нам не нужен. Не надо предлагать им переговоры и круглые столы. Только безоговорочная капитуляция, уход от власти и вечность непростения и остракизма. Кары не надо тоже, ибо, покарвав наших палачей, мы сами станем палачами. Но простить и забыть мы не смеем, иначе у нас будет тошнотворное общество, сытое, но бездуховное и бесчестное. Пусть свершится справедливость и погибнет тот мир, в котором мы перестали быть людьми. Свободная Россия ни в чем не будет походила на Советскую.

Так что такое баррикады? Сейчас не 1848 год и не 1905-й. Тогда силы были примерно равны: у повстанцев ружья и бомбы, у правительства ружья... Но здесь была и артиллерия, и шрапнель. Так что даже тогда баррикада скорее означала восстание духа, чем кровожадное стремление убить ближнего. А сегодня, при наличии газов, минометов, огнеметов, танков, гранат и прочего, о какой-то сопоставимости возможностей власти и народа вообще говорить не приходится.

Баррикады не означают насилия, но свидетельствуют о готовности умереть за свободу. Баррикада — не орудие убийства, не инструмент войны, а символ непокорства и освобождения народа. Если народ идет на баррикады, это означает, что ему тесен старый государственный порядок.

Здесь многое зависит от власти. Наша милейшая «Софья Васильевна» никогда не жалела чужой крови, рассматривая народ как противника.

Так что миф о баррикадах возник в нашем приниженном сознании, которое не может вскарабкаться на их высоту, высоту неповиновения и восстания против деспотизма.

А революция? О, я слышу много реплик, и добрая половина из них — про большевиков. Мы просто забыли, что такое революция. Нам в детстве твердили про Октябрьскую революцию, и поэтому слово это ассоциируется у нас с кошмаром. Но Октябрь не был революцией, а был бандитским военным переворотом над бессильным и безоружным обществом (это, кстати, не к его чести: бессилие не добродетель). Февральская революция была неполноценной, с сильным включением охлократического элемента. Гражданское общество было в зачатии, политические и правовые приоритеты подавлялись социально-экономическими.

Революция не совершается только во имя желудка. Мир знает мало удачных революций. Английская была отравлена казнями и репрессиями, Французская (1789) перешла в якобинский большевизм. Одна только Американская революция не опустилась до вульгарной мести и выработала законы и порядок, которые украсили человечество и которых хватило до 1861 года (после Гражданской войны американская демократия неполноценна).

Революция не означает ни террора, ни хаоса. Это переворот гражданского общества над неугодным ему государственным строем. Революция означает переход к более свободному и более гуманному общественному устройству. Ей предшествует эволюция человека, эволюция человеческого сообщества. Сначала негодный строй отвергают, затем свергают. Революция может быть только демократической. Если она не приводит к демократии, то, будьте уверены, это была не она. И не все ли равно, как сформулируют наши враги (Горбачевы, Язовы, Ельцины, Поповы) свою 71-ю о «насильственном свержении антинародного государственного строя». За призыв к революции полагается 7 лет. За попытку ее совершения могут дать гораздо больше, вплоть до «высшей меры социальной защиты». Но путь из тоталитаризма в демократию лежит через демократическую революцию. Надеюсь, что наша революция не запятнает себя виселицами и трибуналами, как венгерская 1956 года

или румынская наших дней. Тот, кто возвысился над коммунистами, не станет кричать «смерть им!», ибо здесь он уподобится большевикам. Там, где есть виселицы, нет революций. Пункт о ненасилии должен быть записан у каждого в душе, где действует компас — совесть человека и христианина. Если нет нравственности, Уголовный кодекс ее не заменит. Человек должен понимать, что дозволено, а что нет, не справляясь с программами и указами. Только тогда он свободен и самостоятелен. Только тогда он имеет право совершать революцию. Об этом писал Высоцкий:

Слава им не нужна и величие,
Вот под крыльями кончился лед —
И найдут они счастье птичье,
Как награду за дерзкий полет.

Наше горло отпустит молчание,
Наша слабость растает, как тень.
И наградой за ночи отчаяния
Будет вечный полярный день.

КТО ВОИТСЯ ВАЛЕРИЮ НОВОДВОРСКУЮ?*

«Знамя труда» (г.Ковров), № 28, 16 февраля

— **Пожалуйста, немного о себе.**

— Мне 40 лет. По специальности я филолог, лингвист. По профессии педагог. Смежные профессии — историк и журналист. Основной род деятельности — профессиональный революционер, если то, что произошло в 17-м не называть революцией, или профессиональный контрреволюционер, если 17-й считать революцией. Убежденный антисоветчик, научный антикоммунист.

Естественное для меня состояние — постоянная конфронтация с тоталитарным режимом. Пока мне приходилось сталкиваться только с советским, но если вдруг он, к моему величайшему удивлению, рухнет при моей жизни, то я нашла бы для борьбы какой-то другой, например

* 31 января 1991 года в Коврове состоялась встреча В.И.Новодворской с жителями города. Публикуем избранные места из стенограммы. — *Прим. ред.* «Знамя труда».

в Корее или Ираке, потому что не могу терпеть дракона, как тот Ланселот в шварцевской сказке, не могу существовать с ним на одной планете, в одной галактике, в одной метagalактике.

До так называемой перестройки, а вообще ее называют правильно, потому что это перестройка и укрепление тоталитаризма, я дважды была осуждена по статье 70, причем за дело, потому что действительно подрывала устой советского государственного строя, и никак не могу сказать, что судили меня зря и должны реабилитировать. И если меня вдруг захотят реабилитировать, то я откажусь от реабилитации.

На моем счету многочисленные аресты с различными психиатрическими вариантами. На войне как на войне. Я всегда знала, кто мои враги, и думаю, что они всегда знали всё про меня. После начала перестройки 16 арестов на 15 суток за несанкционированные митинги с тотальными голодовками. Сейчас в Мосгорсуде готовится уголовное дело из 5 томов, где собраны 5 уголовных дел, сейчас вот заводится шестое: за оскорбление чести и достоинства Горбачева и по статье 192-й — надругательство над шестью государственными флагами, которые я публично сожгла.

— На закончившемся недавно V съезде ДС обсуждалось ваше письмо, призывавшее членов партии немедленно начать «подготовку вооруженного сопротивления массовым убийствам в республиках, где происходит национально-демократическая революция». В то же время в одном из интервью вы сказали, что вы сторонники ненасильственных действий...

— Вы, видимо, имеете в виду письмо, подписанное 12-ю делегатами съезда, потом его подписали еще 45 человек, и теперь это уже «письмо 57-ми». В нем зафиксирована нынешняя политическая ситуация.

Наши политологические представления грешат многими пробелами. Идея ненасилия воспринимается многими стилистически, лингвистически и семантически неверно. Вообще надо сказать, что это нашло отражение и в новой формулировке 70-й статьи, составленной безграмотно, ибо никогда не найти такого преступника, который хотел бы насильственно свергнуть государственный строй: его нельзя свергнуть, государственный строй — это комплекс экономический, политический, нравственный. Его можно только отвергнуть, а свергнуть — политический режим или

государственную власть. Ненасилие предполагает согласие власти и народа, политическая стачка — это уже насильственное свержение. Наша ситуация не будет мягкой и не будет нежной. В Чехословакии она была такой, потому что в тот момент кремлевской власти выгодно было отступить. Они ведь мечтают получить Западную Европу вместо Восточной и потому считают необходимым отступить на востоке. Но Москва, Союз, Россия — это последний их форпост, отсюда им деваться некуда. Даже на Кубе им не будут рады, если прийти без сахара, без тушенки, без денег; даже у Ким Ир Сена их не встретят с распростертыми объятиями. Я думаю, власть будет цепляться за любые возможности. От них можно ждать всего. Поэтому нам не нужно рассчитывать на то, что после всеобщей политической стачки они огорчатся и уйдут.

А потом всегда найдется пятая колонна, как она нашлась в Литве, всегда найдутся люди, которые будут требовать президентского правления, введения диктатуры. И тогда будет велика вероятность гражданской войны.

Я не считаю это положение ни отчаянным, ни плачевным, напротив — пусть народ увидит эту власть без прикрас.

— Возможен ли переход к демократическому строю без того, чтобы народ был подготовлен к нему, без существования гражданского общества?

— Теоретический центр ДС прежде считал, что сперва необходимо изменить сознание людей на демократическое, что народ должен полностью подготовиться к существованию, какое есть на Западе. Теперь мне видится это ошибкой — механический перенос западных условий на российский способ мышления. Гражданское общество не адекватно демократическому. Человек может быть гражданином, при этом не будучи демократом. Им он может стать после. Демократия предполагает более спокойное и устоявшееся общество. К демократии невозможно перейти в сегодняшней психологической ситуации. Когда над обществом постоянно дамоклов меч диктатуры. Поэтому нам нужно продемонстрировать народу безвыходность его сегодняшнего положения.

Демократия — это самоуправление свободных людей. Пока мы не перестанем быть холопами, для нас демократия — излишество.

Страшно, если люди не воспринимают вручение Нобелевской премии мира Горбачеву как начало Апокалипсиса. За Мюнхенским сговором последовала Вторая мировая война, боюсь, как бы вскоре не началась третья...

— Нарисованный вами прогноз, видимо, носит вероятностный характер, должны быть и другие варианты даже с вашей точки зрения. Но общественное сознание вряд ли готово к восприятию идей ДС. Не будет ли приносить вред ваша радикальная позиция? Не полезней ли для демократии непротивленческие стратегии вроде гандизма или толстовства?

— Пример с Ганди, с Индией не подходит, там была совершенно иная ситуация, английские колонизаторы — это не кремлевские правители. Первым было куда уйти, вторым — некуда. Гандистская политика, которую, кстати, применяет ДС в повседневной действительности, не укоренилась в сознании индийцев: после освобождения они использовали насилие к соотечественникам, и сам Ганди стал жертвой насилия. К тому же надо помнить слова Ганди, что если у народа есть выбор между рабством и насилием, то уж лучше выбрать второе. Я не считаю свой прогноз мрачным, он дает надежду. Другая вероятность более безысходна, и у нее гораздо больше шансов на осуществление: это то, что народ уже не может подняться с колен, что он уже не способен ни на какую демократию, что правительство доведет его реформами денег, талонами до добровольного рабства, до добровольной диктатуры, и тогда наступит такая жуть... Народ сочтет, что и голод, и холод — это последствия демократии (ему ведь непонятно, что у нас не демократия, а «потемкинские деревни» вместо нее), и он сам потребует диктатуры, провозгласив: «Смерть врагам народа! Расстрелять, как бешеных псов!»

Это если мы будем потакать трусливому общественному сознанию, которое, конечно же, предпочитает, чтобы всё слюбилось, стерпелось, только бы из домов не выходить, только бы вообще ничем не рисковать и не терпеть никаких неприятностей.

Даже если нет никаких шансов, мы обязаны стремиться остановить тоталитаризм. Ну а если мы пойдем на сделку с ним, то тогда действительно всё кончено.

<...>

— Много ли у вас сторонников, союзников, можете ли вы реально воздействовать на положение в стране, или это лишь протест одиночек?

— Мы можем воздействовать на ситуацию морально, отказываясь пойти на сделку с Системой, отказываясь сказать ей «да». Мы говорим «нет». И не только мы. «Нет» говорят Союз анархистов, независимые издания, как «Гласность», «Экспресс-Хроника», национально-освободительные движения, подобные ДС. Конечно, это недостаточная сила. Мы не можем реально повлиять на власть, это может сделать только народ.

— **А почему, на ваш взгляд, против ДС правительство не предпринимает активных действий, ведь вам можно быстро «заткнуть рот»?..**

— Дело в том, что немедленной опасности в ДС нет. Зато в уничтожении ДС есть много минусов. Во-первых, нас действительно придется уничтожать, ибо сидеть мы не будем: если нас посадят, мы все объявим смертельную голодовку. Они это прекрасно знают, иначе мы бы давно были за решеткой. Уничтожение же тысячи человек, пожалуй, заставит интеллигенцию окончательно поссориться с властью. Потому что интеллигенты понимают, что следующая очередь будет за ними.

Ну и еще, конечно, придется проститься с западными кредитами, без которых режим существовать не может.

— **Каковы ваши конструктивные предложения, если вдруг чудом события пойдут так, как вы хотите?..**

— Без соответствующего состояния народа никто никуда и никогда не придет. Главное не то, кто придет к власти, главное — уровень и состояние народа.

В стране есть грамотные экономисты — такие, как Селюнин, Пяшева, Лисичкин, Шмелев. Главное, чтобы они могли что-то сделать. При сегодняшнем состоянии власти и народа они, к сожалению, ничего не могут сделать.

Но очень многое из того, что у нас есть сейчас в стране, придется отбросить. Наши исполнительные, законодательные, судебные власти не соответствуют требованиям цивилизации. Чего стоят наши сельское хозяйство и промышленность, знают все.

<...>

— **Кто является заказчиком на наш демократизм?**

— На истинную демократию, которая по определению является «революционным либерализмом», в стране заказчиков нет, кроме организаций, подобных ДС.

На псевдодемократию же заказчиков более чем достаточно. И в первую очередь власть, которая по сути уже не является коммунистической — это государственный элитистский комплекс, который может пойти даже на то, чтобы распустить и коммунистическую партию, и даже отдать на растерзание тех, кто не сумел вовремя приспособиться к ситуации, таких как Лигачев или Нина Андреева. Тех, кто им нужен — генерал Калугин, Ельцин, — они уже вывели из-под огня, а завтра вообще могут объявить себя капиталистическим государством, но дела при этом будут идти так же плохо. Вот они-то и есть главные заказчики на псевдодемократию.

— **А кто заказчик на ДС?**

— Власти пытаются извлечь выгоду из ДС, но выгоды от нас мало, разве лишь мы нужны для рекламы: смотрите, какая у нас свобода, если даже такие экстремисты, как ДС, имеются. Но мы не пошли ни на какие контакты с властью: не пошли на их выборы, не склонились перед Ельциным, не включились в многопартийную систему. Как только была объявлена многопартийность, мы заявили, что мы не партия, а антифашистское движение. Мы не приняли Закон о печати. То есть мы отвергаем всё, что они нам предлагают.

А социальный заказчик ДС — это те люди, которые не могут жить в этой системе, которые уже внутренне свободны, даже если они не способны идти вместе с нами.

<...>

— **Ваше отношение к Ельцину?**

— Я вам очень не советую второй раз наступать на грабли. Этот новый вождь отличается от других тем, что он более приспособляем, что он больший политикан, он хорошо знает, чем можно сейчас взять народ. У жителей Екатеринбурга о нем остались самые мрачные воспоминания: диктаторский стиль, снос Ипатьевского дома... Он вышел из партии в самый подходящий момент: когда уже и должность получена в Верховном Совете, и угрозы нет никакой.

Вы бы видели его на трибуне Мавзолея, приветствующего коммунистическую демонстрацию, а потом спустившегося с трибуны и возглавившего антикоммунистическую.

Очень опасно доверять судьбу России человеку, которому кричат: «Борис — наш царь, да здравствует Борис!»

В Москве объявились совершенно обезумевшие люди, которые носят на груди портреты Ельцина величиной с суповую тарелку; стоит сказать слово против него, они готовы тут же устроить суд Линча, вполне возможен закон об оскорблении чести и достоинства Ельцина, но наказание по нему будет не в шести годах, а значительно больше.

Мой совет — бегите прочь от Ельцина...

(От редакции «Знамени труда»: в стенограмму не вошли высказывания Новодворской, которые можно расценить как оскорбляющие честь и достоинство Президента и призывающие к вооруженному сопротивлению тоталитаризму.)

ГОРБАЧЕВ НА СКАМЬЕ ПОДСУДИМЫХ

Речь Новодворской в первый день суда*

«Антисоветский Кривбасс»**, №1, февраль

Моя антигорбачевская деятельность не может быть расценена как личный конфликт представителя антифашистского Сопротивления и главы фашистского государства. Я хочу пояснить: антигорбачевская деятельность, которую я сознательно веду, имеет определенный смысл и общественное звучание. Я полагаю, что сегодня советское государство готово отказаться от чего угодно: оно заявляет, что вообще никогда не было ни коммунистическим, ни социалистическим, оно способно присвоить себе любые рыночные стимулы и даже назвать себя плюралистическим, ну, с помощью фиктивной многопартийной системы и системы кривых зеркал, в которых мы все задействованы: гласность, демократизация, выборы, якобы имеющийся у нас парламент на всех уровнях — от поквартального до всеимперского. Но истина и подлинность в том, что респектабельность им очень нужна. И единственное, от чего они не откажутся, — это от респектабельности. Ну а поскольку

* 13 февраля в Мосгорсуде начался процесс над В.И.Новодворской по обвинению в нарушении ч. 1 и 2 закона «О защите чести и достоинства Президента СССР» и ст. 190² УК РСФСР — надругательство над государственной символикой.

** Газета Криворожской организации ДС.

личная власть будет осуществляться на следующем перестроечном этапе уже авторитарно, не будет вот такого коллективного руководства, будет опора на авторитарные личности — сейчас осуществляется переход к фашизму, — то безусловно важно, чтобы эти авторитарные личности не сходили в приличном обществе за порядочных людей. Т.е. сейчас они пожертвуют чем угодно, они могут даже КПСС распустить, они могут скормить народу Полозковых, Лигачевых, и даже с большим удовольствием. Горбачев — совсем другое. Это — гарант респектабельности советского истеблишмента. Это — та личность, с которой садятся за столы, которая собирает кредиты и на которой якобы держится перестройка. Т.е. это — чудовишный обман, это — мираж, который возник перед безумным и ослепленным взором Запада. На самом деле объяснить, что такое Горбачев, и объяснить, что такое советская авторитарная власть, — это сделать половину работы, потому что тоталитаризм — они сами сегодня говорят, что не желают с ним иметь ничего общего.

Поэтому, к моменту выхода этого замечательного закона, который вовсе не является антиконституционным: с моей точки зрения, это — вполне конституционный закон, который соответствует советской конституции, советскому человеку, советскому прошлому, настоящему и советскому будущему, — я использовала этот закон как возможность для проведения лекционных и научных занятий с объяснением, что происходит. И, как вы понимаете, если человек вообще может примириться с тем, что в стране существует подобный закон, — он не гражданин, а профессиональный раб, холуй и ставит себя в положение, недостойное человеческого. К тому же, этот закон — прекрасная возможность заставить государственную власть поднять брошенную перчатку. Они отменили 70-ю статью, не желают более разбираться с вопросами о дискредитации государственного строя, прекрасно понимая, что этот строй не спасти, что защищать его более невозможно, что эта позиция — взятая, и ее надо оставлять. Переход на личные рубежи дает возможность разоблачения того же советского государства, той же советской власти, того же государственного строя с помощью этого закона. И, более того, говорить правду — это вообще долгость человека. И если ты знаешь, что палач, чьи руки обгарены человеческой

кровью, играет роль некоего главы правового общества, правового государства, то это нестерпимо. Мы можем не заниматься политикой, но людьми мы быть обязаны. Человек не может смириться с безнаказанными злодеяниями, никто из нас не может сейчас действительно добиться свержения преступной советской власти, ибо у нас нет народа. К сожалению, у нас есть только стадо, народ, может быть, когда-нибудь будет, но сегодня он представлен меньшинством. Что остается делать правозащитникам, антифашистам, что они могут сделать? Они могут сказать правду, что я и пыталась многократно предпринять с помощью митингов, манифестаций и статей.

Вообще очень трогательно, что в этом зале, где наверняка звучали слова о клевете на советскую действительность, на советский общественный строй, о клеветнических измышлениях, напечатанных на Западе, снова звучат эти слова: о преступной деятельности, которая выражена в форме статей, о преступлениях журналистов, которые смеют брать интервью и их опубликовывать, о преступлениях публичного высказывания мнения. Но апеллировать в этой ситуации к правовым инстанциям не приходится за неимением таковых. В нашей стране можно апеллировать только в спортлото или в ближайший банно-прачечный комбинат, у нас нет сегодня правовых инстанций. И сознавая, что у нас происходит, сознавая невозможность отмены преступных законов каким-то парламентским путем, за неимением парламента, за неимением гражданского общества, за неимением законной власти, — людям остается явочным порядком нарушать законы этого государства. Это — единственная ниточка, которая может протянуться в иное будущее, потому что между нами и властью, если мы хотим быть и ощущать себя свободными людьми, должны создаваться подлинные отношения: если власть преступна, с ней следует бескомпромиссно бороться. Но ни в коем случае не садиться с этой властью за круглые столы, ни в коем случае не пить с этой властью чай, не издавать совместные документы. Откровенно говоря, самая гнусная ложь нашего времени — захлестнувшее нас вранье о гласности, о перестройке, о Горбачеве, которому нет альтернативы, — вот это массовое холопство лишает нас будущего. Мне не хотелось в этом участвовать, и мне кажется, что в фашистском государстве с фашистами следует

поступать именно таким образом: говорить им, что они фашисты. И меня не удивляет, что здесь нет лично Горбачева, который предъявлял бы мне какие-то иски по поводу своего личного достоинства. Человек, который вылизал всю грязь андроповских передних, который был лакеем и больше никем, не может иметь личного достоинства, тем более что он имеет абсолютную власть, ему это безразлично. За него оскорбляется советская карательная система, которая хорошо отрегулирована. Я использовала всякую возможность для того, чтобы выйти публично с лозунгами, которые определяли Горбачева и с научной, и с эстетической, и с человеческой точек зрения. Зачем упускать лишнюю возможность сказать палачу, что он — палач. Зачем упускать лишнюю возможность призвать народ к протесту, к гражданскому неповиновению за умышленное убийство. Даже если мы можем только бросить вызов, этот вызов следует бросать. Победа, возможно, придет потом, может быть, через десятилетия, может быть, через столетия. Это не снимает необходимость нашего личного гражданского пути даже в абсолютно безнадежной ситуации. Сегодня мы защищаем себя сами. Дело в том, что голодовки, отказ выполнять советские законы, полное бесстрашие, которое мы сможем проявить, — это гораздо лучшая защита, чем какие-то парламентские процедуры, которые возникнут у нас через триста лет после свержения данной преступной власти и изменения государственного строя. Я думаю, что смысл моей антигорбачевской деятельности понятен. Антисоветская деятельность, за которую прежде карали по 70-й и позже по 190¹, — просто элегантно переведена в русло этой новой статьи, которая обещает стать столь же универсальной, как 58-10. Кстати, может быть, присутствующие еще не знают, что одного человека уже осудили на год тюремного заключения по этой статье — инвалида, ограбленного советской властью, человека глубоко несчастного...

...По существу моего обвинения я могу сказать, что выбор моих эпитетов ограничивается хорошим воспитанием. Я не в состоянии употреблять бранные слова, даже если объект их заслуживает. А потом, Горбачев ведь не просто тривиальный проходимец, хотя он им является, а проходимец, обгаренный человеческой кровью, и его личное ничтожество не снимает с него вину за всё то, что он совершил.

Так уж случилось с нами, что все, стоящие у кормила власти, — ничтожества. Хрущев не был возвышенным, Брежнев тоже не был фигурой. Нам просто не везет. Я думаю, что ничтожество нашего народа и личное, гражданское и человеческое, предопределяет то, что даже не нужно каких-то тиранов на уровне Сталина и Суллы. Нами будут править проходимцы. Эти проходимцы будут делать с нами всё, что захотят, мы будем их называть президентами, мы будем перед ними пресмыкаться. Мы не достойны даже нормального тирана, который действительно держал бы нас в ежовых рукавицах, мы подчиняемся добровольно. Мне бы очень хотелось этот общий заговор молчания сломить, и я думаю, что здесь я не одна. Когда 13 января пять тысяч человек ходили по Москве и скандировали «Горбачев — фашист!» — это было то общественное мнение, которое у нас уже есть. Бывает, что общественное мнение выражается меньшинством...

А НАПОСЛЕДОК Я СКАЖУ*

«Свободное слово», № 8 (86), 12 марта

В начале нашего теоретического семинара ДС в зале Мосгорсуда (только что мы выяснили, что суд здесь не предполагался) я уже говорила, что фигуре Горбачева я никогда не придавала слишком большого значения. Еще в начале его карьеры барды попытались приспособить на современный лад антисталинское стихотворение Мандельштама:

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А как хватит на полразговорца,
Так припомнишь спецназ ставропольца.

Но наше время — не трагедия, а фарс, и люди гибнут не от рук злодеев, а от рук мелких, грязных пакостников, умывающих затем руки и принимающих демократические позы. К Горбачеву больше пристало пушкинское:

* Заключительная речь на суде.

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.

Это поношение не только Горбачеву, но и народу, который готов подчиняться даже таким диктаторам. Не надо на нас ни Суллы, ни Мария, ни даже Владимира Ульянова, который 45 томов откровенно написал на тему, как лучше уничтожить несогласных, и не стеснялся похвалиться своими злодеяниями. У нас — иначе. Жалкий народ, жалкая власть, жалкая ситуация. Некого бояться, но некого и уважать. Мы сражаемся с пустотой, с мифами сознания, с буквой, которого мы сами себе выдумали, которого нет и не было в нашей темной комнате. Власть у нас сейчас гнилая — толкни, и упадет. Но толкать некому — за неимением народа. Поэтому вместо ослабления власти получается усиление. Это только у нас возможно: нынешняя власть имеет чуть ли не нулевую популярность. В любом другом государстве Горбачев у власти бы не остался. Давно бы какой-нибудь свежий, ненадеванный потенциальный злодей перехватил бы пальму первенства. Тот же Ельцин, к примеру.

Но у нас проходимца называют «президентом», и нам друг от друга не уйти. Постыл Горбачев, но будет править. Хуже, чем в пугачевские времена. Там хоть в «Капитанской дочке» комендант Белогорской крепости Пугачеву говорит: «Ты, дядюшка, вор и самозванец». А у нас со страниц либеральных газет звучат вполне правовые термины: «президент», «генсек» — одновременно с потоком «конструктивной критики». Такие эвфемизмы уничтожают и нравственную, и гражданскую позицию и делают нас лакеями — но не господ, а таких же лакеев.

Вспомните ситуацию «Бориса Годунова». Эту вечную трагедию Пушкин оставил для нашего посрамления на все будущие времена. Спор бояр о перспективах престолонаследия. После тирана Ивана Грозного, природного царя, — тиран-выскочка.

Какая честь для нас, для всей Руси!
Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,
Зять палача и сам в душе палач,
Возьмет венец и бармы Мономаха.

Это о наших правителях. О фольклорном Хрущеве в вышитой рубашке, работавшем под Хому Брута из Гоголя, о его ненормальных выходках с кукурузой и культурой внутри, с башмаком в ООН — снаружи. Мы терпели по-лоумного, и мир терпел. А потом трогательный Брежнев, увешанный елочными игрушками, и все прорабы перестройки пели ему осанну, восхищались его литературным творчеством. Диссидентствующий ныне задешево «Огонек» забыл о том, как его редактор требовал премий за «Малую землю». А Запад печатал произведения шута и паяца и переводил на 20 языков. И вел переговоры с маразматиком. Дальше идет серия полутрупов, и начинается царствование гэбистов. И, наконец, наш нынешний самодержец. Он вылизал всю грязь в андроповских передних, перешеголял в нечистой игре товарищей-шулеров и добыл себе престол. И сохраняет не потому, что лучший игрок в команде, а благодаря малодушию следующего по очереди шулера — Ельцина. Игра — это риск, а Ельцин рисковать боится.

Здесь мы перешли к предмету наших завтрашних протестов и завтрашних забот. Всё повторяется. Сначала толпа кричала: «Да здравствует Горбачев!» Сейчас она нашла нового спасителя и освободителя — Ельцина, и всё из той же прихожей. Толпа та же. Ослепление то же. И путь один: грязный, окольный, дозволенный свыше. Кого выбирает советская толпа? Вот эти вчерашние горбачевцы, нынешние ельцинисты? Они выбирают кого-нибудь из правящей номенклатурной династии. С таким ничем не рискуешь. Советские толпы не пойдут за батькой Махно: он был хотя и бандит, но неформал. Они пойдут за бандитами из правящей хунты. Горбачев — наш Гитлер вчера, Ельцин — наш Гитлер завтра. Вы слышите, как грохочут сапоги ельцинистов? Вы видите их лозунги: «Ельцин — ум, честь и совесть нашей эпохи», «Отступить некуда — за нами Ельцин»? Не мешало бы испугаться заранее, потому что нас ждет новый круг жалкого советского фашизма.

И не удивительно, что почти все дела по оскорблению чести и достоинства советского истеблишмента заведены против членов ДС. Советский карательный аппарат знает цену выкрикам полумиллионной толпы на санкционированных тусовках или под защитой нечистого депутатского мандата. Сегодняшний фашизм завтрашнему фашизму глаз не выключет. Они люди свои, сочтутся. Другое дело — слово

правды, произнесенное безоружными, с поднятым забралом противниками режима, чья гражданская позиция опровергает фашизм. И как сегодня проводить Нюрнбергский процесс над Горбачевым, если народ своей пассивностью развязал тому руки? Если народ — соучастник Горбачева? Где та скамья подсудимых, где может уместиться советский народ, который зовет фашиста и бандита Горбачева «президентом»? Поэтому вместо обвинительного акта по преступлениям Горбачева я просто зачитаю, как Савельич в «Капитанской дочке», реестрик злодейств, совершенных опереточным диктатором Горбачевым.

Горбачев по роду своей деятельности соучастник всех злодеяний власти до 1985 года. Афганистан, во-первых. Далее — психиатрический террор, идеологические основы которого сейчас так вдохновенно изложил уважаемый прокурор. Хорошо, что в середине своей речи он вспомнил о том, что я признана вменяемой, а то уж я подумала было, что прокурор потребует два года спецпсихбольницы тюремного типа. Гибель Анатолия Марченко на грани 1987 года — уже в «перестроечные» времена. Участь политзаключенных. Открывается личный счет футболиста Горбачева, играющего за советскую лигу. Хотя наши фашисты взаимозаменяемы: это делали все и каждый. И их преемники и наследники сделают то же самое. Дальше — Чернобыль. Трусость, желание сохранить паблисити заставили Горбачева скрыть размеры опасности, и этим он обрек на смерть от радиации тех несчастных людей, которые попали в сознательно не названную зону поражения в Белоруссии и на Украине. Из-за советской лживой лакировки — в СССР и вдруг авария на АЭС! — дети будут рождаться калеками еще несколько поколений. Это наш стиль: «Центральная газета оповестила свет, что больше диабета в стране советской нет».

Затем — горбачевские усилия удержать разбегающиеся республики. Связующим элементом империи становится кровь. Натравить молдаван на гагаузов, гагаузов на молдаван, стравить Азербайджан и Армению, выпустить из тюрем уголовников, спровоцировать армянские погромы, а когда истерзанные тела похоронят, ввести войска, обвинить в убийствах НФА, расстреливать патриотов из танков прямой наводкой.

Дальше — геноцид, преступления против человечности в Тбилиси, Баку и Вильнюсе. Продолжаются страдания политзаключенных. Те, кто был на периферии общественного внимания, остаются в лагерях. Восьмой год пытаются в спецпсихбольнице Владимира Новикова за надпись, сделанную в 1983 году на стене воронежского обкома КПСС: «КПСС — враг народа». А Горбачев продолжает лгать, что у нас нет политзаключенных.

И каковы же должны быть итоги этого реестра злодеяний? Прежде всего отвращение. До тошноты. Всякий порядочный человек обязан питать его к этой гнусной фигуре. Лучше откусить себе язык, чем назвать этого проходимца «президентом».

Я могу поклясться на Евангелии, что пока Горбачев в прежней должности, я не перестану называть его «палачом» и «убийцей», «фашистом» и «самозванцем». А после того, как до его Олимпа доберется другой соискатель, я то же самое брошу в лицо ему, потому что в фашистском государстве при раболепном народе только фашист и палач сможет справиться со своими обязанностями главаря бандитской шайки, иначе его отстранят от должности. Каждый «президент» в этой стране должен будет сдать на ГТО: готов к фашизму, убийству.

(От редакции «Свободного Слова»: суд не усмотрел в словах «Горбачев — фашист, палач, убийца, самозванец» оскорбительного содержания и оправдал Валерию Новодворскую в связи с отсутствием состава преступления по Указу «О защите чести и достоинства Президента СССР».)

«ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА — ЭТО ДЛЯ НАС СЛИШКОМ ХОРОШО»

«Столица»*, № 10 (16), март

— Валерия Ильинична! Ваш радикализм кое-кто пытается представить как экстремизм, который ведет к гражданской войне. Как вы к этому относитесь?

— Гражданская война нам не угрожает, потому что страна ниже уровня гражданской позиции. Гражданская война предполагает, что для кого-то что-то в этом мире

* Журнал, г.Москва.

еще имеет значение, что есть некая позиция, за которую люди готовы отдавать жизнь. А если люди проявляют такую холопскую преданность то Горбачеву, то Ельцину, — это как раз не свидетельствует о том, что в стране возможна гражданская война. В стране возможна бойня, возможен новый террор. Гражданская война — это для нас слишком хорошо! Мы ее недостойны.

— **У вас необычная философия...**

— Философия для нас сейчас так же неактуальна, как и гражданская война. Люди, желающие всерьез заниматься философией, должны иметь свободное мироощущение, должны уметь мыслить, отвлекаясь от «властей земных», от государственных, исторических и прочих «рамок». Короче, это должны быть в самом широком смысле свободные люди — рабы не создают философии! И вот, поскольку наша страна пребывает в беспросветном рабстве, то я очень сомневаюсь, чтобы здесь могла возникнуть оригинальная философия, во всяком случае в ближайшем будущем.

Человеческая цивилизация вообще находится сейчас не в состоянии кризиса, а в состоянии пошлости и растрепанности. Западная цивилизация идет к утопии Хаксли — «О, этот дивный, новый мир!», где все титанические усилия Запада будут увеличены «восемью краниками с духами» и «шоколадными пирожными». Дать Нобелевскую премию Горбачеву... Дальше ехать некуда.

А что касается советской «цивилизации», то она весьма близка к оруэлловской утопии. Конечно, наш «Демократический Союз», слава Богу, еще пока не «любит» Большого Брата. Но ведь ДС можно «убрать»: он очень маленький; и Большого Брата — в любой ипостаси: Ельцина, Горбачева, Собчака, Попова — будут любить все. Поэтому человеческая цивилизация не в кризисе. Цивилизация утопает в пошлости, цивилизация пребывает в состоянии тлена. Цивилизация утратила свой жизненный стержень — революционный либерализм. Только на основе революционного либерализма, который был свойствен Соединенным Штатам времен Патрика Генри и Томаса Джефферсона, можно достойно существовать. У нас же революционный либерализм ограничивается крохотной группой людей, которые «в поле не воины», потому что они одни. Ну и, как видите, в результате всех этих подсчетов выясняется, что кризис — это для вас тоже слишком хорошо! Дело обстоит гораздо хуже!

— В отношении западной цивилизации мы придерживаемся иной точки зрения. Но, как говорится, о вкусах не спорят. В то же время я вполне разделяю вашу оценку нынешнего состояния советской цивилизации: хуже чем кризис. Но, простите за прямоту, я лично этому не удивляюсь. Разве вся история России — это не сплошная череда развалов и потрясений? Иногда мне даже кажется, что правы сторонники «норманской теории», утверждающие, что Россия изначально и в принципе не способна к самостоятельному государственному развитию.

— Что ж, доля истины в названной вами теории, видимо, есть. С самого начала историческая ущербность присутствовала в этой стране. Потому что менталитет муравейника нам был всегда и весьма свойствен. У нас недоразвилась индивидуальность. У нас не было концепции индивидуализма как базиса мировоззрения.

Ошибочное сознание, коллективистское сознание, знаменитая соловьевская «соборность» (наиболее «рафинированное» воплощение этого коллективистского сознания) и отлично гармонирующая со всем этим «социалистическая идея» (которую лучше всех выразил карась-идеалист — «если бы все рабы согласились»...). Да — это историческое проклятье России.

— В последнее время в прессе, контролируемой КПСС, всё чаще встречаются примерно такие рассуждения: Ленин не застал процветающего капитализма, Ленин до Рузвельта не дожил, Владимир Ильич абсолютно искренне верил, что капитализм обречен, а коммунизм — спасение человечества. Более того, Ленин первым выступил против притязаний Сталина на власть, следовательно, говорят эти люди, Ленин субъективно не виноват, и не трогайте товарища Ленина!.. Как бы вы могли оценить эту «логику»?

— Это типично совдеповская логика; логика самозащиты и самообмана. Хочется одну «святыню» оставить «на развод», иначе придется признать, что жизнь-то прошла зря, что жизнь прошла мимо. А это неприятно; хочется всё же ухватиться за какой-нибудь «краешек», а «краешка» — нет!

Что же касается «соотношения» между Лениным и Сталиным, то все рассуждения на этот счет — смехотворны! Ленин гораздо более опасный тиран, чем Сталин. Ленин, в общем-то, всё сделал, Сталин же всего-навсего — довершил. Сталин, конечно же, щенок и «приготовишка»

по сравнению с Владимиром Ильичом. Ибо заложить такой фундамент, так грамотно всё это построить, причем — на века, мог только человек, который (вопреки Пушкину) великолепно совместил в себе гения и — злодея!

Вы посмотрите: все слова, все действия, все замыслы этого «гениального вождя» сводятся только к одному: загнать людей в рай дубиной! Налицо совершенно искренний (хотя и безумный, хотя и чудовищный по своим последствиям) фанатизм! Вообще же социально-нравственное «кредо» ленинизма сформулировать можно так: отрубим людям ноги, и пусть у них вырастут — крылья! Но... не получилось. Ноги отрубили, крылья не выросли. И в итоге ковыляют по Земле искалеченные обрубки, причем каждый искалеченный обренок такого рода — это и есть «гомо советикус»...

— Сейчас, в период всеобщей нравственной катастрофы, постигшей «советское» общество, многие ищут путь к моральному возрождению через религию. Ваша партия, как мне известно, тоже разделяет этот подход. Как же сочетается ваше тотальное неприятие авторитетов с религиозностью?

— Религия — это не то, что нам обычно представляется, и совсем не то «спасение», которое действительно спасет. Ведь «советский человек» — он во всем советский человек: как был он язычником, так и остался! У нас было и (в значительной мере) сохраняется до сих пор очень грубое, нерассуждающее христианство; до бердяевского православия мало кто поднялся.

На самом же деле, христианство — это отнюдь не обряды и не молитвы: это — нравственная человеческая позиция. И непременно антигосударственная позиция. Христос проходил сквозь государство, как сквозь стену, он был вне государства. Вся жизнь Иисуса — это борьба, это бунт Индивидуальности против Государства. Так вот тот, кто способен так верить (а христианство есть прежде всего Голгофа!), тот, безусловно, догматизма избегнет; потому что Крест — главнейший символ христианства — это духовно-нравственный феномен колоссальной сложности, феномен, побуждающий к мысли, а не только к «усвоению постулатов».

При таком понимании христианства автоматически отпадает и проблема «религиозного фанатизма»: фанатизм и активное, самостоятельное, пребывающее в вечном поиске истины мышление — несовместимы!

— Следующий вопрос будет посвящен национальной проблематике. Как мне представляется, демократические силы СССР, в отличие от «правых» («правые» сделали себе на этом «конек»), недостаточное внимание уделяют национальным проблемам. Наряду с «надуманными» проблемами в этой области существуют ведь и реальные. Возьмем, в частности, Прибалтику. Конечно, отвергать независимость Прибалтики — античеловечно. Но, с другой стороны, где гарантия, что, получив эту независимость, Прибалтика не использует ее в ущерб своему русскоязычному населению? «Взрыв» местного патриотизма, начавшийся в прибалтийских республиках и направленный пока что против Москвы, не обернется ли в самостоятельной Прибалтике жесточайшей дискриминацией «некоренного» населения? Как тут быть?

— Вас беспокоит судьба «русскоязычных» в Прибалтике? Существуют ли гарантии, что их жизнь будет по-прежнему нормальной и благополучной? Да гарантий таких — полно! И главная гарантия заключается в том, что практически все сюжеты, вами названные, — иллюзорны.

Во-первых, что это за «демократические силы», о которых вы изволили упомянуть? В стране нет демократических сил. В стране есть демократическое бессилие. Наши «демократы»? Да это несчастные кролики, которые просят, чтобы удавы их освободили; а удавы их в это время кушают. (Разумеется, в стране есть ДС и еще пять-шесть приличных, «неангажированных» организаций; но это не в счет, это — капля в море.) Так не все ли равно, какую позицию занимают наши бессильные «демократы» по любому вопросу, в том числе — по национальному. Недоценивают, переоценивают... Какая разница?!

А во-вторых (и это главное), на данном этапе истории никуда Прибалтика «от нас» не уйдет, никакой свободы она не получит. Потому что она... Советская Прибалтика. Они слишком долго с нами жили и слишком многим заразились от нас. Это уже не та Прибалтика, которая в 40-е годы пошла в леса! Это совершенно новая, советско-фашизированная Прибалтика, в которой недостаток мужества восполняется лихорадочными, паническими действиями; где объявляют мораторий на собственную свободу, где поздравляют Горбачева с нобелевским лауреатством, где принимают совершенно недоступное здравому смыслу законодательство о смертной казни и т.д. Так что никто никуда не уйдет, мы неразлучны.

— Лидер «Памяти» Дмитрий Васильев назвал ДС «чисто сионистской организацией». Действительно, интересно было бы знать, как относитесь вы и ваша партия к сионизму?

— Никак не относимся. Это «не наша» проблема. Да на здоровье! Почему бы и нет? Какое мы имеем ко всему этому отношение? Что же касается Дмитрия Васильева и ему подобных, то о них я бы так сказала: «Родиться русским слишком мало, чтоб русские иметь права!»

Я удивляюсь, что эти отъявленные патриоты до сих пор еще с властями не поссорились. Ведь в наше время быть истинно русским — это значит не быть советским! И как же это они ухитрились до сих пор уклониться от конфронтации с властью имущими? Просто они совершенно не мешают коммунистической системе, так как корень зла они «усматривают» не в существующем режиме, а в мифических «сионистах», которых нет и сто лет еще не будет.

Мне кажется, что патриотизм — это не вопли и не бичение себя в грудь. Я думаю, что когда мы, «Демсоюз», внесли в свои политические принципы пункт об отказе от эмиграции из морально-этических соображений, то тем самым мы достаточно четко доказали всё, что полагается на эту тему доказывать.

— ДС отличается от других партий четко выраженной нетерпимостью ко всем, чья позиция хоть на «миллиметр» не совпадает с позицией «Демсоюза». Не знаю, можно ли назвать такой подход рациональным. Я не собираюсь отстаивать «честь и достоинство» Горбачева. Но нападки на Ельцина, Попова, Травкина... Стоит ли из-за второстепенных, несущественных разногласий «раскачивать» демократический лагерь?

— Понимаете, у нас демократического лагеря пока еще нет, у нас есть концентрационный лагерь. А его раскачивать стоит. И Горбачев, и совдепы, и КГБ, и Калугин, будущий наш либеральный кумир, который заранее на очередь записался. И Ельцин, плохо полинявший большевик, который вовремя бросил партбилет в набежавшую волну, и Попов, который вводит НЭП на уровне «военного коммунизма», и (самый умный из них) заместитель коммунистической власти Собчак, который достаточно хорошо скрывает свои намерения, — это не демократический лагерь. Помилуйте, это всё атрибуты нашего вечного советского концлагеря, нашей несвободы.

Демократический лагерь, если бы он был, — это был бы... военный лагерь. Я не имею в виду оружие. Я имею в виду настроение этого лагеря по отношению к советскому социуму. Теперь — о нетерпимости. Нетерпимость не является недостатком, если это нетерпимость ко лжи, к злу, к предательству. Нетерпимость становится недостатком, если она проводится в «материальные отношения», в насилие. Но при чем же здесь ДС? Наша нетерпимость имеет лишь одну форму внешнего выражения: презрение. А презрение, вернее, способность к нему, есть прерогатива Свободного Человека. Это оружие мы использовать — вправе!

Беседовал Владимир Краснов

РАСКАЯНИЕ ФАРИСЕЕВ

К 70-летию Андрея Дмитриевича Сахарова

«Наша газета» (г.Кемерово), 2 апреля

Советское фарисейство, утешительное и уклончивое, воплотившееся в двоемыслии, политическом анекдоте и дистанционной, через посредство телевизора и съездовских игрищ, оппозиции, отравляет нам всякое живое чувство, в том числе и раскаяние. Нам есть в чем каяться: в трусости, подлости, глупости, конформизме, вчерашнем и нынешнем холопстве.

Но мы каемся, чтобы согрешить вновь. Что сделали мы с Сахаровым после его смерти? Мы обошлись с ним не лучше, чем при жизни. Трагическая жизнь Андрея Дмитриевича — это путь очищения Человека от советскости и его восстания против государства. Сахаров начал как правоверный советский ученый — созданием термоядерной бомбы, что явилось плодом величайшей близорукости. Друг-оппонент Андрея Дмитриевича Солженицын выводит в своем романе «В круге первом» не ученого, а дипломата, который жертвует жизнью, чтобы не дать Совдепии завладеть секретом атомного оружия. Зачем Империи Зла бомба? Если бы не она, иначе пошла бы мировая (и наша) история. Лично я, не колеблясь, нарушила бы расстрельную статью о шпионаже, чтобы опубликовать во всех журналах мирового сообщества все военные и стратегические тайны СССР,

Оргкомитет партии «Демократический Союз».
Стоят (слева направо): Дмитрий Стариков, неизвестный, Алек-
сандр Лукашев, Валерия Новодворская, Олег Хрипков. Сидят:
Валентин Елисеенко, Ася Лащивер. Москва, 1988 год.
Из архива ДС

Митинг в День защиты прав человека. Новодворская
рвет портрет Горбачева. Москва, 10 декабря 1989 года

Новодворская и активисты свердловского ДС у Верх-Исетского районного суда. Свердловск, 1990 год. *Из архива ДС*

Третий съезд ДС. Новодворская в спортивном костюме — на случай ареста. Таллин, январь 1990 года. *Из архива ДС*

Делегаты 4-го съезда «Демократического Союза».
Киев, май 1990 года. Из архива ДС

Антигорбачевский митинг. Воронеж, июнь 1990 года.
Из архива ДС

Митинг за отделение Украины от России.
Харьков, июль 1990 года. Из архива ДС

© Дмитрий Борко

«Дай гневу правому созреть,
приготовляй к работе руки...» (А.Блок)
На одном из митингов в начале 90-х

© Алексей Пятковский

Участники 1-й международной встречи политзаключенных: Валерия Новодворская, член координационного совета ленинградского ДС Ванда Добасевич, польский сенатор Збигнев Ромашевский (справа). Ленинград, 12 августа 1990 года

© Алексей Федосеев / РИА Новости

Слушание дела В.И.Новодворской о нарушении закона «О защите чести и достоинства Президента СССР». Мосгорсуд, 1 марта 1991 года

© Иннокентий Зарубин

© Иннокентий Зарубин

Пикет у памятника Юрию Долгорукому. Слева — «народный полковник», лидер группы «Свобода» Николай Проселков.
Москва, 7 ноября 1991 года

Первый съезд «Демократического Союза России».
Справа — член тверского ДС Тамара Целикова.
Тверь, Дом работников просвещения, декабрь 1992 года

В редакции. Из архива ДС

Боевой 1993 год. Крайний слева — член «Демократического Союза» Юрий Бехчанов, в центре — активистка ДС Марина Курганская. *Из архива ДС*

«Люблю котов, потому что они индивидуалисты, либералы и западники».
Из личного архива В.И.Новодворской

если бы знала таковые. Большевикам даже перочинный нож опасно оставлять, они не должны иметь ни оружия, ни тайн. Смертную казнь я не сочла бы слишком большой платой за избавление человечества от очередной угрозы агрессии со стороны СССР. И вот с этого советского уровня Андрей Дмитриевич шагнул ввысь: в протест, в ссылку, на пытки в больнице г. Горького, где его подвергали искусственному кормлению и сократили ему жизнь.

А сегодня советские палачи смеют ссылаться на него: мой прокурор в Мосгорсуде заявил, что даже Сахаров признавал Горбачева, я-де не признаю.

Советские конформисты из Совдепов всех уровней смеют заявлять: он наш, он свой брат-депутат; если мог Сахаров, нам сам Бог велел сидеть в наших креслах.

Нет, господа, он не ваш! С вами в Советах послом от правозащитного движения он сидел один год, а с нами в Сопrotивлении боролся два десятилетия. Сахаров был святым, идеалистом. Он не видел в других зла и не верил во зло. Он искренне надеялся, что власть опомнилась, что наступила эра милосердия. Не смейте сравнивать его веру, его заблуждения с вашей продажностью и трусостью. Где были депутаты всех уровней, когда Сахарова терзали в Горьком? Вы вместе с ним письма протеста подписывали? Оставьте в покое это имя и эту жизнь, полную великих прозрений, искренних заблуждений и честных попыток вырваться за пределы советского бытия. Андрей Дмитриевич после Вильнюса бросил бы свой мандат. Вы же будете сидеть в Советах, даже если в стране расстреляют каждого десятого. Андрея Дмитриевича убило понимание, что всё тщетно, что власть не изменилась. А вы с этой властью жили и еще поживаете. За что вы воспеваете Сахарова? За год в Совдепах или за подвиг протеста, за донкихотство в мрачные годы полной тишины и мрака?

Если раскаяние ваше искренне, то полюбите и запомните имена погибших в застенках борцов за свободу: Анатолия Марченко, Юрия Галанскова, Василя Стуса. Вспомните Илью Габая и его трагическую смерть.

Но советскому истеблишменту не нужны эти имена. Вам позволили восхищаться Сахаровым, вы и восхищаетесь. А запретили бы, так вы бы еще 100 лет молчали.

Вы посмели создать фонды имени Андрея Дмитриевича вопреки воле его жены и товарища Елены Боннэр.

Она швырнула вам его Нобелевскую премию, чтобы не было в одном списке имен Сахарова и Горбачева.

А что сделали вы? Вы поставили святое имя Сахарова рядом с именами бывших инквизиторов Гдяна и Иванова; гестаповца Калугина, который всё не может отсудить свой гестаповский мундир, гестаповские награды и гестаповский пенсион. Вчера вы кричали, что Сахаров ваша совесть, а сегодня вопите, что Ельцин — ум, честь и совесть вашей грязной эпохи.

У Вознесенского есть строчки:

Руками ешьте даже суп.
но с музыкой — беда такая!
Чтоб вам не оторвало рук,
не трожьте музыку руками.

Так вот, в своих мелких и грязных делах, господа советские демократы, которых не сажали и не ссылали, обойдитесь без имени нашего товарища по Сопротивлению — Андрея Дмитриевича Сахарова. Не тронь его руками! Пусть вас вначале сошлют.

К ДЕЛУ ОСТАШВИЛИ*

«Свободное слово», №16 (94), 14 мая

К взглядам Осташвили я отношусь как всякий культурный человек: это дикое попури из черносотенства, ошметков славянофильства, национал-популизма, национал-социализма и самого дикого невежества.

Совершенно очевидно, что подобные вещи может высказывать только фанатик, и не только фанатик, но к тому же еще и профан. Но я просто не считаю, что с подобными явлениями следует бороться с помощью тюремных камер. И вообще, не надо держать человечество в вате, защищая его от любого сквозняка.

Если человечество и не выработает иммунитета против фашизма, коммунизма, национал-социализма, советизма, оно обречено. Не следует делать нравственность уголовной, зависящей от кары.

* Общественный деятель, русский националист, антисемит, председатель общества «Память», осужденный за разжигание международной розни.

Поэтому мне глубоко отвратительны все эти выкрики либералов, начиная с Черниченко: «Распни его!» Вообще либералы и демократы, которые выступают в роли Великих Инквизиторов, — это чисто советское явление. И, защищая Осташвили, я, конечно, защищаю не его, а демократию. Если мы передоверим советской карательной системе роль нравственного цензора, то никуда нам от советской власти не уйти. У советского карательного аппарата нет ни моральных, ни политических прав произносить приговоры не только по политическим, но и даже по уголовным процессам.

Это власть беспредела, разбойников и бандитов. Поэтому всякая апелляция к ней просто смешна. А «Память» я не считаю опасной организацией. Их идеи слишком экстравагантны для того, чтобы послужить основанием для массового психоза. В нацистской Германии ситуация была совершенно иная. Там было кого экспроприировать. Евреи, на свое несчастье, обладали собственностью. Поэтому идея национализации, нацификации их имущества могла воодушевить люмпенов.

У нас ситуация совершенно не такова. И я хотела бы видеть того культурного еврея, который будет оскорблен проповедями Осташвили.

ТОРЖЕСТВО СОВЕТСКОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

«Свободное слово», №16 (94), 14 мая

Справедливость восторжествовала. Все ценители расового равноправия, все приверженцы идеи прав человека, все негодующие и протестующие против антисемитизма должны, наверное, плясать на крышах: в тверской тюрьме повесился Константин Осташвили, изнасилованный и замученный уголовниками. Довольны ли вы, праведники и демократы? Утолена ли ваша жажда справедливости? Побеждено ли мировое зло? Могут ли теперь читатели «Огонька» спать спокойно? Вы же этого хотели. Эта кровь на тех, кто требовал крови. Какое грозное предостережение для тех, кто еще раз задумает явиться на заседание «Апреля» с дурацкими лозунгами и неумными речами! Я лично не подам руки тем, кто сочтет подобный финал триумфом. Свобода — это не уничтожение инакомыслящих, даже если

они тебе лично очень противны. Плюрализм предполагает терпимость не к тому, что тебе дорого и мило, а к тому, что тебе чуждо и омерзительно.

А мы у себя в СССР, на свалке человечества, на помойке мировой цивилизации, исправляем заблудших по брехтовской формуле:

Ты видишь: нехорош
Твой ближний. Ну так что ж!
Ударь его по роже —
И станет он хорош!

Последнее слово советской демократии — это закопать противника. Даже идейного. Но что делать, если у советских демократов, которые требовали уничтожения «Памяти», националистов, экстремистов, террористов, нет еще собственных застенков и собственных палачей? Зачем тратить себя на своих, если чужих навалом? Можно взять напрокат у того тоталитаризма, который они собираются ниспровергать. У советской власти всего в изобилии: есть темницы, плахи и топоры. Есть уголовники. Есть судьи. Мы всегда так: друг с другом разбираемся под эгидой власти, пользуясь ее ГУЛАГом, ее НКВД, ее ВЧК, ее КГБ.

Когда-то так разбирались генетики. Лысенко закопал Вавилова. С легкой руки генетиков разбирались лингвисты, кибернетики с классическими физиками и т.д. Так уж у нас повелось. Каменев и Зиновьев с Троцким, Бухарин с ними со всеми, потом Сталин с ним. Застенки для всех одни, палачи общие. Власть за аренду ничего не берет, кроме совести.

Когда мы усвоим, наконец, что нельзя убивать даже скверных людей за их скверные мысли, что деилогизация предполагает свободу агитации и за фашизм, и за расизм, и за скотоложство, и за антисемитизм? Мне глубоко претили идеи Осташвили, но я не хочу этой справедливости по-советски, по-фашистски, ценой смерти от унижений и надругательств. Такая демократия сулит нам костры на всё дальнейшее грядущее. Сегодня — ты, а завтра — я. Расистов — вне закона, экстремистов — вне закона, и вообще несогласных — вне закона. Я в вашем советском концлагере голодовать за смертную казнь не буду, господа из «ДемРоссии».

«Апрель» навеки опорочен этой смертью. Как вы будете жить дальше, господин общественный обвинитель

Юрий Черниченко? Вы требовали строгой кары. Вам хватит, или убить кого-нибудь еще?

Могу только обратиться к тем, кто добивался такого финала с фразой из Хемингуэя, который сказал устами своего персонажа акулам: «Спите спокойно, galanos. И пусть вам снится, что вы убили человека».

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ ИЛИ УЧРЕДИЛОВКА?

«Свободное слово», № 17 (95), 21 мая

У советских демократов появилась новая заветная цель, новая навязчивая идея: Учредительное собрание. И поднялся этот лозунг из глубины несчастной, замороженной перестроечной души, запутавшейся на демократической платформе и взывающей о спасении на уровне очередного вопля «SOS!». Теперь мы уповаем на Учредительное собрание: авось спасет? Не спасет! Мы с вами уже четыре года спасаемся на всех подвернувшихся льдинах: то пилюлями из Горбачева, которому не было альтернативы; то микстурой из выборов всех цветов и фасонов, то в Советы, то в Комитеты, то на Съезды, то в комиссии; то горчичиками из чахоточной многопартийности; то инъекциями из ельцинской вакцины, и что-то ничего нам впрок не идет. Интересно, почему бы это? Может быть, потому, что мы переклеиваем ярлычки на нашей советской бутылке, а в ней всё то же пойло, всё то же бесформенное вещество, не имеющее никаких характеристик, кроме одной — растекаться лужей или принимать ту форму, в которую его нальют? Язык не повернется назвать это вещество народом. Можно, конечно, развлекаться театром абсурда очень долго и незаметно вымереть в театральном зале, между двумя действиями советского балагана.

Действие первое. Перестройка нашего родного фашизма. Клубы в поддержку. Страсти. Программы и советы фашистам, как лучше перестраиваться. Великий реформатор Горби. Апофеоз. Народ ликует и пляшет.

Действие второе. Выборы и съезды. Телесериалы на тему «Гласность — 1, 2, 3, 4, 5» с депутатами в амплуа комиссара Каттани. Все ищут мафию и никак не найдут, все обличают тоталитаризм и не знают, где он расположен, а он всюду: снаружи и внутри, в речах «за» и в речах «против».

Народ ликует и пляшет. Апофеоз.

Действие третье. Советская многопартийность. Кто чуднее? Кто моднее? Но все чудики и законодатели вкуса из белых, красных, оранжевых и фиолетовых партий одинаково смиренные и очень хотят, чтобы власти их прижали, полюбили (некоторые хотят даже, чтобы возненавидели), но все же зарегистрировали, разрешили, наделили помещениями, бумагой, собственностью.

Все хотят за круглый стол, поближе к вазе с пирожными. Все боятся, что их не пригласят. Народ и партии по очереди ликуют, негодуют, пляшут и выступают на эстрадах и танцплощадках вместо конференсье и чтецов-декламаторов. Им аплодируют. Предлагают даже деньги за выступления. Удивительно, что партии до сих пор не скооперировались в эстрадный коллектив, в труппу (кадеты, социал-демократы, ДПР, РКП, можно включить ДС и анархистов) и не ездят по городам с выступлениями. Приехали, выступили все по очереди, собрали деньги за представление и уехали.

Действие четвертое. Ельцин. Солист и суперзвезда. Поклонники и поклонницы. Автографы. (Кстати, автографы ныне берут у партий и их деятелей, как раньше брали у любимых актеров. Вы заметили? Вам не страшно? Мне — очень.) Памятные значки. Народ ликует и орет. Правда, проголодался и бастует, но как-то очень смиренно. После эстафетных голодовок (ты — от завтрака до обеда, я — от обеда до ужина) пришло время эстафетных забастовок. От одной шахты до другой. Без остановки металлургии. То-то радуются солидные обозреватели «Московских новостей»: шахтеры, мол, сознательные, они не хотят экономической катастрофы. В домах тепло. Домны работают. Колесо тихо вертится. Непонятно, зачем тогда бастовать? Цирковой этюд? Реприза?

Пятое действие. Аттракцион под названием «забастовка». Без толку и с желанием всё как-то уладить без больших потрясений. Вся власть Совету Федерации. Плохие Советы распустим, хорошие — выберем. КПСС — на мыло. Пусть будет ДПР или «ДемРоссия». Пусть направляют и руководят. Плохого Горбачева заменим хорошим Ельциным. Увы! «А вы, друзья, как ни садитесь, всё в музыканты не годитесь». Очень хочется пасть в объятия очередной власти и возликовать.

И вот действие шестое. Кому-то очень приспичило заседать в Учредительном собрании. Что за пожар? Вспомнили, что на витрине еще несколько игрушек: Учредительное собрание, Россия, президент России, Конституция? Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Если многопартийность может существовать под бдительным оком КГБ, то почему бы не быть заодно при живом, не рухнувшем тоталитаризме и Учредительному собранию? Правда, с ним сложнее. Партию можно создать на пустом месте в порядке чисто игровой ситуации. Скажем, на почве приверженности к буддизму, капитализму, ангорским котам или цветной капусте. Наши демократические партии — это клубы любителей демократии. Все увлекательно проводят свой досуг. Наши демдвижения — это агентства по туризму. Маршруты выходного дня. В сторону демократии. От Белорусского вокзала до Манежной. Интересно, почему это вдруг и демроссы, и Ельцин, и радикалы, и «Московские новости» вдруг заторопились в Учредительное собрание? У нас что, уже есть гражданское общество? Откуда вдруг такой деликатес? Или новый аттракцион устроим? Посидим. Попоем. Попляшем. И разойдемся. А кто, кстати, будет нами править? Да те же и будут. Они правили, правят и не собираются бросать. Драть-то нас очень даже просто и удобно. Вы терпели тоталитаризм? Терпели. Теперь хотите его учредить? Дадут. На здоровье. Вы же его выбирали и перестраивали. Теперь осталось учредить, а посмотрите на себя, микрочастицы советского студня (в вашем понимании — граждане свободной России)! Бога побойтесь (настоящего, не из телепроповедей)! Свободная Прибалтика, которая не часть советской империи и не входит в СССР. Юридически, исторически не входит — я согласна. А духовно? А морально? Молдова, Грузия и Армения предлагают создать альянс выбирающихся из Союза. Свободная Балтия отвечает: нет уж, у нас особый статус, нас мировое сообщество признает, а вас неизвестно, признает ли. Спасайтесь уж сами. Каждый за себя, а Бог за всех. А то вдруг Совдепия на нас обидится и не отпустит.

Ну как насчет свободы и независимости путем переговоров с завоевателями и с их санкции? «Летите, голуби, летите»? Где баррикады Риги и Вильнюса? Там же, где и прошлогодний снег.

Суверенная Украина. Степан Хмара снова брошен в Лукьяновскую тюрьму. Что делают все 100 партий Украины? Ее гражданское общество? Ходят на митинги протеста. Пишут письма. Словом, терпят. Почему не берут приступом Лукьяновскую тюрьму? Нет сил? Нет мужества? Хорошо! Тогда не говорите мне про гражданское общество. Оно вам приснилось. 100 партий есть. Курам на смех.

Про Россию говорить не будем. Можно только голову пеплом посыпать и одежды разодрать.

Учредительное собрание, кстати, — это конец учредительного процесса. С него не начинают. Им кончают. Учредительное собрание происходит не до революции, а после. Учредительное собрание — это уже без КГБ. Без советской власти. Без партократии. Без Горбачева. Без Ельцина. Без советского народа.

Учредительное собрание — это знак смены эпох, это «невиданные перемены после неслыханных мятежей» (Блок).

Когда ж над большою столицей
Край неба так ржав и багрян,
С державою что-то случится,
Постигнет страну ураган.

(Пастернак)

Всё это бывает на деле. А вы хотите прямо из очереди или с санкционированного митинга в Учредительное собрание? Его не будет. Будет жалкая совдеповская Учредилка. И учредите вы там, мои милые, диктатуру сильной руки. Вам же до смерти ее хочется. Распустите вы болтливые и бесполезные Советы и будете учреждать Ельцина как диктатора всея Руси. Или коллегиальную диктатуру, благо Ельцин и Горбачев уже пали друг другу в объятия.

А что мы можем еще учредить? Будем решать вопрос о власти: кому бы эту власть отдать. Ведь наши вечные ясли сами управиться с собой не могут. «Земля наша обильна, порядка только нет». Порядка захотелось? Ордунга? Будет!

Что-что, а это в СССР наводить умеют. Только учредите. А дальше само пойдет. Вам этот хаос на уровне бедлама они же и устроили. Все ждут, когда вы порядка запросите. Через Учредилку. И первый блин был комом, а второй вообще будет из эрзац-муки. О наша ностальгия!

Надежда из надежд! Учредительное собрание! Давайте вспомним без сантиментов. Была надежда. Был свет в окне. Был, вернее, лучик.

Пусть горстка нас.
Щемящая шепоть.
Лишь для молитв она,
для упований...

(В.Стус)

Всё, что делалось в России три века, делалось для этого. Для этого высокого собрания. 1917 год. Строй покачнулся и пал.

Восемь месяцев! За тысячелетнюю историю! Где было гражданское общество 26 октября 1917 года? Почему оно не прогнало большевиков? Прошел октябрь, ноябрь, декабрь. 5 января 1918 года. Было уже бессмысленно собираться. Власть была в руках большевиков. Из вод поднимался монолит тоталитаризма. Кадеты были уже вне закона, уже арестованы, уже убиты. Учредительное собрание при диктатуре? Не было его в нашей истории. Была жалкая Учредилка, которая говорила в пустоту, которую легко было не пустить обратно, заперев санкционированный зал в санкционированном Дворце.

Что было, то и будет. И ничто не ново под солнцем. А вот и формула капитуляции «гражданского общества» 1918 года, решение бюро ЦИКа социалистических партий и демократических организаций:

«...При таких условиях нет сомнения, что первая попытка чрезвычайного совещания собраться приведет к его разгрому и к самым жестоким насилиям над его участниками. Такая судьба уже постигла Всероссийский Съезд Советов крестьянских депутатов, стоящих на защите Учредительного собрания.

Желая сохранить все силы для продолжения неутомимой борьбы с большевизмом и пребывая в твердой уверенности, что большевики сами своей преступной и кровавой политикой роют могилу, куда их бросит в ближайшем будущем обманутый и преданный ими народ, ЦИК постановил назначенное на 8 января чрезвычайное совещание отменить». Узнаете? Желаем сохранить все силы для борьбы и поэтому бороться не будем. Слышите демроссов, которые вместе

с ОМОНОм отпихивают народ и кричат, что на Манежную площадь призывают идти провокаторы, что не надо конфронтации с властями?

Трусость 1918 года смыкается с трусостью 1991-го в общем поражении.

Учредительное собрание возможно не ДЛЯ ВЛАСТИ, не ПРИ ВЛАСТИ, но ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ ВЛАСТИ. Запомните на будущее, в ближайшее время не пригодится. Зачем же я это пишу? Для немногих совестливых и порядочных людей. Такие, знаете ли, советы на сон грядущий: не подходите близко к советскому Учредительному собранию. Не запачкайтесь Учредительным собранием Совдепии. Лозунги дня в смысле конструктива: бойкот. Бойкот всего. Учредительного собрания. Выборов. Совдепов. Советской действительности. Советского народа. Не участвуйте в этой последней мерзости советского режима. Сегодня ситуация безнадежна, не делайте ее безнадежной до скончания веков. Не любите себя. Не любуйтесь собой. Пусть будет вам стыдно. Когда вы себе опротивеете, вы начнете учредительный процесс.

Мы будем стоять у стен Учредительного собрания, у этой вашей жалкой Учредилки. С лозунгами «Долой!». Учреждайте ваш правовой фашизм и убейте нас скорей. За митинги без спросу. За скеписис. За протест. За пожелание влиться в ваши стройные ряды. За насмешки, за сатиру, за неверие. За горечь. Расстреливайте, распинайте, четвергуйте. Только поскорее. Сколько еще нам с вами мучиться в вашем балагане, сколько еще смотреть на ваше гнусное фиглярство?

ОТ ГОРВАЧЕВИЗМА К ЕЛЬЦИНИЗМУ

Динамика переходных периодов со Смутного времени до нашей смуты

«Вполголоса»*, № 3, июнь

1. Корни исторические.

В XVI веке окончательно исчезают остатки независимых от княжеской власти альтернативных структур: свободных лендлордов («обнищание»), городского самоуправления

* Дискуссионное издание ДС.

(«градские старцы»), советов и корпораций господ и ремесленников — в Новгороде и Пскове, земского, а не княжеского войска («концы», «тысячи» в городах), территориальной дифференциации (независимость друг от друга и от великого князя городов и земель: князь зачастую не господин, а губернатор. Множество князей исключало жесткую авторитарность).

Итоги подводит печально известная максима Ивана Грозного: «Мя, царь и великий князь всея Руси, в своих холопах вольны».

Когда читаешь историю Руси пост-ивановских времен, диву даешься: единственный вопрос, который решает народ, — это вопрос о власти. Но не о своей, а о царской.

Неизбежный и неизбывный Пушкин, вопль народа: «О Господи! Кто будет нами править?» Чем не 1991 год с из XIV века исходящими лозунгами: «Ельцин, Ельцин, ты могуч, ты разгонишь стаи туч» и «Горбачев — тьма, Ельцин — свет». Смутное время прекратилось, когда бедные люди обрели, наконец, Михаила Романова (то есть решили не свои, а династические вопросы). Наша смута, очевидно, прекратится, когда решится мировой вопрос: Ельцин или Горбачев? (То есть когда КПСС, более или менее перелицованная и обновленная, решит свои вопросы.)

Итак, история от первых грабелек, на которые мы наступили, до последних.

1. Борису Годунову нет альтернативы — самозванец № 1.

2. Царевич Владислав? Тушинский вор? Василий Шуйский? Михаил Романов. (Война кандидатов, военная сила для наведения порядка и установления «законной власти» — Минин, Пожарский и К°. Никем не понятые попытки первых диссидентов — Г.Ляпунова и М.Салтыкова — под шумок поискать гражданских гарантий и перевести авторитаризм в режим абсолютизма.)

3. Петр? Софья? Стрельцы и Хованский? Одинок сгнувшийся диссидент князь Голицын с попыткой перестроить систему. Страна успокаивается на Петре, а Петр окончательно успокаивает страну (дыбой и плахой).

4. Дефицит власти после Петра, выбор Анны Иоанновны. Гибель верховников во главе с Дмитрием Голицыным за попытку опять-таки реформ системы. Успокоение всех остальных на государыне без кондиций и Тайной канцелярии (прото-КГБ).

Анна Леопольдовна? Иван Антонович? Елизавета? Преображенцы и семновцы опять решают династический вопрос. Решили — до Екатерины.

6. Петр III? Екатерина? Успокоились на Екатерине (вторая, после Петра, перестройка авторитаризма). «Восстание» Пугачева и то маскировалось под возвращение батюшки-царя.

7. Смерть Александра I? Николай? Константин? Даже декабрьское восстание облечено в форму этого вопроса (декабристы знали своих солдатиков и предвидели: другие вопросы они решать просто не пойдут).

Неудачная попытка решить вопросы жизни (системы) в 1905—1917 году.

Большевики помогают решить вопросы власти всерьез и надолго.

8. С 1925 года мировые вопросы волнуют единственно большевиков и «сочувствующих». Каменев-Зиновьев или Сталин? Троцкий или Сталин? Бухарин или Сталин?

Вопрос решается кардинально и радикально. Далее идут более мелкие вопросы. Кто лучше: Ягода? Ежов? Берия?

С конца 20-х, как мы видим, власть, вопрос о которой, наконец, решился, далее решает свои вопросы сама, даже без статистов-участников с единственной фразой: «Кто будет нами править?»

В начале 50-х годов вопрос о том, кто же: Берия? Маленков? Хрущев? — решается вполне самостоятельно последним в его пользу, так же, как, впрочем, и вопрос о его снятии решается системой глубоко автономно, но уже не в его пользу. Бедному народу даже поболеть не пришлось.

Так же не пришлось поболеть «за» или «против» Андропова и Черненко.

Гениальная находка Горбачева (или вообще номенклатуры высшего уровня) как раз и состояла в том, что он вернул нас к захватывающим коллизиям Смутного времени — и дал возможность произнести нашу коронную реплику: «О Господи! Кто будет нами править?» То есть нам впервые с 1925 года удалось «поболеть» за горбачевскую перестроечную команду «Спартак», якобы осаждаемую темными силами консерваторов и ВПК из «Динамо».

Да к тому же был применен известный екатерининский трюк с выборами от всех сословий для якобы составления Уложения. Выбирала, конечно, Екатерина (статьи Уложения).

Зато все остальные выбирали депутатов, и сколько же удовольствия получили! Совсем как мы в 1989 году — по той же схеме.

Страсти вскипели и убежали, как молоко, когда народ пригласили к полной ситуации Смутного времени: Горбачев или Ельцин? Кстати, здесь ситуация еще не исчерпала всех своих ресурсов для украшения советской действительности: царевича Владислава еще не приглашали. Последователи Минина и Пожарского предлагают собрать рать («русская» и «украинская» армии из советских коммунистических ресурсов), а Михаил Романов, наверное, уже заготовлен впрок. Шахтеры тоже решают вопрос о власти: отставка Горбачева, ВС СССР, вся власть Совету Федерации.

2. Корни социальные.

Нас воспитали в казенном доме (от ГУЛАГа до номенклатурных спецдомов и спецпайков). А обитатели не своего, а казенного дома — иждивенцы. Если у них нет горячей воды, они звонят в ЖЭК. Если нет продуктов, они пишут в «Огонек». Если нет работы, жилья (счастья, порядка, справедливости), они идут в Моссовет (ВС РСФСР, ВС СССР).

К Горбачеву ходили, но ничего не выходило. Потом из передней Горбачева мы переселились в переднюю к Ельцину.

Если ждали двадцать лет выполнения Хрушевым коммунистической программы, 5 лет с Горбачевым перестраивались, то почему бы не подождать 500 дней с Ельциным, авось придем в землю обетованную?

3. Корни психологические.

С нашей властью мы всегда были в излишне интимных отношениях: или ползали перед ней во прахе, или поднимали ее на копые (Самозванец) и расстреливали в подвале (несчастливая семья Николая II). Упоение разбоя перемежается с более длительными периодами упоения холопством. У нас всегда была некая непредсказуемость (тайна загадочной славянской души): то ли в ноги падем, то ли зарежем.

И фольклор у нас соответствующий:

Боже, царя (генсека, президента, председателя ВС РСФСР) храни.

Сильный, державный, царствуй вовеки, на славу нам.

Царствуй на страх врагам, царь православный (коммунистический, социалистический, обновленно-федеральный).

Или: Мщение и смерть всем царям-супостатам.

Близок победы торжественной час!

Неуютно жить с нашим народом. Мы как Рогожин с Настасьей Филипповной (обожеством, увезем, а потом зарежем и сойдем с горя с ума).

Мы все — персонажи Достоевского: заторможенно-припадочные, решаем вопрос, твари дрожащие или человеческие права имеем, но почему-то норовим доказать их топором, продаем душу дьяволу, ведем с ним диалоги, сначала впускаем в себя бесов, потом их изгоняем и всё норовим на каторгу попасть и там отдохнуть душой.

А Достоевский оставил нам свою галерею не для подражания, а для устрашения: какими не надо быть.

То есть диагноз напрашивается сам собой: маниакально-депрессивный психоз, политический, социальный и психологический. И обречены мы с этим диагнозом на горбачевизм, травкинизм и прочее. Лекарство здесь одно: проще надо жить, без загадок. Изжить свою славянско-советскую душу, поменять на что-нибудь более прозрачное и предсказуемое. Сменить достоевщину на что-нибудь более перспективное.

Этим решить психологический вопрос, вопрос менталитета.

После этого перейти к решению политического вопроса: не о власти, а о жизни, о строе, о системе.

После чего решать социальные вопросы.

А то как бы Господь с нами не потерял терпения и не истребил нас, как Содом и Гоморру. Мы давно уже напрашиваемся на эту «меру пресечения», не без успеха играя роль моровой язвы для человечества.

КАСТОВАЯ РЕСПУБЛИКА*

Каких присяг я ни давал,
Какие ни твердил слова,
Но есть одна присяга —
Кружится голова...

Окуджава

* Написано в Лефортовской тюрьме в июне 1991 г. Передано на волю для публикации. Текст приводится по выпуску газеты «Утро России», № 2 (19), апрель 1992 г.

А собственно, почему? Почему веками ломались копыя за всеобщее избирательное право — без различия состояний, пола, возраста, опыта, знаний, наличия совести или отсутствия таковой, чести или бесчестия, мужества или трусости, благородства или подлости? Может быть, мало читали древних? С чего это воспитанного в демократических Афинах Платона понесло в платоновское «Государство» — античную фашистскую антиутопию? Не от хорошей жизни понесло, а от того, что эта самая демократия, то есть власть плебса и толпы, сиречь посредственности, убила его учителя — Сократа. Заметьте: тирания 30-ти (Крития) не убила, сберегла. А демократия прикончила, причем исключительно за неконформизм. Примерно та же участь (и там же) постигла Алкивиада. Хорошо, Анаксагора Перикл спас. А вот пифагорейцев оказалось спасать некому, их учение тоже не потрафило толпе. А если вспомнить, что Николай I не тронул Пушкина, а Екатерина сохранила жизнь Радищеву, то заодно вспоминается, как плебс руками большевиков ликвидировал Гумилева, Мандельштама и Мейерхольда. Не удивительно, что Платон мечтал о государстве, управляемом философами.

Мне кажется, что половина возражений против кастовой республики со стороны мыслящих людей делается из-за незыблемости, жесткости структур и отсутствия права перехода. Древний Египет. Государство управляется жрецами. Что в этом плохого? Да то, что не было отбора в жречество среди крестьянства. Одному Богу известно, сколько было упущено способностей и дарований. А так... Египетские жрецы были отборными интеллектуалами. Кому править, как не им? Система индийских варн тоже была абсолютно замкнутой. Из шудр (слуг) дороги никуда не было. Из вайшьев (земледельцев) — тоже. Брамины стали чуть ли не наследственной корпорацией, кшатрии (воины) — тоже. А вот если бы плохой брамин скатывался в шудры, а способный шудра становился брамином...

Что можно возразить против того, что управляют мудрые; те, кто смеет и умеет — воюют; те, у кого не хватает данных стать мыслителями, кормятся от земли; те же, кто не способен вести хозяйство самостоятельно, прислуживают другим? Сократа казнили как раз за аналогичную ересь: он усомнился в том, что если признано, что булочник и сапожник должны обладать какими-то знаниями

и навыками в своем ремесле, то как же может быть допустимо, чтобы в неизмеримо более трудных делах управления государством участвовал каждый профан? Афинский охлос этого не стерпел. Сознаю, что сегодняшний охлос не более терпим, чем вчерашний. Поэтому я уже приготовила кружку под цикуту, и это в советских условиях еще самая милосердная развязка отношений между Личностью и Толпой. Я готова быть побитой камнями и поэтому заявляю: любая республика, которая не хочет скатиться к свинству, должна быть кастовой, но каста должна определяться только личными достоинствами каждого, принадлежность к ней должна ежедневно доказываться, и высшие касты должны давать не приоритет комфорта, жратвы и вообще благ, а лишь приоритет риска и обязанностей. Впервые в условиях демократии это заявил Ферамен, афинянин, одна из первых жертв тирании 30-ти. И то, что он сказал это за 2 часа до казни, придает его словам особую цену и нетленность. Он воскликнул, что всегда был противником того, чтобы гражданские права предоставлялись немногим олигархам за их богатство или рождение, но и не считает возможным предоставить гражданские права тем, кто так беден, что продаст свой голос за несколько драхм; нет, сказал он, гражданские права должны принадлежать гражданам, которые не предадут свободу и готовы защищать ее с оружием в руках.

Вот она, формула гражданства: гражданские права должны принадлежать гражданам, но не обывателям. Толпа — не гражданское общество, плебс — не народ. Совершенно недостаточно родиться в какой-то стране, чтобы стать ее гражданином по достижении 18 лет. Гражданство должно доказываться, и доказываться в суровых испытаниях. Гражданство — не питательный бульон, в который со сладострастием окунается человеческая молекула, но алтарь для возложения жертв (или плаха, на которую в качестве жертвы кладется собственная голова — во имя принципиального отказа от сегодняшней формулы гражданства и контрастного общественного идеала). Здесь наши дикие предки были умнее нас: у них существовал обряд инициации, когда мальчики (а у амазонок, надо думать, и девочки тоже) должны были по выходе из отрочества доказать свою ловкость, силу, смекалку, выносливость, умение стоически переносить физическую боль — и только тогда они становились полноправными членами рода.

Вот, например, в романе-антиутопии американского фантаста Хайнлайна «Звездные рейнджеры» гражданином становится только тот, кто пройдет через двухлетний курс военной службы (сначала тяжелейшие испытания в военных лагерях, потом — смертельные схватки с космическими чудовищами). Все остальные не лишаются ничего: занимаются бизнесом, наукой, имеют все земные блага — кроме права выбирать, быть избранными и возможности преподавать гражданскую историю. И это держит общество, потому что испытанное мужество граждан не дает государству (всей Земле) опуститься до малодушия, до скотства, до уровня цивилизованных амеб. С этой точки зрения те американцы, которые сражались во Вьетнаме, были достойны гражданства, так же, как и те, кто сел в тюрьму за отказ идти воевать — из принципиальных соображений. Гражданства оказались недостойны откупившиеся и уклонившиеся. Это почти повторение американского же прецедента с Мексиканской войной. Гражданами были те, кто пошел сражаться; гражданином № 1 был Генри Торо, который пошел один против всех и сел в тюрьму за отказ уплатить налоги на ведение этой войны. А вот сегодняшние «пацифисты» США, которые выступали против войны с Ираком, уже не граждане, ибо они не рисковали ничем — мобилизации не было. Гражданства нет вне риска. Гражданин всегда ставит Честь, Дух и Совесть выше безопасности. Юный республиканский Рим в смертельной схватке с деспотическим дряхлым Карфагеном много раз рисковал самим своим существованием. Рим был губителен для личности только потому, что не предусмотрел права инсургента на осмысленный бунт против общественного порядка. Но довольно часто в своих началах гражданство и свобода в Риме совпадали. А когда перестали совпадать (при Сулле, скажем), то, может быть, гражданские традиции, помноженные на опасность, и дали нам когорту римлян, украсивших века. Вне риска не будет ни Гракхов, ни Виргиниев, ни Катонов Утических, ни Сципионов.

Юлий Цезарь знал цену гражданам-инсургентам и решительно отказался карать своего заклятого врага Катона Утического. Но тот не принял помилование, разорвав собственные внутренности. Здесь Цезарь и Катон достойны друг друга и «сладкой вольности гражданства». Вот она, гражданская добродетель, а урны и бюллетени здесь ни при чем.

Изначально в немецком фашизме и большевизме были элементы, дающие нам право утверждать, что идеологи этих учений мучились теми же проблемами. Нацизм в своей древненемецкой части предполагал прикосновение к Эддам, к скандинавскому эпосу, к Валгалле, то есть жизнь в Духе, в бою, очищенную от пошлости и трусости. Завоевание мира — бредовая идея в XX веке, но с точки зрения викингов ее можно понять. Даже в песнях СС есть многие гражданско-мистические сюжеты: «Идут СС, коричневые львы...», «Бойцы, погибшие от красной пули, живой рекой вливаются в ряды...», «Пускай на бой ведут нас Дух и Кровь...». Но ничего из этого не вышло. Пошлость и жестокость подавили всё. Сначала — обещание теплого рабочего местечка (борьба Гитлера с безработицей), потом грязная дележка магазинов и фирм несчастных евреев, потом — обещание дать каждому по ферме на злочной Украине, гестапо, концлагеря, крематории, а ведь втоптывая людей в землю сапогами, дух их не возвысить... Вместо львов получились кролики, дравшиеся из страха перед гестапо и за жирный кусок. Вообще там, где Дух мешают с Хлебом, не выходит ничего. Самым гнусным в концлагерях была даже не чудовищная жестокость, а то, что палачи лично не рисковали ничем. Хотя не меньшей гнусностью было существование в таких условиях, работа на палачей, обслуживание узниками газовых камер, стремление выжить ценой унижений. Здесь есть место для сострадания, но не для уважения. Надо было восставать, а не идти покорно в газовую камеру. Концлагерей не было бы без негласного соглашения палачей и жертв — одни подряжались мучить, другие — терпеть мучения безропотно и снимать шапки. Это только могло убедить палачей в человеческой неполноценности их жертв, но не остановить мясорубку.

Большевики сначала вроде бы культивировали суровые римские добродетели и даже хлеба не обещали (Павлик Морозов — не тот ли консул Брут, казнивший обоих сыновей за государственную измену?). И странно, что знаменитый сталинский приказ «ни шагу назад» и «не сдаваться в плен» совпадал в принципе с римскими и лаконскими добродетелями. И в Спарте, и в Риме было то же: «Иль со щитом, иль на щите». Но там это было потребностью общества, выбором человека (традиции, воспитание, каноны), а в СССР — просто голым насилием гиен над кроликами. До

дрожки совпадают песни Третьего рейха и 30-х годов: сравните процитированную «песнь Хорста Весселя» и знаменитое: «Заводы, вставайте, шеренги смыкайте, на битву шагайте, шагайте, шагайте...» или «Товарищи в тюрьмах, в застенках холодных, вы с нами, вы с нами, хоть нет вас в колоннах...». Не будем выплескивать младенца вместе с водой из ванны: песни мы у них возьмем. И «Каховку», и «Орленка», и «Гренаду», и кое-что из Хорста Весселя. Ранний большевистский настрой — это настрой на гражданство.

Нам в детях ходить надоело,
И я обращаюсь к стране:
Ты выдай оружие смелым,
И в первую очередь — мне!
(Светлов, «Двадцать лет спустя»)

Моя красно-белая сущность, взращенная на поле их битв, поющая сразу и «Интернационал», и «Поручика Голицына», распятая между лавреневским поручиком Говорухой-Отроком и «Неуловимыми мстителями», не отрывается от исторического наследия. И те и другие имели Веру и Идею. И те и другие положили жизнь. И в тех и в других — гражданство.

Но большевики тоже вырастили кроликов. Пошлость, насилие, жестокость, неумение задействовать право на протест. Кролики и удавы — вот наши касты. Ни те ни другие не могут быть гражданами.

Гражданство не возникает от бессмысленной сытости: «стремление к счастью» — не цель для общества. Республика, где живет свобода, должна иметь возвышенную цель. Борьбу за свободу, например. Против тирании, конформизма и тоталитаризма. У себя и у соседей, в Австралии и на Луне, в созвездии Кассиопеи и на Большой Медведице. Прогрессорство как цель очень подходит, без эксцессов, описанных Стругацкими (а ведь конфликт «Волн, которые гасят ветер» — в защите своей безопасности, а это уже ошибка). Сегодня в США есть граждане — и толпа, которой гражданские права даны по недоразумению. 60% — толпа. Это эти 60% выступили за продолжение отношений с Горбачевым после военного подавления Литвы. Значит, остались 40% граждан. Выразитель их воли — конгресс.

Буш же выражает волю 60 % обывателей, предающих и китайских студентов, и советских инсургентов, и Литву, и Словению, и Армению. Американцам впору кричать: «Отечество в опасности!» У нас вообще процент граждан сейчас выражается такими дробями от одного, что и не сосчитать. Если не остановить процесс тления и распада, толпа вытеснит людей, охлос — граждан — и повсюду. Затем ли Англия когда-то одна выстояла против Гитлера, чтобы сегодня люди там гибли, выбивая себе статус политзаключенного, как Роберт Сэндс и его товарищи, чтобы садились в тюрьму за демонстрации на американских военных базах, чтобы Англия принимала с распростертыми объятиями наследника Гитлера — Горбачева?

Вечный мюнхенский сговор Запада с фашизмом и большевизмом — решение охлоса, выбор обывателя, система ценностей мещан. Гражданские права — это лауреатство. Их нельзя получить за здорово живешь, и за трусость, за подлость их надо отнимать на время или навсегда. И всё это совместимо с законом Добра. По закону Добра жила детская республика «Дома сирот» Януша Корчака в варшавском гетто. По законам Добра жил и Януш Корчак. В оккупированной Варшаве ходил в мундире Войска польского. И умерли они все с честью — и дети, и взрослые.

Знаменосец, козырек с заломом,
Чубчик вьется, словно завитой,
И горит на знамени зеленом
Клевер, клевер, клевер золотой.

И бежит за мною переводчик,
Робко прикасается к плечу, —
«Вам разрешено остаться, Корчак», —
Если верить сказке, я молчу.

Рваными ботинками бряцая,
Мы идем не вдоль а поперек,
И берут, смешавшись, полицаи,
Кожаной рукой под козырек.

И стихает плач в аду вагонном,
И над всей прощальной маятой —

Пламенем на знамени зеленом
Клевер, клевер, клевер золотой.

Может, в жизни было по-другому,
Только эта сказка вам не врет:
К своему последнему вагону,
К своему чистилищу — вагону,
К пахнущему хлоркою вагону
С песнею подходит «Дом сирот».

(Галич, «Кадиш»)

Добро бывает только таким. Оно никогда не совпадает ни с бессилием, ни с малодушием.

Я, как поборник свободы, требую законодательного закрепления после победы Революции дискриминации в области гражданских прав для тех, кто равнодушен к свободе и заинтересован только в выживании. Гражданские права должны быть достоянием лишь сторонников и противников свободы, готовых ради этой своей идеи пожертвовать жизнью. А равнодушным хватит и материальных благ. Что им Гекуба, что они Гекубе? Недаром на пороге XXI века национально-демократическая партия Грузии в одном из проектов программы предусмотрела новых друидов или жрецов — палату из писателей, ученых, иерархов церкви, которые будут подвергать коррекции с точки зрения гуманизма и совести решения парламента. Такое представление о гражданстве чревато. Оно зовет, как в повести Гайдара («Выпрямляйся, барабанщик!»), встать и преградить дорогу Злу — или просто тому, во что ты не веруешь, хотя оно и общепризнано. С каким упорством напрашиваются на тюремное заключение, раздавая на улицах стерильные шприцы без рецепта врача, антипрогибиционисты из Транснациональной радикальной гандистской партии! Они за легализацию наркотиков — и за это готовы сесть в тюрьму. Вполне дээсовцы, поэтому я и вступила в единственную европейскую партию, которая похожа на наши мятежные антифашистские отряды.

Конечно, выпрямляться не хочется. Поэтому трусы будут вечно утверждать, что демократия — это мирное сосуществование Добра со Злом, чтобы никому не преграждать дорогу и тихо отсидеться в ближайших кустах. Со сладострастием предвижу рулады и модуляции крика, который

поднимут по поводу этой статьи объединившиеся обыватели всего мира. Набор эпитетов предвижу тоже...

Некогда в старину на римском Форуме разверзлась трещина, и авгуры предрекли, что государство погибнет, если Рим не бросит в эту трещину самое драгоценное, что у него есть. Юноша Курций на коне и в боевом вооружении бросился добровольно в эту пропасть, и она закрылась. Самым драгоценным достоянием Рима оказалось гражданское достоинство...

На нашей земле тоже зияет пропасть. Туда бросались декабристы, народники, народовольцы, она поглотила Анатолия Марченко, Василя Стуса, Юрия Галанскова, Илью Габая. Неужели они сделали это ради того, чтобы в будущем сытая посредственность, как сегодня на Западе, предавала свободу?

Нет, мы этим путем не пойдем. Новгород, Псков и Тверь — оплоты гражданства, блюстители чести, военные демократии без охлоса — вот что мы хотим возродить. А пока давайте бросаться в пропасть правительственных репрессий. Рано или поздно наши жертвы переполнят ее, она закроется, и Россия будет спасена.

ЗАЧЕМ НАДО НАРУШАТЬ 70-Ю СТАТЬЮ УК?*

Сегодня преступная власть обвиняет нас в призывах к насильственному свержению или изменению существующего строя, насильственно уморившего в своих застенках и концлагерях около 70 миллионов человек, а уцелевших пропустившего через мясорубку советского ГУЛАГа.

Те, кого миновала чаша сия, были обречены на нужду и прозябание как духовное, так и материальное, недостойное имени и звания человека, или купили себе относительные жизненные удобства ценой преступного отказа от борьбы за свободу и справедливость в своей стране.

58-я статья некогда стала орудием массовой казни не только инакомыслящих, но и всех неугодных сталинскому режиму.

70-я статья в формулировке брежневского «застоя» стала могильной плитой для диссидентов — свободомыслящих граждан погрязшей в рабстве страны. В 60-е, 70-е и 80-е

* Написано в Лефортовской тюрьме в июне 1991 г. Из архива ДС.

сажали за подрыв или ослабление устоев советского преступного государственного строя.

Горбачевская перестройка, изменив формулировку 70-й статьи, не изменила ее репрессивной сущности: в 90-е годы снова карают за покушение на устои, за «мыслепреступления», как в «1984» у Оруэлла; за письма и статьи, за авторство и распространение, за нонконформизм. Впрочем, власти позволили ругать строй, называя режим — фашистским, систему — антинародной. Они согласны великодушно карать лишь за призывы покончить с антинародным фашистским режимом.

Если на Западе формулировка 70-й статьи означает попытки свержения силой оружия, против воли народа, выбранного народом и конституционно закрепленного парламентского демократического устройства в пользу фашистских или (что одно и то же) коммунистических диктатур, то правовая подоплека такого закона более или менее основательна. Впрочем, нет прецедентов осуждения или заключения в тюрьму (за последнее время) в цивилизованных государствах Западе не за конкретные действия, а лишь за словесный призыв к подобным действиям.

Но ситуация в СССР не такова, чтобы были допустимы с моральной точки зрения сопоставления политических статей в странах свободного мира и в фашистской Совдепии.

70-я статья в ее нынешней формулировке призвана воспрепятствовать свержению антинародной, некогда вопреки воле народа и насильственным путем установленной власти, по воле народа, самим народом и вопреки желаниям или сопротивлению отвергнутой народом олигархии или диктатуры.

Статья 70-я направлена против народа и применяется, чтобы воспрепятствовать массовому волеизъявлению народа в форме всеобщей стачки или его законной вооруженной самозащите от вооруженного геноцида со стороны отвергнутого режима. То есть статью 70-ю в нынешнем ее применении можно сформулировать следующим образом, если высказаться откровенно, без обиняков:

«Призывы к свержению или изменению по воле народа отвергнутой народом власти против ее желания остаться у руля правления, игнорируя волю народа, будут караться всеми силами армии, полиции и политической охраны».

70-я статья, с точки зрения советских империалистов, включает в себя и покушения на целостность отвергнутой народами и историей Империи Зла — СССР, то есть каре, естественно, подлежит и участие в национально-освободительном движении или помощь и даже сочувствие ему.

В статье 70-й грубо и недвусмысленно обнажена антинародная сущность власти, готовой истреблять народ и дальше, только бы сохранить свое краденое могущество.

«Письмо двенадцати»* действительно подпадает под действие этой 70-й статьи. Тем больше чести его авторам, подписантам и распространителям.

Под действие статьи подпадает каждый честный гражданин, который дерзнет защищать право и свободу народа от антинародной власти. Она (70-я статья) осуждает борца против тирании, как признание его заслуг в деле освободительного движения народа со стороны наиболее компетентного судьи в этих вопросах — советского гестапо — КГБ. И если гражданину не вменяют 70-ю статью, то не значит ли это, что он еще не исполнил до конца свой гражданский долг?

Не следует негодовать по поводу того, что по 70-й статье не обвиняют наших «черных» и «красных» полковников и комиссаров, которые со всех трибун требуют ввести военное положение, всех лишних разогнать и запретить. Они не выступают против советского государственного строя — они только требуют его очистить от перестроечной фальши и применять в чистом виде обыкновенного фашизма, не разыгрывая долее комедию «парламентаризма». Не надо удивляться тому, что насильников и убийц, нераскаявшихся палачей народа, участников геноцида в Тбилиси, Баку, Армении, Вильнюсе, Риге и их руководителей и вдохновителей — Горбачева, Язова, Крючкова, — не передают суду, а вместо них судят за призывы к насилию тех, кто обвиняет советских фашистов в насилии и попытался хотя бы словесно встать между ними и их жертвами. Где тот суд, который мог бы осудить по законам тоталитарной империи владык и штурмовиков тоталитарной империи? При фашизме судят не фашистов, а антифашистов. Советский тоталитаризм будет осужден судом народов только

* См. стр. 152.

после своего падения, после демократической революции. Тюрьмы режима, куда он неизбежно будет бросать своих противников, рухнут только по воле народа, восставшего против деспотизма и своего рабского жребия.

Нарушение 70-й статьи должно считаться в СССР высшей гражданской доблестью между порядочными людьми.

Хотите спасти отечество? Выполните программу народного сопротивления, заложенную в современную формулировку 70-й статьи.

И пусть задолго до Революции освободительное движение напишет на своих знаменах, что его конечной целью является насильственное свержение преступной государственной власти СССР по воле народа, руками народа, в интересах народа.

ЭСТЕТИКА ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ*

Искусство — это не что, а как.

Солженицын, «Один день Ивана Денисовича»

Поглощаю статью Михаила Пастернака «Бойтесь краха Горбачева». Вообще-то ее хочется срочно чем-нибудь запить: уж очень много патоки, черносотенного низкопоклонства и квасного верноподданничества. В статье уже не пафос — истерика, и даже перспектива ядерного апокалипсиса, по-моему, автора испугала бы не больше, чем вероятность, что у него без Горбачева отберут дешевые побрякушки гласности и демократизации (ну как здесь не вспомнить людоедку Эллочку с ее чайным ситечком, снова вошедшим в моду в Филадельфии?). Всеядный «Московский комсомолец» никаким кушаньем не брезгует. И что из того, что автор статьи считает себя демократом! Лояльность — всегда черносотенство. Этот холопский восторг от властей предержавших, эти колы в руках охотнорядцев, заостренные на всякую крамолу и экстремизм. Отвлекаясь от оформления и лозунгов, черносотенство всегда одно: и в 1905 году, и в 1930-м, и 1991-м — независимо от того, что оно в данный момент охраняет: монархию, идеалы социализма

* Материал В.И.Новодворской из личного архива А.Майсурия. Написан в Лефортовской тюрьме. Ранее не публиковался.

или горбачевскую перестройку. «Искусство — это не ЧТО, а КАК». Солженицын был прав. Где-то в середине статьи нахожу с изумлением себя: «Гораздо легче быть Новодворской, собирающейся умереть в тюрьме за абстрактную истину, чем Горбачевым, который...» — и далее в степенях превосходных из восточного обихода. Обвинение, согласитесь, не из заурядных. Палачу, конечно, всегда труднее, чем жертве. Голова у нас своя, не купленная, плаха казенная, казнь за счет государства... У жертвы никаких проблем. А у палача — масса: топоры тупые, дрова для костра дают некондиционные, горят они плохо, охраны труда никакой, профсоюза у палачей нет, жалованье — грошовое, за сверхурочные не платят (у следователей КГБ, например, день ненормированный, сидят по 12 часов за те же деньги, а выходные оставляют к пенсии). И главное — вот ведь подлость какая — никто спасибо палачу не скажет (кроме, понятно, Михаила Пастернака и ему подобных). И хотя бы автор к «истине» прибавил: «пресловутая» или «так называемая», обвинил бы в большевизме, экстремизме, поджигательстве гражданской войны. А то ведь нет: обвинение в том и состоит, что вменяется в вину чистая порядочность — намерение умереть за истину; кстати, на то она и истина, чтобы быть абстрактной, то есть независимой от сиюминутной политической конъюнктуры. Казалось бы, чистый абсурд. Просто автор перегрелся. Но увы! Неприятие порядочности — это и есть корень наших зол, гораздо более объясняющий проблематику тоталитаризма, чем все термины политологии, вместе взятые.

Создавая оценочную шкалу в новой, неидеологической системе координат, мы имеем два главных термина — со знаком плюс и со знаком минус — эстетично и неэстетично. По одну сторону окажутся порядочность, благородство, хороший вкус, воспитанность, аристократизм, верность, юмор, так как все эти понятия, как правило, эстетичны. По другую сторону расположатся трусость, жестокость, фанатизм, пошлость, мещанство — неэстетичные категории. Первый ряд охватывает своими понятиями и мораль, и нравственность. Они не что иное, как эстетика поступков и мыслей. И это — на все времена, вместо религий, веры, догмата. От сотворения мира эстетика поведения не менялась. А как же, вы спросите, ацтеки и их человеческие жертвоприношения? А вот так: по общей оси. Неэстетично,

и всё тут. А критерий отбора — чувство прекрасного. Это легко было Маяковскому издавать свою азбуку для пятилетних «Что такое "хорошо" и что такое "плохо"». Да и то он забыл добавить для будущих павликов морозовых, что доносить на родителей неэстетично. А те, кто старше пяти, должны уметь понимать красоту и уродство поступка сами, без азбуки. Как и чем мы воспринимаем Вагнера, Моцарта, Ван Гога? Вот этим самым органом... Шестым чувством. Если им воспользоваться, статья Михаила Пастернака окажется отнюдь не в Пушкинском музее...

Итак, эстетика и порядочность — синонимы. Те, у кого срабатывает шестое чувство, не будут колебаться в выборе, кому им сочувствовать, жертве или палачу (если жертва, конечно, малодушием своим не сравняется с палачом в антиэстетизме). Михаил Пастернак и Невзоров в силу эстетической малограмотности способны даже танки пожалеть назавтра после вильнюсского усмирения. Как же... Амортизация техники... Кто-то лег под наши танки за абстрактную истину, а нам потом гусеницы отмывать... Не бойтесь ненависти к этим танкам и тем, кто в них сидел или их послал: ненависть в определенной дозировке эстетична. Так же эстетична, как совесть и честь, входящие в ту же шкалу понятий. Ненависть здесь от человечности...

И я начинаю думать, что Достоевский прав: мир спасет только красота, то есть эстетика нравов. Не печной горшок технотронной бездушной цивилизации, а Аполлон Бельведерский цивилизации духовной. Может быть, мы чего-то не дочитали у великих или что-то недопоняли? Христос сказал, что простится даже прегрешение против Бога, то есть против истины, но не простится прегрешение против Духа, то есть против шестого чувства. «Изменяйте Богу, изменяйте черту, но не изменяйте чувству безотчетному» (Вознесенский). Многие категории, привычные и традиционные, здесь окажутся размытыми, ибо они от узкой, догматической морали, из идеологизированной этики, и никак не умещаются в эстетику. Несть ни насилия, ни ненасилия. Это категории не абсолютные, а относительные. В одном случае благословенно насилие, в другом — ненасилие. Но бессилие не бывает благословенно никогда... Есть случаи — и их много — когда человек должен переступить через заповедь «не убий». Кант не мог всего предвидеть, и его моральный императив должен включить

в себя некоторые легальные, хотя и не моральные, средства. Например, если провокатор собирается выдать (гестапо, НКВД, охранке) твоих товарищей, и их ждут мучения и неизбежная гибель; если подразделение карателей собирается уничтожить мирное население деревни, или раненых, или детишек из гетто, то здесь моральный императив ведет к нарушению заповеди, ибо остановить их нельзя ничем, кроме ликвидации вооруженным путем. А не остановить — значит обречь на гибель невинных. Жаль, что я не могу обсудить с Кантом эту проблему. Я уверена, что он согласился бы дополнить свои политические принципы.

Давайте рассмотрим, не погрешили ли мы против принципов эстетики в XX веке, и не за это ли судьба нас наказует. Первое серьезное прегрешение против порядочности — «Вехи». И у Гершензона, и у Бердяева, и у Франка оказалось мало хорошего вкуса. Общественный протест, живое негодование, талант, артистизм. А этого было в избытке у тех, кто сражался на баррикадах Пресни, стрелял в усмирителей народных восстаний, шел на виселицы ныне поднятого на щит «либерала» Столыпина. Они горячо любили, и горячо ненавидели, и отдали свою жизнь за други своя. И им Всевышний простил их прегрешения за желание спасти мир, за самоотречение, за страсть, за кураж, за эшафот. Мне чужды их убеждения, но не чужда их эстетика. И живи я тогда, я наплевала бы на теории и на практике встала бы в их ряды. А вот сытым, благополучным, холеным авторам «Вех», которые тешились над повешенными инсургентами и просили у несправедливой власти, обгащенной кровью Лены и 9 января, защитить их штыками и тюрьмами от ярости голодных и раздетых, Бог не простит, я уверена. И вот с тех пор и пошло. О либералах стали говорить, как о попутчиках по вагону до определенной станции. Они стали навек чужими, закопав идею либерализма в России. А всё могло бы быть иначе, если бы ошибки эсеров и эсдеков исправлялись кадетами на общих баррикадах и в казематах общей Петропавловки. Если бы либералы были Герценами и Огаревыми, а не Гершензонами и Бердяевыми.

А дальше наступает взаимная непорядочность до наших дней. Большевики неэстетично расстреливают, общество неэстетично трусит и приспособляется. Неэстетично разгонять Учредилку, но неэстетично и расходиться, а не занимать

здание силой, даже ценой жизни. Неэстетично разгонять и расстреливать манифестацию, но и неэстетично и разбегаться, а не браться за оружие. ВЧК — гнусность, контрразведка — подлость. Одни сажают на кол священников, другие жгут заживо комиссаров. В огне брода — не нашли. Красные, конечно, победили в состязании на жестокость, на варварство, на фанатизм. Но в этом ли нужно было с ними состязаться? Или все-таки в бою до победы или до смерти? Здесь страна сходит с дистанции и покоряется, как раба. Когда хлеб дороже свободы — это всегда не кризис недопроизводства, а дефицит порядочности. А дальше уже не эстетика, а зоология. Кролики и удавы. Те, кто вырывался в человеческое, были торжественно предаваемы и глотаемы удавами. Когда жизнь дороже свободы — это закат и Европы, и мироздания. Поэтому я не верю в экономические стимулы. Не верю, что порядочность прямо пропорциональна качеству и количеству корма. Запад прекрасно накормлен, элегантно одет и даже хорошо образован. И что же? Порядочности не было и нет.

Не верю, что в 1938 году в Мюнхене Запад «заблудился». Не верю, что дипломатические отношения с Совдепией в 1933 году, на тризне крестьянства страны, были установлены по неведению. Не верю в неведение Запада, сдававшего беженцев в 1945 году. Ни в 1956-м, ни в 1968-м, ни в 1991 году они не наступали на грабли. Здесь другое. Предательство как жизненная позиция. Пока снова не припечет. Нет ничего антиэстетичней Запада, разве что Восток. Не верю я и в наше грядущее благополучие на крови замученных и убитых, неотомщенных и посмертно предаваемых мелкими и средними политиками с Малой Мещанской улицы.

Перестройка — это сель, который затопил всё грязью и смыл последние остатки порядочности как массового явления в стране, где она всегда была уделом избранных. Но когда избранные <нрзб> поколения садятся на одни скамейки с генералом Родионовым, или с Горбачевым, или кричат осанну Ельцину, примирившемуся торжественно в Ново-Огареве с обоими, возникает ощущение массовой измены хорошему вкусу (то есть совести). Тот, кто в мире с палачами, глумится над жертвами. А это неэстетично. Эту ситуацию бесполезно удобрять, окапывать, поливать или подрезать. Ее надо вырвать с корнем. Сначала — из себя.

Так же немилосердно, как поступил Ангел с будущим Пророком в пустыне (помните, как это было — без наркоза? «Вырвал грешный мой язык», «...Грудь рассек мечом и сердце трепетное вынул»). А потом эстетика сама погонит нас на площади, на танки, на пулеметы. Порядочность — она как амок, это вечное чувство вины, она стремится к поглощению и к совершенству, то есть к восстанию против подлости, жестокости и лжи. Я никогда не смогу простить себе, что я пережила Яна Палаха, Василя Стуса, Анатолия Марченко, зарубленных тбилисских девочек и литовцев, к которым мы не успели на помощь. А этот пепел не только стучит в сердце, но и жжет огнем. А кто у нас, кроме погибших, вправе уклониться от этой вины? Это, собственно, и есть революционный либерализм — пепел Клаасов всех народов и времен, который стучит в человеческое сердце и заставляет негодовать, спасать, освобождать. Да, для этого в основании нужна (после победы революции) экономическая свобода — от фермы до коммуны для любителей этого дела (хотя при полной свободе в Новгороде и Пскове что-то никто не обзавелся коммуной, не понадобилась). Но это — дело десятое. А с первым и главным делом у нас, увы, неблагополучно.

Вот, например, статьи из газеты, укравшей название «Свободное слово» и название партии ДС, преданной ей. Веселая вначале пародия К.Черемных «Нин-дзя-дзя!». Зачем-то без спросу поставленный мне памятник — и потом плевков в его сторону. Всё это современные «Вехи». Неприлично плевать в сторону политзаключенных. Неэстетично. Но господина Черемных эстетике обучали по советским канонам («Расстрелять как бешеных псов!»). Мне его работа, с утонченным садизмом подаренная моему защитнику, напомнила, как после казни коммунаров элегантные дамы совали кончик зонтика в мертвые глаза, чтобы удостовериться, хорошо ли сделана работа, можно ли спать спокойно. Можно не любить коммунаров, презирать их Манифест, агитировать против них на улицах, не разделять их убеждений, не подносить им патроны. Но совать после казни кончик зонтика в глаза — нельзя. Неэстетично. Впрочем, все статьи, посвящаемые Э.Молчановым его бывшим товарищам, ассоциируются у меня с версальцами и их расправой. Просто парад предательств, совершаемых с непонятной мне злобой: Пищугин, Кипиани, Черемных. Я раньше не

понимала, как это было возможно: Робеспьер, отправляющий на эшафот своих товарищей-якобинцев (с небольшими вариациями), Дантона и Демулена, с которым они кончали один колледж. Читая газету Э.Молчанова, я поняла, что это возможно еще и сейчас. Как с этим полемизировать? Как на такое отвечать? Здесь не спор, здесь хуже. Как отвечать тем, кто вызывал милицию и требовал, чтобы она арестовала товарищей (тогда еще) по партии? Как отвечать на пассажи из речей и статей Э.Молчанова, которые превзошли изыски «Труда», «Вечернего Ленинграда», «Вечорки» и обвинения, сформулированного КГБ? Ответ один: принять душ и не подходить близко, чтобы не заразиться. На подлость не ответишь. Подлостью отвечать нельзя, а другого языка она не понимает. Так что при всей моей любви к полемике я здесь — пас. Пусть этот страшный пример будет нам уроком. Ведь взрыв негодования по поводу «Письма двенадцати» в ДС был очень неэстетичен. Слава Богу, что люди взяли себя в руки, страсти поутихли, эстетика (и порядочность!) взяли верх. Но первая, произвольная реакция свидетельствует о том, что у нас не всё в порядке с терпимостью, юмором, аристократизмом.

Поэтому когда мне говорят, что нынешние реформы экономически взорвутся через 15—20 лет, и тогда будет выход, я в этот выход не верю. Потому что делаются параллели между александровскими и горбачевскими реформами. Слишком похоже и слишком очевидно, что на этом фундаменте от тоталитаризма (от себя) не убежишь. Взрыв 1917 года произошел ради Земли. Массы встали за Землю, не за Волю. За Волю умирали 50 лет в одиночку избранные: в острогах, на баррикадах, на виселицах. Александр II дал мало Земли — вот была обида, предъявленная, как вексель к оплате, Николаю II. А то, что Александр II подавил Польское восстание — это кого-нибудь волновало, кроме инсургентов? Не больше, чем сейчас шахтеров волнует умирание в Армении, в Грузии, в Литве. 7% — это весомо. Это съедобно. А мертвые пусть хоронят своих мертвецов.

Не будет нам ни Земли, ни Воли, пока мы этого в себе не преодолеем. Надежда в другом: в Чернышевском, в Лопатине и в графе Алексее Константиновиче Толстом, который терпеть не мог Чернышевского, социализм в упор не видел, но на вопрос о состоянии русской литературы

ответил Александру II: «Русская литература в глубоком трауре по поводу осуждения Чернышевского». Надежда на то, что эстетика (порядочность) овладеет сначала нами, потом — массами.

Немногие для вечности живут,
Но если ты мгновенным озабочен —
Твой жребий страшен
И твой дом непрочен!

(Мандельштам)

ЛЕФОРТОВСКИЕ ЗАПИСКИ*

«Свободное слово», № 19 (97), июль

Многие, опередившие свое время,
вынуждены были потом дожидаться его
не в самых удобных помещениях.

Станислав Ежи Лец

Что было завтра, то будет и вчера

Не повезло Францу Лефорту. Все-таки он в Петровской компании был единственный неформал, диссидент и хулиган. Он мог бы дать свое имя цирку, кинотеатру, рынку, кораблю, да и вообще чему угодно развлекательно-торгово-морскому или промышленному. Но дать имя самой жуткой тюрьме НКВД — такого бедный Франц не заслужил. Или это расплата за строительство фундамента для Петровского первичного тоталитаризма? Да кто же знал... такие были кораблики, так Азов брали, так плясали, такая шла в России комсомольская стройка... В принципе, все Магнитки похожи: в XXX веке до нашей эры (пирамиды), и в XVIII веке (Петровская «перестройка»), и в XX веке. Везде здоровый коллектив! Главное, чтобы, как заповедовал Маяковский, под телегой лежали рабочие и подмокший хлеб жевали. И чтобы цель была великая:

* Написано в Лефортово в июне 1991 г., передано на волю для публикации.

И слышен шепот гордый
Вода и под и над:
«Через четыре года
Здесь будет город-сад!»

Осталось ли в этих стихах что-то от тех времен (30—40—50-х), когда сюда посылали самых несговорчивых узников первого ранга — из тех, кого не смогли сломать вульгарными побоями в лубянской «внутрянке» или дилетантскими допросами в Бутырках? По Конквесту, в Лефортово применялись настолько изощренные пытки, что шипцы для вырывания ногтей считались здесь примитивом... Это здесь в подвале работало два трактора, чтобы не было слышно выстрелов. До 70 расстрелов за ночь — это всё было здесь. И в соседнем подвале стояла гигантская мясорубка для перемалывания тел казненных. Отходы сливали в канализацию (Антонов-Овсеенко).

Остались не только недобрая атмосфера и бесплотные призраки замученных, но и реальные вещи. Книги, здешняя библиотека. Они все изданы до 1937 года, старые, пожелтевшие. Одни — со штампом «Внутренняя тюрьма НКВД» (наследство от закрытой в 50-е «внутрянки»), другие с отметкой «Лефортовская тюрьма ГУГБ НКВД» (собственные, «наши»). Типичный интеллигентский набор 20—30-х годов: классика, Толстой, Чехов, Гауптман, Метерлинк, Верхарн, Герцен, Горький. Книги с личными печатями владельцев, конфискованные у расстрелянных, за которые нельзя взяться без внутреннего содрогания. Странно, что когда Евгению Гинзбург привезли в Лефортово на суд военной коллегии, у нее сложилось такое же впечатление, в 1937 году (или в 1938-м, уже не помню), как у меня в 1970-м, 1986-м и 1991-м: необыкновенная чистота, вкусная (сравнительно) пища, везде дорожки, полировка, ковры, персонал заботлив, как в хорошей гостинице, белье идеальное. И вывод: чем грязнее белье, чем грубее персонал, чем хуже пища, тем больше шансов выжить. Но чем лучше, чище, комфортабельнее тюрьма, тем ближе к смерти. И ведь тогда, в 1938 году, после вкусного обеда в эмалированных мисках (и теперь всё эмалевое, и кружки тоже, и даже есть цветочки), по коридорам, устланным ковровыми дорожками, тот же ласковый, симпатичный персонал вел смертника в подвал, к тракторам, а потом запихивал в мясорубку... А сегодняшние улыбчивые, доброжелательные,

учтивые девочки и мальчики (охрана здесь очень помолодела с 70-х годов) повели бы, если бы приказали? Надеюсь, что хотя бы не все...

Из четырех тюремных этажей два верхних пустуют, камера на двоих (по трое сидят очень редко), по подсчетам здешнего старожила (два года стажа) Лауры Шагигян, собиравшей деньги для «Карабаха» и вообще для национально-освободительного движения и случайно попавшей под «экономическую» статью, в тюрьме сейчас не больше 150 мужчин и 9-10 женщин. Иностранцы, мздоимцы высокого или валютного разбора, торговцы оружием, его покупатели, парочка террористов из Осетии и Грузии и трое политзаключенных на всё про всё: Шмонов* и мы с Володей Даниловым. Тюрьма похожа на сквозные соты, архитектура — тюремное барокко: узкие мостики у камер справа и слева, а всё остальное — пролет для крыши (как в той тюрьме, откуда бежал Друд, герой гриновского «Блистающего мира»). Но все пролеты и перекрытия затянуты сеткой из хорошей, толстой проволоки: значит, пытаются бросаться до сих пор. Чем комфортабельнее тюрьма, тем ближе к смерти. Один террорист из Осетии (у него по делу явный расстрел) недавно под одеялом перегрыз себе вены. Зубами перегрыз среди этого дистиллированного уюта, на койке с белоснежным бельем. И здешняя, оснащенная гораздо лучше районной поликлиники санчасть, работающая круглосуточно и с не советским отношением к пациентам, его спасла, не пожалела. Спасла для годичного доживания в камере смертников уже не в здешней престижной бастилии, а в какой-нибудь окраинной гнусной тюрьме, без света, без воздуха, без прогулок.

Приревновав к голландским и швейцарским тюрьмам, КГБ завел себе по советским стандартам нечто выдающееся: тургостиницу «У Феликса», куда и Руста можно было посадить, и «Взгляд» привести для съемок. Совсем потемкинская тюрьма, имеющая к нашей пенитенциарной системе такое же отношение, как лысенковская ветвистая пшеница к реальной действительности. Тюрьма — музей, а мы в ней — экспонаты. Нас холят, лелеют, вытирают с нас пыль, ставят в витрины и любуются, и гордятся. Из некоторых здешних экспонатов давно набили чучела, но те же зрители музея гордятся ими и всячески их рекламируют. Здесь сидела семерка с Красной площади, из августа 1968 года.

* Арестованный за покушение на Горбачева в ноябре 1990 г.

Теперь их рекламирует «Огонек». Боюсь, недалек тот час, когда тот же журнал воспоеет Анатолия Марченко, ушедшего отсюда на смерть. А ведь и ему на дорогу дали наверняка не селедку, а традиционное лефортовское вареное мясо...

Лефортово — это шарашка, «Первый круг» Архипелага. Уезжают отсюда на тех же «столыпинных» (до сих пор), но, правда, в отдельном купе. Сохранит ли за нами перестройка наши персональные острова: Чистополь, политические зоны? Вот я, например, в большой печали: меня просто некуда сажать. Женскую политзону в Мордовии закрыли в 1986 году (говорила я им тогда здесь же: оставьте что-нибудь для меня в работающем состоянии, не плюйте в колодец, напиться пригодится). В Чистополь чтобы попасть — нужен с ходу тюремный режим. Неужели для меня одной будут охрану держать в Мордовии? Я человек предусмотрительный, обратилась к здешнему коменданту (милейшему, кстати, человеку), Юрию Даниловичу Растворову, не приютит ли он меня здесь после приговора, а то мне, похоже, деться будет некуда. Он мне сказал, что для меня место нашлось бы (для хорошего человека не жалко), но по закону в Лефортово отсиживать не положено. А следователь вообще беспечно настроен: говорит, что пусть об этом у ГУЛАГа, у компетентного органа голова болит, или у Мосгорсуда, а у них и так проблем хватает. Чувствую, придется самой о себе позаботиться и в связи с жилищным лагерно-политическим вопросом попросить себе на суде тюремное заключение. Чистополь еще на ходу. Общее впечатление от Лефортово: камера смертников (не советского, а дооктябрьского образца), смешанная с тургостиницей для иностранных подданных. В сумме это дает атмосферу «Приглашения на казнь» Набокова.

Как нам обустроить свою тюрьму?

Ну, положим, тебе удастся проломить головой стену.

И что ты будешь делать в соседней камере?

Станислав Ежи Лец

Бедный Солженицын не учел, что для нынешнего поколения, которое не будет жить при парламентаризме, этот вопрос гораздо жизненнее и актуальнее, чем размягченно-расслабленное «Как нам обустроить Россию?».

У меня уютная однокомнатная камера со всеми удобствами, 25, вход со двора, окна на север. Камера условно названа мной «Лукоморье». За матовым стеклом, за решеткой, за двумя рамами просвечивает смутно зеленое дерево (даже два) и видно трепыханье листьев. Кота, правда, не видать. Где-то здесь водится котенок, но мне он пока не достался. Говорят, здесь есть камера в цветаевском вкусе: с рябиной за окном и даже стекла прозрачные. Быт здесь еще, может быть, не голландский, но уже не советский (надо пригласить сюда Юрия Феклистова на недельку, интересно, понравится ему?). Как в «Табачном капитане»:

Ни единой жалобы, сервис отличный —
У нас для иноземцев покой и уют,
А это в забегаловке, в «Луне и яичнице»,
Только голодранцы местные живут.

Белье выглажено и выстирано лучше, чем в московской прачечной, меняют раз в неделю, по пятницам. По пятницам же душ: розовый, кафельный, отдельный. Даже ночные рубашки и пижамы выдают. По вторникам принимают одежду в стирку и починку. И всё бесплатно, за счет КГБ! Чисто русское гостеприимство. Во вторник сдашь, в четверг получишь в идеальной форме. По средам сапожник приходит и шикарно чинит обувь (я уже свои тюремные тапочки отреставрировала). Парикмахеров завели, модельную стрижку делают! Лекарства дефицитные, в Москве исчезнувшие. Успокоительными каплями поят! (Здесь народ слабонервный, политические-то перевелись.) Прогулка на крыше час в день. Дворик оборудован скромно, но со вкусом: четыре стены, 10 кв.м. Сверху сетка и облака! После бани стали зеркало давать (в кожаной оправе). Газеты, правда, традиционные (сами гэбисты их уже не читают): «Правда» и «Известия». Вешалки, столики-тумбочки, полки. Собственный умывальник и санузел. Чай настоящий и еда приличная. Даже с мясом, и на первое, и на второе. Я одного повара уже в министры пищевой промышленности после Революции пригласила. На зама он согласился. В 70-е годы персонал с нами мало разговаривал. А сейчас все такие общительные, и с чувством юмора. Передача теперь — 10 кг в месяц с расширенным

ассортиментом, очень нестандартным. Ларек на 30 р. в месяц. Последнее место в Москве, где есть сыр без очереди и в любом количестве, — это Лефортово. Сидеть в одиночных камерах здесь не полагается, но статус политзаключенного — это свято. Против перспективы бессрочной голодовки даже прокурор по надзору не устоит. Классический дээсовец здесь свою одиночку получит. Здесь, как и везде, закон северной глуши: уважают сильного, а не слабого. Сильный здесь сохранит и достоинство, и крестик, и будет избавлен от унижительных личных обысков, и получит свои книги в пределах возможного. Статус политзаключенного здесь можно получить без голодовок при общей известной к ним склонности. Обустроишься, обзаведешься — и никаких проблем.

**Умытые руки, холодное сердце,
холодная голова**

Судьба не обделила нас ни друзьями,
ни врагами, ни поэтами.

Вадим Коростылев

Лефортовские камеры находятся в надпространстве, или попросту в потустороннем мире. Космическая, ничем не нарушаемая тишина одиночки (в Лефортово хорошо писать стихи о Вечности, может быть, поэтому даже Андропов не утерпел?). Изредка откидывается «кормушка» — главный здешний канал общения с внешним миром — и просовывается газета, предлагается обед, вползает раз в два дня мягкий белый батончик или поступает любезное приглашение пообщаться с той таинственной, неопознанной темной силой, которая захватила тебя в плен: с гэбистами, о которых мы знаем так же мало, как и о хатифнаттах из сказок о муми-троллях.

Чтобы не расставаться надолго со своими гостями, КГБ СССР обосновался здесь же, в Лефортово. Мы — смежники. Теперешние темные силы смотрятся очень приглядно. Это люди учтивые, очень хорошо воспитанные, ироничные, начитанные, умные и холодные. Игроки в бисер по Гессе, интеллектуальная элита режима, которая «всеведуща и искушена». Похоже, что они разочаровались

и в левых, и в правых, и в демократах, и в депутатах, и в коммунистах, и в радикалах. «И зло наскучило ему». Добро, впрочем, еще раньше. В своих оценках они редко ошибаются. Людей знают как никто. И этот жалкий род не вызывает у них энтузиазма. С тоской и скукой они работают на коммунистов. С тоской и презрением будут работать на Ельцина и Собчака. Малодушные, глупость и ложь они презирают. Гэбисты — наше зеркало. Если они уважают в тебе достойного врага, значит, ты прожил жизнь не зря. Их уважение заслужить не просто. А венчают их уважение арест и политическое обвинение.

Только в Лефортово можно получить патент на звание субъекта сопротивления. Сразу на память приходят мои любимые, вечные критики и взыскательные судьи, чье мнение для меня всегда было наиболее весомо: Саша Элиович и Андрюша Грязнов. Я ведь уже вконец отчаялась и подумала: а может, я работаю вхолостую и никакого вреда от меня государству нет? И тут явились на выручку милейшие гэбисты и утешили, засвидетельствовав: немножко вреда от меня есть, строй, правда, пока не свергли, но не ждать же, когда начнут свергать, тогда уже сажать будет поздно, лучше заблаговременно. Не могу не согласиться с этой формулировкой: логично. Красиво. Убедительно. КГБ — это наш Ученый совет. Если он признает твою политическую диссертацию перспективной, то это значит, что ты что-то смыслишь в этих делах. Суд — защита и банкет после защиты, все вместе. Жаль, что интервью в газетах и по телевидению дают какие-то захудалые, третьесортные гэбисты. Мне попадаются гораздо более интересные собеседники. За 22 года общения мы друг к другу привыкли.

Нас осталось мало, мы да наша боль.

Нас немного и врагов немного.

Живы мы покуда, фронтовая голь,

А погибнем — райская дорога.

(Окуджава)

Впору устраивать вечера встреч жертв с палачами. Хотя я себя к жертвам не причисляю. У нас, скорее, турнир (на копыя — листовки, на мечи — лозунги, на лук и стрелы — митинги). К слову в этом заведении относятся серьезно.

Думают, что и впрямь «Солнце останавливали Словом, Словом разрушали города» (Гумилев). Народ не идеализируют. Идеализируют Слово и революционеров (традиционно у нас считалось, что революцию можно совершить и во имя реальной действительности). Здесь знают, что кролики полезны, но неинтересны, и радуются тому, что инсургенты для тесного общения на допросах будут всегда. Здесь не хотят, чтобы все встали на колени: разговаривать не с кем будет. Нигде не встретишь такого уважения к анти-советчикам, как здесь. У бедняг так мало стоящих врагов! Они же живут по «Маленькому принцу», где король говорит, что у них есть одна маленькая крыса, ее можно судить и даже иногда приговаривать к смертной казни. «Но потом все равно нужно будет помиловать, ведь она у нас одна. Надо беречь старую крысу». Когда так редко разговляешься настоящим врагом, поневоле будешь его кушать медленно, со вкусом, с любовью.

Да простит мне Бог кощунство, но именно здесь «благословляют врагов своих». Ведь палачи тоже разные бывают. Бывают и такие, как мсье Пьер из «Приглашения на казнь» Набокова, закадычный друг Цинцинната. Они ссылаются на скверные законы, на дурацкую 70-ю статью (что сформулировали, то и получили), на народ, который всё терпит, на депутатов, которые всё покрывают и санкционируют. Прямо по Евангелию. Выходят, как Пилат, к рукомоюнику и заявляют: «Невиновны мы в крови праведника сего». То, что они называют законом, я называю силой вещей. Есть советская власть — есть и Лубянка. Требовать, чтобы советская власть закрыла Лубянку, это все равно что требовать, чтобы Третий рейх закрыл гестапо и крематории. Ну а если Лубянка остается, чем ей заняться? Не преследовать за убеждения? Пожалуйста, сегодня почти все убеждения им по фигу. Но требовать от КГБ, чтобы они не преследовали за убеждения, опасные для существования строя? Не такие уж они пофигисты. Не может и не должна это никакая охранка терпеть. Или строй, режим (т.е. власть) должны покорно дожидаться своего конца? Тогда какой же, простите, это фашизм? Фашизму свойственно уничтожать несогласных, если они дерзают восстать. Это органика, это природа. Против чего здесь вопиять? Какие, к черту, депутатские запросы можно слать к Крючкову насчет нашего с Даниловым ареста? Если у нас фашизм, то Кальтенбруннеру

какие же запросы? Надо просто драться. А если считать КГБ демократическим институтом, то неизвестно, кто кому должен запросы посылать: все тогда одним миром мазаны. Стерпели депутаты «от советских гильдий» новую формулировку 70-й статьи, признали фашизм «конституционным строем», ну что ж, приходите к нам на похороны. Стерпели уж эту формулировку правозащитники — ну, значит, будут потом наши некрологи в «Гласности» и «Референдуме» публиковать. Народ безмолвствует — ну, значит, если бы не надо было побираться с сумой на Западе, сейчас здесь бы тоже иголки под ногти загоняли и в подвале расстреливали. Лагеря стояли — и теперь политзона работает. Народ же Литву не защищал. Даже девочек тбилисских. Нам, мятежникам, и подавно рассчитывать не на что.

Вы от них требуете нечеловеческого.

Ночь мрачна, темная,

Мы одни на дороге, безумные разведчики,

Нас не догонят отставшие легионы.

(Пабло Неруда, пер. И.Эренбурга)

У нас пока нет сторонников — есть зрители. Слава Богу, что еще враги остались, и есть разумная, достижимая, светлая цель (73 года имели только ее и ничего больше). Если не можешь спасти страну, хотя бы погубишь себя. Чтобы не солидаризироваться со строем. Не примириться со строем. Не захлебнуться строем, как тиной, как блевотиной.

Здесь, в комитете, есть своя шкала. Чем выше ты котируешься, тем хуже тебе будет. О, игроки в бисер не станут лично драть шкуру со степных волков. Это будут делать другие. И не здесь. В других кругах ада, вплоть до девятого. Здесь тебя просто оценят по десятибалльной системе. Иногда убить означает высшую дань уважения. Гэбисты похожи на генерала Бэргойна, Джонни-джентльмена из пьесы Шоу «Ученик дьявола»: «Надеюсь, вы понимаете, что если мы вынуждены будем вас повесить, то мы сделаем это без всякой личной неприязни к вам и не нарушая правил общения, принятых между джентльменами». Умение принять этот тон — лишние очки и, значит, усугубление участи. Вообще мне лично ирония гораздо ближе пафоса. Пафос предполагает надежду, ирония — вызов вопреки мировым

отношениям. Кстати, они здесь схожи с О`Брайеном, кроме одной черты: они не жаждут сломать, они сами не любят Большого Брата и не хотят, чтобы его полюбили все.

Здесь уважают джентльменов, которые оплачивают свои счета, предъявленные государством, не глядя на сумму, не требуя сдачи, бросая жизнь, как кошелек. Какие претензии? Какие запросы?

Невинные жертвы, вы славы не стоите,
В стране, где террор — государственный быт,
Невинно растоптанным быть — не достоинство,
Уж лучше за дело растоптанным быть!

(Евтушенко)

**ВСТАВАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ,
ВСТАВАЙ НА СМЕРТНЫЙ ВОЙ! ***

Несколько дней назад наивные люди говорили, что перестройке нет альтернативы. Альтернативы есть всегда. Альтернативой полуфашизму является полный фашизм. Альтернативой стыдливому притворяющемуся парламентаризмом тоталитаризму будет беспросветный фашизм. Альтернативой ручьям крови, пролитой при перестройке, будут реки крови, которые прольет военная хунта Язова—Крючкова—Пуго.

Мы сами виноваты в том, что произошло. Выяснение отношений с красным фашизмом не должно ограничиться полумерами. Попытки играть в парламентаризм в Совдепии всегда будут заканчиваться военными путчами.

Выход из тоталитаризма лежит не через выборы и прочую атрибутику из чужого обихода, а через вооруженное свержение кровавой власти с целью ликвидации государственного строя СССР, через демонтаж зловещей советской империи и через гражданскую войну с такими, как ГКЧП. С ними не может быть мира и не надо мира с теми, кому только 1937 год кажется счастливой для страны датой.

* Написано в Лефортовской тюрьме 19 августа 1991 г. Печатается по тексту «Вполголоса», № 4-5, 1992 г.

Если мы дадим военной хунте укрепиться, эпоха Горбачева станет для нас сказочным сном. Сегодня мы должны потребовать введения войск США, ООН и ЕЭС на территорию страны и сражаться бок о бок с солдатами западных демократий против нашего доморощенного фашизма и путчистов. Весь народ должен стать пятой колонной для хунты мракобесов и империалистов. Мы обязаны немедленно начать всеобщую политическую стачку и, вместо того, чтобы сдавать хунте оружие, вооружаться.

Сегодня сторонники Горбачева, Ельцина и противники их обоих должны объединиться на почве противодействия сталинизму, как когда-то коммунисты и голлисты в оккупированной Франции объединились против гитлеровцев. Если Горбачев арестован хунтой, он является политзаключенным и приобретает право на защиту со стороны демократов. Если Ельцин готов рискнуть жизнью в борьбе с кликой Язова—Пуго—Крючкова, мы должны бороться рядом с ним, имея в виду нашу конечную цель — демократическую революцию и свержение всех структур тоталитарной власти.

Не позволяйте громить оппозицию независимо от ее ориентации! Не давайте закрывать газеты — независимо от профиля! Не допускайте расправ ни над кем — ни над Горбачевым, ни над Советами, ни над Ельциным, ни над «ДемРоссией», ни над ДС! Не дайте подавить силой оружия свободу Балтии, Украины, Армении, Грузии! Не прекращайте митингов!

Страна в состоянии открытой гражданской войны — демократии всех оттенков с военно-полицейской хунтой, которую вдохновляют воспоминания о Сталине.

Страна не должна вторично добровольно отправляться в застенки и лагеря ГУЛАГа. Лучше смерть в бою. Сегодня мы вправе сказать: «Заводы, вставайте! Шеренги смыкайте. На битву шагайте, шагайте, шагайте!»

Все противники реставрации сталинизма — от коммунистов до антикоммунистов — должны бороться против хунты в едином строю. Отношения выясним потом, сейчас главное — спасти страну от красного террора.

Долой хунту ГКЧП! Долой советский государственный строй! Да здравствует демократическая революция! Да здравствует вооруженное восстание!

О ПОЛЬЗЕ ВОЕННЫХ ДИКТАТУР ВООБЩЕ И ПОСЛЕДНЕЙ СОВЕТСКОЙ В ЧАСТНОСТИ*

Ты только прикажи — и я не струшу,
Товарищ Время, товарищ Время.
Старинная комсомольская песня

Фу, от души отлегло. Наконец-то! Вместо пресных и вялых перестроечных декораций, лапши на чьи-то заячьи робкие ушки, манной каши слащавого благополучия демократических слов, чепухи воскресных прогулочных революций на фоне субботних разгонов и арестов пикетов ДС — появилось нечто большое, грозное и настоящее. Классика. Фашистский путч, красная хунта черных полковников. И какие знакомые всё лица! Любимый ученик Бери, дальний родственник по материнской линии Ежова В.А.Крючков; метящий в Пиночеты людоед и душегуб Язов; удачливый карманник Павлов; обладатель двойного лауреатства, смежник от тайной и явной полиции Пуго; теоретик вторичной сплошной коллективизации и ликвидации крестьянства как будущего класса Стародубцев и несколько лиц в толпе, которые, как Янаев, ничем, кроме общей свирепости и патологической жажды власти, не знамениты. Целый том сказок братьев Гримм! Тролли, черти, вурдалаки, вампиры. Ну что бы мы без вас делали, родные! Плескались бы в перестроечном прокисшем молоке и ели бы мед недостойных иллюзий пригоршнями.

А теперь, слава Богу, выхода нет. Придется нам — розовым, оранжевым, сине-бело-красным, белым с косым голубым крестом, зеленым и прочим — или объединяться против настоящих красных образчика 1937 года на одной баррикаде, в одном лесу, в партизанах, у общих гранатометов и стингеров, или продолжить наши дискуссии о том, как на Руси жить хорошо, в общих камерах смертников и в общих колымских лагерях. Нам же мало было доказательств, мы хотели полной уверенности, что без революции и вооружения народа нас ждет только бойня в лучшем советском стиле. Вот вам и доказательство. Уже и с петлей,

* Написано в Лефортово 21 августа 1991 г. Печатается по тексту «Вполголоса», № 4-5, 1992 г.

и с топором, и в красной рубахе, и с Лобным местом. Сами напросились. Проболтали, промечтали, проорали на площадях или у каминов четыре года. Достаточно продекламировали о ненасилии в отношениях с черно-красными полковниками и маршалами? Вот с Витебской дивизией и с дивизией имени Ф.Э.Дзержинского и будете беседовать о ненасилии. И до нас ближе, чем до Тбилиси, и ненамного дальше, чем до Вильнюса. Были кроликами, простили и 9 апреля, и 20 января, и 13 января? Вот за это шкурки и посдирают. И не визжите теперь, что вы не знали, что фашизм — бяка. Надо было историю изучить, а не на выборы бегать. Но ничего, не отчаивайтесь. Всё, что ни делается, делается к лучшему. Нас прижали к стенке — авось научимся кусаться. Может быть, войдем во вкус, и зубки у нас прорежутся, хотя бы молочные. Как хорошо, когда некуда бежать. Разве что в кусты. Но ведь путчисты — грибники опытные, найдут и в кустах. Ситуация вытаскивает нас из нашей трясины, осушает наше болото, заглушает наше кваканье. Нашей почвой станет мятеж, нашим воздухом — свобода, нашим моральным императивом — гражданская война.

Надеюсь, Буш будет долго чистить зубы после своего заявления в Москве: «Бог до благословит Советский Союз». Надеюсь, Запад вспомнит про второй фронт, Дюнкерк, операцию «Буря в пустыне» и Вторую мировую войну. Наступает ситуация, когда третья мировая война становится наименьшим злом. Давайте коллективно изменим социалистическому отечеству и покажем хунте, что целы еще в Белоруссии землянки и партизанские тропы! Горбачевцам повезло: они станут честными оппозиционерами и удостоятся репрессий. Ельцинисты тоже не будут обижены: они для путчистов персоны нон грата вместе со своим патроном. А нам, честным антисоветчикам и революционным либералам, и вовсе лафа: это наше время и наши окопы. Не довоевали с нами в 1918—1919 гг. Давайте продолжим!

«Ничего, что родились поздно мы! Бунтовать никогда не поздно!»

ЗНАЮТ ИСТИНУ ТАНКИ

«Хозяин»*, № 22, октябрь

Пока еще слабо барахтающиеся остатки реальной действительности не утонули окончательно в бездонном океане советской мифологии, как это было с нашими октяблями, февральями, декаблями, июнями — в 1917-м, 1825-м, 1941-м — и прочими легендарными месяцами, давайте попытаемся четко установить, подальше от литавр и салютов официоза, что же в августе 1991-го у нас произошло.

В советских газетах написано, что у нас был антиконституционный государственный переворот против законной власти. В советских газетах редко печатают правду. Они ввали до хунты, при хунте и в основном врут и после хунты, за немногим исключением. Несравненная советская конституция, опутанная колючей проволокой, закрепляет ситуацию острого тоталитаризма образца 1977-го.

Янаева и К° эта конституция тоже устраивала, они ею были вскормлены. Всё, что еще дышит и зеленеет в нашей стране, делает это вопреки конституции, а не благодаря ей. А что касается законности власти, то фундамент большевистского переворота 1917 года — плохая основа для будущей легитимности.

Наши споры о том, какой президент законнее, очень напоминают споры граждан города Глупова о правах их градоначальников и градоначальниц во время смуты: что лучше, Дунька-Толстопятая или Матренка-Ноздря? Оно конечно, у Ельцина больше оснований себя градоначальником города Глупова считать: за него глуповцы всенародно проголосовали. Но я на месте Горбачева не стала бы расстраиваться: ведь речь идет о городе Глупове и его умных обитателях, какие в Глупове президенты! Поумнеть сначала надо. В Глупове только градоначальники, и они — даже самые легитимные — или органчик в голове имеют, или Указы о «правильном пирогах печении» издают.

Так что «оставьте ненужные споры».

Я, конечно, сидя в гэбэшной тюрьме, с ГКЧП боролась как могла: посылала на волю листовки, Крючкову

* Газета, приложение к «Труду» (г.Москва).

оскорбительные письма писала, предлагая свою кандидатуру для расстрела, статьи про хунту сочиняла прямо в камере.

Но ведь посадили меня туда, надо сказать, Ельцин с Горбачевым, а не Язов с Крючковым! Можно, конечно, и такой сценарий предположить. Приходит Язов к Крючкову и говорит: «Посади, брат, ДС и, главное, Новодворскую по 70-й статье, а то я танки даже заводить не буду, и не проси».

Это — в мае. После чего Горбачев с Ельциным плакали три месяца на пороге Лефортовской тюрьмы, но не могли меня освободить, пока не ликвидировали хунту и не выгнали из-под подушки у Пуго ключи от моей 25-й камеры.

В такой сценарий и не верю! Конечно, празднуя избавление Отечества от тоталитаризма, неудобно было держать меня и Тенякова в застенках. Выпустили в порядке издержек производства. А потом (ведь дело не прекращено, обвинение на 99% будет предъявлено) при удобном случае, через 2-3 месяца — трибунал. Не судом же называть наши ОСО и тройки образца 30-х, 60-х, 90-х годов!

Так что имели мы до 19 августа отнюдь не демократию, которой нас злодеи из ГКЧП пытались лишить, а наш родной тоталитаризм. Другое дело, если Крючкову и К^о Вильнюса, Тбилиси и Баку было мало.

Предхунтовские «демократы» пили кровь стаканами, хунте захотелось хлестать ее из бочек сороковых... До 19 августа имели мы Софью Власьевну — советскую власть — грубую, хамскую, диктаторскую, народ, который безмолвствовал и просил только одного (да и то на коленях): чтобы его одели и накормили, и горсточку мятежников, то есть честных людей, которые кричали на перекрестках под дубинками ОМОНа: подавитесь вашей перестройкой, не надо нам вашего перестроечного вранья, это — не демократия. И политзаключенных мы имели (тоже, видно, Язов запрещал Горбачеву выпускать; он же не позволил Михаилу Сергеевичу оплакать жертвы Вильнюса и Тбилиси, заставил всё это одобрить). Хоть бы бедный Михаил Сергеевич сбежал на часок от охраны и дал знать ДС, что он хочет страну облагодетельствовать, а Пуго ему не дает! Мы бы за него, сердечного, заступились, предложили бы политическое убежище, утерли бы сиротские слезы, напечатали бы его манифест на своем ротаторе, помогли бы ему выступить на несанкционированном митинге! Словом, не дали бы в обиду.

И танки у нас во всех кустах почему-то все время обнаруживались. Главный довод диктатуры в отсутствии народа — танки. Это — высшая истина тоталитаризма, его программа и устав, его консенсус и национальное единство. Знают истину танки.

Было очевидно, что для самых правых, для ультрафундаменталистов даже Горбачев — диссидент. Обеим сторонам хотелось друг от друга избавиться. Ельцину, Попову и К^о хотелось избавиться и от правых, и от Горбачева. И всем им вместе очень хотелось избавиться от мятежников, дерзающих не признавать их жалкую демократизацию за свободу.

Народу хотелось одного — чтобы одели и накормили. Но без хлопот. Чтобы не трогали при этом ни левые, ни правые. У нас же народ — как в доме инвалидов: накормить с ложечки, подать судно. Полный гражданский паралич.

У Белого дома на баррикадах были уже граждане, а не советский народ. И таких граждан по стране — 1%. Чтобы за свободу и свою истину — и в огонь, и в воду.

Сейчас у нас в ходу дюжина версий — кто против кого заговор устроил. Горбачев + ГКЧП против Ельцина. Ельцин + Горбачев против правых. Горбачев против Ельцина и правых. Правые против Горбачева и Ельцина. Правые, Горбачев и Ельцин против демократов-мятежников. Буш + ЕЭС + Горбачев + Ельцин против правых. Система против коммунистов. Ради сохранения системы.

Теперь не выяснишь, чьи были танки (ясно только, что не ДС). Опять-таки знают эту истину одни лишь танки. Скорее всего, правые (которые правее стены), Горбачев (правее которого только стена) и Ельцин затеяли какую-то игру. Но как только сели за стол, так сразу стали плутовать и прятать карты в рукав.

Ельцин переиграл Горбачева. Горбачев переиграл Язова. Народ в партии в трик-трак не участвовал. 1% честных людей не играли вообще, а рыцарски выступили против коммунистического Дракона, не спрашивая ни у Ельцина, ни у Горбачева гарантий, простив в эти три дня (временно) врагов своих. Зная, что не поблагодарят. Но честные люди, как всегда, не в накладе. Они познали свою силу и свою общность. Сопrotивление — от «Московских новостей» до «Экспресс-Хроники», от либералов из КПСС или ветеранов 1945 года до ДС — родилось на баррикадах как вечное ополчение против зла, как звездный час.

Антисоветчики не делили почести и привилегии с номенклатурой, но сочли своим долгом разделить риск и беду (настоящую или вымышленную).

Если мы с самого начала были обмануты Горбачевым и Ельциным, если ГКЧП — их представление, то грех не на нас. Мы поступили как люди и не просили платы у власть имущих. Мы — не наемники. Мы сыграли роль Ланцелота, честно сражавшегося с Драконом.

Но, как водится, по Шварцу и Марку Захарову, после классического Дракона к власти пришли придворные Дракона, драконовское окружение. Следующая генерация драконов без чешуи и хвоста (без КПСС), в обличье, схожем с человеческим.

После 21 августа мы имеем душеприказчиков Дракона, объявивших себя победителями Дракона и делящими наследие Дракона. Править они намерены драконовскими методами. Других они просто не знают, а народ, вышколенный Драконом, не забастовавший и при ГКЧП (и при нашествии марсиан работали бы), других методов не знает, не ждет и не требует. Как говорится, был бы хомут, а шея найдется.

Итак, нам бросили кость в виде независимости Прибалтики, нескольких памятников, КПСС, наследство которой поделит новая, молодая ельцинская номенклатура. Запад захлебывается от восторга. Конфликт Ельцина и Горбачева закончился, как у Бертольта Брехта в «Трехгрошовой опере»:

Наконец-то торжествую
Мир, согласие и покой.
Если в деньгах нет отказа,
То конец всегда такой.
Угрожал сперва тюрьмою
Максу Мориц, а потом
Хлеб голодных эти двое
За одним едят столом.

Ваш хлеб, уважаемые читатели. И вы это своим смирением, за которое точно попадете в рай («Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие небесное»), заслужили. Горбачев бросил вам кость в виде гласности в 1986 году (мог бы и не бросать, ведь вы не кусались, а лизали руку),

Ельцин прибавил объедки в виде КПСС и статуй в 1991-м. Тоже вроде бы даром.

Они решали свои проблемы — не ваши. Ваши решать придется вам самим. Или вы считаете решением своих проблем роспуск КПСС и троцкистско-зиновьевский процесс гэкачепистов?

Мои чувства по отношению к Михаилу Сергеевичу просто неопишутся. Напрасно редакция меня предупреждала о том, чтобы я не подвела их под монастырь. После того как Горбачев заявил, что он — жертва тоталитаризма, и без тени колебания, в один день, сдал свою родную партию (обычно говорят: бес попутал, а здесь коммунисты, видно, попутали своего генерального секретаря, за что он их и разогнал), у меня высохли на ручке все эпитеты. Нет таких терминов в русском языке! Не знаю, что на лозунге написать! Язык мой немеет, и взор мой угас... Не удивлюсь, если Михаил Сергеевич в ДС попросится. Но это — только через мой труп.

Когда свобода народу не нужна, возникает советская демократия. За первые недели она уже успела заявить о переделе мира (претензии Ельцина и Попова по поводу «исконных российских территорий» Украины и Казахстана за попытку к бегству), сколотить наскоро обновленный Союз, провести конференцию по правам человека на фоне концлагерей, где остаются политзаключенные, захватить освободившиеся места у номенклатурной кормушки.

Еще больше преуспела московская диктатура Попова. Таких мэров даже в Греции нет! Гавриил Харитонович успел с санкции Бориса Николаевича разогнать вполне социалистическими указами московских предпринимателей, приговорить к смерти 15 депутатов-демократов, протестовавших против его произвола голодовкой (его советчики посоветовали им рыть братскую могилу), запретить этим депутатам допуск к эфиру и московским газетам (демократия — для демократов, причем демократы, как известно, водятся только в «ДемРоссии»).

К тому же наблюдается интересная кадровая политика, не хуже горбачевской: на все места, независимо от навыков и профессиональной подготовки, ставить свою команду. А в Совдепии у каждого Тимура своя команда.

Горбачевскую команду мы в деле уже видели 19—21 августа. Г.Х.Попов же сделал всё, чтобы в Москве сапоги

тачал пирожник, а пироги пек, наоборот, сапожник. Физика Аркадия Мурашова пытались назначить главным шерифом Москвы (начальником ГУВД), а он, хотя до сих пор черпал свои представления о милиции из фильма «Следствие ведут знатоки», вдохновляясь чисто демократической идеей, что надо идти работать туда, куда партия направит, согласился, перешагнув заранее через 15 трупов голодающих депутатов, избравших на этот пост профессионала Комиссарова.

Лучше же всего перестраивается КГБ. В том же здании, с той же агентурой (списки опубликовать отказались наотрез), с той же 70-й статьей, с той же программой. Зато с новым начальством! Физиком Савостьяновым в Московском УКГБ и христианнейшим Бакатиным в Центральном.

Зачем только в 1945 году в Германии закрыли гестапо? Его надо было реформировать!

Словом, все назначения пока осуществляются по формуле: «Рыбы по полю гуляют, жабы по небу летают».

Причем наблюдается интересное физиологическое явление: Борис Николаевич Ельцин ничего не знает. Ему не докладывают. Николаю II не доложили о 9 января, Горбачеву — о Тбилиси и Вильнюсе. Иосифу Виссарионовичу — о массовом терроре. Не хотите сходить с иконами и хоругвями к Белому дому? Не хотите написать письмецо с просьбой о заступничестве новому отцу народа? Поскольку к власти пришли временщики, Бироны XX века, они будут драть с вас, дорогие читатели, семь шкур. Но уже не под красным флагом, а под трехцветным. Вас это устроит? Еще 73 года будем молчать, а потом начинать очередную перестройку? Как говорится, таскать вам не перетаскать...

Вы же хотели монархии с человеческим лицом? И вот ваш мудрый монарх, вернувшись из крымского плена, прогнал опричников Язова и Крючкова и вернул мудрых бояр Шеварднадзе и Яковлева. И вам остается только шапки в воздух бросать. И герб у нас будет новый, знакомый. Орел двуглавый, направо — Ельцин, налево — Горбачев. И вместо колосьев всё крапивой увито, потому что скоро только этот злак на наших полях и останется.

А о конструктивной программе ничего не скажу, даже под пыткой. В этой конструкции строительный материал — гражданское общество. Будете готовы идти на баррикады, захотите бунтовать — пишите, поговорим.

Только учтите: нынешняя власть держится всё на тех же танках, унаследованных от Язова и ГКЧП. В следующий раз это она введет военное положение.

СОЛО МОСКОВСКОГО МУРАВЬЯ

Журнал «Огонек», № 44, октябрь

Пока «новая», «революционная» и «демократическая» власть империи обустроивается в благоприобретенных кабинетах и заверяет колонии, что они теперь совершенно свободны и суверенны; пока «близнецы-враги» Белый дом и Кремль перераспределяют награбленные коммунистами авуары и недвижимость, от Бориса Николаевича Ельцина и его команды всё дальше и дальше уплывает последний шанс. Числа до 31 августа за ним достаточно было протянуть руку. До 10 сентября, до начала конференции по СБСЕ, до него можно было еще доплыть, задыхаясь и захлебываясь. После 10 сентября он стал недосягаем и теперь где-то на горизонте белеет, как «парус одинокий в тумане моря голубом». Еще несколько недель — и никто уже не поверит, что он был вообще, этот шанс. Шанс для абсолютной, как водится, российской власти — не быть в кои-то веки проклинаемой (как водится от века) свободомыслящей интеллигенцией — оруджавскими «московскими муравьями», которые всегда вне ваших Советов, мэрий и Союзов — сами по себе.

Как только опасность отхлынула, как только начались победные залпы и праздничные реляции, «московских муравьев» — анархистов, дээсовцев, кадетов и просто неангажированных интеллигентов — как ветром сдуло, они разбежались от Белого дома (уже не Брестской крепости, уже Зимнего дворца дофевральских очертаний), как от чумы. Революционные праздники кончились, наступили авторитарные будни. Что демократия нам не светит, это было ясно и без экспериментов (1—2% общества бросились с голыми руками на танки, остальные мирно работали, а кое-кто и салютовал ГКЧП). Посткоммунистическое общество без демократического прошлого, с авторитарной монархией за спиной не может быстро сделаться демократическим (кто знает, может ли вообще?). Никто от Б.Н.Ельцина демократии и не требовал. Так же как и хлеба. Чего же ждал «московский муравей», которому раз в жизни

захотелось во имя общих и святых трех «августовских дней» поверить в очарованность свою? А просто хотелось увидеть немного добра. Добра, покаяния, честности, интеллигентности. Если раньше обстоятельства, Горбачев, Крючков не давали сделать это добро, а о нем думалось, мечталось, страдалось, то как же 23 августа было не освободить всех политзаключенных по спискам МОПЧ*, а уточнить спорные старые списки Кронида Любарского поручить Валерию Сендерову, братьям Подрабинекам, Алексею Смирнову — правозащитникам, которые занимаются этим целую вечность и всё бы облазили в ГУЛАГе, чтобы кого-то не забыть? Мы с этими списками только что не спим последние годы, выучили наизусть все номера лагерей, все фамилии. Но вот мы стоим с плакатами на пикетах (при победившей «демократии»!), стоим неделю, другую, шанс уплывает в открытое море, а люди сидят, голодные, избитые, униженные ежедневно.

Начинается конференция по СБСЕ в стране победившего антикоммунизма (и где начинается: в Колонном зале, там и политические процессы в 37-м году шли, место проклятое), а политзаключенные сидят! 10 сентября, 11 сентября. Хоть в петлю лезь. Наконец освобождают пятерых из 16-ти. (Первым, кстати, президент Киргизии вспомнил про «своего» узника совести, Янин был освобожден; странно, что Борис Николаевич не понял, что это его опозорило.) И как освобождают — помилованием! Невинных! Степан Хмара в Лукьяновской тюрьме свое помилование уже разорвал; все равно, конечно, вывели на улицу, но ведь оскорбили перед этим! Когда Валерий Янин мне позвонил и благодарил за то, что ДС делал все эти три года для освобождения политзэков, я чуть сквозь землю не провалилась от стыда, я умоляла простить нас за то, что мы садились, но не насовсем, за то, что все-таки были на свободе, за то, что не получилось или освободить раньше, или разделить их судьбу. Я просила прощения — Борис Николаевич не просил. Ему не стыдно. А остальные сидят. Если за каждый путч нам будут освобождать по 5 политзэков, то сколько еще путчей понадобится? Генералов и маршалов не хватит. Вот этой черствости с политзаключенными нельзя ни забыть, ни простить. Никогда.

Давайте перечислим, что можно было сделать в первый день «свободы». Одним росчерком пера. Бесплатно. Чтобы

* Международное общество прав человека.

облегчить душу. (Совесть — это бремя, «московскому муравью» — интеллигенту всегда чего-то стыдно, всегда он угрызается, рефлектирует, краснеет, боится, что не выполнил долг, не отдал чего-то, кого-то не уберег. Совесть — это хроническая хворь, неизлечимая вовеки.)

Итак, 23—24 августа.

1. Освободить политзаключенных с реабилитацией, извинениями и компенсацией.

2. Реабилитировать всех политических по делам 60—90-х годов.

3. Помиловать Шмонова (ведь Горбачев жив и здоров, за что же дольше мучить «террориста»?).

4. Отменить смертную казнь.

5. Ввести альтернативную службу в армии.

6. Закрыть КГБ. Закрыть, упразднить, ликвидировать.

7. Объявить, что нынешняя власть ВС и Президента — временная, до выборов в Учредительное собрание.

8. Отменить для России закон об оскорблении чести и достоинства Президента СССР и статью 166¹ о несанкционированных митингах.

9. Приостановить действие 70-й статьи УК.

10. Приостановить действие 190^{2,3} и 183³. Давняя мечта диссидентов!

11. Отменить принудительный труд, принудительное кормление при голодовке, ограничения на свидания, переписку, средства и передачи от родных для узников ГУЛАГа и СИЗО.

12. Начать вывод войск из Латвии, Эстонии, Литвы и Молдовы.

13. Сделать заявление, что нам очень совестно удерживать захваченные у Японии острова, что мы вернем их с извинениями в ближайшее время.

14. Собрать правозащитников, антисоветчиков, демократически настроенных политических противников режима и спросить, что сделать еще; составить из них свой Политсовет.

И все эти решения — на сессию, на ВС РСФСР. А там — убрать аббревиатуру РСФСР и поставить на голосование вопрос о выходе России из Союза и неподписании Союзного договора на все оставшиеся времена.

Что ты не смог — тебе простится.

Что ты не хочешь — никогда.

(Ибсен)

Революция — это искупление. А искупление предполагает чувство вины. Ну, ничего, мы, «московские муравьи», творим себе богов только по образу и подобию своему. Жесткая порфира государства без этих 14 пунктов нам ничего не говорит. Нас можно обмануть не больше чем на неделю. И ничем нас нельзя купить, кроме человечности. Впервые за 400 лет истории российской автократии на три дня сошлись дороги власти и ее вечных противников, которые шли в декабристы, народники, дээсовцы. И разошлись, естественно. Я оплакиваю несбывшееся — согласие, консенсус, те надписи непримиримой и нелояльной оппозиции, которые остались как священный завет для власти на стенах Белого дома, как впервые протянутая ей нами рука, и которые власть сотрет, если уже не стерла, из памяти и с обличовки.

Эта статья, если хотите, Реквием по общим баррикадам, потому что теперь нам с «новой» властью быть опять по разные стороны баррикад. До конца или до следующего путча. Власть ничем не рискует. Она знает своих противников. 19—21 августа, стоя вокруг Белого дома, неформалы защищали не законную власть, которую они за такую не признавали ни до, ни во время, ни после; они защищали слабейшего, обреченного, гонимого, хуже вооруженного. Что ж, кодекс Дон Кихота действителен во все времена. Арестованного (по крайней мере так мы тогда считали) Горбачева тоже можно было пожалеть и защищать. Истинный интеллигент и Бухарина стал бы спасать от Сталина (зная про «Азбуку коммунизма»), и Тухачевского, и Зиновьева (зная отлично их «добрые дела»). Интеллигент защищает того, кто внизу. И это неотменяемо. Хрупкая студентка Тверского университета, член ДС Тамара Целикова, которую первую судили за «оскорбление величия» Михаила Сергеевича, в дни хунты стояла с лозунгом «Свободу Горбачеву!». Это и есть ДС — кучка безоружных интеллигентов, которые, ни на что не надеясь, занимаются безнадежной правозащитной деятельностью, обличая век и отказывая ему в своем соучастии. «И всё будет вечно хреново, но всё же ты вечно звучи». Это, правда, Юлий Ким, но они с Окуджавой оба — «московские муравьи» и писали для своих, для интеллигентов. Враги Горбачева пожалели Горбачева в беде. Кого пожалел Горбачев? Помните, как доктор Андрей Ефимович из чеховской «Палаты № 6»,

оказавшись в тогдашней психушке, умер от удара за один день? И не потому, что ему стало страшно за себя, а потому, что он понял, что такие же пытки по его милости терпели долгие годы обитатели палаты... Вот это раскаяние... А что, Михаилу Сергеевичу не о чем печалиться? У него с Язовым, Крючковым и Лукьяновым общие мрачные дела: гибель в застенках Чистополя Анатолия Марченко, участь политзаключенных, кровь Звартноца, Вильнюса, Баку, Тбилиси... Ну ладно, в Форосе, по его словам, его изолировали. А до этого? Шесть лет держали под арестом в Кремле с пистолетом у виска и не давали читать «Экспресс-Хронику», где всё можно подробно узнать о нарушениях, вернее, попрании прав человека? Похоже, что и Борис Николаевич этим изданием пренебрегает, хотя по такому случаю редактор Саша Подрабинек даром бы посылал каждую неделю номера... Странные дела творятся на 1/6 части суши! В Германии именно руководители национал-социалистической партии отвечали за деяния организации, и их вина была сочтена большей, чем у рядовых членов, а у нас есть виновная распушенная партия и невинный ее генсек! С больной головы на здоровую... Раскаяние никому не заказано, апостол Павел был прощен, и Милован Джилас, правая рука Иосипа Броз Тито, заплатил 10 годами тюрьмы за прозрение...

Но где раскаяние Михаила Горбачева? Где его ужас, его боль, его стыд? В аресте гэкачепистов, что ли? Чужой кровью не смоешь свою вину. Кающийся грешник сказал бы: не могу их судить, да не судим буду; вины у нас одни.

Скверный получается у нас анекдот, с козликами отпущения. А судьи кто? И прокуроры? И следователи? Давно ли судили диссидентов и дээсовцев?

Час искупленья пробил? Не такой ли, как в октябре 17-го?

Бог с ней, с политикой, она от лукавого. Бог с ней, с демократией. С совестью-то как у нас дела обстоят? Кто-то суфлирует, что у нас произошла демократическая революция. И развалился Союз.

Ну-ка давайте посчитаем, что у нас было и чего поубавилось.

Название СССР — есть! Президент Союза — есть! ВС Союза — есть! Войска союзные во всех республиках — есть! Так что, собственно, развалилось? Генерал Шапошников не против вывода войск из Прибалтики, да ему их

девать некуда и трех дней мало, да и оборонительная брешь намечается. От кого обороняться собираемся? От Швеции с Норвегией? Им бы от нас отбиться... Некуда девать войска? Демобилизовывайте. Трех дней мало? А кто вас звал в Балтию, господа империалисты, августовские и сентябрьские? А знаете ли вы, сколько дней вам с вашими войсками на коленях стоять надобно, чтобы простили за 40—90-е годы? Где ваше раскаяние, обновленные оккупанты?

Значит, Союз на месте. Плюс слова, слова, слова... Членство в ООН 15-ти республик — это не независимость, а хрустальная мечта Иосифа Виссарионовича. Смотрит он на нас из могилы и радуется. А мы твердим одно: с любимыми не расставайтесь. С колониями то есть.

Со строим тоже всё в порядке. Частной собственности нет, колхозы на месте, многопартийность в уме, политзаключенные сидят, психиатрический террор продолжается — Шмонов признан невменяемым институтом Сербского и отправился в спецпсихтюрьму, как в добрые старые времена...

КГБ здравствует и процветает в переподчиненном состоянии, тоже обновляется, но не настолько, чтобы по 70-й дело закрыть. На начало октября это демократическое ведомство без Крючкова продолжает мое с Даниловым дело, и ничего, без Крючкова справляются, разве что меру пресечения изменили. А как его закрывать? Строй не изменился, Горбачев — тоже. Состав преступления актуален как никогда.

Может быть, опять Ельцину мешает Горбачев? Тогда зачем с ним брататься?

Неверие — главная особенность «московского муравья», «грустного, как жители земли».

Не верю я что-то в вашу революцию и в ваши суверенитеты, господа. В три дня верю. В дальнейшее — нет. Поэтому жаль Бориса Николаевича. Он теряет больше, чем мы. Никогда больше ДС не будет распространять его звания. Не быть ему больше товарищем в борьбе.

Будут толпы зевак, поклонников, лимузины, овации, лесть, учтивые западные президенты на приемах и брек-фэстах. Всё будет, но не будет рядом тех, которые 19 августа организовали первый митинг на Манежной. Что может сделать с громадой режима бессильная и безоружная

интеллигенция? Она, увы, не может его свергнуть. Зато она может его проклясть. И не будет без нее удачи ни одной власти. Куда ни поскачет ваш Медный всадник с тяжелым топотом, всюду он наткнется на бедного Евгения — петербургского муравья, предшественника московских интеллигентов, внесистемного неформала, который не ставит ни во что вашу медь, вашу ложь, вашу мощь. И вместо мальчиков кровавых ваша незрячая совесть всюду споткнется о наши лозунги. И не будет вам покоя.

РУКИ ПРОЧЬ ОТ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ!

«Информационный бюллетень ДС», № 5, ноябрь

Новоявленная Российская империя и ее необольшевицкое руководство недолго сдерживали свои фашистские наклонности. В третий раз начинается завоевание Кавказа, в третий раз неизгладимый позор достанется в удел России. В XIX веке «единая и неделимая» империя уже попирала своей железной пятой свободу горских народов Кавказа. В 1944 г. Советский Союз лишил родных очагов и бросил в лагеря весь чеченский народ, который, к чести своей, оказался одним из немногих, кто защищался от сталинизма с оружием в руках. Сегодня вчерашние коммунисты Ельцин, Руцкой и компания решили снискать себе лавры генерала Родионова, палача Тбилиси.

Мы, граждане России и уроженцы Москвы, заявляем, что нам стыдно за правительство РСФСР и что в этом конфликте мы всецело на стороне свободолюбивого чеченского народа и избранного законным образом Президента Джохара Дудаева. Введение чрезвычайного положения Россией — иностранным государством, которое не вправе хозяйничать в Чечено-Ингушетии, — направление туда наемных убийц из дивизии им. Дзержинского — акт прямой агрессии против народов Кавказа. После этого жестокого вероломства государственная независимость Чечено-Ингушетии — дело чести ее народов. Мы не сомневаемся в том, что ОКЧН* откажется сдать оружие, и поддерживаем его в этом отказе. Мы призываем всех русских граждан Чечено-Ингушетии поддержать

* Общенациональный конгресс чеченского народа — высший орган государственной власти Чеченской республики.

горские народы в их священной борьбе против советских танков. Оружие граждан Чечено-Ингушетии, направленное против советских оккупантов, будет благословенно. По первому требованию Президента Джохара Дудаева мы готовы направить в Чечено-Ингушетию добровольцев, которые будут сражаться на стороне горских народов против поработителей.

**РУКИ ПРОЧЬ ОТ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ!
ДОЛОЙ ПРЕСТУПНУЮ СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ!**

9 ноября 1991 г.

Члены Московского координационного совета ДС В.Новодворская, Н.Злотник.

ИЗЫДИ, ЛЮМПЕН!

«Свободное слово», №24 (102), декабрь

Я отдал всё. Я чист и светел.
Бери, бери меня, ветер!

Илья Эренбург

Основы рационального интеллектуального и эмоционального питания предусматривают строгую дозированность поэзии и прозы, страсти и рации. Сама идея общественного бытия людей, сами устои государственности предполагают некий баланс между льдом и пламенем. Мы, в течение четырех веков существующие вне бытия, пробаваемся одним сознанием, брошенные на раскаленную крышу мира, все мы, беззаконные и неприкаемые борцы за светлое будущее человека — декабристы, народники, эсеры, эсдеки, дээсовцы, анархисты — годимся ли мы не то что в зодчие, но даже просто в архитекторы этого самого Будущего? Есть революционеры буржуазные, чья поэзия украшает солидную прозу их недавнего бытия. Джефферсон и Патрик Генри, Вашингтон и Мэдисон были достаточно храбры, чтобы успешно конкурировать с народолюбцами и раскольниками. Но они были джентльмены, плантаторы, адвокаты, у них был за спиной Дом, была собственность, которой они рачительно управляли. Поэзия бунта не могла увлечь их в безбрежность, ибо они стояли

на якоре жизненной прозы. Американскую революцию делали не люмпены, но вольнодумцы, и это общество не сорвало с корней и не унесло ураганом только потому, что у каждого минитмена, кроме мушкета, была еще и ферма, и участок земли. Есть задача, как сделать мирного обывателя гражданином и воином, и есть задача, как потом вовремя демобилизовать воинов и не превратить революционные войны в перманентную схватку с самой жизнью.

Джефферсон, Вашингтон и другие отцы-основатели перекладывали мечи на орала и вернулись в поместья и в залы конгресса. Томас Пейн этого сделать не сумел: этот Тиль Уленшпигель американской революции пытался заниматься поджигательством дальше, не был понят, французы посадили его в тюрьму, он вечно скитался, впал в нищету и ничтожество и умер в бедности и забвении, осмеянный современниками. Перманентная революция стала его личной трагедией, а если бы он увлек за собой остальных, то процветающих США сейчас вовсе не было бы, они превратились бы в действующий вулкан, ушли бы в Марианскую впадину, провалились бы или вознеслись, но не существовали бы в мире реальности. Буржуазный революционер способен умереть за идею, но ему все-таки хочется выжить и даже кое-что нажать. Торговля, бизнес, богатство — его самореализация. Такими были гезы Фландрии, таким был Вильгельм Оранский. Отбившись от Испании, отбив у инквизиторов свободу совести, пройдя через ядра, пули, плахи, пытки и костры, Фландрия, охваченная огнем борьбы и протеста, стала мирными и благополучными Голландией и Бельгией. А этот великий пожар, пережитый ими, еще сегодня им обеспечивает большую нравственную чистоту, меньший процент шкурничества, чем у других стран ЕЭС. Они всегда старались помочь нашим оппозиционерам, когда их в очередной раз предавали великие державы. Тиль Уленшпигель должен был умереть в последний день войны. В мирной жизни ему не было места.

После четырех веков гражданского неповиновения, напроць вытравивших из нас всякое законопослушание, всякое уважение к ценностям мирной жизни, сможем ли приспособиться к ней мы? Перелистаем историю Французской революции. Мы явно не фельяны, даже не жирондисты. Может быть, уже и не якобинцы, которые все-таки принадлежали к небедному и не люмпенскому

сословию. Мы — вне сословий и не обладаем ничем, кроме своей мятущейся сущности. Не окажемся ли мы ближе к «бешеному» Жаку Ру и к Гракху Бабёфу с его заговором равных, нежели к Сийесу, Лафайету и Кондорсе? Люмпен не по своей воле, люмпен, жаждущий своего хозяйства и собственности, недовольный своим жребием, тоскующий люмпен — это не опасно. А вот люмпен идейный, люмпен добровольный, саламандра, которая может жить только в огне, — это смертельный риск для упорядоченного общества. Какие силы, способные разнести жизнь на части, зреют в ДС, РАФе, в раскольниках всех времен и народов? Какие силы водили моим пером, когда я писала в Лефортовской тюрьме свои статьи для «Утра России»? Революция — это ядерный взрыв, предельная концентрация излучения, смертельный ветер. Наш корабль лишен руля, ветрил, компаса, корпуса, трюма и якорей. Он состоит из одних парусов и флибустьерского флага. Совесть — это парус, но совесть несовместима с выживанием рода. Наша совесть в XIX веке заставляла нас поднимать пистолет и бросать бомбы в кареты правителей, в XVII веке она раздувала огонь в наших скитах, в XX веке она же бросила нас на рифы самой странной и самой чарующей утопии, которую знавало человечество. Сейчас, чтобы вырваться из нашего советского болота, мы снимаем предохранители, мы развязываем узы бездны, и из колодца веков к нам поднимаются испарения такой экзистенции, которую потом, возможно, не удержат уже никакие тормоза. Стихия идейного люмпена — беспредел. Мы четыре века не жили, но боролись. Слишком много совести, слишком много ветра...

Я пока еще сохраняю двойное сознание, сознание дневное и сознание ночное. По природе я буржуазный революционер, но 22 года застенков и борьбы сделали из меня идейного люмпена. Нельзя жить в смертельной ненависти: человек пропитывается собственным ядом.

Я еще могу служить вам переводчиком, быть связующим звеном между миром люмпенов и миром упорядоченным и обжитым... И я, как двойной агент, честно предупреждаю вас: удержитесь, уцепитесь корнями за жизнь, не возносите в страшный мир беспредельной Свободы, где рвутся хрупкие нити человеческих законов, где меняется естество. Пусть борьба и битва будут для вас горестной необходимостью, а не естественной средой обитания.

И берегитесь нас, степных волков. Мы должны пасть, не дожив до свободы, чтобы вы потом в ней смогли обустроить человеческую жизнь. А если кто не понимает, что несет в себе СПИД беспредела, перед которым бессильно человечество, от которого нет лекарств, то его, наверное, надо будет утопить в первый день свободы.

Я так же честно заклинаю товарищей по несчастью, тех, кто уже способен наслаждаться «войной всех против всех»: пожалейте людей, завоюйте для них свободу и умрите с последними залпами.

Революционеры-либералы и автономисты, редакция «Утра России», флибустьеры и авантюристы, — нам лучше не жить после победы.

ОТ ВОСХОДА ДО ЗАКАТА

«Утро России», № 18

Как могли мы? Но еще не поздно.
Солнце духа наклонилось к нам,
Солнце духа благостно и грозно
Разлилось по нашим небесам.

Эти строки принадлежат великому русскому поэту Гумилеву, который писал, как воин, жил, как воин, и погиб, как воин — от рук чекистов, — и не случайно, а за правое Дело, пытаясь создать антисоветскую организацию в 1921 году, никого не назвав, не покаявшись и не попросив пощады. С 1917 года и поныне самой завидной участью для Человека и Гражданина остается такая гибель, и не каждый, подобно Гумилеву, был удостоен чекистами такой смерти. А написаны эти строки после начала весны 1914 года. Пацифисты проклинали, социалисты анафемствовали, общество растерялось. А великий поэт-гуманист писал стансы войне. Не торопитесь бросать камни! Гумилев не был ни ястребом, ни извергом, ни милитаристом. Он был романтиком, а романтики боятся малодушия и гнилого болота больше, чем мужества и мирового пожара, даже если между честью и невыживанием человечества есть прямая зависимость. Никому из нас не дано вопрошать Рок. И лучше этого не делать. Но если нам придется

давать ответ на мировой вопрос «или — или», то что ответим мы: «Всё потеряно, кроме чести» — подобно Франциску I после битвы при Павии, или «Пусть будет потеряна только честь, зато мы сохраним всё остальное» — подобно Курту Воннегуту? Я смотрела фильм «Записки мертвого человека» и читала «Последнюю пастораль» Адамовича. Но на мировом плебисците, где будут высказываться своими помыслами и поступками четыре миллиона землян, я выскажусь за честь, даже если она несовместима с выживанием человечества. Я не хочу мировой катастрофы, но я ее не боюсь. Эта петля страха, накинутая на горло Запада варварским Востоком, эта ядерная дубинка, в монтирование которой вложен труд не только советских людоедов, но и правозащитника Андрея Сахарова, не имеет надо мной власти. Что еще есть в арсенале у Империй Зла — от германского до советского фашизма с заходом в полпотровский?

Лубянки, Освенцимы, ГУЛАГи, виселицы, крематории, орудия пыток, крокодилы? Что еще? Атомные боеголовки, уничтожение человечества? Что еще? Этим вы не остановите нас, этим вы не заставите нас смириться с вашей нечистой властью. Не ждите от нас благоразумия. Сталинские палачи расправлялись с семьями непокорных узников, которых не удавалось сломать истязаниями. Немецкие фашисты после каждой акции Сопротивления уничтожали десятки заложников. Ныне советский фашизм взял в заложники всё человечество, угрожая ядерной смертью. Мол, если вы попытаетесь сопротивляться, то мы и себя, и вас не пожалеем. Словом, концепция гражданской войны в ядерной сверхдержаве. Малодушие и бесчестье Запада сегодня таковы, что на подавление народных возмущений в СССР могут быть брошены только войска ООН. Нас и раньше заковывали в наручники «Made in USA», а теперь, пожалуй, скоро будут казнить на электрических стульях, введенных в эксплуатацию с помощью американских инструкторов. Консенсус с большевиками, благодарность Советам за то, что не убивают, а пока позволяют дышать, Нобелевская премия микрофашистику Горбачеву — это закат Европы... Шкурничество западной цивилизации, чья великая культура — культура рыцарей и крестоносцев, гезов и гугенотов — в прошлом, где привольное существование больше подкреплено упрямым стоицизмом Риска и Долга — это серые сумерки, одинаково далекие и от мрачного величия Ночи, и от ослепительного Дня.

За что мы идем в бой? За что мы хотим отдать жизнь? За супермаркеты? За импортное барахло? За грядущие трусливые предательства Свободы? Пройти свой гражданский путь и прийти к тупику, где стоит круглый стол, где будут приноситься в жертву люди, идеи, народы, где совершится грязный политико-демагогический торг — за нефть, за газ, за кусок хлеба, за жалкую жизнь рабов цивилизации, комфорта и инстинкта самосохранения? Увольте! Нам — не туда.

Всё шире даль, и тянет ветром свежим,
И к новым дням и к новым побережьям
Зовет зеркальная морская гладь.

(Гёте, «Фауст»)

Вспомним времена, когда мать в древней Спарте или Риме вручала сыну щит и говорила: «Или со щитом, или на щите». Это были матери — и это были сыновья. Наседка, прячущая цыпленка под юбками, — не мать. Цыпленок — не сын. Птичьё, куриное существование недостойно Человека. Вот указка Истории в последний раз остановилась, замерла на освещенном клочке Норвегии. Нобелевская премия Горбачеву присуждена — и погасла Норвегия. 400 миллионов кредитов СССР после Литвы — и погасла Франция. Брошена на произвол десантников Литва — и гаснут Штаты. Пророчество Шпенглера сбылось. Дух отлетел, и Европа померкла. Указка тщетно ищет точку опоры. Она разрывает оболочку времен, и перед нами встают островки, отвоеванные у Бездуховности радостной силой, готовой на все свободы. Я вижу наших предков, суровых и великодушных, не знавших ничего ни о революции, ни о либерализме, но тем не менее первых у нас революционных либералов из Новгорода и Пскова. Их электорат был не электоратом обывателей, а электоратом граждан. Мало было родиться в Новгороде и Пскове, надо было защищать гражданские свободы жизнью и мечом. Новгородская демократия была живой и полнокровной демократией («Еще волнуются живые голоса о сладкой вольности гражданства»), древнерусские города — военными станами, а печенеги, скифы, половцы, татары до XIII века (до поражения) помогали нам блюсти наше гражданское достоинство. Не было жестокости, казней, пыток, тюрем, но была гордость, ложившаяся

в основание гражданского общества. Когда люди и мизинца не уколют за свободу, значит, они скоро ее утратят. Тот, кто готов отдать жизнь за высшие идеалы, становится частью народа. Только этим оплачивается входной билет. Есть один-единственный гражданский ценз, сформулированный Томасом Джефферсоном: «Дерево свободы должно время от времени омываться кровью патриотов».

А вдруг убьют?
 пускай убьют:
 тогда лекарство подадут
 в растворе голубом.
 А дом сожгут?
 пускай сожгут.
 Не твой же это дом.

(Ольга Седакова)

Вот бюллетень гражданина, который он бросает в урну своей веселой и яростной свободы.

Нас много под землей и на земле. Страшный суд, совершающий свой приговор над Западом и Востоком, не коснется благородных и бесстрашных Дон Кихотов Духа, по крупинкам сложивших здание революционного либерализма. Наши руки встречают в братском пожатии обветренные руки фландрских гезов, флибустьеров и авантюристов, презревших пытки и костры и опрокинувших Черный обелиск испанского владычества. Да здравствует наш товарищ по партии Тиль Уленшпигель! И был же в истории тот взлет Духа, когда утонченные и богатые плантаторы и предприниматели первых 13-ти штатов дрались за свою свободу; когда минитмены работали на фермах с мушкетом у изгороди, готовые встать в строй по первому требованию. Когда изысканные джентльмены дрались за свои конфедерации, за право на выход из Союза, пренебрегая голодом, разорением Юга, смертью близких.

Человек должен с радостной готовностью откладывать в сторону комфорт, Дом, Жизнь и идти на ристалище боя или гражданского протеста.

Ян Палах, Че Гевара, Сальвадор Альенде, Жанна д'Арк, Генрих IV и его гугеноты, завоевавшие миру первый акт о свободе совести — Нантский эдикт, — китайские студенты с площади Тяньаньмэнь, спартанцы Леонида в Фермопилах,

Сократ и тираноубийцы Эллады — Гармодий и Аристоген, Михаил и Александр Тверские — вот всемирный Интернационал Сопротивления, вот орден революционного либерализма. Мы ищем не цивилизации, но культуры. ДС замыкает на себя полюса вечного либерализма во всем — и перманентной Революции Духа. Пусть вспыхнет вольтова дуга, и если надо продержаться до восхода новой культуры, мы готовы облиться бензином и встать в костер. Мы поднимаем из грязи наши идеалы, оброненные Западом, вытираем и несем дальше, и только когда падет последний из нас, эти Идеалы окажутся вновь на земле. Только эпидемия Свободы и Духа расколдует наше мертвое царство, уколотившее себе палец веретеном пошлости и трусости. Мы несем в себе вирус этой спасительной болезни, мы хотим заразить всех, кого только сможем. Наша готовность поднять меч против сильнейшего противника — залог отказа от мщения побежденным.

Лев Толстой, который всю жизнь преподавал ненасилие, на вопрос американского корреспондента о том, считает ли он свою жизнь удавшейся, ответил, что нет, потому что уже ясно, что он окончит ее не на виселице; а между тем такую смерть он считает самой достойной смертью для мужчин, если не считать, конечно, сожжения на костре.

Такое ненасилие мне по душе. Оно чуждо трусости и обывательства. Но я хочу попасть в Валгаллу — обитель богов и героев в древнем скандинавском эпосе. А туда попадают только павшие в бою — не важно, было у них оружие или нет. Вызов Дракону — тоже оружие. Дракон может испугаться безоружного больше, чем вооруженного до зубов. Разве ДС это только партия? Это рыцарский орден.

Вот всадники как солнце,
их кони — из темноты,
К Пятидесятнице святой
они спешат на праздник свой,
Там гибель розой молодой
на грудь упадет с высоты.

(Ольга Седакова)

1992

НОВОГОДНЕЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ СОДРУЖЕСТВЕННОМУ НЕЗАВИСИМОМУ СОВЕТСКОМУ НАРОДУ

«Хозяин», № 1 (33), январь

Перед Новым годом в приличных заведениях принято подводить итоги и предаваться планам на будущее. Доброму примеру и последовать не грех. Весь 1991-й мы усердно носили воду в решете или — в порядке разнообразия — толкли ее в ступе, и по этим двум видам деятельности работаем уже за 2001-й. Результаты получились соответствующие: карманы пустые, магазины душераздирающие, культура массовая, а души мертвые — в лучших классических традициях нашего любимого школьного триллера. Весь год «демократические» силы топили Союз Советских Социалистических Республик, а он даже ног не замочил, потому что воды каждый раз налить забывали. Наш дорогой оборотень, вурдалак, вервольф регулярно возвращался к нам в полночь под новыми обличьями — то в виде ССГ*, то в светлом образе СНГ, потому что ни разу в его могилу не забили осиновый кол. В последний раз наши мышки хоронили кота в Беловежских кущах.

Хочу утешить наших милых империалистов, которые уже вторую неделю убиваются, оплакивая дорогого покойника, присутствующего на собственных поминках (Травкина, Жириновского, РХДД** и других): ненужной печали не надо, друзья, предаваться! Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки могучая Русь (кого огнем, кого мечом, кого мытьем, а кого и катаньем). Всё у нас общее: границы, ядерные боеголовки, армия, ВПК, содружественная номенклатура, которой придется оплатить подъемные на переселение из Москвы в Минск, Горбачев и долги. Рабство, естественно, тоже общее.

* Союз Суверенных Государств — несостоявшийся союз государств бывшего СССР.

** Российское Христианское Демократическое Движение.

Насчет перехода к рынку у нас тоже за год наметились большие подвиги. Мы все оказались на рынке рабов — вместе с потрохами и березками. Только на такой товар нет спроса ни на Востоке, ни на Западе. Кого хотели, они давно уже импортировали. Еще очень много пота и чернил пролито над проблемой приватизации, а проблема-то выеденного (15 р. — десяток) яйца не стоит. Приватизацией занимается выбранная вами себе на шею власть по следующей схеме: депутатом (мэром, префектом, президентом) стань сам, бывшее до 1917 года народным добро подели с товарищами по должности (по исполкому, мэрии, РУВД, ГУВД, военному округу, Верховному Совету, Госсовету), а результаты предоставь расхлебывать врагу (тому, кто торопится попасть на твой пост).

Первым к финишу пришел Г.Х.Попов, запросившись в отставку на том основании, что его темные силы Моссовета злобно гнетут. Правда, он обещал остаться, если Моссовет разгонят, прекословить ему перестанут и еще гиперчрезвычайные полномочия дадут (чрезвычайные уже есть).

Подобные годовые итоги, собственно, предопределяют ликвидацию предприятия. Наше СП с безграничной безответственностью будет, видимо, ликвидировано традиционными методами: гладом, мором, трусом и т.д. Что же до квартального плана на будущее, нет смысла его составлять, пока не мы что-то пытаемся сделать с этим государством, а оно делает с нами всё, что захочет («советский народ — лучший материал для витяг веревки»). Единственное, что мы реально имеем, это некоторую свободу печати (еще до нас руки у властей не дошли — времени, свободного от приватизации, не оставалось для репрессий). Единственное, чем мы можем вас порадовать и вам помочь: мы не замолчим. Поэтому всё же мы, рукосуи, гущееды, куролены и голово-тыпы, имеем право поздравить друг друга с Новым годом!

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ АВРААМА

Конфликт поколений с точки зрения перебежчика

«Столица», № 1, 15 январь

Это может показаться странным, но конфликт отцов и детей у Тургенева излагается совсем не в одноименном произведении, а в романе не на эту тему — в «Нови».

Именно там конфликт выходит за рамки личных отношений и поднимается на трагическую высоту судьбы, высоту общественного выбора. Что мог бросить в лицо отцам господин Базаров? Лягушек? Напускной цинизм? Плохие манеры вместо хороших? Атеизм? Отсутствие светскости? Поиски (безуспешные) смысла жизни? Мало и неинтересно, и только Аркадий мог этим восхищаться, и только мирная усадьба могла быть этим шокирована. А вот в «Нови» — настоящий нигилизм, который ведет не в лабораторию, не на студенческую тусовку, а на каторгу. Этапы большого пути известны:

Богоискатель российский

тщеславен,

Роль приживала ему не с руки.

Шаг его ровен, и путь его плавлен:

Заговор — Крах — Равелин —

Рудники.

(М. Кудимова)

Дети и родители, охранители устоев и их ниспровергатели оказываются по разные стороны баррикад навсегда. Начинается гонка поколений к финишу 1917 года.

Начиная где-то с 1825 года отцы и дети взбираются всё выше, всё ближе к небу по своей Вавилонской башне, по ее строительным лесам, и наступает день, когда дети-декабристы оказываются ниже внуков-народников.

А затем? Затем извечной силой рокового проклятия власти, с неумолимой обусловленностью смены ночи и дня закон всемирного тяготения революций к деспотиям нового типа обрушил Вавилонскую башню. Вместо неба получился могильный ров, вместо созвездий — свалка.

Богатырская симфония гражданской войны сменяется рычанием цепных псов режима и жалкими стенаниями жертв. Начинается второй тур в общественном турнире отцов и детей: дети предают отцов, и не символически, а буквально, то есть сдают, и каждое новое поколение рождается более жестоким, бесчеловечным и безжалостным. Идет отбор на худшие качества человека. Выигрывает подлейший. Почему предательство обращается вспять? Да потому, что идет страшная отдача из века XIX, из столетия, начавшегося 14 декабря на Сенатской площади, и немет

плечо, и нечем оправдаться; посеявший трусость и конформизм пожинает подлость.

Проблема отцов и детей по-особенному решается в стране, где 74 года подряд детям не за что уважать отцов. И отцы, и дети уравниены общим позором, общей братской могилой в неосвященной земле, общим осиновым колом, который полагалось бы вбить в память о поколениях вурдалаков, чтобы они никогда не вышли из могил. А дальше отцы снова как полагается, предают детей, а дети упрямо строят свою Вавилонскую башню на старом пепелище, подбирая мастерки, брошенные среди развалин декабристами, народолюбцами, эсерами, большевиками и Белой Армией. Это уже очень близко, поэтому давайте остановим птицу-тройку, не давшую Гоголю ответа. Пойдем пешком.

Поколение пятидесятников-шестидесятников, осененное звездой XX съезда которое приветствовали три волхва Хрущев, Твардовский и Солженицын. Поколение Василия Аксенова... Поколение, которому предложили камень жалкой либерализации вместо хлеба демократии. Оставили жизнь, но без надежды на честь и на смысл в жизни. Поколение, воспитанное Булатом Окуджавой, великим поэтом Несбывшегося, в духе неизбежного поражения, подслащенного ностальгией, всепониманием и человечностью. Какой священный огонь был передан поколению детей лагерников? Трагедия утраты человеческого достоинства.

Поприще классического шестидесятника жестоко определено Маканиным: одни искали справедливости в пределах своего учреждения, а потом сделались философами, к которым заходят на поздний чай; другие призывали жечь костры и петь песни у реки (жизненная программа молодого Аксенова до «Ожога» и «Острова Крым»). В результате, по Юлию Киму, поприще обрело свою географию: кухня.

Какое отношение могло сложиться у Детей к Отцам, которые вольнодумствовали только на кухне? Ничего, кроме гадливости, здесь возникнуть не могло. Я уже принадлежу к поколению Отцов, ибо это поколение сорокалетних. Но пишу я от имени Детей, ибо перебежала еще десять лет назад на их сторону. Я сейчас выскажу обвинение, которое оскорбит отцов, особенно тех, кто претендует на роль благородных. Я обвиняю шестидесятников. Они повинны в перестройке. Почему стране сунули этот жалкий суррогат? Кто просил и дал основание надеяться, что это примут

с восторгом? Не те ли, кто требовал лишь части («Уважайте Советскую конституцию», «Соблюдайте Советские законы»)? Чего стоит одно только солженицынское (!) «Письмо к вождам», попытка пробудить совесть в тех, кто, если бы она пробудилась, обязан был бы не править, а повеситься!

Диссидентов ждала жестокая кара, но за ту же цену можно было бы и высказаться до конца: мы ненавидим вас и вашу власть, мы поднимем (или не поднимем) против вас народ нам не нужно ни уступок, ни послаблений, ни оттепелей, нам нужно только одно: чтобы ваша власть сгнула вместе с вашим строем. Мы не можем ее сегодня свергнуть, но мы будем это провозглашать и приближать этот день. Нам не нужен социализм ни с каким лицом. Мы выбираем Запад.

То же самое предлагает и аксеновский герой из «Ожога»: давайте завтра с этой программой выйдем на площадь, и пусть нас всех возьмут. Проверено: я предлагала такой вариант всем диссидентским группам. Никто на это не пошел. Это было поколение Отцов. Аксенов уехал не потому, что здесь было опасно жить, а потому, что здесь не с кем было умереть.

Ни разу за 22 года борьбы я не услышала от старшего товарища из поколения Отцов одобрения или благословения. Никто не сказал: «Ты права, девочка, иди и умри». Все предлагали жить! И я решила: мой биологический возраст никогда не совпадет с мироощущением, мне всегда будет 18 лет, а если когда-нибудь я почувствую, что не могу больше тянуть на 18 лет, что мне чего-то жалко, чего-то страшно, то в этот день я покончу с собой. Блажен, кто молод был не только смолоду, блажен, кто отказался вовремя созреть, терпеть холод жизни, вообще что бы то ни было терпеть.

Я никогда не забуду памятные встречи с Отцами. Встреча первая: 1970 год. В прогулочном дворике страшной Казанской спецтюрьмы знаменитый поэт и правозащитник Наталья Горбаневская говорит мне: «Такие листовки нельзя было разбрасывать. Нельзя призывать к свержению строя. Власти рассвирепеют и начнут хватать. Будет хуже».

1978 год. В записках маститые диссиденты уговаривают меня вести себя разумно с врачами психиатрического застенка, не объявлять сухую голодовку и «непродуманными заявлениями» о желании продолжить борьбу с системой не мешать им меня спасать.

1988 год. Честный правозащитник Татьяна Великанова говорит мне, что Декларация ДС нехороша, потому что мы идем на полную конфронтацию, а Лариса Богораз письменно называет ДС «безответственной организацией».

В коридорах Белого дома, уже после освобождения, на мою просьбу сделать что-нибудь и спасти сидевших тогда в тюрьме анархистов Родионова и Кузнецова, бывший диссидент, ныне государственный муж Сергей Ковалев ответил: «Где же будет правовое государство, если я своим заступничеством подействую на суд?»

Вся история 60—70—80—90-х — история жертвоприношения Авраама. Отцы готовы закласть своих детей по воле государства из страха ради сохранения жалкого статуса-кво частичных репрессий. Дети сделали свои выводы. Появилось последнее поколение. Поколение детей, которым не суждено стать отцами, поставившее все на красное против черного в рулетке «Свобода или смерть». Эти дети, тинэйджеры 80-х и 90-х, не приняли позора перестройки и спрятали руки за спину, чтобы случайно чего-нибудь не получить от власти. Мир отцов, волхвы которых (Горбачев, Ельцин, Попов, Собчак, Шеварднадзе, Яковлев) служат для них антиориентиром (что-то вроде знака «Проезд закрыт»), им ненавистен. У отцов были вопросы («Что делать?», «Кто виноват?», «Куда идти?», «С чего начать?»). У детей — одни только ответы. Война объявлена, претензий больше нет. Аксенов сказал, что судьбе угодно было провести Россию через великую кровь к великой лжи. Дети восстали на великую ложь и намерены разрушить мир, выстроенный на ней, до основанья.

Поколение детей третий год стоит у памятника Юрию Долгорукому и на Пушкинской площади. Пройдите мимо и почитайте лозунги детей, которым не быть отцами.

Кто хочет жить, кто весел,
кто не тля,
Готовьте ваши руки
к рукопашной,
А крысы пусть уходят с корабля —
Они мешают схватке
бесшабашной.
(Высоцкий)

Таков общий смысл.

Этих детей нельзя посадить, нельзя принудить, нельзя заставить работать на каторге. Их можно только убить. Они в неволе не то что не размножаются — отказываются жить. Они одни РАЗОЧАРОВАННО ушли 23 августа от «Белого дома», не дождавшись танковой атаки. Они обрадовались «чрезвычайщине» не потому, что были «за», а потому, что надеялись на открытый бой со злом. А зло, воплощенное в отцах, пересело из язовских танков в ельцинские покои, из крючковского кресла — в бакатинско-савостьяновское, из указов Янаева переселилось в приказы Руцкого. Дети не заплакали, а расхохотались. Отлично! Революция впереди. Несовершенная революция всегда самая прекрасная. Да сгинет день, в который СССР родился, и ночь, в которую сказано было: ныне зачат советский человек!

Вас возмущают секс, стриптиз, гомосексуализм? Ах, благородные отцы, это же отдача! Я этим тоже не занимаюсь, но как я это понимаю! Это ответ на ваши Антисексуальные оруэлловские Лиги, на кодекс молодого строителя коммунизма, на разбор личных любовных дел на партсобрании, на статью в УК о мужеложстве! Вы сажали за порнографию — она вас найдет в каждом подземном переходе, в каждом видеосалоне! Сажали за пропаганду насилия — с нунчаками будут ходить. Построили ЛТП — будем пить на Красной площади. Идет благословенная отдача, и немеет плечо, и кружится голова. Вы запретили ходить с оружием? Сколько? Пять лет? Достанем назло. Попробуйте нам что-нибудь еще запретить! Всё сделаем наоборот. В мире отцов нет ничего святого. У нас свои святыни: Честь, Совесть. Верность, Радость, Храбрость, Баррикады, Революция. Мы не будем жить ни при вашем строе, ни при вашей перестройке. Нас возьмут только мертвыми. Мы никогда не станем мстить, казнить, карать, потому что слишком дорожим своей ненавистью и не хотим прощать. Чурбанов после советской каторги никому ничего не должен. Мы не хотим стать палачами палачей. Мы хотим сохранить право не подавать им руки. Не здороваться. Ни кары, ни прощения. Той жизни, которую вы нам оставили в наследство, уважаемые отцы, нельзя простить. Мы строим свою Вавилонскую башню. До своих небес.

Конфликт поколений заканчивается на нас. Дальше или ничего не будет, или все будет большое, чистое и настоящее!

Наш проект умещается на узкой полоске ватмана. Там написано: «Да свершится справедливость, даже если погибнет мир».

КРЕЩЕНИЕ ОТ ЛУКАВОГО

«Хозяин», № 2 (34), январь

Я человек не очень набожный, но верующий. Так что в вопросе о нынешней христианизации Руси в стиле модерн я лицо заинтересованное. И если вы меня спросите, что я испытываю, видя такое рвение властей и наблюдая за Борисом Николаевичем Ельциным, выстаивающим службу в Успенском соборе, а также какие чувства меня обуревают, когда я слышу о молебне на тему «Об избавлении отечества от тоталитаризма», я отвечу одно: ужас. И за отечество обидно, поскольку оно еще барахтается в этом самом тоталитаризме. И за христианство страшно, потому что далее, видимо, начнут молебны за приватизацию и либерализацию цен служить, а политология пополам с религией гораздо хуже, чем манная каша пополам с малиновым вареньем.

«Кесарево кесарю, а божие Богу». Это следует так понимать, что не нужно возвышенные истины втаптывать в житейскую грязь, да еще в нашу советскую грязь. С Богом не заключают бартерные сделки, и вообще Христос — это, слава Богу, не от мира сего. Тем и интересен.

Я допускаю, что когда-то купцы освящали свои лавки по глубокой вере. Но что нынешние кооперативы освящают не по благочестию, а потому что мода такая, — это я голову даю на отсечение.

Не понимают бедные вчерашние коммунисты, в какую неприятную историю впутываются. Маркс и Ленин, мирно лежа в своих гробницах, за оппортунизм не взыскивали. А христианство — это очень серьезно. Пока ты к нему непричастен — ответа не держишь, Страшный суд тебя не касается. А если сделался сопричастен, то загробная расплата неминуема, а это будет похуже, чем ленинский зачет. А поскольку наши власти специализируются на зле и добро принципиально отказываются сделать хоть кому-либо, то уж лучше им было остаться на уровне научного атеизма. Безопаснее...

Первое крещение Руси было актом государства, а не побуждением сердца. Крестили в лучшем случае дубинками. Всё это происходило вне благодати, вне личного выбора, вне общения с небом. По знаменитой сатире графа Алексея Константиновича Толстого, по главе о Владимире Красном Солнышке:

Он вдруг сказал народу:
«Ведь наши боги дрянь.
Пойдем креститься в воду!»
И сделал нам Иордань...
Послал он за попами
В Афины и Царьград,
Попы пришли толпами,
Крестятся и кадят.
Поют себе умильно
И полнят свой кисет.
Земля, как есть, обильна,
Порядка только нет.

Это даже не сатира, а зарисовка с натуры. Христианство, которое мы восприняли, было грубым, жестоким и алчным византийством, религией кесаря, а не галилеянина, чудовищной пародией на то, что проповедовал Иисус Христос. Его царство было не от мира сего. А Византия ничего, кроме этого мира, знать не желала. Христос отверг «все царства мирские и славу их», а рабелепная, лакейская, придворная русская церковь отвергла Дух во имя мирской славы. Михаил Черниговский, святые князья Тверские — Михаил и Александр, Борис и Глеб, святой Сергий, митрополит Колычев были не правилом, но исключением.

Для такой церкви Владимир Соловьев, Бердяев и Лев Толстой могли быть только еретиками. Эта церковь приняла «святейший» Синод, согласилась выдавать тайну исповеди при Петре. Царевич Алексей сам себя отлучил от такой церкви, потому что веровал в Бога, и пошел на мученическую смерть. От этой церкви люди уходили в скиты, этой церкви они предпочли в XVII—XVIII веках самосожжение.

Такой церкви нетрудно было стать партийной и отречься от мучеников, которые предпочли катакомбы и эшафот. Тех, кто истинно веровал и действовал соответственно — против течения, против советской власти, ибо христиане, сатане не подданные, — убивали и бросали в тюрьмы.

Мы получили в наследство от коммунизма развращенную, сервильную церковь и священников, которые, позабыв пройденные ими крестные пути лагерей, охотно вошли в ВС всех сортов, то есть встали на путь грешников. Когда я вижу священника — депутата Совдепа, мне хочется воскликнуть: «Чур меня!» Сначала они молились на Горбачева, теперь поклоняются Ельцину.

Здесь надо выбирать: кумиры или Христос. Настоящая вера и сегодня гонима, и сегодня не выходит из катакомб, ибо не идет на сделку с совестью и властью.

Мы далеки от христианства как никогда. Христианство — это интеллигентность и любовь к человеку, и милосердие, и совесть, и чувство вины. О каком христианстве можно говорить в стране, которая официально отмечает как траурный День политзаключенного СССР, не выпустив из тюрем и лагерей политзаключенных? Впрочем, мы и вне язычества. Единственное, во что сегодня верует страна, — это золотой телец.

Я предпочла бы оказаться в положении первых христиан. У них отнимали жизнь, но не веру. А наши верования брошены на поругание советскому официозу, который, кажется, вознамерился сделать христианство, на его несчастье, государственной религией. Когда я вижу важных деятелей Совдепии, необольшевиков позирующими для телекамер в храмах, то мне кажется, что монголо-татарская конница, устроившая конюшни в этих храмах много веков назад, оскорбляла наши святыни меньше.

И вообще здесь, как и во всем, мы действуем по принципу (на этот раз в прямом смысле): заставь дурака Богу молиться, он себе и лоб расшибет. За нашими священными книгами товарищи (не господ же!) депутаты давятся, отпихивая друг друга, как за дефицитом в магазине, на потеху тележурналистам, лишь бы схватить даровой сувенир со съезда.

Я считаю, что до крещения Руси, в VIII веке, мы не были дальше от христианства, чем теперь, под звон колоколов. «Но да будет слово ваше: "да, да", "нет, нет"; а что сверх этого, то от лукавого». Но нас интересует именно то, что от лукавого: поза и позерство.

Очень хочется втереться в приличное общество, притворившись христианами и демократами. Но увы! «Позолота вся сотрется, свиная кожа остается». Советская власть решила в этом году отметить Рождество Того, кого она

каждый день распинает заново: с каждым политзаключенным, с каждым униженным и оскорбленным. Можно вообще сделать нерабочими все дни церковных праздников, но не стать ближе к христианству. Бог в добрых помыслах и добрых делах, а нам лучше не призывать его понапрасну, не искушать судьбу, а то он, чего доброго, займется нами вплотную и поступит с СНГ, как с Содомом и Гоморрой.

Что до церкви, то она на гибельном пути. По словам Владимира Соловьева, некогда РПЦ замахнулась на государственный венец и взяла для защиты его в руки государственный меч. После чего ей только и осталось, что надеть государственный мундир. У нас она начинает с мундира. А остальное всё приложится.

ГОСУДАРСТВО В ЗАКОНЕ

«Юридическая газета», №2 (20), январь

Не правда ли, закон — понятие не мирское, а возвышенное и возвышающее? «...Но вечный выше вас закон». Он стоит выше людской разноголосицы, выше суетной корысти, он — вечный арбитр, судия, а мерило ему — божественные христианские заповеди. Исходя от Бога, закон добр и суров. Он справедлив — а значит, мудр, он выше страстей и является общечеловеческим критерием в человеческих отношениях.

Если вы со всем этим согласны, то будьте последовательны до конца. Признайте, что все советские суды должны быть немедленно закрыты, а тюрьмы и лагеря, наоборот, раскрыты настежь, МВД и КГБ (то есть АФБ*) распушены, а все экземпляры УК сданы в архив или выброшены на помойку.

Вы спросите почему? Да потому, что легитимность правосудия должна опираться на легитимность и оправданность власти. Если же правосудие осуществляется от имени государства, попирающего все законы человеческие и божеские, то в этом случае и правосудие искривляется до пародии, до карикатуры.

Государство может быть пастырем добрым, который жизнь свою полагает за овец, а может быть (как у нас) волком, который этих овец режет.

* Агенство Федеральной Безопасности.

В таком случае отношения хищника и жертвы исключают всякий арбитраж, то есть суд и право.

Мало того, что наше достославное государство десятками миллионов уничтожало своих кротких подданных, мало всех топок, бетономешалок и мясорубок, в которых с 1917 года эта власть уничтожала народ, мало того, что 74 года здесь право зиждется на нехитрой формуле: «У сильного всегда бессильный виноват» — так ведь и по сей день всё продолжается в том же духе.

От себя никуда не уйдешь, хоть ты обзовись Содружеством независимых государств, хоть Лигой Наций. «Совок» «совком» останется, тем более что на клетке меняют таблички, а за прутьями — всё та же старая, знакомая, родная, облезлая, но агрессивная до ужаса тоталитарная зверюга. С таким пассивом государство никого судить не может, ибо подлежит само Страшному суду.

Основанием права является обоснование права государства и его народов на существование. Я лично не вижу пока таковых резоннов; и если народ мне жалко, то государство — ничуть. Наше прелестное государство не только бесполезно, оно еще и вредно в мировом масштабе, потому что, кроме преступлений против человечности, малярии, подлости, грязи, вранья, танков и ядерных боеголовок, мир ничего хорошего от СССР — СНГ не видел. Кому нужен паровой каток для того, чтобы давить всё вокруг? Кому нужен бульдозер для сноса лучших достижений человечества? Кому нужна выгребная яма, претендующая на роль мессии?

Что до народа, то народ, добровольно ползающий на брюхе перед любым хозяином, как дворовая Жучка, неспособный даже укунить бьющую его руку, добровольно вымирающий от голода в ГУЛАГе, в Поволжье в 20-х годах, в 90-е годы XX века (что уже скоро начнется), сам отказывает себе в праве на существование.

Динозавры вымерли, и никто не пожалел (много злости и мало ума), homo sapiens вымрет, и никто не заметит, только вздохнут с облегчением. Итак, государство-преступник не вправе никого судить. Находящийся под судом в кресле судьи пребывать не должен. На месте воров, убийц и грабителей я бы в заседании суда заявила: «Не вам меня судить. Я убил одного, вы — 66 миллионов. Не вам выносить мне приговор. Я украл на двадцать тысяч, а ваше государство ежедневно обкрадывает народ на миллионы».

Давайте проверим, где нынешние отцы отечества подвизались в былые, еще не поросшие быльем годы. Господа Ельцин, Руцкой, Хасбулатов, Шеварднадзе, Яковлев, Попов, Собчак не посмеют отрицать свою принадлежность к партии и даже зачастую руководящие должности в преступной партии, которую они распустили, чтобы лучше замести следы. Власть в Совдепии — это причастие, но не святое, и не кровью Агнца, а кровью народа. И я не вижу правовых оснований сажать в тюрьму Лукьянова, Крючкова и К° за последние хронологически преступления при безнаказанности Горбачева и его клеветов за предыдущие.

Кого покарали за Вильнюс? Крючкова и Язова? А что делал наш президент? Что-то я его на митингах протеста в январе с плакатом не видела.

Зато слышать многое довелось. Например, клятву Б.Н.Ельцина над гробом Сахарова освободить всех политзаключенных. Клятвопреступник у власти — это для России традиционно, но противно.

И неужели пепел замученных диктатурой не стучит в сердце бывшего секретаря Свердловского горкома КПСС? Партия мучила при его соучастии...

И государства жесткая порфира,
Как власяница грубая, бедна.

(Мандельштам)

Может ли МВД защищать безопасность граждан и одновременно разгонять дубинками экологические митинги, арестовывая при этом депутатов, как это произошло в центре Москвы в День прав человека, 10 декабря? У нас ОМОН уже не просто карательное подразделение, а рэкетеры, штурмовой отряд московской мафии. Приказал Лужков заместителю Мурашова Никитину разогнать митинг «зеленых» у стен Моссовета и арестовать депутатов, его проводивших (не любит Лужков депутатов, они мешают ему вольно предаваться любимому занятию демократов советского пошива: экспроприации коммунистической собственности в свою пользу), ОМОН и приехал. Избитых депутатов затолкали в автобус, приволокли в 63-е отделение, обыскали и отпустили только через 3 часа. Очевидно, в грядущем новые «демократические» власти будут выяснять отношения друг с другом с помощью регулярных войск и баллистических

ракет. В нас бы не попали... А из Аркадия Мурашова пока жандарм, к его чести, не получается: не хочет митинги разгонять. Никак Лужков себе полицмейстера по вкусу не найдет: Комиссаров с преступностью собирался бороться, Мурашов хотя с преступностью и не борется, но и с народом бороться не хочет. А поскольку в мэрии у нас полный горком КПСС, надо ожидать, что найдут они себе начальника ГУВД, который будет бороться (не с преступностью, конечно, с народом). Тем более что здесь непонятно, кто преступнее: государственная власть или жулики и убийцы.

Если вы хотите мне возразить, что, мол, «черные дни миновали, час искупленья пробил», то я вам не поверю ни за что. Конечно, советский обыватель должен смиренно благодарить Горбачева за право читать Оруэлла и Солженицына, а Ельцина — за «Радио России», «Эхо Москвы» и еще кое-какие сувениры. Например, за «Юридическую газету», за смелую газету «Хозяин», за расшалившееся TV. Но это же обыватель! Не надо никогда быть обывателем. Мне-то за что благодарить? Я в 1969 году нынешний «потолок» уже предавала огласке. Правда, на листовках, правда, ценой немедленного ареста по 70-й статье УК РСФСР. И книги эти, даром вам доставшиеся, мы тиражировали (не сотнями, но десятками) и распространяли. Смерть была рядом, и лучшие из нас (Василь Стус, Анатолий Марченко, Илья Габай, Юрий Галансков) от нее не ушли. Но грязные уста власти не произносили наших слов («правовое государство», «демократия», «права человека»), грязные ее сапоги топтали нас, но не наши идеалы. Мы могли хотя бы достойно умереть, не рискуя получить посмертно звание Героя Советского Союза, как мальчишки у Белого дома, чью светлую память этим позорным званием попытался осквернить Горбачев. Мы, диссиденты «незамысленные», воинствующие и бунтующие, ничего этой власти не должны.

Да и перестройка не сахар, а для тех, кто честен до конца, медленная, поэтому особенно подлая казнь.

Ваша перестройка выпустила меня из Лефортовской тюрьмы? Так ведь через 20 дней опять на 2 месяца арестовали, 30 октября 1986 года, в День политзаключенного СССР, и держали в таких условиях, что вспомнить тошно, да еще и пыткам подвергали. Извинений я не принимаю.

Жить стало лучше, жить стало веселей?

Кому как... Каждый ли сможет выдержать за 3 года 17 арестов на 15 суток (7 месяцев и 3 недели), в камере, где на стенах лед, на голых нарах, с голодовкой, а зачастую и с сухой... Это предельная ответственность за простую человеческую честность, за право выйти на площадь и сказать правду. В конце этого марафона до смерти оставалось уже недалеко, а инвалидность, я думаю, мне получать уже сейчас можно — в 41 год. Сразу расстрелять — гуманнее. Я не жалею, я разясняю цену «бесплатной перестроечной свободы» для гражданина, а не обывателя. Сколько мальчиков и девочек из ДС покалечились в этих камерах на всю жизнь! Катя Подольцева навсегда испортила желудок, Саша Элиович едва не стал инвалидом в 26 лет.

Пока вы благословляли перестройку, другие за вас платили.

В 1988 году КГБ возобновил против меня дело по 70-й статье; в 1991 году (в марте) судили за хрустальную честь и кристальное достоинство Горбачева и сожженный красный флаг; в том же году, в мае, посадили на 3 месяца в Лефортово, опять по статье 70-й. Три раза семидесятая за 23 года революционной деятельности — неплохой результат! Чаю ее и от Ельцина. И если я сейчас не в тюрьме, то только потому, что меня можно убить, но не лишит свободы. Смертельная голодовка — и всё. Советская власть знает, что я жизнью не дорожу.

Вы готовы отстаивать свою свободу такой ценой?

До сих пор Самарский КГБ не отдает паспорт моему товарищу Юре Бехчанову (та же 70-я статья), до сих пор прокуратура и милиция бегают за двадцатилетней Леной Авдеевой, которая не отбывает 2 года исправительных работ за того же Горбачева. За митинги, кроме арестов, я набрала около 5000 рублей штрафов (и их, естественно, не плачу). Так что не пойте мне сладких песен о перестроечных садах. Не поверю.

Это государство вправе говорить о законе лишь в том аспекте, в котором говорит о нем «вор в законе». Но воровские законы соблюдать не обязательно, так же как и законы СССР (СНГ). Есть 10 заповедей, есть Декларация прав человека, есть Пакт о политических и гражданских правах. И хватит. А что же делать с преступниками? Создавать отряды самообороны, иметь свое оружие. А что делать с государством? Это сложнее, но и здесь есть своя технология.

Начать со всеобщей политической стачки. И вообще вспомнить классику. Франция, 1793 год, Декларация прав человека и гражданина.

«Когда правительство нарушает права народа, восстание для народа есть его священнейшее право и неотложнейшая обязанность».

ЦАРИ, Я МНИЛ, ВЫ ВОГИ ВЛАСТНЫ...

«Хозяин», № 4 (36), февраль

В нашей еженедельной бочке дегтя* едва не оказалось на десерт лакомство в виде чайной ложечки меда: в Грузии произошла демократическая революция. На этот мед, как водится, слетелись пчелки из средств массовой информации и стали жужжать на тему о недопустимости свержения законно избранных тиранов.

Трудно с ними не согласиться: если народ избрал президента, то как же потом оспаривать право этого президента свозить к себе домой бенгальских тигров из тбилисского зоопарка, пытаться в подвалах парламента своих противников, сажать в тюрьмы оппозицию, объявлять врагами народа журналистов и интеллигентов? На то и выбирали. Сказал же еще Иван Грозный: «Мы, великий князь и государь, в своих холопах вольны».

В свете этих оценок, щедро даваемых «Вестями», следует похвалить немецкий народ за его лояльное отношение к Гитлеру и нацистам: законно избрали и терпели до конца. Правда, здесь вызывает нарекания неэтичное поведение советской армии и ее западных союзников, которые вмешались в исторический выбор немецкого народа и свергли вооруженным путем законно избранных фашистов. Заодно внимательного слушателя осенит догадка: а нет ли личных мотивов в странном отношении российских официальных источников к революции в Грузии? Ведь и Борис Николаевич законно избран! А вдруг и его действия народу не понравятся! Чужая душа — потемки: мы-то не знаем, кого там они планируют посадить или расстрелять, официозу виднее.

* Колонки В.И.Новодворской выходили под рубрикой «Бочка дегтя».

Вообще по части прелестной непосредственности у Звиада Константиновича и Бориса Николаевича много общего. Один требует, чтобы американский народ Буша переизбрал, другой немцев «товарищами» называет. Товарищи-то они товарищи, но вот жить он их посылает на полигон (хорошо хоть не сразу в Куропаты) или на Дальний Восток. Впрочем, у «товарищей» такие отношения традиционны. В ответ немецкие банки, между прочим, приостановили платежи по кредитам (немецким же). Так что «война народная» на этот раз закончится не взятием Берлина.

Так почему мы лишились ложечки меда? А потому что Военный Совет Грузии наступил на грабли. Гамсахурдиа пожалели, отпустили невредимым даже во вред себе — это плюс. Демонстрации запретили — это минус. Советские войска призвали на помощь и назвали «не оккупационными» — минус. Не может один «ограниченный воинский контингент СА» совершать дрейф от «советских оккупантов» к «советским воинам-освободителям» в зависимости от конъюнктурных потребностей «национально-освободительных» движений. Выбирай себе, дружок, один какой-нибудь кружок!

Так что облизнулись и забыли. Остаемся на дегтярном пайке.

О ЛЮДИ! ЖАЛКИЙ РОД

«Хозяин», № 5 (37), февраль

Корни борьбы республик за суверенитеты были горькими (национальное унижение, аресты и сроки диссидентов, выкорчевывание общеимперским конформизмом национальных языков), но и плоды оказываются не слаще.

Суверенная Украина недавно обеспечила тщеславие своего личного президента Леонида Кравчука законом об оскорблении не только его чести и достоинства, но и соответствующих добродетелей его супруги. Удивительно, что не подумали о наследнике. Законы Российской империи, от которой Украина мысленно все еще не может отделиться, предполагали ответственность и за это. Украинские радикалы, недавно предлагавшие российским коллегам

политическое убежище из-за репрессий, явно поступили легкомысленно: как бы им самим не пришлось спастись бегством из барака своего суверенного концлагеря.

Порадовала свободных молдаван и Молдова: за оскорбление президента Снегура и его ближайшего сподвижника по парламенту назначено 5 лет. Всего на год меньше, чем за Горбачева. Если весь смысл отделения был в том, чтобы сидеть 5 лет за плохое отношение к своему суверенному президенту, а не 6 лет за аналогичное отношение к общесоюзному, то это, конечно, дело вкуса, но, по-моему, нечего было огород городить. К тому же за «нарушение территориальной целостности Украины» полагается 10 лет. Какой номер будет у украинской статьи УК, карающей вполне советским сроком сепаратистов? Что ждет Вячеслава Черновила и радикалов из Галиции?

В Приднестровье за попытку отделения кое-кто уже сидел... в суверенной, отделившейся тюрьме.

Не радуется и Литва. Во время своего визита в Москву господин Ландсбергис наградил Б.Н.Ельцина медалью, которую условно можно назвать «За оборону Литвы». Наверное, это первый случай в истории, когда президент державы, которая еще не вывела оккупационные войска с территории некоей страны, награждается высшим должностным лицом этой страны за борьбу за национальную независимость таковой страны. Медаль Ельцина вслед за Нобелевской премией Горбачева вполне может украсить наш музей незаслуженных наград. Те, кто защищал в составе «интернациональных бригад» литовский парламент или шел под дубинки ОМОНа на российских демонстрациях протеста 23 августа и в январе, этой награды не удостоены. А танковые части в Северном городке, видимо, находятся в Вильнюсе на поселении, ибо свое странное нежелание выводить их из Литвы маршал Шапошников объясняет тем, что им, войскам, больше жить негде... К тому же в Литве есть грозный, хорошо нам знакомый закон об антигосударственной, подрывной деятельности (своя статья 70-я).

Можно уйти из СССР, но советские стереотипы советские люди обязательно унесут на подошвах своих сапог.

ГОРЕ ГОРЬКОЕ ПО СВЕТУ ШЛЯЛОСЯ И НА НАС НЕВЗНАЧАЙ НАВРЕЛО*

Впечатления от российской власти

Наихудшая власть — это та власть,
которую народ презирает.

Лао-Цзы

Из всех «революционных» правительств, которые знавала история, это, бесспорно, самое контрреволюционное. Но без термидорианского зловещего шарма. Просто душат подушкой. Мягко и без лишнего шума.

Самые ощутимые результаты «августовской революции» — это то, что до власти, наконец, дошло, что разумное, доброе и вечное, вместо того чтобы его расстреливать на площадях и гноить в казематах, целесообразнее просто положить под сукно, а если будет упорствовать, задушить подушкой. Правда, это насчет своего. А с чужим можно бы разобраться по-прежнему, если, конечно, чужое позволит. А позволяет оно не всегда. Случай с неудачным покорением Ельциным Кавказа очень четко это продемонстрировал. Сильное и доброе правительство признало бы независимость Чечни добровольно. Сильное и злое залило бы крошечную страну кровью. Слабое и злое попыталось «не пущать и запороть» и стало вяло разыгрывать вильнюсский вариант. Столкнувшись с неслыханным на советской почве массовым всенародным чеченским Сопротивлением, неубедительно оправдываясь и бессильно, но злобно огрызаясь, империололюбивое воинство было депортировано на автобусах за пределы освобожденной от демимпериализма территории, а его отцы — командиры из Белого дома сделали плохую мину при плохой игре: свалили всё на лживых информаторов. Интересно, что нынешняя российская власть черпает информацию там же, где и предыдущая: из циркуляров и докладных записок. О существовании

* Рукопись из архива В.И.Новодворской. Полностью публикуется впервые. Частично текст вышел в еженедельнике «Собеседник» под заголовком «Смело, товарищи, в доску!», № 6, 1992 г.

сорвавшейся с цепи прессы, такой как «Коммерсант», «Огонек», «Московские новости», «Хозяин», «Собеседник», власть, видимо, не знает. Нелегальную литературу («Ежедневную гласность» и «Экспресс-Хронику») не читает, голоса «из-за бугра» не слушает. Поэтому наступает на все грабли, которые валяются на дороге. Не дай бог бравый генерал Руцкой вспомнит о покорении Альп или взятии Суворовым Измаила и пойдет воевать за Босфор и Дарданеллы.

Всё это живо напоминает последнего российского царя, тоже слабого, но любителя попадать в разные переpleты то на японском, то на германском флоте. Собственно, у нас насчет положительных примеров вообще исторический выбор небогат. Кого копировать? Большевиков или царских сатрапов. Не первых, так вторых. Нынешняя власть к последнему варианту и склоняется. Хотя я бы не рекомендовала: царские сатрапы плохо кончили. Большевики, впрочем, тоже. И вообще будущее принадлежит демократии. Только мы до этого будущего с нынешней властью в пассиве вряд ли доживем. Погибнем по дороге в никуда. Хорошо еще, если с честью, как у Белого дома в августе. А если с голода — то это не престижно. Если вспомнить любимую всеми нами марксистскую классику, то российская власть является империалистической по сути и ордынской по форме. Почему империалистической, надеюсь, понятно: СА из республик не выводят, даже из Балтии не торопятся, ядерное оружие и флот к себе тянут, ССГ вместо СССР наскоро сварганили, Кавказ покорять полезли. А почему ордынской? А потому, что по форме наш российский империализм — вообще Московская Орда, наследница братских Золотой, Крымской и прочих.

Цивилизовывать колонии мы никогда не умели, не Рим все-таки... Только и делали, что грабили и разоряли без всякой пользы для себя. Советская внешняя политика — типичное монголо-татарское нашествие.

Перейдем к экономике. Вообще с самого начала было проблематично, что рабская страна, не встав с колен, может возвыситься до капиталистических отношений, требующих некоторой независимости и достоинства личности, и что у нас будет какой-нибудь другой рынок, кроме невольничьего. Страна ничего, кроме оружия, не производит: ни продуктов, ни одежды, ни прочих «ширлей-мырлей» по Зиновьеву. Рынок торгует платьем голого короля. Волнует

ли это российскую власть? Или ее представители в Белом доме и на местах никогда ничего не читали о фермах, кулаках, середняках, мануфактурах, лавочниках, фабрикантах, купцах? У меня создается впечатление, что нынешняя российская власть сейчас пребывает в таком же ослеплении насчет экономики, как большевики до НЭПа, с 1918 по 1921 год. Сейчас нам кажется странным, что Белый дом гробит экономику, не культивируя кулака, лавочника и фабриканта. А то, что большевики делали, разве не странно? Более чем. Продразверстка, продотряды, военный коммунизм... И никого не слушали, перли по бездорожью, пока не споткнулись о Кронштадт и крестьянскую Жакерию. Похоже, что на российскую власть действуют только эти доводы; ни политологи, ни экономисты, ни журналисты, ни здравый смысл им не указ.

Абсолютная, бесконтрольная власть, помноженная на абсолютное невежество, плюс абсолютная самоуверенность в итоге дают абсолютный крах.

Да, капитализм — это имущественная дифференциация. Да, богатые и бедные — это неизбежность. Но богатые — это самые образованные, самые ловкие, самые оборотистые, самые талантливые. На Западе по крайней мере. А не бывшие аппаратчики, благополучие которых куплено кровью и слезами, сегодня под эгидой российской олигархии приватизирующие Россию в свое единоличное удовольствие. Я обожаю капиталистов и желаю нажать не только миллион, но и миллиард таким, как офтальмолог (не путать с дальневосточным аппаратным бонзой) Федоров, Марк Захаров, Артем Тарасов. Но видеть вчерашних, сегодняшних и завтрашних палачей народа в роли капиталистов я не хочу. Кстати, и в качестве правителей они мне лично не подходят.

Несчастен тот народ, который в будущее ведет его позорное прошлое; который не смог и не захотел найти для своего Возрождения ни одного человека, не запятнанного преступлениями тоталитарной системы; народ, у которого нет ни Гавела, ни Черновола, а есть только Ельцин, Горбачев, Шеварднадзе и Станкевич. С таким камнем на шею невозможно не пойти на дно. Все мы в юности читали Гегеля и знаем, что каждый народ достоин своего правительства. Российская власть, пожалуй, даже слишком хороша для народа-богоносца: он терпел безропотно и Брежнева, и Андропова, и Хрущева, и Сталина.

Российская власть не освободила всех политзаключенных? Ну так ведь и народ что-то не устраивает стачек по этому поводу... Российская власть не отменила смертную казнь? Так ведь и абсолютное большинство народа против ее отмены. Российская власть не уважает личности? А сколько у нас личностей и сколько рабов? Кто вышел на площадь в августе, а кто стерпел бы и Язова с Пуго? Подсчитаем — прослезимся...

Что же до легитимности, то здесь можно себя не утруждать. Российская власть не может быть законной не только потому, что не прервана преемственность 25 октября 1917 года, но еще и потому, что никакой легитимности выбор такого народа не дает. Если страна вечных политических недорослей просит ею владеть, то таким избранием гордиться не стоит.

Поэтому сделаем неожиданный вывод: российская власть — это глубоко, в доску народная власть. Производное от народа, прямо-таки из ребра народа. А все прекрасные вышеперечисленные свойства народа сделают эту власть еще хуже, чем она есть. Ибо такой народ будет ТРЕБОВАТЬ только корма. И взирать с неслабеющей тоской в светлое социалистическое вчера, где были еда, держава и крепкий сон без сновидений.

Поэтому мне жаль российскую власть, которая пытается найти брод в огне. А в огне брода нет.

Обыватель рано или поздно сменяет «Коммерсант» и «Собеседник» на колбасу (и ее не получит).

Интеллигенция не поддержит глупость без совести. А поддержка чиновников недорого стоит, они легко предают. Так что наше горе — наше детище. И набрело оно на нас по заслугам.

И пропадем мы бесславно, и Гомер нас не воспоеет. Российская власть — наше зеркало, наша гражданская несостоятельность, мера нашего ничтожества и вырождения.

Мне нечего сказать в защиту российской власти.

Мне нечего сказать в защиту народа.

Эта статья — очная ставка для тех и других, ибо каждый гражданин — общественный обвинитель своей эпохи, «своей» власти, своего народа; каждый журналист собирает на свое время компромат, а каждый революционер — неумолимый судья для прошлого и настоящего своей страны.

ДЕМОКРАТИЯ — ЭТО ВАЛАГАН

«Сокол Жириновского», № 2

Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией куцей,
А вот у поэта всемирный запой,
И мало ему конституций!

Блок, «Поэты»

Если вы про разумную, рациональную и в силу этого похоронно-унылую организацию общественного бытия, то есть про полное корыто первосортного пойла и про прошедшего подготовку на курсах менеджеров пастуха, и про то, чтобы чаще стригли, чем резали, и про курсы, где будут обучаться овчарки из правоохранительных органов, то есть, простите, полицейские, и про исправительные заведения для волков, — то что об этом говорить, если это есть в избытке на Западе? Я за это всю жизнь борюсь, ну так позвольте мне хотя бы об этом кошмаре не думать. Я еще не потеряла надежды, что до этого не доживу.

Я про демократию хочу поговорить, про демократию, которой нет нигде и, может быть, никогда не будет, и, скорее всего, не надо, чтобы она была. Про демократию, которая никому не нужна, кроме поэтов, артистов, инсургентов и заклинателей змей, то есть прежде всего — российской интеллигенции.

И не соль она, и не сахар, и не дрожжи, и не пряности, а что-то еще, что-то производное от всего этого, какой-то вирус, духовный СПИД, дефицит инстинкта самосохранения. Демократия — это всегда желание «по своей глупой воле пожить».

Достоевский демократию не любил, но предчувствовал и боялся, поэтому и запечатлел в своем собрании сочинений. Однако в патриархальном обществе демократам не разгуляться, вот они у него и стреляются, вешаются, идут на «мокрые дела» или сходят с ума.

Наша русская интеллигенция (кроме надутых индюков из почвеннического крыла) всегда была камикадзе, всегда сладострастно пилила сук, на котором все (и она в том

числе) сидели, всегда жертвовала синицей в руках ради журавля в небе, всегда подрывала свои устои и сжигала за собой мосты, и не только за собой, но и под собой. Третий Рим пал из-за наших саперных интеллигентских работ. И не жалко, туда ему и дорога. Он слишком много о себе воображал и принимал себя слишком всерьез. Этот мыльный пузырь мы прокололи, и истекли кровью в смуте, и легли головой под трактор. А сейчас мы потрошим Четвертый, советский Рим, и шлепаются на мостовую красные знамена, имперские комплексы, ленинские памятники, и разбирается на кубики евразийский колосс, как при играх в детский конструктор. Очень хочется вытащить все реечки и детальки и сложить обратно в мировую коробку — пусть берет кто хочет наши тоталитарные вотчины. В старину нас, интеллигентов, называли ворами за вечный бунт. И воровали мы на Дону, на Яике, а то и в Москве. И грех не воровать, то есть не бунтовать, на Святой Руси.

СССР взорвался и загорелся, и пусть догорит ясным пламенем. Демократия и империя — две вещи несовместимые. Так же, как демократия и истеблишмент. Для меня нет демократии ни в Конгрессе, ни в Сенате, ни в супермаркете, а живет она на Бродвее, в бунте парижских студентов 1968 года, в хиппи, панках, рокерах, партиях геев и лесбиянок. Сексуальные меньшинства были всегда, но чтобы они политические движения оформили — это уже конец света.

Итак, демократия — это конец света. А нам, русским, белый свет не мил от тысячелетнего нашего Рейха. Поэтому именно с нами легче всего сейчас завести первую в мире бездомную, безземельную и незаконную демократию.

У поэтов есть стиль, школа, правила игры. Но законов для нас нет. Мерси, с нас хватит ваших законов. Манифест демократии — это радищевское: «Закон мой — воля есть моя». Мы наконец становимся нацией анархистов. Кто там про стабильность, новый порядок, жратву? Кто там шагает правой?левой!левой!левой!

Тоталитаризм — это долгая зима. А у нас масленица. Сожжем зиму! Зима умерла (хотя бы в нас, поэтах). Мы слишком долго проспали в берлоге и вот мы вылезаем, голодные, злые, облезлые, и разминаем члены, и пляшем на лужайке, и готовы задрать любую встречную власть. Это наши комедицы. Долой православие вместе с РПЦ,

они такие зануды! Да здравствует вечное язычество нашей культуры, наш жизнерадостный пушкинский карнавал, где торгуют «Темной», порнухой, Булгаковым, Библиями, «Днем» и «Независимой»!

Надеюсь, вы теперь поняли, почему мне в кайф напечататься в «Соколе Жириновского»? Жириновский — это милый старомодный Тарталья нашего российского «Комедияль Арт». И разборки здесь выглядят глупо. В балагане всё дозволено, кроме крови и глупой спеси. Работает Жириновский под Бармалея из фильма Ролана Быкова:

Я кровожадный, я беспощадный,
Я злой разбойник Бармалей!

Вам страшно? Мне не очень. Значит, выходит, что Жириновский в нашем балагане — демократическое явление.

А вот то, что Горбачев и Ельцин не удовлетворились присущими им ролями Бригеллы и Панталоне, а полезли в президенты, — это уже не балаган, а александрийский стиль, и, значит, не демократия.

Пока Жириновский не у власти, он для меня часть демократии. А вот если он к власти придет, солоно ему придется от передового отряда демократии, анархистов и дээсовцев. Прийти к власти в России — все равно что заболеть проказой. Все разбегаются (приличные люди, конечно), чтобы не заразиться. Власть — это звезда Полярная, которая падает на источники жизни и делает жизнь горькой. Сейчас наша интеллигенция (прикормленных властью лакеев я не считаю за таковую) — самая демократичная в мире. Мы абсолютно не уважаем власть, мы шлем ее в болото, у нас нет государственных святынь. Государство — это то место, которое для нас пусто. Похоже, что в России больше никогда не будут уважать власть и вешать национальные флаги на свой свинарник. После экспериментов с Николаем II, Павлом I, Петром III, Григорием Отрепьевым и всеми самозванцами, после того как на свалку отправились тени Ленина, Сталина, Хрущева, Брежнева, после всех наших анекдотов и походов нового Кота в сапогах и Маркиза Карабаса в одном лице — Горби, после канонизации идеи власти в национально-патриотическом образе Иванушки-дурочка и царя Бориса в собирательном явлении ельцинизма, ельциноидов и Ельцина — какое уж тут уважение!

Мы жизнерадостно пилим свой сук. Слышите, как звенит пила? Видите порхание разных газет — той тучи опилок? Интеллигенция подрядилась пилить все суки под собой и государством, стягивать за ноги в партер с исторической сцены любую чванную власть.

Я поверю в демократизм власти только тогда, когда наших Петрушек не будет тузить ОМОН (в балагане допустим клюквенный сок, но не кровь, пролитая 23 февраля), когда Кремль перестанут охранять люди в военном и штатском, когда не будут сажать анархистов, когда Лукьянов будет писать стихи не в камере, а дома, Язов — мирно играть в солдатики у себя в гостиной, в Крючков — шпионить за соседями по дому, а не отвечать за государственную измену. Подумаешь, фря какая — это государство! Уж и изменить ему нельзя... А у любви, как у пташки, крылья... Я лично изменяю этому государству направо и налево. То с Литвой, то с Чечней. Как говорится у Пушкина: «Старый муж, грозный муж, режь меня, жги меня»...

Когда президенты будут ходить в джинсах, обедать в кабачках и бегать по киношкам — тогда я скажу про наш сук: можно перестать пилить. И мы перекуем наши пилы на орала. А пока наши когти остры. Не могу видеть тех надутых индюков в черных «ЗИЛах», которым нужен персональный самолет и которых приходится встречать с оркестром. К чертям Бушей, Миттеранов и Ельциных!

Итак, господа фундаменталисты и друзья народа, мы будем мочить любую власть, засыпая ее лозунгами, конфетти и полным нежеланием принимать ее всерьез и платить ей налоги. В ваш пруд мы обязательно будем бросать камни, пока все ваши лягушки не заквакают. Бродячие комедианты, каковыми являются все истинные демократы, хорошие товарищи и добрые, светлые люди. Они коронуют шутов и терпеть не могут королей. Конечно, если вы хотите крепко спать, вы должны нас уничтожить. А потом? Когда наедитесь, и напьетесь, и поимеете свой секс, и оденетесь, и разденетесь — не станет ли вам скучно? В наших руках и искусство, и пресса, и тайны бытия. Мы без вас можем, а вот вы без нас — никак. Так что включайтесь в карнавал. Гуляем от рубля и выше!

С февраля 17 года только второй раз мы так хорошо сидим. Это наш второй балаган за всю историю и, может быть, последний...

«СВОБОДА ДАРОМ НЕ ДАЕТСЯ»

Газета «Кавказский дом», № 1, 16 февраля

<...>

Корр.: Во время попытки ввести в Чечено-Ингушетии режим чрезвычайного положения вы выступали перед пикетчиками у Белого дома в Москве. Как вы расценили события ноябрьских дней в Грозном?

В.Н. Ельцин очень быстро продемонстрировал свои истинные намерения, маски все слетели, и, на счастье Чечни, она оказалась гораздо лучше защищена, чем все остальные более обширные части империи. Еще Ликург сказал, что хорошо защищен тот город, который окружен не кирпичами, а мужами. Если всё население готово взять оружие от мала до велика и защищаться, то здесь, в общем-то, танки не помогут. Ну а потом, не везде есть генерал Джохар Дудаев, который не дорожит жизнью и совершенно не собирается договариваться с оккупантами, просить их, чтобы они вели себя демократично, конституционно, чтобы они там куда-то отошли. А вот без всяких просьб блокировать на аэродромах и дальше не пускать, ну а потом, элегантно так, угостить, отправить обратно в автобусах, а самолеты оставить себе: в хозяйстве пригодятся, шлите, мол, еще, у нас лишними не будут.

Это совершенное было очарование, и поэтому, как только услышали про это, мы нарисовали быстренько плакаты и побежали вместе с анархистами к Белому дому. И там объяснили собравшимся, что свобода даром не дается, что добывается она только в бою с этим режимом, что с Ельциным разговаривать не надо, что Чечня имеет полное право на независимость. И что если ее когда-то завоевал Ермолов, то это его трудности. Это не основание для России говорить о том, что Кавказ ей принадлежит. Мало ли что еще захочет прикарманить Россия?

Еще совсем недавно здесь заявляли, что не отдадим свои прибалтийские вотчины, что Латвия, Эстония и Литва — это тоже наши, и что вообще земной шар — тоже наш. Более того, мы там прямо заявили: то, что чеченский народ взял приступом здание КГБ и здание, где заседала его советская власть, это великий пример для России. И Россия должна стыдиться того, что она не в состоянии взять

штурмом свое здание КГБ и свой Белый дом. Последний этап нашей демократической революции — это, конечно, будет взятие штурмом Кремля. А пока его не взяли штурмом, его и Белый дом, и Старую площадь, нам остается только завидовать другим народам, которые дальше продвинулись по пути демократической революции.

Корр.: А как вы оцениваете события в Грузии?

В.Н. События в Грузии — это совершенно естественное последствие дезинтеграции советской империи. Дело в том, что оккупанты заразили своим духом, своим менталитетом, своим конформизмом всё, к чему они прикоснулись. Даже не то страшно, что они сажали людей, изгоняли их из родных мест, производили депортации, грабили подвластные им страны. Самое страшное, это то, что они сделали своих подданных несвободными людьми. Несвободными и советскими. Поэтому то, что произошло в Грузии, это рецидив советскости. И вот то, что Грузия, едва освободившись от советского прямого диктата (косвенный еще остался в виде войск Закавказского округа), избрала Звиада Гамсахурдиа, — это свидетельствует, конечно, о полной слепоте: нравственной и политической. Гамсахурдиа не мог быть избран и не должен был быть избран ни одним свободным народом. Где были у Грузии глаза? Избрать предателя, отступника, который, чтобы не получить несколько лет тюремного заключения, отрекался от своих товарищей, от своих убеждений, избрать труса, не мужчину, который не достоин носить оружия, человека лживого, корыстного, который всегда шел на сделки с оккупантами. Ну и вот результат — лебезит перед оккупантами, признает ГКЧП, разоружает собственную гвардию, сажает оппозиционеров, тащит их к себе домой из тбилисского зоопарка, ведет себя, как какой-нибудь половецкий хан.

И, естественно, народ, я полагаю, оставался в достаточном бездействии, иначе не понадобилось бы вооруженного сопротивления. Всеобщая политическая стачка по поводу деяний Гамсахурдиа не началась. То есть это свидетельствует, в общем, о плохом состоянии народа.

Но слава богу, была интеллигенция и была вооруженная оппозиция. Вот им и пришлось совершать демократическую революцию при пассивном ожидании народа: кто же победит? Насколько удалось понять из сводок и хроники, люди, не задействованные в этом конфликте, мечтали только об

одном — чтобы перестали стрелять, чтобы выключили свет, чтобы появилось продовольствие и чтобы потекла горячая вода. Это ужасное состояние для народа, но раз он готов терпеть всё то, может быть, он не только рабство вынесет, но и свободу, которая у него может появиться, если Военный Совет Грузии доведет свое начинание до конца.

Безусловно, и Джаба Иоселиани, и Тенгиз Сигуа, и Тенгиз Китовани — это люди совершенно иного плана, чем Звиад Гамсахурдиа. Это настоящие мужчины, воины, но при этом они ценят свободу, и свою, и чужую. Плохо только то, что ради сиюминутной выгоды они посмотрели благосклонно на советских оккупантов. Ни в коем случае нельзя было говорить, что советские войска не являются оккупационными. Или у нас советские оккупанты, или советские воины-освободители. Нельзя менять эти комплексы и понятия в зависимости от конъюнктурных потребностей момента. То есть здесь нужно выдержать эту линию до конца: или честно погибнуть, или честно победить. Ни в коем случае не бросаться за помощью к войскам Закавказского военного округа и требовать, чтобы они спасли, помогли. В конце концов, эти же войска убивали в Тбилиси и 9 апреля. Эти и им подобные.

Нельзя искать помощи у Москвы. Уже когда-то Грузия попала в XII веке в эту переделку. Москва, пожалуй, и защитит, но ведь не бесплатно, Москва за это возьмет свободу. То есть это очень большая ошибка, и я не думаю, что Национально-демократическая партия, Гия Чантурия, насколько я его знаю, могут как-то это оправдать или поддержать. Я думаю, что радикальные демократы Грузии не поддержат Военный Совет. Это нравственный просчет, очень опасный. Нельзя разгонять демонстрации, даже если это демонстрации твоих противников. Нельзя стрелять в эти демонстрации. Благородство — это благородство. Есть законы чести, которые нельзя нарушать, даже если это выгодно, даже если от этого зависит спасение твоей жизни. Надо идти до конца.

И вот меня крайне удивляет в этой ситуации поведение генерала Джохара Дудаева. Может быть, ему никто не объяснил, кто такой Звиад Гамсахурдиа? Что общего у человека, который готов сражаться с оружием в руках, с трусом Звиадом Гамсахурдиа? Что общего у человека, которого

избрали президентом за его храбрость, за его самоотречение, за готовность стоять за свободу, с этим паркетным шаркуном, шарлатаном, который не знает, как заряжается автомат? И если увидит этот автомат, то убежит, что он и сделал, выбравшись в ужасе из Дома правительства. Что общего у честного солдата и у этого изворотливого политика? Мне кажется, что это какое-то глубокое заблуждение генерала Джохара Дудаева. Не для того же Чечня завоевала себе свободу, чтобы подавлять свободу других народов! Здесь не должно быть никакого союза между тираном, которого свергли за дело и еще великодушно выпустили живым, хотя он достоин совершенно иной участи за свои деяния, и генералом Джохаром Дудаевым, который, я надеюсь, не будет сажать оппозицию, не будет разгонять демонстрации с помощью автоматов и не будет в подвале Дома правительства никого пытаться. По крайней мере не хотелось бы, чтобы это случилось.

Корр.: Сегодня в Москве нет-нет да и встретишь такие лозунги: «Сталин — наш бог», «Вернись, ГКЧП» и т.д. Почему такая ностальгия по прошлому? Когда, по вашему мнению, в народе изживется такое мышление?

В.Н.: Это очень сложный процесс, и нет вообще никакой гарантии, что он будет преодолен. «Мы приговор не знаем свой...» Сейчас, к сожалению, все эти толпы, которые выступают против либерализации цен, выступают не против недостатка демократии, а против ее избытка. Они выступают под красными знаменами, и они не видят другой альтернативы, кроме социализма. И более того, каждый второй из них требует восстановления Союза Советских Социалистических Республик. Поэтому я могу посоветовать всем народам Кавказа только одно: близко не подходить к СНГ, вооружаться, стараться найти какое-то взаимопонимание со странами НАТО и покупать оружие.

Вы там какую-то установку купили в Дальневосточном округе, «Град», был большой скандал. Еще купите. Не жалейте на это денег, может пригодиться. И ничего хорошего не ждите от России. Потому что здесь долго еще никакой демократии не будет. Чего требует русский народ от Ельцина? Того, чтобы он всем дал свободу, чтобы он войска вывел из Грузин, Литвы, Латвии? Это волнует русский народ? Нет. Русский народ требует, чтобы немцам

Поволжья автономию не давали. И русский народ требует понижения цен. Свободы он не требует. Он не требует, чтобы эта власть ушла. Он не требует освобождения политзаключенных...

Корр.: Но есть и достойная русская демократия. Ее завоевания здесь, в центре, становились хорошим импульсом для окраин.

В.Н.: Скорее всего, значительная часть интеллигенции, студенчества и средств массовой информации жить иначе уже просто не сможет. Разучились. Ну а что касается основной части народа, то у меня весьма мрачное предчувствие на этот счет. Здесь, мне кажется, люди не нуждаются в свободе. По крайней мере не готовы за нее дорого платить. Плату еще не спрашивали! Одно дело пользоваться журналом «Огонек» бесплатно, а другое дело — ежели всё это запретить под страхом смерти... Ну кто заплатит жизнью за всё это, кроме, может быть, редакции «Огонька»? Да и насчет редакций наших журналов. Мы видели Коротича, который сбежал в Соединенные Штаты и до сих пор от ужаса там трясется. Вот если посмотреть, кто из тех, кто сегодня выступает за демократию, готов положить за это жизнь? Этой проверки еще не было. Проверка была 19—20—21 августа. Можно посчитать тех, кто побегал к Белому дому, и тех, кто остался дома. Это несопоставимое количество.

Корр.: Сегодня модно поговаривать: «Большую политику делают большие связи». Как вы смотрите на это утверждение?

В.Н.: Я совершенно не согласна с этим. Это мелкую, жалкую политику делают на основе кумовства и блата. БОЛЬШУЮ же политику делают большие люди. Вот, мне кажется, у Джохара Дудаева есть все шансы делать большую политику, потому что он — большой человек. Согласитесь, призвать всю страну к вооруженному сопротивлению, не подчиниться огромной империи, или там, когда он служил в Эстонии, спускать с аэростата эстонский флаг, когда он вообще был под запретом, — это крупные поступки. Если еще со Звиадом Гамсахурдиа не путаться, то есть все шансы делать большую политику. А для этого надо по контрасту: то, что делается в России, как раз этого не делать, а делать всё наоборот.

Корр.: И последний вопрос. Назовем его так — кавказский кризис. Каким вам видится выход?

В.Н.: Выход — только в человечности. Пожалеть другого. Не считать, кто на что имеет права. Права запутаны, корни этих раздоров в веках, и, я думаю, теперь уже невозможно установить, скажем, кто больше имеет права на Карабах, кто раньше туда пришел, — тогда можно дойти до палеолита и заниматься этими изысканиями всю жизнь. Мне кажется, что здесь прав будет тот, кто уступит первым и кто пожалеет другого. Я бы абсолютно не политически рассмотрела ситуацию между Арменией и Азербайджаном. Я бы вот так посмотрела: Азербайджан — богатая ресурсами страна, у нее есть нефть, у нее есть прекрасные плодородные земли. Она большая, и у нее есть все возможности для процветания, для безбедного существования. А рядом Армения — она меньше, она маленькая, и у нее очень плохая земля, каменистая. И у нее нет никаких ресурсов. В 1915 году ее вырезали турки. А потом это ужасное землетрясение. Почему бы не пожалеть Армению и не подарить ей Карабах? На том условии, что там азербайджанцы могли бы жить совершенно свободно и иметь свою национальную автономию. Почему бы не отдать тому, у кого меньше?

Мне кажется, по законам великодушия нужно отдать то, чего у тебя так много. Я бы и с островами этот вопрос так решила совершенно однозначно. Потому что не всё ли равно, кто на этих Курилах раньше живет и кто кому отдал? Даже, допустим, что Россия бы имела на них все права, а Япония — никаких. Но у Японии так мало земли! А у России — так много... И Россия так плохо использует свою землю, а Япония — так хорошо. Почему бы не отдать Японии то, что ты сам не используешь? И не осчастливить своих собственных граждан, которые под рукой Японии по-человечески бы пожили. Да я бы еще и Сахалин отдала! Пусть берут на здоровье, пусть хоть кто-то будет счастлив. И пусть Японии прибавится, тем более что она так замечательно и так человечно использует свои ресурсы.

И если на Кавказе люди прежде всего будут думать не о себе, а о других: как бы не утеснить другого, как бы дать другому место рядом с собой, как бы пожалеть другого, — я думаю, что все вопросы разрешатся. Скажем, Осетия

хочет объединиться, если действительно хочет, так почему бы ей не объединиться? Кому от этого будет хуже? Территория Грузии уменьшится? А что, счастье разве в территории? Или счастье в каких-то других моментах? Абхазия хочет государственной независимости? На здоровье. Пусть имеет государственную независимость, если в этом ее счастье. Может быть, они какую-то конфедерацию создадут, если у них будут нормальные человеческие отношения. Никого нельзя держать силой. Нужно стараться, чтобы всем было хорошо. Может быть, потом они сами придут. Но удерживать силой — это просто безумие, и это не великодушно.

А что касается Кавказа, то при той степени обособленности, которая там наблюдается, что каждый аул — сам себе родина, там тоже совсем нет смысла считать, где лакцы, где аварцы, — если уж такая степень независимости, пусть все будут независимыми. Кто-то там первый кому-то уступил, вспомнил, что там кого-то депортировали, и решил сам переселиться, чтобы дать место, — это очень благородно...

Корр.: Дагестанцы...

В.Н.: Да, дагестанцы. Совершенно было ужасно то, что Грузия не хотела принимать турок-месхетинцев. Им же надо куда-то деться? Не в Краснодарском же крае им жить? На казаков не надо обращать внимания. Они будут, конечно, там бряцать саблями. Ну, это люди такие — у них это декоративное. Им очень нравится, это их дух поддерживает. Пусть себе живут севернее. Я не думаю, чтобы они ходили в какие-то набеги — сейчас время другое. Это решает уже не сабля, а решают какие-то современные средства вооружения. Не надо просто на это нервно реагировать. Они вспомнили четко всё то, что ими говорилось в XIX веке на эту тему, и повторяют тот же текст, не понимая, что условия изменились. Надо к этому относиться просто иронически и не обращать внимания. Я думаю, что повышенная степень интеллигентности и человечности разрешит все эти межнациональные вопросы.

Беседовала Сапият Дахшукаева

«НЕ ОБРАЗУМЛЮСЬ! ВИНОВАТ»

«Вполголоса», № 4—5

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно,
Хоть бой и неравен, борьба безнадежна!
Над вами светила молчат в вышине,
Под вами могилы — молчат и оне.

Тютчев

Я сильно подозреваю, что данный ученый сборник призван заклеить за неприличный наив и неуместную увлеченность баррикадными боями пылких дээсовцев. Безусловно, сейчас мои листовки и статьи, написанные в Лефортово с 19 по 20 августа, могут показаться опрометчивыми. А была ли опрометчивость?

Может, опрометчивости-то и не было? Скорее, это было отчаянной надеждой на открытый бой с системой, пусть с заранее известным исходом, но не во лжи, а в правде, (а правда у этого строя одна — каторга и эшафот)... И еще было великодушное допущение: вдруг смертельная опасность (в которую из Лефортово верилось) послужит для Ельцина и К° своего рода дорогой в Дамаск, на которой их ждут прозрение и покаяние. Этого чувства не поймет человек, не верующий в Бога. Я была очень сама удивлена, когда обнаружила, что верю не только в Бога, но и в чудеса, и в покаяние грешников, и в осеняющую их иногда благодать. Мне не стыдно своей веры, что порок может стать добродетелью, если искренне покаяться и искупить свои прегрешения. Да, это далеко от логики, здравого смысла, реалий XX века. Это ближе к Иоанну Крестителю, Иисусу Христу и пророку Даниилу. Но кто сказал, что XX век так уж во всех своих установках и прав?

Мне этот век неинтересен хотя бы уже своей сухой рационально-бесплодной ментальностью. Библейские пророки и апостолы мне понятнее и ближе современников.

Эволюция тоталитаризма невозможна, это чудо. 3—5 дней после освобождения из Лефортово я верила в чудо. Неужели вам жалко? Я знаю цену революционного пути, и идти по нему мне лично, потому что я никогда не уйду с Их дороги и никогда не стану уклоняться от схватки. Кто осудит меня за пятидневную попытку осуществить маловероятную

первую часть программы «Гражданский путь» (мирный переход к демократии, польский вариант — условно, ибо и там не всё ладно)? Credo, quia absurdum! Я не жалею, что мы сыграли отведенную нам роль в их фарсе. Это у них был фарс, а у нас — трагедия. Сила на их стороне, и надолго, скорее всего — навсегда. Роли распределяют они. Все равно роль играть придется, так уж давайте выберем для себя достойную роль Голгофу. Трагический герой нужен им, чтобы начать новый виток экспансии, или террор, или перетасовать свою колоду? Но ведь и равнодушный и трусливый обыватель тоже нужен, без него не было бы тоталитаризма.

Я выбираю первую роль, и кто знает? Может быть, вообще всё predetermined, есть античный рок, но и тогда роль Прометея почетна, и мировой и вселенский партер, затаив дыхание, следят за нашей игрой, и аплодисменты сорвет достойнейший и храбрейший.

А если актер знает, что он играет и какой будет финал? Такой актер становится соавтором Богов и купается в экзистенции. Не каждый это вынесет, ожидание смерти хуже смерти, человеку легче умирать в неведении и с надеждой на жизнь.

Поэтому я не предлагаю свою безнадежность каждому, но только избранным. Если людям нужна надежда, то она есть. (Шанс из тысячи, из миллиона — не все ли равно! Главное — он есть, а нашу шхуну зовут «Авось!») А что же выиграли наши скаредные духом и недалекие умом правители своим фарсом у Белого дома? Люди, по своей святой простоте, пошли на смерть за Идею. Уж никак не за законную власть, это слишком жалкий резон для того, чтобы бросаться с голыми руками на танки. Они нашли смысл жизни (то есть то, за что стоит умереть). Ими овладела великая надежда. Столь же велико будет их разочарование, которое разрастется в Гроздь Гнева.

Как сладостно прощать своим врагам и жалеть своих вчерашних гонителей! На это способны только великие и благородные души. Ни в одной моей строчке нет апелляции к власти, есть только вполне понятное сострадание к тем, кому было (как нам показалось) худо. Проницательность, умение сразу понять, что всё это обман, не стоят благородного заблуждения, великого порыва человеческой души.

Здесь Правда важнее Истины. Те, кто не пошел на баррикады, разобравшись в ситуации, имели Истину. Те, кто

вышел, обрели Правду. Правда — это вера, Истина — это аналитический расчет. Зачем считаться? Что за меркантильность? Мы возвысились над нашими врагами. Мы пожалели Ельцина и Горбачева. Они нас не пожалеют. Лучше прямо и смело шествовать путем заблуждения, нежели ползти к Истине. Главное — степень риска, и вызова, и любви. Я люблю эту страну, и люблю свободу, и хочу их соединить, и не отступлюсь от этого, даже если все мировые законы будут оспаривать у меня эту возможность.

Возможность может быть оспорена, но не право. И я не хочу, чтобы народ уклонялся от баррикад. Баррикады не могут быть ловушкой, баррикады — это абсолютная ценность. Пусть люди гордятся тем, что вышли к Белому дому. Пусть эти же люди возьмут приступом обманувший их Белый дом. Не убивайтесь так: «они» еще в нас выстрелят, «они» еще нас будут вешать. Ничего не потеряно. Чего нам не хватает? Тоталитаризм не сокрушен, народ на коленах, лагеря на запоре, ложь и лицемерие торжествуют, вокруг нас — море Зла. Недолгие иллюзии исчерпаны за 10—15 дней.

С богом, в дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава богу!
Светит месяц; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

(Пушкин)

**ДС — ЛИШНЯЯ ПАРТИЯ ЛИШНИХ ЛЮДЕЙ,
ИЛИ ДОЛЖНЫ ЛИ ДЭЭСОВСЦЫ
ВЗЯТЬ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ВЛАСТЬ?**

«Свободное слово», № 4 (106)

Нас в переименованном СССР лишением не удивишь. У нас везде одни лишенцы, сплошь и рядом. Одни лишены хлеба и свободы (по собственной вине), другие — совести, чести, сердца (тоже по собственному желанию). Гражданская инвалидность I группы, заработанная на полях тоталитаризма, орден Бесславия всех трех степеней, с которым в крематорий пропускают вне очереди, — это тоже лишение. Но я это не к тому, чтобы еще раз объясниться в нелюбви (мятко выражаясь) к советскому народу и советской действительности. Нелюбовь взаимна. Нас не любят ни красные,

ни белые, ни будущие коричневые. «В меня все ближние мои бросали бешено каменья». Классика! Но не ждите, что мы посыплем пеплом главу и побежим нищими из городов в пустыню. Мы будем портить вам настроение. Но не так и не там, где вы этого ожидаете. Небольшое количество умных и свободных людей, которые как-то в России еще не перевелись, сумеют всегда оценить то, что мы у вас ничего не взяли — как нашу вам пощечину, как симптом вашей неисцелимой проказы. Единственное право, которым мы дорожим, — это право налагать каинову печать на мраморное чело власти. Наше неучастие, наше негодование вас уже заклемили. Ешьте на золоте — мы его уже превратили в золу. Перефразируя евангельское изречение, можно сказать, что та власть, с которой нет ДС, — скверная власть.

В России лучшие люди всегда были лишними. Лишним был Чаадаев, лишними оказались Радищев и Герцен. Вчера вы бросали своих лишних людей в казематы, сегодня вы их обожаете (Владимира Буковского, Анатолия Марченко, Илью Габая). А нас вы ненавидите со всем пылом невозможности немедленного уничтожения. Мы — оводы, а вы даже не можете нас прихлопнуть! (До поры.) Зачем вам в вашем рабстве, лжи и бесчестье — наша свобода, правда и честность? Единый фронт лжи — от «Независимой» до «Дня» — никогда не скажет доброго слова о позиции ДС. Ибо эта позиция несовместима с вращением в сегодняшнюю действительность.

На ваше и на наше несчастье, мы живы. Нас нельзя похоронить и сказать на кладбище, что мы боролись за те великие блага, которыми вы сегодня пользуетесь. Мы же тут как тут. Сразу опровергнем! Поэтому память о нас надо вытоптать, а нас лишить в глазах толпы демократической сущности, как альтиста Данилова. Мы плохо служим Маммоне. Спасибо за вашу ненависть — она согревает нас в холодные ночи. Вы заняли наши площади своими шутовскими сборищами, где юродивые сторонники жалких идей под красными или трехцветными флагами источают в равной степени отвратительную смесь потного восторга и звериной ненависти. Мы — лишние люди в вашей толпе, в вашем стаде бандерлогов. Что было делать ДС — аристократам Свободы и Духа — на собрании граждан, где кучки безместных честолюбцев пытались переделить в свою пользу

нечистую власть, а обезумевшие от злобы красные (Анпилов и К°) плевали в Собчака и били Яковлева томом истории КПСС по голове? Что нам делать в вашем зоопарке? Там, где надо защищать невинных и обличать произвол — мы одни. Туда вы за нами не пойдете. Интересно, почему возникли сильно преувеличенные слухи о смерти ДС? Наш чистый голос никогда не смешается с вашим ревом, топотом и свистом. Мы — лишняя партия на вашем рынке, где вырывают друг у друга портфели и чины. Наконец-то мы знаем, кто мы такие. ДС — это лишняя партия лишних людей. Мы как девственница, как весталка в вашем борделе, среди вашей отвратительной похоти. Вы не сможете растлить нас, запятнать нашу чистоту. И если бы ДС оказался причастным к делам власти, на завтра же он был бы распушен, покончил бы с собой, как Лукреция, изнасилованная Тарквинием. И не думайте, что мы озабочены вашими делами. Накормить народ — это не наша хрустальная мечта. Мы просветители и масоны, у нас другие интересы.

Вас не интересует вывод оккупационных войск из Балтии, отмена смертной казни, альтернативная служба в армии, судьба политзаключенных, ужасное положение в тюрьмах вообще, то, что нет амнистии? Вас волнуют только ваша сытость и ваше личное выживание?

Ну так нас ваше пропитание волнует не больше, чем пропитание саранчи, поскольку вас не волнует ничто, что должно волновать человека и гражданина. Мы — масоны, нам известно, как построить здание общественной свободы. Мы — хранители Прометеева огня, который не для того был украден героем, чтобы решать вопросы энергетического кризиса. Когда вы захотите приобщиться к нашим тайнам — тайнам Свободы и Революции — приходите. Только вам очень долго придется нас просить, чтобы мы вам то самое таинственное здание построили. Придется доказать, что вы готовы. «Вынь натруженную шею из ярма — пусть лучше ее один раз перережут, чем все время давят» (Сенека).

А пока вы получите от нас то, что заслужили.

О, как мне хочется смутить веселость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

(Лермонтов)

ДЕМОКРАТИЯ — ЭТО ПРЕДАТЕЛЬСТВО

«Свободное слово», № 6 (108)

И может быть, она в силу этого страшнее черного эсэсовского или красного коммунистического тоталитаризма. Предпочитает же сейчас грузинская интеллигенция, физически истребляемая бандитом Джабой Иоселиани и инквизитором Эдуардом Шеварднадзе, «вора в законе» Джабу, потому что он хотя бы предсказуем и не говорит сладких слов про демократию, которая должна себя защищать, а безапелляционно заявляет: «Тот, кто будет ходить на несанкционированные митинги, получит пулю». Демократия, в отличие от тоталитаризма, стреляет в спину. И это очень противно. И если тоталитаризм избивал чужих и иногда стоял за «своих», правда, зачастую путая, где те и другие, и избивая всех подряд по формуле «Господь своих узнает», все-таки декларировал какие-то идеалы (мировая революция, нордическая раса господ, равенство и братство), то уж демократия-то точно ничего знать не хочет, кроме своих интересов. А интерес один: выживание, размножение, потребление. Других я не обнаружила. Технический прогресс? Это чтобы бомбу на Хиросиму сбросить, пытать не каленым железом, а электрическим током, убивать не из лука, а из установок «Град»? Знать не хочу вашего технического прогресса. Поцелуйтесь со своим прогрессом. Допрогрессировались: казним не топором, не на колесе, а на электрическом стуле или в газовой камере. С ума сойти можно! Куда здесь эмигрировать, если в России расстрел, а в США — газовая камера! На Большую Медведицу, туда, где нет ни демократов, ни большевиков.

Хотите итог вашей мировой демократии? Сейчас я в нескольких фразах подведу баланс. Английская демократия воевала с сепаратистами Америки и вешала их в захваченных городах, английские демократы уничтожали индусов за освободительные идеи, сажали Ганди, расстреливали мирные демонстрации в Индии, потом хладнокровно пытали ирландских инсургентов, дали умереть Роберту Сэндсу и девяти его товарищам от голодовки, только чтобы не предоставить статус политзаключенного. А Чехословакия? В 1938 году и в 1968 году? Кто это скушал, если не демократия?

А выдача Сталину беженцев из России, казаков и власовцев? О США — извольте! Пиночета свергли, анархистов в XIX веке вешали, на ведьм в Салеме охотились, беженцев с Гаити обратно отправляют на верную смерть, отказников от армии в 60-е годы сажали, СССР в 1933 году признали, с Кастро только что на экологическом форуме посидели...

А малые страны — Норвегия, Голландия, Исландия — может быть, их кротость и мягкость обусловлены тем, что не хватает мощи для того, чтобы в качестве великой державы кого-нибудь всласть поугнетать? Нобелевская премия Горбачеву, убийце тбилисских девочек и вильнюсских патриотов, аплодисменты Ельцину в Конгрессе за пустые, демагогические словесные штампы и дружеские объятия Шеварднадзе, доперестроечному и сегодняшнему палачу Грузии — вот это и есть демократия. Или ее издержки? При таких издержках на результат уже просто наплевать. Особенно, если результат — более или менее комфортабельный хлев. В «84» Оруэлла 20 грамм шоколада в месяц, а у Хаксли — 8 краников с духами. Как всё зеркально! Ваша демократия — это мир из «Приглашения на казнь» гениального Набокова, которого, видно, тоже от нее тошнило. Дружелюбный палач в смокинге с альбомом семейных фотографий и совместный торт в честь экзекутора и приговоренного. Убивайте, но только не врите! Революционер — это всегда Цинциннат, который хамит палачу, огорчает директора тюрьмы и не желает участвовать в празднике. Вот, скажем, я, грешная. Никого в своей жизни не убила, не предала, никому не причинила зла. И вот за последние месяцы сколько же статей выпустили в упор, словно пульт со смещенным центром тяжести, запрещенных к употреблению! Людмила Сараскина, Алексей Ерохин, Леонид Радзиховский, Парамонов, Марк Дейч! Радиостанция «Свобода» (дожили: «Свобода» бранит диссидента за то, что он мало любит государственную власть), «Столица» и прочие радикальные либералы и либеральные радикалы. Так за что же столько злобы и ненависти у никогда не сидевших, не боровшихся, ничего никому не давших, мизинца не уколовших? Станислав Рассадин даже измерял меня в «невзорах», как в киловаттах. А за то, что я порчу праздник и не ем этот проклятый торт, сервированный к столу вчерашними (Ельцин, Горбачев, Яковлев) и сегодняшними (Шеварднадзе)

палачами. Ну, назначьте меру пресечения за «непрозрачность», ну, казните за неверие в ваше вранье, ведь вы простили Сахарову только потому, что он мертв, и Владимиру Буковскому только потому, что он в Англии. А если у вас не хватает смелости казнить (жестокости бы хватило), то не пеняйте нам за то, что мы еще живы. И не ждите, что с нами, незамиренческими горцами, будет так же просто, как с Мариной Цветаевой: не повесимся! Мы хотим, чтобы это делали с нами вы.

Скажите, наконец, правду. Ничего, рано или поздно у вас сладут нервы. У Горбачева же сдали, и он стал заводить дела по 70-й. Шеварднадзе сказал свою правду, общую правду вашей перестройки и вашей демократии. Он в Грузии сейчас пытается, насилует, расстреливает оппозиционеров, закрывает газеты, устраивает повальные аресты, требует у Дудаева голову Звиада Гамсахурдиа («живого источника дестабилизации», о, как хочется Эдуарду Амвросиевичу, чтобы этот источник был мертвым!).

Звание президента мало чего стоит, но диссидент — это звучит гордо. А поскольку Звиад Гамсахурдиа диссидент, не вам его судить. Сначала сядьте по 70-й статье. Тогда это будет суд пэров, а не судилище. Мне не нужна власть, которая не вызывает восхищения. Мне не нужен «президент», чье «народное творчество» («Исповедь на заданную тему») по своему уровню уступает среднему школьному сочинению. И правильно заметил Звиад Гамсахурдиа, что если бы американский народ имел не только демократию, а еще и гражданское достоинство, он бы Буша переизбрал.

История с Грузией, уничтожаемой фашистской хунтой-92 на наших глазах, на глазах у западных демократий, влюбленных в Эдуарда Шеварднадзе, меня добила. Я возненавидела демократию. В конце концов, что это такое? Механизм. Вроде лебедки. Мыслимое ли дело — любить лебедку? Это, как говорят на сленге, финиш: грузинские правозащитники, вышвыриваемые за ограду свежееоткрытого в Тбилиси американского посольства со своими списками, заботливо составленными на английском языке, со списками арестованных, расстрелянных на митингах, изнасилованных в тюрьмах, подвергнутых пыткам, убитых за инакомыслие у своих подъездов.

Америке наплевать. Демократия — это скотство. Открывается конкурс: нужен такой строй, при котором не будут

возможны предательство, палачество и равнодушие как основы политики и общественной жизни. Не тоталитаризм и не демократия. Что бывает еще? Не знаю. Может быть, ничего не бывает. Одно знаю твердо: и при тоталитаризме, и при демократии перед человеком глухая стена, и надо бросаться на эту стену до смертного часа, чтобы самому не стать предателем. Я собираюсь по-прежнему бороться за свободу и человечность, но я отказываюсь бороться за вашу демократию: за право очередной шайки интриганов сидеть в очередном парламенте и решать свои личные проблемы; за очередную урну, куда толпа рабов набрасает свои бумажки — в моих глазах эта урна ничем не отличается от мусорной; за очередного Бориса или Ивана, который воцарится в очередном Кремле и назовет себя президентом. Я начинаю думать, что заниматься политикой — это не просто грех, а уголовное преступление. Не сомневаюсь, что Ельцину мои претензии будут куда менее понятны, чем даже Людмиле Сараскиной. Ведь бедняга не читал ни Канта, ни Кафки, ни Достоевского, ни Фланнери О'Коннор. Да и Буш едва ли поймет. Вон, Линдона Ларуша, заступившегося в Штатах за Восточную Европу, Россию и «третий мир», обрекаемые его соотечественниками и МВФ на нищету и разорение, тоже не поняли. И в результате — 15 лет. Якобы за неуплату налогов. Да и устрицы, съедаемые на телеэкране на глазах у полуголодной страны, — это тоже, пожалуй, предательство.

Мы не собираемся отбирать у вас ваши устрицы, яхты и кадиллаки, господа. Мы не большевики, но и не демократы! Демократы от такой ситуации в восторге. Но мы не будем есть с вами ваши устрицы. Не заставите! И не ждите, что мы будем соблюдать правила круговой поруки. Мы ваша пятая колонна и мы скорее пойдем в ваши лагеря, чем на ваши выборы. И не надо нас уговаривать потерпеть. Мы не стерпели тоталитаризм и не потерпим вашей демократии. А вы стерпите! Вы так мило терпели тоталитаризм. Или даже его строили и возглавляли, как Борис Николаевич Ельцин, как Михаил Сергеевич Горбачев и как Попов с Лужковым, как Э.А.Шеварднадзе. И не смейте говорить, что с 1968 года я боролась за то скотство, которое происходит сейчас!

И надувают все лекарства,
Оказывалось хлевом царство,
От неудачника, как шкура,
Бежит нежнейшая Лаура,
И смертнику за час до смерти
Приятель говорит «поверьте»,
Когда он все помои вылил,
Когда веревку он намылил.

(Франсуа Вийон, пер. И.Оренбург)

Думаете, мы не понимаем, почему вы сдали Приднестровье, хотя по законам человеческим и божеским надо бы защитить? Не потому, что боитесь прослыть империалистами. Когда войска в Чехословакию вводили, тогда не боялись. (Спросите у Ельцина, какие протесты он писал на эту тему в 1968 году.) Империализм — это когда хапают себе, а не признают независимость. А не вмешиваетесь вы по чисто шкурническим соображениям: «Русский человек без родины не живет, на его бабушке сарафан горел, а мой дедушка пришел и руки погрел» (Даль). Люди у Останкино бились в истерике не только потому, что жизнь тяжелая. Они чувствовали предательство и подлость во всем происходящем. У них нет правильных и адекватных слов, их не научили этим словам (вы же и не научили), и они пытались найти материальное воплощение врага (жидо-масоны, демократы, развал СССР). Они не понимали, почему им так нехорошо. Но всех их терзала низость, и недоставало им не Союза, не русского телевидения, а высоты и милосердия в том, что творится. Да, ослепленные своей злобой и своей бедой, эти люди, пожалуй, поубивали бы дээсовцев. Но им можно простить, они не ведают, что творят. А вам простить нельзя, господа демократы, потому что вы ведаете, что творите.

Я даже не уверена, что вас можно свергнуть, хотя и хочется. Но можно быть с вами по разные стороны баррикад. Круг замкнулся. Мы вернулись в стихотворение Наума Коржавина:

Романтика, растоптанная ими,
Знамена запыленные — кругом...
И я бродил в акациях, как в дыме.
И мне тогда хотелось быть врагом.

О НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОДЛОСТИ ВЕЛИКОРОССОВ

Куда бы ни пошел —
Везде мой дом,
Чужбина мне —
Страна моя родная.
Вийон

«За Вільну Україну», 20 марта

То, что пять веков казалось последователям творчества Франсуа Вийона парадоксом, в наши дни обратилось в банальнейшую реальность для тех, кому случилось родиться в России. Завладев на Востоке японскими островами, а на Западе — балтийскими странами (крошечными, уютными, хрупкими, словно венецианское стекло под кирзовыми сапогами захватчиков) мы создали себе странное Отечество — «от пальмовой лозы до ледяного мха», нажитое нечестным путем, приобретенное тяжбой и разбоем, в чужой крови, проступившей сквозь имперскую порфиру.

Почему нет этого чувства у гражданина США? Потому, что принятия в Союз добивались как чести, и отмечали, как национальный праздник, а мы свои колонии втоптали в свою грязь и украсили своим позором, потому что к XVII веку, когда Россия начала завоевывать свое «отечество», кроме рабства, грязи и позора, она уже ничего никому предложить не могла. Если моя Родина — и Кострома, и Рига, и Самарканд, и Тбилиси, и от всего этого должно трепетать мое патриотическое сердце, то оно вообще превратится в камень, потому что у человека может быть только один Дом — отцовский, дедовский. Он не может быть одновременно в песках и в тундрах, в тропиках и в зеленом лесу, он не может быть одновременно готическим и шатровым, саклей, избой, чумом. Это не отечество. Это «земношарная» республика, монстр коммунистических грез. Круша чужих богов, мы устранили своего. Завоеывая и засевая железом и солью чужие земли, отдали полныни свою. «Человек приходит как хозяин...», «С южных гор до северных морей...». Это проклятие, которое будет с нами в вечности: не слышать ничего, кроме предсмертных криков горцев, литовцев, грузин, молдаван, украинцев, поляков,

кочевников Туркестана, полных ненависти к нам, достающих нас через пространство и века. Мы, русские, самые бездомные люди на земле. Мы убили Русь, сделав из нее империю. В расовых лабиринтах «единой и неделимой», Союзов — Священного и Советского, — мы утратили свою бессмертную душу. Наши дружеские объятия смертельны. Над сильным центром летает бумажный змей из пятнадцати бумажных суверенитетов, а бечевка — в наших руках, и мы дергаем за эту бечевку, подлые и жалкие римляне, шантажируя отползающие от нас, искалеченные республики своим лесом, своим железом, своей нефтью, своими ядерными боеголовками.

Империя распадается? Если бы! Период полураспада у нас будет больше, чем у урана.

Чего, собственно говоря, лишились наши империалисты? Есть у нас аббревиатура «СССР», есть союзные органы, армия, не выведенная из республик. Есть даже залитый кровью национально-демократических движений президент. Железная пята России не дает подняться угнетенным народам. Безропотно умирают никому не интересные народы Севера. За что посадили в тюрьму маршала Язова? Если за Тбилиси и Вильнюс, то что будет делать его демократический преемник Шапошников, который очень мило и любезно отказался выводить из стран Балтии советских оккупантов под тем предлогом, что ему их некуда девать? Постройте, мол, сначала за свой счет домики, а потом мы их заберем. Не сбита имперская спесь со старшего брата? Представляете себе аналогичный ответ немецкого вермахта в 1945 году, когда их гнали отовсюду? Неправдоподобно? Правильно! Оккупантов надо вышвыривать силой оружия, тогда они сами найдут себе помещения. И эта низость у нас наследственная. Впервые мы делили живое, корчащееся тело Польши в 1757 году. И ведь никогда не приставали к сильному, а если приставали, то неудачно. Маленькой Японии, на которую полезли сдуру, отдали острова (потом утащили в суматохе, когда США разбили Японию).

Мы не волки. Мы — гиены, стервятники, труполобы. В 1939 году мы пожирали то, что нам оставлял сильный хищник — гитлеровская Германия. В 1940 году брали беззащитную Балтию. В 1956 году навалились на маленькую

Венгрию, а в 1968 году — на Чехословакию, в 1980-е убивали безоружных афганских крестьян. Советская страна — эпидемия чумы, бич человечества, хуже полчищ Аттилы. Держите свою чуму при себе, господа из Белого дома.

Вот такой дом мы себе выстроили. На гусеницах. Мы — Московская Орда. У советского оккупанта нет Отечества, его Родина — танк. Наш образцовый и трудовой коллектив — это «три танкиста, три веселых друга, экипаж машины боевой».

Понятно, что Борису Николаевичу Ельцину хочется быть государем «всёя Великая, и малая, и Белая Руси». Поэтому и несутся из уст пресс-секретарей заявления о переделе границ с теми беднягами, которые совершают попытку к бегству из СССР. После таких заявлений или выгоняют пресс-секретарей, или стреляются (порядочные люди). Но Борис Николаевич и ухом не ведет. С его точки зрения — это норма человеческого общежития! С утробным воем вцепились советские демократы в Украину (пока в коридорах Белого дома). Жалко отдавать армию, ядерные боеголовки, Черноморский флот. А Украина действует совершенно правильно! Уходить, так с компенсацией за поругание! Пусть берут и флот, и ракеты, и армию, и танки. Не хватает еще Борису Николаевичу стать монопольным собственником ядерного оружия, вот здесь мы увидим небо в алмазах. И изумляются наши империалисты, что с ними никто договоры не заключает. Так экономические договоры надо не штыками подписывать, и не на БТРах в Алма-Ату приезжать. Как можно торговать без политического союза — тайна только для советских людей. Африка свои фрукты продает Америке без всякого политического блока. Но мы не умеем торговать, мы привыкли завоевывать и брать даром. Зачем заключать торговые договоры со скифами? Зачем кормить их? Чтобы скорей пошли в набег? Имперская Россия не получит ничего, кроме ненависти.

И мне жалко тех хныкающих «русскоязычных», которые жалуются на то, что несчастные жертвы их агрессии смеют мечтать о своей свободе и говорить на своем языке. Какая незадача! КГБ и СА не успели отучить украинцев, литовцев, латышей, эстонцев от родной речи! Мало сажали, видно. За колонизаторами всегда идут колонисты.

Часто едут в обозах. У них общая вина. И ее надо часто искупать. Я не боюсь за членов Латвийского ДС, они говорят по-русски только дома, чтобы не оскорблять латышей, а их дети уже говорят по-латышски гораздо лучше, чем по-русски. Они боролись за свободу Латвии, они готовы были отдать жизнь, для них Москва — столица чужой страны. У них есть Родина, любовь и уважение сограждан. Они знали, что им надо искупать вину. Колонисты же не ведали, что они незваные гости в захваченной стране. Надо было читать самиздат. Там было написано. Надо было слушать «Свободу». Там это было сказано. Надо было спросить у соседей — за забором наших «русскоязычных» не смели не слышать, как оплакивают Василия Стуса и его товарищей по борьбе. А сейчас пришел Судный день. И как прав твой суд, Господи! Люди останутся искупать вину в Балтии, в Украине, в Армении. Ордынцы станут беженцами. И мне их не жалко. «Непонимание — не извинение, — говорил блаженный Августин. — Непонимающие пойдут в ад». Я хочу признаться в государственной измене, господа из российского КГБ. Я не буду сражаться за целостность такой территории. Я не буду покорять ни Кавказ, ни Сибирь. Если наше подлое правительство еще раз пошлет куда-нибудь свою подлую армию, я буду сражаться против нее. Уйду с чеченцами в горы, с литовцами — в леса. Империя — не отечество, а каторга. И я с ней сбегу к тем, у кого вы отняли всё и хотите отнять последнее.

РУССКИЕ КАВАЛЕРИСТЫ И ФРАНЦУЗСКИЕ ТОВАРНИКИ

«Свободное слово», № 7 (109)

Анатолий Стреляный и не подозревает, какой методологический подарок он преподнес сирому человечеству, придумав два термина: «кавалеристы» и «товарники». Только зря он поместил и тех и других в России, фантазируя, что им всем есть место на нашей матери — сырой земле. Если не считать Евгения Онегина, Василия Селюнина, Ларисы Пияшевой и Лисичкина с Егором Гайдаром, у нас сроду никогда никаких товарников не водилось, а перечисленная великолепная четверка тщетно пытается вогнать ножку

российской практики под номером этак 42-м в хрустальную туфельку теории 35-го размера, а когда не лезет, берет топорик и отрубает пятку. Вот удивится принц из МВФ, когда на общем рыночном балу попытается станцевать с нами тур вальса и обнаружит, что партнершу — Россию — впору вести в травматологию!

Евгений Онегин — еще самый умный из российских товарников, ибо честно исповедовал принцип «Позаботьтесь о теории. А практика сама о себе позаботится». Но если не пытаться ловить черную кошку в той темной комнате, где ее нет (то есть искать товарников в России), то мы их с избытком найдем там, где они и водятся: во Франции. Причем отнюдь не в банке и не за прилавком. Во Франции, по самым скромным подсчетам, было 5-6 революций, считая сексуальную, и я могу запросто доказать, что они не только имеют товарный вид, но и делались товарниками, а все русские, считая промышленную 30-х годов, — безнадёжными кавалеристами.

Если сделать маленький чертежик в масштабе один к одному миллиону, то французская революция будет состоять из нулевого периода накопления рациональных идей, не имеющих к революции ровно никакого отношения. Затем идет досадная случайность, ЧП на производстве, когда ты просто хочешь повернуть вентиль, а у тебя срывает рукоятку, разрывает паровой котел, чугун льется мимо, словом, обнаруживаются некие дефекты в конструкции — то есть это, собственно, и есть революция. Потом схему дорабатывают, ЧП ликвидируют, а затем спокойно пользуются плодами новой технологии до следующего ее усовершенствования, то есть нового цикла, причем чем дальше, тем скорее ремонтная бригада ликвидирует ЧП. Все французские революции, с 1789 года по 1968-й включительно, вполне укладываются в общую линию процесса, именуемого в просторечии — «прогресс», и идут по восходящей.

Совсем не так выглядит наш русский революционный чертежик. Здесь схема состоит из трех звеньев. Звено первое: бесплодные мечтания о революции в течение одного-двух поколений, стансы о революции, куча революционных теорий, романсы и серенады в честь революции, причем все смотрят налево (или направо). Звено второе: нежданно-негаданно, обязательно не с той стороны, куда

смотрели, тихой сапой в щель пролезает нечто мерзкое, какой-то скунс, помноженный на абракадабру.

С целенаправленностью эпидемии чумы эта жуть ликвидирует и тех, кто ее вызывал, и тех, кто без нее бы обошелся, причем случайно уцелевшие наблюдатели обнаруживают себя в Манчестере, когда планировался Ливерпуль (и наоборот). Автобус «Русская революция» принципиально ходит не по маршруту.

Когда кончается стадия собственно революции, наступает звено третье, и последнее: лет этак 70 проклятий и стенаний по поводу того, что мы пришли не туда, куда следовало, что революция не удалась, и все сословия, классы и возрасты далее исповедуют бесплодные сожаления по поводу плохой революции. Бесплодные сожаления о минувшей революции плавно переходят в бесплодные мечтания о будущей, и всё повторяется по новой, причем кривая отчетливо идет по нисходящей и чудесно укладывается в схему «социальный регресс».

В конце концов общество попадает в какие-то зыбучие пески, и даже фантазии Кобо Абэ не хватит, чтобы дать какую-нибудь теорию практике под названием «страна в песках». Срисуйте себе схему: это и есть особенный российский путь, он же знаменитый «третий путь», ибо давно известно, что те, кто ищет третьего пути, помимо французско-общезападного или первого, почему-то попадают именно на этот второй, и если бы мы не были безнадежными пифагорейцами-гегельянцами, балдеющими от триады, то давно бы заметили, что римляне были правы: «Aut — aut. Tertium non datur» («Или — или. Третьего не дано»).

Давайте пройдемся галопом по чужим революциям и посмотрим, какую пользу французские товарники из них извлекли. Самый первый вариант, вариант 1789 года, был твердо рассчитан на достижение конституционной монархии или аристократической республики, с сильнейшим корпоративно-олигархическим элементом (нормальная буржуазная республика всегда управляется качественной элитарной олигархией, назови ее хоть «сто семейств», хоть «сильные мира сего»). Словом, курс был взят на английскую палату общин, на Великую хартию вольностей, но не на уровне XIII века, а уже для третьего сословия, причем с креном в островной, американский вариант. Однако

французское общество было гораздо более традиционалистским и централизованным (издавна аборигены преобладали, а пришельцы растворялись, тогда как США — сплошные пришельцы, а Англия — это такие их водопады, что соотношение абориген — пришелец было 50:50), поэтому полный островной вариант и сегодня не проходит, а континентальная модель вырабатывалась поэтапно.

Ясно, что элита третьего сословия могла с первого захода получить только хартию, независимую прессу и равный по значению слабой королевской власти парламент, то есть то, что третье сословие не могло вырвать в XVII веке, во время Фронды, когда часть аристократов уже сдала двор и его номенклатуру, решив поставить на парламент. Собственно сословного общества во Франции не было с XVII века (помните, как Портос не погнушался жениться на деньгах прокурорши Кокнар), ибо французский рационализм не идеологичен.

Словом, Людовик XVIII, его хартия и его время, когда газеты были сильнее и влиятельнее монархии, — это и есть тот искомый вариант. Однако Франция получает это только в 1815 году (хотя бы начерно).

На что же ушли 25 лет, с 1790-го по 1815-й? На ликвидацию авралов и ЧП. Попытка приспособить к континентальному менталитету островной англо-американский вариант приводит к тому, что резьбу срывает: из скважины вырывается фонтан, но не нефти, а санкюлотов. Обращаться за помощью к плебсу так же накладно, как и выпускать из бутылки джинна: где гарантия, что он захочет назад? Он и не захотел. Все эксцессы якобинства — на его вкус и на его фасон устроенные кардинальные общественные «разборки». Однако, к чести французов, надо отметить, что ни Ленин (Грахх Бабёф со своим заговором «равных»), ни Троцкий (Исаак Ру и его «бешеные»), ни Зиновьев (Эбер) власти даже в 1794 году не получили. Падение Дантона и Демулена (французский вариант Виктора Чернова, Церетели и К²) предопределило и падение Робеспьера, который в нашей системе координат оказался бы левым эсером, чем-то вроде Марии Спиридоновой или Ларисы Рейснер (мягкий большевизм). Безумную утопию Мора или Кампанеллы не взяли на вооружение даже якобинцы.

Общество, кстати, избавилось от них своими силами (ликвидировало аварию), значит, контроль за ситуацией

не был утрачен. Директория — это прорыв в островной республиканский идеал, и всё было бы ничего, но слабая коллегиальная олигархия — это хотя и прогресс, но не тогда, когда на пятки наступает плебс.

Пока по плебсу не шарахнул из пушек в Тулоне авторитарный (хотя и вполне буржуазный) молодой Бонапарт, плебс не успокаивался. Империя — это сильный, вернее, преувеличенный вариант V Республики, то есть президентское правление, когда расщепляется плебс, богатеет и постепенно уходит в третье сословие; путем конвергенции создается новая военно-буржуазная элита, словно в заварном креме, размешиваются все прежние сословия. И здесь опять срывает вентиль: мир завоевывается не кирасирами, а мануфактурами; Францию и Наполеона занесло, и здесь-то и случается Реставрация и достигается мягкая конституционная монархия, оптимум для Франции того времени. 1830 год — это попытка воссоздания абсолютизма, это рецидив. Один расстрел, одна манифестация — и монархия сметена, а Орлеанская династия — дальнейшее обыгрывание президентской республики и олигархии; рецидив ликвидирован мгновенно. Плебса всё меньше, да и народа поубавилось. Буржуа — индивидуум, он уже — не народ.

1848 год пробивал дорогу современному трудовому законодательству, «народному капитализму», акционерству среди рабочих. В сущности, только рабочие в 1848 году не были буржуа (крестьяне уже приобщились к «этому варианту»). Срыв 1851 года, Луи Бонапарт — это опять недочет в создании третейского механизма олигархической власти.

С 1848 года по 1871 год происходит процесс дробления народа на личности, на единицы крупных и мелких хозяев. Общие интересы почти утеряны, частный интерес превагирует. Народ — это вообще что-то униженное, оскорбленное, голодное и нуждающееся в срочном спасении. Поэтому так просто оказалось в 1871 году (для олигархии, конечно). Бедные коммунары! Они затрубили в свой Рог, а Карл откликнуться не мог: народа уже не было как общности. Коммунары не опередили время, а отстали от него. Отстающие гибнут вместе с Роландом в Ронсельванском ущелье. С Коммуной олигархия справляется сама, и это — смертный приговор монархии: сильная рука больше не нужна.

1968 год — неиррациональный бунт. Даниэль Кон-Бендит помог V Республике проделать в своем палисандровом ящичке дырочки для воздуха. Даниэль сказал: общество не идеально.

Общество расколосось, призналось во всем чистосердечно и создало Римский клуб, зеленых, хельсинкские группы, Армию спасения, Корпус мира и прочие разносолы. Коварный прогресс отказался от самодостаточности и стал ломать руки и искать смысла жизни (в свободное от производства и потребления время). Как против него бунтовать? Ты ему говоришь: бяка! А он тебе: я и сам знаю, да что поделаешь? Почва протеста поросла травой забвения.

С каждой революции французы получили и товар, и навар. Поэтому 14 июля они не бьются в истерике и не бьют друг другу морды, как мы 7 ноября или 12 марта, а пускают шутихи, смотрят фейерверк и покупают в киосках значки с Маратом и Дантоном. Всё оприходовано, всё пошло на пользу.

Другое дело — мы. С 1905 года ничего не получили, кроме нулевого Съезда народных депутатов Российской империи — четырех Дум. Перманентный митинг и никакой функциональности. Благодетельные столыпинские реформы не упразднили плебс, а приумножили. В феврале 17 года чернь сделала еще один рывок, октябрь 17 года — это уже пришествие Красной смерти. Буржуа были вырезаны начисто, все 300 миллионов стали чернью и плебсом. Все эти тьмы и тьмы против Борового, Тенякова и Федорова — слишком неравный бой.

Мы — вечная кавалерия, не слезающая с коней, спящая в седле, новые кентавры, а наши революции — самые бескорыстные в мире. Ни себе, ни людям.

В этом мы достойны своих славных предшественников — ордынцев. Что может быть бескорыстнее Орды? Где теперь Чингисхан, Батый и команда? Где всё наработанное от набегов и походов к Последнему морю? Голосуют, болельные, о выходе из состава Московского великокняжества. Поэтому, когда я слышу об особом российском пути, мне хочется кусаться.

Конечно, у всадников Апокалипсиса особый путь. Им мы и следуем без малого 7 веков. Так что пять-ноль в пользу острого галльского смысла против сумрачного российского гения.

ШЕЛ Я ВЕРХОМ, ШЕЛ Я НИЗОМ, СТРОИЛ МОСТ В КАПИТАЛИЗМ

«Хозяин», № 13 (45), апрель

В сказке Андерсена «Снежная королева» у одного вредного тролля было кривое зеркало. Но вот однажды оно разбилось, и тут-то начались настоящие неприятности, ибо его осколки разлетелись по всему свету.

Примерно то же самое произошло с разбегающимися суверенными обломками СССР. Армения и Азербайджан, сбросив всякие ограничения, которые налагал на них советский колониализм, решили, видно, истребить друг друга в войне за карабахское наследство, имеющей тенденцию стать Столетней. Когда им не хватает боеприпасов, они берут заложников из ближайших частей армии СНГ. Да и части армии СНГ тоже хороши: в зависимости от последней моды в Москве помогают организовывать карательные экспедиции то одной, то другой стороне, забыв старинную поговорку: «Двое дерутся, а третий не мешай».

Еще любопытнее дела в Узбекистане. Президент Каримов побывал в Хельсинки, проникся духом Европейского Сообщества и обещал по телевидению любезным хозяевам устроить в Узбекистане Европу. Европейцы прослезились. Вернувшись на родину, господин Каримов немедленно принялся за дело: приказал разгромить партию Исламского Возрождения и движение «Бирлик». В результате этого вхождения в Европу штаб-квартиры национально-демократических организаций разгромлены, архивы и техника конфискованы, 70 активистов арестованы.

Не дай Бог президент Каримов съездит в Рим, посетит Ватикан и уверует в Бога. Тогда он сразу же заведет у себя инквизицию. Известно ведь, что заставь советского президента Богу молиться — он и лоб расшибет.

Но самый неожиданный сюрприз преподнесла Грузия. Согнав с насиженного места Звиада Гамсахурдиа, не добившись взаимности от потомков грузинских царей, ныне скромных испанских гонщиков, и не рассматривая возможность завести у себя демократию даже гипотетически, Военный Совет и осиротевший народ вручили венец и бразды Эдуарду Шеварднадзе, который вернулся не с пустыми руками, а с немалым приданым из долларов, связей

и придворного опыта, заработанного стажировкой в Москве. Шеварднадзе обещает сделать Грузию образцово-показательной демократией.

Странно, почему он не попытался сделать это раньше, во время своего более чем десятилетнего трудового стажа на посту грузинского генсека. И с грузинскими демократами тоже не всё ясно: если им так мил Шеварднадзе, то стоило ли бунтовать с апреля 1989-го по февраль 1992-го, ведь Шеварднадзе они имели еще до «перестройки»?.. Во имя чего было столько человеческих жертв? Во имя осуществления пословицы «Надоело играть косточкой, покатай желвачок»?

В России мы тоже не стоим на месте: увидев, что народ выжил и не возроптал в процессе сдирания с него шести шкур, реформаторские власти решили реформу продолжать и содрать с народа последнюю шкуру, седьмую, сделав либеральные цены еще либеральнее: вплоть до полного волюнтаризма. Причем над великими русскими реками, в отличие от некрасовских времен, не прозвучал даже сколько-нибудь приличный стон...

О ДОВЛЕСТЯХ, О ПОДВИГАХ, О СЛАВЕ

«Хозяин», № 22 (54), май

Недавно журналисты разжились интересным документом, который им показали из-под полы ГБшные диссиденты. Документик такой, что им тут же хочется поделиться с родным читателем. Во-первых, он уже втихую, без публичных обсуждений и консультаций с общественностью отцами демократии из ВС подписан. И решено, что вы этот документик никогда не увидите, ибо тайное (и тайная полиция в том числе) не должно становиться явным.

Согласно этому документу, вербовать стукачей можно законно, конституционно, с выслугой лет и пенсий, и не как раньше, во времена застоя, — втихаря, а, пожалуй, теперь и отдел кадров можно для сексотов завести. Так что товарищи демократы высказались не только за прозрачные границы, но и за прозрачные стенки.

Согласно документу, демократические агенты имеют право без всякого ордера и не ставя вас в известность

порыться всласть в вашей квартире, причем нигде не отмечено, что они должны хотя бы вытереть ноги о коврик. Основания для подобных шуточек-дрючек достаточно традиционные: сменившая революционную демократическая целесообразность.

Сценарий такой: органам кажется (а они у нас очень мнительные, им с 1918 года все время являются призраки врагов народа), что у вас в квартире они найдут нечто, способствующее раскрытию преступления. Они не наступают на горло своей песне, а идут и ищут, пока вас нет дома. Если находят — их счастье. Если не находят — тоже не страшно. Идут в прокуратуру и спрашивают разрешения (задним числом). Прямо как у кардинала и миледи из «Трех мушкетеров»: «То, что сделал предъявитель сего, сделано по моему приказу и для блага государства». Архивы КГБ, с 1918 года начиная, теперь закрыты навек: туда нельзя соваться без консенсуса со всеми стукачами, работавшими по делу инкогнито, дабы не смущать их честное демократическое горячее сердце. Так что чистыми руками и с холодной головой демократическая власть все концы похоронила в братской могиле на Лубянской площади: живые сексоты вам разрешения не дадут, а мертвые тем паче.

Теперь становится понятно, почему Бельгия и Италия выслали советских демократических шпионов, работавших на полставки в посольстве. А мы-то голову ломали: за что же Ваньку-то Морозова? Ведь на конгрессе шпионов в Болгарии российские представители клялись и божились, что отныне у них в должностных инструкциях записано, что шпионить можно только в интересах демократии и опираться на новое мышление и общечеловеческие ценности. Мы уж грешным делом подумали, что Италия и Бельгия имеют что-то против демократии. А оказывается, они просто наш документик о ГБ раздобыли (это для россиян он тайный, а в Штатах его специально на стендах расклеят). И представили себе европейцы, как демократические российские шпионы входят в их общеевропейский дом, не вытерев ноги о коврик, читают их любовные письма, а потом шлют факс прокурору России Степанкову и просят разрешения...

Один шпион оказался из «Комсомольской правды». Журналист, говорят, плохой, потому что совмещать было трудно. Теперь приехал и начнет хорошо писать о завоеваниях августовской демократической революции. Дела... А у нас в «Хозяине» шпионов нет: штатное расписание не позволяет.

Еще одно счастье нам привалило: восстановлена географическая справедливость. Мудрый наш ВС решил, что Крым в 1954 году Украине отдали незаконно. Теперь в самый раз об Аляске вспомнить: продали дешево при проклятом царизме, пусть отдадут назад американские заглотные империалисты. То-то у нас первая Крымская война была удачная! Давайте по новой устроим Севастопольскую оборону. Правда, Толстого нет. И Чехова нет. А жаль! Последний как раз сказал бы: «А демократия-то с душком-с!»

**ЗА США, ЗА ЕЛЬЦИНА, ЗА ВЕРУ
МЫ ГРЯНЕМ ГРОМКОЕ УРА-УРА-УРА!**

«Хозяин» №25 (57), июнь

Обратим свои усталые взоры к немеркнущему дню 12 июня, когда впервые в истории прогрессивного человечества в святцы был занесен день независимости метрополии от ее бывших колоний (вот он, загадочный русский путь! Вот они, тайны славянской души! Небось все остальные делают наоборот. США и Индия празднуют День независимости от Британии, а не Британия от них). Как и следовало ожидать, власть ела свой именинный пирог в полном одиночестве, а народ либо скандалил, либо в лучшем случае безмолвствовал. В проклятую эпоху застоя он бы пил и закусывал, но ныне в силу блестящих экономических успехов правительства реформ этого третьего варианта ему было не дано. Христианнейший президент катался по Москве на любимом вороном ЗИЛе с вплетенным в гриву трехцветным флажком и христосовался со специально отобранными массовками. Патриотические организации заранее праздновали независимость России от Ельцина, а «Демократический Союз» соорудил заявление, где объявил 12 июня днем национального траура.

Но пока одни оппозиционные организации скромно писали меморандумы, другие взяли быка за рога, то есть Останкинскую телебашню приступом. Фундаменталистские партии и движения, отчаявшись попасть легальным путем на телевидение, проникли туда силой, осыпав телевидение, его сотрудников и его хозяев оскорблениями, которым их, впрочем, советские масс-медиа и научили, каждый день обогащая свой арсенал брани в адрес несогласных

и инакомыслящих, хотя, видит Бог, оставленное Лениным, Сталиным и Хрущевым наследство и без нововведений неплохо выглядело.

Наверное, у нас единственная демократия в мире, где не телевидение бежит за оппозицией, а оппозиция прыгает вокруг телевидения в тщетной надежде что-нибудь сказать в эфире. Когда вы будете читать эти строки, великое противостояние у Останкина уже чем-то (надеюсь!) кончится. Но пока пикетирующий спортивный лагерь на берегу Останкинского пруда обзывает телевидение, а телевидение, вполне на уровне своих оппонентов, эфира не дает, обзывает пикетчиков и собирается бастовать в знак протеста против требования свободы слова.

Интересно, что Егор Яковлев заявляет, что не может давать кому попало эфир без разрешения кое-кого. А еще говорят, что у нас нет цензуры...

Святая Троица прошла с большим подъемом, потому что вся страна собирала и наряжала невесту — президента Ельцина, собирающегося в Вашингтон сватать нас господину Бушу. В Троице-Сергиевой лавре невесту благословили иконами и березовыми ветками: гряди, голубица! Хотелось бы знать, когда президент Буш собирается в гости, очень ли волнуются в Америке, понравится их президент иноплеменникам или нет?

В лавре Борис Николаевич пожелал народу смирения и терпения как единственных потребных ему качеств при переходе к рынку. Впрочем, после сенсационного требования «ДемРоссии» ликвидировать останкинские пикеты и пикетчиков уже ясно, что христо- и президентолюбивый народ получит награду на небе, а нахалов, чего-то требующих, «ввергнут во мрак, и там будет стон и скрежет зубовой». Жаль, что в лавре президент не попросил благословить демократические дубинки. Советская церковь советской власти в таких мелочах не отказывает.

НА ХОЛМАХ ГРУЗИИ ЦАРИТ НОЧНАЯ ТЬМА

«Хозяин», № 27 (59), июль

В конце мая Комитет защиты законной власти Грузии, созданный грузинской интеллигенцией Москвы, после многих и тщетных хождений по западным посольствам

и официальным российским инстанциям добрался до комиссии Моссовета по защите прав граждан и пригласил депутатов приехать в Грузию, чтобы засвидетельствовать нарушения прав человека нынешним Госсоветом. Пять депутатов, журналист из «Столицы» и я составили маленький правозащитный десант, который и высадился в Сухуми 26 июня. То, что все переговоры о поездке шли по телефону, а сама поездка хранилась в тайне до отлета, — все эти конспираторские пассы в Москве казались мне надуманными и театральными. Я их списывала на присущий грузинам романтизм. Только в Грузии я поняла смысл таких мер предосторожности.

Приятности отдыха в солнечной Абхазии

Сюрпризы начались в аэропорту. Когда наш дряхлый самолетик героически сел в полной темноте без локаторов, которые, как и полагается при перестройке, не работали, я заметила, что в кустах, налево от Ту-134, стоит что-то вроде мраморной статуи: то ли девушка с веслом, то ли мальчик с тритоном. При ближайшем рассмотрении статуя оказалась в штатском, но с поднятым скульптурно автоматом. Под соседним кустом высветилось то же самое, но здесь автомат был в позиции, приближенной к боевой. И это был не почетный караул, а абхазская Национальная гвардия, защищающая аэропорт от грузинского «госсоветовского» десанта. У встречающих нас членов Хельсинкского Союза Грузии была трудная задача: развезти всех прилетевших «на постой» до наступления комендантского часа (с 12.00 до 6.00) и успеть вернуться за журналистом из «Столицы», который опоздал на наш рейс. Сложность была еще и в том, что членам Хельсинкского Союза Грузии нельзя было ночевать в отделении милиции за нарушение комендантского часа: и Автандила Давитая, и Дали Силагадзе ищут, ибо тбилисские власти приказали их арестовать, и если они окажутся в участке...

И пока депутаты дивились, за что же можно арестовать правозащитников в правовом государстве, я не стала задавать праздных вопросов: слишком хорошо помню 70-е годы и аресты в Хельсинкской Московской группе.

По дороге в город мы узнали обнадеживающий факт: в Абхазии власть Госсовета не признают, здесь свой парламент, арестовывать здесь сложнее, чем в Тбилиси. Скорее всего, просто пристрелят, благо «Мхедриони» («Всадники», незаконные вооруженные формирования, подчиняющиеся Джабе Иоселиани) имеют свою базу в городе. А так члены Хельсинкского Союза даже иногда появляются дома (но не очень часто) и могут днем пройтись по улице. Режим, так сказать, наибольшего благоприятствования.

Утром выяснилось, что в трехэтажном пансионате, окруженном коттеджками, мы живем совершенно одни, что во всем Сухуми нет ни одного курортника, что даже местные жители стараются без нужды на улицу не выходить. Пляж был пуст, как в первый день творения, а море — кристально и — безлюдно, как до Адама. Стало понятно, почему одного депутата не пустила в эту поездку жена...

Завершающий этап перестройки

Рассказывает двадцатишестилетний Автандил Давитая:

«При президенте Гамсахурдиа в Грузии выходило 20 оппозиционных газет, свободно доставлялись газеты из Москвы (приходили по подписке и продавались в киосках). Сейчас русские газеты стали крамолой. Их даже подписчики не получают, их распространяют как самиздат. Последние оппозиционные газеты закрыты, причем без решения суда: пришли и навесили печати.

Буквально два дня назад закрыли "Иберию-спектр". Теперь выходит только тоненький "нелегальный" листок "Грузинская мысль", что-то вроде "Хроники текущих событий" образца 70-х годов.

В Грузии сейчас 14-15 незаконных вооруженных формирований, в том числе и партийных. Они не признают никаких законов и стреляют без предупреждения. Главное бедствие — "революционные" "Мхедриони". Им не платят жалованья, они на хозрасчете: что награбят, то и зарабатывают. Вчера у наших друзей забрали на улице машину: "Зачем она вам?" — говорят. И это еще удачно, что не избили. В случае сопротивления пристрелили бы без разговоров.

Бывали случаи, когда в жару водитель и пассажиры раздевались и ехали в трусах или купальниках. Так им и одеться не давали, выкидывали из машины прямо в трусах: как хотите, так и добирайтесь, а до города может быть и 50, и 100 км.

В больницах разграблены все наркотические средства: боевики "Мхедриони" без шприцев не ходят, большая часть — наркоманы.

Госсовет после изгнания президента Гамсахурдиа провёл оригинальную амнистию: выпустили не впервые оступившихся, стариков, инвалидов, а воров-рецидивистов и убийц с условием, что они будут служить Госсовету с оружием в руках. Вот они и служат. Власть — у воров в законе. Джаба Иоселиани называет себя политзаключенным, но у нас есть копия приговора, а из него явствует, что он грабил и насиловал. Из политических соображений? Так теперь он этим же занимается. Тоже политические соображения?»

Почему нарушены законы жанра?

Хорошая журналистка — доказательная журналистка. У редакции есть все имена, но я не буду их здесь называть, ведь этот материал будет нелегально распространяться в Грузии. Его прочтут и те, от кого зависит арест или даже негласное убийство тех смелых людей, которые, рискуя жизнью, дали нам эти сведения. Я могу назвать только имена жертв и тех, кто уже на нелегальном положении.

Когда Автандил и Дали посадили нас в «Як», улетавший в Тбилиси, по дороге из аэропорта в город их машину обстреляли. Возмездие последовало немедленно, едва мы успели взлететь: за новой «демократической» властью не заржавеет. Хорошо, что Автандил, у которого, кстати, в его 26 лет уже был инфаркт, выжимает из своего «жигуленка» 160 км/ч. На этой скорости они ушли от «Мхедриони», иначе их уже не было бы в живых. Так что пусть простит меня читатель: в Грузии не 1992-й, а 1937 год, с той разницей, что есть сопротивление и партизанские зоны, как в Белоруссии 1941—1942 гг., и некоторые имена нельзя назвать даже под пыткой. (И это тоже не гипербола, а типичный способ допроса в «демократической» Грузии.)

Веспредел

Мы едем в Зугдиди, центр Сопротивления, где действует Западное вооруженное партизанское формирование и зугдидский батальон Национальной гвардии, верный президенту. По дороге узнаем, что формируется тбилисская партизанская бригада (из верных З.Гамсахурдиа гвардейцев). Нас сопровождает один из партизанских командиров, благовоспитанный человек с высшим образованием. Теперь мы уже знаем, что для оппозиции есть три пути: в подполье в городе, в партизаны, в застенки. По дороге из Сухуми проезжаем пост-засаду абхазских внутренних войск. Бетонные блоки поперек дороги, бронетранспортер, мальчишки в защитной форме с автоматами. Мы для них — свои. Вообще это, наверное, единственная бывшая республика бывшего СССР, где русские — не оккупанты, а свои. Непонятно, как при подобной незлобивости народа всё это может происходить: «Мхедриони», расстрелы, аресты, пытки. (Здесь я вспоминаю про Сталина и Берию и думаю: в семье не без урода. Но кто же знал, что это может повториться в 1992-м?)

По дороге выясняем, что эта засада здесь называется «пикет», что она не удержит танки, а просто даст знать главным силам о приближении опасности, и те силы уже примут бой, если войска хунты (так здесь называют Госсовет) попытаются покорить Абхазию (а ждут их здесь с таким же чувством, как в Москве 1941-го ждали немцев).

Узнали также, что ни Абхазия, ни Аджария, ни Кахетия не подчиняются Госсовету, что гражданская война здесь не метафора, а быль, что Мингрелия, куда мы едем, может быть, уже захвачена войсками и «Мхедриони», потому что она и подавно их не признает.

Мы едем в Зугдиди, а «Мхедриони» или туда вошли, или вот-вот войдут. Надо понимать так, что едем мы прямо к черту в пекло и неясно, то ли приедем обратно, то ли нет.

Меня просят оставить в Сухуми подаренную книжечку лекций З.Гамсахурдиа с его портретом на обложке: если Зугдиди уже захвачен, то за этот портрет могут расстрелять. Беру его с собой назло: возникают довольно четкие ассоциации, когда вспоминаешь, кто и где расстреливал за портреты и при каких режимах.

По дороге нам рассказывают, что только в Тбилиси при разгонах митингов с января убиты 50—60 человек, свыше 700 человек ранены.

Двадцать шестого мая, в День независимости Грузии, в 100 шагах от площади, по которой прогуливался Бейкер, разгоняли дубинками и выстрелами в воздух митинг оппозиции и заглушали шум вертолетами... Бейкер, конечно, ничего не услышал (хроническая глухота западных демократий).

Правовое государство в Грузии создается довольно любопытными методами: президент свергнут, парламент распущен, конституция приостановлена... Участников митингов и деятелей оппозиции убивают у их подъездов без суда и следствия.

Если в октябре и состоятся выборы, то это будут выборы, не имеющие прецедента: избирательный закон не предусматривает кворума и разрешает передачу голосов, в том числе от кандидата к кандидату «по потребности». Словом, если 100 человек придут на выборы, а 20 человек проголосуют за список Госсовета, выборы будут признаны действительными! Даже хунте страшно публиковать такой закон, и он не напечатан.

Доезжаем до Зугдиди. Здесь напряжение достигает предела: ждут «Мхедриони» с минуты на минуту.

Идет митинг. Это партизанский район, поэтому у кого автомат, у кого пистолет, на худой конец, лимонка за поясом. Симпатичные мальчики, от которых не исходит никакой угрозы. Чувствуется, что стрелять из этих автоматов для них хуже смерти, просто другого выхода нет.

Какие здесь странные партизаны! Когда они берут в плен боевиков «Мхедриони» или гвардейцев, они их обезоруживают и отпускают: не могут убить безоружного, не могут стрелять в «своих». Отпущенные получают новое оружие и возвращаются убивать тех, кто их помиловал.

После митинга (депутаты вспомнили о своем статусе наблюдателей и еле удержались от выступления, я решительно позабыла о статусе журналиста и выступила, после чего поездка в Тбилиси обрела особенный вкус, поскольку охранка хунты присутствует всюду, в том числе и на этом митинге) нас провели в маленькую заднюю комнату.

Туда пришли матери сыновей, убитых на митингах и просто в городе («Мхедриони» стреляют на ходу из машин

в прохожих). Одна мать просила оставить ей единственного сына. «Вот мы его и убьем, чтобы никого не оставалось», — ответили ей. Мать попыталась закрыть сына собой. В последнюю минуту мальчик отпрыгнул от матери, чтобы не убили и ее...

В Грузии по убитым носят глубокий траур и черные покрывала. Ко мне подошла женщина, у которой еще никого не убили, и сказала: «У меня шесть детей, я всех отдам и сама встану рядом».

Давно в наш развращенный век я не слышала подобного. Под охраной гвардейцев зугдидского батальона пришли перешедшие на нелегальное положение депутаты ВС (народ охраняет их, ведь на них сейчас идет настоящая охота, и поголовные аресты ждут весь депутатский корпус, особенно тех, кто участвовал в сессии в Грозном).

Рассказывает депутат Вахтанг Четава, сидевший и с Глебом Якуниным, и с Юрием Орловым:

«Меня арестовали 4 апреля. Без ордера, без санкции прокурора. У нас это делается просто: приходят вооруженные боевики с автоматами и уводят. Я был в Доме правительства во время осады, защищая президента. С 4 апреля я сидел 30 суток без предъявления обвинения, давали 70 г хлеба в день и больше ничего. Сидел все это время в карцере. Боевики "Мхедриони" били меня ногами, выбили зубы. Я потерял сознание... За стеной допрашивали какого-то участника Сопротивления, он отказывался говорить, ему сказали, что тогда его изнасилуют. Он кричал: "Расстреливайте, только не это!" Я слышал, как его волокли по коридору. После 30 дней ареста мне сказали, что держат в качестве свидетеля. Я рассмеялся им в лицо. Тогда мне заявили, что я участвую в преступной организации с целью свержения конституционного строя. И держали еще 10 суток».

И это еще счастливый конец! Депутатов в тюрьмах насиловали. Изнасиловали даже одну женщину-депутата. Она в ужасном состоянии, не выходит из шока... Нам показали видеofilьмы с расстрелами митингов: черные зловещие фигуры в плащах поперек дороги, маски на лицах, выстрелы, кровь на мостовой, падающие люди, бронетранспортеры, гоняющиеся за демонстрантами, и снова поперек дороги черные зловещие «тарантулы» в масках...

Идет советская техника, танки, самоходки, штурмовавшие Дом правительства. Те же танки и пушки оказались у якобы захваченного «звиадистами» телевидения. Никто его не захватывал, это была полицейская мышеловка, в которую сначала попался Вальтер Шургая, а после его призыва — и другие оппозиционно настроенные интеллигенты. А потом мышеловку захлопнули. Счастлив был тот, кто опоздал. Впрочем, таких берут дома. Раз, мол, вы не были на телевидении, значит, вы — руководитель.

«Звиадисты» относятся к президенту Гамсахурдиа спокойно, без восторгов: одни очень любят (но не холопски), другие уважают, третьи просто считают, что законная власть должна быть восстановлена. А их противники говорят о нем с ненавистью, доходящей до помешательства. Уже после нашего приезда «Мхедриони» вошли в Сенаки. Если они находили портреты Звиада, то заставляли людей рвать их... и поедать под страхом немедленного расстрела.

Воскресают страницы первого тома «Архипелага ГУЛАГ». Префекта Ахметского района, доцента университета, филолога Вану Турашвили, отказавшегося сотрудничать с хунтой, пытали, переломали все ребра, сажали на бутылку. Когда это не помогло, дали прослушать пленку с записью инсценировки расстрела его жены и детей. Принесли телеграмму (подложную) от Гамсахурдиа с соболезнованиями по поводу гибели его семьи. Не помогло и это. Тогда ему ввели наркотики и заставили в бессознательном состоянии что-то подписать. Он письменно отказался от данных под наркотиками показаний, как только вышел из застенка. Допрашивали так:

— Ты говорил, что Гамсахурдиа вернется?

— Говорил.

Удар. Удар.

— Скажи, что не вернется!

Удары.

— Ты говорил, что в Кахетии 93 процента поддерживают Гамсахурдиа?

— Говорил.

Удар. Удар.

— Скажи, что не поддерживают!

Удары.

Не знаю, есть ли здесь хотя бы гестаповская логика? Была ли логика у Святейшей инквизиции?

Какого цвета террор в Грузии?

«Звиадистами» Госсовет называет всю оппозицию без исключения. Все, кого я видела, были рафинированными интеллигентами, терпимыми, не желающими мести, готовыми к смерти, но не готовыми убивать. Им не хотелось уничтожить хунту — хотелось отстранить ее от власти. Они считают, что надо прекратить конфликт в Южной Осетии, и даже угроза ее отделения (куда, скажите на милость?) не должна подвигать к решению оружием этого вопроса.

Перед нами положили списки — мартиролог Грузии. Списки из иных времен, не из нынешних.

Убит поэт Бердиа Бериашвили, редактор газеты «Уисарткела». Были арестованы журналисты: Марика Абаишвили, главный редактор газеты «Сакартвелос Республика»; Тamar Эбралидзе — редактор газеты «Тависупали СакартVELO»; Тамаз Лукава — корреспондент телевидения; Анна Чавчавадзе — журналист-театровед; Эка Дадияни и Дели Гермаишвили. Депутатов берут потому, что их хотят принудить (о методах вы уже слышали) самораспуститься и назначить новые выборы после марионеточной сессии.

Уже арестованы депутаты: Гелантия Тариел (6 января), Дмитрий Дандагадзе, Бедзино Чолокашвили, Вальтер Шургая, Нико Келасония (с женой и даже с соседкой), депутат Цагарешвили (взяли 28 июня).

Могут взять в заложники ребенка (одного четырехлетнего малыша перепутали, пришлось возвращать и брать «тщательнее»), мать за сына, а потом показать по телевизору и сказать: «Пока сын не явится...»

Здесь стесняться уже перестали.

Джаба Иоселиани с экрана телевизора вопрошает: «На что вы жалуетесь? Мы же предупреждали — не ходите на митинги. Будете ходить — будем расстреливать». Бывший правозащитник Георгий Чантурия с того же экрана призывает истребить всех звиадистов и предлагает охранке указать места их встреч, фамилии и квартиры... Азеф все-таки был скромнее и старался себя так не афишировать.

С 24 по 29 июня только в Тбилиси произведено больше 40 арестов.

24 июня брали и журналистов: Лейлу Катамадзе, Тамару Галилахдишвили...

Действует комитет Сопротивления. Грузия встречает диктатуру лицом к лицу. Здесь идти на митинг приходится, как в атаку. Только без оружия.

Какого цвета этот террор? «Демократический»? Террор всегда красный, цвета крови.

У нелегитимной власти одно оправдание — ее благородство и доброта. Иначе... У нынешней грузинской власти — иначе. Какой-то странный гибрид между 37-м годом и латиноамериканскими вариантами с летучими «эскадронами смерти».

Боюсь, что моя радость в январской «Бочке дегтя» по поводу свержения «тирании» в Грузии была преждевременна. Стало гораздо хуже. Надо, наверное, крепко подумать, прежде чем штурмовать Дом правительства; и прежде чем об этом писать.

В Москве не было другой информации, кроме как от официозных «Вестей» и Ирины Саришвили, бывшего диссидента, нынешнего члена Госсовета, сподвижника Шеварднадзе. Если легко понять интеллигентов, которым не нравится власть, а нравится свергать президентов, то непостижимо, почему те же интеллигенты не выступают сегодня против злодеяний нынешней тирании.

А мир молчит — как всегда молчал. Финляндия даже ухитрилась отказать Звиаду Гамсахурдиа в визе на 9—10 июля, чтобы он мог выступить на конференции СБСЕ и рассказать что-то о положении в Грузии. Визу ему дают на 15 июля, когда работа конференции завершится.

Возникает вопрос: дали ли большевики Финляндии в 1918 году независимость? Судя по сегодняшнему поведению ее правительства, это была шутка... Мир молчал и в 1933-м, и в 1938-м, и в 1956-м, и в 1968-м... После того как грузинские правозащитники вручили делегации СБСЕ «Белую книгу» со списками жертв, с фотографиями расстрелов и разгонов, и ничего не последовало, даже ноты протеста по поводу репрессий, на Запад здесь больше не надеются. «Надеются только на крепость рук, на руку друга и вбитый крюк...» Надеются на нас с вами, на демократов России.

И надеются не напрасно. Российская интеллигенция еще никогда никого не бросила в беде: ни поляков, ни литовцев. Не бросит и Грузию. Ведь такое безграничное доверие

нельзя обмануть. Мы ответственны за тех, кого приручили. И только российская интеллигенция может помочь бескорыстно, ибо дорожит независимостью Грузии, как своей собственной.

Несмотря на репрессии, грузинская интеллигенция находит время и силы, чтобы пожалеть Россию. Здесь считают, что США хотят нашей гибели и полного подчинения. Здесь не поблагодарили Попова за сахар: а что останется Москве, ведь там тоже ничего нет? Сожжен дом отца президента, Константина Гамсахурдиа. Обуглен центр проспекта Руставели. Я видела людей, в чьи сердца будет стучать этот пепел. Народ имеет право выбирать. Особенно, когда за этот выбор готов расплачиваться жизнью. «Звиад Гамсахурдиа должен вернуться, ибо его избрал народ», — это решение оплачено кровью участников Сопротивления.

Свободе — привет и почет. Пускай бережет ее Разум.

А все тирании пусть дьявол возьмет со всеми тиранами разом!

(Роберт Бернс)

СТРАНА В КРЕСТАХ, А ГОЛОВА В КУСТАХ

«Хозяин», №36 (68), сентябрь

Когда миротворческие силы Эдуарда Шеварднадзе, используя вместо осляти — танки, вместо оливковых ветвей — ракеты и игольчатые бомбы, а вместо мирры и ладана — кровь мирных жителей, вступили в Абхазию, доскрежетали до Сухуми и взяли штурмом парламент, они первым делом отбили у бронзового Ильича голову.

Трудно понять, чем они при этом руководствовались. Разве что опасались, что Ильич, наблюдая за их подвигами, напишет очередное письмо к съезду народных депутатов на известную тему: «Товарищ Шеварднадзе нетерпим и груб, сосредоточил в своих руках огромную власть и должен быть заменен на посту генсека...»

К сожалению, не только голова Ильича оказалась в ближайших кустах, но и земля Абхазии и Грузии оказалась в крестах над могилами абхазских, грузинских и русских парней. Видно, головы лишился не только Ильич, но

и весь Госсовет во главе с Эдуардом Шеварднадзе, а заодно и российское руководство, которое подкинуло войскам Госсовета гаубицы, ракеты и танки в таком количестве, что их не только хватило на несчастных абхазцев, но и осталось на российских отдыхающих. Окрыленная российскими ракетами, хунта с дареного же вертолета расстреляла катер «Ракета» с эвакуируемыми российскими отдыхающими (много тяжело раненных, есть убитый). Причем было хладнокровно заявлено, что Госсовет здесь ни при чем, и наше родное правительство не посмело обидеться, хотя даже при том, что мы видали виды, трудно представить себе, что вертолет российских войск стал бы расстреливать российский же катер, а абхазы, звиадисты и марсиане вертолетами такой марки не располагают (причем у абхазов и звиадистов вертолетов нет вообще).

Потом войска Госсовета прикончили несколько российских пограничников и в виде извинения заявили, что их с кем-то спутали. Российские власти не обиделись и здесь. Подумаешь! «Недоразумение», — как сказал Госсовет. Метили в лоб, а попали по лбу.

Далее победоносная хунта арестовала Изиду Чания, корреспондента трех российских газет, и бросила в камеру пыток атамана казаческого землячества Владимира Шмалия и лидера армянского общества «Крунк» в Абхазии Сурена Кейяна, который уже при смерти. Абхазию карают за «сепаратизм». Может быть, Армения и Россия тоже должны признать над собой власть Госсовета?

Российская же прокуратура не нашла ничего более остроумного, как возбудить уголовное дело против Конфедерации горских народов Кавказа за естественное стремление помочь истребляемым народам Абхазии. В-первых, возбуждать такое дело глупо: с тем же успехом можно пытаться привлечь к уголовной ответственности Эльбрус, Казбек и теснину Дарьяла. А во-вторых, не напоминает ли это ситуацию 1941 года, когда сажали тех, кто до 22 июня выступил против нашего любезного союзника Адольфа Гитлера?

Я бы лично не стала ждать, когда Шеварднадзе дойдет до Москвы или до Волги...

**«ПАРОХОДЫ ИДУТ МИМО ПРИСТАНИ,
БУДЕМ РЫБУ КОРМИТЬ ЗВИАДИСТАМИ»**

«Хозяин», № 41 (73), октябрь

Эту популярную песенку в прозаическом изложении каждый день можно было услышать по тбилисскому телевидению в качестве художественной подготовки к «демократическим выборам» 11 октября с.г. Когда этот материал пойдет в набор, те 30—35 процентов демократического большинства, которые вообще на эти выборы собираются, уже сходят и вернутся к своим танкам и БТрам. Но поскольку перед этим мероприятием ведется подготовка по типу той, которая проводилась на Арбате перед проездом Сталина на Ближнюю дачу, то результаты предсказуемы уже сейчас. А потому не подвести ли итоги и нам?

Тем более что избирательный закон кворума не предусматривает, и если за Шеварднадзе проголосует его семья, а за Дж. Иоселиани — его «Мхедриони», а за Т.Китовани — его Национальная гвардия и за каждого партийного лидера — собственная партия, то такой процент считается достаточным для формирования «законного» парламента. Тот же Иоселиани на вопрос неопытного корреспондента, что же он будет делать, если его не выберут, — с прелестной непосредственностью ответил: «Подумаешь, я сам себя выберу...»

Великий маг и «прораб перестройки» Шеварднадзе по телевидению призывает к искоренению внутреннего и внешнего врага, обещая сравнять с землей Мингрелию, Абхазию, Чечню и заодно Северный Кавказ. Граждане, которые уже прониклись великой освободительной идеей «Смерть врагам народа!», тащат в полицию тех, кто кажется им недостаточно благонадежным. Проблема занятости решена: с работы выгоняют звиадистов, так что сторонникам Госсовета безработица не угрожает.

Идут превентивные (перед «демократическими» выборами) аресты сторонников законной власти в Грузии: в Кутаиси — 33 ареста, в Мцхете — 12 арестов, в Тбилиси квартирный вопрос тоже решен: все камеры переполнены.

После разгрома 16 сентября тбилисского митинга и ареста 37 его участников в столице на улицах — одни автоматчики,

БТРы и сторонники Госсовета. Противники не могут даже развернуть свои плакаты. Бьют до полусмерти и бросают в тюрьму.

К прессе отношение тоже «доброе»: ваш политический обозреватель пишет эти строки на 5-й день сухой голодовки в подземелье бывшей бериевской тюрьмы. Словом, кто хочет посмотреть 3-ю серию фильма «Обыкновенный фашизм», пусть покупает билет до Грузии и садится в первый ряд. Но это еще цветочки, а ягодки будут после выборов. Дж. Иоселиани уже обещал, что после 11 октября начнутся расстрелы, ибо демократия — это диктатура.

Сторонники Госсовета полны энергии и оптимизма. Им не хватает только танков и патронов.

Будем продолжать давать?!

ПОТУСТОРОННИЕ ВСТРЕЧИ В ГОССОВЕТЕ,

**или Допрос-интервью со вторым лицом
в Республике Грузия заместителем**

Э.Шеварднадзе господином Джабой Иоселиани

«Хозяин», №42 (74), октябрь

Обычно журналистам приходится гоняться за столь высокими особами, а те всячески отбиваются, ссылаясь на занятость. Ведь интерес у прессы и власти не всегда взаимный. Мне необыкновенно повезло. Не я гонялась за господином Иоселиани, а он за мной, причем с помощью «агентства» под названием «Бюро информации и разведки» (грузинский КГБ), «Мхедриони» и полиции.

Когда меня после ареста возле университета и чувствительных побоев (били ногами в ботинках по незащищенным ногам) из полицейского участка приволокли в Госсовет, наш с господином Иоселиани интерес был, безусловно, взаимный. Наша встреча в канун «демократических выборов» длилась три часа, причем госсоветовская сторона писала ее на магнитофон и снимала на пленку (видимо, для потомства, потому что с сегодняшними телезрителями ничем не поделилась). Господин Иоселиани считал, что ведет допрос. Я считала, что беру интервью, в результате каждый получил свое, и обе стороны не остались внакладе.

Декорации были следующие: Госсовет — громадное здание с колоннами, больше всего напоминающее Смольный после взятия почты и телеграфа, но перед взятием вокзалов, хотя всё это было взято господином Иоселиани еще в январе. Госсовет был переполнен мхедрионовцами с автоматами, каждый из которых объяснился мне в любви («с каким наслаждением я бы тебя лично расстрелял»), ящиками со снарядами и т.д. Были и знаменитые броневики (в виде БТРов во двореке).

В кабинете господина Иоселиани вместе со мной находился целый ряд жутко заинтересованных слушателей с автоматами (для хунты это что-то вроде галстука, без автомата неприлично появляться на людях, и еще у многих черные очки — как у тонтон-макутов папаши Дювалье).

Итак, 23 сентября, вечер. Выбираю из интервью в наручниках самое интересное.

В.Н.: Добрый вечер, господин Иоселиани. Сразу будете расстреливать или сначала кипятком оболъете, как политзаключенного Зазу Циклаури?

Д.И.: Сначала мы вас с картошечкой поджарим. И побеседуем немного. Художественная часть, так сказать. Времени у нас много, вам дали 15 суток ареста.

В.Н.: Интересно, кто же это дал? Если вы лично, то вы и больше можете. Почему не 15 лет?

Д.И.: Подумаешь! Если вам нужно, я могу утром судью привести. Он все оформит.

В.Н.: В самом деле, раз вы разогнали законодательную власть и изгнали исполнительную, то судебной было одинокое. Правильно сделали, что решили и ее упразднить. Лист бумаги дайте, пожалуйста!

Д.И.: Зачем?

В.Н.: Заявление о сухой голодовке напишу. 15 суток это не продлится, суток 6 — вы на себе сэкономите.

Д.И.: Я сам голодовку держал! А вы комедию ломаете.

В.Н.: Ну так вы же драматург. Сыграем наш спектакль, только Вам явно выпала в нем отрицательная роль.

Д.И.: Вот вы советник Гамсахурдиа; ребята, сходите в библиотеку, принесите ей газету из подшивки, там ее президент выступает на митинге, и глаза у него выпученные.

В.Н.: Захватите заодно газету «Дрони», где господин Иоселиани говорит, что тот, кто пойдет на несанкционированный митинг, получит пулю.

Д.И.: Правильно, я это говорил, я не отказываюсь от своих слов. Зачем митинги? Мы демократическое государство строим. Порядок должен быть.

В.Н.: Вы что, вообще против митингов?

Д.И.: Зачем против? Я сегодня выступал на предвыборном митинге. Мне так аплодировали!

В.Н.: Скажите, господин Иоселиани, а на этом митинге вы были один или с автоматчиками?

Д.И.: Конечно, с автоматчиками! И с БТРом. Иначе никто уважать не будет.

В.Н.: Почему же вы своим идейным противникам проводить митинги не даете? Вот 16 сентября вы звиадистский маленький митинг разогнали...

Д.И.: И будем разгонять! Митинги должны быть правильными, как у нас. А они невесть что говорят, народ смущают, а народ должен думать что-нибудь одно.

В.Н.: Господин Шеварднадзе часто бывает на Западе. Он что, вам ничего по возвращении не рассказывает, как осуществляется демократия в США, в Великобритании?

Д.И.: Эдуард Шеварднадзе великий человек! Он избавил человечество от третьей мировой войны.

В.Н.: Чтобы развязать четвертую? На Кавказе? Вам известно, что до 1985 года он диссидентов сажал?

Д.И.: А что еще с ними делать?

В.Н.: Вот ваш ближайший помощник, когда меня сюда вез, заявил, что Гитлер — идеальный руководитель для немецкого народа и много сделал ему добра. Вы его не уволите?

Д.И.: А что он такого сказал?

В.Н.: Господин Иоселиани, при таких воззрениях на вещи зачем вам вообще выборы? Власть у вас есть, оружие — тоже, палачей и застенков хватает...

Д.И.: После выборов мы вот такие будем (показывает кулак). Мы расстреливать будем!

В.Н.: Господин Иоселиани, после всего вами сказанного что же вы обижаетесь, что в листовках вашу хунту называют фашистской?

Д.И.: Мы не хунта, мы революционеры!

В.Н.: Большевики тоже говорили, что они революционеры.

Д.И.: Я полжизни в тюрьме сидел, в 40 лет школу кончил, потом доктором наук стал...

В.Н.: Я вас обвиняю не в прошлых прегрешениях, а в том, что вы сегодня палач и убийца. Зачем вы митинг 2 февраля расстреляли?

Д.И.: И правильно сделали, что расстреляли! Там же было вооруженное противостояние.

В.Н.: Вы хотите сказать, что у митингующих было оружие?

Д.И.: У них было слово, а это еще хуже оружия.

В.Н.: Значит, на слово будете отвечать пулями?

Д.И.: Обязательно! Вот ваши листовки, которые вы раздавали студентам: они провокационные, клеветнические, преступные, вы к бойкоту выборов призываете.

В.Н.: Знакомые формулировки. Скажите еще, что я занимаюсь антисоветской деятельностью и устои подрываю. Вам известно, что ваши люди меня били?

Д.И.: Они еще и не то могут! Вот мы опубликуем текст нашей беседы, и вас просто на улице убьют.

В.Н.: «То, что сделал предьявитель сего, сделано по моему приказу и на благо государства»? Тоже знакомо. Конечно, вы очень хотите быть фашистами, но не дотягиваете. У фашистов должна быть стабильная экономика, мощная армия, полное народное единство. А здесь экономику вы развалили, народ против вас, в Абхазии вас бьют... Вы маленькие, чахлые, недоделанные фашистики. Бодливой корове бог рог не дает.

Д.И.: Абхазия — часть Грузии! Мы имели право танки передвинуть!

В.Н.: Тогда Горбачев, выходит, тоже имел право танки в Вильнюс ввести, он же считал Литву частью СССР.

Д.И.: Мы вас завтра вышлем в Москву.

В.Н.: Меня нельзя насильно выслать на самолете, я в воздухе его покину через люк, со мной на этих условиях ни один экипаж не полетит.

Д.И.: И если вы вернетесь в Грузию, вы заплатите за всё!

В.Н.: Я у вас не спрашиваю, зачем вы свергли законную власть. Это все равно, что у большевиков спросить, зачем они устроили октябрьский переворот.

Д.И.: Я этих интеллигентов мог убрать и раньше, за один день мог убрать! А я еще терпел семь месяцев.

В.Н.: Ваше долготерпение вам зачтется. Я ведь советник президента по правам человека, после возвращения

в Грузию законной власти мне же вас придется защищать от народного гнева. Помогите же мне хоть немного, пожалев хоть кого-нибудь из своих сограждан. Зачем Зазу Циклаури пытали?

Д.И.: Никто его не пытал. Он взорвал вместе с моей машиной полквартала, его люди били.

В.Н.: Господин Иоселиани! Они могли ему кости переломать, но ведь в Тбилиси нет горячей воды! Они что, ее сначала согрели, потом из соседнего квартала притащили, а потом стали его кипятком обливать? Кто же в это поверит?

Д.И.: Он признался в терроризме, через 2 дня процесс будет. (*Примечание: процесса нет и до 15 октября, потому что Зазу Циклаури сломать не удалось никакими пытками.*) Я вам сейчас других людей приведу, они сами скажут, что они террористы, что они мосты взрывали!

В.Н.: Не утруждайте себя. На процессах 37 года еще и не в том признавались.

Д.И.: Вы неисправимы. Вы платный агент Звиада Гамсахурдиа! Вас исправит жизнь. Ваш приговор приостановлен, но он — за вами.

В.Н.: Да чем же платить несчастному Звиладу? Вы ограбили всю Грузию, вот вам есть чем платить. А свободе служат даром. Что до приговора, то вы его вынесли всей Грузии. Надеюсь, она не даст привести его в исполнение!

P.S. На этом кончилось интервью, и наша первая встреча завершилась. На дорожку член Госсовета господин Гогуадзе объяснил мне, что Госсовет снимает с себя ответственность за мою жизнь, а подручные с автоматами дополнили, что меня застрелят прямо на улице: «Убьем и отвечать не будем, скажем, у нас хаос и дестабилизация». Дальнейшие главы из «репортажа с петлей на шее» читайте в следующем номере*, ибо для журналиста сегодняшняя Грузия — просто Клондайк, если, конечно, ребра и череп обладают повышенной прочностью, так как это оказалось главным при сборе материала накануне демократических выборов при Эдуарде Шеварднадзе.

* Продолжение опубликовано не было.

В КОМУНИСТИЧЕСКОЙ ВРИГАДЕ С НАМИ ЕЛЬЦИН ВПЕРЕДИ!

«Хозяин», №51–52, декабрь

Представьте себе такой сон в ночь перед Рождеством: засыпает рядовой американский республиканский демократ, и снится ему, что президент Клинтон обращается по Эн-би-си к американскому народу и говорит: «Избавьте меня от Конгресса, а заодно и от Сената. Не могу, мол, их больше терпеть, потому как они жутко реакционные и похожи на британскую палату лордов. Я с ними работать не могу. И вообще проводим плебисцит на тему: кого больше любит американский избиратель: законодательную власть или исполнительную?» А потом Клинтон едет на завод «Дженерал моторс» и говорит рабочим: «Выбирайте: или я с госсекретарем, или Конгресс с Сенатом».

Вы скажете, что такого не может быть, потому что, во-первых, американские президенты нормальные люди, а во-вторых, они с Конгрессом и Сенатом единая плоть. Так почему же вы поверили, что между российским президентом и российским съездом и российским же ВС возможна серьезная ссора? При общем-то партстаже в единых рядах?

Наивный Глеб Якунин чуть было не собрал миллион подписей за референдум на тему: кого вы больше любите, папу или маму? Кого вы предпочитаете? Птеродактиля или динозавров? Но пока «ДемРоссия» мерзла на митинге, защищая христианнейшего президента от безбожных депутатов, они успели договориться.

Из всех мыслимых разгонов состоялся самый немислимый: разогнали не съезд, не президента, не ГБ, не ястребов нападения из Министерства обороны, а Егора Гайдара, слишком хорошо говорившего по-английски, чтобы его могли терпеть больше года российские изоляционисты, которым он мешал созерцать собственный пуп.

Референдум под девизом «Дай Бог сгореть Советам, провалиться депутатам» не состоится. Вполне в духе исторических традиций застой наступил прежде начала реформ. Победила дружба. Коммунисты всех властей объединились. Борис Ельцин, утверждающий, что у России особый путь (шоссе Энтузиастов), и новый премьер Виктор Черномырдин, добывавший газ в ЦК КПСС и заявивший с порога, что нам не быть страной лавочников (из чего следует,

что в лавках товару не прибавится), гармонируют друг с другом, как серп с молотом. Мы вернулись к своему корыту.

Хотя следует заметить, что если загон восстановить при наличии колючей проволоки довольно просто, то с корытом и его содержимым дело будет посложнее. Нефтяники проели еще в предыдущий застой. Так что мало того, что корыто разбитое — оно еще и пустое. И никто в него ничего не положит. Некоторая благоприобретенная свобода уйдет, но колбаса не вернется. Чао, колбаса!

Егор Гайдар отказался дальше работать с этой властью и ушел со съезда. Из чего следует вывод: «Блажен муж, который не входит в совет нечестивых, не стоит на пути грешников и не сидит в собрании развратителей». Совет неплох. А пока позвольте вас поздравить с поистине старым Новым годом!

1993

ВРЕМЯ КРАСНЫХ

«Хозяин», № 2 (86), январь

Наши выходы «в свет» в XX веке и особенно начиная с 1917 года были до крайности неудачны. Мы еще не пожали всех плодов, которые нам принесли наши неумные аппетиты в Балтии, в Молдове, на Украине, в Закавказье, в Средней Азии. Спросите у тех русских, которые были волею судеб и в силу общего нашего непонимания заброшены, как некие резиденты, на эти территории и не вписались в национальный контекст, как они себя чувствуют психологически, даже в Литве и на Украине, где у них нет поражения в политических правах, — и польза империализма станет для вас сомнительна.

Но нам, как видно, мало. Сегодня внешняя политика России в «ближнем зарубежье» и в СНГ напоминает тактику выжженной земли. Зачем было лишать энергоносителей Латвию, Эстонию и Литву? Разваливать их экономику? Они бы произвели, как всегда производили, массу сельхозпродуктов и трикотажа и продали бы это нам по бартеру. Ведь в Европе ничего этого не нужно. Помните еще эстонскую колбасу и литовский сыр? И, порывая Варшавский договор и ломая структуры СЭВ, не обязательно было рвать с болгарскими помидорчиками и конфитюром из клубники, с венгерскими курочками и уточками, с польскими гусиками и чешской обувью. Но самое неудачное наше вмешательство в чужие дела — это, бесспорно, Таджикистан. Очень трудно разобраться, что там происходит. То есть явно происходит черт знает что, но откуда это черт знает что взялось? Не с неба же упало? Конечно, не с неба, а из Российской Федерации!

Во-первых, надо вам сказать, в Таджикистане никогда никакого коммунистического руководства не было. В роли разных там секретарей обкомов были главы кланов, почти

на уровне родоплеменного строя. Там в горах ситуация позади нашей и европейской на тысячелетие, там вожди кланов только что пересели в «Волги» из седел верблюдов и арабских скакунов. Народный фронт там и не коммунистический, и не социалистический, и не либеральный. Там — это клановая структура. В чем противостояние площадей Озоди и Шахидон? На одной площади были силы кланов с красными флагами, которые для них не значили ровным счетом ничего. На другой площади были единственно культурные силы страны — силы партий Исламского Возрождения. Они хотели реальной независимости и восстановления единственного стержня, который может удерживать над бездной варварскую страну: сил религиозного, исламского обновления. И эти силы уже побеждали. Тогда в Кремле вспомнили, что в Европе что-то говорили об исламской угрозе. Заставь дурака Богу молиться, так он и лоб расшибет. В Европе говорили о преимуществах западного светского плюрализма перед исламскими ценностями, а совсем не о том, чтобы поддерживать вождей племен, которые коммунисты исключительно в том смысле, что готовы статуя Ленина смазать бараньим жиром, поклоняясь ей, как идолу. И российские войска выступают на стороне варварства. Находят себе союзничков: кланы и уголовников, торговцев оружием и морфием, которые производят следующие революционные действия: выпускают из тюрем бандитов и убийц, убивают исламских (а других нет) интеллигентов, грабят и насилуют. Российские войска быстренько лепят из них Госсовет (как в Грузии, и с тем же названием) и начинают в порядке миротворчества убивать исламистов, как с оружием, так и без.

Когда силы Запада убрали насильственно конституционно выбранных народом Алжира исламистов, они хотя бы предложили Алжиру взамен парламентские европейские формы и стабильность. А чем мы порадовали Таджикистан, где идет война всех против всех? Нам Афганской войны было мало? И какие мы прилежные христиане! Еще лоб перекрестить не умеем после 70-летнего перерыва, а уже беремся вести крестовый поход... Киплинг говорил: «Несите бремя белых»... А мы не белые, мы — красные. Вот и несем бремя красных, поджигая с юга, востока и запада собственный дом.

РАКИ НА ЗИМОВКЕ

«Хозяин», №3 (87), январь

В детстве мы часто интересовались вопросом, где же зимуют раки. Вот мы теперь это и выясним, потому что они явно собираются с нами зимовать, если судить по последним экономическим и политическим инцидентам.

Во-первых, команда Егора Гайдара по верности и целеустремленности явно не тянет на Тимурову. В лучшем случае они походят на двоечника Михаила Квакина. Все они почему-то утверждают в один голос, что чем дальше от рынка, тем ближе к нему, обещают нам за счет «регулирования» цен изысканное удовольствие дышать свежим воздухом в очередях в студеную зимнюю пору и клянутся в верности капитану социалистической индустрии Виктору Черномырдину. Александр Яковлев тоже срочно возлюбил премьер-министра и даже выступает в роли его антрепренера за границей, что заставляет неискушенных свидетелей задаваться вопросом: а чей же он все-таки советник? Ельцина — за зарплату или Горбачева — по старой памяти?

Михаил же Сергеевич, явно намереваясь возвратиться вместе с солнцем, подобно сыну Йорка, во всех лимитрофах доказывает, что он — хороший президент, а Ельцин — плохой, причем опирается на блестящие примеры своего собственного удачного правления (Тбилиси, Сумгаит, Баку, Вильнюс, Форос).

Квартирный вопрос у него, кстати, решен. Благодарная Германия преподнесла нашему бездомному Горбачеву для его Фонда бывшее здание посольства ГДР. А деньги всегда можно заработать гастролями, выступая где-то между ансамблем «Мадригал», Аллой Пугачевой и дрессированным тюленем.

Борис Николаевич же сделал два исторических заявления. Во-первых, для Олимпийского комитета: что без России не может быть никакого олимпийского движения. Интересно, как это Эллада обходилась до нашей эры без России столько веков подряд? Затем он издал Указ о нарушении прав русскоязычных в Латвии и пригрозил не только оставить имеющиеся там войска, но и прислать свеженькие.

С чего это вдруг такое беспокойство о ветеранах СА, если прямо в родном СНГ, в Узбекистане, права человека нарушаются на уровне ареста и тюремного срока для всей

политической оппозиции демократического толка? А указа на этот счет что-то не видно...

Дело, наверное, в том, что в Латвии — «наши», а в Узбекистане — не «наши». Так что струн невзоровских пламенные звуки до сердца президентского дошли...

А в Чечне засыпался с подрывной деятельностью Сергей Шахрай. Ему, видно, впору пришлась новая спецодежда: БТР и комбинезон десантника. Впрочем, советское право, в котором Сергей Шахрай так искушен, ведет чаще всего именно к танкам и БТрам. Советник президента совсем было уже договорился с чеченским парламентским меньшинством об отказе от независимости, как вдруг информация утекла, и Джохар Дудаев с большинством парламента разнес композицию вдребезги, заявив, что суверенитетом не торгует, а нефтью — пожалуйста, он готов.

Желаю Сергею Шахраю дальнейших успехов на дипломатическом поприще: если вести и впредь переговоры на таком уровне, то он и Францию, и Англию присоединит к РФ. Немудрено, что Украина не торопится сдавать свои ядерные боеголовки в общий котел! А вдруг Сергей Шахрай и там какую-нибудь партию уговорит вернуться обратно вместе со всей страной в беззвездную ночь?

В СЕМЬЕ НАРОДОВ НЕ ВЕЗ УРОДОВ

«Хозяин», № 6 (90), февраль

Напрасно сердобольные журналисты, политологи и советологи сокрушались о судьбе агонизирующего СНГ. Агонизировать у нас любят и умеют. Больше 70 лет агонизируем, а живем. СНГ пережило Минск и не то еще переживет. Что из того, что Кравчук ни с кем не разговаривает, что туркменский газовый магнат прилетел на «боинге» с американским экипажем и улетел, ни с кем не поздоровавшись и не попрощавшись? Дело советское, житейское. По суду Евразию не разменяешь на 10—12 однокомнатных стран в разных частях света с отдельным санузелом... Коммунальное, рублевое, некультурное пространство у нас общее, и все живут, тихо ненавидя соседа и временами плюя ему в борщ.

Вот, скажем, бывший братский Узбекистан прислал Останкинскому телевидению «телегу» на «Новую студию» и на ее журналистов. Они посмели затронуть шахиншаха Ислама Каримова и вспомнить загубленных им поголовно оппозиционеров

и диссидентов. Так пресс-секретарь узбекского паши требует ни больше ни меньше как наказания преступных журналистов, в частности бывшего политического обозревателя газеты «Хозяин» Игоря Демина. Еще немного, и будут требовать, чтобы головы журналистов присылали в ковровом мешке! И еще грозятся: иначе, мол, отключим Останкинский канал, зачем нам за наши деньги еще гадости слушать?

Да, распустились братские феодальные республики. И есть с чего распускаться: вон Станислав Шушкевич в Минске заявил, что ради стабильности можно и правами человека пожертвовать. У нас же другой основы и опоры, кроме крови, никогда не было. Без нее сразу всё зашаталось.

А российская 201-я дивизия в Таджикистане демократического мэра Душанбе Икрамова арестовала и невесть куда уволокла. Спрашивают у таджикских коммунистических руководителей в Москве на пресс-конференции неугомонные журналисты: где, мол, ваши оппозиционеры? А коммунисты отвечают: демократы к вам в Москву сбежали, а исламиты — в Афганистан. Видно, стабильность стабильности рознь, раз от нее бегут как черт от ладана. А где, спрашивают, ваш глава мусульман, духовное лицо? «Ищем», — отвечают коммунисты лаконично. Не дай Бог найдут...

Скажи мне, кто твой друг... Это я к чему! А к тому, что странные друзья у нашего президента! С такими друзьями добрая ссора лучше худого мира. Или мы уже начали осуществлять военную доктрину Молчалина и угождать даже «собаке дворника, чтобы ласкова была»?

Еще один друг российского президента отхватил высший приз в самом светском обществе. Эдуард Шеварднадзе удостоился престижной медали за усилия в борьбе за мир. Третьим после папы римского и Рональда Рейгана. Миротворческая деятельность Шеварднадзе неоспорима: и в Грузии, и в Абхазии, и в Южной Осетии над крестами гроб с покойничком витает, а вдоль дороги мертвые с косами стоят. И тишина... Вот недавно в Тбилиси матери убитых в «гражданскую» (в Западной Грузии и во время расстрела митингов в январе—марте 1992 г.) и в «империалистическую» (в Абхазии) вышли на площадь с портретами сыновей. Их страшно избили и разогнали.

Когда Горбачеву дали Нобелевскую, Елена Георгиевна Боннэр вернула Сахаровскую премию в Нобелевский комитет. Интересно, вернут ли свои награды папа римский и Рейган?

МОЙ ЛЮБИМЫЙ МУЖЧИНА

«Новый взгляд»*, № 8 (59), 20 февраля

Хочу сразу оговориться, что не мыслю и никогда не мыслила для себя плотской любви. Настоящая любовь — это мужская дружба и человеческое восхищение, и ведет она не к браку и не к адюльтеру. Любовь призвана ответить на один единственный вопрос: с кем ты хочешь вместе сражаться и умереть? У меня таких людей сразу двое, и оба они не от мира сего.

Один из них красив, как первый любовник в «Комеди Франсез», благороден, как английский лорд, свободен, как Робин Гуд, храбр, как все четыре мушкетера, вместе взятые, а манеры у него, как у испанского гранда. Он мог бы быть генералом Бонапартом, но не захотел расстреливать свой Тулон: брать телебашню и парламент мятежной Эстонии в январе 1991 года. Он способен выстоять один против всего мира и одинаково хорошо владеет истребителем, автоматом, арабским скакуном, словом и пером. В своей крошечной стране, стиснутой с двух сторон глыбами российской имперской сверхдержавы, не признанный никем, кроме ДС, он никому не покоряется и ни о чем ни у кого не просит. Наоборот, он оказывает покровительство: дает убежище и помощь президенту Грузии, предлагает Ландсбергису вышвырнуть с его территории советские войска, готов разгонять коммунистический съезд нардепов в РФ, на что не хватило мужества у Бориса Ельцина. Он рожден свободным и умрет свободным. Вы догадались, что это Джохар Дудаев, капитан Немо наших дней, а его Чечня — это Наутилус, орудие мщения жестокой Российской империи, или зеленый Шервудский лес.

Второй благороден, незащищен и чист и сочетает мудрость большого ученого, талант писателя и стойкость страстотерпца с доверчивостью ребенка. Это король Матиуш наших дней. Он всю жизнь боролся с коммунизмом и освободил от него свою маленькую страну. Он вечный диссидент, прошедший тюрьмы, пытки, каторгу. Получив власть, он отказался уплатить за вход — зарезать маленького царевича, что делает почти каждый президент, и сегодня,

* Еженедельное издание, приложение к газете «Московская правда».

после 40 лет борьбы, он не устал бороться. Он остается капитаном и на горящем корабле и скорее пойдет на дно, чем спустит флаг. Это Звиад Гамсахурдиа, хранитель грузинской мудрости и грузинской чести.

Моя шпага принадлежит им, и я всегда составлю им компанию, ибо они готовы умереть, чего в России уже не дождешься.

МЕРТВЫЙ СЕЗОН

«Хозяин», №9 (93), март

Конец месяца был отмечен необыкновенным оживлением деятельности политических, идеологических и даже исторических покойников, которые проявили редкостную активность во всех сферах жизни, почти что вытеснив оттуда живых. Началось, как водится, с праздника. Не удовольствовавшись тем, что бедные затравленные власти объявили 23 февраля Днем защитника Отечества и даже вывесили на домах красивые трехцветные флаги, антикварные организации типа «Союза офицеров», «Российского общенародного союза», ФНС* и «наших» всех мастей доказали, что они не хотят иметь с демократами не только общих защитников или общего флага, но даже и общего Отечества. И, как некогда плебеи удалились из Рима на Священную гору, они удалились на персональную Манежную площадь и стали там праздновать сепаратно, предаваясь сладостным воспоминаниям об усопшем Союзе и красной коннице Буденного под историческими штандартами. Да и с Красной площадью что-то нечисто, и не удивительно! Едва ли мощи Владимира Ильича, прах Иосифа Виссарионовича и урны упырей и вурдалаков из ВКП(б) привлекают к ней благословения святых. Вот и Манежная площадь становится чем-то вроде Лысой горы в Вальпургиеву ночь. Может быть, стоит объявить исторический центр столицы заповедником для всякой нежити и сделать им там резервацию? А мы еще спрашиваем, почему реформы плохо идут! Проводить реформы из Кремля — это все равно что управлять научно-техническим прогрессом из избушки на курьих ножках, сидя за пультом в ступе. Одно хорошо: на

* «Фронт национального спасения» — объединение национал-патриотических и левых организаций.

этот раз ОМОН и милиция проявили надлежащее уважение к покойникам, так что все метлы до Манежной площади долетели благополучно.

Наши священные реликвии способны на многое, даже на подлог. Недавно господин Вольский принес в «Независимую газету» статью какого-то деятеля из МВФ, которая гласила, что ни либерализацию цен, ни приватизацию, ни капитализм вообще Международный валютный фонд нам не рекомендовал, а все эти чуждые идеи по своей воле привнесли Ельцин с Гайдаром. Не успели читатели как следует удивиться, как последовало опровержение МВФ: никто из них не писал статьи насчет возможности вхождения в капитализм посредством социализма, и выяснилось, что это все господин Вольский сам сочинил. Сия история внушает некие надежды: видно, МВФ и для «Гражданского союза»* — высший авторитет! Еще одна ископаемая организация под названием МБР (бывшая ЧК-ГПУ) устроила личную пресс-конференцию и заявила, что в стране — сплошной террор, что они за 2 месяца насчитали 137 взрывов и 154 теракта. Правда, взрывов никто не слышал и в результате терактов никто не пострадал, но если есть Министерство Безопасности, то должна же быть какая-то опасность! На общей пресс-конференции с диссидентами «КГБ вчера, сегодня и завтра» МБР заверило, что вчера они сажали, потому что был приказ, сегодня не сажают, потому что нет приказа, а насчет завтра ничего сказать они не могут, потому что не ясновидцы.

А что делали в это время живые? Не знаю что, но не возникали.

САВРАСКА УВЯЗ В ПОЛОВИНЕ СУГРОВА

«Хозяин», №10 (94), март

Начало весны было ознаменовано мучительными колебаниями всех исполнительных и законодательных частей наших властей на тему: что следует после февраля — март или январь! До сих пор у нас на смену январям исправно

* Политический блок центристской ориентации, объединивший несколько партий. В политсовете ГС состояли А.Вольский, Н.Травкин, А.Руцкой и др.

приходили декабри, и никто нам еще не гарантировал, что листочки с календаря не станут отрываться в обратном направлении. Тем более что мы сами — паршивая гарантия.

Что-то давно не было видно демонстраций на сюжет: «Больше безработицы, больше капитализма». А музицирует на площадях одна только красная капелла, усиленная мощным патриотическим хором имени хана Батыея в поддевках, буденовках и скромных сталинских френчах.

В этой социокультурной обстановочке президент отправился обольщать «Гражданский союз» — и одарил его лаской и нежностью, по случаю Прощеного воскресенья посоветовав попросить прощения у демократов и у Бога. «Гражданский союз» самым хамским образом отверг президентские домогательства, облив помоями и демократов, и либералов, и частную собственность, и самого президента, этим доказав, что ценит основы социализма превыше спасения души.

Далее президент засел опять в своих окопах вместе с начинающими либералами из «Демократического выбора», посетовав, что в стране демократов — раз-два и обчелся, поэтому придется пополнить их ряды социалистами и империалистами. И ни Глеб Якунин, ни один раз уже выгнанная Галина Старовойтова не подсказали бедному Борису Николаевичу, что даже если он нагонит сто социалистов, из них едва ли сформируется хотя бы один демократ. И визиты вежливости в разные розовые и черно-бело-золотые организации ничего съедобного в политическом плане не дадут, ибо прошлое и будущее органически не могут примириться. Или будущее зачеркнет красное и имперское прошлое, что в целом исторически справедливо, и всякие ФНСы, РОСы, ГСы и РКП пойдут на историческое дно, пуская веселые пузыри, или прошлое убьет будущее, что, согласитесь, исторически несправедливо.

Наш «парламент», все демократические устремления которого уходят на то, чтобы мы из своей половины сугроба так и не выбрались, сбился с ног, дабы не допустить референдума. С чего, кстати, ВС так хлопочет и убивается! Два предложенных президентом вопроса: 1. Хотите ли вы, чтобы Конституцию принимала Конституционная Ассамблея? 2. Согласны ли вы, чтобы граждане РФ владели землей на правах частной собственности? — хотя и predeterminedляют тихую кончину съезда, однако не дают такого

роскошного выхода из положения, как в Перу. Там президент Фухимори с присущей японцам решительностью распустил свой популистский парламент, извел главарей «Сендеро луминозо» и снизил инфляцию с 3600 процентов до 56.

С нашей ситуацией он управился бы одной левой. Но у нас японцев, которые могли бы так рвануть в либерализм и не застрять на национальных стадионах и концлагерях, как в Чили, не больше, чем демократов.

Так что для президента РФ этот референдум — верх решимости. И несмотря на сильное искушение послать всё и всех к черту, на этот референдум нельзя не идти. А то мы поступим по формуле: «Пойду вырву у себя глаз, пусть у моей тещи будет зять кривой». Ответы «да» дают нам хотя бы шанс. «Нет» ответят коммунисты. А нам — в противоположную сторону.

Этих съездов ждешь, как экологической катастрофы. Сумеет ли наша кляча вылезти из второй половины социалистического сугроба?

ВСЁ ПОТЕРЯНО, КРОМЕ СВОВОДЫ

Размышления о нашей реформе

«Хозяин», №10 (94), март

С нами получилось, как с Гоголем из школьного анекдота: одной ногой мы стоим в прошлом, а другой приветствуем будущее. Такими мы были год назад. Мы приветствовали наше капиталистическое будущее.

«На нас глядят ночных созвездий очи, и рай земной в объятья примет нас». Нас впечатляли западные витрины, 78 сортов колбасы, сервис, «мерседесы», мебель и эйркондишн в домах. Интеллектуалов впечатляла свобода творчества, совести и самовыражения.

Нельзя, впрочем, сказать, что мы за это боролись. Боролись одни диссиденты. То, что принято называть народом, не только не сидело (разве что на печи), не боролось, не дергалось, но даже и не стеноло. Колбаса была дешевая, водка — тоже. У кого колбасы в городе не было, ездил за ней в Москву. И не роптал.

Сплошное счастье и радость. При Хрущеве, Брежневе и Андропове. Советский народ утратил право на самоуважение и на чье бы то ни было уважение.

И вот в этой дикой, растленной, варварской стране кто-то повернул рукоятку в обратную сторону. Ни Горбачев, ни Яковлев, ни Ельцин не собирались облагодетельствовать народ. Они решали свои задачи. Какие — несущественно. Это их личное дело. Вы же Брежневу не задавали вопросы, какие он задачи решает? Тогда и Горбачеву не задавайте. Он разжал тиски. А Ельцин вообще убрал клетку.

Но что осталось на траве, под неласковым северным ветром свободы, от которого зябнут руки и слезятся глаза? Свободный народ или маленький запуганный зверек, зазмурившийся в смертельном ужасе?

И здесь-то выяснилось, что наш ковчег пристал не к Арарату. 78 сортов колбасы с неба не упадут. Это — финал капитализма. А на старте — бедность, разорение, героические усилия, чтобы выжить; перемена мест всех слагаемых и еще неведомая сумма; кровь, слезы и пот; 40 лет блужданий в пустыне, а до земли обетованной дойдут не все.

И видя такое дело, даже многие диссиденты возроптали, заявив, что они не за это боролись, а за молочные реки и кисельные берега. Я не ропщу. Я боролась именно за это и от содеянного мною — не отрекусь.

Вас не интересует политика? А экономика у нас на 1985 год была — выкрасить и выбросить. Сырье продали, что не продали — загубили экоразбоем или не можем добыть.

Пока нефть можно было ведром черпать, а уголь на поверхности валялся кусками, мы считались богатой страной. Вот и вычерпали. Всё! Досуха! Теперь наши богатства в недрах, а в недра надо лезть. А у нас шахты рушатся и шахтеров заваливают. Заводы выпускают то, что никому не нужно. Производительность труда — в 4 раза ниже мировой. Колхозы и совхозы дотации жрут, но эту самую жратву не производят. При таком уровне технического развития в поле надо работать, как предки, от темна до темна, а не 8 часов в день и потом телевизор смотреть. Или — высокие технологии, или — личные мозоли. Технологий нет и еще 300 лет не будет, у нас по сравнению с США — остров Пасхи, а смотрят на нас, как на дикарей смотрел Миклухо-Маклай. Но дикари с амбициями — это еще хуже, чем просто троглодиты.

Отставание — досадное, постыдное — сословной империи 1913 года стало смертельным, безнадежным к 1985-му. Приходилось начинать сначала. С нуля. Потому что то кажущееся благополучие, которое вы видели, — только помеха для дальнейшего правильного развития в западном направлении.

Надо осваивать Восток и Север, как это делали в XIX веке американские переселенцы на Диком Западе: в фургонах, среди враждебных индейцев, прорубаясь сквозь Скалистые горы, погибая на перевалах, в снегу и во льду; надо ставить бревенчатые хижины, заводить скот, переселяться части народа в сельскую местность, надрываться, самим выбирать шерифов и судей — а мы не можем без пива, без телевизора и без горячей воды!

У нас полчища инженеров, а столько не нужно, но они кирпичи класть не желают, хотя только на это и способны.

Мы не сверхдержава, мы бедная страна, еще не ставшая даже развивающейся, нам надо ездить по найму на заработки на Запад, как туркам, итальянцам, алжирцам, а ведь эти страны терпят меньшее бедствие, чем мы.

Но мы не хотим унижаться! Нам ФНС и «День» твердят о нашем величии каждое утро.

Значит, будет так: кто не сумеет приспособиться, тот вымрет. Международный валютный фонд — не богоугодное заведение, не Армия спасения. То, что они нам советовали, — несладко. Но они нас в эту лужу не сажали, мы сами в нее залезли.

Что означала либерализация цен до приватизации? Почти все предприятия в силу своей неэффективности терпят банкротство. Они идут на аукцион. Их скупают за бесценок. Кто скупает? Номенклатура с деньгами или иностранный капитал. Ну, мафия для разнообразия. Открывается дорога иностранному капиталу, он делает нам инфраструктуру, инвестиции, а мы на него работаем за хорошие деньги. Хорошо работаем! Иначе выгонят сразу.

Те, у кого есть руки и голова, не пропадут. А остальных придется списать. И вот она, цена перестройки: номенклатура получит капитал вместо Ленина, ГУЛАГа и социализма. Честный обмен. Для того всё и было ими сделано. Деловые бывшие коммунисты преуспевают. Будете на них работать. Лучше, чем раньше. И не за гроши.

Обидно? А в лагерях работали на Сталина, не обидно было? А Магнитку кто большевикам строил за пайку хлеба? А за настоящие деньги работать обидно?

Да, модель МВФ — без социальной защиты. Каждый защищает себя сам. Но и без государственного регулирования. Дикий натиск дикого капитализма. Социализм ломают через колено, с хрустом, вместе с нами. Больно, не спору. А вы хотите народную приватизацию? Собрать всё и поделить? По варианту Гайдара, хозяин у предприятия появляется сразу. А с собственностью в руках у трудовых коллективов мы опять попадаем в колхоз. Средства в фонд развития не пойдут, их будут проедать, повышая зарплату до бесконечности... Когда еще прогорят все эти предприятия! Доживет ли страна? Кстати, если вы сегодня имеете что-то на прилавках, скажите спасибо Гайдару и его модели. А то давно были бы карточки. Дорого, не купишь? Заработайте деньги. Кто-то же зарабатывает, и не обязательно рэклетом. Вон сколько иномарок...

Вместо того чтобы ходить на Манежную с Анпиловым и Прохановым, можно газеты продавать, или машины мыть, или собак бизнесменских прогуливать. Или, скажем, ивановские ткачи. Ткать нечего: Узбекистан хлопок не продает. А вся область ориентирована на текстиль. Значит, кому-то надо сеять лен. Дедовским способом.

Но никто не хочет лен сеять! Не военные же поселения создавать! Вы знаете, как в наших условиях будет выглядеть настоящая реформа? Закрыты миллионы предприятий, рабочие — на улице. Кто-то должен сеять лен, кто-то — ехать на Дальний Восток ловить рыбу...

А они не хотят! Они хотят потреблять по-западному, а жить по-советски и валять дурака еще 75 лет...

Никто не виноват в том, что для нас перемена курса на капиталистический равносильна, если честно, русской рулетке: заряжаем револьвер пятью боевыми патронами и одним холостым и стреляемся, рассчитывая, что пронесет.

Почему у нас госсектор — все 100 процентов, а не как в Венгрии, где сохранились мелкие и средние предприятия? Почему мы фермеров себе не оставили на черный день, как Польша? Когда Восточная Европа под нашей нагайкой ломала свою нормальную жизнь, она делала это с оглядкой, стараясь что-то спрятать, приберечь. Мы ничего

у себя не сберегли... Могли бы остановиться в 1945-м, в 1956-м, в 70-е годы. Не остановились.

И не надо теперь кудахтать, что попались мы, как кур в ощи. Сами виноваты.

Радуйтесь! Не прошла модель МВФ. Здесь не Гайдара, интеллектуала европейского уровня, надо было ставить, а Аракчеева, если бы можно было палками загнать в либерализм. Но увы! В коммунизм загнали насильно, а обратно надо идти самим. Мы своим визгом принудили правительство идти на шариковский вариант: каждому по грошовому ваучеру, зато без обиды. Хозяев у предприятий не будет. Зато каждый получит по мешку бумажных денег и не менее бумажных акций. Умрем все, но принципами не поступимся. Правительство ворует? Не больше, чем прежде. Да и народ-то больно честный: медь с якорей и ту втихую продали, в Беларуси магазины самообслуживания пришлось отменить, да и в Москве их почти не осталось. Если правительство и ворует, то народ, похоже, не отстает. Идеалов у Ельцина и Горбачева не было? Благодарите Бога, что не было. Были бы они идеалисты, у нас сейчас была бы Куба или КНДР. Или Китай

Большевики у власти, не демократы? Жаль, что не те нынче большевики... Ельцина до того запугали, что Гайдара заставили сдать. От такой народной признательности призадумаетесь! Один на рельсы приглашает, другой виселицу сулит. А Брежневу шариками махали. Кому было охота впредь выпускать из клетки таких зверушек? Вот Александр II отменил крепостное право, его и прикончили благодарные подданные. А тираны Александр III и Николай I почил в Бозе.

И Запад нам не даст инвестиций. Коммунисты и фашисты в столице в мэры баллотируются, с утра до вечера на площадях ликуют. Где гарантии, что мы денежки вернем? С Анпилова и Проханова не получишь.

Кто там стенает от шоковой терапии? Шока-то еще не было. Мы всех докторов разогнали от операционного стола. Кто станет оперировать больного, который лягается, кусается и хирурга пристрелить норовит? А наркоза нет, мы же его и вылакали раньше, кайф словили. И останемся с нашим аппендиксом, и помрем от перитонита... И схоронят. Ведь с Курильскими островами — это тест был: дошло до нас

или не дошло. Не отдали! Не дошло! И вымрем — как на островах, так и на материке. От жадности и от спеси.

А ведь нормальные люди решили иначе Посмотрим, кто кого! Мы жаждем шока. Мы ложимся сами на экономическую плаху и говорим правительству: руби! Мы пойдем вперед без заградотрядов. Мы готовы умереть — или прогнуться. Всё потеряно, кроме свободы! Нам этого хватит! Да святится имя ее...

МЫ ПОСТАВИМ НА БЕЛОЕ

«Хозяин», №11 (95), март

Что творится в стране? Конституционный кризис? Кризис власти? Верхи «делят лужки»? Касается это кого-нибудь или нет?

То, о чем говорят на съездах, в кулуарах и на митингах, — это мелочи. Происходит то, о чем не говорит ни одна из сторон: ни съезд, ни президент, ни ораторы от официальных митинговых микрофонов. Потому что правда страшна, а ложь утешительна.

На самом деле мы вернулись к решению вопроса, который был так неудачно решен в первую Гражданскую: к выяснению отношений белых и красных. А этот вопрос неразрешим на путях «конституционного соглашения». Красный лагерь лишь внешне представлен съездом и ВС и «оформлен» Анпиловым и Прохановым. За ним — архаические силы советской действительности, намертво вцепившиеся в души, усиленные российским историческим креном к общинности, сакральности, эгалитарности — мимо свободы, индивидуализма, здравого смысла.

Президентский лагерь очень неоднороден. И там сторонников лично президента столько же, сколько в первом, красном лагере сторонников Хасбулатова, Зорькина и Сажи Умалатовой. В белом президентском лагере — Юрий Лужков и Елена Боннэр, столь же мало совместимые, как эсер Савинков и государственный Колчак. Первая белая «волна» решала вопрос не столько о монархии, сколько о том, быть или не быть капитализму в России (вместе с политическими свободами и экономической раскованностью).

Мы проиграли в 20-е годы. Сейчас есть возможность отыграться. Быть в России капитализму или полпотовскому

социализму — вот в чем вопрос. Кормить миллионы узников сейчас нечем, охранять некому. Зато патронов достаточно. Генерал Стерлигов говорит в открытую, что 3 миллиона надо будет убрать. А на красном митинге составляют черные списки. Не удивительно, что шахтеры готовы начать политическую стачку, а казаки — разгонять съезд.

Решается вопрос не о президенте или съезде — о жизни и смерти. И проиграет тот, кто проявит слабость и упустит инициативу. Как Керенский в Октябре.

ПРИЗНАНИЕ КОМИССАРА ОПОЗИЦИИ ПРЕЗИДЕНТУ РЕСПУБЛИКИ

«Новый взгляд», № 14 (65), 4 апреля

За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймешь. А мы с августа 91-го никак не выясним, кто мы: фельяны, жирондисты или монтаньяры. И в результате попадаем в «болото». Чтобы не мучить невинные читательские души, сразу признаюсь, что это я про девятый съезд нардепов. Сразу хочу заметить, что материалы про эти съезды в нашей газете следует публиковать в пресловутой рубрике «Съезд крыш».

Наши фельяны, Бабурин, Астафьев и К°, хотят строить социализм. Жирондисты выступают за «Согласие с ними во имя прогресса». Есть в ВС и такая фракция под предводительством Виктора Шейниса. Был такой персонаж и в «Мистерии буфф» Маяковского. Звали его Соглашатель. И всю мистерию он взывал: «Дорогие красные, дорогие белые! Умоляю вас, согласитесь!» Помнится, накостыляли ему обе стороны по шее с негодующим замечанием: «Мы тебе согласимся! Я тебе соглашусь!»

И наконец, наши монтаньяры-якобинцы хотят строить капитализм, даром что все они санкюлоты. Это типично русский феномен. Моя загадочная славянская душа не имеет за душой никакого движимого имущества и не будет иметь никогда, но я балдею от чужих «мерседесов» и торчу от чужих частных миллионов. Я бескорыстно люблю капиталистов и готова воспеть самого вредного среди них, потому что для страны он куда полезнее, чем все социалисты Млечного Пути и окрестностей.

Был у нас в ДС такой же пламенный поклонник Мамоны из идейных соображений Дмитрий Капиани. И предложил он лозунг для нашего переходного периода:

Возникай, содружество доллара с дельцом,
Укрепляйся, мужество, золотым тельцом.

Без этого фундамента демократии нет. Так что я, незаможный нонконформист, живота не пожалею, чтобы армия и военно-морской флот России стояли на страже завоеваний капитализма. И чтобы шли пионеры, летели самолеты и плыли пароходы и отдавали салют Главному Буржуину.

Мы с Егором Гайдаром в равном положении. У меня дедушка тоже был старый большевик, служил комиссаром у Буденного. Так что коммунистический Змей — наш наследственный противник, и мы его добьем. И никакой дедовщины!

Мне надоело слушать про брежневскую кухню — Конституцию 1977 года. Я эту филькину грамоту сжигала на площадях вместе с красными флагами еще три года назад. И вообще читайте Блока: «А вот у поэта — всемирный запой, и мало ему конституций!» Другое дело — американская. Чертовски обворожительна, влюбиться можно.

Так что основной советский закон подходит для цитирования не больше, чем цитатник великого Мао. Если Ельцин этой Конституции не присягал, то я и подавно. Мне на нее глубоко начхать. Я бы ее отменила в два счета президентским указом. А вместо нее ввела бы на нашей горемычной территории в порядке гуманитарной помощи прямое действие Декларации прав человека и Пакта о гражданских и политических правах. Пусть Ельцин на здоровье нарушает эту Конституцию брежневского пошива после завтрака, после обеда и после ужина.

Что же до прочих почтенных демократических институтов, о которых столько толков, то здесь, как говорится, нет предмета для обсуждения. Какой же это Конституционный суд? Это же типичная сталинская тройка или ОСО по уровню решений. Жалко судью Аметистова*, как бы его господин Председатель первым к стенке не поставил.

* Аметистов Эрнест Михайлович — российский юрист, профессор международного права, судья КС, один из основателей «Мемориала». В 1993 году выступил на стороне Ельцина.

А на мантию для Председателя налогоплательщики даром потратились, ему бы больше пошел красный капюшон, как у средневекового палача. По-моему, он типичный Вышинский. Так и видишь его во главе процесса ельцинско-дэзсовского блока. И если бы в стране не исчезло масло (с их же большевистской легкой руки), то Зорькин обвинил бы бедного Ельцина и в том, что он в масло насовал битого стекла...

Когда я вижу этого Ягуарыча на экране телевизора, мне вспоминаются белые лебеди из известного балета, и я убегаю в другую комнату, чтобы не утратить остатки демократизма и не закричать: «Судью на мыло!»

Что же касается съезда и ВС, именуемого по недоразумению парламентом (еще бы конгрессом обозвали), то и здесь особенно в анализах не разгуляешься. Из всех речей этого Коминтерна я поняла только одну фразу: «Не пойду я ни к кому, батюшки! Окромя родных коммун. Матушки!» Всё прочее логически не расшифровывается. По-моему, в реакционности они давно перешеголяли Союз Михаила Архангела: даже его члены не отрицали частную собственность. Я считаю, что Сажи Умалатова будет очень рада пополнению, если в дальнейшем оба съезда и оба ВС вместе будут неформально гулять по проселочным дорогам и читать свои резолюции в ДК при свечах. Я же не требую, чтобы съезду ДС давали государственные ассигнования и предоставляли Белый дом. А этим за что? Ни шерсти от них, ни мяса, ни молока, ни идей. Яиц и то не несут, а только высиживают.

Я каждую ночь вижу в кошмарных снах то «Гражданский союз», то ФНС. А нервные клетки не восстанавливаются... И не я одна из-за них плохо сплю. Так что, по Фрейдю, надо устранить причину сна. Может, тогда я во сне увижу что-нибудь приятное: Ельцина или Гайдара. Если некому сказать нашим коммунарам: «Караул устал», то предлагаю свои услуги. И мне глубоко безразлично, легитимные они в ВС или нелегитимные. Ну, избрали их бедные оплошавшие избиратели, ну и что? Съезд и ВС СССР тоже какие-то горемыки избрали. И где же снег былых времен? За сохранение Союза тоже надясь голосовали. За сроком давности давайте объявим себе амнистию. А в августе 1991 года наша ракета-носитель сбросила первую ступень — первый Совнарком. В декабре в нижних слоях атмосферы сгорел СССР.

Сегодня настало время отделить последнюю ступень: Советы. После чего мы разорвем путы азиатского притяжения. А Ельцин полетит с нами дальше. Заслужил себе звездный билет. 20 марта* в 21.30 он произнес слово, заветное слово киплинговских джунглей: «Мы с тобой одной крови, ты и я». Демократы услышали и оценили. Интеллигенты поняли, что и на их улице бывает праздник. В этот вечер Ельцин стал для меня легитимен: я проголосовала за него постфактум. И мне для этого не нужна никакая урна. Когда президент записывается в диссиденты и в антисоветчики, это восхитительно. Я с ним пойду не только на референдум или на баррикады, но и на виселицу. Своего президента надо себе воспитать. Кажется, мы воспитали.

Я человек грубый и невоспитанный и скажу больше, чем президент. Недемократический государственный переворот называется путчем. Демократический государственный переворот называется революцией сверху. Именно этот последний вариант предложил нам Ельцин. И я иду с ним в долю. Мы будем жить долго и счастливо — или умрем в один день. И что мне до легитимности революции! Помните, у Пушкина в «Борисе Годунове» о Григории Отрепьеве говорят: «Ты хоть и вор, но молодец, так у нас о тебе мыслят».

Чем нас еще могут испугать коммунисты? Танки уже были. Расстрелы уже были. Попытки уже были. Пусть попробуют поднять войска — призовем на помощь войска НАТО. Все мы демократы по рождению и космополиты по ремеслу.

Мы ни с кем не обязаны обсуждать, строить нам капитализм или не строить. Кто не хочет, пусть едет к Фиделю Кастро и строит коммунизм с ним на пару.

Впрочем, я комиссар по нечетным дням. А по четным дням я правозащитник. Мне хочется работать по специальности. Я буду защищать коммунистов и империалистов. После победы. Буду спасать Лукьянова, который, по-моему, «к злодеям причтен» (то есть к гэкачепистам) совершенно безвинно. Мое дело — милость к падшим призывать. Скорее бы они пали!

* В этот день президент объявил о приостановлении действия Конституции и введении «Особого порядка управления».

ПОРУЧИК ГОЛИЦЫН, РАЗДАЙТЕ ПАТРОНЫ

«Новый взгляд», № 15 (66), 10 апреля

Вы видели когда-нибудь плачущего большевика? Нет? Так посмотрите на меня. Я плачу от того, что вымирает наша порода, от того, что, кроме дээсовцев, и большевиков-то в стране не осталось. Правда, некоторые демороссовцы уже вполне созрели. Самые отборные. Не из руководителей, а из рядового состава. Или «Август-91». Тоже братья по разуму, большевики. Правда, мы нового, мичуринского сорта. Если вишню скрестили с черемухой, то почему бы не быть у нас либерал-большевикам, то есть либеральным революционерам?

Уж на что казаки были консерваторы, но и они с горя в революционеры подались. Предлагают Борису Николаевичу вместо него со съездом и Верховным Советом выяснить отношения. Ждут только, когда президент вышитым платочком махнет. Словом, мыкаются наши революционные силы Буревестниками над седой равниной съездов. Мы уже голос сорвали на криках «Пусть сильнее грянет буря!». Конформистские чайки из бывшей «Независимой» и левой половины МН во главе с Людмилой Телень стонут с утра до вечера. Понятно, им неохота. Хотя зря беспокоятся, на суп они не годятся. Жирные пингвины из «Гражданского союза» все попрытались, у себя в утесах теневые правительства создают.

А мы, либералы-большевики, недобитые в первую Гражданскую интеллигенты, все декламируем Михаила Светлова:

Выдай оружие смелым,
И в первую очередь — мне!

Потому что началась вторая Гражданская. Началась с публикации в «Дне» такого импрессионистского пейзажа: конвоиры гонят через Москву огромную толпу людей. Сверху написано: «1944 год. Пленных фашистов ведут через Москву». Снизу добавлено: «Вот так же пойдут и демократы».

Понятен вам смысл сей басни и ее мораль? Первую Гражданскую мы проиграли. Но я лично хочу поиграть еще и отыграться. Это наш последний матч. В 1922 году Белая гвардия ушла на Запад, оставив страну красным.

Сейчас мы должны уйти на Запад вместе со страной. Даже до Хасбулатова дошло. Заявил на съезде, что, мол, Каледин идет из Сибири на Москву (география — наука не спикерская). Казаки идут с юга. Встает из могил Тихий Дон. Из Сибири идут белогвардейские полки под командованием Олега Томилова (кстати, члена Омского ДС). И едут шахтеры (наследники ижевских рабочих, воевавших с красными до конца).

Может быть, всем этим силам стоит сделать президенту сюрприз? Встает он утречком, кофей пьет. А мы уже телевидение у Хасбулатова отбили, Советы разогнали (вежливо и ненасильственно, просто попросили освободить помещения в связи с передачей их другому квартирному), в главы Конституционного суда возвели праведного судью Аметистова, а судью несправедного Зорькина уволили без выходного пособия. Причем мы за все эти дела даже бочки вина у президента не потребуем. Пусть они только с Гайдаром и Шахраем строят капитализм, как три богатыря. И мы пойдем на наши строительные участки план перевыполнять. О, как мы будем строить! Так Магнитку не строили, как мы будем строить капитализм! У нас четыре европейских столетия уместятся в парочку пятилеток, выполненных за четыре года! Это Россия, и нами владеет страсть. Наша Тройка захала сослепу не туда. Сейчас мы ее разворачиваем, а потом так рванем, что опять опрокинем все нормативы и прогнозы на триста лет вперед. Если мы построили Королевство кривых зеркал и даже жили в нем 75 лет, то неужели мы простого капитализма не построим?

Мы всегда мостили свои проспекты собой, мы слишком многое вкладывали в творчество! Но кровь ушла в землю и удобрила сады и парки Ораниенбаума, а кости сцементировались в петербургских дворцах. И это стоит, и это уйдет в вечность.

Мы даром потратили 75 лет, всё ухнуло в один братский котлован, но мы научились умирать и научились ненавидеть. Мы возобновляем недоигранную в 1918 году партию. «А нынче нам нужна одна победа. Одна на всех — мы за ценой не постоим». Мы всегда платили не скупясь. Самой страшной и самой твердой в мире валютой — своей кровью.

Хасбулатов, Зорькин и Астафьев не большевики. Они пытаются вернуться назад, они бесплодны, как иссохшая смоковница. К тому же они врут. Про Конституцию, про

народный интерес и про происки масонов Клинтона и Буша. Ложь — удел меньшевиков. А большевики идут вперед и создают новый мир, как Демиурги. Ленин был злым Богом, и он построил злой мир. Нам нужен новый Демиург. Добрый. Но все-таки большевик. Чтобы ускорить роды России, слабеющей в тщетных попытках произвести на свет новую либеральную реальность. Акушер не говорит о согласии, он производит, если надо, кесарево сечение.

Я больше ничего не хочу слышать о согласии с коммунистами и империалистами. Я — из несогласных. И когда на этом загробном съезде мертвецов разверзаются могилы, я боюсь, как бы Бориса Николаевича не постигла участь вешего Олега. Из рукава Зорькина или Челнокова* может выползти гробовая змея и ужалить... Зачем президенту ходить по этим могильным курганам и договариваться с чрезвычайными и полномочными представителями истлевшей Империи Зла? Разве можно договориться с всадниками Апокалипсиса? Хасбулатов на рыжем, Зорькин на вороном, а сзади уже маячит некто на бледном коне. Зачем договариваться с ними? Загнанных лошадей ведь пристреливают? (Конечно, чисто юридически, указом о роспуске этой Дикой охоты короля Стаха.) Мы не равны: мы хотим отнять у них только власть, а они у нас — жизнь. Именно поэтому Запад не выдаст, история не осудит, а Провидение на этот раз не подведет. История повторяется. Но не как фарс. Победила неправая сила, и через 75 лет Бог дает нам право переиграть нашу Гражданскую войну.

Нам нужна ленинская решимость без ленинской свирепости. Гордые исторические узлы не развязываются — их разрубает. История судит победителей только за политические репрессии, за стадионы и казематы, за виселицы и газовые камеры. За мирное вымирание динозавров история не судит. А люди способны адаптироваться к капитализму. Он построен людьми для людей на Земле людей.

Те, кто требует роспуска Советов на Васильевском спуске, великие люди. Бессмертие им гарантировано. Если в коммунистической массовке бедные одержимы злым желанием отнять что-то у богатых и опять поделить, если они стоят за справедливость, от которой им на халяву достанется пай, то в демократической массовке, которая

* Депутат фракции «Гражданское общество». В марте 1993 года на съезде внес предложение об отставке Б.Н.Ельцина.

в звездные дни (три дня в августе 1991 года и мартовские дни 1993 года: 21-е, 28-е, 29-е) перестает быть массовой и становится многоликим трагическим героем и античным трагическим хором одновременно (ибо Рок всегда на подходе и даже после победы против нас), присутствует элемент благородного бескорыстия и добровольной жертвенности, сегодня, может быть, даже больше, чем в августе 1991 года. Тогда они могли надеяться, что капитализм — это что-то вроде билета в рай. Сегодня, отошав и пообносившись, потеряв прежний скромный достаток, они уже знают, что пряников не хватит на всех. Не иметь им вовек в большинстве своем «кадиллаков» и не заработать миллион. Но они способны радоваться успехам Константина Борового и считать чужое богатство не врагом, а партнером своей бедности. Эти люди приняли условия игры под названием «Свобода». Этого пряника хватит на всех, и они согласны довольствоваться им. Здесь нет смирения. Это вызов мировым отношениям и опровержение классовых теорий. Демороссы свободны. Свободны от низости. Они борются за свой проигрыш в честной игре, потому что уже знают, что выигрывает не каждый.

Гражданская война идет еще всухую, и я надеюсь, что не моя, белая, сторона размочит счет. Между двумя лагерями нет ни нейтральной полосы, ни третьей силы. И не надо. Тот, кто в 1918 году не пошел сражаться в белый лагерь или промахнулся, как сейчас Челноков или Юрий Власов, и оказался в красном лагере, выбрал третий лагерь, производный от поражения первого и от победы второго: ГУЛАГ.

И сегодня тот, кто говорит: «Я вне схватки», выбирает концлагерь если не для себя, то для детей, внуков, друзей, любимых актеров, любимых писателей, журналистов своей любимой газеты... Надо драться и никому до полной победы не предлагать руку для соглашения. Протянуть сейчас красным руку — это значит в недалеком будущем протянуть ноги. В зоне.

Если нам опять суждено поражение, умрем достойно, в бою. Есть у Крылова одна басня. Возврат к истокам — так возврат к истокам! В той басне Полкан и Шавка попали в волчью стаю. Полкан стал драться и был растерзан. Шавка стала предлагать варианты конституционных соглашений и компромиссов. Она прожила еще несколько часов и даже обещала показать вход в овчарню. Ее съели предварительно у этого входа, когда она уже больше не была нужна.

Вокруг нас — волчья стая Стерлиговых, Анпиловых, Зорькиных, Жириновских, Бабуриных. Не будем же унижаться. Как там писал Крылов?

У басни сей проста мораль.
Мне жаль Полкана.
Шавку мне не жаль!

В КРЕМЛЬ НА ЧАШКУ ЧАЯ

«Хозяин», № 15 (99), апрель

Хочешь узнать, что у тебя за власть, — посмотри, как она общается. Помню, Сергей Белозерцев мне рассказывал, как Горбачев в свои последние президентские дни позвал депутатов и интеллигентов на обед. Ввели под конвоем, ощупали, как в Лефортовской тюрьме, за стол посадили. У каждого за спиной — по гэбэшнику. Пришел Горбачев, сказал: «Приятного аппетита» — и пошел кушать в свое особое помещение. А гости питались отдельно... Мог бы дать просто талоны в ресторан!

Сейчас жить стало не легче, но зато веселее. 15 апреля пригласил президент в Кремль представителей штаба «Демократический выбор». Вообще-то мы название меняем каждый понедельник в мэрии: наверное, для конспирации. То комитет, то штаб, то круглый стол. И сидят у нас там представители 88 демократических партий. И все страшно ругаются. И страшно, и долго. По 4 часа. Демократ, как известно, сам с собой — и то только по воскресеньям бывает согласен.

Я там представляю «Демсоюз» России.

И всю нашу неформальную публику рассовали в шикарные автобусы и ввезли в Кремль. Впустили в какое-то антикварное здание. В вестибюльчике — досмотр пожиже, чем в аэропорту. Проходишь под хлипкой арочкой, а если что в тебе пиликает (часы, ключи, брелоки) — то и мимо пропускают. Сумки вообще не досматривают. Мою даже не открыли, а в ней автомат «Узи» запросто мог уместиться. Я, чтобы успокоить охранника, ему говорю: «У меня оружия нет». А он мне: «А зря! По нынешним временам обязательно надо с автоматом из дома выходить».

И вся неформальная публика поскакала вверх по ступенькам, усталым красными коврами, прямо в Георгиевский зал. Никакого конвоя! Хочешь — направо, хочешь — налево!

Пришли в Грановитую палату. Там уже столы накрыты. Лимонад, бокалы хрустальные, птифуры очаровательные, а сахар — со шипчиками. И еще молочники стоят! А молодые красивые гэбэшники чай и кофе разносят и спрашивают: «Чего изволите?»

Президент сидит под картиной «Три богатыря» и похож на четвертого. И говорит интересные вещи. Что мы здесь все свои люди, либералы, и нечего нас агитировать, а лучше пошли поагитируем народ. Что главное — это мелкий бизнес, кулаки, купцы, ремесленники, третье сословие. А крупная промышленность норовит назад, в социалистическое прошлое. Что он обожает американскую Конституцию. Вот это вещь! Не то что наша советская гадость. Что 26 апреля* он стукнет кулаком по столу, когда народ выразит ему доверие, и мы рванем в капитализм. Что живым он не сдастся. Что Руцкого он освободит от его обязанностей по реформе. Пусть получает жалованье и собирает на тусовки «Гражданский союз». Для реформы будет лучше...

А демократы жуют, кофе хлещут (благо — бразильский), щебечут жизнерадостно и ответные речи произносят. Кстати, достаточно бестолковые. Но тоже обещают умереть, а это главное.

Президент выдержал час и сбежал. А нас оставили в палате, и все так прижились, что не уходят. Стоят, тусуются, хрусталики на люстрах считают. И никто не гонит!

И Егор Гайдар мимо ходит, ласковый такой. Он тоже, оказывается, революционер. И нашу газету читает.

Скоро Кремль по степени неформальности переплюнет американский Белый дом. За одно это я с Ельциным вожусь.

«О ДЕТСКОЙ ВОЛЕЗНИ ЛЕВИЗНЫ В ДС»

«Информационный бюллетень ЦКС ДС», № 3 (15), май

Письмо к членам партии

Всё в этом мире относительно, в том числе и традиционные для нашей партии ценности гражданского неповиновения и альтернативных общественных структур. То, что до

* На 25 апреля был назначен всероссийский референдум о доверии президенту.

августа 1991 года было сопротивлением Империи Зла, несвободе, цензуре, геноциду на оккупированных нами территориях, красным флагам и главенству коммунистической идеологии, сегодня может стать сопротивлением самой жизни с ее робкими ростками западной цивилизации. Более того, сейчас слишком резкие движения, дальнейшее выяснение отношений с «мягким» ельцинским режимом могут привести к тому, что угаснет колеблемый ветром огонек свечи и жизнь опрокинется в фашистскую или коммунистическую тьму.

Безусловно, мы не удовлетворены ни кадровым составом правительственных структур, ни степенью их решимости проводить преобразования в политике и экономике, ни темпом реформ, ни отголосками империализма в отношениях с Чечней и Балтией, ни терпимостью к диктатурам на Кубе, в Узбекистане, Туркмении и Таджикистане, ни поддержкой военной хунты Шеварднадзе. Но сегодня наши флаги развеваются над правительственными зданиями; в Беловежской пуще, распуская СССР, президент выполнял программу нашей партии, а Егор Гайдар, ломая советскую экономику и пытаясь перестроить ее на капиталистический лад, тоже реализовывал наши идеалы. Это налагает на нас обязанность сохранить то, что уже сделано после августовской революции, приумножить достигнутое и не допустить реставрации коммунистических порядков. И в этой борьбе «ДемРоссия», президент и некоторые члены правительства являются не нашими врагами, но нашими союзниками.

За реформы на референдуме проголосовали 36 миллионов человек. Это наша опора, и мы должны радикализировать их позицию. Система рухнула, в стране началась открытая гражданская война между красными и национал-патриотическими фанатиками с одной стороны и сторонниками либеральной модернизации — с другой. Говорить сейчас о внесистемной оппозиции — это значит оставаться формально вне схватки, а по сути дела своим нейтралитетом усиливать позиции социалистов и империалистов. Негоже партии, гордящейся тем, что она живет не по лжи, повторять идиотские измышления ФНС об ограблении народа или грабительской реформе. Оставим это коммунистам. Нет другого пути экономических преобразований, нежели тяжелый, мучительный путь Эрхарда, Бальцеровича и Гайдара. За такую правду нас едва ли полюбит советский народ, но ведь мы всегда «проповедовали любовь враждебным словом отрицанья».

Антикоммунистическая революция совершена с нашим участием; на очереди антисоветская революция, и здесь мы снова окажемся наставниками и первопроходцами. Две силы — красная и белая — сцепились в смертельной схватке. Мы не должны повторить ошибку немецких коммунистов, которые, обзывая социал-демократов социал-предателями, дали нацистам прийти к власти. Мы должны вдохнуть мужество в правительство, заразить их нашим энтузиазмом, помочь им убрать Советы и принять прекрасную Конституцию, приготовленную президентской командой.

Всё это происходит не на сцене, а всерьез, и речь идет о жизни или о смерти нашей страны. Мы начали борьбу первыми и можем считать Ельцина своим учеником. В августе 1991 года мы забыли всю горечь взаимных обид и пришли к Белому дому. Сегодня судьба страны под такой же, если не большей, угрозой. Не с Собчаком и не с Глебом Якуниным мы должны бороться, а с Анпиловым и Константиновым. ДС не должен стать партией маньяков или изуверов, как часть бывшего Петербургского ДС (слава Богу, они сегодня не являются нашими товарищами по партии), которые считают, что пусть лучше к власти придет Невзоров, чем она достанется Собчаку. Пока жива и пока действует Московская организация ДС России, социализм и сектантство не будут говорить от имени партии. В центре мы прикроем собой все огрехи провинциального недомыслия или начетничества, а вот что будут думать на местах о Воронежском или Вельском ДС? Если из-за дикой фанатической позиции поисков третьей силы, когда судьба страны решается в схватке первых двух, эти организации окажутся в изоляции и на них будут пальцами показывать, пусть пеняют на себя. Для нас кончилась позиция бойкота, уместная до августа 1991 года; теперь мы можем и избирать, и пытаться получить места в будущем парламенте, хотя едва ли мы из-за нашей правдивости получим хотя бы одно место. Сегодня страна выбирает между свободой и справедливостью, и мы однозначно выбираем свободу. Как партия крайнего революционно-либерального выбора, мы не будем любимы ни народом, ни правительством. Однако правительство отнесется к нам лояльно, ибо мы не покинули их в беде. Мы честно заплатили наш долг президенту и его команде. Наша критика пошла им на пользу.

Двадцатого марта Ельцин сказал вслух то, что, в сущности, мы вложили ему в уста. Мы издевались над властью

больше года, когда нам казалось, что она незыблема и контролирует ситуацию. Но сегодня, когда она может пасть под напором сил прошлого, наш долг ее защитить.

Мы защищали коммунистов и «патриотов», когда нам казалось, что может начаться белый террор, когда они выглядели гонимыми. Сегодня очевидно, что они отказались от предложенного им вхождения в цивилизованное демократическое общество и избрали путь гражданской войны. Мы вправе защищаться, и здесь наш союз с властью будет однозначен. Вчера конфронтация с ДемРоссией была возможна: нам казалось, что они справляются без нас. Сегодня она станет предательством интересов демократии.

Мы убедились в том, что Ельцин не склонен к диктатуре, и можем спокойно его поддержать.

Нашими главными задачами остаются: антисоциалистическая, антисоветская и антиимперская деятельность, распространение либеральных идей, интеграция страны в западную цивилизацию, защита политических прав личности.

Мы играем в одной команде с деятелями прежней номенклатуры, искренне принявшими либеральную идеологию. Мы не большевики, чтобы включать в анкеты вопрос: «Что вы делали до 1917 года?»

Оторвитесь от программы «Гражданский путь» и посмотрите в окошко, чтобы не уподобиться испанским инквизиторам, которые и в XIX веке верили в дьявола и разоблачали колдунов и ведьм.

1 мая 1993 г.

КАК НАМ ОБУСТРОИТЬ КОММУНИСТОВ

«Новый взгляд», № 20 (71), 29 мая

На Западе принято считать, что либертарианцы — партия гуманнее лейбористов и свободнее американских республиканцев. Черт их знает, может быть, там оно так и есть. А у нас в России всё наоборот. Наши либертарианцы — люди жестокосердые и невоспитанные. Года три назад пришли они к зоопарку на Пресню и подняли лозунги: «Зверей — на свободу, коммунистов — в клетки». Представляете, что получилось бы? Зверей помельче съели бы люди. Звери покрупнее, наоборот, съели бы людей.

А что до коммунистов, то приличные помещения в зоопарке, как известно, только у белых медведей и у тигров. На всех коммунистов не хватит... Надо же каждому обеспечить хотя бы 15 м² сверх московских стандартов. Про питание и говорить не приходится. Вон во Втором Меде мартышки скончались, потому что их надо было кормить бананами и ананасами, а эти витамины служители вивария сами съели, а мартышек кормили морковкой, чего те не пережили. Так что либертарианский вариант осуществлять не будем. Все-таки коммунист, что ни говори, Божья тварь... И националист тоже хоть и змей, а свой, народный.

Поэтому, пока коммунисты и патриоты составляют на нас проскрипционные списки и прикидывают, где бы поставить виселицы, я денно и нощно думаю, как решить их проблемы, дать им работу по специальности и ввести их в рыночные отношения. И придумала я проект века. На Красной площади и на Манежной, с оставлением прохода к гостинице «Москва» и к Манежу, открывается заповедник-террариум со статусом национального парка и под названием «Музей тоталитаризма». А откуда взять экспонаты? Экспонаты сами придут! Бесплатный доступ на эти две площади разрешить только коммунистам, фашистам и прочим патриотам. Все остальные граждане и иностранные подданные будут платить за билет не менее 50 рублей (скаутам и членам профсоюза — скидка). Бесплатный пропуск осуществляется егерем заповедника при предъявлении партбилета одной из многочисленных компартий, удостоверения нардепа СССР и РФ, а также членских билетов ФНС, РОСа, Национального Собора, или может сгодиться и красный флаг, и типовой лозунг (черно-бело-желтый штандарт тоже сойдет). Впрочем, без всяких формальностей можно пускать и лиц со злобным выражением, плюющихся и выкрикивающих нечленораздельные ругательства.

Экспонатам с утра выдавать оформление и орудия труда: чучела демократов, портреты членов правительства, рогатки, спички, дрова, топоры (тупые, как ножи в сумасшедшем доме). Такие перспективы открываются! Такие аттракционы! В одном цирке шапито перманентно заседает съезд депутатов СССР. А в другом павильоне наоборот, но так же перманентно заседает съезд депутатов РФ! Оба съезда устраивают посетителям марафон: кто дольше прозаседает? Посетители делают ставки, как на бегах. Хасбулатов держит

тотализатор и одновременно вызывает к себе на ковер Ивана Грозного, Бориса Годунова и апостола Петра — для отчета перед съездами о проделанной работе. Кремлевские стены утыканы микрофонами. Вороны и депутаты берут слово попеременно и до изнеможения. Ленинский труп отдан коммунистам для создания СП по эксплуатации оно-го. За кассой сидит красивая Сажи Умалатова в белокурых локонах, фригийском колпаке и платье от Кристиана Диора и взимает плату в СКВ. Вход — 1\$, поцеловать саркофаг — 5\$, переночевать в Мавзолее — 300\$. Богатые коммунисты за большие деньги могут обеспечить себе погребение в хорошем обществе: у Кремлевской стены, в могиле Сталина (дороже), в Мавзолее (еще дороже).

Для экспонатов работают столовые по фиксированным ценам уровня 1990 года: комплексный обед из трех блюд за рубль. Кроме того, посетителям разрешено (за деньги, конечно) кормить коммунистов экологически чистыми продуктами. В заповеднике есть егеря, которые следят за тем, чтобы какой-нибудь изверг часом не скормил Михаилу Астафьеву или Илье Константинову булавку в слобной булочке. На площади открыты мастерские, где экспонаты демонстрируют экскурсантам ударный коммунистический труд, доказывая не на словах, а на деле, что производительность труда без эксплуатации человека человеком возрастает в 34 раза. Прибавочная стоимость присваивается Анпиловым и идет в кассу пролетарской революции.

Всюду стоят баррикады. На баррикадах открыты кафе. Там пьют квас, мед, самогонку и коктейль «Кровавая Мэри». Общество «Память» имеет свою лавку, где продает поневы, сарафаны, лапти, онучи, вышитые рубашки и деревянные ложки. Коробейники разносят по площади «Правду», «День», «Русский вестник» и «Советскую Россию». В одной из палаток сидит генерал Руцкой и ищет всем желающим пропавшие или украденные золотые и серебряные предметы. Время от времени генерал садится на бронзовый треножник и, в дыму благовоний, сообщает названные ему богом Аполлоном имена очередных казнокрадов из высших эшелонов власти. В соседнем шатре за СКВ Крючков выдает желающим справки, что ни они, ни их предки до 7-го колена не являлись агентами влияния на что бы то ни было.

Судья Зорькин сидит подле электронных весов и конституционно судит всех желающих насчет их соответствия

конституциям 1918-го, 1924-го, 1936-го и 1977 годов. Патриоты с помощью миноискателя и анализа крови на RW определяют в посетителях жидомасонов.

На доске объявлений каждый день вывешиваются свежие проскрипционные списки и смертные приговоры. По четным дням коммунисты судят Горбачева, по нечетным — Ельцина. На масленицу они сжигают их чучела и продают посетителям блины собственного изготовления.

Нина Андреева* вышивает присутствующим гладью портреты Сталина, Ленина, Фиделя Кастро и Ким Ир Сена.

Часть заработанных коммунистами средств идет на поддержание национального заповедника, а часть выдается экспонатам в виде суточных в зависимости от отработанных коммунисто- и патриото-часов. Работают следующие аттракционы: 1. Взятие гэкачепистами снежной крепости зимой и песочной — летом (каждый гэкачепист получает в награду по игрушечному танку, а Язов — еще и ранец с маршальским жезлом).

2. Расстрел чучел демократов на Москве-реке у Кремлевской стены.

3. Заклинание патриотом Баркашовым змей, которые вместе с ним издают его газету в серпентарии зоопарка.

4. Вызов духов Ленина, Сталина, Троцкого и Берии и участие их в форумах РКП и ФНС.

5. Ельцин (в виде макета) на рельсах.

6. Казнь чучела Горбачева на Лобном месте.

7. Сеансы черной магии, проводимые лично Прохановым, Дугиным и редколлегией журнала «Элементы».

8. Формирование Жириновским народного ополчения для возвращения России Аляски.

9. Восстановление Союза (в пределах географической карты).

10. Обмен Анпиловым населению рублей на доллары (из расчета 1:2) для укрепления национальной валюты.

11. Заочный процесс над ведущими демократами условно с отсрочкой исполнения приговора до восстановления советской власти.

Президенту России и его команде будет полезно всё это видеть из окон кремлевских кабинетов. Чтобы не расслаблялись.

* Автор письма «Не могу поступаться принципами!» (1988).

БАЛЛАДА О ПРОСТОТЕ

Журнал «Огонек», № 25–26, июнь

А был ли дураком третий сын — Иванушка? Что-то берет меня сомнение. Да и два старших сына были ли умны? Уже во времена Ильи Муромца было понятно, что на Руси с умом и талантом делать нечего. И если «черт догадал» с этим уродиться, то придется драпать ко всем чертям: к варягам, к грекам, к ляхам, во фряжские земли, а то и вовсе за море-океан. Или дожидаться плахи, петли, костра в срубе. Книжники на Руси скоренько попадали в чернокнижники. И далее — согласно тогдашним УК. Ум был явлением инородным и непатриотическим.

Зря, конечно, Киевскую Русь понесло на Север и Восток. Мы не просветили самоедов — мы сами стали самоедами. После скандинавской метафизической гордыни и славянского непринужденного мужества готической Руси на Севере выковывался другой национальный характер: темный, как чаша леса, гармоничный, как бурелом, коварный, как полесские зеленые болота, дружелюбный, как у филина. С научным подходом, как у Бабы Яги, с философской концепцией, как у Кощея Бессмертного, с гостеприимством, как у Лешего. Жар-птица, Василиса Премудрая и Иванушка (не дурачок!) вместе с Коньком-Горбунком и Серым Волком — вот всё, что нам удалось вынести из щедрой и широкой когда-то общей, а сегодня по праву сохраненного наследия и характера уже только украинской-Киевской Руси. И не на кого пенять. Мы сами виноваты.

Нас никто не гнал из Дома. Мы сами ушли — покорять и топтать «чужой посев»: в Сибири, в Суоми, на берегах Янтарного моря. А рук-то только две. Хватая чужое, мы уронили свое. Экспансия — всегда Уход. Империя — всегда плевок на родной порог. На свой и на чужой. Украина — это та Русь, которая осталась дома. На ней нет ни греха, ни вины. И не ждите: мы не можем вернуться, и нам не заколют упитанного тельца. Блудный сын был просто туристом. Его-то приняли обратно. Нас не примут. Потому что мы уже возвращались: в 1918-м, в 1948-м. Мы возвращались арестовывать «Просвиту», гоняться за ОУНом, вешать родных русичей за мягкие согласные в нашем бывшем общем языке и за желто-голубое знамя; мы вернулись, чтобы убить в советских лагерях поэта Василя Стуса,

Олексу Тихого, чтобы бросить в застенки Вячеслава Черновила, Левко Лукьяненко, Степана Хмару. Наше возвращение было как половецкий набег. Не нас — мы предали. И домой возврата нет.

Так что не в уме было дело, а в утраченной традиции Дома, которой владел скромный Иванушка. Старшие братья жили как все, а он не мог. Он был чудачком или, по-нашему, по-шукшински, чудиком. Изобретал вечный двигатель. Прилаживал крылья. Ловил Сивок-Бурок, якшался с Серыми Волками, хватал за хвост Жар-птиц, обманывал Бабу Ягу, сражался с Чудом-Юдом и Кощеями. Никогда не думал о последствиях и о тактике. Пер напролом. Когда заедало — звал Сивку-Бурку. Давал задание. Кручинился. На сеновале всегда кто-то находился, кто мог помочь.

Иванушка не мог знать поэзию Андрея Вознесенского. Но, видно, они с Андреем Андреевичем черпали вдохновение в одном фольклоре, поэтому, не сговариваясь, поняли, что нашу шхуну зовут «авось». Кривая, то есть нелегкая, то есть Сивка-Бурка — наш Пегас — вывезет. Главное — начать, а там нам кто-нибудь поможет окончить. И ведь везло Иванушке! (Ивану-царевичу.) И врагов побеждал, и на красавицах женился. На Царь-девицах!

Патриоты все время нас учат: «Демократы, припадите к национальным корням, и до вас дойдет». Ну что ж, я припала. И до меня дошло. Еще на VIII съезде нардепов дошло. Догадываетесь, что дошло? Не забудьте, что третий сын, Иванушка — положительный персонаж, что простота его от Бога и что он из сказки с хорошим концом. И хоть сказка — ложь... Впрочем, всё это пока присказка.

Когда Борис Николаевич Ельцин после того съезда не на сеновал пошел кручиниться, а на московский завод, мне удалось наконец его разгадать. И до меня дошло, что Иванушка как раз не дурак, а вот я форменная дура! Мы все время жили в сказке, но не могли понять этого и не знали, в какой. С какой детской, недоступной плохим людям простотой Ельцин тогда сказал про Гайдара рабочим: «Подумайте, ведь у нас впервые такой умный премьер-министр!» Сказал с восхищением, но без зависти. Какой президент в мире вслух и прилюдно скажет такую вещь, признавая интеллектуала Гайдара умнее себя и не впадая по этому поводу в злобу? Наверное, Иванушка так же относился к мудрецам, если они водились в его царстве.

Признавал же он превосходство Конька-Горбунка... Что же до отношения Иванушки и президента к капитализму, то оно у них вполне идентично: там текут молочные реки с кисельными берегами, там тридцатое царство. Там гнездятся Жар-птицы и проводят бархатный сезон Василисы Премудрые, там страна вечных каникул (народ купается в молоке и ест мед пригоршнями), там Лукоморье и земля Обетованная, Потерянный рай, Золотой Век, там даже водится кот ученый (МВФ) и говорит свои сказки про пятипроцентную инфляцию. Словом, «там тепло, там яблоки». «И на венчике из звезд — православный русский крест». Я не издеваюсь, я радуюсь, насколько вообще умеют радоваться нигилисты, что всё так совпало. И в этот капитализм, на этот Запад надо попасть, как заповедано в сказках: сносив семь пар железных башмаков, через горы и синие моря...

Помните, Алексей Константинович Толстой в своей трагедии устами Шуйского говорит: «Простота твоя от Бога, Федор Иоанныч, — я не могу подняться на тебя!» Я не знаю, какой нелюдьё надо быть, чтобы подняться на совершенно простодушного Ельцина, так и не научившегося лгать и лицемерить. Поэтому его и не вычислил вовремя пронизательный Михаил Сергеевич, который сказок не читал и представить себе не мог, чтобы кто-нибудь говорил простую правду, не держал камня за пазухой и не думал о последствиях.

Думал ли Иванушка о том, что будет дальше, когда сжигал лягушачью кожу? Слава Богу, что не думал: а то бы не сжег. Можно ли было хитрому и изворотливому лицедею защищаться от танковых армий СССР несколькими десятками автоматов и бутылками с бензином в руках беспомощных интеллигентов? Это настолько невероятно, что потом были придуманы десятки теорий, вплоть до того, что сам Ельцин руководил ГКЧП. Поотвыкли мы и от чудес, и от своих сказок. Защита Белого дома — это было вполне в духе Иванушки. И Руси. Мальчик-с-пальчик, помнится, тоже никем не воспринимался как боевая единица. Однако в драку лез и выигрывал.

Всё было просто. Умереть — но чтоб по совести.

Не читали сказок и гэкачеписты. И не готовились к встрече ни с Русланом, ни с Людмилой. В реальной жизни все должны были разбежаться по домам, увидев хотя

бы один танк. А в сказке остались стоять и даже стали кидаться на эти танки. Россия — сказочная страна. То-то американцы и англичане полезли на наши баррикады! Где еще такое встретишь? Своих сказок нет, так хоть чужими попользоваться... Трезвый и умный человек, думающий о последствиях, не освободил бы всех политзаключенных (даже «шпионов», о чем МБР до сих пор скрежещет зубами), не распустил бы по домам Союз в Беловежской пуше, не закрыл бы райкомы, не разогнал бы КПСС. Если думать о последствиях, никогда по совести не поступишь. После 1000 лет общинного, коллективистского, стадного бытия, после 75 лет тоталитаризма строить (именно сознательно строить, как метрополитен) капитализм? Это можно сделать, только уверовав. Я теперь думаю, что Ельцин был одним из немногих верующих коммунистов. Иванушка не действует из корысти. Он Правду ищет.

Некогда и римляне, и эллины, и иудеи веровали в своих старых богов. А потом пришел Христос, и, бросив прежнюю веру, самые чуткие и поэтические натуры уверовали в Христа. И пошли на арену на съедение львам, на костры, на дыбу. Если это было в человеческой истории, то почему я должна сомневаться в том, что, разуверившись в социализме, Ельцин поверил в капитализм, как в Святое Евангелие? В Свердловске был один Ельцин, в Москве — другой. Он узнает новый мир, мир своего Нового Завета, и что у него в данный момент на уме и в душе, то и на языке. И сразу он идет на телевидение и выступает. Делится. Рассказывает про Руцкого, который отбил от рук, про зловредные Советы, про съезд, который вот-вот съест. Это не коварный расчет, не манипуляция общественным мнением, не игра. Это из нашей сказки: «...Иван заплакал и пошел на сеновал, где Конек его лежал». Вместо сеновала теперь — телевидение. В действиях Ельцина нет расчета, нет предвидения. Это не лукавый, злобный и прозорливый Борис Годунов. Видали мы Борисов... И детская непосредственность Ельцина победила там, где не прошла бы мудрость всех семи афинских мудрецов.

Может быть, голосуя за Ельцина, Россия голосовала за свою сказку? Иванушка «не котировался» в своем царстве, в доме своего отца. У скромного свердловского секретаря тоже не было шансов.

Окончательно я успокоилась, увидев, как под бдительной телекамерой Эльдара Рязанова Ельцин, который в пасхальную ночь выстоит, тяжело вздыхая, но крепясь, всю заутреню (я бы, ей-богу, сбежала, больше часа не выдерживаю ни в праздники, ни в будни, хотя христианский стаж у меня побольше ельцинского), пытался пожить то пасхальным яичком, то пасхальным куличиком, а поскольку у него всё отбирали, в конце концов добрался до котлет.

Ну что стоило бы хорошему актеру разыграть гнусную комедию: сидит в Великий Пост благочестивый президент и с постным видом ест минтай и винегрет. Но Ельцин абсолютно не актер! Выстоять заутреню с Лужковым — ладно, прорвемся, если так надо (и я думаю, что это усилие Богу угоднее всех выкрутасов схимников, потому что не для себя, а для страны, чтобы подать добрый пример). Но мои котлеты мне отдайте! Надо же человеку поужинать. Я думаю, что многим телезрителям в тот день захотелось пригласить президента на ужин и накормить повкусней. Ибо окончательно ясно стало после этих котлет: не будет наш президент врать, расстреливать, подавлять. Но будет путаться в трех соснах, усаживаться во все лужи (и мы с ним сядем), верить черт знает кому, слушать дурных советчиков, а потом говорить, что маху дал. Это уж продолжение Иванушкиных подвигов после свадьбы с Царь-девицей. Ведь в тех же русских сказках добрые цари либо женятся на мачехах явно змеиноного рода-племени, либо, наслушавшись клеветников, приказывают молодую жену с первенцем заколотить в бочку и бросить в океан...

Надо думать, что при Борисе Николаевиче состоят и ткачиха, и повариха, и сватья баба Бабариха.

И не только в русских сказках случается такой конфуз. Здесь и Андерсен («Дикие лебеди»), и французская Золушка, и братья Гримм (Гензель и Гретель, выгнанные на погибель в темный лес добрым отцом-дровосеком по требованию злой мачехи). В «Диких лебедях» таких добрых государей аж двое. Один допустил, чтобы злая королева изгнала из дворца его сыновей и дочку Элизу, другой, муж Элизы, послал ее на костер, поскольку злой епископ доказал ему, что она ведьма. Слава Богу, ее невинность и добродетель вовремя обнаружили, а то бы так и сожгли! И, заметьте, Элиза вернулась к этому самому доброму, но лопухому королю: может быть, ей некуда было больше идти?

Как и нам... Мы хотели бы перейти к более взрослой литературе, более трезвой, более рассудочной, более печальной. Но нам для этого придется извлечь Ельцина из сказки. Однако не раньше, чем он сработает за 33 богатырей. Меньшими силами нам на Запад не прорваться.

У Иванушки был свой потолок. И у каждого он есть. Естественно, есть и у Ельцина. Ему не быть светским, лощеным, безукоризненным интеллектуалом Тадеушем Мазовецким. Но когда я спросила у политизированных поляков, смог ли бы Тадеуш Мазовецкий взяться за реформирование России, то мне ответили: «Никто бы из наших не взялся, даже Валенса, хотя он круче». Разговор шел в Москве. Мимо нас с диким гиканьем, как туловище Змея Горыныча, неслась очередная фашистская демонстрация под красными и черно-бело-желтыми знаменами; мои поляки просто цепенели от ужаса. Никогда этого не было в Польше. Шли иностранные войска, оккупанты, Ярузельский интернировал своих, чтобы не пришли русские, но все мечтали, чтобы оккупанты скорее сгнули и можно было бы вернуться назад, к нормальной буржуазной Польше. Всем было куда возвращаться: и Латвии, и Эстонии, и Литве, и Молдове. А у нас позади вставала черная колючая проволока темного леса, к нам из прошлого простирали руки Баба Яга, Кощей Бессмертный, Змей Горыныч. Из леса нашего прошлого несло нехорошее уханье, и против своего лома не было приема. Никто бы не взялся. А если бы взялся, сбежал. И хорошо, что Ельцин не знал броду. Только поэтому и он, и Иванушка храбро совались в воду.

А если бы они знали заранее, что ни в воде, ни в огне брода нет? Их ампула исключает эти «проклятые» вопросы. Порадуемся за них. И за себя. Ельцин сжег тоталитарный уют, обжитое прошлое, и наше, и свое. Мы, кстати, подавали головню и кричали: «Вызываем огонь на себя!» Поэтому депутат Челноков и сидевшие в том августе в Белом доме Хасбулатов и Руцкой — предатели вдвойне. Они хотят отмыться и сложить с себя ответственность. Их там не было.

Я представляю себе первую встречу Ельцина и Гайдара. «И роди богатыря мне к исходу сентября». То есть построй капитализм за 9 месяцев. Это похуже, чем задание злой мачехи по отделению мешка чечевицы от мешка золы...

Никто и никогда не заглядывал в послесловие сказок про Иванушку и Конька-Горбунка. Как правил Иванушка? Должно быть, в отличие от нашего, его царство-государство было населено исключительно добрыми молодцами и красными девицами. А земля родила сам-пят. Его подданные просто не могли сказать «Иванушку — на рельсы»... Та сказка всегда кончалась свадьбой, а за медом не было видно никакого конституционного кризиса. Сусанина тоже, кстати, звали Иваном. А если бы он вел своих и просто сбился с дороги? Вот были бы митинги протеста...

Так какую же роль отвели нам в этой сказке, в нашем мультфильме в стиле «ретро» под названием «русская история»? Да конечно же Конька-Горбунка! Интеллигенция для Иванушки-Ельцина — Конек-Горбунок. Мы не можем не явиться на зов. Мы рождены, чтоб старую сказку сделать современной былью. Мы всегда будем реагировать на своего первого (и, может быть, последнего) президента, как на мишку из детского стихотворения:

Уронили мишку на пол,
Оторвали мишке лапу.
Все равно его не брошу —
Потому что он хороший.

Мы кидаемся к мишке, когда ему отрывают лапу в очередной раз. Мы, конечно, западники, но мы русские, а потому вне логики и выгоды. Мы не можем сказать: «Так поди же попляши!» История про Стрекозу и Муравья как раз какая-то французская, импортная, лафонтеновская. Мы так не умеем. Мы встаем перед Иванушкой, как лист перед травой. Правда, если он и дальше будет тянуть кота (лукоморского) за хвост, то ему уже не лапу оторвут, а голову. И нам тоже. И всадник будет без головы, и Конек...

Нам не надо ни стойла, ни овса. Мы приходим даром. 25 апреля все явились как штык, и обиженный Гайдар в первых рядах. По канону Сивка-Бурка не может обижаться на Иванушку. Ему, видать, и во времена царя Гороха не было альтернативы. У нас больше никого нет для этой роли. Иванушка — он свой. Наши обиды на него кончаются, как у Галича:

Не зови вызволять тебя из огня,
Не зови разделить беду.
Не зови меня! Не зови меня...
Не зови — я и так приду!

Мы не можем оставить Иванушку наедине с Кощеями и Горынычами. Может быть, впервые в российской истории власть сделала интеллигенции добро и так же впервые власти больше некого просить о защите. Поэтому да здравствует союз Иванушки и Конька-Горбунка — двух субъектов российского революционного процесса!

Ельцин — самый большой успех российского народничества за два последних века. Наконец-то мы сагитировали! И кого! Аж самого царя! Когда не осталось надежд на либеральную революцию снизу, наше Несбывшееся переменяло адрес, и мы положили глаз на революцию сверху. Ведь правда, мы уже успели наломать немало дров? Российская интеллигенция в совершенстве изучила это дело: ломать всё, что построено не по ее проекту. А Ельцин у нас все-таки строитель. В некотором роде мы смежники...

Россия — наша извечная избушка на курьих ножках. Гипотетически Иванушка должен уметь ее развернуть. Надо просто гаркнуть: «Стань, избушка, к лесу задом, а ко мне передом!» Какие референдумы? Какие выборы? Это — когда мы захлопнем наши детские книжки и станем скучные, разумные, умеренные, рациональные. Это всё будет в другой Ойкумене, в капитализме. А пока — переходный период.

В нашей сказке отношения выясняют не на референдумах, а с помощью меча-кладенца. Какие могут быть «круглые столы» со Змеем Горынычем и Соловьем-разбойником? И только издеваясь над понятиями, можно наше царство величать «президентским» или «парламентским», а все эти идолища поганые русского фольклора именовать «оппозицией». Змей Горыныч не может быть в оппозиции. Только в засаде. Ни Кошей Бессмертный, ни КГБ не подлежат перековке на «орала». Проще надо жить, проще: убить утку, достать яйцо, сломать иглу, закрыть ведомство Страха, снести здания... Написать на асфальте: «Здесь танцуют». Если бы конференция «КГБ вчера, сегодня, завтра» называлась как должно: «Кошей Бессмертный вчера, сегодня, завтра», то, надо полагать, обсуждение бы три дня не тянулось...

Ельцин в нашей сказке как дома и Конституцию представил соответствующую. Таковую, чтобы с ней можно было дожить хотя бы до понедельника. С целой серией заговоров типа «Чур меня!» в каждой главе (против социализма, против равенства, против идеологизации, против общины, против Руцкого, против нардепов, против Хасбулатова). Это-то хорошо. Хуже, когда Иванушка начинает путать жанры и приглашает на Конституционное совещание Бабу Ягу, Змея Горыныча и Соловья-разбойника (даже если они зарегистрированы в Минюсте и имеют всероссийскую структуру).

В старину Иванушка был бессмертен. И Сивка-Бурка соответственно. Так сказать, пара гнедых... А сегодня всё подвержено эрозии. Вы представьте себе на минуточку, что нас всех ждет, если с Ельциным, не приведи Господь, что-то случится. Простота простоте рознь, простота Руцкого — это простота неорганизованной материи, готовой со злобной агрессией уничтожить всякую высокоорганизованную жизнь, которая встретится ему на пути. Вы видели на телеэкране, как он взирал на Гайдара? Как шукшинский Змей Горыныч. Взирал и думал: «Лангет». Ему хватит месяца, чтобы обратить страну в Красную пустыню.

Революция сверху — это всегда подарок, которого не заслужили. Наша интеллигенция странно устроена: нам легче давать, чем брать. Отдавая, мы были счастливы. Даже когда отдавали жизнь... А сейчас, впервые за 200 лет, дают нам. И горек этот хлеб, и отравлена свобода. Мы берем даром. И поэтому кидаемся на изумленного благодетеля. Потому что нам всегда давали камень. Остановиться и понять, что дающий не виноват, было трудней всего.

Мы-то были не из этой сказки. Мы пришли из мира Кафки, Оруэлла, Достоевского, Фолкнера. Мы привыкли в каждом яблоке искать бритву. Наверное, со дня своего рождения российская интеллигенция, ровесница Радищева, издерганная, затравленная, мятежная, никогда не знала мира и покоя. Разве что на эшафоте. Два года Ельцин терпел нашу истерику, наши оскорбления, наш невроз. Может быть, ему повезло и он не читал Кафку и Достоевского? А вдруг читал? Тогда он просто ждал, чтобы нам стало стыдно... Мне уже стало.

Сивка-Бурка тоже не вечен. Укатали крутые горки. Уже заведено уголовное дело по ст. 70-й части 2-й против депутата Виктора Миронова за обращение к президенту

от 20 марта с требованием распустить Советы, ввести президентское правление и интернировать Зорькина, Хасбулатова и Руцкого... Кто выиграл референдум, если Кошеи таскают в Лефортово на допросы Сивок-Бурок, которые в марте явились на зов Иванушки? Был Сивка-Бурка, да изъездился. И шкуру с него сняли...

Но это не самое страшное. К живодерне мы все привыкли. И шли туда добровольно, начиная с декабристов и Радищева. Еще Камю говорил, что умереть от внутренних противоречий легче, чем жить с ними. Страшно другое. Впервые мы идем с властью (если у президента есть еще власть) против народа (те, кто голосовал за либеральные реформы, эти 36 миллионов, — уже не народ, а личности, и их спасти уже не нужно: они спасены). Иванушка силен своей искренностью и простотой. А вот нам никогда уже не будет просто. Мы попрали свое прошлое, выбрав свободу, навеки несовместную со справедливостью. Чернышевский, Добролюбов, Желябов и Вера Засулич отрекутся от нас. Идеалы, мечты, иллюзии весело хрустят под нашим каблуком. 200 лет у нас проповедовали социализм. Мы войдем в историю Геростратами, сжегшими храм этой Веры. Впервые в истории России ее интеллигенция будет сознательно бороться за социальное неравенство, за массовую безработицу, за хозяев и батраков. Потому что мы проверили, поставив острый опыт на себе: выбора нет.

Мы слишком много читали, чтобы чувствовать себя счастливыми: «Гроздья гнева», «Дэвид Копперфилд», «Оливер Твист», Чехов, Достоевский. Всё это нас ждет, и мы ведем в эти миры нашу страну. Ведем с открытыми глазами. Уже потом будут миры Брэдбери, Хеллера, Хемингуэя. Нам, может быть, придется пройти через ту сказку Андерсена, где девочка, продававшая спички, замерзла ночью на улице под окном богатого особняка...

Но самое ужасное — это то, что позади нас такой ужас, что все эти страсти не вызывают во мне никакого желания шарахнуть в сторону. Я никогда не говорила, что при капитализме будет лучше. Этой вины на мне нет. При капитализме будет иначе. Свободнее, интереснее, умнее, сложнее... Мы будем страдать, как молодой Вергер, но не как питекантроп, который тоже, говорят, страдал, но от других причин. Издержки свободы могут быть не меньше издержек рабства. Но это другие издержки. Счастья не будет. Счастлива только корова-стахановка в показательном

стойле у Стародубцева. Свобода исключает счастье, ибо она не дает уверенности и гарантии. Свобода — это тоска ежедневного выбора. Так считал Сартр, сбежавший от такой свободы к маоистам. А если наше общество захочет сбежать? Я постараюсь дожить до следующих танков, чтобы загородить нам дорогу назад. Общество загнано в свободу. Это всё наши с Иванушкой дела. И сбежать в тоталитаризм мы никому не дадим. «Вошедшие, оставьте упования!» За 25 лет бесплодной деятельности по поднятию масс на либеральную революцию я здорово на массы обозлилась.

Я знаю, что мне положено колебаться, стыдиться, сомневаться. Такова уж должность «интеллигента на договоре». А я возьму и не буду! Мне не жаль никого. Ни себя, ни других. Ни одной слезинки не уроню над одичавшим ветераном с красным флагом, над совками, у которых отняли батоны по 13 копеек. Недавно я получила письмо от бывшего члена ДС из Курской губернии: «Новодворская и Ельцин навеки будут прокляты на Курской земле». Не возражаю! Я не делила с Ельциным власть, лайнеры, лимузины, госдачи. Но проклятия и, в случае необходимости, виселицу я с ним с удовольствием разделю. «На веки вечные мы все теперь в обнимку»... А птичка давно вылетела.

Иванушка, бывает, сдает Сивку-Бурку. В архив или в отставку. Но Сивка-Бурка не может, по роду деятельности, сдать Иванушку.

Пусть Чернышевский и Степняк-Кравчинский на том свете со мной не здороваются.

От содеянного — не отрекусь!

ВЕДЬ ЭТО НАШИ ГОРЫ! ОНИ ПОМОГУТ НАМ

«Хозяин», №25 (109), июль

Два битых президента предостерегают небитого

...Грозный производил не просто мирное, а прямо-таки благодное впечатление. Лавочки с сигаретами и напитками на московский фасон. Ни выстрелов, ни танков, ни патрулей. Никто не мог сказать мне точно, есть ли в городе комендантский час. Вроде бы есть, но неизвестно,

когда начинается и когда кончается. И никто это дело не контролирует чаще, чем два раза в неделю. Словом, тот, у кого ночью есть дела, выходит, а у кого их нет, те мирно сидят по домам. А поскольку дансингов в Грозном нет, то дел по ночам немного. Я не стала спрашивать у Джохара Дудаева, как он управился со своими Советами. Мне уже всё рассказали по дороге из аэропорта грузинские друзья из законного парламента в изгнании.

О, если бы тогда, в декабре 1991 года, они и Звиад Гамсахурдиа владели дудаевской методикой ликвидации «конституционных кризисов»! Не было бы сотен расстрелянных, замученных, сожженной Мингрелии, пылающей Абхазии, умирающих от голода и бомб в Сухуми и Ткварчели...

Пока советская «оппозиция», вожделевшая бывшего сытного рабства в лоне СССР и требовавшая во что бы то ни стало булочки с маком по 13 копеек, стояла только с лозунгами, они были бы для дудаевской стороны «табу». Но как только они взялись за автоматы и обставились бронетранспортерами, началась игра в «казаки-разбойники». Чеченский «парламент», по нестранному совпадению принимавший резолюции в защиту нашего родного ВС, первым открыл огонь. Погибли «гвардейцы короля» — двадцатилетние мальчишки из добровольной охраны президента, погиб племянник Дудаева, сын того самого его брата, который приютил президента и его семью в своем маленьком домике на окраине города, потому что своей крыши над головой Джохар Дудаев не имеет. И этого юношу он видел каждый день и наверняка очень любил. Ибо в Чечне родственные узы значат очень много, не то что у нас.

Восемьдесят «парламентариев» с оружием и при бронетранспортерах сидели в здании Городского собрания. Их попросили уйти. Они не ушли. И в 6 утра к зданию подъехал танк с Джохаром Дудаевым и несколькими гвардейцами. В стволе был холостой патрон. По зданию был сделан очень громкий выстрел. Ни одной царапины на стенах, зато шума много. Мне рассказали, что «разбойники» выскочили с поднятыми руками и в мокрых штанах и только тогда узнали, что выстрел был холостой. Какой пассаж! Восемь человек стали отстреливаться. Они погибли в перестрелке с гвардейцами. Игра в «казаки-разбойники» ведется сознательно, на свой страх и риск. Жаловаться некому.

Митинг на Театральной площади тоже к тому времени оброс оружием. К нему подъехали 4 президентских танка. И встали. Давить танками людей, даже самых скверных, президентская сторона бы не стала. Но у страха глаза велики. И видно, не по зову сердца пришли люди на митинг на Театральной площади. И не сами по себе.

Безоружные интеллигенты, пришедшие в нашем Августе к Белому дому, выстояли против танковых дивизий. Нанятые ВС участники грозненской массовки в июне тут же разбежались. Жертв с президентской стороны оказалось вдвое больше.

Все эти дни российские войска как бы случайно придвигались вплотную к границам Чечни. Российские газеты стряпали сценарий «Восстание чеченского народа против тирании авантюриста Джохара Дудаева». ВС должен был подать сигнал. Он не успел. Российские войска не успели перейти границу, чтобы убить — и умереть, потому что Джохар Дудаев и его народ отдали бы Чечню только мертвыми. А стрелять они умеют, и Россия положила бы здесь не одну дивизию и даже не одну армию.

К счастью, ничего этого не произошло. «Оппозиция», родившаяся в кабинетах Лубянки и в здании Министерства обороны, развеялась как дым, и когда служба президента искала хотя бы одного «оппозиционера» для агентства «Рейтер», чтобы доказать, что они живы и не арестованы, найти не удалось никого. Так далеко «оппозиция» разбежалась, хотя за ней и не гнались. Конфликт исчерпан. «Казачи» оказались круче «разбойников». Честная победа не предполагает дальнейших разборок.

...У мальчика-гвардейца, который пришел, чтобы везти меня к президенту, даже усов еще не было, зато из кобуры лихо торчал пистолет, как в фильме «Лимонадный Джо». Чувствовалось, что он часто смотрит по видео ковбойские фильмы. Меня усадили в знаменитый синий автомобиль Джохара Дудаева, «Вольво» какой-то особой марки, с множеством сидений, с автоматически опускающимися стеклами, — подарок местных коммерсантов (на свои деньги президент смог бы купить разве что колесо). Ребята, попавшие в президентскую охрану путем самовыдвижения (никто им не платит, просто пришли со своим оружием и охраняют любимого президента), отнеслись ко мне и к России снисходительно. Они стояли у Президентского Дворца (на самом

деле там сидят все службы республики, а у Джохара Дудаева кабинет, унаследованный им от бывшего первого секретаря обкома). Автоматы они держали небрежно, как букет пионов (вот-вот понюхают), и вид у них был счастливый. У них есть их маленький кусочек земли, их горы, их предки, их герои, их оружие. И президент у них джигит. А по парламенту они плакать не собираются, для них свобода — вопрос не дискуссионный. Они снова победили и очень соболезновали нам, что мы никак не можем победить, и предлагали свою помощь (здесь бы Хасбулатов своими софизмами не отделался). Они были слишком тактичны, чтобы спросить у меня прямо, но в их глазах читался вопрос: «А джигит ли Ельцин?»

По дороге мы заехали за президентом Грузии, и у нас состоялся консилиум по российской проблематике, и не только по российской, часть из которого я здесь приведу.

З.Г.: (Звиад Гамсахурдиа): Понимаете, здесь, в Чечне, номенклатура была только русская. Ни в райком, ни в обком чеченцев не допускали. Поэтому народ не успел развратиться и остался чистым. Не то что у нас в Грузии или у вас в России...

В.Н.: Джохар Мусаевич, что это за детектив получился с поездкой во Францию? Французы утверждают, что не знают, откуда Вы взялись.

Д.Д.: (Джохар Дудаев): Всё они прекрасно знают. За несколько месяцев существовала договоренность о поездке с французским Министерством обороны и соглашение о посадке чеченского самолета на базе «Оранж». Я ездил туда отнюдь не заниматься художественным пилотажем в Бурже. Были серьезные переговоры, и уже в следующем месяце к нам приедет группа блестящих австрийских и израильских экономистов: создавать пригодную для нас модель построения капитализма. Меня напрасно обвиняют в социалистических и коммунистических тенденциях. Но капитализм нужно строить грамотно.

В.Н.: С Советами Вы управились, империя Вас голыми руками не возьмет. Единственное узкое место — это экономика.

Д.Д.: Да, я понимаю, экономикой нас пытаются добить. Почему были убиты наши посланцы в Лондоне? Они должны были привезти напечатанные в Англии наши чеченские деньги. Рубль в таком состоянии, что не может служить «мерой всех вещей». Нужна своя «твердая валюта»,

свои банки. наших людей убили вместе российские и английские спецслужбы, чтобы пропали данные им с собой огромные суммы, чтобы вызвать в республике кризис неплатежей, чтобы люди голодали, мучились, начали бунтовать. Вот чего хотел наш парламент! А кончилось бы всё танками.

В.Н.: Джохар Мусаевич! Неужели Англия могла пойти на такую мерзость?

Д.Д.: У них проблемы с Ирландией, как им не понять российские проблемы с Чечней? А потом, у спецслужб всех стран — свой кодекс и свои отношения, отношения посвященных. Недаром в тот момент в Лондоне находились шеф санкт-петербургского КГБ и Степанков. У этого прокурора странная методика: он совсем еще недавно, года два назад, объезжал республики, выпускал уголовников и дестабилизировал ситуацию. У нас он освободил человек 30 рецидивистов. А тут полк внутренних войск якобы стал их искать и забрел на площадь, где стоял мирный митинг. Какая случайность!

В.Н.: Да, Вас бы на наши Советы, а то Ельцин с ними не знает, что и делать.

Д.Д.: Пусть только позвонит мне. За месяц из России можно сделать конфетку, и чтобы КГБ не строил из себя пятую власть, а выполнял приказы. Я знаю армию, знаю генералитет. Там есть преданные Ельцину люди. Вон Шапошников — глубоко порядочный человек... Но ведь без президента нельзя ничего предпринимать! А он теряет время! Так можно и голову потерять...

З.Г.: Сколько раз я пытался Ельцину помочь. Но как только замечали, что он начинает меня слушать — еще до нашего путча — как сразу устанавливали между нами санитарный кордон. Россия же теряет Кавказ! Навсегда! Не колонии теряет, а человеческие отношения, союзников, дружбу...

Так сидели мы втроем, президент, изгнанный коммунистами, президент, не признанный ни коммунистами, ни демократами, и никому не нужный в России революционер, которому не с кем делать буржуазную революцию. И выяснилось, что в Чечне — те же проблемы с едой и жильем, что и у нас, что «под каждой слабенькой крышей, как она ни слаба, свое счастье, свои мыши, своя судьба», что плотность населения в горах — 160 человек на квадратный

километр, что земли на всех не хватает, что люмпенов чуть ли не половина населения, а что мясо едят редко и нет горячей воды, это видела я сама.

Два оставленных Ельциным на произвол судьбы президента сидели и сокрушались, как бы ему помочь. А Джохар Дудаев рассказывал, как он собирал российских корреспондентов и просил писать гадости только о нем, а не о частных лицах, да еще из мафии, — а то ведь и в суд не подадут, а просто пристрелят. И кое-кто послушался, но Дмитрия Крикорьянца* он не уберег. И если бы можно было сгореть со стыда, я сгорела бы со стыда за лживую российскую прессу и бездушную и бездарную российскую политику.

А потом мы пошли смотреть огромный дудаевский кабинет, где маленький изящный президент просто терялся в необозримых просторах. А на стене висел портрет героя Чечни шейха Мансура, и его вид ясно говорил о том, что попытка заставить здесь кого-то подписать федеративный договор — дело пустое.

А по пути в аэропорт заместитель министра иностранных дел с жаром мне говорил, что отец Руслана Хасбулатова, когда в больнице узнал о депортации народа, то отвернулся к стене и умер с горя, а сын всё это теперь забыл; что он был миллионер, занимался бизнесом, а теперь он нищий, но зато служит республике; что жизнью никто у них не дорожит и люди, 95%, готовы есть траву, но сохранить независимость. И с гордостью он показал мне маленький хвостатый президентский самолет, который Дудаев любит пилотировать лично. Он и Чечню ведет, как самолет: в штопор, в пике, «бочкой»... А пассажирам остается закрепить ремни.

Да, капитализм в Чечне будет строиться по формуле: «Отставить разговоры! Вперед и вверх — а там... Ведь это наши горы — они помогут нам!» И наверное, только так и можно в нашем положении что-то построить...

Самолет улетал ночью. Внизу оставался маленький кусочек земли, который совершенно не нужен России, но так нужен тем, кто на ней живет.

Позади лежала земля счастливых людей, которые не нуждаются в Конституции, потому что у них есть братство;

* Собкорр газеты «Экспресс-Хроника» в Грозном. Убит в 1992 году.

людей, которые и в жизни, и в смерти останутся свободны. Не силой штыков держится власть Джохара Дудаева, а силой любви.

Впереди ждала земля компромиссов, малодушия, интриг и расчетов, которой не поможет и Конституция — пока нет у нее мужества отстаивать свободу ценою жизни.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА?

«Хозяин», № 27 (111), август

По идее она начинается с географической карты и четких границ. У англичан, норвежцев и разных прочих шведов на этот счет полная ясность. А вот у нас, злополучных, никаких положительных сведений не имеется, и мы на предмет нашей Родины просто обыскались.

Видно поэтому часовых Родины и «позабыли» в суверенном Таджикистане, обрекая их на верную гибель, так же, как тех часовых Родины, которых в бытность наших передовых демократов отсталыми коммунистами однажды в 1979 году занесло в смежный с Таджикистаном Афганистан.

Похоже, что и нардепами, и президентом, и его пресс-секретарем Вячеславом Костиковым овладевает синдром Родиона Раскольникова, который, укокошив двух старушек, явился на ту же квартиру звонить в звонок. Решимость влезть в мокрое таджикское дело после столь бесплодных колониальных походов в Афганистане не намного умнее, чем позиция того самого кувшина, который повадился по воду ходить — до полного краха. Причем надо заметить, что если другие колониальные державы ходили в походы, чтобы захватить чужое, то наши захватнические маршруты кончались тем, что мы теряли свое. При подобной сноровке под Порт-Артуром, Цусимой, Эльбрусом и Казбеком в XIX веке, а также под Будапештом, Прагой и Гератом в XX веке лучше сидеть дома. Умнее покажемся.

Если новая афганская война — месть Афганистану за старую, то тогда это месть по типу: «Пойду вырву у себя глаз, пусть у моей тещи будет зять кривой».

Что же до помощи 300 тысячам русских Таджикистана, то едва ли они сумеют оценить посаженное им на голову коммунистическое правительство и уничтожение при российском участии уже сотен тысяч мирных таджиков.

В результате подобных «акций поддержки» русские Таджикистана могут оказаться на крыше российского посольства, откуда храбрый министр Грачев будет снимать их вертолетами. И если можно понять советских коммунистов, которые культивировали афганских коммунистов, то как понять российских «демократов», наступающих на таджикские коммунистические грабли?

Похоже, что у наших генералов есть еще 15 тысяч лишних молодых людей, чтобы бросить их во вторую серию афганского пожара. Но откуда у них деньги? Международный валютный фонд на это не даст ни гроша.

География — наука не правительственная и не депутатская. В конце концов ВС запутался и в южных границах нашей Родины, включив в РФ еще и Севастополь. Ограбленную Украину защитил президент. Похвально, что он не хочет Крымской войны. Но чем лучше Афганская?

Одним концом наша горемычная Родина заехала в Эстонию. Калики перехожие, или русскоязычное население Нарвы, которое никак не может выбрать себе Отечество по вкусу, пытается организовать междусобойчик в виде территориальной автономии под кодовым названием «Принарвская республика». Лавры Приднестровья не дают покоя ни местным, ни московским организаторам.

В общем, Родина у нас постоянно на марше, постоянно куда-то расплзается. А всё потому, что пытаются сформировать ее по песенке: «Шли лихие эскадроны приамурских партизан». В наши дни с такими песенками города не займешь, только потеряешь.

НЕ ОТДАДИМ НАШЕ ПРАВО НАЛЕВО!

«Новый взгляд», № 33 (84), 28 августа

Несть числа утратам человечества. Вера, надежда, любовь и невинность утрачены на тернистых путях НТР. Но вклад России в мировые процессы всегда был несоизмерим количеству ее пристойных дорог, компьютеров и джентльменов. За последние 7 лет человечество утратило с нашей помощью такой золотой эталон, как фундаментальный критерий «прав человека». Оказалось, что человек далеко не универсален и что права — не ваучер, их нельзя раздавать всем поголовно. Я лично никогда и тешила себя

такой погремушкой. Я взрослый человек. Я всегда знала, что приличные люди должны иметь права, а неприличные (вроде Крючкова, Хомейни или Ким Ир Сена) — не должны. Право — понятие элитарное. Так что или ты тварь дрожащая, или ты право имеешь. Одно из двух.

Вон в Алжире мусульманские фанатики законно пришли к власти. Бывают такие задушевные минуты у избирателей, когда хочется отрастить хвост и влезть обратно на дерево. Имеют они на это право? Боюсь, что нет. Право на хвост в Алжире было оспорено с военных позиций армией, оказавшейся почему-то более европеизированной, чем гражданская часть страны. Какой скандал! Военный переворот! Нарушение всех демократических норм! Однако я холодна, как кока-кола из «Макдоналдса», и на митинги протеста меня не приглашайте. Потому что мне начхать на права мусульманских фанатиков. Невзоров, умница, первый додумался до корня проблемы. Есть «наши» — и есть «не наши». И каждый по части прав человека стоит за своих. Большого и требовать нельзя.

Невзоров для меня чужой. Так что пусть, в случае чего, не взыщет. После того как Приднестровье, над участью которого мы пролили столько горьких слез, отвоевав свою законную территорию, оставило на ней коммунистическую символику и стало развлекаться политическими процессами (дело И.Илашку), мне стало глубоко безразлично, что сделает Молдова с этой частью своей территории, советской до последнего садика. Если Румынии нужно такое приданое, пусть забирает. Я бы завернула в бумажку.

Например, меня совершенно не волнует, сколько ракет выпустит демократическая Америка по недемократическому Ираку. По мне, чем больше, тем лучше. Так же, как меня совершенно не ужасает неприятность, приключившаяся с Хиросимой и Нагасаки. Зато смотрите, какая из Японии получилась конфетка. Просто «сникерс». Семерка в Токио заседает, парламент либеральный имеется. Игра стоила свеч. Я была бы просто счастлива, если бы США сохранили все мыслимые и немыслимые приоритеты и не забывали вовремя что-нибудь бросать на тех, кто уклоняется от либерального пути и плохо себя ведет. Неотвратимость наказания — единственное, что может удержать человечество от политического и нравственного регресса. И не надо про совесть. Нет у человека никакой совести.

У отдельных продвинутых экземпляров — есть, а у большинства нет. Так что на Аллаха надейтесь, а верблюда привязывайте.

В следующий раз мне будет все равно, сколько снарядов придётся в Бендерах на 1 квадратный километр. Для коммунистов нет самоопределения.

Вот свобода Чечни меня волнует. Чечня — это красиво, это смело, это благородно. Здесь независимость завоевана, как олимпийская награда. А Татарстану на что? И главное, за что? За поддержку ГКЧП? Когда я слышу о выходе Якутии из состава России или о суверенитете Тувы, меня разбирает дикий смех. Для меня это не вопрос права, а вопрос заслуг и достоинств. Чем эти ребята прославились? Чем пожертвовали? Какими великими деяниями могут похвалиться? Шаймиев — не Дудаев, он не достоин чеченскому вождю ботинки чистить. Обычная номенклатурная птичка-невеличка.

Почему это в Америке индейцы не заявляют о своем суверенитете? Видно, в свое время белые поселенцы над ними хорошо поработали. А мы, наверное, в XVII—XVIII веках что-то со своими «ныне дикими тунгусами» не доделали. И если я отдам жизнь за свободу Балтии, Украины, Грузии, то когда какая-нибудь цивилизованная страна вздумает завоевывать Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, где установились тоталитарно-феодалные режимы, я ее благословлю на дорогу. Жаль, что Россия не может считаться цивилизованной страной. Трем вышеупомянутым государствам на роду написано быть колониями, ибо они не воспользовались во благо дарованной им свободой. Хорошо бы Англия ими поживилась... Это спасло бы местную западническую элиту от полного истребления.

Апартеид — нормальная вещь. ЮАР еще увидит, какой строй будет установлен коренным большинством, развлекающимся поджогами, убийствами, насилием. Мало не покажется... Гражданские права существуют для людей просвещенных, сытых, благовоспитанных и уравновешенных. В зоне всё откровеннее. Там есть права для всех, кроме как для «опущенных», «для петухов». И дело здесь не в физиологии, а в силе духа, в моральном уровне. Жалкие, несостоятельные в духовном плане, трусливые спят у параша и никаких прав не имеют. Если таким давать права, понизится общий уровень человечества. Так что апартеид — это правда, а какие-то всеобщие права человека — ложь.

Русские в Эстонии и Латвии доказали своим нытьем, своей лингвистической бездарностью, своей тягой назад в СССР, своим пристрастием к красным флагам, что их нельзя с правами пускать в европейскую цивилизацию. Их положили у параша и правильно сделали. А когда Нарва требует себе автономии, для меня это равносильно требованию лагерных «петухов» дать им самоуправление. Представляете, что сказали бы воры в законе? Сейм Латвии и парламент Эстонии ответят то же самое. Только мягче, как полагается в Европе.

Я лично правами человека накушалась досыта. Некогда и мы, и ЦРУ, и США использовали эту идею как таран для уничтожения коммунистического режима и развала СССР. Эта идея отслужила свое, и хватит врать про права человека и про правозащитников. А то как бы не срубить сук, на котором мы все сидим.

Капитализм дает права с большим разбором, и далеко не все. Права на социализм в продаже нет. После своего опыта по защите прав коммунистов и гэкачепистов, которые благополучно сели нам на голову, я ничего не имею против запрета коммунистической пропаганды и комиссий по расследованию советской деятельности. Коммунизм лечится как рак. Хирургически, лучевой терапией, химиотерапией. А поскольку, в отличие от рака, этот недуг не приобретает без злой воли, анестезия не обязательна. Мы на острове доктора Мора из Уэллса. Мы были зверями, а сейчас жизнь путем вивисекции вырабатывает из нас людей. Жизни плевать на наши крики и стоны. И на ваши права встать на четвереньки. Кто там шагает левой? Правой! Правой! Правой!

«ИХ НАДО СВРОСИТЬ С ПЕРЕВАЛА»

«Московский комсомолец», № 187, 29 сентября

Революцию устраивать — это вам не фиалочки продавать. Конечно, очень хочется, сидя на пороховом погребке и покуривая сигару, заявить, что всё к лучшему в этом лучшем из миров, что пронесло, что над всей Россией безоблачное небо, но элементарная научная и революционная добросовестность не позволяет мне это сделать, и уж лучше пусть я напугаю читателей МК, чем они

непугаными так и досидят до того, как в стране начнет действовать «Сендеро луминосо».

Что мы имели до 20.00 21 сентября? Реальное, вызывающее жуткие воспоминания двоевластие образца 1917 года. А двоевластие — прескверная штука. Положим, что реально Советы поддерживали 20 процентов населения. Но, видя, что их не гонят, что с ними считаются, к фанатикам, люмпенам, просто клиническим случаям добавлялись люди трусливые, осторожные, желающие обеспечить свою безопасность при всех режимах, которые близко бы не подошли к коммунистам и Советам, если бы знали, что им за это что-нибудь будет. Фанатиков, я думаю, в стане наших врагов минимум. Весь фанатизм Станислава Терехова с него соскочил на первом же допросе. Если бы людоедов с красными флагами, портретами Сталина и неугасимым желанием обобществить чужое имущество почаще угощали дубинками, как в благословенные времена Аркадия Мурашова, они бы не обнаглели так и не пошли бы жечь и убивать 1 мая.

Помнится, после разгона то ли 23 февраля, то ли 22 июня коммунисты притихли и стали отменять собственные митинги, пока не выветрилась память об угощении. Тогда, по недомыслию, я считала это недемократичным и излишним, а теперь я вижу, что Александр Иванов прав и что по улицам должны ездить казачьи сотни и оперативно реагировать на каждый красный флаг, потому что коммунистическая агитация, коммунистическая демонстрация, коммунистический митинг — они по определению не могут быть мирными. Нельзя мирно призывать к гражданской войне, к грабежам, к красному террору, к восстановлению сталинского ГУЛАГа, к войне с Украиной из-за Крыма, а со всем СНГ и Балтией — из-за восстановления СССР. Наше великодушие довело власовцев всех сортов (не от генерала, но от Юрия Власова, идейного главы будущих «Красных бригад») до беспредела.

В результате многие мирные граждане стали правой рукой поддерживать президента, а левой — Советы, в зависимости от того, чьи решения их в данный момент больше устраивали, и утратили всякую ориентацию в пространстве и во времени. В августе 1991 года мы не добились коммунистов, мирное сосуществование с которыми так же невозможно, как сожительство с гадюкой или скорпионом.

И они возродились... И если сейчас, в 1993 году, мы вдобавок не добьем Советы...

Недостаточно распустить указом некое общественное зло. Нужно побеспокоиться о том, чтобы оно последовало доброму совету, заключенному в указе. Как говорит один из самых способных наших социологов, Марк Шмидт, крысы сами себя не травят. Я, разумеется, не предлагаю, в силу своего либерального мировоззрения, ни виселиц, ни расстрелов, ни стадионов, ни пыток (всего, что обещано декретами Александра IV Божьей милостью Руцкого нам), ни даже стрихнинчика Хасбулатову в утренний кофе. Но я предлагаю не позволять мелким уголовным преступлениям коммунистов перерастать в крупные, типа гражданских войн, октябрьских переворотов и сплошных коллективизаций. Двое погибших — на нашей совести. Не на их же, поскольку у них этой совести вовсе нет.

Двадцать первого сентября президент, бесспорно, совершил героический поступок. Ради России он в очередной раз положил голову на плаху, как в августе 1991-го. И первый бой ему и России выиграли те, кто поспешил эту гипотетическую плаху с ним разделить. Первый бой выиграл МК (ведь те, кто может прийти на этот раз после блестящих, прямо-таки щедринских сатирических пассажей, уже не станут гладить главного редактора по голове, а снесут всем головы. С моей стороны было глупо и недалевидно защищать арестованного за выходку в МК «памятника». Фашистов надо останавливать на подступах, пока не поздно). И МК, и «ДемРоссия», и интеллигенция, и ДС... Уж, конечно, «Независимая» и «Московские новости» в драку ввязываться не стали и сказали то ли «эх», то ли просто «гм...».

Конечно, намерение Хасбулатова, Руцкого и Константинова развязать в России ядерную гражданскую войну можно считать смешным и даже посмеяться. Однако делу — время, а потехе — час. Надо обеспечить себе возможность смеяться последними. Поэтому не следует вознаграждать годовым окладом и московскими квартирами тех, кто раздал уголовникам оружие, выставил в окна пулеметы и послал головорезов Терехова брать военные объекты. Награду дают за послушание. Тем, кто уйдет сам, можно дать в виде утешения. А вампирам, обрекшим смертной казни чуть ли не весь народ, кроме символического осинового кола ничего не положено.

Если Хасбулатову сойдет с рук вызов дивизий в Москву, мы санкционируем каждому желающему право устраивать путчи. Если Руцкому сойдет с рук самоназначение в президенты, то каждый проходимец станет себя объявлять президентом. Время юмора кончилось после двух смертей ни в чем не повинных людей. Ведь предлагали уйти добром! Но эти исторические покойники ради своих кресел готовы страну в пепел обратить! За это надо наказывать.

Можно считать, что два подвига Геракла президент совершил. Но остались еще десять. Советы надо ликвидировать на всех уровнях. Они станут срывать выборы, заявлять, что исполняют указы Руцкого, то есть будут источником перманентной гражданской войны. Далее. Коммунистические и фашистские монстры из ФНС, РОС, РКП, КПСС и т.д. на выборы не должны и показываться. Организации этого сорта указом президента должны быть запрещены. Не надо политических репрессий, избави бог! Они просто не пойдут на выборы. Пусть дома посидят и о душе подумают. Это им не повредит. Я что, должна вместе с Бабуриным баллотироваться, а Глеб Якунин — с Ильей Константиновым? Да мы с ними в одном троллейбусе не поедem! У нас есть время дать землю в частную собственность. Указом президента. Такой антидекрет о земле. Есть время создать национальную гвардию из демократов, вооружить ее и Союз казачьих войск. На всякий пожарный случай. Чтобы не нуждаться в дивизии имени Дзержинского и услугах генерала Грачева, больших охотников до демократии. Социалистические и коммунистические уголья долго еще будут тлеть, но пусть тлеют под золой.

Надо суметь сохранить президента, который вытаскивает страну за шкуру из социалистического болота. Чьи-то бесчестные руки толкают его к каким-то «нулевым» вариантам одновременного переизбрания всего и всех (кому-то охота устроить в России конец света). Ельцин очень кому-то мешает. Он соединяет харизму «отца Отечества» с демократическими и западническими потенциями, да и просто с человеческой добротой. Не рвите ниточку, на которой висит Россия. Григорий Явлинский готов оборвать. Поистине горе от ума. Или от желания скорее дорваться до власти? Хорошая рекомендация для будущего кандидата в президенты: ради своих амбиций загубить страну. Нет. Мне его

и даром не надо. Боюсь я, что он желает убрать Ельцина не из-за того, что тот Оксфорд не кончал, а по другим соображениям. Словом, не останавливайтесь на достигнутом. У нас хватает врагов. Их надо сбросить с перевала.

СОВЕТЫ С ТОГО СВЕТА

«Хозяин», № 31–32 (115–116), октябрь

«Любовь нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь...» Вечером 21 сентября, когда отчаявшиеся узреть на своем веку нечто великое россияне влачили у телевизоров свое жалкое советское существование, к ним нечаянно нагрянула революция. Президент, который, как слишком поздно узнали Руцкой, Хасбулатов и вся их советская рать, оказался-таки «вооружен и очень, очень опасен», разрешил конституционный кризис путем его ликвидации вместе с советской конституцией (что очень, очень похвально).

Возможно, он почерпнул решимость именно из наших бочек дегтя, а может быть, ему хватило и того водопада, который на него и на страну изливали нардепы.

Однако безработные депутаты, получившие ни за что ни про что выходное пособие в виде годового оклада и солидной охапки прощальных привилегий (у нас почему-то всегда заваливших дело начальников посылают заваливать другую отрасль народного хозяйства и дарят памятный подарок), не пошли в службу занятости своих районов, а окопались в Белом доме и ударными темпами стали превращать его в «желтый». Упраздненные депутаты собрались на свой загробный съезд и, сходя в могильную сень, благословили своих сторонников начать гражданскую войну.

Хасбулатов стал собирать по долинам и по взгорьям дивизии, видно, вообразив себя то ли Щорсом, то ли Буденным, невольно повторяя один эпизод из романа Булгакова: «Алло! Пришлите скорее милиционера с мотоциклами и пулеметами! Кто звонит? Звонит поэт Бездомный из сумасшедшего дома».

Поскольку первым актом загробного съезда Советов, зарпортовавшегося спикера и бывшего вице-президента, которого в народе уже успели прозвать «Сашка Отрепьев» за преждевременный рывок в сторону шапки

Мономаха, было приговорить две трети россиян, поддержавших президента, к расстрелу с конфискацией имущества. Силовые министры призадумались, а смогут ли они осилить такой объем работы, потому что даже Пол Пот ликвидировал только каждого третьего, а Сталин по сравнению с ГКЧП-2 и вовсе отстающий!

Когда же Руцкой, напрасно поменявший свою гарантированную синицу на улетевшего от него чужого журавля, заменил силовых министров на своих хороших знакомых, Грачев, Голошко и Ерин срочно возлюбили демократию, и впервые за всё существование МО, КГБ и МВД ими было решено защищать Ельцина и либерализм. Правда, тереховские красные бригады пошли брать штаб СНГ, хотя их способностей хватило бы только на то, чтобы взять пивной бар, и убили ни в чем не повинных людей; но здесь уж виноваты мы сами. Даже если воспринимать революцию как цирк, надо обеспечить безопасность представления. В цирке ведь не выпускают тигров прямо на зрителей! С какой же стати в столице бегают по улицам красные индейцы с автоматами и снимают с прохожих скальпы?

Непонятно также, зачем оставлены в ходе тотальной ликвидации советской власти местные совдепы? Неужто на развод?

НЕ ЗНАЯ ВРОДУ, НЕ СУЙСЯ К НАРОДУ

«Хозяин», №33 (117), октябрь

Большевики не стареют душой и всегда готовы щедро оделить обожаемый ими народ то ли ракетой класса «земля—воздух», то ли гранатой, то ли горстью спелых автомобильных патронов... Это единственное, чем они могут накормить свое несчастное население, что и было продемонстрировано ими сполна вечером 3 октября.

Пока благодушные демократы, уже раз наступившие на августовские грабли, с энтузиазмом наступили и на октябрьские (любимый коммунистический месяц, когда они устраивают свои шоу, спектакли, массовки и тусовки), коммунисты готовились в очередной раз взять власть.

Наивные демократы и благодушный президент ходили вокруг бандитской малины в желтом доме (по привычке иногда называемом Белым) с хоругвями, консенсусами,

крестным ходом... Они же отдирали от стен Третьяковки старинные иконы, вели нескончаемые переговоры, на которых осатаневший Руцкой неизменно заявлял: «Не хочу быть царицей, а хочу быть владычицей морскою», то есть — подайте мне, как вице-королю Индии, моих абреков, кунаков и слонов! Выбрав вечерок потемней, когда ни Ельцина, ни Лужкова в Москве не было, нардепы, которым их кремлевские противники услужливо включили свет, воду и создали все условия для начала вооруженного мятежа, пустились во все тяжкие.

Для начала ампиловские и тереховские боевики провалили тщедушную демократическую блокаду у Дома Советов и бросились брать мэрию, оснастившись захваченными грузовиками и изменившими президенту двумя сотнями омовцев. А потом надеясь, очевидно, поделиться с народом планами на будущее, они пошли брать телецентр. И почти взяли, потому что русский демократ задним умом крепок. Не удовлетворившись трупами, оставленными в мэрии и телецентре, парламентские боевики стали стрелять по невинным людям, убивая даже детей, которые имели несчастье выглянуть на улицу. Это было единственное «слово к народу», оказавшееся у них в запасе.

Но с Руцким и Хасбулатовым получилось, как с матросом Железняком: они шли на Одессу, а вышли к Херсону. Заранее решив, что лишенный дешевой колбасы народ демократию защищать не пойдет, наши красно-коричневые аналитики просчитались! Демократы «тряхнули августом» и посыпались в центр города защищать президента голыми руками, в очередной раз поразив западных корреспондентов своим стремлением отразить танковые атаки древками трехцветных российских флагов.

Если народ не выдаст, советская власть не съест. Я пишу эту мемориальную заметку в 8.30 утра 4 октября, сидя на роскошной баррикаде в стиле «ампир», по Дому Советов бьют танки, на Тверской горят костры, а в Москве по Указу Ельцина нет больше ни одного Совета и коммунистам даже не с кем посоветоваться! В России больше нет кроликов, а удавов сейчас добивают войска спецназа. Россия стала землей людей.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ ЗАПРЕЩЕНА

«Новый взгляд», №39 (90), 9 октября

Такой плакат висел на соседней с нашей баррикаде в ночь на 4 октября. Ну сколько можно мучиться с кризисом власти? Мэрия сторела, Белый дом расколошматили танками, Останкино едва потушили, до АЭС, слава богу, не дошло. Видно, над всей Россией было слишком безоблачное небо, и генерал Руцкой решил последовать примеру генерала Франко. Этак у нас целых зданий в столице не останется. Когда одна власть раздает на сессиях автоматы, а в подвале у нее не архив, а склад оружия, остается ее только запретить. И никакого кризиса властей!

Не умели жить при разделении властей — довольствуйтесь одной. Той, что осталась. То-то сейчас иностранцы передают в свои газеты: войска президента взяли штурмом парламент. А сами про себя думают: бедные русские! Им чего-нибудь попроще бы. А то вместо того, чтобы идти во фракцию, у них оппозиция идет в леса. Прямо в Москве.

Звонят мне из бывшего АПН, которое теперь вместо коммунизма усиленно несет в массы демократию и даже экспортирует ее за рубеж, и говорят, что приехал мексиканский журналист из респектабельной газеты поживиться нашей революцией, потому что они у себя в Мексике страсть как революции любят, но дело у них с ними не выходит, потому что, во-первых, единственная проблема — это страдания Лауры и Хосе Игнасио, а во-вторых, у них Симона Боливара уже нет, а у нас Ельцин еще остался. Словом, сказали этому журналисту, что опять, мол, в России десять дней, которые потрясли мир, а Джона Рида нет, так что поезжай и привези материал. В Мексике очень удивляются, как это мы ухитряемся за одно столетие устроить две революции: одну справа налево, а другую слева направо, причем с одинаковым энтузиазмом.

Это вам не Рио-де-Жанейро, господа мексиканцы. Это Россия. А Россия, по Ницше, божественное играющее дитя — последняя степень свободы. Нам от природы даны художественные способности. Наша жизнь — набор из детского конструктора. В 1917 году мы из этих кубиков, реек, деталей построили социализм. А сейчас он нам опротивел, мы пнули ногой эту эфемерную конструкцию, развалили с наслаждением собственную бутафорскую жизнь и сейчас

из тех же кубиков хотим построить капитализм. В конце концов, кто у нас в России прораб? 21 сентября и 4 октября Ельцин доказал, что именно он. Он и мы, либеральные западники, — демократы.

Словом, «и Ельцин такой молодой, и юный Гайдар впереди». И напрасно Руцкой с изменившимся лицом бежал к зоосадовскому пруду, а Хасбулатов и его братья разбойники требовали, чтобы автоматы грузили в бочках. Россия — не храм, а мастерская, и демократ в ней работник. Представляю: сидят сейчас западные советологи, пьют виски с содовой и рассуждают на тему, что умом Россию не понять. Мол, только в России демократия с разгоном парламента не кончается, а начинается. Только в России президент может быть демократичнее парламента. Только в России могут разогнать представительную власть по просьбе интеллигенции. Только в России народ и президент едины. А я вам скажу, что всё это — лажа. Не было никакого парламента, и Конституции не было, и соответственно конституционного кризиса не было. Расскажите всё это нашей американской бабушке, а народу не вешайте на уши лапшу. Все губернии и половина субъектов Федерации плюют на советскую Конституцию. У нас революция, шикарная буржуазная революция с ванной, гостиной, фасадом и садом.

Зрители садятся в первый ряд, надевают тапочки, прихлебывают баночное пиво и смотрят революцию по телевизору, как там Красная площадь заполняется белой гвардией, а Белый дом ломится от красных. На Советской площади кричат: «Долой советскую власть!» На площади Свободы скандируют: «Смерть демократам!» А то еще вся Москва покрывается баррикадами. Одни — коммунистические, другие — демократические. Не перепутать бы мирному обывателю, как назваться. Демократы не пропустят, а коммунисты застрелят. Ни проехать ни пройти. У всех выходной день по случаю революции. Телевидение советует сидеть дома, пока не переловят всех красных боевиков. А если их еще месяц ловить будут? Обыватель лезет от тоски на высотный дом посмотреть, как в ходе демократической революции горит Москва. Но с крыши обывателя «снимают» снайперы. Остается одно: в будущем правительственные здания размещать в пустыне Каракумы, дабы сохранить жизнь мирных граждан. И телевидение

туда с ИТАР-ТАСС. Или проще отдать Каракумы коммунистам? Может, там они успокоятся? То есть если «жабы по небу летают, рыбы по полю гуляют» — это еще в порядке вещей. А вот если дивизия имени Дзержинского демократию защищает, так это гораздо чудней! Чувствуется, Ельцин ее на месте сагитировал, хотя малиновый берет идет ему меньше, чем Татьяне. Там, видно, ребята поумней нашлись, чем Хасбулатов, хотя и не профессорского звания. И вообще, капитализм — это много-много пряников. Вышедшим добровольно до 3 октября из краснопресненских катакомб нардепам — квартиры, привилегии и оклады, Грачеву — ложка, Голушко — ложка, субъектам Федерации — ложка! За папу, за маму, за Ельцина, за капитализм!

А из Белого дома — один только кнут: «Всем! Всем! Всем! Всем расстрел с конфискацией имущества», сплошные снайперы, заложники, боевики и прочие крупные и мелкие неприятности.

Надо полагать, что российские матери будут пугать непослушных детишек Руцким и Хасбулатовым: «Спи, а то Руцкому отдам!», «Ешь, а то Хасбулатова позову!».

Жаль, что Ленин не выглянул из Мавзолея и не объяснил своим идиотам последователям, что «Аврора» не придет. И что просто они дом перепутали, улицу, город и век. Нет, если Бог хочет кого-то покарать, он делает так, чтобы от него отвернулась интеллигенция. А нам с краснопресненской массовой было не по дороге. Ей — налево, нам — направо. Пути интеллигенции и социалистов расходятся навеки, и на этом кончается история пролетарских революций в России.

Ленин вообще-то рассчитывал, что после буржуазной революции наступит пролетарская. А мы его огорчим и сделаем всё наоборот: у нас после семи с лишним десятилетий пролетарской революции произошла буржуазная, потому что социализмом нас перекормили, он у нас из ушей течет. Говорят, уже формируется предвыборный блок «Мафиози за новую Россию». У большевиков были попутчики, а нам что, нельзя? Перед митингом демократов 26 сентября, освежившим ряды «Августа-91» и «Живого кольца» новыми молодыми либерально-революционными кадрами, интердевочки и рэкетеры лично развозили на иномарках свежие антисоветские листовки. А дружественные капиталисты

в баррикадную октябрьскую ночь снабдили демократическое ополчение итальянской тушенкой, французской колбасой и финским сыром.

Наверное, заседавшие в Белом — некогда — доме 140 нардепов рассчитывали просто обеспечить себя до конца жизни. Они собирались сидеть там весь 1994-й, 1995-й и 1996 год — и до конца своих дней. Жилье было, отапливаться намеревались буржуйками, а прокормила бы их сердобольная наружная часть красно-коричневого спектра. Советские старушки, услышав вопли: «Подайте бывшим гласным Верховного Совета», уже возлагали на сковородки оладушки в форме серпа и молота. По части собирания милостыни нардепы были гораздо талантливее Кисы Воробьянинова. Некий красный поселянин привозил полторы тысячи кур, так что цыплята табака были съедены до «театрального разъезда». Лучше бы привез полторы тысячи яиц и посадил на них нардепов. Они бы высиживали цыплят и внесли этим некоторую осмысленность в свое существование. Может быть, этот созидательный труд не дал бы им схватиться за автоматы.

Белый дом едва не стал в последнее десятилетие XX века самой популярной ночлежкой для коммунистов, фашистов, экстремистов и левых уклонистов.

Ночью над Домом Советов загорались огни святого Эльма. На трубе мрачно ухала сова. Перед подъездом № 1 ходил Руцкой и вполголоса «соратников громко он кликал и маршалов грозно сзывал». Но маршалы, как вы понимаете, зова не слышали, потому что изменили Варшавскому договору ради НАТО.

А днем нардепы сидели в зале заседаний, как боярыня Морозова, и клялись умереть за двоеперстное крещение, однако, когда представился случай, не воспользовались им и сдались на милость демократов. А Руцкой ходил по Новому Арбату и, как его предшественницы Дунька-Толстопятая и Матренка-Ноздря из Салтыкова Щедрина, вопрошал прохожих, признают ли они его градоначальником. И, как тушинский вор, жаловал звания и чины. А бывший социал-демократ Олег Румянцев бросил писать плохие Конституции и едва ли не создал такого же качества красные бригады.

Мы очень долго дергали президента за полы его серого походного сюртука, пока он не плеснул бензина на наших

термитов и не бросил туда горящую спичку. На массовый террор после 4 октября они больше не способны. Зато им остается индивидуальный террор — последнее оружие Мрака, который знает, что ему придется сгинуть при первом крике петуха. Но эта ночь будет все-таки не Полярной ночью. Однако за днем она будет следовать с тягостной неизбежностью.

У нас больше никогда не будет безопасности. Несмотря на ее органы. Потому что мы отняли у волков их добычу — Россию. Смерть будет поджидать нас и нашего президента в броске гранаты из-за угла, в бомбе, подложенной в машину, в дуле пистолета в темной подворотне. Полночь — время нетопырей, коммунистов, наци, руцких и хасбулатовых. Они уже убили многих. Причем даже не спросили у своих жертв, как они голосовали на референдуме. Убили между делом, убирая случайное живое препятствие по пути к живому эфиру, шли, просто стреляя в прохожих. Они уже продали и заложили друг друга: Руцкой и Хасбулатов отреклись от Терехова и Анпилова, Терехов выдал сообщников, а потом все валом повалили из Белого дома, когда там стало жарко. Даже на протопопа Аввакума не потянули. Тот в срубе сторел. Мы в КГБ никого на допросах не называли! Мы не отрекались друг от друга.

Они уже объявили, что будут взрывать поезда в метро. С них станется. Чудище обло, озорно, стозевно, огромно. И лаяй! Не петь же ему псалмы. Агония дракона будет длиться десятилетия. ЭТА в Испании, красные бригады в Италии, «Черные пантеры» в США, исламские террористы, ИРА в Ирландии... Наши побочные продукты революции, гарцевавшие у Белого дома, пополнят их ряды. Нас всех уже приговорили поименно. Но мы не будем прятаться, подобно Салману Рушди. Мы не станем оглядываться и пригибаться. Мы пойдем в полный рост, не кланяясь пулям. В прорыв идут штрафные батальоны. 4 октября мы взяли свой рейхстаг. Между нами и ними не может быть ни жалости, ни компромиссов, ни перемирий, ни взаимных уступок. Они — антиматерия.

Двадцать первого сентября мы подожгли не только советский муравейник, мы сожгли свои мосты. Они тоже. Но нет худа без добра. Посетив сей мир в его минуты роковые, мы узнали, кто есть кто. Одним кандидатом в президенты у нас стало меньше, не считая усатую даму пик — Руцкого.

Предлагая временно вернуться в советское стойло и убрать поскорее Ельцина (аж 12 декабря), нас предал умный, образованный, честный, воспитанный Григорий Явлинский. И что это за документ? Егор Яковлев, Владиславлев, Рыжков, Затулин. Что это за тайное общество троечников? Ну нет! Нам нужен президент, который коня на скаку остановит и в горящую избу войдет, как в ночь с 3 на 4 октября. В лице Ельцина Россия поймала Жар-птицу. И мы ее не упустим!

А Явлинскому за что? Он с нами на митинги не ходил, на баррикадах не был, письма не подписывал, не боролся, как Гайдар. Ты дров не рубил? Ты воду не носил? Ты каши не варил? Вот это Россия ему и ответит. И каши не даст!

Мы этого президента отшлифовали, как алмаз, и отправили. Никаких досрочных перевыборов. Выбор России сделан. Будем строить капитализм до победного конца. Мир кончился.

Гражданская война между Добром и Злом пребудет веками.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ВЫБОРАМ

Сервис для избирателей

«Хозяин», №35 (119), октябрь

У нас в газете не принято думать, что революцию надо делать совершенно серьезно, а на первые в истории России демократические выборы идти с постной физиономией. Поэтому не будем ждать Жванецкого, а займемся самообслуживанием.

«ВЫБОР РОССИИ»

Ребята отчаянные, как целый полк мушкетеров или батальон дон кихотов. Честные, умные, иногда — женатые. Над блоком, как Сириус, восходит Егор Гайдар, слышится музыка сфер президента и вращается Галактика ДемРоссии. «Выбороссовцы» всё умеют: и строить капитализм, и подавлять фашистский мятеж. Уже два путча подавили! Дай Бог, чтобы этот был последний... На блоке — благодать (личное благословение президента). Остается только желать, чтобы все качества этого блока перешли в количество мандатов.

Это отъявленные либералы, они не врут, обещая народу манну небесную, зато сообщают рецептуру ее приготовления и конвейерного производства. Отдайте им свои заветные голоса и скажите в порядке напутствия: «Вы рисуйте, вы рисуйте, вам зачтется...»

ПАРТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ

Тоже братья по разуму, буржуи. Умеют делать деньги и добро ближнему. Денег сделали столько, что теперь делают исключительно добро. Эта планетная система вращается вокруг двойной звезды: язвительного и блестящего Константина Борового и загадочной Ирины Хакамада. Во время путчей во главе брокеров и дилеров проявляют массовый героизм. На этот раз даже жизнь предложили. Национальные флаги шьют длиной с Енисей. Их Политсовет тащите в Думу непременно, а остальные затеют с «Выбором России» спор «хорошего с еще лучшим».

На этом кончается съедобное меню. Если встретите отдельного демократа в свободном полете, то проходите мимо: он или беглый коммунист, или местный номенклатурный бонза, или алчет места в Думе настолько, что добывает себе его с боем у своих, соревнуясь с крупными блоками ради кресла насущного. Кто начинает с эгоизма на выборах, непременно им кончит в Госдуме, пока его очередная «Альфа» от сиденья не отдерет.

НПР (НАРОДНАЯ ПАРТИЯ РОССИИ)

Тельман Хоренович Гдян, конечно, хороший человек, но у него в партии не либералы, а скорее эсдеки, то есть могут случайно вместо фермы колхоз организовать. Если нет поблизости ПЭС и «Выбора России», голосуйте за них. А иначе — воздержитесь.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ

Старые знакомые. Даже для тех, кто изучал историю по «Краткому курсу». Ленин тоже был эсдек. За них не голосуйте ни в коем случае, потому что они вам все четыре года будут рассказывать про социалистический выбор своего деда, а экономика тем временем отдаст концы! В Швеции эсдеки развалили производство, во Франции — образование, а в России вообще революцию устроили в 1917 году. Они все очень любят делить, а у нас делить пока нечего, надо сначала что-то произвести.

ДПР С ТРАВКИНЫМ

Осторожно! Не прислоняться! Убеждения менял пять раз только за время последних выборов. Неохота проверять,

будут ли на этом поприще еще рекорды. Председатель колхоза из него вышел бы идеальный... Но мы же не в колхоз собрались!

ХРИСТИАНСКИЕ ДЕМОКРАТЫ

Не имеют отношения ни к Христу, ни к демократии. Очень много говорят о своей любви к ближнему, а пока только в одной Москве расколоты на пять партий. И все делят барахло. Как строить царствие небесное, вроде бы представляют. А о земной жизни знают понаслышке. Голосовать можно только за христианских демократов Александра Чуева: они сплошь сражаются на баррикадах, как христианские мученики и либералы по совместительству. К партии Огородникова лучше близко не подходить: они хотят допустить к выборам коммунистов, объявляя об этом уже после мятежа из одной христианской любви к ближнему. Видимо, коммунисты им ближе, чем мы, простые смертные: они их любят, а нас — нет.

ИТАК, ПОПАСИТЕСЬ НА ЭТОЙ НИВЕ, ГОСПОДА ИЗБИРАТЕЛИ. СТОЛ НАКРЫТ. ПРИЯТНОГО ВАМ АППЕТИТА!

СВОБОДА ВЫБОРА В МЕНЮ ДЛЯ ЛЮДОЕДОВ

«Столица», № 46 (156), ноябрь

Страна переживает правозащитный бум. Объявилось столько правозащитников, что если бы они пораньше подоспели, когда это делалось не на халяву, когда, в отличие от светлых ельцинских времен, за это что-то бывало — то ли сума, то ли тюрьма, — так вот, если бы этот спасательный правозащитный корпус тогда возник, то перестройка, глядишь, началась бы на пять лет раньше.

Неоправозащитники, в родстве с которыми я решительно не состою, разделены повзводно. «Независимая», «Московские новости», «Сегодня», «Эхо Москвы», безработные нардепы, некий загадочный центр «Мемориала», «Экспресс-Хроника»... У меня даже создается впечатление, что у всех этих батальонов есть полковник, который дирижирует атакой. Доказательств, ясное дело, нет. Доказательства у нас, как и полковники, таятся в недрах известного дома, совмещающего министерства Правды и Любви. С редкостным постоянством полосы вранья перемежаются с путчами.

Два уже состоялись, но мы, русские, после второго стакана тоже не закусываем, поэтому, видимо, будет и третий раз, так что я порох держу сухим, и пусть Москва строится и стоит в лесах, чтобы было из чего строить баррикады на Тверской, когда мы в третий — и, должно быть, последний для нас — раз пойдем защищать демократию голыми руками. Выше стропила, плотники! Гайдар, как Сольвейг, прибегает на лыжах.

Так где же наши свеженькие, только что из прописи, правозащитники нашли униженных и оскорбленных? Каков объект забот и попечений? Коммунисты! «Правда», «Совраска», «День», Совдепы, Конституция, никогда не существовавшая у нас европейская демократия, принцип разделения властей, тоже не ночевавший в наших Палестинах (если, конечно, не считать разделением властей их драку), — вот почему на псевдodemократической Руси стоит такой плач, что окна запотевают. Похоже, что до 21 сентября и особенно до 4 октября всё у нас обстояло нормально, и если бы не злокозненный президент... Ведь здесь и раненый, у которого началась гангрена, может сказать: было у меня две ноги, был я как все люди, ну, ранили, ну, началась гангрена, ну, умер бы от заражения крови, дело житейское, а тут пришел хирург, ногу мне оттяпал, я теперь калека, пойду на хирурга подам в суд... Ясно было, что другой благодарности Ельцин и Гайдар от спасенных ими плакальщиков не дождутся. Журналисты из «Сегодня» — вроде бы приличные люди, а сочиняют письма о недопустимости закрытия «Правды» и «Совраски». Вроде те что-то сказать не успели.

На самом деле за 76 лет всё ими сказано, всё вырезано штыком в живом теле России, все их идеи, помыслы, мнения запечатлены в концлагерях, камерах пыток, в могильных рвах, в нищей, озлобленной, потерявшей человеческий облик совковой массе. Они и только они говорили эти 76 лет, их волчий вой звучал над безлюдными просторами вымершей от ужаса страны. И вот — протесты: почему, мол, не слышно больше чавканья вурдалаков? Понятно, что в августе 1991 года мы все попались на эту удочку, призывая милость к тем, кто и не думал падать, включая наглых и издающих книги о своих преступлениях членов ГКЧП, — по сути дела, в августе пал только один Железный Феликс с пьедестала — вот и получили мы по левой подставленной

щеке. Но теперь-то? Тоже наив? Заговор? Чей? КГБ или глупости? Пожалуй, защитникам коммунистов, очень волнующимся по поводу ущемления их прав на организацию и подготовку новых убийств, стоит пойти в СБСЕ или «Эмнести Интернэшнл» со следующей повесткой:

1. Защита прав людоедов в странах СНГ.
2. Право людоедов на регулярное трехразовое питание.
3. Спасем людоедов от недоедания!

Благо, «Амнистия» тоже по этому поводу вся в слезах. Ну, у них хотя бы людоедов нет, они не ведают, что творят, а мы куда же? То-то будут в Европе умиляться: быстро русские прогрессируют! Мы пока ежей и мышей защищаем, а они уже до людоедов дошли.

А что, собственно, мы сделали такое? Распяли кого-нибудь? Расстреляли? Замучили? Нет! Сначала у бандитов свет отключили, потом вооруженный мятеж подавили, потом большую часть преступников домой отпустили и трудоустройство с компенсацией пообещали, шайки их запретили (и то не все, а только 6 штук), людоедскую прессу приостановили, а самых бешеных культурно посадили в лучшую в стране тюрьму (сама там сидела, знаю: от Лефортова просто пальчики оближешь, демократы сживали и в худших местах). Никто их не расстреляет, пальцем не тронет. Ананасы из дома передадут. Спикерам и вице-президентам, конечно, Лефортово будет трудней перенести, чем мне, но, во-первых, жизнь в роскоши расслабляет, если бы жили честно, как все, такого шока не было бы, а потом, никто их не принуждал эту чертовщину устраивать, зачем было нарываться? Если это нарушение прав человека, то тогда давайте протестовать, что ли, против Нюрнберга-1 — Геринг и Геббельс тоже имели право на свободу пропаганды и действий?

Должно быть точно известно, что людоедство — занятие предосудительное и что за это дадут по рукам. (А иногда — и по зубам.) Ельцин, конечно, очень виноват. Он не дал доесть страну, прервал трапезу. Все знают, какого цвета у людоедов знамя. И тот, кто становится под него, защищает это знамя, оправдывает это знамя, красное знамя двух Октябрей, — для меня не человек, а нелюдь. Оставаясь человеком, я не могу употребить их средства для самообороны: превентивные удары, пытки, расстрелы, повешение за ноги, предложенное кроткой Сажи Умалатовой, наказания,

обращенные против личности, — за Слово, а не за Дело. Я согласна рисковать. Демократия — это риск. Но санитарный-то кордон обязательно нужен! И прививки против бешенства.

Я сторонник наименьшего зла. Если бы Анпилову вовремя дали 15 суток, он бы сейчас не рисковал получить 15 лет. Если бы красное сборище 1 мая разогнали водометами и запретили коммунистам акции, то мы бы не хоронили 7 октября почти две сотни убитых.

Коммунисты наши поистратились, поиздержались, моль их съела. На них надо вовремя прикрикнуть, и они будут послушные, как наперсток. Ведь когда возникает серьезный риск, они прячутся под сено в Туле (как основоположник в пресловутом шалашике на финских берегах) или сбривают в Москве бороду. Революционные анархисты побоялись выйти во время чрезвычайного положения к «Макдоналдсу» протестовать против бифштексов по зову «зеленых» планеты всей. Левые будут сидеть, как мыши под веником, наше дело — обеспечить веник. ДС били, разгоняли, сажали, калечили. Всю горбачевскую перестройку мы видели в крупную клетку. Но это нас не остановило. Остановилась власть. Мы, профессиональные революционеры, в свою компанию Анпилова и Константинова не примем, они не тянут на наш ценз стойкости.

Мы живем в суровое время. У меня нет оппонентов, есть враги. Милосердие — после боя. А в бою надо биться. И в этом бою, в котором на стороне демократии честно бьются президент, Егор Гайдар, блок «Выбор России», «Огонек», «Столица», «Куранты», «Хозяин» и союз писателей «Апрель», нет нейтральной полосы. Так что «правозащитный корпус» по другую сторону баррикад. «Независимая» и «Московские новости» стреляют нам в спину. Я не прошу их закрывать, но и руки не подам.

И добро бы некого было защищать! Почему такая избирательность и зацикленность на Советах и коммунистах? Потому что они социально близкие, что ли? В Грузии демократы-звиадисты во главе с законно избранным президентом (вам не нравится Звиад Гамсахурдиа? Так ведь и Ельцин не всем нравится! Что же, идти Кремль брать?) честно бьются с профашистским режимом Шеварднадзе, в Тбилиси на 1 миллион населения 600 арестов, 600 человек взяты только за убеждения, все демократические газеты закрыты,

у коллеги-журналиста Ираклия Гоцеридзе, редактора «Иберия-спектр», ребра после пыток сломаны, а российские демократы танки Шеварднадзе поставляют, в ход русские штывки пошли, чтобы удержать любимого сатрапа, там 9 апреля в десятой степени! Вот бы правозащитникам развернуться! Но нет, мертвое молчание. Или вранье в «Вестях». Поэтому не верю.

Не верю защитникам людоедов от более рациональной системы питания. Не прогневайтесь. Соринку ищете, а бревна не замечаете. Надоело. Только несчастная демократическая власть руку из трясины вытащит, чтобы за куст ухватиться (Указ № 1400, 3-4 октября, запрет красных газет и партий, Указ о совмещении постов в правительстве и депутатских полномочий), как налегают «правозащитники» и бьют по пальцам, топят в трясине, пока не останутся лишь пузыри на зеленой поверхности: не нарушайте демократические нормы! Не живите! Пропадайте! Пусть всегда будет мама, пусть всегда буду я! Желаю луну с неба и европейскую демократию всю целиком! Мы хотим кататься, но не хотим саночки возить!

Вы добились своего. Коммунисты пойдут на выборы с ножом за голенищем. Палач Бабурин, подписавший несогласной с ним России смертный приговор в своем дополнении к УК, пойдет в Государственную Думу приводить его в исполнение. Зюганову разрешили пропагандировать Ленина и Маркса — книги о вкусной и здоровой пище людоедов. Вы нас опять связали, лишили возможности защищаться и выдали врагам. Но даже и в таком виде мы сумеем достойно умереть. Никто из нас не надеялся пережить последнюю октябрьскую ночь, но никто не убежал. Мне смертный приговор, вынесенный баркашовцами, не портит настроения. Мы умрем хорошо. А вот как умрете вы, защитники людоедов, когда вас тоже пустят на лангеты? Вдруг боевики не читают внимательно «Московские новости»? Вдруг они не поймут, как им пытались помочь Людмила Сараскина и Людмила Телень, Лен Карпинский, Владимир Орлов и Степан Киселев, и ликвидируют их вместе с Наталией Геворкян и Евгенией Альбац? А «Независимая» — она что, белый флаг будет вывешивать, чтобы знали, что они свои? А вдруг не так поймут? Или вы красный повесите? У «Эха Москвы» и вовсе плохая репутация. Не докажет Андрей Черкизов, что он хороший и полезный. Вы все, искавшие на наших баррикадах засланных казачков

или труп защитника Белого дома в багажнике, умрете плохо, потому что не готовы к войне, потому что не имеете чести.

Есть анекдот. Сидит чукча на дереве и пилит сук, на котором сидит. Идет мимо охотник и говорит: «Смотри, упадешь». Чукча пилит дальше. Сук падает, чукча вместе с ним. Встает и говорит: «Шаман, однако».

Нет шаманов в своем Отечестве...

«ЗА ЖИРИНОВСКОГО ГОЛОСОВАЛИ КЛИНИЧЕСКИЕ ИДИОТЫ»

«Куранты»*, № 252 (767), 31 декабря

— **Валерия Ильинична, почему все-таки ДС не участвовал в нынешних выборах?**

— «Демократический Союз» участвовал в выборах, он — часть блока «Выбор России». Когда распределяли места, нам выпал не особенно лакомый кусочек — Иваново. Там для нас, конечно, было глухо: закон — тайга, прокурор — медведь! Мы набрали две тысячи подписей, тем не менее оказалось, что уже поздно. «Демократический Союз» делал всё для того, чтобы «Выбор России» получил как можно больше голосов. Что же касается личного участия, то, извините, сидеть с Жириновским, Зюгановым, Лукьяновым и Невзоровым в одном помещении — это выше моих сил. Я могу разговаривать с фашистами и коммунистами только на поле боя и только если у нас в руках автоматы. Поэтому, даже если бы я прошла, мне пришлось бы от своего мандата отказаться. Прошедшие выборы родили страшную вещь — мы дали нашим избирателям ощущение, что фашизм и коммунизм легитимны. Если бы дураки-советники не посоветовали президенту сначала созвать эту нечисть на Конституционное совещание, а потом садиться с ними в каких-то дебатах на телеэкране, тогда у нас люди бы знали, что есть табу: нельзя лгать, воровать, желать жену ближнего своего, нельзя голосовать за коммунистов и фашистов.

— **Как вы оцениваете итоги прошедших выборов?**

— Мы съели то, что мы заслужили. Мы хотели провести чистый эксперимент, мы хотели увидеть, что бывает,

* Общеполитическая газета, г.Москва.

когда берут кочережку и начинают ею мешать в атомном реакторе. Сейчас самое время опускать в котел графитовые стержни. Демократия существует для тех, кто принимает демократические правила игры и не злоупотребляет демократическими основами для ликвидации демократии. В конце концов если уж мы так хотим соблюдать права всех категорий населения, то почему же мы, позаботившись о клинических идиотах, голосовавших за Жириновского, и потенциальных преступниках, голосовавших за коммунистов, не позаботились о преступниках-уголовниках? Преступники-уголовники с удовольствием проголосовали бы за авторитетов преступного мира. Почему же мы тогда откровенно не создали блок мафиози, профессиональных преступников, которые и агитировали бы за свою программу о том, как облегчить жизнь преступному миру в создавшихся условиях?!

— **Многоуважаемая Валерия Ильинична, мне кажется, что все-таки «клиническими идиотами» людей, проголосовавших за Жириновского, вы назвали в полемическом запале...**

— **Вовсе нет.** По первому разу люди, голосовавшие за Гитлера, возможно, не знали, что из всего этого выйдет. Может быть, те первые обыватели считали, что каждому из них будет большой-большой горшок и большая-большая ложка. Поначалу так и было. Но затем эти самые обыватели оказались в положении общества пораженной страны, сложили головы на полях России. То есть они поняли, что фашизм — это не только большая-большая ложка, но еще и большие-большие неприятности. Поэтому когда в стране, потерявшей в борьбе с фашизмом больше сорока миллионов жизней, люди, уже зная всё это, начинают голосовать за фашизм, то я не могу это счесть иначе, кроме как клиническим идиотизмом.

— **Вы давний политический боец. А не помните ли вы «молодого» политического Жириновского?**

— У меня есть доказательства, что Жириновский работал и работает на Комитет госбезопасности. Когда «Демократический Союз» проводил свой первый съезд в 1988 году, к нам явился господин Жириновский. Представьте себе царящую тогда обстановку: съезд проходил при отключенном свете, при свечах, в окружении трехсот агентов госбезопасности, все лестницы были заняты милицией,

были отключены все телефоны. И вот на нашем съезде появился господин Жириновский, забрался на стул и держал речь. В ней он сказал: «Ребята, нельзя такую программу принимать. Давайте лучше напишем, что мы коммунистов поддерживаем, а потом воткнем им нож в спину». Вот такая конструктивная программа. При всей нашей ненависти к коммунистам и коммунистическому режиму от подобного заявления господина Жириновского у нас волосы встали дыбом. Мы со стула его согнали. Как поступил бы после этого любой нормальный человек, мужчина?! Он бы ушел. Но только не господин Жириновский — тот ошивался на нашем съезде еще три дня. Все три дня съезда он пытался помочь бедному Горбачеву бороться с «Демократическим Союзом», пытался убрать всё то, что было в нашей программе антикоммунистического и конструктивного. Заметьте, как хорошо Жириновский работает. Сначала он помогал Горбачеву. Когда тот оказался не у власти, Жириновский требует сегодня над ним суда.

Сейчас Жириновский очень уважает Ельцина — пока у президента какая-то еще власть есть. Но как только Ельцин сделает то, что ему советуют сделать, то Ельцин окажется там же, где Жириновский планирует сегодня поместить Горбачева, то есть на том свете.

Более того, Владимир Вольфович посетил и тогдашний «Народный фронт», он забредал и к «младомарксистам», и даже к «анархо-синдикалистам». Он прошел по всем организациям и в каждой из них попытался что-нибудь испортить — убрать часть, которая не устраивала КПСС. Мы все эти факты проверяли. Тогда нас было мало, мы все друг друга знали, и всё это можно было проверить. Когда у него не получалось развалить какое-нибудь дело, он уходил в тень. Ну а дальше возникла Либерально-демократическая партия, программа которой массовым тиражом была напечатана в «Политиздате» на деньги ЦК КПСС. И всё стало мучительно ясно: с нами работают профессионалы. Первая волна — ГКЧП, вторая волна — Руцкой и Хасбулатов. Мы не легли на том рубеже, не легли и на следующем. Следующий наш рубеж, на котором мы должны были лечь, — это так называемые свободные выборы. И здесь с нами играют уже совсем грамотно: Зюганов и Жириновский — это правая и левая рука одной и той же организации.

Я просто могу вам предсказать, что если мы по кирпичику не раскидаем Лубянку, не прикончим этот комитет, то у нас будет четвертая волна. Пятая волна, шестая волна... Это нужно сделать в первую очередь, потому что господа Жириновские будут размножаться, как кролики. У них не один миллиард найдется, а гораздо больше. На то, чтобы покупать голоса, телеэфир, прессу. Как это делается на Сицилии...

Беседовал Сергей Каверин

1994

РОССИЯ № 6

«Новый взгляд», № 1 (102), 15 января

Это началось давно. Россия никого не разбила на поле Куликовом. Можно ли разбить врага, который 200 лет сидит у тебя внутри, который сначала изнасиловал, а потом вступил с жертвой насилия в брак по любви и прижил с ней детей? Бить монголов надо было до Ига, а не после него. Патриотически настроенные историки умалчивают о том, что великий Александр Невский, разбивший «псов-рыцарей», платил дань Орде. Это, видимо, было раннее евразийство. Монголы были понятнее и ближе, в отличие от проклятых атлантистов — немцев. Наверное, это любимая эпоха двух Александров: Дугина и Проханова. И хотя в XIII веке не было ни «Дня», ни «Завтра», уже тогда Россия-Русь жила по их формуле. Раздавленная Востоком, органически сливалась с ними в одно, как едины удав и проглоченный им кролик, и злобно набрасывалась на Запад. Доставшаяся монголам дань после 1380 года просто переключивалась в другой кошелек и застревала окончательно в тугой мошне Великих князей московских. Страховые же агенты остались прежними. Так что когда Европа решительно отказывается благодарить Русь за спасение от монгольского нашествия, хотя неблагодарную Европу сильно осуждал за это дело в «Скифах» сам Блок, она совершенно права. За что ей благодарить трусливую жертву двухвекового насилия? За то, что татары, поживившиеся колоссальными богатствами Руси, прижились при ней и на ней; за то, что богатств Руси хватило им на 150 лет; за то, что было и сытно, и удобно, и незачем переть дальше; за то, что за 150 лет Орда разложилась, разучилась боевым искусствам, не встречая отпора, и в 1380 году монголов можно было взять тепленькими? Если рассуждать далее в этой же системе координат, то все лани, олени и дикие козы леса должны быть благодарны тому кабану, которого задрал себе на

пропитание тигр, потому что он насытился и не стал гоняться за другими робкими травоядными, и они выиграли время. Значит, лесное зверье должно благодарить падаль? Значит, Запад должен благодарить Русь за то, что она наполнила хищнику желудок? Как же должно звучать похвальное надгробное слово? «Спасибо Руси за то, что съели ее, а не нас»? Конечно, Евпатий Коловрат, Михаил Черниговский, Даниил Галицкий, Михаил и Александр Тверские, все честно павшие в бою или казненные в Орде, но не сдавшиеся, не отвечают за позор Руси, которой 150 лет спокойно обедали. Мертвые сраму не имут, если они пали в бою. Но выжившие имут срам. И их потомки тоже.

Мы — потомки выживших. И это непоправимо. За время Ига Русь стала прахом. Глиной. Из нее можно было создать всё что угодно. Нас создал Иван Грозный. Как он запряг, так мы и поехали. И едем до сих пор. Он создал нас с маятником маниакально-депрессивного психоза внутри, по образу и подобию своему. Иван IV был психом, но не в медицинском плане, а в политическом. Бог сотворил Адама из глины по своему образу и подобию. Нас сотворил политический безумец, исторический маньяк, деспот-теоретик, потому что мы были к XVI веку глиной, весьма пригодной для подобных экспериментов. «Ибо прах ты, и в прах возвратишься». Победенные климатом, историей, роком, геополитическими факторами, Ордой, зимними бескрайними пространствами, византийством, Диким полем, славяне похоронили в себе древних скандинавов, викингов (впрочем, те, кто был на них похож, предпочли смерть Игу). Русским оставалось еще одно последнее поражение: поражение от жесткой порфиры государства, от оседлавшего их деспотизма, после чего славянский мустанг превратился в покорную клячу со стертым хребтом и разбитыми копытами, делившую свой век между пашней и живодерней. У Ивана IV периоды запойных, диких, нечеловечески жестоких репрессий, изощренных казней и пыток перемежались с периодами упадка духа. С XVI века мы существуем по законам маниакально-депрессивного психоза, ставшего лет через сто уже национальным характером. «И перед властью презренные рабы...» Перед твердой и жестокой властью. Перед слабой властью — разнузданные анархисты, разбойнички, воры, из социального аутсайдерства шагнувшие в перманентный мятеж неврастеников, сдирающих

шкуру с той власти, которая проявляет человечность и цивилизаторские наклонности, однако целующие стремя и хлыст у каждого свирепого и злобного автократа, или у каждого реформатора с петровским бешеным нравом и петровской железной рукой. Но ослабевшая вожжа тут же попадает маниакально-депрессивному народу под хвост, и бешеные кролики, еще вчера довольствовавшиеся морковкой, выдаваемой по карточкам, жаждут крови и человеческого мяса, как в 1917 году, как в октябре 1993 года (когда они готовы были сжечь Москву, но не жить по-человечески), как 12 декабря 1993 года*, когда бешеные кролики проголосовали за мировой пожар.

Вот оно, русское чудо и загадочная русская душа! Маниакально-депрессивный психоз! Вот почему мы так классно воюем! Нездоровая агрессия маниакала, искусно направленная на чужих своей собственной властью и превращающаяся в рабью протрацию по возвращению с войны! Вот откуда у нас такой ВПК! Это центр «психического здоровья» русского народа, призванный сбивать пламя агрессии маньяков, которые иначе могли бы обратиться против собственных правителей! Второй полюс этого центра, второй конец этого гигантского магнита — в ГУЛАГе, где дисциплинарная коррекция, подавляя агрессию, гнала депрессию и на эзков в черной форме, и на вольняшек в красных галстуках, с комсомольскими и партийными билетами, под красными знаменами! Оруэлловская модель была осуществлена буквально! Дословно! Мы всегда воевали с какой-нибудь Океанией или Остразией, как там её. Со Стефаном Баторием. С Ливонией. С Польшей. Со шведами. С Турцией. С Европой. С Финляндией. С Германией. С Афганистаном. С Таджикистаном. И не для завоевания морей, не для обеспечения торговли или превосходства, но для поддержания здоровой маниакально-депрессивной формы. Классика жанра — Великая Отечественная. Вот формула нашего массового героизма! Страну наконец-то спустили с цепи, и она, не имея мужества перегрызть глотку собственному Сталину и его палачам, с энтузиазмом вцепилась в горло Гитлеру и его монстрам, когда Хозяин, Большой Брат, дядюшка Джо сказал ей: «Фас!» Четыре года маниакала, а потом Героев Советского Союза и кавалеров

* Всенародное голосование по Конституции России.

ордена Славы трех степеней за милую душу отправляли в ГУЛАГ, зачастую из Бухенвальда на Колыму, не меняя вагоны, только переводя стрелки. И вы хотите, чтобы я поверила, что это можно было сделать с нормальными людьми? Вы хотите, чтобы я считала их мужественными защитниками Отечества и идейными противниками фашизма? Их, роботов Сталина, сдавших без боя собственным чекистам? Обяжите еще и за это Европу и все прогрессивное человечество вас благодарить. Сталин много лет готовился к войне с Германией (читайте «Ледокол» Виктора Суворова!). Гитлер успел нанести первый удар, иначе несокрушимая и легендарная зашла бы ему в тыл и ударила по Румынии, отрезая нефть. Если бы не 22 июня, Сталину досталась бы не половина Европы, а весь континент, включая Францию и Норвегию, Бельгию и Швецию. Я не прошу вас благодарить Гитлера за его невольную услугу. Но и Сталина не заставляйте меня благодарить. В схватке акулы со спрутом победил спрут. Здесь некому выносить благодарность. Я глумлюсь над национальными святынями? Скорее, над национальной мифологией. Уберите с глаз долой вольных и невольных фальсификаторов: Симонова, Быкова, Адамовича, Бондарева и прочих, а на полке оставьте одного Виктора Суворова. Сожгите сами свои нашивки и ордена. Ельцин и Гайдар попытались снять вас с этого страшного маятника маниакала и депрессии, выпустить из сумасшедшего дома, отказать в наркотиках. За что и поплатились. Половина страны признала сама себя недееспособной и слабоумной, дебильно не пошла голосовать.

Четыре века Россией управляли психиатры. Они знали, что ей нужно. Затевая Афганскую войну, Политбюро проводило психотерапию: давало волю маниакалу агрессивных совков, дабы держать пассивных в депрессии. О, Жириновский хорошо вас понял. Одним он обещает завоевательную войну, ибо маньяков надо занять делом. Другим — пашк, ибо депрессивных, никчемных зомби надо пасти. Они будут молчать, если им дадут бесплатное пойло. Вот за это вы и проголосовали, 9/10 палаты №6 под кодовым название «Россия». Вам не дают травку или ЛСД, и вы бьетесь о стенку, и строите баррикады, и поджигаете мэрию, и готовы спалить в атомном пламени весь мир, чтобы получить назад маятник маниакально-депрессивного психоза. Страна болтается между фашизмом и коммунизмом, как цветочек в проруби. С ней мне всё ясно. Но у меня есть вопросы

к 1/10 части страны, к тем, кто сумел остаться людьми, к товарищам по несчастью, приговоренным, подобно мне, к заключению в этой гигантской СПБ, к запертым роком вместе с безумным, воющим, делающим под себя народом в палате для буйнопомешанных от Мурманска до Владивостока. Если мы победили 4 октября, то почему у нас в Думе Жириновский, и Зюганов, и Лукьянов, и Невзоров? Почему фашисты и коммунисты проводят митинги и издают газеты? Если же мы проиграли, если победили они, то почему нас не ташат еще в камеры пыток, на виселицы, не сажают на кол?

Или — или. Я не хочу третьего варианта, второго Ига еще на 150 лет. Пусть президент или даст нам оружие и начинает борьбу по новой, или выделит скит, достаточно большой для десяти миллионов свободных людей, которые скорее предпочтут сжечь или взорвать себя, чем сожительство с торжествующим красно-коричневым большинством.

ЭМИГРАНТ — ЭТО ВАНКРОТ

«Иностранец»*, № 2 (30), 19 января

Но честь — она всего превыше.
Умри, гусар,
но чести не утрать!

Первым политическим эмигрантом был, вестимо, неуважаемый мной Андрей Курбский. Между прочим, он — двойник столь же неуважаемого мной же генерала Власова. Оба действовали по одной микросхеме. Сначала служили надеже-государю (Ивану Васильевичу и Иосифу Виссарионовичу) и не видели в том ничего зазорного. Затем оба потерпели военное поражение (Курбский — от ливонцев, литовцев и поляков, а генерал Власов — от немцев). Запахло жареным. Надежи-государя этого дела не любят. Надо было делать ноги или делать вид, что идешь на службу к победителю по идейным соображениям. Курбскому повезло больше: во-первых, он умел писать и мог бы ангажироваться даже в газету «Сегодня», то есть мог найти идеологические

* Еженедельная газета, г.Москва.

обоснования «измене социалистической Родине»; во-вторых, Польша была и впрямь демократичней, что давало возможность заявить: я, мол, выбрал свободу; в-третьих, его не повесили, что, согласитесь, приятно. Бедняге Власову не подфартило: во-первых, у него не было досуга написать Сталину четыре письма и получить два в ответ; во-вторых, весьма сложно было бы обосновать действия генерала тем, что он возжаждал тех демократических свобод, которыми пользовались уроженцы гитлеровской Германии и население сопредельных колоний и протекторатов; в-третьих, беднягу вдобавок еще и повесили, а это уж полный прокол. Я терпеть не могу ни Иоанна IV, ни Иосифа I; я готова посочувствовать терзаниям князя и генерала, но не надо спасение своей личной шкуры обосновывать идейно и исторически и выдавать за спасение Отечества. По-моему, апогей этого подхода, то есть пароксизм шкурничества, возведенного в абсолют, был изображен графически Александром Зиновьевым в первой части его политической карьеры, когда уютный отъезд можно было себе обеспечить не апологетикой сталинизма, как сегодня, а наоборот. Итак, Зиновьев-1 из «Зияющих высот»:

Но если хотите добра вы,
Ей захотите помочь,
Моральное ваше право:
Бегите скорее прочь.
Не о тоске по дому,
Здесь о другом будет речь:
Ничем нельзя по-другому
Ее от них уберечь.

Надеюсь, что и Проханов, и Невзоров не читали «Зияющих высот». А то, когда они, наконец, установят на 1/6 части суши свой Четвертый рейх, они не поверят Зиновьеву, что он нам не подельник и не соучастник в славном деле развала СССР и ликвидации социализма. Так что форс и зарабатывание дивидендов в СКВ на красно-коричневых тусовках выйдут боком неосторожному философу: Нерон, как известно, ликвидировал своего гувернера Сенеку, а Зиновьева красная кавалерия и в Париже достанет: уколут ядовитым зонтиком или выкинут из поезда к чертовой бабушке.

Все эмигранты работают по этому модулю:

Картечь ложится ближе, ближе,
И нам давно пора удрать.

Собственно, эмигранты — это вся элита России, кроме тех, кто ссучивается и преспокойно работает на самую неудобоваримую власть. 80% населения никуда не бежали только потому, что им бежать было некуда; и еще они смутно подозревали, что за бугром они никому и даром не нужны. Конечно, прочитав про права человека на американские супермаркеты и французскую социальную защиту, 80% тоже могут удариться в бега. Всеобщая грамотность действует на людей похуже, чем на перелетных птиц. Последние хотя бы летом сваливают обратно в любимое Отечество и тем избегают затоваривания в дальнем зарубежье. Люди же, если попадают в теплые края, то всерьез и навеки. Инстинкт у них уже выключен, а разум еще не включен. Тех же, кто живет по второй части куплетика, можно пересчитать по пальцам.

Это и есть соль земли, но поскольку на 1/6 часть суши нужно хотя бы мешка два, то получается сильный недосол.

Самым перспективным эмигрантом был, конечно, Петр I. Россия ему не нравилась так же, как и мне. Она ему была положительно противна. Но Петр не был рохлей и мямлей, поэтому он потащил в эмиграцию за собой всю Россию, одев ее в приличное импортное платье, побрив, отмыв и обучив алгебре. Петербург — наш с Петром любимый город именно оттого, что он полностью европейский, оттого, что нет в нем трижды проклятой пошехонской старины, что здесь вся Россия уходит в Европу, оставаясь вроде бы на месте. Каждый эмигрант ненавидит облупленные луковицы куполов и бесхарактерные и разбойные округлые очертания церквей и зданий, пестроту лоскутного одеяла, без формы и без содержания, яркость обломовских фантазий.

В России всё растекается по древу: мысль, труд, экономика, политика, искусство, любовь, война. Всё растекается и свисает, как макароны с ложки. 1/6 часть суши была заселена беспозвоночной протоплазмой. Эмиграция — это тоже процесс миграции протоплазмы. Рыба ищет, где глубже, а протоплазма, где лучше. Человек формирует пространство вокруг себя, он меняет свою сферу обитания. Протоплазма вяло, но неуклонно течет на чужое пространство, ибо

лишена дара бороться и творить. Петр был первоклассным вивисектором, он сотворил новую Россию. Творец повинуется только себе и знает, чего он хочет. Глина, мрамор, бронза права голоса лишены. Может быть, глине хотелось мокнуть в карьере, мрамору — скрываться в толще горы, а бронзе было предпочтительнее пребывать порознь, а не в сплаве. Скульптор не спрашивает. Петр не спрашивал. Единственное, чего я хочу от Ельцина и Гайдара, — это чтобы они перестали спрашивать у глины, желает ли она, чтобы из нее сотворили Адама. Бог не спрашивал. Петр не побежал в Голландию. Он попытался из России сделать Голландию. Он победил ее, и в этом он соратник Христа. «Итак, не бойтесь мира, ибо я победил мир». Эмигрант не побеждает мир, он бежит из мира. Если бы Христос был эмигрантом, он должен был драпать к Отцу Небесному, а не идти на Голгофу. Христианские мученики должны были бы не идти на арену, а рыть землянки в лесах. Христианство не для эмигрантов, так что Русская Зарубежная Церковь — чистейшее шарлатанство. Впрочем, как и РПЦ, ибо, подчинившись сначала Синоду, потом Победоносцеву, а после — еще и большевикам, РПЦ стала церковью рабов.

Долгие годы вся русская элита была профессионально, органически эмигрантской. У них не было петровской мощи и столыпинско-гайдаровского дара, чтобы творить Европу из России. Они бежали из России в Европу: персонажи Тургенева, персонажи Чехова, персонажи Леонида Андреева и Достоевского. Правда, они наезжали за доходами и на медвежью охоту. Но все потенциальные медвежьи шкуры, которые делились весь XIX век и аж 17 лет XX века, оказались, как водится, востребованными их законным обладателем. Михайло Потапыч рывкнул во всё медвежье горло. И так называемая «первая волна» эмиграции поспешила в теплые края, изящно махая перьями (авторучек) в том смысле, что мы, мол, большевиков не выносим, нервы наши этого не выдерживают. В эту волну входит и та часть Белой армии, которая погрузилась на суда (крысы иногда бегут на корабли, а не с корабля) и отчалила в Константинополь. После чего Россия утонула, как Атлантида. Это был, бесспорно, самый большой грех Керенского, Милюкова и их коллег. Им мало было привести к власти плебс. Они после этого еще и жить захотели! Интересно,

что бы сказала среднестатистическая крыса, бегущая с корабля, если бы могла говорить? Наверное, процитировала бы Зиновьева: «Моральное ваше право — Бегите скорее прочь».

Больше других парадоксальничает Солоневич, который сходит почему-то за славянофила. В конце его книги «Россия в концлагере» есть строчка: «Читайте и боритесь». Книга описывает концлагеря и удачное бегство в Финляндию. Почему же автор думал, что читатели станут бороться? А вдруг они все в Финляндию побегут? Какой пассаж! «Захватило нас трудное время неготовыми к трудной борьбе»... А в России не было легких времен, и она всегда тонула, ибо ее рифы и ее пробоины — врожденный дефект. В России (вернее, уже покинув ее) крысы пишут мемуары, исторические исследования и великие романы. Почти вся эмигрантская литература — это творчество крыс. Мария Захарченко не захотела быть крысой. Она приехала утонуть, она подожгла одно из зданий Лубянки, она дралась с чекистами и оставила последнюю пулю себе, «...и на родном приволье, сражаясь, умереть». Вот штамп о российском гражданстве.

Мы здесь умираем на каждом пороге и за каждым поворотом. В дождливые августовские дни и сухие октябрьские ночи. И если Провидение каждый раз возвращает нам жизнь обратно, это ничего не значит: ведь идя на очередные баррикады с перочинным ножиком на всё про всё, мы эту жизнь заведомо отдаем. Наша жизнь — до востребования. В какой-то месячник российско-советской дружбы, у какого-то очередного здания мы ее отдадим, и ее уже не вернут. Это будет третий или четвертый путч, весна или лето, январь или апрель. Ростропович будет регулярно прилетать именно на возможную гибель, ибо он не крыса. Будет прилетать Алик Гинзбург, теплая и верная «Русская мысль» которого гораздо менее эмигрантское издание, чем холодные и чужие «Московские новости». Кто не возвращается вообще — крыса. Но крысы бывают свои и чужие. Наша крыса излагает полезные идеи в дальнем зарубежье. Поэтому я не стану перечислять их имен. Но чужим крысам мы ничем больше не обязаны. Литератор Синявский — умный человек, но он предпочел гулять с Пушкиным по парижским мостовым. Пушкину наверняка приятно, а Синявскому — тем более. Если относиться к России как к барышне

на бульваре, то ее можно поматросить и бросить. Так и поступали от века все эмигранты, от потока 1917 года до шестидесятников и семидесятников. Эмигрант — это банкрот. Кончая борьбу, признаваясь в ее дальнейшей невозможности, он тем самым признается в невозможности уплаты по историческим векселям. Честный банкрот стреляется. Илья Габай, возможно, раньше меня понял, что плакать нам нечем, что мы проигрались дотла, что карта Запада и России бита. Но он честно покончил с собой, и его кредиторы склонили перед ним головы.

Диссиденты, уезжавшие в Париж, уподоблялись промотавшимся банкирам, ударявшимся в бега несостоятельным должникам. Попытка уйти от исторической ответственности — это, в сущности, мошенничество. Тот, кто подавал, подает и подаст в России на выезд, расписывается в собственной несостоятельности. У крысы могут быть пушистые усы и острые зубы, но позади всегда тянется длинный и голый розовый хвост. Крысы могут быть хорошо образованы, они могут составлять в Париже коллективные письма, как это сделали Синявский, Зиновьев, Максимов. Но это не меняет сути. Особенно трогательны оправдания тех, кого выслали насильно, в наручниках. Выслали-то их насильно, но не вернулись они добровольно. В жизни всегда есть место смерти. Всегда можно было умереть от голода и жажды в порядке протеста у ворот российского (тогда советского) посольства или идти назад через границу на автоматную очередь первого же пограничника. Трех метров земли даже гэбисты не могли у нас отнять. Так что высылка была просто контрактом, обоюдовыгодной сделкой. Никто не рыдал, не пытался отбиваться, выкидываться из самолета.

Я чу писателя Солженицына, но Солженицын-человек сам о себе пишет, что когда ему читали указ о лишении гражданства в Лефортово, он не кричал: «Нет! Лучше убейте! Не полечу! Я все равно жить не буду!» (С таким анонсом и ФРГ отказалась бы его взять.) Он признает, что гэбисты ожидали, что он стекла станет бить. А почему бы и не побить? Я бы побила. Потому, видно, мне десять лет предлагали убраться, но в самолет пихать не стали. И пусть не смеет ни одна крыса, уехавшая от верного якобы ареста, излагать свои доводы на фоне смерти Анатолия Марченко от последнего десятилетнего срока. Ему тоже предлагали Париж. А он выбрал Чистополь. Так что не шевелите усами

и не дергайте розовым хвостом. А в России жизнь обретается ценою смерти или, если повезет, по ту сторону смерти. И в этом забеге вслепую, наугад, побеждают не лучшие спортсмены. Это что-то вроде рулетки. Если бы это был честный забег, добежала бы не я, а Анатолий Марченко. Но рулетка такова, что я даже не могла ему уступить свое место. Что Владимир Буковский кончит плохо, я поняла, когда читала в 1991 году в Лефортово «Огонек» с его интервью, где он хвастался тем, что у него в Англии хороший дом и сад и колбасы, сигарет и мыла — навалом, а Россия пусть пропадет если не может бороться. Россия не может. А мы можем. И мы будем бороться за нее и вместо нее. Если понадобится — против нее. Но оставаясь с ней. И пусть она в конце концов нас убьет. Это сделает наш брак нерасторжимым. Буковский вернул российский паспорт, проголосовав предварительно против нашей первой Конституции. Английские крысы будут жить в большем достатке, чем российские гомо сапиенс, будь они хоть банкирами. Ну что же, найдем ли мы смерть как воины в битве честной или как злодеи на плахе площадной, — ни смерть в бою, ни смерть на эшафоте он с нами уже не разделит.

С Россией не заключают брак по расчету, как хотели господа эмигранты. С ней надо как с Клеопатрой. «Скажите, кто меж вами купит ценою жизни ночь мою?»

Создавая ДС, мы начали устав и политические принципы с пункта отказа от эмиграции по морально-этическим соображениям. Мы готовы платить жизнью за ночь, проведенную с Россией. А эмигранты после 1991 года — просто саранча. У них уже нет даже видимости политических мотивов. Здесь мотив один: сам сеять не хочу, а хочу сожрать чужие посева. Так называемые экономические эмигранты — это трутни. Не умея и не желая построить человеческую жизнь в Перу, Сальвадоре, Турции, Африке, Албании, России, они разевают варежку на чужой каравай США или Англии, или Австралии. (С ними надо бороться, как с колорадским жуком.) Тем паче что в России, того гляди, начнут или стрелять, или вешать.

И крысы думали: а чем не шутит черт, —
И за борт прыгали, спасаясь от картечи.
А мы с фрегатом становились к борту борт, —
Еще не вечер, еще не вечер!

ПЕЙЗАЖ ВМЕСТО БИТВЫ

«Новый взгляд», №3 (104), 29 января

Пейзаж — не самое безотрадное зрелище. Не верьте Анджею Вайде, он интеллигент. Интеллигентам вообще не верьте, кроме Егора Гайдара и Геннадия Бурбулиса. Все интеллигенты у нас после сладких и беспечальных горбачевских лет впали в депрессию, сначала на экономической почве. Ведь как было славно! Будто при крепостном праве. Читайте Антона Павловича Чехова, который, будучи интеллигентом, эту породу знал и до дрожи ненавидел. Итак, горбачевский период, следующий непосредственно за меловым: утром тебе щи да каша и в обед щи да каша. Капусты и огурцов ешь добровольно, сколько захочешь. От пуза. И строгости было больше. Всяк себя помнил.

Зато когда пришла ельцинская эра, отдаленно напоминающая кайнозойскую, и на сушу полезли первые неуклюжие, дрожащие и мокрые млекопитающие (в природе наметился положительный эволюционный сдвиг от карнозавра к саблезубому тигру, а обезьяна взяла в руки палку и каменюгу, но, в отличие от анпиловских вояк, для чисто созидательной и конструктивной деятельности), вот здесь-то интеллигенты и вырубались. А с 21 сентября 1993 года они вообще пребывают в глубоком обмороке, переходящем в коматозное состояние. На минуточку восстанут, напишут очередную статью в «Независимую», «Общую» или «Московские новости» и опять хлопнутся. Теперь и президент рядом с ними лег. Нашел себе компанию! В русской интеллигенции всегда не хватало то ли воли к власти, то ли воли к жизни, она уступает дорогу недостойным завязать шнурок ее обуви что при Блоке («Те, кто достойней, Боже, Боже, да узрят царствие твое!»), что днесь.

Классический пример из учебника для первого курса — поведение умнейшего, добрейшего, честнейшего Василия Селюнина на конференции, где создавали демократы антифашистский фронт, да так и не создали, убоявшись обвинений со стороны тех же интеллигентов в разжигании антифашистской истерии. И то верно, у нас скорее начнут сажать за антифашистскую пропаганду, чем за фашистскую. За фашистскую пропаганду у нас вон господина Жириновского в Думу избрали. Так вот, на эту конференцию тихой сапой инкогнито пробрался коммунист. Если вы думаете,

что повторилась крыловская сцена с волком, который, «думая попасть в овчарню, попал на псарню», то вы очень ошибаетесь. Никто, кроме меня и самых продвинутых участников (уж конечно не интеллигентов), не крикнул: «Ахти, ребята, вор!» А когда этот самый серый брянский волк попросил слова, большинство (правда, не квалифицированное, а простое) проголосовало за его предоставление — правда, в конце конференции. И, чтобы сгладить невежливость своих единомышленников, Василий Селюнин отдает свое слово коммунисту!

Так, значит, и отдадите свое слово, свою тарелку, свое платье, свое место — сначала у власти, а потом — в жизни? Да, русская интеллигенция всегда «головою падала под трактор», отдавая свое имущество, свою свободу и свою жизнь большевикам, ибо сильный в этом гнусном мире убивает или покоряет, а слабый ждет, когда его покорят или убьют. Ну нет, братцы кролики. Хорошенького понемножку. Мы в ДС, может быть, и похожи на интеллигентов, но это чисто внешнее сходство: манеры, речь, образовательный ценз, вкусы etc. Однако, когда красные наступают нам на ногу в трамвае, мы извиняться не будем, а лучше выкинем красных из трамвая к чертовой бабушке. За жизнь одного Василия Селюнина мы без всяких церемоний в духе японского чаепития положим весь наличный состав всех бесчисленных наших компартий, от ВКП(б) Нины Андреевой и РКП Виктора Анпилова до зюгановской КПРФ. Я думаю, что если бы культурная и респектабельная Россия начала века, не убоившись душевных мук и запачканных рук, положила бы заранее эсеров простых и эсеров максималистов, меньшевиков и большевиков, Ленина, Троцкого, Дзержинского, то не легли бы в могилы многие порядочные люди, десятки миллионов невинных жертв. Не погибли бы девочки-царевны, юный царевич, Столыпин, Колчак, Гумилев — и не погибла бы Россия. Мы здесь не на цивилизованном Западе, мы блуждаем в хищной мгле, и очень важно научиться стрелять первым, убивать, пока тебя не убили. Чтобы потом построить мир, где будет запрещено убивать — по крайней мере ни за что ни про что.

Шуточная жалоба Юлия Кима «Ах, не досажали, не дожали, не догнули, не доупекли» действительна в обе стороны. Я всегда, и письменно и устно, утверждала (и в худшие

времена, до всяких перестроек), что КГБ поступает глупо, сохраняя мне жизнь, и что в этом они еще раскаются. Я думаю, что раскаялись в день закрытия их конторы. Правда, они плавно переползут в другую, шурша длинными пушистыми «хвостами», на прикармливание которых по новому положению об агентуре они получили официальное право. Но зато какой повод! Какой ущерб для репутации! Но мало, мало. Не досажали-таки! Надо было как в Румынии. Не Горбачева, конечно. И не Раису Максимовну. И вообще расстреливать не надо. Этого мы уже не сможем никогда. Табу. А вот Крючкову — лет десять, да всему руководству Пятого отдела — по десяточке (Филиппу Бобкову, например), да следователю Вавилова Хвату, да следователю — последнему — Анатолия Марченко, да следователям Василя Стуса, Ильи Габая, Юрия Галанскова — столько же. Хотя бы за мертвых! Помните последние кадры из «Зорь», которые «здесь тихие»? «За Лику, за Соню, за Галку!» За всех... Таков закон войны. Даже если эта война гражданская! Особенно если гражданская...

Кто не стреляет первым, тот погибает, а вместе с ним гибнет его дело. Его страна... 30 декабря, окруженный российской спецчастью и «Мхедриони», при попытке взять его живым с помощью парализующих пуль, расстреляв все патроны и оставив последний для себя, погиб Звиад Гамсахурдиа. Погиб потому, что не стрелял первым в 1991 году, что оставил всех врагов в живых. Ну что же, они живы и глумятся над памятью погибшего героя. История не знает исключений. Добей гадину или заказывай себе гроб, как те достойные наши враги, которые сделали это, прежде чем войти в Белый дом. Для таких врагов и лучшего гроба, и воинских почестей от казны не жалко. Это тот максимум, что мы можем дать друг другу через пропасть, нас разделяющую. Между нами горит мост... И единственный привет, которым мы можем обменяться с баркашовцами в знак одинакового выбора с противоположным знаком, — это автоматная очередь. Пейзаж после битвы может выглядеть весьма эстетично. Кровь можно замывать, друзей и врагов похоронить достойно и пышно, распить шампанское во здравие свободы и за упокой Совдепии на фоне горящего Белого дома. Если мы доживем до следующего октября, мы обязательно устроим утренник на Краснопресненской.

С шампанским и с цветами, которые положим на могилы — пусть символические — честных соратников, бравших Белый дом, и честных врагов, его защищавших. А если не доживем, пусть это делают наши враги. Надо полагать, мы стоим и пуль при жизни, и цветов после смерти, ибо не лгали, не предавали, не продавались, не трусили, прожили жизнь в бою и с врагами не сотрудничали.

Газета «Завтра» просит меня при приближении к газовой камере включить габаритные огни. Попросторней надо строить газовые камеры, ребята. При ваших-то аппетитах на эти дела они у вас будут в три смены работать. Вон Владимир Вольфович ездил в Германию. Наверное, за чертежами... Пейзаж после битвы — это то, что ты честно добыл мечом. Твоя страна. Твоя свобода. Твой капитализм. Закрытие «их» — не твоих — газет. Арест «их» — не твоих — лидеров. За дело. Это война, а не круглый стол.

Сажи Умалатова, по словам «своих» же из «Завтра», плакала, когда их вывели из Белого дома. Попробуйте заставить плакать нас. Да мы и не выйдем! На месте наших врагов мы взорвали бы Белый дом. С собой и с половиной Москвы в придачу. Что и сделаем, надеюсь, когда придет наш час. То-то Руцкой во все посольства звонил... Слабо было умереть? Бей красных, пока не побелеют, — совет хорош, учтем. А сейчас у нас пейзаж вместо битвы. Не после, а вместо! Вот это действительно кошмар. Сдавшийся на милость побежденных президент. Демократы, играющие роль кроликов в пасти красно-коричневых удавов из Думы. Оправдывающиеся «выбороссы», которых выбросили, утопили, как котят, за то, что Гайдар спас страну от голода, а 3 октября — от смерти; за то, что Бурбулис сделал Ельцина президентом; за то, что безоружные демороссы и дээсовцы пришли умирать к Моссовету за президента и капитализм... Но не думайте, что, если мы уйдем, кто-то здесь останется жить при социализме. Если для того, чтобы стереть с лица земли коммунистов, фашистов и империалистов, нужно стереть с лица земли эту страну вместе со всем ее населением, мы не дрогнем и благословим свою собственную гибель. Когда-то наши предки подожгли Москву, чтобы не оставить ее врагу. Сегодня есть средства не оставить врагу всю Россию. Лучше быть мертвым, чем красным.

СМЕРТЬ ПРЕЗИДЕНТА

«Столица», №6 (168), февраль

Президенты обычно умирают не так, как мы, простые смертные. И жизнь их, и смерть совершаются вдали от нас, в стенах хорошо охраняемых резиденций. Во дворцах. В Кремлях. В Бельведерах. В Белых домах (не нашим чета). Экс-президенты тоже, собственно, по улицам не ходят и даже не ездят. Или, может быть, кто-нибудь встречал Михаила Горбачева, если не в 7-м трамвае, то хотя бы у бензоколонки, если не в булочной, то хоть у Марка Захарова на премьерке?

Свергнутым президентам положено мирно доживать свои дни в изгнании, с достоинством выходить из черных лимузинов, писать мемуары и позировать фотографам. Все равно обыватели и журналисты будут испытывать священный трепет: он-то был президентом, а мы — нет.

Иногда президентов убивают, но, как говорится, при исполнении. Это маленькое неудобство профессии даже стало частью сакрального служения государству, ибо в эпитафии обязательно будет сказано, что «президент пал на алтарь нации». Традиции стал ломать Сальвадор Альенде. Впрочем, кто сегодня посмеет пожалеть Альенде — после реабилитации Пиночета, после того, как все усвоили, что Альенде был социалистом, что он развалил рыночную экономику? Как говорится, журналисты его ран не обмоют и западные демократии костей не заруют.

Со Звиадом Гамсахурдиа будет сложнее. Он никак не подходит под определение социалиста, коммуниста, сторонника советской власти. Впрочем, это не беда. В нашем каталоге есть и другие успокоительные этикетки. «Экстремист», «националист», «тиран», «диктатор». Экстремист был добр, как святой Франциск, и какие только твари не воспользовались половиной его плаща и его последней рубашкой, чтобы тем вернее нанести удар! Националист успел подготовить все документы для предоставления Абхазии статуса федеративной республики, дал ей парламент, а в Южную Осетию (Самачабло) совершил паломничество пешком, чтобы остановить войну. Тиран не подавил восстание Национальной гвардии на Тбилисском море: боялся, что будут жертвы. Тогда ему казалось, что грузин

не будет стрелять в грузина... Диктатора свергала «демократическая оппозиция» в лице мафиози и бандитов из формирований Тенгиза Китовани и Джабы Иоселиани, оснащенных российской техникой. Но не все ли равно?

Под этим шелком и бархатом, под прекрасными манерами и научными трудами, под энциклопедической образованностью и славным диссидентским прошлым таилась стальная воля к национальной независимости, негибаемое мужество, храбрость — горца и идеалиста одновременно, достоинство — свое и Грузии. А империя, в том числе и Российская, вечно хочет кушать. Это сопротивление ее здоровому аппетиту и есть вина. Так что темный лес, горный лес в Западной Грузии, где всё закончилось 30 декабря 1993 года, был ягненку обеспечен, а за волками не надо далеко ходить: российские войска с территории Грузии никто выводить не собирался. Если много говорить о руке Москвы, она нанесет рано или поздно удар. У Москвы длинные руки. Эти руки когда-то посадили шестнадцатилетнего Звиада; эти руки регулярно по 1989 год захлопывали за ним тюремный засов; эти руки палили по нему из пушек в декабре 1991 года; эти же руки сомкнулись у него на горле на той последней вершине, в темном лесу. Я даже не пытаюсь никого переубедить. Епископ Кошон, надо думать, до последнего своего вздоха верил, что Жанна д'Арк была ведьма. Что бы случилось с ним, если бы он поверил, что сжег святую? Если Звиад не тиран и не сатрап, а национальный герой и светлая личность, кто тогда мы — оболгавшие, оклеветавшие, уничтожившие? И кто тогда любимый Западом и российскими статусными демократами Эдуард Шеварднадзе? Поэтому я думаю, что Вашингтон и Москва оставят Звиада диктатором. Боже мой, сколько жутких застенков — московских, тбилисских, сколько усилий, сколько веры, надежды и любви — за два года грузинской независимости, даже за полтора, и то если округлить!

Несчастной стране дали подержать свободу, как дорогую игрушку, и отобрали. А ведь они поверили, что российские руки — добрые и сильные, и если дают, то не отберут. Звиад не поверил. Он-то нас знал.

За этот фантик от «Мишки», сложенный в виде конфетки, Грузия заплатила 9-м апреля. Даже дьявол соблюдает договор, «если под ним струится кровь». Но Звиад не позволил Грузии продать свою душу, и сделка не состоялась.

Звиад прекрасно понимал, что диссиденты нужнее президентов, и до последней минуты вел себя как диссидент: писал указы, предлагал врагам амнистию, управлял дистанционно своей уже завоеванной страной. Не смирился и не боялся показаться смешным. Тот, кто над этим смеялся, и над Евангелием станет смеяться. Звиад хотел построить Кавказский дом, новую Уранию, где находила бы себе пристанище гонимая правда. Или не нужная больше нигде истина. Где жили бы по законам благородства и чести. Какие были планы построения капитализма в одной отдельно взятой Грузии, какое это было бы «грузинское чудо»! Не хуже японского!

Всё.

Этот костер тоже задуло ветром. Человек, который это задумал, 30 декабря не вернулся из боя.

На последнем этапе это было похоже на кинематограф. Операция «Трест». Эдуард Шеварднадзе работал именно по этому классу режиссуры и до перестройки, и после нее. Звиада надо было выманить в Грузию. И вот Лоти Кобалиа получает неизвестно откуда (якобы от тайных звиадистов в армии) кое-какую технику. Нужен спектакль под названием «Триумфальное шествие законной власти». Правда, вопреки приказу президента, тот же Лоти отправляется на помощь карателям в Абхазии. Ну да это он по простоте. Создается иллюзия освобождения Западной Грузии. Парламентариям (не путчистским, а первым, настоящим звиадистским) дают провести две сессии в Зугдиди. Приходят люди из армии, говорят: мы с вами. Вы начните, а мы продолжим. Вы выстрелите, а мы бросим оружие. Только пусть вернется президент. Арслан Абашидзе, наместник Аджарии, тоже советовал вернуться. И почти что соглашался на пост госсекретаря. Он обещал, что российского вмешательства не будет. Что «его» российские дивизии в Батуми не двинутся с места. Сколько хлопот, интриг, ухищрений! А человек, томившийся в Грозном, отчаянно желал вернуться назад — не в кресло, в Грузию — и не искал ни гарантий, ни безопасности. Ему нужно было только одно: чтобы возвращение не казалось ста днями, походом за короной, и чтобы не с него начался новый виток гражданской войны. Сессия первого законного парламента вынесла решение о возвращении президента. Парламент позвал. Народ звал давно; кроме Бога и Звиада,

ему звать было некого в этом голодном и холодном рабстве (Шеварднадзе даже сытого рабства не смог обеспечить). Лоти Кобалиа звал. Абашидзе звал. И было недолгое призрачное счастье возвращения. Счастливый народ. Огромные митинги. Вишневые флаги.

Им дали взять кое-какие города. Враги уходили без боя. Путь на Кутаиси и на Тбилиси был открыт. Правда, туда Лоти Кобалиа не пошел. Сказал, что, по его сведениям, рано. И когда Шеварднадзе сидел в Абхазии, не пошел тоже. Уже тогда можно было догадаться.

О, честный Яго! О, честный Лоти! Но Звиад не хотел в это верить.

Шеварднадзевское бандитское воинство для боя не годилось. Они бежали вполне искренне. А дальше всё пошло очень быстро. SOS друзьям из Вашингтона. Что это было? Иллюзии перестройки, теплые воспоминания о падении Берлинской стены? Кого Запад любил больше — Горбачева или Сахарова? Звиада, грузинского Сахарова, они и вовсе не любили. А может быть, здесь замешана нефть. С каким-то концерном Шеварднадзе связан. Может быть, по территории Грузии хотели пустить нефтепровод? Как в деле о замене в азербайджанском матче Абульфаза Эльчибея на Гейдара Алиева. Но здесь мало было заменить. Звиад очень нарывался.

В какой форме Вашингтон скомандовал Москве дать войска? Как была зашифрована та фраза «казнить нельзя помиловать» по поводу президента? Как был сформулирован приговор? Не знаю и не узнаю никогда. Это всё золоченые, кровавые, жуткие, глухие тайны подвалов власти. Нашей и заокеанской. Звиадистов подставили под удар. А дивизия имени Дзержинского, Батумская дивизия и еще куча спецчастей такой удар нанесли. Лоти Кобалиа, его люди, его техника ушли. За гонораром. Задание было выполнено.

Защищаться было, собственно, нечем. Кто не пал в неравном бою, ушел в горы. Маленькими группами. «Мхедриони» и российская спецчасть окружили, по странному «совпадению», именно ту группу, где был президент. Он знал, что так будет. Сразу после разгрома его еще могли увезти. В Финляндию. В Грозный. Он отказался. Сказал, что должен здесь умереть. А зачем жить? Видеть вступление Грузии в СНГ, в состав РФ, в рублевую зону?

Жить в изгнании и в США, и в России ему бы позволили. Но в Грузии он был слишком опасен. Беззащитностью. Благородством. Отказом подчиниться и смириться с неизбежным. Как сказал ануевский Инквизитор о костре, приготовленном для Жанны (читайте «Жаворонка»! Убили, так хоть прочтите, чтобы знать кого): «Это будет жалкая победа над тобой, Жанна. Но по крайней мере ты замолчишь». Вы слышите это молчание Звиада? У вас не звенит в ушах?

Когда кольцо сомкнулось, Звиад сказал, что, будь у него хотя бы 150 человек и один танк, он вырвался бы из окружения, чтобы дойти до Тбилиси и умереть там, в открытом бою, на глазах у людей, или напал бы на первый же российский гарнизон. Звиад Гамсахурдиа с танком — это столь же противоестественно, как и Махатма Ганди с ружьем. Англичане сохранили жизнь Ганди — может быть, из чисто эстетических соображений. И я думаю, что, если бы Ганди имел дело не с англичанами, а с нами, он тоже бы взял ружье. Мы бы его довели.

Спецчасть стреляла парализующими пулями. Звиад хотели взять живым. И уж конечно не для открытого суда. Судить законного президента Грузии, диссидента и антисоветчика, судить бывшему гэбисту и партаппаратчику, который его судил еще до 1985 года, — такой глупости Шеварднадзе бы не сделал. Звиад убили бы в этом же лесу, но сначала долго бы пытали, глумились, применяли наркотики, старались бы вырвать какие-то сведения. Скорее всего, о Чечне. Когда есть оружие, такого варианта можно избежать. Расстрелять все патроны и оставить последний для себя. Звиад поступил, как всегда, правильно. Этот плевок уже не стереть. Ни хунте, ни России. Что можно возразить в ответ на такую смерть? Только скрыть ее. Назвать ее самоубийством. Хорошо самоубийство! Тем, кто на войне не сдавался в плен, такого в похоронку не записывали. Писали: «Пал смертью храбрых на поле боя». За Родину. Солженицын называет такую смерть военной смертью.

В живых остались пять человек, двоих я знаю лично, но не назову, иначе они недолго пробудут живыми. Командира Горийского батальона, вернувшегося домой, люди Шеварднадзе расстреляли на месте. Группу звиадистов судили в Тбилиси. Исключительно за звиадизм. Дали по 12-13 лет. Шеварднадзе был недоволен, что никого не казнили. Сказал, что такой суд ему не нужен. Тело президента

эти пятеро ухитрились унести и тайно похоронить. Эта могила похожа на могилу альпиниста. «Нет алых роз и траурных лент, и не похож на монумент тот камень, что покой тебе подарил. Как вечным огнем, сияет днем вершина изумрудным льдом, которую ты так и не покорил». Ту вершину, которую хотел взять Звиад, нельзя взять одному, но только вместе со своим народом. Другой могилы, похоже, не будет. Эти пятеро не предали живого президента, не предадут и мертвого. Его дом в Тбилиси, рукописи, могилы предков в саду — всё это было сожжено и осквернено. А Звиада они не получают. Даже после смерти.

В эту гибель не поверят. Ведь прецеденты уже были. Камень оказался отвален. Гроб был пуст. На пятидесятый день однажды уже возвращались. На что надеяться Грузии, если не на второе пришествие Звиада Гамсахурдиа? Что же до нас, то нас всегда интересовало только море. И камушки. И песочек. Максимум мандарины. Это-то море у вас в кармане. Пока еще до Индийского океана доберешься... Черное море вполне годится для того, чтобы вымыть в нем сапоги Жириновского, изящные лакированные туфли Андрея Козырева и даже скороходовские ботинки Бориса Ельцина.

Таких акул, как мы, Хемингуэй в своем рассказе «Старик и море» называет galanos. Они не нападают в открытую, они откусывают лапы у черепах, пожирают слабых, набрасываются стаей. Синее море, белый пароход... Купайтесь, galanos, и пусть вам снится, что вы убили человека.

МОЛЧАНИЕ ЯГНЯТ-2

«Столица», №16 (178), апрель

Но поскольку молчание — золото,
То и мы, безусловно, старатели.

Александр Галич

Слухи о либерализме советского режима в период, приближавшийся к его клинической смерти, растянувшийся вместе с агонией с 1987 по 1991 год (сейчас-то после гражданской панихиды октября 1993-го больной через декабрьско-февральскую реанимацию немного отошел, отдышался и находится на пути к полному выздоровлению), были

сильно преувеличены. Если бы экономические графики принято было вычерчивать от отметки 1913 года, то в политических анализах добросовестные шестидесятники брали за уровень моря отметку 1937 года, который их всех навеки осенил крылом страха, и шли они дальше уже на веслах здравого смысла, а при таком маршруте, как известно, выше головы не прыгнешь. Всё, что мягче 37 года, шестидесятниками считалось сушей.

Вот и отметили деятели то ли из РДДР*, то ли из смежной организации годовщину хрущевской оттепели в связи с какой-то датой из жизни Никиты Сергеевича. Хрущевская оттепель могла показаться слабым, робким, ласковым к покровителям из ЦК и из ближайшего парткома интеллигентам, отморожившим уши на сталинских холодах, твердой и надежной почвой под ногами. «Ведет кораблик утка, испытанный моряк. «"Земля! — сказала утка. — Причаливайте! Кряк!"» Ведь очень утешительно и освежительно знать, что просто так больше не посадят, а посадят только за дело! Если будешь писать листовки, или давать читать не те книги, или призывать к свержению строя вместе с благодетелем Хрущевым, — словом, будешь делать вид, что ты умеешь ходить по воде, а не пойдешь, как все, по камням.

И не шестидесятников расстреливали в Венгрии и Польше, не их убивали в Берлине, не их приговаривали на Украине к смертной казни, как Левко Лукьяненко, не их истязали голодом и холодом в «оттаявших» концлагерях, как Анатолия Марченко.

Система была, как клетка для подопытных животных в руках у экспериментатора — нацистского преступника (ровно половина фашистов уцелела от всех Нюрнбергов на свете под предлогом, что они красные, а не коричневые). Под стальным полом бежал ток. Удары могли быть сильными или слабыми. От смертельных, калечащих пыточных воздействий в спецпсихбольницах и лагерях до средних (не дадут приличной работы) и слабых (не дадут заказ с икрой). Не дать могли многое: заграничную поездку, заграничные сапоги, квартиру, машину, повышение, докторскую, дачу, просто место под солнцем. И если молчание становилось обязательным условием, при котором выдавалась шапка

* Российское движение демократических реформ.

из котла домашнего средней пушистости, то норку надо было зарабатывать, тошнотворно распинаясь в преданности идеалам и идеям КПСС. И эта страшная жизнь, особенно страшная тем, что можно было выбрать подлость и чем-то разжиться, и уже вовсе не выносимая от того, что выбравший молчание обретал право считать себя героем нашего времени и похваляться этим до середины 90-х годов, кое-какие привычки у несчастных запечных интеллигентов выработала.

Шаг в сторону — это был побег из молчания. Надо было только сойти с конвейера и попасть в мясорубку. Диссиденты делали этот шаг — и гибли. Шестидесятники превращались на своих кухнях в чайники без свистков. Это была не борьба, а отдушина. Можно было в поздние семидесятые подписать какое-то письмо, но нельзя было идти на площадь, нельзя было связываться с листовками. Поэтому 25 августа 1968 года нашлась семерка — одна на всю страну, одна на всю брусчатку Красной площади.

Я думаю, что Булат Окуджава не обидится на меня, если я скажу, что его песни, столь любимые мной, были разновидностью молчания. Талантливого молчания пополам с отчаянием.

Беленькие пушистые комочки ягнят с поднятыми головками, дрожащими хвостиками, невинными глазками. За блеяние сразу отправляли на бойню. Огромная равнодушная страна, где тоненькое «бе-е-е» транслировалось только «Свободой» на лоне природы, там, где глушилки не работали. А потом было много крови. Кухня. Шашлык. Бараньи отбивные. И никто не пытался вмешаться. Кто вмешивался — сам шел в кастрюлю. 99 процентов равнодушных баранов делали борьбу героической, но бессмысленной. Мне очень жалко ягнят. И тогда, и сейчас я понимаю их проблемы. Что до тех, кто без ужаса смотрел на гибель Марченко и Габая, то я их ненавижу не меньше, чем гэбистов. И их стойло, и их пойло меня не интересует. Ради этих двух предметов они согласятся уничтожить разум на Земле.

У меня была хрустальная мечта: добыть какую-нибудь сверхмощную установку, вырыть подземелье и в ночной праздничный денек срезать одним залпом всех, кто стоит на Мавзолее, и, если не убьет на месте охрана, тут же застрелиться. Я думаю, что ягнята никогда об этом не мечтали. А не мечтавший об этом не способен выиграть нашу гражданскую войну.

История перестройки — самая печальная на свете повесть о ягнятах, печальнее даже, чем сказка Доде о маленькой козочке мсье Сэгэна, потому что эта французская козочка все-таки в конце концов ушла в горы, и там, в горах, где нет ни хлева, ни хозяина, ее съел волк. Однако она защищалась целых пять минут (столько бы продержались под огнем в октябре беззащитные и безоружные моссоветовские баррикады). Ягнята сначала жались к Горбачеву и очень дисциплинированно носились на перестроечных лугах. Всё это напоминало революцию на «ферме животных» Оруэлла. Помните роль овец в революции свиней? Боюсь, что мы все — персонажи из этого произведения. Бедная «ДемРоссия», которая дружно бляла «Ельцин, Ельцин» добрых пять лет, сейчас будет выброшена своим кумиром на помойку. Да и все мы, демократы, похожи на несчастного битюга с той же фермы, который все время говорил: «Я буду работать еще пуще» (выходить с голыми руками под автоматы, организовывать голоса на апрельском референдуме, раздавать листовки, устраивать митинги). В конце концов выдохшегося конягу отправили на живодерню, куда скоро повлекут и ягнят ельцинского призыва.

Потому что это была революция свиней. И политическое свинство — единственная форма национального согласия, на которой сойдутся все: и президент экс-реформатор, и правительство, и красно-коричневая Дума, и Жириновский, и Зюганов (дай Бог, чтобы не Гайдар. Пока не верю. Не хочу верить... В несчастье всегда веришь потом, как сказал Сартр в «Дьяволе и Господе Боге»). Свиньям не было альтернативы, потому что ягнята по определению к власти не приходят никогда. И мы поддерживали тех, кто отправит сейчас нас в утильсырье.

Когда вижу благостную улыбку Черномырдина, Шумейко с такой клевой стрижкой, тихого, мечтательного Явлинского и уважаемого Шахрая, я всегда вспоминаю эту фразу из новеллы О.Генри «Как скрывался Черный Билл»: «И физиономия у него всегда была спокойная, а очки на носу так и блестили. Я видел в Мэскоги, как повесили бандита за убийство шестерых людей. Так мой хозяин был похож на него как две капли воды». Я, конечно, не могу сказать, что эти уважаемые представители советского истеблишмента способны лично убивать и грабить на дворах. Но такие, как они, и с той же улыбочкой,

посылали нас в камеры и лагеря. Когда я вижу обаятельного Андрея Козырева в компании комиссара ООН или там СБСЕ по правам человека за обсуждением вопроса о нарушении прав человека русскоязычного населения в Балтии — я вижу штурм Вильнюсского телецентра и литовцев под танками, и саперные лопатки в Тбилиси. Ведь добил Звиада Гамсахурдиа и вместе с ним Грузию всё тот же учтивый господин Козырев, знающий толк в политике. Советская интеллигенция всегда жалась к хозяину и действовала только за его широкой спиной. И вот, продержавшись три года с Горбачевым, четыре года с Ельциным, она осталась одна, без крепкого тыла.

И возникло молчание ягнят, поджавших хвостики.

Сейчас многие побегут сдаваться, и как бы на последней площади в нашей жизни, перед соединенными президентско-красно-коричневыми силами, ДС не остался один вместе с Антифашистским центром, «Августом-91», «Живым кольцом» и с теми, кто способен умереть без разрешения и благоволения Бориса Ельцина. Все замолчали, вопиют только камни и журналисты. Когда Дума принимала решение о Чечне, отказывающее ей в праве на независимость, демократы голосовали «за». Никто не бился головой о кресло и не ломал руки, хотя были преданы все идеалы и забыты обещания. И «Выбор» и «Союз 12 декабря» проголосовали, как было угодно кесарю всея «Великия» и, кажется, уже «Белая» Руси... «Выбор России» тоже не стал диссидентствовать. Не знаю, как голосовал Гайдар. Боюсь спросить. Боюсь узнать. Я отдала свое место в Москве тем, кого «на Москву» назначил «Выбор» (в моем округе господину Нисневичу), не для этого. Марк Горячев, давший по носу Жириновскому, больше оправдал мои надежды (даром что из ПРЕСа). Пока выступает против один Юлий Гусман. Он хотя бы издевается над врагом. Остальные демократы, по сути, уже молча соучаствуют в красно-коричневых делах. Где акции протеста против амнистии красных бандитов, за которые голосовали демократы Москвы?

Начинается весна. Это утешительно. Скоро вскроются реки России, и нас не будут топить в проруби. В реке все-таки приятнее... Стрекозы, водоросли, солнечные зайчики... У нас не водятся крокодилы и акулы. А закупать за границей — валюты не хватит. Так что Зюганов и Жириновский не смогут нас им скормить. На баррикадах перед

смертью тоже будет тепло. Время и природа явно на нас работают. Геополитика тоже (в Кампучии крокодилов хватало). Я начинаю опасаться за судьбу гайдаровской партии. Слишком много молчания на старте. О предательстве президента, возрождении Союза, об остановке реформ.

И не надо мне говорить: «Тише, Танечка, не плачь, не утонет в речке мяч». Волга и Ока, Дон и Лена, Енисей и Обь всегда были Стиксом для демократии. А в Стиксе тонет всё. И мячики, и надежды. После 26 февраля Гайдар обязан был вывести людей на свою площадь перед Моссоветом. Не вывел! Скверное начало, но это поправимо. Сейчас всем начнут навязывать документ о гражданском согласии с коммуно-фашистами. Кто подпишет этот новый акт о неомюнхенском сговоре, замолчит навеки. Чтобы он не вякал впоследствии. Молчание, конечно, золото. И кресло, и казенный автомобиль, и госдача, и хорошие деньги. Останется в строю только тот, кто не подпишет. Не может Егор Гайдар это подписать. Тогда ни один порядочный человек не вступит в его партию.

А какое великолепное начало — не подписать! Тогда это будет партия либеральных Дон Кихотов, Робин Гудов и Спартаков. Она начнется с отказа идти на капитуляцию. Как в песне из фильма о мушкетерах:

Недолго спрятать в ножны сталь,
Но гордый нрав не спрячешь в ножны.

РЕФОРМЫ — ЭТО НЕНАВИСТЬ

«Столица» №18 (180), апрель

«Весь покрытый зеленью — абсолютно весь — остров Невезения в океане есть». Это явно про Россию и ее реформаторов. Но на этом куплете сходство и кончается. Потому что хотя в России живут «несчастливые люди-дикари», вполне «на лицо ужасные», но внутри они совсем не добрые, а довольно-таки злые. Вроде аборигенов, которые съели Кука. А теперь хотят съесть Гайдара, а на сладкое — Борового! Хотя дальше по тексту — все верно. Что бы мы ни делали, не идут дела, и не только крокодил не ловится, но даже элементарная треска «выбрала свободу»; не только экзотический кокос не растет, но даже сахарной свеклы не хватает.

Эти исторические предпосылки заранее определили, как на Руси можно проводить реформы, особенно благотельные (вредные реформы, вроде ВЧК и ГУЛАГа, карточек и парткомов, принимаются обычно «на ура»). Язывительный Салтыков-Щедрин в своей истории России (или города Глупова) описал наши будущие и прошедшие реформы в виде «войн за просвещение». Тот, кто внимательно читал великого классика, навеки усвоил, что и горчицу, и фермерство, и безработицу, и привычку не бросать мусор мимо урны, и прочие полезные изобретения цивилизации, вроде банкротства, придется внедрять в массы методами, далекими от консенсусов.

Возьмем Ивана Грозного. Он был, естественно, антиреформатор. Но случайно угадал схему проведения успешных реформ. Большая часть общества, косная, темная, отжившая свое (электорат коммуно-фашистов, социалистов, наци и прочая нечистая сила), объявляется земщиной. У них свое самоуправление (Дума наша отлично подойдет). А авангардисты-западники во главе с царем-реформатором именуют тебя опричниной. пыток и казней, конечно, не надо. На кол сажать не надо. Достаточно посадить в Лефортово и смежные учреждения. До победы капитализма (по расчетам Явлинского, это 10—15 лет). У седла не надо возить песью голову и метелку. Это грубо и неизяшно. Достаточно текста Конституции и автомата Калашникова. В Александрову слободу уходить тоже не надо. Туда, за 101-й километр, выслать коммунистов и фашистов, если не перекуют мечи на орала. Думу разместить в Горках. И место их, прикормленное, и дворец готовый, и надлежащий надзор Юлий Гусман со своей фракцией психиатров обещал обеспечить. И не надо воевать с Литвой, избави Бог! Вступить в НАТО и разместить их базы и авианосцы с морской пехотой по периметру острова Невезения. Чтобы не ждать генерала Грачева на случай следующего мятежа. А если нет надежных тюрем для своих красно-коричневых, то в порядке гуманитарной помощи, вместо кредитов, отправить их в федеральные тюрьмы США. Там есть и место, и хорошая еда, и надлежащий уход. Если, конечно, на следующих выборах там победят республиканцы, а то господин Клинтон, того и гляди, вспомнив спю левую комсомольскую юность и отказ идти сражаться во Вьетнам, объявит амнистию своим красно-коричневым бандитам. Если уж его

эmissары братаются с нашими... А на опричников у нас нашлись бы кадры: «Август-91», «Живое кольцо», ДС, фермеры, белоказаки, бизнесмены.

Методу Грозного вполне усвоил Петр, хотя с обратным знаком, ибо он был неуклюжим, но несомненным западником. В неуклюжести и невежестве они схожи с Борисом Ельциным. Но, увы, не в силе и не в мужестве. И Петр, и Борис Ельцин увидели чужой недоступный Запад и пленились его благообразием, умом, талантом, чистотой, порядком, добротой. Но Петр был не трус и любил Запад как фанатик. Толстозадую матушку Русь, темную как Матренка-Ноздря, он возненавидел. Ельцин же так и не смог возненавидеть СССР, хотя СССР этого заслуживал куда больше матушки Руси. А ведь главное топливо реформы — не энергоносители, а ненависть к прошедшему и настоящему. И Петра, и Ельцина учили кое-как. Но Петр потом страстно захотел учиться, и обучился (почище, чем в техникуме) десятку профессий, выучил языки, стал читать книги. То есть на английского лорда он не тянул, но на голландского матроса — вполне. Что до Бориса Николаевича, то на современного морского офицера британского, скажем, флота он не тянет. На матроса, пожалуй, претендовать может. Но в конце XX века этого уже маловато, ибо после бедного Петра была просвещенная вполне на уровне РГГУ Екатерина, и Александр I, и Александр II тоже европейским монархам не уступали. Для того чтобы учиться, нужно много честности и мало самомнения, а у нашего президента — всё наоборот. Сейчас он очень похож на тех бояр, с которыми когда-то боролся Петр: так же они сидели, лопааясь от важности, очень довольные собой, «брады уставя», в горлатных шапках и собольих шубах, думая только о величии своем и роли в истории, ни фи́га не понимая в государственных делах. Я поняла, почему Петр резал бороды и штрафовал за русское платье: если бы он ждал, пока добровольно переоденутся и подстригутся, было бы как с нашим КГБ, ВПК, армией и колхозами. Всё это перестроится, когда рак на горе свистнет.

Откуда же Петр черпал силы и какие у него были «механизмы торможения»? Механизм торможения известен: общество посконное и исконное, заскорюзлое, как портянка, занозистое, как дощатый пол, стоптанное, как старый

валенок. Низы, которые называли его Антихристом. Верхи, которые спали 300 лет кряду и проспали всякий прогресс. Стрельцы, которые подчинялись тогдашней партноменклатуре: Хованским, Милославским, царевне Софье. Дума, еще не красная, но уже коричневая. Собственная жена. Собственный сын. Сестра. Брат. Патриарх (тогда еще сила). Монахи, священники, на которых он устраивал им же написанные театральные пародии. Бог, над которым он издевался. Раскольники. Словом, почище, чем у нас. Наши красно-коричневые сжечься в скиту не хотят (был случай в Белом доме, и то не воспользовались, вышли; был случай в Лефортове, и то не отвергли амнистию, разбежались, как крысы). А петровские раскольники сотнями сгорали. Стрельцы не просто не шли на выручку, как 3 октября, а бунты устраивали.

И всё это Петра не остановило. Он никого и ничего не пожалел, но хотя бы внешне рванул на Запад, хотя бы утопил кондовую матушку Русь в ее же болоте. Спасибо ему и на том. Жену — в монастырь, сына — на дыбу и на тот свет. Круто.

Петр был настоящий большевик. Дыба и эшафот — это, само собой, лишнее, от недостатка воспитания и образования. Но Петр блестяще раскидал всех лишних и приставил к делу тех, кто был способен к нему. И ни черта он не боялся: ни Запада, ни Востока, ни молвы, ни Страшного суда. Он заново сотворил Россию из ребра Запада, переломав предварительно ей ее тощие ребра. И на равных с ним, пожалуй, говорили только двое, Франц Лефорт и Алексашка Меншиков. Он, может быть, и воспринял бы возражения от собрата-реформатора но, как и сегодня, вокруг были рабы — в кружевах или в холстине. Своих коричневых он просто вбил в землю по горло. Представляю, что бы он сделал с нашими красными... А опирался он на тех, кто разделял его страсть к Западу, на тех, кому не было дороги назад. И завел себе Преображенский и Семёновский полки не для парадов, а для августовских и октябрьских путчей. Эта возможность была и у Б.Н. Хватает тех, кому нельзя назад, в СССР. Чья шея уже в петле. Хватило бы охотников на нацгвардию, на потешные полки. Так почему пошло у Петра и не пошло у Б.Н.? Почему Петр I не трусил, не отступал, не колебался и не предавал своих,

а Б.Н. всё это делает, такой большой и могучий? Дело в том, что все мы — продукты своей эпохи и своего сословия. Петр был рожден господином, рожден, чтобы править, и в праве своем на то не сомневался. Он был царь и бунтарь одновременно. Вместе это читается «реформатор». А Ельцин слишком долго был рабом Системы, Союза, КПСС, бедности, обстоятельств, страха и народа. Рабы (даже бывшие рабы) умеют бунтовать (со скрипом, через Ново-Огарево, отречение на пленуме ЦК КПСС etc.), но не умеют царить. Воля к власти в соединении с великой идеей — достояние великих душ. Конечно, Петр был недобрый человек. Но на что нам доброта Б.Н.? Она уже стоила жизни 150 примерно подданным в октябре (взяли бы штурмом Белый дом до 21 сентября, меньше было бы жертв). И где была доброта, когда в тюрьме погибал Вил Мирзаянов? Свой... И казнены не враги, а друзья и союзники. Звиад Гамсахурдиа, в перспективе Джохар Дудаев, Егор Гайдар и все те, кто спасал Б.Н. в октябрьскую ночь, на кого он спустил из Лефортова красную сотню... С таким полководцем, как Б.Н., нужен заградотряд, чтобы он назад не повернул. Я воюю с 19 лет, и нет для меня возвышеннее закона, чем закон чести и войны. Я не могу уважать дезертирство и переход на сторону врага. О мы, несчастные преторианцы! Наш Кесарь, которому мы добыли абсолютную власть нашими мечами, бежит обратно через Рубикон с вражеской конницей на плечах!

КРЕПОСТЬ

«Новый взгляд», №17 (118), 7 мая

Каждая культура, каждая эпоха, каждая, как выражаются марксисты, «формация» имеют свою цитадель, в которую заключена их «святая святых». И пока существует этот символ, с культурой (или антикультурой) ничего сделать нельзя. Тот, кто хочет стоять у колыбели Начала, должен присутствовать прежде у гроба Конца. Я не помню случая, чтобы конец наступил естественным путем, сам собой. Конец культуры всегда приходит насильственно. Конечно, перед этим века, как мыши, подгрызают, подтачивают его фундамент, ослабляют его иммунитет. Но потом обязательно

приходит последняя мощная волна, цунами или особенно жестокая смертельная хворь — и культура погибает. Римляне разрушили бело-золотой невиданный Иерусалимский храм и этим уничтожили мощную библейскую культуру, мудрую, жестокую, коварную, зыбучую и жаркую, как пески пустыни. Магическую культуру народа, который сам себя надменно и властно избрал, чтобы сотворить Бога и Провидение. И вместе с Храмом умерло всё, ибо современный Израиль — это Запад, десантированный на Восток, чтобы там, перед лицом нашего вечного противника, явить свой блеск, свое превосходство, свою светскую иронию, свой потенциал человечности и одержать свою победу — над Богом Иеговой и над Аллахом одновременно. А иудаизм так же мертв, как пирамиды. Немного ностальгии, немного экзотики. И если у Египта не получилось с Европой, куда он так и не шагнул, несмотря на тесное с ней общение, то это потому, что египтяне не разрушили вовремя пирамиды и Сфинкса. Пирамиды и Мавзолей существуют по одной формуле.

Мы — страна, где Хеопс правил всего 70 лет назад. Естественно, главным для жалких рабов фараона, привыкших падать перед ним ниц (что в Египте, что в СССР, как это и положено при теократии), становились таинства бальзамирования, ежегодные процессии труполобов, равенство жрецов культа падали на неукоснительное соблюдение фараоновских и ленинских принципов партийной и государственной жизни. Зачем была разрушена Бастилия? Она не имела стратегического значения, в ней уже почти не было заключенных, с ней вместе не пала монархия (которая падет лишь в 1875 году). Но Камилл Демулен и санкюлоты, тогда еще его боготворившие, знали, что делали: вместе с Бастилией пали феодализм, и иерархия феодальных ленов, и божественное право короля, и сословность, и уважение к благородной крови. И началась новая насмешливая эпоха, эпоха всеобщего зеленого эквивалента, эпоха текучая и бесцеремонная, эпоха без королей и богов. Короли стали кем-то вроде президентов, а Бог сделался чем-то подобным учителю воскресной школы — для детей, полисмену — для плебса и чудаковатому мудрецу из «Гринписа» для элиты. Появился новый, самый симпатичный абсолют — рынок, где всё относительно и всё возможно,

а заодно и доступно, где каждый получает сполна то, что заслуживает, и где каждого оценят и взвесят по способностям.

Воздвигся и новый алтарь: биржа. Уолл-стрит. И не как символ наживы, но именно относительности. Великое открытие Эйнштейна не в физике, а на рынке и на бирже. И если кто-то подкрадывается к западной цивилизации, дабы ее уничтожить, он всегда тщится подкопаться под идею свободного рынка, который отрицает Вечность и Абсолют, и разбивает вдребезги любую тотальность. В конечном счете рынок справедлив. Благородство и честь на нем — непреходящие ценности с высшей котировкой. Достойное обретает память, мимолетное проваливается в бездну забвения. Рынок справедлив, ибо заслуга и плод человеческого ума, разумное, доброе и чистое всегда найдут спрос. Благо предложение невелико...

Запад — это «мир, открытый настежь бешенству ветров». Интересно, что Багрицкий, не имевший ни гроша, никогда не живший на Западе, вывел эту формулу свободы. Мне кажется, что варяжская воля, помноженная на пассионарность Дикого поля, вела декабристов, народовольцев, эсеров именно к разрушению замкнутого пространства соборной России, где самодержавие, православие и народность стояли, как частокол, как вышки с охранниками, змеились колючей проволокой. По-моему, русским революционерам хотелось выбить окно, чтобы дать доступ свежим ветрам Запада, а на крестьян, бедность и социальную несправедливость им было начхать.

Запад — это мир после последней Революции, и Личность там вечно, каждый день, выезжает на ристание, чтобы в честной борьбе конкуренции снискать себе пропитание, богатство, честь и славу. Так что черномырдинская рать знает, что делает, когда пытается защитить свой протухший мирок от этого сквозняка. И Ельцин, не выдерживая напора стихий, прячется, как рак-отшельник, в раковину «отца нации», ибо это Абсолют, и он вне конкуренции. И Жириновский на своем съезде отменяет пере выборы председателя до 2004 года, не смея добывать это звание во внутрипартийной борьбе. Запад нестабилен. «Сегодня — ты, а завтра — я!» Наши жалкие власти боятся ветра. Что они свободе и что им свобода? То же, что и Гекуба!

Пусть вечно стоит алтарь Запада, и не опустеет Храм Относительности и Борьбы, и курятся перед ним гигантские свечи Манхэттена, столицы мира! И за эту веру мы пойдем на костер, и у этой веры уже есть апостолы: блестящий Боровой, и гениальный Гайдар, и прочие будущие владельцы заводов, газет, пароходов. Но для того, чтобы утвердить на просторах России эту новую веру, нужно истребить (как класс) социалистических старообрядцев.

Пока не рухнет Храм старой веры, не воздвигнется Храм новой. Это сказал Иешуа Га-Ноцри, а он-то имел обо всем точные сведения. И поскольку те добрые советские люди, которые живут вокруг нас, ничему не учились и не внемлют ничему, кроме визуальных свидетельств, то Мавзолей так же, как Карфаген, должен быть разрушен. И мы мелом напишем на освободившемся асфальте: здесь танцуют. Царство нашей Истины не наступит прежде, чем рухнет царство их Истины. Наша истина — белая, в ней переливается весь спектр красок, идей, цветов и оттенков. Их истина красного цвета, и она однозначна. Чтобы она заняла подобающий ей сегмент в спектре, ее надо очистить уничтожением. Десакрализацией. Не потому, что лежащий в Мавзолее — нечто мизерное. Нет, это нечто великое. Великий ум. Великое разрушение. Великое злодейство. Всё это лежит в саркофаге, и это страшно, потому что всё удалось.

В Мавзолее лежит творец — или даже Творец. Его мир существовал более 70 лет, он живет до сих пор, он, может быть, будет жить вечно. Если мы не поднимем дерзновенную руку на Создателя. Мы должны совершить то, что Сергей Кургинян называет сакральным преступлением. Хрушев, нелепый в своей вышитой рубашечке, с кукурузным рационом и замашками самодура, все-таки дерзнул. В одну ночь все статуи, бюсты, монументы оказались на свалке. У него хватило мужества разрушить алтари. У Ельцина — не хватает. И потом, Никита Сергеевич поднял руку только на Бога-сына. Ленин же в нашем Пантеоне — явно Бог-отец. Это круче. Похоже, что Борис Николаевич пару раз постоял на Мавзолее, и это его подкосило на всю жизнь. Нельзя безнаказанно состоять в Политбюро, петь хором на съездах Интернационал, на Ленина равняться, подражать Павке Корчагину в братстве и равенстве. Не забудьте, что чахлые, полудохлые демократы типа Гавриила Попова и Бориса Ельцина,

чья революционность похожа на пустой флакон от «Белой сирени», куда вместо духов налили воды, даже не отдавали приказов стащить с пьедестала Железного Феликса. Слабо было. Благодарите вечно Константина Борового: он оплатил кран и работы из собственного кармана. Но в приемной КГБ в Лефортове еще в августе 1993 года висел Дзержинского портрет. Боюсь, что и до сей поры висит.

Советы бренны, а вот большевики пребывают вовеки, ибо эта система держалась на злобе, агрессии и насилии пополам со смертельным упорством глупости. Вместе это сила. Сомневаетесь? Посмотрите на Мавзолей. Сахарова не стало, а он всё стоит. Вот уж у кого была воля к власти: у Владимира Ульянова. Он знал, как надо строить партии, как зажимать их железной клятвой, как делать перевороты, как поступать с врагами и их символами (несчастливая царская семья вместе с бедным неумелым Николаем была именно символом, цитаделью иной культуры, и отсюда — подвал и расстрел), как удерживать власть над партией и страной. Он был одним из немногих алхимиков, добывших философский камень. Не верите? Посмотрите на дело его рук, на его Котлованы и Чевенгуры. Мы еще пять веков будем разделявать то, что он сделал.

По сути, большевизм — это голая воля к власти, а там начхать и на Маркса, и на коммунизм. Всё это — суперфляй (нормы, каноны, официоз). Так говорит герой романа Нарокова «Мнимые числа», и, похоже, он прав. Безусловно, в Ленине было что-то от сверхчеловека. И в Гитлере тоже. И в Сталине. Сверхчеловек не обязательно добр и не обязательно из Ницше (ницшеанцы благородны). Ленин мой враг, но я знаю ему цену. Я не жалею, что прочитана полное собрание его сочинений. Я многому у него научилась. ДС — это партия либеральных, западнически ориентированных, благородных большевиков-антикоммунистов. Когда я сжигала публично осенью 1990 года красные знамена, я знала, что делаю и что мне за это будет. И я делала это с упоением.

Мы должны уничтожить их святыни. И последнюю — Мавзолей. И выковырять их урны из стен Кремля. И сбить их звезды. Боюсь, мы не сможем похоронить Ленина на Волковом кладбище. Там снова возникнет святилище, это слишком опасно. Его сторонники должны знать, что их мир

рухнул, что шансов больше нет, что они побеждены. Поэтому ДС снова станет пикетом у Мавзолея. И чтобы больше было оскорбление, с лозунгами: «Коммунисты, портянки и покойников сушите дома» и «Коммунисты, просьба свои кости забирать с собой». Нам надо продать эту мумию за хорошие деньги, за валюту на аукционе. За кордон. На Запад. Не Корею и не Китаю. И урны из стены — туда же. На вырученные деньги снести все оставшиеся Его памятники. Звезды тоже можно продать. На эти деньги украсить башни двуглавыми орлами. На выручку от урн переименовать улицы: Ленинский проспект, «Марксистская» станция метро и т.д. На бирже западных ценностей Ленин займет почетное место раритета. Его будут показывать за деньги, как этрусскую вазу. Им будут гордиться. Ему будет хорошо. Троцкисты даже принесут цветочков. Гранитные глыбы Мавзолея (если никто не купит на корню) сбросим в Тихий океан. Чтобы не достали. И только тогда рухнет их царство, ибо его символы нельзя будет восстановить. Но это не по плечу нынешней трусливой власти. «И перед властью — презренные рабы». Как там у классиков? Пока на Красной площади стоит Мавзолей, Борис Ельцин не вышел до конца из КПСС. Партбилеты не сгорают, пока мавзолей не разрушены.

ЖЕЛТАЯ ГВАРДИЯ, СИНИЙ ВАРОН

«Столица», №24 (126), июнь

Когда весной в Крыму расцветает миндаль, умные и дельные люди готовятся к золотому курортному сезону, стелют на кровати свежее белье, сколачивают лишние коттеджики, а также зарывают в теплую землю виноградные косточки и помидорную рассаду. Глупые же бездельники принимают Конституцию 1992 года, умильно посматривают на никому не нужные калоши Черноморского флота и думают о том, как бы присоединиться к России. Давно замечено, что дураки склонны к решению глобальных проблем при полной неспособности возделывать хотя бы свой сад или огород.

Национал-пассионарии — это флоральная культура, которая в изобилии выращивается в российских патриотических теплицах и затем доставляется на базары СНГ,

Балтии, Курильских островов, а также на политические биржи цивилизованного мира в порядке маленького гуманитарного шантажа: «Не будете нас кормить и пускать на ваши дискотеки — отдадим Жириновскому».

Итак, горячие головы с острова Крым, видно не читавшие никогда Аксенова (а то бы они не торопились в Россию!), хотят жить как все люди: занять свою горячую точку. Понятное желание (дураки, как правило, очень храбры и действуют по формуле: «Ни кола ни двора, зипун — весь пожиток, эх, живи не тужи, помрешь — не убыток»). Лучше бы, конечно, пойти на пляж. Но дурак не может спокойно лежать на украинском песке, ему надо, чтобы он был российский, а еще лучше — советский.

А опытные костровые из Москвы, которые уже два года этот костер раздувают, воспряли духом, как старая водовозная кляча при звуке боевой трубы, когда она вспоминает свою буденновскую молодость. Очень хочется взять Перекоп еще разочек. Вот будет номер, если Сиваш не замерзнет!

Желтые и голубые цвета начинают дурно влиять на российское зрение. Над ними издеваются на всех политических панелях. Слагается всеобщая песенка, шлягер этого лета:

Желтая гвардия, синий барон
Снова готовят нам страшный урон.
Но от тайги до британских морей
Красная армия всех сильней!

За право поднять этот желто-голубой флаг, этот «жовто-блакитный», пролито очень много красной крови. И не махновцами, не красноармейцами, а приличными людьми, которые убивали не первыми, но первыми умирали. Я беру в руки Крым, как букет, топорщащийся кипарисами, шелестящий олеандрами, вместе с его миндалем, черешнями, магнолиями, розами и виноградом, и кладу его на могилы героически погибших в неравной схватке с моими соотечественниками бойцов ОУНа, великого поэта Василя Стуса, умерщвленного в нашем концлагере, диссидента Олексы Тихого, убитого рукой нашего гэбэшника Степана Бандеры. Я ничего не должна Кравчуку. Но Левко Лукьяненко провел год в камере смертников, а Вячеслава Чорновила водили в сибирских лагерях босиком по снегу,

и Степан Хмара не так давно покинул Лукьяновскую тюрьму, и братья Горынь всё оттуда же, из нашего ГУЛАГа. Я дарю им весь Черноморский флот, от миноносцев и эсминцев до последней посуды. Пусть катаются. Артур Кларк, купаясь на Цейлоне, и не думал присоединять его к США. Грэм Грин, проживая на Лазурном берегу, не пытался унести этот берег в кармане. Мне очень нравится Крым, и его синее море тоже первый сорт, но почему я должна водружать трехцветный флаг на песчаной дюне?

Дуракам и жадинам нельзя давать гражданские права. Если россиянин думает не о том, как бы поднять из руин уже имеющиеся у России территории, а о том, как бы отхватить те земли, которые ей принадлежали в XVII веке, или как бы защитить ее интересы в Таджикистане и Грузии; если он думает не о том, как бы купить себе «тойоту», а как бы никому не уступить Черноморский флот, если, сидя над разбитым корытом, он утверждает, что это разбитое корыто и есть великая держава, то он недееспособен и на выборы ему ходить противопоказано. Однако имперская мутация пожирает даже тех, кто, казалось бы, всегда был нормальным человеком и имел к этому делу иммунитет. Антисоветский НТС поджигает в Крыму хворост, рассылая вполне «заглотные» листовки с призывом бороться за Крым против украинских «самостийников». Галина Старовойтова рассуждает о том, что Крымом могут управлять и Россия, и Украина одновременно, и жалеет о пропавших восточных (Донбасс) российских землях. Великий Солженицын, забывший, видно, об украинцах-западэнцах, товарищах по ГУЛАГу, скорбит о распадении славянских земель и опять-таки считает «нашими» восток и юг Украины. Древнее безумие заразительно, и Россия, с которой в 1917 году сияли голову, жалеет то о шпильках, то о косичке. Кстати, наши предки некогда жили на Дунае, в X веке ходили с успехом и на Константинополь. Не потребовать ли?

Украинцы и финны, кстати, могут предъявить встречный иск. Украина вправе, по нашей же логике, потребовать себе обратно Владимир, Суздаль, Ростов Великий как основанные ею десять веков назад колонии. Финны могут смело претендовать на Северо-Запад (там жили их племена) и даже на столицу, а может, и на обе: Петр основал Петербург на финских землях, а по одной из версий слово

Москва — финно-угорской этимологии. Прав был Воланд, утверждая, что квартирный вопрос сильно испортил москвичей. Только мы да еще троглодиты в конце XX века выясняют, кто где должен жить согласно прописке тысячелетней давности. В Европе после горького опыта Второй мировой нашлись умные люди, которые сказали: «Раз, два, три — все фигуры на месте замри!» И сразу прекратились раскопки на тему «кому должны принадлежать Рур, Рейнская область, Эльзас и Лотарингия».

Единственный способ удержать наших «енералов» от войны — это вообще не ходить в армию. Ни ногой. Уклоняясь от призыва, россияне исполняют свой патриотический долг.

Что же до исторических прав на Крым из-за тамошних древних славянских корней, то боюсь, что в случае проведения конкурса полуостров придется отдать Греции. Пантикапей, Ольвия, Херсонес — куда уж до нее всем прочим! Остаются места боевой славы. С ними дело обстоит еще проще. Во-первых, мы вроде бы Крымскую войну 1856 года проиграли. Во-вторых, еще Поль Верлен советовал: «Хребет риторике сверни». Незачем выкапывать из древних курганов заржавевшие копья и позеленевшие щиты и мечи. От танков и крылатых ракет проходу нет. А потом, если Суворов переходил через Альпы (кстати, непонятно, что он там забыл), а Александр I брал Париж, то означает ли это, что и Альпы, и Париж принадлежат России?

Словом, начнись сейчас вторая Крымская война, я буду денно и нощно желать поражения своему империалистическому Отечеству. Если мы проиграем вторую войну так же, как проиграли первую, может быть, реформы возобновятся...

ПОВЕДИТЕЛЬ НЕ ПОЛУЧАЕТ НИЧЕГО

Журнал «Огонек», № 46–47, ноябрь

16 сентября умер от лейкоза Владимир Гершуни, один из старейших наших диссидентов, чья война с режимом началась еще в 1948 году и закончилась только в 1987-м, когда его, полуживого, выпустили из психиатрической спецтюрьмы.

Торжествующая демократия ничем не побаловала его, кроме медали за защиту Белого дома образца 1991 года: ни цветами, ни прибавкой к жалкой пенсии, ни путевкой в южный санаторий, ни телеэфирами, ни депутатством, ни благодарностью современников, ни некрологом, ни соболезнованием президента, ни даже трехцветным флагом на гроб.

Нет, все-таки эти чертовы большевики умели увековечивать «своих»: мавзолеи, урны в Кремлевской стене, памятники, мемориальные доски, переименованные города, улицы, площади, станции метро... Устраивались с размахом, на века. А мы что-то скромненько стоим на краешке стула под рубиновыми звездами, словно ждем, что сейчас нам скажут: «С вещами на выход!» Новый сюжет для картины передвижников: демократы на вокзале.

Володя Гершуни ничего и не ждал, не лез в кадр, в отличие от многих из нас, грешных. Однако тот режим его ценил по заслугам, да и сам Володя вовсе не был благостным правозащитником, молившимся за врагов своих. Он был жестким, ироничным, агрессивным, колючим, хотя и очень добрым. Вернее, благородным. Он умел ненавидеть, и предвидеть он тоже умел. Он раньше всех нас понял, еще в сентябре 1991 года, что коммунистам нельзя мирволить, что их надо сажать, иначе всё плохо кончится. В нем текла кровь неукротимых экстремистов, эсеров савинковского толка. Знаменитый террорист Гершуни был его родственником. Мало кто в 1948 году рисковал распространять антисталинские листовки, а его группа рискнула и заработала по 10 лет. Он успел посидеть в лагере с Солженицыным и придумать для «Архипелага» термин «истребительно-трудовые лагеря». Кстати, нынешние метаморфозы Солженицына он тоже предсказал. Он ждал Солженицына с ужасом, он был уверен, что тот окажется в стане врагов и начнет топить нашу хилую демократию.

В начале семидесятых он попадает года на три в спецпсихбольницу, теряет зубы и здоровье. Его сажают в дни Олимпиады, дабы не омрачал спортивные состязания. Из-за той Олимпиады 80 года диссиденты, надо думать, возненавидели спорт на всю жизнь. Он имел право бежать из страны. Бежали многие, кому досталось меньше. Он остался. И в 1982 году наступает развязка. Его берут за свободный профсоюз (дело СМОТа) вместе с Валерием Сендеровым.

И не только за СМОТ. За то, что он еще жив, за то, что не потерял рассудок, за то, что не сдался. Его не щадят (на Западе он «не котируется»).

В 1965 году на Пушкинской площади, во время той первой демонстрации 5 декабря, которая повторялась потом ежегодно, сначала 5-го, потом 10-го, в День прав человека аж до 1991 года, он произнес, имея в виду Лубянку: «Ваш театр прогорел, мы присутствовали на последнем спектакле». Это был, конечно, излишний оптимизм. Сей режиссер поставил и поставит еще много спектаклей. Пьесу из репертуара театра абсурда с Жириновским в главной роли. Крутой боевик с баркашовцами. Танец маленьких лебедей для членов ГКЧП. Батальные сцены с октябрьскими путчистами. Детектив со страшной смертью Димы Холодова. Театр по-прежнему находится на Лубянской площади; правда, он лишился своей квадриги, которую ему заменял Железный Феликс. Но до запасников, чай, недалеко, а пьедестал сохранился. Главное, труппа в полном сборе. Меняются режиссеры (Бакатин, Баранников, Степашин), но удивительно стабилен репертуар.

Володя вернулся с того света не только живым, но и деятельным. Его интуиция помогала ему безошибочно прокладывать курс в бурном политическом море. Он никогда не защищал права «угнетенных» красно-коричневых, не нес ерунды насчет того, что без коммунизма и фашизма не будет плюрализма, не шарахался от Запада и вестернизации, как Леонид Бородин, не разрабатывал концепцию «нашизма», как Шафаревич, не увлекался имперскими идеями, как Александр Зиновьев и Игорь Огурцов, не сокрушался по поводу убиенных 4 октября боевиков, как Андрей Синявский с Владимиром Максимовым. Он радостно принимал и рынок, и либерализацию цен, и власть денег, и приватизацию, хотя был беднее церковной мыши. Он не говорил глупостей о «страждущем от безмозглой гайдаровской реформы народе», как его союзник великий Солженицын. Он не водил компанию с левыми, как многие мемориальцы. Ему было больше шестидесяти лет, но он не казался ходячим анахронизмом, живым диссидентским ископаемым. В больницу попал, когда уже не мог ходить. А раньше к врачам его можно было привести только под конвоем. О том, что у него лейкоз, узнал за несколько

дней до смерти. Он считал, что обязан помогать президентской власти, но делал это, как все мы: с гадливостью. А ведь он мог пригодиться этой самой власти в деле политического очищения страны: десоветизации, декоммунизации... Если бы, конечно, власть хотя бы из инстинкта самосохранения решила таковой санацией заняться.

Володя писал прекрасные статьи и тщетно носил их по редакциям. Их не печатали: они были недостаточно забавны и развлекательны, в них слишком много было старомодной чести и чистой совести. Так что ни гиеной пера, ни шакалом ротационных машин Гершуни не стал. С 1991 года мы живем по законам паблисити: заворачиваем свою истину в толстый слой шоколада, добавляем кокос, всовываем в яркий фантик. Володя так не умел. Он не хотел в депутаты, не создавал политических партий и не умел понравиться репортерам и телевизионщикам. Мы, немногие диссиденты, попавшие в «обойму», в депутаты, во власть, в СМИ, согласились играть роль рыжих, коверных, гаеров. Нас оценили, нашли забавными, нам поаплодировали. Володя этому не хотел учиться. Мы его дружно обокрали. Коммунисты искалечили ему всю жизнь, гэбисты его истязали. Запад не заметил, а мы, более везучие диссиденты и демократы, получили за него его долю букетов, славы и восхищения. Как Солженицын за Шаламова, который тоже не получил ничего, кроме койки в жалком приюте.

Меня с самого Августа не оставляет ощущение, что я у некоей кассы получаю на руки то, что по ведомости причиталось Юрию Галанскову, Анатолию Марченко, Илье Габаю, Володе Гершуни. Это их должны были узнавать на улицах и благодарить, им по праву принадлежали софиты, микрофоны, газетные полосы. И эту невольную кражу нельзя остановить. Лучшие оставили свою долю жизненных благ тем, кто выжил, потому что был хуже и слабее их.

Да, диссиденты несоциалистической ориентации не могли свалить коммунизм. Их было слишком мало. Но дырку в железном занавесе они проделали — искололи себе руки о ржавую проволоку, истекли кровью. Они помогли не совсем еще заплесневевшим начальничкам из ЦК, обкомов и райкомов поделить собственность и ликвидировать идеологию социализма. Они помогли циникам.

Но цинизм в любом случае лучше идиотизма. Такие, как Володя Гершуни, обосновывали перестройку за 30 лет до ее начала. Потом на эту реденькую канву из самиздата, допросов, этапов, пыток и лагерей, передач по «Свободе» и смертельно опасных звонков западным коррам наложились искусные вышивки «Огонька», Тенгиза Абуладзе, хлынувших рекой публикаций в «Новом мире», «Знамени», «Дружбе народов».

Единственно, кому должны что-то сегодняшние владельцы «заводов, газет, пароходов», — это Владимиру Гершуни и людям из его карасса. Он был ветераном войны, служил в разведке, воевал в тылу врага... Всю жизнь.

В России, державе жестокой и недоброй, вопреки ее дурной репутации доброй, великодушной и духовной страны, совершенно разрушено то, что по Евангелию доступно даже мытарям и фарисеям: умение платить добром за добро. Я уж не говорю о христианской добродетели, о том, чтобы воздавать добром за зло. У нас если такое и происходит, то не от праведности, а из трусости. Неужели президент раздавал денежки и квартиры в частную собственность своим врагам-депутатам ВС, сидевшим в Белом доме до последнего, из христианских соображений? Лучше бы он отплатил добром Владимиру Гершуни и таким, как он. Например, старой правозащитнице Мальве Ланде дал бы квартиру взамен той, которую сожгли когда-то гэбисты, диссидентку же в поджоге и обвинив, чтобы было за что судить. Не дадут. Как и семье Анатолия Марченко не построят дом на их деревенском участке, возведенный руками погибшего в тюрьме героя и разрушенный советской властью уже после его ареста по чистой злобе. Не будет компенсации тем, кто вышел из спецтюрем и лагерей инвалидами. Тут вам не Франция, где героям Сопротивления вручали орден Почетного легиона. Мы умели только воздавать злом за зло и добро.

Вы скажете: многие реабилитированы. Что ж, поговорим и об этом. Легко было реабилитировать первую сталинскую плеяду политэзков. Была моральная и правовая база. Вернее, аморальная. КПСС вышла сухой из воды. Выбрали козлов отпущения из мертвых (Сталин, Ежов, Ягода) и лишних (Берия и кое-кто из подручных). Из общей здоровой идеи коммунизма вырезали червячка «извращений ленинской линии» и «культы личности». Стали есть яблоко

дальше и похваливать. Благо очень многие бывшие зэки, даже Евгения Гинзбург сломя голову побежали восстанавливаться в партии. Таким фанатикам, как Алдан-Семенов, реабилитация была в самый раз... Она давала возможность вернуться в родной партийный коллектив. А вот Валерий Саблин чуть попозже со своим новым броненосцем «Потемкиным» до сих пор не реабилитирован. Как нас реабилитировать, если мы нарушали советские законы, а Саблин так даже поднял бунт на военном судне? Здесь одно из двух: или назвать советские законы и коммунистическую идеологию преступными, или и дальше делать вид, что тоталитаризм плавно эволюционирует в демократию на основе политической, экономической и правовой преемственности. Так у нас всё пока и идет.

В один прелестный вечер один из самых стойких диссидентов, Кирилл Попов, получивший уже перед перестройкой 6 лет лагерей и 5 лет ссылки — за правозащитный бюллетень «В», за «агитацию и пропаганду», за то, что отказался каяться на суде, — в булочной на Сретенке встретил своего бывшего следователя, Владимира Павловича Попова. Однофамилец тонко улыбнулся и дал понять, что работает там же, в московском ГБ (ФСК), и что такие, как он, без работы никогда не сидели. Я удивляюсь, что он еще не сказал: «А за вами должок, дорогой Кирилл. Не всё отсидели, ссылку не отбыли, да еще проценты за перестройку выросли». Какая же работа нашлась на Лубянке для гестаповца, специализировавшегося на политических делах, палача, отправившего Володю Гершуни даже не в лагерь, а в пыточный застенок спецтюрьмы пожизненно (не мог же Попов знать, что перестройка начнется)?

Восстановим послужной список гэбиста хотя бы последнего десятилетия (до начала гласности и либерализации).

Дело Кувакина — Гривниной — Сереброва. Кувакину и Гривниной — ссылка, Сереброву — и лагерь, и ссылка. СМОТ. Дело Валерия Сендерова (7 лет лагерей и 5 лет ссылки) и Владимира Гершуни. Дело Кирилла Попова...

В одной группе со следователем Поповым работали Владимир Евгеньевич Гладков (перестройку он начинал в чине майора) и их шеф Валерий Мелехин. Двух последних я знаю лично. Они меня допрашивали на Лубянке и в Лефортове после моего собственного ареста в 1986 году. Даже неудобно, сколько я им должна. Я и вовсе ничего не

отсидела: перестройка началась. Не завидую тем, кто завтра попадет в руки В.П.Попова и его коллег.

Володя Гершуни для них теперь недосыгаем.

Долг придется списать по графе «убытки». Он должен был умереть под пытками в орловском застенке, а вместо этого умер свободным. А туда, где Володя теперь, даже Лубянка не сможет послать группу захвата с ордером на арест.

У читателя может создаться впечатление, что я желаю мести. Впечатление правильное. Я ее действительно хочу. Если за буквальное следование советским законам гэбистам хватило бы люстраций и увольнений, то за пыточные методы типа спецтюрьмы, за смерть людей в их застенках уже полагается тюремное заключение. Ведь пытать и убивать — этого даже закон, кажется, не требовал? И здесь нет «синдрома Монте-Кристо», это не глубоко личные разборки бывших диссидентов с их бывшими палачами. Это касается не только бывших клиентов Лубянки, но и будущих, потому что она не потухший, а действующий вулкан.

Активный саботаж реформ, проводимый Лубянкой, не так опасен, как скрытый саботаж, который проявляется в абсолютном нежелании хоть что-нибудь сделать для защиты того строя, который запечатлен в нынешней Конституции. Та часть КГБ, которая планировала ГКЧП, ярко проявила собственную бездарность. Октябрь-93 был спланирован гораздо изящнее, без растерянных солдатиков, сморкающихся и.о. президента и неожиданно захворавшего главы государства. Авторы проектов, надо думать, разные. Профессионалы, планировавшие октябрьский путч, имеют в своих колбах много гомункулусов. Думаю, Баркашов и Жириновский — их фирменные блюда, не считая господина Стерлигова, который даже не позаботился содрать с себя марку изготовителя. Я узнаю почерк этих «большелобых тихих химиков» в убийстве Дмитрия Холодова. Небольшой запас взрывчатки — и вот уже в ряду демократических изданий зияет брешь, обезумевший от горя МК печатает тексты прямо-таки из газеты «Завтра» насчет «Паши-мерседеса» и сервирует заплесневевшие откровения Болдырева. Конечно, я не хочу сказать, что в этом принимал участие сам господин Степашин или что этот вопрос решался в ФСК на коллегии. Но ведь и ГКЧП, и октябрь, и давний взрыв в метро, якобы произведенный армянскими террористами, тоже наверняка в плане работы не стояли и в приказах по ведомству не значились.

Охранное отделение умеет делать только одно — охранять ту власть, которая ему платит. Но сегодня, когда есть и Конституция, и уйма статей УК для Баркашова, Анпилова и К°, это деятельное ведомство, которое так ретиво хватало и сажало диссидентов при прежней власти и каждую книжечку конфисковывало отдельно, сохраняет удивительное хладнокровие. Попытки чекистов сослаться на нежелание участвовать в политических репрессиях не более убедительны, чем попытки старой уличной проститутки доказать, что она никогда не целовалась с мальчиками. В ФСК работают умные люди, и они-то, бравшие беззащитных диссидентов, не могут считать неопасными боевиков Баркашова, устраивающих нацистские шабаши на предвыборных собраниях. Где дела по ст. 70, 72, 74? С нами у них конвейер работал, а здесь сразу заело? Открытый, наглый, вызывающий саботаж. Они же прекрасно понимают, что, если сегодня выходит газета «Завтра», завтра не выйдет газета «Сегодня». Этого и хотят.

Работать они умеют. По себе знаю. Что же В.П.Попов, Б.Мелехин и В.Е.Гладков не применяют свои профессиональные навыки? Мы сами виноваты. Мы не убедили их в том, что наша власть останется. Лубянку нужно было брать штурмом 22 августа или 4 октября. Тогда они поверили бы и стали работать на президента.

Поэтому я и мечтаю о мести. Только тогда лубянский бронепоезд потушит свои адские топки, топки третьего путча. И начнет бороться с сегодняшними экстремистами, а не думать о возвращении в камеры вчерашних. Это единственное, что мы можем еще сделать для Владимира Гершуни и его погибших товарищей. А то как бы не получилось по Хемингуэю, где победители и впрямь не получают ничего. Ни лавров, ни оркестров, ни орденов, ни покоя, ни мира. Ни даже самой победы.

«МОЕ КРЕДО — БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

«Вечерний клуб», № 261–262, 19 ноября

— Как жизнь, Валерия Ильинична? Прости этот банальный вопрос, но мы с тобой так давно не виделись со времен совместной работы в еженедельнике «Хозяин», что в пору заново знакомиться.

— Жизнь бьет ключом и всё по темечку.

— **Чтобы тебя, с твоей бешеной сопротивляемостью этой жизни, и «по темечку»? Понимаю, в недавнем прошлом, когда ты по стародавней привычке коротала время в милиции, в КГБ, в КПЗ, в Лефортове... Но сейчас ты попадаешь разве что в списки «главных политиков» России.**

— А у нас антракт. В антракте политики могут попить газировки. Поскольку эти политики решительно ничего не сделали и не делают, чтобы этот антракт застолбить навечно, то никому не известно, когда прозвенит колокольчик к следующему действию и придется идти на сцену или в зрительный зал. И кто не пожелает пойти сам, того поведут в наручниках. Надеюсь, что я отношусь не к политикам, а к нормальным людям, поскольку называться нынче российским политиком — все равно что заявить, что сбежал из сумасшедшего дома. В качестве нормального человека понимаю, что есть средство обеспечить для всех нас хотя бы антракт. Но поскольку глас вопиющего звучит в пустыне бесконечно, пока рот не закроет песчаная буря, и никто не слышит и не внемлет, остается как нормальному человеку продолжать вопить.

— **Что такое «антракт»? Что-то вроде безвременья?**

— Антракт — это окно, маленькая такая разрядка между двумя красными царствами. Впрочем, второе может быть и коричневым. Пока политики вешают друг другу лапшу на уши, делая вид, что управляют Россией, по всем городам и весям мечутся красные и коричневые толпы, Жириновский разъезжает по просторам нашей «социалистической Родины» и всем обещает добротный казарменный социализм, понятный и приятный толпе люмпенов, из которых в основном и состоит советский народ, что в Иркутске, что в Магадане.

— **А что насчет твоих слабостей? Слабости «железной леди» грядущей либеральной революции — очень любопытно!**

— Слабостей у меня много.

— **Не расскажешь по секрету для всеобщего сведения?**

— Ну, например, во время «антракта» со мной приключилась небольшая катастрофа: я полюбила жизнь. Раньше всё было ясно: я должна была умереть. Теперь это не значит, что я стала бессмертной, но отныне сделать это будет чуть-чуть жалко. Раньше никаких вариантов не существовало.

Жизнь была настолько невыносимой, что умирать казалось легко и приятно. Все равно не было возможности для достойного человеческого существования. Но после 1991 года мы все расслабились, куда-то повадились; кто за хорошими книгами, кто за хорошими фильмами, кто на пляжи, кто за тихими семейными радостями. Пироги печь научились.

— **И ты научилась печь пироги?**

— Нет, печь не научилась. Покупаю в Столешниковом.

— **Да, твоей основной «слабостью» всегда был бисквитный торт с кремом, шоколадные батончики. И любимый кот. Как бишь его зовут?**

— Стасик...

— **Мне почему-то все время хотелось назвать его Мурзиком.**

— Упаси Бог! Мурзик — слишком банально. Аристократический Стасик, похожий на булочку с маком. Список можно еще расширить: фильмы, книги, спектакли, озеро, в котором я плаваю до посинения, и Марк Захаров, и Андрей Тарковский...

— **Они тоже слабость?**

— Слабость. И еще туфли, хорошая одежда, французские духи...

— **И все-таки тебя все считают прежде всего политиком. Правда, журналисты чаще обращаются за политическими прогнозами к Явлинскому, Жириновскому, Гайдари, Филатову...**

— Я же не виновата, что у нас такие трусливые журналисты. Встряхивают усами, садятся на задние лапки, как мой Стасик; предпочитают не слушать того, кто говорит им нелицеприятное, правдивое, лишенное пиетета к кому бы то ни было. А сами политики боятся говорить правду. Если политик скажет своим избирателям правду, они же за него не проголосуют! Если он скажет правду коллегам, они создадут ему невыносимую жизнь. Если он скажет правду тем, кто выше него, его прогонят к чертям собачьим и лишат права называться российским политиком. Если он скажет правду журналистам, они перестанут брать у него интервью, он прослышет склочным существом, что опять-таки скажется на его рейтинге у избирателей. Пока у человека такие мотивы, у него нет оснований говорить правду.

— **А тебе что, плевать и на избирателей? Плевать, как они проголосуют: за Гайдара, за Жириновского или за Баркашова?**

— Мне плевать на то, что они обо мне подумают и скажут. На их самолюбие и на и комплексы.

— **Но ведь ты хочешь, чтобы за тобой пошли, восприняли те ценности, которые ты проповедуешь?**

— Хочу, но это не значит, что мы будем подслащивать пилюли, прятать булавки в булочки с изюмом. Пусть учатся глотать булавки без изюма! Правда должна был высказана резко и откровенно. Ее не надо смягчать. Почему мы, например, смягчаем правду о вековой участи российского народа? Некоторые политики и журналисты признают, что у нас страна непуганых идиотов, отсталая, варварская, неспособная к самосовершенствованию. Но чтобы на них не обиделись избиратели и читатели, они тут же добавляют, что у России великая судьба, что она обладает неслыханной духовностью, что умом Россию не понять и что мы займем выдающееся место в истории XXI века. После этого избиратели могут ни о чем не беспокоиться: раз им обеспечено величие, зачем пытаться изменить свою природу, ломать ее и насиловать?

— **Ты считаешь, что у России вообще нет своей судьбы?**

— У России та судьба, которую она заслуживает. Она ничего не сделала для того, чтобы обеспечить себе другую судьбу. Из-под российской судьбы нужно выбираться, как из-под завалов, а не воспевать ее величие. Россия должна изменить национальный менталитет, систему ценностей, стереотипы, реально смотреть на себя и на весь мир. Убрать весь тот туман, который мы сами на себя напустили.

— **А как ты относишься к президенту? Помнится, было время, когда ты его не особенно жаловала.**

— Я никогда не испытывала особого оптимизма по поводу его нахождения у власти. Просто мирилась с тем, что мы имеем, поскольку ничего лучшего не светило. Поначалу я верила, что народ и без бывших секретарей обкомов сумеет сделать буржуазную революцию. Но когда к 1992 году выяснилось, что никто никакой буржуазной революции делать не рвется, а Ельцин — лучшее, что этому самому народу суждено, то я поняла: если мы не поддержим Ельцина, который хотя бы слабо «барахтается», то для страны всё будет кончено. Ну а после в нем что-то разладилось. С чем это связано, я не знаю и знать не хочу. Но Президент такой огромной страны обязан держать себя в руках; он не может

позволить себе никакой слабости. Даже если у него «мальчики кровавые в глазах» у стен Белого дома. Не может раскисать.

— **Значит, ты не в оппозиции президенту?**

— Сегодня оппозиция Ельцину — nepозволительная роскошь. Оппозиция возможна там, где решается судьба министерских кресел, а здесь не кресла делятся, а эшафоты... Кругом и так одна оппозиция: анпиловская, зюгановская, баркашовская! На какой льдине, поджав одну ногу, будет стоять, как аист, наша «демократическая оппозиция»? Мы, которые в планах демократизации, капитализации и декоммунизации страны идем гораздо дальше Ельцина, всё же обязаны защищать его, сохраняя ему власть и жизнь. Но мы вовсе не обязаны рукоплескать всем тем глупостям, которые он вытворяет. Мы обязаны говорить правду. Но при этом всем, кто захочет его сбросить (даже используя те же самые аргументы), нужно иметь в виду, что на нашу поддержку они могут не рассчитывать...

— **Кто, с твоей точки зрения, сегодня представляет собой настоящую политическую фигуру, способную к решительным и благоприятным для России действиям?**

— У нас сразу два претендента на президентскую власть: Егор Гайдар и Константин Боровой. Безусловные западники, безусловные реформаторы, люди, преданные идее и при этом глубоко порядочные. Это роскошные варианты! Вот только как они туда, в Кремль, попадут?

— **Как показали последние «частичные» выборы, некоторые люди достаточно просто попадают на российский политический Олимп. Вот и в Думе еще один депутат — Мавроди. Кстати, легко «обыграл» Борового.**

— Россия, как всегда, с упоением голосует за самозванцев, за проходимцев. То, что Мавроди наживает деньги на глупости пайщиков МММ, меня не смущает — это их дело. Меня пугают его политические заявления. Это заявление популиста и демагога национал-патриотического толка. Господин Мавроди готов при случае блокироваться с кем угодно: с коммунистами, с фашистами, но ведь он потащит за собой всю свою «массовку»! Наши обыватели в очередной раз выбрали не качество, не интеллект и даже не «полезность» (Боровой в этих самых Мытищах создал десять тысяч рабочих мест, но народу, видимо, нужны не рабочие места, а дармовые подачки).

— **Твой прогноз на выборы, которые все-таки должны состояться через год-полтора?**

— Эти самые выборы можно считать заранее проигранными. Нужно искать нетрадиционные методы разрешения сегодняшней ситуации. Нужны запреты на коммунистическую и фашистскую деятельность, ограничение опасных тенденций. Если мы будем рассчитывать на здравый смысл людей (его у них нет), на инстинкт самосохранения (он, по-видимому, полностью атрофирован), на их добрую волю (которой тоже нет), то страна пропала.

— **Коротко: твое кредо?**

— Буржуазная революция.

— **Но это же средство!**

— Да. А цель — построение капитализма штатовского образца, даже более крутого. Это крайняя модель либерализма, без социал-демократических вкраплений. Предельная свобода для экономических и политических потенций человека. Борьба с коммунистическими, социалистическими и фашистскими проявлениями. Достаточно великая цель. Что касается экономической структуры общества, то чем мы будем дальше от «социально ориентированного» рынка и ближе к крайне правому спектру экономики, тем лучше.

— **Есть в жизни вещи, которые загоняют тебя в тупик?**

— Когда люди видят в тебе что-то вроде заморского страуса из стихотворения Маяковского, в которого тычут пальчиком детишки и спрашивают: «Мама, мама, несет ли он яйца?..» Когда просят автограф, я испытываю чувство полнейшей безнадежности. Я же не Алла Пугачева. Мне — и давать кому-либо автографы? Противоестественно!

— **А ругань противников?**

— Реакция врагов — рабочая реакция. Если у них закипают слюни, это означает, моя стрела попала в цель. Очень приятно!

Беседовал Юрий Гуллер

РОССИЯ ЮРСКОГО ПЕРИОДА

Журнал «Бизнес-Класс», № 4, ноябрь

Джон Хаммонд, эксцентричный миллионер, решивший заработать на разведении динозавров, самый занятный персонаж фильма Стивена Спилберга «Парк Юрского периода», безусловно, заслужил обвинения в безответственности

и пижонстве. Но он всё же предусмотрел для туристов электронную защиту, пропустил через десятиметровую ограду электрический ток и не настаивал на том, чтобы посетители его парка постоянно жили на острове и воспитывали там детей. И если бы не гроза с бурей и не вороватый электронщик, всё могло бы обойтись.

Но что бы вы сказали об экспериментаторе, который разводил бы динозавров прямо в городе и без всякой электронной защиты, изгороди, охраны, предоставляя своим зверушкам самим добывать себе пропитание на улицах? А ведь именно такой эксперимент ставится в России. С той только разницей, что «старые русские», в отличие от тиранозавров, отнюдь не слепы, поэтому «новым русским» трудно будет спастись, сохраняя, как сегодня, полную неподвижность и полное молчание, а также влезая на деревья.

Неудивительно, что из-под могильной плиты программного и идеологического семидесятилетнего социализма вылезло довольно-таки убогое чучело, олицетворяющее Россию, «которую мы потеряли», положенную в 1917 году в склеп пролетарскими могильщиками. Причем дорогой покойник не смог сам даже воскреснуть, пороха не хватило: потомки могильщиков отвалили камень и возопили: «Изыди, Лазарь!» И Лазарь вышел в саване, сшитом из рядна на фабрике «Большевичка», и в белых тапочках марки «Скорород». Правда, вышел не весь. Кое-что ему черви за 70 лет загробной жизни успели отъесть.

Не надо связываться со славянофилами, от Говорухина до Солженицына, когда речь идет об анализе. Славянофилы годятся только на то, чтобы водить хоровод, фотографироваться на фоне сохи и возводить в ранг духовности такие национальные ценности, как нечесаность, немытость и отсутствие носового платка. Анализ, так же как и компьютер, так же как и цивилизация, дело западное. В 1917 году под гробовой камень легла не Америка и не Великобритания. Россия была ущербна еще до марксистов. И если по фотороботу воссоздать ее портрет, он будет весьма далек от пейзажей Левитана.

Итак, что мы имели до клинической смерти Октября № 1?

Гипертрофированное, холопское, механическое православию для низов и мистический декаданс для верхов, от спиритизма до теософства, такой же грубый, восторженный и слезливый, как первобытная вера крестьянина.

Соборность деревни и даже части бизнеса как боязнь личной ответственности и инициативы. Она очень легко перешла «в классовое сознание» «пролетариата» и «беднейшего крестьянства».

Культ бедности как добродетели, неодобрительное и подозрительное отношение к богатству, неприятие финансового капитала, отсутствие нормального для любого деятельного (и делового!) сообщества культа денег.

Праведность, воспринимаемая через призму бедности и часто безделья (старчество). Кто сомневается, пусть перечтет не «Женитьбу Фигаро», а «Матренин двор» Солженицына. Мыслей черных от этого у вас прибавится, но о национальных приоритетах вы будете знать всё.

Слабая, бездарная, робкая, негибкая власть, по-византийски уверенная в своей божественности, но без византийской жесткости, нужной для подавления мятежей, беспредметной любовью к народу пытающаяся скрыть отсутствие твердых понятий об истинном благе народном, при первом же шквале Февраля только и сумевшая отречься от своего долга и заплатившая за это жизнью; то же, в сущности, стремление уйти от мира и спастись в скиту. Однако все попытки спастись от России в скиту приводят в подвал Ипатьевского дома, к стенке, на дно шахты или на баржу, тонущую в студеное Белом море.

И еще имели мы представительную власть в лице первых четырех Дум, часть депутатов которой от санкюлотов воровала на рынке поросят или вывинчивала унитазы из здания парламента, часть откровенно занималась подрывной деятельностью, а оставшиеся депутаты от «сильных мира сего» тщетно пытались санкюлотов и якобинцев перекричать.

Еще какие были у нас достижения? Невероятное количество идейных голодранцев, воспетых Горьким, всех этих босяков, странников, юродивых и прочих люмпенов, уничтоживших потом гражданское общество.

Бедняки, не старавшиеся разбогатеть, которых социалисты уверили в их праве «экспроприировать экспроприаторов».

Толпы фанатиков разрушительной идеи равенства, стрелявших в царей, министров и губернаторов и умиравших на виселицах с героизмом скорпиона, вонзающего в себя собственный хвост после того, как он перекусал всех окружающих.

Толпы чеховских интеллигентов, вечно пребывающих в депрессии, не дорожащих своим благополучием и не способных ни охранять свое благосостояние, ни его приумножить; каждый второй из чеховских персонажей готов, как главный герой «Учителя словесности», бежать от достатка и полезного труда к черту на рога, подражая патрону всех «старых русских» Льву Толстому. Подобные искания и творческие муки кончаются в ГУЛАГе; вот уж там все занимательно и интересно и никакой мировой тоски!

И наконец, тогдашние «новые русские», предприниматели, банкиры, промышленники, уподобившиеся злым в своей беззащитности и в неумении заставить государство выполнять их волю и служить их интересам, своей избыточной благотворительностью испортившие народ и укрепившие в нем уверенность, что дыма не бывает без огня: раз столько жертвуют, значит, признают, что деньги украдены у народа. Вся благотворительность доброй и щедрой великой княгини Елизаветы Федоровны была вознаграждена тем, что ее заживо сбросили в шахту. Любая другая безудержная благотворительность, если у жертвователей не хватит верных войск или умелых жандармов, приведет туда же. Я уж не говорю о том, что богатые люди давали деньги бомбистам на динамит еще в 70-е годы XIX века, что артисты устраивали благотворительные концерты (Шаляпин в том числе), собирая средства для большевиков, а Савва Морозов был, наверное, не одинок в своих усилиях спилить сук, на котором он и прочие промышленники сидели. С таким контингентом большевикам приходиться к власти было легко и приятно.

За семьдесят лет вышеупомянутые комплексы, бездонной пропастью отрезавшие нас от Европы, засели еще глубже; их вбили по шляпку, как гвозди, и стали передавать по наследству. На уровне бессознательного, причем коллективного бессознательного, усвоена истина: «Собственность — это кража». Идея равенства в общем бараке стала еще более свирепой и агрессивной. В ушах звенит от какофонии воплей насчет «приХватизации», даже из уст Гавриила Попова. И сам Александр Николаевич Яковлев ни с того, ни с сего решил податься в социал-демократы. (На эту тему есть поговорка: «Ходила-ходила и стала ползать».) Вообще лозунг «назад в палеолит» приобретает у современных политиков большую популярность. Все социальные

и политические ценности прежней России, многократно усиленные социализмом, перечисленные выше, как раз и есть те самые координаты исторического палеолита, которые по законам всемирного тяготения и с их неумолимостью будут периодически приводить к наступлению большевистского ледникового периода и к прелестям военного коммунизма. Социалистическая психология и коммунистические идеалы «старых русских», которые с XVI до XX века молились не столько Иисусу Христу, сколько выдуманному ими языческому богу, симбиозу царя и генсека, на мотивчик «Мы полоумны во Христе», вырабатывают в обществе сильнейший гормон тоталитаризма, и рано или поздно количество переходит в качество.

И вот вам доказательство: в России Юрского периода, в силу своего невежества не понимающей, что демократия — это не орудие самоубийства, а механизм для самосовершенствования, люди умиляются тому, что динозавры проводят на лужайках митинги под лозунгами «Долой людей!». И весь крещеный мир радуется достижениям нашей демократии: в парламенте сидят динозавры, 2/3 как минимум, и зубами щелкают прямо в зале заседаний! (Ведь не в их же парламентах, а в нашем.) При таком количестве политического идиотизма как же ему не перейти в тоталитарное качество?

Самое ужасное, что, в отличие от Джона Хаммонда и его гостей-экспертов, с нашего острова нам не улететь на материк. При таком количестве термоядерного оружия в лапах у динозавров тотальная эвакуация за океан не спасет, хотя «новые русские», по-видимому, сумели бы занять достойное место и преуспеть на Западе. Слишком близко. Когда «старые русские» останутся одни, они не поколеблются уничтожить мир даже при условии собственной гибели.

Не забывайте, что кумиры нашей юности, именитые скорпионы Вера Засулич, Софья Перовская, Вера Фигнер, милейшие Желябов и Кибальчич, настолько жаждали не дать жить другим, что соглашались не жить сами. Так что термоядерная война — вполне во вкусе тех, кто в сентябре 1993 года засел в Белом доме или пришел к нему. Бежать нужно дальше. На Марс. Что весьма затруднительно. К тому же бежать стыдно. Отдавать Россию, такой лакомый кусочек? «Новые» англичане, «новые» голландцы, «новые» немцы когда-то, в XVII веке, не отдали своей Америки. Ни «старым»

англичанам, ни индейцам, ни мексиканцам. Великие силы, мощь разума и мощь духа, да и сила оружия обеспечили величие США. «Новым русским» не заказан этот путь. Но этот путь — для тех, кто сознает свою миссию и не остановится ни перед чем, чтобы завоевать себе свою новую Россию.

Сейчас попытка заниматься в России бизнесом, не ставя никому никаких условий, адекватна усердию баранов в нагуливании жира и шерсти для удовольствия пастухов и мясников на бойне. То, что происходит растаскивание государственной собственности, — величайшее благо. Частная собственность никогда не возникала с помощью механизмов социальной справедливости. Тот, кто умыкает предприятие для себя, порывая всякие связи с государством, вправе считать себя благодетелем страны. Россия — Клондайк, а «новые русские» — старатели, которые должны добыть свое золото из этой земли и обустроить ее, как обустроили золотоискатели свою часть Арктики.

На Клондайке комитеты золотоискателей могли делиться друг с другом мукой, ездовыми собаками и собачьим кормом, горсточкой бобов и куском лосятины, но золото не делилось поровну, золото каждый добывал для себя. Это нам и нужно сейчас. Оборонительный и наступательный союз индивидуалистов, конкистадоров, западников. Прежде чем возникнет правильно работающий, как вещь в себе, рынок, должны быть созданы предпосылки для классического бизнеса.

А бизнес базируется на нескольких математических заповедях, которые должны быть приняты (добровольно или под принуждением, как получится) для начала населением страны, а для конечной, гарантированной безопасности — и населением планеты. Вот они:

1. Равенство недостижимо, за исключением равенства перед судом.

2. Выравнивание состояний и доходов, или механизм социальной справедливости, есть механизм государственного рэкета бедных и глупых (которых больше) против сильных, богатых и умных (которых меньше). Разговоры о социальной защите или социальном рынке — это разговоры о грабеже, направленном против наиболее талантливей и жизнеспособной части общества.

3. Деньги — мерило всех вещей. Богатство — дело чести, дело доблести и подвиг славы.

4. Социальное неравенство вечно, с этим необходимо смириться.

5. Частная собственность священна, неприкосновенна и является фундаментом общества.

6. Каждый в этом мире должен сдать зачет: выплыть сам.

7. Рынок несправедлив к слабым, глупым и неловким.

8. Тем, кто не хочет или не может выплыть не в силу возраста или не влияющего на интеллект увечья, не надо помогать. Совершается естественный отбор.

Таковы жесткие правила для Юрского периода, для тех его обитателей, которые хотят шагнуть по ступеням эволюции вверх, а не вниз, к трилобитам. Потом кое-что можно будет смягчить. Но не скоро. Для России — очень не скоро. Может быть, никогда. Учитывая национальные комплексы, мифы и приоритеты.

Поэтому сегодня разговоры о социал-демократии для России — это разговоры о братской могиле. Все семеро придут с ложками, а один с сошкой убежит в США. Мы еще ничего не нажили, нам делить нечего. Поэтому у меня к «новым русским» вполне деловое предложение: возьмите Россию себе. Она просто валяется сейчас на дороге. Не проходите мимо. Заставьте свою Россию следовать своим 8 заповедям. Сейчас пропитанное, как ядом, социализмом государство враждебно вам. И не только раздваивающие налоги о том свидетельствуют. Налоги снимают с «новых русских» шерсть, но не сегодня-завтра толпам охлоса под красно-коричневым руководством понадобится ваше мясо. А государство выполняет волю этих толп, но отнюдь не вашу. Цивилизованный рынок невозможен до создания здесь хотя бы начерно новой, человеческой цивилизации. Ее почва и фундамент — новая легитимность. Опасен не тот преступник, который пытается украсть или отнять часть вашей собственности. Опасны те преступники, которые потрясают основы вашего мира, уверяя, что частной собственности быть не должно. А эти преступники не только бегают по улицам, но и сидят в Думе, в судах, в МВД, в ФСК, в прокуратуре, в Министерстве обороны. Государство станет вашим, когда будет объявлено со всех амвонов, что у нас — капиталистический строй и что те, кто призывает к его отмене («мирным гитлеровским» или насильственным большевистским путем), будут сидеть в тюрьме,

а те, кто посмеет снова брать с бою телевидение или мэрию, будут убиты на месте, если не сдадутся и не сложат оружие, дабы опять-таки проследовать в тюрьму. Коммунизм и фашизм в России должны быть запрещены на уровне партий, деятельности, газет, идеологии. У нас это не экзотика, как в США, а корни бытия, нутряная, органическая порча. Врожденный порок социальной жизни.

Мы должны научиться работать и наверстать упущенное за 8 веков безделья. Мы должны захотеть работать. «Новые русские» смогут хорошо накормить тех, кто будет работать на них, то есть на частный сектор. Им понадобится осваивать Север и Восток, строить автобаны и мосты. Этот фронт общественных работ не должен попасть в руки государства. В ваших руках он ликвидирует безработицу. Она останется только для тех, кто выбирает работу полегче и постоличнее, не умея ее делать. Я не вижу сегодня смысла для бизнеса не газпромовского происхождения поддерживать государство, враждебное ему, платить в казну налоги — без гарантий. Напротив, выдерните у государства подушку из-под головы. Растащите его на части и ликвидируйте государственный сектор. Колхозы и совхозы должны быть упразднены, нерентабельные предприятия и шахты — закрыты. Вам нужна профессиональная армия, которая будет защищать вашу власть — за хорошие деньги. Полиция, суд, государственный аппарат должны работать на «новых русских». Поделите Россию с братьями по разуму из Британии, Германии, США. Бизнес бизнесу глаз не выключает. Хватит на всех. Зато тамошние «акулы империализма» помогут вам защищаться от динозавров. Давайте деньги только на частные больницы, частные школы и частные университеты. Даваемое государству выбрасывается на ветер. Покупайте депутатов — они недороги, оптом и в розницу. Если сейчас «новые русские» не солидаризируются, их перебьют поодиночке. Ваше оружие — деньги, связи, интеллект. Заставьте здесь всех плясать под свою дудку.

А пока, на всякий случай, помня про хаос и мятеж 3 октября, позаботьтесь о том, чтобы вам и тем, кто работает у вас и на вас, было чем защищаться. Помните, что вы в России Юрского периода. Закон здесь — тайга, а прокурор — медведь. Вы среди динозавров, и, пока они живы, вам жизнь не гарантирована. Не полагайтесь на болтунов,

защищающих права динозавров. Вне палеонтологического музея у динозавров нет прав. У них есть одно право — на витрину, табличку и чучело. За вами идет охота. Динозавры на тропе войны. Я жила для того, чтобы вы пришли. Выживите. Не подведите меня.

УВИДИСТВО ОБЪЯВЛЕНО ЗАРАНЕЕ

Журнал «Огонек», № 48–49, декабрь

В наши просвещенные времена это делается именно так: работают все радиостанции плюс телеканалы Российской Федерации, транслируется ультиматум, к границам очередной Чехословакии, которая на этот раз помещается в Чечне, подтягиваются войска, приземляются «Антеи», министр обороны хвастается своими способностями захватывать города (причем в системе его координат Грозный — город Российской Федерации), благо уже руку набили на Будапеште, Праге, Кабуле, Вильнюсе и Баку. Министр иностранных дел объясняет *pro urbi et orbi*, что намерение сцементировать кровью субъекты Российской Федерации буквально теми же приемами, которые были в ходу на великой стройке пятилетки под названием СССР, — это глубоко внутреннее дело России. (Иван Грозный на эту тему выражался несколько более пространно: «Мы, великий князь и государь всея Руси, в своих холопах вольны».) Посол США соглашается: и впрямь внутреннее. Ешьте своих чеченцев с маслом.

До 1939 года концлагеря и хрустальные ночи для евреев были внутренним делом Германии. А кормление крокодилов «лишними людьми» из образованных сословий было внутренним делом Кампучии и Пол Пота. Уничтожение диссидентов было внутренним делом СССР. Расстрел царской семьи был внутренним делом Ленина. ГУЛАГ — внутренним делом Сталина. Культурная революция — внутренним делом Мао. Площадь Тяньаньмэнь — внутренним делом Дэн Сяопина. Все занимаются своими внутренними делами на благо человечества. В складчину. Каждый убивает своих на отведенном ему участке.

С чеченцами пытались разобраться и так и сяк. Блокадой, голодом, созданием мифа о преступной нации.

В принципе миф о «чеченском следе», о «чеченской мафии» стоит мифа о жидомасонском заговоре. Объявляли ЧП. Отменяли ЧП (слава Богу, вовремя, без крови). Создавали «здоровые силы» из уголовников типа Лабазанова, беглых коммунистов типа Доку Завгаева и путчистов на каникулах типа Хасбулатова. Выдавали им денежное и вещевое довольствие, не помогло. Бомбили Грозный и с вертолетов, и с самых современных самолетов. Брали его силами российских солдат и офицеров, «отпускников», «командировочных», уволенных задним числом. Все, конечно, «вольнонаемные». На деньги от ФСК или Минобороны. Получили в результате почти сто кавказских пленников. Осталось только попробовать посыпать этих чеченцев дустом. По анекдоту. То есть довершить то, что начал Иосиф Виссарионович. Вот только с поголовной депортацией сложно: Казахстан свою территорию для ссылки не предоставит. Так что поголовное уничтожение технически легче осуществить. Средств массового уничтожения у нас хватает. И ведь никто не скажет, что конвой открыл огонь без предупреждения: субъекты федерации предупреждены, что шаг в сторону — считается побег.

Если Чечня — субъект федерации, то в нашей федерации, видимо, субъект субъекту — волк. Один только вопрос остается на дне этой чаши с цикутой: почему Чехия не бомбила Братиславу, а отпустила Словакию с миром? Почему Канада до сих пор не бомбит Квебек? Судьба Чечни определилась: «...земля была безвидна и пуста». Судьба России тоже более или менее ясна: всё то же минус демократия. Хрущевская оттепель кончилась после Венгрии, начались аресты. Диссидентов стали массово сажать после Чехословакии. «Окончательное решение чеченского вопроса» возможно только в тех рамках, в которых когда-то в Германии осуществилось «окончательное решение еврейского вопроса». Потому что президенту России предстоит выбирать: отпустить чеченцев из РФ живыми или оставлять в ней мертвыми.

1995

ПЕРЕСТРОЯТСЯ РЯДЫ КОНВОЯ

«Столица», №2, 8 января

Наш недоделанный парламент, как в партере (Госдума), так и в бельэтаже (Совет Федерации), получил шанс пасть со славой на поле чести, причем за правое дело. Стоит только встать поперек тропы Кавказской войны, на которую вступил президент, переоформившийся служебным переводом из демократических рядов в более мощные и престижные ряды кровожадного племени гуронов, как нетрудно будет назвать имя покойника. Объявить президенту конституционный импичмент — это значит навлечь на себя очередную порцию танков (если, конечно, после чеченского усмирения какие-то танки еще останутся). Общественное сочувствие и поддержка демократических масс в этом случае были бы слабым утешением для тех, кого идея парламентаризма привлекает главным образом приличной зарплатой, казенной квартирой и не менее казенной машиной. Менять всё это на казенный дом депутаты от всех гильдий вряд ли согласятся. И поэтому едва ли дадут президенту повод спеть в очередной раз: «Вжик, вжик, уноси готовенького, вжик, вжик, кто на новенького?» И заготовленная мною впрок эпитафия «Парламенты приходят и уходят, а президентская власть пребывает вовеки» даром будет пылиться в кладовой. Но на всякий случай, если вдруг демократы наберутся храбрости и попытаются поставить импичмент на голосование (что было бы красиво, но по степени эффективности соответствовало бы попытке римских сенаторов объявить импичмент Калигуле) или президент догадается, что для ликвидации чеченского кризиса вместе с одноименным населением нужны только исполнители из исполнительной власти, а законодатели в такой ситуации лишние, — то тогда лучше помянуть парламент заранее. Пока на выпивку и закуску не ввели карточную систему.

Итак, почти год Дума сидела тихо и благостно, стараясь достигнуть nirваны, отдыхая после своих макаренковских усилий на ниве исправления преступных путчистов и гэкачепистов работой по специальности, то есть безнаказанной организацией с чистой совестью и на свободе дальнейших переворотов и мятежей. Завершив сотворение нашего сегодняшнего безумного мира в день седьмой, Дума увидела, что это хорошо, и почила от дел своих примерно на 8—9 месяцев. И не то чтобы амнистия далась ей с большим трудом. Хотя президент тогда еще не ложился в Центральный госпиталь, но он сам себя посадил под домашний арест. Если бы на водворение обратно грешных путчистов была бы затрачена 1/10 часть живой силы и огневой мощи, а также бронетехники, авиации и прочего инвентаря, употребленного на подавление безвинных чеченцев, то Лефорово было бы как полная чаша.

Но Руцкой был нужен Ельцину на свободе — как консультант по кавказской проблематике, Хасбулатов должен был в перспективе работать связным между Москвой и «здоровыми силами чеченской оппозиции», Анпилов и Баркашов должны были сыграть роль штурмовиков, разгоняя без помощи ОМОНа нежные демократические митинги, что и началось 12 декабря 1994 года. Поэтому Дума и заключила с президентом трудовое соглашение в форме пакта о гражданском ненападении. В рамках этого рамочного соглашения президент и Дума весь год работали по принципу двух связанных тормозов. Сочетание двух тормозов и было как раз «двигателем реформ». Соответственно они и продвинулись.

Целый год россияне тихо крестились, что у них такая тихая Дума. Правда, ничего не делает. Но никто же ничего не делает, в том числе и президентская администрация, а когда начнет что-то делать, так хочется ее попросить, чтобы перестала. Благостность Думы напрямую соотносилась с тихушничеством президента.

На личном счету парламента накопилось несколько исторических деяний. Как всегда, в конце истории хочется помянуть результаты первой парламентской годовщины, пока наши жизненные сроки в связи с Кавказской войной не закончены, а демократы вместе со своей прессой и электоратом еще не встали у лагерных ворот.

Дума весь год напоминала дом терпимости, ибо демонстрировала взаимовыгодное, хотя и потасовочное сожительство

между фашистами, коммунистами и демократами. Дума легитимировала фашизм и коммунизм, показав, что красно-коричневые могут сидеть не только на скамье подсудимых, но и в мягких креслах парламентариев, то есть начальства. А начальство всегда право. Дума приняла Гражданский кодекс. Но зачем он нужен во время гражданской войны? Дума вызывала у демократов приятные наркотические ощущения, работая с президентом в порядке парной инициативы: «огонь — полымя», «Содом и Гоморра», «хрен — редька», «Сцилла и Харибда».

Но на думские именины президент испек кавказский каравай, после чего одна радикальная организация отменила свой пикет у врат парламентских, справедливо рассудив, что теперь Думу надо распускать только вместе с президентом. Поэтому диагноз будет другой. Демократия в России приходит и уходит, а советско-президентская власть пребывает вовеки. Никогда не знаешь, с какой ветви власти на тебя рысь прыгнет. «Перестроятся ряды конвоя, и начнется всадников разъезд...»

На воле — снег, на кухне — чад,
Вся комната в дыму,
А в дверь стучат,
А в дверь стучат,
На этот раз — к нему!
О чем он думает теперь,
Теперь, потом, всегда,
Когда стучит ногою в дверь
Чугунная беда?!

(Галич)

УХОДЯТ ЭШЕЛОНЫ

«КоМоК»*, № 4, 1 февраля

Эшелоны уходят с Запада и с Востока: везут части из-под Хабаровска, из Владивостока, снимают морскую пехоту с тихоокеанских кораблей, сажают в вагоны омовцев из Екатеринбурга, отправляют новобранцев из Твери и с базы под Питером. Вслед глядят заплаканные рязанские, тверские,

* Еженедельник, г. Красноярск.

иркутские мадонны из Комитета солдатских матерей. Где же враг? Кто объявил нам войну? Чьи войска вероломно, без предупреждения, в 5 часов утра перешли границу? Почему президент не выступает по радио, не обращается к нам «Братья и сестры!» и не просит защитить Отечество от иноземного поработителя, ведь наличные войска кончаются и, того и гляди, придется объявлять всеобщую мобилизацию? С кем мы сражаемся и кто на нас напал?

На нас напала свобода. Чужая свобода, свобода чеченского народа, который, в отличие от нас, не смогли поработить ни мытьем, ни катаньем. Рабство снизу и деспотизм сверху — такая демократическая структура неоимперской, неосоветской и некоммунистической России, угрюмый сон низов, беспардонная и хамская ложь верхов, мандраж демократов перед избирателями и их же робкое искательство ко власти преопределили то, что свобода и независимость крошечного чеченского кусочка были расценены огромной и косной российской тушей (и нечего обижаться, ведь Россию власти гонят на убой, и она идет) как вызов, бунт и объявление войны. Ведь никто не уходил тайком, ночью. Чечня ушла в 1991 году при свете дня, с развернутыми знаменами. Ельцин промолчал. Тогда ему нужны были и демократия, и свобода. С них можно было получить навар. Генерал Дудаев нужен был как верный союзник, не умеющий трусить и лгать. Он много раз предлагал свою помощь — в полдень или в полночь, и в августе 1991-го, и в марте 1993-го, и в знаменитом холодном октябре того же года. Я думаю, что оружие ему было оставлено как некий резервный запас на складе демократии, ведь запасное «партизанское» правительство не только в Свердловске 1991 года могло бы пригодиться, не лишней после ГКЧП казалась и явка в Чечне.

Ну что ж, оружие попало в нужные руки. Чечня не населена кроликами, второй месяц она защищает не только себя, но и Россию от ГКЧП-3. Состав ГКЧП-1 был известен и по знаменитой пресс-конференции, и по процессу, и по списку политических арестантов в Лефортово. Состав ГКЧП-2 тоже не прятался: наоборот, Руцкой, Хасбулатов и Ачалов с Макашовым лезли под все телекамеры и свешивались со всех балконов. Состав ГКЧП-3 анонимен. Они делают вид, что ничего не произошло. Они даже говорят,

что продолжают реформы. Гитлер был проще и откровеннее. Когда он завоевывал Австрию, он не говорил, что это реформы. Он честно признавался, что это «аншлюс». Когда гитлеровцы оккупировали Норвегию и Данию, они не утверждали, что борются с незаконными бандформированиями, а прямо говорили, что им нужно жизненное пространство. Поэтому мы не будем церемониться и назовем всех членов ГКЧП-3: Грачев, Степашин, Ерин, Коржаков, Лобов, Барсуков, Егоров, Ельцин. И если эта теплая компания попадет в Лефортово, чего я ей от всей души желаю, то надо будет ее там попридержать лет этак на 15, а то эпизодические тюремные сессии ничему не научили гэкачепистов первой и второй генерации, а третьей ступени только придали храбрости. За танки, трупы и кровь надо карать вовремя. В 1991 году — трое, в 1993 году — 150 человек, а в творческих планах гэкачепистов 1994—1995 годов значится уже целый народ. Миллион чеченцев от старейшин, которым за сто, до грудных младенцев, плюс те русские, которые пошли впридачу: попали под горячую руку, вернее, под горячую авиационную бомбу или артобстрел.

В ноябре 1994 года Ельцин решил зарезать демократию, как ту курочку, которая не снесла требуемое золотое яичко. Навар с демократии был снят: получена нужная Конституция, вполне заменяющая шапку Мономаха. Получена от демократов. Сами принесли. Поверили. Дались в руки. Доверчиво полезли в мышеловку. Сняв навар с демократии, президент и вся его президентская рать решили снимать пенки с фашизма. Из всех реформ нам всегда лучше удавались те, что со штыком. Лозунг ГКЧП-3: «Наша жизнь — не игра! В штыковую — ура!» Демократия, конечно, дура, зато штык — молодец. В стране (по Ельцину) или рядом со страной (по истинным демократическим стандартам) оставалось только одно место, где сегодняшним гэкачепистам, завтрашним полпотовцам нельзя было просто сажать в теплушки и отправлять на Колыму или бить мотыгой по затылку, только одно место, где у всех граждан было оружие (согласно Конституции США) и мужество поднять его, чтобы защитить свою свободу и достоинство, только одно место, где нельзя было бить, пытать, унижать, где никакой власти не имели чиновники, где не было ни анпиловцев, ни баркашовцев, где на улицах

не показывались ни со свастиками, ни с красными знаменами. Одно место. Последнее. Заветное. Чечня.

Нам говорят: мы послали войска против мафии. Бросьте ваши штучки. Президент Дудаев не нахапал себе особняков в Париже и вилл во Флориде, как российские особы, «приближенные к трону», он жил у брата, в одноэтажном домишке на окраине. На этот домик все время пытались сбросить бомбу потяжелее, надеясь прикончить не столько Дудаева, который бывает не дома, а на боевом посту, сколько его жену, дочь и маленького сына (старший, в отличие от сыночков наших генералов, воюет на общих основаниях, и уже был ранен настолько тяжело, что его даже сочли убитым и российские СМИ радостно назвали его в списке потерь).

Нам говорят, что идет разоружение бандформирований. Но где в мире против бандитов употребляют авиацию и установки «Град»? Что же это за бандиты, против которых послали 40 тысяч солдат, и их не хватает? Очевидно, нам лгут, как лгали всегда эти «уста сахарные». Сначала из Свердловского обкома лгали про «общенародное» государство с человеческим лицом. Теперь из Кремля и из президентской резиденции лгут про реформы и демократию.

Эшелоны уходят на войну. На Великую Отечественную — со стороны чеченцев. На захватническую и империалистическую — со стороны россиян. Недаром депутат Госдумы от фракции «Выбор России» Ю.Л.Рыбаков предлагает присвоить Грозному звание города-героя — за героическую оборону от российских захватчиков. Всё теперь достанется чеченцам: золотые звезды героев, слова из песни: «Дадим отпор душителям всех пламенных идей, насильникам, грабителям, мучителям людей» (это мы сегодня — насильники и мучители),obelisks, мемориалы славы, города-герои, «огненные деревни» (хорошо, что Алесь Адамович не увидел повторения белорусского варианта в Чечне), неуловимые мстители и тринадцатилетние «орлята», поджигающие танки... Был бы жив Андрей Тарковский, поставил бы фильм об одном таком пареньке под названием «Мурадово детство»... Был бы жив Бетховен, сочинил бы симфонию и посвятил бы ее Джохару Дудаеву, написав на партитуре: «Генералу великой нации». А что достанется нам? Надеюсь, Нюрнберг. Баркашовская свастика поперек российского

флага. И если бы Чечня была не такая маленькая, они могли бы (и имели право!) взять Кремль, как рейхсканцелярию.

Прежде чем подсчитывать, можно ли выиграть эту войну, надо взвесить, стоит ли ее выигрывать. А выигрывать ее не стоит. Сколько в этой игре не забьешь голов, все будут в свои ворота. Ельцин, Грачев, Степашин, Коржаков, словом, все из ГКЧП-3 играют не за демократическую Россию, а за Россию фашистскую. За нас играют чеченцы. На дымящихся развалинах своего города они восклицают: «Отступить некуда! За нами Москва!» Они добры и жалеют нас, окаянных. Они знают, что мы слабее, что они — великий народ воинов, а мы — цветики полевые, и нас надо защищать от деспотизма, ибо сражаться мы не умеем. Они понимают, что если их Брестская крепость — Чечня — падет, то демократам в России свернут шеи, как цыплятам. Придется нам потом изваять чеченского воина-освободителя в папаше, с гранатометом и со спасенным демократом на руках.

Они давно должны были бы кончиться, иссякнуть, эти чеченцы. На них бросали девятитонные вакуумные бомбы, уничтожающие всё живое на километр, их хоронили под развалинами, давили гусеницами, истребляли шариковыми бомбами, заражали холерой, расстреливали из пушек и минометов каждую щель. А они поднимаются из праха и пепла, и из 4000 бойцов Волгоградской бригады остается 6 человек. И идут новые эшелоны, и везут на юг солдат, обреченных стать фашистами — или покойниками. Эшелоны солдат несвободы...

Чеченцы всё еще живы, всё еще сопротивляются и ждут, что на них сбросят атомную бомбу (общение с Россией настраило их на этот лад), но капитулировать не собираются. И не считают своих убитых бойцов. «Машины увозят мертвых, смерзшихся, как поленья, а утром ожившие трупы стригут автоматами лес». Это привилегия партизан: они возникают из ничего и исчезают бесследно. Гитлеровцы в Белоруссии тоже не могли понять, откуда берутся партизаны, несмотря на все облавы, расстрелы и тактику выжженной земли.

Нам говорят, что на стороне Джохара Дудаева сражаются наемники: афганцы и азербайджанцы. Кто видел эти деньги и может доказать, что они сражаются из-за сребролюбия?

Может быть, афганцы пришли мстить нам за сожженные напалмом кишлаки — вместе с женщинами и детьми, — за больше чем миллион убитых соплеменников, за разоренную страну, за не стихающую гражданскую войну? Азербайджанцам тоже есть что вспомнить: 20 января 1990 года. Баку. Эти же танки и эти же генералы, и сотни убитых за попытку свергнуть советскую власть. Тот самый лес, который был предсказан Макбету, идет ныне на Кремль. Не на Дунсинанский — на Кремлевский холм. И пусть Борис Ельцин не моет зря руки: леди Макбет тоже мыла, но кровь не смыть.

Однако самое страшное на этой войне — это то, что уходят эшелоны, и в них кто-то едет. После Афганистана, после всей «перестройки» и «гласности». Мы неисправимы? Мы слабоумны? Мы трусливы до потери инстинкта самосохранения? Мы невменяемы? «Моральное ваше право — бегите скорее прочь». В Красноярске тоже есть призывники. И им придет повестка. «Свяжут ей петлю на шею и поведут на убой». А вокруг такие леса! В тайгу военком не придет. Есть смысл уйти в скиты, на заимки, в Японию, в США, в Литву. Трибунал? Пусть поймают сначала! Оставьте Ельцину и Грачеву на кухонном столе записку на обороте повестки: «Всех не перевешаете!»

НАШЕ МЕСТОИМЕНИЕ

«КоМоК», № 9, 8 марта

Если бы какого-нибудь лингвиста попросили сделать психологический портрет местоимения, лингвист бы первым делом сказал: местоимению свойственно таскать каштаны из огня для других, свойственно стушевываться, болтаться, как цветочек в проруби, быть этаким грамматическим Фунтом, который, как у Ильфа и Петрова, вечно сидит за других за умеренную плату. Словом, местоимение — обслуживающий персонал, президентские советники и его же помощники.

Вы уже, должно быть, догадались, что «местоимение» пишем, а «интеллигенция» в уме. Играем Стриндберга. Рисуем интеллигенцию.

Не знаю, догадывался ли о столь сложной метафизике оборванный юный посетитель Трубного рынка из чеховского

рассказа, но кличку учителю гимназии, великому знатоку рыбок и птичек, он выдумал адекватную: «Ваше местоимение».

Если бы меня попросили дать математическое определение интеллигента, я бы стала утверждать, что это сочетание молекул, при котором Слово расходится с Делом до полной их несовместимости. Интеллигенции дано Слово, а не Дело. «Но свершить ничего не дано». Фауст не хотел быть интеллигентом, поэтому он связался с дьяволом и погубил Маргариту. Интеллигенты не водятся на Западе, начиная с Фауста и кончая Гавелом, который не только диссидентствовал и писал пьесы в тюрьме, но и очень лихо управляет государством. Деятельным интеллектуалам Запада, их великолепным Джефферсонам, Патрикам Генри и де Голлям в высшей степени свойственна витальность. Воля к жизни и воля к власти. Запад, по сути дела, — давно технократия. Западом правят мозги, лучшие мозги страны. КПД очень высок, мысль интеллектуала западная цивилизация ловит в подол и несет горяченькую: в парламент, в лабораторию, в производство, на конвейер. Мысль — на вес золота и оплачивается золотом. Западные интеллектуалы — трудяги. Они покупают острова, они знают цену себе и не продешевят. Если Байрон швырял деньги на карбонариев и греческих повстанцев, это не значит, что он не знал себе цену.

Редкие западные интеллигенты типа героя «Над пропастью во ржи» или Винсента Ван Гога глубоко несчастны, нищи, одиноки и часто умирают на соломе или в психиатрической лечебнице. На Западе нельзя гордиться тем, что ты — лишний человек. Это так же нелепо, как кичиться увечьем или уродством. Всякий интеллектуал — немножко белокурая бестия, а этот типаж не привык страдать дурью, мучиться от безделья, испытывать комплексы или заниматься рефлексией попусту, словно онанизмом. Растекаться мыслью по древу — это блуд. На Западе это знают и без Бояна.

Нам же рок судил иное. Наша интеллигенция произошла не от разночинцев, которым надо было заниматься делом: учиться, выкарабкиваться из нужды, выходить в люди, кончать университеты, учить, лечить, строить железные дороги, швырять бомбы, строить баррикады, убивать царей и министров, идти на эшафот. Писарев был нормальный парень, и Желябов был нормальный парень.

Они-то были при деле. Да и Столыпин, безусловно, не был интеллигентом. Не больше, чем Пиночет. Эффективность и качество, труд и результат — это не интеллигентские лозунги, это девиз интеллектуала. Кстати, с тех пор как мне один закавказский политэмигрант нашел оригинальное высказывание царя-реформатора Александра Освободителя насчет чеченцев, я зла на народовольцев не держу. Они имели право, хотя и руководствовались ложными мотивами. А выразился Александр II о чеченцах в том смысле, что хорошо бы их покорить, а если не получится, то и вовсе истребить. Так что Борис Ельцин — не первый реформатор, так решительно ставящий вопрос о ликвидации национального меньшинства или о применении тактики выжженной земли еще до изобретения напалма. «Так не доставайся же ты никому!» Когда его везли во дворец с раздробленными бомбой ногами, догадался ли он, за что? Вспомнил ли о поляках и чеченцах? «Марш, марш, Домбровский...» Народовольцы были орудием Провидения, которое, видно, решительно не желало, чтобы святое дело либеральных реформ было навеки соединено в памяти людской со взятием Варшавы и виселицами для повстанцев. Здесь-то Александр полностью совпал с маршалом Язовым, и в польском «усмирении» уже просматривались танки Праги-68 и Вильнюса-91. Но народовольцы не сумели сформулировать обвинительное заключение. У социалистов всегда трудности с анализом. А мы либералы, мы можем сесть и отпечатать под копирку два экземпляра обвинительного акта — и для царя, и для президента. Одну копию можно будет послать Горбачеву, тоже не ошибемся. Александр, Ельцин и Горбачев роду Авеля — крепостным, совкам, обывателям — отвели реформы. Александр — побольше, Горбачев — поменьше, Ельцин — сначала всё, а потом — ничего. А роду Каина, свободным от рождения, не имеющим Хозяина полякам и чеченцам, был вынесен смертный приговор.

Да, мы теперь все интеллигенты, а не интеллектуалы. Интеллектуалы бы просто убили. За Тбилиси, за Вильнюс, за Баку, за Чечню. Но с нами Борису Николаевичу и Михаилу Сергеевичу ничего не угрожает, кроме пары революций и десятка митингов. А брань, как известно, на воротах не виснет.

Итак, наша интеллигенция произошла не от Писарева с Радищевым, а от Евгения Онегина и Печорина — «лишних»

людей. У нас тяжелая наследственность. После ста лет криков о том, что «мы — лишние люди», и появились наши первые «местоимения», которые просто не знали, на что бы себя употребить. Им быстро нашли применение. Русская интеллигенция с самого начала работала на ничтожеств. Как дядя Ваня на профессора Серебрякова. Ломают руки, плача, швыряя стаканами, стреляя куда попало из ружья. Но продолжая обслуживать ничтожество до пьесы, в пьесе, после пьесы. И хорошо еще, если профессора! А Сперанский, который обслуживал Александра I и был заменен Аракчеевым, словно Гайдар — Коржаковым? А Столыпин, обслуживавший ничтожного Николая II и преданный им, третируемый и ничтожествами из тогдашнего «Президентского совета», ВПК и помещичьего Агропрома?

Русская интеллигенция от ее истоков и до наших дней играет роль умных и образованных греческих рабов при тупых и злобных римских императорах (генсеках и президентах), напыщенных и спесивых сенаторах (министрах, спикерах etc.) и даже при вольноотпущенниках типа Тримальхиона, неучах, разбогатевших на подрядах, закатывавших пиры и в силу своего плебейства жаждущих скорее обзавестись собственными клиентами, или, на греческий лад, «паразитами» — прихлебателями их трапез. Олег Бойко и его «Олби» надеялись сделать своим клиентом Егора Гайдара. Их вовремя попросили выйти вон. Но покуражиться своим черносотенным империализмом от имени гайдаровской партии они успели. Лариса Пияшева и Анатолий Стреляный сыграли эту постыдную роль клиентов при Мавроди. Надеюсь, теперь-то они поняли, что к чему, и кусают себе локти. Впрочем, Горбачев и Ельцин, как «императоры вся тайги», здесь перешеголяли всех. Горько думать, что мы все для них, мы, враги коммунизма и Совдепии, были всего лишь их крепостными актерами, вдохновенно разыгрывавшими перед западным зрителем нужную обкомовцам и райкомовцам пьесу под названием «Девять снов, или Перестройка». И, в отличие от великодушного графа Шереметьева, они не взяли нас в жены, как Парашу Жемчугову. Они с нами развелись Горбачев — раньше, Ельцин — позже. Наше неведение — не оправдание. Впрочем, сейчас нет неведения. А часть трупы остается. Костиков. Батурин. Ясин. Лившиц. Чубайс. Ломают своего Шекспира даже после Чечни. Доигрывают при пустых рядах в прогоревшем театре. Оправдывают ангажемент.

Галину Старовойтову выбросили на улицу. Рассчитали, как прислугу, в 24 часа. Выставили сундучок из кабинета и опечатали двери. Гайдара дважды спускали с лестницы. Горько сознавать, что его использовали, как использовал Нерон какого-нибудь умного и знающего греческого раба. Правда, у Нерона не было экономистов, а всё больше рабы из творческой интеллигенции.

Ельцин — типичный Клавдий в пору его слабоумия. Вот он возлежит в сауне, как в термах Каракаллы. Коржаков держит мохнатое полотенце, Барсуков готовит березовый веник. За дверями точат мечи преторианцы из Кремлевского полка и опричники из Главного Управления Охраны. Кто там из них Васька Грязной, кто Вяземский, не знаю. Только вот Грачев не тянет на Алексея Басманова, который все-таки был талантливым полководцем. Степашин напрашивается на роль Малюты. Впрочем, здесь у него будут конкуренты. А Федор Басманный, который плясал перед Иоанном IV в сарафане — это, конечно, Андрей Козырев. Апологетика самых зверских кавказских решений Ельцина — его специализация. Добывать индульгенции всем смертным кремлевским грехам — его ремесло. Сатаров, Ясин и Лившиц бряцают на лире. Не столько вдохновенно, сколько верноподданнически. Раболепствует Сенат (Дума). Вместо лошади Калигулы туда ввели наместников президента, его ставленников — глав администраций и засланных казачков типа Жириновского и Марычева. Чернь кричит одно: «Хлеба и зрелищ!» — что в Риме, что в Москве. Ни одного восстания рабов. Некого даже распять на Аппиевой дороге. А на краю Ойкумены пытаются покорить свободных фракийцев. Или даков. Или галлов. Или чеченцев. И обреченно идут в бой римские гладиаторы в доспехах и российские гладиаторы в бронезилетах. «Ave, Ельцин, идущие на смерть приветствуют тебя!»

А впрочем, сейчас мы ближе к лагерной теме, нежели к римской. С 1917 года в России нет ничего, кроме концлагерей, а интеллигенция за место в кабинете, а не в бараке, за избавление от «общих» смертельных работ, за премиальное лагерное блюдо, за лишнюю пайку и миску более наваристой баланды, за расконвойку и отгулы за кордоном строит лагерному начальству, «куму» и его присным, турбины и космические корабли, проектирует дома и водородные бомбы, пишет учебники и речи. Так вот кто мы

такие в глазах народа! Лагерные придурки! Гайдара Ельцин, видимо, считал за десятника, который будет приписывать ему кубики, чтобы втирать очки МВФ. Поэтому Гайдар и ушел сам во втором заплыве. Снял куртку с номерами. Но не понял еще, что стабильность концлагеря — не благо, а зло. Наш концлагерь необходимо дестабилизировать. Выгнать или порешить лагерную администрацию, наказать стукачей, взять вышки с пулеметами, идя на кинжальный огонь. Повалить стены зоны, резать колючку, уйти в побег. Может быть, лечь мертвыми на запретке. Но мы обязаны пойти сами и повести других. Мы — бывшие лагерные придурки, бывшие интеллигенты, завтрашние революционеры. Как сказал Радищев: «И если не будет тебе нигде крова от угнетения, вспомни имя свое, человек, и умри!» Он мог бы прибавить: «Не будь местоимением».

НЕДОЛГО НЕЖИЛ НАС ОБМАН

«Молодая Сибирь»*, № 10 (69), 9 марта

Чеченцы не христиане. Когда их бьют по левой щеке, они, вместо того чтобы подставить правую, бьют в ответ обидчика по обеим. Да так, что у него зачастую отлетает голова. Что 17 тысяч убитых в Грозном горе-империалистов и доказывают. Но поскольку нельзя, чтобы кошка была с хвостом, а также нежелательно смущать и так уже полуживой российский ратный дух (а то еще ратники до рати не доедут, по дороге дыру в полу теплушки проделают и из эшелона сбегут), — потери у нас, как всегда, меньше реальных раз в семнадцать. Тем более что лишние несчастные солдатские тела, которые не успели съесть в Грозном собаки, российские генералы приказали сбросить в ущелья и зарыть в котлованах, дабы не включать их в статистику.

Отсюда уже полшага до того, чтобы ээсовские генералы, ликвидировавшие чеченский народ и российскую армию, приказывали трупы сжигать в крематориях, а золой удобрять свои огороды. Я думаю, что мы скоро к этому придем — к душегубкам, к «Циклону-Б» и крематориям.

* Газета, г.Новосибирск.

Если захваченных чеченцев из мирного населения пытаются электрическим током, дабы признались в том, что они боевики Дудаева, а бомбы кидают на роддом, считая чеченских младенцев потенциальным бандформированием, то следующая стадия — непременно душегубки, крематории, взятие Москвы войсками антигитлеровской коалиции и Нюрнбергский процесс. Причем Ельцин отравится, Егоров повесится, Грачева, Коржакова, Лобова и Ерина повесят союзники, а Степашин и Шахрай сбегут в Южную Америку, как партайгеноссе Борман, и их никогда не найдут, ибо они прихватят с собой золото Совета безопасности. Полжизни бы отдала, чтобы это всё увидеть своими глазами, но не придется: сначала военно-полевые суды ликвидируют демократов за измену царю и Отечеству. Ведь когда некий О'Брайен из ФСК спросит нас, как мы относимся к Большому Брату, или товарищу Ельцину, мы по совести сможем сказать только одно — мы его ненавидим. Значит, самое нам место в комнате 101 или на том свете.

Егор Гайдар недавно так и сказал, что если демократы срочно не объединятся и не начнут что-то делать антивоенное, но воинственное, то дальше они будут дискутировать в лагере или на том свете. Но еды лишней в стране нет — на уголовников не хватает, — да еще расходы на охранников, на бараки да на тюремные бушлаты для врагов народа... Так что дискутировать демократов отправят на тот свет наложенным платежом, и дальнейшие расходы по их содержанию будет нести уже другое, небесное ведомство. А там, надо полагать, либерально-рыночные реформы имеют больший, чем в России, успех, и есть специальная бюджетная статья для «мучеников демократии». Почему в кавычках? Да потому, что Бог не любит бездельников. И если он кем-то доволен, то только чеченцами, которые храбро зарабатывают себе рай и гурии Магомета, подбивая наши танки и «уничтожая живую силу противника», вернее — его бессилие добиваться своей свободы, а не добивать чужую.

Наши же демократы из «Выбора России» не имеют мужества или связать своего Чубайса и насильно унести его из правительства, купающегося в крови, или объявить его со всех амвонов предателем. Не имеют мужества не тащиться в Кремль для того, чтобы заслушивать отчетно-директивный доклад президента на 29-м съезде КПСС. Не рискуют не голосовать за бюджет, который пойдет целиком на военные

расходы, или бросить в некогда любимого президента если не стаканом, то хотя бы импичментом. Егор Тимурович — просвещенный, культурный человек. Но ведь и Милюков с Набоковым не лаптем щи хлебали, да и Томас Манн с Альбертом Эйнштейном были высокоодаренными людьми. Однако ни от большевиков, ни от Гитлера человечество они не защитили.

Видимо, культура — это не всё, что надо иметь на вооружении антифашисту. Вот чеченцы — они лучше, чем мы, к антифашистской деятельности подготовлены. Умеют целиться, умеют стрелять. Умирать умеют. Впрочем, высокая культура не всегда препятствует правильным антифашистским действиям. Англичане были, бесспорно, культурными людьми, однако после первых бомбежек они установили в Лондоне на фоне руин виселицу с табличкой «Приготовлено для Гитлера». А что, если чеченцы пойдут по их стопам и на фоне грозненских развалин появится аналогичный предмет с табличкой «Приготовлено для Ельцина»? Чеченцы могут всё.

После своей гибели воины Джохара Дудаева, наверное, превратятся в белых журавлей, как это и положено солдатам Свободы. Тогда как их противникам это не светит. Скорей уж они превратятся в белых лопухих кроликов. Это не бесчеловечность — это неприятие теории коллективной ответственности, вернее — коллективной безответственности и свойственной неживой природе коллективной бессознательности. Нельзя силой посадить человека в танк, нельзя силой заставить его стрелять в тех, кто защищает правое дело. Нельзя заставить стать палачом. В эшелоны даже новобранцев сажают не связанными, без наручников. Человека можно посадить, уничтожить, замучить. Но нельзя заставить его участвовать в русско-чеченской войне, нельзя заставить перестать быть человеком. Каждый восемнадцатилетний Ваня, Саша или Витя решает сам — воевать ему в рядах российских карателей или не воевать. Быть или не быть. Выть по-волчьи с волками из мин-обороны и Совета безопасности или не выть. Иметь или не иметь. Я не могу сочувствовать тем, кто умирает на чужой земле за чужое грязное дело, став перед смертью палачом целого народа, и только потому, что не хватило мужества сказать «нет». Мне 44 года, и любой из этих мальчиков, неспособных принять мужское решение, по возрасту

годится мне в сыновья. Но только по возрасту — у меня не могло бы быть сына, который живет и умирает по принципу «Партия сказала — надо, комсомол ответил — есть!». Комсомола вроде бы нет, но остались комсомольцы: «Ты комсомолец? Да! Давай не расставаться никогда». Скоро этот лозунг, должно быть, повесят на Министерстве обороны — как раз к весеннему призыву.

Страна не сдала зачет. Вместо осветленного простора демократических поднебесий она тупо приняла тоталитарное томление рабских трудов. Впрочем, Блок советовал принять и то и это. Потому и написал «Двенадцать». После сей поэмы, действительно, ему лучше было умереть, чтобы не смотреть людям в глаза. В этой поэме Борис Ельцин — тринадцатый: «Мировой пожар в крови — Господи, благослови!» Видно, храм Христа Спасителя как раз подоспеет, чтобы увековечить поражение русского народа в отечественной войне чеченцев против Российской империи.

Недолго нежил нас обман перестройки. Они наконец перестроились — с коммунизма на национал-социализм. Теперь они нами займутся, а пока их задерживают чеченцы. Хоть они и не христиане, но именно им дано осуществить главную истину, главное таинство христианства — «смертию смерть поправ». Набив руку на пытках и расстрелах, научившись убивать, избивать сапогами, истязать, российское воинство займется усмирением шахтеров, правозащитников, журналистов, демократов. Не видно, чтобы Россия могла что-либо серьезное противопоставить «гнету власти роковой». Для демократической революции нужны «души прекрасные порывы», а нам от советской власти достались дырявые души, продажные души, прожженные души, мертвые души.

НОВОДВОРСКОЙ НРАВЯТСЯ КОТЫ И ДЖОХАР ДУДАЕВ

«Московский комсомолец», № 63, 5 апреля

— Валерия Ильинична, откуда в вас столько энергии?

— Откуда у меня столько энергии?.. Я ее, видимо, черпаю из космоса, согласно эйнштейновскому закону. А может быть, она вырабатывается из моего любимого мяса, поскольку я антивегетарианец и питаюсь исключительно

как хищник. К тому же посмотришь новостную программу, услышишь очередную подлость какого-то президента, узнаешь, что в Чечне делается, — энергия и пополняется. Ненависть — хороший вечный двигатель. Тот, кто умеет ненавидеть зло, тот будет всегда снабжаться высокооктановой энергией, как у самого лучшего бензина под номером 95.

— **Вы хорошая хозяйка? Любите готовить?**

— Я? Всё, что я умею готовить, это яйца всмятку. В отличие от эсеров, даже бомбу не смогла бы приготовить, не то что какой-нибудь суп. Из напитков я могу апельсиновый сок открыть и из коробочки вылить в стакан.

— **Помнится, на одном из митингов вы демонстративно пили шампанское...**

— Я абсолютно ничего не пью, кроме фруктового сока. Тогда шел проливной дождь, и шампанское было настолько разбавленное, что в нем алкоголя не оставалось ни на один процент.

— **Вы пробовали курить?**

— Нет, никогда. И не испытываю ни малейшего желания. Я против допингов такого рода. У меня свои допинги: музыка, книги. Читаю прекрасную западную фантастику. Например, Шекли. Очень отвлекает от российской действительности. Музыка слушаю исключительно классическую немецкую — Вагнер, Моцарт...

— **Валерия Ильинична, у вас много друзей, родственников?**

— Родственников дал мне Бог. Кроме мамы и бабушки, с которыми я живу, я не вижу ни с какими родственниками. Терпеть не могу родственников. Друзей же выбираю себе сама. Все мои друзья либо пишут хорошие демократические статьи, либо борются за светлое демократическое будущее, как Константин Боровой, например. Такой принцип отбора.

— **Приглашаете их домой?**

— Только товарищей по партии. Всех остальных мои жилищные условия могут шокировать. Раскаиваюсь и сознаю всё свое несовершенство: приличные «новые русские» должны жить в хороших двухэтажных загородных домах с гостиной и садом. Или в каких-нибудь бесконечных квартирах, обставленных старинной мебелью из карельской березы.

А у меня маленькая такая, жалкая советская квартирка в хрущобе. Двухкомнатная, крошечная, 29 метров жилой

площади. Исторический памятник, построенный в 1966 году. Мебель тоже производства 66-го года. Такой чешский раритет. Из материальных ценностей только книги. Поэтому приличных людей приглашать в такие условия нельзя. Могут упасть в обморок. Ко мне приходят иностранные журналисты и не верят, что это моя квартира. Считают, что я ее снимаю для того, чтобы войти в образ революционного демократа... Единственная роскошь в этой квартире — разделенный санузел. А вот прихожей совсем нет, там один кот только и помещается.

— **Расскажите о своем коте...**

— Стасик у меня совершенно замечательный. Ангорский, мохнатый, черно-белый с голубыми глазами. И очень, очень тяжелый, увесистый, не меньше восьми килограммов. С замечательными политическими убеждениями. Антикоммунист, антифашист и сторонник либеральной демократии.

— **В чем выражаются его убеждения?**

— Во-первых, в том, что он много ест. Во-вторых, что он законченный индивидуалист и ходит сам по себе. В-третьих, когда показывают какой-нибудь коммунистический митинг, он начинает отчаянно мяукать. В день Парижской коммуны ему исполнилось три года.

— **А почему вы не завели собаку?**

— Не люблю собак. Я не люблю партнеров, предпочитаю независимость. Собаки по убеждениям типичные социалисты, а коты — все западники, индивидуалисты и либералы. Потом они мохнатые и пушистые, а собаки — не всегда.

— **Валерия Ильинична, каков ваш идеал мужчины?**

— Прежде всего, не трус. Интеллектуал... Сегодня безоговорочно это Джохар Дудаев. Он точно не является трусом. И точно — интеллектуал. К тому же не способен идти на компромисс. Я встречала много достойных мужчин. Звиада Гамсахурдиа уже убили. Отлично смотрятся Егор Гайдар и Константин Боровой. Они люди цивилизованные, никогда не жили в полевых условиях, не боролись в партизанских отрядах и никогда не руководили повстанцами. Им надо поучиться у Дудаева и Гамсахурдиа вести бескомпромиссную борьбу. Чем скорее у них это получится, тем будет лучше.

Беседовали Александр Митрофанов, Инара Филатова

ЗАСТАВЬ СОВКА ВОГУ МОЛИТЬСЯ

«Комок», № 14, 12 апреля

Если встреченный вами праведник одет в рубище, оранжевую тогу и вообще не по-людски и не по сезону; если он ссылается на то, что его религия запрещает ему работать для своего пропитания, а учит нищенствовать; если глаза у него дикие и с поволокой, а волосы нечесанные и ноги босые; если он призывает вас уйти из дома, бросить семью и искать совершенства; если он поведает, что им руководит какое-то очередное злополучное воплощение Будды, Христа, Аллаха или Вишли-Пуцли мужского или женского пола; если, наконец, он вам намекнет, что его секта (храм, община, церковь, подполье) благосклонно отнесется к тому, что вы пожертвуете на святое дело квартиру и все свои деньги, — то вы можете смело этого праведника вязать, потому что он плут и мошенник и рано или поздно отравит пассажиров метро заринном.

Секта «Аум Синрикё» — не единственная, отправившаяся на ловлю растерянных душ в мутной российской воде. Слух, видно, прошел по всей Ойкумене, что россияне, оставшись без парткомов и обкомов, не имея возможности пользоваться первыми отделами и испытывая трудности с адресованием доносов в КГБ, а также не обслуживаемые больше пионерской, комсомольской и партийной работой (Зюганов и Жириновский с Баркашовым не могут еще охватить все жаждущие утешения души) на предмет организации досуга, нуждаются в свеженькой духовной жвачке. Спрос на чудеса породил чудотворцев. Остап Бендер правильно говорил, что ему почему-то попадаются только глупые души. Проповедники «Аум Синрикё» и агенты «Белой церкви» могли бы повторить то же самое, что, согласитесь, не диво ни на Поле Чудес, ни в Стране Дураков. Зря мы, выходит, издевались над несчастными вкладчиками «Чары», «Гермеса» и МММ. Тем хоть пообещали, что из их рублей, закопанных в песочек, вырастет деревце со сотысячными билетами вместо листьев, если Сергей Мавроди или его коллеги с большой дороги вовремя скажут над ямкой «рекс, пекс, фекс». Оказывается, несть числа несчастным, которые отдают квартиры и деньги первому встречному проходимцу, если он говорит им, подобно герою О.Генри плуту Джеффу Питерсу: «Я один из Единых

Сенедрионов и Явных Монголов Внутреннего Храма! Хромые начинают говорить, а слепые — ходить, как только я сделаю пассы. Я — медиум, колоратурный гипнотизер и спиртуозный контролер человеческих душ...»

На фоне адептов секты «Аум Синрикё» и братства «Белой церкви» вкладчики МММ выглядят просто образцовыми интеллектуалами. Что там Шура Балаганов или Паниковский! Они ловили простаков на сыновей лейтенанта Шмидта. Сейчас же по пространствам СНГ передвигаются Девы Марии, Христы в юбках и брюках, различные ниндзя, сэнсэи и гуру, лысые, бритые и волосатые. Тоталитаризм имеет странную власть над человеком, особенно если это советский человек. Он отвергает жизнь и ведет к смерти. «И как один умрем в борьбе за это!» — это лозунг не одних только красных совков (а за что «за это»? Они и сами не знают, это не главное; главное — умрем!), но и всех религиозных группировок, взыскующих Конца света. Были и у нас сектанты того же фасона: юродивые, рядившиеся в отрепья и вериги; схимники, кочевавшие и дневавшие в гробах; раскольники, сжигавшие себя в скитах, — чем не учителя Давида Кореша из США, уничтожившего несколько десятков человек, в том числе и детей...

Изуверство и мракобесие всегда идут рука об руку. Там, где начинается умерщвление плоти, заранее пахнет серой костра, который «истинно верующие» разожгут для неверных». Люди просвещенные понимают, что спасения души, да и самой души, в принципе, нет вне культуры, вне образования, вне приличного платья, хорошего жилья, честно выполненной работы, честно заработанных денег, хорошей пищи и приличного медицинского обслуживания. Человеку для спасения души, то есть его человеческой сущности, нужна семья, любовь, чистая совесть, книги, хорошие фильмы, театр, приличная работа, сытое и достойное существование, музыка, спорт, природа и счет в банке. А вот посты, молитвы до одурения (произнесите раз пять «Кришна, Кришна, хари, хари» etc. — и вы сразу почувствуете, что у вас не все дома), причем молитвы не только экзотические, но и свои, православные, а затем пляски до упаду вокруг волосатого гуру, голод и аскеза — это всё душе вредно. От этого она дуреет. Мы, совки, и без того инвалиды с детства. Нас еще в октябрятах, надевая значок с изображением Ильича, по головке пыльным мешком

стукнули. Поэтому и являются к нам на добычу заморские шарлатаны, как будто своих, отечественных, мало.

К шарлатанству и тоталитаризму у нас природная склонность. Известное дело, заставь совка Богу молиться, так он себе лоб разобьет. Ищут пожарные, ищет милиция, ищут родители в нашей столице... Ищут пропавших детей, увенных Крысоловами. Одни ушли в тоталитарные секты, другие — в киллеры и рэкетеры, третьи — в баркашовцы, в зюгановцы или в «соколы Жириновского». Третьи пока ночуют дома, но будет час, и их переведут, как штурмовиков, на казарменное положение, поскольку у них есть свои гуру: фюреры и вожди. И когда эти Павлики Морозовы придут убивать собственных родителей — за членство в «ДемРоссии», за чтение МК или «Московских новостей», за еврейскую прабабушку, — родители горько пожалеют, что не привили своим деткам какие-нибудь более здоровые увлечения. Четвертых призовут в армию, отправят в Чечню и там похоронят в братской могиле или, если очень повезет, пришлют останки домой в общественном гробу под трехцветным полотнищем, которое до 11 декабря было нашим флагом, а потом пошло на солдатские спецназовские портянки, чтобы не простудить ноги, моя в холодном Тереке сапоги... Все дороги, что открываются нам под благостной сенью власти, которая не смогла прикрыть трехцветным фиговым листком свой коммунистический код ДНК, ведут либо к потере коня, либо к потере жизни, либо к потере чести, но прежде всего — к потере головы. Естественно, вместе с мозгами. Прослышав про дефицит мозгов на святой Руси, господин Асахара решил построить в Московии Шамбалу. С миру по кирпичику — россиянину КПЗ. Спасибо заморским проходимцам, от Маркса до Асахары. У нас уже строили Котлованы, Чевенгуры, города Солнца, Дубровлагы. Совок долго не выдерживает вне коллектива: он должен из товарищеских соображений отрезать себе нос, обрить голову, раздавать просад, нарядиться зимой в легкую оранжевую тогу.

Знаменитая буддистская нирвана пришлась бы по вкусу Илье Ильичу Обломову. Только Обломов лежал на диване, а йог лежит на гвоздях. Согласно национальным традициям. Нам, при нашем варварстве, в непролазной грязи разбитых дорог, в мебелированных танками и украшенных колючкой городах и весях, только еще не хватало сесть в позу лотоса

и начать спасать то, что почти все церковники на свете подразумевают под душой: комплексы рабского послушания, равнодушия, пассивности, невежества.

Для того, чтобы верить в Бога как в высшую светлую силу, как в Сверхразум, как в друга и покровителя, не нужна Церковь, не нужны обряды, не нужны посты. Не нужно вообще ломаться. Протестанты не ломаются, как православные и католики. Коллективная молитва так же непристойна, как групповой секс. С Богом остаются наедине. И не следует думать, что он в следующий раз придет в хитоне и будет говорить притчами. Он придет в джинсах или в приличных модных брюках и будет цитировать Кафку, Мерля и Шекли. Бог растет вместе с человечеством. Это Церковь остается на младенческом уровне заплесневевших обрядов и доисторических свитков. Это религия старомодна и ископаема, как мумия. Бог современен; более того, он устремлен в будущее. Пусть не обижаются на меня буддисты: русская православная Церковь не кажется столь экстравагантной и пижонской, однако она примитивна и груба, как печной горшок, и искать в ней спасения столь же остроумно, как и пытаться обрести его в рядах спецназа.

Близится Пасха, и Борис Ельцин, вдохновляясь примером евангельского разбойника, наверняка украсит своей персоной какой-нибудь парадный храм. Хотя почти 50 тысяч погибших чеченцев и русских солдат, не считая уничтоженных в подвалах Грозного русских стариков, женщин и детей, — это не масштабы рядового разбойника. Это масштабы российского президента. Именно в разбое Россия обрела свое имперское величие.

Вера в России сегодня — это крещение Грачева. Гитлеровские палачи хоть крещены были в детстве, хоть не пытались устраивать богослужения в Освенциме. Какого Бога обрел в Грузии Грачев? Уж, верно, не Христа. Тот не был Богом палачей. Может быть, Бога, описанного в мифе Галича?

И шел я дорогою праха,
Мне в платье впивался репей,
И бог, сотворенный из страха,
Шептал мне: — Иди и убей!

Единственная вера, которую я сегодня исповедую, это протестантизм бросивших вызов испанской диктатуре фландрских гезов с Тилем Уленшпигелем во главе и ислам чеченцев Джохара Дудаева, не сдающихся перед лицом мерзейшей мощи моей страны. Бог для них — однополчанин, полководец и капеллан в одном лице. Зеленое знамя Аллаха и короля Матиуша... Знамя Януша Корчака и Джохара Дудаева. Первый повел на неизбежную смерть своих детей из приюта. Второй ведет к героической смерти свой народ. Другой дороги мы им не оставили.

Пахнет морем, теплым и соленым,
Вечным морем и людской тщетой,
И горит на знамени зеленом
Клевер, клевер, клевер золотой!

Возьмите под козырек, группенфюрер Грачев! Эсэсовцы в гетто когда-то взяли... зеленое знамя. «Потому что дети любят лес, а лес зеленый». Дети и чеченцы любят лес. Скоро лето, и в зеленом Шервудском лесу начнут стрелять в людей Гая Гисборна и шерифа Ноттингемского чеченские Робин Гуды. Их религия прекрасна. Это вера шейха Мансура и Шамиля. Аллах акбар! — это на сегодня действительно святые слова. Они оплачены чистой кровью обреченного народа.

А что до нас, совков, то регистрация «Аум Синрикё» аннулирована. Правильно, надо запрещать тоталитарные секты. Но давайте уж заодно запретим и тоталитарные идеологии. Коммунисты истребили 60 миллионов человек без всякого зарина. А фашистов запретили еще в Нюрнберге. Есть все основания аннулировать регистрацию ЛДПР и КПРФ. Посмотрите на этих оглашенных с портретами Ленина и Сталина, послушайте молодчиков, горланящих «Хайль!». На них нет оранжевых тог; но их гуру — Гитлер, Ленин, Дзержинский, Сталин и Маркс — не лучше Асахары. И, наконец, наши шарлатанские власти, вытягивающие денежки из МВФ и налогоплательщиков на мифические реформы, а сами втихаря строящие коммунизм... Чем они лучше Асахары и Мавроди?

Положительно, всю Россию следует запретить.

ТРИ ИСТОЧНИКА ИЛИ ТРИ СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ ФАШИЗМА

«Молодая Сибирь», №16 (75), 20 апреля

Хотя фашизм «в мире, в стране и во мне» отнюдь не умер, а пребывает в добром здравии, иногда скрываясь в черную тень у наших ног, но чаще обретая отдельное фантазмагорическое существование демона безводной пустыни, демона-убийцы, произведем вскрытие — отчего нам суждено погибнуть.

Фашизм совпадает с коммунизмом даже по количеству источников. Кстати, у всех уважающих себя змеев горынычей и драконов было по три головы. Значит ли это, что фашизм и марксизм легендарны и древние сказители предвидели их появление? Так непременно порешили бы пифагорейцы, большие охотники до мистики чисел. А мы мистикой сыты по горло — фашизм всегда купается в мистике, в тумане, в мареве, в наваждении. Свастики, серпы и молоты, парады, линейки, красные галстуки, пионерские костры, гитлерюгенд, октябрята, мистерии в Нюрнберге и на Красной площади, «Полет валькирий» и «Чапаев». Мистикой, как цветным плащом, фашизм скрывает от самого себя и от зрителей свои источники, свои убогие потроха. Первая и самая главная составляющая — этатизм, государственность. Государство, взгромоздившееся во главу угла и бросающееся оттуда на человека, чтобы задавить его своей каменной мертвой тяжестью. Все фашисты — государственники, все отдают приоритет интересам своего молоха перед интересами человеческой личности. От «государственности» до фашизма — один шаг. Берегитесь, политики, — объявляя себя «государственниками», вы примеряете на себя черный эсэсовский мундир. Бывает ситуация выбора — человек или государство. Ельцин выбрал кусок географической карты вместо чеченцев. Живые теплые люди превращены в холодный пепел ради мифических интересов мифического пространства. Конкретные трупы из-за этого зарывают в конкретных развалинах — вот до чего доводит любовь к геометрии. Фашисты обожают геополитику — они не различают, где живая, а где мертвая субстанция. Они — этатисты, они выполняют умозрительные задания, как ЭВМ. В сущности, фашисты — роботы. Этатизм — это

программа, заложенная в компьютер. Компьютер не остановится, даже если жизнь прекратится на Земле. Фашисты — тоже. Ельцину давно пора было остановиться в Чечне, но он прет вперед — неживая, немыслящая материя, обвал, лавина, серое безмозглое вещество.

Вторая составляющая — экспансионизм. Если этатизм, или общинное бытие, коммунитарное сознание, коллективный подход у нас в генах (от родовой общины, «верви», дожившей до XI века, а далее трансформировавшейся в общину, из которой Столыпин никак не мог выгнать крестьян, и в колхозы, гниющие заживо в наши дни, потому что крепостные крестьяне, живущие в них с тридцатых годов, воли уже не хотят, а хотят доброго барина), то экспансионизм — это нам наследство от Орды. С VII века начинается экспансия Руси — от лености, от безразличия, от нежелания и неумения вести интенсивное хозяйство. Проще всего заниматься подсечным земледелием, опустошать земли, а потом идти и поднимать целину. Как кочевники, как саранча, «мы наш, мы новый мир построим» — это оттуда, из тьмы веков. От неумения изменить к лучшему, обустроить, сделать уютным старый мир. Англичане, переселяясь в Америку, оставляли в тылу ухоженную, чистенькую индустриальную Англию. А мы в конце XX века оглядываемся на Россию и видим, что похожа она на цепь стоянок доисторического человека — голые стены пещер, кое-где наскальная живопись, куча костей, каменные топоры. Конечно, проще было бежать на Дон, к Стеньке Разину, чем добывать вольность дома.

И, наконец, третья составляющая — нацизм, проповедь национальной исключительности. До XIV века, пока Русь не оккупировала Орда, никакого чванства за русичами не водилось. Мы еще не успели отстать от Европы, у нас еще были шансы, а там, где есть шансы, нет нацизма. Сегодня сытые и богатые немцы не помышляют о завоевании жизненного «пространства». Нацизм — это всегда бред голодных и рабов. Мы вспомнили про «великую Русь, сплоченную навеки в Союз нерушимый республик голодных», и про третий путь, и про русскую специфику, когда остались вне Европы, под монголами, нищими лобирушками, которыми мы являемся и теперь, подбирая доллары МВФ. Нацизм понятие широкое — от бытового антисемитизма до газовых камер. Все три составляющих были у ликурговской Спарты,

пока ее не завоевали римляне; у Рима, пока он не был завоеван варварами; у Великолепной Порты, пока ей не дали по носу и она не стала просто Турцией. Кто бы нас завоевал...

Нация, больная фашизмом, является бациллоносителем. Россию надо поместить в карантин. Наши легионы печатают шаг, наши штурмовики, заняв село Самашки, повесили 30 чеченских детей, а подростков 14-15 лет привязывали к танкам и волокли, до смерти разрывая на куски о препятствия. Хороший чеченец — мертвый чеченец. Так считает спецназ.

Ну что же, два Рима пали, третий заваливается, четвертого, хочется верить, не будет. Однако вернемся к нашим баранам и накроем свой праздничный стол. 9 мая фашистская Россия отметит 50-летие Победы над фашистской Германией.

ПРИВЕТ, НЕМЫТАЯ РОССИЯ!

«Столица», №17, 23 апреля

Кто сказал, что наши власти не имеют обратной связи и не способны реагировать на общественные протесты? Да отрежут лгуну его гнусный язык! Четыре месяца я мечу бисер перед родным правительством, пытаюсь оторвать его от испепеленной Чечни и заставить обратиться к алтарям со слезами раскаяния.

Нет, евангелисты были не правы, когда писали: «Не давайте святыни президентам и не бросайте жемчуга вашего министрам...» Мой скорбный труд не пропал, из искры возгорелось уголовное дело. Просвещенные прокураторы из Генеральной прокуратуры сошлись в январе под святое российское знамя в кабинете Алексея Ильюшенко и стали думать и гадать, как бы им наказать безбожных журналистов, не уважающих ни отеческие установки «Град», ни отеческие огнеметы, ни родного министра обороны, ни его хунту, ни отеческие танки, за целостность гусениц которых власти не жалеют живота (не своего — народного). Для подобных случаев полагается цикута, но в демократических Афинах был один только Сократ, а в демократической Москве полно журналистов, демократов, либералов, интеллигентов и вообще людей без рода и без племени. На урожай

цикуты виды плохие: фермеры ее не сеют, а у колхозников она ушла под снег.

Поэтому прокураторы под научным руководством Алексея Ильюшенко решили первый раз в жизни заглянуть в Уголовный кодекс и с изумлением обнаружили, что статьи «Антивоенная пропаганда» там нет, а доброе имя, честь и достоинство президента зависят исключительно от его собственных действий, потому что закон о защите всего этого добра Уголовным кодексом в демократическую весеннюю пору не приняли, а теперь, в сильный мороз, уже не примешь, поскольку хулителей и очернителей развелось столько, что посадочных мест на всех не хватит, если, конечно, не вернуться к эксплуатации Колымы, Соловков и Потьмы.

Пришлось прокураторам вспомнить главный принцип Вышинского и железного наркома Ежова: был бы человек, а дело найдется. Перечитав полное собрание моих статей, любознательные прокураторы набрали на несколько эссе более чем годичной давности, посвященных бессмертному гоголевскому сюжету: «Повесть о том, как Борис Николаевич поссорился с Русланом Имрановичем». В результате этой ссоры в Москве два дня подряд не было скучно, и, хотя на Красной площади не наблюдалось лужи и в ней не лежала огромная свинья, все-таки свинство в Москве получилось нешуточное.

Вообще, если углубиться в советскую историю, то похожие случаи в ней уже бывали. В июне 1941 года и в сентябре—октябре 1993 года некие исторические персонажи обращались к народу. «Братья и сестры!» — говорили они. Братьев и сестер, спасших Сталина, потом сгноили на Колыме; пришедших на зов Руцкого и Хасбулатова закопали, дабы они удобрили собой предвыборные программы спикера и вице-президента. Спасателей Бориса Ельцина убирают скорее сталинскими, нежели хасбулатовскими методами. Сразу видно, что у нас строят правовое государство. Диму Холодова и Влада Листьева — маршрутом Михоэлса и дипломата Раскольниковова (долго ли умеючи попасть в аварию или выпасть из поезда); Ви́ла Мирзаянова — в «Матросскую Тишину», Льва Вайнберга — в Лефортово, Егора Гайдара и Сергея Юшенкова — к административной ответственности, Новодворскую — и вовсе к уголовной.

Неудивительно, что в моей послеоктябрьской статье была усмотрена пропаганда войны, то есть самозащиты.

Коммунистическая гидра, которую в сентябре 1993 года собирался сокрушить президент, с тех пор успела влезть в Министерство юстиции и облизывается на остальные министерства. Самозащита от красно-коричневых нынче сплошная крамола и ересь. Кто-то им явно подстилает соломку. Ведь самозащита ведет не только к войне, но и к возможной победе демократов.

Если бы в 1937 году общество вздумало защищаться, то любимая президентом Лубянка могла бы остаться с носом. Словом, законопослушный гражданин веревку и мыло должен принести с собой.

Повертев так и сяк статью о разжигании межнациональной розни, Генпрокуратура додумалась до того, что критика собственного правительства, собственного президента и собственного амикошонства и есть разжигание межнациональной розни между совками и россиянами. Николай I тоже так думал, но у него не было 74-й статьи, чтобы судить Чаадаева за разжигание межнациональной розни между Пушкиным и Пушиным. А Александр I не имел 71-й статьи, чтобы посадить Дениса Давыдова за пропаганду Отечественной войны против французских захватчиков. А у нас всё есть. Мы в правовом государстве живем.

Хорошо, что Некрасов и Салтыков-Щедрин вовремя умерли, а то господин Ильюшенко и их бы привлек. За русофобию. Баркашов и К° давно предлагали за это сажать. Приятно видеть, что их изобретения внедряются в жизнь. Хотя я бы предложила другой тест. Ежели ты говоришь: «Прощай, немытая Россия» — значит, ты безродный космополит. А если восклицаешь: «Привет, немытая Россия!», — то значит, ты патриот. А я-то как раз и говорю: «Приветик!»

Я же не пытаюсь укрыться за хребтом Кавказа! Это бесполезно. От наших голубых мундиров и загулявших пашей нигде не укроешься. Даже в Лондоне посланцы очередного генерала Калугина найдут и ткнут в тебя отравленным зонтиком.

Узнав про эту уголовщину с 71-й и 74-й, демократы, журналисты и интеллигенты подняли страшный крик. Вспомнили Окуджаву: «Пока безумный наш султан сулит дорогу нам к острогу, возьмемся за руки, друзья... etc.». Так что уголовный полуфабрикат пока у господина Ильюшенко в морозильнике. Фастфуд на случай переизбрания Бориса Николаевича на второй срок...

**КОНСТАНТИН ВОРОВОЙ.
РЫЦАРЬ, ЛИШЕННЫЙ НАСЛЕДСТВА**

«Столица», №18, 30 апреля

В начале было не Дело и не Слово — в начале было Знамя. Огромное, стометровое, шелковое, шелестящее, трехцветное, оно струилось, как бесконечная лента, над колонной брокеров, которые тогда еще верили в светлые капиталистические идеалы. Оно было такое чистое, такое новое, такое незапятнанное, оно не висело еще нигде, на нем еще не было крови Звиада Гамсахурдиа, десятков тысяч таджиков, десятков тысяч чеченцев, грузин и абхазов. Это сегодня, после того как оно въехало в пылающий Грозный на танках Грачева, после того, как в него высморкался Ельцин, оберегая от молвы свой царственный нос, после того, как его насильно повесили, словно посадили на кол, над чужим президентским дворцом и на нем отпечатались все кованые сапоги и гусеницы кремлевского крестового похода на «неверных» Империи чеченцев, им остается разве что ноги вытирать. А тогда оно звучало гордо, и его пронесли через весь центр Москвы, сквозь «скрежет танков и отблеск штыков», и под ним к Белому дому, тоже еще чистому и сверкающему, как замок Камелот, среди оруженосцев-брокеров прошел этот человек, тогда еще банкир и биржевик, как казалось многим, и танки уступили дорогу, и, войдя в политику под этим знаменем, он остался в ней, ибо воспринял ее как некий обет, как вечные поиски чаши святого Грааля, как погоню за ускользающим горизонтом. И если вы спросите меня, а где же он был раньше и почему вовремя не оказался в лагерях, я могу сослаться лишь на правила Круглого стола: когда новенького посвящали в рыцари, у него не спрашивали, почему он не был посвящен раньше. Посвящение состоялось в Августе, а потом были, как положено, подвиги.

Он не успел закупить оружие для демократов, которые должны были сразить им ГКЧП: помешала победа. Однако одно только вслух выраженное намерение противопоставить казенным танкам свои автоматы и еще кое-что, по мелочам, было справедливо сочтено бунтом и крамолой; советское рабство, как любое другое, стояло на двух китах:

запрет на право защищать себя с оружием в руках против вооруженного беспредела, в том числе и государственного, и запрет зарабатывать деньги помимо государства и иметь их столько, чтобы смотреть на партийного или президентского чиновника без подобострастия. Политические права личности являются производными от этих двух исконных прав. Довольно быстро понял это и сам герой нашего романа, Константин Боровой. Поэтому он сначала создал РТСБ, свою знаменитую Товарно-Сырьевую, оваянную революционной романтикой биржу. В 1990 году. А потом уже — ПЭС, Партию экономической свободы. Чтобы доказывать вышеупомянутый постулат. Когда уже выяснилось, что честный и независимый бизнес Ельцину и его визирям не нужен. Интересно, что должен создавать дальше этот стахановец идейного капитализма, Константин Натанович, теперь, когда он точно знает, что честная политика властям тоже не нужна? И он создает демократическую оппозицию режиму. Прямо по знаменитой поэме Уткина.

Ну что же, прикажете плакать?

Нет так нет!

И он ставил заплату

И на брюки, и на жилет.

Латать, шкуковать и перелицовывать жалкую российскую действительность — это ремесло портного, а не дизайнера, не конструктора. Боровой хотел быть архитектором нормального человеческого мира, он этому учился во всех своих университетах до 34-х лет, изучая математику, вычислительную технику, экономику. Он умеет работать на станке, выполнять по 8 норм и зарабатывать извозом в такси. Он знает, как это делать честно, ибо принципиально за все время своего предпринимательского ученичества не заработал нечестно ни одного рубля, ни одного доллара. Он честно защищал диссертацию, не пытаясь угодничать перед Ученым советом, не выполняя ритуала брачного танца перед псевдоучеными руководителями, не повторяя бессмыслицу насчет того, что «директивные документы» КПСС лежат в основе его открытий и результатов, а ведь без этой формулы защититься было почти невозможно.

Защитился. С черными шарами, как это и положено еретику. Но советская наука ему уже осточертела к тому времени, и дожидаться сигнала институтского светофора не было мочи. Поэтому сжечь его не успели. Он торопился к другому костру, в бизнес.

Тогда, в 1991 году, когда наш Буонапарте Борис Николаевич еще только усаживался верхом на демократию и поудобнее подбирал поводья, Константин Боровой оказался в первый раз на Лубянке. В разгар, так сказать, демократической революции. Всё из-за того же обещанного демократам оружия. Тогда его отпустили и дела не завели, за неимением искомого оружия. ГКЧП не дождался обещанного вооруженного сопротивления и сбежал в Форос. Это был первый звонок. Но Боровой не исправился. В доме у него на стене висит огромная медвежья шкура. Возмущенным «зеленым», как отечественным, так и привозным, он объясняет, что это шкура коммунизма. (Эту шкуру неубитого коммунизма другие, менее бескорыстные, чем Константин Натанович, демократы, давно уже успели поделить.) На шкуре висят кинжалы в серебряных ножнах («Свободы тайный страж, карающий кинжал...»). А еще ниже пристроилась заветная американская винтовка М-16, на которую имеется даже законное разрешение. Винтовка эта висит отнюдь не для декорума. Если у Борового на стенке что-нибудь висит, то при необходимости оно будет пушено в дело. Этот интеллектуал хорошо стреляет, и я не завидую тем фашистам, коммунистам и гэбистам, которые придут его арестовывать.

Вообще в Константине Боровом странным образом переплелись: рафинированный интеллигент, рыцарь печального образа Демократии, ученый, мальчишка, сбежавший с уроков.

Наши демократы, даже самые отборные, что из «Выбора», что из «Яблока», что из «ДемРоссии», имеют свой участок шахматной доски, не более того. Патентованные демократы, честные, уважаемые, взрослые, знающие, что можно просить, а что нельзя. Они ходят в пределах возможного, и их маневр ограничен. Одни ходят, как пешки, другие — как конь или тура. Один только Боровой ходит, как королева, — куда захочет. Так, как не принято ходить.

Вот он на площади Дзержинского в августе 1991 года. Заказывает и оплачивает краны, чтобы снять «идолище поганое», Железного Феликса, которого грудью пытается защитить Станкевич. Боровой уже тогда знал, что это может стать единственным вещественным доказательством того, что Август был.

Вот он отбивает предпринимателя Тенякова у советского инквизиторского следствия.

Вот он снова отбивает — но уже Льва Вайнберга. Пытается помочь демократической таджикской оппозиции, брошенной Ельциным под российские танки и ножи мясников из коммунистического «Народного фронта» уголовника Сангака Сафарова.

Заявляет, что реформы не идут, что свободную экономику душат.

Третьего октября идет к Моссовету, а потом говорит с экрана ТВ Ельцину, которого мы тогда считали человеком: «Возьмите нашу жизнь».

Собирает данные о пытках в следственных изоляторах Мордовии.

Спасает предпринимателей, которых сажают где могут и за что могут, лишь бы их не было.

Приходит на «утренник» на Старой площади в последнюю годовщину Августа, берет слово и говорит только одно: «Не надо ходить на такие встречи, не надо общаться с этой властью». И уходит.

Садится писать и пишет так, что, если бы он захотел этим деньги зарабатывать, мы, профи, остались бы без работы.

А вот он стоит один перед беснующейся толпой погромщиков из РНЕ и называет близкого соратника и сподвижника Баркашова господина Федорова (во время последних довыборов в Думу) фашистом и преступником. А с потолка спускается плакат с лозунгом: «Фашизм не пройдет» (К.Боровой).

Бургундия, Нормандия,
Шампань или Прованс,
Куда бы ни увлек вас верный конь,
При вас ваш меч старинный
И песенка при вас:
— Где подлость, там схватка,
Два слова — и перчатка,
Пока еще жива Гасконь.

Самая короткая программа Константина Борового. Квинтэссенция. Конспект.

И, конечно, это даром ему не прошло.

Его предают РТСБ, его любимое детище. Брокеры хотят хорошо жить, думать только о себе, не поверять старомодной честностью каждую сделку, не ссориться с властями. После того как Боровой отказывается собирать подписи по биржам, получив доказательства, что честно их набрать за отведенное время может только очень большой блок типа «Выбора России», а аграрии и коммунисты собирали свою долю по продразверстке, его предают любимая ученица — Ирина Хакамада. Что же, она теперь в Думе. Там тепло, там «Яблоки». Нежная леди Ровена поступила не по Вальтеру Скотту: ушла к рыцарю Империи и Войны, храмовнику Бриану де Буагильберу, в миру Борису Федорову.

Боровой обозвал власти, включая сюда и христианнейшего президента, военными преступниками. Напомнил о веревке и о Нюрнбергском процессе. Обещал в крайнем случае, если чеченцы сами не справятся, взять автомат и воевать на стороне Джохара Дудаева или послать туда отряды добровольцев (но похоже, что чеченцы прекрасно справляются без нас и что им вся армия Империи в охотку и ни почем). Иные пугливые демократы отмежевываются от него прямо на митингах.

Он никогда не скажет деревянные слова: «...на основе целостности Российской Федерации».

А ведь его предупреждали, к чему ведет такой максимализм. Гранату в заднее стекло, автоматную очередь — в ветровое. Немного переусердствовали с предупреждением. Как и с «точечным бомбометанием», накрывающим квартал. Он успел выскочить из горящей машины до взрыва бензобака. Сгорела любимая шапка из енота. Он назло судьбе купил себе еще одну, из того же животного.

Он продолжает ходить без охраны. И в его доме нет ни вахтера, ни кода. Он ничем не защищен. Он об этом не думает. Он просто не любит драконов. Если бы мы жили в Лиссе, Зурбагане или Гель-Гью, его давно бы сделали сенатором. Фрэзи Грант за него точно бы проголосовала.

А здесь, у нас, «на холоде», он может сказать, как Франсуа Вийон: «Из рая я уйду, в аду побуду. Отчаянье мне веру придает. Я всеми признан, изгнан отовсюду».

Он избег обычной участи русского интеллигента: он книжник, но не фарисей.

Он избег участи нувориша: не нажил богатства, особняка, мебели из карельской березы, драгоценностей «из дворца», виллы на Лазурном берегу. Живет, как скромный европейский ученый. И в доме у него очень мало вещей и очень много книг.

Недавно в Европе, загребая против течения, он просил не давать России кредитов, пока она не прекратит войну в Чечне, повторяя академика Сахарова, который просил из-за Афганистана не давать нам ни зерна пшеницы.

У него только два недостатка. Он идеалист и верит, что через сорок (или 400) лет в России будет замечательная жизнь, как верили чеховские герои. Я-то, грешным делом, думаю, что скорее в России через четыре года (или 4 месяца) будет пыточное следствие. По Солженицыну, а не по Чехову.

Он идеалист и верит, что можно кого-то в чем-то убедить. Поэтому он ходит на все сборища, презентации, конференции и учит собравшихся добру. То есть бывает, что он захаживает на советы нечестивых, стоит на пути грешников и присаживается в собраниях развратителей. В пустыню нынче никто слушать не пойдет, даже Мессию.

Улыбка Борового раздражает многих. Он всегда улыбается. А когда он выходит из комнаты, его улыбка, подобно улыбке Чеширского кота, долго висит в воздухе.

Мудрецы, ученые и поэты — вообще загадочный народ из Ринашименто. Человеческий Дух родом из Возрождения, когда бы ни родился его носитель. Каждому Ученому можно сказать то, что говорит Аннунциата из «Тени» Шварца: «Вы ведь все равно что маленький ребенок. Вы вот не любите супа, а без супа что за обед! Вы отдаете белье в стирку без записи. И с таким же добродушным, веселым лицом пойдете вы прямо на смерть».

Айвенго вернули наследство по ходатайству доброго короля. У нас нет доброго короля, у нас есть злой президент. Поэтому не о наследстве речь.

Не хотите хорошего депутата, мэра, президента — не надо. Не выбирайте. Ваше дело. Не хотите слушать — не слушайте. Ступайте себе мимо. Не хотите жить честно — живите, как вздумается. Предавайте, отрекайтесь, мимикрируйте.

Я прошу только об одном: не кидайте следующую гранату. Надеюсь, это вас не затруднит.

НИЩИЙ, ВОР

«Очевидец»*, № 54, 6 июля

Помните, вся страна засматривалась штатским телесериалом «Богач, бедняк» и его продолжением и, соответственно, зачитывалась американским оригиналом (в переводе, конечно) Ирвина Шоу? В медовый месяц перестройки, когда еще бойко выходили толстые журналы и все на них подписывались... Когда еще мы не докатились до латиноамериканских мыльных опер, до «Топазов», «Кассандр», «Просто Марий», до всей этой пищи клинических совков и исторически обусловленных идиотов. Ну, между богачом и бедняком особой зависимости вывести не удалось. Помнится, бедная семья булочника из романа о справедливом капиталистическом обществе выходит в люди. Каждому по способностям. Старший сын, интеллигент, делается политиком, средний бросает пить и становится владельцем прогулочной яхты, а младшая сестричка, оставив секс, который приносит успех только секс-бомбам и порнозвездам, но отнюдь не рядовым участникам забега, проявляет большие способности в кинематографе (кажется, операторские). А жена старшего сына из богатой семьи. Но она пьет и допивается до скандала, муж ее бросает, родительских прав ее лишают. Всё правильно. Надо быть в форме. Надо быть умным, воспитанным, четким, дееспособным, талантливым, трезвым. Иначе сойдешь с дистанции прямо в мусор... Спорт, спорт, спорт. Богач может стать бедняком. Если он идиот. Бедняк может стать богачом. Если он — одаренный человек. Это законы того, лучшего мира, где нас ждет награда за страдания в российской юдоли слез. А закон РФ, то есть Совдепии, скорее прочитывается по продолжению романа Ирвина Шоу «Нищий, вор». СССР был сознательно задуман и осуществлен как «Опера нищих» — и духом, и имуществом. Поэтому воровство в той или иной форме было единственной дорогой к достатку и комфорту.

Колхозники крали у колхозов. Колхозы крали средства у всего общества, ибо ничего не производили. Партократы крали власть и меняли ее на спецпаек и госдачу с тремя цветными телевизорами на каждом этаже. Орсократия

* Приложение к газете «КоМоК», г.Красноярск.

в торговле крапа и хапала дефицитный продукт и распределяла его по благу. Теневики крали сырье и пытались производить нужный для народа товар. Кто не мог ничего украсть — жил плохо. Если мы посмотрим на нашего надежупрезидента сквозь призму этой ситуации, тогда, может быть, мы поймем эту загадочную славянскую душу, эту глубокую, как омут, русскую натуру, в которой мы утонули сами и утопили наши надежды на лучшее капиталистическое будущее.

Когда звезда российской демократии металась по залу в Галифаксе, сильно напоминая Бармалея, севшего на ежа, или генерала Топтыгина на воеводстве, укушенного пчелиным роем, а Билл Клинтон в ужасе подбирал ноги под стул и норовил забраться в угол, чтобы не получить случайно по уху от зарвавшегося «друга Бориса», я поняла, что эту форму жизни надо срочно препарировать. Потому что мы у этой крайне опасной и зловредной формы жизни под названием «Борис Николаевич Ельцин» целиком и полностью в руках. Пока мы еще стоим в очереди на живодерню, пока до нас еще получают свое занимавшие с ночи и третьего дня, пока заходят первые и вторые пятерки (Буденновск, Нефтегорск) и организованно, стройными рядами становятся под обух мясника, а потом сами с себя сдирают шкуру и сами себя потрошат, как федеральные войска в Чечне, займемся родным президентом и перемоем его косточки. Благо в очереди все равно делать нечего, реформы давно потекли вспять, фермеры вянут и пропадают, из съедобной продукции производятся только батоны нарезные, «Мишка на Севере» и танки Т-80, а из ширпотреба сапоги кирзовые и камуфляж. Так что скоротаем время за анализом.

Обратимся к «Запискам охотника», то есть к президентским мемуарам. А вспоминает Ельцин, что родился он в бедной семье (или его клеветы в своих «Исповедях сына правительства» вспоминают). Семья была бедная потому, что коммунисты всё у нее отобрали и даже кое-кого репрессировали. Маленький Боря сделал верный вывод, насидевшись в детстве голодным: в этой стране кто не коммунист, тот не ест. Однако отрок явно был не из революционеров: идеи лучшего, более справедливого устройства мира, когда есть может каждый, кто на еду заработает, не отягощали его неискушенный ум. Воображение отрока Бориса сильно отличалось от воображения отрока Варфоломея: ни добродетель, ни святость, ни самопожертвование, ни разумное, ни доброе, ни вечное его не интересовали. Его пленяло

самовластье... Он был рожден нищим, и с ранних лет решил украсть власть. Власть надо было добыть горбом, глоткой, акульими зубами, акульими правилами игры. Он был хватом, этот отрок. Он остался им и теперь. Я хочу доказать, что мы имеем дело не с деградировавшими руинами демократического вождя (прилично сохранившиеся руины можно было бы задрапировать, реставрировать и использовать в нашей собственной игре), а с классным шулером, сдающим под ключ циклопирамиду автократии. И одному Богу известно, сколько носилок цемента и кирпичей притащили ему мы, очарованные его косноязычными репликами о борьбе с «коммунистической гидрой», содранными из наших же журналов и газет. Да, играть он умеет. Ум игрока — в его профессионализме. А мы, дилетанты, сели с ним играть, да в его же колоду и при силовых тузах в рукаве, с багажом из Хайека, Мизеса и Канта! Представляете, сколько глоток было порвано, сколько ботинок облизано, сколько передних пройдено на пути к обкомовскому крыльцу? Он служил, как верный Полкан, разносил в пух и прах Ипатьевский дом, в его Свердловске на гибель уходили диссиденты: Сергей Корехов, Владимир Ельцин, Лев Шефер, Валериан Морозов, Владимир Карпуха, Николай Шабуров, Иван Конев. Его личный куропатский ров.

Мы плохо играем в их игры, но у нас хорошая память. Мы целый год, с 20 марта, после первого обещания ликвидировать Советы, по 23 февраля, до позорной амнистии — с его согласия и по его наущению, — собирали камни для его огорода. Теперь настало время разбрасывать эти камни.

Может быть, горбом он и выслужил бы себе Политбюро. Но подули свежие ветры перестройки, и сумасшедшая жажда власти подсказала вчерашнему нищему, что сейчас можно украсть всё. Надо было только попасть в Москву. Понравиться Горби. Горби не разглядел в деревенском свежем и преданном простаке своего могильщика. Мы ведь тоже его принимали за простофилю. А он сообразил, что убрать Горби можно, обойдя его на перестроечной дистанции, на реформатовском забеге. И он срочно полюбил народ, по которому всю жизнь ходил в сапогах, который привык считать быдлом. В запасе у него была нехитрая идея, другую он сам сформулировать не мог: науки и искусства ему никогда не давались, обучить его что-то выговорить было так же мучительно, как научить зайца спички зажигать. Бедный Бурбулис! Бедный Мурашев! Бедный Гайдар!

Идейка Бориса Николаевича заключалась в трамвае, в стоптанных ботинках, в борьбе с шикарной едой в партийных холодильниках, словом, по формулировке Кургиняна: «У нас почти не осталось антрекотов, КПСС всё съела, последние 13 штук находятся в Обкоме». Всё верно, но ведь господин Ельцин ел с ними свою порцию антрекотов, и его не тошнило, пока не стало выгодно бросаться партбилетами, госдачками (которые он обменял на президентскую) и спецбольницами (что-то пока они не закрыты). «Начальство вас объело! Сбросьте начальство, выберите меня!» — это действовало на примитивные умы. Он нажимал нужные клавиши. У него была гармошка, а мы-то пытались на органе играть!

Чтобы победить Горби, нужна была любовь интеллигенции. Ельцин резво идет в ученики к Межрегиональной группе, божится, клянется, сулит реформы и власть. Какой образованный раб-интеллигент не мечтает воспитать Александра Македонского, как Аристотель? Его учат, натаскивают, пропагандируют. Он жуткий трус, он на Пленуме лижет им пятки, молит о прощении, получает свой Госплан — тоже мне, Колыма, — но народ уже вошел в штопор, но интеллигенты сделали свои ставки. Нужно было заручиться поддержкой Запада — и он грубо льстит и опять-таки клянется, ничего из увиденного толком не понимая. Но он ловкач, и его не обойдешь, как Хрущева, которого в США потрясла, главным образом, кукуруза в штате Айова. Он заручается поддержкой угнетенных народов, он ищет популярности в странах Балтии, у украинцев, у грузин. Ему на них наплевать, но ему нужны их голоса, их руки. Тогда ему нужны были храбрые чеченцы и героический генерал Дудаев. Сейчас они получают плату за то, что привели его к власти.

Он гений. Он не знает и не понимает ничего, но он обучен цепкому выживанию в джунглях, он в бутылке ловит не чертей, а вдохновение. Он знает, что народ умилится, а интеллигенты никому не расскажут, они прикормленные, свои. Он хамил уже тогда, но еще не нам. Мы позволяли.

Гениальный рывок Августа, всё поле сжато, уложено в закрома личной славы и власти, КПСС убрана как соперница, не за идеи. Убираются советские дряхлые структуры, первые секретари уходят со сцены, их выпроваживают пинками, как Горби — с его дачи, поколение третьих секретарей, молодых и алчных, вступает на историческую арену. Но это еще не предел. Нужно убрать ВС. Неважно,

красные они или зеленые, но им приходится отдавать часть власти. Их убирают нашими руками. Мы сами слезно просили.

Для нас Белый дом был Смольным, который сожгли, исправив историю. Для него это был шаг к танку как инструменту внутренней политики, к дыму как к его представлению о гласности, к огню — как к результату усилий, как к итогу деятельности. Он добровольно свернул реформы, он расплевался с Западом, он отрекся от капитализма, он повернул в государственный социализм Поднебесной и Ли Пена, Ассирии и Персии, Ксеркса и Кира. А знаете почему? На Западе не было той власти, которой он искал. Та власть была у Иоанна Грозного, а не у Маргарет Тэтчер.

Без отдыха пирует с дружиной удалой
Борис Николаевич Ельцин под матушкой Москвой...
Ковшами золотыми столов блистает ряд,
Разгульные за ними опричники сидят...
«Да здравствуют тиуны, опричники мои!
Вы ж громче бейте в струны, баяны-соловьи»...

Так выглядит краденая власть нищих духом. Он с наслаждением отрекается от Запада, как тьма отрекается от рассвета, он с радостью отрекается от угнетенных Россией народов, он ненавидит в чеченцах, прибалтах и украинцах страшную для него свободу. Он разогнал интеллигентов: за перо и за отвагу, за сонеты и за шпагу, за ум и честь, за хорошие манеры и за знания, за всё, чего нет у него и не будет. Он — король дураков, и только такие подданные ему по душе. Под пыткой он не вырвал бы у нас такую Конституцию, которую мы ему дали добровольно. Он палач нашей Вольности. С палачом поздно и бессмысленно дискутировать. Но на плевков в лицо времени у нас хватит.

КАК АУКНЕТСЯ, ТАК И ОТКЛИКНЕТСЯ

«Очевидец», № 60, 20 июля

Чеченцы упустили редкостную возможность на халяву попасть в христианский рай. Придется им довольствоваться садами Магомета, уповая в дальнейшем исключительно

на Аллаха, снисходительно относящегося к формуле «Око за око, зуб за зуб». В принципе, чеченцы вместе с Джохаром Дудаевым одной ногой уже стояли в нашем раю.

Уничтожаемые всеми смертоносными изобретениями современной цивилизации, с самолетов сверхзвуковой авиации, ракетами, «Градами» и прочими безделушками, изведавшие прелести этноцида и концлагерей, пыток электрошоком, отрубания кистей рук, не находящие на родном Кавказе ни одного метра, где можно было бы спокойно преклонить голову, они вели себя хорошо. Их детей вешали и сжигали заживо в Самашках, бросали на глазах матерей под БТРы; их жен, беременных на шестом месяце, насиловали федеральные россияне и убивали, забив между ног кол; их мирное население должно было бежать из родной Чечни или умереть от руки карателей; их забыли российские политики, сделавшие свою порцию заявлений протеста и успокоившиеся, как «Демвыбор России», на отказе добиваться импичмента Ельцина и на сотрудничестве с «партией власти»; их предал Запад, не побрезговавший явиться в Москву 9 мая и не прогнавший президента России взашей из Галифакса. При этом чеченцы лечили российских раненых вояк, отдавали их матерям, писали заявления в ООН и участвовали в «круглых столах». Они воевали в белых перчатках по всем правилам мушкетерских поединков с гвардейцами кардинала.

Правозащитники получали насморк на зимних антивоенных митингах, а затем престижные международные премии и звания за защиту прав тех, кого в это время сжигали, бомбили, закапывали в братские могилы. Этакое разделение труда наметилось. Международное разделение труда. Российские и иноземные демократы и гуманисты защищали права чеченского народа; чеченский народ погибал, тотально уничтожаемый, как евреи и цыгане при Гитлере; российский парламент издавал нечленораздельные междометия; Конституционный суд РФ требовал правильно оформлять документы и месяца три принимал к рассмотрению вопрос о том, конституционно или неконституционно убивать уцелевшие от сталинских депортаций остатки чеченцев за их желание воспользоваться международными конвенциями, дающими право на самоопределение. При этом российские летчики вахтовым методом за суточные и сверхурочные бомбили чеченские мирные села, российские контрактники пьянствовали, грабили и убивали; российские

матери получали похоронки, а российские сыновья исправно ходили в военкоматы (по крайней мере я не слышала, чтобы армия на 100% разбежалась и весенний призыв не остался без свежей порции пушечного мяса). Российские же власти заверяли всех, что в Чечне дело близится к полному ее умиротворению («а на кладбище всё спокойненько»), и вешали российские флаги на каждом захваченном курятнике.

И вот эту-то идиллию разрушил Шамиль Басаев. Он, видно, не читал ни Евангелия, ни Толстого, ни Ганди.

Вышеупомянутые источники предписывали ему молиться за Грачева, благословлять русский народ и не противиться злу насилием. Кстати, белорусские партизаны тоже, видно, Толстого не читали. Они должны были молиться за эсэсовцев, сжигавших их села. Но даже у доброго и благородного Алеся Адамовича и у гуманиста Василя Быкова я что-то не заметила в их военных произведениях подобных настроений. Егор Тимурович Гайдар заявил с телеэкрана (и это охотно пустили в эфир), что никакие зверства российской армии в Чечне не оправдывают захват заложников в Буденновске. Очевидно, никакие зверства японской военщины в этом случае не оправдывают президента и министра обороны США, сбросивших на Хиросиму и Нагасаки в 1945 году атомные бомбы. Ведь там сгорели заживо, испарились, превратились в пепел или долго и страшно умирали от лучевой болезни в основном мирные жители, женщины и дети. А вот президент Клинтон недавно отказался извиняться перед японцами. Видно, Америка — не христианская страна. Да и за бомбежки Гамбурга, Берлина, Кельна в 1944—1945 годах ни англичане, ни американцы тоже прощения у немцев не просили. А ведь там гибли мирные немцы. С детьми. С женщинами. Мирные немцы, которые мирно проголосовали за Гитлера, мирно сосуществовали с крематориями и газовыми камерами, мирно позволили уничтожить евреев, оккупировать Францию, Данию, Австрию, Польшу, напасть на Англию, бомбить Лондон... Мирные немецкие дети, члены гитлерюгенда... Мирные немецкие женщины, члены женских нацистских организаций, помогавшие «органам», доносившие на нарушавших расовые законы соседок, вступающих в связь с неполноценными поляками, провожавшие мужей и сыновей на фронты Третьего рейха, посылавшие им посылки, пользовавшиеся

льготными билетами в театр от «Силы через радость», ездившие на экскурсии. Мирные японцы, терпевшие императора, которых те же мирные жены и дети провожали в армию. Чтобы с бою взять Приморье, Перл-Харбор. По-моему, мирные жители зря приbedняются. Это они во всем мире поют: «Броня крепка и танки наши быстры» — по-русски ли, по-немецки ли... Они бросают в воздух чепчики, когда по улицам гарцуют уланы, гусары, кирасиры, эсэсовцы, омовцы, вермахт или войска ВДВ. Это они готовы голосовать то ли за Лебеда, то ли за Руцкого, то ли за Адольфа Гитлера. За генерала. Желательно с усами. Это они слагают гимны:

Боже, царя храни! Сильный, державный,
Царствуй на славу, на славу нам,
Царствуй на страх врагам,
Царь православный!

Православного царя можно при желании заменить лютеранским кайзером или красным генералиссимусом (президентом), но сила и державность останутся в качестве приоритетов. Когда мирные жители удобряют свои огороды пеплом жертв своих кайзеров, фюреров и президентов — в Освенциме или в Чечне, — можно не сомневаться, что рано или поздно их ждут то ли Буденновск, то ли Хиротима, то ли советская зона оккупации и Берлинская стена. Мирные жители любят трофеи. Сначала они бегают по улицам с лозунгами «Расстрелять как бешеных псов!», а потом, когда война проиграна, они начинают митинговать. Заговор с целью устранения Гитлера возник почему-то не в 1940-м и не в 1941 году, когда всё было на мази, а уже в 1944-м, когда Германия ехала с ярмарки. Мирные жители Буденновска тоже довольно поздно стали выступать с мегафонами. Им бы начать 11 декабря, глядишь, их бы беда и миновала.

Некоторые террористы типа «красных бригад» и адептов Асахары действительно бесятся с жиру. Их терроризм — блажь. Требования народников нельзя было удовлетворить нигде, кроме царствия небесного. Но то, что сделал Шамиль Басаев, — не терроризм. Чеченцам так мало было нужно. Жить на своей земле. Без Старшего Брата. Иметь свою маленькую республику, Конституцию, десяток посольств.

Всё остальное — границы, экономику, энергетику, армию, валюту — они соглашались иметь сообща. В складчину с Россией. Конфедерация, по сути дела. Политический суверенитет, чтобы больше никто никогда не депортировал народ в Сибирь. Безопасность. Свой коттеджик рядом с российским высотным домом. Не дать такую малость — это было окаянство. Фашизм. Державность. Поэтому акция Шамиля Басаева — это просто грабли. Наступили. Получили по лбу. Это было неизбежно. И вольно же было Егору Тимуровичу утверждать, что тот факт, что мы наступили на грабли столько раз подряд, не оправдывает поведение, которое позволили себе грабли, треснувшие нас по лбу. Несмотря на заслуженный авторитет Егора Тимуровича, грабли, если на них наступать, вряд ли проникнутся его доводами. Да и Сергей Ковалев сгоряча заявил, еще до того, как он понял, что Шамиль Басаев — Робин Гуд, что грабли предприняли жестокую и подлую акцию, которая вредит миротворческому процессу. Здесь он неправ. Грабли как раз помогли. Сначала — шишка на лбу, потом переговоры в Грозном. Можно, конечно, собрать Конгресс демократических сил и осудить грабли за нарушение Женевских конвенций. Можно осудить и закон всемирного тяготения. А то как плюнешь вверх, так на тебя же и попадет. Только лучше лоб побережь и не требовать выселения такого национального меньшинства грабли с территории РФ, а просто на них не наступать. И еще не мешает возблагодарить небеса, что мадьяры не захватили у нас город за 1956 год, за Будапешт, а афганцы — за то, что мы с ними сделали. Не считая таджиков, абхазов, грузин, азербайджанцев, чехов, прибалтов.

Не все грабли сработали!

Я лично ни портрет Шамиля Басаева, ни карточку Джохара Дудаева со стены снимать не собираюсь. Пусть украшают и дальше мой кабинет. Грабли в данном случае — рука Провидения. А можно ли обижаться на Провидение? Если Всевышний нас карает за наши грехи, это не значит, что надо иконы снимать.

А россиянам я советую самим о себе позаботиться. Особенно москвичам. Вдруг переговоры сорвутся? Ведь власти обеспечили население только войсками ВДВ. Это чтобы снова брать штурмом больницы, рестораны, прачечные или что там еще диверсанты захватят. От родного

правительства заложники могут ожидать только одного: сначала им свет и воду отключат, а потом «Альфа» всех перестреляет. По-моему, надо приступить к выпуску на общественных началах путеводителей «Памятка террориста», где подробно указывать, где находится Кремль, где искать минобороны, Лубянку и правительственные дачи. Пусть дома, где живут Грачев и Ерин, а также другие члены Совета безопасности, будут отмечены крестиками. А по дороге к ельцинской резиденции пусть будут указатели: «Шамиль! К Ельцину — налево». И чтобы диверсантам не пришлось в голову брать здание Филатовской больницы, укажите, где находится больница Четвертого управления — та самая, где Ельцин удалял себе носовую перегородку.

Советую также вывешивать на домах чеченский флаг, транспаранты «Аллах Акбар» и ходить на наши антивоенные митинги. Мы будем удостоверения выдавать типа аусвайса. Шамиль это учтет. И не бойтесь, что к вам придут из ФСБ. ФСБ потом скажет, что у них в Москве только 40 000 сотрудников, и поэтому они не могли проконтролировать ситуацию. И вообще не волнуйтесь: если чеченцы возьмут Кремль, это точно разрешит кризис власти.

ВЗРОСЛЫЕ ДЕТИ

«Очевидец», (№ неизв.), октябрь

Наш незабвенный Кьеркегор сказал о своем лирическом герое: «Он не может состариться, так как он никогда не был молод; он не может быть молодым, так как он уже стар». И это в полной мере относится к молодежи как Совдепии, так и Российской Федерации, несмотря на «тяжелый металл», синтезаторы, браслеты из металлолома и гребни панков. Когда ко мне пристают молодежные журналы и просят как-то отозваться о молодежной культуре и молодежном бунте в СССР и РФ, мне хочется ответить: «Скажите своим читателям, чтобы они проваливали в свою богадельню и не потеряли по дороге свои вставные челюсти». Эта фикция должна быть опровергнута, как десятки других общественных миражей. «На помощь спешат комсомольцы-орлята, и жизнь возвратится ко мне». Нет, не возвратится к России жизнь за счет этой корпорации. «Неуловимые мстители»

никогда не бунтовали против отцов, по крайней мере в Советской России. Давайте проведем маленькую инспекцию. Сначала исследуем отечественных юниоров, студизусов и неформалов, а там доберемся и до Маркузе, который на роль могильщика очередного общества вместо пролетариата прочил молодежь.

В истории России был один трогательный период, когда яйца и впрямь решили отречься от кур и пойти другим путем. Несмотря на явный идиотизм идеологии народников, которая вся — сплошной сон Веры Павловны, трудно не умилиться их юности, чистоте, самоотречению. Трудно не склонить голову перед этим порывом, тем паче что убивали министров и губернаторов вовсе не юные безусые народники типа Софьи Бардиной, а повзрослевшие и озлобившиеся народовольцы типа Софьи Перовской. Недавно мне пришло в голову, что и те и другие отличались друг от друга прямо-таки онтологически.

Народничество — это безответная и бескорыстная любовь к народу. Обожание. Эти палadini, начертавшие на своих щитах «Свобода. Равенство. Братство», походили на первых христиан, потому что каторга на Каре была не намного приятнее львов из Колизея. Очевидная глупость народничества не исключает его столь же очевидной возвышенной чистоты. А вот «Народная воля» — это уже не любовь к народу, а попытка действовать от его имени. Здесь уже недалеко и до «Народной расправы». «Народная воля» — это народная ненависть, которую образованное сословие в терактах 70—90-х годов сначала имитировало, а потом вызвало на свою голову, заклиная злого духа, который не заставил себя долго просить и материализовался в октябре 1917 года... Но так или иначе, это был исход. Исход молодежи из самодержавия и православия. В направлении «народность»...

Откуда им тогда было знать, что и там клубится тьма, что там осенняя распутица, грязь, бездорожье, мракобесие, рабство. Народники не успели разглядеть, куда они пришли, ослепленные праздником своего золотого Исхода. Народовольцы разглядели. Им пришлось выбирать между холопами и разбойниками. Другие народные типы явно не делали погоду в «русских селеньях», потому что былины, летописи и поэмы Некрасова о крестьянке Дарье не столько

изображали реальную жизнь, сколько отражали голодную ностальгию автора по светлым горизонтам и святым идеалам.

Не найдя общего языка с холопами, народовольцы ушли в разбойники. Мир не знает второго такого Раскола между отцами и детьми. Что там Маркузе со своими балующимися травкой хиппами, весь вызов которых заключался в нечесаности и немывтости! Да, революционные демократы носили пенсне, девицы стриглись, курили; да, были у народников и поддевки, и крылатки, но эта эпатажная форма не могла затмить содержания. Это было смертельно и серьезно. Они уходили вплоть до виселицы; не на скелет КПС, а в тюрьму. Они, по-моему, стреляли в царя не ради практической пользы, а чтобы бросить вызов официальному мифотворчеству, чтобы, как Иешуа Га-Ноцри, «разрушить храм старой веры» и воздвигнуть новый. Они не ходили в церковь, они отказывались от исповеди перед казнью. Родители ломали руки и рыдали. Они ничего не могли понять. Маркузе придумал своих бунтарей. Степняк-Кравчинский писал свое новое Евангелие с натуры. У этого возрастного раскола есть свое Священное Писание: Пятикнижие Чернышевского и Добролюбова, псалмы томиков «Вольной русской поэзии», Апокалипсис «Вех», «Песня песней» Степняка-Кравчинского, книга Иова в исполнении Леонида Андреева, Талмуд Савинкова. Режим, от которого ушла практически вся мыслящая молодежь (кроме шкурников), обречен. Этот Исход повлек за собой большие беды, они ушли не туда, не в ту сторону, но на наш брошенный назад, через столетие, упрек они ответят словами Ирины Ратушинской:

Кто был слишком крылат,
Кто с рождения был неугоден —
Не берись совладать, покупая, казня и грозя!
Нас уже не достать. Мы уходим, уходим, уходим...

Говорят, будто выстрела в спину услышать нельзя.

Поэтому давайте снимем обувь свою. Потому что их могилы — святая земля. Впрочем, если бы одичавшие коммунисты с палками в руках, устраивая вокруг любого несогласного кошачий концерт, не бегали подле могил тех, кто погиб на баррикадах вокруг Белого дома, я давно бы

положила цветы и туда, ибо эти глубоко неприятные мне люди погибли за свои убеждения, чего никогда не сделают те, кто обещал деньги и квартиры танковым экипажам, вместо того чтобы дать оружие демократам, собравшимся у Моссовета. Теперь-то понятно, что нас, пришедших им на помощь, они так же ненавидели, как мятежников, собравшихся у Белого дома. Потому что мы тоже собирались умереть за свои убеждения, а власть, не имеющая убеждений, этого не прощает. Но сегодняшний Раскол возрастным не является. Прозрачный и невесомый от старости Смоктуновский пришел ночью на наши баррикады у Моссовета. Молодые и спортивные студенты РГГУ не пришли. Я специально спрашивала потом на лекции. Поэтому 70-е годы прошлого века не повторяются.

А то, что было потом, — пародия. Тот парень молодой, который за далекой нарвской заставой решил биться за народное счастье, был не оригинален. Он это делал по призыву сначала старших товарищей из РСДРП и лично товарищей Ленина и Троцкого, а потом по призыву старших коллег из ВКП(б) и лично товарища Сталина. Синие ночи взвевались кострами четко по программе КПСС. Так что неуловимые мстители работали от хозяина, от Совнаркома. Неформалами они не были, они были «в законе». Они были наиболее послушным (потому что неграмотным, некритичным и романтичным) отрядом партии большевиков, ее цепными — не псами еще, но шенками. Павлик Морозов был типичным членом гитлерюгенда, и все прочие пионеры и октябрята — тоже. Поэтому когда Виктор Анпилов принимает кого-то в пионеры, его следует карать как за растление несовершеннолетних. Если демократы начнут создавать детские политические организации, то пусть их карают тоже.

Словом, наши хунвэйбины, так же как и китайские, были хорошо натасканы и управляемы.

«И не то чтоб эти детки были вовсе малолетки, — изрубили эти детки очень многих на котлетки».

Дальше наша золотая молодежь устами талантливого Павла Когана выразила стремление дойти до Ганга, дабы Союз нерушимый вырос до размеров земного шара. Очень грустно, что дар Павла Когана не остановил его, и теперь Владимир Жириновский на пути к Индийскому океану может ссылаться на то, что идет по стопам поэта.

В 50-е годы молодежь употребляли в качестве жандармов. Отрезая брюки у стилиг, они, конечно, защищали интересы старших партийных товарищей.

Все шли в ногу: из октябрят — в пионеры, из пионеров — в комсомол, далее — в КПСС. Если брали. Мест не хватало на всех желающих приобщиться к привилегиям. Ну а знаменитое освоение целины — это штрафные роты из молодежи. Погрузили в эшелоны и повезли по этапу. Только что без конвоя. Зато в теплушках. Молодежь была частью советского стада. Иногда ей доверяли честь это стадо погонять. И так мы въехали в 70-е годы уже этого века. У нас студенты не бунтовали у Казанского собора, как товарищи Плеханова с самим будущим ученым во главе. У нас бунтовали рабочие Новочеркаска, а студентов заперли в аудиториях, они там и просидели. У нас студенты сдавали Ленинский зачет и старались пристроиться за кордон или поближе к обкому. Еще в школе юные души зарабатывали себе хорошую комсомольскую характеристику. Неудивительно, что отдушину они нашли себе в безобидном пении под гитару в КСП. КСП делилось на «кусты», и это очень близко к истине. Молодежь умотала в кусты. За туманом и за запахом тайги. Впрочем, в тумане она слегка заблудилась и оказалась не в тайге, а в афганских горах. Что не помешало бардам афганского поколения создать целый цикл афганских баллад «о героях, которым в 20 лет могилы роют». Маршалов и генералов такой фольклор вполне устраивал, и на золотые звезды и надгробные речи они не скупились.

Затем последовал период карнавала, когда одни юнцы назвали себя анархистами, а другие — кадетами; некоторые даже посмели именоваться эсерами. Впрочем, далеко они не ушли. Одни проследовали в депутаты и замолчали, другие разбежались по углам, а большинство поколения, не знавшего ужасов коммунизма, добровольно проследовало в ужасы колониализма и империализма — на чеченскую войну. На площади пошли матери. На площади и в Грозный — маршем мира. Дети пошли в военкоматы и в теплушки. После этого одних похоронили, а другие стали «гансами». Это повыше «дедов». Фашисты, значит (это так объясняют солдаты-срочники).

Поколение заключенных... Сергей Кургинян предлагает восстановить разрушенную связь времен: не всё ли равно,

под каким флагом и в каком государстве резать, вешать, давить танками или копытами Медного всадника: в Польше ли в 1863-м, в Латвии ли в 1940-м, на Кавказе — в 1840-е, в 1940-е, в 1995-м... Так что нынешнее поколение удостоилось одобрения не только отцов, но и прадедов. Почему молодежь так любит оглушать себя тяжелым роком? Потому что этот лязг заглушает ее молчание? Почему они так обожают манежи и арены? Чтобы из тысячи нулей образовывалась видимость единицы? Бедный Маркузе! Единственный класс, который является движущей силой истории — это интеллигенция. А не глупые западные эпигоны самых реакционных красных теорий, с цитатниками Мао вместо Credo. Когда дают слишком много и даром — есть все шансы взбеситься. Как это старо! Panem et circenses! (Хлеба и зрелищ!) Эту молодежь можно помещать в музей. Наша молодежь — ящик винтиков для бесчеловечной государственной машины. Молоды Михаил Молоствов, Сергей Ковалев и Елена Боннэр. Столько лет на ногах, столько лет в строю. Противостояние государству и государю... Безнадега и бессмертие.

ПУСТЬ СВЕТИТ!

(Военно-христианское эссе)

«Очевидец», (№ неизв.)

Если бы Христу пришла в голову нелепая идея посетить Россию в 1995 году, ему пришлось бы встать на трудовую вахту, чтобы раскидать всё то многочисленное лишнее имущество, которое приобрела Московская патриархия с евангельских времен.

Христианская мистерия в Чечне

Разогнать менял в Храме, выпустить их голубей и бросить на землю деньги в неконвертируемых сребрениках — это было бы несложно. А вот если бы Христос увидел членовозы патриарха Алексия и Московской патриархии, посчитал бы их доллары, осмотрел бы обставленные шведской мебелью конторы, где чиновники от Нового Завета

столь же нетерпимы, алчны, невежественны и свирепы, как и фарисеи и книжники от Ветхого, где первосвященники Москвы, продолжая дело Каиафы, распинают уже не одного нонконформиста из Галилеи, а целый чеченский народ, который, между прочим, выступает в роли христианских мучеников...

В качестве диких пантер, львов и тигров на арене деревни Самашки выступили российские войска. Экономия! Не надо тратить валюту на хищников, когда собственные солдаты доведены своими командирами и правителями до состояния диких зверей. В роли императора Нерона, поджегшего Рим, выступил президент Ельцин, приказавший сжечь Грозный, Аргун, Самашки.

Императора Нерона безуспешно воспитывал Сенека, приговоренный своим отстающим учеником к смерти. Президента Ельцина пытались воспитывать «ДемРоссия», Бурбулис, Мурашев и Гайдар. Интересно, прикажет ли Ельцин им покончить жизнь самоубийством, или просто велит Ильюшенко осудить их по 64-й статье, за государственную измену?

Христианская мистерия разыгрывается в Чечне. Среди повешенных, сожженных и обезглавленных в Самашках чеченских девочек наверняка были новые Вера, Надежда, Любовь. А среди тех скорбных черных силуэтов, которые запечатлело НТВ на свежих могилах среди руин казненного села, была и мать их Софья. Христианские мученики умирали за право выбора Бога, то есть за свободу. Чеченцы умирают за право выбора судьбы.

Бог и Родина, Бог и предки, Воля и земля — здесь уже христианство достигает народных берегов, когда сотни прекрасных юношей и девушек шли на каторгу и умирали на эшафоте, бросая вызов регламенту, казарме, царю и Отечеству. Они кощунствовали и богохульствовали, но они были предельно религиозны. Недаром режиссер Пазолини вложил в уста жителям древней Галилеи, свидетелям и участникам правозащитной деятельности Христа и ее финала (когда мерой пресечения была избрана смерть — по просьбам трудящихся), песни революции 1905 года, революции праведников, одержимых идеей мученичества на своих баррикадах, столь же ветхих и хрупких, как наши — у Белого дома в августе 1991 года и у Моссовета — в октябре

1993 года. В конце концов, у древних христиан в такой же степени не было позитивного идеала, как и у первых, еще невинных, социалистов.

Конечно, Ульянов-младший никогда не был невинным, ибо он был рассудочен, холоден, зол и жертвовал не собой, а другими. Но Александр Ульянов, Иван Бабушкин и Николай Бауман — типичные апостолы. Я уверена, что Маркс им представлялся кем-то вроде Иоанна Крестителя: такой же бородатый, легендарный и страстный. И когда Евгений Евтушенко описывает в «Казанском университете» страсти от «Народной воли» и крестный путь Коли Федосеева, там нет ни социологии, ни политики: чистое христианство. Чистый протест. Чистая красота. Ибо нет ничего прекраснее самопожертвования.

Крылья о стены каменные
Бьются, не сдавшись на милость.
Лучше крылатость в камере,
Чем на свободе бескрылость.

И если мы не возлагаем на Христа, святого Павла и мучеников из амфитеатров ответственность за пытки и костры инквизиции, за сервильность Синода, за Варфоломеевскую ночь и тупую державность прихлебателей властей мирских из Русской Православной Церкви, то имеем ли мы право возлагать на народников и народовольцев ответственность за мерзости большевизма? Социализм невозможен на земле так же, как невозможно на ней осуществить идеал Иисуса. И христианство как идеал праведности человечества, его чистоты, доброты и добродетели, и социализм как идеал счастья человечества: без терзаний, без зависти, без голода, без неравенства — навечно останутся в равной степени миражами в «степи мирской, печальной и безбрежной», сияющей и недостижимой Землей обетованной, линией горизонта. Та свобода от гнета Империи, которой пытаются достигнуть чеченцы, может быть, химера, но Бог воздаст каждому по вере его, и мученики чеченской независимости, безусловно, обретут в смерти ту свободу, которую им не дали вкусить при жизни. Умирая с оружием в руках, они умирают, распятые садистами Ельцина и Грачева, пригвожденные к кресту чувством долга и памятью.

Христос остановился в Грозном

Христос пришел напомнить нам, на чем держится мир. А мир держится на свободе, на человечности, на бунте человечности и свободы против жестокости и деспотизма, на казни, которой подвергаются добрые и свободные, на воскресении их в памяти людской, в потомстве, в их добрых делах — и на вечном повторении этого цикла. Джохар Дудаев и Сергей Ковалев, Анатолий Шабад и Лев Пономарев в равной степени апостолы Иисуса. Джохар Дудаев обрек себя на смерть за свободу своего народа. Сергей Ковалев, Лев Пономарев и Анатолий Шабад ищут мученического венца, требуя, чтобы их лишили парламентской неприкосновенности и судили за государственную измену.

Нету сильней агитации,
Нету сильней нелегалщины,
Если на тюрьмы кидаются
Самоубийцами вальдшнепы.

Возрождение христианства не в куличах и крашенных яйцах, не в хороводах и не в парадной службе в церквях, а в обледеневших антивоенных митингах этой зимы, участники которых, солидаризируясь с чеченским народом и проклиная собственную власть, выходили на площадь, чтобы «душу свою положить за други своя». На этих безнадежных и малолюдных площадях кучка праведников отмечала Воскресение Христа из мертвых на русской земле. И если те, кого там не было, в ночь на 23 апреля пришли святить свои куличи и слушать богослужение, то они зря себя утруждали. Ни куличи, ни просвиры, ни яйца не помогут. Тот, кто не выступил против войны в Чечне, разминулся с Богом в этом году. Потому что Христос остановился не в Эболи — Христос в 1995 году остановился в Грозном. В Аргуне. В Самашках. В чеченских ополченцах с зелеными повязками, верующих в Магомета и Аллаха, до последней минуты сжимавших в руках автоматы, втоптаных и вдавленных российскими танковыми гусеницами в родную кавказскую землю, в тысячу раз больше христианства, чем в розовошечном сытом патриархе Алексии и той кучке чопорных аппаратчиков, от Черномырдина до Филатова,

которые в пасхальную ночь влезли аж в алтарь, только бы не стоять вместе с народом, хотя даже цари этим на Пасху не гнушались. И стояли они на красной дорожке, как будто ждали выхода генсека, а не Воскресения Христа.

Праведники-социалисты отошли в область преданий, ибо после опыта 1917 года какая же праведность? Покажите мне социалиста, который отрицал бы с негодованием марксизм-ленинизм. Братание Миттерана с Фиделем Кастро — это окончательное моральное падение идеи социализма, и 27% французов, проголосовавших за социалиста Жоспена на президентских выборах, видно, совершенно аморальны в политическом смысле! Но свято место пусто не бывает. Сегодня место социализма рядом с христианством в России заняло гонимое западничество, заняли антикоммунизм и антифашизм. Либерализм сегодня настолько опасен для жизни, что многие соблазнились. И отреклись до третьего крика петуха. И Билл Клинтон, умыв руки, как Понтий Пилат, едет к Ельцину, дабы послать на Голгофу чеченцев и российских западников. Но сказано в Писании: «Претерпевший же до конца — спасется». Чего бояться нам, верующим в Христа, свободу, капитализм и права человека, даже если коммунисты, фашисты, ельцинисты решат поступить с нами, как когда-то в Иудее их предтечи поступили с Тем, Чье Воскресение мы отмечаем каждую весну? Возможно, в России дело Запада будет прочно, только когда под ним заструится наша кровь. Разве не сказал Он в Гефсиманском саду:

Но книга жизни подошла к странице,
Которая дороже всех святынь.
Сейчас должно написанное сбыться,
Пускай же сбудется оно. Аминь.

Это же можем сказать и мы. Лучше, ей-богу, не скажешь. И везде, где встречаются либералы, затравленные, гонимые, и смело и публично исповедуют капитализм и демократию, собирается Тайная Вечеря. Как на недавно состоявшемся а Москве съезде ПЭС, Партии экономической свободы, где Константин Боровой причащал своих коллег смелейшей экономической программой, где государству не доставалось ничего, всё уходило в частные руки; и дерзновеннейшим политическим докладом, где в выражениях всех четырех Евангелий плюс Книги Пророков

порицалась государственная власть. Это был не глоток, а водопад свободы, и перспектива близкой и возможной смерти никому не портила настроения. Суть христианства, российского западничества и дооктябрьского социализма может быть выражена в народнических стихах. «Отречемся от старого мира»: от черносотенно-монархического, от советского, от языческого. Спрашивают же во время таинства крещения: «Отрекаешься ли ты от Сатаны и ангелов его?» «Мы пойдем к нашим стонущим братьям»: к чеченцам, полякам, прибалтам, крепостным крестьянам, рабам, китайцам, кубинцам. За вашу и нашу свободу! «Вы жертвою пали в борьбе роковой» — до Голгофы не бывает ни Пасхи, ни всенародно отмечаемого Рождества.

«Ниспошлем мы злодеям проклятья». Жандармам, Домициану, Нерону, палачам и всей теплой компании, развязавшей чеченскую войну: Грачеву, Ельцину, Коржакову, Степашину, Баркашову, Жириновскому, Зюганову. Мы христиане, пока не разучились проклинать злодеев. Гайдар и Бурбулис станут апостолами не раньше, чем проклянут Ельцина. А вот Боровой, Старовойтова и Явлинский уже для этого дела годятся. Они злодеев прокляли.

«Москва, низвергнешься до ада!..»

В каждую эпоху какое-нибудь слово должно вести людей за собой. Так было всегда. И всегда это слово было «Свобода». Свобода христиан, свобода социалистов, свобода чеченцев, свобода западников. И Слово это было в начале. «Слово было у Бога, и Слово это было Бог. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков». Пусть светит! Время Иисуса не кончится никогда. Это он говорит сегодня: «И ты, Москва, до неба возвысившаяся, до ада низвергнешься!»

Иисусу было хуже, чем нам: ни выборов, ни «Свободы», ни «Эха Москвы», ни телевидения. Грешно унывать.

Всю зиму мы ниспосылали злодеям проклятья. Мы христиане. В России достигнуто братство мировых религий. В наш праздник мы говорим: «Христос воскрес!» И наши братья-чеченцы отвечают нам: «Аллах акбар!»

КАВКАЗСКИЕ ПЛЕННИКИ

«Новая кавказская газета»*, №2 (6)

Миновали те блаженные времена, когда неизвестно зачем сунувшиеся на Кавказ русские офицеры Жилин и Костылин за дело сидели в колодках где-то в сакле и считались «кавказскими пленниками». Сейчас же всё наоборот. Коренные жители Кавказа: азербайджанцы, грузины, армяне, ингуши, аварцы, черкесы, осетины — стали пленниками российского империализма на своей земле, среди своих гор, облаков и орлов, а чеченцы могут считать себя даже кавказскими смертниками, ибо безжалостные северные варвары не оставят никого из них в живых. В сущности, Кавказ сегодня переживает второе монголо-татарское нашествие; в роли потомков Чингисхана выступают Ельцин, Грачев, Ерин и их полчища. А Чингисхан, захватив в плен семилетнего сына героически сопротивлявшегося монголам Джелаль-Эд-Дина, заявил: «Потомство таких смелых мусульман с корнем вырежет моих внуков. Поэтому сердцем мальчишки накормите мою борзую собаку». Есть ли у Ельцина домашние животные и кого он намерен кормить сердцами чеченских малышей, мы не знаем. Но детские садики и роддома российскими монголами уничтожаются и с воздуха, и с земли, не считая тех детей, которые погибли еще во чреве своих застреленных, разорванных снарядами, засыпанных в подвалах матерей. Чтобы потомство таких смелых чеченцев не отомстило внукам российских эсэсовцев.

А хозяевами на Кавказе сегодня чувствуют себя его завоеватели, колониальная администрация вместе с коллаборационистами из местных предателей — от гэбэшника Шеварднадзе до коммунистов из руководства Дагестана и Кабардино-Балкарии. А ведь им место в тех колодках, где сидели Жилин и Костылин, и разве можно сравнить злодеяния российской военщины в 1994—1995 годах с тем, что позволяли себе самые свирепые ермоловские сатрапы... Однако Ельцин и Грачев еще не сидят в яме, описанной Толстым, и прелестная черкешенка не бросает им туда черешни, да и сажать их в колодки было бы нерентабельно; кому они нужны, кто заплатит за них выкуп? Мне кажется, что военный трибунал наподобие Нюрнбергского и веревка,

* В.И.Новодворская — редактор номера.

уготованная жестким европейским законом военным преступникам, гораздо более подошли бы тем, кто отвечает за развязывание войны с Чечней: Верховному главнокомандующему и его военной хунте. Однако Чечня сражается одна. «Одна из всех — за всех — противу всех». Непонятно, почему не поднимается Дагестан. Лакцы и аварцы — они что, хотят славы Расула Гамзатова, который, предав много лет назад Шамиля во имя «дружбы народов», сегодня предает Джохара Дудаева, не заявляя о своей поддержке идеи независимости Чечни от России?

С тех пор как Кавказ и Закавказье впервые увидели русские шапки, величественная и живописная жизнь по законам предков, чести и доблести для кавказских народов закончилась. И началось рабство. Недаром Звиад Гамсахурдиа хотел увести горцев в Кавказский дом под звездным небом, где не было бы места подлой Империи. Сейчас за этот Кавказский дом сражаются чеченцы. До последнего человека. До последнего патрона. А остальные народы-пленники так и будут в клетке сидеть, как канарейки, и воспевать на языке завоевателей — языке «международного общения» — прелести этой зоны под названием Российская Федерация, изящество наручников и дизайн тюремных стен? Добровольцы из Дагестана, Грузии, Кабардино-Балкарии, Азербайджана не могут искупить холопского молчания народов. Неужели армяне еще не поняли, что это Кремль организовал им Сумгаит? Неужели Азербайджану не ясно, что это советские войска, а не армяне, отняли у них исконные земли?

Если бы не Кремль, не было бы грузино-абхазской войны, грузино-осетинского конфликта, геноцида ингушей.

Как жаль, что Звиад Гамсахурдиа не дожил до этого великолепного реванша Кавказа: вся эсэсовская российская рать, все эти сотни тысяч бешеных кроликов не могут завоевать маленькую героическую страну — республику Ичкерия, хотя и бросают на головы ее женщинам и детям девятитонные вакуумные бомбы. Но из Волгоградской бригады, из 4000 штурмовиков, осталось в живых всего шестеро. Как сказала бы чеченская Жанна д'Арк: «Все русские солдаты уйдут из Чечни, за исключением тех, кто найдет себе здесь могилу».

Сегодня чеченские девушки в горных деревнях напевают на слова великого русского поэта новые песни расставания:

Месяц плывет
Тих и спокоен,
А юноша-воин
На битву идет.
Ружье заряжает джигит,
А дева ему говорит:
«Мой милый, смелее
Вверяйся ты року,
Молися Востоку,
Будь верен Пророку,
Будь славе вернее.
Своим изменивший
Изменой кровавой,
Врага не сразивший,
Погибнет без славы.
Дожди его ран не обмоют,
И звери костей не зароят.

Ты понял, Грачев, на что ты поднял руку? На вечность, на легенды, на народные сказания, на всех героев — от Ильи Муромца до Зигфрида, которых знало Человечество. Вы поняли, соседи чеченцев, что вы должны встать рядом с солдатами Джохара Дудаева, вернувшего наш тривиальный мир к временам античного героизма? Пусть никогда не падет эта Троя, которая называется Чечня, и пусть совершает свой подвиг Джохар Дудаев, ее Гектор. Ведь на стороне русских нет героев, нет Ахилла, а одни только палачи, одни только фашисты. Россия потеряла честь. Пусть же она потеряет Кавказ. Пусть она станет Этной, и из ее недр пусть изольется огненная река ненависти к насильникам, и пусть неонацисты России в ней захлебнутся.

Сегодня Чечня сражается с «фашистской силой темною, с проклятою ордой». Пусть скорее настанет тот час, когда эсэсовцы из Москвы начнут сдаваться в плен целыми дивизиями, как фрицы под Сталинградом, поднимая руки со словами «Ельцин капут».

ПРИЛОЖЕНИЯ

(Из личного архива В. И. Новодворской)

АС №5213

-1-

АС №5213. Валерия Новодворская, быв. п/з. "Доверенность"
(Москва), 12.2.84.*

ДОВЕРЕННОСТЬ

Валерия НОВОДВОРСКАЯ

Поскольку первая написанная мной доверенность оказалась в руках органов Комитета госбезопасности, считаю необходимым написать второй экземпляр.

Прошу ставить мою подпись под любым правозащитным письмом, содержащим протест против злодеяний режима, адресованным как властям предрекшим, так и в международные демократические организации. Прошу подписывать моей фамилией все письма в защиту политзаключенных, все письма протеста по поводу арестов по ст.ст. 70, 72, 190-1 и 64 /в последнем случае, если обвинение касается политической деятельности и нет доказательств шпионской деятельности обвиняемого; в случае обвинений по 70, 72 и 190-1 статьям подписывать вне всяких исключений/.

Охотно подписываю также все петиции и письма протеста, касающиеся отсутствия в нашей стране каких бы то ни было исковых человеческих прав и свобод, если таковые письма будут составлены.

Будучи убежденным сторонником парламентарского, плюралистического режима и столь же убежденным противником чинимых нашим собственным строем зверств, не могу не испытывать негодования при каждом аресте участников демократического движения или просто инакомыслящих, независимо от того, совпадают их убеждения с моими или нет.

Доверенность постоянная и действительная, пока я жива и пока положение России столь плачевно.

Прошу не считать мою подпись индивидуальной. Я выражаю мнение многих русских интеллигентов, гуманистов, наследников ГЕРЦЕНА, РАДИШЕВА и народников, которые просто не могут подписаться лично в условиях полицейского террора, царящего в нашей стране.

Прошу не считать необходимым прятать эту доверенность от посторонних глаз. Я ни от кого не скрываю своей позиции. В Евангелии есть прекрасные слова: "Что слышите в темноте, то повторяйте при свете, что скажут вам на ухо, то проповедуйте на кровлях"¹.

12.02.84 г.

Валерия НОВОДВОРСКАЯ

Ф.И.О. Новодворская Валерия Ивановна Учредительный съезд
 Город Абакан Демократического Союза
 Организация Смичар, Демократия и гуманизм
 Социальное положение И.В.И.И.И.И.И.И. Делегатская карточка
 Возраст 37 лет Ф.И.О. Новодворская Валерия Ивановна
 Политическая платформа либеральности, демократ, сторонники замедления скорости обр. развития Москва 7-9 мая 1988

Делегатская карточка В.И.Новодворской на учредительном съезде ДС

ДС - демонстрации

январь (1) 1990	16	январь - 1	март - 1	май - 2	июль - 2
(18 января - 1)		март (1)	июль - 3	сентябрь - 4	ноябрь - 1
май (2)		12 марта	декабрь - 1	январь - 1	февраль - 1
12-13 мая - без района		(2) июль/апр	июль - 1	ноябрь - 1	январь - 1
Китай, Вологодка, Уинвер - сентя		(1) июль/апр	ноябрь - 1	январь - 1	февраль - 1
2) 1 мая - Красная (без района)		Москва, Краснояр, район, без ареста)	июль - 1	январь - 1	февраль - 1

сентябрь - месяц шествий

1) 18 сентября	2) 16 сентября	3) 17 сентября
шествия Краевед музей, Ивановки, район, арест	свещенные флагов, шествия, шествия, шествия	шествия арест
	4) 24 сентября	
	шествия в здании шествия шествия	

Карточки с записями о проведенных акциях

МИТИНГ - ЖИВАЯ ЦЕПЬ

30 октября - День Политзаключённого
18.00 на пл. Свободной России у Белого Дома

СНОВА НА БАРРИКАДЫ!

Сотраждане!

Демократия, до сих пор не освободившая из тюрем и лагерей политзэков - фикция. Десятки узников совести, осужденных еще при коммунистическом режиме, по сей день находятся в заключении. Нынешние власти не решили ни одной проблемы. Но проблема политзэков решается одним росчерком пера - указом президента России.

Мы призываем всех честных людей, все партии и движения выйти на митинг и встав в живую цепь, выразить свой протест. Мы призываем всех, кто был у Белого Дома в дни путча, снова выйти на баррикады и снова провести на них трое суток. На этот раз - за политзэков и за самих себя. Ибо после победы власти, увлеченные своими личными делами, напрочь забыли о народе. Напомним им о себе. Если покаяние не изменится, если все останется по-старому, то пусть тогда наша акция станет первым звонком, первым ватумом недоверия всем обитателям Белого Дома.

Наши лозунги:

НЕМЕДЛЕННУЮ СВОБОДУ ВСЕМ ПОЛИТЗЭКАМ!

ЭЛИТЕ!

**ЗДАНИЯ БЫВШЕЙ КПСС - ПАРТИЯМ,
ДВИЖЕНИЯМ И ВСЕМ ОТРЯДАМ,
ЗАЩИЩАВШИМ БАРРИКАДЫ!**

**Организаторы
акции:**

**Оргсовет партии ДС
Московский союз анархистов
Анархо-радикальное
объединение молодежи
Движение „Свобода“**

Внимание, господа!

Партия Демократический Союз приглашает
всех желающих ознакомиться с нашей программой
и нашими взглядами. Мы не лезем в учителя,
мы просто беседуем с людьми: история партии ДС,
наши цели и задачи, будущее России, политика
и экономика и многое другое. На наших бесе-
добаниях нет запретных тем.

Мы ждем Вас каждую субботу в 18.00

по адресу:

м. „Речной вокзал“, авт. 188, 233
до ост. „Фестивальная ул.“
ул. Онежская, д. 40, кв. 113

☎ 453 37 76

Листовка ДС

27 (12 н.с.) февраля
приглашаем вас на наше
традиционное
представление
на Триумфальной (пл. Маяковского)
в 3х частях:

- 1 Предполагаемая **КОРОНЦИЯ**
МИХАИЛА III
- 2 февральская
РЕВОЛЮЦИЯ
- 3 Рязгон труппы и
СУДИЛИЩЕ

с участием ДС, неформалов, сотрудников МВД
и КГБ. народа.

КОНТРОЛЬ
СПЕЦНАЗУ

Цена 20 коп.

Приглашение на митинг

ВЫ ПЕРЕСТАНЕТЕ ЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ СОВЕТСКИМ ЧЕЛОВЕКОМ,

ЧИТАЯ

« СВОБОДНОЕ СЛОВО »

В ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЕ МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПАРТИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЮЗ

— ОПЕРАТИВНАЯ ИНФОРМАЦИЯ АГЕНТСТВА «ДС-ИНФОРМ» —

— АНАТОМИЯ ТОТАЛИТАРИЗМА

— САМАЯ РАДИКАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ

— ЛИБСЬМА НАШЕ ЧИТАТЕЛЬ

— СТРАНИЦА — ИРОНИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ —

СЛУЖБА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ГАЗЕТ: ТА. НИЖНЯЯ МАЛОЯКА Д. 5 КВ. 150; ТЕЛ. 213-07-57

ПУСТЬ ВЫ НЕ ОЧЕНЬ БОГАТЫ, — СТОЯТ РУБЛЯ САМИЗДАТЫ!

ГАЗ НЕ ПОГИБАЮ СЛОВО,
ТАМ ДЕЛО ЕСТЬ НЕ ПОГИБАЮ
А.А. ГЕРШЕН

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК
19 СЕНТЯБРЯ 1989 Г.
ВТОРНИК, № 21

СВОБОДНОЕ СЛОВО

ОРГАН ПАРТИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЮЗ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ РЕГИОН

УВЕЛИЧИЛИ НАШЕ:

Министерство Связи Российской Федерации направило Администрации СССР (Москва) 10.000 экземпляров «Свободного Слова» для распространения в СССР. Это количество превышает количество экземпляров, направляемых в СССР в течение последних пяти лет. «Свободное Слово» — единственная газета в СССР, которая имеет право на распространение в СССР. Это количество экземпляров «Свободного Слова» превышает количество экземпляров, направляемых в СССР в течение последних пяти лет. «Свободное Слово» — единственная газета в СССР, которая имеет право на распространение в СССР.

СЛУЖБА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ГАЗЕТ:

ТА. НИЖНЯЯ МАЛОЯКА Д. 5 КВ. 150; ТЕЛ. 213-07-57

СВОБОДУ НЕ ПОДАРЫТ СВОБОДУ НУЖНО ВЗЯТЬ!

19 СЕНТЯБРЯ ПАРТИЕЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЮЗ

19 СЕНТЯБРЯ ПАРТИЕЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЮЗ

панорама новостей

19 СЕНТЯБРЯ ПАРТИЕЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЮЗ

ВСЕСОЮЗНЫЙ МИТИНГ ПАМЯТИ ЖЕРТ ПАКТА МОЛОВОТ - РИББЕНТРОП

ПО СОБОРНОЙ ПЛОЩАДЬ-РЕЖИОН "ГЛАВНОСТЬ"

19 СЕНТЯБРЯ ПАРТИЕЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЮЗ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

15. апреля 19 91 г. народный судья _____ думского
районного народного суда г. Москвы _____
рассмотрел административное дело по ст. 166^{ч II} Кодекса РСФСР об административных правонару-
шениях в отношении гр. _____
Новодворской Валерии Ильиничны

Установил:

14.04.91г. в 19-00 на Советской ш. гр-ка Новодворская В.И.,
принимала активное участие в несанкционированном митинге, держала в
руках плакат "Струм Лужники - долг народа", на требования разойтись
не реагировала

Гр. Новодворскую вину свою признала
изложенные факты подтверждают свидетели _____

При назначении наказания учитываю: материалы дела
и считаю необходимым назначить наказание в виде штрафа

Учитывая изложенное, руководствуясь ст.ст. 261—263 Кодекса РСФСР об административных
правонарушениях: 166^{ч II}

ПОСТАНОВИЛ:

Гр. Новодворскую Валерию Ильиничну
подвергнуть взысканию в виде штрафа в размере 1000 руб. в доход государства.

Вещественные доказательства плакат уничтожить

В силу ст. 266 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях постановление окон-
чательное и обжалованию не подлежит.

Народный судья: Мартынова

Постановление мне объявлено, копия вручена

Постановление суда о взыскании штрафа за плакат
после одного из митингов

21 мая с.г. в тюрьму где заключена лидер Демсоюза В.Новодворская. Заключена за то, что бросила в лицо Горбачеву правду о его правлении и порвала его портрет, заявила о праве народа защищать себя от гостерроризма и голодной смерти.

Общественной редакцией "Трибуна" отправлены телеграммы с подписями 1600 граждан города с протестом и требованиями ее освобождения, распространяется сборник и записи ее выступлений и др. акции.

НЕ ПОЗВОЛИМ ВЛАСТЯМ УГОТОВИТЬ СУДЬБУ САХАРОВА, КУЗНЕЦОВА, КЛИМЧАКА ЕИ, КОТОРАЯ НЕ ЩАДЯ СЕБЯ БОРОЛАСЬ ЗА НАШИ ПРАВА.

Е Е СУДЬБА В НАШИХ РУКАХ!

ПРОСИМ ВАС ПОСТАВИТЬ И ВАШУ ПОДПИСЬ, ОКАЗАТЬ МАТЕРИАЛЬНУЮ ПОДДЕРЖКУ ВЫПУСКУ ЛИСТОВОК.

Редакция "Трибуна"

Листовка в защиту В.И.Новодворской

камп № 265
266

396-30-35 (секретарь)
453-37-76

ДС

ВАЛЕРИЯ НОВОДВОРСКАЯ единственный политический лидер, на данный момент находящийся в тюрьме. Все остальные в мэрии, делают власть Новоявленный „магрос Железняк – Гавриил Попов со товарищи разгоняет бесчисленные и плаксивый депутатский корпус. Советы ликвидируются. На их развалинах заключается проглательный пакт между коммунистами до конца и коммунистами вчерашними (ныне „демороссами“)

Под шумок этих событий КГБ арестовывает и отправляет в спец-тюрьму Лефортово тех кто по настоящему опасен режиму.

С 21 мая находятся в заключении члены партии ДС Владимир Данилов и Валерия Новодворская.

Мы требуем немедленного освобождения наших товарищей; освобождения всех узников совести; ликвидации союзного и российского КГБ.

ЕЛЬЦИНА В ПРЕЗИДЕНТЫ;

ПОПОВА В МЭРЫ;

НОВОДВОРСКУЮ В ЛЕФОРТОВО –

ВОТ ТЕПЕРЬ РОССИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНО ВОЗРОДИТСЯ!

Комитет за освобождение
В. Данилова и В. Новодворской

Листовка ДС

СВОБОДУ НЕ ПОДАРЯТ, СВОБОДУ НУЖНО ВЗЯТЬ

Три дня в августе и предшествовавшие им события достоверно показали, что и демократия^{ис} и начатки демократии в нашей стране не защищены ничем от танков и застенков военных путчей. Та власть которая считала себя законной, не нашла более 200 стволов для защиты самой себя и вверенного ей народа от физического истребления. Демократически настроенная часть народа^{общества} оказалась против танков и спецчастей КГБ с арматурой и бульжниками. В следующий раз такая экипировка приведет к боине, к истреблению безоружных демократов, ибо страна вступила в полосу колодной гражданской войны, которая в любой момент может стать горячей. Не всякая военная хунта будет действовать столь нерешительна. Нужно приготовиться и к тому, что чрезвычайное положение может ввести и нынешняя государственная власть. В нашей стране ничто не защищает ни свободу, ни человеческую жизнь: ни закон, ни право, ни моральный уровень народа, ни гражданское достоинство, и придется еще не раз защищать те ценности, которые мы отстаивали на баррикадах у Белого дома.

Мы призываем демократическую общественность вооружаться и создавать военные формирования в форме отрядов самообороны, независимых от государственных структур. Мы не должны встретить следующий шквал насилия безоружными. Мы не должны позволить себе ^{в то время как} крывать свои газеты, радиостанции, телестудии. Право свободного гражданина должно быть поставлено выше произвола преступного государства.

~~Свободного насилия!~~
М. Демисев
В. Кабанов-Росал
В. Килин

~~Свободного насилия!~~
В. Пиводверенка, черновик 0.1X-01 р

МКС

ДС

Черновик обращения к демократической общественности
после событий августа 1991 года

Форма № 111

П О В Е С Т К А

Соболев

Вы вызываетесь для допроса в качестве свидетеля
в прокуратуру Москва района гор. Москвы
по адресу: _____

в каб. № 46 к следователю Соболеву к «10» час.
(фамилия)

«7» декабря 1990 г. При себе иметь паспорт.

Проезд: _____

Следователь: _____ Тел.: 433-58-06
(подпись)

~~Примечание. На правах исполнения обязанностей следователя традиция освобождает от работы и сохранения заработной платы. В соответствии с законом свидетели обязаны явиться на допрос, в случае неявки свидетеля принудительный привод. На основании ст. 45 УПК РСФСР может быть применен привод.~~

**Повестка в прокуратуру по делу об оскорблении чести
и достоинства президента**

ПРОКУРАТУРА СССР
ПРОКУРАТУРА
г. МОСКВЫ

Москва, 4-я ул. Марьяной Роши,
д. 4-а, кв. 45
Новодворской В.И.

И. 02.92. № 18-51-90

Уведомляю, что уголовное дело №145 в части обвинения Вас в совершении преступления, предусмотренного ч.1,2 ст.1 Закона СССР "О защите чести и достоинства Президента СССР, прекращено на основании п.2 ст.5 УПК РСФСР из-за отсутствия состава преступления.

Одновременно разъясняю, что в соответствии с ч.5 ст.209 УПК РСФСР постановление может быть обжаловано прокурору города Москвы в течении 5 суток с момента уведомления о прекращении дела.

Ст.следователь

С.А.Ф.

Г.А.Лаврова

647-6000-1990

Уведомление о прекращении дела

Дорогая редакция!

За одно хочу сказать Вам огромное спасибо. Настоящая газета, получил огромное удовольствие, читал от корки до корки. А уж Новоцовская меня покорила! Черт побери, неужели есть такие мудрые женщины? Может, это мужчина под псевдонимом? Спасибо, ребята, перзайте и дальше так!

Н.П.Хвостов. г.Череповец.

От редакции: "Хозяин", присутствующий на Дне Рождения Валерии Новоцовской, удостоверяет, что Валерия является особой женского рода, о чем свидетельствует ее тяга к дорогим французским духам, украшениям и прочим женским причудам.

В чем и подписались:

of *Хвостов* *А.И.*
Рад
Королев
Мухоморов
А.И.
Нико

Трагедия со слезами на глазах

Демократический Союз констатирует, что сворачивание демократии в Российской столице началось в день конспирации. Именно 12 декабря 1994г. возникло, по президентский указ о регламентации митингов ограничить право на них, записанные в конспирации. Это 10дневный срок подачи уведомлений ислелогает ислелогичное реагирование на митинге ислелогичные события в нашей стране. Зачастую митинги бывае ислелогично через 10 дней, но даже через 48 часов. 12 декабря московское правительство впервые с 1991г угрожает демократии и ислелогичными в ислелогичные уголовной ответственности за митинги в здании Целин на Пушкинской площади, как бы ислелогичив ислелогичной акции коммунистов, проводившей в дух целей ислелогич демократического митинга. 12 декабря угрозы коммунистического митинга в ислелогичные созывной ислелогичации ислелогичных ислелогичных Москва были намерены проводить на Пушкинскую площадь, где ислелогичными на демократов. Наминистры коммунистической будут ислелогичными

Черновик заявления ДС

превращающийся в функционирование на местах
русские Ельцина и словых Трудов
для изданных и изданных демократичес-
ких движений. Теперь можно, потому
не были зафиксированы организации бардакова
и Аминова. Их не была установлена роль
информации СА при инвентаризации российской
демократии. Последствия большого
изданных человекской свободы для демокра-
тической свободы являются открыто и
необязательно. Следовательно говорится,
что не менее было свободными и без,
чуждыми другие страны.

УК С ДС

ВЛАГОДАРНОСТИ

Издательство «Захаров» признательно тем, кто оказал финансовую поддержку этому изданию:

Александрю Андреевичу Барвинскому
Александрю Антоненко
Александрю Бондареву
Александрю Вялямяэ
Александрю Ермолаеву
Александрю Ковалеву
Александрю Лоскату
Александрю Моисеенко
Александрю Павловичу Ильбицкому
Александрю Павловичу Лычагину
Александрю Погосову
Александрю Резникову
Александрю Святославовичу Ергулевичу
Александрю Устенко
Алексею Боганцеву
Алексею Панюшкину
Алексею Сидорову
Алесю Чайчыцу
Анастасии Гнедовской
Андрею Блинушову
Андрею Григорьеву
Андрею Кудрявцеву
Андрею Лазареву
Андрею Михееву
Андрею Тарасову
Анне Балоян
Антину Калыняку
Артему Ерамову
Артему Коновалову
Б К
Борису Анисимову
Борису Малинину
Вадиму Бекшеневу

Вадиму Калистратову
Валентине Яцко
Виктору Валерьевичу Маркову
Виктору Селиванову
Владимиру Казаманову
Владимиру Львовскому
Владимиру Фрадкину
Вячеславу Абрамову
Галине Сгонник
Георгию Мойсеенко
Герману Берсону
Герману Макаренкову
Глебу Фильштинскому
Григорию Семеновичу Бродскому
Дарье Пивоваровой
Дине Вейгман
Дмитрию Беляеву
Дмитрию В. Крутикову
Дмитрию Владимировичу Коваленко
Дмитрию Карпенко
Дмитрию Николаевичу Скурихину
Дмитрию Халипскому
Евгению Липецкому
Евгению Печникову
Евгению Турчину
Елене Глаголевой
Елене Горшковой
Елене Ильясовой
Елене Мигалиной
Ивану Куликову
Игорю Каляпину
Игорю Кочикову
Игорю Немировскому
Игорю Сурову
Игорю Якобсону
Илье Александрову
Ирине Романовой
Кириллу Семенову
Константину Казакову
Константину Натановичу Боровому
Ксении Норалл
Ларисе Бушковой

Лилии Мороз
Льву Гоберману
Людмиле Дмитриевне Мазур-Пинской
Людмиле Коган
Максиму Пастухову
Максиму Фаронову
Максиму Чайке
Марату Зайнутдинову
Марии Волжинской
Марии Кондаковой
Марии Львовой
Марии Ромейко-Гурко
Михаилу (Vokabre) Щербакову
Михаилу Александровичу Харитонову
Михаилу Малозёмову
Наталье Лебедевой
Никите Романовичу Орлову
Николаю Петровичу Мовчану
Николаю Салатову
Николаю Шакарову
Олегу Васильеву
Олегу Николаевичу Молчанову
Олесе Буцких
Ольге Максимовой
Павлу Белову
Павлу Голушко
Павлу Ярышко
Панфилову А.М.
Проходящему Мимо
Семье Мурановых
Сергею Белову
Сергею Георгиевичу Иванову
Сергею Доброгосту
Сергею Коробейникову
Сергею Назарову
Сергею Сташицу (Карнавскому)
Станиславу Зиновьеву
Станиславу Молчанову
Станиславу Тихоходу
Татьяне Гозной
Татьяне Петровне Ивановой
Тахиру Нарлиеву

Тиграну Айрапетьянцу
Феликсу Тучинскому
Юлии Литвиновой
Юлии Насибуллаевой
Юлию Нисневичу
Юрию Викторовичу Артюхову
Юрию Владимировичу Кострову
Юрию Никитину
Юрию Сусликову
Юрию Шикину
Albert Fried
Alex Marzel
Alex Tsunenko
Jakovs Sluckers
Mad Max
Sebastian Bartel
«Витус Медиа»
ООО «Росвосторг» rosvostorg.com

Имена в списке приводятся согласно пожеланиям
меценатов.

СОДЕРЖАНИЕ

Илья Мильштейн. Устами Леры Новодворской	5
Прощание славянки (Автобиография).....	9
Стихи	332
Письма к другу.....	342
Материалы 1984—1995 годов	367
1984	369
1985	376
1986	412
1987	418
1988	427
1989	458
1990	513
1991	584
1992	673
1993	750
1994	824
1995	883
Приложения.....	940
Благодарности	954

Валерия Ильинична Новодворская
ИЗБРАННОЕ

ТОМ I

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ
СТИХИ
ПИСЬМА К ДРУГУ
МАТЕРИАЛЫ 1984—1995

Редактор-составитель
Виктория Чуткова

Корректор
Вера Ананьева

Верстка
Валерий Кечкин

Оформление обложки
Тимофей Струков

Издатель Ирина Евг. Богат
Свидетельство о регистрации
Серия 77 № 006722212 от 12.10.2004 г.
121069, Москва, Столовый переулок, 4, офис 9
(Рядом с Никитскими Воротами,
отдельный вход в арке)

Тел.: (495) 691-12-17, 697-12-35
Факс: 691-12-17

Наш сайт: www.zakharov.ru
E-mail: info@zakharov.ru

Подписано в печать 09.10.2015. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага писчая. Усл.п.л. 50,4+вкл. 0,84. Тираж 2000 экз.
Заказ № 893.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
Сайт: www.uralprint.ru, e-mail: book@uralprint.ru

Окружность Восточная N2

Демократический Союз России организует войну, которую президент России будет вести Черни, ввиду с российской географией, военной силой которой является установка авторитарной диктатуры в России.

Мы считаем поведение президента предвещением. Введем войну в Черни - это агрессивные черты недовольства. Вспомните мы введем расклевывание Бориса Ельцина и его ближайших окружения, а также руководство военных министров, как военных преступников. Борис Ельцин поборит, поборит Леонид Брежнев, Александрович Чернышевский, Михаил Горбачев, расклевывание Вилкина, и Михаил Горбачев, эти каратели убивают мирное население в Вильнюсе, Бату и Вильнюсе.

Вспомните Борис Ельцин убрал европейские права на власть. Он вводит

то и было социальную базу в мире расно-коричневых. ДС находилась в неспокой, неформальной конфронтации и отношении к президенту и другим высшим властям России за исключением русского географического меньшинства

Мы считаем необходимым переизбрать президента России и проведение немедленных выборов переизбрать всех высших властей.

Что касается Черни, мы настаиваем на ~~необходимости~~ на предоставлении ей независимости и немедленном вводе войск.

Мы считаем все это злостным, злостным применением массовых командных граница недовольства и преступная федеральная власть. Мы призываем правительство стран запада прекратить помощь России и призываем к экономическим и политическим и юридическим и правовым, пока она не изменит свою имперскую политику.

УКС ДС

Публицистическое и литературное наследие Валерии Ильиничны Новодворской непросто уместить в трех томах. Она писала всю жизнь — от руки — обо всем: Пушкине, Чехове, российской истории и французской политике, о моде, театре, музыке — невозможно всего перечислить. Ее интересовали все и всё, она не проходила мимо ни одного мало-мальски значительного события не только в России, но и в мире. Написанное ею исчисляется тысячами страниц; это из того, что сохранилось, а многое она выбрасывала, да и черновики почти не осталось.

Принцип расположения материалов в этом издании — хронологический. Значительная часть текстов, причем не только стихи и письма, ранее не публиковалась.

